Ссылка на материал: https://ficbook.net/readfic/9917569

Легенда о мальчике, что учился дышать

Направленность: Джен
Автор: chuckcloud (https://ficbook.net/authors/3889886)
Фэндом: Ориджиналы
Рейтинг: NC-17
Размер: 892 страницы
Кол-во частей: 137
Статус: завершён
Метки: Преступный мир, Психологические травмы, Даб-кон, Черный юмор, Упоминания самоубийства, Грубый секс, Упоминания наркотиков, Броманс, Открытый финал, Алкоголь, Нежный секс, Ненадежный рассказчик, Депрессия, Антигерои, ПТСР, Сиблинги, Убийства, Становление героя, Биполярное расстройство, Насилие над детьми, Кровь / Травмы, Серая мораль, Тайны / Секреты, Нервный срыв, Великолепный мерзавец, Борьба за отношения, Паранойя, Знаменитости, Всезнающий рассказчик, Разговоры, Крэк, Попытка изнасилования, Трудные отношения с родителями, Нецензурная лексика, Романтика, Ангст, Юмор, Драма, Фантастика, Hurt/Comfort, Самовставка, Стёб, Элементы гета, Сатира, Токсичные родственники, Низкая самооценка, Нездоровый образ жизни, Нереалистичность, Комплексы, Приступы агрессии

Описание:
Вместо лица – маска. Вместо материнской любви – шрам. В сердце, что справа, теплится надежда. Он – маленькая мышка, пытающаяся взбить масло? Или та – вторая, что опустила лапки и утонула? Задохнуться или научиться дышать? Так просто сделать выбор, но так сложно забыть обиды. В этой борьбе с самим собой главное – не растерять все то ценное, что он имеет. Найдется ли путеводная звезда, что выведет его из собственной тьмы? Или ему суждено до конца дней бродить во мраке одиночества?

Публикация на других ресурсах:
Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:
Любезный друг, данная работа является спин-оффом к моей основной трилогии, первая часть которой уже завершена, и с ней ты можешь ознакомиться, пройдя по ссылочке - https://ficbook.net/readfic/8742664.
Но хочу заметить, что этот спин-офф не является прямым продолжением «Байки...», а лишь ответвлением от ее сюжетной линии. Поэтому вне зависимости от того, знаком ли ты с первой работой или нет – можешь начать знакомство с моими работами с «Легенды о мальчике, что учился дышать», при этом не упуская основного смысла и сюжета. А уж потом, мой дорогой дружок, можешь вернуться к началу и познакомиться с истоками. Выбор за тобой! Можешь начать с любой из них, главное – не забудь взять с собой хорошее настроение и приготовься к абсурдному аттракциону!
Кстати, для новеньких читателей, не знакомых с первой частью, хочу уточнить, что в качестве персонажей используются известные личности, но я взял лишь их внешность, характер же придумал сам от и до.
Временная обложка - https://ibb.co/LrPyRnX

Оглавление

Оглавление 2
Пролог 6
Глава 1: Побег 7
Глава 2: Паразит 10
Глава 3: Обремененная 20
Глава 4: Четыре 25
Глава 5: Малыш 30
Глава 6: Одинокие 36
Глава 7: Сигареты 40
Глава 8: Бодалки 44
Глава 9: Мечта 47
Примечание к части 51
Глава 10: Куклы 52
Примечание к части 55
Глава 11: Разоблачение 56
Глава 12: Пленник 59
Глава 13: Клетка 65
Глава 14: Спаситель 70
Глава 15: Сиэтл 74
Глава 16: Отвлекись! 78
Глава 17: Замок 81
Глава 18: Музэй 85
Глава 19: Мышка 93
Глава 20: Мелисса 98
Глава 21: Школа 102
Глава 22: Девять 110
Глава 23: Пляж 114
Глава 24: Вальс 122
Глава 25: Пес 125
Глава 26: Сосед 128
Глава 27: Симулянт 133
Глава 28: Минишар 137
Глава 29: Кунис 140
Глава 30: Урок 144
Глава 31: Признание 150
Глава 32: Пятнадцать 156
Глава 33: Маска 163
Глава 34: Дневник 168
Глава 35: Окси 171
Глава 36: Дилер 177

Глава 37: Скаут 183
Глава 38: Убийца 188
Глава 39: Клуб 196
Глава 40: Виски 202
Глава 41: Похмелье 207
Глава 42: Свобода 215
Глава 43: Собеседование 223
Глава 44: Стажер 226
Глава 45: Макаронник 230
Глава 46: Мудак 233
Глава 47: Пуля 238
Глава 48: Бармен 241
Глава 49: Уволен! 247
Глава 50: Имидж 251
Глава 51: Идея 256
Глава 52: Патрульные 263
Глава 53: Звание 268
Глава 54: Сожитель 276
Глава 55: Экзамен 281
Глава 56: Маньяк 286
Глава 57: Городок 293
Глава 58: Облава 301
Глава 59: Уходящий 308
Примечание к части 315
Глава 60: Прощание 316
Глава 61: Мозгоправ 324
Глава 62: Беги! 332
Глава 63: Встреча 342
Глава 64: Бренность 347
Глава 65: Террористка 352
Глава 66: Сафари 358
Глава 67: Шлюхи 362
Глава 68: Амбиции 367
Глава 69: Заключенный 372
Глава 70: Подстава 377
Глава 71: Тайга 382
Глава 72: Суд 391
Глава 73: Подарок 395
Глава 74: Старт-ап 401
Глава 75: Костюм 406
Глава 76: Безотцовщина 415
Глава 77: Взрослый 421

Глава 78: Наглые 431
Глава 79: Двадцать два 438
Глава 80: Пруд 448
Глава 81: Пышка 456
Глава 82: Пройдоха 473
Глава 83: Точно? 480
Глава 84: Штиль 486
Глава 85: Спектакль 493
Глава 86: Бляди 497
Глава 87: Билли 506
Глава 88: Феникс 511
Примечание к части 530
Глава 89: Розыск 531
Глава 90: Воин 542
Глава 91: Кома 556
Глава 92: Служба 564
Глава 93: Двадцать семь 576
Глава 94: Арлекины 583
Глава 95: Эксперимент 589
Глава 96: Пришествие 597
Примечание к части 602
Глава 97: Области тьмы: Носочки 603
Глава 98: Области тьмы: Подворотня 605
Глава 99: Области тьмы: Допрос 608
Глава 100: Области тьмы: Пересечения 611
Глава 101: Области тьмы: Багаж 614
Глава 102: Пророчества 616
Глава 103: Аляска 624
Глава 104: Вендетта 635
Глава 105: Поезд 639
Глава 106: Племя 643
Глава 107: Джек 649
Глава 108: Дно 661
Глава 109: Ослепленный 667
Глава 110: Двадцать девять 676
Глава 111: Осознание 685
Глава 112: Стук 692
Глава 113: Бандитка 701
Глава 114: Малина 714
Глава 115: Разочарование 726
Глава 116: Психи 732
Глава 117: Приглашение 742

Глава 118: Именины 752
Глава 119: Эми 758
Глава 120: Игра 773
Глава 121: Прием 781
Глава 122: Вороны 791
Глава 123: Кости 798
Глава 124: Сборы 806
Глава 125: Тридцать 814
Глава 126: Близко 828
Глава 127: Косы 846
Глава 128: Доверие 860
Глава 129: Надлом 866
Глава 130: Попутчики 881
Глава 131: Останься 892
Глава 132: Пусто 910
Глава 133: Пьяный 922
Глава 134: Скажи 932
Глава 135: Веришь? 940
Эпилог 946
Примечание к части 946

Пролог

«Мое первое яркое воспоминание из детства – белая кафельная комната, моя мать, лежащая на кушетке, и ее истошные крики. Я стоял у ее ног, боясь даже взглянуть на нее. Хоть она и просила о помощи, я не мог пошевелиться и отводил взгляд, уставившись на свет яркой люминесцентной лампы, которая слепила мне глаза. Я не понимал, сколько прошло времени, казалось, это будет длиться вечно, но тут мне под ноги упало что-то теплое и скользкое. Внутри меня все замерло, мне даже не хватило духа опустить взгляд вниз. Крики матери теперь переключились на меня, она требовала, чтобы я что-то сделал, но меня будто парализовало. Через какое-то время она вскочила с кушетки, подхватила то, что упало у моих ног, и бросилась к столу. Лишь тогда я осмелился взглянуть на место, где она лежала мгновение назад. Ранее белоснежная кушетка была сплошь перепачкана кровью. На ней лежало нечто похожее на кишку и печень. От этой картины у меня в голове закружилось, во рту пересохло, по всему телу выступил холодный пот, и я, не в силах себя контролировать, рухнул на пол. Сквозь полубессознательное состояние я продолжал слышать крики матери, которые сменил какой-то писк, после чего я отрубился.

Зачем я все это пишу? Сегодня ночью я опять видел все это во сне. Это воспоминание преследует и мучает меня уже много лет. Раньше я думал, что это был просто детский кошмар, но теперь у меня все чаще создается ощущение, что это было наяву. Я подумал, что если изложу свои мысли на бумаге, придав им большую отчетливость, то смогу разобраться – сон это был или нет.

Вообще, я решил писать здесь не только из-за этого. По сути своей я очень одинокий человек. У меня нет друзей. Мне не с кем поделиться своими мыслями и внутренними переживаниями. Люди злы ко мне, хотя я могу их отчасти понять, ведь кому может понравиться такой, как я… Конечно, у меня есть отец, которого я очень люблю, но не думаю, что ему стоит знать все, что творится у меня на душе. Я боюсь, что это может причинить ему боль, ведь он так хочет вырастить счастливого сына.

Вот поэтому я и завел тебя, мой дорогой дневник. Буду писать и делиться с тобой самым сокровенным. Ведь ты выслушаешь меня и сохранишь мои тайны?

Кстати, я забыл представиться. Меня зовут Том Харди, мне пятнадцать лет, я живу в Манчестере вместе с моим отцом в нашем фамильном замке. Сегодня я купил тебя на барахолке, думаю - ты сможешь стать моим другом.

Ну, думаю, на сегодня хватит. Пусть эта первая запись положит начало нашей с тобой дружбе. Буду стараться писать как можно чаще.

05 июня 1998 года»

Глава 1: Побег

Август 1983 года. Манчестер. Англия.

Последний день лета в Манчестере выдался на удивление теплым, даже душным. В воздухе отчетливо ощущалась неизбежность грозы, возможно, последней за этот год, после чего наступит осень, окутав город в туманную серость. Но сегодня осенью и не пахло, все вокруг было влажным и липким, в воздухе чувствовался характерный запах озона, и казалось, что вот-вот с неба сплошной стеной обрушится ливень. И, как того и следовало ожидать, к концу дня над Манчестером стали сгущаться грозовые тучи, чья чернота пока разбавлялась коралловыми отблесками закатного солнца. Порывистый ветер гнул ветви деревьев, словно желал разом сорвать с них всю листву, не дожидаясь наступления осени. Со всех сторон мерцали зарницы, освещая низко нависший над городом покров из темных дождевых облаков. Поначалу приглушенные раскаты грома сливались в отдаленный шум, не выделяющийся среди остальных звуков надвигающейся грозы, но со временем становились все громче и отчетливей по мере приближения к Манчестеру, напоминая бой старинных часов, отсчитывающих время до неминуемого наступления бури.

На фамильное поместье Харди, что громоздко расположилось средь небольших однотипных домов на тихой Грин-Энд-роуд, опустилась тень. Старинная каменная кладка фасада потемнела, приобретя грязно-коричневый оттенок, будто успела намокнуть еще до наступления дождя. На большой террасе перед домом скрипели деревянные качели, и казалось, что некто невидимый вздумал покачаться в такую погоду. Гладь декоративного пруда, где ночами можно было наблюдать отражение звездного неба, сейчас была покрыта плотной рябью. Трава на ровно выстриженном газоне ложилась параллельно земле, точно приминалась под гнетущим и давящим ожиданием приближавшегося свирепства природы, напоминая взволнованное море. Небо почти полностью заволокли угрожающе сверкающие тучи, оставался небольшой ясный островок прямо над смотровой башней поместья, оставляющий ложную надежду на то, что лето сегодня не уступит свои полномочия хмурой беспросветной осени. Вдруг все в округе замерло, ветер стих, оставив в покое терзаемые им деревья, траву и водную гладь, молнии прекратили сверкать, будто на небесах отключилось электричество. Над Манчестером повисла звенящая тишина. Казалось, гроза, которая вот-вот должна была сорваться с цепи, гневно грохоча и заливая всю округу дождем своей ярости, передумала и затихла, готовая отступить под натиском чьей-то нежности и теплых слов, усмиривших ее пыл — так может действовать лишь некто любимый и любящий. Создавалось ощущение, точно невидимая сила обхватила надвигающуюся бурю большими руками, приласкав эту обезумевшую бестию в объятиях. Но затишье длилось совсем недолго — стоило чуть ослабить хватку, как гроза, почувствовав свое превосходство, вновь взбунтовалась, заискрилась молниями, закружилась ураганом над поместьем, застелив оставшийся клочок чистого неба чернью облаков. Вся мощь стихии будто собралась воедино, с оглушительным треском и грохотом ударила слепящей молнией в верхушку смотровой башни и пролилась непроглядным и по-осеннему холодным дождем. Во всем поместье отключилось электричество, запасной генератор не сработал, и свет погас разом во всех окнах, за одним из которых вот уже два часа кряду разгорался скандал между мужчиной и женщиной.

— Мэрил, я умоляю тебя — успокойся, возьми себя в руки и послушай меня, — успокаивающим тоном сказал мужчина, присев на колени напротив женщины, забившейся в угол и крепко прижимавшей к груди завернутого в одеяло младенца. — Я понимаю — тебе, как матери, очень тяжело это переживать.

Да — мы столкнулись с трудностями, но все это исправимо. Ты же не раз слышала, что говорят врачи.

— Нет… Врачи ничего не знают… — рыдала женщина, раскачиваясь взад-вперед. — Они ничего не смыслят… Только я могу его спасти…

— Нет, милая, ты не права… — нежно сказал мужчина, положив ладонь на руку жены. — Ты понимаешь, что своими действиями угробишь нашему сыну жизнь? Как ему с этим жить? — он протянул руку и отодвинул уголок одеяла, открыв тем самым взгляду женщины маску на лице ребенка. Она крепилась на голове при помощи кожаных ремней, застегнутых на затылке. Маска напоминала респиратор, половину лица закрывали металлические трубки, сходившиеся вместе в области рта и носа.

— Без нее он вообще не может жить! — отчаянно воскликнула Мэрил, прижав малыша покрепче к себе. — Он не может дышать самостоятельно!

— Он может дышать самостоятельно, и ты это знаешь, — закрыл глаза мужчина, устало покачав головой. — Томас мучается с ней, неужели ты этого не видишь? Из-за этой конструкции мы даже не можем услышать его плач! А как ему с этим научиться говорить? — вновь указал он на маску, скрывающую младенческое лицо.

— Я все предусмотрела, я уже придумала специальный динамик. Встрою его вот сюда, — указала она на область, где сходились трубки. — Я подсоединю его к трубке, которая вставлена в трахею…

— Мэрил, хватит! Это все бред! — перебил ее мужчина, взяв за щеки, заглянув в глаза и пытаясь вновь не перейти на крик. — Послушай меня, пожалуйста, дорогая… У тебя тяжелая послеродовая депрессия, ты накрутила себя, ты не ведаешь, что творишь! И из-за этого страдаешь не только ты, но и вся наша семья. Но не подумай — я не виню тебя. Напротив, я тебя понимаю и помогу тебе из этого выбраться. Да, врачи сказали, что из-за декстрокардии у него есть определенные проблемы со здоровьем, но мы же знаем, что это не настолько страшно, ведь я тоже с этим живу, и, как видишь, вполне себе здоров. И Томас будет обязательно здоров, требуется лишь ждать и следовать предписаниям врачей, и тогда все наладится. Но эта маска — она ему не нужна! Мы должны избавиться от нее. Вместе. Ты согласна со мной? Ты веришь мне?

Мэрил подняла взгляд на мужа и молча уставилась в глаза. Тот смотрел с надеждой, ожидая ответа. Вдруг тишину пронзил звонок стационарного телефона. Мужчина еще несколько секунд ждал хоть каких-нибудь слов от жены, но та продолжала молчать. Тогда он встал и направился к столу, чтобы ответить на звонок.

— Да! — снял он трубку и приложил к уху. — Да, я слушаю… Что?.. Опять?.. Хм, да, я понял… А это не может подождать до утра?.. Ладно, я понял… Скоро буду… — расстроенно сказал он и повесил трубку. — Мэрил, мне надо ехать… — вновь подошел он к женщине, которая нежно покачивала младенца на руках. — Я вернусь утром, а ты должна немного отдохнуть и обдумать мои слова. Завтра мы вместе с тобой должны снять эту чертову маску. Я понимаю — для тебя это сложно, но ты должна пересилить себя, во благо нашего сына… А я поддержу тебя, я буду рядом и помогу с этим справиться… — мужчина с любовью заглянул ей в глаза, погладив по волосам.

— Хорошо, Том… — выдавила Мэрил, нерешительно передав ребенка мужу в руки.

Тот аккуратно взял младенца, прижав к груди, медленно поднялся с пола и направился к раритетной люльке, стоящей в углу их спальни.

— Представляешь, Мэрил… — беззаботно заговорил Том и уложил малыша в кроватку, развернув одеяло, в которое тот был укутан. — Это звонили опять из Министерства… И как думаешь, почему меня вызывают? — усмехнулся он, обернувшись к жене.

Та промолчала, отстранено глядя на капли, стекающие по оконному стеклу.

— Опять «код коричневый»! — засмеялся он, хлопнув себя по бедрам. — Ну, сколько можно! Уже пятый случай за последние полгода!

Мэрил в ответ легонько улыбнулась, переведя взгляд на мужа.

— Слушай, а, может, ты для Королевы лучше что-нибудь изобретешь? Ну, не знаю, какую-нибудь конструкцию, которая бы помогла избежать мне вот таких ночных выездов? Можно что-то придумать? — улыбнувшись, посмотрел он на Мэрил.

— Я подумаю над этим, — пожала та плечами, поднимаясь с пола.

— Слушай, Мэрил, — подошел к женщине Том и, приобняв ее за плечи, повел в сторону кровати. — Ложись и отдохни. Завтра у нас будет важный день.

Мэрил легла, а Том укрыл ее, заботливо подоткнув края одеяла. Затем он нежно убрал с ее лица прядь волос и поцеловал в лоб.

— Хочешь, на обратном пути я заеду в булочную и куплю для тебя твои любимые сырные рогалики? — спросил он у нее.

— Да, — коротко ответила Мэрил, проведя тыльной стороной ладони по щеке мужа.

Спустя пару минут, надев служебные пальто и шляпу, Том вышел из спальни. Мэрил же осталась лежать наедине со своими мыслями.

Уже была глубокая ночь, дождь все продолжал барабанить и барабанить по стеклу, а женщина так и не сомкнула глаз. Вдруг неведомая сила заставила подняться ее с кровати, и Мэрил, будто на автомате, начала одеваться. Затем женщина наспех стала закидывать некоторые из своих вещей в чемодан. После она открыла ящик стола, вытащила оттуда шкатулку с драгоценностями и высыпала их в свою сумочку. Она решительно подошла к старинной люльке, взяла оттуда спящего сына и вновь завернула его в одеяло. Мэрил прижала его к себе и вышла из спальни, не забыв прихватить чемодан и сумочку. Минув лестницу, она оказалась в холле, откуда спустилась в подвал, где находился ее кабинет и лаборатория.

Спустя десять минут, Мэрил уже стояла у входной двери. Она на секунду замерла и обернулась, окинув взглядом дом, который должен был стать для нее родным. Но этому не суждено было случиться… И, преисполненная сожаления и решимости, женщина положила ладонь на дверную ручку и потянула дверь на себя.

Так, под покровом ночи, Мэрил Стрип и покинула семейное поместье Харди.

Она брела по пустынной обочине, пытаясь поймать попутку и промокнув до ниточки. Женщина дрожала от холода, прижимая ребенка к себе, дабы хоть как-то согреть его теплом своего тела. Наконец, удача ей улыбнулась, и рядом с ней остановился синий Лэнд Ровер. Мэрил, совершенно без опаски, быстро прыгнула в машину.

— Не подкинете до аэропорта? — обратилась она к водителю, обтекая холодной дождевой водой.

Глава 2: Паразит

Июнь 1986 года. Нампа, штат Айдахо, США.

— Том, какой же ты неблагодарный мальчишка! — возмущалась Мэрил Стрип, хлопнув входной дверью дома и запирая ее на ключ. — Разве ты не понимаешь, что мама о тебе заботится? И что ты делаешь в ответ? — испытывающе посмотрела она на сына.

— Я нечаянно… Водичка, которую ты мне дала, такая невкусная… — бормотал сквозь маску щупленький мальчишка.

— Водичка? — вспылила женщина, грубо схватила Тома за запястье и потащила в сторону калитки, ведущей на улицу. — Просто водичка! А ничего, что это отвар из биометалла?! Ты же знаешь, как тяжело мне достаются деньги! Как тяжело мне производить этот ценнейший продукт! И все это я делаю ради тебя и твоего здоровья! Неужели ты не мог сдержать свои рвотные позывы?

— Я не смог… Прости меня, мама… — мямлил ребенок.

— Ты же знаешь, что когда мы вернемся с ярмарки, то я все равно заставлю тебя выпить этот отвар вновь! — никак не унималась Мэрил.

— Хорошо, мама, я попробую, — бурчал под нос Том.

— Попробую? Попробую! — продолжала упреки мисс Стрип. — Какой же ты бестолковый ребенок, Том! И в кого ты вообще такой глупый? Хотя, о чем это я?! Ты же наполовину британец! А этот народ всегда отличался своей тупостью, своей надменностью, своей черствостью! В большинстве проблем современного мира виноваты британцы и их глупая старая королева! — плела она научные домыслы, волоча за собой трехлетнего сына, не понимающего ничего из ее речей!

Спустя полчаса Мэрил и Том добрались до ежегодной фермерской ярмарки, расположенной на главной площади Нампы. Мисс Стрип сразу же пошла по рядам в поисках самых свежих и натуральных фруктов и овощей. Женщина доканывала каждого продавца вопросами: откуда их товар, как был выращен и какие удобрения использовали для этого. Мэрил то и дело фыркала и кривила лицом, разоблачая торгашей, уверявших женщину, положа руку на сердце, что в их продукции нет ни одного нитрата или пестицида.

— Мама, а ты купишь мне сливы? — подергал за юбку матушку Том, пока та крутила в руках листочек шпината, прищурив глаз и рассматривая его на наличие токсинов.

— Конечно нет, Томас! — возмутительно уставилась на него мисс Стрип. — Я говорила тысячу раз — сливы отличаются сильным мочегонным эффектом и высокой калорийностью. Да, вывод жидкости полезен, если у тебя ревматизм или подагра. Ты болен подагрой, Том? Или у тебя ревматизм? Нет? Вот тогда даже и не мечтай о сливах, дабы не вызвать в своем и без того слабом организме обезвоживание! Сейчас я подберу для тебя более-менее приемлемый шпинат, брокколи…

— Но я не люблю брокколи! — механически возмутился Том, нахмурив брови.

— Ты перебил меня? — испепелила его взглядом Мэрил.

— Я не хотел… Не хотел… — растерялся мальчик, опустив взгляд и зашаркав ботинком по земле.

— А вот и я! — прервал назревающий скандал продавец, вернувшись за прилавок.— Может, помочь вам с выбором? — обратился он к женщине.

Мэрил раздраженно посмотрела на торгаша, приподняв пышную бровь.

— Ох! Для меня будет большой честью, если такая красавица, как вы, купит у меня что-нибудь, — начал ссать ей в уши продавец. — Между прочим, все мои фрукты и овощи выращены лично мною! Интересный факт — при их

взращивании не было использовано ни одного химиката! Вы посмотрите на это яблоко, — взял он в руки фрукт. — Какой цвет, какой размер! А вкус-то какой! — с хрустом откусил кусочек и наигранно закрыл от удовольствия глаза. — Ммм… Какая вкуснота!

Том громко сглотнул слюну, наблюдая, как продавец смачно пережевывает сочный плод. Но увы и ах! Как бы ни желал сейчас покушать яблочко ребенок — мать бы не позволила этого. Ведь Мэрил никогда не разрешала сыну перекусывать сахаросодержащими продуктами до основного приема пищи.

С минуту Мэрил Стрип оценивающе смотрела на продавца, а затем ее взгляд смягчился, при этом приобретя оттенок нескрываемого интереса.

— Да? — заигрывающе спросила она, улыбнувшись уголком рта. — И откуда это все привезено? — обвела она рукой прилавок.

— Из штата Оклахома, — подмигнул ей продавец. — Меня, кстати, Бенджамин зовут, — протянул он женщине руку, предварительно вытерев о штанину джинсового комбинезона. — Но можно просто — Бен.

— А я Мэрил, — пожала руку женщина.

— Оooy, какое прекрасное имя, — протянул Бен, поцеловав тыльную сторону ее ладони. — А знали ли вы, что на иврите ваше имя звучит, как Мирелe, — наигранно по-еврейски прокартавил он. — Мирелe — непокорная и упрямая, — томно сказал он, взглянув на женщину прекрасными синими глазами, в которых та незамедлительно утонула, словно глупая шлюпка в бездонном океане.

— Нет, не знала, — коротко хихикнула мисс Стрип, прикрыв ладонью рот и покраснев под цвет томатов, у горы которых стоял, ковыряясь пальцем, ее сын. — Томас! Что ты делаешь? — одернула она его за руку.

— Ой, да пускай малец поиграется, — беззаботно отмахнулся Бенджамин. — Детство — это ведь время, когда… О, Боже! Что с ним? — осекся он, приметив непонятную конструкцию на лице Тома.

— Что, никогда не видели ребенка в маске?! — рявкнула Мэрил на торгаша. — У него редкое заболевание легких, и без нее он не может дышать самостоятельно! Кто вы такой, чтобы судить его за это?

— Нет, нет, нет! — затараторил Бен. — Я ни в коем случае не осуждаю никого! Простите, если я обидел вас! Я не хотел показаться грубым невеждой! Давайте, дабы хоть как-то скрасить эту неприятную ситуацию, я покажу вам свой самый лучший товар, который я еще не успел выставить на прилавок. И сделаю для вас очень приятную скидку! Приятную скидку — для сразившей меня своей красотой дамы!

— Ну, давайте, — улыбнулась, подкатив глаза, женщина.

— Тогда пройдемте, — указал Бен ладонью на небольшой фургон, стоящий позади прилавка. — Там в кузове много чего интересного лежит, — вновь подмигнул он.

— Том, подожди меня здесь, — строго указала пальцем на сына Мэрил. — Мама сейчас вернется.

— Давай, не скучай тут, малец, — потрепал по голове ребенка Бенджамин и протянул ему яблоко. — На вот — покушай посиди.

— Никакой фруктозы до обеда, Томас! — уходя, бросила сыну Мэрил.

Том взял в руки фрукт и проводил взглядом мать и продавца, скрывшихся в кузове старого фургона. Затем мальчик уселся на небольшой деревянный ящик и печально уставился на яблоко, которое строго-настрого запретила есть мать. Но через пару минут желание полакомиться все же взяло над ним вверх. Том аккуратно снял маску, положил рядом и, протерев яблоко о футболку, громко откусил кусочек.

Мальчик приступил к трапезе, внимательно осматривая ярмарку. Взгляд остановился на небольшой сцене, где стоял мужчина, лет пятидесяти от роду с клоунским макияжем на лице, и показывал небольшие номера с участием кошек.

Том поуютнее уселся на ящике и с интересом стал наблюдать за представлением.

Клоун демонстрировал невообразимые трюки. Он и подкидывал кошек на несколько метров ввысь, и жонглировал ими, и показывал фокусы с распилом своих четвероногих актрис, и доставал их из клоунской шляпки, и показывал номер с исчезновением, вуалируя их своим фиолетовым пиджаком. Чего только не делал этот артист! А в финале представления мужчина и вовсе вошел в раж — он выстроил из кошек пирамиду, а сам залез на ее верхушку. Когда шоу подошло к концу, мужчина, взяв за задние лапки кошек, подошел к краю сцены и поклонился.

— Это мой деда, — отвлек Тома от просмотра голос со стороны.

Том обернулся и приметил справа от себя сбитого мальчика, сидящего на горе копченых свиных окороков и рулек и жадно поглощающего цельное свиное ушко.

— Ммм? — протянул ему толстяк закуску.

— Нет, — брезгливо сморщился Том, приметив лоснящееся от свиного жира лицо мальчишки.

— Ох, Макс, друга нашел себе? — подошел к ребятам тот самый мужчина-клоун, поглаживая черную кошку, свернувшуюся в клубок на его мягкой укладке. — Как тебя зовут, малыш? И почему ты сидишь тут один? Где твои родители? — обратился он к Тому.

— Меня зовут Том, — представился ребенок, забыв про наставления Мэрил никогда не разговаривать с незнакомцами. — Я пришел с мамой. Она вон там, — обернулся он, указав пальцем на фургон.

Мужчина перевел взгляд на машину, которая ходила ходуном, а изнутри слышались женские вопли и мужские вздохи.

— О, Господи! — возмутился клоун, сразу поняв, что происходит в трясущемся фургоне, и трижды перекрестился, чуть не отхватив инсульт.

— Вы очень смешной, мистер, и кошки у вас такие умные, — сказал Том, решив перевести тему. — А можно мне погладить ее? — указал он пальцем на животное, спящее на голове клоуна.

— Ох, конечно! Конечно можно, малыш, — суетливо заулыбался мужчина, взял в руки кошку и положил на колени мальчика.

— Ой, такая мягонькая, — заулыбался Том, погладив ее по голове. — Никогда раньше не прикасался к животным.

— Мальчик, а сколько тебе лет-то? — прищурено уставился на него мистер клоун. — На вид ровесник моему внуку, — указал он потешным взглядом на толстого ребенка. — А говоришь так хорошо и рассуждаешь… Вон у Макса половину слов и не разберешь…

— Что ты делаешь?! — перебил его ужасающий визг Мэрил Стрип, которая выбежала из фургона, застегивая на ходу блузку.

Уже через мгновение она подлетела к сыну и шлепнула его ладонью по пухлым губам.

— Я же запретила тебе есть это яблоко! — выхватила она из руки Тома огрызок и только теперь опомнилась, что ребенок и вовсе сидит без маски. — Сколько ты уже без нее?! Глупый мальчишка, что ты вытворяешь?! — пуще прежнего завизжала она, грубо схватив протез из биометалла и надев на сына. — Ты же мог умереть! А это что? Кошка?! — приметила она животное, сразу же выхватила из рук ребенка и отшвырнула в сторону. — Томас, о чем ты думал? Ты же мог заразиться токсоплазмозом! И почему ты общаешься с незнакомцами? — перевела она уничтожающий взгляд на мужчину-клоуна. — Все! Ты наказан, Томас Джерри Харди! По возвращению домой тебя ждет угол! И еще я лишаю тебя фруктов на целую неделю! — схватила она сына за запястье и потащила в сторону выхода.

— Какой ужас… — шокировался клоун, достал ладанку матушки Матронушки, висящую на шее, и трижды поцеловал ее.

— Эй, Мэрил, постой! — крикнул Бен, догнав мать и сына уже на выходе с ярмарки. — Уже уходишь? Как же так? А я-то думал, что между нами все серьезно… А я-то думал, что это любовь с первого взгляда… А ты просто ушла, не оставив ни номера телефона, ни домашнего адреса, — печально сказал он, опустив уголки губ и свесив руки по бокам, словно плети. — Эээх… Каков глупец! Так мне и придется всю ярмарку одиноко спать в своем фургончике, где даже и согреть некому холодными ночами… — пизданул он, развернулся и медленно побрел в сторону своего прилавка.

— Ты это серьезно? — изумилась Мэрил, положа руку на грудную клетку.

— Да, — обернулся Бен, навернув на прекрасные синие глаза слезы. — Но, кажется, теперь мое сердце разбито…

— О Боже, Бенджамин! — воскликнула мисс Стрип, будучи наивной дурой. — Все это так мило! Если хочешь, то можешь остаться жить у меня!

— Правда? — улыбнулся хитрый торгаш еврейских кровей. — Это очень здорово, Мэрил! Ну что? Тогда поехали прямо сейчас?

Вот так вот мистер Бенджамин, по фамилии Джилленхол, и вписался в дом Мэрил Стрип, к слову, купленный на награбленное золотишко бывшего мужа.

По приезду домой, Мэрил незамедлительно поставила сына в угол, развернув носом к стене, и строго наказала стоять там до тех пор, пока она не позволит выйти. Сама же Стрип, в сопровождении Джилленхола, направилась наверх — в свою спальню, дабы придаться любовным утехам с новоиспеченным ебарем.

Том простоял в углу несколько часов. Все это время со второго этажа он слышал утробные мужские вздохи, а также невменяемые крики матери. Мальчику было не по себе от этих звуков. Казалось, что Бен обижает мать, а может даже и делает больно. Но сегодня Том и так много раз нарушал наказы Мэрил, поэтому не решался выйти из угла и посмотреть — все ли в порядке с матерью.

Так прошло около двух недель. Бенджамин Джилленхол жил у Мэрил на постоянной основе, отлучаясь лишь днем на ярмарку. Никакой выручки в дом, ясное дело, он не приносил. В свою очередь, Мэрил Стрип, влюбившись в Бена по уши, не придавала этому никакого значения. Хоть у нее самой денег было и не очень много, ведь женщина зарабатывала на жизнь только лишь репетиторством на дому, все это было для нее неважно!

Однажды вечером к Мэрил пришел один из ее подопечных, дабы подтянуть знания по биологии, и они на пару часов удалились в кабинет. Том, знающий, что во время работы мать отвлекать категорически запрещено, молча уселся на диван в гостиной, включил телевизор, шустро отыскал телеканал с мультфильмами, сделал громкость на минимум и приступил к просмотру.

— Эй, дружок, а что это ты смотришь? — зашел в гостиную Бенджамин, плюхнулся рядом на диван и открыл бутылку пива. — Ммм… Мультфильмы… Понятно, — помотал он головой, отхлебнув немного «пенного». — Слушай, а не хочешь посмотреть «Полицию Майами»? Мм? Классный такой сериал, я тебе скажу, как раз сейчас идет…

— Нет, — меланхолично перебил Том. — Я хочу мультики.

— Ох, малыш Томми, — наигранно хлопнул себя по бедрам мистер Джилленхол. — Ну что они могут тебе дать — эти глупые мультфильмы? Да и вообще, что может дать тебе просмотр телевизора в целом? Разве он поможет тебе саморазвиться? Не думаю… Ты бы лучше пошел и… Ну не знаю… Порисовал, там… Занялся чем-то более полезным, в общем! Представляешь, как обрадуется твоя матушка, когда придет, а ты занимаешься чем-то дельным, а не тупо смотришь телевизор! Знаешь, я думаю, она будет очень гордиться тем, что

ее сын такой умный, такой самостоятельный! Так что давай вставай и иди порисуй, — подтолкнул он мальчика в спину.

— Правда? Мамочка будет довольна мной? — механично обрадовался Том, спрыгнув с дивана.

— Да-да-да! Будет очень и очень рада! — торопливо сказал Бен, взяв в руки пульт и ища телеканал со своим любимым сериалом.

— Но я не могу рисовать, — вдруг вспомнил Том. — Бумаги и карандаши у мамы в кабинете. А мне нельзя отвлекать ее.

— Ой, я думаю, мы и тут для тебя что-то найдем! — раздраженно поднялся с дивана Джилленхол и направился по периметру гостиной.

Он начал лазать по полкам стеллажа, дабы найти для назойливого ребенка хоть какие-то канцелярские предметы, но его поиски не увенчались успехом. И тут он приметил кипу бумаг, лежащую на журнальном столике у окна.

— О! Кажется, это нам подойдет! — взял он пару листков и протянул Тому. — А вот тебе, чем рисовать! — достал он из нагрудного кармана джинсового комбинезона огрызок карандаша. — Ну, занимайся давай, малец! — поторопил он мальчика и вновь уселся на диван.

Том разложил бумажки по полу, улегся на живот и стал что-то мулевать. Мальчик совсем не обратил внимания на то, что было написано на листах, любезно поданых ему Бенджамином.

Спустя полтора часа Мэрил проводила ученика и зашла в гостиную.

— Уже отзанимались? — обернулся к ней Бенджамин, мило улыбнувшись. — Слушай, если у тебя на сегодня больше нет никого, то, может, приготовишь мне свою фирменную яблочную шарлотку? Такая она у тебя божественная выходит!

— Конечно приготовлю, Бен, — мило улыбнулась мисс Стрип, смерив его любящим взглядом наивной женщины. — Только вот у нас закончились все яблоки, я же просила тебя привезти с ярмарки. У тебя их там целый фургон…

— Ох, Мэрил! Ты даже представить себе не можешь! Сегодня был такой спрос на яблоки, что я продал их все! — наигранно положил руку на грудную клетку Джилленхол, округлив рот. — Но увы — никакого дохода мне это не принесло, ведь мне пришлось все вкладывать в починку фургона, который, к слову, сегодня не на шутку сломался!

— Хорошо, тогда я сама схожу в магазин, — поверила в брехню Мэрил.

— А может тогда и пива мне купишь, а то мое уже закончилось, — помотал он бутылкой, где «пенного» оставалось только на донышке.

— Конечно куплю, милый, — подошла женщина к Бену и погладила по щеке. — Том, поднимайся, мы с тобой идем прогуляться до магазина, — сменила она тон с нежного на строгий и обернулась к сыну.

— Мама! Смотри — это я для тебя нарисовал! — подскочил с пола мальчик и протянул ей лист бумаги.

Мэрил взяла рисунок и с минуту молча на него смотрела. Том же неотрывно смотрел на мать, ожидая похвалы в свой адрес.

— Что ты наделал, Томас? — наконец завизжала мисс Стрип, затряся бумажкой перед лицом сына. — Ты что, не видел, что это такое?!

Джилленхол убавил громкости на телевизоре и навострил свои уши.

— Глупый, глупый мальчишка! — продолжила визги Мэрил. — Ты что, не посмотрел, на чем рисуешь? Мы же освоили с тобой чтение по слогам! Быстро читай, что тут написано! — ткнула она пальцем на заголовок.

— Ре… ент… Рент… — замямлил Том, сконцентрировавшись на буквах.

— Да за что же мне такое наказание?! — перебила Стрип. — Неужели так сложно прочесть? Здесь написано: «Рентгеновское зрение и значение биометалла в нем»! Теперь понятно, что это за бумажки, которые ты так безобразно измулевал? Это же мои научные труды! Кто разрешал тебе брать их

и заниматься этим вандализмом?!

— Дядя Бен мне их дал, — трясущимся голосом ответил Том.

— Что? Неправда! Дядя Бен ничего не давал! — изумился Джилленхол, подскочив на ноги. — Я просто сидел и смотрел сериал! Я даже и не видел, что делает мальчик!

— Томас, зачем ты лжешь, да еще и вплетаешь в паутину своего вранья взрослого человека? — не на шутку рассвирепела Мэрил, отвесив сыну подзатыльник. — Ты наказан! Немедленно иди в свою комнату и даже маски высунуть не смей, пока не научишься нормально читать!

— Но, мама… Я не лгу… Не лгу… — тихо заговорил Том, навернув на глаза слезы обиды.

— Молчать! — топнула мисс Стрип. — Я сказала — быстро!

Том, побоявшись отхватить пиздюлей, поспешил удалиться к себе.

— Господи! За что мне все это?! — плюхнулась на диван Мэрил и закрыла ладонями лицо. — Этот мальчик неуправляем! Этот мальчик неконтролируем! Что я делаю не так? Я лезу из кожи вон, чтобы нормально воспитать его!

— Ну тише, тише, — приобнял ее за плечи Бенджамин. — Не вижу здесь никакой вины с твоей стороны. Просто твой сын… Кажется, он немного того, — покрутил он у виска. — Странный!

— Что ты хочешь этим сказать? — прищурено посмотрела на него Мэрил, убрав ладони от лица.

— Я имею в виду, что он болезненный какой-то, — стал оправдываться Бен. — Вот, видимо, на фоне всего этого он и умственно не может развиваться нормально… Очень невнимательный и всякое такое, — брехал он, но кажется эти слова не согрели душу Мэрил, поэтому, Джилленхол не придумал ничего лучше, как засосать женщину и завалить ее на диван.

Прошло еще две недели. Бенджамин Джилленхол основательно осел в доме Мэрил Стрип, которая, в свою очередь, была уверена, что все это серьезно и надолго, и что ничего не в силах помешать их искренней любви.

— Бен, завтра же ровно месяц, как мы с тобой вместе! Может, сходим и отметим это куда-нибудь? — завела разговор Мэрил, стоя перед зеркалом в ночной сорочке и расчесывая влажные после душа волосы.

— С Томом? Так себе развлечение… — буркнул под нос Джилленхол. — Да и вообще… Ты разве забыла, милая… — поднялся он с кровати, придав голосу скорби. — Ярмарка подходит к концу, и уже завтра мне придется вернуться в Оклахому…

— Во-первых, насчет Тома. Мы оставим его дома. Зачем нам брать его с собой? Я хочу провести время вдвоем, — отложила Мэрил расческу и повернулась к возлюбленному, обвив его шею руками. — А, во-вторых, зачем тебе уезжать? Ты можешь остаться здесь, — тихо сказала она, заглянув ему в глаза.

— Мэрил… Ты же знаешь, я не могу… — трагически произнес Джилленхол, опустив взгляд. — Я кочую по всем гребанным Штатам, лишь бы заработать на жизнь… Если я не уеду, то мне не на что будет жить… Я вынужден вернуться, чтобы продолжить выращивать эти долбанные яблоки…

— Подожди, Бен… — перебила женщина, приложив палец к его губам. — Все это ведь совсем неважно! Пока мы можем пожить на мои деньги, я возьму еще пару учеников на репетиторство. Этого должно хватить. И потом, ты видел мой задний двор? Ты можешь выращивать свои яблоки и все прочее здесь — в Нампе. Зачем обязательно делать это в Оклахоме?

— Нет! Я так не могу! — помотал головой Джилленхол, убрав от себя руки Мэрил. — Ты слишком добра ко мне… Я и так долго пользовался твоей добротой, живя тут… К тому же у тебя ребенок, который еще и болен! Я, как твой

мужчина, должен нести ответственность за него! Но я и себя прокормить не в силах… Ну не могу я так! Как бы я ни хотел остаться с тобой — не могу… — наигранно траурно сказал он, присев на край кровати и закрыв голову руками, после чего замолчал, не забыв тяжело вздохнуть. — Но… — вновь заговорил Бенджамин, подняв взгляд, полный надежды. — В следующем же году вновь состоится ярмарка, на этот раз раньше — в апреле. И тогда я обязательно вернусь! Я встану на ноги, разберусь со своими проблемами, вложу все силы в свою ферму, чтобы собрать урожай как можно больше, и приехать уже к тебе навсегда… Да, милая, так мы и поступим! Ты будешь ждать меня?

— Нет! Я не отпущу тебя! — воскликнула Мэрил, бросившись на колени перед мужчиной. — Все эти деньги… Это совсем не то, о чем мы должны думать! Ведь главное, что у нас есть — это наша любовь… Не так ли, Бен?

Джилленхол встал с кровати и поднял женщину с пола. Он взял ее за щеки, нежно посмотрел в глаза и страстно поцеловал.

— Это значит, что ты останешься? — спросила Мэрил после поцелуя.

— Да, милая, я останусь, — кивнул Джилленхол и спустил с плеч Стрип сорочку. Та соскользнула вниз, оставив женщину обнаженной. — Оу… — положил он ладони на ее грудь, после чего крепко прижался к Мэрил всем телом.

Через час любовных утех счастливая женщина прильнула к груди Бенджамина, гладя ладонью его по животу.

— Я так рада, Бен… — прошептала она, чмокнув его в плечо.

— Угу, — промычал Джилленхол, включив телевизор и перещелкивая каналы.

— Все у нас с тобой будет хорошо… — продолжала Мэрил, не замечая, что он и вовсе ее не слушает.

— Суперновинка! Отныне вам не придется ждать визита к доктору, чтобы знать наверняка! — заговорил с экрана бодрый рекламный голос. — Теперь все что вам нужно — просто пойти в аптеку и приобрести нашу новейшую разработку — тест-полоски для определения беременности на самых ранних сроках…

— Вот это да! До чего же прогресс дошел! — восхитилась Мэрил.

— Ага… Видал уже такое… — хрипло пробурчал Бен, укладываясь поудобнее.

— Ну надо же! Уже с первого дня задержки! — продолжала восторгаться Стрип. — Ты это слышал, Бен? — легонько толкнула она Джилленхола и подняла на него взгляд. Но тот никак не отреагировал, ведь уже успел уснуть крепким и сладким сном здорового, только что потрахавшегося мужчины.

Мэрил Стрип улыбнулась и погладила его по широкой смуглой груди. Она вытащила из его руки пульт, выключила телевизор, затем светильник на прикроватной тумбочке, после чего повернулась на бок, решив поспать. Но только она закрыла глаза, как в голове мелькнула мысль, приведшая в шок! Мэрил подскочила в кровати, вновь включила свет и, открыв полку тумбочки, начала там что-то искать. Через несколько секунд она достала свой ежедневник. Мэрил раскрыла его и встревоженно уставилась на календарь, напечатанный на форзаце.

— Не может быть… — пробормотала она, отложив в сторону блокнот. Она опустила взгляд на живот и пристально смотрела туда не меньше минуты. — Боже… — прошептала Стрип, прикрыв рот рукой и обернувшись на спящего Бенджамина. — Он же будет рад? Конечно, он будет рад! Он же так любит меня… — рассуждала она, а на глазах наворачивались слезы.

Еще после нескольких минут сомнений и убеждений самой себя она вновь легла в кровать и выключила свет. Ей необходимо было поспать, ведь завтра ждал важный разговор.

С утра Мэрил разбудил шум воды, доносящийся из ванной комнаты. Она открыла глаза и увидела, что Бена рядом нет.

— У старого Джилленхола была ферма, иа-иа-о! И на этой ферме у него была цыпочка, иа-иа-о! — услышала она из душа голос Бенджамина, беззаботно перепевавшего знаменитую песенку Френка Синатры.

Женщина поднялась с кровати и заходила по комнате туда-сюда, не решаясь сообщить важные вести возлюбленному. Вдруг ее осенило. Она пришла к выводу, что такой сюрприз точно обрадует Джилленхола, и поспешила натянуть платье.

— Бен, я в аптеку! Как вернусь, приготовлю завтрак! Кстати, у меня для тебя сюрприз в честь сегодняшней даты! — крикнула она и выбежала из спальни.

— Маленькая цыпочка здесь, маленькая цыпочка там, на самом деле у меня не было цыпочки нигде, у старика Джилленхола была ферма, — продолжал задорные песнопения Бенджамин, проигнорировав Мэрил.

Быстро добежав до аптеки и купив там необходимое, взволнованная мисс Стрип вернулась домой и сразу же юркнула в уборную на первом этаже. Через минуту она выскочила оттуда и, даже не дожидаясь результата и сунув тест-полоску себе в карман, принялась готовить завтрак.

— Доброе утро, мама, — спустился Том, застегивая маску на затылке.

— Ты почистил зубы? — сухо спросила Мэрил, не поднимая взгляда на сына и положив на стол тест с двумя полосками.

— Да, — кивнул мальчик.

— Умыл лицо? Вымыл уши? — продолжала утренний допрос женщина, красиво укладывая в тарелку яичницу с беконом для Джилленхола. Она поставила завтрак для возлюбленного прямо перед положительным тестом и недовольно скрестила руки на груди.

— Да, мама, — сказал Том, усаживаясь за стол.

— Отвар выпил? — бросила она на сына прищуренный взгляд.

Тот растерянно забегал взглядом из стороны в сторону.

— Томас! — вскрикнула Мэрил, бросив вилку на стол. — Сколько раз тебе повторять…

— Доброе утро! — показался на лестнице Бенджамин, задорно подпрыгивая и вычищая из уха попавшую воду. — Что у нас на завтрак?

Мэрил испепелила сына уничтожающим взглядом, а затем умиленно посмотрела на Джилленхола.

— Яичница с беконом, все уже готово, Бен, — сказала она, взяла брошенную вилку и аккуратно положила рядом с тарелкой. — Сейчас я быстро поднимусь, дам лекарство Тому, а потом вернусь и сварю для тебя кофе. Хорошо?

— Без проблем, — отмахнулся Бенджамин, усаживаясь за стол.

— Томас, быстро за мной! — сквозь зубы зарычала Стрип, схватила сына за руку и поволокла к лестнице. — Я не понимаю, почему ты себя так ведешь? Разве ты не понимаешь нормальных слов? Почему я изо дня в день должна повторять одно и тоже? Я пытаюсь вдолбить в твою глупую голову, что тебе так или иначе придется пить этот отвар! Но ты будто меня не слышишь! — гневно тараторила она, таща Тома наверх и попутно снимая с него маску.

— Мама! Я не могу! Меня стошнит! — хныкал мальчик, когда мать пихала ему под нос стакан с отваром биометалла.

— Меня это совершенно не волнует! — не унималась мисс Стрип, зажав сыну нос, чтобы тот открыл рот, и она смогла бы влить жидкость ему силком.

Через несколько минут, с горем пополам, отвар был выпит Томом, и Мэрил, оставив сына в ванной, поспешила вниз.

— Бен, я иду! Ты уже, наверно, увидел мой сюрприз… — радостно щебетала она, бегом спускаясь на первый этаж. — Бен… Бен?

Мэрил остановилась на нижней ступеньке и уставилась на стол. Тарелка с

завтраком Бена была пуста, рядом же небрежно валялся тест с двумя полосками.

— Бен? — дрожащим голосом позвала она, осматривая комнату.

Холодильник был приоткрыт, и Мэрил заметила, что полки в дверке, где хранилось пиво Джилленхола, были опустошены. Стрип перевела взгляд на окно, над которым от сквозняка развивалась штора. Окно было распахнуто. Очевидно, что возлюбленной таким образом и покинул дом.

— Нет… Бен… — простонала Мэрил и плюхнулась на ступеньку. Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Мама? — воскликнул Том, увидев плачущую мать.

— Это ты! Ты во всем виноват! Из-за тебя он ушел! — сквозь слезы заорала она, вскочив, как ошпаренная.

Мальчик испуганно и непонимающе уставился на мать.

— Мама, я ничего не делал… Прости меня… — забормотал он, затряся нижней губой.

— На что я рассчитывала? — продолжала вопли Мэрил, смахнув со стола пустую тарелку. — Кто захочет жить с женщиной, у которой такой ребенок, как ты?! Еще и брать на себя ответственность за него! Даже твой родной отец этого не захотел! Он бросил тебя! А уж тем более молодой амбициозный мужчина не захочет брать на себя этот груз, боясь не потянуть тебя со всеми твоими проблемами и дурным характером, и боясь не оправдать ожидания твоей несчастной матери! Ты — обуза, Томас! Ты — балласт, который тянет меня на дно! Британский ублюдок! Мне никогда не найти своего счастья! И виной тому ты и только ты! Ты никому не нужен, а вместе с тобой и я! — впала она в истерику, сметая все на своем пути.

Том стоял, оцепенев от страха. Он не понимал, в чем причина такого поведения матери, а также в чем, собственно, его вина.

— Мамочка, я завтра обязательно сам выпью отвар… Прости, пожалуйста … — замямлил он, опустив глаза, переполненные слезами.

— Заткнись! Замолчи немедленно! — визжала Мэрил. — Я не хочу даже слышать твой голос! Не хочу видеть тебя! Убирайся немедленно в свою комнату! — подлетела она к сыну, грубо развернула за плечи и толкнула в сторону лестницы.

Том пошатнулся и упал на четвереньки.

— Мама, — прошептал он, обернувшись к невменяемой брошенной женщине. Глаза его были полны неподдельным детским страхом.

— Убирайся! — рявкнула Мэрил, сжав кулаки. Ее взгляд был безумен, лицо покраснело, а на лбу и шее проступили вены.

Мальчик суетливо подскочил и бросился вверх по лестнице. Мисс Стрип же оперлась ладонями на стол и, вцепившись руками в скатерть, завыла словно глупая брошенная собака. Она сползла вниз, стащив за собой и скатерть, и, обхватив колени руками, продолжила горестные и безутешные рыдания.

Том забежал в свою комнату и запрыгнул на кровать, накрывшись одеялом с головой. Он отвернулся к стене и тихо заплакал, рассматривая сквозь пелену слез узор на обоях. Мальчик старался не издавать лишних звуков, всхлипываний и шмыганья, чтобы мать не услышала его и не разозлилась еще сильнее.

Так он пролежал не менее часа, пока не услышал тихий скрип двери. Том побоялся обернуться. Затем он почувствовал, как матрас рядом с ним прогнулся, а на плечо легла чья-то рука.

— Джерри… — тихо заговорила Мэрил, погладив сына.

Мальчик сразу понял, что мать настроена к нему благосклонно, ведь всегда называла его по второму имени, когда была добра. Том осторожно повернулся, откинув одеяло с головы.

— Не бойся, мамочка тебя не бросит… Ведь никому кроме меня ты не нужен, — сказала Мэрил, сочувствующе глядя на сына. — Такой больной… Такой глупый мальчик… Мама будет рядом и позаботиться о тебе, во что бы то ни стало. Такова моя судьба… Это мой крест — и мне его нести, — положила она ладонь сыну на лоб и провела по волосам. — Каким бы ты ни был, я не брошу тебя, — повторила она, поцеловав мальчика в щеку. Том почувствовал, как на лицо капнула слеза и скатилась на подушку.

— Мамочка, прости меня, — не унимался извиняться он, по-прежнему думая, что что-то натворил.

— Я тебя прощаю, — кивнула Мэрил и встала с кровати. — Спускайся вниз через десять минут, я приготовлю для тебя брокколи, — ее голос вновь стал холодным, Мэрил развернулась и вышла из комнаты.

Глава 3: Обремененная

С того дня мисс Стрип полностью закрылась в себе, совсем перестав уделять времени сыну, однако не забывая пичкать его биометаллом в различных формах, следить за его питанием и гигиеной. Том места себе не находил, ведь раньше мать хоть ругала и бранила его за все подряд, что, по крайней мере, давало ощущение, что он не безразличен ей. Теперь же он чувствовал себя пустым местом для Мэрил. Как бы Том ни пытался добиться ее внимания, в ответ получал лишь отстраненный холодный взгляд в свою сторону. Также мисс Стрип с головой ударилась в работу, взяв дополнительно еще несколько учеников, поэтому целыми днями пропадала в кабинете за занятиями, а мальчик был предоставлен сам себе, что не на шутку его угнетало.

— Том, не мешай мне! Дай спокойно выпить кофе в тишине, пока не пришел следующий ребенок, — говорила она, уставившись в чашку уставшим взглядом. — Сколько раз я говорила, что мне нужно теперь как можно больше работать? Скоро нас ждут большие перемены, и нам необходимы деньги про запас! Как прикажешь прокормить нас всех?

Мальчик совершенно не мог взять в толк, о чем говорит мать и какие перемены их ждут, но от этого ему становилось страшно. Казалось, будто он скоро станет совсем ей не нужен. Поэтому Том пытался любыми способами обратить на себя внимание Мэрил. Пусть уж лучше она его отругает и накажет, чем не замечает вовсе.

— Мама, прости, я опять не смог выпить отвар, — зашел Том однажды на кухню, виновато опустив голову.

— Том… Ты же знаешь новые правила… — подкатила глаза Мэрил, рассматривая свой уже округлившийся живот. — Отныне, если ты провинился, то придумай себе наказание сам… Неужели не ясно, что у меня нет времени на это? Ты уже взрослый мальчик и можешь справиться с этим сам. Или нет? Ты даже это не осилишь? — тяжело вздохнула она, укоризненно покачав головой.

— Хорошо… Я придумаю сам… — ответил Том и вышел из кухни.

Так мальчик стал сам себя наказывать за те вещи, которые считал провинностями. Он лишал себя сладостей, фруктов и каких-либо развлечений — так же, как это раньше делала мать.

О похвале же речи даже и быть не могло! Если раньше, когда Том хвастался каким-нибудь успехом, а Мэрил говорила, что это недостаточно хорошо, и что другие в его возрасте делают то же самое гораздо лучше, то теперь он получал лишь полное игнорирование. Женщина могла даже и взгляда не бросить на рисунок или поделку сына, не говоря уж о каких-то словах поддержки.

При всем при этом мальчику казалось, что мать изменилась не только внутренне, но и внешне. Она располнела, а лицо расплылось. За последние несколько месяцев Том видел мать мало и, ввиду детской неосведомленности, совсем не мог понять, какого рода изменения происходят с ней.

Так они и жили, пока среди ночи 9 апреля 1987 года Тома не разбудил душераздирающий вопль матери. Мальчик пулей побежал на крик, доносившейся из подвала. Он так испугался за Мэрил, что даже и не подумал остановиться, ведь понял, что ей нужна помощь.

— Том! Помоги! — орала женщина, лежа на кушетке посреди белой кафельной комнаты.

Мальчик же встал как вкопанный, не понимая, что происходит.

— Что встал, идиот? — завизжала не своим голосом Стрип, вцепившись в поручни кушетки, и скривилась в гримасе боли.

— Мама, что с тобой… — в ужасе прошептал Том.

— Хватит задавать бестолковые вопросы! — продолжала орать Мэрил. — Давай, помоги мне! Поднимись наверх и принеси ведро теплой воды и полотенца! Немедленно!

Мальчик рванул наверх, дабы выполнить поручения матери. Его не на шутку трясло от страха и непонимания, ведь в таком состоянии он видел Мэрил впервые в жизни. Ему было страшно и казалось, что если сейчас он сделает что-то не так, то с матерью может случиться ужасное.

Спустя пару минут он вернулся обратно в подвал, еле дотащив огромное ведро теплой воды и кучу полотенец.

— Быстро дай мне все это! — крикнула Мэрил, пышные брови которой не на шутку вспотели и распушились в разные стороны. Сын беспрекословно выполнил указания. — А теперь встань рядом со мной и не мешай, пока мне не понадобится еще что-то… Аааааа! — завизжала она, почувствовав очередную схватку.

Мисс Стрип вцепилась в руку сына, да так сильно, что ногти впились в кожу и продрали ее до крови. Скорее всего, у Тома останется нехилый такой синяк, но это пока неточно. Сам же мальчик ошарашенно смотрел то на мать, то на свою руку, боясь даже и пискнуть от боли.

Вскоре схватка отпустила Мэрил, и она на время успокоилась.

— Господи, все это происходит со мной уже в третий раз, а я все никак не привыкну, — тяжело дыша, проговорила она.

— Мамочка, что с тобой? Ты же не умрешь? — трясущимся голосом спросил Том.

— Ты что, совсем из ума выжил? — бросила она на него уничтожающий взгляд, и на нее нашла волна новой схватки. Кажется, роды были близко. — Аааааа! — вновь истошно закричала она.

Так продолжалось еще около десяти минут, пока схватки не участились.

— Подай мне поднос с инструментами! Немедленно! — приказала Мэрил сыну, указав в сторону небольшого стеклянного стола.

Том быстро метнулся и подал все необходимое.

— А теперь встань вон туда и жди моих указаний! — превозмогая боль схватки, сказала она, указав рукой немного в сторону напротив себя.

Том повиновался и встал на указанное место. Мэрил растопырила ноги и немного опустилась на кушетке. Мальчик мельком увидел окровавленные бедра матери и, зажмурившись, отвернулся.

— Не отворачивайся! Дурак, посмотри на меня! — заверещала Мэрил, отчего Том зажмурился еще сильнее. — Поверни голову обратно!

Но мальчик в ответ лишь еще больше отвернулся и сильнее сжал кулаки. Да чего вы добиваетесь, мисс Стрип? Какой реакции еще ждете от четырехлетнего ребенка? Не боитесь переломать ему психику к хуям? Нет? Ну тогда давайте, требуйте дальше!

— Немедленно прекрати это делать! — пуще прежнего завизжала Мэрил, безумно дыша. — Бен должен был быть на твоем месте! Но он ушел из-за тебя! Поэтому, хочешь ты этого или нет — тебе придется брать на себя его роль!

В ушах Тома повисла звенящая тишина, голос матери, казалось, доносился откуда-то издалека.

— Открой глаза! — не унималась Мэрил.

Мальчик повиновался и уставился на свет люминесцентной лампы, моментально ослепившей его, но голову повернуть сил не было.

— Быстро! Повернись! Он пошел! — пыхтела в потугах безумная роженица на опыте Стрип. — Повернииись! — визжала, крича она. — Лови его!

Вдруг из Мэрил со свистом и хлюпом, прямо на белый кафельный пол и кроссовки Тома, вылетел Джейк… Джейк Джилленхол… Рожденный в подвале… Непойманный братом…

От осознания того, что на ноги упало что-то жуткое и склизкое, Тома и вовсе парализовало.

— Подними его! Быстро подними и дай мне, Том Джерри Харди! — хрипло заорала Мэрил, взяв в руки ножницы и шустро перерезая пуповину.

Но мальчик стоял как вкопанный, не в силах даже дышать.

— Британский ублюдок! Да ты конченый! От тебя никогда не будет толку! — нервно говорила Стрип, вытягивая из себя плаценту. — Быстро наклонился, поднял его и дал мне!

Том продолжал бездействовать. Когда плацента была извлечена, Мэрил наспех бросила ее на кушетку, вскочила, подхватила на руки только что родившегося сына и ринулась к специальному детскому смотровому столу, который купила месяцем ранее на одной из больничных барахолок.

И только теперь, когда Мерил убежала с належанного места, Том осмелился взглянуть на кушетку. На ней он увидел плаценту и пуповину, но не понял, что это такое. От одного вида этих непонятных органов в голове закружилось, тело прошиб холодный пот, и Том, не в силах больше держать себя в руках, упал на пол.

Мисс Стрип положила на стол новорожденного и беглым взглядом начала осмотр.

— Сердцебиение замедлено, окраска кожи — синюшная, нет реакции на раздражение подошв, — лепетала она, проводя манипуляции над младенцем. — Мышечный тонус — отсутствует, дыхание редкое… Да у него всего два балла по шкале Апгар! Нужна срочная реанимация! — взволнованно закричала она и ринулась к дефибриллятору и железным шприцам, до отказа наполненных биометаллом.

Женщина сделала ребенку укол и схватилась за дефибриллятор.

— Пожалуйста! Дыши! Дыши, мой хороший! — визжала полоумная Мэрил, реанимируя младенца током. А норма ли это, мисс Стрип? Что вы творите? Дефибриллятор? Серьезно? Да вы себе лучше голову им реанимируйте! Кто-нибудь! Вызовите неотложку! Эта дама безумна!

После очередного удара током, синие глаза малыша раскрылись и он, наконец-то, заплакал.

— Ты жив! Жив! — заплакала от счастья Мэрил и расцеловала новорожденного, измазав свое лицо младенческой слизью. — Так… — вновь провела она манипуляции с малышом. — Уже четыре балла! Это уже хорошо… Но… Что с ним такое?! — вновь переключилась она на крик, пробежав по телу сына беглым взглядом. — Что с ним не так?! Он весь светится красным! Аааааа! — схватила она ребенка на руки и побежала в сторону детской барокамеры, приобретенной все на той же медицинской барахолке.

Она быстро положила в нее ребенка, подключила к аппаратуре и уставилась на него глазами полными слез, прикусив кулак.

— Как же так… Почему… Почему все мои дети рождаются инвалидами? Как ему жить с этим недугом? Его иммунитет не приспособлен к проживанию в нестерильной среде… Бедняжка… — бредила женщина. — Не сможет же он всю жизнь прожить в этой барокамере. Она скоро станет ему мала. Но я обязательно что-то придумаю, обещаю тебе, Джейк, — прикоснулась она ладонью к стеклу, с огромной любовью и нежностью взглянув на новорожденного.

Мэрил простояла так еще пару минут, после чего обернулась и взглянула на старшего сына, валяющегося на полу без сознания. Нежность в глазах сменилась раздражением. Она подошла к мальчику присела рядом и померила пульс на его шее.

— Это мой крест и мне его нести, — вздохнула она, подняла Тома и отнесла в его комнату, где уложила на кровать, а затем вновь отправилась в подвал.

С утра Тома разбудил яркий луч солнца, ударивший в глаза. Мальчик медленно поднялся в кровати и задумчивым взглядом уставился за окно. Как он очутился в своей комнате? Что вчера произошло с матерью? Что это вообще было в подвале? Голова вскипала от непонятных вопросов, но в конце концов, Том решил, что все это ему просто приснилось. Но удостовериться все же было нужно.

Проделав все утренние процедуры, он спустился вниз, где за обеденным столом, несмотря на ранний час, уже сидела Мэрил, с головой погрузившись в свои научные бумаги и что-то в них строча.

— Мама, мне приснился страшный сон, — заговорил Том, усаживаясь за стол. — Или это был не сон… Я запутался.

— Я занята, — коротко бросила та, не отрывая уставшего взгляда от бумажек.

— Но я хотел задать только один вопрос, — продолжал стоять на своем Том, немного замямлив.

— Задавай! — рявкнула Стрип, отшвырнув ручку и закрыв ладонями лицо. — Господи, да что же мне придумать… — простонала она.

— Мама, а возможно ли такое, что из человека, ни с того ни с сего, начнут выпадать органы? — спросил мальчик, прикусив под маской губу.

Мэрил приоткрыла пальцы и зыркнула одним глазом на Тома. Она хотела было уже наорать, но сил на это не было. Ночь и так выдалась нелегкой. А теперь еще нужно было придумать какую-то конструкцию для новорожденного сына, дабы тот смог жить в этом несправедливом мире!

— Томас, — тяжело выдохнула Стрип, убрав ладони от лица. — Человеческий организм еще настолько неизведан, и мы так мало знаем о возможностях нашего тела… Если ты не можешь чего-то объяснить, то не стоит думать, что это невозможно… Так что возможно все… Запомни это раз и навсегда и, впредь, больше не задавай мне подобных вопросов.

— Хорошо, я понял… Понял… — опустил взгляд Том.

— Понял он, — взяла ручку Мэрил и забарабанила ей по столу, вновь уставившись в свои бумажки. — Что ты мог понять? Чем ты мог понять? У тебя в голове вместо мозгов полиэтиленовый пакет, наполненный воздухом… — женщина на секунду замолчала, залипнув в одну точку. — Точно! Полиэтилен! — воскликнула она и безумно застрочила какую-то мудреную формулу. — Я растоплю его, добавлю в состав немного биометалла… И в итоге получу гиперпрочный полиэтилен, который будет фильтровать воздух и не допускать под себя микробы… Хммм… Под себя — это подо что? — задумалась она, почесав подбородок. — Шар! — ляпнула она хуйню и вновь погрузилась в писанину.

Том в непонимании смотрел на мать около часа. Казалось, что события, произошедшее ночью, были просто страшным сном. Но мальчик отчетливо чувствовал, что что-то поменялось и что с сегодняшнего дня его жизнь круто изменится, увы — не в лучшую для него сторону.

Вскоре Мэрил молча подорвалась из-за стола и убежала в подвал. Спустя полчаса она вернулась и наспех стала обуваться.

— В подвал заходить даже не смей! — рявкнула она Тому, так и сидевшему за столом с открытым ртом. — Я скоро вернусь! — бросила она и выскочила за дверь.

Мальчик проводил мать печальным взглядом, а на глазах навернулись слезы. В голове всплыли слова матери о том, что он никогда и никому не будет нужен, что все будут его бросать. Лишь она — Мэрил, обещала, что всегда будет заботиться о нем и никогда не бросит. Но, кажется, теперь и она не сдержит своего слова.

— Я никому не нужен… — механически прошептал мальчик, а его правостороннее сердечко разрывалось от боли в преддверии надвигающегося

одиночества.

Том, будто на автомате, медленно побрел в свою комнату, где залез в шкаф, сел, поджав ноги и обняв их руками, и тихо заплакал.

В скором времени домой вернулась Мэрил Стрип с огромным рулоном полиэтилена. Женщина сразу же направилась в подвал, где пробыла весь оставшийся день и целую ночь, даже не поинтересовавшись — где старший сын и что с ним происходит.

— Томас, ты где?! — разбудил мальчика с утра раздраженный голос матери.

Он аккуратно выглянул из щели шкафа. По комнате ходила не на шутку заведенная мать, переворачивая все на своем пути в поисках сына. Женщина резко повернула голову к шкафу и приметила сквозь приоткрытую дверцу сына.

— Что ты делаешь в шкафу? Ты спал тут? — злобно спросила она, доставая Тома за шкирку из его укрытия. — И как? Удобно тебе было? А? — тряхнула она его.

Ребенок в ответ неоднозначно пожал плечами.

— Надменная скотина! Даже и ответить нечего! Только и делает, что жмет плечами! — запричитала она, бросив Тома в центр комнаты. — Собирай свои вещи — теперь ты будешь жить внизу — в гостиной! Бери только самое необходимое, чтобы не захламлять комнату! Понял?

— Мама, — охуевше прошептал ребенок. — Почему? Почему я должен уходить из своей комнаты? Она же моя…

— Больше не твоя! — рявкнула Мэрил и направилась к двери. — Быстро собирай свои вещи! — повторила она, обернувшись. — С минуты на минуту сюда приедут рабочие и начнут демонтаж! И то, что ты не успеешь перенести за это время вниз — будет отправлено на помойку! — строго сказала бессердечная мисс Стрип и вышла, громко хлопнув за собой дверью.

Том захватил с собой пару книжек, игрушек и побрел в гостиную. Там он уселся на диван и молча залип в выключенный телевизор.

— Какой же ты болван! — зашла в комнату Мэрил. — Игрушки он с собой взял! Ну надо! Это по-твоему необходимое? А как же одежда, зубная щетка и прочие гигиенические принадлежности? Какой же ты недееспособный! И шагу без меня ступить не можешь! — подкатила она глаза и отправилась наверх, чтобы собрать для сына необходимые, по ее мнению, пожитки.

Через полчаса в дом пришла бригада рабочих. Мэрил им что-то долго объясняла, показывала какие-то чертежи и планы, после чего бригада поднялась на второй этаж. Целый день в доме стоял невероятный шум. Рабочие сносили перегородки и ставили новые, отделяя этаж от лестницы.

Глава 4: Четыре

Так продолжалось несколько дней, пока не пришла новая бригада рабочих, занявшаяся отделкой. Ребята шныряли туда-сюда, таская на второй этаж ведра краски, побелки и огромные рулоны обоев.

Все эти дни Мэрил только и делала, что просиживала в подвале с грудным сыном. Лишь изредка она поднималась и то, только для того, чтобы проследить за ходом работы отделочников и сделать себе что-то поесть.

Мальчик, по имени Том, вновь был предоставлен самому себе. Днями напролет он залипал в телевизор и практически ничего не ел, ведь готовить самостоятельно не умел. Так и перебивался сырой брокколи, отчего скинул в весе и стал выглядеть еще более щупло и болезненно.

От безделья и одиночества Тому стало не на шутку скучно и тоскливо. И, дабы хоть как-то развеселить себя, как-то раз ребенок направился в ванную комнату, где набрал целую ванну воды. Мальчик захотел поставить эксперимент — сколько минут он сможет продержаться под водой в своей маске. И, будучи беззаботным ребенком, он даже и не подумал о последствиях: что вода попадет под маску через динамик, пройдет по тонкой трубке, вставленной в трахею, и погубит к хуям.

— Как же я могла забыть? Как я могла? — услышал он за дверью причитания матери, загремевшей посудой на кухне. — Джерри! Ты где?

В секунду Том почувствовал себя самым счастливым ребенком на планете. Впервые за долгое время мать не только обратила на него внимание, но и назвала по второму имени!

— Мама! Мамочка! Я тут! — меланхолично, но радостно защебетал Том, выбежав из ванной комнаты и оставив свой эксперимент до лучших времен.

— Ох, Джерри, прости меня! Я совсем позабыла какой сегодня день! — беззаботно и подозрительно добро сказала Мэрил, когда мальчик забежал на кухню.

— А какой сегодня день? — решил поддержать беседу Том.

— Сегодня пятнадцатое апреля! День твоего рождения! — хлопнула себя по бедрам Стрип и достала из кухонного ящика огромную миску.

— И что это значит? — нахмурился мальчик.

— Это день, когда я родила тебя на свет, дурень! — мило дерзанула женщина, высыпая в миску муку. — Ровно четыре года назад. Ооох… Как сейчас помню тот день… Я промучилась с тобой целые сутки! Под конец тебя даже щипцами пришлось тянуть! Тогда я подумала, мол, что же творят эти бестолковые врачи? Да ребенок же будет дегенератом, если появится на свет таким вот способом! Как в воду глядела… Такой синюшный ты родился… Совсем не дышал… Я уж думала все — потеряла тебя… Ан нет — ты выкарабкался. Благодаря, между прочим, мне, моему острому уму и смекалке. Но если бы твоим лечением занялись врачи убогой Великобритании, уверена — ты бы не дожил даже до своего первого дня рождения…

От услышанного Том скривился в гримасе полнейшего недоумения.

— Ох, Джерри! Кто бы мог подумать? Ты стал таким большим! Целых четыре года уже! — смахнула она со щеки слезу, разбивая в тесто яйца. Какая-то подозрительная доброта, мисс Стрип. В чем дело? Вот знали бы вы, какой эксперимент хотел поставить на себе ваш сын пару минут назад! Он бы вас точно не порадовал! Хотя, не зайди вы сейчас на кухню, то этот день и вовсе мог бы стать для Тома последним…

— И что особенного в этом дне? — продолжал накидывать вопросы Том.

Мэрил начала доходчиво ему объяснять, что такое день рождения и как его празднуют.

— И к нам тоже придут гости? — изумился Том по окончании рассказа. — И будут подарки?

— Нет, — строго осадила мать. — Будем только ты, я да торт, который я испеку для тебя.

Мальчик уселся на диван и стал наблюдать, как Мэрил погрузилась в приготовление торта. Периодически она отлучалась в подвал, но вскоре возвращалась и продолжала колдовать над десертом. Том в трепетном ожидании следил за матерью: вот она домесила тесто, перелила его в форму и поставила выпекать бисквит в духовку, вот она смешала сливки с сахарной пудрой и стала взбивать крем, затем насыпала свежих ягод в миску и промыла их под проточной водой. Мальчик не мог поверить своему счастью: неужели мама делает это все для него и его ожидает настоящий праздник?

— Ну вот, все готово, Джерри, — сказала мисс Стрип спустя час, укладывая последнюю клубничку на торт. — Осталось поставить свечки… Хм… Я же забыла их купить. Может, обойдешься без них? — лениво нахмурилась она, посмотрев на сына.

Том лишь грустно вздохнул и пожал плечами.

— Ладно уж… Я схожу в магазин и куплю их, — подкатила глаза Мэрил, вытирая руки о кухонное полотенце. — Ты сиди тут и жди меня. И не смей прикасаться к торту до моего возвращения! — строго сказала она, прищурившись. — И даже не вздумай идти в подвал! — напомнила она, взяла сумочку и вышла за дверь.

Мальчик продолжал сидеть на диване, с восхищением рассматривая свой праздный торт. Какой же он был аппетитный и красивый! А каков запах! Он так и манил, и будто нашептывал Тому на ухо: «Попробуй меня!». Имениннику казалось, будто восхитительные волны сладкого ванильного аромата сейчас так и поднимут его над полом, и он, словно зачарованный, поплывет по воздуху прямо к торту.

Том сам не заметил, как встал с дивана и подошел к столу. Он уже снял маску и потянулся пальцем к взбитым сливкам, прелестными розочками, украшающими десерт. Вдруг раздался стук в дверь, и мальчик одернулся, отскочив назад. Ох! Еще секунда — и Том не удержался бы! Наказание было бы неизбежно! Спасибо тебе, человек, постучавший в дверь, кем бы ты ни был! Но все же, кто это пожаловал в гости? Мэрил говорила, что гостей сегодня не будет. Хммм…

Том поспешил надеть маску и подбежал к двери. Он подставил табуретку и заглянул в глазок. Мать всегда учила мальчика — ни в коем случае не открывать дверь незнакомцам!

— Дядя Бен? — удивился мальчик, спрыгивая с табурета.

Том приоткрыл дверь и просунул маску в щель.

— Здорово, пацан! — потрепал его ладонью по волосам Джилленхол, во второй же держал букет из жухлых ромашек. — А где твоя матушка?

— Уходите, пожалуйста! У меня сегодня день рождения, и мы не ждем гостей, — ответил Том, пытаясь закрыть дверь, но Бенджамин уже просунул внутрь пыльный ботинок.

— Вот еще! Какой же день рождения без гостей? Выходит — это не настоящий день рождения! — усмехнулся Джилленхол, отталкивая мальчика с прохода.

— Нет! Уйдите! Мама разозлится, если увидит вас и узнает, что это я вас впустил, — сопротивлялся натиску Бена Том, пытаясь закрыть дверь. Но это было бессмысленно! Мальчик явно не мог тягаться со взрослым мужчиной.

— Малец, не ссы ты так, — махнул рукой Бенджамин, отпихнув ребенка и пройдя внутрь. — Твоя маменька обрадуется моему приезду! А если вдруг нет,

то я уж постараюсь ее задобрить. Если ты понимаешь, о чем я, — подмигнул он Тому и открыл холодильник. — Мдааа… Не густо… А что, пивка в вашем доме теперь не водится? Ну ладно, это мы поправим… Пожрать-то хоть чё есть? Брокколи, яблоки, тушеная фасоль… — стал поочередно открывать все миски и кастрюльки Джилленхол, кривя лицом.

— Дядя Бен, я прошу вас — уйдите! — заныл Том, предчувствуя гнев матери, который обрушится на него по ее возвращении.

— О, тортик! — радостно хлопнул в ладоши Бен, закрыв холодильник и проигнорировав мольбы мальчика. — Ну хоть что-то съестное, — облизнулся он и, не раздумывая, макнул палец в крем. — Неплохо, неплохо… — причмокнул Джилленхол, взялся за нож и стал отрезать кусок торта, выбрав самый густо украшенный розами бок. — Наведешь дяде Бену чайку, пацан? — повернулся он к Тому, усаживаясь за стол.

Мальчик стоял, уставившись на незваного гостя взглядом, преисполненным обиды, и пытаясь проглотить ком, подступивший к горлу. Он посмотрел на свой торт, расплывшийся перед глазами из-за пелены навернувшихся слез.

Тут послышался звук ключа в замочной скважине входной двери.

— Что за ерунда? Почему дверь не заперта, Том? — причитая, вошла в дом Мэрил и встала, как вкопанная. — Б… Б… Бен? — еле слышно вымолвила она, не веря своим глазам.

— Ну здравствуй, дорогая моя! Я вернулся к тебе, как и обещал! — встал со стула Джилленхол и, расставив руки в стороны, двинулся к женщине. — В Нампе вновь ярмарка. Прибыв сюда, я сразу вспомнил о тебе. Хотя, кого я обманываю? Я помнил о тебе все это время! Эти месяцы показались мне вечностью! Не было и дня, чтобы я не думал о тебе, родная. Я зачеркивал дни в календаре и засыпал с мыслью, что наша встреча все ближе. И вот, наконец-то, я здесь! Денег я, правда, так и не заработал… Эти налоги так и душат меня и мою ферму. Да к тому же, сельское хозяйство — сама понимаешь — это как «русская рулетка». Не всегда хороший урожай зависит лишь от меня. Столько факторов… Засуха, дожди, вредители… Да что я все это рассказываю? Не думаю, что это так важно! Важно лишь то, что я приехал на эту чертову ярмарку, и мы снова будем вместе! — взял он мисс Стрип за плечи и заглянул ей в глаза своим брехливым синим взглядом. — Мэрил? Ты слышишь меня? Ты что не рада мне? — легонько тряхнул ее Бен.

— Мама! Я не хотел его впускать! Прости меня! — отчаянно заверещал Том. — Он испортил наш торт!

— Ааа… Эээм… — растерялась Мэрил, рассматривая мешкающим взглядом лицо Джилленхола и совсем не слушая, что там лапочет ее сын. — Конечно! Конечно я рада! О, Бен! — воскликнула она и бросилась обнимать Бенджамина. — Я думала, ты бросил меня и уехал навсегда! Я думала, ты испугался! — лепетала безмозглая мисс Стрип, расцеловывая Бенджамина.

— Чего же мне бояться, глупенькая? — усмехнулся он. — Нашей любви?

— Ответственности. За плод нашей с тобой любви. Но, прости меня… Я слишком плохо о тебе думала. Конечно, ты не мог испугаться этого. Я просто дура! — несла она хуйню, не веря своему счастью.

— Кхм-кхм… — закашлялся Джилленхол и нервно застучал кулаком по груди. — Какой такой плод любви?

— Наш сын, Бен, — наполнив глаза нежностью, прошептала Мэрил.

— Бляяяя… — охуевше протянул мужчина, почесав макушку. — Так это у тебя был тест? Я думал — у Глэдис… Или у нее тоже был? — забормотал он, плюхнувшись на диван и схватившись за свою блядскую голову.

Но мисс Стрип, голову которой затуманила любовь, уже не слушала рассуждения Джилленхола, а переключила внимание на сына.

— Что ты встал, как пень? — рявкнула она. — Иди ставь чай, не видишь — у

нас гости!

— Мама, но ты же говорила, что будем только мы с тобой… Это же мой день рождения, — мямлил мальчик, обреченно наливая воду в чайник. — А дядя Бен съел торт…

— Тебе жалко, что ли? — возмутилась Мэрил, скрестив руки на груди. — Всего один кусочек! Вон еще сколько осталось!

— Но это был мой торт, — не унимался Том.

— Да что же это такое? И в кого только ты такой жадный мальчишка? — осуждающе помотала головой женщина. — Хотя понятно в кого…

— Я это… Вспомнил тут… Мой фургон… Он же… Он сломался в паре кварталов от твоего дома, — сочинял Джилленхолл, встав с дивана и ища взглядом пути для отступления. — Я пришел сюда пешком, а фургон бросил прямо посреди улицы. Надо вернуться и починить его. И я сразу пригоню его сюда…

— Бен, успокойся, я сейчас же позвоню в мастерскую и вызову автослесаря, — взяла его за руку Мэрил. — А сейчас пошли со мной, ты должен его увидеть… Он такой красивый и так похож на тебя… Идем… — и женщина потянула Бенджамина в сторону подвала.

Тот скривился в гримасе провала, но за мисс Стрип пошел. Том же поставил чайник на плиту и стал пытаться включить конфорку. Но от обиды его руки тряслись, поэтому никак не удавалось зажечь даже спичку. Так он провозился с огнем несколько минут, но исчиркав и переломав все спички из коробка, так и не сумел зажечь плиту. Мальчик встал как дурак, не зная, что делать дальше: то ли искать новый коробок, то ли подождать мать. Пока он размышлял об этом, то вновь подошел к торту. Палец опять сам потянулся к крему, но в тот же миг Том вновь отскочил назад, ведь в комнату с возмущенными воплями вернулся Джилленхол. За ним, оправдываясь, бежала Мэрил.

— Что ты мне хочешь тут втюхать? — орал Бен, размахивая руками. — Пытаешься повесить на меня своих ублюдков? Еще и калек к тому же! Со мной этот номер не прокатит!

— Да что ты такое несешь? — визжала Мэрил, шокированно вскинув свои пышные брови.

— Знаю я вас таких! Встречал и не раз! Трахаетесь с кем ни попадя, а потом впариваете своих недоразвитых отпрысков бедным мужчинам! — яростно затопал ботинками Бен. — А я же тебе доверял! Я любил тебя! А ты… Эээх… Грязная шлюха! — смачно плюнул он прямо под ноги мисс Стрип.

Лицо Мэрил вмиг сменилось с растерянного на яростное. Она сжала кулаки и стала раздувать ноздрями, словно глупый бык, а, точнее сказать — корова.

— Убирайся немедленно из моего дома! — завопила она, как умалишенная. — Ненавижу тебя и весь твой еврейский народ! Как ты посмел заявиться сюда, да еще и оскорблять меня и моих детей? Проваливай сейчас же, или я за себя не ручаюсь!

— Да с радостью! — выставил ладони вперед Джилленхол и стал отступать. — Думала, идиота нашла? Не на того напала! — бухтел он, вылезая в окно.

— Заткнись, жид проклятый! — завизжала женщина, схватила со стола торт и запустила его в Бенджамина. Но тот уже был таков, а торт угодил в оконное стекло. Шматки крема стали сползать на пол, а блюдо упало, разбившись вдребезги.

— Мама… — начал было Том, подойдя к Мэрил. Мальчика, безусловно, расстроил тот факт, что ему так и не удалось попробовать торт, но еще больше его огорчало, что дядя Бен обидел его мать. Ребенок не мог, конечно, вникнуть в суть конфликта, но чувствовал, что Джилленхол наговорил гадких вещей Мэрил, отчего она так разозлилась. — Прости меня, я не хотел его впускать. Может испечем новый торт и отметим мой день рождения? Я тебе помогу, мамочка. Не

грусти…

— Замолчи! — рявкнула Мэрил, продолжая сверлить разъяренным взглядом окно. — Оставь меня в покое и не трогай, болван!

— Но… А как же… Как же мой день рождения, и торт, и свечки… — дрожащим механическим голосом заговорил мальчик.

— Забудь! Все это была глупая затея! — холодно ответила Стрип. — Сегодня просто отвратительный день! Запомню его на всю жизнь и буду ненавидеть всегда.

Том только открыл рот, хотя даже и не знал, что сказать, ведь его переполняли обида и чувство собственной никчемности.

— Все! Сиди здесь и не мешай мне. Не подходи и не разговаривай со мной, — сквозь зубы процедила Мэрил, пытаясь совладать с эмоциями.

— Но… День рождения… — еле слышно пробормотал мальчик, усевшись на диван.

— Нет никакого дня рождения! Все это выдумки глупых людей! — наклонилась к нему мисс Стрип, выставив указательный палец вперед. — Только такие идиоты, как ты, могут верить в этот дурацкий праздник. Ты хочешь оставаться идиотом? Нет? Ну так вот тогда забудь об этом бреде навсегда! Ясно тебе, Томас?

Том коротко кивнул в ответ, пытаясь не разрыдаться.

— Хотелось бы в это верить… — сказала Мэрил и распрямилась. — Все, мне надо работать, — двинулась она в сторону подвала. — И, кстати, не забудь придумать для себя наказание, — остановилась она в дверях.

— За что? — непонимающе посмотрел на мать мальчик.

— За то, что впустил в дом незнамо кого, — пояснила за наказание Стрип и скрылась в подвале.

Том же остался сидеть в одиночестве. Он приставил пальцы к переносице, в надежде остановить подступающие слезы. Но это не помогло. Тогда мальчик стал пытаться хотя бы не зарыдать в голос, чтобы не тревожить мать. Через некоторое время, он, продолжая тихо всхлипывать, встал с дивана, подошел к окну, через которое сбежал дядя Бен, и приступил к уборке. Том собрал осколки блюда и куски торта и выкинул их в мусорное ведро. Потом протер остатки крема с пола. Затем взял чистую тряпку и приступил к мытью окна. Тут Том на секунду замер и уставился на помятую розочку, прилипшую к стеклу. Он оглянулся, чтобы удостовериться, что мать не вернулась в комнату, после чего быстро снял маску и лизнул крем на окне. Вкус показался ему невероятно мерзким и даже тошнотворным. Мальчик надел маску обратно и стал торопливо мыть стекло дальше.

Так вот и прошел день рождения Тома — не самый приятный день в его жизни. И как бы он ни пытался стереть его из своей памяти, тот гадким отпечатком остался в его подсознании еще на долгие-долгие годы.

Глава 5: Малыш

Шли дни. Вскоре ремонтные работы подошли к концу, и строительные бригады перестали посещать дом мисс Стрип. Сама же хозяйка со всеми своими пожитками и кипами бумаг перебралась на второй этаж. Там и пропадала целыми днями, по-прежнему запрещая Тому подниматься наверх.

Мальчик так и не мог взять в толк, что же прячет там мать. В его воспоминаниях лишь всплывал момент, как что-то скользкое падает ему под ноги. Том до сих пор не понимал — явь это была или же сон, но ему казалось, что именно с этим связаны все изменения в его жизни.

Так закончилась весна, и в Нампу пришло лето. В эти теплые дни Тому было проще переживать происходящее, ведь он мог проводить время на улице, играя на заднем дворе, ведь в доме находиться ему было тяжело. Холод и равнодушие матери сменялись вспышками агрессии, за ними следовало очередное наказание, которое мальчик придумывал себе сам. Это уже вошло у него в привычку, и Мэрил даже не приходилось напоминать об этом. Помимо того, что на улице Тому удавалось отвлекаться от гнетущих мыслей, там он, ко всему прочему, не слышал странных звуков, доносившихся со второго этажа. Каждое утро он просыпался от непонятного крика, исходящего сверху. И, если мать еще не находилась на втором этаже, то непременно спешила туда. Иногда крик сменялся чем-то похожим на смех. Воображение Тома при этом в ярких красках рисовало скользкое существо из подвала, которое теперь поселилось в их доме.

Но лето подошло к концу, наступила осень, а вместе с ней — непогода и дожди. Мальчик не мог проводить столько времени на улице, и был вынужден практически днями напролет сидеть дома. Благо, мать особо не обращала на него внимания, поэтому почти все время Том проводил сидя на диване и смотря телевизор. Он пытался сделать звук погромче, чтобы не слышать звуки сверху, но мисс Стрип быстро пресекала эти попытки нарушить тишину в доме.

Вскоре выпал первый снег — это к Нампе незаметно подкрался декабрь. С ним в каждый дом проникло и предвкушение скорого Рождества.

— Скоро Сочельник, Том, поэтому сейчас я поеду на внеклассное занятие с ребенком одних богатеев, а после заеду и куплю гуся, — сказала Мэрил, застегивая бордовое пальто с меховой оторочкой.

— Что такое Сочельник, мама? — спросил мальчик, сделав звук на телевизоре тише.

— Ты бы меньше смотрел ящик, а вместо этого почитал бы что-нибудь, — нравоучительно ответила женщина. — Глядишь бы, мозгов поприбавилось! Тебе скоро пять, Том! Стыдно — не знать, что такое Сочельник. Все, я ушла! Все правила ты знаешь! — сказала она и вышла за дверь.

Ребенок вздохнул и вновь сделал погромче. Он уставился в экран, где показывали старый мультфильм «Как Гринч украл Рождество». Том уже было погрузился в просмотр, как вдруг со второго этажа раздался крик. Мальчик прибавил громкость. Но это не помогло. Крик все равно перебивал звук телевизора. Тогда он сделал еще громче. Затем еще. И еще. Но все было тщетно. Дальше громкость накручивать было некуда, а крик все не затихал, поэтому Том заткнул уши.

Так он просидел с минуту, но даже с закрытыми ушами отчетливо слышал звук со второго этажа. И тут у Тома, помимо чувства страха и непонимания, появилось чувство неподдельного интереса. А что, все же, творится там — наверху? Когда дома была Мэрил, Тому даже и в голову не приходило пойти и посмотреть на «нечто», обитающее на втором этаже.

Идея подняться наверх не на шутку пугала мальчика, но зародившийся интерес заставил встать с дивана. Том подошел к телевизору, выключил его и

прислушался к крику. Он был похож на тот самый крик, который Том услышал тогда в подвале перед тем, как провалился в небытие. Мальчик замешкался, пытаясь перебороть себя и остаться в гостиной. Он стал мысленно внушать себе, что пойти на второй этаж — очень плохая идея, ибо мать может вернуться в любую минуту. Тогда она увидит, что сын ослушался, и ее ярости не будет предела. Но все эти уговоры были тщетны, ибо мальчик точно знал, что Мэрил не будет еще пару часов.

Том и сам не заметил, как нога оказалась на нижнем порожке лестницы. Мальчик тяжело выдохнул, закрыл глаза, положил руку на перила и медленно начал подниматься. Спустя считанные секунды он оказался перед дверью. В кровь ударил адреналин, по телу пробежали мурашки, а в голове стали всплывать вопросы. А стоит ли туда вообще идти? Вдруг там действительно обитает что-то страшное? Может, Мэрил не пускает его на второй этаж, потому что пытается уберечь? А вдруг, зайдя туда и увидев «нечто», он так сильно испугается, что никогда не сможет этого забыть и постепенно сойдет с ума? Пацан, ты постепенно сойдешь с ума, если продолжишь жить со своей полоумной мамашей!

— Аааy, аааy, аааy — раздалось завывание из-за двери.

«Даже и не вздумай этого делать, болван!» — закричал у Тома в голове голос мисс Стрип, и мальчик повернул ручку.

А вот тут вопрос к вам, Мэрил. Значит, перегородки вы снесли, ремонт забомбили, огородили второй этаж от лестницы дверью и всякое такое… А замок-то что не поставили, раз не хотели, чтоб ваш старший сын туда заходил? Прокол вышел или как? Непонятно…

Том, дабы не сдрейфить в последний момент, обрубил себе пути отхода и резко распахнул дверь. Если сказать, что мальчик был удивлен — это не сказать ничего! Том был в ахуе! Пространство, где раньше располагались две спальни, ванная комната и небольшой коридор, теперь занимала одна большая комната, простилающаяся на всю площадь второго этажа. В самом центре стоял огромного размера полиэтиленовая полусфера. Недалеко от нее находилась мебель, раньше стоявшая в комнате мисс Стрип.

Мальчик сделал шаг вперед и стал всматриваться в шар, даже не обратив внимания на то, что крик прекратился.

Внутри непонятного полиэтиленового сооружения стояла детская деревянная кроватка, большой манеж, сплошь увaленный разными игрушками, стульчик для кормления, а также медицинский процедурный стол.

— Что все это значит… — механически буркнул в маску Том, приближаясь к шару.

Вдруг из-за бортика манежа показалась голова. Том остановился и замер. Его взору предстал зареванный ребенок, который стоял, взявшись ручками за прутья манежа. Малыш, месяцев девяти от роду, внимательно наблюдал за Томом синими как океан глазами.

Том был не на шутку шокирован. Что все это значит? Где тот ужасный склизкий монстр из подвала? Кто этот ребенок? Откуда он здесь взялся? Где его родители? Почему он живет в шаре? Зачем Мэрил спит с ним в одной комнате? И почему, вообще, он такой маленький?! Пока мальчик пытался найти ответ хотя бы на один вопрос, малыш из шара наклонил голову, улыбнулся и приветливо хихикнул.

От подобных выходок Том незамедлительно запятился к двери. Увидев это, малыш, имя которому было Джейк Бенджамин Джилленхол, нахмурился, надул нижнюю губу и затряс ею.

— Ааа! Ааа! — крикнул он, потянув руку в сторону небольшого столика, где стояла бутылочка со смесью.

Но Том совершенно не понимал, что от него нужно этому странному ребенку,

и продолжил отступать. Джейк же, увидев это и поняв, что вновь останется в одиночестве, да еще и голодным, вновь затянул шарманку истерики.

Как только Том услышал первые нотки детского плача, он незамедлительно развернулся, выскочил из комнаты, закрыл за собой дверь и ринулся вниз. Прибежав обратно в гостиную, он уселся с ногами на диван, обнял подушку и закачался взад-вперед, все пытаясь найти хоть один ответ на кучу своих вопросов. Но ничего не выходило! Он никак не мог найти ответ ни на один из них!

Спустя полчаса детские крики сверху утихли, и в доме наступила звенящая тишина. Том аккуратно прилег бочком на диван, положил на голову подушку и продолжил размышления.

Пару дней он кумекал об увиденном им шаре и его обитателе. Том пришел к выводу, что ребенок в нем не представляет для него никакой опасности. Но почему же тогда он изолирован в шар? Ну, а почему же он сам носит маску? «Наверняка, у него тоже какие-то проблемы со здоровьем», — решил Том. Затем в голову начали закрадываться мысли, что ребенок, живущий на втором этаже, очень одинок, так же, как и сам Том. Ведь как только малыш из шара увидел его — крики и слезы прекратились, и он даже издал какой-то приветливый звук.

Несмотря на все еще оставшейся страх, у Тома возникло непреодолимое желание вновь подняться наверх, ведь он почувствовал на подсознательном уровне, что необходим этому незнамо откуда взявшемуся малышу. Но это было невозможно — Мэрил Стрип постоянно была дома. Из-за наступивших рождественских праздников у нее не было занятий с богатыми детьми, к которым ей приходилось ездить лично. Поэтому все время женщина проводила дома, а если быть более точным — на втором этаже. К слову, рождественскую елку в этом году она установила именно там, из-за чего старший сын остался без ощущения праздничного настроения. Но Том шибко и не расстроился, ведь уже стал потихоньку привыкать к подобным обломам в жизни. Да и вообще, голова была занята совсем другим. Перед ним стояла четкая цель — вновь пробраться на второй этаж и попробовать вступить в контакт с малышом, живущим в шаре. Том знал, что если Мэрил застукает его за этим делом, то его будет ждать нешуточное наказание. Однако, несмотря на это, он никак не мог выбить из головы эту навязчивую идею.

Как известно, Том был послушным и покорным мальчиком, но все эти черты характера были явно навязаны ему из-за гнета со стороны мисс Стрип. В глубине души ребенок чувствовал другие приглушенные качества — упертость и целеустремленность. И впервые в жизни Том понял, что если ему что-то нужно, то никакие наказания и запреты не остановят его, и он в любом случае добьется своей цели, чего бы это ему не стоило. Ох уж эти Овны! Тут и с гороскопом не поспоришь! Если втемяшат себе что-то в голову, а потом как упрутся рогом, как упрутся! Не остановишь и не переубедишь! Такие люди отлично знают, чего хотят и практически всегда добиваются своей цели, какова бы она ни была. Ну ладно, достаточно на сегодня астрологии, вернемся к нашему герою.

Том в нетерпении ждал, когда же мать уже уедет на репетиторство, но женщина никак не покидала дом! Лишь изредка она отлучалась в магазин, но в это время Том не осмеливался подняться на второй этаж, ведь не знал в какой точно момент домой может вернуться Мэрил.

И вот наступило 24 декабря, и уже завтра к католикам придет Рождество.

После небольшого праздничного ужина в честь Сочельника, на который Мэрил Стрип подала гуся, фаршированного брокколи, женщина вручила Тому подарок — учебник квантовой физики. После этого Мэрил, прихватив бутылочку вина и брусничный пирог, удалилась наверх, дабы как следует отметить праздник с младшим сыном Джейком.

Уже была глубокая ночь, но Том все ворочался на диване и никак не мог уснуть. Он скинул с себя одеяло, подошел к окну и глазами полными надежды уставился на звездное небо.

— Дорогой Санта, — прошептал он, закрыв глаза. — По телевизору говорят, что Рождество — это время чудес. И если ты и правда существуешь, то прошу тебя, исполни мое желание… Одно лишь желание… Мне не нужны от тебя никакие подарки, просто сделай так, чтобы мама ушла завтра из дома на пару часов. Пожалуйста. Я ж тебя прошу, — открыл он глаза и тяжело вздохнул. — Да не… Бред какой-то… — буркнул он и пошел обратно на диван, дабы немного поспать.

С утра его разбудило раздраженное бормотание Мэрил, которая сидела за кухонным столом и, поставив перед собой небольшое зеркальце, щипала пышные брови.

— Доброе утро, мама, — прошел на кухню Том, протирая заспанные глаза.

— Я сварила тебе манной каши, — рявкнула она, внимательно выдергивая волоски из бровей. — Иди умойся, прополощи горло биометаллом и можешь завтракать.

— Хорошо, — покорно кивнул мальчик и побрел в сторону ванной комнаты.

— Ты представляешь, Томас, — взорвалась Мэрил, когда мальчик был уже на выходе из кухни. — С утра позвонили Цукербауны и заявили, что сегодня я должна приехать к ним и провести занятие с их сыном! Ну это надо! В Рождество! Чертовы евреи, будь они прокляты! Ну не отмечаете вы его сами, так дайте другим отметить и провести время с семьей!

— И что? Ты поедешь к ним? — с надеждой в голосе спросил Том.

— Конечно поеду, глупец! Я еле концы с концами свожу, а эти жиды обещали заплатить мне сегодня по двойному тарифу! — рьяно зажестикулировала мисс Стрип. — Что же мне, упускать такой шанс? Ну, что встал, быстро пошел и умылся! — махнула она в сторону сына.

Вне себя от радости, Том побежал в ванную комнату, быстро скинул маску и уставился на свое отражение в зеркале.

— И правда говорят, что Рождество — это время чудес, — улыбнулся он, взял в руки стакан с биометаллом и стал полоскать горло.

Спустя пару часов Мисс Стрип удалилась. Том выждал полчаса и, удостоверившись, что мать не вернется за чем-либо, в нетерпении поспешил в сторону лестницы.

— Уууф, — выдохнул он, уже стоя перед дверью, и повернул ручку.

Джейк, сумевший сегодня самостоятельно выбраться из манежа, сидел на полу и перебирал кубики. Вдруг он услышал неуверенные приближающиеся шаги и обернулся. В сторону шара медленно и осторожно шел Том. Джейк удивленно вскинул свои не по возрасту пушистые брови, побросал кубики и пополз в сторону стенки шара.

Когда до шара оставалось всего пару метров, Том остановился и, как полный дурак, молча стал следить за малышом не зная, что принято говорить в подобных ситуациях.

— Ааа, — радостно воскликнул Джилленхол, усевшись на задницу у самой границы конструкции, как бы приветствуя гостя.

Но Том, словно глупая амеба, продолжал бездействовать. Тогда Джейк медленно, опираясь о упругий полиэтилен, поднялся на ноги и приставил маленькую ладонь к шару. Том нахмурился, но подошел к странной конструкции практически вплотную. Он присел на колени, неуверенно подял ладонь и сам не заметил, как положил ее на шар ровно в том месте, где с обратной стороны находилась ручка Джилленхола.

Повисла неловкая, но магическая пауза. Два брата, даже и не

представляющие, кем приходятся друг другу, ощутили незримую связь, которая чувствовалась даже несмотря на барьер из гиперпрочного полиэтилена.

— Ну привет, — прервал тишину Том, улыбнувшись одними глазами. — Меня зовут Том. А тебя как?

Джейк молча улыбнулся в ответ и плюхнулся на задницу.

— Эй, как тебя зовут? — повторил вопрос Том. — Кто ты такой? Откуда взялся?

Но малыш упорно продолжал молчать, с интересом рассматривая странную маску на лице гостя.

— Ты что, не разговариваешь? — нахмурился Том. — Как-то странно…

Джейк неуклюже встал на четвереньки и пополз в сторону.

— А почему ты так странно передвигаешься? — продолжал накидывать бестолковые вопросы Том, который первый раз в жизни контактировал со столь маленьким ребенком.

— А! — вновь уселся на зад Джейк и указал рукой в сторону стеллажа, стоящего у стены за шаром.

Том перевел взгляд туда, куда показывал малыш, а потом вновь обратно на него.

— Ты хочешь, чтобы я почитал тебе? — неуверенно спросил он, но никакого ответа не последовало. — Ну хорошо, давай, — наконец, сказал Том.

Мальчик подошел к стеллажу, извлек оттуда первую попавшуюся книгу и по-турецки уселся у шара. С обратной стороны к нему вновь подполз Джилленхол и улегся на бок, продолжая внимательно следить за братом.

— Эта история будет о крольчонке Питере, который со своими братьями пошел в поле полакомиться ежевикой. Мама им строго наказала не ходить на огород мистера МакГрегора. Но Питер ослушался и попал в переделку, — пояснил за сказку Том, открывая книгу на нужной странице.

Он начал читать, а Джейк очень внимательно его слушал, временами смеясь над братом, который на некоторых моментах истории начинал очень эмоционально пародировать персонажей сказки.

— Ой, кажется, я засиделся, мне пора, — через некоторое время опомнился Том, шустро поднимаясь с пола, и поставил книжку обратно на стеллаж.

— Ууу, — опустил уголки губ Джейк.

— Не переживай, — подошел к шару Том и подмигнул брату. — Я приду еще — даю слово. Но сейчас мне пора: скоро вернется мама и очень разозлится, если увидит меня здесь.

Джилленхол, будучи еще совсем маленьким, не понял слов брата и показал ему язык. Том вновь одними глазами улыбнулся в ответ и поспешил ретироваться со второго этажа.

Через полчаса домой вернулась Мэрил и, немного поупрекав старшего сына, а также не забыв напомнить какой он глупый и ущербный, поднялась наверх.

С того дня и началось общение двух единоутробных братьев — Тома и Джейка. Каждый раз, когда Мэрил уходила из дома, Том непременно спешил наверх, чтобы пообщаться с малышом из шара. Мальчик был не глуп — он стал рассчитывать время. Ведь перед тем как уйти, мать давала ему разного рода задания, который он был обязан выполнить до ее возвращения. Поначалу Том засекал, сколько по времени будет отсутствовать его мать, затем стал высчитывать, сколько у него будет уходить на выполнение ее заданий, ведь если он перестанет выполнять их, то Мэрил заметит неладное, а это будет не на руку ни Тому, ни Джейку. И вот уже через пару недель Том настолько мастерски мог распределять время, что сначала быстро исполнял все поручения матери, затем спешил на второй этаж к Джейку и общался с ним, а после у него даже оставалось немного свободного времени, в которое мальчик успевал сходить в душ.

В последующие встречи братьев Том читал для Джейка книжки, а также пытался развлечь его всеми возможными через шар способами: пародировал голоса животных сквозь маску, устраивал для малыша театр теней при помощи фонарика, рук и, опять же, маски, а также просто дурачился, рассказывая всякие небылицы. Джейк нехило веселился над выходками брата, ведь мамаша никогда не устраивала для него подобных развлечений. Он начал привязываться к Тому. Малыш не на шутку грустил, когда старший брат уходил, но, когда тот вновь возвращался через пару дней — счастью его не было предела.

Глава 6: Одинокие

Так наступил апрель.

Проснувшись с утра и поежившись на диване, Том встал и, закутавшись в одеяло, поспешил закрыть форточку, которую слегка приоткрыл перед сном. Вчерашний день выдался по-настоящему весенним и теплым. Но ночь еще напоминала, что зима пока ближе, чем лето. Мальчик сбросил одеяло и быстро натянул домашний свитер. Он снял маску и приложил замерзшие ладони к губам, чтобы согреть их дыханием. В это время Том задумался, пытаясь вспомнить ускользающий от него сон, который он видел перед пробуждением. Какие-то обрывистые картинки и слова всплывали в голове, но тут же исчезали, не давая уцепиться за суть.

— Что ты встал как истукан? — оборвал мысли голос Мэрил, вошедшей в гостиную. — Раз проснулся, то иди живо в ванную и делай все свои утренние дела!

Тома передернуло — не только от холода, но и от предвкушения предстоящей череды биометаллических процедур. Тем не менее, мальчик повиновался и двинулся в сторону ванной комнаты. Проходя мимо комода, он остановился и по привычке передвинул красный квадратик на настольном календаре на следующее число.

«Девятое апреля», — мысленно произнес Том дату и скрылся в ванной.

Выйдя оттуда через двадцать минут умытым, причесанным и донельзя напичканным биометаллом в разных его видах, мальчик прошел на кухню и сел за стол.

— Приготовь себе что-нибудь сам, — буркнула мисс Стрип, роясь в кухонных ящиках. — Мне некогда.

Ребенок, давно привыкший к такому, уже умел прокормить себя сам, поэтому заглянул в холодильник, достал оттуда пару яиц и поставил их варить на плиту.

— Мука есть, молоко есть, сахар тоже… — задумчиво бормотала Мэрил, осматривая продукты, выставленные на стол. — Так, а яйца? Надо пять… Какого черта? — возмутилась она, открыв дверцу холодильника. — Томас! Я тебя спрашиваю — какого черта? Почему ты взял яйца без спроса, глупый мальчишка? Мне надо пять штук для торта! А теперь их всего три! Идиот!

— Торт? Для кого? — непонимающе посмотрел на мать Том.

— Ты вообще слышишь меня, болван? — взорвалась мисс Стрип. — Мне нужны были эти яйца уже сейчас! Быстро собирайся и иди в магазин!

— Хорошо, — вздохнул мальчик, а его желудок недовольно откликнулся голодным урчанием.

Том быстро переоделся, и мать сунула ему в руки денег.

— Мама, но для кого ты хочешь испечь торт? — решил вновь поинтересоваться ребенок, зашнуровывая ботинок, лежа на спине и задрав ногу вверх. — Разве у кого-то день рождения?

— Я не понимаю, почему ты не слушаешь меня? — продолжала вопли Мэрил. — Я на каком языке с тобой говорю? Почему ты ничего не понимаешь? Почему ты такой бестолковый? Боже… За что мне это наказание? Ты же просто безмозглый идиот! Кажется, пора браться за твое обучение… Может, я смогу хоть чему-то тебя научить, и ты перестанешь задавать свои дурацкие вопросы? Вряд ли, конечно, из этого что-то получится… По-моему, ты даже не поддаешься обучению. Ты даже до сих пор не смог научиться нормально шнуровать ботинки! Что уж говорить об остальном! Но это мой крест… Придется тобой заняться…

Том в ступоре смотрел на мать, не понимая, чем вызвана такая вспышка злости, и уже даже не надеясь получить ответ на свой вопрос.

— Все! Иди! Что разлегся? — махнула рукой на сына мисс Стрип. — И давай

быстрее. Как только вернешься — мы обсудим наши с тобой занятия. Ох, чувствую, плохая это идея. Потрачу на тебя кучу сил и времени, а толку не будет. Вряд ли что-то удастся вбить в твою пустую голову… Все, Томас! Иди уже! Не зли меня!

Мальчик вышел за дверь, а Мэрил проводила его разочарованным взглядом, думая о том, что следовало раньше начать заниматься с ним домашним обучением.

Через полчаса Том уже сидел за столом и завтракал вареными яйцами, в то время как его матушка приступила к приготовлению торта, параллельно объясняя сыну подробный план их будущих занятий. Она перечислила все дисциплины, которым собралась его обучить, рассказала в деталях, сколько времени будет уделяться этому ежедневно, и как теперь изменится их распорядок дня.

— А ты сегодня не пойдешь на репетиторство? — спросил Том, наливая молоко в стакан.

— Ты издеваешься? — вскрикнула Мэрил, взбивая тесто венчиком. — Я тебе рассказываю одно, а ты меня спрашиваешь совсем другое! Ты ворон считаешь или что? Прекращай это немедленно, Томас!

— Хорошо, прости… — поджал пухлые губы ребенок. Он уселся на диван и стал пить молоко, погрузившись в свои мысли.

Через пару часов торт был готов. Мальчик бросил на него взгляд, полный безнадеги, ведь знал, что ему не суждено отведать это лакомство. Мэрил воткнула в крем свечку, зажгла ее и, взяв свое кулинарное творение, отправилась наверх. Том же остался в одиночестве и стал рассуждать. Для кого мать испекла торт? Судя по всему, для мальчика из шара. Но с чего вдруг? В прошлом году она и для самого Тома пекла торт, в честь дня рождения. Это что же получается? У малыша со второго этажа сегодня тоже день рождения? Ох… Если все так, как он рассудил, то Тому бы очень хотелось зайти к нему и поздравить. Но, кажется, Мэрил сегодня никуда не уйдет… Неужели ему не удастся поздравить своего нового друга? Эээх…

Со второго этажа доносились ласковое щебетание матери и задорный смех Джейка. Том никогда не слышал, чтобы мама общалась с ним самим столь нежно. Ему стало завидно, что Мэрил не относится к нему, к ее родному сыну, так, как к ребенку из шара. Однако, это не вызвало негативных чувств к самому малышу, а лишь заставило испытать некую обиду на мать и укрепить ощущение собственной никчемности и ущербности.

Мисс Стрип провела у младшего сына почти весь день. Она спустилась вниз ближе к вечеру, и каково же было удивление Тома, когда она вернулась с нетронутым тортом. Дело в том, что женщина считала, что из-за отсутствия иммунитета у Джейка, ему категорически запрещено есть подобное, ведь употребление сладостей могло спровоцировать аллергию, диабет, сахарную кому или чего хуже — летальный исход. Так что торт был лишь символом праздника, но не угощением для именинника. Надо сказать, что питался малыш лишь стерилизованной диетической едой из космических тюбиков, которые Мэрил приобрела на барахолке НАСА.

— Эй, Джерри, иди сюда, — позвала сына мисс Стрип, усевшись за стол и разрезая торт. — Ты же помнишь, что у тебя скоро день рождения? — спросила она, когда мальчик подошел.

— Да, мам, — кивнул Том, сверля голодным взглядом кусок торта, который Мэрил положила на блюдце.

— Ну я надеюсь, ты помнишь, что это праздник для идиотов, и понимаешь, что мы не будем его отмечать? — бросила женщина на ребенка испытывающий взгляд.

Том печально и обреченно махнул головой.

— Но все же… Вот тебе один кусочек авансом, — пододвинула мисс Стрип блюдце к сыну. — Но учти! Даже и не смей пятнадцатого апреля заикаться про этот дурацкий бестолковый праздник! Ты меня понял?

Мальчик вновь положительно кивнул, тяжело вздохнув.

— Смотри мне! — пригрозила Мэрил пальцем.

Тот взял десертную вилку и хотел было приступить к трапезе, как мисс Стрип с оглушительным воплем хлопнула ладонью по столу.

— Ты что совсем дегенерат? Кто же ест сладости на ночь? — кричала она, отбирая у сына вилку. — Что, хочешь заработать еще больше проблем со здоровьем? Не подумал, как это скажется на твоем пищеварении, зубах и весе? Быстро убери это в холодильник — съешь завтра с утра!

Тому не оставалось ничего, кроме как подчиниться. Он припрятал блюдце с тортом в самый укромный уголок холодильника и отправился посмотреть немного телевизор на сон грядущий. Мэрил же прихватила весь оставшийся торт, бутылку вина и отправилась в подвал, чтобы немного поработать. Ох, не бережете вы себя и свое здоровье, мисс Стрип. Или же вы просто двуличная стерва и деспотичная мать в одном лице?

На следующий день, когда после обеда мисс Стрип удалилась на репетиторство, Том достал из закрома холодильника свой авансовый кусочек торта и поспешил наверх.

— Привет, малыш, — поприветствовал он Джейка, подойдя к шару. — А я был прав, когда подумал, что вчера у тебя был день рождения, — осмотрел он декорации внутри полиэтиленового сооружения.

По полу там и тут были разбросаны воздушные шары, а под потолком красовалась гирлянда из флажков с надписью: «С днем рождения, Джейк!».

— Так значит, твое имя Джейк? — посмотрел Том на мальчика, неуклюжими шагами подошедшего к границе своего изолятора.

Малыш приветливо улыбнулся и плюхнулся на задницу.

— Ну, тогда поздравляю тебя, Джейк, — улыбнулся Том. — Моя мама испекла тебе на праздник торт, но я заметил, что она, почему-то, не дала тебе его попробовать. Наверное, тебе было обидно… Но посмотри, что у меня есть, — продемонстрировал он тарелку с кусочком торта. — Я специально не съел его один с утра, решив поделиться с тобой. Будешь?

Джейк в ответ лишь наклонил голову на бок и надул нижнюю губу.

— Да почему ты не разговариваешь? — нахмурился Том. — Все люди умеют разговаривать… Ладно, может, ты какой-то особенный, ведь не зря сидишь в этом шаре…

Том подошел к специальному отсеку, через который Мэрил передавала для Джейка еду, поставил туда блюдечко, на которое положил половину лакомства со своей тарелки, и закрыл железную дверцу. В ту же секунду из отсека раздался шипящий звук, и он наполнился паром. Джейк поднялся с места и побрел в его сторону. Когда пар рассеялся и передаваемый в шар предмет был обеззаражен, Джейк открыл дверцу со своей стороны, взял кусочек и в непонимании посмотрел на него.

— Ты что, не понимаешь, что нужно делать? Это же еда, причем очень вкусная! Просто попробуй! Смотри! — снял Том маску, отломил десертной вилкой кусок и положил в рот.

Джейк изумленно вскинул пушистые брови и незамедлительно стал заталкивать лакомство в рот, при этом перепачкав всю мордочку в креме.

— Ммм, — восторженно протянул он, пережевывая тортик.

— Блин, Джейк, пожалуйста, вытри лицо! — взволнованно заговорил Том. — Иначе мама увидит, что я был здесь! Я же уже говорил тебе, что наши

встречи — секрет! Пожалуйста, вытрись!

Удивительно, но годовалый ребенок понял, что от него требуется, взял уголок ковра и стер им с лица крем. Мисс Стрип, ваши дети так разумны и развиты не по годам! В чем их секрет? Почему они такие смышленые? Считаете, что это ложь и ваш старший сын бестолков? Хорошо, думайте, что хотите. Все равно вас не переубедить!

Затем Джейк подошел к отсеку и стал сжимать-разжимать кулак.

— Хочешь еще? Прости, но у меня больше нет, — пожал плечами Том. — Мама все съела. Давай, когда у меня будет возможность, я тебе еще что-то вкусненького принесу, договорились? А сейчас, пока у нас есть еще немного времени, давай я тебе почитаю, — поднялся он с пола и пошел в сторону стеллажа с книгами.

15 апреля 1988 года.

В этот день Тому исполнилось пять лет. Ох, как же быстро ты растешь, пацан, прими поздравления!

С самого утра Мэрил вела себя не на шутку раздраженно. Она даже на словах не поздравила Тома с днем рождения, не говоря уже о приготовлении торта и отмечании праздника! Весь день мальчик, как никогда, чувствовал себя брошенным и сломленным. Вечером мисс Стрип, не забыв приказать сыну сделать влажную уборку на первом этаже, вновь уехала к богатому ребенку, дабы подтянуть его школьные знания.

Домыв полы, Том сразу же поспешил на второй этаж к своему шаровому другу.

— Привет, Джейк, — понуро зашел он в комнату. — Как твои дела? Хотя, что я спрашиваю, все равно ты не ответишь, — тяжело выдохнул Том и уселся на пол у шара, обхватив руками ноги. — Знаешь, а у меня ведь сегодня день рождения. Но меня совсем никто не поздравил… Мама запретила мне напоминать ей об этом дне… Папы у меня нет… Мама сказала, что он бросил нас, как только я появился на свет… — пояснил за отца он. — Так грустно становится от всего этого. Я чувствую, что никому не нужен… Даже своей маме… Я так одинок…

— Ааа, — издал приободряющий звук Джейк и приложил ладонь к стенке шара.

— Ну, да, у меня есть ты, — улыбнулся Том, также приложив руку к гиперпрочному полиэтилену. — Наверное, твои дела обстоят куда хуже, чем у меня. У тебя и вовсе нет родителей. Только лишь моя мама — Мэрил. Но зачем она тебя привела в наш дом и посадила в шар? Мне кажется, что все это часть какого-то ее нового научного эксперимента. Эээх… Никому мы с тобой не нужны…

— Ууу, — грустно проскулил Джейк.

— Но все же главное, что мы теперь есть друг у друга, а значит — не так одиноки, как кажется, — посмотрел он в синие глаза Джилленхола. — Мы должны держаться вместе, во что бы то ни стало! Я обещаю, что никогда тебя не брошу и буду стараться о тебе заботиться, будто старший брат. А ты? Обещаешь, что тоже никогда меня не бросишь, Джейк?

Малыш нахмурился, не понимая, что нужно от него этому ребенку в маске, но, решив, что все это не так уж и важно, положительно махнул головой.

— Спасибо, Джейк, — улыбнулся глазами в ответ Том.

— Ааа! — указал Джилленхол на маску.

— Хочешь, чтобы я спародировал тебе какого-нибудь зверя?

— А! — кивнул Джейк в знак согласия.

— Ну хорошо, давай я изображу чайку, — поудобнее уселся на пол Том и затянул цикл пародий на животный мир.

Глава 7: Сигареты

Так проходили дни… Недели… Месяцы… Весну сменило лето… А вслед за летом в Нампу вновь пришла осень. Детский смех на площадках стал встречаться все реже, ведь детвора отправилась в школу, дабы провести там еще один бесполезный, по их мнению, учебный год. Но только не Том. Мисс Стрип категорически запретила мальчику идти в начальную школу, заверив, что бюрократы, работающие там, не научат ее сына ничему стоящему. Поэтому она решила продолжить самостоятельно заниматься с ним дома, добавив в перечень их дисциплин такие науки, как: вулканология, паразитология, нейрохимия и уфология. Зачем, спрашивается, ребенку весь этот багаж знаний? Каким образом пригодиться в будущем? Непонятно…

Том сидел за кухонным столом, подперев ладонью голову, и мечтательным взглядом уставился в окно, наблюдая как пожелтевшие листья осыпаются с ясеня в их дворе.

«Сейчас бы выйти на улицу и поваляться в опавшей листве, а не вот это вот все…» — думал он, считая ворон, устроившихся на ветвях уже полуголого дерева.

— Табачный дым повреждает дыхательный эпителий, обусловливая утренний кашель курильщика, бронхиты, эмфизему легких и рак легких… — монотонно бубнила у него под ухом Мэрил. С сегодняшнего дня она ввела для него еще одну новую дисциплину — пульмонологию. На первом уроке она сразу же решила затронуть тему: «Статистическая зависимость между курением табака и мучительной смертью».

«После обеда надо выйти, набрать разных листьев для Джейка и рассказать ему, с каких они деревьев…» — подумал Том, приметив уже у соседского дома дуб, а на противоположной стороне улицы — вяз.

— Хронический бронхит у курящих регистрируется в пять-семь раз чаще, чем у некурящих. В последующем хронический бронхит осложняется эмфиземой легких и пневмосклерозом, заболеваниями, существенно нарушающими функцию легких, — продолжала лекцию мисс Стрип, нарисовав на тетрадном листе некрасивые легкие курильщика. — Как ты, надеюсь, и сам понимаешь, в твоем случае курение — это скорая смерть. Сначала ты будешь мучиться от приступов удушающего кашля, потом начнешь харкать кровью вперемешку с табачной копотью, затем рак сожрет твои хилые легкие, и в итоге ты умрешь в адских болях, страдая от нехватки воздуха…

— Мама, а можно мне сегодня будет дойти до конца нашей улицы? Кажется, я видел, что там росла осина. Я бы хотел подобрать несколько листьев для гербария… — беззаботно спросил Том, взглянув на мать.

Глаза той округлились от шока, и женщина даже несколько секунд не могла вымолвить и слова от возмущения.

— О чем это таком ты говоришь, ублюдок? — изверглась она яростным криком, переходящим в визг, и вновь потеряла дар речи от переполнявшего ее негодования. — Ааагррр! — зарычала Мэрил, словно глупая львица.

Она подскочила с места, схватила сына за ухо и поволокла к учебной доске, висящей на стене. Том даже и понять не успел, что же так разгневало мать.

— Бери мел и пиши: «Я никогда не буду курить!» — рявкнула она, пихнув мальчика маской в доску. — Раз ты не хочешь учиться нормальными методами, значит, будем действовать так! Может, таким образом ты усвоишь хоть что-нибудь…

С этими словами Мэрил развернулась и направилась в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

— А сколько раз писать? — растерянно спросил Том.

— До тех пор, пока не усвоишь урок, — не оборачиваясь, бросила мисс Стрип и скрылась за дверью.

Мальчик взял мел и стал выводить на доске убористым почерком слова, продиктованные матерью. Он уже написал несколько строчек, когда со второго этажа донесся детский смех и ласковое сюсюканье Мэрил.

— Да какой же ты у меня умный! — восторгалась Мэрил. — Как же ловко и быстро собрал весь сортер! Правда, вот этот прямоугольник нужно было засунуть вот сюда… Смотри… Так ведь лучше, правда, Джейк? И овал давай переставим… Покажи — где тут овал? Нет, малыш, это треугольник… Овал — вот, и вставить его нужно вот в это отверстие…

Том тихонько поднялся по лестнице и приложил ухо к двери, чтобы лучше слышать разговор.

— Ааа! — послышался возмутительный детский визг, а затем шум разлетающихся игрушек.

— Ну ладно, малыш, хватит на сегодня, ты, наверно, очень устал, — ласково залепетала мисс Стрип. — Иди скорее ко мне, я тебя обниму… Ох, Джейк, какой же ты у меня красивый! Ну что за славный ребенок! Такой милый! А твои синие глазки — ну чисто океан…

Том сжал кулаки и подвигал желваками. Мальчик никак не мог понять, чем заслужил такое отношение матери к себе, и ощутил себя по этой причине еще более неполноценным и лишним в этом мире. От всего этого ему стало очень грустно. И лишь сейчас он стал понимать, что во всем этом непосредственно виновата сама Мэрил, отчего начал злиться на нее, а также на себя за то, что плохо думает о матери.

Так он простоял под дверью еще пару минут, слушая, как мисс Стрип воркует с Джейком, а затем поспешил обратно на кухню. Том схватил мел и быстро написал на доске «Я никогда не буду курить!». С каждым новым предложением, буквы становились все кривее и кривее. Сам же Том был вне себя от ярости. Писав все это, он неистово раздувал под маской ноздри и крепко сжимал зубы.

— Ну что? — прошла на кухню Мэрил и посмотрела на доску, где уже не было свободного места, а сын дописывал последнее поместившееся предложение.
— Усвоил урок?

Том молча взял в руку тряпку, протер доску и начал писать по новой.

— Томас, зачем ты это делаешь? — раздраженно спросила мисс Стрип.

— Я еще не усвоил урок, мама, — сквозь зубы процедил он, не отрывая разъяренного взгляда от доски.

— Положи мел и садись обратно за стол! Продолжим наш урок! — рявкнула женщина.

— Я еще не усвоил этот, — повторил Том, делая после каждого слова дерзкую паузу.

— Ах, вот, значит, как мы заговорили, — усмехнулась Мэрил. — Решил показать зубки? Удумал вывести меня из себя таким способом? Ну давай, посмотрим, кто из нас окажется более стойким! Как усвоишь — позовешь меня, и мы продолжим наше занятие, британский выродок, — бросила она и удалилась в кабинет.

Несколько часов Том настырно писал одну и ту же фразу на доске. Когда место заканчивалось, он стирал и все начинал сначала. Несколько раз мисс Стрип возвращалась на кухню, дабы подкрепиться, и молча следила за выходками сына. Ее молчание злило мальчика еще сильнее, но он старался не показывать этого.

— Мама! Я усвоил урок! — закричал Том, когда время уж перевалило далеко за полночь.

Он услышал шаги матери, спускающейся со второго этажа.

— Усвоил? Хорошо… — зевнула она, запахивая халат. — Тогда давай продолжим наше заня…

Мэрил резко замолчала, уставившись на доску.

— Я хорошо усвоил твой урок, мамочка, — наигранно прощебетал Том и бросил огрызок мела на пол, прямо под ноги мисс Стрип.

Женщина безумно округлила глаза, метая взгляд с сына на доску, где огромными убористыми буквами красовалась кривая надпись: «Я буду курить всю жизнь!»

Мэрил, еле сдерживая себя, подошла к кухонному ящику, достала оттуда пачку сигарет фирмы «Мальборо», которую когда-то очень давно оставил Бенджамин Джилленхол, бросила ее на стол, а сама уселась на стул. А точно ее оставил здесь Бен? Барышня, а не покуриваете ли вы сами тайком в подвале время от времени? Ну, а что? Пьете там винишко, жрете целиком торты… Думается, что эта пачка принадлежит именно вам, мисс Стрип…

— Сядь, — жестом ладони пригласила она сына за стол.

Увидев в глазах матери нешуточную озлобленность, Том стал терять уверенность, но попытался это скрыть и покорно сел на стул.

— Кури, — прокатила Мэрил пачку сигарет в сторону мальчика.

Том молча вылупился на мать, не ожидая такого поворота событий.

— Кури, — пододвинула она сыну и зажигалку. — Сними маску и кури…

— Я… — замялся Том.

— Кури, я сказала! — завизжала она на весь дом, ударив кулаком по столу.

Мальчика затрясло от страха и он, будто на автомате, стал медленно расстегивать на затылке маску, покорившись матери.

— Сукин сын! Почему так медленно? — подскочила Мэрил, подлетела к сыну и одним рывком стащила маску. — Быстро засунул сигарету в свой дебильный пухлый рот и подкурил ее! Или ты настолько беспомощен, что мне это сделать самой? — возмущенно вскинула она пушистые брови.

Трясущейся от страха рукой Том вытащил из пачки сигарету и зажал между зубов. Затем взял зажигалку и чирканул ею. Но ничего не выходило! Огонь никак не зажигался!

— Да какой же ты дегенерат! — взорвалась Мэрил, словно глупая пороховая бочка. Она вытащила из пачки еще пять сигарет, запихнула в рот сыну и подожгла все разом. — Давай! Затянись же!

И Том, все еще надеясь вернуть уверенность, затянулся. От попавшего в легкие табачного дыма, у мальчика сразу же закружило в голове и его затошнило. Не прошло и пары секунд, как он упал на пол на четвереньки, выплюнул сигареты и блеванул.

— Все? Теперь урок усвоен? — с сарказмом спросила Мэрил, взяла кухонную тряпку, намочила ее и кинула сыну в голову. — Уверена, что да! А теперь приберись за сбой!

На глазах Тома навернулись слезы, и мальчик разрыдался.

— Кхм, — усмехнулась в нос мисс Стрип. — А что ты плачешь-то, я не поняла? Сам же виноват в произошедшем!

Том смерил мать недоуменным взглядом, взял тряпку и, захлебываясь слезами, стал размазывать по полу блевоту. Мэрил с минуту понаблюдала за сыном и пошла в сторону лестницы.

— Как уберешься, спать ложись, — бросила она уже на порожках. — Из-за твоих табачных выходок с утра тебя ждет ингаляция биометаллом, а потом полоскание горла им же. Так что подъем будет на час раньше, ведь из-за этих процедур я не намерена переносить наши занятия и терять свое драгоценное время. Усек?

— Да, — буркнул Том, всхлипывая.

— Маску не забудь надеть, а то рискуешь задохнуться, — напоследок вякнула Мэрил и скрылась на лестнице.

Еще пару минут Том бездумно протирал пол, продолжая плакать. За что же мать так жестоко с ним обошлась? Разве он заслужил? Разве так нужно воспитывать детей? От этих вопросов мальчика вновь стала охватывать обида и ярость на мать. В этот момент Тому очень захотелось подняться на второй этаж и кинуть обблеванную тряпку прямо в лицо Мэрил. Но он смог обуздать злость и взять себя в руки, побоявшись, что после такой выходки точно огребет по полной и потеряет последнюю надежду на то, что мать станет относиться к нему по-доброму.

— Я все равно буду курить, когда стану большим, — озлобленно-меланхолично сказал он под нос. — И в следующий раз меня не вырвет…

Глава 8: Бодалки

Май, 1990 год.

— Это я, Джейк, — зашел на второй этаж Том и приветливо улыбнулся. — Прости, что давно не навещал — не было возможности. Как ты? Скучал?

— А! Ааа! А! — радостно запрыгал в шаре малыш.

— Ну, чем займемся сегодня? — подошел ближе Том и хлопнул ладонью по гиперпрочному полиэтилену в том месте, где с другой стороны приложил ладошку Джейк. — Почитать тебе?

Ребенок же завалился на спину, поднял ноги вверх и замахал ими, весело хохоча. Кажется, он сейчас совсем не был настроен на чтение, а хотел лишь немного побеситься и посходить с ума. Том совсем не обратил внимание на игривое настроение малыша, взял со стеллажа книгу и уселся по-турецки возле шара.

— Сказки дядюшки Римуса, — продемонстрировал он обложку Джейку. — С какой начнем? Может, «Братец Кролик и братец Лис»? Ммм? Как тебе? — предложил Том и стал перелистывать страницы.

— Уааа! Аааааа! — безумно завизжал мальчик из шара, подскочил к полиэтилену и, прыгая на месте, неистово захлопал по нему.

— Что? Что такое, Джейк? — непонимающе приподнял бровь Том, а малыш продолжал скакать и задорно верещать. — Эээм… Ты хочешь посмотреть картинки? Ну ладно… — пожал плечами мальчик, развернулся к шару спиной, опершись на полиэтилен, так, чтобы Джейк смог рассмотреть рисунки в книге. — Как-то вечером мама долго искала своего сынишку. Джоэля не было ни в доме, ни во дворе. Она услышала голоса в старой хижине дядюшки Римуса… — начал читать он, как вдруг почувствовал через полиэтиленовую стену сильный толчок в спину, от которого уткнулся маской в книгу. — Эй, ты чего? — опешил он, обернувшись.

— Ха-ха! — катался от смеха по полу Джейк, довольный своей проказой.

— Ах, так! — наконец понял его настроение Том и наигранно упер руки в бока, улыбнувшись под маской. — Ну я понял… Понял, маленький соплежуй, чего ты хочешь. Ну, давай! — встал он с пола, немного наклонился и поманил ладонью Джейка.

Тот впрыжку подлетел к границе шара, врезавшись лбом в полиэтилен, в этот же момент его с обратной стороны легонько толкнул Том. Джейк завалился назад и принялся хохотать пуще прежнего.

— Давай, теперь моя очередь, — прильнул к шару старший мальчик, а младший, получше разогнавшись, толкнул его. — Ахаха! — механически, но весело рассмеялся Том, упав назад.

Ребята стали увлеченно играть в свою безумную забаву, толкая друг друга по очереди, каждый раз падая и радостно хохоча.

— Ну что, сдаешься? — спросил через полчаса Том, когда мальчики, уже устав от прыжков, играли в «бодалки лбами» через гиперпрочный полиэтилен шара.

— У-у, — промычал Джейк и поднажал головой на прозрачную стену между ними.

— Ну держись, мелкий говнюк! — задорно вскрикнул Том и сильнее уперся лбом в шар.

Так они бодались до тех пор, пока оба окончательно не выдохлись.

— Ну все, ничья! Перерыв! — огласил результат Том и убрал голову от полиэтилена. Джейк тоже отстранился, а затем прилег на пол, дабы немного передохнуть и отдышаться. — Весело, да?

Малыш кивнул в ответ.

— Ух, если бы не этот дурацкий шар, то я бы мигом тебя уделал, — ухмыльнулся Том и тут же в его глазах появилась грусть. — Эх… Жаль мы и в правду не можем с тобой играть без этого препятствия, — пнул он ногой полиэтилен. — Как бы я хотел, чтобы мы с тобой оказались по одну сторону… Было бы в сто раз веселее…

Вдруг Джейк подскочил с пола и ринулся к отсеку, через который Мэрил передавала ему еду. Он засунул руки внутрь и стал сжимать и разжимать ладони, в нетерпении подпрыгивая на месте.

— Что? Ты хочешь, чтобы я залез к тебе? — усомнился в адекватности ребенка Том, но к отсеку подошел. — Мне не пролезть тут… Слишком узко…

Джейк зарычал и убрал руки из ниши в полиэтиленовой стене. Он возмущенно затопал ногами, а из его ушей повалил пар. Затем мальчик вновь засунул ладони в отсек, еще более требовательно сжав ладони.

— Ладно, давай попробуем, — пожал плечами Том и открыл железную дверцу отсека со своей стороны.

Он просунул внутрь сначала руки, которые тут же ухватил Джейк, а затем голову.

— Черт! Я же говорил, что не пролезу… — пыхтел мальчик, когда уже наполовину оказался в шаре. — Кажется, я застрял! — он помогал себе руками, пытаясь просунуться дальше. Но у него ничего не выходило! Тогда он заболтал ногами, в надежде вылезти обратно. Но и это ему не удавалось! Том накрепко застрял в этот проклятом отсеке! Пацаны, здесь вроде где-то должна быть некая дверь или ее подобие, разве нет? Явно ведь мисс Стрип не оказывается внутри шара вот таким вот нелепым способом. Эта женщина должна была предусмотреть что-то поудобнее для входа. Что, Джейк? Дверь есть, и она с левой стены? И почему же ты не сообщил об этом Тому? Что? Не умеешь говорить? Ну так показал бы. Что? Не думаешь, что это так важно? И впрямь…

Вдруг снизу послышалось, как хлопнула входная дверь. Мальчики замерли и испуганно уставились друг на друга. Было очевидно, что это вернулась Мэрил. Ребята так заигрались, что Том совсем потерял счет времени.

— Что делать? Мама убьет меня, если застанет здесь! — механически зашептал мальчик. — Давай, толкай меня обратно!

Но Джейк же Джилленхол, будучи трехгодовалым дураком, решил сделать по-своему и изо всех сил потянул Тома внутрь, упершись ногами в шаровую стену.

— Джейк, отпусти! — ошалевше бормотал мальчик, пытаясь сопротивляться. — Мне надо срочно убираться отсюда!

Он слышал, как мать на кухне разбирала продукты и складывала их в холодильник. Том мысленно просчитал, что как раз сейчас мог бы незамеченным спуститься по лестнице — пока дверца холодильника распахнута и закрывает Мэрил обзор. Но пока ребенок размышлял о своем побеге, то и сам не заметил, как Джейк приложил все оставшиеся силы и втащил его внутрь. Том кубарем пролетел прямо в центр шара.

— Да что же ты наделал, Джейк?! — воскликнул мальчик, схватившись за голову. — О, нет! — застонал он, услышав шаги матери на лестнице.

Малыш подскочил к Тому и потянул его за рукав в сторону кровати.

— Мне конец! — хныкал Том, когда Джейк откинул покрывало и указал пальцем под кровать. — Мама меня убьет! — не унимался он, а малыш, решив не дожидаться пока его друг опомнится, стал сам заталкивать его под кровать.

Дверь открылась в тот самый момент, когда Джейк накинул покрывало обратно.

— Привет, Джейк, соскучился по мне? — защебетала мисс Стрип, войдя в комнату.

— Ааа! — заголосил малыш, сильнее одернул покрывало из-под которого

виднелись пятки Тома, и бросился к полиэтиленовой стене. — А-а-а! — завопил он, тыча в рот пальцем.

— Ты голоден, малыш? — улыбнулась Мэрил. — Я тебе принесла кое-что, — с этими словами она просунула в отсек тюбик, на этикетке которого была нарисована индейка.

— Бееееее! — продолжил орать Джейк, схватил тюбик и злобно швырнул обратно в отсек, после чего вновь принялся изображать приступ голода.

— Ох, Джейк, что-то ты не в духе сегодня, — вздохнула мисс Стрип. — Ладно, мальчик мой, чего ты хочешь? Может, яблок? Сыра? Брокколи? Ветчины? — накидывала она варианты, каждый из которых ребенок отвергал душераздирающим воплем.

— Аааааа! — визжал он, лежа на спине и неистово колотя пятками по полу, когда Мэрил перечислила ему уже все возможные продукты из тюбиков, которые у нее только имелись.

— Боже! Да чего же ты хочешь, Джейк? — ничего не понимала женщина. — Тыкву? Лук? Свеклу? — гадала она, хватаясь за голову. — Рыбу? Говядину? Перепелку?

— Ааа! — запрыгал Джейк, указывая на дверь и кивая головой.

— Перепелку? Серьезно? — изумилась Мэрил. — Но у меня ее нет, придется идти на барахолку… Ты готов ждать, Джейк?

Тот еще более рьяно закивал и затопотал ногами, приказывая матери немедленно убираться отсюда.

— Хорошо, малыш, только успокойся… Я быстро сбегаю и принесу тебе перепелку, — выставила ладони вперед женщина и пошла к двери. — Мой маленький привередливый гурман, — улыбнулась она, уходя, и закрыла за собой дверь.

— Ууу, — заглянул под покрывало Джейк, когда мать удалилась.

— Фуф, — с облегчением выдохнул Том, осторожно выглянув из-под кровати.

Мальчик вылез оттуда и присел на детский стул, дабы перевести дух. Его сердце бешено колотилось, а ладони вспотели от страха.

— Надо выбираться, — через минуту сказал он. — Только как? Я же опять застряну…

Но Джейк так и не намеревался указать Тому, где находится полиэтиленовая дверь с ростовым зип-замком, поэтому не оставалось ничего другого, кроме как вновь лезть в отсек.

— Ууух, — пыхтел мальчик, когда на обратном пути из шара, естественно, вновь застрял таким же образом, а малыш-Джилленхол подталкивал его сзади.

Через несколько минут, с горем пополам, Тому удалось выбраться наружу. Он плюхнулся на пол и тут же поспешил к двери. Джейк подошел к полиэтиленовой стене, приложил к ней ладони, грустно оттопырив нижнюю губу и насупив пышные брови. Том заметил печаль на лице друга, когда уже почти вышмыгнул за дверь. Он тихонько закрыл ее обратно и вернулся к шару, приложив ладони к ладоням Джейка.

— Спасибо, что помог мне не попасться и спрятал, — сказал он, глядя в глаза малышу. — Умно придумано — отправить ее за перепелкой. Прости, что накричал на тебя, ты не виноват, мне самому не стоило лезть в эту дурацкую дыру… Надеюсь, однажды мы придумаем способ, как оказаться по одну сторону шара… И тогда уж я точно уделаю тебя в бодалки! — улыбнулся мальчик и ткнулся лбом в полиэтилен.

Джейк тоже приложил голову к шару с обратной стороны.

— Все, мне пора идти, — попятился мальчик. — Надеюсь, скоро увидимся…

Малыш помахал ему рукой, и Том удалился.

Глава 9: Мечта

Так прошло еще полгода, и в Нампу вновь пришла осень.

На дворе уже стоял октябрь месяц, сегодня выдался хоть и прохладный, но очень чудесный солнечный денек. Мэрил приуютилась в плетеном кресле, что стояло на заднем дворе, и завернулась в шерстяной плед. Женщина взяла в руки кружку, до краев наполненную вином, и благоговейным бухим взглядом уставилась вдаль. Недалеко от нее, расположившись на ровно выстриженном газоне, сидел Том и играл в машинки.

— Эй, что ты делаешь? — послышался задорный визг женщины с соседского участка.

Том повернул голову на звук, и перед ним предстала следующая картина. Молодой мужчина взял в руки шланг и стал брызгаться водой на женщину.

— Ну все, сейчас ты получишь! — захохотал мальчик-подросток, выбежав из дома с водным пистолетом и начал «стрелять» из него по мужчине.

В это же время из дома выскочила девочка-шестилетка и ринулась к бочке. Она стала опускать в нее воздушные шарики, наполняя их водой, после чего кидала их в мужчину.

— Все, я сдаюсь! Вы победили! — весело проорал тот, спустя пару минут, и наигранно упал на газон.

Тут же к нему подлетела женщина и дети. Вчетвером они стали задорно хохотать, обниматься и щекотать друг друга. В оконцовке из их дома выбежал золотистый ретривер, подскочил к хозяевам и весело облизал каждого.

— Папа, ты такой классный! — верещала девочка-соседка, обнимая мужчину.

— У нас такая счастливая семья! — восторгался подросток, обнимая сестру и родителей. — Боже, спасибо тебе за это! — поднял он лицо к небу, навернув на глаза слезы.

— Ахахаха! — хохотала женщина, почесывая за ухом собаку. В это время мужчина крепко обнял ее за плечи и стал осыпать лицо поцелуями.

— Господи, какие же эти новые соседи дегенераты, — скривила губы мисс Стрип, наблюдая за происходящем. — Им только не хватает начать пускать радугу из своих ртов… Чертовы бюрократы…

Том улыбался, наблюдая за тем, как дурачатся соседи, после чего обернулся к матери.

— Мама, а почему такого никогда не происходит у нас? — спросил он.

— Ох, Джерри… — цокнула пьяненькая Мэрил. — Ну ты совсем из ума выжил, я не пойму? Хочешь, чтобы я сейчас встала и начала поливать тебя ледяной водой из шланга, а потом из-за этих выходок ты подцепил пневмонию? Или может мне найти твоего отца, броситься перед ним на колени и просить вернуться к нам? Такие все это глупости… Чего ты хочешь, я не пойму?

— Счастливую семью, — бестолково пожал плечами Том.

— Счастливую, блять, семью… — выругалась мисс Стрип. — А чем тебя не устраивает наша? Разве счастье вот в этой бюрократии? — вальяжно махнула она рукой в сторону соседей.

— Ну не знаю… Я бы хотел, чтобы нам было так же весело, чтоб мы тоже были так дружны, — продолжил мечтать мальчик.

— Ну, хоти дальше, — развела руки в стороны Мэрил, опустошила кружку до дна и вновь наполнила ее до краев.

— Знаешь, мам, когда я вырасту, у меня обязательно будет такая же дружная и веселая семья, — продолжил фантазировать Том. — Я даже вернусь сюда и заберу тебя к себе, а потом…

— Стоп, стоп, стоп! — зажмурилась женщина, помотав головой. — Что ты такое несешь, Томас? Во-первых, куда это ты собрался? Ты что, решил, что когда

повзрослеешь, сможешь жить самостоятельно? Какова наивность! Ты же ничего без меня делать не умеешь! Как ты собрался существовать без матери? Ну, а, во-вторых, какая семья? Ты хоть думаешь, что лопочешь? Ведь для того, чтобы завести семью для начала нужно найти себе женщину. Уверен, что будешь кому-то нужен? Кто-то полюбит тебя — глупого безграмотного инвалида? Да даже последней шлюхе из подворотни ты не будешь интересен!

Том изумленно вылупился на мать не зная, что делать дальше: то ли попытаться отстоять свою точку зрения, то ли спросить, кто такая шлюха и почему она обитает в подворотне.

— И даже если, теоретически, — продолжила пьяный бред Мэрил, сложив пальцы кольцом. — Ты сумеешь кого-то найти… Знаешь, что будет дальше? Эта женщина сначала заманит тебя в паутину ложных надежд и обещаний, затем начнет медленно высасывать из тебя душу и наличку, после чего вырвет твое сердце и вдребезги растопчет его. Сама же она прыгнет в койку к первому встречному, а ты, Томас, останешься один и придешь зализывать раны к матери, которая, в отличие от любой другой женщины, никогда не бросит и не предаст тебя!

Мальчик непонимающе смотрел на мисс Стрип не въезжая, почему та сравнивает человека женского пола с каким-то жутким насекомым. Он бросил взгляд на соседей, все еще веселившихся на газоне, и стал визуализировать, как женщина впивается в шею мужа и начинает высасывать из него душу и некую наличку.

— А еще для того, чтобы создать семью, необходимы дети, — продолжила нести хуйню Мэрил. — Как думаешь, Томас, какого качества сперма инвалида?

— Чего? — нахмурился мальчик, вновь посмотрев на мать.

— Вот тебе и чего, — покривила она лицом. — Нельзя тебе размножаться, Джерри, нельзя! От тебя будут плодиться лишь инвалиды, если не хуже! И на чьи плечи упадет ответственность за них? Твоя жена уйдет к другому, ты будешь страдать по ней… А бедная Мэрил должна будет обеспечить своим нерадивым внукам жизнь! Разве это нормально? Так что выбрось из головы все эти мысли про семью раз и навсегда. Я — твоя семья. Ты никому и никогда не будешь нужен кроме своей матери. Лишь она одна будет нести тебя на своих плечах всю жизнь… — затянула свою классическую шарманку мисс Стрип.

Но Том уже не слушал, что лопочет матушка. Он вновь повернул голову к участку соседей и стал наблюдать за их семьей.

— Кстати, ребята, мы же забыли вам сообщить! — веселился неугомонный сосед. — У вас скоро будет братик или сестричка! — похлопал он женщину по животу.

— Ааа! Благость-то какая! — рухнул на газон подросток и забился в конвульсиях счастья, пуская изо рта радужную пену.

— Урааа! — как идиотка расставила руки в стороны девочка-соседка.

«Кажется, тут мама права. Соседи и впрямь какие-то дегенераты… — подумал Том. — Но и сама мама, кажется, немного не в себе. Что за ерунду она несет? Откуда ей знать что-то о счастливой семье, если у нее никогда таковой и не было? Да и откуда ей знать, что будет со мной в будущем? Она что, Оракул?»

— Только лишь я буду любить тебя таким, какой ты есть… — продолжила на заднем плане буробить мисс Стрип.

— Знаешь, — перебил Том. — А я все равно попробую завести семью, — выпалил он и побрел в сторону дома.

— Что ты сказал?! — охуевше вылупилась на него Мэрил, но мальчик даже и не обернулся. — Эй, куда ты пошел, болван? Мы не договорили! Вернись немедленно!

— Я есть хочу, — крикнул он и прошел в дом, дерзко захлопнув за собой

дверь.

— Ооох… Какое же наказание… — укоризненно помотала головой пьяная Стрип. — Чую, проблем у меня будет с этим мальчиком — уйма. Главное не запустить его, а то без меня он точно окажется либо в тюрьме, либо в подворотне, — пробубнила она и пару минут молча смотрела на дом, то и дело икая.

Том же прошел на кухню, насыпал в миску кукурузных хлопьев, залил молоком и уселся за стол.

— Ох! Как же я могла забыть! — ворвалась через пару минут в дом Мэрил. — У меня же сегодня репетиторство выездное! — она ринулась в прихожую, где уселась на пол и стала натягивать на ноги высокие сапоги. Но у нее ничего не выходило! Сапоги никак не натягивались! Ноги женщины не на шутку опухли от вина!

Спустя десять минут ей с горем пополам удалось обуться и, облокачиваясь о комод, мисс Стрип медленно поднялась.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — взволнованно спросил Том, приметив, как мать шатает из стороны в сторону.

— Что, вздумал мать учить? — в пьяном угаре бычилась Мэрил. — Может еще осудишь меня за то, что я позволила выпить себе немного вина? А? Отвечай, тварь!

— Да нет… Я просто… — замялся Том, не на шутку испугавшись быдлежного стеклянного взгляда матери.

— То-то же! — перебила мисс Стрип, окутывая вокруг шеи легкий французский шарф. — Ладно, я пошла! К моему приходу чтоб перебрал мешок фасоли, которую я купила на зиму. Красную от белой отдели, а потом можешь быть свободен! — рявкнула она и удалилась.

Том на всех парах побежал в подвал, дабы скорее переделать фасольные дела, а затем уже со свободной душой пойти наверх к Джейку.

— Ух ёёё… — расстроенно протянул он при виде десятикилограммового мешка. — Да мне всю ночь ее перебирать! Я так не успею к Джейку! А что, если… — призадумался он, хитро прищурившись.

Мальчик взял мешок и поплелся с ним на второй этаж к другу, в надежде, что сможет не только поговорить с ним по душам, но и малыш как-то поможет в этом неблагодарном деле с сортировкой бобовых.

— Привет, Джейк, — прошел Том в комнату, с трудом волоча за собой мешок. — Поможешь?

Ребенок побросал свои игрушечные дела и поспешил к полиэтиленовой стене.

— Мне надо перебрать это, — указал мальчик на фасоль и приоткрыл мешок. — Может, сделаем это вместе, а заодно поболтаем?

Джейк одобрительно закивал. Том улыбнулся, зачерпнул пригоршню фасоли и положил ее в отсек для передачек. Малыш сгреб бобовые на пол и уселся рядом.

— Вот смотри — тут есть красные и белые фасолинки. Их надо разделить. Понял? — также сел на пол Том и начал показывать, что нужно делать.

Малыш из шара взял одну фасоль и внимательно на нее посмотрел. Затем перевел взгляд на друга, а сам медленно стал подносить бобовое зернышко к открытому рту.

— Стой! Что ты делаешь? Это нельзя кушать — она же сырая! — остановил его взмахом ладони Том, усмехнувшись над ребенком.

Джейк отбросил белую фосолинку, взял красную и также потянул себе в рот.

— Нет! Ну, Джейк! Хватит баловаться! — вновь замахал руками мальчик. — Давай раскладывай их на две кучки. Ты же понял, что делать.

Малыш Джилленхол подкатил бездонные синие глаза, но приступил к выполнению задания. Том одобрительно улыбнулся и тоже принялся сортировать фасоль.

— А ты знаешь, что такое семья? — спросил он через пару минут. — Нет? Хочешь расскажу? — посмотрел он на Джейка. Тот отрицательно помотал головой, а Том кивнул в ответ. — Семья — это когда есть мама и папа, а у них — дети. И все они любят друг друга. И им весело. У меня вот есть мама, и она, вроде как, моя семья… Хотя не знаю… Мне совсем не так это представляется… Мама говорит, что любит меня. Но мне кажется, что любовь совсем не такая, — вздохнул он. — Джейк! Ты опять за свое?

Малыш дернулся и поднял взгляд на брата. Хоть он и усердно перебирал фасоль, но, тем не менее, успел засунуть ее в нос, рассортировав бобовые по цветам в разные ноздри.

— Ну-ка, вынимай их, — строго сказал Том.

Джейк изо всех сил дунул носом, и фасолины со свистом вылетели из ноздрей.

— Молодец, — усмехнулся мальчик. — Так о чем это я… Ах, ну да… О маме. А у тебя же, получается, нет мамы? Хотя странно, у всех должна быть мама… Так есть или нет?

Джилленхол положительно закивал.

— И где же она? Почему ты тут один в этом шаре? — удивился Том.

Джейк указал пальцем на выход, пытаясь объяснить, что его мать покинула комнату через эту самую дверь. Но Тому было совсем невдомек, что его мамаша Мэрил и мать его друга из шара — это один и тот же человек. Как же так? Ты вроде сообразительный малый, а очевидного понять не можешь. Покумекай маленько, проведи параллели, сопоставь факты — и все сразу встанет на свои места!

— Твоя мама бросила тебя, да? Мне очень жаль… — продолжал бестолковиться Том, сочувствующе посмотрев на друга. — А я вот решил, что когда стану большим, то обязательно заведу большую семью. У меня будет жена и много детей, и я буду любить их, а они будут любить меня… А ты бы хотел семью, Джейк?

Малыш грустно закивал головой, пытаясь натолкать фасоли в уши.

— Если хочешь, то я возьму тебя в свою семью… Ну, когда вырасту… И когда она у меня появится, — сказал Том, жестом предложив мальчику из шара избавиться от фасоли в ушах. — Ты мне и сейчас как семья, Джейки… Хм… Джейки… Можно мне тебя так называть?

Ребенок радостно хлопнул в ладоши в знак согласия.

— А ты бы мог называть меня Томми. Мне нравится… Я бы хотел, чтобы кто-нибудь меня так называл, — печально улыбнулся Том. — Жаль ты не разговариваешь… Но когда научишься говорить, ты же сможешь меня так называть? Томми и Джейки… По-моему, классно звучит! Ну прямо как Том Сойер и Гекельберри Финн. Да?

Джилленхол поднял большие пальцы и довольно закивал.

— Ну хорошо, Джейки, — улыбнулся Том уже пободрее. — Так что, ты будешь жить со мной и моей семьей, когда я стану взрослым?

Джейк опустил уголки губ и похлопал ладонью по полиэтилену.

— Ах да, этот дурацкий шар, — вздохнул мальчик. — Ну ничего, я обязательно что-нибудь придумаю и вытащу тебя отсюда! Обещаю! — гордо провозгласил он, подняв указательный палец.

Малыш в очередной раз кивнул, сгреб с пола горсть белой фасоли и насыпал в отсек для передачек.

Так мальчишки просидели еще пару часов. Том рассказывал Джейку всякие байки, и они даже не заметили, как перебрали всю фасоль.

Примечание к части

Любезный мой друг, пока я рисую основную обложку, наклепал временную.
Проходи по ссылочке - https://ibb.co/LrPyRnX

Глава 10: Куклы

Март, 1991 года.

Том вот уже две недели не мог навестить Джейка, ведь маменька слегла с бронхитом и не ходила все это время на репетиторство. Это очень расстраивало мальчика. Хоть на дворе и стояла мерзкая слякотная погода, но ребенку хотелось как можно меньше проводить время в доме, ведь Мэрил то и дело, хрипло и страдальчески постанывая, упрекала сына в безразличии и отсутствии хоть капли жалости к ней — бедной больной женщине, несмотря на то, что Том днями напролет заботился о ней, подавая теплое молоко и пилюли от кашля. Посему мальчик в свободное от ухода за матерью время старался отправиться на улицу, чтобы отвлечься от ее нескончаемого потока нытья и жалоб.

Том вышел на задний двор и побрел к большой луже скопившейся талой воды, по пути подбирая с земли мелкие камушки и складывая их в карман куртки. Он подошел к луже и, доставая камни по одному, стал кидать их в воду, наблюдая за расходящимися кругами и прислушиваясь к звонкому всплеску потревоженной водной глади.

— Эй, что это ты делаешь? — отвлек Тома тоненький голосок.

Мальчик поднял голову и увидел прямо перед собой за забором девочку в вязаной шапке из голубой шерсти с большим помпоном на макушке.

— Эээм… Камни бросаю, — ответил Том и продемонстрировал ладонь с горстью мелкой щебенки из кармана.

— А зачем? — спросила девочка, подозрительно прищурившись.

— Просто, — пожал он плечами, почувствовав себя немного неловко, будто делал что-то противозаконное.

— А что у тебя на лице? — продолжала вопрошать любопытная девочка.

— Маска, — буркнул под нос Том, опустив взгляд.

— А зачем она тебе? — не унималась девочка, подойдя поближе к забору, чтобы лучше разглядеть странную конструкцию.

— Ну… — замялся мальчик, совсем не желая посвящать незнакомку в свои проблемы со здоровьем.

— Ладно, не важно… — отмахнулась девчонка. — Лучше посмотри, что у меня есть, — достала она из-за пазухи куклу и прислонила к забору.

— Что это? — приподнял бровь Том.

— Ты что, дурак? Это кукла! — изумилась девочка.

— Ах, ну да… — покраснел мальчик, сам не понимая, зачем задал этот глупый вопрос. — Красивая…

— Хочешь, поиграем вместе? А то мой брат не хочет играть со мной в куклы, — спросила девочка.

— Ну я не знаю… А как в них играть? — поинтересовался Том.

— Ооо! Да ты что? Это же так классно! Сейчас я тебе расскажу! Только сбегаю домой и принесу еще несколько кукол, чтобы было интереснее, — восторженно защебетала девочка, не дожидаясь ответа, развернулась и рванула к своему дому.

Том остался стоять у лужи, провожая соседку взглядом и думая о том, а хорошая ли эта затея играть с незнакомыми детьми. Одобрит ли это мать? Вряд ли… Но ведь она и твои походы на второй этаж не одобрила бы. Однако ты продолжаешь туда упорно ходить, не задумываясь о последствиях. Может, стоит поступить так же и в этой ситуации?

Вскоре девочка вернулась к забору, таща за собой чемоданчик. Она остановилась и открыла его. Тот был сплошь набит разными куклами и их розовым игрушечным тряпьем. Ребята безрассудно уселись на мокрую землю друг напротив друга, девочка просунула через забор несколько кукол и всякую

утварь для них, и они приступили к игре.

— Обед готов, мои дорогие! — высунулась из окна соседского дома женщина. — Все к столу!

— Ой, мне пора! Мамочка зовет! — вскочила девочка и принялась собирать кукол.

— Эх… Жалко… — вздохнул Том, протянув ей через забор куклу, которой играл последние полчаса. — Мне понравилось, я бы еще поиграл… Жаль у меня нет кукол…

— Ох, бедняжка… — сочувствующе наклонила голову набок девочка. — А знаешь, я бы могла подарить тебе несколько. У меня их все равно слишком много, и некоторые из них уже старые и надоели мне, а мои мама и папа обещали купить новых. Так что я бы могла отдать тебе несколько штук, чтобы как раз освободить место для новеньких. Ммм?

— Правда? — восхитился такой щедростью Том.

— Ага, — кивнула девочка и закопошилась в чемодане. — Вот. Можешь взять вот эту… И эту… И еще вот этих двух, — выбрала она самых непрезентабельных кукол и протянула мальчику.

— Спасибо, — улыбнулся Том и принял подарок. И хоть вид этих потрепанных кукол оставлял желать лучшего, мальчик все равно был несказанно рад такому презенту. Он поднял взгляд на девочку, но той уже и след простыл. Том лишь услышал, как хлопнула входная дверь соседского дома, а следом оттуда послышалось веселое и радужно-счастливое семейное воркование.

Том положил подаренных кукол в карманы и поспешил в сторону дома.

— Где ты шляешься, глупец? — болезненно возмутилась Мэрил, как только мальчик вошел внутрь. Она спустилась по лестнице со второго этажа и ничком плюхнулась на диван, положив на голову тряпку, смоченную в биометалле. — Ты что же, разве не знаешь, что мне плохо? Что мне нужна помощь? Неблагодарный мальчишка! Принеси мне молока!

Том повиновался.

— Мам, а хочешь, я покажу тебе спектакль? — спросил он, подавая мисс Стрип стакан теплого молока.

Мэрил взяла напиток, смерив сына пренебрежительным взглядом с нотками раздражения. От чего-то мальчик воспринял это как знак согласия. Он, переполняемый вдохновением, придвинул журнальный столик поближе к дивану, достал кукол, скинул с себя куртку и встал на колени. Том взял в обе руки по кукле и поставил их на стол.

— Боже… За что же мне это наказание? Где же я так нагрешила? — застонала мисс Стрип, медленно и осторожно поднимаясь с дивана, когда мальчик приготовился показать кукольное представление. — Ты что совсем, Томас? Где ты взял это? — помотала она ладонью в сторону кукол в руках сына.

— Мне их подарила та девочка, что живет по соседству, — пояснил за кукол Том.

— Девочка тебе их подарила… Вот пусть эта девочка сама в них и играет! — продолжала хриплые возмущения женщина. — А ты разве девочка, чтобы играть в куклы? А? Или, может, ты пидераст, Томас? Если так, то ты, конечно, можешь в это играть…

— Кто такой пидераст? — непонимающе спросил мальчик, приподняв бровь.

— Ну, очевидно, что ты! — развела руками Мэрил.

— Я не понял… — нахмурился Том.

— Ну вот опять! — вскинула руки Мэрил. — Я не понял… Не понял… Мама, я не понял… — спародировала она сына даунским басовым голосом. — Как же ты мне надоел, Томас! Вот здесь уже сидишь! — постучала она ребром ладони по шее. — Пидераст! — замахнулась она тряпкой, промоченной биометаллом, и

ударила ей мальчика по лбу.

Том вылуплено смотрел на мать, совершенно не понимая, что опять сделал не так. Сама же женщина психовано встала с дивана и молча направилась на второй этаж.

Пару минут Том сидел будто парализованный. Он бросил взгляд на подаренных кукол, взял их в руки и задумался. Он никак не мог решить, как же ему поступить в данной ситуации: выкинуть кукол в мусорку или оставить себе, но прослыть перед матерью неким «пидерастом». Еще пару минут мальчик покумекал, прикинул в голове все плюсы и минусы, и все же решил оставить кукол себе. Ведь что ему новое обзывательство от матери? Она и так покрывает его последними словами! И будет покрывать, даже если Том избавиться от кукол. А так, хотя бы поиграет во что-то новенькое… Молодец, пацан! Все верно рассудил!

И тут у Тома в голове вспыхнул момент, как мать ударила его по лицу тряпкой. Это не на шутку взбесило мальчика. Какого хуя, спрашивается, она себе позволяет? Он всего лишь хотел повеселить матушку и отвлечь от бронхитных страданий, показав кукольный спектакль, а взамен получил в свой адрес нелестные слова, а потом еще и удар тряпкой!

Мальчик в секунду вспыхнул, словно глупая спичка. Над ним обуздала такая злость и обида, что захотелось немедленно подняться на второй этаж и ударить мисс Стрип. Но Том знал — во-первых, в современном мире бить женщину непозволительно, а, во-вторых, даже, если он так поступит, то рискует взбесить мать не на шутку, а там, глядишь, она и сама его изобьет за подобные выходки. Но что же тогда делать? Как выплеснуть весь этот гнев? Том шустро поднялся с пола и поспешил на кухню. Там он взял ножницы и стал обкрамсывать волосы одной из кукол, пытаясь воспроизвести на ее голове прическу матери. Затем Том ринулся в коридор, отрезал кусок от французского шарфика Мэрил и навязал на шею куклы. Мальчик вновь вернулся в гостиную, схватил фломастеры и разукрасил куклу, изображая на пластиковом теле побои.

Через пару минут он отбросил куклу в сторону и глубоко выдохнул, откинувшись на спинку дивана. Ну как? Выпустил пар? Такой ты, конечно, сообразительный, пацан! Сам придумал для себя психотренинг и смог обуздать ярость! Красавчик, Томми! Так держать!

Спустя неделю, мисс Стрип все же соизволила выздороветь и, наконец-то, отправилась на выездное репетиторство.

— Джейк! Как же я по тебе скучал! — вломился на второй этаж Том, ринувшись к шару.

— Ааа! Аау! Уаа! — залепетал Джилленхол, подбежал к полиэтиленовой стенке и вжался в нее мордой, сплющив ее до неузнаваемости.

— Я столько всего принес тебе! — воодушевленно сказал Том, подошел к отсеку для передачек и положил туда несколько яблок.

Джейк взял гостинцы, уселся у границы шара и начал набивать рот.

— Смотри, что еще у меня есть, — сел на колени с обратной стороны Том. — Сейчас я расскажу тебе, что приключилось со мной за то время, что я отсутствовал, — достал он из-за спины трех кукол.

Первая была наряжена в криво сшитое бордовое пальто, на ее ногах и лице были изображены побои, и символизировала она никого иного, как небезызвестную мисс Стрип. На голове у второй куклы красовалась голубая шапка, сшитая из шерстяного носка, а, следовательно, эта игрушка была прототипом девочки-соседки. На лице у третей куклы черным фломастером была нарисована маска, а значит, символизировала она самого Тома.

Мальчик показал Джейку целый кукольный спектакль, изображая куклой Мэрил, как та корчиться от болей в легких и прикладывает ко лбу маленькую

тряпочку. Все представление Джилленхол хватался от смеха за живот, а в моменте, где Том изображал, как кукла-соседка ворует у куклы-Мэрил ее пальто, бедолага из шара и вовсе малёха спустил в штаны.

— Ооо, — смеясь, выдохнул Джейк, по завершению спектакля. Мальчик зааплодировал и показал брату большие пальцы вверх.

— Ну, как ты, наверняка, понял, половину из всего это я сам додумал, — меланхолично протянул Том, откладывая кукол в сторону.

Джейк быстро захлопал в ладоши, дабы привлечь внимание брата.

— Чего? — уставился на него Том.

Молчун из шара указал в сторону кукол и жестами изобразил, что ему очень нужна хотя бы одна из них.

— Ээээм… — замялся Том. — Ну, вообще-то, так не по правилам. Мы же с тобой об этом говорили, Джейки. Я не могу ничего оставлять у тебя в шаре. Моя мама может увидеть у тебя новую вещь и узнать, что я хожу к тебе. И тогда…

— Ммм… Ннн… — умоляюще сложил ладони Джилленхол, надув губы и подняв пышные брови домиком.

— Джейк, нет, — строго помотал головой Том.

— Ммм… — продолжил стоять на своем Джейк и уставился на брата скорбным синим взглядом.

— Ладно, — выпалил Том. — Но только спрячь ее как можно дальше, чтобы Мэрил не нашла. Договорились? — встал он с пола и пошел в сторону отсека.

Джейк поднялся, весело захлопал в ладоши и, пританцовывая, направился в том же направлении, что и брат. Пацан, а что ты так и не разговариваешь? Тебе сколько уже? Три? Почти четыре! Том вон в твоем возрасте уже читал во всю, а ты… Так… Бунтарь из шара!

Том положил куклу-мать в отсек, но железную дверцу закрывать не спешил.

— Огрызки положи в отсек, я их заберу… — начал было он.

Джейк в ответ рьяно зажестикулировал, изображая, что съел яблоки целиком, и стал поторапливать брата скорее передать ему куклу — уж очень ему не терпелось с ней поиграть! На самом же деле, огрызки валялись по полу, но трехлетка из шара не посчитал важным сообщать об этом Тому.

И вот, спустя мгновение, Джилленхол уже держал в руках куклу-Мэрил, и радости его не было предела.

— Джейк, ну мы же договорились? Ты спрячешь ее понадежнее?

Мальчик из шара положил руку на грудь, как бы убеждая Тома, что он самый надежный человек во вселенной и ни в коем случае его не подведет.

— Ну хорошо, я понял… Понял… — улыбнулся в ответ Том.

Примечание к части

Ну что ж, мой дорогой дружок, вот и закончилась очередная глава "Легенды..." Как ты уже и сам догадался - беспечность трехлетнего ребенка явно потянет за собой последствия. Перед новыми главами советую запастись валерьянкой, ибо кульминация данного промежутка жизни нашего героя потрепет тебе нервы своим безумием и несправедливостью!

Глава 11: Разоблачение

Спустя три дня.

Том сидел за кухонным столом и ковырялся в манной каше, брезгливо вылавливая комочки и бросая их обратно. Боже, как же он ненавидел эту кашу! Но Мэрил настырно продолжала варить ее для сына, то и дело утверждая, что тот слишком худой для своего возраста и как, если не на манке, ему еще набрать недостающий вес.

Мальчик настолько увлекся ковырянием в завтраке, что совсем не обратил внимание, как на кухню зашла разъяренная Мэрил. Женщина грубо схватила его за руку и выдернула из-за стола. Том кубарем упал на пол и, решив, что мать разгневана за то, что он не ест кашу, поспешил оправдаться.

— Я сейчас все съем…

— Рот закрой! — завизжала Мэрил и с размаху залепила ему пощечину. Да такую сильную, что Тома откинуло в сторону.

У мальчика в голове зазвенело, он схватился за горящую щеку и испуганно уставился на мать.

— Что это такое? — спокойно спросила мисс Стрип и кинула перед сыном на пол избитую куклу-мать и четыре яблочных огрызка.

При виде этих вещей, внутри у Тома похолодело, а самого мальчика затрясло. Он зашнырял растерянным взглядом то на мать, то на куклу, то на огрызки.

— Что это такое? — вкрадчиво повторила вопрос женщина, скрипя челюстью.

Том продолжал безумно молчать, не зная, что принято говорить в подобных жизненных ситуациях.

— Сегодня я проводила уборку на втором этаже. И нашла там вот это все… Но я не приносила туда ни яблоки, ни уж тем более эту ублюдскую куклу. Повторяю вопрос. Что это такое и как это оказалось на втором этаже?

— Мама… — трясущимся голосом залепетал Том. — Пожалуйста, прости… Я не…

— Ты ослушался меня, Томас Джерри Харди, — перебила Мэрил. — Ты — самое бестолковое и ничтожное существо на всей планете! Я подарила тебе жизнь, я вытащила тебя с того света, когда остальные опустили руки и поставили на тебе жирный крест. И что я получаю взамен? Твое непослушание? Я же миллиард раз говорила тебе, что на второй этаж подниматься нельзя!

— Мама, пожалуйста, прости меня, — пытался оправдаться мальчик.

— Не перебивай меня! — завизжала Мэрил, затопав ногами. — Ты провинился, как никогда! С этой минуты для тебя наступает новая жизнь! Я с тебя не спущу глаз! Ты даже поссать будешь ходить только после моего разрешения! А про то, что увидел на втором этаже, даже и думать забудь! С этого дня у тебя нет туда пути! Я запрещаю тебе там появляться! Ты понял меня?!

По-хорошему, Тому следовало бы промолчать в данной ситуации. Но увы и ах — у него в голове вновь вспыхнула неконтролируемая ярость, и мальчик был не в силах совладать с нею.

— Да почему? — взорвался он, разгневанно уставившись на мать своими не на шутку серыми глазами. — Мы с Джейком общаемся уже не один год! И ты даже этого не замечала! Не найди ты вот это вот все, — указал он на огрызки. — Никогда бы и не узнала про наше общение! Так что я такого сделал?!

— Что ты сейчас сказал?! — превратилась в обманутую сову Мэрил. — Не один год?! Да как ты посмел вообще общаться с малышом Джейком?! Хотел дурно на него повлиять? Принес ему специально эту куклу, чтобы сделать из него пидераста?

— Нет, все не так! — заверещал Том. — Джейк — мой лучший друг, а я — его! И ты не вправе запрещать нам общаться! — плел он бесстрашную хуйню.

— Что, думаешь, Джейку с тобой интересно общаться? С тобой — глупым и необразованным увальнем? — подъебала сына Мэрил.

— Да, интересно! — стоял на своем Том. — И я буду с ним общаться! Ты не запретишь! Да и вообще, хватит меня называть глупым! Надоело! Кто из нас еще глупый? А? Я — мальчик, который почти два года тайно ходил на второй этаж, или ты — взрослая тетка, которая даже ничего и не подозревала все это время?

На кухне повисла неловкая пауза. Мэрил не на шутку охуела от услышанного и словила клина, решив, что, во-первых, старший сын становится неуправляемым наглецом, а, во-вторых, что он хочет отбить Джейка и настроить его против нее. И дабы всего это не произошло, она решила незамедлительно взять под контроль происходящее.

— Я повторюсь, — сквозь зажатые зубы прорычала мисс Стрип и закрыла глаза. — Ты немедленно забываешь про Джейка и больше никогда не…

— Я буду общаться с Джейком! — перебил Том.

— Нет, не будешь! — взвизгнула Мэрил.

— Буду! Буду! Буду! — как ненормальный заорал мальчик.

И тут мисс Стрип почувствовала, как ее авторитет падает в глазах сына, и дабы вернуть его, а может даже и укрепить, женщина решила действовать радикальным способом. Она схватила со стола маску Тома и подняла на вытянутой руке.

— Ты не будешь общаться с Джейком, — вкрадчиво повторила Мэрил.

— Я буду с ним общаться! Он мой друг! Я его друг! Мы нужны друг другу! — продолжал стоять на своем Овен-Том.

— Нет, не будешь! И если ты сейчас же не послушаешься меня, то я уничтожу твою маску, и через пару минут ты умрешь! — угрожала сыну расправой чокнутая женщина.

Услышав это, Том осекся и взглянул на маску. Внутри будто что-то оборвалось. Ему стало страшно. Неужели родная мать способна убить его за ту провинность, что он совершил?

— Мама, отдай! Я же задохнусь! Я без нее уже почти десять минут! — взволнованно залепетал мальчик.

— Скажи, что не будешь общаться с Джейком, — с улыбкой сказала Мэрил.

— Мама, это не шутки… Я же могу умереть… Отдай маску… — умолял Том.

— Ты забудешь дорогу на второй этаж? — вызывающе приподняла пушистую бровь женщина.

От осознания того, что через пару секунд жизнь может оборваться, Том упал на четвереньки и глубоко задышал. Голова кружилась, тело трясло, мальчик позабыл, как нужно дышать и стал задыхаться. Совершенно точно, что паренек отхватил паническую атаку, но, будучи наивным глупцом, Том решил, что все это из-за его инвалидных легких.

— Мама, отдай мне ее! — рыдал сквозь удушье мальчик. — Я умираю!

— Сначала попроси прощение за то, что нагрубил мне! — впала в шизу Мэрил, учуяв свой вернувшийся авторитет.

— Прости меня… Пожалуйста… — рыдал Том, пытаясь справиться с приступом.

— А теперь пообещай, что никогда больше не сунешься на второй этаж!

— Я обещаю…

— А еще, что не будешь общаться с Джейком!

— Обещаю… Отдай…

— То-то же! — самодовольно воскликнула Мэрил. — Хочешь свою масочку обратно, британский выродок? Попробуй отними! — помотала она маской из

стороны в сторону.

Том поднял заплаканные испуганные глаза на мать. Таким униженным он не чувствовал себя еще никогда в жизни. Ему было очень больно от того, что мать дразнит его, будто глупую собачонку, хотя сам мальчик находится уже в предсмертном состоянии.

— Что? Сил нет? — покривила лицом мисс Стрип. — Надо было больше кашки кушать, Томас, — изрекла она мудрость, кинула маску в сторону сына и, гордо задрав нос и захватив из кухонного ящика бутылку вина, удалилась на второй этаж.

Том быстро надел маску и трясущимися пальцами застегнул ремни на затылке. Мальчик сделал глубокий вдох и оперся спиной о кухонный ящик. В голове галопом скакало множество вопросов. Почему Джейк не спрятал передачки Тома? Что ему самому сделала Мэрил, когда увидела все это? Вдруг побила? И что будет дальше? Неужели Тому и Джейку больше не суждено будет общаться? Где тот момент, когда они все проебали? От таких мыслей у мальчика засосало под ложечкой, он закрыл лицо руками и разрыдался. Тут же начали всплывать и другие вопросы. Мэрил… Что это вообще такое было? Неужели, она и правда позволила бы сыну умереть, не скажи он ей того, чего она добивалась услышать? Она всегда была с ним холодна или груба… Но что бы до такой степени… Тому стало очень страшно. При одном воспоминании о матери его бросало в дрожь. Если дети в его возрасте боялись незнамо чего — темноты, высоты, подкроватного монстра и прочей лабуды, то Том боялся родную мать. И вместе с чувством страха, к мальчику пришло и чувство некоего раздражения к Мэрил.

Глава 12: Пленник

Несмотря на обещания сына, мисс Стрип не намерена была верить ему на слово. Посему с этого дня она глаз не сводила с мальчика, что бы он ни делал и куда бы ни направился. Также она стала таскать его с собой всюду, куда отправлялась: будь то очередное внеклассное занятие с детьми местных бюрократов и нуворишей, поход в супермаркет или на очередную барахолку. Таким образом, у Тома не было ни секунды, когда бы он остался в одиночестве и смог навестить Джейка. Все это невероятно расстраивало и пробуждало все большую злость на мать. Он часто размышлял о том, как живут другие дети в других, нормальных, семьях, а также представлял, как бы ему жилось без Мэрил. Том был практически уверен, что чувствовал бы себя намного счастливее без нее. Также частенько в голове стали появляться мысли об отце. Почему тот бросил его? Даже мисс Стрип, насколько бы плохой матерью она ни была, не бросила мальчика. Так неужели его отец — человек еще хуже Мэрил? Возможно ли это? Или дело совсем в другом? Может он бросил не самого Тома, а его матушку? Может она также издевалась над ним? Да и вообще! А правда ли все это? Может отец вовсе и не бросал Тома, а все это лишь гнусная ложь Мэрил? В таком случае, где он теперь? Пытался ли найти сына? Может быть он ищет прямо сейчас? Жив ли он вообще? Все эти вопросы, целыми днями крутящиеся в голове Тома, не давали ему покоя. Но мальчику даже не с кем было поделиться своими переживаниями. Раньше он обязательно бы рассказал об этом Джейку, и хоть тот бы промолчал в ответ, все равно Том ощутил бы поддержку с его стороны. А теперь, когда он днями напролет находится под неусыпным контролем матери, ему оставалось лишь молчать. Не с Мэрил же делиться этими размышлениями!

Так прошло около месяца.

Однажды ночью Том проснулся от какого-то шума, похожего на звук бьющегося стекла. Он открыл глаза и приподнял голову с подушки. Вокруг было темно, лишь тонкий прямоугольник света выбивался из проема закрытой двери, ведущей в подвал.

— Черт! Почти целая бутылка «красного»! — донесся из-за двери пьяненький и раздраженный голос мисс Стрип, а затем послышались шаги.

Том поспешил положить голову обратно на подушку и прикинулся спящим. Дверь открылась, озарив гостиную светом люминесцентных ламп, и из подвала вышла Мэрил. Мальчик приоткрыл один глаз и увидел, как мать шаткой походкой прошла к кухонному ящику, достала оттуда непочатую бутылку «бордо» и двинулась обратно.

Через несколько секунд дверь в подвал со щелчком закрылась, и в тот же миг Том поднялся с дивана и тихо пошел к лестнице, ведущей на второй этаж. Он понял, что возможно, это единственный шанс увидеться с Джейком. Мальчик также знал, что рискует, но ничто не в силах было его остановить, ведь это молниеносное решение отправиться наверх было принято не разумом, а сердцем. Поэтому вскоре он уже стоял перед дверью, положив ладонь на ручку, которую глупышка Мэрил так и не соизволила закрыть на ключ. Том лишь на мгновение замешкался, после чего толкнул дверь от себя.

— Джейки… Ты спишь? Эй, — зашептал он, войдя внутрь.

Ответом ему была тишина.

— Джейк, — повторил Том, подходя ближе к шару.

Пространство внутри слабо освещалось светом уличного фонаря, пробивающимся сквозь тюль. В этом полумраке мальчик разглядел лишь бесформенный силуэт на кровати. Очевидно, что Джейк спал, укутавшись в одеяло с головой.

— Эй, проснись! — легонько похлопал Том по гиперпрочному полиэтилену. — У нас мало времени! Ну же, Джейки!

Маленькая куча на кровати зашевелилась.

— Ммм… — послышалось сонное мычание из шара, а из-под одеяла выглянули синие глаза.

— Прости, я не мог прийти. Мама не разрешает мне и следит за мной, — быстро объяснил Том, когда Джейк встал с кровати и пошел к полиэтиленовой стене.

Но больше мальчик не успел сказать ни слова. Дверь с грохотом распахнулась и внутрь влетела обезумевшая Мэрил.

— Грязный выродок! — заорала она, схватив старшего сына за волосы. — Ты ничего не понял, ублюдок! Думал, сможешь обмануть меня? Черта с два!

С этими словами она поволокла ребенка из комнаты. Тот кричал, сопротивлялся, хватаясь пальцами за руки матери, которая вцепилась в его волосы, и брыкался ногами.

— Аааааа! — визжал Джейк, стуча ладонями по полиэтилену.

Но мисс Стрип не намерена была слушать ни одного из сыновей. Она потащила Тома вниз по лестнице и с силой швырнула к окну. Мальчик ударился затылком о чугунную батарею, отчего в глазах потемнело, а в ушах зазвенело. Мэрил же пулей рванула в подвал, откуда вернулась уже через несколько секунд, держа в руках наручники. И откуда только они у вас в доме, мисс Стрип? Тоже купили на какой-то барахолке? Что вы еще там приобрели? Может плетку или еще какое орудие пыток?

— Теперь мне не придется тебя всюду таскать с собой, но и шагу ты ступить не сможешь без моего позволения, — прорычала она, схватив Тома за запястье и накинув на него браслет наручников. Второй браслет зацепила за чугунную трубу.

Мальчик же от боли, обиды и непонимания заплакал.

— Ну давай, давай, глупый нытик… — надменно усмехнулась Мэрил, защелкнув браслеты наручников и сунув ключи от них себе в лифчик. — Думаешь, кто-то услышит твое нытье? Даже если и так, то всем плевать на тебя! Никто не придет к тебе на помощь! Ты никому не нужен, ничтожество! Только лишь мне одной!

В это время Джейк продолжал орать, как невменяемый, долбясь в шар и безумно топоча ногами. Он видел все происходящее через открытую дверь и был в корне несогласен с поведением матери.

Том же сквозь слезы смотрел на Мэрил, не веря в серьезность ее намерений. Он думал, что она хочет его лишь запугать и вскоре освободит. Но та была настроена не только агрессивно, но и решительно.

— Располагайся поудобнее, отныне эта твоя постель, — криво улыбнулась мисс Стрип. — На вот, укройся, — взяла она с дивана плед и бросила мальчику в лицо. — Малыш, ну что ты кричишь? Этот страшила тебя напугал? Ну ничего, я уже иду, — развернулась она и поспешила вверх по лестнице.

Но когда Мэрил зашла в комнату, Джейк даже и не подумал успокаиваться. Напротив — он закатил истерику пуще прежнего. Он бился о шар, падал на пол, визжал и рвал на себе волосы, все время тыча пальцем в дверь.

— Ну все, хватит, он больше не посмеет к тебе прийти, — залепетала мисс Стрип, захлопнув дверь и тем самым закрыв обзор гостиной для Джейка.

Конечно, Мэрил понимала причину истерического поведения младшего сына, но признаться в этом самой себе была не готова — это для нее означало бы полный провал в воспитании. Но мисс Стрип не умела признавать ошибок и считала себя непогрешимой.

Том слышал вопли Джейка еще долго. Он орал до тех пор, пока мать не ушла от него, и еще какое-то время после. Под конец его голос уже осип и, видимо, у

малыша вскоре не осталось сил на крики, поэтому он замолчал, после чего уснул прямо на полу. Том, в свою очередь, не сомкнул глаз всю ночь. Он не мог поверить, что все это реально, надеялся, что Мэрил сейчас вернется и отстегнет его. Но та даже и не думала об этом. Она закрылась в подвале и до поздней ночи заливала в свою ученую глотку вино.

Следующим утром мисс Стрип, как ни в чем не бывало, вышла из подвала и направилась к Тому.

— Иди чисть зубы и делай все процедуры, — сухо сказала она, расстегивая браслет на запястье мальчика. Сами же наручники она оставила висеть на батарее.

Том, который от бессилия провалился в сон буквально полчаса назад, встрепенулся и взглянул на мать, не понимая ничего. Может, это просто сон? Он потер запястье, след от наручника неприятно саднил. Нет, это совершенно точно было наяву. Сразу же к мальчику начало приходить осознание случившегося, и на смену страху перед Мэрил, в сердце вновь заклокотала злость. Он встал с пола и направился в ванну. Там снял маску и уставился на свое отражение. Почистив зубы, Том наполнил стакан отваром биометалла и уже было поднес его к пухлым губам, как вдруг резко одернулся, а затем вылил все содержимое в раковину.

— Все сделал? — спросила Мэрил, когда через несколько минут мальчик вернулся в гостиную.

— Да, — соврал тот и сел на диван.

— Садись есть, — буркнула Мэрил, швырнув на стол тарелку с позавчерашним брусничным пирогом.

— Нет, — коротко помотал головой Том.

— Пффф… — усмехнулась мисс Стрип. — Можешь голодать сколько хочешь! Думаешь разжалобить меня таким образом? Не выйдет, глупец! Захочешь — поешь.

Женщина взяла поднос, где была разложена в ряд дюжина космических тюбиков с различными вкусами, и удалилась на второй этаж. Через закрытую дверь Том слышал, как Джейк вновь безумно завопил, а потом, судя по звуку, зашвырял переданные ему тюбики в стену шара.

— Это все ты виноват! — выскочила через полчаса со второго этажа Мэрил. — Ты его испугал, и теперь он отказывается есть! Британский ублюдок! Бюрократ!

Том лишь ухмыльнулся, промолчав в ответ. Кажется, Джейк тоже решил объявить голодовку. Молодцы, пацаны! Как слаженно действуете в команде, даже не сговариваясь.

— Что за улыбки такие? — яростно прищурилась мисс Стрип.

— Ничего, — пожал плечами мальчик, не отрывая взгляда от телевизора.

— Ну раз не хочешь есть, значит марш отсюда на свое место, — указала Мэрил на батарею под окном. — Посмотрим, как ты запоешь через пару дней…

Она сдернула сына с дивана, подтолкнула его к батарее, после чего вновь защелкнула браслет наручников на его запястье. Затем набрала еще кучу тюбиков и снова отправилась наверх, чтобы немного поворковать с Джейком, а также постараться накормить его как следует.

Так прошло пару дней. Сколько их было точно, Том не понимал, ведь каждый день и ночь были до безумия однообразны. Почти круглые сутки мальчик был прикован к батарее. Лишь пару раз в день Мэрил отстегивала сына, дабы тот посещал ванную комнату, да и то — под ее строгим контролем. Душа Тома разрывалась на части. Неужели ему суждено вот так вот и провести остаток своих дней — пристегнутым к батарее? Да и сколько вообще продлится его

жизнь? Мамаша уже доказала своим поведением, на какие поступки способна! Где гарантия того, что мальчик не будет задушен подушкой во сне или не будет отравлен крысиным ядом? А, мисс Стрип? От всех этих мыслей Тому становилось не на шутку страшно. Он не ел стряпню Мэрил, а когда та приближалась к нему или просто проходила мимо, мальчик закрывал глаза и прижимался к батарее, словно зашуганный зверек. Безумная женщина, видя, как превосходит сына морально, то и дело плевала на него, тем самым унижая Тома ниже некуда.

И вот, на третьи сутки, когда время уже приближалось к обеду, Мэрил Стрип вновь поднялась на второй этаж, дабы попытаться накормить малыша Джейка, который так и не соизволил есть, объявив мамаше голодовку.

— Мой хороший, — нежно залепетала она, открывая железную дверцу отсека для передачек. — Я принесла тебе сегодня много необычного! Ты же у меня такой любознательный мальчик! Вот смотри — это фриттата с лобстером, это — пряные баклажаны на гриле, а это — фокачча с буратой и базиликом, — аккуратно складывала она в отсек космические тюбики, приобретенные на барахолке для элитных астронавтов. — А вот это и вовсе эксклюзив! Филе-миньон с ревенем! Ммм? Как тебе, малыш, интересно же попробовать все это?

Как только тюбики оказались по ту сторону шара, Джейк взял в руки один из них, отвинтил крышку и принюхался. Мэрил сложила руки в замок и с надеждой посмотрела на сына. Партизан из шара поднял голову и, состроив ошеломляющее и разоряющее душу лицо, с характерным звуком нарочито выдавил содержимое на пол.

— Нееет… — безысходно простонала мисс Стрип, рухнула на колени, закрыла лицо ладонями и зарыдала в голос. — Джейк, ангел мой… За что ты так со мной… Я прошу тебя — поешь!

Джилленхол-младший даже и не думал покупаться на страдания мамаши. Он закрыл глаза и строго помотал головой.

— Ну что мне сделать, чтобы ты поел? — молила Мэрил, на коленях прошагав к шару.

Джейк цокнул, подкатил глаза и изобразил руками на лице маску Тома. Затем показал ладонью на место, где сидела Мэрил, уничтожающе указал на женщину пальцем, а после тыкнул в сторону двери.

— Малыш, я понимаю — ты очень испугался это чудовище в маске! Но мама обещает — он никогда больше тебя не потревожит! — плела она хуйню, все еще пытаясь не верить в происходящее.

— Ааагррр! — взорвался Джейк, с силой вцепился в волосы и неистово затопал ногами, не в силах больше слушать бредни матери.

— Ну что опять я сказала не так?! — охуевала мисс Стрип.

— Ааа! Ааа! Ааа! — метался по шару Джейк, хватал тяжелые предметы и швырял их в полиэтиленовые стены, прогоняя мать из комнаты, а вместе с ней и ее тупость.

Мэрил завыла, словно глупая белуга, и выбежала из комнаты. Женщина, сломя голову, спустилась по лестнице и ринулась в свой кабинет, чтобы изобрести там какую-нибудь новую приблуду из биометалла или гиперпрочного полиэтилена, дабы с ее помощью накормить младшего сына. При виде Мэрил, Том вжался в стену и сильно зажмурился.

— Ты во всем виноват, британская шавка! — остановилась в паре метров от него мисс Стрип. — Ты напугал невинное дитя! Он теперь ничего не ест из-за тебя! И если это его погубит, клянусь — я убью тебя, сукин сын, закопаю на заднем дворе и плюну на твою могилу! — смачно плюнула она прямо на маску Тома и побежала дальше по своим делам.

Когда дверь в кабинет громко захлопнулась, Том медленно открыл глаза, стер с маски слюни матери и уставился в сторону лестницы. И тут в голове будто

что-то перещелкнуло. Джейк явно видел, как поступила с Томом Мэрил, именно поэтому и объявил бойкот. А это значит, что он пытается добиться того, чтобы она отпустила Тома и дала мальчикам видеться. И в этот самый момент Том Джерри Харди понял — он не одинок на этой планете, в нем кто-то нуждается и кто-то очень ждет встречи с ним. Он ощутил невероятную злость на мать. На женщину, которая не только пытается разделить двух друзей, но и насильно держит их в плену в собственном доме. Том почувствовал в крови невероятный всплеск тестостерона и ему незамедлительно захотелось поставить безумную мамашу на место и стать «главным» в этой нелепой семье. Стоп-стоп-стоп, пацан, какой тестостерон?! Тебе лет-то сколько? Что говоришь, развит не по годам? Биометалл уже начал вырабатывать этот гормон в твоей крови? Ну ничего себе чудеса!

Лицо Тома стало каменным, а в уголках глаз появилась ухмылка. Мальчик задергал рукой, от чего браслет наручников звонко загремел на всю гостиную.

— Хватит греметь! Ты мешаешь мне сосредоточиться! — заверещал через пару секунд голос Мэрил, доносящийся из кабинета.

Том усмехнулся, подкатил глаза и задергал рукой быстрее.

— Замолчи! — повторила мисс Стрип через какое-то время.

Но Том никак не желал прекращать! Мальчик настырно продолжал стучать, призывая мать выйти из кабинета.

— Да что ты позволяешь себе, дерзкий глупец?! — забежала в гостиную Мэрил и уставилась на сына разъяренным взглядом.

Том усмехнулся и вновь дернул браслетом. В его душе не было ни капельки страха по отношению к матери. Напротив, мальчику стало абсолютно наплевать, что эта дурная женщина может с ним сделать. Убьет его? Ну и похуй! Пускай уж лучше так, чем жить на цепи всю жизнь и выслушивать ее нескончаемые маразматические бредни! Ох, давай там поосторожнее, кажется, мисс Стрип не шутит! Рискуешь оказаться на заднем дворе и быть пожранным тамошними червями!

— Хватит стучать, — сквозь зубы прорычала Мэрил. — Ты мешаешь мне работать, ты…

Но Том перебил мать, безумно задрыгав рукой. Женщина покраснела, будто спелый глупый томат, утробно зарычала и побежала в прихожую. Через мгновение она вернулась обратно, держа в руках биту для лапты, которую оставил в память о себе ее отец, покидая семью, когда Мэрил было всего девять лет.

— Немедленно прекращай, ублюдок! Или я ударю тебя! — начала кидать она угрозы, безумно тряся битой в воздухе.

Но Тому было наплевать на это, и он продолжал отбивать ритм наручниками по трубе.

— Хватит! — завопила Мэрил, замахнулась и ударила сына битой по лицу.

Том на секунду потерял ориентацию в пространстве, тряхнул головой и продолжил стучать дальше.

— Хватит! Хватит! Хватит! — сорвало крышу Мэрил, и она стала наносить сыну удар за ударом, но мальчик, превозмогая боль, продолжал свое нелегкое дело.

Через минуту гнев отпустил мисс Стрип, ведь до нее наконец-то стал доходить смысл происходящего.

— О, Господи, — откинула она биту в сторону и прикрыла рукой рот.

Ее взору предстал не на шутку избитый Том. Благо, лицо защищала маска, которая увы и ах — пострадала под натиском биты для лапты. Зато основная часть смазливой мордашки Тома не пострадала! Спасибо тебе, маска! Но вот бровь была нехило рассечена, да так, что наверняка должен остаться шрам на всю жизнь.

— Все? Закончила? — исподлобья посмотрел на нее Том. По его лицу струилась кровь, а зрачки были настолько расширены, что практически закрывали радужки серых глаз. — А теперь скажу я, ведь больше не боюсь тебя! — мальчик на секунду замолчал, проглотив слюни, в которые проникло немного крови, пробравшейся под полуразъебанную маску. — Я ненавижу тебя, Мэрил. Я бы очень хотел, чтобы ты умерла и навсегда ушла из моей жизни! Уверен — она бы стала другой. Ты — безумная тупая дура! И я очень надеюсь, что очень скоро ты избавишь меня от своего общества и покинешь этот мир! И пускай я считаю, что все то, что ты мне рассказывала про Бога — это все плод чьей-то больной фантазии, но раз для тебя так важна эта глупая вера, то я скажу! Я хочу, чтобы после своей смерти ты попала в ад и вечно горела там, мучаясь от боли, старая ты овца! — утробно прорычал он последнюю фразу голосом Сатаны.

— Боже… — перекрестилась Мэрил, достала из-под кофты католический крестик и поцеловала его. — Я воспитала дьявола… — лепетала она, пятясь в сторону подвала. — Этот ребенок одержим демонами…

— Никем я не одержим, дура, — продолжил свои дерзкие речи Том. — Я такой и есть. Может, если бы уделяла мне больше времени, то знала бы, какой я на самом деле? — приподнял он разъебанную бровь, буря матушку дурным взглядом.

— Он хочет меня убить… Боже… Я вырастила монстра… — продолжала охуевать Мэрил, не на шутку испугавшись и сама поверив в свои бредни.

— Я не собираюсь тебя убивать, — нахмурился Том. — Просто отстегни меня и…

— Аааааа! — завизжала полоумная Мэрил и, размахивая руками, без оглядки убежала в подвал, громко хлопнув за собой дверью и позабыв обо всем на свете.

— Я не понял… Не понял… — удивился Том реакции мамаши.

Так и остался пристегнутым к батарее до самого вечера.

Ближе к ночи Мэрил вновь вышла из подвала. По ней было сразу видно — женщина не забывала наливать сама себе весь вечер. Она юркнула к холодильнику, побоявшись даже взглянуть в сторону старшего сына, и извлекла оттуда пару тюбиков космического питания. Она на пару минут замерла, собираясь с духом, а потом осторожно обернулась к Тому. Мэрил выпучено смотрела на него пару секунд, затем молча перекрестилась, швырнула в его сторону один тюбик и побежала на второй этаж.

— Эй! — крикнул ей вслед обескураженный Том. — Отстегни меня! Я пить хочу! Я ссать хочу! Да и вообще, у меня очень болит бровь!

Мэрил вновь замерла, уже поставив ногу на нижнюю ступеньку лестницы. Она метнулась в ванную комнату, выбежала оттуда и швырнула в сторону Тома канистру с водой, пузырек перекиси водорода и пустое ведро, а затем все же ретировалась на второй этаж, пока дьявольский ребенок не пожелал чего-то еще.

Глава 13: Клетка

Утром Том проснулся, услышав тихие шаги на лестнице. Он увидел мать, осторожно спускающуюся вниз. Заметив на себе взгляд сына, Мэрил засеменила по ступенькам и скрылась в подвале, закрывшись изнутри на ключ. Мальчик усмехнулся над поведением мисс Стрип, почувствовав некую власть над ней. Он стал размышлять о том, как, используя полученное главенство и страх матери, заставить ее отстегнуть его от батареи, а также о том, как близок тот час, когда он сможет беспрепятственно общаться с Джейком. Может, Мэрил даже выпустит и его из заключения в шаре.

Через некоторое время от рассуждений Тома стала отвлекать нарастающая боль в голове. Он чувствовал, как неприятно пульсирует рассеченная бровь, а глаз при этом начал заплывать. Мальчик дотронулся до раны и тут же одернул руку. Она была горячей и липкой на ощупь, с запекшейся кровью по краям. Том взял канистру, заботливо оставленную маменькой, плеснул воды в ладонь и аккуратно попытался промыть бровь.

— Ммм, — застонал он, скорчившись в гримасе боли. Том отставил канистру и взялся за перекись водорода. Вдохнув через поломанную маску полные легкие воздуха, он задержал дыхание и стал заливать рану перекисью. Послышалось характерное шипение, и Том зажмурился, отчего бровь защипало еще сильнее.

Так прошел целый день. Мэрил изредка выходила из подвала и поднималась на второй этаж, где пыталась уговорить Джейка покушать хоть что-нибудь. Но тот был неумолим. Проходя мимо Тома, мисс Стрип косилась на него с опаской, а порой и вовсе старалась на него не смотреть. Пару раз она останавливалась, подходила к холодильнику, доставала оттуда первое, что попадется, и кидала сыну через всю гостиную.

К вечеру рассечение стало безбожно болеть. Просто, если ты не в курсе, пацан, то рану надо было обработать сразу, а не спустя несколько часов. Теперь, наверняка, начнет нарывать.

Ближе к полуночи мальчику удалось уснуть, но всю ночь он проспал беспокойным сном, то и дело вздрагивая от боли, когда случайно прикладывал голову к стене или батарее.

К вечеру следующего дня боль стала нестерпимой. Том уже готов был попросить мать помочь ему, но та продолжала вести себя все так же безумно, положив здоровенный хуй на здоровье сына.

— Джерри… Эй, Джерри, проснись, — мальчик встрепенулся от голоса матери.

Открыв лишь один глаз, ведь второй не на шутку заплыл, Том обнаружил стоящую в паре метров от него Мэрил. Увидев, что сын проснулся, та отскочила назад, но затем выдохнула, собрала всю волю в кулак и протянула руку.

— Джерри, ты только не злись и не волнуйся, — заговорила она тихим успокаивающим голосом и, слегка нагнувшись, стала осторожно подходить к Тому. — Сейчас я тебя отстегну, хорошо? Я не сделаю ничего плохого — просто отстегну. Можно? — остановилась она в полуметре от него и замерла, ожидая одобрения.

Том коротко кивнул, не понимая, что же задумала мать. Но судя по тону и по тому, как она его назвала, намерения ее были благими. Так показалось мальчику, разум которого был затуманен болью и температурой, поднявшейся на фоне нарывающей брови. Мэрил осторожно, без резких движений, подошла вплотную и, присев на корточки, отмыкнула наручники.

— Прошу тебя, только спокойно! Я не желаю тебе зла! — воскликнула она, освободив Тома, и отпрыгнула назад, выставив ладони вперед. — Мне нужно

сказать тебе кое-что важное.

Ребенок заторможенным взглядом посмотрел на мисс Стрип и стал подниматься с пола. Это далось ему нелегко, все конечности затекли и одеревенели, пока он сидел прикованным к батарее. Когда Том смог подняться, рана запульсировала еще сильнее, отчего мальчик пошатнулся и чуть не упал.

— Вот, поешь, — указала мисс Стрип на тарелку с яичницей на столе.

Мальчик непонимающе попытался нахмуриться, но боль вновь пронзила бровь. Он медленно побрел к столу и без сил плюхнулся на стул.

— Кушай, кушай, — пролепетала Мэрил и аккуратно села напротив сына. — Послушай, Джерри, кажется, я была неправа насчет тебя и Джейка… Вы и правда друг другу нужны.

Том оторвал взгляд от тарелки и торжествующе взглянул на мать.

— Ты ешь, давай, не отвлекайся, — поторопила ладонью мисс Стрип. — Знаешь, каждый из нас может ошибаться. Ошиблась и я! Я вижу, как вы страдаете друг без друга! Что ж я изверг какой-то, чтобы встать между вами? — плела хуйню Мэрил, которая, кажется, была не только под воздействием алкоголя, но и под антидепрессантами. Но это не точно.

Том, будучи наивным человеком с самого рождения, снял маску, и с лицом, полным превосходства, приступил к трапезе. Из-за повышенной температуры кушать совершенно не хотелось! Но не мог же он выставить себя слабаком перед глупой мамашей?

— Ох, прости, я кажется разбила маску, — нелепо помотала головой женщина. — Но я сделала новую, ведь тебе так жизненно необходима эта конструкция! — достала она из-за спины новехонькую маску и положила на стол. — Да и к тому же — ты почти вырос из старой, а этой хватит лет до пятнадцати… А потом мама сделает для тебя новую…

Целых десять минут Мэрил лепетала о том, как была не права, корила себя в собственной глупости, просила у сына прощение за то, что сразу не послушала его. Тем временем Том уже доел завтрак. Мисс же Стрип, все продолжая пороть хуйню, навела для сына бодрящий кофе. Мальчик выпил и его.

— И вот сейчас я хочу, чтобы ты и Джейк воссоединились, — перешла к финалу своих речей женщина, наполнив для себя бокал вином и закинув в него пару таблеток Золофта. Все же это не развод никакой — Мэрил абсолютно точно сидит на антидепрессантах!

— Прямо сегодня? — в нетерпении перебил Том.

— Да, — кивнула она. — Он ждет тебя во дворе…

— Во дворе? — нахмурился мальчик и вздрогнул от боли. — Но… А как же шар?

— Джейк никогда не бывал на улице, но я смогла сконструировать для него специальную палатку, чтобы он смог увидеть, что же такое солнце, что такое деревья и трава… — слишком медленно затянула Мэрил.

Том хотел было немедленно побежать на задний двор, но вдруг ощутил в теле невероятную слабость. Ноги будто не слушались и потихоньку начали отниматься.

— Что происходит? — прошептал он, осматривая руки и сжимая-разжимая кулаки, ведь пальцы тоже начали неметь, неприятно покалывая.

— Ох, Джерри, Джерри, — медленно поднялась со стула мисс Стрип, подошла к сыну со спины и положила не его плечи ладони. — Конечности сводит? Это все я виновата! Столько дней продержала пристегнутым! Прости меня, ради Христа… — погладила она Тома по голове. — Давай, дабы хоть как-то искупить свою вину, я помогу тебе выйти на улицу, — стала она аккуратно поднимать мальчика, придерживая за спину.

Спустя пару минут Том, при помощи Мэрил, вышел во двор. В глаза сразу же

бросился небольшой шатер.

— Джейк там, — указала на него мисс Стрип. — Ожидает тебя… Иди же! — легонько подтолкнула она сына в сторону шатра.

И тут внутри у Тома что-то заметалось. Почему мать с ним так добра? Могла ли она в один день полностью перевернуть свое мировоззрение? Ведь она всегда была такой непреклонной и никогда не отступалась от своих принципов! И что это за шатер такой? Будто большой ящик, прикрытой старой тряпкой. Почему невыносимая боль в брови притупилась? Почему ноги и руки стали ватными? Но Том решил не заморачиваться по этому поводу, ведь искренне поверил, что в этом странном шатре его действительно ожидал Джейк, с которым они так давно не виделись.

Мальчик медленно побрел в сторону странной конструкции и даже не заметил, как за ним последовала Мэрил. Оказавшись у шатра, Том присел на четвереньки, аккуратно отодвинул ткань и полез внутрь.

— Джейк? — прошептал он, оказавшись наполовину внутри.

Но, конечно же, никакого Джейка, а уж тем более Джилленхола, там не оказалось. Перед Томом предстала лишь сырая земля, да толстые железные прутья, образовывавшие собой клетку. Вдруг мальчик почувствовал, как кто-то с силой толкнул его, и он оказался внутри этой максимально странной конструкции.

— Ну что, попался, дерзкий глупец?! — безумно взорвалась мисс Стрип, закрыв дверцу и задвинув ее на засов с обратной стороны. — Какой же ты глупый, Том! Да тебя обдурить оказалось даже легче, чем я думала! Можно даже было не подсыпать собачий транквилизатор в твою еду! Ахахах! — засмеялась она, вскинув руки к небу.

Том охуевше посмотрел на мать и в ту же секунду ощутил себя самым глупым и наивным человеком на всем белом свете.

— Что, думал, что твоя дерзость останется безнаказанной? — вызывающе глянула на него мисс Стрип, приподняв пышную бровь. — Но я рада, что увидела, каков ты на самом деле! Ты одержим бесами, Томас! Ты социально опасен! И, дабы ты не смог никому и никогда навредить — будешь жить в этой клетке! Я специально вырыла газон в ней, чтобы ты был ближе к земле! Может эти некомфортные для бесов условия, побудят их покинуть твое тело и разум… Лето поживешь так, а я пока сооружу для тебя в нашем подвале мини-лабиринт из гиперпрочного полиэтилена! Если все пойдет по плану, то к ноябрю ты уже сможешь переселиться туда.

— Мама… — залепетал Том, не веря в происходящее. — Ты обманула меня…

— Ну, а что мне оставалось? — развела руки Мэрил. — Это жизнь, Томас! Либо ты — либо тебя! Что, надо было оставить все как есть, чтобы ты в один прекрасный день убил меня?

— Я бы никогда такого не сделал… — зашептал мальчик, навернув на глаза слезы.

— Сделал бы! Еще как! — накручивала женщина. — Ты — ненормальный! Ты — убийца! Мог бы стать им, не посади я тебя в клетку. Представь, сколько человеческих жизней я спасла? — плела она героические невменяемые бредни. — Ладно, что-то я с тобой заболталась. Мне пора в дом, а то эта жара начала меня утомлять. Вот тебе святая вода, будешь пить ее, — просунула она через прутья полулитровую фляжку. — Расходуй с умом! Я вернусь через три дня и принесу тебе черствого хлеба. До этого момента ты ничего не будешь есть. Надеюсь, что ты сможешь искупить все свои грехи голодом! И главное — не забывай молиться, Томас! — рявкнула она, встала с корточек и закрыла за собой покрывало. — И да, — через секунду из-за тряпки показался ее острый нос. — Только попробуй пискнуть — и ты пожалеешь об этом!

Ткань вновь закрылась, и Том остался один в этой дурацкой клетке. Он был

не на шутку раздавлен и унижен. Мальчик боком лег на землю, обнял колени и заплакал. Как же он корил себя за то, что оказался таким лохом, купившись на бредни сумасшедшей мамаши. Также ему было невыносимо больно и обидно за то, что мать так подло предала его. Так вот он каков — вкус предательства. Через пару минут, собачий транквилизатор дал о себе знать и Том провалился в сон, уткнувшись разъебанной бровью прямо в сырую землю.

Проснулся Том, когда вокруг было уже темно. Он вновь ощутил боль на лице, которая стала еще сильнее, чем с утра. Мальчик осторожно присел, опершись о прутья, и обнял себя руками, ведь ему было невыносимо холодно. Мало того, что ночь была прохладной, да еще и на влажной земле он сколько проспал! Так его еще и знобило от стремительно повышающейся температуры, а также налицо был отходняк от транквилизатора!

Всю ночь Том не сомкнул глаз, все прокручивая в голове события сегодняшнего дня. Что будет теперь с ним? Он не знал. Возможно ли вообще теперь какое-то будущее? Том начал злиться на себя, а также на Мэрил. Но на смену злости пришло новое для него чувство — разочарование. Все его надежды на что-то хорошее в одночасье рухнули и он, наконец, увидел реальную картину мира.

— Какое вообще будущее? — зашептал Том, закрыв голову руками. — Нет у меня его… И никогда быть не могло… Я никому не нужен… Никогда не был никому нужен… Никогда и не буду… — лепетал он, а его душа разрывалась на части от осознания действительности.

Когда первые лучи солнца осветили клетку, накрытую огромной тканью, Том немного порадовался, что наконец-то сможет согреться. Но не тут-то было! Уже ближе к обеду он проклинал солнце, не на шутку нагревшее воздух под тряпкой. Вот тут-то Тому и поплохело хлеще некуда. Мало того, что температура в клетке поднималась к сорока градусам по Цельсию, а воздух становился спертым и обжигающим, температура его тела приближалась к отметке в тридцать девять градусов. Ого! Да тебе точно не обойтись без антибиотиков, пацан! Кажется, подремав на сырой земле, ты занес в и без того раздроченную рану инфекцию. Ох и ох! Главное, чтоб не дошло до сепсиса! А то вместе с твоей смертью придет и конец всей истории! Находясь в лихорадочном состоянии, мальчик жадно опустошил целую бутылку воды. И только когда последние капли упали в рот, Том понял, что теперь ему точно наступит пиздец — Мэрил не придет еще несколько дней, а если завтрашний день будет так же жарок, то ему точно не выжить.

Ближе к вечеру Том возрадовался, что солнце пошло в закат, но не долго музычка играла — на смену палящему дню пришла до безобразия холодная ночь! Которая, кстати, прошла для Тома в полном бреду.

Когда на следующее утро лучи солнца вновь начали проникать под тряпку, Том безысходно лег на землю и тихо заплакал. Кажется, сегодня за ним придет смерть. Помощи было ждать совершенно неоткуда! Но мальчик ждал какого-то чуда. Да пускай за ним придет хоть педофил и предложит конфетку — Том бы без вопросов пошел с ним, ведь разве может его жизнь стать еще хуже, чем сложилось уже?!

Мальчик и сам не заметил, как провалился в небытие. Он не знал сколько пробыл без сознания, когда его разбудил яркий луч солнца, ударивший прямо в глаза. Как это возможно? Кто-то открыл тряпку? Правда?! Хоть бы не педофил! Хоть бы, хоть бы!

— Томас?! — услышал он взволнованный мужской голос и слабо приоткрыл один глаз, ведь второй уже безбожно заплыл минувшей ночью.

Мальчик затуманенным взглядом посмотрел в ту сторону, откуда исходил свет. Там он увидел незнакомый мужской силуэт в шляпе. Кто это? Может

смерть пришла за ним? Совсем не так Том ее себе представлял…

Глава 14: Спаситель

— Томас, Бог ты мой! — дрожащим голосом заговорил силуэт, и мальчик услышал звук открывающегося засова. — Это ты? Неужели это и правда ты?

Том не понимал ничего, а тем временем мужчина уже подошел к нему и присел рядом на одно колено.

— Господи… Что с тобой? — вымолвил он, осматривая бровь ребенка. — Тебе срочно нужно в госпиталь… — приложил он ладонь ко лбу мальчика.

Том пытался рассмотреть человека, но ему это плохо удавалось. Однако, он все же смог увидеть, что тому, на вскидку, было лет пятьдесят. Худое лицо покрывала сетка тонких морщин, особенно видневшихся в уголках широко посаженных глаз.

— Кто вы? — еле слышно прохрипел Том.

— Нет времени объяснять, Томас. Нам надо идти, — ответил мужчина и взял ребенка на руки.

Мужчина встал с земли и, прижимая ребенка к себе, вышел из клетки. Из глаз Тома тут же хлынули слезы — то ли от ослепившего дневного света, то ли от надежды на спасение. Не рано ли ты радуешься, пацан? Уверен, что это не педофил? Что говоришь? Чувствуешь, что у этого человека благие намерения? Тогда ладно.

— Кто вы? — в полубреду повторил вопрос Том, когда они уже достигли калитки на заднем дворе, ведущей на улицу.

Мужчина тяжело выдохнул и остановился. Он присел на корточки и усадил мальчика себе на колено.

— Послушай, Томас… Все это очень сложно, но, наверно, я должен сказать сразу, — тихо заговорил незнакомец, заглянув ребенку в глаза. — Меня зовут так же, как и тебя. Томас… Томас Харди… И я… Я твой отец.

Мальчик лишь неоднозначно ухмыльнулся, восприняв эти слова за проделки своего затуманенного рассудка.

— Прости, что не смог найти и спасти тебя раньше, — продолжил мужчина. — Я виноват в том, что с тобой случилось. Я должен был найти тебя раньше. Прости…

Он обнял мальчика, и по его щеке скользнула слеза.

— А теперь нам надо убираться отсюда, — хотел было встать незнакомец.

— Постойте, — слабо вцепился ему в плечо Том. — Джейк… Там наверху… Джейк… Вы можете помочь ему? В шаре… Она держит его там… Прошу… Помогите… — из последних сил говорил он, пытаясь не потерять сознание.

— Что? О чем ты, Томас? — нахмурился мужчина, с подозрением обернувшись на дом и взглянув на окно второго этажа.

— Там Джейк… Он мой друг… Вытащите его… — продолжал буробить Том.

— Томас, я не понимаю. У нас совсем нет времени, нам нужно уходить, — помотал головой мужчина, поднялся на ноги и двинулся к выходу.

Но Том в этот момент вдруг четко осознал, что если сейчас он окажется по ту сторону забора, то больше никогда не увидит Джейка. Никогда, мать твою! Своего лучшего и единственного друга! Мальчик из шара навсегда останется в заточении в компании безумной Мэрил. Кто знает, как она поступит с ним? Вдруг его ждет такая же судьба, как и Тома?

— Нет! Отпустите! Я должен его спасти! — вдруг закричал Том, вырываясь из рук мужчины.

— Томас, прошу тебя, успокойся! Мы должны спешить! — опешил незнакомец, крепче прижимая ребенка.

Но Том, будучи добросердечным глупцом, отчаянно продолжал извиваться и

пытаться освободиться. Но поскольку, в связи с лихорадкой, силы его почти покинули, у него ничего не получалось. Тогда он не придумал ничего лучше, как снять маску и укусить мужчину за ухо. Тот вскрикнул не столько от боли, сколько от неожиданности, и схватился за место укуса. Этим моментом и воспользовался Том. Он выкрутился из хватки мужчины и упал на землю. Не теряя не секунды, он собрал все оставшиеся силы и рванул к дому.

— Томас! — воскликнул незнакомец и ринулся за мальчиком.

Том ворвался в дом и без раздумий помчался на второй этаж, наспех надевая маску.

— Джейки! — влетел он в комнату и застучал ладонями в шар. — Джейки, это я!

Ответом ему была тишина, но мальчик продолжал неистово долбить по полиэтилену и орать, что есть мочи, совсем не думая о последствиях. И они не заставили себя ждать. Через несколько секунд в комнату ворвалась Мэрил.

— Как ты тут оказался, ублюдок? Как ты выбрался? — заорала она, с силой одернув Тома за кофту, отчего тот завалился на спину.

— Джейки, пожалуйста, проснись! — не унимался он и вновь пополз к шару, игнорируя мать.

— Я убью тебя! Не смей к нему приближаться, выродок! — завизжала мисс Стрип и пнула ребенка в плечо.

— Мэрил! Не смей его трогать! — ворвался в комнату и мужчина в шляпе. — Я больше не дам его в обиду! — он мигом ринулся на пол, загораживая собой мальчика.

Повисла напряженная пауза.

— Том? — охуевше пробормотала женщина, уставившись на мужчину.

— Да, это я. И я пришел, чтобы забрать сына! — уверенно заявил он, сверля женщину взглядом, преисполненным решимости. — Я не позволю тебе больше причинить вред нашему сыну!

— Нашему сыну? Нашему? — возмутительно округлила глаза мисс Стрип. — Ты ему никто! Ты лишь дал генетический материал! И, надо сказать, не самый лучший! И это совсем не дает тебе права называться его отцом!

Ах! Так значит, все это правда! Мужчина и впрямь отец Тома! Он не соврал! Даже Мэрил это подтвердила. И он никакой не педофил! Фуууф… Это уже радует.

— Где ты был все эти годы, пока я тащила на себе этот крест? — пренебрежительно указала она на мальчика, пытавшегося по-пластунски подползти к полиэтиленовой стене.

— Джейки, ну я прошу тебя, — хрипел он, взывая мальчика из шара проснуться. Но все было тщетно! Тот никак не просыпался! Вот что значит, спать как убитый! Тут такие страсти кипят, а этому ребенку хоть бы что!

— Это мой сын! И я не отдам его тебе! — вопила Мэрил. — Я знаю, ты угробишь его! Ты снимешь с него маску! Ты считаешь, что я сумасшедшая, считаешь, что он нормальный! Но ты ошибаешься, Том! Он безумен! Он грозился убить меня! Но я, несмотря на все это, продолжаю заботиться о нем!

— Да ты посмотри на него! — указал мистер Харди на бровь сына, откуда сочился гной. — Ему нужна помощь! Скоро начнется заражение крови, если уже не началось.

— Хах, ничего с ним не будет! Заживет, как на собаке, — отмахнулась женщина. — Зато он усвоит урок, поймет, как надо относиться к своей матери, которая дала шанс на жизнь такому ничтожеству, как он!

— Ты бредишь! Я вызываю полицию немедленно! — перебил Томас, и хотел было встать с пола, чтобы отправиться на поиски телефона.

— Вызывай, вызывай! — усмехнулась Мэрил. — Я им все расскажу! Пусть

даже меня и посадят, но ты думаешь они позволят тебе вывезти этого ребенка из Штатов? Думаешь американские власти так просто разрешат тебе это сделать? Не думаешь, что они это расценят, как похищение американского гражданина каким-то британским отродьем?

— У меня связи, ты же знаешь, — устало сказал мистер Харди, а уверенность в его голосе пропала. — И у меня есть документы о том, что он мой сын, — оправдывался он, купившись на бредни своей душевнобольной бывшей жены.

— Плевать на твои связи! Америка не даст в обиду своих людей! — гордо провозгласила мисс Стрип, положив руку на сердце. — А документами своими и вовсе можешь подтереться! Они не действительны! Я сделала ему новые! Теперь он гражданин США!

— Джейки… — еле слышно стонал Том. Перед его глазами все плыло и кружилось, он совсем не улавливал суть разговора. Его волновало лишь одно – его друг. Он хотел хотя бы взглянуть на него в последний раз, перед тем как покинет этот дом. Ну, или умрет. Том совсем не знал, что ждет его дальше.

— Томас, нам надо уходить, — вновь присел к сыну Томас-старший. — Я найду выход.

— Пожалуйста, помогите ему… — прошептал мальчик, указав пальцем на кровать, где мирно и беззаботно посапывал малыш Джилленхол.

— Боже… Так вот о чем ты говорил, — выдохнул мистер Харди, наконец заметив спящего ребенка. — У тебя есть еще сын? И ты… Ты посадила его в это… Что это? — постучал он пальцем по гиперпрочному полиэтилену.

— Это шар. Но это не твоего ума дела, Том! Даже не смей думать о том, чтобы забрать его! — вкрадчиво заговорила мисс Стрип, указав на Джейка.

— Мэрил… Зачем ты это делаешь? — взволнованно спросил Томас, рассматривая полиэтиленовую конструкцию и мальчика в ней. — Это безумие… Они же дети! За что ты так с ними?

— Джейк… Спасите Джейка… — кряхтел Том.

— Я заберу их обоих! И все расскажу полиции! — вновь придал голосу уверенности мистер Харди.

— Только через мой труп! — безумно заорала Мэрил и с этими словами рванула к потайной двери в шаре. Она открыла ростовой зип-замок, залетела внутрь и припала на колени к кровати младшего сына, продолжавшего спать и не подозревать ничего.

— Нет, так не пойдет! Я не позволю! — поспешил Томас за женщиной к двери.

— Ты теряешь время, Том! Твой ублюдок подохнет, пока ты будешь пытаться отнять у меня Джейка. Ты же не думаешь, что я так просто его отдам? — прищурилась мисс Стрип и достала из лифчика перочинный нож. — Для него сейчас каждая минута промедления может стоить жизни. И тебе повезет, если за это время ты не лишишься своей. За Джейка я готова тебе нож в горло всадить! — взмахом руки раскрыла она лезвие.

Томас в растерянности остановился у двери и уставился на Мэрил. Затем перевел взгляд на сына, продолжавшего тихо и безрезультатно звать брата. Мальчик выглядел бледным и взмокшим, его трясло, а взгляд был потерянным.

— Джейки… — одними лишь губами простонал Том и потерял сознание.

— Забирай своего ублюдка и проваливай! — сказала женщина, указав лезвием на старшего сына. — Его документы в подвале, в нижнем ящике стола. С ними ты беспрепятственно увезешь этого выродка в Англию. Я ничего не сообщу полиции и не помешаю вам уехать. Только при условии, что ты забываешь о моем существовании и обо всем, что видел здесь, — обвела она ножом шар и спящего сына.

— Но и ты пообещай мне, что не заявишься в Манчестер, чтобы отобрать Томаса, — спустя минуту молчаливого раздумья заговорил мистер Харди. — Если

ты это сделаешь, то тогда уже власти Великобритании не слезут с тебя…

— По рукам, — махнула ладонью мисс Стрип в сторону выхода. — Проваливай к чертям, Томас!

— Ты безумна… — с ужасом помотал головой мужчина.

— А ты глуп, — брезгливо сморщилась Мэрил.

На том и порешали.

Томас Харди взял сына на руки и, мучимый угрызениями совести, торопливо вышел из комнаты. Он струсил! Он сдался и не придумал ничего лучше, чем пойти на сделку с этой сумасшедшей! Он оставил маленького ребенка в ее полиэтиленовом капкане, не зная, что ждет его там! Но как бы стыдно ему не было за свое малодушие, единственное, что было для него по-настоящему важно в этот момент — его сын, жизнь которого, кажется, висела на волоске.

Томас быстро спустился в подвал, забрал документы сына и покинул дом Мэрил Стрип. Он поймал такси и суетливо залез внутрь.

— Без лишних вопросов — сначала в аптеку, затем в Сиэтл, — сказал он водителю и сунул десять скомканных стодолларовых купюр. Таксист удивленно присвистнул и нажал на педаль газа.

Через несколько минут машина остановилась у аптеки. Томас решил не обращаться в госпиталь, несмотря на то, что среди документов имелась также медицинская страховка мальчика. Он побоялся, что вдруг за то время, что они с сыном проведут там, Мэрил передумает, не сдержит слово и каким-то образом попрепятствует им покинуть Штаты. Мистер Харди и сам умел оказывать подобного рода медицинскую помощь. Этому он научился по долгу своей службы. Каких только инцидентов не приключалось с ним на работе! Ох и ох! Но об этом позже.

Накупив в аптеке нужных антибиотиков, обезболивающих, жаропонижающих, антисептиков и прочей лабуды, Томас сел обратно в такси и приступил к обработке раны. Вычистив ее от гноя и грязи, он наложил сверху специальную мазь, после чего вколол мальчику антибиотик и еще один препарат, чтобы сбить температуру.

Через пару часов Том начал приходить в сознание, но по-прежнему находился в полубреду, не понимая, где находится и с кем. В таком состояние он и провел весь оставшийся путь до Сиэтла.

Глава 15: Сиэтл

— Остановите здесь, — сказал мистер Харди водителю.

Том приоткрыл глаза и увидел за окном незнакомый городской пейзаж с возвышающейся над ним башней в футуристическом стиле.

— Где я? — слабо спросил он.

— Мы в Сиэтле, Томас, — ответил Харди-старший, открыл дверь и, взяв сына на руки, вылез из машины.

— Кто вы? — вновь задал вопрос мальчик.

— Ты ничего не помнишь? — взглянул на него мужчина. Том отрицательно помотал головой. Хоть в его голове и всплывали какие-то обрывки фраз и картинок, он совсем не мог взять в толк, что из этого правда, а что игра его воспаленного мозга. — Давай снимем номер в гостинице, тебе надо отдохнуть и перекусить, чтобы восстановить силы, а я тебе пока все расскажу. Хорошо?

— Где Джейки? — не унимался Том.

— О, а вот, кажется, и гостиница, — указал Харди ладонью на здание прямо перед ними. — Идем.

Как только они оказались в гостинице, мистер Харди подошел к стойке регистрации и снял на сутки номер класса люкс. Затем сунул администраторше на карман и дал пару личных поручений: принести в его номер ужин, съездить в магазин и купить для его ребенка новой одежды, заказать на завтра два билета до Лондона, а также не задавать лишних вопросов.

Том же совершенно не слушал, о чем разговаривал с администраторшей незнакомец, ведь взгляд был прикован к дорогому интерьеру холла гостиницы. Такое он, разве что, по телевизору и видел.

— Пойдем, — снова взял его на руки Томас-старший и направился в сторону лифта. Он нажал на кнопку вызова и стал ждать.

Когда двери открылись, Том с силой вцепился в отца и зажмурился. Старший смекнул, что наверняка, просидев какое-то время в клетке, сын стал бояться замкнутого пространства. Поэтому, несмотря на больные колени, понес его на себе на десятый этаж.

— Ну ничего себе подъемчик, — запыханно выдохнул мистер Харди, уложив Тома на диван, когда они добрались до номера. — Так, температура все еще есть, — приложил он тыльную сторону ладони ко лбу сына. — Сейчас принесут ужин. Ты обязательно должен покушать, чтобы потом выпить антибиотики. Боже, Томас, почему ты такой худой?

— Мистер, кто вы? — прищурено посмотрел на него Том.

— Уууф… — тяжело выдохнул мужчина, посмотрев мальчику прямо в глаза.

В этот самый момент в номер постучали. Мистер Харди поспешил открыть.

— Благодарю, — сказал он кому-то, вкатил в номер тележку, уставленную многочисленными накрытыми блюдами, и вновь закрылся изнутри.

Он подкатил тележку к дивану и стал снимать «баранчики» с блюд.

— Ох, сколько же всего вкусного! С чего начнешь? Может с супчика? А, знаешь, давай-ка лучше съешь вот это! — взял он тарелку с кусочком шоколадного торта и протянул мальчику. — Все же дети любят сладкое, так?

Том аккуратно снял маску, медленно принял у мужчины сладость, взял ложку и начал кушать. А не боишься, что этот человек хочет отравить тебя, как в свое время это сделала твоя мамаша? Чувствуешь, что он порядочный? Ну тогда кушай, Томми, не стесняйся! Ты ведь, сука, не ел уже много дней!

— Ты можешь снимать ее? — выпучил свои и без того выпученные глаза мистер Харди, доставая из бара бутылку виски и стакан.

— Кого? Маску? — нахмурился Том. — Ну да… Ненадолго… Когда ем, когда

принимаю ванну… Подождите, мистер, вы так и не ответили на мой вопрос. Кто вы такой? Зачем вы мне помогаете? Где мы вообще находимся? — задавал он слишком глупые вопросы. Но ему простительно — после такого-то ранения и пережитого стресса!

— Сейчас я все расскажу, — тяжело выдохнул Харди-старший, уселся в кресло, плеснул в стакан виски, опустошил его, потом проделал этот трюк еще трижды, закурил и задумчиво уставился в сторону.

В номере повисло неловкое молчание.

— Прости… Прости меня, Томас, — повернулся он к Тому, а по морщинистой щеке скользнула слеза. — Мне так жаль, что я не видел твоих первых шагов, что не услышал твое первое слово… Прости за то, что не нашел тебя раньше… За то, что тебе столько лет пришлось жить с этой ненормальной сукой! — ударил он кулаком по подлокотнику кресла.

От неожиданности Том вздрогнул, из его рук выпала тарелка и вдребезги разбилась об пол. Мальчик испуганно уставился на осколки, а затем на незнакомого для него мужчину, боясь получить пиздюлей за бой посуды.

— Я сейчас все уберу, — слабо пролепетал мальчик, вскочив с дивана.

— Что ты делаешь?! — охуел Томас-старший, отбросил в сторону тлеющую сигарету и кинулся к сыну. — Это всего лишь обычная тарелка! Ничего страшного! Не трогай осколки, ты же можешь пораниться! — взял он сына за руки и развернул к себе лицом. — Томас, я твой отец, — выпалил он, решив больше не ходить вокруг да около.

В номере вновь повисла до безобразия неловкая пауза.

— Чего? — нервно усмехнулся мальчик. — Мой отец бросил меня… Он бы не стал искать меня, потому что именно из-за меня ушел от мамы…

— Что за бред? — изумленно помотал головой мистер Харди. — Кто тебе это сказал? Мэрил?

— Да, — коротко ответил Том, почуяв некий развод.

— Понимаешь, Том, все слишком сложно, — продолжил Том-отец. — Я никогда тебя не бросал. После того, как Мэрил родила тебя, она впала в жутчайшую послеродовую депрессию. Однажды, когда меня не было дома, она обокрала меня и сбежала в Штаты. Но мне было все равно на фамильные драгоценности, которые она прихватила с собой в ту ночь, ведь она забрала у меня самое ценное — тебя. Моего сына, — аккуратно погладил он мальчика по голове. — Я долго пытался напасть на ваш след, но все мои попытки были тщетны. Да и к тому же, моя работа не позволяла мне покинуть страну. В те годы я был невыездным. Но я не опускал руки и продолжал искать тебя удаленно! И вот пару дней назад, наконец-то, мои поиски увенчались успехом! Благо, я теперь могу покидать пределы Великобритании. Я, не раздумывая ни секунды, сразу же взял отпуск, купил билеты и прилетел в Америку… Боже, Томас, если бы я прилетел на несколько часов позже, я же мог потерять тебя навсегда, — навзрыд сказал он, крепко обнял ребенка и, сняв шляпу и уткнувшись в нее лицом, разрыдался.

Том же младший не на шутку охуевал от происходящего и не знал, как следует себя вести. Он хоть и почувствовал, что мужчина говорит искренне, но довериться ему так быстро Том не мог. Он медленно поднял руку и неуверенно, но приободряюще похлопал Харди-старшего по плечу.

— Почему ты молчишь? Ты не рад? — отстранился от него Томас-почти-пенсионер.

— Я… Я… — замялся Том-восьмилетка. — Мистер, кажется, там что-то горит! — указал он в сторону ковра, из которого пошел дым.

— Вот черт! — выругался Харди-отец и ринулся в сторону места возгорания. Он нервно растоптал сигарету, уже не на шутку подпалившую ковролин. — Сколько раз обещал себе бросить курить! И вот опять…

— Я… Я думал… Что ты бросил меня… — мямлил Том, пытаясь проглотить комок, подступивший к горлу. Но все его попытки были тщетны, ведь голос не на шутку трясся, а из глаз уже побежали слезы.

— Ну что ты, что ты! — вновь подскочил к нему отец, крепко взяв за плечи. — Я никогда бы не бросил тебя! И прости, что все вышло так, как есть сейчас. Но я обещаю тебе: я больше никогда тебя не оставлю, Томас. Я наверстаю те годы, когда мы были не вместе… Я сделаю тебя самым счастливым мальчиком, чего бы мне это не стоило! Я люблю тебя, сынок, — положил он ладонь на щеку мальчика и погладил ее большим пальцем.

После этих слов Том, уже не в силах сдерживать эмоции, разрыдался и уткнулся в плечо отца, крепко его обняв. Неужели, он и правда нужен кому-то? Неужели, его и правда кто-то любит просто за то, что он есть?

Так два Харди, молодой и не особо, пару минут обнимались и плакали.

— Но мы же больше не вернемся обратно… Туда… К маме? — с надеждой в голосе спросил мальчик, оторвавшись от отца.

— Конечно же нет! Забудь о годах, которые прожил с матерью, как о страшном сне! — поспешил успокоить его отец.

— Спасибо, мистер, — слабо улыбнулся Том. — Черт, маска! — опомнился он и поспешил к биометаллическому аксессуару.

— Я думаю, в ней нет никакой нужды, — обратился к сыну Томас, надевая шляпу. — Хотя, ладно… Можешь пока оставить ее. Ты и так пережил слишком много всего. Кстати, кто сделал это с твоим лицом?

— Мама, — механично буркнул под нос мальчик. — Мистер, а где Джейк? Что теперь с ним будет?

— Во-первых, пожалуйста не надо меня называть мистером. Договорились? Я — твой папа, — спокойно заговорил Харди в шляпе, присев на одно колено.

— Хорошо, — замялся Харди в маске. — Папа, — выдавил он.

— Ну а, во-вторых, тебе нужно поспать… Ты столько пережил за последние несколько дней, малыш, — взял он сына на руки и понес в сторону спальни. — Пойдем, я уложу тебя и расскажу сказку.

— Самую настоящую? — изумился Том, охуев от подобного поворота событий.

Старший уложил младшего на кровать, еще раз осмотрел рану, дал антибиотик, заботливо накрыл одеялом, подоткнув под ребенка, прилег рядом и затянул историю про маленького мышонка, упавшего в ведро с молоком. Том-младший расслабился, как никогда в своей жизни, и уже через минуту провалился в крепкий беззаботный сон.

На следующее утро Томас вновь осмотрел рану сына и пришел к выводу, что ее обязательно нужно будет зашить, когда гной полностью выйдет. Затем дал мальчику новехонькую одежду и заявил, что уже вечером они улетают на Родину. До вылета было еще уйма времени, поэтому Харди-старший предложил сыну не просиживаться в гостинице, а пойти и погулять по Сиэтлу.

Спустя пару часов отец и сын сидели в ресторане, находившемся на верхушке башни Спейс Нидл. Том с восхищением смотрел в огромное панорамное окно, открывающее обзор практически на весь Сиэтл. Мальчик никогда в жизни не чувствовал себя таким свободным, а главное, что он не ощущал абсолютно никакого страха. Хоть он все еще и не доверял отцу, который так резко и без предупреждений ворвался в его жизнь, но все же Том чувствовал: этот мужчина не начнет на него орать, унижать, а уж тем более поднимать руку. Ох, Том, какая благость-то! Классно чувствовать себя беззаботно? Мм?

— А куда мы поедем, мистер? Где наша Родина? — отвернулся от окна Том, взял в руки гамбургер и приступил к трапезе. Боже, до чего же ему было вкусно! Это тебе не вареные брокколи кушать, дружок, верно?

— Томас, я прошу тебя, хватит называть меня мистер, — устало вздохнул Харди-старший и пригубил вина. — Мы полетим в Англию, а конкретно — в Манчестер, ибо там — твой настоящий дом. Ты — британец и должен жить в своей стране…

— Ах, вот почему мама называла меня британским выродком. Значит, я оттуда родом, — сделал вывод мальчик, до отказа набив рот.

— Безумная дура, — прошептал мужчина, закрыв глаза.

— Так вот почему у вас такой странный акцент… И у меня тоже такой будет?

Харди-старший лишь неоднозначно пожал плечами, не понимая, что не так с его акцентом. Напротив — акцент сына резал слух, особенно, как четко мальчик выделял букву «р».

— А где мы будем жить? — продолжил накидывать вопросы Том.

— У нас есть дом, — коротко ответил отец.

— Мы будем жить там вдвоем?

— Да, — кивнул Томас. — Есть еще пару людей, которые помогают по хозяйству…

— А у меня будет своя комната? — перебил Том, с надеждой посмотрев в глаза отцу.

— Конечно, Томас. Она уже у тебя есть. И была с самого рождения…

— Круто, — довольно улыбнулся мальчик, покачав головой и дерзко стал жрать гамбургер. — А можно мне еще один такой? — помотал он бутербродом. — В жизни не ел ничего вкуснее!

— Конечно, — усмехнулся Харди-под-шофе и щелчком пальцев приказал официанту продублировать заказ. — Послушай, Томас, нам с тобой нужно очень серьезно поговорить. Ты должен рассказать мне, как жил все эти годы со своей матерью. Понимаю, это тяжело. Но я должен обо всем знать. Если ты сейчас не готов, то можем поговорить позже…

— Мистер… Папа… — опустил взгляд мальчик. — И все же… Когда мы вернемся за Джейком? Мы же не можем оставить его здесь! Может в вашем… Нашем доме, найдется комната и для него и его шара? — с надеждой посмотрел он на отца.

— Томас… — тяжело вздохнул мистер Харди и закрыл ладонью лицо. — Ты столько пережил за последние несколько дней… Давай поговорим на эту тему немного позже, хорошо? Я обещаю — мы к ней вернемся, но потом. Кстати, у нас есть еще немного времени до самолета. Не хочешь отправиться в зоопарк? Слышал, здесь в Сиэтле он хорош! Ты когда-нибудь видел настоящих львов, тигров или пингвинов? — перевел он тему.

— По телевизору, — прикусил пухлую губу Том.

— Ох, по телевизору! — наигранно отмахнулся Томас и закурил. — Так, давай скорее доедай и поехали в зоопарк! И ты сможешь увидеть зверей на расстоянии вытянутой руки!

— Крууууто… — охуел Том, позабыв про все интересующие его вопросы.

Глава 16: Отвлекись!

— Начинается посадка на рейс 235 Сиэтл-Лондон, — заговорил из колонок в зале ожидания аэропорта женский голос.

Отец и сын Харди поспешили к тоннелю, ведущему к самолету.

— Мистер… Папа… Мне страшно… — вдруг остановился посреди тоннеля Том, задергав отца за плащ цвета беж. — Я никогда не летал…

— Ну ты что, Томас, — присел на одно колено Харди в возрасте и взял сына за плечи. — Самолет — самый безопасный вид транспорта. Ничего страшного не произойдет, тысячи людей каждый день…

— Он будет высоко, — затрясся Том. — Он будет так высоко… В случае чего, оттуда нельзя будет сбежать…

— Мальчик мой, — приободряюще погладил Харди сына по голове. — Не нужно бояться! Я буду с тобой весь полет. Вот, — протянул он морщинистую руку. — Давай я буду держать тебя весь перелет, хорошо? А как только мы сядем, ты отпустишь руку. А я пока расскажу тебе какую-нибудь интересную историю. Я их много знаю. Вот, например, однажды, когда мне было всего лет двадцать пять… — начал рассказ мужчина, и незаметно для ребенка, который внимательно и с интересом слушал, повел его дальше по тоннелю.

— Рыбу или мясо? — спросила стюардесса через пару часов полета, остановившись в проходе.

— Что ты будешь? — крепче сжав руку сына, спросил Томас у мальчика, который с интересом и восторгом смотрел в иллюминатор.

— А? — обернулся Том.

— Что ты будешь кушать? Рыбку или мяско? — повторил вопрос стюардессы Харди в шляпе.

— А можно и то, и то? — наивно улыбнулся мальчик.

— Конечно, — усмехнулся отец. — Можно нам одну рыбу и одно мясо? — вновь повернулся он к бортпроводнице.

Та сунула ему два лотка с едой. Томас взял их, откинул столик перед сыном и поставил оба блюда перед ним.

— А ты что, не будешь? — спросил маленький Харди, открывая верхний лоток, где оказалась рыба.

— Нет, я не голоден, сынок, — потрепал его по макушке отец. — Ты больше не боишься? — спросил он, обратив внимание на то, что Том отпустил его руку.

— Не-а, кажется, это совсем не страшно, — ответил мальчик, сняв маску и взяв вилку в руки.

— Ну, хорошо… Ты кушай, кушай, — сглотнув слюну, одобрительно закивал Томас.

Когда порция рыбы была доедена, и ребенок принялся открывать второй лоток с едой, самолет затрясло.

— Что это? — ошалевше простонал Том, крепко вцепившись в подлокотники. — Мы падаем? Мы разобьемся?

— С вами говорит командир воздушного судна, — завещал голос из динамиков. — Наш самолет вошел в небольшую зону турбулентности. Просим сохранять спокойствие и пристегнуть ремни.

— Нет, сынок, ничего страшного, просто немного потрясет. Так бывает, — спокойно сказаал умудренный жизненным опытом Харди, застегивая ремень сначала себе, а затем сыну.

— Нет! Мы падаем! — впал в панику Том, тяжело задышав. — Где моя маска? Где она? Я сейчас задохнусь! — нервно крутил он головой и жадно глотал воздух. Ну вот! Очередная паническая атака! Опять! Это уже не шутки!

— Томас, послушай! Она не нужна тебе сейчас! Какой в ней толк? Тебе просто нужно успокоиться, — пытался угомонить маленького паникера Харди-старший. — Вот, возьми мою руку, как перед самолетом. Тебе же стало спокойнее?

— Пожалуйста, мистер! Мне нужна маска! — стонал Том, закрыв глаза и быстро и часто раздувая ноздрями, пытаясь сделать вдох.

— Прошу тебя, успокойся, сейчас это закончится, это просто турбулентность, — успокаивающим тоном говорил Харди, взяв сына за руку, костяшки на которой уже побелели от силы, с какой он вцепился в подлокотник.

Самолет продолжало трясти, а мальчик не в силах был сделать вдох. Томасу не оставалось ничего другого, чем отыскать маску, упавшую от тряски между сиденьями, и надеть ее на сына.

— Да, это будет сложнее, чем я думал, — вздохнул отец Харди, когда зона турбулентности была преодолена. — Как же можно было довести до такого бедного ребенка… — пробормотал он, глядя на сына, откинувшегося на спинку кресла и пытающегося отдышаться. — Ну, ничего… Вместе мы справимся, — горестно улыбнулся он, похлопав по ладони мальчика.

— Джейк, ну я прошу тебя… Я умоляю — поешь хоть что-нибудь! — стоя на коленях перед шаром, завывала Мэрил. — Я же тебе сказала, что этот монстр тебя больше не побеспокоит.

— Ааа! — отчаянно затопал пацан из шара, будто бредни матери окончательно вывели его из себя. — Мама! Где Томми? — заорал он и яростно уставился в глаза мисс Стрип своими безумно синими глазами.

— Я же сказала, что он больше… — начала было Мэрил, но тут ее лицо приобрело охуевшее выражение. — Что? Что ты сказал?

— Где Томми? — пуще прежнего завопил Джейк.

— Боже мой… Ты заговорил… — залепетала мисс Стрип, удивленно хлопая ресницами. — Мой малыш заговорил! Стоило этому чудовищу покинуть дом, как ты сразу заговорил! Это ли не чудо? — продолжала нести она хуйню, смахивая с глаз слезы счастья.

— Где Томми? — не унимался болтун из шара.

— Я же сказала, мой дорогой, ты можешь больше не бояться… Он больше не придет и не потревожит тебя никогда, — улыбнулась Мэрил.

— Но… Но… Томми мой друг, я не боюсь его… Я хочу, чтобы он пришел, — затряс губой мальчик и смочил глаза слюнями.

— Боже, как я рада, что ты заговорил, малыш мой, — умилительно наклонила голову на бок женщина. — Но, увы, я ничего не могу поделать… Он больше не придет… Мне трудно это говорить, но он бросил тебя. Он уехал далеко-далеко и там нашел себе нового друга, променяв тебя. Ты ему не нужен. Ты считал его другом, а он предал тебя, — на ходу сочиняла очередную брехню Мэрил. — Но мамочка никогда тебя не предаст… Я всегда буду с тобой и никогда не брошу и не променяю на кого-то другого! — подошла она к шару и положила ладонь на полиэтилен.

Джейк же лишь опустил уголки губ, сделал брови домиком и побрел к кровати, где свернулся калачиком и задремал грустным сном преданного человека.

На следующее утро он проснулся от странных звуков, источник которых хоть и был за пределами шара, но тем не менее находился в его комнате. Мальчик подошел к стене из полиэтилена и уставился на голубой кинескоп, где быстро сменялись мультяшные картинки. Так Джейк простоял пару минут, залипнув на телевизор, ведь раньше никогда не видел таких чудес техники.

— О, ты уже проснулся, — вошла в комнату Мэрил с подносом в руках. — А я

как раз завтрак тебе принесла. Будешь кушать? — ехидно улыбнулась она и поставила еду в отсек для передачек.

Мальчик из шара продолжал стоять с открытым ртом, даже не моргая.

Мэрил Стрип, ученая по профессии, но психбольная в душе, поняла — ее план сработал. Она открыла зип-замок потайной двери и вошла внутрь шара. Там она взяла поднос, который минутой ранее сама поставила в отсек.

— Как насчет гренок с арахисовым маслом и клубничным джемом? — ласково спросила она, взяла с подноса один из космо-тюбиков и открутила колпачок.

Джейк же Джилленхол, будучи дураком от рождения, так увлекся просмотром мультиков, что сам не заметил, как мать залила ему в рот завтрак из тюбика, тем самым завершив бойкот и переключив его внимание с пропавшего друга на несуразно глупые телепередачи.

В последующие дни мальчик из шара продолжал задавать вопросы про Тома, но каждый раз мать находила для него какую-нибудь другой канал с новым мультиком, лишь бы переключить его мозги. И, надо сказать, это начало работать. С каждым днем Джейк стал все реже вспоминать о друге и спрашивать о том, где он. А Мэрил была только и рада этому.

Глава 17: Замок

Серебристый Астон Мартин остановился у больших кованых ворот на Грин-Энд-роуд.

— Прошу, мистер Уокен, — сказал водитель, открывая пассажирскую дверь служебной машины для Томаса Харди.

Тот вылез из автомобиля и помог выбраться сыну.

— Где это мы? — пробормотал мальчик, уставившись на старинное поместье громоздко расположившееся среди однотипных домов на тихой улице.

— Это наш дом, Томас, — пояснил мужчина.

— Дом? Да это же целый замок! — восхитился ребенок, не веря своим глазам.

— Ну хватит тебе, какой же это замок? — усмехнулся Томас-отец. — Это поместье. Фамильное поместье Харди. Идем, я тебе все покажу и расскажу.

Мужчина взял мальчика за руку и повел к воротам, которые перед ними распахнул дворецкий.

— Ого… — протянул Том, увидев внутренний двор.

За каменной изгородью, оплетенной плющом, скрывалось огромное пространство, покрытое ровно выстриженным газоном. По обеим сторонам от широкой мощеной дорожки, ведущей к дому, были разбиты клумбы из ирисов, анютиных глазок и гиацинтов. По всему периметру поместья были высажены розовые кусты, отчего в воздухе витал приятный сладостный аромат. Ближе к дому по правую сторону от дорожки расположился декоративный пруд, обложенный по кругу натуральным камнем. Поверхность воды была устелена листьями и белыми цветами кувшинок. Проходя мимо пруда, Том заметил всплеск и сумел разглядеть сквозь прозрачную воду крупных бело-красных рыб с округлыми плавниками. Возле пруда находилась восьмигранная беседка из выбеленного дерева с куполом из зеленой черепицы.

Подойдя к дому и поднявшись по мраморным ступеням, сын и отец очутились на большой террасе огражденной белой балюстрадой. Под тенью навеса прятались широкие качели с мягкой седушкой и бархатными подушечками с кисточками по углам. По бокам от двустворчатого арочного входа стояли высокие каменные вазы с раскидистыми цветами. Дворецкий прошмыгнул вперед и распахнул двери фамильного дома.

— Ваааау… — протянул Том, подняв голову вверх и осматривая внутреннее убранство. — Да это точно самый настоящий замок! Я такие только по телеку и видел…

Мальчик окинул взглядом просторный холл с высокими потолками. Напротив входа располагалась широкая лестница, застеленная алой ковровой дорожкой, прикрепленная к ступеням позолоченными ковродержателями. Стены украшали портреты незнакомых Тому людей. У большого сводчатого окна стоял диван на деревянных ножках с двумя креслами по бокам от него, обитые зеленоватым с золотой нитью атласом. Перед ними нааходился овальный стол красного дерева, покрытый лаком. У стены напротив расположился камин. Огонь в нем сейчас зажжен не был, а полка сверху была уставлена фарфоровыми фигурками. Над камином висел портрет в золоченой резной раме, на котором был запечатлен сам Томас Харди в военном мундире с аксельбантами и эполетами.

— Так, дай-ка я, в первую очередь, посмотрю твою бровь, а уж потом все тут покажу, — присел на одно колено мужчина и стал вглядываться в лицо сына. — Надо зашивать…

Но Том совсем не слышал, что там ему говорит отец. Он был настолько заворожен поместьем, что не замечал вокруг ничего! Ему казалось, будто он попал в самую настоящую сказку. Неужели, это все правда? Неужели, такое могло случиться с ним, несчастным одиноким мальчиком? Или, может, это все

его фантазия? Или вовсе глупый сон? Может, сейчас он откроет глаза и окажется все в той же проклятой клетке под палящим зноем?

— Идем, Томас, ну же, — подтолкнул его под локоть отец. — Поднимемся в мой кабинет, там есть все необходимое, чтобы зашить рану.

— Папа, — неуверенно пробормотал Том, замерев на нижней ступени лестницы. — Я правда буду здесь жить? — недоумевающе спросил он, обведя руками холл.

— Хах… Да, сынок, правда, — ухмыльнулся Харди-старший и потрепал ребенка по волосам. — Мало того — все это станет твоим, когда вырастешь, — наклонился он поближе к сыну и заглянул в глаза.

Том же стоял и не понимал ничего! Отец не стал дожидаться какого-либо ответа, а взял сына за руку и потянул наверх.

Взяв в кабинете все необходимые принадлежности для зашивания, мужчина повел мальчика в спальню.

— Вот, это твоя комната, здесь ты будешь жить, — распахнул он дверь перед Томом.

Мальчик вошел внутрь и охуел хлеще прежнего. Перед ним предсталаа огромная светлая комната. По середине у стены стояла большая двуспальная кровать с деревянными столбиками по углам и навешанным на них балдахином. Постель была застелена расшитым покрывалом из парчи. В изголовье лежало друг на друге несколько подушек. В ногах кровати стояла софа на деревянных резных ножках. Окна были завешаны шелковыми шторами молочного цвета с замысловатыми кружевными ламбрекенами поверху, подвязанными золотистыми кистями.

— Ваааау, — только и смог выдавить мальчик, осматривая комнату. — Эта комната теперь моя?

— Она всегда была твоей, — потрепал сына по голове Томас, подошел к деревянной детской люльке, стоящий у окна, и положил на нее морщинистую руку. — После того, как Мэрил сбежала, эта кроватка служила мне напоминанием о тебе… О том, что я должен найти тебя и вернуть в родной дом… Ох, Томас, знал бы ты, что я испытал, когда вернулся с утра домой, а тебя здесь уже не было…

— Но зачем она это сделала? — нахмурился Том.

— Твоя мать — сумасшедшая женщина, — констатировал факт мистер Харди. — Она, хоть и ученая, но в душе такая дура… Вбила себе в голову, что ты не умеешь самостоятельно дышать, сделала вот эту вот маску, — махнул он в сторону сына. — Ни один врач не смог ее переубедить, что с тобой все нормально! Мы ездили и в Лондон, и даже в главную педиатрическую больницу Европы, что находится в Германии! Но Мэрил было не переубедить! Поверь мне, сынок, я не давил на нее. Я был очень деликатен и мягок. Но она все переиграла! Обокрала меня и сбежала, забрав с собой тебя! Я не знаю, на что она рассчитывала, ведь догадывалась, что рано или поздно я вас найду, ведь никогда не отступаю от своих принципов!

— А она не будет меня искать? — взволнованно спросил мальчик. — Не будет пытаться меня вернуть обратно?

— Конечно, нет, Томас, — поспешил успокоить Харди-старший.

— А она видела, как ты забрал меня? — спросил Том, который из-за лихорадочного состояния практически не помнил детали своего освобождения.

— Видела, — кивнул отец. — Я пригрозил, что если она не оставит нас в покое, то ее ждет уголовная ответственность, — брехал он. — Во-первых, она тебя украла. Во-вторых, считай, подделала твои документы. Ну, а в-третьих, она нанесла тебе тяжкие телесные повреждения, да еще и в клетке на улице заперла! Это ведь она с тобой сделала, да? — присел он на одно колено к ребенку и взял его за плечи.

Повисло неловкое молчание. Том суетливо зашнырял взглядом из стороны в сторону, боясь рассказать правду.

— Томас, это сделала она? — тряхнул Харди-отец сына за плечи. — Она била тебя?

— Да, — коротко ответил мальчик, потупив взгляд. — Руками била… Тряпкой била… А в последний раз пристегнула наручниками к батарее и через пару дней побила битой для лапты… А потом и вовсе посадила в клетку…

— О, Боже! — крепко обнял сына Томас и прослезился. — Она — монстр! Ее место в лечебнице!

— Папа, — отстранился Том. — Если это так… То с ней же остался Джейк… Ну там — в шаре… А вдруг она теперь будет над ним так же издеваться?

— Какой Джейк? — пиздливо, но с нотками волнения нахмурился Томас.

— Ну, Джейк… Мальчик, который живет в шаре на втором этаже. Он мой друг! Ты же видел его?

— Я был на втором этаже… Но там не было никакого шара… Никакого Джейка, — попытался спокойно говорить мужчина. — Расскажи мне о нем, Томас.

И Том начал рассказ об их дружбе с Джейком Джилленхолом, не забывая разбавлять его вставками о том, как издевалась над ним безумная мать.

— Ооох… — тяжело выдохнул Томас по завершению истории. — Сына, ты понимаешь, никакого Джейка не существует… — выпалил он.

Весь перелет и всю дорогу до Манчестера мужчина придумывал какую бы историю поведать сыну, чтобы тот смог безболезненно забыть о мальчике из шара. И, кажется, сейчас был самый подходящий момент, чтобы вывалить эту брехню на Тома, во имя его же блага. Ох и мистер Харди, ох и затейник!

— Я не понял… Не понял… — хлеще некуда нахмурился мальчик. — Как это не существует? Но ведь ты сам видел его… Я же был на втором этаже, когда ты освободил меня…

— Томас, ты был на втором этаже. Я был на втором этаже. Но никакого шара, а уж тем более Джейка там не было, — печально помотал головой мистер Харди. — У тебя была жуткая температура. Ты был в отключке и не можешь этого помнить.

— Но… — начал было возмущаться мальчик.

— Понимаешь, Том, все это слишком сложно, но я попытаюсь объяснить, — закрыл глаза Харди-старший, крепче сжав плечи сына. — Ты придумал этого Джейка… Просто придумал… Твоя мать издевалась над тобой, ты был одинок, ни с кем не общался кроме нее, вот твой разум и визуализировал этого воображаемого друга, дабы ты мог хоть как-то выжить в этом кошмаре.

— Но… Но… Это бред! — возмутился мальчик, откинув от себя руки отца. — Мама тоже о нем знала! Он существует!

— Но его никто не видел кроме тебя! — парировал мужчина. — Сам подумай! Ты рассказал, что ваши встречи проходили только наедине. Перед тем, как я тебя забрал, Мэрил сказала, что у тебя была паранойя! Что ты постоянно пробирался в ее комнату и разговаривал там со своим отражением в зеркале! Скажи, она давала тебе какие-нибудь препараты?

— Я пил биометалл.

— Вот! Вот в нем и вся проблема! — с ходу стал придумывать Томас. — Твоя мать и сама его пила, когда придумала всю эту эпопею с твоими легкими и маской! Он вызывает галлюцинации, Томас, он заставляет человека придумывать несуществующее! Он заставляет вести себя неадекватно! Но теперь ты в безопасности! Теперь ты сможешь жить нормально в реально мире!

— Нет! Это неправда! — завизжал Том, рьяно затопав. — Джейк мой лучший друг и он есть на самом деле! Я не выдумал его!

— Томас! Его не существует! — скорбно прокричал Харди-отец. — Ты должен

это принять и начать жить нормально! Я помогу тебе…

— Мне не нужна твоя помощь! — впал в истерику мальчик и с силой пихнул мужчину. — Откуда мне знать, что все это и сейчас не мои выдумки? А может ты и вовсе лжешь мне! Старый брехун!

— Зачем мне врать? — пытался спокойно осадить его Томас, проигнорировав обзывательства в свой адрес. — Я столько лет потратил на твои поиски не для того, чтобы забрать тебя и начать придумывать вот эти истории! Я же хочу для тебя как лучше, Томас! Ты всю свою жизнь прожил будто в аду! Я просто хочу вытащить тебя из этой ямы! Хочу для тебя достойного будущего!

— Уйди отсюда! Я не хочу тебя видеть! Оставь меня одного! — закричал Харди-обнаглевший-в-край. — Это все неправда!

— Томас, я прошу тебя, успокойся! — топнул Харди-старший. — Я понимаю, ты шокирован. Но ты должен принять действительность! Сядь на кушетку, глубоко подыши, посчитай до десяти…

— Я хочу побыть один! — никак не унимался Том, с разбега прыгнул на кровать и закрыл голову подушкой. — Оставь меня в покое! — взвизгнул он и разрыдался, не веря в происходящее.

— Ну тише… Тише, сынок… — осторожно сел на кровать Томас-старый и погладил сына по спине. — Давай мы сейчас закроем эту больную для тебя тему, я зашью тебе бровь, а потом…

— Уйди отсюда! — высунулась из-за подушек зареванная голова Тома и нырнула обратно.

— Хорошо, я не буду давить на тебя, — грустно вздохнул мужчина, поднимаясь с кровати. — Отдохни немного… Ты многое пережил за последнее время и наверняка устал… Но если ты вдруг захочешь поговорить, то я буду в соседей комнате. Хорошо?

Ответом ему были лишь детские всхлипывания.

— Хорошо? — вновь доебался Томас, но никакого ответа не получил.
— Ладно… Я зайду позже…

Мужчина ушел, и Том, наконец, остался наедине со своими мыслями. Неужели Джейка и вправду не существует? Может, он его действительно выдумал, дабы хоть как-то выжить во всем том дерьме, что сотворила Мэрил? Ведь это факт, что их встречи всегда проходили наедине. Ну и что, что мисс Стрип пару раз присутствовала при этом? Она же и сама шизофреничка! Да ну, бред какой-то! Но тогда зачем мужчина, гордо провозгласивший себя отцом Тома, будет лгать? Кажется, он искренне относится к Тому и правда желает для него лучшего. Он был с ним так мил и обходителен, как никто за всю недолгую жизнь мальчика. Он даже сказал, что любит его! А момент с люлькой — это было поистине трепетно! Том настолько запутался в своих мыслях, что даже и не заметил, как уснул.

Глава 18: Музэй

Проснулся Том, когда было еще темно. Мальчик медленно поднялся с кровати и обнаружил, что кто-то заботливо накрыл его одеялом, пока он спал, да еще и краешки под него подпихнул! Совершенно точно, что это сделал отец — Томас Харди. Тому стало очень стыдно за то, что он надерзил этому любезному человеку и так нагло прогнал его накануне. Он аккуратно встал с кровати и обогнул комнату по периметру, остановившись у детской люльки.

— Кажется, я поступил плохо, — буркнул он, погладив деревянный бортик. — Этот мистер… Папа… Был ко мне так добр. Забрал меня от старой дуры, привез в это чудесное место… Он же освободил меня! А я так плохо с ним поступил… А вдруг, я все испортил? Вдруг, он обидится на меня и отдаст обратно маме? Мама… — осекся Том и замолчал, а его лицо стало наполняться гневом. — Старая сука! Она лгала мне! — выругался он. — Ладно, не надо об этом думать. Сейчас нужно пойти и как-то все исправить…

Мальчик тихо вышел из комнаты и направился в соседнюю. Он аккуратно приоткрыл тяжелую дубовую дверь и заглянул внутрь. Там на подоконнике сидел отец, задумчиво уставившись вдаль и куря сигарету.

— Ох, ты уже проснулся? — взволнованно спрыгнул он на пол, увидев, что в комнату просунулась маска. — Еще пять утра, Томас, почему не спишь? Тебе неудобно? Тебя что-то тревожит? У тебя что-то болит? Может, ты хочешь со мной поговорить о чем-то?

От этих вопросов Тому стало в три раза стыднее прежнего. Для него было в новинку, что кто-то заботится о нем и волнуется за его душевное состояние. Но мальчик совершенно не хотел раскрывать свой внутренний мир перед отцом. К чему это? Сейчас он раскроется, привяжется, а потом его опять бросят или предадут! Что-что, а это совсем не то, чего хотелось бы испытать бедняжке Тому.

— У меня болит бровь, — пизданул он, опустив глаза. — Кажется, вчера ты хотел ее зашить. Может, тогда мне станет легче…

— Конечно, — грустно улыбнулся Харди-старший, надел шляпу, взял с прикроватной тумбочки все необходимые для зашивания предметы, сел на кушетку у окна и похлопал рядом.

Том стыдливо присел, снял маску и повернул лицо к отцу.

— Будет немного больно, но придется потерпеть, — намочил ватку спиртом Томас и обработал края раны.

— Ауч, — скривился мальчик. — Ничего, я потерплю.

— А вот сейчас будет и правда больно. Давай, мы о чем-нибудь побеседуем, — предложил он и, притянув друг к другу оборванные концы кожи, воткнул в бровь иголку.

— Ааай! — вскрикнул мальчик, подпрыгнув на софе. Но вспомнив, как Мэрил пиздила его битой для лапты, решил, что эту боль вполне себе можно потерпеть.

— Я могу сходить за лидокаином, — пожал плечами Харди-старший, но никуда не пошел, потому что было немного впадлу спускаться по лестнице с его больными коленями. Но если уж сын и правда не может потерпеть боль, то он не откажет и сходит вниз за лекарством.

— Не надо, — сморщился Том, почувствовав, как под кожей неприятно проходит нитка. — Вообще, я хотел извиниться за вчерашнее… Я не хотел тебя обижать.

— Я и не обижаюсь, Томас, — мило улыбнулся Харди-шляпа. — Я все понимаю. Ты очень перевозбудился вчера. Ты еще мягко отреагировал на то, что твоя жизнь теперь так радикально переменится. Вот то ли дело твой прадед!

— решил сменить он тему, дабы разрядить атмосферу. — Ты бы знал, что было с ним, когда он узнал, что болен раком! Он так взбесился, что напился и поджог смотровую башню, представляешь?! Что он так переживал — непонятно. Он и так прожил долгую жизнь. В тот момент ему было уже семьдесят девять! А после этого он прожил еще пять лет!

— Ну ничего себе, — улыбнулся Том, скривившись от боли нового стежка.

— А хочешь, когда я зашью тебе бровь, мы спустимся на первый этаж и я покажу тебе фамильный музЭй нашей семьи? Ммм? Ее история очень богата и передается из поколения в поколение. И ты должен знать о ней все, Томас. Ведь кто мы, если не знаем своего прошлого, так?

— Конечно хочу, — кивнул мальчик, даже и не подозревая, что ждет его в этом музее.

— Тогда еще пару стежков и я тебя туда отведу и все расскажу, — самодовольно улыбнулся мистер Харди, гордящийся каждым мракобесом из своей семьи. Но об этом немного позже.

— А где ты научился зашивать? Ты врач? — поинтересовался Том.

— Нет, сынок, я не врач и не имею никакого отношения к медицине вообще… Хочешь открою тебе тайну? Но ты не должен о ней говорить никому, — загадочно прищурился он, заглянув сыну в глаза. — Ты умеешь хранить секреты?

— Конечно умею! — загорелись глаза Тома в предвкушении интересной истории.

— Я — министр тайных дел Великобритании, — прошептал Томас, сделав еще один стежок. — Я курирую королевскую семью и слежу, чтобы всякие конфузные моменты, происходящие в ней, не вылезли наружу. Вот как!

— Круто! — обрадовался Том, поняв, что отец знает много интересных сплетен и может поделиться ими с ним. Алло, Том, ты вообще слушал, что тебе говорил твой батя? Его работа скрывать все это, а не выносить на публику!

— Вот, например, ты спрашиваешь откуда я знаю, как зашивать раны. Знаешь сколько раз наша любимая королева ввязывалась в пьяные драки? Пятнадцать раз, Томас! И это только за время моей службы! И семь раз из пятнадцати я латал ее раны! Такая она, конечно, буйная женщина!

Ну блять, ну мистер Харди! Ну ёб вашу мать! Какого хуя вы рассказываете все это пацану, которого знаете без году неделю? Ну и что, что он ваш сын? Это совсем не значит, что он никому это не растреплет! Не боитесь потерять должность? Ну-ну…

— Ну, вот и все! — спустя минуту хлопнул в ладоши Харди-пучеглазый. — Рана зашита. А ты молодец, Томас! Настоящий герой! Так мужественно стерпел боль! Я тобой горжусь! — похлопал он сына по плечу. — Ну что? В музЭй?

Мужчина протянул руку, Том вложил в нее ладонь, и вместе они вышли из комнаты и спустились вниз.

— Завтрак подавать, мистер Уокен? — выглянула из кухни голова одного из кухаров, трудившегося в поместье.

— Чуть позже, я дам знать, — отмахнулся Томас и повел сына дальше.

— Папа, а почему тебя называют мистер Уокен? Сейчас, и тогда водитель, когда только приехали к замку, — удивленно спросил Том, шагавший вслед за отцом и попутно осматривающий все вокруг.

— Я же рассказал тебе, что работаю в министерстве тайных дел, — ухмыльнулся Томас с артрозными коленями. — Ну, как понимаешь, это работа довольно-таки секретная, и не входит в ряд тех, о которых стоить болтать направо и налево. Знаешь, как у тайных агентов есть вымышленные имена? Вот и у меня также. Это для безопасности.

— Чьей? — заинтересованно спросил мальчик.

— Всех. И моей, и министерства, и королевы, и ее семейства, и моей семьи — то бишь тебя, — пояснил мужчина, доставая из кармана связку ключей.
— Таковы правила, и спорить с ними нет смысла. Так что для всех меня зовут иначе — не Томас Харди…

— А как? — не терпелось узнать Тому.

— Кристофер Уокен, — ответил отец, открывая большую деревянную дверь и пропуская сына внутрь.

— И все тебя так называют? — не унимался любопытный пацан.

— Ну, почти… Семье разрешено называть меня по настоящему имени, остальные же: все коллеги, друзья, соседи, прислуга — называют меня по моему, так скажем, рабочему имени.

— А мне как тебя называть? — недоумевал Том, остановившись в дверном проеме.

— Папа! — рассмеялся Томас-министр и потрепал сына по голове. — А если серьезно, то давай, чтобы избежать всякой путаницы, я и для тебя буду Кристофером Уокеном. Хорошо?

Не то слово — хорошо, мистер Уокен! Теперь будет, и впрямь, меньше путаницы!

— Хорошо, папа, — улыбнулся Том и вошел внутрь.

Кристофер щелкнул выключатель на стене, и комната озарилась желтоватым светом.

— Ого! — округлил рот под маской мальчик.

По периметру стояло семь манекенов: шесть из них были одеты в разные костюмы, последний же был гол. Позади каждого манекена висели портреты. Лица, изображенные на них, Том уже видел на картинах в холле. Также вдоль стены стояли застекленные витрины с разнообразным барахлом.

— Ну что, начнем сначала? — посмотрел на сына мистер Уокен и указал рукой на первый манекен. — Родоначальник династии Харди, Томас Харди I, основоположник всех обычаев и традиций нашего рода. Тот, с кого все началось. Тот, кто построил это поместье, — обвел он руками все вокруг и подвел мальчика поближе.

Том с интересом уставился на манекен. На нем было надето черное пальто до колен, дряхлое и затертое, с широким заостренным воротом и крупными пуговицами. На голове красовался высокий цилиндр с узкими полями, отделанный атласной лентой. На портрете позади был изображен мужчина в такой же шляпе, с небольшой бородой и со шрамом, проходящим через глаз ото лба до середины щеки.

— Были, конечно, и до него предки, но о них мало что известно и почти не сохранилось никаких документов. А начиная с него ведется подробная летопись. Сын составляет жизнеописание отца, хранит его личные вещи и одежду, и так из поколения в поколение. Также он ввел такой обычай — называть сына в честь отца. Именно поэтому тебя, сынок, зовут именно так, и ты — Том Харди VIII, — рассказывал Кристофер Уокен снаружи, но Том Харди VII в душе. — Ну, а теперь давай я расскажу подробнее о каждом. Как я уже сказал — это Том Харди I, и он был корабельщиком. Точнее в начале своего пути он им не был, в молодости он долго путешествовал по Африке, где увлекся магией вуду, а также сплошь забил тело этническими узорами. Вернувшись оттуда, он решил начать свое дело. Для этого у него были украденные алмазы, которые он тайком провез под подкладкой пальто, — приподнял Кристофер уголок подола на манекене, демонстрирую дыру в ткани. — Так вот, при помощи этих камней он смог построить свою первую верфь, но вскоре она была сожжена его же женою. Но наш Том решил не держать на нее зла и увековечил ее образ в музЭе, — продемонстрировал он женский портрет рядом с портретом корабельщика.

— Итак, Том Харди I продолжил свой нелегкий путь и уже через год имел крупную корабельную империю, ради построения которой ему пришлось сталкивать лбами правительство нашей страны. Очень горжусь этим человеком, — бросил он томный взгляд на пальто предка. — Но помимо всего того, что он сделал для будущего своих потомков — он оставил после себя одну очень нехорошую вещь. Во время своего путешествия по Африке, Том убил вождя нигерского племени за то, что тот нетолерантно посмотрел на него. И тогда жена этого вождя наложила на весь наш род страшное проклятие! Каждый мужчина через поколение, начиная от сына корабельщика, будет умирать в страшных муках от тяжелого недуга. А недуг этот — рак! Чума двадцать первого века, Томас. Но ты не волнуйся — ты перескакиваешь, — потрепал Кристофер сына по голове. — Ну, так вот. Наш Том мало того, что не поверил в это проклятие, так он еще и алмазы у той женщины украл. Кстати, возможно, на один из них и было построено наше родовое поместье, — обвел он ладонью помещение. — Ладно, давай дальше.

Кристофер взял Тома за плечи и провел ко второму манекену. На нем было надето то ли пальто, то ли дубленка, то ли непонятно что, подпоясанное огромной веревкой, а на голове красовалась грязная бандана-тряпочка. На ногах были драные унты из медвежьей шкуры.

— А этот человек — Том Харди II, — пояснил за предка Кристофер. — Неоднозначная личность в нашем семейном древе, но тем не менее — любимая. После кончины своего отца, он получил в наследство всю его корабельную империю, наше поместье, а также земли в разных уголках Земли. Но больше всего его заинтересовал клочок земли в Америке. Том II, немедля ни минуты, отправился в Штаты, чтобы отвоевать свою землю у индейцев, которые захватили ее. При этом, бросив на произвол судьбы тут, в Манчестере, свою глупую жену и маленького сына, а также оставив без присмотра все отцовское дело. Во время долгого пути, чтобы скоротать время, наш Том ушел в запой и увлекся азартными играми. Но привлекали его не столько карточные игры, как рулетка — чистая фортуна. Он был очень принципиальным человеком и постоянно ставил на «пятнадцать-черное»! Но это число никак не выпадало! В итоге, Том проиграл все, включая бизнес отца. До Америки он доплыл в озлобленном состоянии и тут же вступил в бой с индейцами. Но однажды ночью, краснокожие застали врасплох лагерь Тома, благо, ему удалось сбежать в компании своего товарища и его сына. Ребята заблудились в лесу, его друг подрался с медведями и был тяжело ранен в этом бою. Том заботился о нем три дня и три ночи, но вскоре понял, что тому не выбраться и он сам рискует умереть, если не бросит его в снежном лесу. Но сын этого товарища был против бросать полумертвого отца. Он начал угрожать Тому расправой и грозился приплыть в Англию и вырезать всю его семью. Том опешил, но не растерялся! Он сделал первый удар и убил сына своего друга. Самого же друга он бросил помирать в лесу, забрав у него всю теплую одежду и провизию. Чудом — нашему Тому удалось выбраться из леса и вернуться в лагерь, который к тому времени восстановили. Казалось, что все налаживается… Но удача быстро отвернулась от него. Спустя пару недель его друг, которого все считали мертвым, заявился в лагерь, устроил грандиозный скандал и застрелил Тома. Ах, вот, на чьей стороне была удача все это время! Это же надо — выжить в холодном лесу, после схватки с медведями! Тяжелый путь ему пришлось пройти, чтобы свершить месть и покарать нашего Тома. Говорят, он даже спал в трупе лошади, дабы не замерзнуть ночью… Но вернемся в Англию. Сюда, спустя пару недель после происшествия, было доставлено тело Тома Харди II. Вскрытие показало, что у него был рак простаты последней стадии. Так что, ему все равно не суждено было выжить в этом мире… Но зато, мы знаем, что именно с этого человека и начало проявляться африканское проклятие. Том Харди II был погребен в

фамильном склепе, как и его отец. Я свожу тебя туда чуть позже…

— Ничего себе история, — присвистнул Том.

— Эта история еще не закончена, сын мой, — приобнял Кристофер мальчика и повел к следующему манекену. — Перед тобой Том Харди III. Его история неразрывно связана с историей отца.

Том внимательно уставился на манекен, одетого в широкую белую рубашку, поверх которой была накинута затертая кожаная жилетка, брюки с завышенной талией, на ногах были старинные туфли с позолоченной квадратной бляхой, а голову украшал пышный длинный парик.

— Когда его отец был захоронен, мать ушла в глубокую депрессию. Этим воспользовался один проходимец, взял в оборот убитую горем женщину и женил на себе. Через год ее нашли мертвой в пруду, который ты видел во дворе. К тому времени поместье уже принадлежало этому подлецу. Совпадение? Том III, которому на тот момент было всего семь лет, был вышвырнут на улицу. Долгие годы он бомжевал и разрабатывал план по возвращению поместья. И вот, спустя десять лет, наш герой вернулся в свой родимый дом и стал просить работу. Никто не узнал в этом парне мальчика, жившего здесь много лет назад. Ему дали туфли и оставили работать на конюшне. Согласно своему плану, Том закрутил роман с дочерью лже-хозяина, и сам не заметил, как влюбился в нее. Он решил, что будет правильно рассказать ей о своем плане. Девушка была просто в шоке от услышанного! И в ту же ночь убила своего отца, который, к слову, издевался над бедняжкой. Так и было возвращено поместье. Вернув принадлежащее по праву, Том придумал для нашей семьи девиз, — подвел Кристофер сына к одной из витрин, где за стеклом лежал пергамент с каллиграфичной надписью. — «Идем по следу чести» — так он звучит. Повтори.

— Идем по следу чести, — промямлил Том.

— Запомни это, Томас, и никогда не оступайся! — гордо изрек Кристофер. — А вот и герб, — указал он ладонью на стяг, красовавшийся на стене.

На гербе был изображен пес, породы английский пойнтер, держащий в зубах мертвую утку.

— Почему он? — поинтересовался Том. — Почему собака, а не, например, корабль?

— Просто Том III очень любил охоту, — пожал плечами мистер Уокен. — Какое это имеет значение? Не мы его придумывали и не нам его исправлять. Что ж, пойдем дальше… Это у нас Том Харди IV — мой дедуля.

Кристофер обвел ладонью манекен, наряженный в черное солидное пальто, под которым находился костюм-тройка и белая рубашка. Через шею был перекинут длинный белый шарф, на голову же был водружен невысокий цилиндр с не на шутку широкими полями. Костюм украшали пенсне, карманные часы и множество цепочек. К манекену была приперта деревянная трость с позолоченным набалдашником в виде собачьей головы. Рядом располагалась витрина, под стеклом которой была навалена куча всевозможных побрякушек.

— Поскольку, его отец вернул лишь поместье, но не корабельную империю, то дед решил, что нужно начинать свое дело и открыл пекарню. Дела шли неплохо, но тут его призвали на Первую Мировую Войну. Оттуда он вернулся контуженым и озлобленным. После войны бизнес захерел и дед понял, что честным трудом состояние ему не сколотить. Тогда он начал производить вместо хлеба динамит. А потом пошло-поехало… Нелегальный алкоголь, оружие, проституция…

— Проституция? — удивился Том. — Что это?

— Ээээм… — замялся мистер Уокен, поняв, что сболтнул лишнего. — Ты еще мал для этого, расскажу немного попозже. Итак, — быстро перевел он тему. — Потом он заимел огромный склад и сдавал там помещения в аренду всяким бандитам, где те хранили свое оружие и даже танки. Ох, дедушка, дедушка, —

нежно обнял манекен Кристофер. — Очень люблю его. Ведь, можно сказать, он меня и воспитал… А вот и его дети, — подвел он сына к следующим манекенам. — Дед ошалел, когда у него родились близнецы и долго думал на счет их имен. Но, в конечном счете, решил, что будет правильно назвать их обоих согласно семейным традициям. Так что знакомься — это Том Харди V, а это Том Харди VI — мой отец.

Первый манекен был наряжен в рубашку в тонкую вертикальную полоску. Поверх нее был застегнут коричневый кардиган, а сверху накинут еще один кардиган — серый. На ногах были бесформенные штаны, а на голове — мятая кривая шляпа цвета кофе с молоком. На втором манекене, что олицетворял отца Кристофера, был костюм английского летчика, поверх которого была накинута короткая дубленка с овечьими воротником и манжетами, из-под нее торчало горло белого свитера весьма крупной вязки. На голове же красовалась шапка-маска-шлем летчика и авиаторские очки на лбу.

— Начнем с моего дяди, — сказал Кристофер и бережно застегнул пару пуговок на кардигане манекена. — Когда ему стукнуло двадцать, он, решив, что должен всего добиться сам и не зависеть от отца, отправился в Америку. Буквально через год он сколотил там банду и начал подпольно производить виски. В то время в Штатах действовал «сухой закон», поэтому дела у дяди пошли как нельзя лучше. Вскоре, при помощи своего отца, он начал экспортировать свой «самогон» и в Англию. Знаешь, хоть два брата и были близнецами и по идее должны были быть не разлей вода — они мало общались друг с другом. Совсем разные ребята были по характеру и мировоззрению… Но дедушка общался наравне с обоими сыновьями. Вот здесь ты можешь лицезреть письма, — указал он на одну из витрин, где лежала кипа жухлой бумаги. — Это переписка моего дяди с его отцом… Ладно, вернемся к истории Тома Харди V. Его бандитская жизнь в Штатах была крайне опасной. Несколько раз он был подстрелен, но, тем не менее, раз за разом выходил победителем из этой схватки со смертью. Однажды ночью, один недоброжелатель решил устроить ему «темную» после танцев в клубе, которые так любил мой дядька. Он напал на него со спины и перерезал горло. Казалось бы, вот она — смерть. Но нет, Томас выжил и тут. Вскоре он женился на своей бухгалтерше и, буквально через несколько дней после свадьбы, погиб глупой смертью… Нет, он не был убит, как ты, наверняка, подумал. Мой дядя дегустировал свой самогон, сделанный по новому рецепту, да так увлекся, что не заметил, как напился до беспамятства. Ему было стыдно показываться в таком виде перед своей новоиспеченной женой, поэтому он решил пойти побродить по холодному зимнему лесу, дабы протрезветь. Там он и набрел на озеро, лед на котором был еще слишком тонким, чтобы выдержать вес человека… Через неделю он умер от пневмонии у себя дома, в теплой постели, рядом с любящей женой. Увы, наследников после себя он не оставил… Дед и отец были разбиты горем, когда вместо очередного письма, в поместье пришла похоронка… Деду пришлось подсуетиться, чтобы тело его сына — Томаса Харди V — было возвращено на родину и захоронено в фамильном склепе. А перевез он его в ящике с последней партией виски моего дяди.

— Грустная история, — меланхолично с нотками механики протянул Том.

— Но не грустнее истории моего отца — твоего дедушки, — тяжело выдохнул мистер Уокен и подошел к манекену-летчику. — Он — настоящий герой. Мне очень жаль, что я не знал его. Мне не было и двух, когда он отправился на Вторую Мировую… Как рассказывал дед, мой отец всегда отличался от остальных членов семьи. Он был добропорядочен и честолюбив, с ранних лет он пошел в армию и уже в восемнадцать стал летчиком. Погиб он под Дюнкерком. Он совершил настоящий геройский поступок — вся его команда была разбита в нелегкой схватке с фашистскими летчиками. Но на кон было поставлено

слишком многое — там внизу, на берегу, проводилась спасательная операция вывоза британской армии с французской земли. Датчик топлива в самолете отца был сломан, но он хладнокровно проигнорировал это и продолжил воздушный бой. Ему в одиночку удалось разбомбить все немецкие самолеты, но, чтобы спастись самому и удачно приземлиться на берег к «своим», топлива в его машине не хватило. Он пропарил на нем многие километры, приземлился далеко от наших войск и начал сжигать самолет. К его несчастью, тут как тут оказались немцы. Они-то и схватили отца… Так он и пропал. Никто не знал, что с ним случилось после этого. Лишь спустя многие годы, после окончания войны, дед смог докопаться до истины. Как оказалось, немцы схватили отца и отвезли в концлагерь, где он прожил почти год. Там и встретил свою смерть… Дед нашел братскую могилу, где был захоронен отец, провел эксгумацию и вернул тело сына в родовое поместье. А точнее — в наш склеп. Отец… — бережно поправил он воротник дубленки манекена и прослезился. — Мне так тебя не хватает…

— Ооох, — тяжело выдохнул Том и смахнул с глаза слезу. — А это кто? И почему он голый? — решил разредить он обстановку, указав на следующего манекена.

— А это — я, мой хороший, — присел на одно колено к сыну Кристофер. — Когда меня не станет — ты должен будешь лично подготовить «мой» экспонат.

Повисло неловкое молчание. Том зашнырял глазами по сторонам, ведь совсем не хотел заниматься этими тряпичными делами.

— Томас, все это очень и очень важно. Никогда не забывай свои корни. Ведь, как я уже говорил, кто мы, если не знаем историю своих предков? — взял сына за плечи мистер Уокен. — Ты должен хранить и соблюдать все традиции семьи Харди. Когда-нибудь у тебя родится сын и ты должен будешь назвать его Томом, рассказать историю нашей семьи и посвятить во все традиции. Ладно, об этом мы поговорим, когда будешь постарше… Хочешь еще один интересный факт? Знаешь, что связывает нас всех, — взял он сына одной рукой за лицо, развернул, а второй обвел портреты предков. — Точнее не всех — женщины-жены тут не в счет, ведь, получается, приходили со стороны. Так вот, каждый рожденный в нашей семье — имеет декстрокардию. Проще говоря — сердце каждого находится справа, а не слева, как у обычного человека.

— Здорово, — ошалел Том, почувствовав себя особенным. — Папа, спасибо за эту экскурсию. Ты хороший рассказчик. Было очень интересно!

— Ох, Томас! — отмахнулся Кристофер. — Это я еще вкратце рассказал. Мы еще зайдем сюда с тобой ни раз, и я расскажу все в мельчайших подробностях. У нас даже есть книга-летопись! В картинках, между прочим!

— Ээээм… — замялся Том. — А мама… Ее портрет тоже будет здесь висеть?

— Конечно нет, Томас! Во-первых, она и женой-то мне не была по документам, а так — гражданской, ведь из-за своей работы я не имею права вступать в брак с гражданином другой страны. Ну, а, во-вторых, после того, что она сделала с тобой — последним наследником нашей семьи… Да все наши с тобой предки в склепе бы начали переворачиваться, сотвори я такое! Эта женщина не заслужила чести находиться здесь! Ох, да доживи до этого времени мой дед… Я уверен — он бы убил Мэрил, — печально усмехнулся он. — Знаешь, каким он был вспыльчивым человеком? Однажды, один из кухаров подал ему на завтрак омлет, а у дедушки была непереносимость лактозы. Так знаешь, что он сделал? Подкараулил кухара после трапезы, напал на него и избил тростью! Ооох… Вот времена-то были! Жалко, что он умер… Ставлю сотню фунтов, что не сожри его рак, до сих пор бы жил! — в голос рассмеялся он.

Том бросил взгляд на портрет прадеда — бородатого мужчину с безумным взглядом, а затем на его полный манекен, к которому была приперта трость. Мальчик так и не понял — худым или толстеньким был его предок, но почему-то

четко визуализировал в голове, как безумный прадед, будь он жив по сей день, побил бы его своей глупой клюкой. Том поежился и поспешил отвести взгляд.

— Ладно, что-то мы тут с тобой засиделись, — поднялся в полный рост Кристофер, скрипя коленями. — Как на счет завтрака? Ммм? — взял он сына за руку и, не дожидаясь ответа, повел прочь из музея.

Глава 19: Мышка

Прошло пару дней. Все это время Кристофер был рядом с сыном. Он водил его по всем закоулкам поместья, знакомил с кухарами и остальной прислугой, рассказывал о себе, своей работе и жизни, а также пытался выведать у мальчика, чем тот увлекается, что ему интересно и что ему, наоборот — не нравится. Мистер Уокен, таким образом, пытался наладить контакт с Томом и сблизиться с ним, как можно быстрее, в надежде наверстать упущенные годы. Мальчику, хоть и нравилось общение с отцом, нравилось чувствовать себя не одиноким и кому-то нужным, однако, не удавалось полностью открыться и довериться Кристоферу. Том боялся подпустить к себе кого-то близко, чтобы потом не испытывать мучительную боль предательства. Тем не менее, мистер Уокен не оставлял попыток сблизится с сыном, и понимал, что жизнь Тома с сумасшедшей матерью оставила в его душе неизгладимый отпечаток.

— Послушай, Томас, хотел поговорить с тобой кое о чем, — как-то за ужином завел разговор Кристофер. Мальчик поднял на него вопросительный взгляд, не прекращая жевать бифштекс. — О твоем здоровье… И о маске, — мистер Уокен взял конструкцию сына, которую тот снял на время трапезы, и покрутил в руках.

Том отложил вилку, продолжая настороженно смотреть на отца.

— Ты же можешь ее снимать. Так почему бы тебе не снять ее совсем? — взглянул Кристофер на сына, отложив маску на дальний угол стола.

— Я же говорил, что могу без нее всего несколько минут, — ответил Том, тревожно посмотрев на маску.

— Томас… Все, что говорила тебе Мэрил — наглая безумная ложь! — пытаясь сдержать злость на бывшую жену, воскликнул Кристофер. — Ты прекрасно можешь жить без этой маски. Да, когда ты родился, у тебя было не все в порядке с легкими — они не сразу раскрылись. Плюс декстрокардия, о которой я рассказывал, часто влечет за собой проблемы с дыхательной системой. Так что, не спорю, определенные опасения за твое здоровье у меня были. Но множество обследований у лучших врачей Англии убедили меня, что все, что тебе может грозить — это лишь астма в будущем и ничего более. Но астма… Разве это большая проблема? Миллионы детей живут с ней, у многих она проходит с возрастом, а кто-то продолжает пользоваться ингалятором еще долгое время. Но все это такие мелочи, по сравнению с тем, что ты вынужден ходить в этой странной маске. Я хотел бы, чтобы ты ходил без нее, и я тебя уверяю — это не грозит тебе никакой опасностью. Как на счет попробовать? — положил он морщинистую ладонь на плечо сыну и с надеждой улыбнулся.

— Нет! — выпалил Том, подскочив с места. — Дай мне ее немедленно! Я не могу без нее! Я это знаю, ведь однажды остался без нее на слишком долгое время. И тогда я чуть не умер! Я чуть не задохнулся!

— Томас, я прошу лишь попробовать, — спокойно продолжил мистер Уокен, глядя на сына, испуганно уставившегося на маску. — Я буду рядом, и, в случае чего, помогу.

— Нет, дай мне ее сейчас! — взвизгнул мальчик и тяжело задышал.

— Хорошо, хорошо… Я тебя понял, — прикрыл глаза Кристофер и пододвинул сыну маску. Тот торопливо натянул ее и потупил взгляд. — Если мои доводы для тебя недостаточно убедительны, то, может, ты прислушаешься к профессионалам? Как насчет того, чтобы пройти полное обследование твоего здоровья? Мы проверим все от и до, и если врачи, действительно, найдут какую-то проблему, то ты продолжишь носить маску. Если же нет, то ты, с моей помощью, избавишь себя от этого недоразумения, — помотал он ладонью у лица мальчика.

Том, не поднимая взгляда от недоеденного ужина, молчал.

— Томас, прошу тебя, давай просто попробуем, хуже ведь не станет, — умиротворяюще и убаюкивающе заговорил Кристофер.

— Хорошо, — коротко кивнул мальчик и вышел из-за стола.

Уже на следующий день отец и сын Харди сидели перед кабинетом пульмонолога в лучшей клинике Лондона. Мальчик к этому времени сдал всевозможные анализы, прошел флюорографию, а также рентген не только легких, но и всех остальных органов, на всякий случай.

— Проходите, — высунулась из-за двери голова с кривой улыбкой.

Кристофер взял сына за руку и повел в кабинет. Заходя внутрь, Том мельком взглянул на табличку на двери и успел прочесть: «Доктор С. Сталлоне, кандидат биологических наук, заведующий пульмонологии, нейрохирургии и ортопедии, член союза гомеопатов Соединенного Королевства».

— Ну-с… Что я могу сказать… — процедил сквозь неразмыкающиеся зубы доктор, разглядывая на просвет рентгеновский снимок. — Как мы можем видеть здесь и здесь, — стал он водить пальцами по изображению легких на пленке. — Имеются небольшие очаги то ли воспаления, то ли непонятно чего… Хммм… Или это пятна от моего завтрака? — прищурился Сильвестр, послюнявил палец и потер снимок. — А, ну да, точно, завтрак! — усмехнулся он и откинул рентгеновскую фотокарточку на стол. — Ну, значит, я могу со всей ответственностью заявить — никаких опасений быть не может! Ваш сын абсолютно здоров и ничего не угрожает его жизни.

— Слышал, Томас? — пихнул в бок локтем мальчика мистер Уокен, глупо улыбаясь.

Том лишь с подозрением смотрел на доктора Сталлоне — этот человек не вызывал у него ни капли доверия. Мало того, что он показался ему совершенно некомпетентным, так еще это его перекошенное во всех направлениях лицо было не только отталкивающим, но и пугающим. Поэтому все, чего хотелось мальчику сейчас — это скорее покинуть кабинет и больше никогда сюда не возвращаться.

— Можно взглянуть на вашу маску? — протянул Сталлоне корявую от недавнего инсульта руку к Тому. — Как я понял — ваша мать ученая и изобрела эту конструкцию для вас и ваших легких.

— Томас, сними маску и дай ее доктору посмотреть, — шепнул сыну на ухо Кристофер.

Том напрягся, нервно сжал челюсть, но отца послушал и снял маску. Сильвестр же Сталлоне взял ее и стал небрежно и угловато крутить, осматривая со всех сторон.

— Положа руку на сердце, говорю — это гениально! — восторженно воскликнул голос доктора, его же лицо не выразило никаких эмоций, застыв в гримасе инсультной совы. — Это же изобретение может спасти тысячи! Да что там тысячи — миллионы людей! — продолжил восхищения голос, а сам же Сильвестр скривил лицо в приступе очередного кровоизлияния в мозг.

— Что? — возмутился Кристофер Уокен. — Вы же сказали, что Тому она не нужна, а теперь расхваливаете ее!

— Так ему она и не нужна! — хотел махнуть рукой доктор, но, к сожалению, его руку парализовало несколькими секундами ранее. — Но вот если это изобретение зарегистрировать как медицинскую аппаратуру для астматиков, то это будет прорыв! — нес бредни Сильвестр, представляя в своем наполовину неработоспособном мозгу, сколько денег он может срубить, запатентовав эту маску.

Том же к этому времени, наслушавшись речей Сталлоне и пробыв без маски уже несколько минут, тяжело задышал.

— Ты слышал это, Томас? Твоя маска может спасти много жизней! А самому тебе она не нужна! Давай отдадим ее во благо науки и здоровья человечества! – подстрекал сына Кристофер.

Ответом ему была тишина. Том, вцепившись ладонями в коленки, буравил взглядом маску в руках доктора, тот, в свою очередь, получал очередной, уже такой привычный для него, инсульт. Закончив свои, разрушающие мозг, дела, Сильвестр подошел к мальчику и присел перед ним на одно колено.

— Тебе не нужна эта маска, сынок. Я заберу ее себе, ты не против? — спросил он, заглянув Тому в глаза, от чего у того, медленно и постепенно подступающая, паническая атака началась стремительно и незамедлительно. Руки у Тома стали неметь, кровь от лица отлила, он с трудом мог дышать, а вскоре и вовсе запамятовал, как это делается.

Кристофер и Сильвестр смотрели на мальчика непонимающе и не знали, как поступить. Через несколько мгновений Том сполз на пол и уткнулся лицом в ковролин Сталлоне.

— Я не могу дышать… — хрипел он, не в силах сделать вдох. — Папа… Я не могу дышать… Я умираю…

Кристофер сжал губы в тончайшую полоску. Он прекрасно понимал, что сын просто-напросто отхватил паническую атаку, а не задыхался, как думал сам. Но и смотреть на мучения мальчика у него не было ни сил, ни желания. Поэтому он подошел к доктору Сильвестру, забрал из его скрюченных закостенелых рук маску, присел на пол к Тому и застегнул ее ремни на затылке. Мальчик с жадностью вдохнул воздух и глубоко задышал. Через секунду он подскочил с пола и выскочил за дверь, не желая больше лицезреть ебало мистера Сталлоне, будто слепленное из воска и потекшее от жары. Кристофер, разочарованно подкатив глаза, последовал за сыном.

— Хотите правды? — схватил его за рукав плаща Сильвестр, когда мистер Уокен уже был в дверях. — Вам не пульмонолог нужен, а психолог, — вкрадчиво и отчего-то излишне таинственно прошептал доктор и упал на пол, решив переждать очередной инсультный трип лежа. Кристофер же нахмурился и вышел в коридор.

На следующие несколько дней мистер Уокен решил оставить сына в покое, дав ему время отойти от похода к пульмонологу. То, что сказал доктор Сталлоне, Кристофер и сам понимал, но не знал, как деликатно поговорить об этом с Томом. Его надежды на то, что слова авторитетного врача убедят его в собственном здоровье не оправдались, а это значило лишь одно — серьезного разговора с сыном не избежать. Он долго подбирал нужные слова, которые смогли бы убедить мальчика расстаться со злополучной маской, и, наконец, решился завести беседу однажды за завтраком.

— Хочешь расскажу тебе одну притчу, Томас? Мудрую притчу… — спросил Кристофер, наливая себе и сыну чая в фарфоровые чашки.

Том посмотрел на отца, приподняв шрамированную бровь. Он не был действительно уверен в том, хотел ли сейчас слушать басни мистера Уокена, но не желая его обидеть, неоднозначно пожал плечами, как бы говоря: «Ну, давай».

— Две маленькие мышки упали в ведро с молоком… — начал Кристофер, макая печенье в чашку. — Первая мышка подняла лапки и утонула. Вторая же мышка даже и не думала сдаваться. Она отчаянно боролась за свою жизнь… — он замолчал и призадумался. — И за свое счастье… — добавил мистер Уокен, решив добавить своим словам больше смысла и трогательности. — Она стала быстро-быстро перебираться лапками. И, несмотря на то, что лапки ее были ничтожно малы и казались ни на что не годными, вскоре ей удалось сбить из молока масло. Наконец, ей удалось выбраться наружу. Мышка своим крохотными лапками сама проложила себе путь к свободе, — потряс он

морщинистыми ладонями перед лицом сына. — Понимаешь, к чему я клоню?

— Кхм… Не очень… — замялся Том.

— А к тому, что каждый человек сам в ответственности за свою жизнь и за свое счастье, — поднял Кристофер указательный палец. — Твоя мать плохо с тобой обращалась, издевалась над тобой, она плюнула на твою жизнь, творя полнейшее безумие! Но это совсем не значит, что ты должен следовать тем путем, который она навязала тебе с малых лет. Ты должен сам пробивать путь к счастью и стремиться к жизни, свободной от ее сумасшедших сумасбродных идей.

— Ты хочешь, чтобы я перестал носить маску? — взволнованно спросил мальчик, предчувствуя предстоящий неприятный разговор.

— Я хочу, чтобы ты этого захотел, — продолжал выдавать заготовленные тезисы мистер Уокен, придавая голосу спокойствия, доброты и уверенности. — Ты же слышал, что сказал врач. Она не нужна тебе! Она будет для тебя лишь препятствием на пути к счастью! Ты понимаешь это, Томас?

— Да… Но… Я не знаю… Ты же видел, что я не могу без нее… — замямлил Том. — Я задыхаюсь…

— Томас… — тяжело выдохнул Кристофер и закрыл глаза. — Я же объяснял тебе… И врач подтвердил… Ты же слышал. Ты не нуждаешься в ней. Ты можешь жить без нее.

— Но… Я задыхаюсь без нее! — процедил сквозь зубы Том. — Ты что не веришь мне? — поднял он взгляд на отца, а тот заметил в его глазах отблеск злости.

— Конечно, конечно, я тебе верю, — выставил ладони вперед Кристофер. — Просто пойми… Тебе многое пришлось пережить. Твоя мать… Она верила в то, что маска тебе жизненно необходима. Это ей удалось внушить и тебе. Я понимаю, что это сложно понять и принять. Надо просто в это поверить. Доверься мне, ты же не думаешь, что я желаю тебе вреда? Давай просто попробуем снять ее чуточку на подольше. М?

— Нет! — рявкнул Том, яростно сжав кулаки.

— Хорошо, хорошо… Ты, главное, не злись и не нервничай, — продолжал спокойно говорить мистер Уокен, хотя по нему и было заметно, что он уже предчувствует крах своего плана. — Я понимаю, что ты не можешь это сделать сам так быстро. Я предлагаю тебе свою помощь, а также мы можем сходить к психологу. Мы не будем торопить события, и снимем ее лишь тогда, когда ты будешь сам готов. Но! Если ты сам ничего для этого не будешь делать, то этого никто не сможет сделать за тебя. Ты должен быть, как та — вторая мышка.

— То есть ты хочешь сказать, что с моими легкими все в порядке и я полностью здоров? — заговорил Том холодным настороженным тоном, нервно двигая желваками.

— Да, Томас, именно, — улыбнулся Кристофер.

— Но тогда ты хочешь сказать мне, что я сумасшедший! — зарычал мальчик, уставившись на отца безумным взглядом.

— Что ты… — опешил мистер Уокен и хотел было оправдаться, но был перебит.

— Ты хочешь сказать, что я сумасшедший? Что я все это придумал? — перешел на крик Том, вскочив с места. — Также как я придумал Джейка! Да я же просто самый настоящий псих! Зачем я тебе такой?

— Томас, прошу тебя, успокойся, — растерялся от такой вспышки агрессии Кристофер. — Я совсем не то хотел сказать. Конечно, ты не сумасшедший. Просто твоя мать…

— Нет! Замолчи! Не хочу слушать про мать! — визжал мальчик, швыряя чайные чашки об стену. — Или ты хочешь сказать, что я такой же чокнутый, как и она? Да, я псих! Сдай меня лучше в психушку! Почему ты не сделаешь этого?

Ты уже наверно сто раз пожалел, что забрал меня от этой ненормальной? Думаешь, что я такой же, и мне самое место там — с ней, в ее доме, да еще и в компании моего вымышленного друга!

Кристофер попытался подступиться к сыну, но тут же в него полетела коробка с рафинадом. Тогда мистер Уокен не придумал ничего лучше, чем молча удалиться, оставив истеричного Тома одного в столовой.

— Что? Куда ты пошел? — орал ему вслед Том, растаптывая печенье по полу. — Не хочешь слушать мои сумасшедшие бредни?

Но Кристофер проигнорировал провокации сына и удалился. Мальчик остался стоять в замешательстве, не зная, как вести себя в такой ситуации. Он гневно щурил глаза, хмурил брови и раздувал ноздри, пытаясь совладать с эмоциями. Но не успел больше ничего сделать, как в столовую вернулся мистер Уокен. Глаза его были наполовину прикрыты и стали слегка бессмысленны. Лицо было таким, будто он пытался сдержать улыбку, но это у него плохо получалось. В руках же он держал шахматную доску. Мужчина подошел к столу, раскрыл ее, поставил на стол и принялся расставлять фигуры по клеткам. Том смотрел на отца в недоумении, совсем не понимая, что тот задумал.

— Черными или белыми? — протянул Кристофер сыну две пешки в раскрытой ладони.

— Ээээм… — растерялся Том.

— Ну же, выбирай. Белые ходят первыми, значит у них, считай, преимущество, — пояснил за шахматы мистер Уокен.

— Тогда черными, — прищурился Том.

Кристофер ухмыльнулся и одобрительно кивнул.

— Итак, смотри… Это король — ты должен защищать его изо всех сил, — начал объяснять правила игры мужчина, усаживаясь за стол и продолжая глупо улыбаться.

Том смерил отца слегка раздраженным взглядом, но почувствовал, как гнев слегка отпустил его, и сел напротив.

— Шах и мат! — спустя час радостно воскликнул мальчик, сделав последний ход ладьей. — Я выиграл!

— Ты большой молодец, Томас! — похвалил Кристофер, совсем не поняв, как так вышло, что он проиграл ребенку, и рассмеялся дурным смехом, прикрывая рот ладонью.

— Давай еще раз! — воодушевленный победой, предложил мальчик.

— Конечно, — потрепал его по голове отец и принялся заново выстраивать фигуры, периодически путая их законное расположение и посмеиваясь над самим собой. — Е-два, е-четыре, — сказал он, сделав первый ход.

Том передвинул и свою пешку вперед.

— Я не считаю тебя сумасшедшим, — не отрывая взгляд от шахматной доски сказал Кристофер и передвинул своего коня.

Мальчик посмотрел на отца, почувствовав вину перед ним, но через мгновение вновь погрузился в игру.

Глава 20: Мелисса

Так прошло несколько недель. Том продолжал потихоньку обживаться в родовом поместье и наконец-то начал ощущать себя здесь защищенным. По крайней мере, он не чувствовал страха того, что кто-то выпорет его за разбитую посуду, изобьет битой для лапты или посадит под арест в клетку. Кажется, все обитатели поместья были настроены к нему вполне доброжелательно, а сам же хозяин — мистер Уокен, и вовсе то и дело потакал сыну в любой его просьбе. Кристофер никак не оставлял попыток сблизиться с сыном, но, пока, ему мало что удавалось. Он решил не сдаваться и дать Тому еще немного времени, дабы тот смог привыкнуть к новой жизни. Вопрос же с маской также был оставлен до лучших времен.

На календаре был уже август месяц, когда перед Кристофером встал вопрос об образовании сына, ведь в свои восемь Том уже давным-давно должен был посещать школу! Мужчина провел домашние экспресс-тесты на определение уровня познаний сына в различных науках. Пару часов мальчик нехотя ковырялся в задачках, частенько ноя, что тест его утомил и ему необходима срочная чайная пауза. Когда же тест был окончен, и Том сдал его отцу на проверку, Кристофер не на шутку охуел! Казалось бы, мальчик выполнял задания с неохотой и долей раздражения, а все решения были выполнены методом противоречивым тому, которой был описан в решебнике к тесту. Но! Все ответы Тома совпадали с верными! Мистер Уокен хватался за голову и дивился, насколько сообразителен и незауряден оказался сын. Он незамедлительно побежал в свой кабинет, дабы позвонить принцу Чарльзу и попросить подсуетиться для Тома с местом в начальной школе Манчестера для наследников высшего общества «Взгляд в будущее». К слову, вечером того же дня, Том Харди уже был зачислен в эту самую школу.

— Томас, ты что, не рад? — удивился Кристофер, сообщив сыну новость о поступлении.

— Нууу… — неуверенно-механично протянул мальчик, сидевший на своей кровати с комиксом в руках.

— Мальчик мой, школьная пора — это такое чудесное время! — убеждал мистер Уокен. — Ты получишь целый багаж знаний, который пригодится тебе в будущем и поможет стать успешным человеком. Но это не главное! Там ты сможешь найти себе друзей! Настоящих друзей!

— Правда? — блеснул в глазах Тома огонек надежды, но тут же погас. — Ну, не знаю… Мама говорила, что я урод и никто и никогда не захочет со мной дружить… Вдруг она права? Вдруг в школе…

— Томас, — устало выдохнул Кристофер, закрыв тяжелые веки. — Я прошу тебя — забудь все, что говорила тебе Мэрил. Она безумная женщина. Она пьющая женщина. А, как говорится, пьяница мать — горе в семье. Не стоит зацикливаться на бреднях этого человека и портить из-за них свою жизнь. Как мы уже говорили — тебе нужно двигаться дальше. А школа — это как раз новая ступень жизни. Ты пойдешь туда, Томас, и это не обсуждается. Если ты хочешь в будущем стать успешным человеком, то увы — без школы тебе не приткнуться никуда!

— Но ведь многие из предков, чьи манекены стоят в музее… Почти все они нигде не учились, — нахмурился мальчик, отложив комикс в сторону.

— Раньше было совсем другое время, сынок, — наконец открыл глаза мистер Уокен. — Другие времена — другие нравы. Сейчас, без образования, ты — никто!

— Ладно, давай попробуем, — поджав под маской губы-вареники, согласился Том. — Хуже, наверное, не станет…

— Вот и отлично! — радостно хлопнул в ладоши Кристофер. — Завтра же с

утра поедем с тобой к портному, чтобы снять мерки для школьной формы. А после не хочешь смотаться в Лондон? Ммм? Знаешь, я бы мог показать тебе королевский дворец, а еще мы могли бы прокатиться на колесе обозрения. Знаешь, какое оно большое? С него открывается чудесный вид на Лондон! Кстати, а ты слыхал о такой диковинке, которая называется игровой приставкой Нинтендо? Это такая небольшая коробочка, которая подсоединяется к телевизору…

— Конечно слышал! — воодушевленно перебил Том.

— Представляешь, в головной офис нашего министерства как раз завезли такие! Для детей наших работников, между прочим, — закудахтал Уокен. — А эти приставки еще даже и в продаже не появились! Можем заехать и туда… — загадочно прищурился он, решив задобрить мальчика и настроить его на позитив таким вот образом.

А не боишься, Кристофер, что с такими методами воспитания вырастишь избалованного ублюдка? Что, говоришь, не было у вас таких в роду? Ну, давай, балуй, блять, дальше!

— Ух ты! — воскликнул Том, позабыв про все невзгоды. — А когда мы поедем? Прямо с утра? — нетерпеливо спросил он.

— Прямо с утра, Томас, прямо с утра, — улыбнулся Кристофер и направился к двери.

— Пап, — выпалил Том, остановив тем самым отца.

— Да? — обернулся Кристофер.

— А вдруг дети в школе буду смеяться надо мной? Ну… Потому что… Потому что я не такой, как все…

— Томас, не говори ерунды, — улыбнулся мистер Уокен, загадочно взявшись кончиками пальцев за поля шляпы. — Такого быть не может, ведь ты — чудо! — ляпнул он хуйню и удалился.

— Ну я понял… Понял… — протянул мальчик и вновь взялся за комикс.

До первого похода в школу оставалось всего ничего. Том с трепетом и страхом ждал этого дня. С одной стороны, мальчику хотелось пойти в школу и найти там себе настоящих друзей, но с другой — Том понимал, что все это лишь мечты, ведь, как говаривала его мать — никто и никогда не захочет дружить с таким плоским, бестолковым пидерастом. Ох, Мэрил, Мэрил… Кажется, ваши речи вызвали у пацана нехилые такие комплексы!

Как-то днем, после обеда, Том поднялся к себе, взял джойстик, уселся на пол перед телевизором по-турецки, включил приставку и начал выбирать картридж с игрой.

— Томас? — постучала в дверь шляпа и просунула уголок в проем. — К тебе гости!

Дверь отворилась, и в комнату зашли отец и достаточно пухлая брюнетка, лет тридцати на вид.

— Привет, — растопырила она пальчики-сардельки и помахала мальчику.

— Кто это? — еле слышно вымолвил Том, охуевше уставившись на пышку.

— Мелисса Маккарти, — протянула ему руку толстуха, широко улыбнувшись, от чего на щеках появились задорные ямочки.

— Кто это? — перевел мальчик испуганный взгляд на отца.

— Молодой человек, а поздороваться? — потрясла пухлой рукой перед маской Тома Мелисса, но тот нагло проигнорировал ее, ожидая объяснений от отца.

— Мелисса теперь будет жить с нами, — объяснял мистер Уокен, доставая из портсигара подозрительную самокрутку.

— Чего?! — превратился в сову-пасынка Том, решив, что эта женщина претендует на роль жены его отца. — Она что? Твоя… Эта… Ну, новая… Как

сказать…

— Пацан, совсем с ума сошел? — рассмеялась Мелисса, слегка похрюкивая картофельным носом. — Решил, что я девушка твоего отца? Такой ты смешной, Том! Я здесь ради тебя!

— Ради меня?! — охуел до беспамятства Том, подскочив на ноги и решив, что отец хочет просватать эту пухлую женщину ему.

— Да, Томас, — глубоко затянулся Кристофер. — Для тебя. Мой отпуск заканчивается, и мне нужно выходить на работу. Понимаешь, иногда, меня не бывает дома неделями, а кому за тобой присматривать? Вот Мелисса и будет твоей гувернанткой. Между прочим, у нее имеется куча дипломов по повышению квалификации в области воспитания детей, — сказал он, выпуская изо рта огромный клуб дыма.

По комнате разнесся странный запах, далеко не табачного дыма. Он был каким-то манящим, добрым и расслабляющим. Хммм… Кажется, запахло марихуаной… Кристофер! Ты что?! Потребляешь?! Ах!

— Мистер Уокен, сэр. В бюро «Лучших Нянь Соединенного Королевства» меня, конечно, предупредили, что не нужно лезть не в свои дела… Но вот это вот… — подошла к мужчине пышка, выхватила самокрутку, бросила на пол и раздавила туфлей. — Ну не при ребенке же, а!

— У меня артрит, — стал оправдываться мужчина. — Врачи сказали, что это поможет снизить боль в коленях! — продемонстрировал он портсигар с самокрутками. — А еще, возможно, через пару лет я заболею раком. Вот и провожу профилактику, так сказать, — порол он несусветную хуйню.

— Если уж вы наняли меня, то будьте так любезны — без этого всего! — рявкнула мисс Маккарти. — И вот это я тоже считаю лишним, — указала она рукой в сторону приставки Тома. — Сколько часов в день он за ней проводит?

— Сколько посчитает нужным, — бестолково пожал плечами, окутанными в пальто цвета беж, Кристофер.

— Так, с этого дня я беру на себя воспитание этого мальчика! — решительно заявила Мелисса. — Можете оставить нас вдвоем, мистер Уокен? Я хотела бы наедине пообщаться с вашим сыном и поближе познакомиться с ним, — строго сузила она хитрые глаза.

— Без проблем! — поднял ладони Кристофер. — Если что, зовите. Я буду внизу, — сказал он и удалился.

Мелисса закрыла за ним дверь, пару секунд подождала, а затем уселась на софу, немного продавившуюся под тяжестью ее веса, и уставилась на Тома испытывающим взглядом. Ну все, пиздец тебе парень, кажется, эта женщина настроена взять тебя в ежовые рукавицы! Но, пока что, это не точно…

— Послушай, пацан, — заговорила она, положив ногу на ногу. — Вижу, ты нормальный ребенок, с которым не будет никаких проблем. Поэтому буду откровенна, дабы сразу настроить наши с тобой взаимоотношения на нужный лад. Смекаешь?

Том изумленно приподнял шрамированную бровь, не понимая, что надо от него этой полной рыхлой женщине.

— Короче говоря, нет у меня никаких дипломов гувернантки, — усмехнулась Мелисса. — У моей семьи большие финансовые проблемы, и я хочу ей помочь. Я подделала дипломы и прочую бумажную ерунду, чтобы меня приняли в бюро нянек Великобритании. Ведь где, если не там, я смогла бы найти такую богатую семью, как ваша, и приткнуться в нее гувернанткой? Таким мажорам, как вы, не нужна обычная нянька без рекомендаций и диплома. Смекаешь теперь, о чем я толкую, Том?

— Ну так, — нахмурился мальчик, заподозрив Мелиссу в том, что она хочет обнести поместье.

— Твой отец будет неплохо мне платить, плюс предоставит жилье. Все это

сейчас очень необходимо мне и моей семье. Поэтому, я предлагаю тебе заключить сделку. Ты не сдаешь меня Кристоферу, а я, в свою очередь, нормально тебя воспитываю и подготавливаю к взрослой жизни. Ты уж мне поверь, хоть у меня и нет никакого диплома, я воспитала пятерых братьев и сестер. Между прочим, никто из них даже и не «присел»! Понимаешь, о чем я? Так что ты выберешь, Томас? Общество со мной? Или впалишь меня отцу, и тебе пришлют на замену кого-то другого? Ты уж поверь мне — никого нормального не предоставят из этого бюро, ведь там работают лишь строгие и напыщенные стервы! Ну, решай давай, — кивнула она в сторону мальчика.

В комнате повисло молчание.

— Знаете, — прервал тишину Том, спустя пару минут. — Я люблю, когда люди говорят мне правду, — пизданул он фразу, услышанную накануне из кинофильма про нелепых индейцев.

— Так, Том, ты давай мне тут без своих пафосных речей, — усмехнулась Мелисса. — Просто скажи согласен или нет?

— Согласен, — кивнул Том, ведь совсем не хотел «присесть» в будущем, хотя даже и не понимал, что это значит.

— Тогда по рукам? — плюнула она на ладонь и протянула ее мальчику.

Тома заинтриговал данный жест и он, сняв маску, также плюнул на ладонь и пожал руку Мелиссе.

— Вот и славно! — улыбнулась толстечуха Маккарти. — А теперь подожди, не одевай ее обратно, дай-ка я на тебя посмотрю, — прищурено уставилась она на мальчика. — Ой, такой ты милашка! — воскликнула она, взяла Тома за щеки и потрепала. — Посмотри, какие губешки, какие глазки! Ну будто нарисованный! — заулюлюкала она, будто общаясь с глупым недееспособным младенцем.

— Хватит, — залился краской Том и отстранился. — Ничего я не милый никакой… — бухтел он под нос, застегивая маску на затылке.

— Ой, — отмахнулась пышка. — Это ты сейчас так говоришь! Посмотрю, как ты запоешь через несколько лет, когда девчонки за тобой встанут в очередь!

— Не встанут, — продолжал мямлить пессимист Том.

— Ладно, не буду тебя смущать… Чем ты там собирался заняться до того, как я пришла? В приставку играл? Хочешь, можем поиграть вместе? Правда, я никогда раньше не играла в такие игры, но ты же научишь меня?

— Эээм… Мисс Маккарти, но вы же сказали, что считаете видеоигры лишним, как я понял, — нахмурился ребенок.

— Пацан, во-первых, какая я тебе мисс Маккарти? Просто Мелисса и на «ты», понял? Ну, а, во-вторых, при твоем отце я порой могу говорить одно, а на деле же мы будем делать другое. Усек?

— Ну я понял, понял, — усмехнулся Том над комичностью данной ситуации и протянул гувернантке второй джойстик.

Так и зажили.

Постепенно, Том и Мелисса начали находить общий язык. Мальчику было интересно проводить время с гувернанткой, ведь доселе он никогда не общался с такой веселой и чуднОй женщиной, не считая Мэрил, конечно. Но, разве, у кого-то повернется назвать мисс Стрип веселой? Не факт…

Примечание к части Внимание! Данная глава содержит в себя сцену весьма возмутительного характера и не рекомендуется лицам, не достигшим восемнадцати! Также хочу заметить, что персонажи этой сцены достигли возраста согласия в соответствии с законами России и Англии.

Глава 21: Школа

Дни неумолимо сменяли друг друга, и Том совершенно не заметил, как на порог прокрался сентябрь.

«Том сидит перед шаром и перебирает фасоль. Перед ним, отделяемой тонкой стенкой из гиперпрочного полиэтилена, сидит Джейк, засовывая в ноздри бобы.

— Джейк, прекращай баловаться, — строго говорит Том, смеряя мальчика насмешливым взглядом.

— Хорошо, — отвечает Джилленхол голосом самого же Харди, и достает из ноздрей фасоль.

— Ты заговорил… — изумленно смотрит на него Том.

— А ты снял маску, — указывает на него Джейк.

Том, ощущая на затылке ремни маски, аккуратно трогает лицо. На его удивление — там нет никакой конструкции из биометалла.

— Мне так больше нравится, — говорит не своим голосом мальчик из шара и вновь берется за сортировку фасоли. — Какие, кстати, у тебя дела? Что новенького произошло?

— Я иду в школу. Если честно, то очень волнуюсь… Как меня там примут, смогу ли я с кем-то подружиться…

— Пффф, — фыркает Джейк. — Подружиться? Серьезно? Ты, вообще, о чем? Никто не захочет дружить с тобой! У тебя никогда не будет друзей! Никогда их и не было! Даже я был выдуман твоим больным воображением… Но, сказать по правде, хоть я и ненастоящий, но от этого меня не перестает обременять общение с тобой. С тобой неинтересно. Ты очень скучный и тупой мальчик, Том, — говорит он, вновь заталкивая фасоль в ноздри.

— Но… — охуевше смотрит на него Том.

— Я просто сказал правду, — пожимает плечами Джилленхол. — Хотя, ты и сам все это прекрасно понимаешь, ведь я не сказал тебе абсолютно ничего нового! Так и на что ты рассчитываешь, Том? На какую такую дружбу, если даже твой воображаемый друг не хочет с тобой общаться? Ммм? — смотрит он на Тома серо-синими глазами. — Никому-то ты не нужен! Зря ты ушел от своей матери…

Том хотел было возмутиться, как вдруг замер. Он слышит с лестницы, ведущей на второй этаж, приближающиеся шаги. Том медленно оборачивается и видит, как дверь медленно начинает открываться. Мальчик хочет закричать, но не может, как часто случается во сне…»

Том подскочил в кровати и нервно огляделся по сторонам. Уффф… Это был всего лишь сон! Но такой реалистичный, что аж за душу берет! Мальчик согнул ноги в коленях и уперся в них головой, накрыв ее руками. Сегодня он должен будет отправиться в первый раз в школу. Том и так не на шутку переживал за сегодняшний день, так теперь еще и этот дурацкий сон!

Спустя пару минут, он поднял голову и приметил, что на шкафу на плечиках уже висит наутюженная школьная форма. Тома бросило в жар, а тело прошиб холодный пот. В секунду он решил, что не хочет идти ни в какую школу. Он вскочил с кровати и побежал вниз в одной лишь пижаме, громко стуча босыми

пятками по паркетному полу.

Том ворвался в столовую, где за огромным десятиметровым столом уже завтракали Кристофер и Мелисса.

— Я передумал! Я не хочу идти в школу! — завопил мальчик, тяжело дыша.

— Вот дела, — усмехнулась Маккарти. — С чего это ты передумал?

— Томас, в чем дело? — спокойно спросил мистер Уокен, аккуратно поставив фарфоровую чашку на блюдце. — Я же тебе сказал — это не обсуждается…

— Папа, пожалуйста! Ну я ж тебя прошу! — взмолился Том. — Хочешь, я буду убирать замок? Полы все помою, пыль протру… Только, прошу тебя — не отдавай меня в школу!

— Сэр, — зашел в столовую личный шофер Кристофера. — Машина подана.

— Выезжаем через полчаса, — махнул мистер Уокен и отпил чай.

— Ну, папааа… — вновь заныл Том. — Пожалуйста…

— Это не обсуждается, Томас, — спокойно ответил Кристофер. — Садись завтракать, а потом переодеваться и в школу. Мне еще на работу ехать в Лондон, после того, как тебя довезу. Знаешь, сколько меня там ожидает бумажной волокиты после трехмесячного отпуска? Так что будь так любезен, сделай доброе дело отцу — не трепи нервы. Собирайся и поехали.

— Том, послушай отца, — высказала мнение Мелисса. — Ты должен перебороть свои страхи и пойти в школу. Тебе это нужно, малыш. Не сможешь же ты всю жизнь прожить в этом доме, ни с кем не общаясь, кроме нас?

— Хорошо, — опустил руки по швам Том, признав свое поражение, и грустной походкой направился к столу.

Том будто на автомате вышагивал по школьному коридору. За руку его держал отец и давал напутствия перед первым учебным днем. Но мальчик совершенно его не слышал, ведь в ушах звенело от страха и волнения. Движения были скованы, Том ощущал себя будто в каком-то панцире и никак не мог расслабиться. Казалось, его вот-вот стошнит, но он из последних сил старался сдержаться. Этого еще не хватало! Обблеваться прямо в первый же день, посреди коридора, переполненного школьниками!

— Ну вот, Томас, это твой класс, — остановился Кристофер у одного из кабинетов и присел перед сыном на одно колено. — Соберись с духом и ступай. Ты у меня большой молодец, ты умный и сообразительный, ты справишься. Я верю в тебя, сынок. Желаю удачи, пусть с сегодняшнего дня в твоей жизни что-то изменится. Ну все, иди уже, Томас! — тихо сказал он, заглянув мальчику в глаза.

Но тот не в силах был вымолвить и слова. Он будто оцепенел и уставился на отца глазами, полными ужаса и умоляющими отвезти его домой. Однако, мистер Уокен проигнорировал безмолвные мольбы сына, развернул его за плечи к двери и подтолкнул вперед.

Том шагнул в класс и застыл на месте, как вкопанный. Он нервно стал осматривать детей, рассаживающихся за парты. Мальчику казалось, что все взгляды были прикованы к нему. Он был готов сквозь землю провалиться!

— Эй, садись ко мне! — раздался голос, будто принадлежащий умственно отсталому.

Том забегал глазами по классу и понял, что голос этот принадлежит рыжему мальчику в коротенькой школьной жилетке, сидящему за первой партой прямо перед столом учителя. Мальчик улыбался невероятно глупой улыбкой и задорно подзывал к себе рукой. Том не придумал ничего лучше, чем двинуться к нему. Он поставил ранец на парту и сел на стул, уставившись потерянным взглядом перед собой.

— Я — Гарри, — представился рыжий, пустив слюну на свою тетрадку.

Том лишь охуевше покосился на соседа и промолчал. Вдруг его сзади кто-то

дернул за ремень маски. Мальчик вздрогнул и обернулся.

— Эй, умник, что это за фигня у тебя?

Том увидел мальчика с темно-русыми волосами с едва заметным рыжеватым отливом. Лицо его было усыпано веснушками, а зелено-карие глаза — вызывающе прищурены. И хотя по комплекции он был худощав и, кажется, даже более щупленьким, чем сам Том, весь его вид выдавал в нем главного задиру в классе.

— Я с тобой разговариваю, — подался вперед мальчик и приподнял бровь. — Что это такое, я спрашиваю? Что, боишься, что мы тут какие-то заразные или может воняем? Зачем ты нацепил на себя эту штуку? — щелкнул он пальцем по динамику на маске Тома.

Мальчик, сидящий с конопатым за одной партой, немыслимо глупо заржал, да так, что уронил свою квадратную рыжую голову на стол с невероятным грохотом. Он был крупным и несуразным, а пустой бестолковый взгляд выдавал отсутствие хоть какого-то интеллекта. Том сразу смекнул, что этот рыжий был кем-то вроде «шестерки» конопатого, и выступал в роли грубой силы, если надо было с кем-нибудь разобраться.

— Эдди, хочешь я сниму с него маску? — продолжал хохотать здоровяк.

— Нет, Уэйн, я хочу, чтобы этот задрот сам мне ответил! — перевел мальчик уничтожающий взгляд на своего соседа.

Том же словно разучился говорить и молча смотрел на Эдди, будто глупая немая сова.

— Все понятно с тобой, — надменно усмехнулся конопатый. — Поговорим с тобой еще после уроков. Слышал, Уэйн, задержимся немного и расскажем этому чмошнику, кто тут главный и как следует себя вести…

— Но я хотел сегодня побить Блума, — опустил уголки губ квадратноголовый. Он выдернул из своей тетради листок, скомкал и кинул в сторону соседнего ряда за третью парту. Белобрысый длинноволосый мальчик с резиновыми эльфийскими ушами пригнулся и испуганно посмотрел в сторону здоровяка.

— К черту Блума, — ухмыльнулся Эдди и пренебрежительно посмотрел на мальчика-эльфа. — Хочу разобраться с этим лохом в маске, что не ясного?

— Все ясно! — кивнул Уэйн, вновь ударившись лбом об парту, тем самым оставив на ней вмятину и кровавое пятно.

— Ну что, отдых для вас закончился! — послышался вдруг писклявый голос.

Том обернулся и увидел, что из приоткрытой двери выглядывает…

— Тряпичная кукла? — приподнял он шрамированную бровь.

— Теперь я возьмусь за вас всех, идиоты! За лето вы, наверняка, растратили все остатки своих мозгов, какие имели! — продолжила пищать кукла, руководимая чьей-то рукой.

— Что за… — прошептал Том, охуевше уставившись на этого непонятного персонажа.

— Доброе утро, Снежана Денисовна, — пробуробил рыжий Гарри и, поднявшись с места, помахал рукой.

На кукле красовалась маленькая блуза с рюшами и цветастым узором, на голове был завязан пучок из черных шерстяных ниток, на лице находились очки из проволоки.

Том никак не мог взять в толк, что все это значит, а в это время в класс проснулась сначала рука, на которую была насажена Снежана Денисовна, а потом и весь человек. Это был мужчина с аккуратной стрижкой цвета пепельный блонд. Одет он был в черный костюм.

— Доброе утро, Сергей Юрьевич! — вновь подскочил Гарри, обрызгав своей бестолковой слюной все вокруг.

Теперь Том не просто потерял дар речи, он вообще не мог понять ничего. А

если быть более точным — нихуя!

— Здравствуйте, дети! — приветливо улыбнулся мужчина. — Как вы провели лето? Отдохнули? Набрались сил на новый учебный год?

— Здравствуйте, мистер Гаррисон… Здравствуйте, миссис Гаррисон… Нормально… Отстойно… Классно… — залепетали дети наперебой друг другу с разных концов класса.

— Каких сил? Уверена, что они отупели хлеще некуда! — заговорил он же, но тонким голосом, и зашевелил тряпичной куклой.

— Снежана Денисовна, успокойтесь, — повернул голову к кукольной женщине Сергей Юрьевич. — Сейчас мы проверим, как они выполнили свои задания на лето. Не стоит делать поспешных выводов. Уверен, что наши дорогие детки прекрасно со всем справились!

— Сначала проведи перекличку, бестолочь! — пихнула Снежана Денисовна маленькой тряпичной рукой Сергея Юрьевича в щеку. — Я смотрю, у нас тут и новые экземпляры появились, — приблизилась кукла в плотную к лицу Тома.

Мальчик скосил глаза в кучу, уставившись в проволочные очки Снежаны Денисовны. Эта странная игра в «гляделки» продолжалась пару минут, до тех пор, пока Сергей Юрьевич не подчинился своему кукольному альтер-эго и не начал перекличку.

— МакГрегор, — назвал учитель очередную фамилию из списка учеников.

— Здесь, — послышался голос из класса.

Том обернулся и увидел мальчика в килте с волынкой наперевес.

— Ох, Эван, Эван… — залепетала Снежана Денисовна, и мистер Гаррисон двинулся к мальчику в юбке, выставив руку с куклой вперед. — Ты снова не перевелся в следующий класс? Да ты побил рекорд школы! Тебе уже семнадцать, а ты по-прежнему в классе с восьмилетками… — елейным голосом щебетал Сергей Юрьевич, шевеля куклой.

Том удивленно приподнял шрамированную бровь — несмотря на то, что Эвану МакГрегору было уже семнадцать, он был возмутительно по-детски моложав.

Сергей Юрьевич уселся на свободное место рядом с Эваном, а Снежана Денисовна прильнула к уху мальчика. МакГрегор, улыбаясь, слушал, что ему шепчет мистер Гаррисон голосом своей куклы. В классе повисла до боли неловкая пауза. Тем временем Снежана Денисовна стала спускаться ниже. Сначала она скользнула по шее Эвана, затем по его плечу, по груди, животу, и, наконец, скрылась под килтом. Мальчик-недомерок усмехнулся и стал наигрывать на волынке шотландские мотивы, рука Сергея же Юрьевича двигалась в такт мелодии, поднимая и опуская клетчатую ткань юбки.

На эту безумно странную картину уставились все дети. Эван МакГрегор только перешел в этот класс из класса на год старше, поэтому ребята еще не были знакомы с ним и с таким его поведением, которое, к слову, Снежана Денисовна считала абсолютной нормой, в отличие от Сергея Юрьевича.

— Ну все, хватит этих глупостей! — вскочил с места мистер Гаррисон, когда Эван, прикрыв глаза, протяжно выдохнул в трубу валынки. — Снежана Денисовна, можно вас на минутку?! — зашипел Сергей Юрьевич на ухо кукле и быстро выскочил за дверь.— Что вы творите?.. Но ему уже семнадцать, и он не против… И что, что ему семнадцать? Не при детях же прямо в классе… Ой, да никто и не заметил, я же под килтом… Так, все, хватит! Приведите себя в порядок немедленно! Вы видели себя вообще? Вытритесь хотя бы, а… — слышались из коридора голоса то мистера, то миссис Гаррисон.

— Ох, МакГрегор, классно миссис Гаррисон сыграла на твоей волынке! — пизданул, усмехнувшись и слегка покраснев, Эдди, не до конца поняв в силу своего возраста, что сейчас произошло. — Эй, Харди… Или как там тебя? Не хочешь сыграть на моей волынке? — добавил он, пихнув Тома в спину.

Уэйн разразился опустошающе бессмысленным смехом, и вскоре его подхватил весь класс, хотя никто так и не вник ни в суть произошедшего, ни в суть шутки Эдди. Ну, что тут сказать — стадо, не иначе… Держись, Том, нелегкие годы ждут тебя в этой школе. Кто только провозгласил ее элитной? В чем элитность? В том, что учитель дрочит ученику прямо в классе при остальных детях? Все же поняли, что мистер Гаррисон сейчас передернул Снежаной Денисовной подростку? Или элитность в том, что здесь учится внук королевы Елизаветы II, он же сын принца Уэльского Чарльза, он же герцог Сассекский? Все же поняли, что рыжий пацан, сидящий за партой с нашим Томом, это никто иной, как принц Гарри, собственной персоной. Так-то вот…

— Ну так что, сыграешь? — не унимался Эдди, увидев, как класс отреагировал на его шутку, и продолжил доебываться до Тома.

— Так, Рэдмейн, хватит! — строго, но как размазня, сказал Сергей Юрьевич, вернувшийся в класс. — Твои шуточки уже всем надоели! И хватит приставать к новенькому. Давайте лучше все с ним познакомимся!

Том вылупил глаза хлеще некуда. Он совсем не желал ни с кем знакомиться, тем более сразу понял, что сейчас его заставят рассказывать что-то о себе, а публичные выступления перед незнакомцами — это то, чего он опасался больше всего на свете. К тому же, его уже и так подняли на смех только что, и, понятно, что Эдди Рэдмейн не упустит отмочить еще какую-нибудь шутку в его адрес. Это провал! Хуже и быть не могло!

— Давай, расскажи нам о себе. Кто ты, откуда, кто твои родители? — накинула вопросы Снежана Денисовна, сверля Тома испытывающим тряпичным взглядом. — Кстати, ты принес деньги на новый телевизор для нашего класса?

— Ээээм… Нет, — еле слышно выдавил Том, громко сглотнув.

— Очень интересно — почему же? — язвительно пропищала миссис Гаррисон, а Сергей Юрьевич подкатил глаза и шикнул в сторону своего альтер-эго, ведь понял, что кукла опять выманивает деньги у школьников на свои кукольные нужды.

— Я не знал… — промямлил Том, пытаясь справиться с приступом тошноты.

— Я не знал… — передразнила Снежана Денисовна. — Передай своим родителям, что когда в классе появится новый телевизор, то ты не будешь его смотреть! — начала стыдить мальчика кукла.

— О, да он еще и нищеброд! — наклонился к своему другу Эдди, но сказал так громко, что слышали все. Уэйн вновь закатился в приступе идиотского смеха, раздробив лоб об парту.

Том же, не в силах больше находиться здесь, пулей выскочил из класса и помчался по коридору. Он влетел в туалет, попутно снимая маску, и тут же весь его завтрак оказался в раковине.

— Эй, ты еще кто такой? — ворвалась в туалет какая-то запыханная здоровенная девица в школьной форме и стала хлестать мальчика сумкой. — Ты что, планировал за мной подглядеть?

— Или уже подглядел за мной? — вывалилась из кабинки туалета уборщица, сорвала с головы затхлую косынку и принялась лупить ею Тома.

Бедняга даже и не знал, что принято говорить в таких ситуациях, поэтому лишь прикрывался руками от ударов. Через пару минут ему удалось вырваться из проклятого женского сортира, и он вновь помчался по коридору. Тут на всю школу раздался звонок, оповещающий о конце урока.

— Куда ты так летишь, дебил? — схватила мальчика чья-то рука, и уже через секунду Том понял, что это не просто рука, а Снежана Денисовна.

— Томас, будь аккуратнее, ты же так травмируешь кого-нибудь или травмируешься сам, — дал наставление Сергей Юрьевич, оттаскивая свободной рукой миссис Гаррисон, уже успевшую яростно вцепиться в шею Тому.

— Пойдем, я тебя провожу на следующий урок, а то ты ведь новенький, можешь и заблудиться, — приобнял учитель мальчика за плечи и повел по коридору.

Том лишь обреченно вздохнул и поплелся за мистером Гаррисоном.

Оставшиеся уроки прошли в более или менее штатном режиме. Правда Эдди Рэдмейн продолжал шпынять и терроризировать Тома при каждой возможности, но, благо, хотя бы больше ни один из учителей никому не дрочил.

Когда последний урок был окончен, мальчик не спешил покидать класс, ведь не забыл о том, что Эдди и Уэйн грозились устроить ему темную в конце учебного дня. Но и сидеть в кабинете незнамо сколько было так себе вариантом. Ведь тогда Рэдмейн и Руни решат, что Том никто иной, как обыкновенный трус! После такого ему будет доставаться от них еще больше. Но и встречаться с ними лицом к лицу он тоже не горел желанием. Драться он не умел, и если не получить пизды от Эдди у него был хоть какой-то шанс, ведь они были примерно в одинаковой весовой категории, то вот Уэйна ему не одолеть ни при каких обстоятельствах. Надо думать — именно для этого Рэдмейн и держит его у себя в «шестерках»!

После звонка Том еще несколько минут делал вид, что сначала неторопясь собирает все свои вещи в рюкзак, затем отряхивает школьную форму и поправляет маску, но в итоге ему не оставалось другого выхода, кроме как покинуть кабинет, который уже грозилась закрыть учительница по математике. Да и к тому же, мальчик решил, что уж лучше быть избитым, чем навек прослыть ссыклом. Поэтому вышел за дверь и двинулся по коридору по направлению к выходу из школы.

У парадной лестницы его уже поджидали Эдди и Уэйн. Том напрягся, приметив их, но, сжав кулаки, продолжил движение вперед, делая вид, что не видит их.

— Эй, маска! А ну, иди сюда! — крикнул Рэдмейн, а следом в Тома полетел камень, брошенный Руни.

Мальчику чудом удалось увернуться и он, ускорив шаг, пошел дальше.

— Хватай его! — приказал Эдди другу. Уэйн тут же бросился наперерез Тому. Тот, опустив взгляд, продолжал уперто идти вперед, словно глупый осел.

— Ну, как прошел первый день? — вдруг врезался он во что-то мягкое. Том поднял глаза и увидел перед собой Мелиссу. — Ты еще кто такой? А ну иди отсюда! Кшшш, — махнула она на Уэйна, который подобно Тому врезался в пышку, только со спины.

Руни бросил вопросительный взгляд на Эдди, ожидая дальнейших распоряжений. Мисс Маккарти в это же время уже взяла своего подопечного за локоть и потащила к машине.

Том был готов со стыда провалиться на месте. Уж лучше бы он был избит до неузнаваемости, чем его выручила из этой передряги гувернантка! Кем он теперь прослывет? Не только ссыклом и трусом, но и не способным постоять за себя — нянькиным сынком!

— Зачем ты это сделала? — забормотал Том, когда Мелисса усаживала его в машину.

— А что мне надо было позволить, чтобы тебя побили эти… Эти… Глупые… Негодные… Ааарррр! Эти блядские пиздюки! — зарычала, вскипев, гувернантка.

— Да лучше бы они меня побили, чем вот это! — решил закипеть и Том.

— Не выдумывай! Как думаешь, что скажет твой отец, если ты придешь домой побитым? Не думаю, что он обрадуется! — читала нотации Мелисса. — Да и мне влетит за то, что ты пострадаешь!

— Ну, этого в любом случае не избежать. Если меня не побили сегодня, то побьют завтра! Не будешь же ты меня спасать каждый день? — злился мальчик, пристегивая ремень безопасности.

— Я бы могла и каждый день… Но раз ты так этого стыдишься, то надо учиться отвечать обидчикам, — посмотрела на него Маккарти.

— И как же? — покривил лицом мальчик. — Посмотрел бы я, как бы ты им ответила!

— Уж я бы ответила! Ух, я бы им ответила! — помотала объемистым пальцем Мелисса перед маской Тома. — А у тебя, между прочим, тоже есть язык! Он для этого и нужен, чтобы разговаривать с людьми!

— Не умею я разговаривать с людьми! Что не ясного? — взорвался Том, а машина тем временем отъехала от школы. — Я же просил не отправлять меня в школу! Я знал, что все так и выйдет! Так и произошло! И как мне теперь учиться там дальше?

— Надо учиться отвечать, Том! — бросила на него взгляд нянька, решив перевести конфликт в очередной урок жизни. — Слово может ударить сильнее любого кулака, — сжала она ладонь и потрясла ей перед собой.

Том недовольно скрестил руки на груди и скривил губы под маской, не веря в россказни няньки.

— Но пока ты не научился этому, то я считаю, что ты должен уметь дать отпор другим способом, — продолжила Мелисса.

— Каким же? — спародировав голос принца Гарри, начал ерничать Том.

— Ты у нас вон какой маленький и щупленький. Этот рыжий раза в два тебя больше — конечно, тебе не справиться с ним в честном бою, — хитро прищурила поросячьи глазки Маккарти. — Но, если он считает, что имеет право нападать на тебя, имея такое физического превосходство, то почему бы и тебе не заиметь преимущество? — она нащупала рядом с собой сумочку и стала шарить там рукой. — Вот! — извлекла она через минуту небольшой баллончик и протянула Тому на заднее сиденье.

— Что это? — нахмурился тот.

— Какой-нибудь придурок решит тебя побить, а ты сразу брызгай в глаза ему! Чтобы знал, что хоть ты и мал, но не так прост, как может им показаться, — самодовольно рассказывала Мелисса. — Знаешь, сколько раз меня спасал перцовый баллончик от всяких извращенцев? Тот, кто слабее, Том, имеет право на козырь в рукаве! Ясно тебе?

— Ясно… — пробурчал мальчик и сунул баллончик в рюкзак, теша себя надеждой на то, что не придется его использовать. — А кто такие извращенцы?

— Так, это тебе рано еще знать! — осекла его Маккарти, разворачивая машину на Грин-Энд-роуд. Так уж и рано? Да лучше бы он узнал это на словах от кого-то из близких, чем так, как сегодня! Ох, нехилый удар по неокрепшей психике! Будем надеяться, что Том не слишком вник в суть случившегося между учителем и его одноклассником.

Так стали проходить дни, недели, месяцы… Школа для Томаса была настоящей каторгой, каждый урок тянулся словно вечность. И, хотя, ему неплохо удавалось усваивать знания, энтузиазма ему это не прибавляло. Ежедневные насмешки и издевки от одноклассников, возглавляемых Эдди Рэдмейном, окончательно убивали всякую уверенность в себе. Отвечать хлесткими словами Том так и не научился, однако, бит так и не был, ведь на второй же день в школе воспользовался советом Мелиссы и прыснул Уэйну Руни из перцового баллончика в глаза. Это избавило его от попыток применения физической силы, а вот моральных издевок стало еще больше! А почему бы тебе не использовать баллончик, когда Эдди решит в очередной раз выставить тебя посмешищем перед всем классом? Что говоришь? Думаешь, что так не честно? Ох, Томас, Томас, ты, кажется, еще не понял, что в наши времена честность никем не ценится…

Отношения с отцом тоже не сдвигались с мертвой точки. Том, конечно, любил послушать его истории о предках или сыграть партию-другую в шахматы.

Но при этом он не ощущал Кристофера близким для себя человеком. Он не мог открыться перед ним, не мог поделиться с ним своими переживаниями и сокровенными мыслями. Ко всему прочему, Том считал, что в его нынешней ситуации от части виноват отец. Ведь это он заставил пойти в школу, хотя тот совсем этого не хотел. Именно Кристофер выбрал эту, якобы, элитную школу, в который над его сыном издеваются изо дня в день. Том считал, что таким образом отец лишь хочет потешить свое самолюбие. Ведь все его друзья и коллеги учат своих детей в элитных школах, а чем Кристофер хуже?

Единственным человеком, с которым хоть чем-то мог поделиться мальчик, была гувернантка — Мелисса Маккарти. Том рассказывал ей о происшествиях, происходящих с ним в школе, конечно, не обо всех, но все же. Та, в свою очередь, очень эмоционально обсуждала с Томом его одноклассников и учителей, не забывая полить их порцией говна, а кое-где даже могла сдобрить свои возмущения отборным матом. Далее она начинала раздавать советы, полагаясь на свой жизненный опыт. Мальчику нравился такой непринужденный подход Мелиссы, видимо, из-за этого он и рассказывал ей хоть что-то, тревожащее его. Но копаться в своей душе Том не позволял и ей. И если Мелисса начинала заводить разговоры о каких-то внутренних переживаниях, связанных либо с родителями Тома, либо с его маской, то мальчик сразу же воспринимал все в штыки и уходил от темы.

Так и жили.

Глава 22: Девять

9 апреля 1992 год. Нампа, штат Айдахо, США.

— С днем рождения тебяяя! С днем рождения тебяяя! С днем рождения, дорогой мой Джейкоб! С днем рождения тебя! — зашла на второй этаж мисс Стрип в праздном колпачке из гиперпрочного полиэтилена. В руках она держала блюдо с тортом, в который было вставлено пять свечек.

— Ура! — подбежал к полиэтиленовой стенке Джейк, прижавшись к ней носом.

Мэрил поднесла к шару торт, мальчик закрыл глаза и дунул, загадав желание. Женщина также дунула на свечи, дабы затушить их и предать большей реалистичности происходящему.

— Ну, а теперь можешь съесть кусочек тортика, мой дорогой, — весело защебетала мисс Стрип, подошла к отсеку для передачек и положила туда два тюбика. — В одном из них чай, а во втором — кусочек этого торта. Я измельчила его при помощи мясорубки, чтобы твой желудок сумел с ним справиться, — пояснила она за угощение.

— А подарочки? — запрыгал на месте вымогатель из шара, хлопая в ладоши.

— И они тоже, — улыбнулась Мэрил, положив в отсек коробочку, упакованную в подарочную бумагу, а также стопку комиксов.

Когда передачки были обработаны паром, Джейк в нетерпении открыл отсек с обратной стороны, взял подарки и побежал в центр шара. Там он сел на пол и стал срывать с коробки упаковку.

— Бумеранг? — опустил уголки губ Джилленхол, достав из коробки свой деньрожденный подарок. — Но, как мне его запускать? Это же для улицы, мам!

— Не знаю, — пьяно пожала плечами мисс Стрип. — Сообразишь, ты же у меня такой смышленый!

— О! Новые комиксы! — взял в руки журнал Джейк.

В это время Мэрил открыла зип-замок, прошла к сыну в шар, уселась рядом и поцеловала его в бестолковую макушку.

— Мама… — обернулся мальчик, посмотрев на мать завораживающими синими глазами. — А Томми… Он не прислал мне никакой поздравительной открытки? Ничего не слышно про него?

В шаре повисла неловкая пауза. Мэрил растерянно, но с нотками раздражения, уставилась на сына, а один ее глаз задергался в приступе нервного тика.

— Где Томми, ма? — накинул вопрос именинник из шара.

— Томми… — растерянно вякнула женщина, шныряя глазами по шару. — А! Вот же он! — ткнула она пальцем в комикс про Бэтмана и его друзей.

— Ээээм… — замялся Джейк, зыркнув на картинку. — Но это ж Бэйн!

— Неправда! Это и есть Том! Теперь он снимается в комиксах! — ляпнула она хуйню, в которую мог поверить только дегенерат. — Видишь, он променял тебя на деньги и славу! Бросил тебя тут одного и подался в актеры! Слава ослепила его, Джейк! Шлюхи и кокаин — это все, что сейчас интересует твоего друга!

— Шлюхи и кокаин… — нахмурил пышные брови Емеля из шара.

— Именно! — закивала мисс Стрип своей конченной пропитой головой. — Каков негодник! Разве так поступают со своими друзьями?! Но, хотя, я так и знала, что Том так поступит с тобой, ведь он — двуличный человек. Всегда таким был. А ты уж мне поверь, я знаю его побольше твоего!

— Нет! Это неправда! — вскочил Джилленхол. — Он не такой!

— Как видишь, правда, — развела руками мисс Стрип, указав взглядом на изображение Бэйна.

— Ааагррр! — затопал Джейк, от чего-то решив поверить в бредни

полоумной мамаши. — Нет! Он вернется!

— Дорогой, не злись! — взволнованно залепетала Мэрил. — Это может плохо сказаться на твоем здоровье!

— Я загадал, что Томми вернется, когда задувал свечи! А, как ты говорила, деньрожденные мечты всегда исполняются! — продолжал буянить Джейк. — Вот увидишь, скоро Томми свяжется со мной!

— Не-а! — помотала пальчиком Мэрил. — Они исполняются только в том случае, если о них не рассказывать! А ты поведал об этом мне. И это значит, что Томми — пррр — не вернется! Просто забудь об этом двуличном выродке!

— Аааааа! — завизжал от безнадеги Джилленхол и стал швырять в мать разбросанные по всему шару игрушки. — Уйди! Уйди! Я никого не хочу видеть!

— Я ухожу, только прошу тебя — успокойся! — подскочила на ноги женщина и попятилась к потайной двери, прикрываясь руками от снарядов Джейка.

Как только дверь, ведущая к лестнице, захлопнулась, Джилленхол рухнул на кровать и накрыл голову подушкой. Мальчика переполняла вселенская обида и злость. И все эти чувства были вызваны его другом Томом. Неужели он и правда бросил его? Но, ведь он обещал, что когда уедет отсюда, то заберет с собой Джейка. Ну, и где же тогда Том? Неужто и правда кинул? Джилленхол тяжело дышал, раздувая ноздрями и не желая верить в происходящее. Он был настолько зол и растерян, что совсем не заметил, как спустя полчаса провалился в сон.

15 апреля 1992 года. Манчестер. Англия.

— Томас… Томас… Проснись… — нараспев сказал Кристофер, легонько тормоша спящего сына ладонью.

— Сейчас… — промямлил Том, перевернувшись на другой бок. — Пять минуточек, и я встаю… Я быстро соберусь в школу, пап, мы не опоздаем…

— Сегодня ты не идешь в школу, — улыбнулся мистер Уокен.

— Правда? А почему? — взбодрился Том, повернувшись к отцу и приподнявшись на локтях.

— Ну ты что? Забыл какой сегодня день? — превратился в обкуренную сову Кристофер.

— Какой? — нахмурился Том. — Королева умерла?

— Господи упаси! — отмахнулся отец. — Сегодня же день твоего рождения, Томас! Сегодня тебе исполняется целых девять лет! Такой ты большой у меня уже стал… — достал он из морщины скатившуюся слезу и отшвырнул в сторону.

— Ээээм… Ааам… — замялся Том, почесав макушку. — Вообще-то, мне бы хотелось, чтобы этот день никак не отличался от остальных.

— Глупости! — перебил Кристофер. — День рождения — великолепный праздник! Особенно в детстве! Так что вставай. Сегодня у нас насыщенный день. Погуляем по городу, сходим в кафе, заедем в магазин игрушек, а вечером сядем за праздничный стол и будем принимать гостей! Скажу по секрету — кухара готовят для тебя невероятно красивый торт! — подмигнул он.

— Гости… Торт… — скривился Том, припомнив свое четырехлетие.

— Да, Томас, — кивнул мистер Уокен. — А когда ночь опустится на Манчестер, то мы устроим грандиозный фейерверк! — вскинул он руки. — Ну а сейчас у меня для тебя есть кое-что интересное. Спускайся вниз, завтракай, и после мы вместе пойдем на задний двор. Я расскажу тебе об еще одной очень интересной традиции нашей семьи, — добавил он и двинулся к выходу.

— Но… Можно я просто не пойду в школу, без вот этого всего? — захныкал Том, упав обратно на подушку.

— Конечно, нет, Томас! Будет праздник! А сейчас я жду тебя внизу, и не одевайся пока слишком празднично, лучше выбери что-то старое, — подмигнул Кристофер и удалился.

Том тяжело вздохнул, но — делать нечего! Отец явно не намерен менять планы, но и ругаться с ним совсем не хотелось, а точнее было впадлу пытаться что-то доказать. Еще начнет выпытывать, почему же мальчик так не любит свой день рождения. А потом начнет устало охать да ахать, какая же Мэрил сука, что испортила сыну впечатление об этом прекрасном дне. Да еще и решит устроить по этому поводу праздник в два раза пышнее, дабы перебить старые нехорошие воспоминания. А уж вот этого Тому совершенно точно не хотелось! Поэтому он встал с кровати, натянул спортивные штаны, толстовку и спустился вниз, где мистер Уокен уже поджидал его в садовой шляпе.

— Идем, Томас, — приобнял сына за плечи Кристофер, когда тот отправил в рот последний кусок бекона с тарелки.

Том подкатил глаза, но встал из-за стола и направился за отцом, на ходу дожевывая завтрак.

— Наверно ты уже замечал на заднем дворе дубовую рощу, сынок? — спросил мистер Уокен, когда они вместе вышли на улицу.

— Угу… — равнодушно буркнул Том, глядя себе под ноги.

— Так вот, Томас! Это не просто роща! Это именные дубы рода Харди! — воодушевленно начал Кристофер, заворачивая за угол. — Посмотри на них! Какие красавцы! Какие величественные и могучие! — обвел он рукой семь деревьев, расположившихся в ряд вдоль заднего забора.

Том поднял взгляд и уставился на дубы.

— Идем ближе. Я расскажу тебе все, — усталым жестом позвал за собой мистер Уокен.

Мальчик цокнул, но повиновался и зашагал за отцом.

— Все, как всегда, началось с Тома Харди I, или как принято его называть — с корабельщика. Перед своим большим путешествием по Африке он посадил здесь дуб, как напоминание самому себе, что именно здесь его корни, — Кристофер подошел к первому в ряду дубу и положил ладонь на его ствол.

— Ого! Сколько же ему лет? — вдруг заинтересовался Том, ведь не знал, что эта роща, которую он видел изо дня в день из окна своей спальни, настолько старая.

— Так, дай-ка посчитать… — задумчиво поднял Кристофер взгляд к небу. — Думаю, порядка двухсот лет, может даже чуть больше…

— Ничего себе… — окинул взглядом дуб Том.

Далее последовал рассказ мистера Уокена о предках и их дубах. Из этой истории мальчик узнал, что каждый из Томов, начиная со второго, брал желудь с дерева своего отца и сажал в землю. Вскоре вырастал новый молодой дуб, пополняя рощу. И так должно было происходить из поколения в поколение, новые деревья будут заменять прежние, когда те станут слишком старыми, но роща Харди должна расти и зеленеть вечно.

— И вот теперь настал твой черед, сынок. Здесь твои корни, и ты должен посадить свой дуб на этой земле, — взял Кристофер лопату, заранее приготовленную и лежащую под крайним дубом. — Знаешь такую теорию, что мужчина должен сделать в жизни три вещи. Построить дом — он уже у нас есть, — указал он рукой на поместье. — Посадить дерево — сейчас ты этим и займешься, — протянул мистер Уокен сыну лопату. — И родить сына. Ну, это в будущем, — похлопал он Тома по макушке.

Мальчик хмуро посмотрел сначала на поместье, потом на лопату в своих руках, а затем на отца.

— Теперь выбери желудь из-под моего дуба, — со скрипом в коленях присел на корточки Кристофер и провел ладонью по земле, сплошь усыпанной желудями.

— Какая-то сомнительная затея, — недоверчиво приподнял шрамированную бровь Том. — Я думал надо сажать саженцы… А из желудя разве что-то

вырастет?

— Конечно, вырастет, Томас! Как, считаешь, растут дубы в лесах? Разве кто-то сажает там саженцы? — усмехнулся мистер Уокен, достал из нагрудного кармана травку и скрутил косячок из дубового листа. — Да и посмотри на эти деревья. Все они выросли из желудей. Значит и твой желудь непременно вырастет. Даже и не сомневайся. Просто выбери самый крепкий и сильный.

Том в очередной раз вздохнул, подкатил глаза и присел рядом с отцом. Он беглым взглядом осмотрел россыпь желудей среди газона и поднял ближайший к нему.

— Уверен, что этот? — устало нахмурился Кристофер, глядя на жухлый желудь в ладони сына.

— Ну… Да… — пожал плечами Том, покрутив между пальцев желудь — со шляпкой набекрень и кое-где потрескавшийся. — Уверен, — протянул он желудь отцу.

— Хорошо. Значит, так тому и быть, — поджал губы мистер Уокен. — Положи пока в карман, сначала надо выкопать ямку.

И отец начал давать распоряжения сыну, для начала научив орудовать лопатой. Том то и дело цокал и подкатывал глаза, но указаниям следовал.

— Ну вот и все! Теперь в роще станет на один дуб больше. И он вырастет таким же сильным, таким же крепким, — взял Тома за плечи Кристофер, когда дубовая процедура подошла к концу, и жедудь оказался под землей. — И ты, сынок, будь таким же сильным, как эти дубы. Расти и тянись к небу и к солнцу на нем. Несмотря на все невзгоды. И ничто тебя не сломит, — присел он перед сыном на колени и заглянул в глаза.

— Ну… Ладно? — отвел взгляд мальчик, ведь подобного рода разговоры всегда заставляли чувствовать себя неловко.

— Ну что ж! А теперь поехали, устроим тебе праздник! — хлопнул в ладоши Кристофер и бросил на свежевскопанную землю окурок.

Целый день после этого мистер Уокен повез сына в город, где водил по дорогим ресторанам и накупил кучу подарков. Том же без особого энтузиазма мотался за отцом и считал время до окончания этого дурацкого дня, то и дело смотря на детские Ролексы, которые еще за завтраком подарил Кристофер.

Ближе к вечеру отец и сын Харди вернулись в поместье, где уже был накрыт десятиметровый праздничный стол, ломившийся под тяжестью изысканных блюд. Вскоре, начали приезжать гости. Это были коллеги с работы Кристофера и их дети. На вечеринку в честь девятилетия Тома даже пожаловали сам принц Чарльз со своими детишками-наследниками!

Когда ужин подошел к концу, взрослые мужчины удалились в кабинет к Кристоферу, чтобы немного выпить, покурить марихуаны и обсудить последние сплетни из Букингемского дворца. Дети бегали по всему поместью, играя в разного рода игры. Том же понуро сидел за столом, ковыряясь в кусочке трехэтажного торта. Дети-гости, дабы показаться милыми, подбегали к мальчику и пытались ввязать в свои детские забавы, но Том то и дело отказывал, совершенно не желая идти на контакт с этими проходимцами. Он решил, что Кристофер нарочно пригласил их сегодня в гости и приказал подружиться с одиночкой-Томом. Эти выводы не на шутку рассердили мальчика, и когда пришло время взрывать праздничный салют, Том заявил, что устал и молча побрел к себе в комнату. Кристофер был весьма опечален тем, что сын остался недоволен своим днем рождения. И в тот день он твердо решил для себя, что в следующем году устроит для Тома более бомбичную вечеринку!

Глава 23: Пляж

3 августа 1992 года.

— Том, ну не будь таким врединой! — хлопнула себя в пухлые бока Мелисса.

— Я сказал — нет! Чего тут непонятного? — подкатил глаза мальчик, усаживаясь на софу и беря в руки джойстик. — Я не хочу никуда ехать! Если отец так хочет где-то отдохнуть, то может съездить без меня! Я и дома прекрасно проведу каникулы!

— Ты и так уже целый месяц провел дома! — продолжала возмущаться Маккарти. — В чем проблема, Том? Почему ты не хочешь съездить с отцом во Францию?

— Мне это не интересно, — сухо ответил он, уставившись в выключенный телевизор.

— Ну а что тогда тебе интересно? Просидеть всю жизнь в поместье одному и проиграть в эту ерунду? — пнула она ногой приставку.

— Эй! — возмутился Том. — Не трогай ее!

— Хочешь расскажу, что будет с тобой в будущем, не начни ты менять что-то уже сейчас? — продолжила свои речи Мелисса уже более спокойно. — Вот так вот ты и просидишь в одиночестве в этой комнате и не увидишь много всего интересного и прекрасного. Знаешь, если бы мне в твоем возрасте предложили поехать в другую страну, то я бы согласилась, не раздумывая. Путешествия — это так восхитительно! Столько нового можно увидеть и узнать! Но, если ты не хочешь, Том, то пожалуйста — сиди и играй в свою… Свою хуйню! — еще раз пнула она приставку. Девушка подошла к открытому окну, уселась широким задом на подоконник и закурила. — И твой отец — Кристофер… Он изо всех сил старается сделать тебя счастливым… Старается наладить с тобой доверительные отношения… А ты просто берешь и кладешь на него огромный такой хуй! Я с тебя просто охреневаю, Том… Мог бы хоть раз выйти из своего «панциря» и пойти навстречу отцу! Это же не тяжело! Что с тебя убудет, согласись ты на отпуск во Франции? Да ничего! А вот твой отец еле смог выбить отпуск, так долго выбирал куда бы съездить, чтобы тебе понравилось! Купил билеты во Францию, а ты просто сказал, что не хочешь никуда ехать и устроил по этому поводу истерику!

Том виновато опустил взгляд, даже и не зная, что на это все сказать, ведь почувствовал, что вновь поступил нехорошо по отношению к отцу.

— Знаешь, а больше сказать мне и нечего, — сказала Мелисса, щелчком отбросив недокуренную сигарету в окно. Она встала с подоконника и направилась к выходу. — Хочешь вот так вот прожечь жизнь — твой выбор! — выпалила она и вышла из комнаты.

Том повернул голову и задумчивым взглядом уставился на дверь.

«Послушай, Том, и впрямь, твоя жизнь будет скучна и неинтересна, если ты будешь вот так вот просиживать ее в своей комнате. Да и к тому же, случись все так, то окажется, что твоя мать была во всем права! Ты должен сделать так, чтобы слова этой сумасшедшей суки не оправдались! Да и отца, конечно, тоже жалко… Грубо ты с ним опять поступил. Так и что же делать? Согласиться на эту поездку во Францию, Том? А почему бы, собственно говоря, и нет?» — поразмыслил мальчик, отбросил в сторону джойстик и поспешил на выход.

Вот так вот Том Харди и поехал с отцом в свое первое путешествие, а если быть более точным — во Францию, на Лазурный берег.

Отец и сын пробыли на курорте вот уже несколько дней. Тому не особо нравилась эта поездка с ее бесконечными экскурсиями и бестолковым времяпрепровождением на песчаном берегу Белеарского моря. В воду мальчик

заходить так и не осмеливался, ведь несмотря на свой возраст, все еще не умел плавать. Мистер Уокен предлагал сыну научить его этому, заверив, что лично обучал плаванью Елизавету II пару лет назад. Но Том наотрез отказывался от этого предложения и продолжал настырно сидеть на берегу. Единственное, что грело Тому душу на этом отдыхе — французская выпечка. Круассаны, выпеченные картавым народцем, были настолько бесподобны, что мальчик уминал их десятками за день! О-оу… Кажется, кто-то привезет в Англию пару лишних кило… Но ты не переживай, пацан, тебе можно! Глянь, какой ты худенький!

В один из теплых солнечных дней, Кристофер прямо с утра вновь притащил сына на пляж, надеясь, что сегодня Том осмелится зайти в воду хотя бы по щиколотку. Но мальчик вновь наотрез отказался это делать и пошел побродить по берегу, дабы пособирать ракушки.

Кристофер расстроенно сложил губы в тонкую полоску, улегся на шезлонг, дунул пару косячков и, укуренным до неузнаваемости взглядом, уставился в морскую даль. Вскоре вернулся Том. Он уселся на песок, положил рядом с собой собранные ракушки и принялся сооружать песчаную крепость.

Мальчик так увлекся строительством, что совсем не обратил внимание на приближающийся веселый детский лепет. Вдруг Том увидел боковым зрением, как к его крепости подбежали две маленькие белобрысые девочки, лет двух с половиной от роду. Одна из них присела на корточки, замахнулась лопаткой и разрушила песчаную башенку.

— Эй! Что ты делаешь?! — механично-злобно возмутился Том.

— Это что? — проигнорировала его крики вторая девочка, указав пальцем на крепость.

— Ты сломала ее! — продолжил гневно орать мальчик.

— Что произошло? — проснулся от марихуанового сна Кристофер, повернув голову к эпицентру событий.

— Вот эта, — ткнул пальцем Том в первую девочку. — Она разрушила мою башню!

— Боже мой, Томас, да что ты так разорался-то? — усмехнулся Кристофер, приподнимаясь с шезлонга и подкуривая новый косячок. — Так кричишь, будто она тебе жизнь разрушила… Уверен, что она сделала это не специально. Наверняка, они просто хотели помочь тебе в строительстве, так? — обратился он к девочкам, те улыбнулись и одновременно положительно закивали. — Где ваши родители? Почему вы гуляете здесь одни без присмотра?

— Там! — хором ответили они, указав пальцами в противоположные стороны.

— Хорошо, — одобрительно кивнул мистер Уокен. — Как вас зовут?

— Лиззи, — звонко воскликнула одна из девочек, протянув ладошку Кристоферу.

— Очень приятно, Элизабет, — приподнял он шляпу и пожал девочке руку. — А тебя? — обратился он ко второй.

— Эта дура сломала мою башню! — не унимался истеричка-Том.

— Томас, во-первых, не надо обзываться. Они же женщины! Хоть и маленькие, но все же женщины! Нельзя бранить этих чудесных созданий, чтобы они там не натворили. А, во-вторых, мы же уже выяснили, что она сделала это не специально. Девочки просто хотели с тобой поиграть, подружиться…

— Подружиться? — превратился в хмурую сову Том. — Да им сколько лет?

— Какая разница сколько им лет и какого они пола, — устало закрылись веки Кристофера. — Дружба, дорогой мой сын, не имеет границ, — порол он бред обкуренного наркомана. — Так и все же, как твое имя? — взглянул он на девочку.

— Нина, — вякнул в ответ ребенок.

— Какое чУдное имя, прямо как у героини пьесы Чехова «Чайка»… — глупо

улыбнулся мистер Уокен. — Кто-нибудь из вас читал? — осмотрел он троих детей. — Нет? Ну да ладно! Итак, девочки, меня зовут Кристофер, а это мой сын Томас. И как мы выяснили — вы просто хотели поиграть с ним, но в итоге нечаянно сломали его постройку. Так? Значит теперь мы должны как-то урегулировать ситуацию. Ты, — обратился он к Нине. — Должна исправить то, что разрушила. Поэтому бери свою лопатку и восстанавливай сломанное. А ты, — обратился он к Лизи. — Будешь ей в этом помогать. Вы же сестры, как я понял? Так?

— Так, — улыбнулась Лизи.

— А сестры должны помогать друг другу, — изрек мудрость Кристофер, присев на корточки перед девочками. — К тому же, как я понял, вы двойняшки. А это многое значит! Вот, например, у моего отца был брат-близнец, хотите расскажу вам про них?

— Сейчас я ясскажу, — плюхнулась на песок Лизи, взяв в руки лопатку, и начала ковыряться в песке, дабы исправить оплошность сестры. — У моего дедули есть кошка и она вот так фыйчит! — скривила она лицо, пародируя кошачье фырчание.

— Ахахаха! — рассмеялся мистер Уокен. Том лишь охуевше посмотрел на отца, не понимая, в чем прикол и зачем он втянул этих малолеток в его песчаные забавы.

В это время Лизи все пыталась соорудить башенку, но у нее ничего не выходило! Получалось все не то! Тогда мистер Уокен уселся рядом и стал помогать девочке в ее нелегком деле. Вскоре к ним присоединилась и Нина.

— Томас, да помоги же ты нам! — обратился к сыну Кристофер, который никак не мог построить из песка конструкцию, из-за того, что был укурен в хламину. Девочки-двойняшки же, в силу своего маленького возраста, как не пытались — никак не могли помочь мистеру Уокену.

Том лишь подкатил глаза, громко цокнул и даже и не подумал помогать отцу и глупым малолеткам. Его вообще не на шутку раздражал тот факт, что отец не только позволил этим двоим остаться, но и сам уселся с ними играть. Глупец! Протри глаза! Он же пытается таким образом как-то тебя раскачать!

— Мдааа… — спустя десять минут отпрянул от хуево построенной башни Кристофер. — Ну, такое… Как бы нам спасти нашу башенку? — обратился он к девочкам, а сам украдкой бросил взгляд на сына.

— Укасим ее! — подняла вверх указательный палец Лизи.

— Да! — поддержала сестру Нина и осмотрелась. В глаза девочки бросилась горка ракушек, собранная Томом. Она незамедлительно бросилась к ней, схватила горсть и хотела было опять побежать к сестре и мужчине в шляпе, как ее за запястье перехватил мальчик.

— Эй! — возмутился он. — Положи на место! Это мое!

— Томас, не надо… — вновь устал Кристофер. — Я же сказал — это женщины… Лучше дать им то, чего они хотят, если не хочешь влипнуть в грандиозный скандал. Пускай берет, у тебя остались еще.

— Но это я их собирал! Они мои! — никак не унимался собственник снаружи, но рохля-рохлей внутри — Том.

Нина резко изменилась в лице, надула нижнюю губу и затрясла ею.

— О-оу, — присвистнула Лизи, взглянув на сестру.

— Томас, отпусти ее, — медленно поднялся Кристофер.

Но было уже слишком поздно. Девочка вырвала руку, завизжала на весь пляж, бросилась на песок и начала валяться в приступе истерики, разрушив к хуям всю крепость Тома.

— А я предупреждал тебя, — укоризненно помотал шляпой мистер Уокен, обращаясь к сыну.

В это время Лизи подбежала к сестре, схватила с песка разбросанные

ракушки и стала предлагать их сестре в надежде, что сможет ее таким образом угомонить. Но ничего не выходило! Девочка никак не успокаивалась! Тогда Лизи начала корчить мордочки, чтобы ну хоть как-то развеселить сестру. Но не помогало и это! Тогда девочка не придумала ничего лучше, чем схватить горсть песка и запульнуть ее прямо в лицо Тома.

— Эй! — взорвался мальчик и, будучи не здравым на голову, повторил трюк малолетки и кинул песком в Лизи.

— Томас! — сделал замечание мистер Уокен, пытаясь ухватить истеричную Нину и, тем самым, топча руины песчаной крепости своими усталыми сланцами.

Увидев, как сестре в лицо пролетела горсть песка, Нина на секунду замолчала и с интересом посмотрела на Лизи. Та, приметив реакцию сестры, схватила еще одну горсть и швырнула в Тома.

— Ахаха! — залилась задорным смехом Нина, упав спиной на песок.

— Какого черта? — изумился Том.

— Женщины… — протянул Кристофер. — Женщина, видишь ли, это такой предмет, что сколько ты не изучай ее, все будет совершенно новое… — процитировал он афоризм Левы Толстого, набрал в морщинистую ладонь песка и кинул в сына.

Почему-то, Тома улыбнул этот момент, и все вчетвером стали кидаться друг в друга песком. Спустя пару минут, вдоволь нахохотавшись и испачкавшись до неузнаваемости, Кристофер хлопнул в ладоши и призвал к тишине.

— Итак, ребята, я рад, что ваш конфликт удалось урегулировать. Но! Чего вам это стоило? — обвел он ладонью потоптанную песчаную площадку. — Думаю, в знак примирения мы сейчас должны взять и построить новую крепость. Все вчетвером. Томас, ты поможешь нам? — добро посмотрел он на сына.

— Помогу, — улыбнулся под маской Том.

Закипела работа. Дети настолько увлеклись строительством, что совсем не заметили, как Кристофер медленно встал и удалился, решив пойти и найти на пляже черномазого наркоторговца и купить у него немного гашиша.

Сестры весело и нелепо рассказывали какие-то истории, постоянно перебивая друг друга и громко хохоча. Том же совсем не заметил того, как и сам начал рассказывать девочкам про свою жизнь в Англии. Хоть Лизи и Нина были еще маленькими и глупыми, но, тем не менее, Тому от чего-то было легко с ними общаться. А знаешь почему, пацан? Не заметил, что они даже и ни разу не спросили, что за хуйня у тебя на лице? То-то же!

— Ну, кажется, все! — отряхнул ладони мальчик, посмотрев на новую крепость.

— А укйасить? — нахмурилась Лизи.

— Да, — обиженно опустила уголки губ Нина.

— Ладно, — подкатил глаза Том, достал из кармана припрятанные ракушки и протянул ладонь девочкам.

— Уйа! — весело воскликнула Лизи, взяла пару ракушек и незамедлительно стала пристраивать их к одной из башенок.

Ее же сестра нерешительно смотрела то на ракушки, то на самого Тома, пытаясь найти какой-то подвох.

— Бери, не бойся, — протянул к ней ладонь поближе мальчик. — Я больше не обижу тебя.

Нина неуверенно потянула руку за ракушками, как вдруг…

— Эй, ты! — послышался за спиной возмутительно наглый голос, призывающий порамсить.

Том медленно обернулся и увидел перед собой мальчика лет шести, от залысин на голове которого задорно отскакивали солнечные зайчики.

— А ну, отвали от них! — зарычал пацан, подлетел к песчаной крепости и одним взмахом ноги сломал ее.

Лизи и Нина в унисон залились истерическим плачем.

— Зачем ты это сделал? Это не твоя крепость, ты не имел права ее рушить! — возмутился Том.

— Зато, это мои сестры, и ты не имеешь права с ними играть! — махнул на девочек рукой агрессивно настроенный мальчик.

— Алекс! Лизи! Нина! Ох! Вы здесь! — вдруг послышался еще один голос. Том вновь обернулся и увидел еще одного мальчика, превосходящего первого не только по возрасту, но и по весу. — Фуф… Ну, слава Богу! Я вас нашел! — вытер испарину со лба мальчик-сбитень и с облегчением выдохнул.

— Макс! Алекс поломал башню! — жаалилась Нина, сквозь рыдания.

— Да! Алекс — дуйак! — решила полить говном брата и Лизи.

— Алекс, что за дела? — возмутился мальчик по имени Макс. — Я же отошел всего на минуточку купить мороженого и вафель! — стал бранить полулысого брата он, вытирая со рта огромное пятно талого шоколадного пломбира. — Я просил тебя просто последить за ними! Ты же уже не маленький!

— Так-то ты должен был следить за ними, жирный! — дерзанул в ответ Алекс.

Девочки же и Том молча смотрели на рамс сводных братьев, не зная, что принято говорить в подобных ситуациях.

— Все, я сейчас же пойду и все расскажу маме! — затопал пухлыми пятками по песку Макс. Не дожидаясь ответа, он развернулся и неуклюжей спортивной ходьбой поспешил к ближайшему пляжному бару.

Алекс же, будучи невменяемым от рождения, решил продолжить конфликт и без предупреждения боднул Тома полулысой головой в живот. Тот согнулся пополам и начал судорожно пытаться вдохнуть, ведь от удара у него перехватило дыхание. Благо, ему это быстро удалось и он, возмущенный наглым поведением пацана, толкнул его в ответ. Хоть Том и был по жизни щупленькой рохлей, тем не менее, он был старше Алекса, а потому превосходил его по силе. Поэтому от толчка полулысый упал на задницу. Но приметив, что из бара хуевой пьяной походкой уже ковыляет его мачеха, для пущего эффекта еще пару раз перекувыркнулся и распластался по песку в наигранно неестественной позе.

— И вот, Алекс увел их сюда! А я искал их битый час! — по-поросячьи жаловался матери Макс, рьяно размахивая руками, которые успел испачкать в баре в копченой колбасе из свиных ушек.

— Что тут происходит, куклы? — заплетающимся языком завозмущалась брюнетка в хуевом красном купальнике и не менее хуевом и не менее красном парео, повязанным на ее голове в виде блядского банта.

— Мама… Он убил меня… — застонал с песка Алекс, слабо указывая на Тома.

— Что? Я? — ткнул себя пальцем в грудь тот, удивляясь, что в мире существует такая подлость. — Вообще-то, я играл с этими девочками, а он прибежал и все испортил!

— Мама, ну я, честно, не виноват! — продолжал верещать Макс, думая лишь о том, как бы выгородить свою толстую шкуру.

— Куклы, он вас обидел? — обратилась к девочкам женщина, ужравшаяся аперолем до неузнаваемого состояния. Лизи и Нина даже не сразу поняли: то ли это их мать — Оливия Блэкберри, то ли какая-то пьяная потаскуха, то ли и вовсе непонятно кто.

— Да, он их бил! И обзывал! — заорал Алекс, не дав сестрам даже слова вставить.

— Нет! Это не пйавда! — заверещала Лизи, которая с младых ногтей была за справедливость во всем.

Тут уже на детские и бабские вопли подоспел Кристофер, глаза которого

кричали лишь об одном — он выкурил слишком много гашиша.

— В чем проблема? — подскочил он к Оливии и приподнял с головы шляпу, дабы показаться приветливым и миролюбивым.

— Ты еще что за кукла? — вылупилась на него женщина сквозь красный бант, сползший ей на глаза.

— Я отец этого мальчика, — похлопал по голове Тома мистер Уокен и рассмеялся, словно глупая «мертвая» гиена.

— Ты что это… Педофил? — округлила рот Оливия, придумав в приступе белой горячки необъяснимую хуйню, и бросилась на Кристофера в драку.

— Что? Никакой я не педофил! Я просто играл с детьми! — стал оправдываться мистер Уокен, пытаясь отодрать от своих морщин цепкие пальцы миссис Блэкберри. — А вот вы где были, мэм, пока ваши дочки слоняются по пляжу в одиночестве — это еще надо выяснить!

— Ты хочешь меня уличить в том, что я плохая мать, кукла? — впала в шизу эффектная дама бальзаковского возраста снаружи, но потенциальная пациентка онкодиспансера внутри. — Следи лучше за своим отпрыском! Он избил моего сына!

— Это не правда! — решил вступить в перепалку и сам Том.

— Я склонен верить своем сыну, а не Вам, мэм! И, вообще, пьющие женщины не вызывают моего доверия! — решил вежливо и устало унизить Оливию Кристофер.

— Что? Да вот тебе крест! Я лично видела, как он бил нашего Алекса! — начала остервенело креститься женщина, бреша и сочиняя хуевые байки на ходу.

— Да! Да! Так все и было! — подвякивал полулысый мальчик.

— Нет! — хором завизжали сестры.

— Ну, и кому мы поверим? — с подъебом спросил мистер Уокен у Оливии. — Моему сыну и вашим же дочкам? Или вашему сыну, историю которого не подтверждает никто из присутствующих? Трое против одного, выходит!

— Макс! Как все было на самом деле? А ну, отвечай матери, кукла! — обратилась к старшему сыну женщина. Но тот не в силах был ответить ничего, ведь его рот был до отказа набит макарунами, которыми его пригостил самый настоящий педофил, приехавший в отпуск на Лазурный берег.

Начался нешуточный рамс.

— Ваши дочки сначала разрушили мой замок, а потом помогли мне построить новый, и мы с ними подружились, а потом пришел он и все поломал! — тараторил Том, в надежде, что неадекватная женщина поверит ему.

— Ты, вообще, помолчи, кукла! — завизжала Оливия, затыкая уши своим хуевым платком. — Я не желаю слушать ни одного твоего лживого слова! Ты маленький врун!

— Не смейте затыкать моего сына! — заторможено закричал на нее Кристофер, аккуратно убрав ее руки от ушей, чтобы та выслушала его сына. — Он такой же полноценный член нашего общества и имеет право высказать свое мнение любому, кому пожелает! Говори, Томас!

Мальчик поначалу растерялся и вопросительно уставился на отца, не зная, что сказать. Но затем ему стало так гордо и приятно на душе от того, что Кристофер считает его не просто глупым ребенком, а настоящим человеком, что он, преисполненный решимости, сделал шаг вперед и выставил указательный палец.

— Вы сами виноваты, что потеряли своих дочек! А мой папа помог им, между прочим! А вы, вместо того, чтобы извиниться перед нами, хотите еще из нас и виноватых сделать! — начал Том свою пламенную речь.

Вдруг к разборке подскочил высокий брюнет и встал в эпицентр событий, зажимая ноги. Ведь хоть он и ссал в море последние пару часов кряду, тем не

менее, опять вдруг захотел по-маленькому. Но, отложив в сторону проблемы с мочевым пузырем, он решил выяснить, что здесь стряслось.

— Оливер Блэкберри, — представился мужчина, кивнув головой. — Что случилось, дорогая? — обратился он к Оливии, переминаясь с ноги на ногу.

Женщина орала как умалишенная вымышленную историю, в которую уже поверила сама. Ей тут же начал подвякивать Алекс. Но и Кристофер с Томом не собирались молчать, они также стали высказывать свою версию произошедшего. Нина и Лизи также, насколько могли, пытались объяснить, что же случилось. Молчал лишь Макс, который, не прожевав еще макаруны педофила, начал заталкивать в рот его эклер.

— Так, все! Это было непонятно, но очень интересно! — перебил все крики Оливер. — А теперь мы уходим! — подхватил он на руки маленьких дочерей.

— Но! — хотела было возмутиться Оливия, но с перепоя потеряла сознание, рухнув лицом в разрушенную песчаную крепость.

Тогда мистер Блэкберри подхватил и ее, закинув себе на плечо.

— Алекс, идем! Нам пора! — приказал он сыну и пошел прочь с пляжа.

— Сэр, а вы ничего не забыли? — окликнул его Кристофер, ехидно прищурив обсаженные глаза, и указал шляпой в сторону.

Оливер обернулся и посмотрел туда, куда указал ему мистер Уокен.

— Макс! А ну, быстро иди сюда! — крикнул мистер Блэкберри своему полнеющему пасынку, которого с трудом уносил с пляжа педофил.

Мальчик, наконец, дожевав пирожные, вырвался из объятий нерасторопного извращенца и поспешил за своей семьей. Оливер ускорил шаг, ведь в любой момент мог обоссаться.

— Мдааа уж… — протянул Кристофер, когда Блэкберри скрылись из вида. — Ну и семейка… А вот казалось бы — с виду такая интеллигентная семья, четверо детей… А на деле… Что ждет этих малышей в будущем? Как думаешь? — изнемогая от усталости, спросил он, присев на песок.

Том сел рядом и пожал плечами.

— Не думаю, что что-то хорошее… — продолжил рассуждать мистер Уокен. — Как я уже говорил: пьяница мать — горе в семье. А тут еще и отец… Довольно-таки странный субчик… Вместо того, чтобы разобраться, в чем же дело, он просто ретировался! А вдруг его детей и правда бы обижали? Он что — оставил бы это безнаказанным? Это ли поведение настоящего мужчины и главы семьи? Мальчишки их тоже — один лучше другого… Девочки, конечно, хорошие, но они еще совсем малышки, кто знает, что ждет их дальше. Воспитываясь в такой семье… Хм… Сомнительно мне, что их ждет успешное будущее, разве что приткнуться к кому-нибудь в жены…

«Послушай, Том, а твой отец прав… Совсем не такая семья должна быть… Их хоть и много, а каждый сам за себя. Зато твой папа повел себя как надо! Он заступился за тебя! Это было очень приятно! Ты гордишься им! И пусть вы не всегда можете найти с ним общий язык, но главное, что он действительно любит тебя! Ты должен дать ему шанс и постараться не отталкивать…» — размышлял мальчик, наблюдая за чайками и вслушиваясь в их крики, которые отчего-то напомнили ему вопли его матери в те времена, когда с ней проживал дядя Бен. Том брезгливо сморщился, и еще больше уверился в том, что ему повезло с отцом.

Кристофер все продолжал нести свою гашишевую философию о семье, отношениях полов и любви к детям, когда Том повернулся и с улыбкой под маской посмотрел на него.

— Пап, ты говорил — можешь научить меня плавать, — пихнул он отца в бок.

— А? Что? — захлопал глазами мистер Уокен, позабыв с кем и о чем он ведет беседу, где находится, и кто он сам, вообще, такой. — Ох, Томас! Конечно! Конечно, научу! Королеву научил, а уж тебя подавно! — опомнился он, хлопнув

себя по шляпе, и расхохотался беззаботным марихуановым смехом.

Глава 24: Вальс

24 декабря 1993 года.

— Томас? — заглянул в приоткрытую дверь Кристофер и зашел в большой зал для проведения светских приемов.

— Да? — обернулся к нему мальчик, который перепрыгивал с плитки на плитку, развлекая себя активными играми, после плотного ужина в честь Сочельника.

— Что это ты тут делаешь? Готовишься к завтрашнему рождественскому балу в школе? — прошел в центр зала мистер Уокен, встав напротив сына.

— Ээээм… Нет. Просто прыгаю, — бестолково пожал плечами Том. — Знаешь, пап, насчет этого бала… Я не хочу туда идти… — ныл мальчик, который не хотел посещать предстоящее мероприятие, ведь был уверен — там его будут гнобить не меньше, чем в рядовой школьный день.

— А почему? — улыбчиво удивился Кристофер. — Школьный бал — это прекрасно! Там можно на славу повеселиться! Пригласишь на танец какую-нибудь одноклассницу и закружишь ее в вальсе… Умеешь танцевать вальс, Томас?

— Нет, — выпалил мальчик.

— Ох, Томас! — ударил себя по усталым бедрам мистер Уокен. — Ты многое потерял. Вальс — это красивый, нежный танец, основанный на любви, теплых отношениях и взаимопонимании… В этом зале вальсировало не одно поколение семьи Харди, — обвел он рукой помещение. — Ты обязательно должен обучиться настоящему Венскому вальсу. Давай, я покажу тебе что да как нужно делать, — решил перейти от слов к действиям мужчина и взял руки сына в свои ладони.

Том превратился в танцевальную сову, но перечить отцу не стал.

— Итак, сынок, я буду исполнять роль женщины. Запомни одну вещь. Вести будешь ты. Это значит, что ты должен управлять партнершей — куда ей двигаться и в какую сторону идти. Ты должен быть уверен в своих действиях, чтобы женщина прочувствовала опору и доверилась тебе… Исходная позиция следующая: танцоры стоят близко друг к другу, наиболее тесно прижимаясь корпусом в области живота. Оба держат спины максимально прямо, подбородок приподнят. Верхняя часть тела партнерши прогнута назад, — начал пояснять он за вальс, ставя себя и сына в исходную позицию. — Положи свою руку под мою левую лопатку, как бы, придерживая меня, — сказал он, а сам положил левую ладонь чуть ниже правого плеча сына.

Со стороны все это смотрелось довольно-таки глуповато, ведь разница в росте танцующих была ой как заметна. Затем Кристофер взял левую кисть Тома и вытянул вбок на уровне плеча сына.

— Головы обоих танцующих повернуты влево, взгляд направлен через правое плечо своего визави, — продолжил урок танца мистер Уокен и его шляпа. — Готов?

— Нееет, — протянул Том, совсем не понимая, куда ввязался.

— Начнем же! — рассмеялся укурыш-Уокен. — Веди меня, сынок!

Но Том мало того, что не повел, так он еще и уставился на отца взглядом полным шока и непонимания.

— Ах, да, я же не рассказал, как это делать. Значит слушай и запоминай. Позиция ног, с которой танцоры начинают танцевать — шестая, то есть носки и пятки параллельно сведены вместе… — затянул вальсовую шарманку мистер Уокен.

Битый час он учил сына крутиться на месте. Поначалу, у Тома ничего не выходило! Он только и делал, что топтался по уютным домашним тапочкам Кристофера. Но вскоре выяснилось, что Том достаточно пластичная рохля. И вот

отец и сын перешли к поворотам в танце, а еще через полчаса Кристофер уже обучал сына вальсовой дорожке.

— Видишь, какой это прекрасный танец! — восторгался мистер Уокен, кружась вместе с Томом по большому залу. — И он у тебя великолепно выходит! Уверен — завтра на балу ты станцуешь лучше всех! Кстати, уже есть на примете девочка, которую ты бы мог пригласить? — подмигнул он сыну.

— Нет.

— Ах! Неужели, тебе никто не нравится из класса? Совсем ни одна девочка? — поразился мужчина. Том отрицательно помотал головой. — И даже из параллельного класса? И даже кто-то постарше?

— Нет и еще раз нет, — подкатив глаза, сказал мальчик, продолжая небрежно кружить отца. — Мне это не интересно…

— Пффф… Не интересно ему… Томас, ты просто не понимаешь, о чем говоришь! Женщины — это самые великолепные создания на планете! Такие нежные, такие ранимые, такие взбалмошные и непокорные… Когда-нибудь, ты влюбишься и поймешь, как был не прав, говоря такие слова, — беззаботно усмехнулся мистер Уокен. — Любовь к женщине — это самое прекрасное, что только может случиться с мужчиной! Ты уж поверь своему отцу, который прожил достаточно долгую жизнь!

— И кого же ты любил? — незнамо зачем пизданул Том.

— Томас, Томас… — устало, но вполне себе бодро, вздохнул Кристофер, прекратил танец, сел на помпезный стул и закурил. — Присаживайся, сын мой, сейчас я расскажу тебе историю своей любви, — похлопал он по соседнему стулу.

Том, предвкушая интересную байку от отца, сел рядом, но тогда еще даже и не подозревал, о ком пойдет речь.

— Я много раз влюблялся… — ностальгично протянул мужчина, затянувшись. — Помню свою первую школьную любовь, помню девушку, в которую влюбился в университете… Какими же прекрасными были мои юные годы… Но настоящая любовь — безграничная, чистая, светлая — пришла ко мне уже в довольно-таки позднем возрасте. Как ни странно, женщиной, которая подарила мне это чувство, была твоя мать — Мэрил Стрип.

Том непроизвольно скривился, услышав имя этой шизофреничной суки.

— Ооох… Время, проведенное с ней — было волшебным. Часами мы могли с ней разговаривать обо всем и ни о чем. Подолгу вальсировали здесь — в этом зале… Я любил Мэрил безумно, готов был кинуть к ее ногам весь мир, если бы она попросила… Знал бы ты, Томас, какой она была… Такой нежной, беспечной, веселой…

— Серьезно? — приподнял шрамированную бровь Том, усомнившись в адекватности своего отца. — Мы с тобой про одного и того же человека говорим?

— Мальчик мой, много ты не знаешь о своей матери, — обнял за плечи сына Кристофер. — Она была совсем не таким человеком, каким стала теперь… После того, как Мэрил родила тебя, она впала в жесткую послеродовую депрессию. Я пытался вытянуть ее из того состояния, в котором она пребывала. Но, как мы оба знаем, ничего из этого не вышло… Но я старался, я тянул… Возможно, мне стоило быть с ней более настойчивым, может быть тогда, у меня бы все получилось… Все бы сложилось иначе… За женщин стоит бороться… — замолчал он и задумчиво уставился перед собой.

— Пап, ты что, все еще ее любишь? — превратился в шоколадную сову Том, доставая из накладного кармана домашних брюк батончик «Сникерс».

— Ее, какая она сейчас — нет, — спустя пару секунд молчания ответил мужчина. — Я люблю ту, которой она была раньше, но которой, увы, больше нет

и никогда не будет… Ее… Моей Мэрил…

— Ну, и стоило ли это того? — накинул вопрос Том, с подозрением глядя на отца и снимая с себя маску. — Эта твоя любовь — она же попросту сделала тебе больно.

— Стоило, Томас, стоило… Порой, в нашей жизни, минута, проведенная с любимым человеком, стоит дней и месяцев страданий, — продолжал нести марихуановую философию мистер Уокен. — Когда-нибудь, ты полюбишь кого-то по-настоящему и поймешь меня.

— Нет, мне это не надо, — строго выпалил Том, проанализировав взаимоотношения отца и матери. — Не хочу, чтобы потом со мной случилось так же, как и с тобой. Не хочу обжечься, а потом грустить и страдать! Не нужна мне никакая женская любовь…

— Ну, нет! Так не пойдет! — возмутился Кристофер. — Ты не понимаешь, что мелешь и от чего отказываешься… Читал Толстого?

— Нет, — до предела нахмурился Том.

— Зря… — осудительно поправил на голове шляпу мистер Уокен. — Много потерял… Он говорил, что любовь — это бесценный дар. Это единственная вещь, которую мы можем подарить, и все же она у тебя остается, — процитировал он Левушку Толстого. — Так что не надо мне тут сейчас твоих «ля-ля», Томас! Что бы ты ни порол сейчас, все равно когда-нибудь полюбишь кого-то! Как оно всегда и случается… Ты понял, меня?

«Послушай, Том, в пииздууу! Просто согласись с ним, иначе он от тебя не отстанет! А свое мнение оставь при себе и просто не отступайся от него!» — пораскинул мозгами Том — интеллигент снаружи, но матершинник в душе.

— Я понял… Понял… — подкатил глаза мальчик, дерзко откусив шоколадку.

— Вот и хорошо, — нежно погладил по голове сына Кристофер. — Но запомни еще одно — вальс ты станцуешь только с женщиной, которую полюбишь, ну, или, хотя бы, влюбишься. С первой встречной танцевать эту красоту не нужно. Понял меня? До этого же момента, будешь тренироваться на мне.

— Вполне, — расплылся в довольной улыбке Том. — А это значит, что я завтра могу не идти на этот глупый бал, так?

— Так. Нечего тебе там делать, — махнул ладонью мистер Уокен. — Да и вообще, мы с тобой и так на славу станцевали сегодня, — подмигнул он сыну.

— И то верно, — улыбнулся в ответ мальчик. — Будешь? — решил поделиться он шоколадкой с отцом.

— Буду, — взял сладость мужчина, ведь давно уже хотел обломаться, чтобы потом обкуриться обратно с новой силой. — И вот еще что скажу тебе. Запомни мои слова. Женщины без мужского общества блекнут, а мужчины без женского глупеют, — присвоил он себе афоризм Чехова, будучи безнадежным глупцом, не имеющим никаких отношений с женщинами и зависнув в прошлом.

— Запомнил, — на отъебись ответил Том, чтобы уже скорее завершить этот глупый диалог о женщинах и горе, которое те несут мужчинам.

Глава 25: Пес

А в это же время, на другом конце планеты, в небольшом провинциальном городке Нампа, что в штате Айдахо, грустный синеглазый мальчик, шести лет от роду, смотрел на улицу, от которой его отделяло не только оконное стекло, покрытое ледяными узорами, но и стена из гиперпрочного полиэтилена. За окном в морозном воздухе кружились крупные снежные хлопья. Ребенок зацепился взглядом за одну снежинку и следил, как она то медленно и плавно опускается вниз, то резко взмывает вверх, то кидается из стороны в сторону. Мальчик представлял, будто снежинка исполняет праздный рождественский танец на снежном балу. Вдруг к ней, кружась и подпрыгивая, подлетела еще одна и вместе они завертелись в снежном вальсе. Через пару секунд обе ледяные пушинки подхватил ветер, и они скрылись из поля зрения ребенка из шара.

— Джейк, милый! Ужин! — открылась дверь в комнату, и внутрь зашла Мэрил Стрип с подносом в руках. — Сегодня Сочельник, поэтому я приготовила для тебя нечто особенное. Это капустно-бобовый суп, тут домашняя колбаса, а здесь картофельный пирог… — говорила она, перекладывая космические тюбики с подноса в отсек для передачек.

— Мам, а снег — он какой? — спросил Джейк, не оборачиваясь.

— Холодный, — ответила мисс Стрип, входя в шар.

— А холодный — это как? — продолжал расспрос мальчик, не отрывая взгляд от снегопада за окном.

— Холодный, это как теплый, только наоборот, — хуево объяснила женщина, пожав плечами.

— Я не понимаю, — буркнул маленький Джилленхол. — Я хочу потрогать…

— Дорогой, ну, хватит… Ты же знаешь, что нельзя. Уж тем более снег! Он холодный! Ты несомненно заболеешь! — стала убеждать сына Мэрил, приобняв его за плечи. — Лучше посмотри, что я тебе принесла… Это в честь грядущего Рождества, — показала она ему стопку очередных комиксов.

— Не хочу! Надоело! — психанул Джейк и выбил из рук матери журналы, те разлетелись по всему шару. — Я хочу снег!

— Джейк, прошу тебя, успокойся, — пыталась угомонить капризу из шара женщина.

— Почему всем можно гулять, а мне нет? — затопал ногами мальчик, нахмурив пышные брови. — Почему нельзя? Хотя бы в Рождество!

— Малыш, я же много раз объясняла — это опасно для тебя, — нежно заговорила Мэрил. Однако, по ее голосу можно было заметить, что «разговляться» она начала далеко до появления первой звезды.

— Но ведь Рождество! — не унимался Джейк. — А как же рождественское чудо? Разве оно меня не спасет?

— Ну, Джейк… Если бы все было так просто, если бы рождественское чудо могло спасти всех больных и обездоленных… Ах, если бы! — артистично возмущалась несправедливости мира мисс Стрип. — К сожалению, это не так…

Джейк опустил уголки губ и печально вздохнул.

— Не отчаивайся, мой дорогой… — погладила его по макушке мама Мэрил. — Давай лучше откроем с тобой последнее окошко в адвент-календаре. Ммм? Как идея?

— Я открыл его еще вчера… Там был чайный пакетик… — равнодушно ответил Джейк, лег на кровать и отвернулся к стене.

— Ну что мне сделать, чтобы поднять тебе настроение? — умоляюще заныла женщина. — Хочешь испеку тебе свой фирменный пирог из ревеня?

— Нет, не хочу… — буркнул мальчик себе под нос.

— Ну, а что тогда? — присела матушка рядом с ним и положила руку на плечо. — Проси, что угодно, я сделаю все, что в моих силах, лишь бы ты был счастлив…

— Прямо все-все? — с надеждой в синих глазах повернулся к ней Джейк.

— Ну, кроме того, что опасно для твоего здоровья, — ответила Мэрил, сочувственно погладив сына по руке.

— Мама! Я знаю, что мне нельзя выходить на улицу… Поэтому я никогда ни с кем не познакомлюсь, не найду друзей и всю жизнь буду одинок… — стал мальчик давить на жалость, наполнив глаза безграничным умилением. — Но позволь мне хотя бы завести себе собачку…

Глаза Мэрил в миг превратились в блюдца, а сама женщина — в антисобачную сову.

— Джейк… — лишь вымолвила она и упала ничком с кровати. — Джейк, милый мой! Какая собака? Ты что?

— Ну, а что такого? — вскочил с кровати ребенок. — Собака — друг человека! Так говорили по телевизору! Ну если я не могу иметь обычных друзей, то можно мне хотя бы собаку? Ну пожалуйста! Мамочка! Ну я тебя прошу! Ну хотя бы маленькую! Вот такусенькую! — взмолился Джейк, усевшись рядом с матерью и ладонями изобразив перед ее носом необходимый размер своего потенциального друга.

— Джейк, дорогой! Об этом не может быть и речи! — замотала головой Мэрил, охуевше уставившись на сына.

— Да почему? — психанул собачник из шара, возмутительно вскинув руки.

— Это аллергия, грязь, антисанитария! — затараторила мисс Стрип, схватила сына за плечи и отчаянно его затрясла. — Кругом будет ее шерсть, слюни и дерьмо!

— Ну мамочка, ну пожалуйста! — захныкал мальчик и смочил глаза слюнями, дабы вызвать еще большую жалость у матери. — Пусть даже она не заходит ко мне в шар, а просто живет в доме. Но она бы приходила ко мне, и я бы мог с ней поболтать… Я бы назвал ее Томми…

— Томми? Почему так? — прищурено насторожилась Мэрил, ведь думала, что ее шаровой сын забыл про ее масочного никчемного сына.

— Не знаю… Просто нравится это имя, — пожал плечами Джейк, призадумавшись. Из его маленького неокрепшего мозга, и впрямь, уже почти улетучились воспоминания о друге, навещавшем его, когда он был маленьким. Их место заняли нескончаемые телешоу и сюжеты комиксов, которыми беспрерывно заваливала его мать.

— Прости, родной! Но нет — этот вопрос даже не обсуждается! — строго сказала женщина и поднялась с пола. — Ты можешь попросить что угодно, но ни о каких животных даже и не думай. Это, действительно, опасно для тебя.

Мальчик насупил брови и опустил уголки губ ниже некуда. У Мэрил от этой душещипательной картины сердце защемило.

— Хочешь принесу тебе снега? — присела она на корточки перед сыном и обняла. — Потрогаешь его и узнаешь, какой он и что значит холодно…

Тот в ответ лишь грустно кивнул. Мисс Стрип поцеловала Джейка в лоб, встала и удалилась из шара, затем из комнаты, а затем и из дома, чтобы на улице добыть для несчастного болезного сына немного рождественского снега. Мальчик же остался в своем полиэтиленовом жилище в одиночестве. Он опустил взгляд в пол, шаркая ногой по ковру.

— Эх! — тяжко вздохнул он и пнул теннисный мячик, валяющийся среди разбросанных комиксов. — Так и проживешь всю жизнь — без собаки!

Теннисный мяч отскочил от полиэтиленовой стены и полетел обратно к мальчику. Тот ловко поймал его и с силой бросил обратно. Мячик вновь отскочил, но на этот раз Джейк ради шутки решил поймать его ртом. Необъяснимо, но

факт! Ему удалось это с первой попытки. Ребенок радостно подпрыгнул и вновь кинул мяч — на этот раз под углом к стене, чтобы при отскоке он полетел не прямиком к нему, а в сторону. Мальчик одним рывком добрался до нужного места и в прыжке вновь поймал теннисный снаряд зубами. Эта игра его очень позабавила, и он продолжил так развлекаться до тех пор, пока в шар не вернулась Мэрил с чаном снега. Джилленхол принял рождественский дар маменьки и попросил ее удалиться, предварительно выслушав свод правил техники безопасности при игре со снегом. Оставшись наедине со снежным чаном, он стал внимательно его изучать. Сначала он понюхал белую кучу, затем осторожно прикоснулся пальцем, а следом лизнул. Ознакомившись с основными свойствами и характеристиками снега и поняв, что такое холод, Джейк незамедлительно приступил к игре, которую придумал сам. Он представил, будто у него есть собака и он кидает ей мяч в сугроб. Роль своей собаки он исполнял сам же, и после того, как закидывал мячик в чан, тут же вприпрыжку бежал к нему и начинал раскапывать кучу снега — сначала руками, затем и вовсе носом. Находя мяч, он вцеплялся в него зубами и начинал радостно скакать на месте. Через час такой игры, мальчик так запыхался, что уселся на пол, высунув язык и тяжело дыша. Снег тем временем уже растаял и превратился в воду. Джейк, слегка переведя дыхание, склонил морду над чаном и стал лакать талый снег, чтобы утолить жажду. То есть, то, что ваш сын играет с уличным снегом, а потом еще и пьет его — это норма, Мэрил, и никак не навредит его никудышному здоровью? Зато собака — это грязь и антисанитария! Не очень ясен ход ваших мыслей… Вы точно ученая?

Вот так наш Джейк Джилленхол, мальчик из шара, и завел себе нового друга — собаку, которую сам и изображал. И, надо сказать, ему это удавалось весьма недурно! Мальчик так вжился в роль пса, что вскоре даже родная мать не могла отличить, когда ее сын — это он сам, а когда — его воображаемый друг-пес. В Джейке будто поселились две личности, которые вскоре и вовсе слились в одну, сделав из него человека с собачьими повадками.

Глава 26: Сосед

Май 1995 года. Манчестер.

Мелисса довезла Тома до дома после школы. Она остановила машину возле ворот, мальчик вылез и двинулся к поместью, сама же нянька поспешила на свидание с новым ухажером, о котором рассказывала своему воспитаннику накануне.

Том, закинув на плечо рюкзак, вошел в ворота и побрел в сторону дома. Мальчик погрузился в свои мысли, мечтая, чтобы уже быстрее закончился учебный год. Хотел он этого вовсе не из-за того, что не справлялся с школьной нагрузкой, напротив — обучение давалось ему легко, хотя он не прикладывал к этому почти никаких усилий. Однако, его по-прежнему продолжали донимать все одноклассники во главе с Эдди Редмейном и Уэйном Руни. И это, по правде говоря, не давало Тому спокойной жизни в школе. И именно по этой причине мальчик с нетерпением ожидал наступления летних каникул.

Том, нахмурившись, уставился себе под ноги и, не глядя что происходит вокруг, шагал к парадной лестнице, как вдруг его трижды что-то ударило по голове. Он в недоумении обернулся и увидел, отскочивший от его макушки, футбольный мяч.

— Что за… Хуйня… — выругался он себе под нос, озираясь по сторонам и не понимая, каким образом схлопотал три удара одним мячом.

— Эй, прости… — послышался из-за забора вежливый мальчишеский голос. — Я случайно, не рассчитал силу…

Том посмотрел туда, откуда доносился голос и увидел высокого мальчика в спортивной форме. Он был изумителен. И это было не личное мнение Тома, ведь особи мужского пола его совсем не привлекали. Но объективно это было именно так. Изумительность этого пацана была неоспорима. Любой, кто его увидел бы — сказал бы: «Он изумителен!». Весь он, от макушки до кончиков пальцев, был идеален, будто мраморная статуя, кропотливо выточенная гениальным скульптором.

— Привет! Не подашь мне мяч? — лучезарно улыбнулся мальчик и помахал Тому рукой. — Меня кстати Стивен Джеррард зовут.

— А меня Том. Том Харди, — ответил ему тот и пнул мяч ногой в сторону забора.

Стивен принял подачу головой, и мяч улетел в сторону его дома.

— Хороший удар. Играешь в футбол? — решил поболтать немного Джеррард и подошел ближе к забору.

— Неа, — буркнул Том, не зная, как себя вести. То ли продолжить путь к дому, то ли пообщаться с соседом, дабы не прослыть грубияном. — А ты играешь?

— Да, я учусь в футбольной школе «Манчестер Юнайтед», — ответил Стивен, горделиво выпятив грудь.

— Ммм… Прикольно, — равнодушно кивнул Том. — Я тебя раньше здесь не видел. Ты недавно переехал? Это же дом сэра Фергюсона.

— Да, это мой дедуля, — улыбнулся, поджав губы, Стивен. — Я переехал сюда на днях. Дело в том, что мои родители… Они… Ээээм… Умерли. Вот. И теперь мне придется жить с дедушкой. Он отец моей мамы.

— Мне жаль твоих родителей. Прими мои соболезнования, — сказал Том, опустив взгляд.

— Спасибо, — кивнул Стиви. — Не хочешь сыграть со мной в футбол? А то одному скучно.

— Ну… — растерялся Том, ведь никогда не играл ни в какие спортивные игры, кроме шахмат. — Ну, можно… Только я не умею…

— Ой, да ничего, я тебя научу, — великолепно махнул рукой сосед и поспешил за мячом. — Постоишь для начала в воротах, а я поотрабатываю пенальти, — крикнул он.

— Ну, хорошо, только закину домой рюкзак и предупрежу отца, — пожал плечами Том и побрел к поместью.

Он совсем позабыл о своих переживаниях насчет школы, теперь все его мысли были заняты изумительным Джеррардом. Действительно ли ему стоило соглашаться на эту футбольную авантюру? Может, Стивен один из таких придурков, как Эдди и Уэйн, и лишь поиздевается над Томом, когда увидит, что тот совсем не умеет играть. Или же его намерения искренние? Возможно, мальчику тоже одиноко, особенно после смерти родителей, и он просто хочет найти себе друга?

«Послушай, Том, может ну его нахуй? Достаточно тебе и издевок в школе. Не хватало, чтобы еще сосед тебя донимал. Хотя он совсем не похож на мудака, на вид очень даже дружелюбный. Но разве внешность не обманчива? В пииздууу… Чтобы узнать, как оно есть на самом деле, тебе придется попробовать с ним пообщаться. Другого выхода нет. Мел всегда твердит, что не все люди мрази и стоит давать им шанс, особенно, когда собирается на свидание с очередным мужиком. Хотя она же после этих свиданий поливает своих ухажеров говном, рассказывая, что они конченные неудачники и чмошники. Мда уж… Ладно, Мел пробует и рискует, рискни и ты…» — думал мальчик несвязную хуйню, лежа зашнуровывая кроссовки.

Он быстро закинул в рот пару печений, запил их молоком, крикнул Кристоферу, который в это время принимал ванну, что идет поиграть с соседом и поспешил на улицу.

Через пару часов, вдоволь нагонявшись в мяч, мальчики сели на газон передохнуть.

— Слушай, а у тебя не плохо получается, учитывая, что ты играешь в первый раз, — заговорил Стивен, испив воды, и похлопал Тома по спине.

Харди улыбнулся и пожал плечами. Повисла неловкая пауза, во время которой Джеррард кидал непроизвольные взгляды на маску Тома, но то и дело отводил глаза.

— Ты хочешь спросить, что это? — указал себе на лицо Харди, заметив интерес соседа.

— Ой, прости, — поджал губы Джеррард. — Просто никогда не видел ни у кого такой штуки. Но это невежливо с моей стороны, я не хотел тебя обидеть.

— Да ладно, — махнул рукой Том. — Давай расскажу, что это…

Стивен навострил свои любопытные, но от того не менее изумительные уши и приготовился слушать рассказ.

— Ну ничего себе… — протянул он трижды по завершению истории Харди.

— А что за прикол такой? Зачем ты сказал это три раза? — приподнял шрамированную бровь Том, усмехнувшись.

— Что я сказал три раза? — округлил свои великолепные глаза мальчик.

— Ну ты сказал так… Ну, ничего себе, ну, ничего себе, ну, ничего себе… — пояснил за повтор Харди.

— Чего? Я так не делал! — рассмеялся Джеррард. — Что за глупости? Зачем бы мне это?

— Не знаю… Пошутить? — засмеялся и Том, не понимая нихуя.

Стивен расхохотался и завалился спиной на газон в приступе изумительного смеха, Харди же забился в агонии непонятой шутки, но отчего-то ему стало тоже смешно, и он поддержал соседа механическим хохотом.

— Стиви! Внучок! Ты где? — послышался позади старый голос, медленно приближающийся к ним.

— Дедуль, я здесь! — помахал Джеррард рукой и вскочил на ноги. — К нам зашел наш сосед, мы играли в футбол. Это Том, вы, кажется, знакомы.

— Добрый день, сэр, — встал с газона и Харди, приветствуя Фергюсона.

— А, да, помню, помню… — прищурил свои подслеповатые глаза старик Алекс. — Здравствуй, сынок, — подошел он к Тому и потрепал его по голове. — Ох! Опять тебе на лицо паук сел! Вы что же, два молодых пацана, зрение должно быть ого-го — и ничего не замечаете! Я и то увидел! А ну-ка, кыш! Кыш! — попытался стряхнуть он маску с лица Тома.

— Дед, хватит! — зашипел на него Стивен и отстранил от мальчика. — Это же у него… — начал шепотом объяснять он на ухо Фергюсону, что это не паук никакой.

Старик еще около получаса травил свои дедовские байки, совсем не замечая, что парни его не слушают, а болтают о своем, лишь из уважения делая вид, что им очень интересны его россказни.

— А я вот мечтаю создать свой клуб, где стану не только игроком, но и тренером, — поведал изумительно душещипательную историю Стивен. — А ты, о чем мечтаешь?

— Не знаю… Я как-то не думал… — бестолково пожал плечами Том.

— Не хочешь тоже заняться футболом? — стал навязывать ему свое хобби Джеррард. — У тебя вроде неплохо получается стоять на воротах. Хотя, конечно, ты маловат для вратаря, да и по возрасту уже поздновато начинать… Но все же — хотя бы для своего удовольствия. Карьеру-то ты, вряд ли, построишь уже… — смерил его высокомерным, но дружественным взглядом Стивен.

— Да я никогда даже не интересовался спортом, — махнул рукой Том, то ли оправдываясь перед соседом, то ли пытаясь отмазаться от его предложений.

— Это ты зря! — укоризненно помотал головой мальчик-футболист. — Вот держи — почитай на досуге. Я прочел ее впервые лет в пять, и с тех пор живу футболом, — Стивен трижды достал из рюкзака и трижды сунул в руки Тому какую-то книгу.

— Энциклопедия футбола, — прочел название на обложке Харди. — Хм… Спасибо, почитаю, — недоверчиво пролистал он книгу.

— Приветствую, соседи! — подошел к забору Кристофер в шляпе поверх намотанного на голову полотенца. — Сэр Алекс… Юноша… — кивнул он сначала старику Фергюсону, затем его молодому изумительному внуку.

— Это Стиви Джи, сын моего сына, — представил мальчика соседу Алекс.

— У тебя же была дочь, — устало нахмурился мистер Уокен. — Кстати, соболезную твоей утрате…

— Какая такая дочь? — по старинке удивился Фергюсон.

— Тшшш! Тш! — зашикал Стиви на Кристофера. — Он считает и всегда считал, что моя мама, это на самом деле мой папа, то бишь не дочь ему, а сын…

— Ах, точно! — ударил себя по лбу Уокен. — Все время забываю эти его заморочки… — шепотом упрекнул он сам себя.

— Чего? — охуел как никогда Том, переводя взгляд то на Стивена, то на отца, то на Алекса Фергюсона, желая получить объяснений.

— Мой дед не приемлет, когда в семье рождаются девочки, — зашептал ему на ухо Джеррард. — Вот поэтому бабуле и пришлось его обманывать всю жизнь, говоря, что мама — это мальчик… Благо, у деда плохое зрение, да и слух подводит, так что это было не так уж сложно. Самым трудным было скрывать мамину беременность. Величайшее счастье, что родился я — мальчик, и дед погрузился в мое воспитание с головой. Ну, а теперь мама умерла. Хоть один плюс тут есть — ей больше не придется выдавать себя за мужчину, — поведал невменяемую историю Стиви Джи.

Том потерял дар речи от подобных рассказов, а рассказанная им самим история о безумной Мэрил и маске казалась теперь вполне себе адекватной.

— Ну, а вы, парни, я смотрю, подружились, — решил перевести тему Кристофер, который был до умопомрачения не только укурен, но и рад за сына. — Я видел из окна, как вы играли в футбол. А что если нам завтра устроить небольшой турнир между поместьями? Мы с Томасом, против вас, — ткнул он поочередно пальцем в Стиви и Алекса.

— Ась? — переспросил старик, приставив ладонь к большому уху.

— Ну, или турнир поколений! Пацаны против стариков! Как идея? — продолжал молоть марихуановую ересь мистер Уокен.

Мальчишки лишь переглянулись, совсем не желая проводить никакие турниры с этим двумя. Кристофер заметил, как они обменялись взглядами.

— Ладно, ладно, понял, можете играть вдвоем, — выставил он ладони вперед. — Мы мешать не будем. Ну, что, Томас? Идем в дом? Файф-о-клок, как-никак.

— Ага, — кивнул Том. — Ну что, до завтра? — посмотрел он на Стиви.

— Ээээм… Ну да, — улыбнулся тот в ответ, взял своего старинного деда под руку и повел к дому.

Кристофер и Том также пошли к своему поместью.

— Ох, Томас, как же я рад! — восторгался мистер Уокен, шагая прямо по газону босыми ногами. — Наконец ты нашел себе приятеля! Может, из этого получится настоящая дружба? Как думаешь? Он тебе понравился?

— Нормально, вроде, — пожал плечами Харди, не зная с кем сравнить своего нового знакомого. Стиви уж явно был лучше Эдди и Уэйна, но и в качестве настоящего друга Том пока его не видел. Хотя они знакомы всего-то пару часов! Разве возможно судить через столь короткий промежуток времени? Но Тому почему-то всегда представлялось, что встреть он действительно «своего» человека — он сразу же это поймет, и этот «свой» человек останется таковым на всю его жизнь. Но мальчик не был уверен в верности своих ощущений, ведь разве мог судить о дружбе он — ребенок, ни разу ни с кем не друживший?! Поэтому Том решил, что лишь время расставит все на свои места, а сейчас он должен постараться наладить со Стиви Джи приятельские отношения, ведь впереди летние каникулы, а сидеть два месяца в поместье — такая себе перспектива.

— Что это у тебя такое? — взял книгу из рук сына Кристофер, случайно потоптав все лютики на клумбе.

— Стиви дал почитать, — пояснил за книгу Том.

— Мда… Сомнительное чтиво… — бросил энциклопедию в лейку мистер Уокен. — Мой тебе совет, сынок — возьмись за классику. Это действительно то, что должен прочитать каждый.

— Мы и так проходим классику в школе, — ответил Том и полез доставать из лейки книгу Джеррарда, надеясь, что та не промокла.

— Я говорю о русской классике, — упал в декоративный пруд Кристофер, но сделал вид, что просто решил освежиться. — Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов…

— Ммм… И о чем же они писали? — спросил мальчик, обтирая книгу Стивена о свои штаны, пытаясь очистить ее от зелени застоявшейся воды.

— Ох, Томас, Томас, — расхохотался смехом ебаната мистер Уокен, шляпой раздвигая кувшинки перед собой. — О жизни, мой мальчик, о жизни… Такой, какая она есть… — пояснил он за русских классиков и нырнул под воду.

Отчего-то Тома очень заинтересовало такое описание, и он немедленно отправился в семейную библиотеку, чтобы взять там для себя книгу одного из этих мудрых авторов. Первым на полке он нашел Льва Толстого с его дражайшей «Анной Карениной». Мальчик уселся в кресло прямо в библиотеке и незамедлительно приступил к чтению. Он не заметил, как пропустил файф-о-

клок, затем ужин, а затем и время отхода ко сну. Так он просидел до глубокой ночи и прервался лишь тогда, когда в библиотеку вошел Кристофер с водорослями, повисшими на его шляпе, одетой поверх намотанного на голову полотенца. Мистер Уокен похвалил сына за такой интерес к литературе, но наказал отправляться в спальню, ведь чтение может и подождать, а вот учебу никто не отменял. Сам же Кристофер остался в библиотеки, чтобы в который раз перечитать «Даму с собачкой» за авторством многоуважаемого Антона Павловича, да покурить немного анаши.

Глава 27: Симулянт

Лето 1996 года выдалось не на шутку знойным. Одним душным пятничным вечером в начале августа Кристофер предложил Тому отправиться на все выходные за город, где можно было отдохнуть от изнуряющей жары в тени деревьев, порыбачить и освежиться в прохладном пруду. Мальчик принял эту идею и спросил, могут ли они пригласить с собой Стивена. Мистер Уокен без раздумий согласился, и Том сию же минуту отправился на соседский участок, чтобы предложить другу такую загородную авантюру.

Харди стоял на пороге дома сэра Фергюсона и звонил в огромный корабельный колокол. Вскоре дверь открылась и на пороге предстал старик Алекс в бархатном халате и с сеточкой на голове. Он сообщил, что Стиви приболел, что у него понос и, вообще, Лихорадка Западного Нила, а также, возможно, коклюш. Посему о том, чтобы отправиться за город с соседями, речи и быть не может. Том грустно вздохнул и поплелся обратно домой. Делать нечего — придется ехать на уикэнд в компании лишь отца.

С утра мальчика разбудил какой-то непонятный скрежет за окном. Открыв глаза, он обнаружил, что на улице только начинало светать, на востоке заходилась рыжая заря, а небо имело еще сиреневато-пепельный оттенок. Том не понял в чем дело. Он посмотрел на часы и понял, что для подъема еще слишком рано — отец обещал разбудить его в семь утра, а сейчас не было и пяти. Тогда мальчик встал с кровати и подошел к окну, которое было приоткрыто, чтобы свежий воздух мог проникать в спальню.

— Что за ебала? — взвизгнул Том и отпрыгнул назад, когда в створку пролезла фетровая корона, а затем голова с едва заметной проседью.

— Рррррр! — что-то невнятное прорычал незваный утренний гость, пытаясь влезть внутрь.

— Папа! Папа! — заорал мальчик как потерпевший, подскочил к окну и стал пытаться закрыть створку, чтобы вытолкнуть форточника в короне.

Через минуту в спальную примчался усталый Кристофер и рванул к окну.

— Томас, Томас! Остановись! — отстранил мальчика отец, распахнул окно и стал тянуть мужчину внутрь. Но тот был, очевидно, пьян и невменяем, да до такой степени, что просто повис как коронованный кусок дерьма. — Чарли, что случилось?

— Крис… Я просто хотел отдохнуть в баре… — буробил мужик, поправляя корону, которая так и норовила соскользнуть с его пьяной головы.

— О, Боже, Чарли! — хлопнул себя по спальной шляпе мистер Уокен. — Только не говори, что код «синий»!

— Он родимый, Крис, он родимый, — закивал мистер Чарли и блеванул вниз на клумбу ирисов под окном Тома. — Но не только…

— Чарли… Какой еще? — взволнованно ахнул Кристофер. — Розовый? Скажи, что нет!

Мужчина лишь трагично кивнул, и фетровая корона полетела вниз прямиком в его королевскую блевоту.

— Выкладывай все и по порядку, — пытаясь успокоиться, сказал Кристофер, затянулся косяком и пригостил им Чарли.

Том охуевше смотрел на происходящее и не понимал абсолютно нихуя! Он метал взгляд с отца на висящего за окном бухого в хуй мужика, в котором только теперь узнал Его Королевское Высочество — принца Чарльза. Мальчик пытался вникнуть в невнятное мычание этого человека, но это не представлялось возможным.

— В том баре я встретил одну особу… — расплылся в улыбке принц. — Страсть накрыла нас прямо в мужском туалете! Но потом выяснилось

страшное! Она учительница моего сына Гарри! Снежана Денисовна!

— Снежана Денисовна? — приподнял шрамированную бровь Том. — Она же кукла…

Кристофер обернулся на сына и уставился на него уебавшимся непонимающим взглядом.

— Томас, не влезай, пожалуйста, во взрослые разговоры, — сделал мистер Уокен замечание мальчику, вновь свесился через подоконник и продолжил выслушивать душераздирающую историю принца Уэльского о его тряпичных секс-приключениях в одном из захолустных баров Манчестера.

Том же, не в силах понять подобные пьяные басни, уставился в окно, зависнув спросонья. Но тут из оцепенения его вывела странная картина. Мальчик уставился на входную дверь дома деда Фергюсона, которая распахнулась и на улицу вышел возмутительно изумительный для пяти утра Стиви Джи со спортивной сумкой наперевес. Он двинулся по дорожке к проезжей части, где стоял, не заглушив двигатель, автобус. Двери транспорта раздвинулись и изнутри выглянул… Уэйн Руни? Рыжие волосы, квадратная голова, кривой лоб, бессмысленный взгляд… Ну, точно Руни! Он задорно помахал Джеррарду рукой и тот повторил жест, трижды умопомрачительно улыбнувшись. Стивен бодро запрыгнул в автобус, и тот тронулся.

— Боже, Чарли! Ну, какого ж хуя? — хватался за шляпу Кристофер, выслушав бредни принца. — И как ты рассчитываешь все это скрыть?

— Ну, ты же у нас Министр Тайн, вот и придумай! — пожал плечами Чарльз. — Разве не за это тебе платит моя мамка?

Мистер Уокен недовольно поджал губы, а принц Уэльский развел руками, как бы говоря: «Такова жизнь, Крис», но вместо этого сорвался вниз и полетел прямиком на ирисовую клумбу, где его уже ждали корона из фетра и блевотина из шотландского виски и вишневого эля.

— О, Боже! Нет! Только бы он не разбился! Только бы! — неимоверно устало воскликнул Кристофер и ринулся на выход. — Томас, прости меня, пожалуйста, — обернулся он в дверях, посмотрев на сына сквозь мизерную щель практически закрытых век. — Наш уикэнд отменяется… Прости еще раз — работа зовет! — выпалил он и выскочил из комнаты, которая, к слову, находилась на втором этаже поместья, которое, к слову, имело довольно-таки высокие потолки. Хммм… А какой интересно будет код, если Чарли разобьется? Красный? А если умрет? Черный? А если еще и обделается перед смертью? Черно-коричневый?

Том, совершенно не обращая никакого внимания на происходящее, ничком рухнул на кровать, тяжело выдохнув. Почему Стивен так подло обманул его? Зачем его полоумный дед сказал, что его внук заболел, а сам же Джеррард уехал куда-то в такую рань? Да еще и с квадратноголовым Руни! Обдумывая возможные варианты ответов на эти вопросы, мальчик забился в агонии потери друга. Хотя он и не считал Стивена «своим» человеком, но, все же, Тому было приятно проводить с ним время: играя в футбол, шляясь по кафешкам Манчестера и подшучивая над антикварным Алексом.

Выходные прошли для Тома в раздумьях. Он постоянно размышлял о том, что его единственный недодруг Стиви обманул его, променяв на таких долбоебов, как Уэйн Руни. После таких мыслей Том сразу же начинал переубеждать себя в обратном. Что, наверное, он что-то не так понял, что ситуация, возможно, не так уж и обречена, и, в конечном счете, все окажется куда проще, чем он думает.

Ближе к обеду понедельника, когда Том сидел на верандовых качелях, хмуро раскачиваясь, за воротами послышался звук тормозящего автобуса.

— Пока, пацаны! — послышался издалека голос Джеррарда.

Харди услышал, как двери автобуса, с характерным звуком, закрылись, и тот

вновь поехал. Том хотел было ринуться за ворота, чтобы разузнать у Стивена что это такое было, но, все же, гордость превозобладала над ним. Мальчик остался на веранде, раскачиваясь на качелях в пять раз хмурнее прежнего.

— В пизду, — психанул он спустя пару минут и побежал в дом.

Том зашел в библиотеку, взял с полки книгу Куприна «Яма», решив почитать о жизни русских проституточек. Затем мальчик вышел на огромный задний двор поместья, примостился на каменной лавке, раскрыл книгу и с головой погрузился в чтение.

— Том! — услышал он свое имя и повернул голову к невысокой каменной ограде, отделяющий территорию поместья Харди от участка Алекса Фергюсона.

Из стеклянной теплицы трижды изумительно вышел Стивен, неся в ладонях три огромных кабачка.

— Как дела? Чем занимаешься? — беззаботно спросил длинновязый мальчик, подойдя к ограде.

— Ээээм… — замялся Том, отложил книгу в сторону и пошел в сторону Джеррарда. — Обычно… А твои, Стиви? Как твое самочувствие? — подъебал он его.

— Мое самочувствие? — превратился в изумительную сову Стивен, поняв, что, кажется, Харди раскусил его гнусные враки.

Все дело в том, что мальчик специально попросил своего деда сбрехать Тому, что он болен, ведь ему нужно было собирать вещи и готовиться к предстоящему товарищескому футбольному матчу, который проходил в Лондоне на выходных, а не тратить свое время на глупости с соседом. И как же ты готовился, Стиви? Что говоришь, принимал пенную ванну, сидел на разгрузочном дне и проводил массаж спины с помощью вибро-массажера для ног? Охуетительная подготовка! Ничего не скажешь! То, что нужно для предстоящего матча!

— Ну, так как оно? — дерзко кивнул Том. — Что-то быстро тебя попустила Лихорадка Западного Нила…

— Ой, ты об этом! Ты просто все неправильно понял! — отмахнулся Джеррард и начал плести паутину лжи прямо на ходу. — Дело в том, что на выходных был товарищеский матч против юниорской команды Лондонского «Арсенала». И мой дед, как только прознал об этом, ну, прямо с катушек слетел! Он решил, что мне нужно готовиться к нему и не отвлекаться ни на что! А я ему говорю, мол, дедуль, давай я пойду во двор и потренируюсь с Томом. А он как заорет: «Нееееееет! Ты должен провести этот вечер в молитвах!». Ну, и запер меня, значит, в моей комнате. Я слышал, как ты за мной заходил и как дед тебе соврал, пронеся какую-то чушь о моем здоровье! Я был уверен, что ты и сам все поймешь! — трижды рассказал свою историю Стивен.

— Оооу… — замялся наивный по жизни Том, поверив в эту брехню собачью. — Блин… Прости, Стивен…

— За что? — насторожился Джеррард.

— За то, что плохо про тебя подумал… Я решил, что ты все это придумал, чтобы не тусоваться со мной…

— Да что ты! Что ты! — закудахтал Стивен. — Я бы никогда, мать твою, так не сделал! Мы же друзья, Том!

— Ну я понял… Понял… — улыбнулся уголками глаз Харди. — Ну, и как? Матч-то выиграли?

— Конечно да! Разумеется, не без моей помощи! — засветился Джеррард, словно глупая лампочка Ильича.

— Поздравляю, — коротко кивнул Харди. — Еще вот что хотел узнать у тебя… Я ненароком увидел, как ты садился в автобус, отправляясь на этот свой матч. Ну, так вот, я видел, как из него вылезал Уэйн Руни. Он что, твой друг?

— А ты его знаешь? — парировал Стивен, дабы в конечном счете остаться

самым изумительным и милым в лице каждого жителя планеты.

— Да, он мой одноклассник, — брезгливо сморщился Том, но решил не вдаваться в подробности о том, что Уэйн его гнобит, дабы не прослыть вселенским задротом. — Мы с ним практически не общаемся — он неимоверно глуп…

— Тут ты прав — что есть, то есть! — лживо вякал Джеррард, который на самом же деле дружил с Руни не меньше, чем с самим Томом. — Но я с ним не дружу… Так — обычный дурачок из нашей команды. Увы — я не могу выбирать с кем играть, — трижды опустил уголки губ вниз он. — Но, когда я вырасту я обязательно стану играющим тренером, как я уже тебе рассказывал! И поверь мне, Том, этого конопатого никогда не возьму в свою лучезарную команду! Так, стоп… А откуда ты это видел? Ах, ты что, следил за мной?!

— Что?! Нет! — взволнованно воскликнул Харди, выставив вперед ладони.

— Но ведь было пять утра, — хитро прищурился Стивен. — Почему не спал?

— Нууу… По правде сказать, ко мне в окно залез принц Чарльз. Бухой, между прочим, в умат, — начал выкладывать грязные подробности Королевской семьи Том. — А потом он рассказал, что переспал с моей учительницей! Представляешь?! А ведь она — кукла!

— Ах! — трижды выронил из рук кабачки Джеррард.

Том же затянул свой рассказ о ночном вторжении Чарльза, немного приукрасив его и добавив нелепой отсебятины. Погоди, пацан, зачем ты это делаешь? Работа же твоего отца заключается в том, чтобы наоборот — все это скрывать от британского народа! Будешь продолжать в том же духе — твоя семья рискует по-крупному огрести от Королевы и ее друзей!

— Ну, ничего себе дела… — промокнул испарину со лба подолом шорт Стивен, после того, как Харди закончил свой рассказ. — Ладно, мне пора идти. Я хотел испечь свои любимые кабачковые маффины. Придешь к нам на ужин?

— Приду, — благостно ответил Том, не поняв, что его сегодня по-крупному наебали.

Глава 28: Минишар

В это же время, в славном городе Нампа, что в штате Айдахо, США, разгорался грандиозный скандал.

— Я больше не хочу сидеть в этом вонючем шаре! — визжал Джейк, топая мягкими тапочками-собачками по паркету. — Я сказал — хочу в школу! Что тебе не понятно?!

— Дорогой мой, я прошу — успокойся! — стоя на коленях и сложив ладони вместе, лепетала Мэрил. — От таких истерик может произойти сердечный криз, инсульт, перелом позвонков… Ты же сам себя сведешь в могилу, милый!

— Да лучше сдохнуть, чем сидеть в этом обоссаном шаре! — вцепился в волосы Джилленхол и попытался выдрать их со своей пустой головы.

— Ну так не меть его! — попыталась вразумить сына душевнобольная женщина.

— Хочу в школу! Хочу! Хочу! Хочу! — рычал пес из шара, брызжа слюной и оскалив зубы.

— Ты же знаешь — это невозможно! — ударилась лбом об пол Мэрил, раскроив тем самым свои пышные брови до крови. — Ты моментально умрешь, если покинешь шар! В воздухе витает столько бактерий, что попади они в твои легкие, то ты сразу же задохнешься и умрешь в страшных муках! А твои кости, Джейк? Они же хрупки как фарфор!

— Да зачем же ты тогда вообще меня родила? — говорил гадости невежда из шара. — Раз я такой урод, то зачем мне тогда вообще жить, раз я даже не могу увидеть мир в этом дебильном шаре?!

— Ах! — округлила пьяный рот мисс Стрип, не веря своим ученым ушам.

— Лучше бы ты меня убила! Это был бы куда более благоприятный для меня исход! Но вместо этого, ты изобрела эту ерунду, — обвел он стопой шар. — Жизнь здесь — невыносима! И пускай я умру в страшных муках, заглотнув уличный воздух, но я, хотя бы, заглотну его! Хотя бы увижу что-то помимо шара и твоей персоны!

— Мой сладкий, я ничем не могу помочь тебе! Как бы я не хотела! — впала в истерику Мэрил, упав на пол и свернувшись в позу эмбриона. — Твои слова режут меня, словно нож! Мне так больно, что я никак не могу помочь тебе!

— Ну, так придумай же что-нибудь! — продолжил свои возмущения хитрый еврей из шара, заметив, как мать начала прогибаться. — Ты ж ученая! Ты такая умная, раз смогла изобрести этот чудный шар! — резко сменил он тактику. — Придумаешь и какую-нибудь еще конструкцию! Я в тебе не сомневаюсь, мамань! — подошел он к полиэтиленовой стенке и драматично приложил к ней ладонь.

Отчего-то, этот момент нахмурил Джейка. Ему стало так грустно и одиноко, что захотелось встать на четвереньки и отчаянно завыть. Но мальчик быстро выкинул из головы эти мысли, промочил слюнями глаза и уставился на мать.

— Хорошо… Хорошо, малыш, — я что-нибудь придумаю, — простонала алкоголичка Мэрил, медленно поднимаясь с пола.

— Спасибо, мам! — радостно воскликнул Джилленхол. — Я так люблю тебя!

Спустя пару дней, мисс Стрип зашла на второй этаж, держа в своих руках какую-то полиэтиленовую хуйню, с мотающимися по сторонам трубами-гофрами из биометалла.

— Что это? — нахмурился Джейк, вставая с кровати и отложив в сторону комикс.

— Это минишар! — гордо изрекла женщина, зашла внутрь шара и положила свою хуйню на пол, всунув в нее ножной насос. — Сейчас увидишь, —

улыбнулась она и стала нажимать на педаль подачи воздуха.

Полиэтиленовая хуйня, которую Мэрил провозгласила минишаром, начала увеличиваться в размерах. И вот, спустя минуту, перед Джейком предстал довольно-таки экстравагантный костюм. Это был небольшой полиэтиленовый шар, по бокам от которого отходили гофры-трубы, которые на конце превращались в перчатки, а снизу болтались зауженные гофро-бриджи.

— Ну, иди же сюда, примерь, — поманила сына Мэрил.

Джейк недоверчиво подошел к матери. Женщина взяла в руки свое новое изобретение, надела его на сына, запустила парообработку и отошла в сторону, внимательно рассматривая конструкцию издалека.

— Довольно-таки неплохо… — задумчиво сказала она, почесав подбородок.

— Чувствую себя в нем каким-то идиотом, — неоднозначно протянул Джейк, мотая ногами в гофро-бриджах.

— Ну, — расставила ладони в стороны мисс Стрип. — Либо так, либо никак!

— Ладно, теперь можно идти в школу? — посмотрел на нее Джилленхол, наполнив глаза надеждой.

— Что? Какая школа? Мы так не договаривались! — отчаянно закричала Мэрил. — Я думала, тебе будет достаточно прогулок по дому, да нашему заднему двору.

— Нет! — просунул руки в гофро-отсеки Джилленхол и неистово ими затряс. — Этого недостаточно! Хочу, как все ребята — ходить в школу!

— Да зачем она тебе? — превратилась в хуевую сову Мэрил. — Разве, нашего домашнего обучения тебе недостаточно? Да я могу дать тебе такие знания, которых никто и никогда не даст тебе в школе!

— Пусть так! Но, раз уж ты не хочешь вести меня в школу, то давай отправимся в отпуск! Раз уж теперь я могу выходить на улицу, то хочу посмотреть мир! — начал дергать мать за рычажки парень из минишара, ведь знал, на что можно надавить.

— Дорогой, у твой мамы нет на это денег! — залепетала мисс Стрип. — Ну, хорошо, если хочешь, то можем отправиться в центральный парк…

— Нет! Так дело не пойдет! — капризничал Джейк. — Это ты не можешь, это нельзя… А в парк я не хочу! Давай выбирай — либо кругосветное путешествие, либо школа, либо я сейчас возьму, порежу минишар и умру в страшных муках! — просунул он руку в шар, извлек из кармашка перочинный ножичек и безумно замахал перед своим лицом.

— Джееейк! — завизжала, словно глупая белуга, Мэрил. — Откуда это у тебя?!

— Ты обронила в прошлом месяце, — хитро прищурился клептоман из шара. — Так что ты выбираешь, маменька? — подставил он острие ножа к стенке минишара.

— Хорошо! Я устрою тебя в местную школу! Обещаю, только отдай мне нож, любимый! — кинулась на колени мисс Стрип, совсем позабыв, что даже если ее новая конструкция будет порвана, то они один хуй находятся в шаре.

— То-то же! — довольно усмехнулся Джейк, открыл створку отсека, располагающуюся в области паха, и кинул ножичек в сторону матери, поверив ей на слово.

Мэрил схватила оружие, рухнула на пол и зарыдала.

— Маааам, ну ты что? — взволнованно подскочил к ней Джилленхол. — Блин, прости меня, пожалуйста, я не хотел обижать тебя! Ну, мамуль, — погладил он ее по пышной укладке светлых волос. — Наверное, я перегнул палку, я правда не хотел тебя доводить до такого… Ну прости ты меня!

— Ничего, Джейк, я в норме, — похлопала она ладонью по перчатке-гофре сына. — Я знаю, что ты не хотел меня обидеть, знаю… Просто, я плохая мама, раз не могу дать тебе того, чего нужно…

— Это неправда! Ты самая лучшая мама во вселенной! Мать года по версии журнала «Форбс»! — плел несусветные бредни Джилленхол, дабы подбодрить мисс Стрип. — И я бы хотел, чтобы сейчас мы с тобой вышли на улицу. Вместе… Это для меня важно… Только ты да я, — распрямился он и подал ладонь Мэрил. — Ты со мной? Ммм?

Мисс Стрип, будучи окончательно пропитой дурой, моментально растрогалась от речей сына, позабыв про все то говно, что он ей нагородил, подала руку Джилленхолу и поднялась с пола.

— Вааау! — восторженно протянул Джейк, как только оказался на заднем дворе. — Это и есть… Мир?

— Да, мой хороший, — улыбнулась Мэрил, усаживаясь в плетеное кресло, по-классике с кружкой вина в руках. — И он принадлежит тебе! — пизданула она хуйню и дерябнула «белого».

Но Джейк Джилленхол совершенно не слушал бредней матери, ведь здесь во дворе — все было для него в новинку. Он даже и не знал с чего бы ему начать знакомство с окружающим миром: то ли поваляться на газоне, то ли разрыть на участке несколько ям, то ли поиграть с фонтанчиком-поливалкой.

— Эх, была не была! — махнул рукой Джилленхол и решил для начала пометить яблоню, растущую на их участке.

Глава 29: Кунис

2 сентября 1996 года.

Том Харди, предвкушая ебливый первый день нового учебного года, недовольно прошел в класс и уселся за самую последнюю парту, дерзко бросив рюкзак на соседний стул.

— О! А вот и ты, пидор! — радостно воскликнул Эдди Редмэйн и кинул скомканную бумажку в голову Тома. — Как провел летние каникулы?

— Либо продрочил все лето в своем поместье? — перебил его возмутительно квадратный голос Уэйна Руни, за которым последовал невообразимо глупый смех умирающего голубя.

— Эй, зачем ты влез со своими шутками?! — возмутился Эдди, бросив на свою конопатую «шестерку» не только уничтожающий взгляд, но и ударив ее по голове кулаком, отчего голова Уэйна преобразилась в форму «прямоугольник».

Том лишь подкатил глаза и механично цокнул.

— Что ты там бурчишь, маска? — продолжил свои нападки Редмэйн, но тут кто-то толкнул его в спину, и мальчик, потеряв равновесие, ничком рухнул в лужу ссак, которую оставил здесь тремя минутами ранее Его Величество — принц Гарри.

— Зачем ты к нему пристаешь, а? — воскликнул возмущенный и немного хриплый девчачий голос.

Том недоверчиво устремил взгляд к месту происшествия. Над Эдди стояла девочка с растрепанными темно-русыми волосами. Хоть она и была одета в школьную форму их элитного учебного заведения, но доселе мальчик ее и в глаза не видел, а это могло означать только одно — в их класс пришла новенькая.

— Эй, какого черта?! — возмутился с пола Редмэйн. — Что ты себе позволяешь? Руни! Втащи ей!

— Ээээм… — замялся Уэйн, бестолково шныряя глазами по сторонам. — Не могу… Бить женщин — это нехорошо…

— Болван! — взорвался Эдди, подскочив с пола. — Значит, это сделаю я! — замахнулся он кулаком на девочку.

Но не успел он ударить, как она ловко увернулась и ударила Редмэйна с колена промеж ног. От шока, губы мальчика, которые вообще отродясь не имели никакого контура, расплылись по всему лицу Эдди, и тот со скрипом рухнул на пол, схватившись за пах.

— Придурок! — брезгливо фыркнула девочка и, переступив через Редмэйна, подошла к парте Тома. — А ты що? Почему сам не постоял за себя? — изумленно уставилась она на него.

— Ээээм… — завис Том, уставившись ей в глаза и никак не мог понять, что с ними за прикол такой! Какого они цвета? То ли зеленого, то ли голубого, то ли непонятно вообще какого. Ну, а если быть более точным, то один глаз девочки был зеленым, а второй голубым.

— Не занято? — указала она пальцем на стул, на котором восседал портфель Тома.

— Да нет, садись, — растерянно промямлил Харди, убирая свое барахло.

— Ох и ох! Смотрите, кто-то с ним сел! — приметил эту картину Эдди и, хоть ему было и невообразимо больно, и он продолжал корчиться на полу, но упустить момент погнобить Тома — такую роскошь он себе позволить не мог. — Ты бы аккуратнее! Наша маска ВИЧ-инфицирована! Рискуешь заразиться и ты! — отжег он неимоверную глупость, обращаясь уже к новенькой.

— Да що ты такой болтливый я не пойму?! — выпалила девочка, схватила с рядом стоящего стеллажа книгу и кинула в голову Редмэйна. — Отвали от него!

Том обескураженно наблюдал за этой картиной даже и не зная, как повести в такой неординарной ситуации. Поэтому, он не придумал ничего лучше, чем раскрыть тетрадку и написать на первом листке сегодняшнюю дату.

— Так, ну что тут происходит опять?! — важно зашла в класс Снежана Денисовна, управляемая униженным кукловодом Сергеем Юрьевичем.
— Редмэйн, что разлегся! Быстро встал и сел за парту! Каникулы закончились!

— О, Снежана Денисовна! Сергей Юрьевич! — подпрыгнул с места принц Гарри. — Как же я рад снова видеть вас! Хотите расскажу, как провел лето?
— говорил он басовым голосом, вывалив изо рта язык.

— Сядь на место! — раздраженно рявкнула Снежана. — Иначе расскажу всему классу о том, как провел лето твой отец! Хотя… Нет, не расскажу, иначе мне придется отдавать обратно мой новый Ягуар! — стрельнула она неживым взглядом на Тома, как бы намекая на то, что его семья замешана во всей этой истории не меньше ее самой. — Так, а это у нас кто еще такая?! — рявкнула она, указав тряпичной рукой в сторону новенькой девочки.

— Сне… — хотел перебить свое альтер-эго Сергей, но тут же получил по своей жесткой блонд-прическе кукольный подзатыльник.

— Молчи! Я тут главная! — рявкнула Снежана и вновь посмотрела на девочку, поправляя жабо на своем платье. — Новенькая что ли? А ну-ка, встань и представься!

— Меня зовут Мила Кунис! — приветливо заговорила девочка, встав со стула.
— Мои родители мигрировали в Англию из Украины в прошлом месяце…

— Кем работают твои родители? — перебила ее Снежана Денисовна, усевшись за учительский стол, Сергей же Гаррисон покорно залез под него.

— Мой папа — банкир, а мама — домохозяйка… — начала было Мила, но вновь была перебита.

— Банкир — это хорошо… Хорошооо… — сделала в своем личном фетровом дневнике какие-то пометки кукла Снежана. — Садись, Мила, никому больше не интересно, что ты расскажешь еще… Итак, дети, первый учебный день я хотела бы начать с просмотра новой картины Эндрю Бергмана — «Стриптиз», в главной роли с Деми Мур, — из-под стола вылезла рука Сергея Юрьевича, взяла пульт и включила телевизор, который уже стоял перед доской. — Так, правила остаются теми же — все молча смотрят фильм, а я отсыпаюсь после тяжелой ночи! Один лишний звук — выгоняю за дверь. Все ясно? — обвела она уничтожающе-ненастоящим взглядом класс. — Ну, и славно… Так, Харди! Для тебя правила тоже остаются прежними! Думаешь, я забыла, как в девяносто первом, твой отец не скинулся на этот телевизор, а?

Том недовольно подкатил глаза, поднялся со стула, повернул его и уселся спиной к доске.

— А теперь все скажем огромное спасибо Тому за то, что в нашем классе до сих пор стоит эта рухлядь, — обратилась к классу кукла, махнув плюшевой ручкой в сторону телевизора. — Ведь пока мистер Уокен не приедет сюда и лично не извинится передо мной за тот инцидент, его сын не будет смотреть здесь телевизор! И новый покупать мы тоже не будем, ведь тогда его отец скинется, и я буду не в праве запретить смотреть его Тому!

— Спасибо, Тооом… — устало протянули дети, которым, порядком, настопиздила эта история, длящаяся уже пятый год.

Сергей Гаррисон включил видеомагнитофон и на экране телевизора появилась заставка фильма.

— Эй, — пихнула Тома в плечо Мила, спустя пару минут.

Мальчик повернулся к ней и увидел, что та протягивает ему зеркальце. Харди вопросительно нахмурился.

— Открой его и направь в сторону телевизора, — пояснила Мила. — Тогда тоже сможешь посмотреть кино.

— Спасибо, — меланхолично протянул Том и взял зеркальце. — И еще спасибо, что вступилась за меня…

— Ой, да пустяки! — хрипло засмеялась Мила. — Терпеть не могу таких задир, как этот пацан!

— Ну я понял… Понял… — усмехнулся мальчик.

— Так, Харди, это ты там сидишь стонешь? Думал, я не услышу твой скрежет?! — заорала на весь класс Снежана-плюш. — Но, для тебя правила такие же, как и для всех! Так что быстро встал и вышел за дверь! Живо!

Том в который раз подкатил глаза, но решил не спорить с этой глупой куклой, чтобы не давать ей повода облить себя говном. Он встал и начал собирать свои манатки.

— Що? Но он ни в чем не виноват, — вступила в кукольную перепалку Мила. — Это я его отвлекла! Из-за меня он заговорил! Так що выгонять его и не за что!

— Так, Кунис! Хоть ты и новенькая, но свои правила я озвучила! — раздраженно поправила проволочные очки на своем крохотном шарике-носе Снежана Гаррисон. — Так что встала и вышла из класса!

— Но… — возмутилась девочка.

— Просто забей… — жестом ладони остановил ее Том. — Пошли…

Мила лишь пожала плечами и также стала собирать вещи.

Мальчик и девочка вышли за дверь, и Том молча побрел куда-то в сторону.

— Куда это ты собрался? — остановила она его, схватив за плечо и повернув к себе. — Так-то нас с тобой вдвоем выгнали, между прочим, вина в этом больше твоя, чем моя!

— Моя? — превратился в несправедливо обвиненную сову Том.

— Ой, да какая разница чья! — отмахнулась Мила. — Выгнали да выгнали! Вот, если честно, я есть хочу. Где тут у вас столовая, покажешь?

— Ну хорошо, пошли, — развернулся Том и вновь бестолково зашагал. — Я угощаю. Все же ты заступилась за меня сегодня, должен же я тебя хоть как-то отблагодарить.

— Давай, — хрипло воскликнула Мила и поспешила за Томом. — Может, пока расскажешь, що это вообще за фишка с куклой такая? Зачем мистер Гаррисон этим занимается?

— Это не фишка, — усмехнулся Том. — Это, якобы, его методика обучения. Но мое мнение — он просто психически больной человек. Когда я пришел в эту школу впервые, то с нами учился мальчик, намного старше нас. Эван МакГрегор его звали. Ну, так вот, во время переклички… — затянул историю мальчик, двигаясь в сторону крыла, где находилась школьная столовая.

Девочке же не особо была интересна эта история, ведь куда больше хотелось узнать, что за странную конструкцию носит на лице Том. Но Мила посчитала, что пока данный вопрос будет бестактным с ее стороны, поэтому решила отложить его на потом.

Вот так вот и познакомились Мила и Том. С самого первого дня, сам не замечая того, мальчик стал сдруживаться с девочкой-хохлушкой. Ему было легко с ней, ведь Кунис в общении походила больше на мальчика, чем на девочку, поэтому не имела абсолютно никаких бабьих заморочек, о которых так много узнал за последнее время Харди, прочитав многое из русской классики. Так и началась их дружба с Кунис. Все школьное время ребята проводили вместе, сидя не только за одной партой, но и постоянно болтая на переменах о всяких глупостях. После окончания занятий, Том, будучи воспитанный юнцом, провожал Милу до дома. Порой, их пытался отсечь Эдди, но увы и ах — ему никак не удавалось справиться с девчонкой, поэтому каждый раз мальчик оставался в проигрыше. Конечно же, Том не почувствовал в Миле «своего» человека, как, собственно говоря, и в Стивене, но других вариантов друзей у него не было, поэтому он решил держаться хотя бы за этих двоих. Правильно, пацан, все

лучше, чем в одиночку!

Как-то в ноябре, Тому и Миле дали один научный проект на двоих. Харди постеснялся приглашать к себе девочку, поэтому ребята корпели над своим проектом в доме семьи Кунис.

И вот, в один из таких вечеров, возвращаясь к себе домой, Том трижды услышал из-за соседского забора свое имя.

— О, привет, Стивен, — поприветствовал он изумительного мальчишку.

— Что-то ты сегодня опять поздно со школы идешь, — вышел из-за калитки Джеррард. — Опять у этой своей Милы был?

— Ну да, делали уроки, — беззаботно пожал плечами Том.

— Какие у нее дела? — продолжил расспрос Стивен, усаживаясь на трухлявый пень своего деда. — Слушай, а мне вот интересно, когда ты уже нас с ней познакомишь? Просто, как-то странно… Я твой друг, она тоже твой друг, но вот отчего-то познакомить ты нас не хочешь… Непонятно…

— Нууу… — замялся Харди. — Как-нибудь да познакомлю… Когда будет время… Ээээм… Не знаю….

— Ну, хорошо, — хлопнул в ладоши Джеррард. — А она, это, симпатичная хоть? Ну, это я так, как бы между прочим узнать.

— Нууу… Я не знаю… Она… Она же просто мой друг, — продолжил тупить Том. — Я не могу оценивать ее объективно…

— Да она тебе самому либо нравится?! — усмехнулся Стивен, упав с пенька и трижды порвав о его трухлявый корень куртку.

— Что? Нет, конечно! — возмущенно воскликнул Том, охуевше уставившись на друга.

— Ну, а тогда в чем проблема? — трижды не понял нихуя Стивен.
— Познакомь меня с ней! Сам же знаешь — в моей школе учатся лишь парни, так что девочек я мало где вижу. А эта может окажется прикольной, а там, глядишь, ты нас с ней познакомишь и может что-то и закрутится… — игриво подрыгал плечами он.

Отчего-то, слова друга так взбесили Тома, что ему незамедлительно захотелось надерзить Стивену, а может даже и прыснуть в его изумительные глаза перцовым баллончиком.

«Послушай, Том, какого это хуя?! С чего это ты так взбесился? А может быть из-за того, что эта Мила и впрямь тебе нравится, как сказал об этом Стивен? Что?! Нет! Даже и думать про это забудь! Тебе ни к чему все эти глупости!» — подумал мальчик и без какого-либо объяснения побежал в свое поместье.

— Эй, что с тобой?! — охуел от таких выходок Джеррард, поправив на голове белую песцовую шапку с огромным помпоном.

Том, разочаровавшись сам в себе за то, что, скорее всего, вляпался в новое для него чувство, под названием «симпатия», побежал в библиотеку, дабы как-то себя отвлечь, забыться и не допустить накрутки самого себя до состояния «влюбленности». Он схватил с полки произведение Тургенева — «Вишневые воды» и решил перечитать его в пятый раз. Почему? Да потому, что Тому нравилась эта повесть! Она напоминала ему сладкую сдобную булочку, политую карамельным сиропом. Но вот начинкой ее был — горький шоколад, что вдвойне нравилось мальчику-меланхолику!

Глава 30: Урок

24 декабря 1996 года.

Том вошел в столовую, где был накрыт огромный десятиметровый стол, ломившийся от множества разнообразных блюд. В углу стояла праздная ель, украшенная красными бантами, стеклянными шарами, золотыми бусами и свечами. Во главе стола сидел Кристофер в рождественской шляпе. Слева от него Мелисса.

— Зачем такой гигантский стол? — спросил Том, усаживаясь справа от отца. — Разве мы кого-то ждем?

— Этот стол по традиции мы накрываем на каждое торжество, — пояснил за мебель мистер Уокен. — Его выстругал еще Том Харди I, и он передается из поколения в поколение, как знак сохранения семейных заветов.

— Понятно, — ухмыльнулся мальчик. — Слушай, пап… Я хотел спросить еще утром, но решил, что у нас будет чисто семейный ужин, поэтому не стал… Но раз с нами и Мел, да и уже накрыт такой стол, то я подумал — что если, к нам придет мой друг?

Повисла неловкая пауза. Кристофер уставился на сына пустым и не на шутку уставшим взглядом, пытаясь переварить слова Тома, да и вообще понять, что тот от него хочет.

— Конечно, Томас! Конечно! О чем речь? — радостно закудахтал мистер Уокен, спустя пять минут. — Наш дом всегда открыт в тысячу дверей! Друзьям всегда здесь рады!

— А что за друг? — прищурилась Мелисса, накладывая себе жареной картошки. — Неужто этот твой Стиви?

— Нет, — коротко буркнул Том и опустил взгляд. — Из школы…

— Из школы, говоришь? — еще сильнее прищурилась нянька. — Ну, все понятно с тобой, маленький Казанова… — усмехнулась она, заталкивая себе в рот кусок жареной рыбы.

Мальчик залился краской и, поджав губы под маской, стрельнул на Мелиссу укоризненным взглядом.

— Ну, а что я такого сказала? — причавкивая, пожала плечами Маккарти. — Что, ты думаешь — Кристофер не заметит, что твой друг — девчонка? — полушепотом заговорила она, уставившись на мальчика.

— Я не хочу сейчас лишних расспросов, а при ней он не будет этого делать, — механически забормотал Том.

Надо сказать, мистер Уокен и вовсе не обращал внимания на эти перешептывания, ведь хихикал, представляя в своей прокуренной голове, как загораетсся праздная рождественская елка.

— Ну, и где твой друг? — нетерпеливо спросил Кристофер через минуту. — Когда он уже придет? Какой-то непунктуальный мальчишка!

Том обменялся взглядами с Мелиссой, а в это время дверь в столовую распахнулась и внутрь зашел дворецкий. Он сообщил, что прибыл гость, и спросил приглашать ли его к столу. Мальчик же вскочил из-за стола и рванул из столовой, сбив бедолагу дворецкого с ног. Через пару минут он вернулся обратно.

— Папа, Мелисса, познакомьтесь, это — Мила, — отступив на шаг в сторону, впустил он внутрь одноклассницу.

— Доброго вечера! — улыбнулась девочка, помахав рукой. — С наступающим Рождеством…

Кристофер, увидев Кунис, от шока потерял дар речи, а вместе с ним и свою шляпу. Ведь он так сильно открыл рот, запрокинув голову, что головной убор слетел с его макушки и укатился, то ли под стол, то ли под елку, то ли под

упавшего у двери дворецкого, то ли и вовсе незнамо куда.

— Томас! Ну надо же! — поднялся со стула мистер Уокен. — Ты привел на ужин в честь Сочельника девочку! Матерь Божья! Да это Рождество может стать для меня самым лучшим за последние годы! — потрепал он одной рукой сына по голове, а вторую протянул Миле, которая уже подошла к столу.

— Пап, хватит… Я просто привел друга, что тут такого? — процедил сквозь маску Том.

— Томас, ты бы лучше не болтал, а проявил хорошие манеры, — осуждающе помотал головой Кристофер и отодвинул стул, предлагая Миле присоединиться к ужину.

Девочка села за стол и, не стесняясь, принялась накладывать себе угощения в тарелку.

— Ох, все такое аппетитное… — улыбнулась она, наколов на вилку кусок индейки. — У нас в Украине совсем не так празднуют Рождество. У нас больше в почете Новый Год…

— А вы из Украины? — заинтересовано спросил Кристофер, наливая девочке тыквенный сок.

— Да, мы с семьей жили в Киеве… — начала беззаботно рассказывать Мила.

Мелисса пихнула Тома под столом ногой и, когда мальчик поднял на нее взгляд, подмигнула.

— Ох, какой же славный вечерок сегодня, — откинулся на спинку стула мистер Уокен, спустя час чревоугодия, сопровождающегося непринужденной беседой.

В основном разговаривала Мила, рассказывая всякие байки о своей родине, семье и друзьях, которые остались в Киеве. Кристофер кивал и задавал всякие дурацкие вопросы. Мелисса поддерживала болтовню и своими историями. Том же молчал, как дурак, и уже пожалел, что вообще затеял пригласить Кунис на ужин, ведь и сам не знал, чего хотел этим добиться.

— Думаю, стоит немного растрястись, — встал из-за стола мистер Уокен и пошел к граммофону, на котором, к слову, и нашел свою утерянную шляпу. Он взял ее и ловко подбросил в воздухе так, что она приземлилась ему прямо на макушку. — Музыка будет, как нельзя кстати… — обернулся Кристофер к столу и поставил пластинку.

Из граммофона по столовой разнеслись мелодичные аккорды, которые Том сразу же узнал. Это был вальс!

— О, нет! Только не это! — взвыл он, закрыв лицо руками.

— Томас, ну же! Время танцев! — подошел к нему отец, похлопав по плечу и как бы на что-то намекая.

— Как-то не очень хочется… — промямлил мальчик и стал набивать рот тортом.

— Томас, отговорки не принимаются, — строго сказал Кристофер и убрал тарелку подальше от сына.

— Крис, вальс — не самая лучшая идея, — поспешила прийти на помощь Тому Мелисса, поняв по его виду, что он готов сквозь землю провалиться. — Давайте лучше что-нибудь более энергичное. Вальс уже давно устарел, не думаю, что это то, что интересно молодежи.

— Вальс не может устареть! Он вне времени! — не унимался мистер Уокен, капризно топая ботинками по паркету.

— Не обращай внимания на него… — зашептал Том Миле, слегка наклонившись вперед. — Он у меня немного того… — покрутил он пальцем у виска, а Кристофер прибавил громкости на граммофоне.

— Да забей, Том, — махнула рукой Кунис и с ухмылкой уставилась на мистера Уокена.

— Ох, Томас, Томас, — осуждающе постучал пальцем по столу Кристофер. — Ничего-то ты не понимаешь… Тебе еще учиться и учиться! Разрешите вас пригласить, мисс… — протянул он руку Миле, согнувшись в поклоне.

— С удовольствием, сэр! — хрипло воскликнула девочка и положила ладонь в морщинистую руку Уокена.

Том и вовсе ошалел от такой картины. Ему стало неимоверно стыдно за отца, но при этом он удивился реакции Милы, которая не отказала старику-укурышу в танце. А может все же стоило самому ее пригласить, пацан? Батя-то говна не посоветует!

Кристофер и Мила закружились в танце, вальсируя вокруг стола. Лицо Тома пылало, и он мечтал, чтобы этот глупый Сочельник уже скорее закончился. Наконец, вдоволь натанцевавшись, мистер Уокен усадил девочку обратно за стол и сам плюхнулся на стул, тяжело дыша.

— Ох, спасибо за славный вечер, но мне пора, — сказала Мила, когда осушила бокал тыквенного сока до дна. — Меня ждут родители.

— Хочешь провожу тебя? — с надеждой в голосе спросил Том, ведь мечтал лишь об одном — побыстрее съебаться с этой блядской батиной вечеринки.

— Ну, разве що до выхода. До дома я доберусь сама — отец должен за мной приехать, — закинула себе в рот вишенку с торта Кунис и пошла к дверям столовой. — Было очень приятно познакомиться. Мелисса, мистер Уокен… — поочередно кивнула она головой в знак прощания и вышла в холл.

Том последовал за ней.

— Прости еще раз за отца, — затараторил мальчик. — Он у меня с причудами. Могла бы и отказаться танцевать с ним этот дурацкий вальс, он бы не обиделся.

— А мне понравилось. Мог бы и сам меня пригласить — я бы не отказала и тебе, — подмигнула Мила, наматывая на шею шарф. — А папка твой — классный мужик! — похлопала она друга по плечу, натянула на голову синюю шапку с помпоном и выскочила из дома.

— Счастливого Рождества! — промямлил Том ей в след, забившись в агонии неожиданной порции флирта.

Через пару минут мальчик вернулся в столовую с намерением пожелать отцу и Мелиссе «спокойной ночи», но от увиденного там охуел хлеще прежнего. У дальней стены стояла учебная доска, на которой были прикреплены какие-то плакаты.

— Томас, — жестом пригласил сына сесть вновь за стол Кристофер. — Семейный совет…

— Какой еще совет, пап? — подкатил глаза Том, но за стол сел. — Это все к чему? — обвел он рукой плакаты, где были нарисованы мальчик и девочка в разрезе.

— Я пыталась его отговорить, — извинительно улыбнулась Мелисса.

— Итак, сын мой, настала пора поговорить о взаимоотношения полов, — начал свою лекцию мистер Уокен, достав из-под подола пальто указку.

— Чего? — охуел хлеще некуда Том, приподняв шрамированную бровь по самый «небалуй».

— Сейчас мы поговорим с тобой о… Сексе, — выпалил Кристофер, расплывшись в интригующей улыбки.

— Пааап… — обреченно протянул мальчик, покраснев до состояния жухлого томата и не желая говорить с отцом на подобные темы. — Не надо… У нас был подобный урок в школе… Я и так представляю…

— Ничего-то ты не представляешь, дорогой мой сын, — перебил его Кристофер. — В школе, я уверен, вам просто констатировали сухие факты. Но! Я, как твой отец, расскажу тебе все! Итак, слушай… — развернулся к плакатам мистер Уокен.

Целых десять минут он очень красочно рассказывал о половых органах мужчин и женщин с точки зрения анатомии, не забывая подкреплять свои байки демонстрацией рисунков с плакатов. Эти минуты длились для Тома вечностью! Мальчик готов был провалиться под землю, дабы не видеть и не слышать всего этого, но обижать отца тоже не хотелось, поэтому он молча сидел и слушал, то и дело вздыхая и подкатывая глаза.

— А теперь перейдем к главному, — хлопнул в ладоши Кристофер и перевернул плакат, на котором были изображены сношающиеся мужчина и женщина. — Что же такое половой акт? А это, Томас, физическая близость между мужчиной и женщиной, во время которой пенис проникает во влагалище, совершая поступательные движения. Это похоже на движения поршня внутри шприца, — достал он из-за полей шляпы одноразовый шприц и задвигал им туда-сюда. — Так наглядно? Понимаешь? — устало уставился он на сына, тот коротко кивнул в ответ, громко цокнув. — Ну, а в эпическом финале полового акта происходит что? Правильно — семяизвержение, — подошел он к столу и набрал в шприц немного сливочного соуса. — Это когда из члена вылетает сперма, — нажал он на поршень и выпустил соус в сторону сына.

— Эй! — возмутился Том, вытирая с маски противную сливочную жижу.

— Сперма — это вязкая липкая масса беловатого цвета, с резким запахом, — никак не унимался Кристофер. — При попадании на одежду или постельное белье оставляет пятна, которые достаточно проблематично отмыть. Ну, а теперь, самое время мне рассказать тебе, Томас, откуда же берутся дети. Все что ты знал раньше об аисте, капусте и прочей ерунде — забудь! Сейчас ты узнаешь всю правду!

И мистер Уокен затянул шарманку о таинстве зачатия и рождении ребенка с точки зрения биологии.

— А теперь перейдем к беременности, Томас, — перевернул плакат Кристофер, демонстрируя картинку с женщиной, в животе у которой находился ребенок. — Вынашивать ребенка целых девять месяцев — адский труд! Беременную женщину часто тошнит, у нее отекают ноги, секутся волосы, а на последних месяцах ей и вовсе тяжело дышать и неудобно спать. Запомни раз и навсегда — рожать — больно. За все это следует уважать женщин, сынок. Ибо для того, чтобы стерпеть все это — должна быть железная выдержка! Итак… Что же происходит дальше? После родов у женщины изменяется фигура: мышцы живота уже не такие упругие, появляются лишние килограммы, на коже бедер — растяжки. После кормления ребенка — грудь может изменить форму и обвиснуть… — порол хуйню укуренный до неузнаваемости мужчина, демонстрируя новые плакаты с изображением Елизаветы II до и после родов.

— Крис, я думаю, достаточно, — постаралась перебить его Мелисса, но мистера Уокена, кажется, не смог бы остановить уже никто!

Еще минут десять мужчина рассказывал про нежелательные беременности и аборты, подкрепляя свои рассказы все новыми и новыми плакатами — один хлеще другого.

— А теперь давайте немного порассуждаем, — сказал Кристофер, усаживаясь за стол и подкуривая косячок. — О сексе и любви. Можно ли поставить между этими словами знак равенства?

— Нет, — высказала свое экспертное мнение Мелисса. — Ибо люди могут заниматься сексом и без любви…

— Ложь! — перебил ее неугомонный Кристофер, ударив ладонью по столу. — Секс без чувств — хуйня! — взорвался он, посмотрев на сына хоть и усталым, но уничтожающим взглядом. — Запомни это, Томас! Наслаждение от секса можно получить лишь только тогда, когда он происходит с любимым и приятным тебе человеком! А без чувств — это уже ерунда какая-то! Как-то это по-звериному! Мы же с вами не животные, в конце-то концов!

— Ну, Крис, ну, я с тобой полностью не согласна! — скрестила руки на груди Маккарти. — Это физиология! И что же, по твоим словам, нужно делать Тому?

— Что-что?! Искать ту самую единственную, — развел руками мистер Уокен. — Что ж еще? Вот найдет он девочку, значит, потом должен пригласить ее на танцы, потом жениться, а уж потом — секс. После которого должно обязательно последовать зачатие…

— Да что за бред?! — вновь перебила его пышка. — Ну, и что же будет, последуй он твоему плану? А?! — выхватила она из рук мужчины косяк и возмутительно затянулась. — Что, женится он, заделает ребенка, а потом что? Пойдет в разгул по бабам?

— Но-но-но! — снял с головы шляпу Кристофер и помотал ею перед носом-пятачком няньки. — Не надо тут этого! В семье Харди не было ни одного изменника! Все мужчины в нашем роду верны!

— Не слушай его, Том, — похлопала Мелисса по плечу мальчика. — Сначала тебе нужно нагуляться, а уж потом и думать о серьезном. Понимаешь?

— Угу, — буркнул Том, бьясь в агонии полового созревания.

— Не слушай ее! — хлопнул сына по носу шляпой Кристофер. — Ты должен найти свою любовь, пригласить на танцы, жениться и зачать ребенка, дабы продолжить наш род! Ибо ты — последний! На тебя одного вся надежда! Ты понял?

— Я понял… Понял… — нихуя не понял мальчик, прибывая в состоянии «испанского стыда» за своего отца и его пламенные речи.

— Славно! — самодовольно улыбнулся мистер Уокен. — Ну, а если вдруг случиться так, что до того, как ты встретишь любимую женщину, ты все же поддашься пьянящему желанию интимной близости, то запомни — обязательно предохраняйся. Не важно каким методом, но предохраняйся! А вот уж с той, кого полюбишь — этого делать не надо. Ибо ты последний в роду, Томас, и не имеешь права прерывать его! И уж постарайся сделать все это пока я жив, сынок. Очень бы мне хотелось понянчиться с Томом Харди IX, — смахнул он со щеки одинокую усталую слезу.

— Да что за глупые предрассудки такие? — продолжала возмущаться толстуха. — Что ты мелишь, Крис?

— Тебе не понять, — отмахнулся от женщины мистер Уокен. — Ах, вот еще что забыл рассказать, — бодро подскочил со стула он и вновь устремился к доске, не забыв взять в руки указку. — Половой акт между мужчиной и женщиной — это хорошо, это — правильно. Половой акт между мужчиной и мужчиной — неправильно. Между женщиной и женщиной — тоже неправильно, — перевернул он плакат, продемонстрировав сразу два рисунка. На одном из них один мужчина в разрезе сосал у другого мужчины в разрезе, на втором же — женщина в разрезе страпонила другую женщину в разрезе. — Если мужчина сношается с двумя женщинами — неправильно. Та же ситуация, если женщина сношается с двумя мужчинами, — перевернул он на следующий плакат с соответствующими картинками.

— Ебааать… — механически выдавил из себя Том. Его все еще детский неокрепший мозг, который к тому же еще и был психически не здоров, незамедлительно сохранил эти изображения на подкорку с пометкой «неправильно».

— Ну, кажется, теперь я рассказал все! — задвинул указку мистер Уокен, превратив ее в ручку. — Теперь ты готов ко взрослой жизни, Томас, иди, я обниму тебя! — расставил он руки в стороны.

Том лишь подкатил глаза, поджал губы, но встал с места и обнял отца, дабы тот скорее от него отъебался и закончил эту глупую болтовню.

— Ну пиздец, — укоризненно помотала головой Мелисса, затушив окурок косяка о днище шляпы мистера Уокена, которую тот вновь успел обронить и

проебать.

Глава 31: Признание

День сменялся днем, месяц — месяцем, а жизнь Тома все оставалась такой же скучной и однообразной. Он продолжал дружить со своим соседом Стивеном, а также с одноклассницей Милой. Хоть вторая достаточно часто непринужденно флиртовала с Томом, парень никак не мог пересилить себя и сделать первый шаг, дабы показать девушке, что та ему нравится. Двух своих единственных друзей Том так и не соизволил познакомить друг с другом, постоянно отбрехиваясь, что перед одним, что перед вторым.

В конце февраля 1998 года Стивен Джеррард пригласил Тома на свое пятнадцатилетие. Харди же, будучи дураком, с какого-то хуя решил, что просто обязан прийти туда вместе с Милой. Да и взял и пригласил ее туда с дуру ума. Девушка, конечно же, согласилась. И вот тут-то Том и засомневался в правильности своего выбора. Зачем он это делает? А вдруг оба его друга подружатся между собой, а его самого сольют? А вдруг Стивен и вовсе начнет подкатывать к Миле, а та будет и не против, а сам же Том окажется за бортом. Все эти мысли не на шутку тревожили Тома. Но, кажется, обратного пути уже не было, ведь включить обратную и прослыть в глазах Милы долбоебом тоже не хотелось. Так он и пробился в агонии сомнений до дня рождения Стивена.

В ночь со второго на третье марта Том Харди спал тревожным сном, то и дело ворочаясь в кровати и бурча что-то невнятное под нос.

«Том сидит за партой в школьном классе и что-то пишет в тетради убористым почерком.

— Так, Харди, к доске! — слышит он писклявый голос Снежаны Денисовны. — Выйди и реши уравнение, которое написал нам наш покорный слуга! — шлепает она плюш-рукой по голове Сергея Гаррисона.

Том встает с места и направляется к доске. Приближаясь, он видит перед собой тригонометрическое уравнение. Значит, проблем с решением никаких не будет — у Тома с алгеброй все отлично. Но что происходит? Ах! Каким-то невероятным образом буквы и цифры в уравнение начинают видоизменятся, и вот Том уже стоит перед доской, на которой написано незнамо что!

Несмотря на это, он берет в руки мел и залипает на уравнение. Проходит несколько минут, но Том не делает нихуя. Тут за его спиной, там и тут, начинают раздаваться смешки и веселое перешептывание.

Том медленно разворачивается к классу. За первой партой сидят Мила и Стивен, перешептываясь между собой флиртующим щебетанием.

— Эй, неужели ты не знаешь, как это решить? — спрашивает Кунис у Тома, заметив, что тот уставился на них. — Ну дураку же понятно, как решается этот легкий пример!

— Дааа… Не думал, что ты такой глупый, Том, — трижды вякает Стивен, поправляя на голове каракулевую шляпку. — И зачем я только дружу с таким идиотом?

— Что встал пнем? Решай давай! Или ты не знаешь — как?! — рявкает на Тома Снежана Денисовна.

— Я… Ээээм… — мнется Харди, переминаясь с ноги на ногу и почесывая нос меловой рукой, от чего все его ебало моментально становиться белым.

— Глянь, какой он чумазый! — хрипло хохочет Мила, пихнув в бок Джеррарда.

Стивен заливается истерическим смехом и трижды падает со стула.

Ладони Тома начинают не на шутку потеть, и он нервно шныряет взглядом с одноклассника на одноклассника, ища помощи хотя бы от кого-то. Но все то и дело хохочут над ним, тыкая в мальчика пальцами.

— Т-т-т… Томас, Томас, — слышит он до боли знакомый женский голос с боку и поворачивается на него.

На руке Сергея Гаррисона надета кукла уже никакой не Снежаны Денисовны. Теперь это плюшевая миниатюра небезызвестной Мэрил Стрип.

— А я же говорила! Говорила, что никто и никогда не захочет дружить с таким плоским, бестолковым пидерастом, как ты! — укоризненно говорит она, поправляя пышные проволочные брови плюшевым пальцем, предварительно смоченным во рту Сергея.

— Ах, смотрите, он еще и голый! — отвлекает Тома от куклы-матери квадратный голос Уэйна Руни.

Парень незамедлительно смотрит на себя и не обнаруживает на себе школьной формы. От шока перед глазами все начинает плыть, а в ушах смех одноклассников превращается в неразборчивый гул».

Том проснулся в холодном поту и забился в агонии приснившегося сна. Пацан, ну чтоб такие сны не снились — нужно думать о чем-то позитивном! Твой мозг сам проецирует во сне то, чего ты боишься в реальной жизни! Хватит уже накручивать себя! Что говоришь, этот сон подбавил тебе тревоги перед сегодняшним вечером? Такой ты кончено, дурачок! Впредь, чтобы не снилась подобная лабуда, вздрочни перед сном! Ой, вот только не надо тут твоих «ля-ля»! Знамо, чем ты занимаешься в ванной комнате, когда ходишь туда порой по два раза в день!

Том медленно встал с кровати и попытался взять себя в руки, то и дело успокаивая и убеждая в правильности сделанного выбора. После завтрака и «утреннего душа», парень забыл о приснившемся под утро сне и решил скоротать день за вторым томом «Войны и мира».

Ближе к вечеру Том принарядился и вышел из поместья, не забыв прихватить с собой подарок для своего друга Стивена — футбольный мяч с автографами актуальных игроков сборной Англии, а также автографом Елизаветы II и ее младшего внука Гарри. Как только Харди вышел за кованые ворота, перед его носом остановилась машина и из нее вышла Мила.

— Заедь за мной в десять, пап! — хрипло хохотнула она, закрывая за собой дверь. — Привет, Том! — бодро подошла она к парню и толкнула его в плечо. — Классная футболка!

— Ээээм… Спасибо, — замялся он. — А у тебя это… Туфли классные, — пизданул он хуйню, дабы показаться милым.

Повисла неловкая пауза, ибо на Кунис были ковбойские сапоги.

— Ну что, пошли? — перевела тему Мила и взяла Тома под локоть.

Харди, забившись в агонии провального флирта, медленно повел девушку в сторону соседского дома. Когда ребята подошли к входной двери, Том неуверенно постучал.

— Оу, — присвистнул Джеррард, трижды распахнув и захлопнув перед гостями дверь.

— С днем рождения, Стивен! Будем знакомы — Мила, — протянула девушка руку имениннику.

— Стивен, — хитро прищурился Джеррард и скрепил знакомство рукопожатием, подмигнув при этом Тому. — Неужели ты нас познакомил, спустя столько времени!

— С днем рождения, — подкатил глаза Харди и пихнул в руки друга мяч.

— Ваааау! Это ж автограф самой Елизаветы! Круто, спасибо, Том! — обнял его Стивен. — Ну, ладно, давайте заходите, чувствуйте себя как дома, — отошел он назад, пропуская ребят пройти в дом.

Когда Том оказался в гостиной, то стал чувствовать себя в пять раз

некомфортнее прежнего. Основную массу гостей составляли соклубники Джеррарда, среди которых оказался и Уэйн Руни. Также на этом празднике жизни присутствовали и девушки, которые были явно старше всех остальных по возрасту и явно пришли сюда только для того, чтобы выпить на халяву, а может даже и пожариться с кем-нибудь из молоденьких спортсменов.

— Пива? — подал новоприбывшем по бутылке «пенного» Стивен.

— Конечно, — коротко кивнула Мила.

— Спасибо, — буркнул Том, взяв пиво.

К слову, парень был совершенно не намерен его пить. Нет, конечно же, алкоголь он уже пробовал — Кристофер вот уже как год наливал сыну немного дорого вина на всякого рода праздниках, а иногда и за ужином, при этом не забывая обучать Тома искусству сомелье. А почему же тогда не хочешь пить сегодня, дружок? Говоришь, боишься, что тебя вшторит и ты будешь некорректно себя вести? Глупые отмазы! Так и скажи, что чувствуешь себя в этой компании забито и не хочешь снимать с лица маску, идиот!

— Ну, что ж, ребят, моего деда не будет до одиннадцати вечера, — хлопнул в ладоши Стивен, обращаясь к гостям. — Будем развлекаться?

— Юхууу! — бестолково вскрикнул Руни и незамедлительно включил на аудиосистеме трек еще живого Тупака — «California Love», не забыв накрутить громкости на максимум.

От подобных нигерских песнопений Тому стало еще более неуютно! Текст песни незамедлительно напомнил парню, что тот наполовину является американцем. Из этих мыслей вытекли воспоминания о матери, а уж затем и ее речи о том, что никто и никогда не станет дружить с Томом. Парень психанул, поставил непочатую бутылку пива на комод и плюхнулся на диван, раздраженно скрестив руки на груди и положив ногу на ногу.

Так он просидел около часа, безучастно наблюдая за вечеринкой. Точнее сказать, наблюдал он за Милой и Стиви, которые, казалось, и не вспоминали о присутствии Тома, а беззаботно проводили время. Кунис уже влилась в компанию и поболтала с доброй половиной гостей, будто знала каждого из них давным-давно. Стиви же ходил за ней по пятам, знакомя девушку со своими друзьями-футболистами, словно та была его подругой, а не Тома. Парня это не на шутку выбило из колеи, он то и дело хотел подойти к ним и высказать, что думает по этому поводу, но оттого, что являлся он, как известно, слабохарактерным рохлей, сделать он этого, очевидно, не мог. Поэтому продолжал сидеть на месте, как самый настоящий пенек, и злиться на всех вокруг, в том числе и на самого себя.

— Ну что ты тут завис? — плюхнулась с ним рядом на диван Мила, открыла его пиво и сделала глоток. — Вечеринка — огонь! Все такие веселые, а эти бестолковые футболисты — ну просто умора!

— Угу, — лишь буркнул в маску Том, насупившись и уставившись перед собой.

— Кстати, зацени вон тут девчонку, — пихнула его в бок Кунис и указала пальцем на противоположный конец комнаты. — Та, что брюнетка. Как тебе?

— Не знаю, мне все равно, — недовольно процедил Харди, нервно дрыгая ногой и бросив украдкой взгляд на пышногрудую девицу с темными волосами.

— А, по-моему, огонь! — томно прохрипела Мила, прищурившись и закусив губу.

— Слушай, я не собираюсь к ней подходить и знакомиться, если ты на это намекаешь, — раздраженно повернулся к Кунис Том. — Если ты хочешь меня сплавить, то могу тебя успокоить — я мешать не стану, ты можешь общаться тут с кем хочешь.

— Чего? — приподняла бровь Мила, отстранившись от Харди и обведя его

недоуменным взглядом. — Ты, вообще, о чем? Я тебе просто сказала, что девчонка классная. Она, и впрямь, классная. Ммм… — вновь уставилась она на брюнетку.

— Понятно… — кивнул Том, злобно задвигав желваками. — А как тебе Стиви? Мм?

— Ну… Тоже ничего такой… Забавный и симпатичный, вроде, — беззаботно пожала плечами Кунис, переведя взгляд на Джеррарда, трижды захлебнувшегося в этот момент пивом, которое пил из шланга, пока Руни держал его вверх тормашками.

— Ну так и иди к нему! — вспылил Том, подталкивая девушку с дивана. — Надо было давно вас с ним познакомить, глядишь — уже бы все у вас срослось!

— Да что ты несешь? — изумилась Мила. — Я тебя что-то не пойму! Чего ты психуешь? Ты меня сам сюда позвал, что мне сидеть и тухнуть тут вместе с тобой? Это же вечеринка! Ты бы сам лучше пошел и повеселился, а то сидишь, будто говна втрепал.

— Да что-то нихуя не весело, — рявкнул Том.

Кунис лишь непонимающе развела руки в стороны, требуя объяснений.

— Слушай, иди, я не хочу сейчас говорить, — отмахнулся Харди.

— Да в чем твоя проблема? Я тебя не понимаю! Можешь нормально сказать, а не кидать мне свои предъявы непонятно за что? — уже начала закипать и девушка.

Повисла неловкая пауза.

— Давай-ка отойдем, и ты мне все расскажешь, — взяла парня за руку Мила и потащила в сторону антикварной ширмы, на которой дед Фергюсон в свое время смог выплыть после крушения Титаника. К слову, на лайнере сэр Алекс работал юнгой.

— Ну, выкладывай, — поставила Кунис Тома напротив себя, когда они уединись за ширмой. — Что происходит?

— Ничего…

— Том! Хватит! — пихнула его в плечо Мила. — Говори!

Парень тяжело вздохнул, раздув щеки, и взялся обеими руками за голову. Сейчас он четко понял, что, возможно, это его не только единственный, но и последний шанс открыть свои чувства. Но он совершенно точно не был готов к этому. Том даже и слов не мог подобрать, ведь абсолютно не готовился ни к какому признанию, уж, по крайней мере, не сегодня. Поэтому в его голове судорожно начали всплывать цитаты многоуважаемого Льва Николаевича, ведь парень считал, что у того были мыслишки на любой случай жизни.

— Патриотизм есть рабство, — процитировал он первое пришедшее на ум высказывание Толстого. Ну пацан, ну что ж ты несешь? Знаешь, что еще говорил старый граф? «Часто молчание лучший из ответов». Лучше бы ты последовал этой мудрости, чем пиздил, что попало!

— Это ты к чему? — охуела Мила, заподозрив друга в наркомании.

— Прости… Я не то хотел сказать… — замямлил Том, забившись в агонии потерянного шанса выебнуться. — В общем, я не знаю, как сказать, — поднял он глаза к потолку. — Понимаешь, я тебя сюда как бы позвал, и я как бы думал, что мы с тобой, как бы вместе сюда пришли… А ты тусуешься со Стиви и его друзьями, и я не совсем понимаю, что происходит. Ээээм… Ну… Просто я решил, что мы с тобой… Ну как бы… Просто ты вроде заигрывала со мной, ну мне так казалось, поэтому я подумал, что мы…

— Стоп! Что? Ты решил, что мы с тобой типа пара? — хрипло засмеялась Мила. — Том, что за хуйня? Мы же друзья!

— Ну… Да, друзья… Но я думал… — никак не унимался парень и упорно продолжать мямлить.

— Послушай, это полная лажа — заводить отношения с друзьями, — поджала губы Кунис. — Зачем все портить?

— Не знаю… — бестолково пожал плечами Харди, шаркая ботинком по ковру.

— Я тебе отвечаю — это полнейшее дерьмо. Хорошим это не закончится. Мало того, что у нас ничего не получится, так еще и дружбу потеряем, — убедительным тоном объясняла девушка.

— Почему не получится? Я тебе не нравлюсь? — выпалил Том.

— Ты мой друг, — похлопала его по плечу Мила.

— Но ты не ответила на вопрос. Но и так ясно — я тебе не нравлюсь, — скорбно пробубнил парень. — Это все из-за маски? — помотал он ладонью у лица.

— Ээээм… Ну не знаю… Может и из-за нее отчасти. Ну просто понимаешь, у меня вот как это работает. Я вижу человека и сразу представляю, могла бы я с ним поцеловаться? И мне сразу становится все ясно. Ну, а ты в этой своей маске. Конечно, когда я тебя увидела, то и не могла подумать ни о каких поцелуях с тобой. Хотя я же знаю — ты симпатичный, а в этой маске ты выглядишь как-то… Ущербно… В общем, этот момент был проебан, и ты стал мне другом. Иначе я уже не могу, — тихо говорила Мила, глядя Тому в глаза.

— Ну я понял… Понял… — промычал Харди, не поднимая взгляд.

— Ты обижаешься? Ну прости, я не знала, что ты что-то испытываешь ко мне… — состроила брови домиком девушка.

— Да нет, я, наверно, просто ошибся, — пробормотал Том, мечтая, чтобы этот разговор закончился поскорее.

— Ну, Том… Прости еще раз… — взяла его за руку Мила и заглянула в глаза. — Я не хотела тебя обидеть, но и врать я тебе не хочу.

— Все, давай закроем эту тему. Я просто не так все понял. Все нормально, — одернул руку парень и поправил маску. — Иди, отдыхай… — махнул он головой в сторону центра комнаты, где веселье было в самом разгаре.

— Пошли тоже, повеселимся, будет круто, — вновь схватила его за руку Кунис и потащила из-за ширмы.

— Ага, я сейчас приду, — сопротивлялся Харди. — Сейчас только поссу и приду. А ты иди пока…

— Ладно, — вздохнула Мила, отпустила друга и поспешила в эпицентр вечеринки.

Том остался за ширмой в одиночестве. Он уперся спиной в стену и сполз по ней вниз, усевшись на корточки. Черт возьми, да на что он только рассчитывал, говоря все это? Каков глупец! Думал, что Мила ответит ему взаимностью! Так он просидел минут двадцать, погрузившись в эти мысли.

— Есть одна идея! — услышал он хриплый голос Кунис. — Давайте сыграем в «бутылочку»!

Том осторожно выглянул из-за ширмы, уставившись на происходящее. Все гости стали собираться в центре комнаты, усаживаясь по кругу кто куда: на кресла, на диван, на пол.

— Ну, кто первый будет крутить? — квадратно спросил Руни, осушив бутылку пива до дна и положив ее в центр круга.

— Ну как! Именинник, конечно! — задорно воскликнула Мила, подмигнув Стивену и усевшись напротив него на пол.

— Ну, поехали! — изумительно улыбнулся Джеррард и трижды крутанул бутылку.

Том пристально смотрел на вращающуюся на полу бутылку. Через несколько секунд она замедлилась и остановилась. Горлышко указало на Милу.

— Оу… Хорошее начало… — присвистнула девушка и медленно на четвереньках, словно кошка, двинулась к Стиви Джи. Тот, игриво подвигав бровью, устремился ей на встречу.

Том продолжал наблюдать из своего укрытия. Он сжал кулаки, так что костяшки на пальцах побелели. До последнего момента парень надеялся, что ничего не произойдет, что это просто дурацкий сон или какой-то развод. Ан нет! Все это взаправду! Вот Мила и Стиви уже приблизились друг к другу и их губы соприкоснулись. Дальше Том просто не в силах был на это смотреть. Его всего потряхивало от переполняющей злобы и обиды. Он не знал, что ему делать, но одно он знал точно — здесь он находится больше не может. Поэтому без раздумий парень вскочил на ноги, и пытаясь не смотреть на эту картину, рванул через всю комнату прочь. Он так торопился покинуть дом Джеррарда, да в добавок еще и зажмурился, чтобы не видеть, как сосутся его друзья, что споткнулся об эту проклятую бутылку и завалился прямо на Милу и Стиви.

— Эй, ты чего? — возмутился изумительный футболист, оторвавшись от Кунис.

— Тоже решил с нами сыграть? — беззаботно спросила девушка.

Но Том не намерен был отвечать на их вопросы, да к тому же он даже их и не слышал, ведь в ушах стоял гул от пульсаций крови, прилившей к его голове. Парень торопливо поднялся с пола и рванул прочь.

— Эй, Том! С тобой все в порядке? — крикнула ему вслед Мила, но ответа не последовало.

Парень без оглядки выбежал из дома Стивена и рванул к поместью.

— О, Томас, почему так рано? — обратился к нему Кристофер, подкуривающий косяк от камина в холле.

Но Том проигнорировал и отца. Он пулей промчался мимо него, преодолел лестницу в три прыжка, пронесся по коридору и влетел в свою спальню. Парень закрыл дверь на замок и плюхнулся на кровать лицом в подушку.

— Сука! — заорал он, сорвал с лица маску и кинул ее об стену. — На что я рассчитывал? — вскочил Том с кровати и с психом смахнул все с письменного стола.

— Томас, все нормально? — устало постучался в дверь мистер Уокен.

— Уйди! — рявкнул в ответ парень.

Кристофер за дверью лишь пожал плечами и, решив, что сын нынче не в духе, удалился, отложив разговор до утра.

Том же, впав в истеричное состояние, принялся громить комнату.

— Блять… — через несколько минут он обессиленно уселся на край кровати и закрыл голову руками.

«Уверен, что будешь кому-то нужен? Кто-то полюбит тебя — глупого безграмотного инвалида?.. Ты никому и никогда не будешь нужен кроме своей матери… Только лишь я буду любить тебя таким, какой ты есть… Такой больной… Такой глупый мальчик…» — сочувствующе, язвил у него в голове голос матери.

— Заткнись! — заорал Том, стукнув себя по голове и тяжело задышав.

Тут же он бросился на пол к маске и мигом нацепил вновь. Парень откинулся назад и уставился в потолок.

— Ты была права… — прошептал он, шумно дыша через маску.

Так Том пролежал на полу незнамо сколько, все гоняя в голове события минувшего вечера. Он жалел о том, что вообще решил пойти на этот день рождения, да еще и с Милой; о том, что не стоило с ней заводить тот разговор за ширмой; о том, что не ушел оттуда сразу после разговора.

Глава 32: Пятнадцать

На следующее утро к завтраку Том так и не вышел. Поэтому, посовещавшись, Кристофер и Мелисса решили, что вторая должна подняться наверх и разузнать у парня, что с ним произошло накануне.

Маккарти стучала в дверь вот уже пару минут, но Том не соизволил ее не только открыть, но даже и ответить хоть что-то с обратной стороны.

— Я считаю до трех, пацан! И если ты не откроешь мне эту чертову дверь, то Богом клянусь — я ее выбью! — строго угрожала Мелисса. — И ты знаешь, что я сделаю это, так что лучше открой по-хорошему. Разговора тебе не избежать! Итак, я начинаю! Один… Два…

В это время с обратной стороны послышался щелчок открытия замка. Мелисса дернула ручку и прошла в комнату. Том же уселся на подоконник, скрестил руки на груди и уставился на гувернантку раздраженным взглядом.

— Что ты хотела? — недовольно спросил он.

— Пришла узнать, что вчера произошло на вечеринке твоего длинновязого друга, — уселась на письменный стол Маккарти и закурила. — Только не надо мне врать, что ничего! Я вижу по тебе, что что-то не так. Это как-то связано с твоей подругой Милой, я правильно понимаю? — испытывающе уставилась она на парня.

Изначально, Том никому и ничего не хотел рассказывать о событиях вчерашнего вечера. Но, во-первых, из-за того, что он доверял Мелиссе и иногда рассказывал ей больше о своих проблемах, чем кому-либо другому, а, во-вторых, из-за того, что эмоции все еще не отпустили его со вчера, Том поведал гувернантке о том, что приключилось с ним. Повествовал парень достаточно в грубой форме, то и дело обзывая Стивена и Милу.

— Мда… — выпустила из носа дым Мелисса, по завершении гневной тирады парня. — Это, конечно же, довольно неприятный момент, Том. Но я тебе, как женщина на опыте скажу — выбрось это из головы. Ты все еще, можно сказать, ребенок! Знаешь, сколько у тебя будет еще девушек в жизни? И если вот так вот трепать нервы с каждой… Ну, знаешь ли, ты и до тридцати не доживешь, — усмехнулась толстуха. — Все это хуйня, забей.

— Хуйня? — покривил лицом Том. — Для меня — не хуйня! Да зачем я тебе только все рассказал?! Ты не понимаешь меня! Никто не понимает меня! — стал впадать он в подростковую истерию, вскочив с подоконника и размахивая руками, как припадочная сука. — Никогда больше не свяжусь ни с одной женщиной! Все они — шлюхи! Особенно Мила! Как оказалось, не друг она мне, а обычная шмара!

— Том, ты перегибаешь! — рявкнула Мелисса, уперев руки в сбитые бока. — Я тоже женщина, а это значит, что сейчас ты оскорбил и меня! Немедленно извинись!

— Мне не за что извиняться! Я сказал все как есть! — верещал парень. — Я не буду менять свое мнение! Но если я тебя как-то оскорбил, Мел, то прости! К тебе все это никакого отношения не имеет, — противоречил он сам себе.

— Господи, да почему же ты такой тяжелый пацан? — тяжело вздохнула Маккарти. — Так, давай иди прими душ и освежись. А затем спускайся и поешь. Немного успокоишься и мы поговорим еще раз. Ты сейчас перевозбужден, Том, тебе нужно…

— Не буду я успокаиваться! Не буду я есть! Да и вообще, уйди из моей комнаты! Я хочу побыть один! — топал кроссовками по полу Харди.

— Ладно, поговорим позже, когда ты немного успокоишься, — спокойно сказала Маккарти и покинула комнату истеричного тинейджера, который, в свою очередь, вновь завалился на кровать и начал гонять в голове переживания.

Мелисса спустилась в столовую и вкратце рассказала Кристоферу, что приключилось с его сыном, умолчав лишь про сцену игры в «бутылочку». Мистер Уокен, согласился с гувернанткой, что сейчас лучше не нервировать Тома и дать ему время, чтобы парень остыл, а уж попозже и поговорить.

Но никакого разговора не состоялось ни в тот же день, ни на следующий, ни даже через один. Когда либо отец, либо гувернантка пытались заговорить с Томом, тот только и орал, что его никто не понимает, и вообще — он хочет побыть один. В школу парень ходить отказался, заявив, что больше и нога его не переступит порог этой богадельни. В этом вопросе Кристофер, опять же, решил не нервировать сына. Он позвонил в школу и сообщил, что Том серьезно болен и временно перейдет на домашнее обучение, лицензия на которое как раз имеется у мисс Маккатри.

Пару раз с Томом пыталась связаться Мила, звонив на стационарный телефон поместья. Но когда Кристофер заходил к сыну и сообщал, что с ним хочет поговорить его подруга, Том впадал в истерики, поливая перед отцом Кунис говном и просил передать ей, чтоб та шла куда подальше. Конечно же, мистер Уокен не передавал девушке слова сына, а говорил, что тому плохо, и чтобы Мила перезвонила чуть позже. Через пару звонков, Кунис поняла, что наверняка, Том затаил на нее некую обиду с той самой вечеринки и также, как и все остальные, решила дать ему время, чтобы тот успокоился. Захочет — позвонит сам, нет — ну и хуй с ним! Зачем дружить с таким обидчивым и истерически настроенным парнем?

Так вот и проходили дни. Том постепенно впадал в глубокую депрессию, все больше и больше закрываясь в себе. Ни с кем на контакт он не шел, воспринимая любой разговор с Кристофером или Мелиссой в штыки. Со стороны казалось, что парень понемногу стал успокаиваться, ведь иногда выходил из своей комнаты, чтобы поесть, либо зайти в библиотеку и взять для себя какую-нибудь книгу. Порой, Том даже выходил на задний двор — подышать свежем весенним воздухом. Но, несмотря на все это, внутри у парня творилось неведомое! С каждым днем Том все больше и больше накручивал себя, что никому и никогда не будет нужен, что он ущербный, что он хуевый. Так же правостороннее сердце парня не на шутку трещало по швам от того факта, что Мила не разделила его чувств и беззаботно опрокинула, наплевав на самого Тома.

Однажды вечером Харди вышел на задний двор, чтобы полюбоваться закатом и немного помеланхолить. Парень приуютился в беседке и устремил взгляд на заходящее за горизонт солнце.

— О! Здарова, Том! Какие дела? — отвлек его через пару минут до боли знакомый голос. Парень обернулся и увидел, как с соседнего участка, через ограду, приветливо машет ладонью Джеррард. — Что-то давно тебя не видно. Все нормально с тобой? Слышал, что ты серьезно заболел…

— Что тебе надо? — раздраженно и довольно-таки грубо перебил его Харди. — Иди, куда шел, а от меня отъебись.

— Ээээм… — трижды изумился непревзойденный Джеррард. — Почему ты так со мной разговариваешь? Ты что, обиделся на меня из-за Милы? Она рассказала мне о вашем разговоре за ширмой, но только не понимаю — причем тут я? Это же она, считай, тебя кинула, а не я! Хотя Мила и вовсе так не считает, и думает, что ничего такого и не произошло…

После этой фразы Том не на шутку вышел из себя. Мало того, что эта бестактная хохлушка так поступила с ним, так еще и растрепала об их разговоре кому не попадя и думает, что ничего такого и не произошло! Ну, надо!

— Слышь, Стиви, а не пошел бы ты на хуй? — медленно вышел из беседки Том, направляясь в сторону ограды.

— Да в чем я виноват? — продолжал беззаботно удивляться Джеррард, незнамо зачем мечтая остаться в глазах соседа ни к чему не причастным.

— Если еще хоть раз доебешься до меня — отвечаю, я тебе уебу, — продолжал свои агрессивные угрозы Харди. — Хотя, я уебу тебе прямо сейчас, если ты немедленно не уберешься с моих глаз!

— Все, я понял! — поднял ладони вверх Стивен, которому совсем не хотелось драки. Хоть он и был спортсменом, но драки были точно не его коньком. Тут и к бабке не ходи — его смог бы уделать даже такой рохля, как Том.

— Знаешь, что еще тебе скажу, олень ебаный, — посмотрел прямо в глаза Джеррарду Том. — Желаю и тебе оказаться когда-нибудь в подобной с моей ситуацией. Чтобы какая-нибудь шмара посмялась над тобой и вытерла ноги! Хотя уверен, что та же Мила так с тобой и поступит! — порол он хуйню обиженного человека.

— Не надо мне такого желать! — трижды округлил рот Стивен. — Слова и мысли материализуются! Забери, пожалуйста, их обратно! — порол и он несусветную ересь, будучи весьма суеверным человеком.

— Да вот хуй тебе! — рявкнул Харди, показав футболисту «фак».

— Возмутительно! — хлопнул себя по бедрам Стивен, гордо поднял изумительный нос и поспешил в сторону своего деда.

— Сука, — процедил Том и громко харкнул вслед уходящему парню.

15 апреля 1998 года.

В этот пасмурный дождливый день Тому исполнилось пятнадцать лет. Ох, как же ты вырос, пацан! Здоровья тебе и долгих лет жизни!

Но Тому было абсолютно безразлично, какая сегодня дата. Напротив — факт того, что сегодня у него был день рождения — не на шутку раздражал его. Ведь, как и каждые предшествующие годы, Кристофер опять накроет на стол, накупит сыну подарков, созовет гостей и закатит денрожденную вечеринку с тортом и прочей праздной требухой.

Практически до самого вечера Том просидел в своей комнате, не желая участвовать в этой глупой вакханалии. Хоть к нему и раз десять заходили и Кристофер, и Мелисса, парень настырно продолжал сидеть в комнате, для надежности спрятавшись в шкафу.

Когда солнце начало катиться за горизонт, Том вдруг услышал сквозь приоткрытое окно до боли знакомые голоса — один хриплый женский, второй тройной мужской. Харди нахмурился, осторожно вышел из шкафа, подошел к окну и аккуратно выглянул, прячась за плотную штору.

Пухлый рот Тома под маской не на шутку округлился от увиденного! Из соседнего дома, держась за ручку и весело хохоча, вышли Мила и Стивен. Вот они спустились по порожкам, пересекли подъездную дорожку, остановились у калитки и… Поцеловались! Поцеловались, блять! Совершенно точно, что эти двое замутили! Не иначе!

Мысли в голове у Тома скакали галопом, ноздри неистово раздувались под маской, а кулаки яростно сжимались. Харди отскочил от окна как ошпаренный и, сам не зная зачем, пулей вылетел из комнаты. Громоздкими прыжками он преодолел лестницу и оказался в холле, откуда ринулся в столовую.

— О! Томас! Ты спустился! — устало и вполне себе обкуренно улыбнулся Кристофер, сидевший за десятиметровым праздным столом.

Мелисса приветливо улыбнулась и помахала парню рукой. На удивление Тома, больше гостей сегодня не было. И то радует… Не отвечая ничего, парень плюхнулся во главе стола и недовольно забарабанил пальцами по столешнице.

— Все в порядке, Том? — прищурено посмотрела на него Маккарти.

— Зачем ты все это опять устроил? — выпалил парень, обведя ладонью стол и уставившись на отца уничтожающим взглядом.

— В смысле? — нахмурился мистер Уокен. — У тебя сегодня день рождения, сынок. Что значит зачем? Я тебя люблю…

— Я каждый год прошу тебя — не надо все это устраивать, мне не нравится этот день! — ударил кулаком по столу Харди-истеричка. — Ненавижу пятнадцатое апреля больше всех дней на свете! Что тебе мало своего дня рождения?! Будет пятнадцатое ноября, да хоть наотмечайся! А меня оставь в покое! Ненавижу этот блядский день!

— Томас… — ошалевше вымолвил Кристофер, совершенно не ожидая такого агрессивного поведения от сына.

— Томас, Томас, — покривил лицом парень. — Сука! Ненавижу, когда меня так называют! Прекращай! Неужели так тяжело называть меня просто Том?! Бесит! — забил себя кулаком по груди он.

— Пацан, успокойся, — строго попыталась осадить его Мелиса.

— Замолчи! Я еще не договорил! — жестом ладони заткнул гувернантку парень, даже и не посмотрев на нее.

В столовой повисла пауза, и взрослые стали ждать, чего же еще хочет поведать им этот истеричный подросток. Но, кажется, парень совершенно не продумал речь. От неловкой тишины Том взбесился еще сильнее и артистично запрыгнул на стол.

— Ненавижу! Ненавижу всех! — наконец, заорал он, со всей силы пнув торт в сторону отца. Нижний корж ударил мистеру Уокену прямо в лицо, два остальных же аккуратной башенкой устроились на его шляпе, а сверху на них со звоном упала вишенка. — И тебя ненавижу! И тебя! — махал он руками в сторону то отца, то гувернантки. — Никто меня не понимает! Никто не знает какого это — быть мной! Я никогда и никому не был нужен! Ты общаешься со мной только из-за того, что батя платит тебе деньги! — ткнул он пальцем в охуевающую Маккарти. — А ты — только потому, что я последний в твоем ебливом роду и могу оборвать его, не нассы ты мне в уши! — схватил он с блюда сочный бифштекс и кинул в сторону Кристофера, которого уже порядком утомила данная сцена. — Наверное, моя тупая мамаша была права — я никогда и никому не буду нужен кроме нее! Ааагррр! Сука, Мэрил! — механично взвыл он, подняв голову к потолку.

— Томас… То есть, Том… Я прошу тебя, успокойся… — закрыл тяжелые веки мистер Уокен. — Сядь за стол и поговорим спокойно… В честь дня рождения я могу кое-чем тебя расслабить… — полез он в карман своего пальто цвета «мокрый асфальт».

— Крис! Не вздумай! Ему всего лишь пятнадцать! — возмутительно уставилась на мужчину Маккарти.

— Да пошли вы все на хуй! — завизжал Том, словно глупая школьница, залетевшая от черного отчима, и стремглав побежал обратно в свою комнату.

Кристофер тяжело вздохнул и стал медленно подниматься из-за стола, чтобы последовать за сыном.

— Не надо, Крис, — отрицательно качнула головой Мелисса, подкурив сигарету. — Подростковый возраст — дело такое. Я видела, как через него проходили мои братья. Да — поддержка нужна. Но вот сейчас — лучше его и правда не трогать.

— Ну, хорошо, — согласился мистер Уокен. — Наверное, ты права, Мел. У тебя опыт-то большой… Я с таким не сталкивался — Елизавета II не впадала в подростковый возраст при мне…

Том вновь заперся в комнате изнутри и зашнырял глазами по помещению. В его голове вновь раздавались обрывки фраз Мэрил Стрип, которая все понукала и понукала сына, убеждая его в собственной ничтожности.

— Я не могу больше тебя слушать, старая мразь! — закрыл уши Том и

зажмурился. — Проваливай! — сквозь зубы застонал он.

И тут в его больной голове будто произошел взрыв. Весь мир, окружавший Тома, вдруг стал ему неважен и неинтересен. Парень, чье сознание не на шутку помутилось и ограничилось от отчаяния и агрессии, кажется, видел только один выход из данной ситуации. Он улегся на кровать, снял с себя маску, аккуратно положил рядом и закрыл глаза. Эй! Да что ты удумал?! Суицид?! В свой день рождения! Ах! Кто-нибудь! Остановите этого глупца!

Том почувствовал такое спокойствие на душе, которого, наверное, не испытывал никогда за всю свою жизнь. Он блаженно улыбнулся, положил руки по швам и начал считать про себя с трехсот в порядке убывания, ведь рассчитал, что по окончании подсчета, наверняка, закончится то время, которое отведено ему находиться без маски. Том украдкой взглянул на электронный будильник, стоящий на прикроватной тумбочке, тот показывал — 20:21.

«Послушай Том. Триста… Двести девяносто девять… Двести девяносто восемь…»

Парень так увлекся подсчетом, да еще и в обратном порядке, что не заметил, как на ста пятидесяти четырех задремал. К тому же, его организм не на шутку вымотала вспышка агрессии.

Спустя какое-то время, мальчик устало открыл глаза и повернул голову к будильнику, который показывал…

— Я не понял! Не понял! — не на шутку охуел Том. — Начало второго?!

Парень охуевше округлил глаза и медленно повернулся в сторону маски, ощутив себя вселенски наебанным глупцом.

Пару минут он продолжал смотреть то на маску, то на часы, сопоставляя в голове все сомнительные факты из своей жизни в единую картину беспросветных лжи и обмана. Злость переполняла его с каждой секундой все сильнее и сильнее, пока не хлынула через край.

— Сука, Мэрил! — заорал Том, в ярости схватил маску и швырнул ее об стену. — Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — визжал он, вцепившись пальцами в лицо.

До половины пятого утра парень метался по комнате в темноте, не находя себе места и не в силах унять свой гнев. В кровь выплеснулась нехилая доза норадреналина, от чего Тома всего потряхивало, а его лицо полыхало огнем. Он и представить себе не мог, как ему вообще жить дальше с этой правдой. Столько лет парень считал, что маска спасает его от верной гибели, столько лет мать внушала ему, что он слабый и ущербный, столько лет он сам во все это верил без доли сомнения, а теперь, в один момент, пришло осознание, что его маска — это не более чем бессмысленный муляж, не влияющий ни на что. Но несмотря на пришедшее к нему понимание никчемности этого аксессуара, парень отчего-то не мог представить, как жить без нее.

От погружения в эти мысли, ярость стала немного отпускать Тома. Однако чувство, что его не просто обманули, но и предали, продолжало мерзко свербеть в груди. Парень плюхнулся на кровать и стал мысленно проклинать самыми последними словами, которые только знал, то ли мать, то ли отца, то ли самого себя.

«Сука, падла, мразь, паскуда», — рычал он про себя, зажмурившись. Перечислением этих оскорблений он увлекся даже хлеще обратного счета, поэтому сам не заметил, как задремал на слове «урод». Так все же, кого ты там обзывал в своей голове?

— Ну вот, я же говорила, что ему нужно время, чтобы остыть, — зашептала Мелисса, склонившись к Кристоферу, когда в столовую спустился Том. — Доброе утро, ты в норме? — улыбнулась она парню, когда тот сел за стол.

— Доброе утро, сын! — кивнул Тому мистер Уокен, приветственно приподняв шляпу. — Чаю?

Парень проигнорировал все приветствия, злобно двигая желваками.

— Что попросить подать тебе к завтраку? Омлет, овсянку? — спросил мистер Уокен, беззаботно плеснув себе в чашку немного марихуаннового чая.

— Я не голоден, — процедил Том, сжав кулаки.

— Да? Ну, ладно, — пожал уставшими плечами Кристофер. — Слушай, Том, я хотел извиниться, наверно, я действительно был не прав, устраивая для тебя праздник, которого ты не…

— А почему ты без маски, раз не голоден? — перебила его Мелисса, прищурившись и отложив вилку в сторону.

Том поднял разъяренный взгляд на отца и няньку.

— Почему я без маски? — зарычал парень и стукнул кулаками по столу, так что вся посуда на нем подпрыгнула. — Может ответишь ты, Крис? — ткнул он пальцем в сторону ничего не понимающего мистера Уокена. — Или ты, Мел? — перевел он взгляд на Маккарти.

— Простите, господа, я что-то упустил нить разговора. Мы, вообще, о чем сейчас? — нахмурился Кристофер, почесав шляпу.

— Об этом! — рявкнул Том, достал из-за пазухи маску и швырнул ее в центр стола.

— Ээээм… Не совсем понимаю… — продолжал тупить мистер Уокен.

— Сегодня ночью я узнал, что не нуждаюсь в ней, — пояснил за маску парень, сверля взглядом отца.

— Не понимаю… — не унимался тот.

— Кристофер… — пихнула его локтем в бок Мелисса, взывая к прекращению цирка.

— Не надо делать вид, что не понимаешь, о чем я! — заорал Том, вскочив из-за стола. — Ты знал всегда, что я могу жить без нее!

— Сынок, прошу тебя, успокойся, — выставил ладони вперед мистер Уокен. — Конечно, я знал, и говорил тебе об этом не раз. Но я видел, что ты был не готов с ней расстаться. Я не хотел давить на тебя.

— Ты издеваешься? Я же был ребенком! А ты взрослый, ты должен был принимать решения! — вопил припадочный Том. — На тебе вся ответственность!

— Но что я мог сделать? Ты и слушать меня не хотел, а лишь симулировал свои приступы удушья! — недоумевал Кристофер.

— Ах это я симулировал? — взорвался парень, подскочив вплотную к отцу. — Да это же были панические атаки, ставшие результатом запугивания меня моей же матерью! — сорвал он с него шляпу и отшвырнул в сторону.

— Томас! Что ты себе позволяешь! — возмутился мистер Уокен, устало хлопнув морщинистой ладонью по столу. — Я и впрямь виноват в том, что допустил то, что сделала с тобой Мэрил. Я должен был забрать тебя от нее раньше. Но в остальном моей вины нет! Я делал для тебя все, что только мог.

— Да нихуя ты не делал! — брызгал слюной в лицо отца парень. — Ты шел по пути наименьшего сопротивления! Лишь бы я не психовал! Думал — так будет всегда? Думал — я идиот и никогда ничего не пойму? Да ты не многим лучше моей суки-матери! Она создала из меня монстра и внушила мне это! А ты просто продолжал безучастно смотреть!

— Так, пацан, ты давай успокаивайся и завязывай орать на отца, — вставилась Мелисса.

— А ты тоже помолчи! Ты ведь тоже все знала, но молчала! — кинул на гувернантку гневный взгляд Том. — Ах да, ты же просто тут работаешь и не обязана лезть в личное! Но я думал — мы друзья!

— Томас! Ты ведешь себя неподобающе! — поднялся с места Кристофер, уставившись на сына строгим взглядом с высоты своего роста. — Какое право ты имеешь грубить Мелиссе? Она тут вообще ни при чем. Может, ты и считаешь, что я поступал неправильно — это твое право. Я и сам не знаю, прав ли я был в

своей мягкости к тебе. Но сейчас я в любом случае рад, что ты понял все сам. Ты бы мог еще долго это отрицать, но сейчас главное, что ты все узнал. Значит настал тот самый момент, когда ты просто стал готов к этому.

— Но какой ценой! — завизжал Том, а из глаз его брызнули слезы.

— Важна не цена, а что ты за это цену получил, мальчик мой, — улыбнулся мистер Уокен, постучав по виску двумя пальцами. — Надеюсь, теперь для тебя откроется новый этап твоей жизни. Ты шел к нему долгим и тернистым путем, но главное, что пришел ты к нему своими усилиями.

С этими словами Кристофер нагнулся к парню и чмокнул его в макушку. Затем он взял со стола маску и удалился в свой кабинет. Том же плюхнулся на стул отца и закрыл лицо руками.

— О какой цене речь, пацан? — прищурилась Маккарти, даже и не думая обижаться на Тома за грубость в свой адрес, зато почуяв в его масочной истории некие подводные камни, в отличие от его мудрого, но беспечного отца.

Парень убрал руки от лица и молча посмотрел на Мелиссу. Та тяжело вздохнула, поняв все по его глазам. Она хотела было открыть рот, чтобы что-то сказать, но Том заговорил первым.

— Давай не будем, — выставил он ладонь вперед, предотвращая возмущения и предостережения няньки. — И отцу ничего не говори, хорошо? — встал он из-за стола, дождавшись положительного кивка в ответ.

Парень двинулся к выходу, а Мелисса проводила его встревоженным взглядом.

Глава 33: Маска

В первые дни после случившегося Том не на шутку закрылся в себе. Он не желал ни с кем общаться и почти не покидал пределов своей спальни. Парень по-прежнему продолжал злиться на отца за то, что тот на протяжении стольких лет умалчивал от него правду. Довольно быстро его злость перекинулась с Кристофера на самого себя. Том корил себя за глупость и за то, что так беспочвенно уверовал в бредни Мэрил. Вскоре гнев стал его отпускать, оставляя за собой лишь обиду и переживания о возмутительной несправедливости бытия. Еще через пару дней парень погрузился в свою классическую меланхолию, присущую ему с малых лет. Кристофер, будучи по жизни беззаботным наркоманом, вел себя непринужденно, ни коим образом не давя на сына, но и не игнорируя его. В общем, следовал своей стандартной поведенческой тактике, исполняя роль мягкосердечного заботливого отца, не нарушающего личных границ сына. Мелисса, в свою очередь, также осторожничала со своим воспитанником, опасаясь новых истерик, вспышек агрессии, а также попыток суицида, ведь понимала, что Том нынче находится в крайне шатком психологическом и эмоциональном состоянии.

Так прошло пару недель. К слову, за все это время парень ни разу не надел на себя маску. И, казалось бы, обстановка в фамильном поместье Харди начала стабилизироваться, но, как известно, беда приходит, откуда не ждешь.

В один субботний дождливый день в начале мая, Том и Кристофер собрались у камина на традиционный файф-о-клок. Мистер Уокен заварил чая, приготовил фарфоровые чашки из фамильного сервиза и положил на блюдце бисквитные печенья. Сын и отец уселись в кресла по обе стороны от небольшого резного столика и принялись гонять чаи. Первый рассказывал всякие сплетни и курьезные истории, что случались с ним в Министерстве за долгие годы службы, второй же молчаливо слушал, изредка посмеиваясь над нелепостью королевской семьи.

— Сэр, вам посылка, — вошел в гостиную дворецкий с коробкой в руках.

— От кого? — поинтересовался мистер Уокен.

— Инкогнито, — ответил дворецкий и поставил коробку на столик между чайными чашками.

— Хм, ну все ясно, — ухмыльнулся Кристофер, достав из-под шляпы канцелярский нож. — Верно опять Королева прислала что-то эдакое, что желает скрыть. Ну прямо, как в той истории, что я рассказывал тебе вчера. Помнишь? — подмигнул он сыну уставшим красным глазом.

Том усмехнулся, вспомнив вчерашний рассказ отца о канарейке, точилке для карандашей, рваных трусах и запятнанной репутации Елизаветы.

— Посмотрим, что на этот раз, — пыхтел мистер в шляпе, разрезая ножом клейкую ленту на посылке. — Ставлю на то, что внутри соковыжималка, забитая гнилыми цукатами, ну или дохлая выдра. Том, твоя версия?

— Ну… — призадумался парень, представляя, что же еще эдакого могли учудить Королева и ее семейка. — Может рыбьи кости? Или…

— Кхм-кхм, — охуевше закашлялся Кристофер, вскрыв коробку и заглянув внутрь. — Отнесите это, пожалуйста, в мой кабинет, — суетливо стал он пихать посылку в руки дворецкого.

— Что там? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Это секретная информация, — нервно хохотнул отец.

— Чего? Там что — рыбьи кости? Я угадал, а ты не хочешь мне проигрывать? — смешливо нахмурился парень и потянулся к посылке. — Дай посмотреть.

— Нет! — вскочил из кресла мистер Уокен, заслоняя своим телом, облаченным в пальто, дворецкого, уже принявшего коробку в руки. — Там

действительно рыбьи кости! Ха-ха! Как ты угадал? — легонько пихнул он сына в плечо кулаком. — В общем, ты выиграл! А теперь мне надо с этим разобраться! Все должно быть скрыто, ты же знаешь! Я пойду в кабинет и подумаю, как мне это лучше сделать, — нервно тараторил укуренный до абсурдности мужчина, пытаясь забрать посылку у дворецкого обратно, дабы скрыться с ней от сына.

— Дай мне посмотреть! — рявкнул Том, почуяв наебалово, ведь отец так до конца и не вернул к себе доверие.

Парень вцепился в коробку и стал тянуть ее на себя. Кристофер же не намеревался сдаваться и поднял посылку на вытянутых руках над шляпой. Том начал подпрыгивать в попытках дотянуться до коробки, ведь теперь абсолютно уверился, что отец пытается что-то скрыть именно от него. Хоть парень еще и не догнал мистера Уокена по росту и был щуплым доходягой, но и сам Кристофер был уже далеко не бодрым юнцом с больными суставами. Поэтому Тому вскоре удалось повалить отца в кресло и выдернуть посылку из его престарелых рук.

— Что за… — пролепетал он, заглянув внутрь.

В коробке, набитой ворохом тонких бумажных полосок, лежало две маски — точь-в-точь как та, что носил Том, только больше. Сверху свернутый пополам листок. Парень дрожащей рукой взял его и развернул. В нос тут же ударил удушающе-приторный запах духов, который был ему до блевотни знаком. Таким ароматом пользовалась Мэрил.

«Джерри, с днем рождения. Не уверена, дожил ли ты до своих пятнадцати лет. Но если да, то не факт, что доживешь до шестнадцати. Уверена, что твоя маска стала тебе уже мала, и вскоре ты не сможешь ею пользоваться. А это означает лишь одно — твою скорую кончину. Даю руку на отсечение — твоему отцу плевать на состояние твоего здоровья, и он и пальцем не пошевелил, чтобы разобраться с этой проблемой. Но, как я неоднократно говорила, ты — мой крест, и мне тебя нести. Поэтому я позаботилась об этом сама и изготовила две взрослые маски. Их должно хватить на какое-то время, и ты сможешь прожить еще несколько лет своей никчемной жизни. Не думаю, что они будут радужными и беззаботными для тебя, ведь такой ущербный и никудышный человек не нужен никому. Если уж тебе совсем некуда будет податься, то ты, конечно, можешь приехать ко мне. Однако, помни, что правила останутся неизменными — путь на второй этаж тебе по-прежнему будет закрыт. В общем, носи эти маски с удовольствием, и пусть они станут тебе напоминанием о том, что кроме матери ты никому и никогда не будешь нужен.

Твоя любимая Мэрил.

P.S. Мистер Харди, если наш с вами общий сын уже мертв, то прошу выслать маски мне обратно. Я переплавлю биометалл, который израсходовала на них, и пущу его в дело. Адрес вам известен».

— Том, не бери в голову весь этот бред! — выхватил письмо Кристофер, когда дочитал его содержимое, стоя позади сына и заглядывая в листок через его плечо.

Руки Тома остались неподвижны, будто он до сих пор держал послание Мэрил, взгляд его устремился в пустоту, утратив всякую осмысленность.

— Ты слышишь меня? — затряс парня за плечи мистер Уокен, предварительно скомкав письмо и бросив его в камин, который ему так и не удалось сегодня разжечь. — Все что пишет эта сумасшедшая — не имеет ни малейшего смысла! Ты ведь теперь знаешь, что не нуждаешься в маске! Так ведь, сын?

Том поднял взгляд на отца и молча уставился на него.

— Ты уже не вернешься к этим маскам, — пренебрежительно махнул он

рукой в сторону коробки. — Их больше не должно быть в твоей жизни. Просто забудь об этом! Хорошо?

— Угу, — безучастно промычал парень.

— Ты у меня молодец, — взял мистер Уокен сына за щеки.

Том легонько кивнул в ответ.

— Обещай, что выкинешь все эти глупости, написанные ею, из головы! И уж, тем более, не вздумаешь их опять использовать! — заглянул Кристофер в глаза сыну.

Не успел парень никак отреагировать, как раздался телефонный звонок.

— Обещай мне, Том, — тряхнул мужчина парня. Тот молчал.

Телефон же настырно продолжал трезвонить.

— Алло, — соизволил взять трубку дворецкий, который все это время грел уши, а также не забыл прочитать вместе со всеми и письмо мисс Стрип.
— Хорошо, я ему передам… Мистер Уокен, код «желтый», приказ «срочно прибыть на Тауэрский мост».

— Вот черт! — выругался Кристофер, раздраженно помотав шляпой. — Мне надо ехать, Том. Ты же знаешь — этот код «желтый». Как думаешь, кто на этот раз? Неужели Чарли? — решил перевести тему он и показаться милым весельчаком.

— Думаю, Гарри, — натянул улыбку на лицо Том.

— Как все улажу и вернусь домой — обязательно тебе все расскажу, — потрепал его по голове отец. — А теперь мне пора, — вздохнул он, снимая с головы домашнюю шляпу и надевая служебную. — Но по пути я избавлюсь от этого, — подхватил Кристофер коробку с масками и пошел на выход. — Купить тебе на обратном пути твоих любимых слоеных маковых булочек? — остановился он у входа и взял из подставки зонт.

— Да, спасибо, — ухмыльнулся Том и направился к лестнице. Мистер же Уокен, проводил его взглядом, развернулся и вышел за дверь. Оказавшись на улице, он раскрыл зонт и зашагал по дорожке к воротам.

Парень зашел в спальню и рванул прямиком к подоконнику. Он взобрался на него и уставился сквозь мокрое от дождя стекло на отца. Том видел, как он вышел за ограду и, прежде чем сесть в свой служебный Астон Мартин, подошел к уличному мусорному баку и бросил туда коробку Мэрил. Затем уехал.

Том закрыл глаза, дыхание его стало тяжелым и прерывистым. В носу по-прежнему стоял назойливый сладкий запах духов матери. Парень думал, что давно забыл ее запах, забыл даже, как она выглядит. Но теперь перед ним четкими линиями вырисовывался ее образ. Вот ее голубые глаза, пышные брови, острый нос и тонкие губы, светлые волосы, собранные сзади в пучок. Он видит ее улыбку, такую надменную и брезгливую, но будто с ноткой сожаления.

Том зажмурился и до боли закусил губу, пытаясь прогнать образ матери из головы. Но у него ничего не получалось! Мэрил никак не пропадала! Парень, будто под влиянием какой-то неведомой силы, спрыгнул с подоконника и помчался прочь из комнаты. Он миновал лестницу и оказался в холле.

— Блять! — заорал Том, на секунду остановившись на выходе из поместья и схватившись обеими руками в косяки дверного проема, будто сопротивляясь кому-то, кто подталкивал его в спину.

Он выскочил на улицу и бросился к воротам. В лицо ему хлестал проливной майский дождь. За несколько секунд Том промок до нитки, но, несмотря на это, его было не остановить, и вскоре он подлетел к огромному баку, подтянулся руками за его край и перекувыркнулся внутрь, упав лицом в кучу мусора. Но это его, кажется, нисколько не смутило, и в тот же миг он вынырнул из этой помойной кучи и стал шарить руками вокруг. Вскоре он нашел, что искал.

Кристофер вернулся домой только утром следующего дня. Хоть всю ночь и шел охуевший ливень, заставивший Темзу выйти из берегов, сегодня погода была невероятно солнечной и чудесной. Мистер Уокен со скрипом отворил кованые ворота и в припрыжку зашел на участок фамильного поместья семьи Харди. Настроение у мужчины, который, к слову, был обкурен в хуй, было великолепным. Он разулся, снял с себя носки и завальсировал по промокшему газону. Он так закрутился, так завертелся в танце, что и сам для себя не заметил, как громко запел. В миг вокруг Кристофера закружились пташки, подпевая укурышу веселой трелью. Там и тут, из-под подкопов под забором, на участок стали забегать милые пушисты кролики. Они окружили мистера Уокена и начали водить хоровод. Находясь в эпицентре событий, Кристофер, скинул с себя шляпу, которую поймали маленькими клювами несколько птиц, и затянул пронзительное соло.

— Закрой рот, уёбок! Время семь утра! — трижды заголосил со стороны недовольный голос кого-то из соседей.

— Упс, — прикрыл морщинистой ладонью рот Кристофер, подмигнув одному из кроликов и прикоснувшись подушечкой пальца к его шершавому носику.

Мужчина распрямился и молча пошел в сторону входной двери. Когда он поднимался по ступенькам, птички накинули на его бестолковую голову шляпу, а один из кроликов преподнес мужчине крафтовый пакет с булочками, который тот успел проебать во время танца.

— Благодарствую, — поправил он головной убор и прошел в поместье.

Душа мужчины продолжала петь. Ему казалось, что ничто не сможет омрачить столь прекрасное утро. Кристофер был намерен полностью уделить сегодняшний день Тому. Он даже уже все распланировал: сначала они с сыном плотно позавтракают любимыми булочками Тома, потом немного порезвиться на заднем дворе, сыграв партию-другую в большие каменные шахматы, затем пикник в лесу, а вечером Кристофер разведет камин, и они с сыном устроят лит-вечер за сборником рассказов Толстого да бутылочкой «красного».

— Том, ну где же ты?! — звал мистер Уокен, обойдя весь первый этаж, но нигде не обнаружив сына.

Превозмогая боль в коленях, мужчина поднялся по лестнице. Ебать ты нахуй, Крис! Как выплясывать на улице — это он может! Где же там была твоя боль? Ммм? Мистер Уокен заглянул в комнату Тома, но того не было и там. Да куда же он подевался?! Не на шутку устав от поисков, Кристофер решил зайти в свой кабинет, немного перекурить, отдохнуть, а затем уж и продолжить искать сына.

Посвистывая под нос «Полет Шмеля», мужчина открыл тяжелую дубовую дверь в кабинет и встал на пороге как вкопанный. Все его планы на сегодняшний день в один момент полетели не то что в трубу — в пизду! Если сказать, что он удивился — это не сказать ничего! Кристофер был в ахуе! За письменным столом сидел Том Харди VIII, собственной персоной. Он печально подпирал рукой голову, облокотившись о столешницу, и отречено-раздраженным взглядом смотрел в потолок. На лице же его красовалась…

— Маска?! — охуевше изумился Кристофер, выронив из рук пакет с булочками. — Какого черта, Том?! Ну как же так?! — безысходно простонал он.

— Блять, папа я не могу, — заныл Том, бросив на отца не на шутку печальный взгляд.

— Сынок, быть того не может! — обреченно хлопнул себя по галифе мистер Уокен. — Я же выкинул их вчера!

— Я их достал… Обе… — механично бурчал Харди-младший.

— Тооом… — изумленно прорычал мужчина. — Давай, снимай ее немедленно! Избавимся с тобой от них вместе раз и навсегда. Хочешь разведем костер прямо на участке и сожжем их? На нем же, после, и пожарим зефир! Ммм? Как идейка? — попытался перевести он ситуацию в шутливое русло.

— Они нужны мне. В них мне комфортнее, — продолжил настырно мямлить парень. — Это тяжело — вот так вот бросить то, с чем прожил всю жизнь.

— Любимый мой сын, давай я расскажу тебе историю о двух… — уселся в кресло Кристофер, доставая из-за пазухи портсигар.

— Я тысячу раз слышал эту историю, — меланхолично перебил отца Том.

— Ну, и в чем тогда проблема?! Ты же и есть та самая мышка, которая взбила масло и спаслась!

— Нет, я та мышка, которая потонула в молоке! — обреченно протянул Том, навернув на глаза слезы.

— Ох, дорогой мой, только не плачь, я тебя прошу… — поднял брови домиком Кристофер и поднялся с места. — Иди сюда, — расставил он руки в стороны.

Том, будучи ранимой размазней, отчего-то очень захотел немного обнимашек. Он подскочил со стула и кинулся к отцу. Парень с силой вцепился в его пальто, уткнулся головой в грудь и тихо заплакал.

— Ну… Тише… Тише… — нежно погладил его по голове мистер Уокен. — Ничего страшного… Так всегда бывает, когда от чего-то отказываешься резко… Такое бывает, к примеру, у алкоголиков или наркоманов… Давай избавляться от маски постепенно, если резко тебе тяжело… Поноси еще, если это тебе так нужно, если тебе в ней уютно… Но только давай не постоянно, договорились?

— Угу, — промямлил Том, сильнее зарывшись маской в пальто отца.

Вот так вот, благодаря старой бляде — мисс Стрип, Том Харди вновь надел на себя маску из биометалла.

Следующие несколько недель Том ходил будто сам не свой. Парень закрылся в себе и практически ни с кем не контактировал. Каждый божий день Кристофер или Мелисса пытались хоть как-то растормошить парня и вывести его на разговор. Но в итоге получалось все не то! Это был не диалог никакой, а лишь монолог со стороны взрослых, ведь сам Том только и делал, что невнятно мямлил да меланхолично бурчал.

В голове же у Тома творился полный кавардак. Парень постоянно прокручивал разные негативные события, которые когда-либо происходили с ним в жизни. Все они настолько переплелись и запутались между собой, что, порой, Том и сам не понимал — зачем он все это вспоминает и что вообще будет с ним дальше. Но больше всего Тому не давал покоя один момент — письмо Мэрил. Нет, не весь его текст. А именно та часть, в которой женщина написала о запрете посещения второго этажа. Но ведь мистер Уокен говорил, что Том все это просто выдумал! Что нет никакого мальчика, проживающего в шаре на втором этаже! Зачем же тогда Мэрил опять про это уточняет? Кажется, Кристофер говорил сыну про то, что мать не разрешала Тому заходить в ее комнату… Но зачем бы ей уточнять об этом в письме? Может, все же, что-то есть там такое? Непонятно…

Глава 34: Дневник

— Так, поднимайся, мы едем за покупками! — как-то раз заглянула в комнату Тома толстая голова Маккарти.

— Я не хочу, — буркнул парень, отложив в сторону книжку и с головой засунувшись под плед.

— Все! Мне это надоело! Нормально поговорить ты ни с кем не хочешь! Выходить на улицу — тоже! — взорвалась толстуха, подойдя к кровати и сорвав с Тома плед. — Да и вообще, ты такой расклеенный, что меня это уже не на шутку бесит! Взбодрись, Том! Посмотри на кого стал похож! — обвела она ладонью его лицо. — Вот эти вот усики под носом… Какой-то стремный пушок! А на голове что?! Ты давно стригся? — дернула она его за маленький пучок, собранный на затылке.

— Хорошо, Мел… Я постараюсь… Взбодриться… — промямлил Харди, отстраненно посмотрев на няньку.

— Аааааа, — протянула Маккарти, хлопнув себя по бедрам. — Ладно, хорошо! У меня кое-что для тебя есть! Вставай! — с силой потянула она парня за руку.

Том был совершенно не готов к такому повороту событий и, будучи ослабленной рохлей, завалился на пол, с которого, кажется, даже и не намеревался подняться. Но Мелисса, будучи физически сильной женщиной, схватила Тома за щиколотку и поволокла на выход.

Спустя десять минут, когда полы и лестница поместья были «протерты» толстовкой Тома, Маккарти доволокла парня до своей машины. Она бросила его на подъездной дорожке, сама же пошла к водительской двери.

— Вставай! — рявкнула она, протискиваясь в машину.

— Я никуда не поеду без маски… — протянул Харди, уставившись хмурыми серыми глазами в беззаботно-синее небо Манчестера.

Послышался звук открытия автомобильного окна и прямо на смазливое ебало Тома полетела его маска.

— Ну, я понял… Понял… — простонал парень, поднимаясь с асфальта. Он медленно натянул на себя свой излюбленный аксессуар и уселся в машину.

— И куда поедем? — безучастно спросил Харди, пристегнувшись ремнем безопасности.

— На канцелярскую барахолку, — сказала Мелисса, плавно нажав на педаль газа. — Подберем для тебя кое-что.

— Что именно? — нахмурился Том. — Мне ничего не надо…

— Послушай, пацан. Ты очень сильно заперся в себе и каждый день гоняешь в голове свои, отнюдь, не радужные мысли, в которых, я полагаю, запутался и сам. И раз ты не хочешь ни с кем и ни о чем делиться, то должен хотя бы разобраться во всем сам с собой. Как? Можно попробовать вести дневник…

— Я похож на девочку? — подкатил глаза парень.

— С этим — да! — дернула она своего воспитанника за маленький пучок из волос. — Короче, я думаю, что если ты изложишь на листке бумаги какие-то свои переживания, свои мысли, то сможешь перечитать это и посмотреть на все со стороны. Как бы провести с самим собой немой диалог. Смекаешь? — взглянула она на Тома. Тот коротко махнул в ответ головой. — Понимаешь, вот ты постоянно гоняешь в голове какие-то события, которые происходили с тобой в прошлом, думаю, все мысли об этом одинаковы и ни к чему тебя не приводят. А вот если ты опишешь их на листке, то сможешь развить мысль. Ты сможешь отнестись к ней осознанно, рассудишь ее, вместо того, чтобы прокручивать это в голове снова и снова.

— Логично, — задумчиво уставился в окно Том.

— А еще, ведение дневника научит тебя задавать правильные вопросы по

той или иной ситуации, а так ж искать на них четкие ответы, — изрекла мудрость Мелисса, подняв вверх жирный указательный палец.

Это предложение не на шутку заинтересовало Тома, ведь в его голове было столько вопросов, но ни на один из них ответ он найти не мог. Да и вообще, парень не был уверен, что правильно ставил перед собой эти самые вопросы.

— Хорошо, давай попробуем…

Оказавшись на канцелярской барахолке, Том, будучи по своей натуре однолюбом, стал тщательно выбирать дневник. По его мнению, если в его жизни и будет что-то важное и дорогое ему, то это должно остаться с ним до конца его дней, а другое — как бы и на хуй не надо. Что он — проститутка что ли какая-то там?! Хоть Том и не завел еще личный дневник, но, от чего-то, это показалось ему весьма интересной темой, и он был практически уверен в том, что с головой втянется в это дело. Спустя пару часов парень все же определился с выбором кандидата на роль дневника. Им оказалась толстая книга в черном солидном кожаном переплете.

Оказавшись дома, Том сразу же направился в свою комнату, дабы сделать первую запись. Парень уселся за письменный стол, с хрустом раскрыл перед собой первую страницу дневника, открыл перьевую ручку и задумался.

«Послушай, Том, а с чего бы начать… Хммм… Какую ситуацию описать первой? А начни-ка ты сначала!» — подумал он, и вот на первой странице появились первые слова, написанные убористым почерком.

«Мое первое яркое воспоминание из детства — белая кафельная комната, моя мать, лежащая на кушетке, и ее истошные крики. Я стоял у ее ног, боясь даже взглянуть на нее. Хотя она просила о помощи, но я не мог и пошевелиться и отводил взгляд, уставившись на свет яркой люминесцентной лампы, которая слепила мне глаза…»

Как только Том завершил первую запись, он закрыл ручку, отложил ее в сторону и внимательно начал перечитывать то, что написал. Перечитав это несколько раз, парень откинулся на стуле и тяжело выдохнул.

— Хммм… Как-то все это не стыкуется… — размышлял он. — Даже, если, допустить, что это был сон… То почему именно после этого то ли сна, то ли непонятно вообще чего, сука-мать переселила меня со второго этажа на первый? Вспомни, как там начался какой-то ремонт… Вспомни, что комната с шаром была единой, а до ремонта на втором этаже располагались две спальни и ванная комната… Как-то все это непонятно… Может, все же Джейк и правда существует?! Но не мог же отец солгать! Он человек справедливый — не бросил бы маленького ребенка с этой сукой, тем более видел, что старая блядь посадила меня в клетку… Да не — бред какой-то! Или не бред? Нужно записать что-то еще и подумать…

«Послушай Том, а дневник — классная штука!» — перешел в мысли он. — «Ты часто прокручивал в голове этот момент, но никогда не задавал подобных вопросов! Определенно точно, что ты будешь писать еще!»

Вот так вот Том Харди и стал вести личный дневник. Поначалу парень не понимал, как установить контакт с самим собой посредством дневника. Но вскоре и сам не заметил, как с головой втянулся в это «общение». Мелисса оказалось права — это занятие от части помогало ему разобраться в себе и своих переживаниях.

Том настолько глубоко погрузился в себя, что, казалось бы, в скором времени сможет самостоятельно справиться со своими проблемами и, возможно, даже скинуть с себя вуаль меланхолии. Но увы — в его жизни случился один переломный момент, который и подорвал к хуям все надежды на познание

своего внутреннего «я». Какой? Сейчас узнаем...

Глава 35: Окси

Как-то вечером Том вышел из своей комнаты и направился в сторону лестницы, дабы спуститься на кухню и взять там себе чего-нибудь вкусненького. Сегодня он планировал пересмотреть главный киношедевр прошлого года — «Титаник», в главной роли с молодой звездой Голливуда — Мэттью МакКонахи.

— Да я тебе говорю! — услышал он голос Мелиссы из приоткрытой двери комнаты гувернантки. — Кажется, неровен час, и он начнет наркоманить по-крупному!

Том, остановился и замер, решив погреть уши. Конечно же, парень знал, что подслушивать за другими — негоже. Но, черт возьми, как же он любил всякие сплетни! В такие моменты Харди ничего не мог с собой поделать, как не пытался. Жаль вот только, что не с кем было поделиться этими самыми сплетнями. Данный факт не на шутку удручал Тома, между прочим.

— Нет, конечно, всем известно, что он потребляет марихуану, но это уже слишком! — продолжала свои возмущения Маккарти. — Неужели, он не понимает, к чему его может привести Оксикодон?

Том сразу понял — нянька с кем-то пиздит по телефону — это раз. Два — речь идет о Кристофере, ведь все знают, что мужчина тот еще планокур.

— Да, может у него действительно адски болят колени, но Оксикодон? Серьезно? Это хоть и сильное обезболивающее, но также и полусинтетический опиоид!.. Да, я понимаю, что он вряд ли будет потреблять его, как всякие подростки — расталкивать таблетки и в непотребном количестве нюхать. Но все же, Холли! Это опасно! Что может случится с ним, если он будет принимать опиоидные таблетки в больших количествах?! Понятное дело — эйфория, беззаботность, легкость… А потом-то что?! Инсульт? Инфаркт? Ты не забывай, что он марихуану как не в себя курит!.. Да, наверное, ты права. Крис — неглупый мужик. Не будет же он себя гробить и оставлять Тома одного…

«Послушай, Том, чтааа?! У твоего отца есть таблетки, которые могут принести тебе беззаботность и легкость?!» — охуел парень, положив хуй на побочные эффекты. — «Как сказала Мел? Их нужно растолкать и занюхать получившийся порошок? Как там они называются, вспомни… Окси что? Похуй! Ты срочно должен достать их! Иначе будешь наказан и тебе нельзя будет три дня одевать маску! Так-то вот! Ладно, где могут быть эти колеса? Определенно точно, что в ванной комнате отца… Но как тебе туда попасть? Ладно, что-нибудь придумаешь…» — размышлял он, направившись в сторону спальни мистера Уокена.

— Пап? Можно? — постучался он в дверь и заглянул внутрь.

На огромной кровати лежал уставший Кристофер и расслаблялся, смотря по телевизору какое-то вечернее шоу.

— Ммм? — повернул он голову, уставившись на сына.

— Это… Я тут это… — зашел в спальню отца Том и нервно затеребил ладоши. — Можно мне поссать у тебя? — пизданул он первое, что пришло в голову.

— Чего?! — нихуя не понял Кристофер, уставая от данного диалога с каждой секундой все сильнее и сильнее. — А у себя почему не можешь?

— Ээээм… Так это… — замялся парень, почесав затылок и не зная, как бы ему проникнуть в ванную комнату отца. — Я вообще пришел не для этого…

— А зачем? — устала уже и шляпа Кристофера.

— Да тут такое дело… — продолжал пороть хуйню Том. — Королева умерла… — выпалил он, посмотрев прямо в глаза мистеру Уокену.

Кристофер замер на кровати, шляпа на его голове подпрыгнула и тоже замерла в полуметре над ним. Глаза его округлились, словно уставшие блюдца.

Повисла до жути неловкая звенящая тишина.

— Чтооо? — заорал мистер Уокен, когда его шляпа, не сумев преодолеть земное притяжение, плюхнулась обратно на макушку. — Как? Когда? Где? Почему? Кто приказал? Какой код? — начал он накидывать несуразные вопросы сыну, который стоял и по-прежнему чесал макушку.

— Я не знаю, позвонили, сообщили, сказали тебе передать, — развел руками Том, уже пожалев о сказанном, но не намереваясь отступать от своего плана. — Говорят, ты знаешь, что делать…

— Боже! Что мне делать-то? — провел ладонями Кристофер по морщинистым щекам, от чего в тот же миг сделался похожим на английского бульдога.

— Ну, я думаю, тебе как минимум надо позвонить в министерство, — пожал плечами Харди.

— Точно! — срывающимся на писк голосом, застонал мистер Уокен, подскочил с кровати, схватил с телефонного аппарата трубку и стал набирать номер на дисковом циферблате. Но у него ничего не получалось! Дрожащие пальцы все время попадали не в те дырки, и в итоге Кристофер смог набрать лишь номер круглосуточной ветлечебницы.

— Да у моей кошки нет инфаркта! У меня и кошки-то нет! — орал в трубку невменяемый Кристофер, вступив в перепалку с женщиной на том конце провода по имени Люсиль, которая угрожала ему, что если он немедленно не привезет своего драного кота к ним в клинику, то она самолично приедет к нему и кастрирует.

Пока отец что-то возмутительно невнятно верещал в трубку, одновременно с этим доставая из прикроватной тумбочки хрустальный бонг и наполняя его водой из кувшина, Том, наконец, опомнился. Его осенило, что вот он — тот самый момент. Кристофер так увлечен телефонным криком, что не замечает ничего вокруг себя. Поэтому парень быстро юркнул в ванную комнату, распахнул дверцу навесной тумбы и стал шарить среди несчетного множества пузырьков и баночек в поисках заветной.

— Да, сука, — тихо возрадовался Том, когда ему на глаза попалась баночка с надписью «Оксикодон». Парень шустро открутил крышку и сыпанул себе в ладонь нехуевую такую горсть. Ох, пацан, все это — плохая затея! Давай, осторожнее там! А то, глядишь, отец тебя спалит! Вон он кажется уже идет!

— Том, ты не знаешь у кого-то из соседей есть кошки? Или, может, хотя бы хомяки? — крикнул из комнаты Кристофер, который зачем-то решил сгонять в ветклинику и показать больную кошку лекарям, позабыв про насущные проблемы. Может нехуй столько дуть, сэр?

— Неа, — ответил ему Том, судорожно закручивая пузырек и ставя его на место. Он высыпал горсть «окси» себе в карман и поспешил покинуть уборную.

В это время в комнате мистер Уокен уже порвал свою шляпу на мелкие клочки и приступил к выдиранию волос со своей до безобразия прокуренной головы. Он был близок не то что к истерике — к шизофрении. Еще бы, не каждый день подыхает Королева. От такого казуса у Кристофера вылетел из головы весь протокол действий, положенный в этой ситуации.

— Это… Пап… — одернул его за подол ночнушки-пальто Том. — Я кажется… Это… Перепутал все, — виновато поджал он полные губы.

— В смысле? — заревел мистер Уокен, словно глупая белуга.

— Ну я это… Смотрел в общем фильм один документальный, — сочинял на ходу немыслимые бредни Том. — Про Фредди Меркьюри. Вооот… И там сказали, мол, что он умер от СПИДа, ибо был мужеложцем…

— Я ничего не понял, сын, — ничего не понял Кристофер. — При чем тут это?

— Ну откуда мне было знать о какой королеве речь? — артистично вскинул руки Том. — Я и подумать не мог, что это название группы! Я услышал что-то про «Королеву», смерть и сразу поспешил к тебе! А только сейчас понял, что что-то

здесь не сходится!

— Ёбаный ты в рот, Том! — взвыл мистер Уокен и ничком упал на кровать, уставившись в потолок и без раздумий купившись на байки сына. Он и вовсе позабыл о том, что в самом начале этого разговора Том пиздил про некий телефонный звонок из министерства. Но не похуй ли на это Кристоферу? Главное, что Королева жива и не подцепила ВИЧ на какой-нибудь наркоманской гей-вечеринке в далеких 80-х.

— Ладно, пап, прости, что потревожил и ввел в заблуждение, — похлопал его по плечу парень и попятился на выход. — Я это… Почитаю пойду… А точнее, посплю… Ох, что-то так умаялся сегодня, — наигранно зевнул он и юркнул за дверь, оставив отца в одиночестве.

Том выскочил в коридор и поспешил по направлению к своей спальне, ускоряя шаг и суетливо оглядываясь, будто боялся, что Кристофер выскочит за ним и пустится в погоню, дабы забрать таблетки. Пацан, да твой отец уже укуривается в хлам, чтобы снять стресс, который испытал от твоих ебаных историй. Уж точно он за тобой не побежит! Да еще и со своими больными суставами! Твоему старику не до бега явно в этот вечер!

Том влетел в свою комнату, заперся изнутри и, тяжело дыша, оперся спиной на дверь. Он ощущал себя опасным преступником, которому только что удалось уйти от погони копов. Когда он смог отдышаться, то сунул руку в карман штанов и вытащил оттуда горсть украденных таблеток. Он уставился на раскрытую ладонь с верхом наполненную «окси» и, нахмурившись, закусил губу. Том сомневался, действительно ли это то, что ему сейчас нужно. После пары секунд раздумий, он твердо уверился в том, что да. Парень приложил ухо к двери, дабы удостовериться, что нет никакой погони, и что в поместье все уже спят. Затем он подошел к окну и задернул плотные шторы. Подойдя к письменному столу, Харди оглядел его, ища предмет, которым бы можно было растолочь таблетки. Ведь как говорила Мелисса, именно так принимают эти наркотики.

— Сойдет, — схватил он стаканчик для письменных принадлежностей и покрутил его в руке.

Том положил на стол пару таблеток, ведь именно столько по его подсчетам, ему требовалось.

— Сукааа, бляяя… — протянул он, когда порошок был готов и ждал своего часа быть потребленным. — В пизду! — психанул парень и, отбросив все сомнения, разом вынюхал «окси».

Том откинулся на спинку стула и стал ждать эффекта. Через пару минут его заебало это неблагодарное дело и он, решив, что все это развод какой-то, пошел к кровати, чтобы поспать.

Как только он лег в постель, то сразу же ощутил невероятную легкость во всем теле.

— Ебааать, — простонал Том, прикрыв глаза.

Вслед за легкостью физической, пришла и внутренняя. Все проблемы, которые были до сего момента у парня, показались ему не то что хуйней — чепухой! Все переживания ушли на второй план, и Том чувствовал лишь неимоверную праздность бытия вокруг себя.

— Как же охуенно, — улыбнулся Харди, когда на него нахлынула волна эйфории, нежно окутав все тело и проникнув в душу.

Приход от «окси» заставил депрессивного меланхолика Тома почувствовать себя невероятно беззаботным и охуевше счастливым человеком. В этом состоянии беспечности и отстраненности от всех проблем, выедавшим мозг, Том провел несколько часов.

— Пиздооос… — подытожил он и уснул обсаженным сном начинающего наркомана.

Вот так в фамильном поместье Харди появился еще один человек с наркотической зависимостью. С того дня Том стал регулярно принимать Оксикодон, не забывая воровать новые порции у отца. Каждый раз он придумывал несуразные байки, дабы отвлечь Кристофера, и тот каждый раз покупался на бредни сына. Однако, он иногда замечал, что таблетки необъяснимым образом пропадают, но даже и на миг не мог представить, что Том способен на такие поступки, поэтому списывал эти пропажи на свою забывчивость, а порой даже подозревал, что у него началась деменция.

Тем временем никто не заметил, как подкрался июль. И хоть у школьников наступили летние каникулы, домашнее обучение Тома продолжалось на полном ходу. В школу парень наотрез отказался возвращаться, поэтому Кристофер, будучи мягчайшим из всех людей, решил не давить на сына и опустить эту тему до поры до времени. Сам же мистер Уокен взял на себя обязательство обучить сына самостоятельно, чтобы тот не упустил ничего из школьной программы. Он решил, что когда Том будет готов, он сам вернется к учебе, и тут, как нельзя кстати, придутся его знания, полученные дома. В этом нелегком деле — обучении истеричного тинэйджера-наркомана — Кристоферу помогала Мелисса.

— Итак, Том, к сегодняшнему уроку ты должен был прочесть книгу Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» и написать по ней эссе, — говорила Мелисса, перелистывая какой-то модный журнал и даже не смотря на своего подопечного.

Том сидел напротив гувернантки за письменным столом и, подперев кулаком щеку, смотрел за окно. Парень даже и не слушал, что там лопочет Маккарти, ведь ему было до безобразия пиздато и охуенно! А все дело в том, что Харди вновь усадился до неузнаваемости обезболивающим Кристофера.

«Послушай, Том, как же жалко, что Курт Кобейн умер, ты нехило так подсел на его песни в последнее время. Наверняка, ты бы смог с ним подружиться, ведь у вас столько общего! И все же интересно — он застрелился сам? Или его убила его блядская жена? Ты обязан это узнать! Но как? Хммм… Может через батю? Сказать ему, что Курт внебрачный внук королевы? Пускай проводит независимое расследование! Бляяя… Как же твой батя похож на частного сыщика в этих своих шляпе и пальто. Интересно, а носит ли он в кармане огромную лупу?» — думал невменяемую ерунду парень, переведя обдолбанный взгляд с окна на Кристофера, который мирно спал на табуретке в углу комнаты, оборудованной под учебный класс.

— Том! — вернула его из мира грез Мелисса, хлопнув толстенной ладонью по своему столу. — Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?!

— Ммм? — вопросительно посмотрел на нее Харди.

— Где эссе? — прищурено посмотрела на парня Маккарти.

— Какое такое эссе? — нихуя не понял Том.

— Что с тобой, пацан? Ты в последнее время будто сам не свой… Такой растерянный, несобранный, отреченный… — взволнованно заговорила Маккарти. — Что происходит, Том?

В ответ Харди лишь развел ладони в стороны, опустив уголки пухлых губ, приподняв брови и слегка прищурив глаза.

— Классное выражение лица, тебе идет! — лайкнул Кристофер, проснувшись.

— Да? Дай-ка гляну! — воодушевленно, но еле-еле поднялся со стула Том и, кое-как переплетая ногами, направился к большому зеркалу, висевшему в комнате. Оказавшись на месте, парень начал корчить смазливым ебалом, раз за разом повторяя то, что позднее назовет своим фирменном еблетом.

— Смотри, а если еще и шляпу надеть, то вообще будет угрожающе, — устало подошел к сыну мистер Уокен и надел на его лохматую голову свой излюбленный головной убор.

— Хуйня какая-то, — дерзко скинул с себя шляпу Том и отшвырнул в сторону.

— Эх… — расстроенно вздохнул Кристофер, опустил руки-плети по швам и на полусогнутых ногах поскакал за своим аксессуаром. Да с какой скоростью! Километров пятьдесят в час! Не меньше!

— Да что происходит?! — вскочила с места Маккарти. — Том, немедленно вернись на место и продолжим урок!

— Том, немедленно вернись на место и продолжим урок, — спародировал полный голос парень, покривив лицом перед зеркалом.

— Да что с тобой?! Почему ты себя так ведешь?! — взорвалась пышка, вновь ударив ладонью по столу. — Быстро сел на место!

— На место? А где мое место? Где мое место в этой жизни, Мел? — решил немного пофилософствовать Том, внимательно осмотрев свое отражение. — Блять, вот эти вот усики — действительно какая-то хуйня! Может сбрить? — вопросительно обернулся он на отца. — Не подашь канцелярский нож, пап?

— Смотри поосторожнее, сынок, — передал ему холодное оружие ебанутого школьника мистер Уокен.

— Достаточно этого цирка! — подлетела к ним Макарти и усадила обдолбанных отца, сына и святага духа за парту. — Крис, разве ты не замечаешь, что Том ведет себя довольно подозрительно?!

— Почему? — нахмурился мужчина, подкурив косячок.

— Он совершенно забросил учебу! Он не выполняет ни одно домашнее задание! Чем он вообще занимается? День за днем устраивает какую-то клоунаду! — возмущалась гувернантка. — То разрисовал весь гараж хуями да матерными словами…

— Я же сказал — это дело рук кухаров! — раздался из-под парты голос Тома, который решил взять окси-паузу прямо на уроке.

— Мальчик саморазвивается, — устало встал на защиту сына Кристофер. — Хочет рисовать — пускай рисует. Пускай ищет себя… Может в будущем он станет знаменитым художником…

— А нормально ли то, что позавчера он поджег в холле штору, а потом пытался ее потушить, поссав на нее?! — не унималась женщина в теле.

— Я же сказал — он ищет себя, — лишь развел руками Кристофер. — Может хочет стать бравым пожарником в будущем…

— Это кухара! Это они устроили пожар! — вякал из-под парты Том. — А я всего лишь спас поместье, потушив огонь!

— Мой герой, — потрепал сына по голове мистер Уокен.

— А это вообще нормально, что все свои проделки он сваливает на кухаров? Почему ты поощряешь это?! — буйствовала Мелиса, пытаясь достучаться до Кристофера. Но это было бесполезно! Кристофер никак не открывал! — Это вообще нормально, что сейчас он сидит под партой?!

Не дожидаясь ответа, Маккарти обошла стол и резким рывком выдернула из-под него Тома, который как раз в это время прибывал в состоянии нехилой такой эйфории. Увидев гувернантку, парень лишь расплылся в блаженной улыбке конченого ебаната.

— Знаешь, Крис, думаю, он что-то употребляет! — высказала свое экспертное мнение Мелисса, строго взглянув на мистера Уокена.

— Пффф, — подкатил тот глаза. — Наркотики? Вот что-что, а это точно нет! Том — смышленый и мудрый парень. Мы с ним разговаривали на эту тему вполне себе серьезно. Знала ли ты, дорогая наша Мелисса, что абсолютно все мужчины в нашем роду чем-то наркотическим, да баловались. И Том знает, что никого из них до добра это не довело! Зачем ему наступать на эти грабли? Так ведь, сынок?

— Абсолютно, — прошептал парень, подкатив глаза от удовольствия.

— Ну, вот видишь, Мел, он все прекрасно понимает. Он не будет употреблять

наркотики. Как не употребляю ничего такого серьезного я… — порол хуйню мужчина, не видя сквозь полуприкрытые глаза, как его сын превращается в такого же конченого наркомана, как и он сам.

— Тогда что с ним?! — продолжала гнуть свою линию Маккарти, яростно тряся за шиворот Тома.

— Думаю, парень просто одичал, — выдвинул вариант Кристофер, приуютив голову на сложенных на парте руках. — Сколько он уже месяцев сидит дома? — замямлил он, потихоньку задремывая.

— Значит, если ты уверен, что проблема именно в этом, то что-то нужно предпринять! Нужно, чтобы он вернулся в общество! Вернулся в школу! — из последних сил пыталась найти выход из сложившейся ситуации Мелисса, поверив на слово наркоману на опыте, что его сын чист как глупое стеклышко.

— Я хуй вернусь в эту богадельню! Ибо зарекся! — поднял вверх указательный палец Том. — Зачем? Чтобы мистер Гаррисон передернул мне под столом?

— Не хочешь туда — можно перейти в другую школу, — буробил в полудреме Кристофер, поглаживая шляпу, которая мелодично заурчала от подобных ласк.

— Ну, а почему, собственно говоря, и нет, — состроил свой еще не совсем фирменный еблет Том, наставив на отца указательный палец.

— Ты это сейчас серьезно? — удивленно и с ноткой недоверия посмотрела на него гувернантка. — Ты же громче всех орал, что ничего подобного тебе не надо! Тебе же предлагали вариант с новой школой, пацан!

— Ну, а сейчас передумал, — продолжал бредить Харди, ловя приход за приходом. — Сука, как же охуенно…

— И не говори… — протянул одурманенный мистер Уокен.

— Все! Мне это надоело! Я беру ситуацию в свои руки! — отшвырнула от себя Тома женщина. — Я сейчас же пойду и созвонюсь с директором школы, в которой учились мои братья. Он мой хороший знакомый и без проблем примет тебя к себе!

— Ну, так иди… — устало махнул в сторону Мелиссы Кристофер и перевернул голову на другой бок.

— И созвонись… — пизданул Том, сворачиваясь калачиком на полу, ведь, кажется, переборщил с колесами, и ему захотелось немного поспать. Смотри поаккуратнее пацан, не передознись!

Мисс Маккарти лишь раздраженно цокнула и удалилась из класса, чтобы уже хоть как-то ускорить процесс вытягивания Тома из этой шизовой ямы.

Глава 36: Дилер

1 сентября 1998 года.

— Эй, пацан, ты собираешься вставать или как? — заглянула в комнату Тома пухлая голова Мелисы. — Завтрак уже готов давно. Просыпайся, ешь и я отвезу тебя в школу.

— Чего, какая еще школа? — охуевше прохрипел Харди, не в силах продрать глаза. — Я не хожу в школу, забыла?

— Это ты, кажется, забыл! С сегодняшнего дня ты идешь в новую школу, не надо прикидываться, что ты не знаешь! — возмутилась гувернантка, распахивая шторы в спальне.

— В пизду… Не пойду я никуда, — перевернулся на другой бок Том и натянул одеяло на голову.

— Слушай сюда, пацан! Это не обсуждается! — сдернула Маккарти с него одеяло и стащила парня за ногу на пол.

— Охуела? — приподнял шрамированную бровь Харди, не открывая глаз.

— Охуел — ты! — рявкнула на него Мелисса. — Что ты с собой творишь? Ты катишься на дно! Я с тебя просто так не слезу! Думаешь пизданул мне про школу, чтобы я отвязалась, а я поведусь? Не на ту нарвался! Я сказала, что ты идешь сегодня в школу — значит ты туда идешь! Все! Вопрос закрыт! Вот, кстати, твоя форма! — кинула она в лицо парня одежду, развернулась на толстых пятках и пошла прочь из спальни.

— Ой! Ладно! Пойду я в эту обдроченную школу! — подкатил закрытые глаза Том и стал медленно вставать с пола.

Поднявшись, он тут же понял, что его нехило ломает после принятой вчера дозы «окси», поэтому мигом поспешил к письменному столу, где из ящика с двойным дном достал заначку колес. Том быстро растолок их и занюхнул. Сразу после этого он почувствовал бодрость тела и духа, и, наконец, смог открыть глаза.

«Послушай, Том, зачем тебе эта школа…» — рассуждал он, стоя перед зеркалом в ванной. — «Что тебя там ждет? Опять издевки от всяких тупых дегенератов? Нахуя б оно тебе нужно? Но и от Мел ты явно не отвертишься… Она уже в прошлый раз заподозрила тебя в наркомании… Еще чего доброго перевернет всю твою комнату вверх дном и найдет таблетки… Вот что-что, а это тебе точно нахуй не нужно!»

Парень умыл лицо и стал внимательно разглядывать свое отражение.

— За эти блядские усики можно не хило отхватить в первый же день в школе… — провел он двумя пальцами по верхней губе, после чего без раздумий открыл ящик за зеркалом и достал оттуда опасную бритву, которую подарил ему пару месяцев назад Кристофер в знак скорого взросления и окончания пубертатного периода.

Намазав пушистое подобие усов мылом, Том откинул лезвие бритвы и поднес к лицу.

— Так-то лучше… — одобрительно кивнул он отражению, когда усы были сбриты. — Покажи там всем этим школьным уебкам, что не потерпишь никакой хуйни в свой адрес, — изобразил парень свой фирменный еблет, который получался уже куда лучше. Еще бы! Ты полтора месяца тренировался, пацан! Охуенное достижение в твоей жизни!

Том вышел из ванной, оделся в форму и уже двинулся на выход, как вдруг резко замер.

— Блять! — зарычал он, закрыв двумя ладонями нос и рот. — Я не смогу без нее! Не в первый день уж точно!

Харди вновь рванул к столу и достал оттуда свою маску.

— Ну ебаный в рот! — психанул парень, когда не смог уютно застегнуть маску на затылке из-за пучка собранных волос. Он стянул с головы резинку и вновь ринулся в ванную комнату, дабы привести в божеский вид растрепавшиеся там и тут космы. — Ебааать… — протянул Том, увидев в отражении нелепого уебана в маске, из-под которой в разные стороны торчали небрежные пряди волос, а точнее сказать, уродские патлы.

Не успел парень подумать о том, как же ему выкрутиться из этой ситуации, как решение пришло само. Харди снял маску и вновь взялся за опасную бритву. Что ты задумал? Суицид? Это не выход, Том! Успокойся! Ааа… Ты просто решил обриться налысо! Ох, ну тогда все в норме! Давно пора!

— Ну ты там скоро? — снова вошла в спальную Мелиса. — У тебя уже и на завтрак времени нет, через пять минут надо выезжать. Где ты запропастился? Лысого решил погонять? Не лучшее время для…

Маккарти замерла и, округлив глаза, уставилась на Тома, вышедшего из ванны: бодрого, обдолбанного и не на шутку лысого.

— Ээээм… Неожиданно… — подошла к парню Маккарти и крутанула его вокруг своей оси, оценивающе рассматривая его голову. — А так гораздо лучше… Даже с этой идиотской маской ты смотришься таким… Таинственным? Или даже немного устарашающим? Хм… Неплохо…

Том развел руки в стороны и в который раз состроил свой фирменный еблет.

— Хватит кривляться! — дала ему подзатыльник Мелисса и подтолкнула к двери.

Харди похлопал себя по карманам брюк и, удостоверившись, что не забыл взять с собой «окси», вышел из спальни.

Оказавшись в стенах новой школы, Том сразу же напрягся. У него появился страх, что все будет также, как и в прошлой школе. Что все будут его дергать и шпынять, отпускать мерзкие шутки про его маску и него самого. Надежды на то, что он сможет найти здесь друзей не было вовсе, да и сам парень этого не очень-то и хотел. Поэтому прежде, чем отправиться в класс, Харди не придумал ничего лучше, чем зайти в туалет и объебашиться там колесами до неузнаваемости, дабы просто положить хуй на все происходящее вокруг. Сделав все свои окси-дела, Том приободрился и направился на урок.

— Эй, что это у тебя такое? — услышал он слова одного из ребят в классе, когда шел между рядами парт на свое место.

— Это ты мне? — обернулся Том на одноклассника и уставился на него ебливым обдолбанным взглядом.

— Что за маска, чувак? — обвел лицо ладонью парень, сидящий за третьей партой.

— Еще раз спросишь — и тебе пизда! — зарычал на него Харди, подскочив и прижав одноклассника щекой к столешнице.

— Эй, псих, угомонись, — попытался оттащить его светловолосый парень, проходящий мимо. — Ты чё такой буйный?

На этот вопрос Том и вовсе не намеревался отвечать. Вместо этого он выдернул стул из-под ученика, которого держал за шею, и замахнулся им на блондина, остановившегося посреди ряда. Тот успел увернуться от этого безумного удара, но при этом завалился на задницу. Не успев опомниться, парень получил охуевший удар с ноги в лицо. Из носа хлынула кровь.

— Ты еще не знаешь, какой я, когда буйный, — склонился над ним Том, приподняв его голову за светлые волосы, и посмотрел в глаза.

Парень выставил ладони вперед, как бы показывая, что он сдается. Харди с силой отпихнул его от себя, от чего тот стукнулся затылком об пол.

— Слушайте все меня, шмары! — поставил Том стул, которым вооружился, посреди прохода и взобрался на него ногами. — Если кто из вас посмеет что-то

пиздануть про меня или мою маску… Пусть это будет даже что-то безобидное на ваш взгляд, обычный вопрос, любопытство или еще что-то подобное… Но если мне это не понравится, то знайте, что вас ждет то же, что и этого пидора, — указал он рукой на избитого парня, заливающего весь пол кровью из носа.
— Или хуже… — обвел Том публику угрожающим взглядом.

Весь класс уставился на этого ебаната ошарашенными взглядами. Все ребята сразу поняли — этот человек не на шутку отбитый и связываться с ним не стоит. Они, конечно, могли бы собраться всеми, устроить ему темную и побить толпой. Но и это делать они не сильно желали. Ведь когда человек за пару безобидных фраз в свой адрес вооружается стулом и разбивает своей жертве лицо с удара ноги, то это говорит лишь об одном — его стоит обходить стороной и не нарываться. Кто знает, что взбредет ему в голову в следующий раз. Вдруг за обычное приветствие он пырнет тебя ножом? Ну его нахуй!

— Вы меня поняли? — крикнул Том, продолжая сверлить одноклассников прищуренным взглядом. — Я, сука-бля, спрашиваю — поняли? — рявкнул он.

Все ребята неоднозначно помотали головами, попожимали плечами и стали расходиться по своим местам, стыдливо опустив глаза в пол, из-за того, что побоялись дать отпор этому мракобесу в маске.

— Вот и славно! — самодовольно кивнул Харди, состроил свой фирменный еблет, которого никто не увидел из-за маски, и спрыгнул со стула, попытавшись придать своему прыжку некой громоздкости, дабы сильнее запугать одноклассников. — На, вытри ебало… И попробуй только кому-нибудь настучать… — бросил он носовой платок в лицо пострадавшему парню и, небрежно перешагнув через него, пошел к своему месту за последней партой.

«Здравствуй, дорогой дневник.

Сегодня был мой первый день в новой школе. И должен сказать, он был превосходным! Я так себя показал, что больше не один ублюдок не посмеет ко мне лезть. Это была моя первая драка, хоть это и сложно назвать дракой… Вообще, я всегда был против насилия. Физического и морального. Не знаю, откуда у меня это появилось? Откуда вообще у людей берется это? Почему люди так злы друг к другу? Почему один человек может оскорбить и унизить другого? Почему сильный считает, что имеет право бить слабого? Я читал где-то, что человек, подвергавшийся какому-либо насилию в детстве, может и сам потом считать нормой применение силы. Мужчина, которого в детстве били родители, будет потом бить своих жену и детей. Хммм… Написал это и сразу понял, откуда ноги растут… Ладно, не хочу об этом… Благо, у меня не будет ни жены, ни детей, так что этим несчастным повезло, что я их не трону. А то, что я сделал сегодня… Считаю ли я это нормальным? Не знаю… Главное, что я защитил себя, а каким способом — не важно. Почему жертвой всегда должен быть я? Настала пора и мне получить свою долю власти над людьми, почувствовать, как они тебя боятся, и быть уверенным, что теперь тебя не тронут и не сделают больно…

Буду держать тебя в курсе, как пойдут дела в школе дальше, дорогой дневник.

1 сентября 1998 года».

На следующий день Том отправился в школу в приподнятом настроении. Мало того, что он был уверен, что урегулировал вчера с одноклассниками все вопросы и теперь издевательства ему не грозят, так еще с самого утра он наебашился «окси» по самый «небалуй». Еще бы тут было плохое настроение!

Парень уже поднялся по парадным ступенькам, как вдруг вход ему преградил какой-то старшеклассник, который был на голову выше Тома и шире в плечах раза в два.

— А ну, пиздюк, отойдем в сторонку, — зарычал здоровяк, схватил Харди за шкибот и потащил за угол. Том даже и не мог сопротивляться, ведь силы того кренделя не на шутку превосходили его. Что, когда нет поблизости, чем замахнуться на обидчика, то и слов сразу не находиться? Стулом угрожать каждый может!

За углом ждали еще два старшеклассника с сигаретами в зубах. Один был длинный и тощий, с впалыми щеками сплошь усеянными подростковыми прыщами, второй — низкий, крепкий, с круглым лицом, и в целом напоминавший пуфик.

— Говорят, ты вчера в своем классе устроил шоу? — буркнул длинный, затушив окурок об стену школы.

Том молчал, судорожно думая, как выкрутиться из этой ситуации.

— Как-то хуево ты поступил, — предъявил второй, набрав полные легкие табачного дыма.

— Кто вам стуканул? — решил повыебываться Том, спустив маску на шею.
— Ммм? Можно? — протянул он руку к пачке сигарет одного из парней.

— Ну, давай перекурим, хули, — усмехнулся тощий и протянул Харди сигарету. — Побазарим за вчерашний рамс, — присел он на корточки и поманил Тома присесть тоже. Тот повиновался.

Том сунул в рот сигарету и один из старшеклассников ему подкурил. Только он сделал первую затяжку и ощутил горьковатый вкус табачного дыма во рту, как горло сразу же будто обожгло и сдавило. Том задержал дыхание, еле сдерживаясь, чтобы не закашляться. Еще не хватало прослыть некурящим лохом перед старшеклассниками. Он попытался сглотнуть, чтобы избавиться от дерущего ощущения в горле, и дым пошел через нос.

— Ну так кто вам настучал? — хрипло спросил он, сделав вторую затяжку, которая показалась ему уже мягче.

— Да вся школа обсуждает твою ебаную выходку, — ухмыльнулся пацан-пуфик и тоже присел на корточки. — Хули тут стучать? Мы услышали эту историю, и так рассудили с пацанами — хуйню ты натворил, — обвел он рукой своих приятелей, а затем ткнул Тома пальцем в грудь.

— Да, а вас это как ебет? — дерзанул Харди, решив показаться крутым.
— Это наши терки были, мы все порешали уже.

— Ну, а мы за справедливость, — развел руками самый первый здоровяк.
— Ты не за хуй отпиздил пацана, ну, а мы отпиздим тебя, — схватил он Тома за воротник рубашки и притянул к себе, замахнувшись кулаком на его смазливый еблет.

— Так, стоп, пацаны, — затараторил Харди, замахав ладонями. — Ну зачем сразу пиздить? Давайте договоримся. Есть у меня к вам одно предложение интересное…

Парень, уже собиравшийся дать ему по ебалу, замер и остановил свой кулак в миллиметре от носа Тома, затем посмотрел поочередно на своих друзей, и после того как те положительно кивнули, махнул головой в знак готовности выслушать.

— Короче есть одна тема… Слыхали когда-нибудь про «окси»? — тихо заговорил Харди, отцепив от воротника руку старшеклассника.

— Ну допустим… — пожали плечами все трое, явно заинтриговавшиеся этим разговором. — Обезболивающие такие… Наркотик… Типа морфия…
— забуробили они наперебой друг другу.

— Так и есть, — выставил указательный палец вперед Том. — Короче, хотите заценить? У меня есть.

— И почем? — спросил здоровяк.

— Ээээм… По два фунта за колесо, — пизданул Харди, после того, как провел какой-то мысленный расчет.

— Нихуя себе, — возмутился длинный. — А с хуя ли нам у тебя их покупать, если мы можем просто их отобрать?

— Отобрать, конечно, можете, — ухмыльнулся Том, докурив уже сигарету до самого фильтра. — Но завтра вы захотите еще, но у меня уже не будет, — отбросил он окурок щелчком, да так ловко, будто делал это не в первый раз.

Трое переглянулись, как бы совещаясь. Уж очень им хотелось отведать наркотиков!

— А откуда нам знать, что это не наебалово? Может ты нам подсунешь пустышки? — через полминуты раздумий заговорил здоровяк.

— Ладно, пацаны, ваша взяла, — подкатил глаза Том. — Поступим так… Я вижу вы ребята четкие, поэтому дам вам одну на пробу, а две вы купите. Но это разовая акция, так что не вздумайте потом борзеть и угрожать мне, иначе больше вообще нихуя не получите. Ну что, заметано? — протянул он руку здоровяку для заключения сделки.

— Колеса давай, — рявкнул тот и отпихнул от себя ладонь парня.

Том пошарил в кармане, достал оттуда три таблетки и протянул старшеклассникам. Здоровяк уже потянул свою клешню, чтобы забрать колеса, как Харди сжал кулак перед его носом.

— Деньги вперед, — усмехнулся он.

Здоровяк, который был в этой компании за главного, махнул головой своим приятелям, чтобы те выкладывали по два фунта, ведь бесплатную таблетку он решил присвоить себе. Длинный достал из нагрудного кармана жилетки мелочь и передал ее Тому. Крепыш-пуфик же судорожно шарил по своим велюровым карманам, округлив глаза.

— Бля, у меня с собой нету, — опустил он уголки губ вниз.

— Ну я понял… Понял… — осуждающе скривил губы Том. — Давай обмен тогда. Ты мне свою пачку сигарет, я тебе таблетку.

— Да у меня там полная почти! — заныл коротышка. — Она стоит втрое дороже твоего колеса.

— Ну, нет, так нет, сука-бля, — пожал плечами Харди и демонстративно убрал одну таблетку обратно в карман.

Здоровяк пихнул пуфика локтем в бок.

— Ладно, держи… — подкатил тот глаза и протянул Тому пачку Мальборо.

Забрав деньги и курево, парень отдал троице «окси». Те, воодушевленные покупкой и скорым потреблением наркотиков, развернулись и поспешили прочь.

— Как их принимать хоть знаете? — окликнул их Харди. — Растолочь и занюхнуть, — пояснил он за «окси», подкуривая сигарету.

Вот так вот наш Том не только закурил, но и стал барыжить наркотой прямо в стенах школы. Поначалу таблетки покупали только эти трое, но вскоре сработало сарафанное радио, и уже через неделю к парню буквально выстраивалась очередь из тех, кто желал новых ощущений. Деньги потекли рекой. Тратить их Тому было особо не на что, поэтому несколько фунтов в день он спускал на сигареты, остальные же откладывал в ящик с двойным дном. Он еще не знал на что копит, но был уверен, что когда-то эти деньги ему пригодятся. Порой Харди, в особенности, когда перебарщивал с Оксикодоном, устраивал в школе всяческие разборки с использованием подручных средств для устрашения, за что на него был повешен ярлык отмороженного психопата. Одноклассники обходили его стороной и старались не ляпнуть в его сторону чего лишнего, обращаясь к нему лишь за таблетками для какой-нибудь вечеринки, ни на одну из которых Том не был приглашен. Также парень, несмотря на свою зависимость, решил заняться спортом. Ведь принцип «на войне все средства хороши» был ему не очень близок, и он хотел давать отпор своим обидчикам собственной силой, а не всякими стульями или незнамо еще чем. Он бегал по вечерам и пару раз в неделю посещал зал, благодаря чему

вскоре стал превращаться из хилого рохли в рохлю поджарого.

Глава 37: Скаут

Апрель 1999 года. Нампа, штат Айдахо, США.

— Господи, Джейк, как же мне не нравится эта затея, — кудахтала в сотый раз Мэрил. — Ладно, ты ходишь в школу… Но турпоход с отрядом бойскаутов — это слишком! Это опасно! Для тебя, твоих костей и иммунитета…

— Мамуль, ну хватит, — беззаботно отмахнулся от женщины Джилленхол. — Что может такого случиться? Меня же защищает шар! — продемонстрировал он свои гофро-перчатки матери. — Да и вообще, мы же уже все решили! Это мой подарок от тебя на прошедший день рождения!

— Ты манипулируешь мною, малыш Джейки… — опустила уголки губ мисс Стрип, поправляя на голове пробковый шлем африканского гида.

— Ничего подобного! — фыркнул мальчик из шара. — И да, помни на чем мы условились. Если поход пройдет хорошо — в следующий раз я поеду без тебя! — строго взглянул он на мать, нахмурив пышные брови.

— Я помню, мальчик мой, помню… — сузила губы в тонкую полоску Мэрил.

В это время перед домом мисс Стрип остановился бежевый ВАЗ 2106 с желтыми шашечками на крыше. Дверь со стороны водителя распахнулась и из нее выбежал обескураженный до неузнаваемости Рамзан Кадыров.

— Чита это такой?! — возбужденно ткнул он шаурмой в мини-шар Джейка. — Я нэ возить такой в моя ласточка!

— Так, успокойтесь! — поспешила осадить его Мэрил. — Это обычный ребенок!

— Хммм… — прищурился Рамзан, вглядываясь в толщу стенки из гиперпрочного полиэтилена. — Похож… Но я нэ вэзти это в свой ласточка! Мнэ поступить заказ на обычный пассажир, а это, Ахалай-Махалай, ужэ пэрэвоз животного! Плати за нэго, как за кощку или собаку, жадная жэнщина!

— Это надувательство! — вспылила уже и мисс Стрип. — Мой сын тебе никакая не собака! Как ты посмел говорить такое про него в таком тоне, грязное животное?! — перешла она на личности.

— Чита?! — превратился в сову-мусульманина Кадыров и достал из-за пазухи автомат.

Целый час Мэрил и Рамзан пререкались, поливая друг друга не то что говном — помоями! Но в конченом счете, Стрип сдалась и заплатила Кадырову по двойному тарифу. Плюс сверху за перевоз домашнего животного. А еще плюс за багаж, которого, к слову, было у Мэрил и сына из шара ебейше много!

И вот, ближе к полудню, бежевая «шестерка» остановилась на автомобильной стоянке перед лесом. Школьный автобус был уже на месте, а недалеко от него толпилась куча ребятни в скаутских костюмах. Как оказалось, все они уже пару часов ждали никого иного, как Джилленхола.

— Неужели приехал! — подкатил глаза одноклассник Джейка — Шон Уильям Скотт. — Мы уже устали ждать!

— Ох, Шон, ты даже не представляешь, каких сил мне стоило добраться сюда! — беззаботно говорил парень из шара. — Нам с мамой попался такой буйный и злой таксист!

— Джилленхол, никому не интересны твои глупые истории! — рявкнул Скотт, поднимая рюкзак с асфальта.

— Мама сказала, что больше никогда не будет пользоваться услугами того таксопарка. Да и вообще, что кавказцы такие же ушлые люди, как и евреи, как и британцы, как и нигеры… — проигнорировал возмущения в свой адрес Джейк и продолжил рассказ.

— Джилленхол, а ты, я смотрю, не один в поход пошел? — подъебал его

Райан Рейнольдс, когда отряд бой-скаутов тронулся с места. — Что, боишься без маменьки спать?

— Ой, да причем тут это? — продолжал беззаботничать Джейк, который даже и не обращал внимания ни на какие колкости в свой адрес. — Просто мама боится за мою безопасность и хочет убедиться, что в походах нет ничего страшного! Вот она убедится, а в следующий раз я пойду уже без нее!

— Какое-то дерьмо, — буркнул Элайджа Вуд. — Ребята из старшего отряда нас на смех поднимут. И все из-за тебя… Мало нам было этого твоего шара, так теперь еще и мать твоя с нами пошла… Просто отлично! Значки за тебя тоже она получать будет?

— Такой ты маменькин сынок! — пихнул в шар рукой Шон Уильям Скотт.

— Кстати о значках, пацаны, — поправил на голове шапку из скунса Джейк. — Моя мама на будущей недели обещала напечь целый ворох печенья! Кто присоединится ко мне и пойдет продавать? Ммм?

— Уверен, что никто не захочет связываться с тобой, глупый шар! — засмеялся Райан. — Я лучше пойду торговать со своей младшей сестрой, чем с тобой!

— Ну, как хотите, — пожал плечами Джейк. — Но я уверяю вас, пацаны, печенья будет продано столько, что я получу за них бомбичную сумму денежек! А это значит чтооо? Что значок будет мне гарантирован!

Вот так вот отряд и шел сквозь лес. Одноклассники чуть ли не на каждом шагу подъебывали Джейка, отпуская не только колкости в его адрес, но и иногда даже подгнабливали его физически: кто шишкой в него кинет, кто желудем, а кто и вовсе поленом. Джилленхол же, в свою очередь, будто и не замечал всего этого дерьма и продолжал беззаботно общаться с ребятами, то и дело хохоча, будто младенец. Ох, окажись на месте Джейка его старший брат Том, наверняка бы уже сидел в каком-нибудь обдроченном дупле, да лил слезы, как несправедлива эта жизнь, да и вообще вся бренность бытия. Хотяяя… Он же уже просто всех пиздит по чем зря! Но все равно, ты, Джейки, красавчик! Отлично парируешь нападки ребятни, хоть даже и не считаешь все это нападками! И при том, даже без применения силы!

Турпоход продолжался почти весь день. На протяжении всего пути вожатые рассказывали детям разного рода экологические истории, а также обучали всяким лайфхакам — как выжить в условиях дикой природы. Позади всего отряда плелась и Мэрил, ворча и волоча на спине огромный рюкзак, по размеру превосходящий в три раза саму женщину.

Ближе к вечеру, вожатые отыскали пиздатую поляну, которая прекрасно подходила для разбития лагеря. Скаут из шара так хотел расставлять палатки вместе с ребятами, но увы и ах! Мэрил посчитала, что это плохая затея и что ее сын должен пребывать в подходящих для него условиях. Поэтому, на соседней поляне была разбита большая палатка на двоих. Сверху же был установлен купол из гиперпрочного полиэтилена, заключающий в себя палатку Мэрил и Джейка, а также небольшую территорию в радиусе пяти метров вокруг нее.

Ребята из отряда то и дело подъебывали Джилленхола по поводу того, что тот будет спать не только рядышком со своей маманей, но и в некой хоть и полиэтиленовой, но комфортабельной хуевине, а не с ними — в старых палатках в драных спальных мешках на сырой земле. Но Джейку, опять же, было плевать на все эти насмешки и нападки, и парень из шара беззаботно пошел провести ночь под свой купол из гиперпрочного полиэтилена.

— Так, Джейки, твой жареный зефир практически готов, — лепетала Мэрил, дробя сласть в ступке, дабы потом переложить ее в космический тюбик для сына. — Милый? Ты слышишь меня?

— Слышу… — тяжело вздохнул мальчишка из шара, сидя на земле и рисуя на

ней палочкой. — Мам, я так не хочу… Это турпоход… Хочу жарить зефир с ребятами у костра, а не вот это вот все…

— Дорогой, это не обсуждается! — добро рявкнула Мэрил. — Тебе нельзя подходить близко к костру в своем шаре! Температура под ним начнет повышаться, а твоя кожа…

— Я знаю, знаю, — покривил лицо Джейк, даже не взглянув на мать. — Моя кожа словно воск и может расплавиться… Но все же, могу ли я поспать там? С ребятами? — указал он палочкой в сторону разбитого скаутами лагеря.

— Конечно нет! — хлопнула себя по бедрам Мэрил. — Зачем тебе это, если здесь — под куполом из гиперпрочного полиэтилена — тебе будет комфортно, а там как ты будешь спать? В минишаре? Удобно ли это?

Вдруг диалог был прерван неким шуршанием в кустах неподалеку.

— Ааагррр, — зарычал Джейк, в все нервы на его лице напряглись. — Рядом кошки… Или почтальоны… Но все же кошки, ведь откуда почтальонам взяться в лесу…

— Дорогой мой ребенок, не нервничай, — потрепала его за ухом Мэрил и дала космический тюбик. — Сейчас мама пойдет и посмотрит в чем дело.

— А можно и мне с тобой? — подскочил с земли Джилленхол. — Ну позяяялуйста! — наклонил он голову на бок и состроил бровки домиком.

— Это не обсуждается, покушай зефир, а я разберусь в чем дело и вернусь, — строго сказала мисс Стрип, взяла фонарик, водрузила на голову пробковый шлем, открыла зип-замок и вышла из зоны полиэтиленового комфорта. Сын лишь проводил мать грустным взглядом и продолжил рисовать на земле всякую ерунду.

Мэрил брела по ночному лесу уже целых пять минут, но пока ей на глаза не попадались ни кошки, ни почтальоны. Вдруг она услышала в кустах какой-то шум и с превеликим раздражением поспешила на звук. Женщина осторожно раздвинула кусты и посветила фонариком на какую-то кучу.

— Кто вы… — пролепетала Мэрил, разглядев в этой куче никого иного, как двух девочек лет девяти от роду. Малышки сидели на земле, обняв друг друга и трясясь то ли от страха, то ли от холода, ну, а может и вовсе от похмелья. Хотя — вряд ли, ведь они еще дети!

— Мы заблудились… — пролепетала одна из них, взглянув на Мэрил испуганными голубыми глазами.

— Мяу! — вдруг спрыгнула с ветки обескураженная полосатая кошка и побежала куда-то в сторону.

От данного поворота событий сердце Мэрил ушло не то что в пятки — на хуй! Женщина глубоко вздохнула ртом и выдохнула через нос. Все в порядке, мисс Стрип. Это просто кошка и не может причинить никого вреда. Наверное… Скорее всего…

— Что вы здесь делаете? — с раздражением спросила женщина. — Вы мешаете моему сыну готовиться ко сну! Нельзя ли потише?!

— Мы потеряли наш лагерь, — обиженно заговорила вторая девочка. — Наш дедушка повел нас в поход, но пару часов назад куда-то ушел из лагеря и не вернулся. Мы и отправились его искать.

— Ведь что нам делать без него? Палатку он не поставил, костер не разжег, — продолжила вторая. — Поможете найти нам дедушку?

— Пффф, — фыркнула Мэрил. — Мне нет дела до вашего деда! Но чтобы вы не мешали отдыхать моему сыну… Так уж и быть! Я помогу отыскать вам ваш лагерь, а там вы уже будите дожидаться своего нерадивого деда!

— Спасибо, миссис, — положительно кивнула голубоглазая девочка, поднимаясь с земли.

— Я мисс! — дерзко ответила женщина, гордясь тем, что не обременена

узами брака и независима от мужчин. — Так и как же мне искать ваш лагерь? — призадумалась она, прикрепляя к своему шлему фонарик.

— Кстати, меня зовут Нина, а это моя сестра-двойняшка Лизи, — сказала вторая девочка. — И мы приехали из самого штата Кали…

— Мне плевать на ваши имена и откуда вы! — села на четвереньки мисс Стрип и стала ощупывать землю. — Так, а это что такое? — подняла она пальцами конфетный фантик.

— Это мы с сестрой конфеты ели, пока искали деда, — пожала плечами Лизи.

— Значит пойдем по этому следу! — сказала Мэрил и на четвереньках поползла по земле, выискивая фантики. Ох и мисс Стрип! Ох и скаут! Додумалась вон до чего! Затейница, каких поищи! Да за такое значок гарантирован! Жаль только вам его не дадут, ибо вы слишком стары для подобных дел…

Сестры переглянулись, пожали плечами и поплелись за женщиной. Так они и шли кто ползком, кто на своих двоих. И вот спустя час мисс Стрип привела Лизи и Нину на поляну, где по идее должен был располагаться их лагерь. Прямо по центру поляны лежало нечто в фиолетовом пиджаке, окруженное десятью кошками, и громко храпело.

— А вот и дедуля! — обрадовалась Лизи и кинулась к старцу.

— Ничего себе вы сладкого съели! — цокнула Мэрил, отбросив в сторону кипу фантиков. — Да тут килограмм! Не меньше!

— И что? Мы же дети. Это норма, — покривила лицом Нина.

— Знаешь, что, дорогуша… — прищурено уставилась она на девочку, просканировав ее с ног до головы. — На твоем месте…

— Ооо… Спасибо что нашли моих девочек… — перебил женщину старичок, подойдя к ней и потирая опухшие от пьянки глаза. — Я что-то утомился… Свежий воздух, знаете ли… — буробил он абы что, чтобы показаться милым дедом.

— Да чую я ваш воздух! — подкатила глаза Стрип, учуяв нехилый шлейф перегара. — Знаете, вы бы за ними приглядывали лучше, мистер…

— Для вас — просто Юра, — пьяно подмигнул в ответ Куклачев, поправив на голове кошку.

— Мистер Юра, следите лучше за своими внучками! — продолжила нравоученья Мэрил. — Они едят у вас черти что! А, между прочим, у вот этой, — указала она пальцем на Нину. — С желудком большие проблемы! Хотите, чтоб она отхватила язву и захлебнулась собственной кровью?

— Чего?! — непонимающе нахмурилась Нина.

— Что вы такое говорите? — возмутилась Лизи. — Откуда вы знаете про ее больной желудок?

— Хах! — безумно усмехнулась мисс Стрип, просканировав и ее. — А вот этой девочке я бы порекомендовала никогда не беременеть! — пизданула она довольно-таки дерзкое заявление. — У нее очень нестабильный гормональный фон. А в совокупности с беременностью, когда гормоны начинают скакать туда-сюда… Мне ли этого не знать? Я трижды была в таком положении! Так-то! А вот этой девочке все это не надо, а иначе проходит все девять месяцев до безобразия бестолковой! Поэтому, дабы оставаться умным человеком, лучше ей не рожать! Я все сказала! — подняла она вверх указательный палец, развернулась на пятках на сто восемьдесят градусов и поплела в сторону своего полиэтиленового лагеря.

— Дура какая-то… — укоризненно помотала головой Лизи.

— Ууу… — просвистела Нина, покрутив у виска.

Юрий же Куклачев вновь завалился в кучу кошек, решив проспаться еще немного и тем самым оставив своих внучек на произвол ночного леса.

— Мам! Где ты была так долго?! — гневно заорал на Мэрил Джейк, когда та открыла зип-замок и прошла под купол.

— Были небольшие дела, — тяжело вздохнула мисс Стрип, усаживаясь у костра и наливая в алюминиевую кружку немного вина, которое успела открыть перед уходом. — Ох… Джейк, Джейк… Кажется настал тот самый момент, когда мы с тобой должны поговорить о женщинах…

— О женщинах? — воодушевился мальчик и пошел в сторону костра.

— Близко не подходи! — рявкнула мать. — Соблюдай дистанцию!

Джейк опустил уголки губ вниз и покорно уселся на землю.

— Итак, мой дорогой. Запомни одну важную вещь. Ты у меня самый лучший! Самый красивый, самый идеальный… Непревзойденный малыш с прекрасными синими глазами… Когда ты станешь старше, я уверена — большинство девочек от одного взгляда на тебя — потекут… — буробила она, уже налив глаза винищем.

— Что? — нахмурился красавец из шара. — Почему они потекут? Зачем? Как старые трубы? Или типа чего?

— Успокойся, — остановила его жестом ладони Стрип. — Мы не об этом сейчас. Так вот, когда эти сучки начнут к тебе приставать, соблазнять, манить под венец… Не ведись на эти провокации! Ибо ты у меня лучший, и я уверенна — ни одна особь женского пола не достойна моего Джейка! Так что смело шли их всех куда подальше! Ну, а с тобой рядом всегда будет твоя верная мама… Твой покорный слуга — мисс Стрип… Никогда тебя не предам… Такие вот дела, сынок… — плела она несусветную хуетень.

Джейк же совершенно не слушал всех этих бредней, а тоскливым взглядом смотрел в сторону лагеря своей скаутской группы, где ребята весело хохотали, играли на гитарах и рассказывали друг другу страшилки.

— Эээх… — тяжело вздохнул пленник из шара, молча встал и побрел в палатку, дабы больше не смотреть на несправедливость шарового бытия.

Мисс Стрип, а не предали ли вы уже своего сына, усадив его в шар и не давая никакой воли?! Никакого права выбора! Разве вы не видите, что ему грустно и одиноко! Кто захочет дружить с шаром?! А не боитесь, что доведете мальчишку до состояния агрессии, как довели в свое время своего старшего сына? Нет? Говорите, что Джейк душка? Ну-ну, мисс Стрип, ну-ну! Как говорится: «в тихом омуте черти водятся»… Так что не стоит уповать на свою удачу… Просто развяжите парню руки… Просто отпустите… Ой, все! Это бесполезно! Тут и говорить не с кем! Вы — чокнутая алкоголичка! На этом все!

Глава 38: Убийца

Май 1999 года.

Том опоздал на первый урок и прогуливал его в школьном дворе. Там, усевшись на лавочку, он закурил сигарету и распределял таблетки по отдельным пакетикам, чтобы отдать на перемене заказы, сделанные у него вчера, всем желающим обдалбаться до умопомрочения. За этим делом он не заметил, как ко входу подъехала сначала «скорая», воющая сиреной на всю округу, а затем полицейская тачка. Через пару минут он закончил фасовку и взглянул на часы, подсчитав, что урок уже должен закончиться, и ему пора выдвигаться, чтобы успеть во время перемены встретиться со всеми своими «клиентами».

Вдруг из входа школы посыпались люди, среди которых были как учителя, так и ученики. Все они охали и хватались за головы, а некоторые даже кричали. Том почувствовал что-то неладное, от чего у него засосало под ложечкой, и он рванул к месту событий.

Харди пропихнулся сквозь толпу и врезался прямиком в человека в белом халате.

— А ну, все с дороги, — рявкнул врач, расталкивая зевак, собравшихся вокруг.

Том отскочил в сторону, пропуская бригаду «скорой помощи» и увидел устрашающую картину. Двое несли по направлению к машине носилки, на которых кто-то лежал, накрытый белой простынью. У Харди внутри все похолодело. Кто-то умер. Но кто? За носилками плелись двое старшеклассников, которых он сразу узнал. Это здоровяк и длинный, которым он продал наркотики в начале учебного года. Они шли, еле перебирая ногами, на белых, под цвет халатов врачей, лицах застыл ужас и непонимание. Да кто же все-таки на носилках? Тут ветер шелохнул простынь, приподняв ее уголок и открыв лицо лежащего человека. Хотя Том уже и догадывался, кого увидит там, однако все равно издал приглушенный вопль. Это был никто иной, как тот самый коротышка, похожий на пуфик.

— Блять, — простонал Харди и встал на месте как вкопанный. Суетящиеся люди, следующие за носилками, обходили его, ненароком толкая и чуть не сбивая с ног.

Через минуту носилки погрузили, и «скорая» уехала. Полицейские же повели всех обратно в школу. Том же продолжал стоять на улице, погрузившись в мысли.

«Послушай, Том, что же случилось? Еще вчера ты продал ему таблетки… Целых двадцать штук, он сказал тебе, что это на всю компанию для вечеринки в честь чьего-то дня рождения… Неужели он все их принял один?»

От мысли, что возможно он виновен в смерти этого парня, Тому стало не по себе и затошнило. Он судорожно достал все расфасованные таблетки и бросил их в урну, после чего ринулся домой. Пробежав всего метров десять, парень опомнился и развернулся обратно. Харди быстро засунул руку в мусорку и стал один за другим доставать оттуда пакетики с Оксикодоном. Ведь, поскольку здесь полиция, они наверняка начнут выяснить, кто виноват в случившимся, а также искать кладки в окрестностях школы и в ней самой. Еще не хватило, чтобы их нашли, сняли отпечатки и таким образом нашли его.

Забрав все улики, Том сломя голову побежал домой. Через час он добрался до поместья, открыл трясущейся рукой входную дверь и зашел внутрь.

— Том? Почему так рано? Что с тобой? Ты весь дрожишь! — уёбанно поприветствовал сына Кристофер, который на беду Тома был сегодня дома и как

раз в этот момент безрезультатно пытался разжечь в камине огонь.

— Я сегодня не ходил на уроки, — начал судорожно придумывать парень. — Мне что-то плохо стало пиздос… Поэтому решил вернуться домой, дабы никого не заразить…

— Да ты весь мокрый! Наверняка у тебя жар. Быстро наверх, возьми градусник и померь температуру, а я пока позвоню в школу и сообщу, что ты прихворал, — распорядился мистер Уокен, ковыряясь кочергой в холодных углях.

— Сука, сука, сука… — причитал Том, поднимаясь по ступенькам.

Забежав в спальню, он быстро разделся, достал из аптечки градусник, на автомате сунул подмышку и юркнул под одеяло.

— Сука-бляяяя… — обреченно протянул Том, уставившись в потолок. — Неужели он усадился моими колесами и подох от этого?! Да ну, бред какой-то… Тот парень, вроде бы, не такой конечный был… Нахуя б ему заниматься подобной ебалой? А что если все это правда? Что же тогда получается? Бляяяя… Получается то, что ты, Том, его убил… Ты убил человека… — охуевал парень. — Но все же, может у него просто случился инсульт? Или оторвался тромб?! Такое тоже вполне-себе возможно…

Через полчаса в комнату к Тому зашел невероятно уставший Кристофер с кружкой целительного чая с медом и малиной, заварил который, между прочим, с добавлением марихуаны, ведь считал, что это не только поможет сыну поскорее выздороветь, но и избавит его от лихорадочного состояния получше всякого парацетамола.

— Большая температура? — поинтересовался мистер Уокен, ставя фарфоровые чашку и чайник на прикроватную тумбочку.

— Сорок, — бездумно пизданул Том.

— Ох, ну, лечись, — печально помотал головой мужчина, поверив в брехню сына и удалился из комнаты.

Харди, сам незнамо зачем, присел в кровати и стал поглощать марихуановый чай.

— Блять, а что, если тот чувак и впрямь умер от твоих таблеток? — продолжил рассуждать он. — Тогда пизда тебе, Том! Мусора точно выйдут на твой след, и ты сядешь в тюрьму! Да не, папаша-то отмажет… У него большие связи… Да и к тому же, ты сейчас дома, типа заболел, а значит есть алиби… Сука-бля, ты ебанат?! О чем думаешь вообще?! Какое алиби, какая тюрьма?! Возможно, ты убил человека!

Два дня Том пролежал в кровати, парадируя перед отцом и нянькой болезнь. Сам же парень беспрерывно бился в агонии неведения, накрутив себя до умопомрачения.

Ближе к вечеру третьего дня, в комнату зашел дворецкий и сообщил, что Кристофер ждет сына у себя в кабинете, чтобы о чем-то поговорить. Том нехотя поплелся к отцу, решив, что тот хочет поиграть с ним в шахматы и обсудить будущую профориентацию для выбора университета.

— Что ты хотел? — зашел в кабинет парень, изображая на лице болезненную усталость.

— Томас, сядь, пожалуйста. Нужно серьезно поговорить, — указал морщинистой ладонью на диванчик Кристофер, строго взглянув на сына.

«Послушай, Том, кажется, сейчас что-то будет… Какого хуя он обращается к тебе так официально? Бляяя… Только бы это был разговор не про тот случай из школы! Только бы, только бы!» — охуевал Харди, послушно усаживаясь на диван.

— Полчаса назад мне звонили из школы… — тяжело вздохнув, заговорил мистер Уокен.

Харди охуел еще хлеще от тона отца, ведь никогда раньше и не видел его настолько серьезным! Да что уж говорить, кажется, Кристофер был даже не укурен сейчас! Оо-у! Ну, точно сейчас что-то будет!

— Несколько дней назад там умер один мальчик. И смерть его была ненасильственна, — продолжил мужчина, сложив руки замком на столе и заглянув сыну в глаза. — Знаешь, что стало причиной смерти?

— Нет, — выпалил Том, отведя взгляд от отца и не на шутку зассав услышать то, что пытался то ли отрицать, то ли принимать последние несколько дней.

— После вскрытия врачи установили, что причиной смерти парня стала передозировка Оксикодоном. Знаешь, что это такое?

— Слышал… — ляпнул хуйню Том, закусив пухлую губешку.

«Послушай, Том, ты, сука-бля, убийца! Ты убил того парня! По твоей вине он покинул этот мир! Ну ёбаный ты в рот! Ну как же так!» — мысленно паниковал парень.

— Слышал… Ну, хорошо, что слышал, — взял в руки авторучку мистер Уокен. — Знаешь, звонили из школы не только для того, чтобы сообщить эту печальную новость… Дело в том, что учителя обеспокоены, ведь полиции удалось выяснить, что еще несколько учеников сидят на этом самом Оксикодоне. Так же, есть подозрение, что распространять всю эту гадость по школе может кто-то из самих учеников. Может у тебя есть предположения, Том, кто все это делает?

Харди отрицательно помотал головой, безумно промолчав.

— Ну, ладно… А знаешь, мне вот совершенно непонятно, зачем ребята травят себя таблетками, которые предназначены совсем для другого? Никак не могу взять в толк какой в этом прикол? — продолжил рассуждать Кристофер. — Например, я принимаю Оксикодон, чтобы избавиться от боли в коленях… А они зачем? Непонятно… Кстати, в последнее время начали происходить немного странные вещи. Я тебе не рассказывал? Дело в том, что мои боли усилились и врач порекомендовал увеличить дозировку. Но каким-то странным образом, когда мне необходимы таблетки Оксикодона, оказывается, что в баночке нет нужного для меня количества… — нервно щелкал он авторучкой.

«Послушай, Том, вот и приплыли! Он все знает! Все! И про то, что ты пиздишь его колеса, и про то, что ты торгуешь ими в школе, и даже про то, что ты… Убийца!» — галопом скакали мыслим в голове парня.

— Что ты хочешь мне всем этим сказать? — придав уверенности голосу, спросил Том, посмотрев на отца.

— Понимаешь, сынок, жизнь тяжелая штука, — отложил авторучку в сторону мистер Уокен. — Невозможно прожить ее, ни разу не оступившись. Все мы люди и всем нам свойственно совершать ошибки. Вопрос лишь в том, поймем ли мы их, постараемся исправить или впредь попытаемся не повторить их? Или же наплюем на это свысока и продолжим брести по «кривой»? Но куда тогда приведет нас этот путь? Вот, к примеру, этот самый ученик, умерший от передозировки… Кто виновен в его смерти? Тот, кто продал ему эти самые таблетки? Отчасти — да… Но все же парень сам виноват, что столь безрассудно потребил такое количество и из-за своей беспечности и сыграл в ящик… Но ведь у человека, который продал ему Оксикодон, все еще есть шанс изменить свою жизнь, как думаешь? Есть шанс сойти с этой «кривой дорожки»? Я думаю, что да…

— Я понял… Понял… — промямлил Харди, уставившись в пол.

— Понял? Это хорошо… — одобрительно покачал головой Кристофер.

В комнате повисла неловкая пауза.

— Знаешь, насчет исчезновения моего Оксикодона… — прервал тишину мужчина. — Думаю, что мои таблетки воровали кухара, — немного шутливо сказал он. — Они постоянно совершают какие-то безумные выходки! Надеюсь, что они прекратят это делать… Как думаешь, Том, прекратят?

— Думаю, да, — прошептал парень.

— И это тоже хорошо… — наконец-то устал от столь серьезного разговора Кристофер. — Ну, ладно, ты же болеешь, ступай отдохни.

Том встал с дивана и пошел в сторону выхода, не проронив ни слова.

— Кстати, я связался с врачом и сообщил ему о твоей болезни, — закопошился в каких-то бумагах Кристофер, надев на нос очки. — Он сказал, что выпишет тебе справку о том, что ты заболел еще на прошлой неделе…

— Спасибо, — выпалил Харди и вышмыгнул за дверь, ведь слышать разного рода намеки отца про то, что он в курсе всего случившегося, да еще и пытается как-то помочь сыну избежать наказания, не на шутку выбили парня из колеи. Но не меньше он был выбит тем фактом, что теперь вовек не смоет с себя клеймо убийцы…

«Здравствуй, дорогой дневник!

И это снова я — Том Харди. Пару недель назад в школе, где я учусь, произошел весьма неприятный случай — умер один из учеников. Как выяснилось, его смерть произошла по моей вине. Я продал ему слишком много «окси», которыми он и передознулся…

Ты даже и не представляешь, что происходило у меня на душе последние дни… Ведь чтобы кто не говорил — виноват в его смерти я. А значит я самый настоящий убийца! Осознавать это довольно жутко… Кто я такой? Что из себя представляю? Имел ли я право отбирать у человека жизнь?

Все же, моя мать в одном была права… Я — чудовище… Ну что ж, значит так тому и быть…

Мой отец знает о случившемся. Я ничего не рассказывал — он сам обо всем догадался, сопоставив факты. Несмотря на это, папа не устроил мне скандал. Напротив, он оградил меня от лишних вопросов полиции, а также натолкнул на одну важную вещь. Я долго размышлял над его словами и, кажется, сегодня я готов подвести итог.

Отец прав — тот парень сам виноват в своей смерти. Я же не убил его собственноручно! Не затолкал ему в нос порошок! Да и вообще — он сам к этому шел! Не продал бы ему колеса я, продал бы кто-то другой! От этого, все же, становится легче… Но не совсем… Я все равно чувствую, что непосредственно виноват в его смерти… Но я понял и еще кое-что — случившегося не исправить. Придется это принять и продолжить жить дальше. Но я обещаю, что никогда не забуду этот случай… Есть у меня одна идея по этому поводу… Исполню ее после того, как сделаю эту запись.

Ладно, что еще мы имеем в итоге? Наверное, ты спросишь у меня, дорогой дневник, а стал бы я еще торговать наркотиками после произошедшего? Абсолютно точно, что да. Почему? Делая это, я ощущаю власть над людьми. Нравиться чувствовать, как они становятся непосредственно зависимыми от меня. Буду ли я продавать колеса дальше? Нет. По крайней мере, не в ближайшее время. Почему? Все дело в отце. Я очень люблю и уважаю этого человека… Не хочу его расстраивать и вмешивать во все это. Да и к тому же, он ясно дал понять, что ему самому нужен сейчас Оксикодон. Не буду же я делать что-то для него в ущерб!

Что касаемо меня и «окси». Конечно же, я буду продолжать время от времени нюхать. Возможно, не так часто, чтобы отец не заметил пропажи… Но прекращать потреблять я не стану. Таблетки отлично помогают справиться с моими внутренними проблемами и переносят их на задний план. Не хочу больше впадать в депрессии…

Кажется, на этом все.

12 июня 1999 года».

Том несколько раз перечитал написанное, затем захлопнул дневник, спрятал его в ящик стола и вышел из спальни.

— Пап, я кое-что хотел сказать, — зашел он в библиотеку, где в помпезном кресле-троне восседал Кристофер с томиком Толстого.

— Ммм? — устало поднял морщинистое лицо мистер Уокен.

— Тот мальчик из школы… Ну тот, который скончался от передозировки… — мямлил Харди. — Короче, он был моим как бы другом… Иии… Я бы хотел кое-что сделать в память о нем, дабы никогда не забыть, что с ним произошло, — брехал парень, хотя зачем — непонятно, ведь Кристофер и так все понимал.

— Это хорошо, это очень хорошо, Том, — улыбнулся мужчина. — Мне нравится твоя идея. Она говорит о том, что ты все понял, — расплылся он в благоговейной улыбке. — Что ты именно хочешь сделать в его память? Может написать какой-то рассказ? Или нарисовать картину?

— Я хочу сделать татуировку, — пизданул Харди, состроив фирменный еблет.

— Ну Том! — возмутился Кристофер, вскочив с насиженного места. — Зачем тебе портить кожу?! Ты же потом от нее никак не избавишься! Знаешь, чего стоит скрывать татуировки Королевы? А их, между прочим, у нее пятнадцать! Как думаешь, дожив до своего возраста, Елизавета рада, что у нее столько татуировок, которые, к тому же, потускнели и смотрятся какими-то тюремными? А не боишься и сам пожалеть об этом, когда тебе будет лет пятьдесят?

— Нет, — подкатил глаза Харди. — В этом и есть вся фишка, пап! Эта татуировка станет мне напоминанием на всю жизнь! Никогда не даст забыть о том, что произошло!

— Ладно! Коли! — хлопнул себя по шляпе мистер Уокен. — Но только одно «но»! Я поеду с тобой, дабы ты не наколол какую-нибудь ерунду!

— Ок, — коротко кивнул Том, улыбнувшись.

Спустя час в одном из тату-салонов Манчестера.

— Ну, вот и все, — доделал свою работу мастер, набив на плечевом суставе Тома небольшой тонкий крест.

— Охуенно! — радостно воскликнул Харди, осмотрев миниатюрный партак. — А это совсем не больно! Слышь, чувак, а можешь мне заебашить рукав?

— Рукав? Какой-такой рукав? — нахмурился Кристофер.

— Ну можно начать с малого, — обвел левое предплечье Том не на шутку загоревшись идеей. — Начнем отсюда, а потом со временем можно всю руку заполнить.

— Вообще, у меня на сегодня свободно, так что можно, — согласился мастер. — Были бы деньги…

— Не проблема, — перебил его парень.

— Тогда что хочешь? — накинул вопрос тату-мастер.

— Вон как тот эскиз, только побольше и позамысловатее, — указал Харди в сторону висевшего на стене эскиза какой-то татуировки в виде кельтских узоров.

— Том, ну что за ерунда?! — возмутился мистер Уокен. — Крест-то маленький, а эта чепуха на полруки! И тебе придется всю жизнь с ней жить! Я — против! Ты еще несовершеннолетний и я, на правах родителя, запрещаю это делать!

— Прости, пацан, но нет. Не имею права это делать, раз ты несовершеннолетний, а твой отец против, — виновато пожал плечами мастер, грустно опустив уголки губ вниз, ведь сам был бы не против набить что угодно этому малолетнему ебанату за приличную сумму денежек.

— Ну, блять, ну пап! Ну я ж тебя прошу! — заклянчил Том. — Посмотри какая она классная! Я знаешь как буду счастлив? Вот прям самым счастливым

человеком на свете стану! Бля буду! — состроил он умоляющий еблет.

— Том, неееет, — начал понемногу прогибаться мистер Уокен и его шляпа от речей парня.

— Ну пааап, — продолжал упрашивать Том. — Я ж тебя прошу не как отец сына, а как друг друга! Ну что такого в этой татуировке-то? От тебя не убудет, а мне приятно.

— Ладно, хорошо… Бей… — устал от пререканий Кристофер. — Но только потом, лет эдак через пять, не предъявляй мне за то, что я позволил сделать тебе эту чушь и не остановил!

— Да нихуя я не скажу! — обрадовался Том. — Ну, что, сука-бля, сел? Давай ебашь! — рявкнул он на тату-мастера.

Спустя полтора часа.

— Бляяяя… Как больно… — стонал Харди, прикусив губу и закрыв смазливое ебало ладонью правой руки. — Сукааа… Долго еще?

— Мы, считай только начали! — возмутился мастер, жужжа машинкой по предплечью парня и нанося на него кельтский узор.

— Я больше не могу, может в следующий раз? — продолжал ныть Том, осматривая руку сквозь пальцы.

По его расчетам рисунок был забит примерно на тридцать процентов, а значит, сидеть в этом кресле Харди еще очень и очень долго. В местах, где рисунок уже был нанесен, кожа взбухла, а кое-где и вовсе закровила. Бездушный же мастер, как на зло, раз за разом возвращался к уже пробитым частям татуировки и наносил дополнительный слой краски.

— Томас, не надо ныть! Раз уж решился, то иди до конца! Мужчина ты или нет? — умничал Кристофер, приуютившись в соседним кресле и раскуривая косячок. — Никогда не бросай то, что задумал!

— Ды бляяя, как же больно! — прорычал сквозь сжатую челюсть Харди. — Тебе-то легко сидеть со стороны говорить…

— Так, ладно, пойдем другой дорогой, — пробурчал мистер Уокен и разорвал на себе сначала пальто, а затем рубашку, оголив свою старую морщинистую грудь, которая явно знавала лучшие времена. — Так, есть у вас тут еще свободные мастера? Я тоже хочу татуировку!

— Чта?! — охуел Том, скривив рот.

— Ну, а что тут такого? — укуренно улыбнулся Кристофер, подмигнув сыну прикрытым веком. — Если честно, то давно хотел себе татуировку! Смолоду мечтал! Что уж теперь терять, когда жизнь подходит к своему логическому завершению? Правильно же говорю?

— Абсолютли, — лайкнул идею старца в шляпе тату-мастер.

— Да и вообще, давай так — кто первым заноет, что ему больно, тот угощает пивом после сеанса, — прищурено уставился на сына мистер Уокен.

— Заметано, — прищурился в ответ и Том.

На самом же деле, не хотел себе никакую татуировку ни в какой молодости мистер Кристофер. Ну, а как же еще поддержать своего любимого сына? Ох и Крис, ох и затейник! Всем бы таких папаш!

Мистер Уокен решил набить себе флаг Великобритании, расположив его на правой стороне груди, прямо в том месте, где находилось его правостороннее сердце. Во время сеанса, Кристофер не проронил ни звука, с ухмылкой кидая на сына подъебывающие взгляды. Том же, не желая проигрывать в споре, прекратил нытье и дабы приглушить боль, донельзя раскусал нижнюю губу.

Когда партаки были набиты, Кристофер любезно пригласил сына отправиться в паб, где собирался самолично и угостить его терпким лагером. Ясное дело, Том согласился, ведь принять на грудь после подобных болевых ощущений было отличным решением.

— Ну пиздооос… — протянул Том, осматривая левое предплечье, перемотанное пищевой пленкой, под которой не было видно никакого рисунка, а только лишь огромное кровавое пятно.

— Не переживай, до свадьбы заживет! — потрепал сына по голове Кристофер, после чего поправил пищевую пленку сначала на груди, а затем на шляпе, где, к слову, набил партак в виде короны, в знак уважение к Елизавете II.

— Ой, хватит, — брезгливо поморщился Харди, взял со стола стакан с пивом и присосался к нему, в попытках избежать раздражающей его темы.

— Ну что хватит? Что хватит-то?! — закудахтал мистер Уокен. — Неужели отец уже и помечтать не может о будущем своего единственного сына? Знаешь, сколько раз я представлял себе день твоей свадьбы? Ох, поскорее бы это произошло! Мы устроим торжество у нас в поместье — прямо на заднем дворе! Поставим там красивые шатры, возведем сцену… Ээээх… — мечтал о нелепой хуете мужчина, который, к слову, сам никогда и не был женат.

— Сука-бля, — прожурчал Том, не отрываясь от пива. — Опять…

— Ох, Том, уверен, что когда настанет этот день, то твой отец проронит не одну слезу… — продолжал нелепо фантазировать Кристофер, подперев усталую щеку ладонью. — Обещай, что станцуешь вальс с невестой, Том! Пожалуйста! Если я увижу сие красоту, то, наверное, инфаркт от счастья схлопочу!

— Ну и нахуя б мне это надо? — приподнял шрамированную бровь парень. — Доводить тебя до инфаркта. Я, что еблан какой-то там? Желать собственному отцу смерти… Хах! Еще чего!

— Послушай, Том, — превратился в серьезную сову Кристофер, сняв с головы шляпу. — Хотел с тобой кое о чем поговорить… — мужчина осекся, взял со стола пачку сигарет, достал одну и подкурил. — Будешь? — бездумно протянул он пачку и сыну.

— Давай, — так же бездумно достал оттуда сигарету Харди, вставил в раскусанные губы и закурил.

— Вот мы сейчас говорили с тобой о смерти, о будущем… — стал размышлять мистер Уокен. — И я хотел бы тебе сказать одну очень важную… Том! Ты что, куришь?! — заорал он, приметив сына, который выпускал изо рта колечки дыма.

— Да, — состроил фирменный еблет парень, решив больше не скрывать данный факт своей биографии от отца.

— Да? Ну, ладно… Я не вправе тебе запретить это делать, ведь и сам курю практически всю жизнь. То бросаю, то опять начинаю… Но, думаю, что теперь бросать не буду больше… Хватит уже, набросался… — расстроенно поводил он сигаретой по краешку пепельницы. — Лучше уж ты будешь делать это при мне, чем прятаться в кустах и подворотнях, дабы покурить.

— Правда? — по-ебланski улыбнулся Том, напомнив тем самым Кристоферу Мэрил Стрип. — Блин, пап, ты такой крутой мужик, — пихнул он отца в плечо. — Такой день забомбил! Партаки с тобой набили вдвоем, теперь сидим в баре пиво пьем, курим вместе! Охуенно же, ну! — порол он позитивную дрочь, обнюхавшись двадцатью минутами ранее Оксикодона в туалете паба.

— Том, я так рад твоим словам, — улыбнулся Кристофер и крепко обнял сына. — Как же я давно мечтал, что мы с тобой станем так близки!

— Пап… — обнял его в ответ Харди, похлопав по спине.

— Ох, как же я рад, — спустя пару минут обниманий оторвался от сына мистер Уокен, вытирая слезы с щек.

— Ты, кажется, поговорить о чем-то хотел? — наполнил Том.

— Ой, да пустяки! — отмахнулся мужчина. — Так, ерунда… Не будем портить вечер… Бармен, еще две пинты лагера, — щелкнул он пальцами в сторону барной стойки.

— Как скажешь, — пожал плечами Харди.

Глава 39: Клуб

Октябрь 1999 года.

Новый учебный год начался уже больше месяца назад, но Тома это мало волновало. После истории с погибшим учеником ему было некомфортно находиться в стенах школы, ведь здесь все будто напоминало о случившемся, и парня вновь начинала мучать совесть. Он смотрел на лица ребят, которым продавал наркотики, и размышлял о том, сколько еще могло пострадать из-за его деятельности. Посему Том стал частенько прогуливать уроки, а уж на домашние задания и вовсе положил хуй.

Однажды, в очередной раз сбежав со школы, парень не спеша брел домой, куря сигарету и вспоминая о былом. Он так задумался, что не заметил, как свернул не туда и очутился в какой-то подворотне, не на шутку обоссанной бомжами. Том осмотрелся по сторонам, пытаясь понять, на какой улице он хотя бы находится и как отсюда выбраться.

— Сигареткой не угостишь? — окликнул его голос, когда парень, пытаясь разобраться в хитросплетениях подворотен Манчестера, тоже решил поссать на мусорный бак.

— Не, у меня последняя, — отмахнулся Том, застегивая ширинку.

— Ну, тогда гони бабло, пиздюк, — не унимался голос позади.

— Чего, сука-бля? — охуел Харди и обернулся.

Он увидел перед собой какого-то парня наркоманской наружности и с ножом в руке, медленно наступающего на него.

«Послушай, Том, какого хуя? И хули делать?» — подумал он, превратившись в подвергшуюся бандитскому нападению сову.

— Оглох, уебок? — рявкнул наркоман и потряс ножом перед лицом Харди. Тот отстранился назад, но уткнулся спиной в обосанный им же мусорный бак. — Выворачивай карманы!

Том оцепенел, не зная, как принято действовать в подобных ситуациях: то ли убегать, то ли отдавать деньги, то ли незнамо что еще. Парень забился в агонии выбора, но адреналин, нехилую дозу которого успели выкинуть в его организм надпочечники, принял решение за него. Харди сжал кулак и, пока грабитель щелкал своим наркоманским ебалом, со всей дури ударил его прямо в челюсть.

— Охуел? Тебе пизда! — взорвался горе-воришка и кинулся на Тома с ножом.

Парень успел увернуться, и наркоман врезался в мусорный бак. Не дожидаясь, пока тот опомнится, Харди решил окончательно взять контроль над ситуацией в свои руки. Он схватил грабителя за волосы и несколько раз ударил его лицом о жестяную стенку обоссаного бака. Тот сполз вниз, схватившись за разъебанное и перепачканное в ссаках лицо.

— Бляяяя… Да ты ебнутый… — прохрипел он, захлебываясь кровью.

Но у Тома нехило снесло крышу в тот момент, и он даже и не думал останавливаться. Поэтому наркоману вместо ответа прилетел удар с ноги в ебало.

— Хорош… Отвали… — застонал он, упав на землю, выпустив нож и выставив ладонь вперед в знак того, что он сдается.

Однако Харди было не остановить, в голове будто переклинило, а кровь словно закипала в жилах. Он наклонился к обидчику, приподнял его за горловину кофты и начал наносить один за одним хлесткие удары по лицу, которое уже к тому моменту стало неузнаваемым. Через минуту наркоман отключился, и Том отпихнул его обратно на землю, после чего еще пару раз пнул ногой в печень.

Харди распрямился и, тяжело дыша, уставился на изувеченного им парня.

— Ёб твою мать… — протянул он, схватившись окровавленными пальцами за

лысину. — Эй, чувак, ты жив? — пихнул он его ногой в плечо.

Ответом ему была тишина. Тогда Том присел на корточки и стал нащупывать пульс на шее наркомана. Убедившись, что тот жив, он встал и хотел было бежать из этой проклятой подворотни, как услышал за спиной хлопки-аплодисменты. Харди обернулся и охуевше уставился на самый темный и самый обоссанный угол, откуда доносился звук.

— Ты что еще за шмара? — приподнял шрамированную бровь Том, когда из темноты вышел молодой человек в белой рубашке, застегнутой до самого кадыка, в штанах, натянутых до самого пупка, и с книгой под мышкой.

— Ненароком увидел, что тут произошло, — обвел незнакомец подворотню рукой, после чего наградил Тома еще одной порцией аплодисментов. — И хотел бы тебе кое-что предложить…

Харди обвел его взглядом с ног до головы и, оценив одежду, зализанную прическу с ровным пробором на боку, а также книгу с распятьем на обложке, пришел к выводу, что этой какой-то сектант.

— Мне это не интересно, — выставил ладони вперед Том. — Я — атеист, так что давай иди втюхивай эти свои религиозные бредни кому-нибудь другому.

— Нет, приятель, я сейчас не об этом, — подошел к нему незнакомец, приобнял за плечи и потряс книгой у него перед лицом. — Вообще, ты прав, я — баптист. Но к тебе я с другим предложением. Меня зовут Эдвард Нортон, и я — основатель «бойцовского клуба».

— Что за ебала такая? И при чем тут я? — изумился Харди, отпихнув от себя сектантскую руку.

— Ты такой хиленький на вид, но как ты уделал этого парня — это высший пилотаж, — ткнул Эдвард валяющегося на земле наркомана в бок начищенным ваксой ботинком. — Нам такие нужны. Отбитые, отмороженные, без капли страха.

— Это ты обо мне, сука-бля? Это типа я отбитый и отмороженный? — ткнул себя пальцем в грудь Том. — Короче, похуй. Говори, чё тебе надо от меня, да я пошел.

— Ладно, какой-то ты не сговорчивый, — подкатил глаза Нортон, аккуратно положил книгу на избитого бедолагу на земле и стал закатывать рукава накрахмаленной рубашки. — Пойдем другим путем. Думаю, если ты, действительно тот, кто нам подходит, то я тебя быстро уговорю таким образом, — сказал он и, не дожидаясь ответа от Тома, втащил ему в нос.

Харди от неожиданности отскочил назад и схватился за лицо. Он поднял ошалевший взгляд на баптиста, глаза которого сверкали безумием и азартом. Не успел Том среагировать, как ему прилетел хук справа от Эдварда. Тут парень уже отбросил все охуевания в сторону, ведь ему в голову вновь ударил адреналин. Он, не обращая внимания на боль, бросился на Нортона и мигом повалил его на землю. Ему удалось нанести пару ударов оппоненту по ебалу, но тот быстро перехватил инициативу в свои руки, оттолкнув от себя Харди, и теперь сам занял позицию «сверху». Тома не на шутку взбесило это, но сдаваться он был не намерен. Бившись в агонии агрессии, он пытался блокировать удары Эдварда, при этом сам не упуская возможности ударить его в ответ. Нанеся очередной удачный апперкот, Харди, таким образом, спихнул с себя сектанта и в ту же секунду вновь бросился в бой, переполняемый яростью. Он прижал противника к земле и ударил его с головы в переносицу. У Нортона из носа хлынул фонтан крови, а выражение лица лишилось всякой адекватности, коим не отличалось и до этого, ведь принадлежало баптисту. Какая уж тут адекватность! Этих сектантов-фанатиков, вообще, лучше обходить стороной. Никогда не знаешь, чего и когда ожидать от них! Так что не стоит уж так удивляться поведению Эдварда, это было вполне ожидаемо.

Таким образом, драка продолжалась еще несколько минут. И хотя никто из

парней не собирался сдаваться, вскоре силы покинули обоих, и они решили устроить перекур, договорившись об этом взглядами подбитых глаз.

— Ну так что скажешь на счет «бойцовского клуба»? — спросил Нортон, присев на наркомана и обняв свою книгу.

Том непонимающе развел руками.

— Тебе же по кайфу все это, — обвел Эдвард рукой подворотню, грабителя и свое разбитое лицо. — А в клубе ты можешь этим заниматься каждый день. У нас там все такие же, как ты.

— Да что за клуб-то? — никак не могу взять в толк Харди, запрокинув голову назад, дабы остановить хлестающую из носа кровь. — Типа тренировки какие-то по боксу или типа того?

— Не, там все иначе, — замотал головой баптист. — Просто все пиздятся, без правил.

Том приподнял шрамированную бровь, продолжая недоумевать.

— Ну так что? — вызывающе прищурился Нортон.

— Почему бы, собственно говоря, и нет? — изобразил Харди свой фирменный еблет, будучи лишь с виду забитой рохлей, в душе же — конченным ебанатом, жаждущим выплеснуть агрессию.

— Тогда вот тебе адресок, — достал Эдвард из книги закладку и сунул Тому. — Приходи завтра на закате, — сказал он и пошел из подворотни.

Харди взглянул сначала на бумажку с адресом, затем на баптиста, провожая его охуевающим взглядом. Вдруг Нортон остановился и обернулся.

— Помни — первое правило «бойцовского клуба» — никому не рассказывать о «бойцовском клубе», — пизданул он и побежал прочь.

Том просидел здесь еще пару минут, после чего поднялся с земли и вновь стал оглядываться, пытаясь понять, как же ему отсюда выбраться и как попасть домой.

— Боже, Том! — воскликнул Кристофер, когда увидел сына, вошедшего в поместье. — Что с тобой? — подскочил он к нему и стал рассматривать побои на лице.

— Ээээм… Да так… — замялся Том, не зная, как отбрехаться от усталого отца. — Короче, на меня напали и хотели ограбить… — не смог придумать никакого пиздежа он. — Ну, я пытался отбиваться, кажется, даже сломал ему нос… Но он был, пиздос, сильный… В общем, кошелек я так и не отдал, но, как видишь, результат на лицо… — обвел он ладонью свой смазливый еблет, который сегодня приобрел нехуйственные нотки брутальности.

— О, Господи! — вздохнул мистер Уокен, схватившись за сердце, и плюхнулся в кресло. — Какой же ублюдок посмел это сделать! Надо срочно обратиться в полицию!

— Не, не, не, пап, — нервно замахал руками Харди. — Меня же даже и не ограбили. Да я и сам виноват — не смог дать отпор этому придурку, — раздосадовано сжал он кулак. — Короче, не волнуйся, ничего страшного. В следующий раз я смогу за себя постоять.

— Какой следующий раз, Том? — ахнул Кристофер, хватаясь за уставшую от жизни шляпу. — Боже! А если тебя вновь кто-нибудь решит побить? Кто знает, чем это закончится в следующий раз? Не факт, что ты также легко отделаешься! Все, я немедленно приставлю к тебе охрану! От греха подальше!

— Пааап! Какая охрана? Успокойся! — взвыл Том. — Я не стану ходить с охраной! Это хуйня какая-то! Все нормально будет, никто на меня не нападет больше.

— А вдруг! — не унимался мистер Уокен. — Если не хочешь с охраной, то надо хотя бы быть готовым к таким форс-мажорам. Чтобы в момент, когда случится что-то, ты мог бы дать отпор! — изобразил он усталый хук справа.

— Все! Хватит ничего не случится! — подкатил глаза парень, да так и пошел наверх.

— Ну, может хоть позанимаешься каким-нибудь боксом или еще чем? — окликнул сына отец, когда тот уже был на верхней ступеньке лестницы.

— Нет! — рявкнул Том и уже хотел отправиться в свою спальню, как вдруг в его избитой голове нарисовался план. — Хотяяя… Давай, — свесился он через перила.

— Ох, замечательно! — возрадовался Кристофер. — Так мне будет намного спокойней. Да к тому же, еще ни одному мужчине не помешали в жизни навыки боевых искусств. Завтра же найду тренера и запишу тебя на бокс.

Том поднял большой палец вверх, наигранно улыбнулся и удалился в комнату.

«Послушай, Том, стоит ли тебе впутываться в эту хуйню, что предложил тебе тот баптист? Какая-то странная шляпа… Совсем непонятно, чем они там занимаются? В чем прикол-то — просто драться? Может это развод какой-то? Кто в здравом уме будет просто так пиздиться? Хотяяя… Ебать тебе понравилось драться! Это так помогает разрядиться и выплеснуть эмоции… Но зачем кто-то придумал эту ебалу под названием «бойцовский клуб»? Хм… Может, они просто такие же, как ты, и просто любят драться? Да, кажется, так и говорил Нортон. Но отцу это явно не понравится. Ладно, благо, ты согласился на эти занятия боксом. Можно проебывать их, а отцу говорить, что подрался там, потому и ебало разбитое. Так может, если так хочется подраться, то лучше и ходить на эти тренировки, а не впутываться в некий «бойцовский клуб»? Да не, бред какой-то…» — размышлял Том, закрывшись в ванной и смывая с лица запекшуюся кровь.

Весь следующий день парень размышлял над этой авантюрой. Стоит ли идти по указанному адресу? Что его там ждет? Вся эта затея казалось ему странной и даже опасной. Хотя второе, скорее, было даже плюсом. Эта опасность и некая таинственность соблазняли Тома отправиться в «бойцовский клуб», чтобы, по крайней мере, узнать, что это. Да он спать спокойно не сможет, если не узнает! Поэтому, когда солнце стало опускаться ближе к горизонту, Харди, отбросив все сомнения, отправился по адресу, что дал ему Эдвард Нортон. Предварительно он закинулся парочкой таблеток «окси», а также не забыл одеть маску, ведь так ему было комфортнее появляться в новом обществе. Отцу же Том заявил, что идет на первую тренировку по боксу, в секцию, которую экстренно нашел для него Кристофер.

Парень быстро добрался до места, указанного на бумажке. Это оказался какой-то подвал заброшенной многоэтажки. Он нерешительно спустился по лестнице и оказался в небольшом грязном помещении с низкими потолками, слабо освещаемом одинокой лампой и пропахшем сыростью и плесенью. Подвал был битком заполнен парнями, которым на вид было лет от семнадцати до пятидесяти. По центру люди расступились, образовав свободное пространство, площадью несколько квадратных метров. Посреди стоял деревянный ящик.

Том стоял у самого входа, не решаясь влиться в толпу. Вдруг он увидел движение среди людей и приподнялся на цыпочках, чтобы рассмотреть, что там происходит. Он увидел, как в центр вышел Эдвард Нортон и взобрался на деревянный ящик.

— Итак, я напоминаю: первое правило «бойцовского клуба» — никому не рассказывать о «бойцовском клубе», — уверенно заговорил он, размахивая Святым Писанием. — Второе правило «бойцовского клуба» — никому и никогда не рассказывать…

— Ой, да завали уже ебало, Баптист! — послышался голос из толпы, и в Эдварда полетел чей-то кроссовок. — Все уже заебались слушать твои ссанные

правила! Давай уже начинай без лишних слов!

— Второе правило «бойцовского клуба» — никому и никогда не рассказывать о «бойцовском клубе», — громче заговорил Нортон, прибавив голосу строгости.

— Сука! Я тебя сейчас уебу! — выскочил из толпы парень и вскочил на деревянный ящик Эдварда.

— Третье правило «бойцовского клуба» — в схватке участвуют только двое, — перешел на крик Баптист, когда парень схватил его за рубаху и замахнулся кулаком.

— Ну все, тебе пизда! Сегодня первый бой наш с тобой, пидор! — столкнул он Нортона с ящика и повалил на пол.

— Четвертое правило «бойцовского клуба» — не более одного поединка за один раз, — никак не унимался Эдвард, за что наконец и получил в ебало.

— Все, начинаем! — заорал парень и оттолкнул ящик босой ногой в сторону.

— Ладно, теперь начинаем! — подкатил глаза Нортон, отбросил книгу в сторону и скинул с себя рубашку.

Его противник, немедля ни секунды бросился в бой. Это был парень лет двадцати от роду, но точный возраст было сложно определить из-за густой бороды русого цвета. Он был одет в одних лишь велосипедках. Вся грудь до самой шеи была забита здоровенной татуировкой в виде обезьяны в короне, кушающей чье-то сердце. Помимо этого партака, на теле бойца тут и там было наколото еще много рисунков и надписей. Одна из них, на животе, гласила: «МакГрегор». Том смекнул, что эта была его фамилия.

«Послушай, Том, уж не тот ли это МакГрегор, которому дрочила Снежана Денисовна?» — подумал он хуйню, прищурено уставившись на дерущихся.

— Все, Конор, я сдаюсь! — застучал по полу Эдвард, когда МакГрегор вышел на болевой, заломав ему руку.

«А, нет, не тот», — пришел к выводу Том, услышав имя бородача.

Конор отпустил Нортона, поднялся на ноги и победоносно вознес руки вверх. Толпа радостно заулюлюкала.

— Ну, кто следующий? — встал побитый Эдвард, надел рубаху и стал застегивать пуговицы. — Ммм? — вопросительно осматрел он публику.

Тут его взгляд остановился на Харди.

— О, а вот и новенький пришел! — радостно замахал ему рукой Нортон, когда их взгляды встретились.

— Слышь, ты же сам говоришь, что первое правило «бойцовского клуба» — никому не рассказывать о «бойцовском клубе»! — начал опять вскипать Конор и хотел вновь броситься на баптиста в драку.

— А как мне еще приглашать народ в клуб? Как вы бы сюда все попали, если бы я вам не рассказал о «бойцовском клубе»? — возмутился Эдвард. — А ты, Конор, я смотрю забыл четвертое правило, раз лезешь опять драться? Ну-ка, процитируй мне его! — упер он руки в бока, строго уставившись на МакГрегора.

— Ой, иди в пизду, хуеплет! — вскинул руки тот и походкой распиздяя скрылся в толпе.

— Ну что, иди сюда! — вновь перевел Нортон взгляд на Тома и жестом руки подозвал его к себе.

Харди на мгновение растерялся, ведь не был на сто процентов уверен, что вот это все — то что ему, действительно, нужно. Но и прослыть трусом среди этих парней не хотелось, поэтому он двинулся вперед сквозь толпу. Неужто для тебя и впрямь так важно мнение этих незнакомцев? Лучше бы волновался о том, что будет думать твой отец, когда ты каждый день начнешь являться домой с разбитой мордой. Что говоришь? Ты уже придумал легенду про секцию бокса? А ничего, что там занимаются в боксерских перчатках, а от них такие увечья получить гораздо сложнее, чем от голых рук в этих сомнительных подвальных драках? Об этом ты не подумал, гений?

— Что за маска? — приобнял Тома за плечи Баптист. — Я тебя только по лысине и фингалу под глазом и узнал. Ладно, готов с ходу в бой? Правила слышал?

Том лишь кивнул в ответ и забился в агонии предстоящей драки.

— Вот и славно, — хлопнул в ладоши Нортон. — Сейчас найдем для тебя противника. Как твое имя, кстати?

— Том… Том Харди… — буркнул парень.

— Ну что, есть желающие сразиться с нашим новеньким — Томом Харди? — заорал на весь подвал Эдвард, религиозный фанатик снаружи, но еблан ебланом внутри. — Все, вижу желающего! — бросил он взгляд куда-то в толпу и отошел в сторону, освобождая место для драки.

Том обернулся туда, куда посмотрел Баптист, но не увидел там никого. Через секунду он заметил, как кто-то бесшумно движется сквозь толпу по направлению к «рингу». Еще через мгновение прямо на него выскочил блондин с массивной нижней челюстью, одетый в гавайскую рубаху поверх футболки и брюки-клеш из грубого голубого денима. На ногах были уютные замшевые башмаки с бахромой с кожаной подошвой, чем и была обусловлена его нешуточная бесшумность.

— Что, боишься личико поранить? — махнул он в сторону Тома рукой и встал в угрожающую боевую стойку.

Харди яростно сжал челюсть, ведь слова блондина нехило взбесили его. Он никогда не любил, когда люди задавали вопросы про его маску, а тут еще и обвинили в трусости! Да ты сам хорош! Нахуя одел маску на подобное мероприятие? На что ты рассчитывал? Что покажешься им стильным и неординарным?

В этот момент Том ощутил уже знакомое чувство, которое испытал вчера в подворотне. Это вновь по его венам побежал адреналин. Без раздумий парень расстегнул маску и отбросил ее в сторону, и, не дожидаясь атаки в свой адрес, первым бросился в бой.

— А ты сначала порань мое личико, сука-бля! — зарычал он по окончании драки, прижав оппонента к полу и придавив ему шею предплечьем.

— Ладно, чувак, не кипятись… — выставил ладони вперед блондин и расплылся в очаровательной улыбке. — Просто хотел тебя подзадорить, без обид…

Том смерил его подозрительным взглядом, но, почуяв в его улыбке искренность и доброту, смягчился и ослабил хватку.

— Неплохо бьешься, — отвесил он комплимент Харди, сощурив свои искрящие позитивом глаза, будто в них попал приятный луч восходящего солнца.

Том окончательно проникся к этому белокурому человеку, убрал руку с его шеи и поднялся на ноги.

— Брэд Питт, — представился парень, встал с пола и протянул руку Тому.

Тот кивнул в ответ и пожал его ладонь, которая показалась ему такой же замшевой и уютной, как и его башмаки.

— Ну, еще сочтемся, — подмигнул Брэд и приставил указательный и средний палец к рассеченной брови, после чего бесшумно покинул «ринг».

— Ну, как вам наш новичок? — радостно воскликнул подскочивший к Тому Нортон и поднял его руку вверх в знак одержанной победы.

— Завтра он мой! — вкрадчиво выкрикнул Конор, стоящий в углу у колонны, сплошь покрытой плесенью.

Глава 40: Виски

Спустя пару месяцев.

— Итак, я напоминаю: первое правило «бойцовского клуба» — никому не рассказывать о «бойцовском клубе», — затянул классическую шарманку Эдвард Нортон, водрузив свое тело на деревянный ящик.

— Блять, пацаны, держите меня, чтоб я не уебал ему! — взволнованно-агрессивно воскликнул Конор МакГрегор, с силой схватив за запястья Тома и Брэда, стоящих по обе стороны от него.

— Второе правило «бойцовского клуба» — никому и никогда не рассказывать о «бойцовском клубе»! — продолжил Баптист.

— Сукааа, — закрыл глаза Конор, тяжело задышав.

— Чувак, успокойся, — попытался отвлечь его Харди. — Сегодня я хочу взять у тебя реванш за последние пять наших с тобой боев. Ты ж, сука-бля, обещал! Держи себя в руках!

— Третье правило «бойцовского клуба» — в схватке участвуют только двое! — никак не унимался мистер Нортон.

— Да как тут держаться?! — взорвался МакГрегор, подавшись вперед. — Эта сука меня так и провоцирует своими правилами!

— Да стой же ты, пацан, — мягко, успокаивающе и немного по-летнему тепло, сказал Брэд, потянув Конора обратно в толпу. — Не надоело самому драться с одним и тем же оппонентом каждый божий день?

— Четвертое правило «бойцовского клуба» — не более одного поединка за один раз! На этом все! Можем начинать! — хлопнул в ладоши Нортон и спрыгнул с ящика. — Ну, кто на меня?! — наклонился он, выставив вперед руки.

— Пидорас, так и нарывается! — зарычал Конор. — В пизду, пойду покурю, чтоб не видеть этот ублюдский ебальник! Позовешь, как он закончит! — хлопнул он Тома по плечу и поспешил на выход.

— Уверен, что хочешь опять драться с ним сегодня? — мягко, по-матерински, зашептал Брэд Питт на ухо Харди. — Думаешь, это тебе по зубам?

— Ну, а хули нет-то, — состроил фирменный ебальник Том. — Что, он непобедимый какой-то там или что?!

— Будешь? — достал из кармана джинс флакончик с белым порошком Питт.

— Давай, — махнул ладонью Том и тут же высыпал на ее тыльную сторону немного порошка, который являлся ничем иным, как амфетамином.

К слову, Харди потреблял этот наркотик вот уже как полтора месяца. Завсегдатаи «бойцовского клуба», уверили парня, что амфетамин, как никакой другой препарат, поможет Тому быть бодрым и притупит чувство боли во время боя. Конечно, куда безопаснее было бы нюхать кокаин, но его не водилось в стенах «бойцовского клуба», ибо большую часть контингента составляли обычные работяги с заводов. А откуда у них деньги на кокс-то?!

Вскоре на главной арене «бойцовского клуба» начался бой между Томом и Конором. Два парня уже не впервые сходились в схватке друг с другом, но каждый раз Харди выходил из нее проигравшим. Этот факт не на шутку бесил его. Вообще, Том не выигрывал каждый день, ведь частенько на его душу попадались мужики раз в пять, а то и в шесть крупнее его самого. Да, с такими у него и вправду было мало шансов, но и то, иногда Харди каким-то чудом побеждал и их. Но только не Конора! Том никак не понимал, почему он не может победить этого дерзкого ирландца! В чем прикол?! МакГрегор был чуть выше его самого по росту, да и весовая категория была примерно одинаковой. Так в чем же секрет Конора? Может в его татуировках? Или велосипедках? Непонятно…

Бой был в самом разгаре. У Харди уже были подбиты не только нос и глаз, но

и не на шутку рассечена щека. Конор уже не единожды сбивал Тома с ног, но раз за разом парень, превозмогая боль, вскакивал и кидался на своего оппонента в бой, движимый невероятной злостью и азартом. И вот, наконец, МакГрегор заломал Харди руку, повалив его на грязный пол, и стал выходить на болевой.

— Добивай! Добивай! — скандировала толпа полуголых мужиков.

— Блять, стучи, я не хочу ломать тебе руку, — прошептал Конор, немного наклонившись к Тому.

— Нет, сука-бля, — продолжал гнуть свою линию Харди, все еще надеясь вырваться из ирландской хватки и навалять Конору по самый «небалуй». Но любое, даже самое незначительное движение, отдавалось острой болью в предплечевом суставе.

— Стучи! — продолжал рычать МакГрегор.

Но Харди, будучи настырным глупцом, решил идти до конца. Ну и что, что он рискует вернуться сегодня домой с поломанной рукой, зато сам перед собой останется чист и будет знать, что сражался до последнего. Пацан, да в кого ты такой настырный?! Угомонись и сдайся! Что значит нет? Ну-ну, Том! Вот только потом не надо причитать, когда твой отец будет задавать слишком много вопросов при виде твоей искалеченной руки!

— Да стучи же ты! — услышал Том голос Брэда Питта, который, будто прохладный морской бриз, освежил его разум.

Том, решив все же преступить свои принципы и сохранить целостность руки, легонько похлопал МакГрегора указательным и среднем пальцем.

— Да, блять! Я победил! — вскочил Конор на ноги, подняв ввысь зажатые кулаки.

Спустя пару часов в одном из пабов Манчестера.

— Сука-бля, Конор, да когда ж я уже у тебя выиграю, — причитал Том, перевязывая предплечье эластичным бинтом.

— Может быть тогда, когда получишь профессиональный спортивный статус и выйдешь со мной потанцевать на октагоне… Не раньше этого момента, — изрек МакГрегор и присосался к пивной бутылке.

— Я вот вообще не понимаю, тебе что, мало боев в этом твоем ММА? — нахмурился Нортон, перетягивая руку жгутом и массируя кулачком. — Да тебе нет равных в «бойцовском клубе». Какой интерес каждый раз побеждать? — ввел он в вену дозу героина.

— Да такой, пидорас! — отвесил оплеуху Баптисту Конор. — В спорте ебаные правила, и там мне могут навалять. А здесь я сам себе правило!

— Но и у нас есть правила, — продолжал долбиться героином Эдвард.

— А я разве нарушаю твои правила, падла? Я бы и сейчас тебе уебал с радостью, но уже провел бой сегодня! — продолжил дерзить МакГрегор. — Эй, пщ, пизда! — щелкнул он пальцами официантке, проходящий мимо. — Еще пивка принеси-ка Конору!

— Эй, ты что так дерзко с девушкой? — сделал замечание непревзойденный романтик Питт. — Нельзя так обзывать женщин. Извинись сейчас же.

— Пффф, — помотал губами МакГрегор, почесав оголенную грудь. — Еще что? Может сплясать ей? Пизда, она и есть пизда, как мне еще назвать ее? Девушка? А люди ли они вообще, эти девушки, женщины и всякое такое?

— И то верно, сука-бля, — положительно закивал головой Том, решив показаться милым.

— Так, а ты не подвякивай, пиздюк, — отвесил ему подзатыльник Конор. — Ты-то вообще, что знаешь? Да ты либо еще и вовсе девственник! Сколько тебе? Тринадцать?

— Слышь, сука-бля, руку-то не поднимай! — запетушился Харди.

— Семнадцать мне уже скоро! И да, никакой я тебе не девственник! Да я попрошаренней тебя буду в этих делах бабьих! — выебывался он, бреша направо и налево.

— Ой, ты-то да! — продолжал конфликтовать Конор. — Только вот когда мы тебя с собой зовем баб склеить, что-то ты каждый раз ноешь, что тебе в школу рано вставать и пора домой!

— Все, достаточно, парни, — ударил ладонью по столу Брэд Питт. — Пришли же пиво выпить, а не вот это вот все!

— Да, кстати, к тому же повод-то какой у нас сегодня… — протянул Нортон, откинувшись на спинку диванчика и пребывая в героиновой эйфории.

— Какой еще повод? — нахмурился Конор, почуяв, что, кажется, его наебали.

— У меня сегодня день рождения, — прошептал Эдвард и провалился в небытие.

— Религиозная сука, что ж ты раньше молчал?! — пихнул его в бок МакГрегор. — Эй, шкура, никакого пива! Неси виски! — заорал он на весь паб официантке.

— Так, сука-бля, мне пора, — медленно поднялся из-за стола Том, понимая, что сейчас начнется грандиозная пьянка, в которой ему совершенно не хотелось участвовать. — Завтра в школу рано…

Во-первых, с ребятами, сидевшими с ним в пабе, Харди хоть и скорешился, но друзьями они ему не были, впрочем, как и он им. А вот такие вот пьянки подводили к риску узнать друг друга лучше и стать друзьями. Ну, а, во-вторых, время уже подходило к десяти вечера, а это значило, что Тому пора возвращаться домой, а иначе Кристофер мог заподозрить, что сын обманывает его и не посещает тренировки по боксу.

— Охуел? Хуй куда ты пойдешь! — вскочил босыми ногами на диванчик МакГрегор, вызывающе разминая плечи и шею. — Сегодня не принимаются никакие отмазы, раз у этого пидораса днюха! Думаешь это уважительно, Харди, если ты опрокинешь основателя «бойцовского клуба»?

— И правда, это невоспитанно, — сделал мудрое замечание Питт, прошагав под столом лунную походку своими мягкими ботинками, но никто не услышал его танца из-за замшевых подошв.

— Ладно, но всего часок, — подкатил глаза Том и вновь уселся за стол.

Харди решил, что будет пить только пиво, да и того не много, дабы вернуться домой в трезвом состоянии. Но тут официантка, под пристальным контролем МакГрегора, принесла на их стол несколько бутылок виски. Эдвард Нортон, в сердце которого вкололи укол адреналина, дабы именинник подбодрился, пригрозил Тому, что если тот не выпьет за его здоровье чего-то крепкого, то он, на правах создателя «бойцовского клуба», запретит посещать ему клуб целую неделю! Харди пришлось согласиться, купившись на бредни этого религиозного фанатика, и он остановил свой выбор на вишневом «Джим Биме», который доселе никогда раньше не пробовал. Это и стало роковой ошибкой для Тома. Когда первые капли виски попали в его горло, парень не просто охуел — ебанулся! Насколько же был прекрасен и чарующ этот напиток! Так, незаметно для себя, Харди начал лакать вишневый виски, абсолютно потеряв контроль над временем и не замечая ничего вокруг себя. Через час Том так влился в компанию, что и вовсе положил хуй на то, что дома его устал ждать отец.

Вскоре компания устроила в пабе грандиозную драку и перебралась в другой. Так повторилось еще дважды, а может и трижды — Том потерял счет, ведь на пути до третьего паба, его разум будто отключился.

На часах было начало седьмого утра, но Кристофер ни на секунду не сомкнул этой ночью глаз. Он метался по поместью, не находя себе места. Где его сын?

Почему его мобильный отключен? Что могло случиться? Жив ли он вообще?! Мистер Уокен так волновался за Тома, что уже поднял на уши не только полицию Манчестера, но и Интерпол и личную гвардию королевской семьи, дабы те нашли его сына. Но пока ни от кого не было никаких вестей. Том будто сквозь землю провалился!

— Да… Я понял… — ошеломленно прошептал Кристофер в телефон и дрожащей рукой повесил трубку на аппарат.

— Что там? — взволнованно спросила Мелисса, укутавшись в шерстяную шаль.

— Звонили из морга… Полчаса назад туда поступило тело какого-то подростка… — выпалил мистер Уокен, в его глазах потемнело от страха, и мужчина плюхнулся в кресло. — Господи, хоть бы это был не он! — стянул он с себя шляпу и уткнулся в нее носом.

— О, Боже… — прикрыла руками полный рот Маккарти, побелев до неузнаваемости.

И только женщина хотела было сказать что-то еще, как с улицы послышался рев машины. Кристофер вскочил с кресла и кинулся во двор, за ним поспешила и гувернантка. Когда они оказались на веранде, то увидели, как по подъездной дорожке мчит доселе незнакомый им бежевый Каддилак Кьюп Девиль 1966 года выпуска. Машина остановилась прямо у лестницы, ведущей к главному входу, и водитель заглушил двигатель.

Наступила неловкая тишина.

— Ебать ты живешь! — вывалился из задней двери незнакомый мистеру Уокену парень, по имени Конор МакГрегор, одетый в одни лишь зеленые велосипедки. — Хуясе замок!

— Господи! Я никогда больше не соглашусь так ездить! — вылез из багажника Эдвард Нортон, прополз к заледеневшей клумбе и блеванул в нее.

— Вы, наверное, мистер Уокен? — подошел к Кристоферу блондин приятной наружности, передавая на астральном уровне некие позитивные нотки взволнованному старцу. — Доброе утро, меня зову Брэд Питт, — протянул он руку.

— Да… Я мистер Уокен… — ошалевше прошептал Кристофер.

— Все дело в том… — начал было Питт, как был перебит.

— Ебать! Да тут еще и озеро! — верещал Конор и прыгнул на тонкий лед, образовавшийся на водной глади, от чего тотчас же провалился под него.

— Эй, пацан, аккуратнее! — подлетела к нему Мелисса и схватила за бороду, дабы тот не потонул.

— Слышь, шкура, отпусти немедленно! Что ты себе позволяешь?! — завозмущался МакГрегор, пытаясь отцепить толстуху от себя.

— Сука-бляяяя… — послышался приглушенный стон из Кадиллака, за которым последовали рвотные позывы.

— Том?! — встрепенулся от многовековой усталости Кристофер и побежал в сторону автомобиля.

Он подлетел к задней двери, распахнул ее и заглянул в салон. Там, прямо на полу, лежал никто иной, как его сын — Том Харди VIII, и блевал между сидениями.

— Господи, сынок, что с тобой?! Где ты был?! — взволнованно лепетал Кристофер, но сын в ответ что-то лишь невнятно промычал.

— Парень немного перебрал с виски, — подошел сзади Брэд и обнял мистера Уокена за плечи, нежно сцепив ладони замком на его груди. — Не ругайте его, со всеми бывает…

— А вы, собственно говоря, кто такие? — повернул к нему голову Кристофер, скосив взгляд и добавив тону некой надменности.

— Мы? Его друзья! — подошел к Кадиллаку Эдвард Нортон, натягивая штаны

до подбородка.

— Друзья? — охуел мистер Уокен, но виду не подал. — Ну, что ж, спасибо, что привезли его домой… Дальше я сам с ним разберусь. Сколько я вам должен за химчистку салона? — сухо спросил он, ведь данная компания совершенно не внушала ему никакого доверия.

— Забей, папаша, — выбрался из пруда Конор. — Хуй с этой машиной! Мы ее один хуй угнали! Поебать — обблевана она или нет!

— Слушай, ты б язык свой попридержал! Как разговариваешь со старшими? — дерзанула Мелисса.

— Слышь, толстая, тебе въебать, я что-то не понял? — вскинул брови к небу МакГрегор.

Но не успел больше никто и ничего сказать, как из Кадиллака вывалился Том и спиной рухнул на землю. Мелисса аж взвизгнула от внешнего вида своего подопечного, а мистер Уокен, так и не выбравшись из объятий Питта, и вовсе перенес микроинсульт, но, опять же, виду не подал. Еще смазливое с утра лицо Харди было неузнаваемо от многочисленных увечий, а вся одежда парня была в грязи и запекшейся крови.

— Да что с ним произошло?! — охуела Маккарти.

— Кажется, вам пора выдвигаться, пацаны, — пробуробил Том, обращаясь к своим корешам, и окончательно отрубился, уснув крепким алкашиным сном.

Глава 41: Похмелье

Когда Том открыл глаза, то по началу и вовсе не понял, где находится. Все тело ломило, а голова раскалывалась от боли. Пару минут он бегал замутненным похмельным взглядом пока не понял, что находится в своей спальни, а именно — лежит в кровати. Харди хотел было подняться, но в голову тут же ударило и, дабы не отхватить инсульт, парень рухнул обратно на кровать. Он еще раз оглядел себя и только теперь понял, что был раздет до трусов, а также кто-то заново перебинтовал его вывихнутую руку. Он легонько ощупал лицо и приметил, что этот кто-то еще и зашил рассечение на его щеке.

— Ну пиздооос… — хрипло протянул парень, закрыв глаза. Он не помнил, как попал домой, но понял, что был явно в неподобающем виде, и что явно перенес его в спальню и провел медицинские манипуляции никто иной, как мистер Уокен. На секунду, Тому стало стыдно перед отцом, но тут же он решил положить на это огромный хуй, придя к выводу, что это его собственная жизнь и что он сам вправе распоряжаться ей как хочет.

Через полчаса, Харди покинул кровать. Так хуево ему не было еще никогда в жизни, ну, разве что в раскаленной душной клетке, когда его избила блядская Мэрил Стрип. Шаткой и неуверенной походкой, парень побрел в ванную комнату, дабы принять душ и хоть как-то взбодриться. Но эти манипуляции нихуя не помогли, и тогда Том для надежности решил прочистить желудок. Но не помогло и это! Стало даже хуже! Теперь тело Тома не на шутку зазнобило!

— Да что ж такое? — опизденел от похмелья Харди, кое-как оделся и с горем пополам спустился вниз, дабы попить чайку.

— Ну, здравствуй, сын, — встретил его в столовой Кристофер, сидевший за десятиметровым столом и грея в руках стаканчик бренди.

— Ну, сука-бля, здравствуй, папа, — тяжело выдохнул Том и уселся напротив мистера Уокена, поставив перед собой огромную кружку чая и тарелку овсяного печенья.

— Что это было? — строго спросил мужчина, сверля сына взглядом.

— Что? — вскинул шрамированную бровь парень, не поднимая глаз на отца и макая печенье в чай.

— Не прикидывайся дурачком, — продолжил Кристофер. — Ты знаешь, о чем я… Что с тобой происходит? Где ты пропадаешь вечерами? Почему приходишь побитый? Я выяснил — секцию бокса ты не посещаешь…

— Ну да — не посещаю, — беззаботно пожал плечами Харди. В этот момент кусок печенья размяк и упал в чай. — Блять! — взорвался парень и полез пальцем в кипяток, дабы выловить овсяные шалушки.

— Томас, хватит ёрничать! — разозлился мистер Уокен, ударив кулаком по столу. — Я спрашиваю — что, мать твою, происходит?! Кто эти люди, которые привезли тебя вчера? Мне они совершенно не понравились! Это плохая компания, которая дурно на тебя влияет! Не знаю, чем вы там занимаетесь, но уверен, что какой-то нелегальной чепухой! Тебе нужно думать совершенно не об этом! У тебя в следующим году будут выпускные школьные тесты, а затем поступление в университет! Вот о чем тебе нужно думать в первую очередь, а не заниматься черти чем!

— Ой, сука-бля, у меня и так голова болит, что ты мне ее своей дичью забиваешь? Иди вон покури травки, успокойся, чё пристал? — продолжал свои дерзкие речи похмельный Том.

— Как ты разговариваешь с отцом, наглый пиздюк? — послышался голос вошедшей в столовую Мелиссы.

— Еще одна, — подкатил глаза Харди, дерзко отбросив от себя печенье.

— Ты хоть знаешь, что он пережил за вчерашнюю ночь? Неужели так тяжело

было просто позвонить и сказать, что ты жив?! — свирепствовала Маккарти.

— Ты хоть знаешь, что он пережил за вчерашнюю ночь? — передразнил пышку парень, кривя лицом. — Ты-то что мне тут лечишь, Мел? Ты мне кто? Мать?

— Нет, не мать! Но имею полное право отругать тебя! — продолжила Мелисса.

— Мать… Сука-бля… Мать… — переключился на другую тему все еще бухой Харди, вспомнив Мэрил. — Как же я ненавижу эту старую паскуду… Когда она сдохнет, бля буду — найду ее могилу и обоссу…

— Томас, ты не имеешь никакого права так говорить. Какая бы Мэрил не была — она твоя мать! — провел минутку интеллигентного воспитания Кристофер, устало двигая желваками.

— Мэрил, сука-бля, Мэрил! — превратился в дешевую сову актрису Харди. — Слышь, ты б поаккуратнее, Крис, мне нихуя не нравится в каком тоне ты говоришь об этой старой бляди! Хули защищаешь эту полоумную шмару? Ты вот спрашиваешь — где я был? Что делал? Что такой побитый и всякое такое… А тебя, вообще, это как ебет? Ммм?

— Том, хватит, ты еще пьяный, ты говоришь черти что! Пожалеешь потом! — попыталась осадить его Маккарти.

— Заткнись! — жестом ладони остановил ее Том, сверля отца ебланским взглядом обдроченного подростка. — Так вот… Как тебя это ебет? Это моя жизнь, что хочу, то и творю! Я не перед кем не обязан отчитываться. М, понял? Хуль ты задаешь мне все эти вопросы? Сука-бля, где ты вообще был, когда старая блядь надела на меня уебанскую маску, опаивала биометаллом, хуярила битой, когда пристегивала наручниками к батарее, не давала жрать, пиздила тряпкой по ебалу? Где ж ты был, Крис? Вот только не надо мне запевать свою шарманку про, сука-бля, невыездного! Так тогда, где ты был, я что-то не понял нихуя? Нечего сказать? Вот и нехуй тогда ко мне лезть со своими ебливыми вопросиками, раз не знаешь ответы на мои! — нес он несусветные, но агрессивные бредни.

— Знаешь, что? — не на шутку озлобился Кристофер, его шляпа засвистела, будто вскипевший чайник, а из-под ее полей и вовсе пошел пар.

— Стоп, сука-бля! — ударил ладонью по столу Харди, взывая к тишине. — А я что-то не понял… Не понял! А с хуя ли вообще старая потаскуха так со мной обращалась?! Я же был просто ребенком! С хуя ли такая ненависть?! Что за прикол такой? — осознал он бренность бытия своего детства. — Тааак, мне нихуя это не нравится! Я должен срочно найти шмару и побазарить с ней с глазу на глаз! — вскочил он с места, бьясь в агонии пьяной агрессии. — Так, Крис, вставай! Нам пора выдвигаться! Мы летим в Америку, навестить старую блядь! Ты же знаешь, где она живет?!

— Том, все, достаточно, успокойся! — подлетел к сыну мистер Уокен и схватил его за руку. Мужчина понял, что никакой вменяемый беседы уже точно не получится, ведь Харди словил нехилого такого клина.

— Хули ты меня успокаиваешь?! — вырвался из рук отца Том, шныряя по столовой неадекватным взглядом. — Я сказал — поехали! Сейчас только возьму из музея тот старый кольт! Ибо сегодня я намерен убить ебанатку Стрип!

— Ах! — схватился за сердце Кристофер. — Нет, Том, все это глупости! Тебе нужно угомониться немедленно! Ты говоришь дурные вещи!

Но тут грандиозный скандал прервала Мелисса, которая схватила со стола позолоченный поднос и с силой ударила им Харди по голове. Парень тут же подкатил глаза и рухнул на пол, потеряв сознание.

— Аааааа! — завизжал женским голосом Кристофер, вытянув рот в стиле маньяка кинофильма «Крик».

— Без паники! Все с ним нормально, иначе бы мы никак не остановили этот

конфликт! — попыталась успокоить мужчину Маккарти. — Я думаю, он до самого вечера будет в отрубе, а заодно и проспится. А если нам повезет, то и вовсе не вспомнит, что устроил! Давай перенесем его в комнату, а когда придет в себя, то спокойно попробуем поговорить с ним. Есть у меня одна идея, как можно угомонить его и вернуть на место его поехавшую крышу…

— Ну, пиздец, — плюхнулся на диванчик мистер Уокен и трясущийся рукой подкурил косячок.

«Том оглядывается по сторонам и обнаруживает себя в доме мисс Стрип на полу в гостиной. Парень хочет встать, но понимает, что прикован наручниками к батарее.

— Что за, хуйня, сука-бля? — начинает он трясти рукой, от чего на всю комнату разносится звук стучащего металла.

— Я же сказала — не шуметь! — выходит из кабинета бухая Мэрил, волоча по полу гигантскую биту для игры в лапту. — Ты мешаешь мне работать, британский ублюдок!

— Да хули я тебе сделал? Отпусти меня, старая блядь! — в панике пытается вырваться от наручных пут Том, но у него ничего не выходит.

— Хватит! — верещит Мэрил, а радужки ее глаза начинают краснеть.

— Да за что ты так со мной? Что я такого, сука-бля, сделал?! — продолжает вопрошать Том, все еще мечтая высвободиться.

— Хватит стучать! — рычит мисс Стрип и начинает наносить сыну битой удар за ударом по голове.

Так как на лице у Тома маска отсутствует, то ничего не защищает его смазливый подростковый еблет. И вот после нескольких ударов, Харди понимает, что если мать немедленно не прекратит его пиздить, то он умрет.

— Пожалуйста, сука-бля, хватит, — начинает стонать он, пытаясь прикрыться свободной рукой. — За что ты так меня ненавидишь? Я ничего плохого не сделал…

— Думаешь, кто-то услышит твое нытье? Даже если так, то всем плевать на тебя! Никто не придет к тебе на помощь! Ты никому не нужен, ничтожество! Только лишь мне одной! — продолжает безумствовать Мэрил, размахивая битой направо и налево.

От такого количества ударов, Том падает на пол и уже даже не старается защищаться от ударов матери. Он понимает, что скоро ему придет пиздец, поэтому просто лежит и нихуя не предпринимает, мечтая уже поскорее отрубиться. Глаза начинает застилать стекающая по лбу кровь и, наконец, парень потихоньку начинает проваливается в небытие.

Вдруг краем глаза Том видит, как из-за ноги матери выглядывает маленький синеглазый мальчик, держащий в руках куклу-мать.

— За что ты с ним так? Почему так ненавидишь его? — спрашивает он у Мэрил, дергая за подол строгой черной юбки.

— Джейк? — хрипло шепчет Харди и теряет сознание».

— Джейк?! — сорвалось с пухлых губ Тома до боли знакомое, но так старательно забытое имя. — Сука-бля… Присниться же… — приподнялся он на кровати и вцепился руками в голову.

«Послушай, Том, а вдруг ты не придумал того пацана? Вдруг он и правда существовал? Вдруг блядь так же хуярит и его, как в свое время тебя? Сука-бля, да нахуя ж она это делает?! Откуда столько ненависти к детям?!» — судорожно думал парень, раскачиваясь взад-вперед.

От приснившегося, прошлое вновь обрушилось на Тома, как снег на голову, хотя он так старательно избавлялся от него многие годы. Мысли в голове сменяли друг друга одна за другой. Парень не понимал нихуя! Это начало его не

на шутку раздражать. И в этот самый момент дверь в спальню открылась, и в комнату осторожно зашли Кристофер и Мелисса.

— Послушай, сынок, — начал мягко и вполне себе устало заговорил мистер Уокен. — Я не обижаюсь на то, что ты наговорил сегодня днем… Напротив, я понимаю тебя. Ты запутался в себе, и я хочу помочь, — присел он на кровать и легонько похлопал Тома по плечу.

Харди же никак не отреагировал на бредни отца, а продолжал сидеть, уткнувшись лицом в колени.

— Мы тут с Крисом подумали и пришли к выводу, что ты ведешь себя так потому, что тебе некуда выплескивать всю твою энергию, все твои эмоции, — спокойно заговорила толстуха Маккарти, присев на краешек письменного стола. — Тебе нужно переключится, понимаешь?

— А что может быть лучше, чем переключиться на прекрасную девушку? — усмехнулся мистер Уокен. — Кстати, у Мелиссы кое-кто есть для тебя на примете.

— Да, Том, и не просто кое-кто, а моя племянница. Между прочим, твоя ровесница. Я бы могла вас с ней познакомить — сходили бы куда-нибудь…

— Вы это, сука-бля, серьезно? — охуевше спросил парень, подняв голову от колен. — Какая нахуй племянница?! Какая нахуй девушка?! Да вы ебанутые! Нахуя ж мне это надо?!

— Ну как нахуя? — превратился в сову-свекра Кристофер. — А как же любовь? Семья? Дети?

— Да ты конченый совсем?! — решил взорваться Том, подскочив ногами на кровать. — Какая в пизде любовь? Какая семья? Какие, сука-бля, дети? Я хуй когда свяжу свою жизнь с этой ебалой! Какой в этом смысл?! Чтоб потом какая-нибудь блядь поступила со мной также, как поступила с тобой шмара Мэрил?! Или чтобы у меня родились такие же ебанаты, как я?! Что за хуйня, Крис?

— Да как… Как… — устало хлопал ртом мистер Укокен, словно глупая рыба. — А как же свадьба на заднем дворе? Как же вальс с невестой? А как же продолжение рода? Ты последний в роду и должен продолжить его… Я — против такого расклада! Ты не имеешь права прерывать род!

— Да угомонись же ты, сука-бля! Я не понимаю, что ты там понапридумывал, но, сука-бля, клянусь тебе — я хуй буду связываться с этой дрочью! Я клянусь — что хуй буду продолжать твой блядский род! — начал бить себя кулаком в грудь Харди.

— Крис, оставь сейчас его в покое, пошли, — молча встала со стола Мелисса и удалилась из комнаты.

— Знаешь, надеюсь, ты одумаешься, пока не станет слишком поздно, — хлопнул себя по артрозным коленям мистер Уокен, поднимаясь с кровати.

— Да вот хуй тебе! — сложил руки на груди Том, буря отца не на шутку принципиальным взглядом.

— Мало ты еще жизнь знаешь, сына… — усмехнулся Кристофер. — Пойми, Том — я не вечный. Настанет такой момент, когда ты останешься абсолютно один в этом поместье. Тогда-то ты узнаешь — каково это — остаться без семьи. И в этот самый момент тебе захочется, чтобы любимая женщина согрела тебя своей любовью, захочется услышать разносящийся по поместью там и тут детский беззаботный смех… Но всего этого не будет, если ты не одумаешься вовремя, сына… Ничего не будет…

— Больно надо, — продолжал дерзить Харди.

— Ладно… Все это придет к тебе когда-то… — сказал Кристофер и пошел на выход.

— Нет, сука-бля, — отрезал Том. — Плохо ты меня знаешь.

— Плохо? — развернулся в дверях мистер Уокен, печально посмотрев на парня. — Ошибаешься, сына. Я знаю тебя слишком хорошо. Ты даже и не знаешь

насколько…

— Значит извини, что разочаровал тебя, — съязвил парень.

В ответ Кристофер лишь усмехнулся и, наконец, покинул комнату.

Повисла неловкая пауза.

— Сука-бля! — психанул Харди, спрыгнув с кровати.

Мало ему было переживаний, связанных с прошлым и мамашей, так еще он понял, что нехило обидел отца. Том понимал, что, возможно, напрасно понаговорил Кристоферу дерьма еще днем, наговорил дерьма и сейчас, ведь обидеть отца хотелось ему меньше всего. Но и высказать свою точку зрения тоже хотелось!

— Лучше б промолчал и молчал дальше, — причитал Харди, спускаясь по лестнице.

Он накинул на себя куртку, вышмыгнул из поместья, пересек подъездную дорожку и юркнул за кованые ворота. Там он присел на большой старый камень и закурил, обдумывая в голове, как ему справиться со всей ебалой, творившейся в голове. Том так задумался, что даже и не заметил, как рядом с ним притормозил бежевый Кадиллак Кьюп Девиль 1966 года выпуска, и стекло со стороны водителя опустилось.

— Что сидишь грустишь? Прыгай в машину, пацан, холодно же! — разнесся по округе по-осеннему бархатный голос Брэда Питта.

Харди поднял взгляд на тачку и, увидев улыбающегося приятеля из «бойцовского клуба», сделал еще пару быстрых затяжек, после чего отщелкнул бычок в сторону и пошел к пассажирской двери.

— Ты тут какими судьбами? — спросил он у Питта, усевшись в Кадиллак.

— Да так, катаюсь, — пожал плечами Брэд и бесшумно вжал педаль газа в пол. — Ну так чего с настроением? Лицо у тебя — будто умер кто-то…

— Да так, просто, — отмахнулся Том, не желая делиться ни с кем своими переживаниями.

— Да ладно тебе, колись, — бросил на него нехило теплый взгляд Питт и похлопал по плечу.

— Просто все как-то резко навалилось, сука-бля… — поджал губы Том, решив отчего-то довериться товарищу, ведь от того будто веяло добром, а лучезарная улыбка намекала исключительно на искренние намерения. — Хотя, как резко… Нихуя не резко. С самого моего рождения вокруг только и происходит одна ебала…

И Харди начал рассказывать Питту историю своей нелегкой жизни, опуская подробности про издевки матери, но не забыв, однако, полить ее нешуточной порцией отборного дерьма. Далее он стал жалиться, как его не понимает отец, навязывая свои ценности, но, несмотря на это, Том любит его и не хочет расстраивать и обижать, но и идти на поводу не намерен.

— И ты понимаешь, сука-бля, я не хочу жить этой жизнью, по его ебливым правилам, не хочу учиться в этой блядской школе, не хочу идти в ссаный университет, чтобы потом устроиться на, якобы, престижную работу, а на самом же деле жить как ебаный трутень на деньги папаши! — гневно размахивал руками Том. — Не хочу жениться на какой-то шмаре, потому что так надо, и продолжать наш обдроченный род, потому что так надо! А кому, сука-бля, надо? Ему? Но не мне! У меня уже сил нет — слушать это его ссанье в уши, я просто выхожу из себя, как только он заводит эти темы! И тогда я себя не контролирую и говорю ему столько дерьма, хотя на самом деле так и не считаю! Понимаю, что делаю ему больно, а он меня понять совсем не хочет! Всегда думал, что отец мягкий и уступчивый человек, но эти его принципы, фамильные традиции и прочая хуета… Его невозможно переубедить, что все это — пережитки прошлого, и мне это совсем не интересно! Но я не могу донести свое мнение

даже до такого бесхребетного человека, как Кристофер… Видимо, это я сам — бесхребетный мудак… Или одним словом — чмо…

— Да, приятель, тут ты прав… — сочувствующе покивал Брэд. — Ну, в смысле, не про чмо и мудака. А про то, что эти старики, такие упертые порой, что им не докажешь даже самые очевидные вещи. Считают, что раз они старше, то значит и умнее, и все должны следовать их мудрым советам. Но вот что я скажу: все это — лажа! Полная, блять, лажа! — шумно ударил он ладонью по рулю, ведь не носил замшевых башмаков на руках. — Будущее за нами — молодыми и амбициозными. А значит — за нами и правда. Поэтому, это наши старики должны следовать нашим убеждениям, а не мы их. А если продолжают упираться, то клади хуй! Ведь, как это не прискорбно, вскоре их не станет, а останемся только мы. И вот тогда мы и начнем жалеть, что жили по их правилам, а не так, как хотели сами. Но будет поздно. Поэтому, вот что я тебе скажу, чувак — живи так, как хочется тебе, а не кому-то другому, кем бы он ни был — хоть твоим отцом, хоть самим Господом Богом. Жизнь у нас одна и живем мы ее сами…

В машине повисла неловкая мудрая пауза.

— Да, наверно, ты прав… — задумчиво протянул Том. — Да вот только я и сам толком не знаю, чего хочу…

— Вот знаешь, в Америке с этим куда проще, — продолжил раздавать направо и налево свои добрые советы Питт. — Там — страна возможностей. Можно пробовать себя в чем угодно. Не получится одно — не беда. Просто кладешь хуй и ебашишь дальше. Все двери перед тобой открыты, делаешь, что тебе вздумается. В рамках закона, естественно. Я вот с этим, кстати, немного и объебался. Но ничего, скоро я туда вернусь и продолжу свой путь к американской мечте.

— Это ты о чем? — нахмурился Харди. — Я и не знал, что ты жил в Штатах, думал ты здешний…

— Не, я — американец, — ухмыльнулся Бред. — Я сюда временно перебрался из-за кое-каких обстоятельств. Выбрал Англию просто потому что не знаю никакого языка больше.

— Каких обстоятельств? — с интересом спросил Том.

— Длинная и нелицеприятная история, — махнул рукой Питт.

— Ну расскажи, — стал клянчить Харди, ведь был тем еще любителем подобных историй.

— Ладно уж… — рассмеялся Брэд, от чего Кадиллак наполнился безбашенной порцией позитива и человеколюбия. — Короче, слушай сюда… Был я, значит, в Штатах копом. Только начал службу и был обычным патрульным. Но, сам понимаешь, разве реально прожить молодому парню с соответствующими амбициями и потребностями на те гроши, что получает патрульный? Конечно, нет. Поэтому я искал пути для дополнительного заработка. Волей случая, наткнулся на одних ребят, которые предложили мне кое-что весьма интересное и не совсем законное. Точнее сказать, абсолютно незаконное. В общем, я, будучи копом, патрулирующим улицы Чикаго, прикрывал этих парней в их грязных делах. В основном они приторговывали наркотой в подворотнях. Но, как они мне сами рассказали, это была лишь вершина айсберга, на самом же деле за этим скрывалось нечто большее. Целая мафиозная группировка, державшая весь город. Добрая четверть всех копов была под ними. Огромный преступный синдикат, к которому невозможно было подобраться. Много лет ФБР пыталось выйти на их босса, но все было тщетно. Благодаря своим людям в полиции, к нему было не подобраться. Плюс его верные прихвостни были готовы пожертвовать собой и своей свободой, лишь бы мусора не добрались до их главаря. В общем, в то время, когда я уже был патрульным и начал работать на этот синдикат, была очередная операция по поимке этого босса. И в очередной

раз его люди сделали так, что попались лишь мелкие пешки из их группировки. В том числе они слили многих полицейских крыс из своих рядов. В их числе оказался и я. ФБР осталось довольно, что сумело разоблачить предателей среди копов, и вновь забросило дело. Ну и мафиози, соответственно, тоже остались довольны — совершили эдакий гамбит — пожертвовали малым, ради спасения своей верхушки. Что им такие патрульные как я? Да они без проблем наберут их снова и будут продолжать вершить свои деяния безнаказанно.

— Нихуя себе… — открыл рот шире некуда Том, выслушав душераздирающую историю Брэда. — И что было дальше? — нетерпеливо спросил он, до скрежета зубов жаждая узнать продолжения.

— Ну, а что дальше… Дальше меня уволили из полиции и наложили запрет на службу в органах на два года, плюс депортировали из Штатов на это время. Мол, мы не хотим видеть таких людей среди граждан нашей великой страны… — добродушно покривил лицом Брэд, от чего создалось впечатление, что он не держит зла ни на власти США, ни на мафиози, подставивших его под хуй.

— Охуеть… Вот это пиздец тебе досталось… — возмущенно помотал головой Харди, в очередной раз осознав несправедливое устройство этого бренного мира.

— Пиздец был бы, если бы меня пустили под трибунал и осудили на нехуевый срок… Вот это был бы пиздец, а так — легко отделался… — усмехнулся Питт. — Два года истекают этим летом, и я могу вернуться на родину и продолжить заниматься тем, чем пожелаю…

— И что? Ты опять станешь копом? — все не унимался с расспросами Харди, ведь еще никогда в жизни не слышал такой поразительной истории, разве что читал в книжках Левы Толстого — мудрого графа снаружи, но ленивого праздного разгильдяя в душе.

— Пока не знаю… — пожал плечами Питт.

— Но не станешь же ты опять связываться с теми мафиози? — ахнул Том.

— Говорю же — черт его знает. Посмотрим, как пойдет. Кто знает, куда приведет нас завтрашний день, что уж говорить о далеком будущем. Знаю лишь одно — наступит тот летний день, когда я смогу вернуться в Америку, я клянусь — я сяду на первый же рейс и полечу без капли сомнений и без оглядки назад. А на месте уж разберусь, куда приткнуться. Как я уже говорил, Штаты — место, где для тебя открыты все дороги, — сделал заключение Брэд, расплывшись в улыбке, такой же теплой, как лето, о котором он мечтал.

— Ну я понял… Понял… — закивал Харди, задумчиво уставившись перед собой. — А ты знаешь, я ведь тоже наполовину американец. Моя сука-мать американка, и я жил в Штатах до восьми лет. Правда, очень плохо это помню. Помню маленький городок, наш двухэтажный дом и… — запнулся он, ведь перед его глазами четко встал образ синеглазого мальчишки за полиэтиленовой стеной. — Неважно…

— Хотел бы туда вернуться? — спросил Питт.

— Не знаю… Не знаю, сука-бля… — нахмурившись, помотал головой Том. — Оттуда у меня остались лишь хуевые воспоминания… Хотя… Что-то в глубине меня будто помнит, что есть там что-то важное. Что-то родное, что тянет меня туда… Это сложно объяснить, будто забытый сон…

— Понятно, бывает… — решил не вникать в хитросплетения подсознания своего приятеля Брэд. — Ну так может рванешь со мной? Избавишься от натиска своего старика, попробуешь пожить самостоятельно, вдали от всяких советов и нравоучений, реально сам, без всех, один на один с собой… Ммм? Как идейка?

— Хм… — поджал наполовину американские, но тем не менее полные губешки Том.

— Ну, а что ты теряешь? Вернуться в свой замок к папаше ты всегда успеешь, — потрепал его по лысине Питт. — Зато если не попробуешь сейчас, то

потом будешь сожалеть. Семнадцать лет — это именно тот возраст, когда надо решаться на подобные поступки. Не ссы, погнали! — замшево стукнул он товарища кулаком в плечо.

— Сука-бля, надо подумать, — зажмурился Харди, массируя виски. — У меня же еще есть время?

— Конечно, — улыбнулся Брэд. — Но слишком долгие раздумья приводят обычно к неправильным решениям. Жить надо сердцем, а думать быстро, это и есть путь к свободе, — нес он несусветно мудрые бредни, обхуярившись с самого утра доброй порцией нюхательного табака. — Ладно, пацан, мы приехали, — указал Питт рукой на фамильное поместье Харди, ведь все это время они кружились туда-обратно по Грин-Энд-роуд.

— Угу… — буркнул Том и вылез из Кадиллака. — Спасибо, что выслушал… — заглянул он обратно в салон. — Я подумаю над твоим предложением и сразу дам знать.

— Давай там, не тяни, — подмигнул ему Брэд, вселив приятелю еще большую уверенность в своих участливости, милосердии и чуткости.

Том кивнул и зашагал к кованным воротам. Бежевый Кадиллак Кьюп Девиль взвизгнул покрышками и помчал прочь, распространяя вокруг себя лучи веры, надежды и любви с ароматом табачного листа с примесью лаванды и корицы.

Очутившись дома, Харди закрылся в своей спальне, лег на пол и, уставившись в потолок, начал думать. Конечно, проблемы с Кристофером, его непониманием и навязыванием своих жизненных принципов нехило изводили Тома, и этого уже было вполне достаточно, чтобы покинуть отчий дом и попробовать начать самостоятельную жизнь. Но уезжать так далеко? Стоит ли? Может просто перебраться в Лондон? Это было бы вполне обоснованно и не так рисково… Однако, наслушавшись советов Брэда Питта, этого «оборотня в погонах», светящегося теплом своей американской души, парень стал склоняться к варианту с переездом в Америку. Хотя, на самом деле, слова приятеля лишь подкрепили мысли Тома, которые стали зарождаться уже задолго до сегодняшнего разговора. Мисс Стрип, или попросту мразь, а также призрачное воспоминание о мальчике из шара не давали Харди спокойно жить. Изо дня в день эти размышления прокручивались в его голове, создавая нехило запутанный ком из копящейся годами обиды и злости на мать, сомнений на счет вымышленности своего друга, а также обычного человеческого любопытства — как там теперь, в том доме, через столько лет, пока он отсутствовал. Спустя несколько минут залипания в белый потолок, Том сам не заметил, как решение было принято — все по заветам Питта: быстро и сердцем. Теперь осталось только придумать, как сообщить об этом отцу. Да уж, пацан, ты уже подумай хорошенько, мистер Уокен явно не будет рад таким новостям, так что побереги его и сделай это как-то деликатно, а главное — без своих истерик и скандалов. Толку от этого — нуль, как ты уже мог заметить.

Глава 42: Свобода

Приняв решение о переезде, Том не спешил рассказать об этом Кристоферу, ведь слов совсем не находилось! Сколько бы он не придумывал пламенную речь для отца, выходило все не то! Получался один лишь бред, даже мысленно переходящий в грандиозный скандал. Так прошло два месяца, а парень все не решался посвятить мистера Уокена в свои планы, решив дождаться подходящего случая и пустив все на самотек. И этот случай ему был предоставлен одним мартовским пятничным вечером.

— Том! — влетел в спальню к сыну Кристофер в обескураженной шляпе.

— Блять! — подпрыгнул лежа на кровати Харди и от неожиданности подавился ананасовым молочным коктейлем, который потягивал, читая занимательную историю о братьях Карамазовых и их приключениях. — Ты чего? — приподнял Том шрамированную бровь, откашлявшись.

— Боже мой, сын! — продолжил вопли мистер Уокен, хватаясь за сердце. — Что же ты творишь? Ты меня в могилу свести хочешь? — кудахтал он, затянувшись марихуаной для успокоения души.

— Да ты объяснишь в чем дело? — разозлился Том.

— Мне звонили из школы! — завизжал Кристофер, как глупая девка.

— Ммм… Ну я понял… Понял… — подкатил глаза парень, вальяжно укладываясь обратно на кровать и демонстративно уткнувшись в своего обдроченного Достоевского.

— И это все что ты можешь мне сказать? — вскинул усталые руки отец.

— А что я должен тебе сказать? — не отрываясь от чтива, буркнул Том.

— Я не знаю! Не знаю! — верещал Кристофер, меряя нервными шагами комнату. — Том! Они сказали, что ты не посещал школу уже два месяца! Как это понимать?

— Ну, как есть, так и понимай, — пассивно-агрессивно ухмыльнулся парень, не поднимая взгляда.

— Ты не будешь допущен до экзаменов! У тебя есть всего неделя, чтобы наверстать упущенное, иначе тебя отчислят из школы, а значит о поступлении в университет можно забыть! — не унимался Кристофер, совсем не замечая, что сыну поебать на его волнения. — Том, тебе немедленно надо взяться за голову! Еще не все упущено! Я найду лучших репетиторов для тебя, они помогу тебе разобраться со школьными задолженностями, а потом и подготовят к экзаменам и университету!

— Сука-бля… — прорычал Харди, подвигав желваками, ведь начал медленно, но верно выходить из себя от речей отца.

— Я прошу тебя, опомнись! — упал на артрозные колени мистер Уокен и сложил ладони у груди. — Ты гробишь свою жизнь! Совсем не такого будущего я для тебя хотел! Я мечтал, чтобы ты поступил в университет, затем…

— Ты хотел? Ты мечтал? — взорвался Том и подскочил ногами на кровать, отбросив книжку Федора в дальний угол. — А чего я хочу — тебя не ебет?

— Томас! — упала шляпа, упала на пол, и ветром шляпу, шляпу унесло. — Томас! — воскликнул и Кристофер и погнался за своим головным убором, но тот улетел в распахнутое окно.

— Томас! — передразнил его Харди, спрыгнув с кровати. — Сколько раз я тебе говорил — хватит пытаться навязывать мне свое мнение! Меня это заебало! Вот где у меня уже это сидит! — постучал он ребром ладони по горлу.

— Да что ты такое говоришь, сына? — изумился мистер Уокен, застыв как статуя у раскрытого окна. — Ты что не понимаешь, что разбиваешь мне сердце такими словами?

— А о моем сердце хоть кто-нибудь подумает? — визжал Том, словно

автомобильные покрышки. — Хотя хули о нем думать! Оно давно уже разбито к хуям! Теперь дай мне просто свободы! Мне больше от тебя ничего не нужно!

— Свободы? — печально спросил Кристофер. — Разве я тебе не дал ее? Не освободил от той жизни, которой ты жил в детстве? Разве теперь я много прошу? Просто не разрушить свою жизнь… Может, я был и не лучшим отцом, но я желаю для тебя только лучшего… — опустился он в кресло и взялся руками за непокрытую голову.

В комнате повисла напряженная пауза.

— Пап… — вымолвил Том, спустя полминуты молчания. — Прости меня, сука-бля… Я наговорил лишнего дерьма… — он подошел к креслу и присел на подлокотник, приобняв отца за плечи. — Ты много сделал для меня… Ты спас меня от Мэрил… Это дорогого стоит. Ты правда хороший отец, не слушай хуйню, что я говорю… Но теперь… Я на самом деле хочу немного свободы. Я хочу узнать на что я горазд. Кто я, кроме того, что я твой сын. Я ощущаю себя никем здесь, в этом замке, в этой школе, в этом городе, будто я живу не свою жизнь. Я понимаю, что все эти семейные ценности важны для тебя, но… Но я не хочу всего этого. Это не мое. Понимаешь?

— К чему ты клонишь? — поднял Кристофер взгляд на сына.

— Я хочу уехать, — тихо, но уверенно сказал Том, посмотрев в глаза отцу.

— Куда? — спросил тот.

— В Штаты…

— Боже… Томас! — вновь схватился за голову мистер Уокен. — Почему туда? Что ты там забыл? Или… Не задумал ли ты чего дурного, Том? — прищурено посмотрел он сквозь пальцы на сына.

Том поджал губы, поняв, что отец спрашивает, как раз о том, что им запланировано. Глаза Кристофера будто выкрикивали немой вопрос: «Не вздумал ли ты найти свою мать?».

— Нет, — коротко махнул головой парень, сделав каменное лицо, дабы не выдать свою брехню.

— Ладно… — выдохнул усталость Кристофер. — И что ты собираешься там делать?

— Не знаю… Работать, искать себя… — пожал плечами Том. — Хочу сам добиться всего.

— У тебя же есть все! Что еще тебе нужно? — обвел руками пространство вокруг мистер Уокен.

— Это не мое, — махнул ладонью Том.

— Это наше! — воскликнул отец. — Это все нажито стараниями наших предков, а значит принадлежит тебе по праву.

— Нет. Это все их, но не мое, — стоял на своем Харди, ведь хоть и считал фамильное поместье или, как он его называл — замок — своим, тем не менее продолжал убеждать отца в обратном, дабы тот не раскусил его истинных намерений.

— Хорошо, пусть так… — тяжелее некуда вздохнул Кристофер. — Но почему именно Америка?

— Нууу… — замялся Том. — Это страна возможностей, все дороги перед тобой открыты… Ну, американская мечта и всякое такое… — заговорил словами теплого Питта он, не зная, как отвести от себя подозрения.

— А знаешь ли ты, что все наши предки, которые отправлялись в Америку, там и погибали? Это страна проклята для Харди, — пустил в ход суеверия мистер Уокен, хотя надежда отговорить сына таяла на глазах.

— Все это глупости, их всего-то двое там умерло, это просто случайность, — отмахнулся парень.

«Послушай, Том, если даже это и правда, то так тому и быть… Подохну, да и похуй…» — подумал он про себя, но решил не нервировать отца такими словами,

произнесенными вслух.

— Ладно, Том, я тебя понял… — в сотый раз вздохнул усталый мистер и встал из кресла. — Если ты этого действительно хочешь, то пусть будет по твоему…

— Спасибо, пап, — прошептал Харди. — Обещаю — я тебя не подведу. Ты не пожалеешь о том, что отпустил меня… — сказал он, решив согреть душу отца своими словами.

— Хорошо, мальчик мой, я надеюсь, что эта новая в твоей жизни ступень поможет тебе стать тем, кто ты есть, — сказал Кристофер и обнял сына, крепко прижав к себе и постучав кулаком по спине.

— Отец… Крис… — похлопал в ответ ладонью по спине мистера Уокена Том, а вторую руку приставил к переносице, дабы не дать волю своим эмоциям и не расплакаться.

На том и порешали.

Увы и ах — с переездом в Штаты Тому пришлось повременить. Кристофер настоял на том, чтобы сын, хоть и не сам, но сдал выпускные тесты и получил школьный аттестат. Сам же парень решил не перечить отцу, ведь тот и так решился на достаточно серьезный для себя шаг — отпустить сына в чужую страну. Понятное дело — Том не собирался сдавать никакие тесты, вся процедура должна была пройти фиктивно, благодаря связям мистера Уокена, его многоуважаемой Королевы и шляпы. Но для этого нужно было время, дабы все прошло в рамках закона. И срок тому был — лето. Том согласился на это ни только из-за того, что не хотел оставшееся время проживания в Англии перечить отцу, но и из-за того, что помнил, что Брэд Питт возвращается в Америку в теплое летнее время. Не это ли знак? Что может быть лучше, чем прилететь в незнакомую страну вместе с каким-никаким, но приятелем, который, к тому же, внушает нехилую долю добра и позитива.

Все эти месяцы Том только и делал, что размышлял о там, как прилетит в Америку, добудет адрес, по которому проживает мисс Стрип, зайдет к ней на огонек, где и расставит все точки над «i». В голове парень визуализировал множество вариантов, как пройдет эта самая встреча. Некоторые из них заканчивались убийством мисс Стрип, а один и вовсе имел хэппи-энд, в котором глупая мать раскаивалась перед сыном, падала на колени и просила простить ее за глупость. Но Том, будучи гордым глупцом, молча покидал дом Мэрил, оставляя ее наедине со своими роковыми ошибками и невозможностью вернуть себе любовь сына. Пацан, что это за расклад такой? Уверен, что действительно смог бы так поступить? Зная тебя и твой прогибной характер…

Кристофер же Уокен, или попросту Том Харди VII, не оставлял ненавязчивых и мягких попыток отговорить сына от переезда. Но Том был непоколебим.

И вот, в конце июня, Том Харди получил диплом об окончании школы, а это значило, что в Манчестере его больше ничего не держит. В тот же вечер, он связался с Питтом и сказал, что хочет полететь с ним в Штаты. На его удачу, Брэд и его лучезарная аура вылетали в Америку на следующей неделе. Услышав, что Харди решился на такой шаг, мистер Питт похвалил парня, сказал, что забронирует билет и для него и будет ждать его в назначенное время в аэропорту. На прощание Брэд также не забыл внушить Тому нехилую дозу уверенности в завтрашнем дне.

2 июля 2000 года. Лондон. Аэропорт Хитроу.

Том и Брэд уже прошли регистрацию, таможню и ожидали посадку на рейс Лондон-Чикаго в зале ожидания. С ними же находились Кристофер и Мелисса, ведь благодаря своим связям, мистер Уокен мог проходить куда угодно и как угодно — хоть на сам самолет без документов!

— Сына, ты ничего не забыл? — суетливо тараторил Кристофер, проверяя карманы рюкзака Тома. — Денежку взял? Если вдруг будет мало, сразу же

звони — я вышлю еще!

— Пап, все нормально, — поспешил успокоить отца Том. — Я ничего не забыл.

— Но если денег не хватит… — продолжал настаивать Кристофер.

— То я обязательно с тобой свяжусь, — перебил его Харди, сбрехав, чтобы не расстраивать и без того обескураженного мужчину. На самом же деле парень совершенно не собирался пользоваться деньгами отца, придя к выводу, что если уж решил жить самостоятельно, то должен отказаться и от бюджета, навязанного мистером Уокеном. С собой же он взял нехилую сумму, которую скопил с времен продажи наркотиков в школе. Деньги же, которые были потрачены Кристофером на покупку билета до Штатов, Том также решил восполнить, вложив в них свои кровные. Но дабы отец не заподозрил ничего дурного, Харди взял с собой бюджет, предоставленный отцом, а по приезду в Америку, решил спрятать его куда подальше и не при каких обстоятельствах туда не влезать.

— Томас… Может все же останешься… — хватался мистер Уокен за последние, ускользающие из морщинистых рук ниточки. — Ну, не хочешь оставаться в Манчестере, так перебирайся в Лондон! Там возможностей — уйма! Помнишь своего соседа Стивена? Так вот сейчас он в Лондоне — добивается спортивных вершин! И, к слову, все у него получается! Получится и у тебя! Он же дебил, а ты у меня умница!

«Послушай, Том, тем более ты не останешься в Англии! Чтоб добиваться успеха тут, как длинный пидор? Ну уж нет! Пойдем путем потруднее!» — подумал парень.

— Пап, я все решил, и нет обратного пути. Не ты ли говорил мне, что всегда нужно идти до конца, дабы оставаться мужчиной, ммм? — приподнял шрамированную бровь Том, положив ладонь на плечо отца.

— Ты прав… Прав… — поджал свои и без того тонкие губы мистер Крис. — Пожалуйста, возвращайся скорее… — посмотрел он в глаза сыну, наполнив свои — слезами.

— Обожаю такие сцены, — бархатно проговорил Брэд Питт, сидевшей в паре метров от отца и сына, и мягко пихнул Маккарти в полный бок. — Хоть и есть в них грусть, но все же она какая-то теплая… Семейная…

— Мужик, я прошу тебя, по прилету — помоги Тому обустроиться в Чикаго, — обратилась к нему Мелисса. — Он еще совсем ребенок, понатворит еще чего… Он знаешь какой вспыльчивый…

— Знаю… Я даю слово — я помогу ему обустроиться. Наставлю на верный путь… — поспешил дать немного порции добра пышке Брэд, погладив ее по волосам своей мягкой, но не замшевой ладонью. — Какие шелковистые… — он закрыл глаза, наклонился к полной голове и горячим вдохом, понюхал ее. — Ммм… Цветочный аромат… Сразу вспоминаю весну… Как первый раз в году ранним утром, после затяжной зимы, прилетают птицы и начинают свое щебетание… — начал флиртовать Питт, ведь был романтиком до мозга костей. А когда перед ним находилась женщина большой весовой категории, то Брэд и вовсе терял голову. Он считал, что дама должна быть в теле, будто нимфа, сошедшая с полотен Рубенса, Ренуара или Кустодиева.

— Оooy… — покраснела Маккарти, отведя взгляд в сторону.

— Может, пока есть еще время до самолета, по кофейку? Ммм? — продолжил свой замшевый флирт Брэд.

— Ну, можно, — смущенно усмехнулась Мелисса.

— Тогда… — поднялся с кресла Питт и протянул руку толстухе, но тут был нагло перебит.

— Мистер, вы просто обязаны нам помочь! — услышал он детский голос и в непонятках повернул лучезарное лицо.

Пред ним предстала светловолосая девочка лет одиннадцати, чуть поодаль

от нее стояла еще одна, по-видимому — сестра-двойняшка.

— Не понял… — раздраженно нахмурился Питт. — С чего я кому-то и что-то обязан.

— Дело в том, что мы с сестрой отбились от нашей группы, а точнее — от родителей, — продолжила свой рассказ девочка. — Мы уже полчаса бродим по залу и никак не можем найти их. А скоро у нас вылет в Лос-Анджелес. И нам с сестрой показалось, что вы наш земляк и что вы очень добрый человек. Почувствовали на расстоянии, как вы излучаете добро… Вот… — порола она хуйню. — Ну что, поможете найти нам родителей?

— Послушайте, дети… — тяжело вздохнул мистер Брэд, еле сдерживая себя в руках, ведь ненавидел, когда посторонние люди вот так вот просто просили его о помощи, сетуя на его внешнюю доброту. — Я, вообще-то, обычный посетитель аэропорта… Давайте, я провожу вас в комнату охраны, и вы там по громкой связи сообщите, что потерялись, — нехотя предложил он помощь, дабы показаться милым в лице Маккарти и, может тогда, после чашки кофе, ему еще и удастся отжарить пышку в туалете.

— Нет, нет, что вы, мистер! — положив руку на грудь, заговорила девочка. — Мы с сестрой там уже были — закрыто! Лучше помогите вы, мы знаем — вы сможете! Я вот прям по вашей обуви вижу, что вы прирожденный поисковик! — пнула она туфлей его уютные ботинки из замши на мягкой подошве. — В таких, должно быть, очень удобно разыскивать человека…

От таких слов и поступков, с лица Питта добро и лучезарность как рукой сняло, и он уставился на девочек охуевше-взбешенным выражением.

— Лизи, пошли-ка отсюда… — потянута вторая девочка первую за плечо.

— Да нет, Нина, подожди! — одернула та руку. — Мужик, ну, пожалуйста, помоги ты нам! Ну гля какой ты добрый! — продолжила она навязываться Питту и просить незнамо что.

— Девочки, давайте я вам помогу, — решила сердобольная Мелисса, обожающая детей больше всего на свете.

— Нет-нет-нет! Сиди! Я сам! — остановил ее Брэд Питт, ведь если Маккарти сейчас начнет заниматься поиском родителей этих наглых сестер, то шанс отжарить пышку в аэропортном туалете будет равен нулю.

Но и времени, дабы разыскивать родителей этих сук у Брэда тоже не было. Поэтому, он не придумал ничего лучше, как отвести детей куда подальше и запереть их где-нибудь, дабы те не путались под ногами. Очень позитивно, Брэд!

— Все нормально? — нахмурился Том, приметив, как его приятель пошел куда-то в сторону, ведя под локти двух малолеток.

— Все отлично, — подмигнул в ответ Питт, одарив Харди порцией позитива и внушив, что у него действительно все под контролем.

Целых десять минут Брэд искал хоть какую-нибудь камору, дабы заманить туда сестер и запереть их изнутри. Все это время девочка по имени Лизи, забивала Питту голову, восторгаясь его добротой и искренностью, вторая же — Нина, молча плелась, внимательно вглядываясь в лица проходящих мимо людей, пытаясь хоть в ком-то узнать либо мать, либо отца.

Поиски каморы не увенчались никаким успехом, а часики все тикали, поэтому Питт не придумал ничего лучше, чем привести наглых девочек обратно в зал ожидания и усадить их на кресла.

— Значит так, — мягко шебуршал он, присев напротив сестер на корточки, и залез в карман. — Вы будите сидеть здесь, а я пока пойду и поищу один ваших родителей…

— Ну нет, так дело не пойдет! — возмутилась Лизи. — Мы с вами! Ибо как вы узнаете, кто наши родители?

— Я знал, что ты так скажешь! — воскликнул Питт, ловким движением руки

извлек из кармана клеш-джинс наручники и пристегнул ими за лодыжку девочку к креслу.

— Какого черта?! — испуганно пролепетала Лизи, превратившись в плененную совушку.

— Так, а теперь тебя, — извлек он из кармана еще один комплект наручников и потянулся ко второй девочке. Та, охуев от шока, не придумала ничего лучше, чем вскочить с места и побежать в центр зала ожидания.

— Стой, сука! — выругался Брэд и бесшумно, словно глупая рысь в замшевых башмаках, ринулся в погоню за ребенком.

Опизденев от стресса, Нина бежала сквозь толпу людей не зная, что ей делать в сложившейся ситуации. Брэд Питт не отставал от девочки. И вот, спустя полминуты, в прыжке, он поймал девочку за ногу и оба повалились на пол.

— Томас, с твоим другом все нормально? — нахмурился Кристофер, приметив Питта, который ластал на полу ребенка.

— Я, сука-бля, не знаю… — хлеще отца нахмурился Харди, заподозрив Брэда в педофилии. Но пока выводы делать рано — нужно разобраться в произошедшем.

Заковав Нину в наручники, Питт, будучи полицейским по профессии, грубо наклонил ребенка лицом вниз, и повел в сторону кресел.

— Что творит этот дегенерат?! — возмущенно проорала Мелисса, подбежав к отцу и сыну Харди и махнув в сторону Питта.

— Все под контролем! — поспешил оправдаться Брэд, натянув на лицо нежную улыбку провинциального француза. В душе же он понимал — кажется, он нахуевертил по-крупному.

Далее события понеслись так быстро и были настолько неожиданны, что никто был к такому не готов! Девочка-арестантка резко остановилась, побелела и захлопала ртом.

— Ааа! Кажется, я умираю! — завизжала Нина. — Как дышать? Я забыла, как дышать!

— Ёбаный ты в рот! Я не виноват! — отпустил ребенка Питт, подняв не замшевые ладони вверх.

Девочка же рухнула на пол, издавая звуки удушья и содрогаясь в легком треморе. Создавалась впечатление, что у ребенка случился эпилептический припадок, но на самом же деле — это было ничто иное, как приступ самой настоящей панической атаки.

— Что ты сделал с ней, урод?! — раздался возмущенно-испуганный голос Лизи, которая, таща за лодыжку несколько кресел, похромала к эпицентру событий.

— Сука-бля, Питт, что это за хуйня?! — схватил приятеля за плечо Том, требуя объяснений.

— Я врач! Я врач! — пробился сквозь толпу зевак мужчина в белом халате и с густой бородой на лице. Он упал на колени, проскользил к задыхающейся девочке и ощупал пульс. — Нельзя так просто взять и справиться с панической атакой, — пояснил он публике, сложив пальцы кольцом.

— Да… И-то верно… Нельзя… — заулюлюкали люди.

— Мужик, спаси ее! — визжала, плача Лизи, моля врача вернуть к нормальной жизни ее сестру.

— Помощь близко, — хмуро рявкнул в ответ доктор, доставая из кармана халата крафтовый пакет. К слову, звали этого врача Шон Бин. И как раз сегодня он покидал Туманный Альбион, решив перебраться в Америку и построить там карьеру хирурга или акушера — с этим он так и не определился, хотя его медицинская специальность была и вовсе — психотерапевт.

— Объявляется посадка на рейс «тридцать четыре — восемнадцать» до

Чикаго. Пассажиров просим пройти к терминалу номер два, — завещал голос диктора из колонок, расставленных там и тут по залу ожидания.

— Срочно, уходим, — схватил за локоть Тома Брэд и поволок в сторону терминала.

— Что это было? Это ты, сука-бля, заковал в наручники тех детей? Нахуя, Брэд? — недоумевал в очереди на посадку Харди, не понимая нихуя!

— Да — я! — признался позитивный Питт. — Ну вывели меня из себя эти малолетки! Кто ты такой, Том, чтобы осудить меня за вспышку агрессии? Неизвестно, как бы поступил сам, оказавшись на моем месте! — и, дабы оправдать себя, Брэд стал поливать говном сестер, заявив, что те пытались спиздить его мобильник.

— Наглые шкуры, — подвел итог после услышанного Том. — Но как бы, и хуй с ними!

Но парень был и рад, что все случилось, как случилось, потому как его отец нехило увлекся данным инцидентом и проебал момент, когда сын последовал на посадку. Перед самым заходом в тоннель, ведущим в самолет, мистер Уокен все же догнал сына и быстро с ним попрощался, не размусоливая долгих и драматичных сцен, которые сейчас ой как были не нужны Тому!

Вскоре, самолет поднялся в небо, унося с собой ввысь Тома и его грандиозные планы. Кристофер же Уокен и Мелисса Маккарти наблюдали за взлетом из зала ожидания сквозь огромное витражное окно.

— Правильно ли я поступил, Мел… — снял с себя шляпу Кристофер, дабы не расплакаться.

— Уверена, что да, — приободряющее обняла его за плечи Маккарти. — Ты дал ему свободу… Кто знает, что бы произошло Томом, останься он здесь — под твоим контролем… Не волнуйся, Крис — все будет хорошо. Том у нас, хоть и вспыльчивый безумец, но умный парень. Не даст себя в обиду и не будет ввязываться во всякие необдуманные и рисковые авантюры…

— Я надеюсь… — тяжело вздохнул Кристофер, провожая усталым взглядом самолет.

— Ну, чем займешься по прилету? — поинтересовался Брэд, расстегивая ремень безопасности, когда самолет набрал нужную высоту.

— Буду искать, где живет мать, — поморщился Том, не отрывая взгляд от иллюминатора. — Ну и, наверное, нужно найти какую-то работенку, пока буду заниматься этим делом, чтоб обеспечить себе жизнь…

— Хм… Может к нам в полицию? — добро предложил Питт, вновь очутившись в комфортной для себя зоне — позитива и тепла, и позабыв об инциденте в аэропорту. — Знаешь, я вот сегодня подумал и решил — все же работа там — мое. Я должен восстановиться в должности и продолжать блюсти порядок…

— Не, как-то не хочу связываться с законом, — почесал нос Том, предварительно занюхнувшись амфетамином, который беспрепятственно пронес с собой на борт.

— Ну, тогда могу предложить еще одно интересное дело, — бархатисто продолжил Питт, держа слово, которое дал Маккарти, пообещав помочь Харди устроиться в Штатах.

— Да? Какое? — интригующе посмотрел на него Том.

— Прилетим, порекомендую тебя одному знакомому… Он введет тебя в курс дел. Но для начала один совет — постарайся избавиться от своего акцента. В Штатах не особо жалуют граждан Британии. Ну, это так — к слову. А там как получится…

«Послушай, Том, с хуя ли в Америке не жалуют британцев? И что не так с твоим акцентом? Непонятно…» — нихуя не понял парень, но решил долго не

заморачиваться по этому поводу, ведь у него были более серьезные вопросы, ответы на которые он и намеревался отыскать. А там, глядишь, и избавиться от давящих мыслей бренного прошлого и, наконец-то, зажить полноценной жизнью.

Глава 43: Собеседование

По прилету Брэд продиктовал Тому адрес, который тот записал на форзаце своего дневника. Также Питт с телефона-автомата позвонил своему знакомому, предупредив, что к нему должен зайти его приятель. После этого они распрощались, и каждый отправился по своим делам. Брэд — прямиком в участок, где работал до депортации из Штатов, Том же поехал в центр Чикаго, дабы найти для себя жилье на первое время. Квартиры в этом городе оказались недешевыми, поэтому, чтобы не проебать разом все свои сбережения, Харди снял себе маленькую халупу на окраине. Позвонив отцу в Манчестер и сообщив, что благополучно добрался до места, он поужинал холодным ход-догом, который купил еще в центре, и лег спать.

На следующее утро Том проснулся пораньше и, хотя и не чувствовал себя отдохнувшим из-за смены часовых поясов, быстро собрался и отправился по адресу, записанному в дневнике.

— Что за… — нахмурился Харди, когда вылез из такси и очутился на пороге стрип-клуба. Он несколько раз сверил адрес, написанный на форзаце, и, убедившись в его правильности, пожал плечами и нерешительно зашел внутрь.

Несмотря на столь ранний час, заведение было открыто. Однако зал пустовал — не было ни танцовщиц, ни посетителей. Лишь за барной стойкой протирал стаканы парень, которому навскидку было чуть за двадцать. По его внешнему виду было сразу ясно — он немец. Мало того, живи он при Третьем Рейхе, непременно служил бы в СС.

Том кивнул бармену-фашисту, тот в ответ смерил его прищуренным взглядом, будто просканировал его на принадлежность к арийской расе.

— Ты приходить к херр Лиам? — спросил немец, смягчив взгляд, после того, как осмотрел Харди с ног до головы.

— Я не знаю… Мне приятель написал адрес… — начал было объяснять Том, открыв дневник и продемонстрировав убористую надпись на форзаце. — Сказал, здесь помогут с работой.

— Нихт слов! — рявкнул «эсэсовец», махнув рукой так, что Харди показалось, что следом должен последовать выкрик: «Хайль Гитлер!». На его удивление, этого не случилось, а немец лишь зигующим движением указал на дверь в дальнем углу зала. — Херр Лиам ждать!

Том, приподняв шрамированную бровь, хмуро уставился на фашиста, пытаясь понять, насколько тот адекватен. Решив, что он вполне себе вменяем, Харди последовал к той двери, что была указана немцем.

— Можно? — постучал он и, не дожидаясь ответа, заглянул внутрь.

В мрачном, плохо освещенном кабинете за обычным офисным столом сидел мужчина лет пятидесяти от роду с прямоугольным лицом и такой же формы носом на нем. Губы были сжаты в тонкую кривую полоску, а брови сведены домиком, от чего создавалось впечатление, что ему больно: то ли душевно от какого-то невыносимого горя, то ли физически, будто кто-то неведомый прикрепил к его креслу здоровенный такой фаллоиммитатор, а он, по невнимательности своей, не заметил и сел прямиком на него по самый «небалуй».

— Я не знаю кто ты, я не знаю, чего ты хочешь, но если ты тронешь мою дочь, то я найду тебя. И убью тебя, — вкрадчиво сказал он, посмотрев на Тома испепеляющим взглядом.

— Чего, сука-бля? — охуел парень, застыв в дверном проеме.

Повисла неловкая пауза, в течение которой мужчина, имя которому было Лиам Нисон, сверлил Харди взглядом, пронзающим душу насквозь.

— Присаживайтесь, — указал он Тому на стул напротив себя, наконец

нарушив тишину. — Заполните анкету, а потом мы с вами побеседуем.

Том состроил возмутительную гримасу, как бы требуя объяснения за угрозы в свой адрес.

— Дело в том, что мою дочь похитили. Сейчас она находится в заложниках, а с меня требуют выкуп, — превозмогая боль, беззаботно выдавил из себя Лиам. — Я подумал — вдруг это ты ее украл.

Харди вопросительно развел руками.

— Ну мало ли! — воскликнул Нисон. — Я должен был удостовериться! В общем, проехали. Ты на собеседование, как я понял. Садись, и давай уже начнем. У меня дел по горло! Мне дочь еще искать!

Том решил не вдаваться в подробности бредней этого человека и уселся на стул. Лиам придвинул к нему лист бумаги и шариковую ручку.

«Имя:

День рождения:

Знак зодиака:

Любимый цвет:

Любимое блюдо:

Любимый актер:

…»

Том пробежал глазами по списку вопросов и недоуменно взглянул на Нисона.

— Кажется, вы перепутали… Больше похоже на девчачью школьную анкету. Это наверно вашей дочери? — брезгливо отодвинул он листок от себя.

— Так, парень! Не морочь мне голову! — взорвался Лиам, хрипя от боли. — Все я тебе правильно дал! Заполняй уже! Не трать время!

Том подкатил глаза, но дурацкую анкету заполнять начал.

«На Льва Толстого», — вывел он убористым почерком ебланский ответ, на не менее ебланский вопрос «На кого бы вы хотели быть похожим?», который был в анкете последним, и пододвинул листок Нисону под прямоугольный нос.

— Так-с… Ага… Угу… — быстро забегал взглядом тот по анкете. — Хорошо… Хм… Ну что ж… А теперь давайте побеседуем.

— Ну давайте, сука-бля… — пожал плечами Том, уже сомневаясь стоило ли сюда вообще приходить. Может лучше было податься в мусора вместе с Питтом? Хотя, кто знает, какие кадры работают там… Не факт, что ментовской участок оказался бы оплотом адекватности и благоразумия. Ох, не факт! Поэтому Харди, решил долго не париться по этому поводу, а уже закончить это блядское собеседование и плясать дальше, исходя из обстоятельств.

Битый час Лиам Нисон задавал Тому всякие вопросы из разряда: «Назовите три ваши самые сильные и слабые стороны?», «Опишите себя одним словом» и «Почему вы хотите работать именно у нас?». Порой проскальзывали такие вопросы как «Где ты ее держишь, грязный ублюдок?», угрозы, типа: «Я выколю тебе глаза, если ты ее хоть пальцем тронешь!» и мольбы в стиле: «Прошу, не трогай мою девочку, я сделаю все, что скажешь!». Харди охуевал с каждым последующим вопросом хлеще и хлеще, и под конец собеседования охуел хлеще некуда. Однако, он, положившись на интуицию, давал уверенные ответы, говоря первое, что приходило ему в голову, при этом не только показав себя амбициозным человеком, стремящимся к успеху и готовым трудиться, но и не расколовшись и не дав признание в похищении дочери Лиама.

— Поздравляю, парень! Ты принят в ряды нашего дружного и сплоченного коллектива! — торжественно, но с болью в горле, изрек Нисон по завершении опроса. — Надеюсь, это сотрудничество принесет и нам и тебе только хорошее: финансовое благосостояние, развитие и успех. Вот! Это тебе товар на первое время. Пока у тебя испытательный срок, посмотрим, как ты справишься с этим, — придвинул он к Тому картонную коробку, до отказа набитую какими-то пакетиками.

— Это, сука-бля, наркота? — ткнул пальцем в коробку Харди.

— Ну не скаутские же печенья! — рассмеялся Лиам. — Все, ступай! — махнул он рукой в сторону двери.

Том в непонятках встал с места, прихватил коробку с наркотиками и зашагал к двери, не понимая, что это за дерьмо такое, в которое он только что вляпался.

— И знай, тебе не скрыться от меня. Я отомщу тебе за дочь, — сквозь зубы добавил Нисон, когда Харди покидал его кабинет. Том обернулся, непонимающе посмотрев на него, и ускорил шаг, дабы быстрее скрыться от этого человека, при одном лишь взгляде на которого, и самому становилось нестерпимо больно.

— Ёбаный в рот… — протянул Харди, оказавшись в зале, где бармен-эсэсовец протирал шесты.

— Ты теперь арбайтен с мы? — пролаял он, не поднимая взгляд на Тома.

— Ну вроде того, сука-бля, — буркнул парень, уставившись в ворох пакетиков с наркотой, которые донельзя наполняли коробку.

— Идти со мной! Я ты аллес показать и рассказать! — по-фашистски отбросил немец тряпку и подошел к Харди. — Майне имя — Тиль Швайгер!

— Ну я понял… Понял… — начал биться в агонии возвращения к торговле наркотиками Том.

Глава 44: Стажер

Тиль вывел Харди на улицу и начал вводить в курс дела. Он показал ему все подворотни, которые были под контролем их преступной шараги, где следовало торговать; рассказал о постоянных клиентах, которым надо делать скидку, а также о том, как себя вести, если приходит покупатель-незнакомец, и как выяснить — не коп ли он. Затем он показал прайс на все виды запрещенных препаратов и пояснил, какой процент от продаж Том сможет забирать себе, и на какую сумму требуется продать товара, дабы получить дополнительную премию.

Выслушав лекцию Швайгера, Харди без промедления отправился работать. Тиль же последовал за ним, дабы проследить за новичком и ответить на его вопросы, которые, вероятно, могут возникнуть. Но, надо сказать, контроля за Томом практически не требовалась, уж тем более не было у него никаких вопросов. Ведь, как говорится, опыт не пропьешь! Торговля наркотиками в школе не прошла даром, и, хоть здесь был немного другой уровень, суть была абсолютна одинакова. Поэтому к концу рабочего дня Харди благополучно распродал всю коробку, выданную ему Лиамом Нисоном, перевыполнив норму на пятьдесят процентов. За это, к своему проценту от продаж, он получил денежный бонус, а также бесплатный ужин.

Так вот наш Том и подался в наркоторговцы в славном городе Чикаго, что в штате Иллинойс. Через пару дней он полностью влился в работу. Тиль, приставленный к нему, продолжал всюду ходить по пятам, дабы проследить за соблюдением всех правил, проконтролировать, не кладет ли Харди вырученные деньги себе в карман и не обвешивает ли покупателей. Но все было гладко, и никаких претензий к стажеру у Тиля не было.

Еще через неделю Том повстречал в одной из подворотен Брэда Питта, который, как выяснилось, всего пять дней смог честно патрулировать улицы, а затем, сам того не заметив, забрел на собеседование все к тому же пресловутому Лиаму Нисону, и был взят на работу в качестве мусорской «крыши» для таких мелких торгашей наркотиками, как Харди. Брэд лично стал прикрывать Тома, и хоть последний и без того не думал бросать эту сомнительную работенку, теперь ему стало и вовсе тепло и спокойно на душе. Он не боялся, что его могут повязать и депортировать из страны, также не задумывался и о том, что становится причастным к краху жизней многих людей, которые по своей глупости, неосведомленности и искушенности, стали конченными наркоманами. Отныне, под крылом старшего товарища, служащего закону, Тома все это не волновало, он чувствовал себя уверенно, да еще и денежка, получаемая здесь, затуманивала его рассудок, заставляя позабыть обо всем на свете, в том числе и о своих принципах и прежних переживаниях. Да уж! Еще недавно, помнится, ты переживал за того парня-пуфика из школы, что погиб, от части, по твоей вине. Даже татуировку вроде набил! Зачем, спрашивается, раз уже все позабыл! Не думаешь, что теперь на твоих руках могут оказаться сотни, тысячи, а то и миллионы жертв, учитывая твою производительность в этом деле! Ты, хоть и стажер, а уже за неделю стал лучшим работником месяца! Сколько доз ты продал за эти дни? Что говоришь? Ты не считал? Ну, конечно! Зато доллары, заработанные на этом, ты посчитать не забыл! И что только сказал бы Кристофер, узнай, чем ты здесь промышляешь? Это ли ты обещал своему отцу? А ради этого ли ты вообще сюда ехал? Что-что? Говоришь, сегодня уже сможешь снять себе халупу побольше и поближе к центру? Ну, давай, удачи тебе в этом… Смотри не обосрись!

— Сегодня твое срок испытаний подходить цу энде! — заявил Тому Тиль по

прошествии трех недель, после окончания очередного рабочего дня.

— О, сука-бля, заебись! — состроил свой фирменный еблет Харди. — И что дальше?

— Дальше тебя ждать важный задание! — рявкнул Швайгер. — Эти драй неделен ты гут арбайтен! Поэтому моя босс хотеть взглянуть на ты в деле серьезнее этот! — обвел он зигой подворотню, в которой Том продал последнюю дозу героина наркоману, который, сразу же ширнувшись, там и помер.

— Что за дело? — закурил Харди, пытаясь делать вид, что спокоен, на самом же деле он нехуйственно ссыканул. Во-первых, что за задание такое? Наверняка, опасное, ведь, как-никак, это бандитская группировка, в которой он был пока лишь мелкой пешкой. Во-вторых, ему нужно проявить себя в этом деле, чтобы получить повышение. Готов ли он? В этом Том уверен не был…

— Нихт говорить! — топнул Тиль кавалерийским сапогом. — Ехать сейчас же!

Харди громко сглотнул, торопливо докурил сигарету и последовал за Швайгером.

Через полчаса черный Мерседез Бенц с Тилем за рулем остановился на каком-то пустыре за чертой города. Том вышел из машины, за которой остановилось еще три таких же «мерса». Из них стали пачками вылезать на сегодняшний день не знакомые Харди парни. Все они работали на ту же преступную группировку, что и он, и, судя по их внешнему виду, делали эту уже достаточно давно. Лишь один Том был среди них неопытным стажером. Спустя три минуты на пустырь прискакали по меньшей мере дюжина ослов, на которых восседали не то что евреи — жиды. Все как на подбор в черных сюртуках поверх белых рубах, и штанах, заправленных в гольфы. Головы каждого их них украшали роскошные пейсы, свисающие у кого из-под велюровых шляп, у кого из-под сатиновых кип, а у кого и вовсе из-под гигантских цилиндрических непонятных шапок из меха.

— Сука! — взорвался Тиль, увидев компанию на ослах. — Жидовское отродье! — зарычал он, и далее из его фашистского рта посыпались немецкие проклятья, от чего складывалось ощущение, будто сам Адольф восстал из мертвых и вселился в Швайгера, дабы завершить свое нелегкое и неблагодарное дело по истреблению евреев.

— Шалом… — слез с главного осла главный еврей в самой огромной и самой непонятной шапке. — Вы таки думали, что приведете на нашу встречу этого нациста, и напугаете нас? Как бы не так! Наш избранный народ таки этим не возьмешь…

«Послушай, Том, это пиздец какой-то… Что за встреча такая? Вторая Мировая в миниатюре? Немец, евреи, американцы… Ты тут еще на половину британец… Кого не хватает? Русских? Пиздос…» — подумал Харди, встав позади всей своей компании, и с иронией наблюдая за происходящим.

Тем временем Тиль продолжал кричать и ругаться на евреев, и бить себя в грудь, утверждая, что всем им место в газовых камерах Освенцима. Приятели-бандиты пытались угомонить своего друга-фашиста, но все их попытки были тщетны. Том же погрузился в мысленный экскурс по страничкам Второй Мировой Войны и размышления о роли Великобритании в ней. Ты же, кажется, хотел себя проявить? В чем дело? А, просто ты получил сегодня бонус от продаж в виде дозы амфетамина и принял его по пути сюда? Отличное решение!

— Роберт совсем таки спекся, раз присылает на встречи таких ребят, — картаво усмехнулся главный жид. — У нас тут важное дело таки намечалось, а не вот это вот все!

— Что ты сказать? — превратился в сову-гауптштурмфюрера Швайгер. — Не сметь обижать моя ДеНира! Или ихь за себя не ручаться! Ихь убивать ты, мерзкий жид!

«Послушай, Том… А представь, если «Война и мир» была бы написана во времена Второй Мировой… Было б круто… Ты б такое почитал… Жаль Толстой подох…» — думал фантастическую хуйню Том, совсем позабыв, где находится.

— Друзья, давайте таки не будем усугублять ситуацию, а вернемся к нашим делам, — нараспев сказал еврей, разведя своими не на шутку кошерными руками.

— Моя ДеНира нихт сотрудничать с тобой, жид! — не унимался Тиль.

— Что ты несешь? — зашикали со всех сторон ему на уши приятели-бандиты. — Нам нужна эта сделка!

«Послушай, Том, интересно, а Наташа Ростова, живя во времена Второй Мировой, тоже отправилась бы на фронт? Медсестрой, например… Или же жила бы в оккупации, где ее насильно ебали бы сотни фашистов?» — впали было в шизу мысли Харди, но тут его отвлек от раздумий вопль Тиля.

— Хайль Гитлер! — заорал он, как умственно отсталый офицер Вермахта, и достал из-за пояса «парабеллум».

И тут Тома вдруг будто ударило током, он, наконец, осознал, что происходит вокруг, зачем он здесь, и каковы его цели. Адреналин мигом ударил ему в голову и заставил принимать решения и действовать молниеносно. Харди в секунду оценил обстановку, заметив, как главный еврей, достает из-под шапки непонятный автомат и направляет его на Швайгера, который хоть уже и достал пистолет, однако, перед выстрелом решил немного позиговать, восхваляя своего несимпатичного усатого кумира по имени Адольф.

Том понял, что если Тиль сейчас будет подстрелен, то задание будет провалено, а значит никакого повышения ему не видать, да и рекомендацию от мертвого немца он вряд ли получит. Поэтому решение пришло само собой.

— Слышь, сука-бля… — заорал он и одним прыжком добрался до главаря евреев. Да ты что творишь? У него же автомат! Куда ты лезешь с голыми руками? Это тебе не «бойцовский клуб».

Но Том, будучи безрассудным глупцом, да еще и до неузнаваемости обдолбанным амфетамином, совсем не думал об этом. Все мысли тут же улетучились, а их место заняла одна лишь неудержимая ярость. Один удар — и непонятное меховое изделие летит с еврейской головы, а сам еврей падает ниц, хватаясь за пушистые пейсы. Следующий удар с ноги в ебало — и простоволосый еврей теряет сознание, ненароком выстрелив при этом из автомата и убив таким образом пару своих ортодоксальных друзей. И каково же совпадение, что остальные евреи оказались до того трусливыми, что тотчас оседлали своих верных ослов и поскакали прочь, решив не устраивать сцен и не разжигать скандал.

Тиль же, завершив свои фашистские приветствия незнамо с кем, округлил рот до идеала и уставился на Тома. К нему были прикованы и взгляды всех остальных бандитов.

— Ты спасать михь! — ахнул Швайгер, сентиментально убрав «парабеллум» обратно за пояс. — Данке шён!

Харди, сам до сих пор не поняв, как все это произошло, не придумал ничего лучше, чем изобразить свой фирменный еблет, ткнув указательным пальцем в благодарного за спасение арийца.

— За это тебя ждать повышений, — взял он Тома за плечи и повел к машине. — Ты гут себя показать! Поехали…

— Да? — с интересом поднял шрамированную бровь Том. — А куда? И что теперь я буду делать?

— Все узнать скоро… Ехать с ихь, — открыл Тиль перед Харди пассажирскую дверь Мерседеса, предлагая сесть в машину.

— Ну, а почему, собственно говоря, и нет? — пожал плечами парень и залез внутрь, даже и не понимая куда его повезут, к кому и насколько это может быть

опасным. Но — похуй, как решил сам для себя Том.

Глава 45: Макаронник

Спустя сорок минут черный «мерен» заехал за огромные кованые ворота, на которых вензелями были изображены инициалы «РД». Машина, обогнув немыслимых размеров фонтан в виде статуи какого-то пухлого мужика в обнимку с чернокожим ребенком, остановилась на небольшой стоянке, сплошь и рядом уставленной черными бандитскими машинами.

— Ууу, — присвистнул Том, вылезая из Мерседеса и осматривая невероятно помпезную вычурную виллу в римском стиле. Ему казалось, что он попал на съемочную площадку кинофильма «Лицо со шрамом». Боги, до чего же эта вилла напоминала ему хибару Тони Монтана! Ну прям один-в-один!

— Идти за мной, — поторопил его Тиль, ступая к главному входу.

Вскоре парни зашли внутрь, и херр Швайгер повел Харди по широкой лестнице, располагавшейся в холле по обе стороны от фонтана и ведущей к огромным расписным дверям на втором этаже. Да что ж все такое тут огромное? Кто хозяин виллы? Не иначе, что у него маленький пенис! Почему? Сами знаете — эти теории Фрейда…

— Ждать здесь, майн фройнд, — зиганул на прощание немец и юркнул за дверь.

Том же даже и не обратил никакого внимания на Тиля, продолжая торговать фирменным ебалом направо и налево, рассматривая богатый интерьер виллы. Харди никак не мог взять в толк что это за прикол такой — обшивать красным бархатом и стены, и полы. Но, тем не менее, это показалось ему достаточно стильным, и он четко для себя решил — когда-нибудь он обязательно попробует себя в роли дизайнера интерьеров.

— Входить, — вышел спустя пару минут из-за двери Швайгер и пригласил Тома зайти внутрь.

Харди беззаботной походкой обдолбонного распиздяя зашел за расписные двери и оказался в кабинете, антураж которого поразил парня хлеще некуда. Пол был выложен черным мрамором с белым вкраплением, мебель и предметы декора были выдержаны все в том же солидном черном цвете. По центру комнаты располагался громоздкий письменный стол, к которому вела красная ковровая дорожка, явно привезенная из самого Лос-Анджелеса. Чуть поодаль от стола располагались шесть мониторов, транслирующих видео со скрытых камер, распиханных там и тут по вилле, ее уличной части и не только. В вычурном кожаном кресле, облокотившись локтями на письменный стол, восседал мужчина предпреклонного возраста.

«Послушай, Том, а этот крендель, кажется, за главного в нашей шараге! И судя по его внешнему виду — он никто иной, как «макаронник». Ёбаный в рот, Том! Да ты, кажется, попал в итальянскую мафиозную группировку! Ебать, как престижно! Не это ли успех?» — мысленно ликовал незнамо чему Харди.

— Присаживайся, парень, — хрипло пробухтел мужчина, указывая в кресло, стоящее напротив стола. — Познакомимся…

— Я виконт Том Харди VIII, — решил выебнуться парень, дабы показать, что он тоже не абы кто, а из потомственного рода настоящих аристократов. Чего, блять?! Каких-таких аристократов? Полегче, пацан! Ну, может первый твой предок, тот, который корабельщик, таковым и являлся… Ну, а потом кто, простите? Мразь, который проебал поместье? Лох, которого и вовсе выдворили из родного дома? Али пекарь-кладовщик — аристократ? Или его дети — самогонщик да летчик? А может планокур Кристофер? Или его сын-ебанат голубых кровей? Что замолчал, Томас? Нечего сказать? Вот и не выебывайся тогда — умнее покажешься!

— А я — Роберт ДеНиро, — укоризненно помотал головой мужчина, опустив

уголки губ вниз и следя за тем, как Том пытается приуютиться в кресле. — Всего лишь крестной отец местной мафиозной группировки… Ну, это так, к слову…

— Я, сука-бля, так и знал, — щелкнул пальцами Том и уставил указательный на ДеНиро. Кажется, наркотик все никак не желал отпускать Харди, и он продолжал вести себя крайне неадекватно.

— А ты смелый парень, — усмехнулся над наглостью пацана Роберт, опустил ладонь в гору кокаину, покоящуюся на столе, и начал в ней шерудить. — Блять, да где же мои очки… А, вот они! — извлек он оптику, и надел на свой нос, походивший по форме на клюв ястреба. — Дай-ка взгляну на тебя, — протер он испачканные линзы пальцами и с прищуром уставился на Харди.

Том в ответ лишь расставил ладони в стороны и продемонстрировал Роберту фирменный еблет, рекламируя себя словно отвязную бандитскую шлюху.

— Тебе лет-то сколько? Пятнадцать? — задумчиво почесал бубон на щеке ДеНиро.

— Семнадцать с половиной, — поправил его Том.

— Совсем еще юн… В таком возрасте еще никто не попадал в наши ряды… Но Тиль за тебя поручился. Сказал, что ты спас ему жизнь. Да не просто так, а кинувшись в драку с голыми руками на человека с оружием…

— Все верно, — самодовольно улыбнулся Харди. — Такой вот Том. Охуевший парень из Манчестера.

— Европеец? Это хорошо… — положительно помотал головой Роберт. — Ладно, посмотрим на что ты сгодишься. А теперь слушай о правилах проживания на моей вилле. Все жильцы обязаны соблюдать в своей комнате чистоту и порядок. Запрещено рисовать граффити и ссать на мебель и прочее имущество, находящееся в собственности хозяина, то бишь — меня. Так же категорически запрещено проводить в свою комнату несовершеннолетних лиц… Но к тебе, ладно уж, это правило не относится до исполнения восемнадцати лет, так что пользуйся моментом. Ни в коем случае нельзя использовать неисправные электроприборы в стенах своей комнаты, приходить на виллу в стадии алкогольного опьянения — в хуй, курить в комнате, санузле, столовой и коридоре, в остальных комнатах — разрешено. Не приветствуется выбрасывание крупногабаритного строительного мусора в унитаз. Необходимо знать, что хозяин виллы не несет никакой ответственности за личные вещи, оставленные жильцом в комнате…

— Чего? — нахмурился Том. — Это вообще, сука-бля, к чему все?

— На время проживания на вилле, ее хозяин бесплатно предоставляет следующие услуги… — громче заговорил Роберт, раздраженный тем, что его перебил этот наглый пиздюк. — Вызов бригады скорой помощи; предоставление гладильной доски и утюга; доставку в номер корреспонденции; предоставление кипятка, иголок, ниток; услуги Интернета; заказ билетов в театры, заказ столиков в ресторанах. За дополнительную же плату оказываются следующие услуги: аренда конференц-зала; аренда ПК, DVD-плеера, копирование, сканирование, печать; дополнительный комплект полотенец. За все это отвечает мой сын. Так что возникнут какие-то вопросы, или что-то понадобится — обращайся к Кертису… Кертис! — рявкнул он, нажав на кнопочку на стационарном телефоне.

Спустя мгновение в кабинет заскочил чернокожий босоногий парень лет четырнадцати в красном костюме портье.

— Да, отец? — поинтересовался он, приподняв квадратную шляпу в знак приветствия, и подошел к Роберту, дабы поцеловать его в бубон.

«Послушай, Том, как?! Как это возможно? Белый отец и, сука-бля, черный сын! И ладно, был бы он мулатом… Но этот Кертис же черен словно, сука-бля, смоль! Что за шляпа?! Смотри какой вариант возможен. Его черной матери делали ЭКО, но в банке спермы перепутали образцы. Поэтому вместо спермы

Роберта влили ей в матку сперму какого-то бесхозного нигера из Судана… А как ее вообще вливают? Спринцовкой? Или с помощью кулинарного мешка? Или это не ЭКО никакое?» — фантазировал Харди.

— Ууууф… — тяжело выдохнул он, схватившись за лысую голову и охуевая от собственных мыслей.

— Кертис, этот парень новичок и, как ты уже наверняка понял, с этого дня будет проживать на нашей вилле, — указал бубоном на Тома Роберт. — Будь так любезен, покажи ему его комнату и, вообще, что здесь да как устроено.

— Я буду жить тут? А нахуя? — влез в диалог Харди. — Я так-то квартирку в центре снимаю. Зачем мне жить, сука-бля, на отшибе? Какой прикол?

— Потому что с этого дня ты входишь в специальную группу — как бы мой «приближ». Понятно? Будешь выполнять мои личные поручения, а не шоркаться по подворотням и продавать наркотики всякому отребью. Да, задания опаснее. Порой на кону — жизнь. Но и денежка тут уже совсем другая…

— Это что? Типа, как бы повышение? — уточнил Харди.

— Да, типа того, — кивнул ДеНиро-младший, за что тут же получил от отца оплеуху, ведь перебивать родного отца — ну, такое…

— Как только ты расположишься, Тиль выдаст тебе оружие и введет в курс дела. А теперь можешь быть свободен, Кертис проводит тебя.

— Спасибо, сеньор ДеНиро, — поднялся с кресла Том и протянул Роберту руку. — Постараюсь вас не разочаровать. Вы не пожалеете, что берете меня в свой «приближ».

— Никаких рукопожатий в нашей семье, — подошел к нему ДеНиро, крепко взял за плечи, улыбнулся и жарко поцеловал сначала в одну щеку, затем во вторую.

Вот так вот Том и поселился на вилле Роберта ДеНиро и стал кем-то вроде «шестерки» главы мафиозной группировки. Харди подселили в комнату, предназначенную на трех жильцов. На счастье Тома — сосед у него оказался один — Тиль Швайгер. На неудачу Тома — Тиль проживал в комнате со своей девушкой-немкой, которая ни черта не понимала по-английски. И все бы ничего, если бы Тиль не жарил каждую ночь свою девку и не горланил что-то по-немецки в процессе совокупления. Порой, Харди казалось, что он живет на съемочной площадке какой-нибудь немецкой порно-студии. Но вскоре парень привык и не обращал никакого внимания, что в паре метрах от него кто-то ебется. Больше его напрягало, что периодически в их спальню заглядывал Роберт ДеНиро, доставал свой итальянский пенис, прятался за штору и дрочил на Тиля и его девушку. Однако, и к этому Харди привык.

Что касаемо новой работы Тома — теперь в его обязанности входило ездить на разного рода «стрелы», а также крышевать в компании своей группы различные бары, рестораны и прочую требуху, находящуюся под покровительством ДеНиро. Один раз Том и вовсе участвовал в рэкетирском налете на какую-то китайскую прачечную. Зачем Роберту такой малый бизнес? Да просто. От делать нехуй. Ну, а вообще, мистер ДеНиро считал, что ему должно принадлежать все Чикаго, но это не точно и не так уж и важно.

Вот так вот и проходили трудовые будни Харди. Ввязавшись во всю эту бандитскую кутерьму, парень не то что забил хуй на свои цели, из-за которых вообще и прилетел в Штаты, а просто-напросто забыл про них.

Глава 46: Мудак

Как-то раз, после очередной стрелы, Том и Тиль, решили добраться до виллы пешком, и не спеша брели по ночному Чикаго. И вот парням приспичило сходить по малой нужде, и они завернули в небольшую подворотню.

— А ты уважать черных? — выпалил Швайгер, тряся хуеем, дабы избавиться от последних капель. На самом деле, данный вопрос давно интересовал немца и даже, порой, не давал ему спокойно спать по ночам. А вдруг Тиль живет в одной комнате с прожженным толерантом? Негоже! Да и как-то неудобно… А то, что твой босс Роберт дрочит — удобно?

— Ээээм… — немного замялся Том, почесав голову. — Ну, по правде сказать, я не то что бы ненавижу нигеров, а как бы немного презираю их… И брезгую… Ну а, вообще, не только нигеров… Арабов не люблю еще, да и вообще всякий сброд мусульманский… Еще не особо уважаю французов. Как по мне — какие-то педики… Еще эти азиаты… Бррр… — передернуло парня. — Так неприятно смотреть на их желтый оттенок кожи, на их крохотные глазки…

Ба! Да что за разговоры такие? И когда ты успел стать таким расистом?! Что говоришь — эти мысли посещали тебя с тринадцати лет? Ну, а как-то раньше нельзя было об этом сообщить или хотя бы в дневнике изложить?! Молодец ты, конечно! Впредь, будь так любезен — нечто подобное — сообщай сразу!

— Ба! — возликовал Тиль Швайгер, расплывшись в жестокой улыбке счастливого Генриха Гиммлера. — Как же я бояться, что ду не разделить мою точка зрения!

— Ну, — покривил лицом Харди, застегивая ширинку. — Как бы твой фашизм я не разделяю… Ну, да ладно, — отмахнулся Том, решив показаться милым и не расстраивать Швайгера, что вся его идеология — хуйня собачья.

— Власть белым! — зиганул Тиль, бросив на Харди томный взгляд.

— Власть белым! — зиганул в ответ и Том, преисполненный милостью и добродушием, а также донельзя обдолбанный амфетамином.

— Это что еще за хуйня творится в моей подворотне?! — вышел из-за угла какой-то черномазый бомж, с ног до головы укутанный в старые тряпки. — Вы что, беложопые, считаете себя лучше остальных? — угрожающе стал он наминать хоть и вонючие, но, тем не менее, сильные кулаки.

— Охуеть совсем?! — взорвалось кубоподобное лицо Швайгера. — Ду хотеть драться с мы?!

— Чуваки, давайте немного успокоимся, — тяжело вздохнул Том, которого настолько утомила «стрела», прошедшая часом ранее, что драться не хотелось абсолютно.

— Я не успокоюсь, доколи подобное белое отрепье будет вытворять такое в моей подворотне! — никак не унимался негритос, веки которого, к слову, были поражены инсультом, от чего не открывались уже много лет.

После таких слов Тиль Швайгер уже не мог держать себя в руках, вытащил из-за пазухи «парабеллум» своего деда и наставил его на черномазого.

— Брать свои вортэ назад, грязный нигер, — процедил он сквозь плотно сжатую челюсть.

— Хуй тебе! — надерзил в ответ бомж по имени Форест Уитакер и достал из-за подола своего тряпичного халата деревянный шест, метра два длинной.

— Что ты задумать?! — неистово прорычал Тиль, но в ту же секунду Форест ловко махнул шестом, тем самым выбив «парабеллум» из рук Швайгера.

От подобной дерзости немец не то что растерялся — оцепенел! Тем временем, зассаный Уитакер извлек из-под складок тряпок еще один шест — на этот раз из алюминия, и набросился на Тиля в драку.

Нигер наносил Швайгеру удар за ударом, а сам немец ничего и сделать не

мог — настолько эта ситуация выбила его из колеи! Тиль лишь прикрывался от ударов зигами, да что-то дерзко бормотал в ответ. И тут Том понял — нужно как-то брать ситуацию в свои руки. Но, так как драться парню совсем не хотелось, то Харди извлек из куртки пистолет и не придумал ничего лучше, чем выстрелить в сторону Фореста, тем самым припугнув его. И все бы было ничего, если б негритос не скакал из стороны в сторону, как бешеная, до безобразия глупая обезьяна. Пуля, которую пустил Харди, вместо того, чтобы просто припугнуть — прошла в черную голову бомжа Уитокера и вылетела с обратной стороны. Понятное дело — мистер Форест ничком рухнул на грязный асфальт, так и не открыв на прощания веки и не продемонстрировав ребятам свои карие глаза.

В подворотне повисла что ни на есть неловкая пауза. Аааааа! Том! Ты ж убил этого бомжа! Вот и первый висяк на тебе! Ну, как оно? Бодрит? На год теперь уйдешь в депрессию?

— Блять, я убил его, — схватился за голову Харди, констатировав факт.

— Йа, — подтвердил Тиль, брезгливо ощупав пульс чернокожего человека. — Спасибо, майн фройнд, ты вновь спасать мне жизнь!

— Сука-бля… Сука-бля… — охуевал Том. — Я отнял жизнь… Кто я такой, чтобы это делать? — затянул свою старую шарманку Харди.

— Да какая жизнь? — удивился Швайгер. — Ты спасать арийца от черти-что! Это ли не подвиг?

— Но он… Он… Какой-никакой, но все же — человек… — продолжал недоумевать Том. — Впрочем… Это уже давно должно было произойти, ибо я — хуевый человек… К этому все и шло… Что теперь говорить? Что сделано, то, сука-бля, сделано…

— Ни он первый, ни он последняя, — похлопал его по плечу Тиль.

— Знаешь, все же об этом не стоит забывать! — сжал ладонь в кулак Харди и потряс им в воздухе. — Я сделаю себе татуировку-напоминалку, что отнял жизнь у этого черномазого!

— Я уметь бить! Пойти на виллу к ДеНире, — взял его за плечи Швайгер и повел прочь из подворотни.

— А как же избавиться от тела? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Ты думать, что эта бомжа кому-та нужна? — усмехнулся в стиле Гитлера немец. — Я тебя умалять! Его никто и не хватиться, ёбаная мать!

Харди лишь пожал плечами в ответ, но решил поверить на слово херру Швайгеру.

По прибытию на виллу, Тиль угостил Тома пивом и баварскими сосисками, после чего, по заказу Харди, набил ему второй крест на плечевом суставе. К слову, каким-то чудным образом, через пару недель в данной области у Тома уже было пять крестов. А после очередной «стрелы», которая в итоге закончилась нехуевым кровопролитием, Харди и вовсе не смог сосчитать, сколько народу полегло от выпущенных им пуль, поэтому положил огромный хуй на свои традиции-напоминалки, решив, что такими темпами через пару лет его тело будет усыпано крестами, что со стороны будет смотреться безвкусно.

Так и жил.

25 декабря 2000 года.

В гостиной зале виллы многоуважаемого Роберта ДеНиро было не на шутку накурено. В воздухе витал не только запах табака, но и крепких алкогольных напитков, баварских сосисок, да пива. За круглым помпезным столом сидело несколько парней, отмечающих Рождество и играющих в покер.

— Это совсем не честно! — с психом откинул от себя игральные карты парень-чмо, уставившись на Тома своими наглыми азартными глазами. — Ты считаешь карты!

— Да нихуя, сука-бля, подобного! — состроил фирменный еблет Харди,

расставив руки в стороны. На самом деле он спиздил, ибо вот уже как месяц назад обучился искусству просчета карт в покере, от чего ему не стало равных на всей вилле и ее близлежащей территории. — Просто смирись, Декстер, что ты невезучий по жизни человек! — засмеялся парень и сгреб «банк».

— Ладно, твоя взяла, — решил показаться милым Декстер Морган. — Еще виски? — любезно пододвинул он к себе стакан Тома.

Парень-жополиз вот уже как пару недель был принят в «приближ» ДеНиро и заселился в одну комнату к Харди, Тилю да его девке. Кто был такой этот Декстер, чем занимался до трудоустройства к Роберту и сколько ему было лет — никто не знал. Оно особо никто и не интересовался, ведь задавать подобные вопросы здесь — считалось дурным тоном. Если человек прошел собеседование у болезненного Лиама Нисана, то значит так тому и быть. Тот редко ошибался в людях, подходящих на ту или иную должность в шарагу ДеНиро. Главный принцип был таков — если человек конченый, то он абсолютно точно подойдет. К слову, Декстер показался Нисану до того конченым, что он сразу же определил его на виллу.

Том только принял обратно стакан, до краев наполненный виски, как вдруг в кармане джинс зазвонил мобильник. Парень беззаботно извлек телефон и немного растерялся, увидев, что звонит ему не кто иной как его отец — Кристофер Уокен.

«Послушай, Том, такой ты уебок! Забыл позвонить и поздравить отца с Рождеством! Ну не мразь ли ты после этого?! По твоим расчетам, в Чикаго сейчас половина восьмого вечера, а в Манчестере, соответственно, уже половина второго ночи и 26 декабря! Неужели отец не ложился спать в ожидании твоего звонка?! Ну пиздос, сука-бля!» — мысленно поругал себя парень, поднялся из-за стола, вышел в коридор и принял вызов.

— Алло, пап… Привет… — тихо заговорил он в трубку, прикрывая рот и динамик ладонью, дабы отец не услышал постороннего шума.

— С Рождеством тебя, сынок… — торжественно, но печально произнес Кристофер.

— И тебя с Рождеством… — проговорил Том. — Прости, что не позвонил… Ээээм… Только пришел домой, заработался… — брехал он, морщась от злости на самого себя.

— Вы работаете в Рождество? — с интересом спросил мистер Уокен. — Как ты устроился там вообще, расскажи… До сих пор работаешь в офисе менеджером?

— Ну… Нет, я же говорил, что хочу уйти оттуда. Так вот… Я теперь устроился в одну контору, которая… Ээээм… Занимается дизайном интерьеров… Ну, я пока только помощник дизайнера, но тот говорит, что у меня талант, обещает скоро повысить… — продолжал неуверенно мямлить парень, сочиняя на ходу, как ему казалось, правдоподобную легенду. — Вооот… Да, в Рождество мы работали… Очень много заказов было накануне праздника… Ну, украшение торговых залов и всякое такое… Кое-что приходилось доделывать сегодня…

— Ох, ну ничего себе, Том! — воскликнул Кристофер. — Никогда бы не подумал, что ты у меня такой творческий парень! — сказал он с усталой восторженностью. — Ну, ты там старайся, применяй фантазию, чтобы как следует проявить себя!

От радости мистера Уокена Харди стало не то что стыдно — ебано! Он почувствовал себя такой мразью, какой не чувствовал еще никогда в жизни, и не был уверен, почувствует ли еще когда-то. Том поспешил перевести тему.

— Ну, а ты как? — спросил он, закусив губу.

— Да, а что я? — усмехнулся Кристофер, и парень услышал, как он глубоко затянулся и задержал дыхание. — Поужинали с прислугой, заходила Мелисса. Интересовалась тобой, кстати. Спрашивает, почему не звонишь ей. Потом она

ушла, прислугу я отпустил по домам, чтобы они справили праздник со своими семьями… Ну, а я остался один, включил пластинку Шуберта, да покружил немного в вальсе… Помнишь, как мы с тобой каждый год на Рождество вальсировали? — спросил он и протяжно выдохнул в трубку, освобождая легкие от марихуанового дыма.

— Блять… — почти беззвучно ругнулся Том, отстранившись от телефона. — Конечно помню, пап… Как же не помнить?

— Ох, нам с тобой было весело… — грустно рассмеялся мистер Уокен. — Помню, как ты был еще совсем мальцом, и я учил тебя танцевать… Ты все налету схватывал — талант, не иначе! Хм… И почему же я удивлялся, что ты стал дизайнером? Ты всегда у меня был творческой натурой, выходит!

— Помощником дизайнера, — поправил его Том, дабы немного умалить свои достоинства перед отцом.

— Какая разница! — весело хихикнул в трубку Кристофер. — Впереди тебя ждет большой успех! Я чувствую это! И рад, что отпустил тебя в Штаты, чтобы ты мог попробовать себя… Рад… Только скучаю иногда…

Том убрал телефон от уха, приложил его к правостороннему сердцу и приставил большой и указательный палец к переносице.

— Сынок! Алло! Алло! — услышал он через полминуты голос отца и вновь приложил трубку к уху. — Сынааа! Аллооо! Со связью что ли неполадки…

— Я тут, пап… — вымолвил Харди, сглотнув ком подступивший к горлу. — Прости еще раз, что сам не позвонил… Я немного потерялся во времени, забыл, что у вас уже ночь… Сейчас собирался поужинать и набрать тебе… Вот было бы глупо, если бы ты уже уснул, а я бы тебя разбудил…

— Да как же я мог лечь спать, не поздравив тебя с Рождеством?! — изумился мистер Уокен.

— Еще раз прости, я правда заработался… — пробубнил Том. Он был готов провалиться под землю сию же секунду — так стыдно перед отцом ему было. Парень бы сейчас все отдал, чтобы очутиться рядом с ним, обнять его и сказать, что тот не одинок.

— Ничего страшного, сынок, я все понимаю… И совсем не обижаюсь… — с теплотой сказал Кристофер. — Ну ладно, иди отдыхай, ужинай… С Рождеством еще раз… Люблю тебя.

— И я тебя, пап… — выдавил Том и хотел уже сбросить звонок. — Постой! Алло! Ты еще тут?

— Да-да…

— Подо что говоришь танцевал? — спросил Харди.

— Шуберт, вальс си минор, — ответил Кристофер.

— Просто что-то вспомнил, и тоже так захотелось повальсировать… — водил пальцем Том по морозному узору на стекле. — Сейчас поужинаю, выпью немного Каберне Совиньон, передохну, включу музыку да тоже покружусь немножко… Вальс си минор значит… Понял… Ну ладно, давай, пап. С Рождеством! Ложись спать уже…

— Хорошо, Том… Спасибо… — выдавил мистер Уокен, кажется, еле сдерживая усталые слезы.

В трубке раздались короткие гудки.

— Сука-бля! — взорвался Харди, отшвырнув телефон в сторону.

— Ты чего тут? — услышал он позади себя парня-голос.

Том обернулся и увидел Декстера, потиравшего свой наглый ударенный глаз, ведь именно в него и прилетел телефон.

— Давно ты тут, сука-бля, стоишь уши греешь? — рявкнул Харди, пытаясь незаметно вытереть проступившие на глазах слезы.

— Не, — отмахнулся Морган. — Так с кем говорил? — спросил парень-прослушка, положив руки в карманы.

— Ебать не должно, — состроил свой фирменный еблет Том и двинулся обратно в гостиную.

Декс подкатил свои наглые сплетничающие глаза и пошел за Харди.

Том перебросился еще в пару партеек покера, забрал свой выигрыш и удалился в спальню, где налил себе вина, нашел на полках Тиля пластинку Шуберта и запустил ее на граммофоне. Покружив по комнате в одиночном вальсе, парень мысленно поклялся себе, что на следующее Рождество непременно отправится к отцу в Манчестер, какие бы обстоятельства не были. После он лег в кровать, прихватив с собой томик Тургенева. Так и уснул, уронив книгу себе на лицо.

Глава 47: Пуля

Май 2001 года.

— Давай тащить он! — орал Тиль, брызжа немецкой слюной Декстеру в лицо.

— Да блять! А сам не дотащишь? — подкатил тот свои наглые ленивые глаза.

— Найн! Мы должен шнель уходить отсюда! Пока нас сам не пристрелять! — рычал Швайгер.

Том слышал все это приглушенно, будто погрузился с головой под воду. Дышать было тяжело, каждый вздох отдавался болью в левом плече. Он чувствовал, как кто-то приподнял его под руки и поволок по земле. Последнее, что парень помнил до этого, как один из поляков, с которыми у них была стрела в лесополосе, достал из-за пояса пистолет. Далее прогремел выстрел.

— Ну же! Брать он за ноги и нести в машину! — стоял на своем Тиль, волоча Тома по траве.

Харди ощутил, как парень-некто подхватил его под колени, и теперь его несли двое. Том на время отключился.

— Муттер Божья! Сколько много кровь! — нервно орал Тиль.

Том с трудом приоткрыл глаза. Кажется, он был в салоне Мерседеса. За рулем сидел херр Швайгер, безумно крутя руль и бросая взгляды на заднее сидение.

— Что за… — прохрипел Харди и закашлялся.

— Тебя подстрелили… — недовольно процедил Декстер, сидевший рядом с Томом, крепко прижав ладонь с какой-то тряпкой к его плечу.

Харди медленно опустил взгляд вниз и увидел, что вся его грудь, а также рука Моргана были сплошь в крови.

— Сука-бля… — прохрипел Том и вновь провалился в небытие.

Он вновь открыл глаза, когда почувствовал, что его опять куда-то несут. Парень увидел сначала лишь небо над головой, затем картина сменилась на высокий мраморный потолок со свисающей с него огромной люстрой. Кажется, его привезли в особняк ДеНиро.

— Быстро его на кухню, — скомандовал черный голос Кертиса. — Кладите его на кухонный стол, я сейчас вызову доктора.

Том ощутил, как его положили на холодную столешницу и вновь отключился.

— Что у вас там вышло? — услышал Харди будто бы прищуренный голос босса ДеНиро. — Поляки совсем распоясались… Давно зарекался иметь с ними дело. Ну, теперь они пожалеют, что подстрелили моего человека…

— Наверняка жиды! — фашистским лаем высказал свою точку зрения Тиль.

— Разберемся… — отмахнулся от него Роберт. — Надо бы его обезболить. Кертис, принеси виски…

Том услышал удаляющийся топот босых пяток по кафельному полу. Затем пятки вернулись и поставили на стол что-то стеклянное.

— Давайте тут его подлатайте, сообщите, как будут дела обстоять… — удалился с кухни голос ДеНиро.

— Пить! — рявкнул Тиль, приподнял Тома за шею и плеснул ему в рот алкоголя.

Харди закашлялся, от чего в груди стало еще больнее, а в глазах потемнело. Все же пару глотков ему удалось сделать.

— Так, ну что тут у нас… — послышался справа от стола незнакомый голос. — Ага, пулевое… Все понятно. Так, ребятки, давайте рану вот этим обработайте, а я пока кофе попью и помою руки. Есть тут где кофейный аппарат?

Вероятно, это был врач. Том слышал раньше, что у ДеНиро есть доктор среди своих людей, но до этого никогда его не встречал.

— Открой рот, — услышал он голос Декстера прямо у себя над ухом.

Находясь в полубредовом состоянии, Харди подчинился, и в ту же секунду ему между зубов было всунуто нечто деревянное: то ли ложка, то ли скалка, то ли незнамо что. Морган с силой сжал челюсти Тома, хотя тот пытался сопротивляться, чуя какое-то наебалово.

— Лей давай, — сказал парень-анестезиолог.

— Будет боль! — сочувствующе зиганул Тиль, и следом Харди почувствовал, как ему на левое плечо под ключицей полилось что-то холодное, сразу следом грудь пронзила жгучая боль, волнами растекающаяся по всему телу, и заставляющая орать сквозь насильно стиснутые челюсти. Том отключился.

«Он сидит посреди комнаты, накрытой шаром из гиперпрочного полиэтилена. Напротив — синеглазый мальчишка копошится в фасоли, рассыпанной по полу. Перед Томом тоже разложены фасолины в шахматном порядке, и он двигает их по воображаемому полю, играя сам с собой.

— Поможешь мне? Без тебя мне никак не справиться… — говорит ребенок, пытаясь соорудить из бобов башенку.

Том поднимает взгляд и видит падающее фасолевое строение, но лишь пожимает плечами и продолжает играть в шахматы.

— Джейк, вставай, собирайся… — раздается за его спиной голос Мэрил.

Парень в ужасе поворачивается и видит перед собой мать, смотрящую на него взглядом полным пренебрежения.

Синеглазый мальчуган поднимается с пола и, опустив уголки губ, начинает собирать по комнате свои игрушки.

— А я? — спрашивает Том, не понимая, что делать ему.

— А ты оставайся тут, Томас, и продолжай играть в свои глупые идиотские игры! — кривит лицом мисс Стрип, помогая Джейку собирать вещи в его рюкзачок. — Тебе же так нравятся твои тупые шахматы, или во что ты там играешь?

— Шахматы не тупые, — обиженно говорит Том.

— Ах, да! Шахматы не тупые! Тупой — ты! — вскидывает руки Мэрил и поднимает синеглазого мальчика.

— Почему? — недоуменно возмущается Том и передвигает ладью-фасоль по ковровому покрытию на полу.

— Да потому что! Ты же, вроде, должен был перебирать фасоль, а не играться с ней! — укоризненно машет головой мисс Стрип, открывая зип-замок полиэтиленовой двери.

— Вы куда? — встает Том с пола и неторопливо идет к выходу из шара.

— Подальше от тебя! Наконец, мы отделаемся от тебя, бестолочь! — брезгливо кривит рот Мэрил. — Хотя, надо сказать, толка от тебя никакого! Даже с такой легкой задачей, как перебирание фасоли не можешь справиться! Что уж говорить об остальном! Всегда знала, что ты ни на что не годный мальчишка! А еще мнишь себя взрослым и самостоятельным! Ты даже ребенку помочь не в силах! Разве он о многом тебя просил?

— Я хотел собрать башенку… — грустно вздыхает мальчик у нее на руках.

— Я бы доиграл в свою игру, а потом помог бы! — пытается оправдаться Том.

— Хах… Потом… И кому эта башня нужна будет потом? Смотри не заиграйся, ублюдок… — подкатывает глаза Мэрил и покидает комнату.

Том оборачивается и смотрит на горсть фасоли, из которой ребенок пытался соорудить башню, а затем на свои бобовые шахматы, стройными рядами разложенные по полу».

Харди открыл глаза и подскочил на кровати. Он ошеломленно стал оглядываться вокруг, пока не понял, что находится в своей спальне в доме Роберта. Грудная клетка с левой стороны неприятно ныла. Парень опустил

взгляд и увидел, что его плечо перебинтовано. Тогда все события стали диафильмами всплывать в его памяти. Он вспомнил, что был ранен на стреле, затем его приятели довезли до особняка ДеНиро, где ему извлекли пулю и зашили рану. Сколько провалялся в постели, понять он не мог. Том вновь прилег на подушку и уставился в потолок. Перед глазами встал сон, привидевшийся перед тем как проснуться.

«Послушай, Том, что ж ты творишь? Тебя подстрелили, ты же мог подохнуть! Разве за этим ты ехал в Штаты? Разве этого ты желал? Работать на мафиози, подвергая собственную жизнь опасности? Хотя, на собственную жизнь тебе поебать… Но вот твой отец — как бы он это пережил? Он бы корил себя до конца дней, виня себя за то, что отпустил тебя сюда… Да и вообще, вспомни, зачем ты ехал в Америку? Совсем положил хуй на свои цели, еблан?» — думал Харди, легкими движениями руки ощупывая свое ранение. Кажется, сломано ребро… Дышать больно, а значит, возможно повреждено и легкое. Но это все не точно.

От мыслей Тома отвлек Тиль Швайгер, ворвавшийся в комнату.

— Фройнд! Ты приходить в себя! — восторженно заорал он и присел рядом с парнем на кровать. — Тебя ранить поляк-жид! Пуля сломать тебе ребро и повреждать твой легкое! Слава Гитлеру, херц не задето!

— Да это понятно, что сердце не задето… — пробормотал Харди.

— ДеНира зер злиться на Польша! — затряс кулаком перед носом Тома Тиль. — Шпрехен, что убить их все! Он назначать встреча с ними через драй день! Мы все ехать туда! Мстить! Убивать! Сжигать! — все хлеще и хлеще распалялся немец, будто мечтал не просто поквитаться с поляками, но и захватить всю Польшу.

— Ну я понял… Понял… — безразлично промямлил Харди. — Я, пожалуй, еще отдохну… Что-то пизда мне, сука-бля…

— Йа! Ты терять филь кровь! — рявкнул Швайгер, вставая с кровати и направляясь к выходу. — Надо набираться сила! Через драй день мы цузаммен мстить польский швайне! — с этими словами он вышел из спальни.

Том бессмысленно уставился на дверь, за которой скрылся немец. Ему были мало интересны возмущения Тиля, а также планы ДеНиро. В голове лишь крутился сон про мальчика из шара и Мэрил Стрип. Харди вновь погрузился в свои мысли. Так и уснул.

Глава 48: Бармен

Том провалялся в постели пару дней, успев за это время накрутить себя до беспредела. Осознание бессмысленности собственного бытия, отступления от поставленных целей и утерянного времени тяжким грузом повисло у него на душе. Том не мог выкинуть все это из головы, от чего не в силах был нормально ни спать, ни есть. К вечеру второго дня к нему в спальню пожаловал врач, который латал его на кухонном столе, и заявил, что рана заживает хорошо и нужды в постельном режиме больше нет. Как только доктор вышел за дверь, Харди поднялся с кровати, оделся, как мог быстро, ведь осторожничал из-за плеча, которое до сих пор давало о себе знать, взял деньги, сигареты и, никому ничего не сообщив, ушел из дома.

— Ром, — сделал он заказ, усевшись за барную стойку.

Том уехал на другой конец Чикаго и решил зайти в первый попавшийся бар, ведь ему было просто необходимо немного снять напряжение. Он намеревался выпить немного, расслабиться и тогда уже подумать о своем будущем, целях и о том, какой же он все-таки ебанат.

— За счет заведения, — громогласно заорал бармен, придвину к Тому стопку спиртного.

Харди поднял взгляд на бармена. Это был темноволосый парень с густой бородой и крупными чертами лица. На нем была черная майка-борцовка, обтягивающая его крепкий подкачанный торс, и голубые джинсы классического кроя.

— Да я как бы и сам, сука-бля, могу оплатить, — приподнял шрамированную бровь Том.

— Ну, дело твое, — пожал плечами бармен-бородач. — Хотел угостить тебя…

— Обойдусь, — буркнул Том и опрокинул стопку. — Повтори.

Бармен вновь наполнил рюмку ромом. Затем еще одну, еще и еще… Вскоре Харди был не то что в говно — в хуину!

— О чем кручинисси? — спросил бармен через час, наливая очередную порцию рома.

Том уставился на бармена непонимающим и затуманенным взглядом. Выпив очередную стопку алкоголя, он пожал плечами, оттопырив нижнюю губу, и развел руки в сторону.

— Ну я ж не абы кто, а бармен, как-никак, — улыбнулся бородатый. — Для того мы и существуем, чтоб нам душу изливать, когда пригорюнилось.

— И то верно, сука-бля, — состроил свой фирменный бухой еблет Харди.

— Ну, выкладывай, че по чем, — подбодрил его бармен и вновь плеснул рома.

Отчего-то в тот момент Тому так захотелось выговориться, и хоть этот крендель был совсем ему не знаком, почему-то вдруг парень решил открыться перед ним. Может это и есть лучший способ поговорить с кем-то о своих проблемах? Подсесть на уши незнакомцу, готовому выслушать. И Харди начал свой рассказ. Да так подробно! Начал он с самого раннего детства, издевок матери и загадочного то ли ребенка, то ли воображаемого друга из шара. Затем поведал о том, как его нашел отец и перевез в Манчестер. О своих масочных проблемах. Про свои злоключения и неудачи в школе, первые провалы в дружбе и любви. О том, как сел на отцовские наркотики и как по его вине умер человек. Потом поведал про бойцовский клуб и решение переехать в Штаты. Про банду ДеНиро и про стрелу, где его подстрелили. Закончил он повествование, выложив свои душевные терзания, которые мучают его из-за сна, увиденного после ранения.

— И я сижу тут как конченый мудак, занимаюсь какой-то невообразимой хуйней, сука-бля, — еле ворочая языком буробил Том, глаза которого уже были

полузакрыты. — А где-то… Хуй знаю даже где… Где-то в доме со старой блядью Мэрил, на втором этаже в шаре, заперт ребенок! А я, пидорас, сижу тут, в Чикаго, и творю какую-то шляпу, вместо того, чтобы найти его и спасти… Хотя… Я даже, сука-бля, не знаю, существует он на самом деле или нет! Даже если нет, то я должен найти суку-мать и побазарить с ней за все то дерьмо, что она делала… Я ж, сука-бля, уже взрослый и не зассу ее, как раньше, когда был пиздюком… Но и этого я не делаю… Потому что — что? Потому что я — ебанат!

— Уууух, вот это закавыка… — помотал головой бармен, протирая барную стойку. — Вот что я тебе скажу… — сказал он, отложив в сторону тряпку и присев на высокий стул, закинув ногу на ногу.

Но, кажется, Том совсем не собирался слушать советы этого человека, а вместо этого уронил голову на стол, заснув крепким сном депрессивного алкоголика.

— Эй, эй… — заорал бармен, пихнув Харди в больное плечо, но даже это не смогло разбудить его.

Бармен пожал плечами и принялся работать дальше, принимая заказы и выслушивая бредни очередных страдающих клиентов.

— Батлер, закрываемся уже! — крикнул с кухни кто-то из персонала. — Давай, выгоняй уже всех, тащи сюда все стаканы и по домам!

— Сейчас, — проорал на весь бар бородач и принялся вновь будить Тома. Но что бы он не делал — все было тщетно! Харди никак не просыпался!

Надо сказать, у Батлера каждый день были толпы таких посетителей, которые нажирались до умопомрачения, изливали ему душу, а потом также засыпали за барной стойкой. Даже если они не просыпались сами, то бармену удавалось успешно разбудить их в крайнем случае к концу своей смены, и те, ни шатко, ни валко, покидали питейное заведение на своих двоих. Порой с самыми безнадежными пропойцами приходилось сложнее. Если они так и не просыпались, то Батлер просто вытаскивал их на улицу, да бросал под дверями бара, накрывая их красным плюшевым пледом, который имел всегда под барной стойкой на такие случаи. Он совсем не хотел, чтобы эти конченные алкаши померзли во сне по его вине. Но сегодня на его беду, а может и на счастье, ему попался Том, крепкий сон которого был не способен прервать даже невообразимо громкий крик бармена. Батлер взял Харди под мышки и потащил, по обыкновению к выходу, прихватив с собой красное покрывало. Бросив его у дверей бара, он отряхнул руки, накинул на него плед и хотел было вернуться внутрь, как вдруг кое-что заставило его остановиться.

— Сука-мать… Мразь… — забуробил во сне Том, приуючиваясь на холодном асфальте под теплым одеялом. — Джейки… Я помогу, помогу построить башню… Прости, пап, я нехило объебался… — нес он невменяемую дичь конченного бухарика.

Однако эти слова и заставили Батлера остановиться. По правде сказать, история Тома нехило запала в его сердце. Хотя он и не был уверен, что все это правда, ведь сомневался, что столько хуйни может свалиться на плечи одного человека. Но, тем не менее, бармен проникся этим душещипательным рассказом, ведь ему и самому приходилось в жизни встречаться с непониманием людей, хотя это было непонимание другого плана.

— Фрэнк, закроешь тут все сам? — крикнул он парню с кухни, вновь подхватив Тома под руки. — Отвезу этого хлопца к себе на ночь, а то померзнет, черт бы его побрал…

— Ой, все понятно с тобой, — отозвался голос из бара. — Давай уже, иди, закрою сам…

Батлер дотащил Харди до красного обшарпанного Доджа Челенджер 1969 года выпуска, забросил его на заднее сиденье вместе с плюшевым пледом и сел за руль. Он вставил ключ в зажигание и повернул его. Додж затарахтел,

затрясся и, с трудом тронувшись с места, помчал прочь от бара.

Когда Том открыл глаза, то не сразу понял, где вообще находится. Голова раскалывалась от жуткого похмелья и, кажется, он был до сих пор еще пьян. Парень немного приподнялся на локтях и осмотрелся по сторонам. Харди лежал на диване в какой-то небольшой убогой квартире-студии, которая, несмотря на свой нищебродский интерьер, выглядела весьма аккуратной и прибранной.

— Уже проснулся? — проорал некий бородач, присутствие которого Том даже и не заметил. Незнакомец стоял за кухонной плитой и варил в турке кофе, запах которого окутал убогую халупу чарующим ароматом.

— Ты кто еще, сука-бля, такой? Это ты меня сюда приволок? — простонал Харди, зажмурившись от похмельной головной боли.

— Да ты чай не помнишь ничего?! — продолжил верещать громче некуда незнакомец, хлопнув себя по бедрам. — Ты вчера так накирялсси, что отрубилсси в баре… — начал он свою громогласную неграмотную историю, рассказав о событиях вчерашнего вечера.

— Ну я понял… Понял… — помассировал виски Харди, после завершения истории бородача. Мало того, что ему было пиздец как хуево с похмелья, так еще и этот бармен говорил до безобразия неграмотно.

— Ты наверняка запамятовал, как меня звать, — подошел к нему бородач и протянул руку. — Леонид Батлер!

— Ну, спасибо тебе, Леонид, — пожал в ответ руку Том, затем скинул с себя плюшевый красный плед и, опустив ноги с дивана, полез в карман за денежкой, чтобы отплатить этому любезному человеку, не позволившему провести ему ночь на холодном асфальте. — Сколько я тебе должен?

— Ба! Да ты чай шутишь?! — весело изумился Леонид. — Какие денежки, Том, я все делал от чистого сердца! Не надо мне ничего!

— Что? Откуда ты знаешь мое, сука-бля, имя? — приподнял шрамированную бровь Харди.

— Ну как? — продолжал даваться диву Батлер. — Ты же вчера чесанул мне все про себя! Про свою матушку, дитятку, который то ли есть, то ли нет, про маску, про папеньку…

«Послушай, Том, чта?! Какого хуя ты растрепал сокровенное первому попавшемуся? Ты ж хуй когда и кому об этом рассказывал! Но ты посмотри на этого Леонида… Чуешь? Чуешь чем от него веет? Теплом, добром, искренностью… Помнишь, ты как-то кумекал про «своего» человека? Вот прям таковым и веет от него! — охуел сам от своих мыслей парень. — Быстро, уебывай отсюда! А то понапридумал незнамо что, а потом опять на старые грабли наступишь, доверившись этому кренделю!»

— Ладно, мне пора, — суетливо пододвинул к себе кроссовки Том, натянул их, улегся спиной на диван и стал медленно шнуроваться, задрав ногу ввысь.

— Оooy, уже уходишь, — грустно проорал Леонид. — А я вот — кофейку сварганил, — махнул он печальной ладонью в сторону кухонного стола, где уже стояли две чашки свежесваренного напитка.

«Послушай, Том, кажется он так же одинок, как и ты… Да ты шутишь? Уебывай!» — спорил с самим собой в голове Харди.

— Не откажусь, — зачем-то пизданул он и пошел в сторону стола. Леонид за ним.

— Ммм… Какой вкусный, — прикрыл глаза Том, сделав первый глоток кофе.

— Благодарствую! — прикрикнул Батлер. — Вообще, я работаю не только барменом, но и баристой. В чем-чем, а в пойле я знаю толк!

— Сука-бля… Жалко только, что он не поможет мне от похмелья… — простонал Том, положив ладонь на лоб и отставив чашку в сторону.

— Не кручинься, я, кажется, знаю, как помочь твоей беде! — поднялся из-за

стола Леонид, подошел к холодильнику и извлек оттуда ананас. — Знаешь, вот ты вчера поведал мне свою байку, и что-то такое было в ней, что я сразу же вспомнил все те невзгоды, которые заставили переехать меня в Чикаго… — задумчиво проорал он, очищая фрукт.

— Расскажешь? — поинтересовался Том, который, чтобы ни делал, как бы ни старался — никогда не мог устоять перед какой-нибудь охуетительной историей.

— Вообще, родился и вырос я на небольшой ферме, что в штате Айова… Все как положено — большая семья, дела у которой шли шарманно… И все бы было ничего, если бы у меня были друзья… — рассказывал бородач, закидывая в миксер кусочки порезанного ананаса, лед и залив туда ананасовый сок. — Местная ребятня не понимала меня… Гнобила… Издевалась… Мол, Батлер так громко разговаривает! Батлер такой-сякой! Как бы я не старалсси — никто не желал со мной якшаться…

— Как же, сука-бля, знакомо, — внимательно слушал Том, подперев ладонью щеку. — Но я что-то не пойму, что за предъява, мол, ты громко разговариваешь?

— Ну, как же? — превратился в оглушающую сову Леонид. — Я ж пиздец, как громко разговариваю! Все об этом только и судачат, познакомившись со мной!

— Я как-то, сука-бля, и не заметил, — озадаченно пожал плечами Том. — Разговариваешь как все…

— Батюшки свят… Ты первый, кто об этом мне говорит… — удивленно пробормотал Батлер, но решил долго не зацикливаться и продолжить свой рассказ. — Короче, так я и жил… Но около двух лет назад, по нашей деревни пошел досадный слушок про меня… Мол, я — пидорас… — тяжело вздохнул он и замолчал, добавив в миксер ром и кокосовые сливки. — Такие вот пироги, Том…

— Ээээм… Ты что… Педик? — охуел Харди, уже приподнимаясь со стула и готовясь в любую секунду сбежать из этой пидорестической квартиры, ведь побоялся, что может лишиться девственности, но совсем не той, которой гоже лишаться для мужчины.

— Что ты?! Конечно же нет! — заорал Леонид, да так громко, что все ингредиенты в миксере перемешались сами собой. — Я же сказал — это слух! Ты не слушаешь меня, Том?!

— Да все я слушаю! Просто уточнил! — поспешил оправдаться Харди, которому стало до безобразия стыдно, что он пизданул эту необдуманную хуйню по отношению к человеку, который так порядочно с ним поступил.

— Знал бы ты, что устроил мне мой тятенька, когда до него дошли эти гнусные слухи! Ох! Переубедить его было невозможно! Вся семья на меня ополчилась! Никто, кроме моего деда не поверил мне, что я не говномес! — возмущенно орал Леонид, переливший криком содержимое миксера в изящный бокал. — И тогда они сказали мне, мол, Леонид ты должен немедленно уезжать с фермы и никогда не возвращаться! Ты позор и клеймо нашей семьи! Останься ты тут — продажи наших тыкв упадут вдвое!

— Ну нихуя б себе, семейка! — поразился Том. — Вот же мрази!

— И тогда я собрал свои котомки, повязал их узлами и ушел с фермы, — уже более спокойно продолжил кричать Батлер, засовывая в бокал трубочку и украшая его цветком орхидеи и ананасовыми листьями. — Ближе к вечеру следующего дня, пока я шоркался по трассе и не знал, куда идти, меня догнал мой дед на своем Додже…

— Откуда у твоего деда Додж? — перебил его Том. — Ну, в смысле. Такая раритетная тачка… В деревне… Да еще и у деда… Непонятно.

— Дед мой, помолоду, был ночным гонщиком. Такие вот пироги, — пояснил за тачку Батлер. — А старик-то мой, единственный, кто поверил, что меня оклеветали! И он сказал мне, мол, внуча, бери мою колымагу, да езжай в светлое будущее. Может это твой шанс — выбраться из всей этой деревенской кутерьмы.

Езжай в город и найди себе место… Так я и поступил. Приехал в Чикаго, обучился на бармена и баристу и устроился в бар… — закончил свою душераздирающую крикливую историю Леонид и поставил перед Томом бокал с какой-то белой жижей. — Это должно помочь унять твой недуг…

— Что это? — приподнял шрамированную бровь Харди и, не дожидаясь ответа, засунул между пухлых губешек трубочку и втянул в себя сладкий коктейль. — Ммм… Ммм… Ммм! — восторженно замычал он.

— Пина Колада, — громко и самодовольно изрек Леонид, усаживаясь за стол напротив. — Такова вот моя история…

— Пиздос, как несправедливо! — высказал свою точку зрения Том. — Ну, а хули ты не хочешь вернуться в эту свою деревню? Не предъявишь родителям. Так, мол, и так. Что за ебала? Не охуели ли вы? Кто вам дороже — родной сын или тыквы?

— А какой в этом прок? — усмехнулся Леонид. — Нужно доказывать свои дела поступками, а не пустыми словами, — изрек он крикливую мудрость, закурил и задумчиво уставился в окно. — Знаешь, иногда мне хочется чего-то добиться и прославиться… Чтобы мои старики увидели меня по телевидению, али прочли про меня в газете, и понЯли, что не важно, какова твоя сущность, а важно только то, какова твоя душа… — нес он непонятную ересь. — Ну, а что на счет тебя, Томми? Что собираисси делать дальше? — посмотрел он на парня.

Томми… Томми… Это имя звенело в голове у Харди, отлетая от ее стенок и повторяясь эхом. За всю жизнь, еще ни одна живая душа так не называла парня. А ему так хотелось, чтобы кто-то родной и близкий назвал его просто и ласково — Томми. Это, казалось бы, простое слово, не на шутку вскружило ему голову! Том понял, что за такой короткий промежуток времени он так проникся к этому бородачу, что совершенно не хотел с ним расставаться. К тому же, это был первый и единственный человек, которому Том, хоть и бухой, но поведал историю своей жизни. История же самого Батлера не на шутку задела парню душу, и показалась даже чем-то похожей на его собственную.

— Эй… Ты чай залип? — выдернул Тома из мира грез Леонид своим криком.

— А, да нет… Что-то просто, сука-бля, задумался… Задумался… — повторил Том, уставившись на сливочную пенку, стекающую по стенкам бокала.

— Так что делать будешь? — повторил свой бородатый громкий вопрос Батлер.

— Не знаю, сука-бля, — незадачливо рявкнул Харди. — Точнее знаю. Но не понимаю, как правильно поступить. Совершенно точно, что я должен сделать то, за чем, собственно говоря, и прилетел в Америку…

— Отыскать матушку и разузнать про мальца в шаре, — продолжил за него Батлер.

— Именно! — щелкнул пальцами Том и выпил до дна Пина Коладу, от чего на старые дрожжи его в миг развезло, и парень вновь не заметил, как напиздился. — Слушай, Леонид, я такой вкусной ебалы никогда в жизни не пробовал! А зачем ты работаешь в том баре? Не пробовал сам на себя? Я думаю, что у тебя бы пошел бизнес! Что кофе у тебя отменный, что напитки!

— Ой, да что ты! — визгом отмахнулся от него Батлер. — Куда там мне? Где ж взять денежек на такие растраты? Лучше я как-то так… Потихоньку… Помаленьку… На какого-то дядечку…

— Знаешь, а вот мне как-то заебало работать на кого-то! — вдруг загорелась в шизофреничной голове Тома лампочка. — Сейчас я позвоню своему начальнику и попрошу у него отыскать адрес моей мамаши. Он, сука-бля, не в праве отказать мне! Сколько раз я подставлял собственную шкуру ради него? Этот старый пидор в долгу передо мной! А потом — я заявлю, что ухожу из их мафиозной группировки! Заебало! Затем поеду найду старую блядь, порешаю свои личные дела и попробую крутануть что-то свое! Деньжат я заработал на

славу, так что с этим проблем не будет…

— Томми, да что ты такое говоришь! Это же опасно! Всем знамо, какова власть итальянцев в Чикаго! Убьють тебя за такие дерзости! Не отпускают они от себя никого просто так! Така молва по городу давно идет!

— В пиздууу, — протянул ебанат Том, состроив свой фирменный еблет. — Они еще хуй знают с кем связались! Это пускай они меня боятся, а не наоборот! — нес он самоуверенную ерунду, хлопая себя по карманам джинс. — Блять, кажется, я проебал мобильник…

— Он на зарядке, — встал со стула Леонид и пошел в сторону комода. — Ты не подумай, я не лазал по твоим карманАм! Трубка выпала, я увидел, что она отключена, решил, что села, да и решил — хай заряжается лежит!

— Ох, ну спасибо тебе, Леонид! Даже и не знаю, как тебя отблагодарить! — воскликнул Том, приняв свой мобильник из рук бородача и включив его.

— Не нужно этого делать… — взволнованно пролепетал Батлер в то время, как Харди уже набрал чей-то номер и приложил мобильник к уху.

— Алло, Роберт? Ну, здравствуй, сука-бля, Роберт, — начал с дерзкого приветствия Том. — Как оно?.. Что? Хули ты так орешь?.. Мое дело — где я был!.. И что? Мне поебать на твои стрелы!.. И что, что меня ранили?.. Вот именно! За это мне полагается компенсация, но не вот это вот все!.. Нет, не охуел! И да — ты обязан мне, сука-бля, Роберт! Ты должен найти адрес моей мамаши… Чего? Охуел? С хуя ли я шавка британская?! А?! Макаронник старый!.. — охуевше говорил он с боссом. — Странно… Трубку бросил… — отстранил он от уха мобильник и удивленно посмотрел на экран.

— Да ты, чай, попал, Томми… — прошелестел Батлер, прикрыв крик ладонью.

— Ой, да нихуя я не попал, — беззаботно отмахнулся от бородача Харди, извлек из кармана джинс пакетик с амфетамином, рассыпал по столу пару дорожек и занюхнулся. — Будешь? — предложил он Леониду.

— Ааа! — с горяча махнул бородач и занюхнул пару дорожек, учтиво насыпанных для него Томом.

— Итак, сейчас я поеду к нему лично и побазарю с глазу на глаз. Что это за дерзость-то такая? Затем выбью из него адрес моей мамаши, потом еще и компенсацию за ранение, а уж затем поеду решать свои, сука-бля, дела, — нес бесстрашную хуйню шляпа Том. — Слушай, Леонид, а не хочешь со мной, а? Может откроем вместе что-то такое, на чем сможем выехать! Ты же, как я понял, хочешь открыть что-то свое и стать богатым, чтоб родители твои локти кусали? Так? Я был бы рад помочь тебе, отблагодарив тем самым за радушный прием!

В квартире повисла безобразная пауза.

— Да нет… Спасибо… — спустя минуту молчания, неуверенно отмахнулся Батлер. — Не хочу я ни во что такое впутываться… У меня все только устаканилось, а тут твои терки с мафией… Нет, я как-нибудь дальше сам, спокойненько. Ничего личного, Том, ты меня и калачом не заманишь в такие опасные авантюры. Не мое это…

— Ну, как знаешь, — тяжело и вполне себе расстроенно выдохнул Харди, поднимаясь со стула. — Ладно, бывай, Леонид. Спасибо тебе еще раз за то, что помог мне. Мне пора выдвигаться…

— Может тебя подбросить? — взволнованно проорал Батлер.

— Я, сука-бля, сам, — рявкнул Том, обидевшись на бородача за то, что тот не принял его руку помощи.

Глава 49: Уволен!

Харди покинул квартиру Батлера и направился на разборки на виллу к ДеНиро. Всю дорогу парень корил себя за то, что повелся на первого встречного, то бишь на Леонида, возомнив, что тот действительно смог бы стать его настоящим другом. Тому было больно и обидно, что после того, как они излили друг другу все, что коробило их души, бородач просто взял и слился. Ну, а на что ты рассчитывал, товарищ? И на что обижаться-то? Человек совершенно бескорыстно помог тебе, а ты в ответ предлагаешь ему какую-то опасную ёбань! Ясное дело, что никто не захочет с подобным связываться!

Оказавшись на вилле, Том заметил, что никого из «приближа» на ней не было. Скорее всего, ребята все еще были на стреле. Первым делом Харди направился в свою комнату и собрал чемодан, чтобы на случай неудачного разговора с Робертом, сразу же покинуть его виллу. Ну, а уж затем, поднялся по помпезной лестнице и без стука зашел в черный солидный кабинет ДеНиро.

— И у тебя хватило наглости прийти ко мне лично? — охуел при виде Тома Роберт, почесав бубон на щеке.

— Хватит, сука-бля, — уселся в кресло напротив Харди, закинув ногу на ногу. — Угрожать мне тут не надо. Я пришел, чтобы получить свое, после чего я покину твой блядский картель.

— Серьезно? — состроил некое подобие фирменного еблета Тома мистер ДеНиро. — И что же ты хочешь получить от меня? Ммм?

— Во-первых, сука-бля, мне нужно узнать адрес, где проживает моя мамаша. Мне известно только лишь ее имя и фамилия, но я думаю, что для твоих каналов этой информации будет достаточно. Ну, а, сука-бля, во-вторых, мне нужны деньги за моральную компенсацию. Плечо пиздос болит! А все это по твоей вине произошло, Роберт! Я своей шкурой рисковал ради твоих сделок, пока ты просиживал здесь свой старый итальянский зад. Сколько я теперь буду недееспособен из-за этой дрочи? Так что давай компенсируй финансово, сука-бля, — расставил ладони в стороны Харди, выдвигая наглые запросы своему начальнику.

Роберт в ответ лишь укоризненно покачал головой, донельзя опустив уголки губ вниз, достал из верхнего ящика сигару и закурил.

— Знаешь… — заговорил он, протирая стол от крупиц кокаина. — Ты отлично работал на меня… Мне жалко с тобой расставаться, Том. Но вот это вот все — как ты разговариваешь со мной, как не приехал на стрелу, что, в конце концов, требуешь от меня — все это недопустимо… Все это до безобразия неприемлемо! — взорвался он, ударив кулаком по столу. — Но, благодаря твоим заслугам, я дам тебе шанс уйти и не заберу твою жизнь, — более спокойно продолжил полустарик. — Поэтому беги, Том. Беги отсюда. И чтоб я больше и носа твоего британского не видел не только здесь у себя — в Чикаго, но и в Штатах!

— Слыыышь! — взорвался от подобных заявлений Харди, вскочив с места. — А ты, собственно говоря, кто вообще такой, чтобы распоряжаться моей жизнью?! Заберешь, сука-бля, жизнь мою? А ты кто, сука-бля, Бог? Или кто? Что ты мелешь, Роберт? Не пошел бы ты на хуй? А? Хуй куда я уеду из Штатов! Я, между прочим, наполовину американец и имею полное право здесь находиться! В отличие от тебя, старый ебанат! Давай-ка ты уебывай из Штатов, и чтоб больше я не видел тебя тут! — молол он дерзкую хуйню.

От столь вопиющих в свой адрес речей, ДеНиро подскочил из кресла и бросился в сторону Тома, дабы вступить с ним в рукопашный бой. Да на что ты рассчитываешь, старик?! Харди же, не дожидаясь, пока Роберт подберется к нему, подался навстречу и, что было сил, боднул его с головы в нос. Хватило и одного этого удара, чтобы из птичьего носа Роберта хлынул гейзер крови, а сам

мужчина предпреклонного возраста рухнул на пол.

Харди понял, что, кажется, понатворил весьма опасной дичи и ему немедленно следует убираться с этой проклятой виллы да и вообще из Чикаго, пока сюда не слетелись его уже бывшие коллеги. Но и уходить ни с чем Тому тоже не хотелось. И тут он заметил на столе у ДеНиро огромную стопку денег да гору кокаина. Парень, не раздумывая ни секунды, раскрыл свой чемодан и махом стряхнул туда и внушительную сумму денежки, и белый порошок.

— Что ты здесь делать? — столкнулся он с Тилем Швайгером, когда уже хотел покинуть кабинет Роберта.

— Ничего, сука-бля, — сквозь зубы прорычал Харди и оттолкнул со своего пути немца.

— ДеНира? — округлил свой не на шутку фашистский рот Тиль, увидев валяющегося на полу босса с окровавленным ебалом. — Что ты сделал с моя ДеНира?

Том же не намеревался отвечать на вопросы этого человека и ускорил шаг.

— Куда спешишь? — врезался он на этот раз в Декстера, вошедшего в дом.

— Держать он! Побить ДеНира! Он предать мы! — завопил как проклятый Тиль, выскочивший из кабинета итальянского мафиози. — Декстер, держать его!

— А оно мне надо? — пожал плечами парень-разгильдяй, положил руки в карманы и сделал шаг вправо, пропуская Тома выйти из дома.

— Тревога! — завизжал словно глупая сирена Швайгер. — Погоня!

Тут же изо всех комнат стали выскакивать озадаченные сотрудники мафиозной группировки. Харди понимал, что их слишком много, чтобы справиться в одиночку, поэтому рванул к главным воротам.

— Почему ты его нихт остановить! — взорвался Тиль, зиганув в сторону Моргана. — ДеНира узнать об этом! Ты мочь собирать твой чемодан!

Декстер подкатил свой наглые похуистические глаза и направился в спальню, дабы собрать свои пожитки, ведь не намеревался участвовать в этой погоне.

Харди уже почти достиг ворот, но те автоматически закрылись прямо перед его носом. Он обернулся и увидел Кертиса, держащего в своих черных руках пульт дистанционного управления воротами.

— Сука-бля… — выругался Том, и стал карабкаться через забор.

— Ихь убить ты! — крикнул Тиль и тут же раздался выстрел.

«Послушай, Том, ебать ты влип…» — промелькнула мысль в голове Харди, и он мигом спрыгнул с забора, ведь в таком положении он был легкой добычей для Швайгера. Пуля «парабеллума» угодила прямо в металлический пруток, за который секундой ранее держался парень.

Раздалось еще два выстрела, одна из пуль просвистела прямо над ухом Тома, и тот без раздумий ринулся в кусты.

— Кажется, следовало подумать, как отступать… — пробормотал Харди, пробираясь сквозь кусты, пригнувшись и прикрывая голову чемоданом.

На улицу уже выскочили не меньше дюжины членов мафиозной банды и незамедлительно открыли стрельбу. Харди уже обогнул по периметру всю территорию виллы сквозь кусты, но так и не придумал, как выбраться из этой передряги. Ворота ему не открыть вручную, лезть через забор — значит подставляться под пули, как и пытаться подобраться к Кертису, чтобы забрать у него пульт.

— Тебе нихт скрываться! — пролаял Тиль, приметив Тома в кустах в метре от ворот. — Он здесь! Окружать! — приказал он, и все парни ДеНиро двинулись к месту укрытия Тома, выставив вперед оружие.

— Ну все, пизда тебе, Том… — отчаянно пробормотал Харди, прощаясь с жизнью.

— Томми! Посторонись! — услышал он крик позади себя. Парень

инстинктивно отпрыгнул влево, и через мгновение мимо него пролетел красный Додж, ревя мотором и снеся ворота с петель.

— Леонид, сука-бля… — охуел Том, глядя как Додж сбил разом несколько человек, в том числе и Тиля.

— Прыгай живее сюда, покамест не схлопотал пулю, — высунулся из тачки Батлер.

Харди, не раздумывая ни секунды, кинулся к Доджу. Как только он запрыгнул внутрь, Леонид включил задний ход и вдавил педаль в пол.

— Ебаный в рот, Леонид, ты тут откуда? — охуевше уставился на него Том, захлопывая пассажирскую дверь.

— Не время языком чесать, Томми, — отмахнулся от него Батлер, резко крутанув руль, вновь переключив передачу и уже передним ходом рванув подальше от этой проклятой виллы.

— Я найти тебя! Британишес швайн! Аршлох! Шванцлучер! Швухтель! Шайсе! Шаааайсеее! — сыпались им вслед проклятья Тиля, который хромая гнался за Доджем, при этом не прекращая шмалять.

Вскоре Додж удалился на безопасное расстояние, стрельба затихла, и Тому наконец удалось перевести дыхание.

— Так как ты здесь… — вновь хотел задать вопрос Харди, взглянув на Батлера.

— Ох, Томми! — перебил его Леонид. — Как только ты уехал из моей хаты, я сразу понЯл, что ты натворишь какую-нибудь галиматью! Я тогда сразу подумал, мол, Леонид, не впутывайся ты в эту хуевину, побереги себя!

— А что ж тогда приехал? — прищурился Том, закурив.

— Ну не мог я тебя бросить! Знамо же, что живым бы ты отсюда не ушел! И как же мне тебя бросить было? Накой я тогда тебя тащил после бара к себе? — размахивал одной рукой Батлер, руля второй и не отрывая взгляда от дороги. — Вот чует мое сердце, что должен я тебе подмогнуть! И все тут, хоть убей!

— Ну я понял… Понял… — задумчиво покивал головой Харди. — А откуда знал, куда ехать?

— Ну так всем известно, где живет глава итальянской мафии! — объяснил Леонид. — Сильно ты его покалечил? Живой он хоть?

— Да живой, сука-бля, макаронник хуев! — покривил лицом Том. — Раз въебал ему с головы в переносицу, да и все…

— Ох, матушки, Томми! Да чай ты его укокошил бы лучше! — хлопнул по рулю Батлер. — Вдруг он решит тебе отомстить? Об этом ты не покумекал?

— Нет, не покумекал, — подкатил глаза Харди. — Разберусь…

— Разберусь… — укоризненно помотал головой бородач. — Как ж ты разбересси? Выследит он тебя, подошлет своих людей к тебе среди ночи… Да и поминай как звали!

— Ладно, Леонид, хватит уже! Посмотрим, сука-бля, как и что будет… — отмахнулся от него Том, сам же понимая, что своими необдуманными импульсивными поступками подставился под хуй. — Короче… Я что хотел сказать-то… Спасибо, в общем… Спасибо тебе, Леонид! Ты спас мне жизнь, я тебе обязан.

— Ничего ты мне не обязан! — возмутительно проорал Батлер. — Я это по своей воле. От чистого сердца, ядрена мать!

— Хорошо, но все равно — спасибо! Леонид… — похлопал Том бородоча по плечу.

— Добро, — кивнул Батлер и по-дружески стукнул кулаком по плечу Харди.

— Ай, сука-бля! — застонал тот, хватаясь за плечо, которое до сих пор болело после ранения. — Больно же, ёб твою мать! Все, нихуя я тебе не должен! — морщась прорычал он, потирая левую ключицу.

Леонид беззвучно рассмеялся. Харди бросил на него колкий взгляд, после чего тоже расхохотался.

— Ну так куда теперича? — спросил Леонид, спустя полчаса бессмысленного катания по Чикаго.

— Так ты решил со мной ехать? — посмотрел на него Том.

— Ну здрасьте! — вскинул руки Батлер. — А куда ж мне еще? Оставаться в Чикаго я уж точно не буду! Тут мне нынче точно хана! Ясно дело, что мафия меня найдет за такие выкрутасы! Теперь, Томми, мы с тобой в одной лодке.

— Это ты верно говоришь, — состроил свой фирменный еблет Харди. — Ну так и что, куда рванем? Есть у меня один вариантец…

— Какой же? — не без интереса заорал Леонид.

— Сиэтл…

— Почему он? — спросил Леонид.

— Есть две причины, — задумчиво протянул Том. — Первая — это то, что я догадываюсь, что там, где-то недалеко, живет моя мамаша. Отец увозил меня оттуда на такси, а это значит, что тот город достаточно близко к Сиэтлу. Ну, а вторая… Вторая — это то, что там я почувствовал себя впервые свободным человеком…

И Харди поведал Батлеру, как благостно и беззаботно он ощущал себя, глядя на городской пейзаж Сиэтла сквозь панорамное окно ресторана на самом верху Спейс-Нидл.

— Ну, Сиэтл так Сиэтл, — махнул рукой Леонид, улыбнувшись.

— Своих вариантов не предложишь? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Да, а мне-то что предлагать? Я нигде и не бывал, окромя своей деревни, да Чикаго, — ответил бородач, разворачивая Додж в нужном направлении.

На том и порешали. Заехав в халупу Батлера, где тот быстро собрал чемодан, они тут же отправились в путь. Парни решили ехать на Додже, ведь соваться в аэропорт или на вокзал было рискованно. Люди ДеНиро, возможно, уже ищут их там. К тому же Леонид не собирался оставлять машину деда, а иначе как ее переправить в Сиэтл. Два дня они провели в пути, остановившись на ночь в придорожном мотеле.

Глава 50: Имидж

— Ну здравствуй, сука-бля, Сиэтл, — поднял голову вверх Том, глядя на возвышающуюся башню Спейс-Нидл.

— Хорошо тут… Мне нравится, — покивал головой Батлер, уперев руки в бока и осматриваясь по сторонам.

Расположившись в ближайшей забегаловке и заказав себе еды, парни стали обсуждать план дальнейших действий. В первую очередь нужно было найти жилье. Деньги на это имелись. Недаром Том спиздил внушительную сумму у ДеНиро. Этих же финансов должно было хватить и на первое время. Пообедав, они купили в ларьке на углу свежую газету, вернулись в забегаловку и начали смотреть объявления о сдаче недвижимости. Батлер предлагал снять маленькую халупу на окраине, чтобы сильно не тратиться, но Харди отвергал все варианты.

— Вот смотри! То, что нужно, сука-бля! — ткнул он в одно объявление, спустя полчаса изучения колонки с квартирами.

— Батюшки, Томми! — взвизгнул Леонид. — Накой нам такие хоромы? Еврочетырешка — подумать только! Кому там жить-то? Да и стоит она накладно! Что деньги-то зря транжирить? Вон, неплохонькая однушка… В тесноте, да не в обиде, как говорится…

— Слушай, Леонид, мы же приехали сюда менять жизнь, сука-бля! Не хочу я больше ютиться во всяких халупах! Спасибо, пожил уже в «общаге» у ДеНиро. Да и ты в своей студии тоже… — не собирался уступать Харди, уже набирая на мобильнике номер из объявления. — Да и к тому же… Вдруг я найду мальчишку из шара и заберу его от Мэрил? Я его где, сука-бля, поселю по-твоему? Ммм? Не покумекал ты над этим? А так — нам с тобой по комнате, пиздюку тоже, и общая гостиная для всех… Будем вечерами собираться там… Алло! Я, сука-бля, по объявлению…

Противостоять упрямому Харди было невозможно, да и к тому же, рассуждал он, кажется, вполне себе здраво. Поэтому Батлер бросил спорить с другом, и ближе к вечеру парни уже заселились в еврочетырешку, находящуюся в доме не первой свежести в одном из спальных районов Сиэтла. Расплатившись с хозяином за три месяца вперед, они побросали чемоданы по комнатам и отправились в ближайший супермаркет, дабы заполнить холодильник едой на несколько дней вперед. Не забыли парни прикупить и пару бутылок виски, да ящик пива, дабы отметить переезд и выпить за жизнь с чистого листа.

— Ну что, давай думать, что, как, куда… Тянуть нельзя, пока есть деньги, надо сразу придумать идею и развивать ее, — откинулся на диване в гостиной Том, когда парни уже распили половину первой бутылки. — Есть варианты?

— Нууу… Есть такая думка у меня… — почесал бороду Леонид. — Все толкуют мне, что я недурно варю кофе… Раз так — можем открыть кофейню… Можно там еще чем-нибудь торговать… Ну например…

— Наркотой! — щелкнул пальцами Харди и расплылся в улыбке ебаната.

— Томми! Да ты чай шутишь! — заорал Батлер так, что по стеклу пивной бутылки в его руках пошла трещина. — Мало тебе проблем в Чикаго было? Опять ты за свое!

— Ну, а хули мы там на этот твоем кофе-то наваримся, сука-бля? — подкатил глаза Том, отхлебнув пенного. — Надо что-то еще…

— Ну мы ж можем сначала помаленьку-потихоньку… Кофеек там, чаек… — рассуждал Леонид. — А потом, глядишь, как попреть! Там уже и будем думать дальше…

— Не, это все какая-то шляпа, — отмахнулся Том, сунув в рот сигарету.

— Кофе можем продавать в качестве прикрытия, а из-под прилавка толкать наркоту…

— Ну и где же мы ее возьмем? — продолжал возмущаться Батлер. — Это сколько деньжат-то надобно? Плюс поставщиков надо найти. У кого закупаться-то? Да и ясно, что местные наркоторговцы не будут нам шибко рады! Проблем потом — не обересси… Так что все это ты какую-то околесицу придумал! Все деньги на наркотики спустим, а нам еще помещение нужно найти, оборудование там всяко для кофею, меблю разную… Об этом ты не подумал?

— Я-то, сука-бля, подумал как раз! — с сарказмом ответил Харди. — Хули я, зря что ли у Роберта кокс спиздил?

— Ох, Томми, Томми! Помяни мое слово: все это — дурная затея! — помотал указательным пальцем Леонид. — Но, все ж, деньги твои, да и затея твоя, а значится и решать тоже тебе. Я-то сделаю, как велишь…

— Ну, сука-бля, так не пойдет, — нахмурился Том. — Деньги-то и идея, конечно, мои, но все же мы с тобой вместе беремся за это дело, так что и решать это надо как-то вместе, сука-бля… Поэтому мне надо знать, действительно ли ты согласен на такую авантюру. Сразу скажу — опыт в торговле наркотой у меня имеется, так что не прогорим… На крайний случай — на кофе вывезем, — усмехнулся он, выдыхая дым из ноздрей и туша окурок о стенку обрезанной банки пива, из которой они таким образом соорудили пепельницу.

Повисла неловкая пауза, в течение которой Харди успел скурить еще одну сигарету, а Батлер же напряженно обдумывал предложение друга, взвешивая все за и против.

— Ладно, я в деле, — махнул он наконец рукой, решив, что раз уж начинать новую жизнь, то начинать ее с риска. — Хоть и мозги мои говорят, что все это глупая затея, а вот в сердце чуйка — может свезти нам с тобой!

— Да, сука-бля! — сквозь зубы возрадовался Том, стукнув кулаком по столу. — Ну все! За наше будущее дело!

— За него! Чтоб все было шито-крыто! — быстро плеснул по стаканам виски Леонид, взял свой стакан и поднял его ввысь.

Так они пили всю ночь, решив, что завтра же займутся делом. Но проснувшись лишь к обеду и сходя с ума от ебейшего похмелья, парни позволили себе устроить последний выходной и отоспаться как следует. А вот уже на следующий день они и впрямь приступили к работе.

Прошерстив все газеты с объявлениями и обойдя весь Сиэтл вдоль и поперек, вскоре они нашли подходящее помещение для кофейни. Они закупили туда все необходимое: навороченную кофе-машину и всякие приблуды для варки кофе, посуду, кассовый аппарат и прочую требуху, необходимую для содержания небольшого заведения общепита. Подумав над названием, парни заказали неоновую вывеску и сами повесили ее над входом. «Батлер и друг» — гласила она. Конечно, изначально они хотели, чтобы в наименовании присутствовали фамилии их обоих, но, пораскинув мозгами, пришли к выводу, что лепить «Харди» в название кофейни не стоит, ибо люди ДеНиро могут про это пронюхать. Да и к тому же, как сказал сам Том: «Кофевар у нас ты, Леонид, так что мое имя тут ни к чему». Какое благородство! Ну, просто уму не постижимо! Ради друга готов отказаться от известности! Или же ты просто не хочешь палить свое имя в название шараги, которая из-под полы барыжит запрещенными препаратами? Что говоришь? Главное в вашей забегаловке это кофе, а все остальное уже вторично? Ну да, ну да…

Прошло три недели.

— Ну как успехи, Леонид? — зашел в кофейню Том, весь промокший до нитки под Сиэтловским дождем.

— Да все так же, Томми, — пожал плечами Батлер. — Кофейку? Ты чай

околел там в такую погодку, — указал он рукой на витрину-окно, за которой стеной стоял дождь.

— Давай, капучино мне, — кивнул Харди, поежившись. — Ну так что, по-прежнему клиентов нет?

— Кофеек-то изредка кто зайдет, да попьет, — зажужжал кофе-машиной бариста. — А вот это вот твое… Подприлавочное… — неоднозначно помотал он ладонью. — Как-то не очень… Точнее сказать — вообще никак…

— Ну, а ты хоть предлагаешь, сука-бля? — уселся на высокий стул у барной стойки Том.

— Томми, ну ты чай издеваисси? — вскинул Батлер руки, не выпуская из них чашку с горячим капучино, при этом не пролив ни капли. — Это как я людЯм-то должен такое предлагать? Они ж сразу мусоров-то и вызовут! Вот те и все! — поставил он напиток перед Томом и недовольно скрестил руки на груди.

Харди лишь тяжело вздохнул.

— Ты б походил по всяким подворотням, раздал бы нарколыгам наши буклетики, глядишь-ка — кто-то и зайдет, — продолжил Леонид, подав Тому ложку.

— Так я, сука-бля, ходил, — развел руками тот. — Этим шмарам нахуй это не надо — куда-то тащиться, чтобы купить наркоту…

— А я сразу тебе говорил — все это хрень на постном масле! Ну кто пойдет в кафЕ покупать незнамо что! — укоризненно закричал Батлер.

— Ладно, Леонид, не кипишуй, всего-то три недели прошло, — не особо уверенно успокаивал друга и самого себя Том. — Что-нибудь придумаем…

— Ох, не знаю, не знаю… — тяжело вздохнул бородач. — Я тут вот что намедни сообразил. Мы же решили начать новую жизнь, все с чистого листа. Так? — задумчиво заговорил он. Харди кивнул в ответ. — Ну так вот… Что ж мы, и халупу вон какую знатную сняли, и кафЕ вон какое ладненькое, да в самом центре, держим… А сами ходим, как какие-то голодранцы! Я вот слыхал по телевизеру, что вещи имеют такое свойство интересное — хранить эту… Как ее? Энергетику! Во! Вот я и думаю, что это все наши старые тряпки неудачи нам приносят. Давай-ка сходим в какой-нибудь добротный магазин, да прибарахлимся. Так сказать, обновим наши образы, сменим этот самый… Имидж!

Харди приподнял шрамированную бровь, уставившись на Леонида и сомневаясь в его адекватности.

— Ну, а что? У тебя даже вон куртейки нормальной нет, — указал Батлер ладонью на мокрого Тома. — Весь вон продрог! А Сиэтл, знаешь ли, это тебе не Майами!

Харди поежился от холода и сделал глоток капучино.

— Да и вообще, как-то непрезентабельно мы с тобою выглядим, — продолжал нести модную ахинею Леонид. — Кто ж у нас что купит, у таких оболтусов…

— Да, сука-бля, наркоманы-то, конечно, следят за шмотом своих наркодиллеров, — язвительно процедил Том, скривив рот.

— Ну, а почему бы не попробовать, Томми? Ну ты же не знаешь наверняка, а вдруг поможет? — рьяно зажестикулировал Батлер и не менее рьяно заорал. — Вот я считаю…

— Ладно, сука-бля, не продолжай, уговорил, — остановил его жестом ладони Харди, ведь и сам уже мечтал прикупить себе нового тряпья.

— Ну что, как? — вышел из примерочной Том, покрутившись перед Батлером.

— Томми, это все не то! Точнее сказать, это все ну точь-в-точь, как твои прежние одежки, — осуждающе помотал бородой Леонид, бегло окинув очередной наряд друга оценивающим взглядом. На том были серая футболка с принтом незнамо чего, темно-синие джинсы с потертостями и белые кроссовки.

— Ой, ну тогда я не ебу, сука-бля! — психанул Харди и скрылся за шторкой.

Вдруг музыка, негромко раздающаяся из динамиков, расположенных по периметру магазина, сменилась. Заиграли первые бодрые аккорды очередной песни

— Красотка идет по улице, — зазвучал голос Роя Орбисона, исполнявшего небезызвестную песню «Pretty Woman». — Красотка — та, с которой я бы познакомился.

Батлер мигом подскочил с диванчика и распахнул шторку примерочной, где Том застегивал свои то ли старые, то ли новые джинсы — отличить их друг от друга было не просто невозможно, но и нахуй не надо.

— Ты че, сука-бля? — опешил Харди, подпрыгнув на месте как глупый сайгак.

— Идем! — вытащил его Леонид из кабинки примерочной и потащил в торговый зал.

Том не понял, что хочет от него друг, но, тем не менее, за ним пошел. В зале, Батлер, как потерпевший принялся носиться между стоек с одеждой, хватая там и тут различные тряпки с вешалок и всучивая их Харди в руки. Вскоре у того была полная охапка шмоток, и тогда Леонид нагреб еще целую гору себе в руки и поспешил вернуться в примерочную. Том последовал за ним.

Батлер побросал все тряпки на диван, тоже самое сделал и Харди, который не очень-то понимал, что происходит, но отчего-то втянулся в эту модную авантюру. Затем бородач подтолкнул Тома в кабинку, сам же скрылся в соседней и задернул шторку. Продавец-консультант, наблюдавший эту картину из-за угла, поставил песню Роя Орбисона на репит, ведь знал — эта композиция вынуждает людей купить безмерно много барахла.

— Красотка, притормози, красотка, давай поговорим…

Том и Леонид одновременно вышли из кабинок и уставились друг на друга. На Харди было пончо и несусветно гигантское сомбреро, на Батлере — джинсовый комбинезон на голое тело, соломенная драная шляпа и, идущий в комплекте с этим костюмом, колосок в зубах.

— Красотка, не проходи мимо, красотка, не заставляй меня страдать…

Том вышел, облаченный в костюм графа Дракулы, Леонид же на этот раз примерил наряд астронавта.

— Красотка, я не могу поверить, ты словно мираж…

Харди в костюме шпиона, Батлер в костюме Леонардо ДаВинчи.

— Красотка, извини, красотка, я не могу не смотреть на тебя…

Том в наряде великого Гэтсби, Леонид в костюме гладиатора.

— Красотка, посмотри на меня, красотка, скажи, что будешь со мной…

Было примерено еще не мало разнообразных костюмов. Среди ебейшего количества оных были, к примеру, такие: наряд бомжа из Сен-Тропе, наряд доктора технических наук из Массачусетского университета, костюмы спелого и зеленого томатов, костюм Королевы Виктории и костюм дирижера театра Ла Скала, наряд совы-стиляги и филина-гея, один на двоих костюм лошади, наряд созвездия Малая Медведица и наряд панк-рокера из Акапулько, а также костюм виселицы и костюм болвана.

— Красотка, да, да, да! — восторженно заголосил мистер Рой, когда из-за шторки в очередной раз вышел Том.

— Батюшки свят! Томми! — ахнул Леонид на весь молл. — Покружись-ка!

Харди, расставив руки в стороны, сделал оборот вокруг своей оси. На нем были черные штаны-скамы, заправленные в берцы, и дубленка с овечьей опушкой на вороте, одетая поверх стильного бронежилета.

— Ну как, сука-бля? — обратился он к Батлеру, глядя на свое отражение в зеркале и состроив свой фирменный еблет.

— Феерично! — хлопнул в ладоши Леонид. — Прямо так складно все, будто для тебя специально шили.

— Тоже так думаю, — довольно покивал Том.

— Знаешь, а я вот думаю, что сюда бы еще кое-что подошло… — задумчиво почесал бороду Батлер, до сих пор стоявший в костюме альпийской горки.
— Твоя маска! Будет прям уууух! Немного как бы угрожающе и устрашающе…

— Хммм… А это идея, сука-бля! — вновь посмотрел Харди на свое отражение, которое прищурилось ему в ответ. — Это все хоть довольно-таки неординарно, но зато охуенно и запоминающееся. Ведь мы с тобой, как лица нашей шараги, должны бросаться в глаза, ну типа как товарный знак и прочая ебала…

Леонид одобрительно покивал.

— Ну, а у тебя что? — спросил у него Том, продолжая любоваться собой, и приложил к лицу сложенные ладони, парадируя маску.

— Один момент, — Батлер вновь нырнул в примерочную и выскочил оттуда спустя буквально несколько секунд.

— Красотка, да, да, да, — вновь запел Рой, куда громче прежнего.

— Ёёёбаный в рот… — охуевше протянул Харди, не убирая ладони от лица.

— Ну, как оно? — прокуржился Леонид.

На нем было одето куда меньше — черные кожаные штаны, сапоги-сандалии, которые из-за штанов выглядели как обычные сандалии, да длинный красный плащ, накинутый на голый торс и застегнутый на шее брошью.

— Это, сука-бля… Эффектно… — мямлил Том, метая охуевающий взгляд с Леонида на его отражение и обратно.

— Ну так, как? — ждал одобрения Батлер, хотя сам был не на шутку доволен этим образом.

— Знаешь, Леонид… Это, сука-бля, какая-то странная ебала… — приподнял шрамированную бровь Харди, а бородач опустил уголки губ вниз. — Но, сука-бля, как эта ебала тебя идет! Я просто в ахуе — как тебе идет!

Батлер самодовольно упер руки в бока и гордо задрал голову вверх, поставив одну ногу на диван с тряпками.

Парни набрали по несколько комплектов подобных нарядов и, довольные покупками, с огромными пакетами в руках вышли из магазина.

— Красотка, да, да, да, красотка, посмотри на меня, красотка, скажи, что будешь со мной, — пел им вслед Рой Орбисон, а ушлый продавец, с обезумевшим лицом пересчитывал внушительную стопку купюр, оставленных здесь друзьями.

Глава 51: Идея

Увы и ах! По прошествии нескольких недель бизнес так и не пошел в гору даже с обновленным суперуспешным гардеробом своих учредителей.

— Нет, ну я, сука-бля, не понимаю! Что мы делаем не так?! — меланхолично из-за маски взорвался Том, зайдя в еврочетырешку и с психом откинув дубленку в сторону.

— Томми, ну может все же это не наше? М? — неуверенно залепетал Леонид, поставив на плиту чайник и сразу же вскипятив его свои ором.

— Нет, Леонид! Я повторюсь в который раз — мы не будем бросать бизнес! Мы пойдем до конца чего бы нам это не стоило! — стоял на своем Харди, усаживаясь на подоконник. Он аккуратно снял с себя маску, положил рядышком и закурил.

— Все это как-то сикось-накось… Теперича на нас наехали наркобарыги повыше и нам пришлось платить им денежку! И они опять придут, Томми! Нам не выкружиться! Ну не наше это! — бил себя ором в грудь Леонид, пытаясь достучаться до настырного друга.

— Должен быть выход… Сука-бля, должен… — задумчиво затянулся Харди, прикидывая что-то в своей больной голове. — Послушай, есть один вариант. Как по мне — с ним наше дело точно пойдет в гору…

— Обновим гардероб? — предположил Батлер с тоской взглянув на свои сандали-сапоги, с которыми ой как не хотел расставаться.

— Нет, все проще. Кто-то из нас двоих устроится работать в мусарню, — выдал бомбическую идею Том, состроив фирменный еблет. — Во-первых, тем самым мы устроим сами себе охуенную крышу в лице блюстителей порядка. Во-вторых, сможем похлопать всех конкурентов к хуям. Ну, а в, сука-бля, третьих, если кто-то из нас станет мусором, то точно сможет найти адрес моей мамаши…

— Да ты чай шутишь?! Ты чай шутишь?! — завизжал хлеще базарной девки Батлер. — Какая полиция? Ты в своем уме? Не знаю, как у вас в Королевстве с этим дела обстоят, но у нас в Штатах так просто не стать полисменом! Тем более — тебе! Мало того, что по возрасту ты совсем еще неоперившийся, так притом еще и гражданство у тебя абы какое! Кому ты нужОн со своим двойным гражданством? Подумают еще, что ты шпийон какой-то там или чего еще хужее!

— Блять, ну значит ты станешь ментом, в чем проблема? — возмутился Том, расставив руки в стороны.

— Ну нет! Так дело не станитсси! Это нужно выучиться в академии полиции, а я туда не пойду! Таких как я там не любят! — все кричал и кричал бородач.

— Ох, да, а что с тобой не так, сука-бля? Ну поработаем немного над твоим говором, да и все…

— Нет, я не пойду, — отрезал Батлер, обиженно скрестив руки на груди.

— Ну, значит пойду я! Не знаю как, но я попаду туда! И желательно без всяких академий — у нас нет лишнего времени на эту дрочь…

— Все это какой-то бред! Мне не нравитьсси эта идея! Давай лучше я пойду и обучусь на пекаря и будем торговать сдобой, — предложил охуетительный вариант Леонид.

— Ой, да иди ж ты на хуй! Какая сдоба, Леонид? Что ты мелишь? — раздраженно хлопнул по бедрам Харди.

— Кака-така сдоба? Да вот така! Пойду и обучусь! И посмотрим тогда, чей вариант быстрее принесет какие-то результаты!

— Вот и, сука-бля, посмотрим! — решил заключить с другом негласный спор Том. Парень соскочил с подоконника и хотел было пойти к себе в комнату, дабы погуглить как стать полицейским без высшего образования, как вдруг в дверь постучали.

— Кого там еще нелегкая принесла? — закудахтал Батлер, но открывать пошел.

— Здравствуйте, соседи, — промурлыкал Олег Табаков, просунув свою опухшую полную морду в приоткрытую Леонидом дверь.

К слову, Олег Табаков являлся не только соседом Тома и Леонида, проживающим этажом выше, но и хозяином самой еврочетырешки, которую снимали ребята. Как оказался этот русский мужчина в Сиэтле? Непонятно. Откуда у него здесь несколько квартир? Тоже непонятно. Где он берет деньги, если пособия не получает и нигде не работает? И это опять непонятно! Известно лишь одно — Олег увлекается самогоноварением. Видимо, этим и живет.

— Чего тебе? — рявкнул Том, при виде соседа-арендодателя. — Опять побухать пришел? Я сегодня пас — у меня, сука-бля, дела.

— Наконец-то, сына мой вернулся из Нью-Йорка, я привел познакомить его с вами. Вы ребята хорошие, нравитесь мне. Глядишь, и с сыном моим подружитесь, — бубнил Табаков, просачиваясь в квартиру, будто глупый человек-желе.

За ним зашли и два молодых незнакомых парня.

— Здравствуйте, меня зовут Том. Том Хидлстон. И я — Бог коварства и обмана, — представился один из них, хитро улыбнувшись и убрав за уши длинные волосы цвета вороного крыла.

— Сына мой, — приобнял его за плечи толстожопый Олег.

— Стоп, сука-бля! — возмутился Харди. — Какого хуя твоего сына мало того, что зовут Том, так еще и фамилия не Табаков?

— Сменил, — мелодично проговорил Хидлстон, подошел к Харди и поцеловал его руку. — А ты, как я понимаю, тоже Том? Отец рассказывал про парня в некой маске… Любишь по-жесткому? Ммм?

— Олег… Сука-бля… Что за шляпа… — залепетал Том, который Харди, взглянув на Табакова и забившись в агонии негожего флирта.

— Том, хватит! — одернул Хидлстона второй незнакомый парень. — Ты ведешь себя как подзаборная шлюха!

— А это Киану Ривз — муж моего сына, — представил парня Олег, похлопав его по бедру. — Но для меня он не просто зять, а как второй сын…

— Да вы чай пидерасты?! — беззвучно засмеялся Батлер.

— Я — би, а Томми — да, гей, — пояснил за ориентацию Ривз, поправив на голове стильную восьмиклинку.

— Олег, какого хуя ты молчал об этом раньше?! — не на шутку взорвался Харди, подскочив ногами на диван. — Зачем ты привел пидоров в мою квартиру?! Тфу, сука-бля, — плюнул он на пол. — Ненавижу!

— Томми, да не кручинься ты так, — осторожно проорал другу Леонид, при этом эффектно растрепав волосы Хидлстона. — Геи — они же тоже люди!

— Мой отец говорил, что так нельзя! Что так неправильно! И я не намерен менять свои жизненные ориентиры! — продолжал верещать Харди — гетеросексуал по натуре, смазливый гомофоб снаружи и девственник-неудачник в душе.

— Да полно тебе! — весело прохрипел Табаков, махнув рукой в сторону парня и достав из-за пазухи бутылку самогона, выдержанного на березовых бруньках. — Давайте лучше ёбнем за знакомство! По новому рецепту готовил! — скрипя, простонал он.

— А давай! — решил показаться милым Батлер и мигом достал из кухонного ящика пять стопок.

Том Харди, скрепя сердце, все же решил промолчать и выпить в столь неординарной компании. Ведь несмотря на новые подробности из жизни семьи Табакова, самого Олега он уважал, да и вообще, не хотел, чтобы тот выселил его с Батлером из еврочетырешки, которая ой как полюбилась Тому!

Спустя час, напряжение немного спало, ибо все нехило накидались с сивухи Табакова. Харди в который раз вышел на лестничную клетку, дабы перекурить, ведь Олег категорически запрещал смолить при нем в его же квартире. Без него — пожалуйста.

— Есть зажигалка? — спросил Киану Ривз, выйдя в подъезд и встав на лестничном пролете рядом с Томом.

— Слушай, Киану, зачем тебе вся эта шляпа? — спросил Харди, протянув бисексуалу зажигалку. — Ну, сука-бля, в смысле ты парень вроде адекватный, а этот вот… Бог коварства и обмана… — спародировал он Хидлстона ехидным голосом принца Гарри. — Какой-то он, что ли, конченый…

— Ну, есть немного… — неоднозначно пожал плечами мистер Ривз. — Но мне нравится. Интересно жить с неординарным человеком. Каждый день как на иголках — никогда не знаешь, что Том может выкинуть или придумать… Прикольно это… Как на «русских горках» прокатиться… Так-то вот… — плел бухую чепуху парень. — Ну, а вообще, я люблю Олега…

— Чтааа?! — подавился сигаретным дымом от услышанного Том, превратившись в подъездную сову.

— Да нет, не в том плане, — беззаботно отмахнулся Киану, выпуская изо рта колечки дыма. — Олег — он мне как отец. Даже роднее. Уважаю его. Столько терпения у мужика… Все прощает своему неординарному сыну. Ни разу его не попрекнул за его ориентацию. Меня — незнакомого парня, принял как родного. Ни разу ни одной колкости не пустил в мой адрес… Хотя сам с Союзов, а там сам наверняка слышал, как относятся к нетрадиционным связям…

— Ну я понял… Понял… — залепетал Том не в силах больше слушать весь этот бред. — А чем вообще занимаешься по жизни? В смысле, какова твоя профессия?

— Ох, да я просто обычный хакер, — пояснил Ривз, достал из кармана пакетик пшена и рассыпал по бетонному полу немного зерен, ведь приметил пару голубей, которые по ошибке залетели в подъезд и в панике летали по нему, врезаясь в стены.

— И что ты именно делаешь? — с интересом приподнял шрамированную бровь Том.

— Всякое, — пожал плечами Киану, продолжая сыпать пшено. Глупые же голуби, приметив халявную еду, сразу кинулись столоваться, позабыв о своей главной цели — обрести свободу. — Основного места работы у меня нет, так что я как бы фрилансер. Где что предложат — там и подработаю. Кто-то просит влезть в базу данных своих конкурентов и залить туда вирус, кто-то подделать какие-нибудь документы… Но ты не подумай! Не какие-то серьезные документы — а так по мелочам… Например, удалить штрафы или задолженности из баз налоговых служб, или…

— Стоп, сука-бля, — перебил его Харди. — То есть ты можешь влезть в какую-то базу и что-то там перехуевертить?

— Типа того, — пригрустил Ривз. — Это все, конечно, нелегально… Но как-то выживать мне нужно…

— Слушай, Киану, а можешь помочь мне в одном, сука-бля, деле? — невероятно мило заговорил Харди, обняв парня за плечи. — Ты не подумай всякой хуйни. Я не на халяву прошу. Деньги у меня есть и заплачу я добротно. Бля буду.

— А что нужно? — подозрительно прищурился Киану, ведь знал Тома еще слишком мало, чтобы доверять этому человеку. Ну, а нахуя ж ты тогда рассказал ему, кем работаешь и как нелегально хуевертишь в сети?!

И Том затянул свою историю про неудачный бизнес, не забыв рассказать про торговлю не только кофе, но и наркотиками. Пожаловался, как на них с

Батлером давят конкуренты-наркодиллеры, да еще и устраивают наезды с вымоганием денег!

— Ну, и я, значит, что-то покумекал, пораскинул мозгами, подумал и решил… Мне нужно стать полицейским, чтобы прокрышевать собственный бизнес, — пизданул по завершении истории Харди, состроив фирменный еблет. — Забей меня в мусорскую базу штатов, Киану. Я в долгу не останусь…

В подъезде повисла неловкая пауза, прерываемая лишь воркованием сытых голубей, один из которых сел на восьмиклинку Ривза и стучал по ней клювом, нагло требуя добавки.

— Нет, такое я не могу, — наконец, заговорил Киану. — У полиции добротная база — слишком хорошо защищена. Мне туда не влезть. Были люди — обращались. Я пробовал — ничего не вышло…

— Ладно, пойдем, сука-бля, другим путем, — не унимался Том. — Тогда вбей меня в базу полицейской академии, мол я там учился, наклепай липовый диплом, а дальше я уж как-нибудь сам…

— Нет… Прости, кончено, но нет! — отрицательно замахал ладонями Киану. — Я не буду заниматься такими делами. Во-первых, это опасно! Тебя в два счета могут спалить с подделкой и все концы приведут ко мне! Своей шкурой я рисковать не намерен. А, во-вторых, это мой личный принцип. Я считаю, что человек должен обучаться сам, а не делать себе липовые дипломы. Вот, к примеру, захотел ты стать врачом, но ничего не умеешь…

— Нет, ну, сука-бля, все же получается ты в силах это сделать? — немного раздраженно перебил его Том, наплевав на принципы Ривза. — Но ссышь…

— Да ничего я не ссу! Просто, помимо меня могут пострадать и мои близкие. Вдруг, что-то пойдет не так и меня загребут в тюрьму, а вместе со мной и свекра…

— Свекра? То есть, в случае чего, первым делом ты волнуешься за свекра, а не за своего… Мужа, — скривился Том, произнеся последнее слово.

— Ну, да! — зашаркал ботинком по голубиному дерьму Ривз. — Тому-то что? Он выкрутиться из чего угодно, а вот свекр… Для него я неприятностей никаких не хочу… Добрый и мягкий он… Сгинет в тюрьме… Сгниет…

— Ну, а подожди, Киану! Вот это вот все может случиться-то при любом раскладе! Ты и так занимаешься опасной ебалой. Не боишься, что на тебя выйдут мусора или, там, ФБР?

— Как-то не задумывался даже… — нахмурился Киану. — Блять… И то верно…

— Вот о чем и речь! — продолжил ссать парню в уши Харди. — А что, если бы у тебя были связи в ментовке? Вдруг что, а тут хоп — свои люди есть, которые отмажут!

— Знаешь, ты открыл мне глаза! — недоуменно посмотрел на него Ривз.

— Нууу… — самодовольно улыбнулся Том.

— Кажется, пора завязывать мне заниматься вот этой всей нелегальщиной! Я же могу попасться и потянуть за собой свекра! Все, решено! Прямо завтра я пойду и устроюсь сисадмином в какой-нибудь офис и буду жить как нормальный человек! — заявил Ривз, подняв вверх палец, и стремглав кинулся обратно в квартиру, дабы сообщить мужу и свекру о своих решениях.

— Сука-бляяя… — обреченно протянул Том, хлопнув себя ладонью по лбу, после чего побежал за Киану, дабы отговариваться его от намеренного.

Пару дней Том настырно втирался в доверие Ривза, продолжая ссать в уши, что ему стоит продолжить заниматься хакерским делом, но только если будут свои люди в полиции. Киану был неумолим и печален и даже и не думал возвращаться к нелегальщине, устроившись сисадмином в Макдональдс.

И вот, после очередного бестолкового разговора с Ривзом, Том, будучи нетерпеливым человеком, решил действовать кардинально.

— Ты сделал… Чтооо?! — схватился за голову Батлер, упав со стула. — Томми, да ты чай шутишь?! Что за делюга?! Это же не по-человечески! Это не по-божески! Это поступок… Поступок какой-то… Ты меня Бога ради прости, Томми, но ты поступил, как стервец!

— Ой, да пошел ты на хуй, Леонид! — расставил ладони в стороны Том. — Ты ж, сука-бля, пойми! Кто-то из нас двоих должен быть мразью и делать подобное во имя нашего же, сука-бля, блага…

— Беда! Беда, парни! — ворвался в гостиную еврочетырешки Киану Ривз, беспардонно открыв дверь в квартиру своим ключом.

— Что случилось, Киану?! — наигранно-испуганно залепетал Харди.

— Свекра задержали мусора и теперь ему светит огромный срок! — верещал Ривз.

— Ба! Да как же так?! За что?! — схватился за левую сторону груди Том. — Неужто, сука-бля, из-за того, что он нелегально гнал самогон?!

— Да что ты! Его повязали с наркотиками! Но откуда бы им было взяться у Олега? — хватался за сердце обреченный Киану.

— И то верно… Откуда?! — возмутился Батлер, кинув на друга укоризненный взгляд.

— Он никогда не потреблял ничего! Ничего, кроме алкоголя! Даже и не курил! — продолжал оправдывать толстого свекра Киану. — Я думаю, что его подставили! Кто-то подкинул ему наркоту!

— Кто бы это мог быть?! — ударил кулаком по столу Том. — За что? Нашего свекра?! Этого святого, сука-бля, человека! Этого… Душку?!

— Мы должны что-то предпринять! — взорвался Киану, примерив на себя маску агрессии. — Мы должны вызволить Олега из тюрьмы, пока он там не сгнил! Пока его не пустили по кругу!

— Киану, хлопец, а где вообще его сын Том? — нахмурил плащ Батлер.

— А, — отмахнулся Ривз. — В загул ушел! Но какое сейчас до него дело, когда Олег попал в безвыходную ситуацию? Парни, вы же тоже уважаете моего свекра! Мы должны придумать вместе, как ему помочь!

— Дааа… Сука-бляяя… — ебливо протянул Харди. — Были бы у нас свои люди в полиции… Не думаю, что это стало бы проблемой… Но у нас таковых, увы и ах — нет! — состроил он непринужденный фирменный еблет, указав на Ривза указательными пальцами.

— Том, так давай сделаем тебя полицейским! Ты же хотел! — щелкнул пальцами Ривз, придумав в голове гениальную идею и совсем не заподозрив никакого наебалова.

— Ой, ну я даже, сука-бля, не знаю… — артистично нахмурился Харди, закурив. — Ты ж говорил у тебя, мол, принципы… А я как бы уважаю принципы и свои, и чужие… Да и вообще, ты говорил опасно это… Подставляться…

— Ничего! Ничего! — яростно говорил Ривз, решив вернуться к профессии хакера-фрилансера, и достал из кармана портативный мини-ноутбук. — Ради свекра — я буду рисковать! Мы будем рисковать! Так ведь, ребят? — с надеждой в глазах взглянул он на Харди и Батлера.

— Ну конееечно! Конееечно, Киану! Ради свекра — на что угодно пойдем! — заверил Том, предвкушая скорые погоны на плечах. — Давай, сука-бля, делай мне диплом об окончании академии полиции, и я завтра же устроюсь работать в ментовку. Я бля буду — найду лазейку и освобожу Табакова!

— Так, неси свои документы, Том, будем вбивать тебя в базу! — распорядился Ривз, бешено забарабанив по клавиатуре ноута. — А ты, Леонид, сваргань-ка кофейку! Сегодня у нас будет долгая ночь и времени на сон нет!

— Послушай, Киану, тут такая проблемка… — виновато почесал лысину Харди. — У меня гражданство, как бы двойное… Да и мне всего восемнадцать…

— Ты серьезно?! Ты это, блять, серьезно?! — взорвался Ривз и с психом вставил в рот пластиковую трубочку, прикрепленную к пластиковой шляпке с двумя болонами виски с колой, и начал накидываться.

— А в чем проблема?! — изумился Том. — Давай просто сделаем на меня новые документы!

— Да тут работы на лет десять! — хлопнул себя по бедрам печальный хакер. — Нужно будет взломать базу граждан Америки и туда тебя впилить! Думаешь, это так просто?

— Ну, значит гнить Олежке в тюрьме! Ибо ты, сука-бля, нигде не найдешь такого ебаната, как я, чтоб согласился пойти на такой риск, ради какого-то там соседа! — нелепо угрожал Том. — А даже если ты его достанешь, то я тебе клянусь — через месяц он опять отправиться топтать зону из-за того, что его хлопнут с наркотой! И так будет продолжаться по кругу, пока ты не обзаведешься в мусарне кем-то нормальным! Кем-то адекватным! Типа меня!

— Батюшке свят… Что ж ты мелешь… — безобразно громко прошептал Батлер, прикрыв брови ладонью и укоризненно помотав головой.

— Ладно… Пусть так… — согласился Киану, опять же, не заподозрив никакой развод со стороны Харди. — Давай тебя сделаем полицейским… — захлопал он пальцами по клавиатуре. — Сделаем тебя американцем, лет эдак двадцати четырех…

Целых три дня Киану, даже не выходя за пределы гостиной еврочетырешки, корпел над базами данных, вбивая туда нашу горячо любимую мразь — Тома Харди VIII. И вот, на четвертый день, Ривз вручил Тому новые документы да диплом об окончании полицейской академии.

В тот же день Харди отправился в убойный отдел города Сиэтл и подал документы на трудоустройство. Глупые местные полисмены, даже и не стали проверять парня ни по каким базам, и сразу же выдали ему новехонькую форму, значок, да оружие. И вот, Том уже не просто ебанат-иммигрант из Англии, а самый настоящий полноправный гражданин Америки, да еще и полицейский в должности патрульного! А это вам не абы что!

Выйдя из здания департамента полиции Сиэтла, первым делом Том позвонил отцу и сообщил, что передумал становиться дизайнером, а пошел в мусора. Кристофер был так рад и горд за сына, что сразу же после разговора с ним, обхуярился марихуаной до неузнаваемости и станцевал с ней же вальс бостон.

К слову, Харди не остался в долгу перед Киану и, по воле случая, сумел достать из-за решетки Олега Табакова, который получил нихуйственный такой гастрит, пропитавшись столь длительное на зоне время одной лишь баландой.

С того самого дня, как Тому удалось стать мусором, дела в «Батлер и друг» пошли в гору, ведь каким-то чудным образом, обычному патрульному Харди удавалось не только крышевать собственный бизнес, но и делать наводки на наркоторговцев-конкурентов, которых незамедлительно хлопали его коллеги чином повыше и отправляли пожизненно топтать зону. Тут-то Том и начал ощущать чувство власти и дозволенности, свалившееся на его восемнадцатилетние плечи. Из-за того, что диллеров с каждым днем становилось все меньше и меньше, наркоманы Сиэтла вспоминали про некое кафе, под прилавком которого приторговывали любым запрещенным веществом — на любой вкус и цвет.

Оставалась нерешенной лишь одна проблема — из-за своей низкой должности, Харди не имел доступа к обширным мусорским базам с адресами и прописками граждан Америки. Отсюда следует вывод, что и на Мэрил Том никак не мог выйти! Как не смог выйти на нее и хакер Киану! Даже несмотря на угрозы Тома о том, что тот не собирается доставать из-за решетки гниющего свекра Ривза, который, к слову, каким-то странным образом дважды за неделю умудрился попасть туда с увесистым пакетом кокаина.

Глава 52: Патрульные

Ноябрь 2001 года.

Том присел на пожарный гидрант, задрав одну ногу на него, и курил, пока его напарник подсовывал под «дворник» неправильно припаркованной машины штраф. Чарли Хэннэму было двадцать один, и он вот уже несколько месяцев служил в убойном отделе департамента полиции Сиэтла. Он был высок, светловолос и вполне себе симпатичен, даже слегка смазлив. С виду его можно было принять за ответственного серьезного парня, самоотверженно и доблестно служащего закону и порядку. На деле же это было не так, а даже с точностью до наоборот. Чарли был ленив и похуистичен настолько, что ему скорее стоило пойти работать в видеопрокат или еще на какую распиздяйскую работенку вроде того, но никак не в полицию. Однако, волею судеб, Хэннэма занесло в убойный отдел. Не сказать, что служба приходилась ему по душе, но что-то менять было настолько в падлу, что он решил остаться. Так и работал — вечно цокая и недовольно подкатывая глаза. В участке к нему прицепилось прозвище Кент. Все уже забыли почему, а самому Чарли было не просто лень вспоминать, но и, собственно говоря, похуй.

— Ну что, погнали дальше? — спросил Хэннэм, подойдя к Харди и жестом попросив у него сигарету.

— Заебал стрелять, — подкатил глаза Том, но пачку протянул.

Кент оперся на фонарный столб и глубоко затянулся.

— Ох, сука, когда же этот рабочий день закончится, — протянул он, выдыхая дым через нос.

— Да только час как наша смена началась, сука-бля, — приподнял шрамированную бровь Харди.

— И что? Я уже уебался, как мразь, — пожал плечами Чарли, крутя в руках тлеющую сигарету. — Неблагодарная работа. Хули кто-то сидит в участке спокойно, жрет пончики и попивает кофе, пока мы тут катаемся на этих блядских драндулетах… — пнул он ногой колесо скутера, припаркованного у тротуара. Рядом стоял второй такой же.

— Тут ты прав… — задумчиво почесал лоб Том, подняв защитное стекло мотоциклетного ментовского шлема вверх. — Ну, а хули поделать, мы работаем всего-ничего. Надо как-то двигаться, проявлять себя, сука-бля, глядишь Хэнкс даст нам повышение, — развел руками он, хотя и сам нехило мечтал получить уже звание детектива, ведь узнал, что, начиная именно с этого чина, сотрудники полиции имеют доступ к кое-каким мусорским базам.

— Да уж конечно, блять! — подкатил глаза хлеще некуда Кент и отбросил бычок в сторону. — Этот хуеплет не даст повышение так скоро, у него там правила какие-то ебаные, мол, отработайте сто семьдесят три года, выпишите тысячу двести сорок пять штрафов, станцуйте, блять, пасадобль на крыше Спейс-Нидл и передерните моему сыну, и тогда, может быть, я дам вам повышение. Но это, сука, нихуя не точно. Так что можешь забыть про звание детектива еще надолго. А сейчас поехали пожрем где-нибудь и продолжим выписывать ебучие штрафы… — недовольно бубнил Кент, кривя лицом и уже усаживаясь на скутер.

— Да ну нахуй! — вдруг взорвался Том, пнув мусорским ботинком гидрант. — Со мной такая ебала не прокатит! Ебал я в рот его правила, сука-бля! Мы сейчас же едем к капитану и требуем повышения. Нахуй мне не надо — заниматься вот этой шляпой, — вытащил он из-под «дворника» только что выписанный его напарником штраф, скомкал бумажку и отбросил через плечо.

— Тебе делать нехуй? — скрестил руки на груди Чарли и недовольно цокнул.

— Нехуй! — рявкнул Харди и оседлал свой скутер. — Ты со мной? Или дальше

будешь патрулировать? — обернулся он на Хэннэма, заводя своего «железного пони».

— Ладно, поехали уже, — подкатил глаза Кент.

Через 20 минут в участке.

— Здарово, капитан! — бесцеремонно вошел в кабинет своего начальника Том.

— Так, что за субординация, Харди? — возмутился Том Хэнкс, отложив в сторону альбом с какими-то каляками-маляками. — И ты, Хэннэм, тут? Чего хотели, парни?

— Мы, собственно говоря, по делу, — начал Том, усевшись напротив капитана.

— Пап, мне надоело играть с дядей лейтенантом, можно я порисую здесь? — вошел в кабинет мужчина лет эдак тридцати с виду.

— Колин, видишь я занят, пойди поиграй еще немножко, — слегка раздраженно улыбнулся капитан Том, указав сыну на дверь.

— Ну пааа, ну я тихонечко вот здесь сяду… Я не буду мешать, честно-честно! — клянчил Хэнкс-младший, присаживаясь на диванчик у входа.

— Ладно, — процедил капитан и протянул Тому Харди альбом с рисунками и краски, чтобы тот передал все это барахло Колину.

Том осуждающе помотал головой, но набор художника взял и через плечо протянул его Чарли, который, в свою очередь, подкатив глаза, передал все это мальчишке в возрасте. Колин радостно принял дары отца, плюхнулся на диван животом и, высунув кончик языка, принялся усердно рисовать облака.

— На чем мы остановились? — сложил руки замком Том Хэнкс и уставился на патрульных.

— На нашем повышении, сука-бля, — состроил свой фирменный еблет Харди. — Мы тут с Кентом покумекали и решили, что нам пора бы уже в детективы, капитан. Так ведь, Чарли? — обернулся он к напарнику, который присел на подлокотник дивана, где Колин Хэнкс старательно вырисовывал корявую бабочку в своем альбоме.

— А? Что? Ты мне? — непонимающе поднял взгляд Хэннэм, ссыпая со спинки дивана в ладонь скорлупу от фисташек, которыми решил перекусить. — А, да, повышения мы хотим… Типа того, угу, — безразлично закивал он головой.

— Так-с, что-то я не понял, — вздохнул капитан, поджав губы. — С какой это вдруг стати? Ты, Хэннэм, работаешь всего несколько месяцев, ты, Харди, — и того меньше. За какие такие заслуги вас повышать? У меня вон сколько ребят уже по несколько лет в патрульных сидят, — указал он рукой на большое стекло, отделяющее кабинет от остального участка. — С чего вдруг мне переводить в детективы вас, а не их?

— Пффф… — ухмыльнулся Том, откинувшись на спинку стула. — А эти твои парни, — ткнул он рукой в сторону все того же окна. — Они много тебе наводок на всяких барыг дали? А, капитан?

— Нууу… — призадумался Хэнкс-старший, подняв взгляд к потолку.

— Нууу… — покривив смазливым ебалом, передразнил его Харди.

— Ладно, тут ты прав, в этом ты действительно отличился, — кивнул капитан Том. — А что на счет Хэннэма? Он чем заслужил повышения?

— Ну, а что на счет него? — вновь повернулся Харди на напарника, который оперся на стену, скрестил руки на груди и, кажется, пытался задремать, настолько похуй ему было на все происходящее вокруг. — Он мой напарник, мы как бы, сука-бля, вместе работаем, — развел руки в стороны Том.

— Ладно, парни… — вздохнул Хэнкс. — Так тому и быть. Раз вы так хотите получить звания детективов, то не могу этому препятствовать…

«Послушай, Том, ебать! Все так легко? Просто вот так раз — и детектив? Ну

охуенно же!» — расплылся в довольной улыбке восемнадцатилетний ебанат.

— Но, правила есть правила, не мной они придуманы, не мне их и нарушать, — продолжал капитан, щелкая авторучкой. — Вам придется пройти обучение, а потом сдать, своего рода, экзамен. Тут уж я ничего поделать не могу, этого не избежать. Но я смотрю, вы парни целеустремленные, сами пришли просить повышения, а значит и это испытание вам будет не в тягость. Так ведь?

«Послушай, Том, ну ёб твою мать! Ладно, пусть так… Разберемся…» — подумал Том, убрав с лица улыбку.

— Конечно, капитан, о чем, сука-бля, речь! — заговорил он, приложив ладонь к стальной нашивке на мусорской рубахе. — Пройдем мы все испытания как делать нехуй.

— Хорошо, Харди, вижу от тебя инициативу, — одобрительно моргнул Хэнкс. — Ну, а что на счет тебя, Чарли? Ты все молчишь стоишь? Будто тебя заставляет кто-то? Готов к обучению? К испытанию?

— Ебань какая-то, — пробубнил под нос Кент, протирая глаза. — Окееей, кэп, типа готов… — нехотя ответил он, скривив губы.

— Отлично! — хлопнул в ладоши капитан. — Тогда у меня для вас есть нечто особенное!

Парни настороженно нахмурились.

— Как раз сейчас в Сиэтл приехал один очень уважаемый человек, прямиком из департамента ЭлЭя, — сказал Хэнкс, достав из стола пачку бисквитных печений-мишек и коробочку молока. — Колин, пора перекусить, — окликнул он сына.

— Ну пааап, я не хочу кушать, — заныл сын капитана, но с дивана встал и поплелся к столу отца.

— Так-с, о чем это я? — нахмурился Том Хэнкс, всучив Колину угощения. — Ах да, сержант Мэдсон. Мы раньше служили с ним вместе, я остался здесь, в Сиэтле, и стал, как видите, капитаном. Но Майкл пошел другой дорогой. Всем было известно, что он лучший в допросах. Еще в Сиэтле его вызывали на допросы самых прожженных преступников, расколоть которых не было под силу никому. Мэдсон же щелкал их как орехи. Вскоре молва о нем пошла по всем Штатам. Сначала он колесил по стране, проводя допросы, с которыми местные копы не могли справиться сами. Потом главный шериф Штатов предложил ему кое-что покруче — ездить по стране и обучать доблестных полицейских своему мастерству. Ибо одного Мэдсона на всю страну мало. Майкл согласился и с тех пор, так скажем, гастролирует по Америке. И вот, как я уже сказал, как раз сейчас он в Сиэтле. Я должен отметить, что вам, парни, несказанно повезло, что вы сможете обучаться у такого профи как сержант Мэдсон. Не могу пообещать, что будет легко, но что вы хорошо подготовитесь к должности детективов — это совершенно точно. Ну так что, согласны? — воодушевленно обратился Хэнкс к подчиненным.

Том и Чарли переглянулись. Кент начал подавать невербальные знаки напарнику, что ему в хуй не впилось это обучение, что он не хочет заниматься этой ебалой, и вообще, хочет курить и жрать. Он жестами указывал на дверь, мол, надо валить пока не поздно, и что, судя по словам Хэнкса, они влипнут в нехилое такое дерьмо с этим обучением. Харди внимательно выслушал молчаливую тираду Хэннэма и кивнул, как бы говоря, что прекрасно его понял. Только Кент выдохнул с облегчением, как Том заговорил.

— Конечно, сука-бля, мы согласны, капитан, — состроил он свой фирменный еблет, ткнув указательным пальцем в сторону начальника. — Что ж мы, конченые какие-то, чтобы отказываться от такого шанса? Записывай нас на курсы к своему этому Мэдсону, мы готовы впитывать все знания, которые он нам даст!

У Чарли аж челюсти свело, так сильно он сжал их от возмущения и злости. И зачем он только ввязался в эту авантюру? Надо было идти работать в видеопрокат, а не вот это вот все!

— Отлично! — хлопнул в ладоши капитан Хэнкс и встал из-за стола. — Идемте, обучение начинается уже сегодня, сейчас я познакомлю вас с сержантом Мэдсоном лично. Пусть по старой дружбе уделит моим парням наибольшее внимание, — двинулся он к двери, поманив рукой патрульных за собой.

Хэннэм стрельнул злобным взглядом на Харди и жестом изобразил, что это обучение еще не успело начаться, а уже сидит у него в глотке. Том лишь укоризненно помотал головой и подтолкнул напарника к выходу, где в дверях остановился капитан.

— Колин, ты писить не хочешь? — склонился он к сыну, потрепав его по голове.

— Не, — отмахнулся Колин, ведь давно уже напрудил на диван.

Хэнкс, Харди и Хэннэм вышли из кабинета и двинулись по коридору в сторону зала для совещаний. По пути они остановились у стенда, капитан достал из-под окошка из оргстекла листок и записал туда фамилии парней.

— Майкл, не отвлекаю? — заглянул внутрь капитан. — Я тут решил запрыгнуть в последний вагон и записать двух своих парней на твой курс, — прошел он в зал и жестом пригласил Тома и Чарли пройти внутрь.

За столом, уткнувшись в какие-то бумаги, сидел мужчина в ковбойской шляпе. Он молчал и даже не поднимал взгляда на вошедших.

— Я знаю, как ты бесишься, когда в укомплектованные списки впихивают кого-то еще в последний момент, — выставил ладони вперед капитан Том, как бы успокаивая приятеля, хотя тот с виду не то что не нервничал — вообще не слушал. — Но пойми и ты меня, я до сегодняшнего дня не планировал никого отправлять на обучение, ведь не намеревался никого повышать в ближайшее время. Но эти двое — они проявили себя самым лучшим образом, и я посчитал, что они достойны получить звания детективов как можно скорее. Но зная, что есть возможность обучить их по самому высшему разряду, то бишь у тебя, я не мог не воспользоваться своим служебным положением и самолично внес их в твои списки…

— Бла-бла-бла, — заговорил Мэдсон, не поднимая взгляда и изображая соответствующий жест рукой. — Хэнкс, когда же ты уже заткнешься? Какой уебок сделал тебя капитаном полиции? Тебе стоило пойти работать в колл-центр и впаривать свое дерьмо всяким простакам, желающим купить обдроченные пылесосы или миксеры!

— Такой вот сержант Мэдсон, — тихо усмехнулся капитан, склонившись к парням.

— Тебе туда, — все также не поднимая взгляда указал Майкл Тому Хэнксу на дверь. — А вы — ко мне, — махнул он рукой на ближайшие стулья за длинным столом, во главе которого сидел.

— Ну все, парни, удачи вам, — похлопал Хэнкс по плечам Тома и Чарли и на цыпочках удалился, дабы вытереть ссаки за сыном.

Парни переглянулись. Хэннэм вновь проклял взглядом Харди за то, что тот ввязал его в эту неведомую хуйню.

— Ну что, дрочеры, что вы такого сделали, что капитан лично пришел просить за вас в самый последний момент? — наконец посмотрел на парней сержант Майкл, откинувшись на стуле и сложив руки на животе. — Передернули? Отсосали? Кому? Ему самому? Или его сыну-дауну?

Хэннэм лишь по классике цокнул и подкатил глаза, с каждой секундой все больше убеждаясь, что вся эту затея с учебой и повышением — нахуй ему не

нужная и неинтересная хуета. Кент, тебя здесь кажется никто не держит! Можешь встать и уйти в любой момент? Что говоришь? Тебе в падлу?

— А кому отсосал ты, сука-бля, что для тебя главный мусор Штатов аж целую отдельную должность придумал? — приподнял шрамированную бровь Харди, решив немного поконфликтовать, ведь пока капитан записывал их в список у стенда, Том ненароком принял совсем чуточку кокаина — ну так, чисто для хорошего настроения.

— Ох-ох-ох, кто это у нас тут такой дерзкий? — сюсюкающим тоном заговорил Мэдсон, посмотрев на Тома. — Где ты нахватался таких плохих слов, гадкий-гадкий мальчишка? — встал он из-за стола, подошел к парню и наклонился до уровня его смазливого еблета, упершись ладонями в колени. — Еще раз что-то пизданешь, щенок, и сержант Мэдсон накажет!

— Еще раз что-то пизданешь, щенок, и сержант Мэдсон накажет! — спародировал Том Майкла голосом принца Гарри. — Ебать, сука-бля, напугал! Кажется, твое дело — обучать нас, а не мериться с нами яйцами? Не так ли, сержант, сука-бля, Мэдсон?

Майкл распрямился, продолжая сверлить Харди пронзительным взглядом и ковыряясь языком в зубах.

— Посмотрим, куда тебя доведет твой дерзкий язычок, маленькая хулиганка, — процедил сквозь наигранную улыбку сержант Мэдсон. — Точно, так и буду тебя звать — хулиганка, — похлопал он Тома по щеке.

Тот от таких выходок вскипел, как глупая вода. Он вскочил с места и готов был въебать Майклу в любую секунду. Но в последний момент решил избрать другую тактику, ведь и сам нехило захотел помериться с сержантом яйцами, а может даже и хуем.

— Посмотрим, пастушок, — расплылся в обдолбанной усмешке Том. — Точно, так и буду тебя звать — пастушок, — щелкнул он Мэдсона по ковбойской шляпе.

Майкл буквально на мгновение превратился в опущенную сову, но решил не показывать вида и превратился в самого настоящего петуха. В ту же птицу превратился и Харди. Так сержант и патрульный просверлили друг друга петушиными взглядами и уселись на места.

— А ты у нас кто? — пренебрежительно махнул Мэдсон на Чарли, который играл на телефоне в змейку. — Тебе тоже прозвище придумать, или не будешь меня утруждать и придумаешь себе его сам?

— Я — Кент, — похуистично поднял указательный и средний палец Хэннэм, не отрывая взгляда от мобильника.

— Понял. Кент, Хулиганка, лекция через час, — вновь уткнулся в свои бумаги Мэдсон. — А теперь нахуй отсюда!

Парни встали, оба подкатив глаза, а один из них даже показал сержанту Майклу свой маленький дерзкий «фак».

С того самого дня Том и Чарли начали свое обучение у Мэдсона. На своих дерзких лекциях Майкл, то и дело, всяческим образом подъебывал Харди, высмеивая парня перед коллегами-мусорами. Том же, в свою очередь, не упускал возможности ответить сержанту дерзостью на дерзость, а порой и вовсе полить нехилой порцией петушиного дерьма. С каждым днем напряжение между патрульным Томом и сержантом Майклом накалялось до беспредела. Казалось, что рамс с мордобоем неизбежен, но, почему-то, до этого дело так и не доходило.

Глава 53: Звание

Спустя месяц лекций, началась практика. Капитан Хэнкс заверил всех обучающихся, что тот, кто первый поймает преступника и расколет его по канонам Мэдсона, тот и получит повышение.

В первый же день, патрульный Харди, будто ненормальный, носился по улицам Сиэтла в поисках хоть какого-нибудь правонарушителя. Но у ничего не выходило! Нарушитель никак не находился! За ним, нехотя перебирая ногами, плелся Чарли Хэннем, проклиная своего напарника и моля его бросить эту беготню и вернуться к выписке штрафов, но для начала пожрать в Бургер-Кинге и заскочить в «компы», дабы сыграть пару партеек в «контру». Чарли, а может действительно станешь детективом? Будет тебе «контра» в реальном времени! Что говоришь? Да ты даже и не говоришь ничего, настолько тебе поебать на данный мир!

— Смотри, сука-бля! — приметил Том мотоцикл, который стоял у тротуара не по правилам парковки. — Его-то хозяина мы и холопнем! — остановил он свой ублюдский скутер, бросил его прямо посреди проезжей части и побежал в сторону байка.

— Да, блять, за что? За то, что неправильно припарковался? — остановился у тротуара Хэннем, даже не слезая со своего убожества.

— Я, сука-бля, чую, что что-то тут нечисто, — стянул с головы шлем Том и пнул по байку ногой.

На его счастье, на мотоцикле была установлена сигнализация, и буквально через минуту из бара напротив, пританцовывая, выскочил молодой парень с задорными кудряшками на голове.

— Эй, что вы творите?! — мелодично возмутился Джастин Тимберлейк, подбежав к своему хозяйству.

— Так, петушара, ты встал здесь не по правилам парковки. За это ты едешь с нами в участок, — предъвил за хуевую парковку Том, снимая наручники с пояса.

Джастин решил показаться милым и не раздувать конфликт с блюстителями порядка и, с присущей ему пластичностью, протянул руки вперед.

— Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы, сука-бля, скажете, может и будет, сука-бля, использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги обдроченного адвоката, он будет предоставлен вам государством. Вы понимаете свои, сука-бля, права? — зачитал насколько мог правило Миранды Том, застегивая браслеты на руках мистера Тимберлейка.

— Да, — коротко кивнул кудряшками Джастин, расстроенно опустив уголки губ вниз.

— Ты, конечно, красавчик, Том! Арестовать-то ты его арестовал, а как его доставить в участок? — подкатил глаза Кент. — Мне все это в хуй не впилось. Я не повезу его с собой.

— Ну, значит вызовем машину, — подошел к скутеру Харди и попытался связаться с ближайшими коллегами, которые патрулировали Сиэтл на модных мусорских машинах. — Сука-бля, Чарли, сколько же раз я тебя просил — пойди и напиши заявление, чтоб нам подогнали тачку… Заебался уже на этой шляпе передвигаться…

— Оно мне, блять, надо?! — превратился в гибрид совы и ленивца Кент. — Это тогда начнется… Мол, Чарли, отвези меня до дома после смены, заедь за мной утром. Чарли, а заправил ли ты тачку? А проверил ли подвеску? А с развалом-схождением что? Вот нужны мне эти хлопоты, Том? Если так хочешь — иди и сдай на права и сам возись с этим барахлом…

— Ну нет, мне это тоже нихуя не надо! Тут-то хоть скутер или мотоцикл — их

ты чувствуешь, они маленькие и легки в управлении, а тут целая тачка! Нахуй надо такой гробиной управлять обдроченной?! — завозмущался патрульный Харди — еблан ебланом в душе и уже совсем не рохля снаружи, а довольно-таки подкаченный парень.

Вскоре к ребятам подъехала ближайшая патрульная машина, в которую и был погружен Джастин.

Через полчаса перед одной из допросных убойного отдела Сиэтла.

— Так, Чарли, эта кудрявая шмара явно что-то скрывает, — говорил напарнику Том, перелистывая папку с личным делом Джастина Тимберлейка. — Я тебе бля, сука-бля, буду! Уж очень подходит под портрет насильника, о котором в последняя время судачат в отделе. Так что нам нужно расколоть его и выяснить, он это или нет. Значит так. Я буду сейчас в роли хорошего полицейского, а ты — плохого. Понял? Ты давишь на него, прижимаешь, а потом вступает патрульный милашка-Том и ему раскрываются все карты. Ммм? — приподнял он шрамированную бровь, взглянув на Кента.

— Поооонял, — недовольно прорычал Чарли раскрыл дверь и вальяжно прошел в допросную. За ним зашел и Том.

— Что вам нужно? Я же просто неправильно припарковался! Я думал, меня привезут и выпишут штраф! Зачем вы привели меня на допрос? — возмущенно запел Джастин, пуская волну телом. — Где мой адвокат?

— В пизде, — плюхнулся на сидение Хэннем, извлек из кармана упаковку фисташек, с хрустом раскрыл, высыпал орешки на стол и молча стал чистить их.

— Не волнуйтесь, мистер Тимберлейк, никто не причинит вам вреда, — аккуратно, но властно уселся на свободный стул и Харди, положив перед собой папку с делом. — Итак, в материалах на вас мы нашли очень интересную информацию. Тут сказано, что в подростковом возрасте вы предпринимали попытки совращения несовершеннолетних девушек, но никаких наказаний не последовало, ибо вы были и сами несовершеннолетним.

— Какое отношение это имеет к неправильной парковке? — проблеял Джастин, танцуя под столом чечетку.

— Дело в том, что пару месяцев назад в Сиэтле завелся насильник, — вполне серьезно, но с нотками добра начал рассказывать Харди. — Незнакомец вламывается в дома к одиноким женщинам, пока хозяйки нет дома. По скрытым камерам видеонаблюдения полицией было установлено, что этот человек около часа кружит по дому в танце, а затем, когда возвращается хозяйка, прячется в шкаф и выжидает момент, пока женщина пойдет в душ. После чего наш насильник, трется у душевой кабины, опять же — в танце, после чего вламывается туда и насилует женщину… Личность его установить нам не удалось, ибо его лицо скрывает черный капроновый чулок…

— Я-то тут причем? — спросил Джастин, расставив руки в стороны, после чего ритмично подвигал плечами, сделал один оборот на стуле и снял с головы шерстяную шляпу в знак окончания выступления.

— А все дело в том, что как выяснилось по камерам уличного видеонаблюдения, насильник приезжает в дома своих жертв на мотоцикле и неправильно его паркует. Но вы не подумайте, мистер Тимберлейк. Мы ни в чем вас не обвиняем — просто пытаемся докопаться до истины. Полиция будет премного благодарна, если вы посодействуете следствию, — плел вежливые речи Том. — Кстати, если вы хотите, то можете покурить, — пододвинул он пепельницу к Джастину, а сам пихнул под столом Кента, как бы подбивая его уже вступить в допрос в роли плохого полицейского.

— Фисташки я тебе хуй дам! — яростно прорычал Чарли, кое-как скрыв на лице эмоцию похуистичной амебы.

— Какого, сука-бля, хуя? — одними губами прошептал Харди, расставив

ладони в стороны и уставившись на Кента.

— Бляяяять, — простонал Чарли и недовольно посмотрел на Джастина. — Это ты насиловал тех женщин? М?

— Сука-бля… — ударил по лбу ладонью Харди. — Ты типа злой, Хэннем…

— Ты насиловал женщин? Пидорас! — добавил немного злобности Кент, собирая чищенные орешки в ладонь. — Пидорасина! — закинул он снэки в рот и отряхнул руки от крошек.

— Так, Чарли, успокойся, — решил продолжить игру хотя бы одного актера Том. — Послушайте, Джастин, наверняка вам комфортнее говорить со мной, так? Ведь мой напарник так безумен…

— Мне не комфортно говорить ни с кем из вас! — нагло пропел Тимберлейк, перебив Харди. — У вас ничего на меня нет! Это какой-то бред!

— Сука-бля, меняемся. Понял? — поднялся из-за стола Том, шепнув на ухо Кенту.

— Угу, — буркнул Чарли, доставая из кармана пакетик семечек.

Харди, не говоря ни слова, молча вышел за дверь.

В допросной повисла тишина, прерываемая лишь звуком сплевывания семечных шалушек. Вдруг дверь распахнулась ударом ментовского ботинка и в комнату, пыша понтами и выебонами, ввалился Том Харди, который, кажется, не забыл пригубить немного какоина перед новой ролью.

— Ну, здравствуй, сук-бля, Джастин, — схватил он стул, развернул и уселся на него, положив руки на спинку.

— Что происходит? — нервно усмехнулся Тимберлейк, заподозрив какой-то мусорской развод.

— Что происходит? — состроил подобие фирменного еблета Харди, вставив в рот зубочистку. — А это вопрос к тебе, шмара. Как думаешь, что происходит, Джастин? Почему ты сейчас здесь? Ммм? — поводил он зубочисткой по зубам.

Тимберлейк недоуменно покачал головой, расставив руки в стороны и требуя объяснений. Том же яростно подвигал желваками и пораздувал ноздрями, после чего, как ошпаренный, вскочил со стула, опрокинув его на пол. Харди одним громоздким, но легким движением, подорвался к Джастину, схватил его за грудки и притянул нос к носу.

— Сука, если ты немедленно не расскажешь, что и как было — я тебе, блять, убью! И ты уж мне поверь — я на такое способен, шмара! А ну, отвечай! Нахуя ты насилуешь одиноких баб?

— Да ты псих ненормальный! — испугался Джастин. — Я не буду с тобой разговаривать! Я буду общаться с ним! — указал он взглядом на Чарли. Том также посмотрел на Кента, уже ожидая когда же тот вольется в допрос.

— Что тебе надо? Я ж сказал — фисташки я тебе не дам, — пробурчал Хэннем, лузгая семечки.

— Чарли, ты хороший коп, — еле слышно прорычал Том.

— Блять, — громко цокнул Кент. — Вот надо мне все это… Ладно… Чё, после допроса куда сходим все вместе или как? — решил показаться он наигранно милым.

— Да что ж, сука-бля, такое? — психанул Том, откинув Джастина на место.

Сам он поднял свой стул и вновь уселся за стол. Харди достал из нагрудного кармана пачку сигарет, зубами вытащил одну и закурил.

— Ну, что Джастин, расскажешь мне, каков был твой мотив? Нахуя ебал тех шкур именно в душевых кабинах? — поинтересовался Том, выпуская дым из носа.

— Да не трогал я никого, что ты несешь?! — изумился Тимберлейк, состроив танцующую по всему лицу гримасу.

— Не трогал… Хорошо… Хорошо, сука-бля… Пускай так, шмара… — покачал головой Харди. — Ну, а пляски зачем устраивал в доме? Непонятно… Что за

прикол такой? Как ты там это делал? — поднялся с места он, разминая плечи. — Вставай, Джастин…

Тимберлейк недоуменно повиновался. Том же взял в левую руку ладонь Джастина, вторую положил ему на спину и занял исходную позицию для вальса.

— Раз, два, три, — отсчитал он и начал вальсировать, ведя за собой охуевающего Тимберлейка. — Ну, так расскажешь, что за фишка такая с танцами? Ммм, сука-бля? Патрульный Харди не понимает и ему ой как интересно.

— Я тоже не понимаю… — лепетал подозреваемый.

— Как ты там по столам прыгал? Так? — проигнорировал его Том и прижав к себе Джастина, сиганул с ним на краешек стола. Но так как парень не обладал грациозностью и не умел нихуя плясать кроме вальса, то повалил стол к хуям.

— Да что ты творишь?! — нехотя возмутился Кент, наблюдая, как его семечки рассыпались по бетонному полу.

— Или как катался по барным стойкам? — плюхнулся Харди на некий длинный декоративный столик, стоящий вдоль стены допросной, усадил к себе на колени Тимберлейка, расставил в стороны руки и кутыло проскользил по нему. — Так ты танцевал? Ммм? Петушара, ответь… — прижал он к груди Джастина, после чего сделал им выпад и покружил вокруг своей оси.

— Нет, — немного раздраженно выпалил Тимберлейк.

— Или как ты там на одной ноге делал стойку? Так? — встал на одну ногу Харди и боком стал нагибаться, но завалился к хуям на пол, потянув за собой и Джастина.

— Я не могу больше на это смотреть! Ты хуево танцуешь! — вскочил на ноги Джастин. — Вот как это делается! Вот как я танцевал в тех домах! — проорал он и, не дожидаясь никакой реакции мусора Тома, начал показывать мастер-класс.

Мистер Джастин ловко закружился по допросной, пластично двигаясь и замирая в непонятных стойках. В апогее своего выступления, он запрыгнул на стол, встал на цыпочки и присел на полусогнутых ногах, отклонив тело назад, но не упав, как кутылый Том.

— Браво, сука-бля, браво… — зааплодировал Харди. — Это, сука-бля, лучший танец, который я когда-либо видел… Так в домах своих жертв и плясал?

— Даже лучше! — зазвездился Джастин. — Ведь там было куда больше пространства!

— Ну, а зачем шкур-то ебал? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Просто… Делать было нехуй, — беззаботно пожал плечами Тимберлейк.

— Ну я понял… Понял… — усмехнулся Том и достал из кармана брюк диктофон. — Ну, шмара, надеюсь, своими плясками ты добавишь мне звезд на погоны…

— Браво… Браво… — зашел в допросную Майкл Мэдсон, который, как оказалось, следил за допросом через зеркало Газелла. — А ты впечатлила меня, маленькая Хулиганка.

Харди приподнял шрамированную бровь, ведь не ожидал похвалы от сержанта Майкла.

— Было у кого учиться, Пастушок, — усмехнулся Том, состроив свой фирменный еблет и ткнув пальцем в Мэдсэна.

— Ну что, детектив Харди, поздравляю, — вошел в допросную и капитан Хэнкс и по-отцовски приобнял парня за плечи. — Этого — в наручники, — махнул он головой в сторону Джастина, который грустно приплясывал свой последний танец свободы. Тут же в комнату вошли еще двое мусоров, заластали Тимберлейка и увели судить.

— Что на счет Кента? — указал Том на Чарли, который откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и, закрыв глаза, запрокинул голову назад, в ожидании, когда же вся эта канитель закончится.

— Ну… Даже не знаю… — поджал губы капитан Том. — Так-то ты один расколол этого насильника… Хэннэм даже и не при делах.

— С хуя ли, сука-бля? — встал на защиту напарника Харди. — Так-то мы вместе задержали этого петушару, вместе и допрашивали. У нас тактика такая была, все было продумано.

— Хм… Ну… Ладно уж, обоих вас переведу в детективы, — немного замялся Хэнкс. — Давайте оба ко мне в кабинет, будем оформлять документы…

— Эй, кэп, — перебил его Майкл. — Я рекомендую эту Хулиганку в сержанты, хули ему в детективах прохлаждаться…

Том от таких слов не то что охуел — забился в агонии неожиданного повышения!

— Ну нет, это не в моей компетенции, — замотал головой капитан. — Это невозможно — из патрульного сразу в сержанты. Протокол не позволяет…

— Ладно, понял, — выставил ладони вперед Мэдсэн и удалился прочь.

«Послушай, Том, ну ебаный в рот! Хули он за тебя вписался и сразу слился… Пидорас!» — раздраженно подумал Харди, провожая взглядом опухшую фигуру сержанта.

— Все, хватит лишних разговоров, — прервал его мысли капитан. — За мной! — двинулся он к выходу.

— Чарли, сука-бля, ты идешь? — окликнул Том Кента.

— Ну чего еще? Куда? — зевнул Хэннэм.

— Пошли уже, — поднял его за шкирку Харди и потащил к выходу. — Ты проебланил весь допрос, так что скажи спасибо мне, что выбил и для тебя детектива.

— Детектива? Так что, ты все же расколол этого кудрявого еблана? — лениво удивился Чарли.

Том лишь подкатил глаза и молча поволок напарника к кабинету капитана.

Оформив все документы, выдав парням новые погоны, жетоны, нашивки и прочие приблуды, Том Хэнкс отпустил парней домой, дав им выходной до конца дня.

— Это… Капитан, я вот что хотел, сука-бля, спросить, — опомнился Том уже в дверях кабинета начальника. — Детективам же доступны какие-то базы, так? То есть теперь и мы имеем к ним доступ?

— Ну, кое к каким — да, — ответил капитан, разогревая для сына кашу.

— База всех граждан США с адресами и прописками? — решил не ходить вокруг да около Харди и сразу спросил про нужную.

— Нет, эта база только для сержантов и выше, — пояснил Хэнкс, рисуя джемом на поверхности каши кошиный ебальник.

— Сукааа… — протянул Том и злостно подвигал челюстью.

Но капитан его уже не слушал, ведь включил на планшете мультик про семью свиней, повязал на шею Колину слюнявчик и начал кормить его с ложки.

Из участка Харди вышел в скверном расположении духа. За ним — Чарли, который не изменял себе и был по-прежнему похуистичен.

— Не, сука-бля, это дрочь какая-то, — рявкнул Том, закурив сигарету. — Надо двигаться дальше. Детектив — это меня нихуя не устраивает. Нужен сержант! Сейчас чуть поднапряжемся, глядишь — Хэнкс еще на какое-нибудь обучение отправит…

— Нееее… Я — пас, — попятился назад Чарли. — Нахуй оно мне надо, Том? Мне детектива — во! По горло! Я это звание-то уебался получать, а с сержантом там вообще пиздос будет. Не, в пизду!

— Да, сука-бля, Кент! Хули ты там уебался? Месяц на лекции ходить? — возмутился Харди. — Мы эти звания получили — как нехуй делать! Также и

сержантов отхватим, я у Хэнкса на хорошем счету, а за тебя я просто впрягусь.

— Не, я ж говорю не пойду я в сержанты, — продолжал отнекиваться Чарли. — Вот даже получу я это звание ебаное, и что мне с него? Ебашить как проклятый сутками? Дома не ночевать? Ни сна тебе, ни отдыха… Жену, детей видеть вообще, считай, не буду…

— Какая жена? Какие дети? Что ты, сука-бля, несешь? — охуел Том от ленных речей приятеля. — У тебя ж нет семьи, хули ты мне тут заливаешь?

— Ну, сегодня нет — завтра есть, — развел руками Хэннэм. — Что, долго что ли семьей обзавестись? Короче, нет, я сказал, и точка!

— Ну ёб твою мать, Чарли! Ну что за шляпа? — хлопнул себя по лбу Харди. — Хули ты такой петушара?

Не успел Кент ничего ответить, как перед парнями остановился красный кабриолет марки Кадиллак Эльдорадо 1959 года выпуска.

— Ну что, девочки, прокатимся с ветерком? — улыбнулся с водительского места Майкл Мэдсен. — Отметим ваше повышение?

Том и Чарли переглянулись.

— Кто угощает? — прищурился Хэннэм.

— Прыгайте уже, угощу вас по полной программе — как самых элитных шлюшек, — жестом ладони пригласил Майкл сесть внутрь.

Парни пожали плечами, да и уселись в кабриолет.

Через два часа в одном из баров Сиэтла. Компания из двух новоиспеченных детективов и сержанта Мэдсена, расположившаяся за столиком, сплошь уставленным пустыми пивными стаканами, успела уже нахуяриться до неузнаваемости.

— В общем, дело было лет пять назад. Я тогда отдыхал на Бали, взял отпуск и уехал куда подальше, чтобы никто меня не доставал, — еле ворочал языком Майкл. — Но и тут эти ментовские шавки меня нашли. Звонят, так мол и так, задержали мужика одного, надо допросить, подозревается в серийных убийствах и бла-бла-бла. Но я им сказал: «Идите-ка вы нахуй, уебки, у меня отпуск». Но они не намеревались отъебаться от меня и предложили мне ебейший гонорар. Но я был неумолим и не собирался возвращаться ради ебливого допроса. Тогда они пошли на крайние меры и сказали, что привезут подозреваемого сами ко мне на Бали. Ну хуй с вами, везите! Привезли, значит… Долго я допрашивал этого хуеплета, но, сука, крепкий орешек попался. Тогда я сделал следующее. Дождался, когда на океане будет отлив, забетонировал ноги этого мудозвона и бросил его на пляже, вкопав в песок по пояс. Пришел я ночью, когда начался прилив. Этого пидораса уже по плечи скрыло, и вода все прибывала и прибывала. Я сел на здоровенном таком камне, выступавшем из воды прямо рядом с ним. Сидел, курил и молча ждал, когда он заговорит. Когда вода дошла до его рта, он заговорил. Выложил мне все, даже слил всех соучастников… Так-то вот… Законно? Нет! Действенно? Да! Поэтому никто не мешает мне использовать такие методы.

— Ебать ты… Красава! — лайкнул историю Харди, пытаясь состроить свой фирменный еблет. — Ну и что в итоге, он раскололся, ты его достал и его увезли обратно в Штаты?

— Не… Потоп он к хуям… — отмахнулся Мэдсен, хлопнув рюмку текилы. — Не успел я его достать… Что мне, самому что ли жизнью рисковать ради какого-то ебаната? Это уже не мои трудности. Я свое дело сделал — расколол. Дальше меня не ебет.

— Ну я понял… Понял… — пьяно ухмыльнулся Том. — Это можно считать еще одним уроком вне учебной программы?

Сержант Майкл лишь коротко кивнул, надув нижнюю губу.

— Я запомнил, сука-бля, — закивал головой и детектив Харди. — Эх, сука,

Хэнкс… Так и не согласился нам сержантов присвоить… — резко сменил он тему, решив немного поныть. — Ну, а ты… Я думал ты его дожмешь…

— Ёб твою мать! — резко взбодрился Мэдсен, хлопнув себя по ментовскому жетону на шляпе. — Я ж вас зачем сюда повез? Ебать вас в рот!

Том расфокусировано уставился на Майкла, приподняв шрамированную бровь.

— Короче, нахуй Хэнкса! — приобнял его за плечи сержант Мэдсен. — Эта шмара хуй одного шага отступит от своего протокола. «Так не положено, бла-бла-бла», — пискляво изобразил он капитана. — А вот если ему придет приказ сверху — ему деваться будет некуда. Конечно, он может немного побесится, что в обход его пошли, но не похуй ли нам на это?

— Конечно, похуй, сука-бля! — стукнул кулаком по столу Том. — Только ты о чем базаришь? Что-то не улавливаю…

— Как ты знаешь наверняка — у меня есть связи, хорошие связи, — зашептал Майкл, склонившись к парню.

— Ну ясен хуй! С главным шерифом штатов? — заговорчески забормотал детектив Харди.

— С ним, ебать его в рот, — кивнул Майкл. — В общем, если ты, маленькая Хулиганка, захочешь, то я могу попросить его за тебя. Он напишет что-то вроде рекомендательного письма твоему капитану, и все — сержант у тебя в кармане.

— Ебать! С чего такая честь? — охуел хлеще некуда Том.

— Ну, а почему бы и нет? Ты — мой лучший ученик, мне таких еще не попадалось за мою практику, — развел руки в стороны Мэдсен. — Так почему бы не воспользоваться служебным положением? Считаю, что таким как ты — не место жопу просиживать в детективах.

— Сука-бля, Пастушок, в натуре сделаешь это для меня? — накинул руку своему наставнику на плечо Харди.

— Да как два пальца обоссать, — усмехнулся Майкл и жахнул еще текилы. — Но не обессудь — только сержанта могу тебе пробить. Как видишь, я и сам до сих пор сержант. Дальше там уже связи покруче идут. Да оно и нахуй не надо — звание выше. Сержант — самое то. Уже не лох какой-то, но еще и не звездишься чином.

— Да мне больше и нахуй не надо! — потрепал Мэдсена по плечу Том.

— Я, конечно, и за кореша твоего могу попросить, — махнул Майкл головой в сторону Кента, надравшегося на халяву в хуй и спящего за столом. — Но, кажется, ему это не сдалось ни разу…

— Что есть, то есть… — состроил Харди свой фирменный еблет с нотками разочарования.

— Ну, значит, прямо сейчас и позвоню за тебя, — встал из-за стола Мэдсен. — Но сначала поссу!

Том одобрительно потряс кулаком в воздухе и присосался к бокалу пиву, осушив его до дна.

— Батлер, сука-бля… Открой… — стонал, хрипя Харди, настойчиво барабаня в дверь еврочетырешки. — Сука-бля… Да где ключи… — забормотал он, опершись лбом о дверь и в очередной раз шаря по карманам мусорской формы.

— Да иду я, иду! — заворчал изнутри Леонид. — Ночь-полночь на дворе, где ты шляисси?

— В пизде… — прорычал Том, пытаясь справиться с приступом подступающей тошноты. В этот момент Батлер открыл дверь, и бухой до невменяемости Харди ввалился внутрь.

— Батюшки, Томми! — ахнул Леонид, хлопнув себя по бородатым щекам. — Да ты ж лыка не вяжешь! Где ты так накирялся?

— Можешь поздравить меня… — кряхтел Том, пытаясь стянуть с себя

ботинок. — Я теперь детектив… Но это хуйня… Я сразу же еще и сержант! Во как! Сержант, сука-бля! Можешь меня теперь так и называть… — пробуробил он и рухнул на пол, уснув крепким сном бухого сержанта полиции.

— Вот те раз! Сержант! — беззвучно хохотнул Батлер, уперев руки в бока. — Проспись, сержант! Завтра погутарим!

Ответом ему была лишь пьяная тишина да храп. Леонид дотащил друга до дивана в гостиной, укрыл красным плюшевым пледом, поставил на столик стакан воды и положил рядом пару таблеток аспирина, после чего удалился в свою комнату.

Глава 54: Сожитель

Конец апреля 2002 года.

— Ну что, сержант, — ехидно, но в меру лениво, пихнул напарника в бок Кент. — Кинул тебя Мэдсон? Сколько времени прошло, а тебя так и хуй повысили.

— Не думаю, что вся эта, сука-бля, процедура происходит так быстро, — подкатил глаза Том, хотя уже и сам был практически уверен в том, что сержант Майкл позабыл о нем и никакое письмо-рекомендацию и не отправил главному мусору Америки.

Детективы дошли до кабинета капитана Хэнкса, который срочным образом вызвал их к себе, и вошли внутрь.

— А вот и вы! — обрадовался Том Хэнкс при виде подчиненных. — Так, у меня для вас есть очень важное задание!

— Да? И какое? — приподнял шрамированную бровь Том, приметив на полу лежащего Колина, который с характерным звуком катал машинки. — С ним что ли погулять опять? Я, сука-бля, пас! Не буду заниматься этой ебалой, после того раза, как он убежал от меня, увидев фургон с обдроченным мороженным, и чуть не попал под машину!

— Ну, вообще-то, у меня два задания — по одному на каждого. Один отправится со мной на место преступления, а второй останется здесь и…

— Я останусь, — тяжело выдохнул Кент, плюхнувшись на кожаный диван.

— И присмотрит за Колином, — продолжил речь капитан Хэнкс.

— Баляяяять… — недовольно протянул детектив Хэннем, доставая из форменных штанов пакетик с арахисом.

— Чарли, не корми этим моего сына! — раздраженно выдернул из его рук пакетик снэков Том Хэнкс. — У него от этого дерьма жуткие колики!

— Лааадно, — прошипел Кент, смерив Колина ненавистным взглядом белками своих подкатанных глаз.

— Ну, а мы с тобой поехали, — приобнял детектива Тома за плечи капитан Том, поправив на голове праздную мусорскую фуражку. — По дороге введу тебя в курс дела…

Спустя час ребята оказались в одной из подворотен Сиэтла, в луже помоев которой лежал труп то ли наркомана, то ли бомжа, то ли вообще незнамо кого. А было это непонятно из-за того, что половину подворотни, да и само тело, покрывал миллион красных ниток, растягивающихся по периметру места преступления там и тут.

— Что за ебала такая? — подкурил Харди, указывая взглядом на непонятные нитки.

— Что ты! Это же новая технология от одного судмедэксперта из Майами! — поспешил повыебываться капитан Хэнкс. — С помощью этих ниток он определяет, как и чем был убит пострадавший!

— И какой, сука-бля, в этом толк? — усмехнулся Харди. — Это можно вычислить и без вот этой вот хуйни!

— А вот и нет, — послышался из темного угла подворотни чей-то голос, и на свет вышел никто иной, как Декстер Морган… Чтооо?! Ты-то здесь какими судьбами, друг?!

В подворотне повисла что ни на есть неловкая пауза. Том и Декстер недоуменно смотрели друг на друга не понимая, почему каждый из них работал на мафиозную группировку в Чикаго, а на деле же оказался служащим в правоохранительных органах.

— А вот и мистер Морган! Тот самый судмедэксперт из Майами. Приехал к

нам поработать на вахту, пока в наш отдел не найдется новый судмедэксперт. Ведь с нашим случилась беда. Он взял бессрочный отпуск, позволив себе умереть от лап зеленого змия, — нес бредни капитан Хэнкс, но в это время у него зазвонил мобильный и он поспешил взять трубку. — Да!.. Что?!.. Чем он подавился?.. Подними ему руки вверх! Сейчас буду! — сбросил он звонок. — Так, мне срочно нужно вернуться в участок! Колин подавился машинкой! Давайте тут дальше сами парни! — выпалил он и поспешил к мусорской машине.

— А ты типа мент? — подошел к Тому Декстер и щелкнул его по именной бляшке на груди. — А что ж тогда делал в Чикаго? Крыса что ли? Подсадной?

— А ты? — ответил вопросом на вопрос Харди.

— Да, — усмехнулся Морган, расставив руки в стороны. — Влился в банду ДеНиро, чтоб помочь своим ребятам его хлопнуть. Но из-за одного лысого меня выпиздили, и план был провален.

— С хуя ли я сорвал твой план, укладка? — дерзанул Том, щелкнув Моргана по пышной кипе волос.

— А зачем ты со мной в таком тоне разговариваешь? — состроил гримасу обиды Морган. — Забыл, что когда ты втащил Роберту и спиздил у него деньги, мне приказали догнать тебя, но я отказался. И зачем ты так грубишь со своими друзьями, а, Том? Я прикрыл тебя, и из-за тебя, можно сказать, один мудак по фамилии ДеНиро до сих пор гуляет на свободе. Ведь я ж мог его хлопнуть, так? Но я спас тебя, так?

Да что ж ты мелешь, Декстер?! Может расскажешь, что на самом деле ты по наводке своего папаши хотел убить Роберта?! К чему этот спектакль про мусоров? Какой полисмен в здравом уме послал бы на это дело обычного судмедэксперта?! Пиздобол — вот ты кто!

— На что ты, сука-бля, намекаешь? — хлеще некуда нахмурился Том.

— А ты кстати тут где живешь в Сиэтле? — беззаботно продолжил парень-фальш. — Знаешь, мне тут выделили номер в трехзвездочном отеле для полицейских-вахтовиков, и я хочу тебе сказать — условия там жуть! Я уже и не знал куда мне начать тыкаться! А тут встречаю тебя. Парня, которого в свое время выручил! Думаешь, совпадение?

— Ты что, петушара, решил вписаться у меня? — не улавливал суть разговора Харди. — С хуя ли? Мы с тобой никогда и не корешились…

— Ну я, как бы, помог тебе в свое время, как бы, помоги и ты мне, — продолжил ссать в уши Тому парень-наебалово. — Знаешь, сколько дерьма на меня навалилось в последнее время? Еще совсем недавно умер мой отец Гарри. Кстати, после того, как я вернулся из Чикаго в Майами, я узнал, что у отца последняя стадия рака. Несколько месяцев я пытался продлить его жизнь! Убирал за ним дерьмо, кормил с ложечки, проводил курсы домашней химиотерапии… Но это не помогло, и отец скончался. Я был в такой жуткой депрессии… Запил, начались проблемы на работе, в семье… Я был на грани увольнения! На грани развода! И тут мне подвернулся шанс — мне предложили вариант отправиться на вахту в Сиэтл. Я решил, что это мой шанс на перезагрузку и отправился сюда. Но меня поселили в этот отель, где половина постояльцев напоминает мне моего умершего отца… Ведь Гарри и сам был полицейским… О, Том, кажется я опять сорвусь и запью! — нес он речи конченого человека.

— Ебануться, — охуел от услышанного Том, проникшись тяжелой ситуацией Моргана. — Ты это, сука-бля, держись… Крепись… Соболезную твоей утрате… Пусть земля будет пухом отцу твоему… Декстер… — похлопал он по плечу парня-печаль. — Хочешь, можешь перекантоваться у меня на время вахты? У меня на квартире как раз есть свободная комната. С арендой разберемся. Поедешь?

— Ну если не потесню… — смущенно поводил по асфальту мокасином

Декстер.

— Да все нормально, сука-бля. Все же ты прав, грубо я с тобой — ты мне помог в сложной ситуации, а значит, и я должен тебе отплатить той же, сука-бля, монетой. Ну что, закончим тут, заедем за твоими вещами и ко мне?

На том и порешали.

Вечером того же дня.

Том, Декстер и любимые чемоданы второго стояли на лестничной клетке перед дверью квартиры, которую арендовал Харди. На весь подъезд же раздавались приглушенные басы. Хммм… Кажется, кто-то из жильцов очень и очень громко слушает музыку. Но это не точно. Нужно разобраться.

— Да где, сука-бля, ключи? — хлопал по карманам растеряшка-Том.

— А что тут всегда так громко? — недовольно обвел пространство Морган. — Я люблю тишину. Ты же мент, если что можешь же заткнуть соседей своих? — взглянул он на Тома своими наглыми сожительскими глазами.

— А, вот они, — проигнорировал его Том, извлек из кармана связку ключей, вставил один в замок и открыл дверь. Музыка стала громче, ведь раздавалась она именно из халупы Харди.

Зайдя внутрь Декстер не то что охуел — пизданулся! Первым делом его наглые внимательные глаза приметили телевизор, с экрана которого выплясывала свои дерзкие танцы Дженифер Лопез. Дальше — больше. По центру гостиной, напротив телевизора, синхронно самой Джей Ло, танцевал брутальный бородач, напялив на свой торс сетчатый топик да водрузив на голову кепку-гаврош.

— Пусть вас не вводит в заблуждение мое богатство. Я все та же Дженни с района! — подпевал он так громко, что, вероятнее всего, именно басы его голоса и слышались в подъезде. — Раньше я была бедной, а теперь разбогатела. Но я всегда буду помнить свое прошлое! — плавно присел он на корточки, взявшись за козырек кепочки.

— Сука-бля, Леонид! — взорвался Том. — Зачем ты слушаешь эту ебалу?! Зачем ты опять напялил на себя эти тряпки?! — схватил он с дивана пульт и выключил телевизор.

— Весело же, — пизданул Батлер и залился беззвучным смехом.

— Я не понял, а почему ты не сказал, что живешь не один?! — до безобразия недовольно скрестил руки на груди Декстер. — Да и к тому же с педиком!

— Охуел, сука-бля?! — изумился Харди. — С хуя ли Леонид педик? Это мой лучший друг и натурал, каких еще поищи!

Том представил Леониду Декстера и вкратце поведал ему печальную историю Моргана и что он теперь временно разделит с ними не только квартиру, но и арендную плату за нее. Наивный глупец! Думаешь, что Декстер Морган — самый конченый из конченых, самый жадный из жадных — подкинет тебе хоть цент на аренду? Да он скорее будет спать в обоссаной подворотне рядом с тем трупом, чем даст кому-то свою любимую денежку!

— Ну, за знакомство, грех и на грудь не принять! Я как раз печеньки сварганил! Пойду на стол накрою! — хлопнул в ладоши Батлер и поспешил к кухонному гарнитуру.

— Какого черта он так орет? — засунул палец в ухо Морган по самый «небалуй», пробивая ушную пробку, образовавшуюся от ора Леонида.

Том же плюхнулся на диван и поманил парня-новосела к себе ладонью, приглашая сесть рядом.

— Ты это, сука-бля, выпечку его не ешь, — зашептал он Декстеру, когда тот уселся на диван. — Он, как бы, пекарем заделался. Но получается у него одна лишь невкусная дрочь…

— А что ты ему не скажешь об этом? — прищурил свои наглые

подозрительные глаза Декстер.

— Сука-бля, ну он мой лучший друг! Зачем мне его расстраивать? Ему нравиться заниматься этой ебалой — пускай занимается дальше. Ты смотри ему не говори только, что невкусно что-то, иначе я тебе всеку, понял? Не рушь человеку его, сука-бля, мечты. Усек? — ерзал на диване Том.

— Усек, — цокнул Морган.

— Да что ж так неудобно-то? На чем я сижу? — возмутился Том, подсунув под себя руку. — Что это, сука-бля, такое? — поднял он двумя пальцами фаллоиметатор, на котором, собственно говоря, и сидел уже около минуты. — Ну вот, опять! Откуда они берутся в нашей квартире?! Непонятно! — отшвырнул он резиновый хуй в сторону.

Леонид, суетившийся вокруг стола, лишь беззвучно рассмеялся над выходкой друга. Морган же и вовсе скривился в гримасе сожранного дерьма и даже и думать не стал, кому может принадлежать этот шаловливый прибор, ведь до мозга костей был асексуальным человеком.

Спустя пару минут Батлер пригласил всех за стол.

— Вот, очень рекомендую — расстегай с сайрой по моему фирменному рецепту, — орал Леонид, поставив тарелку перед Декстером, а сам вернулся к кухонному шкафчику за бутылкой виски.

— Только не ешь, — прошипел Том парню-сдобе и незаметно вышвырнул содержимое своей тарелки за спину.

— Ну, что не пробуешь-то? — уселся за стол Батлер, громко поставив бутылку. — Чай не голоден?

— Хм… А почему ты себе не положил? — прищурил свои наглые голодные глаза Декстер.

— Ой, да что-то я в последнее время такой самоварный стал! В дверь не прохожу! Вот на диетку сел! — пояснил за сытость Леонид, разливая виски по стаканам.

Декстер же, будучи любителем халявы, не мог упустить возможности поесть бесплатного пирожка. Он взял расстегай Батлера и начал медленно подносить к широко раскрытому рту.

— Сука-бляяя… Долбоеб… — укоризненно хлопнул себя по лбу Харди.

И вот, сдоба уже находиться в наглом пиздливом рте Моргана, и парень-проглот начинает закрывать его, будто в режиме слоу-мо.

— Ай! Что за хуйня?! — взорвался он, когда зубы ударились о не на шутку каменный расстегай, а кусочек клыка и вовсе раскрошился в пыль, продемонстрировав присутствующим дешевый штифт, торчащий из десны.

— Ба! — схватился за сердце Леонид. — Да тебе чай не ужористо?

— Я предупреждал… — прорычал уголком рта Харди, ударив кулаком по ладони. — Всеку, сука-бля…

— Очень вкусно! Очень! — сбрехал Декстер, побоявшись быть изгнанным из халявной квартиры.

— То-то же! — состроил свой фирменный еблет Том, указав на Моргана указательными пальцами.

Вот так вот и поселился в еврочетырешке Декстер Морган — судмедэксперт по профессии, с виду приличный человек, но конченый петушара в душе. Проживая с парнями уже больше месяца, парень-халява не только не помогал платить аренду, а также коммунальные услуги, но и краюшку хлеба в дом не принес! Декстер вечно был чем-то недоволен. То кровать ему неудобная, то унитаз слишком холодный, то его любимый паркет до боли грязный, что с него аж есть нельзя. Пару раз в неделю он не забывал закатывать грандиозную истерику, когда кто-то без спроса брал его именную кружку или вилку, унаследованную от отца. Том уже был на грани срыва и все хотел выгнать этого наглого человека из своей хибары, но сразу же вспоминал историю Моргана о

раковом отце, проникался состраданием и раз за разом давал Декстеру еще один шанс. Так и жили.

Глава 55: Экзамен

Никто и глазом моргнуть не успел, как в Сиэтл незаметно ворвался июнь.

— Сука-бля! Сука-бля! — заверещал Том, ворвавшись в еврочетырешку словно глупый июнь и размахивая из стороны в сторону какой-то до одури мятой бумажкой, которую, очевидно, нес скомканную в кармане мусорских брюк.
— Пришло, пришло, родимое! — поцеловал он пухлыми губешками бумажку.

— Что это? — одним глазом недоверчиво посмотрел на него Декстер, вторым же продолжил просмотр какого-то даунского сериала.

— Мать частная, Томми! Да ты чай повышения дождалсси! — весело заверещал Леонид, хлопнув себя по ляжкам руками, по самые локти перепачканными то ли в муке, то ли в кокаине.

— Да, сука-бля! Да! Я — власть! — продолжал охуевать от счастья почти сержант Том.

— Пффф… — дрыгнул губами Морган и отвернулся к телевизору, не желая делить с Харди его успеха, а наоборот — позавидовав черной завистью.

— Да за это грех не тяпнуть! — достал Батлер из-за плаща бутылочку ликера.

— Опачки! — хлопнул в ладоши Декстер, все же решив показаться милым, дабы вписаться на пьянку, не заплатив при этом ни цента. — Охуенно, Том! Поздравляю тебя!

— А тебе, Томми, сейчас сварганю Пина Колады! — достал из холодильника пару кокосов Леонид.

— Не, сука-бля, успокойтесь. Бухать не будем. Экзамен уже через пару дней. А там ебать его в рот сколько законов нужно мне повторить! Так что я пошел готовиться к тесту. Вот сдам, сука-бля, тогда и обмоем мои нашивочки сержанта! — весело сказал Харди и пошел в свою комнату, дабы окунутся в перипетии мусорской конституции США, а если останется немного времени перед сном, то можно и для расслабления Левушку Толстого почитать.

— Ну, а мы-то? Накатим? — уже прокрался к Батлеру Морган, хитро потирая ладошки.

— Ну только тихонько! Чтоб Томми не мешать учитьсси! — строго помотал пальцем Леонид, поставив на стол пару бокалов.

— Что у тебя с руками? Цыпки? — недоверчиво посмотрел на ладони бородача Декстер, которые сплошь были покрыты какими-то подозрительными шалушками.

— Да что ты! Каки-таки цыпки! Обветриллси! — беззаботно крикнул Леонид, соорудив своим голосом на голове Моргана прическу в стиле пин-ап.

Спустя пару дней Том прибыл в Портленд, ведь именно там и проводился экзамен по повышению должности в полицейской сфере деятельности. А принимал экзамены никто иной, как доблестный лейтенант Джонни Депп. Именно этот человек и решал — заслуживает ли повышения тот или иной его коллега, или нужно подготовиться еще немного.

Харди корпел над тестом уже битый час. Ох, ка как же он боялся опростоволоситься и не получить повышения!

— Да что ж за вопросы такие ебливые… — шепнул он под нос, щелкая авто-ручкой и не поднимая взгляда от бланка.

— Ох, как же душно тут! — простонал какой-то кудрявый мент, сидевший за первой партой экзаменационного класса.

— Тише! Никаких разговоров! — сделал ему замечание лейтенант Депп, не отрывая взгляда от маленького телевизора, стоящего на его столе, по которому

смотрел мыльную оперу о пиратских буднях и страстях.

— Извините, лейтенант! — поднял руку еще один экзаменуемый. — А вот тут мне вопрос непонятен, можно подойти?

— Давай, — кивнул Джонни, открывая крышечку чекушки коньяка и подливая ее содержимое в свой кофе.

— Вот этот вот вопрос, — подошел к нему коп комичного телосложения по имени Джим Керри, кинул на стол бланк и ткнул в него пальцем.

— Хм… — прищурился лейтенант Джонни, вчитываясь в вопрос. — Ерунда какая-то… Замулюй его, — дал он дельный совет, вытряхнул последние капли из чекушки в кружку и раздосадованным подведенным глазом взглянул на дно через горлышко.

— Закончилось выпить, лейтенант? — покривил лицом Керри. — Может сбегать вам за добавкой? А тест я тогда завтра приду допишу, что-то сегодня не готов…

— Ну нет, так не по уставу! — отрицательно помотал татуированными ладони Джонни перед комедийным носом Джима. — Тесты должны быть сданы сегодня!

— Ну давайте я пока сбегаю вам принесу коньячку, попутно забегу к себе в отель, прочитаю что нужно и вернусь! Тест и будет сдан сегодня! — положил он руку на грудь. — Ну, честно! Запара такая с вопросами! А так хочется получить звание детектива!

— Ладно, беги, — усмехнулся лейтенант. — Но только никому не говори об этом. Понятно? Сам был таким же, как и ты! Только мне пятизвездочный! — крикнул он уже убегающему Керри. — Так, а вы пишите, давайте, время идет! — постучал он по наручным часам, взглянув на остальных мусоров-экзаменуемых.

Харди приподнял шрамированную бровь, наблюдая за происходящим, а затем вновь уткнулся в бланк. Все, что он знал до этого и прочитал за последние пару дней о мусорских законах и правилах, перемешалось в голове и превратилось в кашу консистенции дерьма. Хоть многие вопросы и были настолько просты, что даже Колин Хэнкс смог дать бы на них ответы, но Тому везде виделись подстава и развод.

«Послушай, Том, ну не могут быть такие легкие задания в экзамене на звание сержанта! Это точно какой-то подъеб — не иначе! Ты посмотри какой ебейший вопрос был до этого…» — думал он, бьясь в агонии тупости.

— Так, твое время вышло, — через четверть часа выключил телевизор лейтенант Джонни, доплетая на запястье фенечку из кожаных шнурков.

— Мое? — ткнул себя в грудь кудрявый с первой парты.

— Твое, твое, — кивнул Депп. — Как там тебя? Харрингтон? — заглянул он в список, лежащий на столе перед ним и сплошь перепачканный кофейно-коньячными кругами от кружки.

— Угу… — буркнул парень и стал со скоростью света наугад ставить галочки в своем тесте.

— Так-с, ну посмотрим, что у нас тут… — взял он листок кудрявого. — Ты у нас патрульный и хочешь получить детектива? Так, Кит?

Тот молча закивал, опустив уголки губ вниз.

— Ага… Угу… — бегал глазами по бланку Джонни, то отдаляя, то приближая лист к лицу. — Ни черта не вижу… Где же они? — начал он шарить ладонью по столу, пытаясь нащупать свои очки-вайфареры в черепаховой оправе.

— Да там все правильно, — непринужденно махнул рукой Кит, пытаясь скрыть волнение и неуверенность в голосе.

— Точно правильно? — поднял на него взгляд Депп, прищурившись, дабы разглядеть честное кудрявое лицо патрульного.

— Ну… Да? — сомневающимся голосом протянул Харрингтон, сложив руки за

спиной.

— Ладно… Допустим, — скрестил руки на груди лейтенант и откинулся на спинку стула. — Но неужели ты думаешь, что я так просто отпущу тебя, поверив на слово, что ты все правильно написал?

— Ээээм… Нет? — предположил Кит, нервно жуя свою кудрю, выбившуюся из-под ободка.

— Конечно нет! Так что я хочу, чтобы ты сейчас мне наизусть рассказал… — строго заговорил Джонни.

— Правило Миранды? — обреченно простонал патрульный и плюхнулся на стул.

— Именно! — указал на него татуированным указательным пальцем Депп.

— Ну, значит так… — вздохнул Кит, подняв глаза к потолку. — Вы имеете право… Ээээм… Право…

— Хранить молчание, — подсказал ему Джонни, сложив руки замком.

— Ага… Право хранить молчание… Все что будет… Не… Все что сказано… — буробил Харрингтон незнамо что.

— Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде, — подкатив подведенные глаза, пришел на помощь Джонни. — Так, вижу, что учил, но, видимо, не доучил…

— Я доучу! Прямо вот сегодня и доучу! А завтра приду и расскажу! — затараторил Кит.

— Точно хорошо выучишь? — бросил на него недоверчивый взгляд лейтенант и потянулся за журналом, где проставлял отметки о сдаче экзамена. — Прям, чтобы от зубов отлетало?

— Конечно! Конечно, точно! — возликовал Кит, поняв, что наконец получит звание детектива. Надо сказать, что он приходил к Джонни уже трижды. Сколько бы он не готовился к тесту и не учил это блядское правило Миранды — у него ничего не получалось! Запоминалось все не то!

— Но только чтобы точно-точно! — погрозил пальцем Харрингтону Депп и нарисовал в журнале Веселого Роджера — в знак сдачи экзамена. — Давай свое направление!

Радостный патрульный протянул лейтенанту бумажку, и тот поставил отметку и там, указав, что мистер Харрингтон и его кудри готовы вступить в звание детектива. Кит схватил свою бумагу, расцеловал ее, затем Деппа, затем и Тома, который с интересом уставился на происходящее, совсем позабыв про свой обдроченный бланк с тестом. Выпустив Харди из объятий, Харрингтон вприпрыжку поскакал прочь из кабинета.

— Только чтоб завтра точно пришел и все рассказал! — крикнул ему в след Джонни, но Кит его уже не то что не слышал — не слушал. Забегая вперед, стоит отметить, что ни завтра, ни послезавтра, ни даже через год детектив Харрингтон не только не пришел к Джонни, как пообещал, но даже не соизволил выучить проклятое правило Миранды.

Том проводил развеселого Кита взглядом и перевел его на лейтенанта.

— А что так можно было, сука-бля? — охуевше хлопал глазами Харди.

— Так, ну, а ты там что сидишь смотришь на меня? Тоже готов сдавать? — спросил Депп, почувствовав на себе ебливый взгляд Тома.

— Нууу… Почему бы, собственно говоря, и нет? — состроил фирменный еблет Харди и положил на стол лейтенанта бланк. — У меня тоже, кстати, все, сука-бля, правильно!

— Ну, это мы сейчас проверим, — притянул Джонни листок Тома к себе, взял свои пропащие очки с телевизора, водрузил их на нос и стал читать ответы.

— А с хуя ли у кудрявого не проверяли, а у меня проверяете? — возмутился Харди.

— Во-первых, он сдавал на детектива, а ты уже — на сержанта, а это куда

серьезнее, а значит и проверка должна быть более тщательная, — начал свои пояснения Джонни, доставая из ящика стола черный лак для ногтей. — Во-вторых, ныне уже детектива Харрингтона я вижу уже не в первый раз — он трижды приходил сдавать экзамен ко мне. Так что к нему у меня уже какое-никакое доверие есть. Тебя же я вижу впервые, а значит откуда мне взять гарантии, что ты меня не дуришь? — рассуждал он, крася один за одним ногти на татуированных руках.

— Да я тебе бля буду, сука-бля! Не пизжу я! — приложил ладонь к груди Том.

— Да я тебе охотно верю! — повторил его жест Джонни, осторожно растопырив пальца, дабы не смазать лак. — Но проверить все-таки обязан!

— Ладно, сука-бля! — покривил лицом Харди. — Но дай-ка сначала тогда я еще разок проверю, а то вдруг я там где случайно ошибся, а ты потом мне начнешь предъявлять, мол, я пиздабол, хотел наебать тебя и всякая такая шляпа…

Депп пожал плечами и отдал бланк обратно Тому. Тот уселся на место и вновь стал читать вопросы, чтобы ответить хоть на что-нибудь. Но все знания улетучились из его лысой головы, а вместо этого в мыслях крутилась какая-то дурацкая песня.

«Крошка, если ты дашь это мне — я отдам это тебе, я знаю, что ты хочешь, ты знаешь, что это у меня есть» — звучал у него в голове до безобразия нигерский голос Баста Раймса, исполнявшего свой хит «I Know What You Want». Сам же Харди безучастно уставился в листок, не помня нихуя.

Тогда он решил написать СМС-ку Батлеру и накидать ему несколько вопросов из теста, чтобы тот нашел для него ответы среди его учебных материалов.

— Так, что это ты там делаешь? — приподнялся со стула Джонни, и начал двигать головой из стороны в сторону, словно глупая татуированная сова, пытаясь разглядеть — что же там в руках у Тома. — Списываешь?

— Не… Я это… Мамке сообщение написал, — пизданул Харди первое, что взбрело в голову. — Она у меня просто это, сука-бля… Болеет! Рак у нее!

— Точно маме пишешь? — сузил глаза лейтенант Депп. — Прям правда рак у нее? Не обманываешь?

— Ясен хуй не обманываю! — оскорбленно замотал головой парень. — Разве можно — врать про такое? — возмутился он, хотя сам был бы не прочь, чтобы его дражайшая маменька издохла от онкологии. Будь осторожнее в своих желаниях, Том! А то накликаешь, чего доброго, беду на кого-нибудь!

— Ну нет, конечно! Только конченая мразь станет так делать, — закивал головой Джонни. — Раз мама, то ответь ей обязательно! Кто знает, сколько ей еще осталось! Пусть знает, что ее сын всегда рядом.

— Угу, — буркнул под нос Том и вновь уткнулся в телефон, строча Батлеру свои бестолковые вопросы.

Через двадцать минут Харди вновь сдал бланк Деппу. Тот стал проверять ответы, одним глазом при этом поглядывая в телевизор, ведь там транслировался заключительный эпизод сезона пиратского сериала, и Джонни ну никак не мог пропустить развязку.

— Мама написала, что ей стало хуже… — трагично изрек Том, когда лейтенант дошел до вопросов, на которые ответов так и не было найдено. — Врачи говорят, что счет идет уже на дни, а может даже и часы… Но мамуля спрашивает лишь одно — увидит ли она сержантские погоны на плечах ее единственного сына…

— Ох! — схватился за сердце Депп, сочувственно уставившись на экзаменуемого. — Ну… Передай маме, что обязательно увидит!

— Да, сука-бля! — шепотом возрадовался Том, сжав кулак под столом.

— Вот только сейчас сдашь тест на физическую подготовку, и все — считай

сержант! Можешь маме так и написать! — отложил в сторону бланк Тома Джонни и поставил отметку в журнале о сдаче теста. — Ну что, готов пройти полосу препятствий?

— Ох, лейтенант… Я так ждал это испытание! — горестно поднял глаза к потолку Харди. — Так готовился! Хотел показать лучшее время! Вчера на тренировке мне удалось показать ошеломительный результат! Я преодолел полосу препятствий за тридцать семь с половиной секунд! Ты только, сука-бля, представь, лейтенант! Тридцать семь секунд! И время было бы еще лучше, если на финише я бы не подвернул ногу и не схлопотал ебейшее растяжение! — артистично рассказывал Том, бреша направо и налево.

— Да что ж такое! — воскликнул Депп. — Это уж не полоса препятствий, а сплошная полоса неудач у тебя какая-то!

— Что есть, то есть… — состроил Харди фирменный еблет в стиле безысходной грусти.

— Ладно… — поджал губы Джонни. — Поставлю я тебе зачет и время твое отмечу…

Том готов был расплыться в улыбку конченного ебаната.

— Но только все это точно? Точно ты ногу потянул? — в очередной раз прищурился лейтенант.

— Конечно точно! — демонстративно задрал Харди здоровую ногу прямо на стол. — Что тебе, справку что ли показать, сука-бля?

— Не-не, я верю… Вижу… — выставил ладони вперед Джонни, махнув головой на ногу Тома. — Так, а точно у тебя такое время вчера было, как ты сказал? Это рекорд, между прочим!

— Да бля буду — точно! Сам охуел! Хотя долго и упорно тренировался и уверенно шел к этому результату, — положа руку на левую сторону груди, говорил Харди. — Так хотелось продемонстрировать свою подготовку… Эх… Ну, что ж поделать… Могу правило Миранды тебе зачитать. Вы имеете право хранить молчание, все что вы скажете может и будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать на допросе…

Джонни Депп, пират-хиппи снаружи, но доверчивый ебанат в душе, поджал губы и испытывающе уставился на Тома, который с гримасой боли на лице опустил ногу под стол, продолжая зачитывать правило Миранды.

— Ладно! Достаточно! — воскликнул лейтенант, не найдя повода не поверить этому юному детективу. — Давай свое направление! Все, теперь ты сержант! Поздравляю! — сказал он, рисуя подпись в бумажке, которую незамедлительно сунул ему Том.

— Ну ебать, спасибо, лейтенант! — протянул Харди ему ладонь для рукопожатия.

— Удачи в службе! Будь достоин нового звания! — пожал ему руку Джонни. — Так-с, а где у нас Керри? Коньяку обещал принести… — стал оглядываться он по сторонам в поисках без вести пропавшего Джима.

Сержант же Харди, не собирался более слушать бредни лейтенанта в драных форменных джинсах, поэтому поспешил удалиться.

— Маме написать не забудь, что сдал экзамен! — крикнул ему вслед Депп.

— Обязательно, сука-бля, обязательно! — язвительно усмехнулся Том.

Глава 56: Маньяк

— Ну что, еще по одной за новоиспеченного сержанта? — разлил по рюмкам текилу Леонид Батлер.

— Еще по одной — это дело хорошее, — кивнул Декстер, который уже скорее хотел нажраться на халяву и в хуй. — Но, если честно, то я бы предпочел выпить что-то еще. Например, портвейн.

— Ну так иди, сука-бля, и купи его себе, — усмехнулся Том.

— А может сходишь ты? — взглянул Морган на сержанта Харди своими наглыми поберушечьими глазами. — Все же тебя повысили, и ты обязан проставиться за свой счет!

— Слышь, я нихуя никому не обязан. Особенно тебе. Так что иди на хуй, Декстер! Ну в натуре — заебал! — рявкнул Том. — Хватит уже ныть и клянчить непонятно что! Если тебя что-то не устраивает, то тебя тут никто не держит…

— Ой, ладно, все! Я буду пить текилу! — решил свести назревающий конфликт на нет Морган, дабы не потерять шанса нажраться хоть каким-то халявным бухлом.

И так ребята отмечали повышение Тома, весело болтая. А если точнее — весло болтали лишь Харди и Батлер, Морган же, втрепав нехилую порцию дерьма, сидел и накидывался текилой вперемешку с пивом.

— А потом он у меня, сука-бля, спрашивает, мол, точно-точно мать твоя болеет раком? — весело бился в агонии пародии Том, травя в который раз байку о том, как экзамен у Деппа сдавал.

— Батюшки свят! — беззвучно хохотал Леонид, подкурив сигарету. — Кто ж его там держит? Такого работничка-то!

— Уже всю квартиру прокурили! — возмутился Декстер, отмахивая от себя ладонью сигаретный дым. — Неужели тяжело не курить?! Здесь же живут некурящие люди!

— Сука-бля, да как же ты меня заебал! — взорвался, словно глупый динамит, Том, подскочив с места. — Ноешь, ноешь, ноешь… Я повторяюсь — что-то не устраивает — уебывай нахуй отсюда! Никто тебя не держит!

— Ба! — изумился бухой парень-провокация. — Как мы запели! Между прочим, я спас тебя тогда в Чикаго…

— Ты, сука-бля, будешь всю жизнь эту обдроченную шарманку крутить? — перебил его Харди. — Все! Я долго терпел твое присутствие! Проникся к тебе жалостью из-за ситуации с отцом, но теперь чаша моего, сука-бля, терпения переполнена! Вместо того, чтобы отметить мое повышение — ты опять чем-то, сука-бля, недоволен! Все! Уебывай нахуй отсюда, петушара дрочевая, и никогда не возвращайся! Если хоть кусок твоего носа пересечет порог этой квартиры — я тебе уебу, шмара!

— Томми, успокойсии, — решил утихомирить друга Лонид. — Не заводись ты так…

— Так, а ты хули лезешь в наш разговор? — дерзанул на него Морган. — Вообще, плащ в рот засунь и иди пеки свои пироги драные!

Батлер аж растерялся от подобного поворота событий. Зато не растерялся сержант Том. Он резким движением подскочил к Моргану и въебал в его петушиный нос. Декстер же, будучи бухим и агрессивно настроенным человеком, вызывающе попульсировал веной и бросился в драку на сержанта. Парни сцепились в бухом комке и покатились по полу, борясь и нанося друг другу пьяные удары в стиле «на отъебись». Но все же Харди оказался не только моложе и выносливее, но и сильнее Декстера. Поэтому через пару минут заластал его, уткнув мордой в пол и заведя руки за спину.

— Все, сука-бля? Угомонился? — заорал он. Хм. А не ты ли, сержант Том и

начал драку? — А теперь вставай и уебывай из моей квартиры! — встал он с пола, пнув парня-неудачника берцем в бок.

— Отлично! Я уеду! — как ошпаренный, подскочил Декстер, разбрызгивая направо и налево свою любимую кровь из своего любимого носа. — Но помните — вы еще об этом пожалеете! — выставил он вперед указательный палец и ткнул поочередно сначала в Тома, потом в Леонида.

На последнем его уебищный палец задержался, а сам Декстер просверлил Батлера своим наглым безумным взглядом. Бедняк бородач аж поперхнулся пивом под таким необъяснимым напором.

Затем Морган рванул в свою комнату и молча стал собирать вещи. Спустя четверть часа он вышел с двумя чемоданами в руках и остановился на пороге.

— Ты стал сержантом, а вместе с этим еще и самой последней сукой! — холодно пизданул он, смерив Тома ненавистным взглядом.

Харди в ответ лишь состроил фирменный еблет, показав парню-прощанию «фак». Декстер еще раз бросил на Леонида прищуренный взгляд, изобразил жест слежки и удалился из еврочетырешки, громко хлопнув за собой дверью.

В квартире повисла неловкая пауза.

— Ну так вот, сука-бля. На чем я там остановился? А… И вот он мне говорит, типа, точно-точно мать раком больна? — беззаботно продолжил Харди свою историю, решив не портить вечер никакой ерундой.

В течение следующей недели Том не на шутку закружился, занимаясь в участке бумажной волокитой, созданной из-за повышения в звании. Помимо этих документных дел, Харди еще и требовалось выбрать для себя новый транспорт передвижения, а именно — мотоцикл, ведь передвигаться полицейскому в звании сержанта на скутере — ну, такое… Так же Тому нужно было наведаться в полицейское ателье, дабы снять мерки для новых форм — будничной и парадной. Том так закружился, так завертелся, что совсем не уделял времени на бизнес, переложив все дела на плечи Батлера.

Как-то вечером, когда Том выбирал в мусорской оружейной новое оружие для себя, ему позвонил Леонид.

— Да, сука-бля, — принял вызов Харди, переводя взгляд с пистолета на пистолет. Один был фирмы «Беретта», второй — «Глок». И Том никак не мог сделать выбор! Какой же из огнестрелов ему взять?!

— Эй, Томми, подмога тут твоя нужна, — громко зашептал в трубку Леонид. — Можешь прирулить? Я тут на одном складе заброшенном…

— Послушай, Леонид, да я вообще-то тут занят немного… — ответил сомневающийся Том, облизывая пухлую губу, продолжая метаться с выбором.

— Ну ты же знаешь, что я не стану колготить по пустяку, — шипел в трубку Батлер. — Дело очень срочное!

— Ладно, сука-бля, сейчас подъеду. Адрес СМС-кой скинь, — ответил Харди, прикрыв ладонью динамик. — А ты не знаешь, какой пизже из этих двух? — обратился он к мусору-администратору оружейной. Тот в ответ лишь бездумно пожал плечами. — Ладно, давай этот, — указал он пальцем на один из пистолетов.

Через пятнадцать минут Харди вышел из участка, попутно пряча в кобуру новехонькую «беретту». Том уселся на скоростной ментовской Кавасаки, дерзко откинул подножку и отправился по указанному Батлером адресу.

Вскоре он припарковался у старого заброшенного склада, где также был припаркован дряхлый красный Додж Батлера, и направился внутрь, предварительно внимательно осмотревшись по сторонам.

— Леонид, ты тут? — негромко позвал Том друга, оказавшись внутри.

— Тут! — заорал Батлер, а его голос эхом разнесся по всему складу и

близлежащие территории. В то же мгновение его эффектная бородатая голова высунулась из-за угла, и Леонид жестом ладони поманил Тома к себе.

— Тише ты! — шикнул Харди, приставив палец к губам и заподозрив, что Батлер что-то да нахуевертил.

— Томми, матерь Божья! Наконец-то ты приехал! Я весь уже истекался! — шепотом закричал Леонид, облегченно обняв друга.

— Что тут у тебя, сука-бля, стряслось? — нахмурил смазливый еблет Том, озираясь по сторонам и ища подвох.

— Тут такое дело… — замялся Леонид. — Нынче должна была состояться сделка с одним наркодиллером…

— Ну, сука-бля…

— Я с ним встретился тута, а он, представляешь, ментов с собой привел! — вновь перешел на крик Леонид. — Они приказали мне сдатьсси, хотели арестовать. Но я побежал! Они за мной! Мне пришлось отстреливаться!

— Ну, дальше что? — нетерпеливо спросил Харди, закурив.

— Том! Я вогнал их в могилу! Всех троих! — отчаянно воскликнул Батлер, в ужасе прикрыв округлившийся рот рукой.

— Сука-бляяяя… — охуел сержант.

— Том! Что ж теперь де… — начал было опять вопить Батлер.

— Тихо! Заткнись, сука-бля! Заткнись, я тебе говорю! — гневно и обескураженно зашептал Харди, закрыв другу рот ладонями. — Где они?

— Тут… — громогласно буркнул Леонид, отвел сержанта Тома в сторону и нерешительно указал на какую-то кучу старых холщовых мешков.

Он откинул один из них, и проницательному сержантскому взору предстало три трупа. Том нехило ебанулся, увидев в двух из них тела своих коллег, после чего поспешил прикрыть их снова, машинально оглянувшись по сторонам.

— Что делать-то? — взволнованно вопрошал Леонид. — Меня посадють?

— Так, сука-бля, не паникуй! Я придумаю что-то… — нервно затараторил Том. — Ведь именно за этим я и пошел в мусарню — прикрывать нас от подобного…

Вдруг они услышали рев уезжающей машины с улицы.

— Томми, да ты чай хвост за собой привел?! — разозлился Леонид, хлопнув себя по ляжкам, обтянутым в кожаные легинсы.

— Сука-бля! — нервно психанул Том. — Нужно быстро валить отсюда! Помоги дотащить тела до Доджа!

Ребята быстро погрузили трупы в машину. Батлер уселся за руль своей дряхлой лошадки, Том же прыгнул на свой модный байк. Так и отправились в ближайший лес, где, собственно говоря, и закопали три трупа

— А вдруг их кто-нибудь найдет? — паниковал Леонид, сооружая на могилах импровизированные кресты из веточек.

— Да успокойся, сука-бля, никто ничего не найдет! Я все улажу, — нервно курил одну за одной Том, бьясь в агонии хуевертения.

В течение недели сержант Харди тщательно скрывал все улики, отводя следы от Батлера и себя, тем самым не то что преступая закон — кладя на него огромный хуй. Ну настоящий оборотень в погонах! Иначе и не скажешь! Лишь по прошествии этого времени, Том смог убедить Леонида, что все концы ушли в воду. Бородач наконец-то вздохнул полной грудью и перестал трезвонить другу по пять раз на дню.

И вроде бы все успокоилось. Том вернулся к бумажной волоките, а Батлер к продаже пирогов и наркоты. Но не тут-то было! Через пару дней Леонид вновь позвонил сержанту с тревожными новостями.

— Томми, у меня тут опять кручина кое-какая… — невинным голосом проорал в трубку Батлер.

— Что, сука-бля, еще такое? — приподнял шрамированную бровь Харди,

крутясь перед зеркалом в ателье и разглядывая на себе новехонькую форму.

— Не телефонный разговор, — серьезно прикрикнул Леонид. — Подъедешь в кафЕ?

— Да, — рявкнул Том, погладив на куртке сержантскую нашивку.

Спустя полчаса Харди зашел в их с другом кафе.

— Ну, выкладывай, что у тебя опять стряслось, сука-бля? — уселся он за барную стойку.

Леонид нервно осмотрелся по сторонам, взял бумажную салфетку, достал из плаща огрызок карандаша, что-то быстро написал, вновь огляделся, после чего протянул бумажку Тому.

«За мной кто-то следит», — гласила надпись.

— И что это значит, Леонид? — непонимающе спросил Харди, у которого сложилось впечатление, что у его друга, в связи с последними событиями, началась мания преследования.

— Уйдем отсюда, — громким шепотом сказал Леонид. — Не могу здесь гутарить. Боюсь, что нас услышуть…

— Нахуй ты тогда сюда меня, сука-бля, позвал? — возмутился Том. — Ладно, пойдем в Додже поговорим…

Харди раздраженно поднялся с места и направился на улицу. Леонид суетливо помельтешил за ним.

— Ну, выкладывай, — рявкнул сержант, усевшись в машину и решив немного разнюхаться первоклассным кокаином, который сегодня спиздил из мусорского склада улик.

— За мной кто-то следит, Томми! — взволнованно воскликнул Леонид, а стекла от его голоса задребезжали не менее взволнованно, чем сам бородач.

— Ближе к сути! Я это и так, сука-бля, понял! Ты ж мне написал на салфетке эту дрочь! — уже начал выходить из себя сержант.

Батлер тяжело вздохнул, также пригостился кокаином, после чего стал излагать суть проблемы. Он уверял, что за ним кто-то следит. Куда бы он ни поехал — его преследует одна и та же машина — серебристый Форд Эскейп. Леонид утверждал, клянясь здоровьем своего деда, что все это началось сразу после того случая, когда он убил троих человек.

Том же Харди, обдолбавшись до неузнаваемости, любезно согласился помочь другу, пообещав все выяснить. Хотя, если честно, то сержанту казалось, что это всего лишь плод больного воображения Батлера. Возможно, Леонид получил какую-то психологическую травму, совершив тройное убийство. Но, как говорится, удостовериться все же нужно было.

Тем же вечером, вооружившись мусорским чемоданчиком, Харди обыскал еврочетырешку на наличие в ней жучков или каких-либо следов присутствия кого-то постороннего. Например — домового. Но все, что он обнаружил — это отпечатки его самого и Батлера, но еще больше было отпечатков Моргана. Ох уж этот Декстер! Как же он заебал!

Далее Том установил слежку за Леонидом и, наконец, спустя несколько дней действительно заметил, что за его другом следят. Серебристый Форд Эскейп преследовал Батлера по пятам, везде, куда бы он не отправился. Водителя Том разглядеть не смог — стекла были наглухо затонированы. Несколько раз он хотел было дождаться, пока водитель покинет Форд, но как на зло, в это время сержанту дико хотелось то пожрать, то поссать. Следовательно, Том отлучался. Возвращаясь обратно к своему байку, Харди уже не знал точно — сидит кто-то в Форде или нет, поэтому психовал, представляя, что придется сидеть в засаде несколько часов кряду, а может даже и ночь, и отправлялся домой.

Еще через пару дней Форд исчез. Скорее всего, его водитель заметил, что сержант Харди следит за ним, и решил не привлекать к себе внимания.

В это же время Тома, наконец-то, официально повысили в должности. По

этому поводу он и ушел в трехдневный запой со своим напарником Кентом. Следовательно, Харди снял свое наблюдение с Леонида. К тому же Батлер и сам больше не жаловался, ведь Форд исчез, а значит исчезло и ощущение того, что его преследуют.

Вечером четвертого дня запоя, Батлер позвонил Тому, отругал его за пьянство и приказал приехать в кафе, дабы помочь с какими-то бухгалтерскими бумагами. Спустя полчаса похмельный Харди прибыл на место. Но в кафе Леонида не оказалось. Это насторожило сержанта, ведь он точно знал — друг не мог никуда уйти, да и к тому же — его Додж стоял на улице. Тогда Харди пошел к развалюхе Батлера, в надежде найти его там.

Какого же было удивление сержанта, когда он не обнаружил своего друга за рулем! Но дальше — больше! Сам Додж оказался открыт, а из радиоприемника раздавался голос ведущего, объявляющего следующую песню.

— Что за? — забился в агонии волнения Том, в сердцах хлопнув дверью машины. Он быстро достал мобильный и стал набирать Леониду, но тот упорно не брал трубку, а потом и вовсе абонент стал недоступным. — Сука-бля! — забился уже в агонии паники Харди, пнув автомобильную покрышку, и поспешил к своему мотоциклу.

«Послушай, Том, пиздоооос…. Где искать Леонида?! Ты же чуешь сердцем — он в беде! Все это, сука-бля, полюбас связано с тем ебливым Фордом! Бляяяя! Да как же ты мог забить на это дело?! Все! Успокойся, Том! Ты должен взять себя в руки и попытаться отыскать Леонида!» — судорожно думал сержант, усаживаясь на байк.

Том, решив довериться интуиции, долго колесил по Сиэтлу, не имея не малейшего представления, где конкретно искать друга. Парень объехал все излюбленные заведения Батлера. Но все было безрезультатно! Леонид нигде не находился!

Харди уже отчаялся до такой степени, что накрутил себя до умопомрачения и стал мысленно прощаться с другом. Но тут вдруг приметил тот самый припаркованный Форд. Тут же Том понял, что находиться не где-то там, а у того самого заброшенного склада, где Леонид совершил тройное убийство. Ни это ли судьба?! Сержантское сердце ёкнуло, Том резко затормозил, спрыгнул с мотоцикла и поспешил внутрь.

Сержант Харди, достав из кобуры «беретту» и крепко сжав ее в обеих руках, тихо зашагал по коридорам склада, заглядывая в каждое помещение. Но и в них не было Леонида! Да что ж он, сквозь землю что ли провалился?!

И вот, наконец, Том добрался до самого большого складского помещения, которое было тускло освещено одной лишь лампочкой, подвешенной на потолке. Харди заглянул внутрь и увидел просто шокирующую картину! Посреди помещения стоял стол, к которому был примотан скотчем и пищевой пленкой никто иной, как Леонид Батлер. У изголовья стола, спиной к сержанту, стоял какой-то парень в странном костюме то ли рыбака, то ли сварщика, то ли и вовсе какого-то петушары.

Вдруг Леонид зашевелился, а таинственный водитель Форда занес над его грудью нож.

— Полиция Сиэтла! Руки вверх! Вы окружены! Сопротивление бесполезно! — моментально среагировал Том, прицелившись в спину парня-инкогнито. — Медленно положите оружие на пол и без всяких фокусов повернитесь! — снял он «беретту» с предохранителя, дабы показать, что настроен серьезно и нихуя не шутки пришел сюда шутить.

Незнакомец повиновался и начал медленно разворачиваться… И тут…

— Декстер? — охуел до неузнаваемости Харди, когда увидел лицо рыбака-сварщика, но все же — прицел не свел.

Морган, как бы извиняясь, развел ладонями, поднятыми над головой.

— Что это, сука-бля, значит? — продолжал сходить с ума Харди. — Хули ты следил за Батлером? Что за костюм? Зачем ты примотал его какой-то ебалой к столу?!

Декстер же, будучи человеком экстраконченым, стал рассказывать Тому историю своей жизни, мотивы и принципы. Про то, что является маньяком, но убивает лишь плохих людей — убийц и педофилов, а, следовательно, не такой уж он и хуевый человек. Про то, как именно за этим и устроился в команду к ДеНиро — чтоб убить Роберта, который сделал для народа слишком много дерьма. Затем, как обозлился на Батлера за его невкусные пироги, о которые сломал ни один зуб, а также за то, что Леонид заразил его цыпками. Декстеру очень хотелось убить бородача, но по сути — было не за что, да и преступать принципы он был не намерен. Поэтому и начал следить за ним. Пока не увидел, как тот убил аж целых трех человек! Тут то, Моргана было уже не остановить…

— Наверное, то что ты делаешь — не так уж и плохо… Ведь ты приходишься неким чистильщиком общества… — подвел итог Том, внимательно дослушав историю Моргана до конца, ведь пизда как любил слушать разного рода байки. — Но, сука-бля! Это ж пиздец какой-то! Ты ж ебанутый! — взорвался он и не придумал ничего лучше, чем выстрелить Декстеру в ступню.

— Бляяяя! — истошно завыл парень-рана и завалился на пол, прямо под свой любимый стол.

Харди быстро метнулся к нему и ногой отшвырнул нож подальше, после чего стал освобождать Батлера, не спуская при этом с прицела Декстера.

— Уходи отсюда быстро! — крикнул Том Леониду, когда он наконец поднялся со стола. Батлер побежал прочь, прикрываясь руками, ведь, если кто не понял — он был абсолютно голым.

— Ну что? Теперь убьешь меня? — язвительно спросил Декс, взглянув на Тома своими наглыми ебаными глазами. — Или может быть арестуешь? А, сержант Харди?

— Убью, сука-бля, — прорычал Том, бешено двигая желваками и положив палец на курок.

На складе повисло интригующее молчание. Сержант, который уже хотел было стрелять, вдруг почувствовал в голове некие импульсы, приказывающие ему немедленно опустить оружие и не марать руки об этого чмошника. Харди и сам не понял, как покорился им без всякого сопротивления.

— Ну, что ж ты медлишь? — по-еблански улыбнулся Морган.

— Сейчас я уйду, а ты выждешь десять минут, а потом уебывай отсюда на хуй! И не показывайся больше в Сиэтле никогда! Понял? — вкрадчиво заговорил Том, не сводя взгляда с парня-спасение, и медленно попятился к выходу, не убирая прицел с Моргана.

— Ээээм… — замялся Декстер от подобного поворота событий. — Ну, ок…

Оказавшись на улице, Том поспешил к мотоциклу, где его уже ожидал голый Леонид.

— Батюшки свят, Томми! Ты спас меня! — кинулся обнимать друга Батлер. — Томми, ты слыхал, что гутарил этот человек?!

— Слышал, — охуевал Том, прикурив сигарету. — Сука-бля! Я должен был убить его! Ведь он чуть не убил тебя! Какого хуя?! Я должен вернуться и… Сука-бля, нет, уебываем домой! — противоречил он сам себе, будто глупая марионетка, управляемая незнамо кем, и уселся на байк. — Одевай шлем и домой! Быстро, сука-бля! Нам нужно выпить!

На следующее утро Том проснулся вне себя от ярости, охуевая над тем, что не убил Моргана. Он немедленно отправился в участок, дабы отыскать там подлого судмедэксперта и ёбнуть его. Но того будто и след простыл. Еще пару

дней он пытался выйти на него, узнавая адрес его проживания в Майами. Тут-то Тома будто обухом по голове ударило, и он вспомнил, что искать-то ему нужно не какого-то там Декстера, а свою блядскую маманю — Мэрил Стрип! Поэтому, сержант положил хуй на Декстера, решив, что смерть от его рук была бы для него слишком легким выходом. Том уверил себя в том, что такие люди, как парень-мразь, с лихвой получают по заслугам за свои деяния. Поэтому, в данном случае решил уповать на старушку судьбу, надеясь, что рано или поздно, та сама воздаст Моргану по заслугам. Смотри, чтобы тебе судьба не воздала по заслугам, дружок!

Глава 57: Городок

— Томми, точно этот Декстер не станет больше за мной гоняться, чтобы кокнуть? — взволнованно орал в трубку Батлер.

— Я, сука-бля, сказал тебе, что точно! Хули ты начинаешь опять? — подкатил глаза Том, сидя за рабочим столом в мусорском участке.

— Ну, я не знаю… Все же не дюже приятно, когда кто-то приматывает тебя скотчем к столу и пытается убить… Вот я и волнуюсь, как бы этот поганец вновь не объявилсси… — вздохнул Леонид. — Ладно, раз ты говоришь, что все нормально, то я постараюсь быть спокойным…

— Ты мне это уже который день базаришь, — раздраженно ответил сержант. — Ну это все, что ты хотел сказать, мне работать надо…

— Нет, еще хотел спросить, — не унимался Леонид. — Ты маменьку-то свою отыскал, али как?

— Еще нет… — сквозь зубы процедил Харди.

— А что ж ты тянешь, Томми? — заверещал Батлер на всю мусарню. — Ты уже вторую неделю отбрехиваисси! То понос, то золотуха у тебя! Ты что же запамятовал, зачем вообще приехал в Сиэтл? Хватит уже искать отговорки!

— Ничего я не ищу… — замямлил Том, накручивая провод телефона на палец. — Дел и правда много…

— Дела твои подождуть! А вот пацаненок в шаре — нет! Кто знает, что с ним вытворяет твоя сбрендившая мамаша! — отчитывал друга Леонид.

— Да найду я, найду, сейчас только дело одно заполню, а потом еще допрос один надо провести… — неуверенно брехал Харди, откладывая иголку с ниткой и лысую куклу в недошитой ментовской сержантской форме и открывая на компьютере первый попавшийся файл, будто пытался убедить друга, что у него и впрямь дел невпроворот.

— Так, все! Достаточно! Ты немедленно открываешь базу и ищешь адрес мамки! — строго закричал Леонид, отчего телефонная трубка в руке Тома затрещала и заискрилась, а затем и вовсе из динамика повалил дым.

— Что за ебала? — охуел Харди, отстранив трубку от уха. — Сука-бля, Батлер, у меня тут какие-то неполадки с телефоном, позже давай перезвоню…

— Никаких позже! — пуще прежнего завопил бородач. — Сейчас же открывай! Хватит кота за яйца тянуть уже!

— Лааадно… — протянул Том и забился в агонии неудачного отмаза. Он запустил на компьютере программу с базой всех жителей США и вбил туда имя и фамилию матери.

— Ну что там? Нашел? — поторопил его Батлер.

— Ну охуеть! Да тут этих Мэрил Стрип — ебать их в рот! Семнадцать блядей по всей стране! — возмутился сержант, листая список тезок свой матери. — Ну пиздец, не найти мне ее вовек… — артистично вздохнул он и хотел уже закрыть программу.

— Ты мне тут лапшу-то на ухи не вешай! — осадил его Леонид. — Семнадцать штук — это не «ебать их в рот», а хуй да нихуя! Ты к тому же глянь перво-наперво города, где они живут. Ты же знаешь, что твоя должна жить где-то недалеко от Сиэтла!

Харди поджал губы и нахмурился, но начал просматривать города, где проживали женщины по имени Мэрил Стрип.

— Короче, из подходящих городов тут только Нампа… — сказал Том, спустя пару минут изучения городов.

— Ну вот! А ты говоришь — ебать их в рот! Всего-то одна Нампа! — возликовал Батлер.

— Да сука-бля, только одна загвоздка, в Нампе этих шмар тоже две!

— перебил его сержант, вновь направив курсор к кнопке закрытия программы.
— Ну все, теперь мне точно не выяснить какая из них какая… — наигранно удрученно изрек он.

— Да ты чай шутишь, Томми?! — завизжал Леонид, как проклятый. — Всего две, да к тому же в одном городе! Ты немедля отправляешься туда и идешь по обоим адресам — не с первого, так со второго раза найдешь свою матушку. И хватит уже отнекиваться! Али ты боисси? Мм?

— Нихуя я не боюсь, сука-бля! — зарычал Том, вскипев от того, что его уличили в трусости. Хотя, несложно догадаться, что Харди действительно откладывал поиски матери, находя постоянные отговорки, лишь потому, что до трясучки ссал встречи с этой безумной женщиной. Он не представлял, как может повести себя при виде Мэрил, что ей скажет и какие эмоции испытает. Тем более, парень не в силах был предугадать реакцию мисс Стрип. Сержант не раз прокручивал в голове эту встречу и представлял разные исходы событий. В его воображении мать то кидалась перед ним на колени и слезно молила прощения, то холодно выставляла за порог, то и вовсе запирала в клетке на заднем дворе. Сам же Том в своих визуализациях тоже вел себя по-разному: то великодушно прощал Мэрил, то преисполненный ненависти плевал женщине в лицо, то бросался к ней в объятья и рыдал, уткнувшись в грудь.

— Ну, раз не боисси, то поезжай прямо сегодня, прямо сейчас. Хотя мне кажется, что ты обосресси и никуда не поедешь, — подстрекал сержанта Батлер, ехидно крича в трубку.

— Так, сука-бля, ебало завали! — взорвался Харди, стукнув кулаком по столу. — Сегодня же еду! Прямо, сука-бля, сейчас! До автовокзала не подкинешь? А то на мотике как-то неудобно, где я его там брошу…

— Не велика хитрость! Подброшу, конечно! — самодовольно крикнул Леонид, гордясь тем, что смог сподвигнуть друга на важные дела.

Следующим утром автобус, прибывший из Сиэтла, затормозил на остановке у главной площади Нампы. Двери открылись, и из транспорта стали выходить люди, среди которых был и наш сержант Том Харди.

Только берцы парня коснулись земли, тот встал как вкопанный посреди дороги и стал осматриваться по сторонам. Он ощутил себя словно в давно забытом сне. Поначалу все казалось незнакомым, но постепенно воспоминания яркими картинами начали всплывать у него в голове. Вот за остановкой через тротуар булочная. Том помнил запах свежеиспеченных круассанов с лимонным джемом, доносящийся изнутри, когда он проходил с матерью мимо. Та никогда не позволяла купить ему даже маленький маковый рогалик, как бы мальчик не упрашивал. А вот лавка цветочницы. Женщина в белом переднике обрезала стебли пионов и ставила цветы в высокие вазы. Харди вспомнил, как однажды по пути домой, он увидел здесь маленький букет из желтых незабудок и сказал Мэрил, что хотел бы подарить ей такие цветы на день рождения. Мисс Стрип лишь брезгливо сморщилась, сказав, что цветочной пыльце не место в их доме. Через дорогу Том заметил сапожную мастерскую. Внутри за столом сидел старик и подбивал подошву туфли. Харди вспомнилась одна осень, когда ему приходилось наведываться к сапожнику чуть ли не каждую неделю. Ведь ботинки, купленные ему матерью в секонд-хенде безбожно расклеивались из-за непрерывных дождей, а новую обувь Мэрил наотрез отказывалась приобретать для сына, утверждая, что тот все равно к весне вырастет из нее, а значит это лишняя трата денег, которых у нее и так в обрез.

Том простоял так не менее десяти минут, замечая все больше разных мест, которые в итоге оказывались такими знакомыми для него. Вскоре он был полностью убежден, что этот тот самый город, где он вырос и откуда его забрал отец. Это означало лишь одно — он на верном пути, и Мэрил Стрип

действительно должна жить где-то здесь.

Харди достал из кармана скамов скомканную бумажку с двумя адресами, выписанными из базы, и стал осматриваться по сторонам, дабы понять, в какую сторону двигаться. Он прочитал на указателе, что одна из улиц находится буквально в паре кварталов от площади. Том засунул бумажку обратно в карман и двинулся вперед через дорогу.

Старик из сапожной мастерской указал ему, что добраться до нужного адреса парень сможет, срезав путь через ежегодную ярмарку. Так сержант и поступил. Шагая между торговых рядов с фруктами, овощами, мясом, домашней утварью, детскими игрушками ручной работы и прочим барахлом, Харди чувствовал себя так, словно вернулся в прошлое. Все вокруг было до боли знакомо: запах яблок, сырой рыбы, изюма и фиников, скрип тележки с горячей выпечкой и лимонадом для продавцов и покупателей, гомон торговцев со всех сторон, предлагающих свой товар. Том шел будто зачарованный, погрузившись в воспоминания, пока кое-что впереди не заставило его остановиться как вкопанного. Он замер подобно каменному изваянию и уставился перед собой, сжав челюсти и не моргая.

— Что-то мне подсказывает, что эту капусту вы сдобрили нехилой порцией нитратов! — трясла кочаном перед лицом продавца женщина средних лет со светлыми волосами с проседью у корней, собранными в пучок.

Харди продолжал стоять не в силах шевельнуться. Это Мэрил? Та, что он хотел найти столько лет? И вот он приехал, можно сказать, наугад в Нампу, и вот уже через полчаса встретил ее? Серьезно? Так просто? И что теперь делать? Подойти? Что сказать? Что, блять, делать? А может это и вовсе не она? Стоит приглядеться получше… Да нет, точно она! Мэрил Стрип во всей красе! Стоит и покупает капусту на ярмарке! Ну надо!

— И сколько вы просите за это «чудо селекции»? — спросила она, нарисовав в воздухе кавычки. — Что? Восемьдесят центов? Да это грабеж средь бела дня! — завизжала она, увидев картонку с ценой, и бросила кочан в продавца.

Мисс Стрип гордо задрала нос, похватала с земли сумки, доверху набитые провизией, развернулась на каблуках в ту сторону, где бился в агонии встречи Том, и зашагала ему навстречу. Парень продолжал же стоять как глупый истукан, не зная, что принято делать в таких ситуациях. Через несколько мгновений Мэрил оказалась прямо перед Томом и, проходя мимо, задела его плечом. Сумки выпали из ее рук, и все продукты, так тщательно отобранные по всей ярмарке, рассыпались по земле вокруг ног сержанта.

— Осторожнее надо… — процедила сквозь зубы мисс Стрип.

Том же Харди, будучи воспитанным в английских традициях, не придумал ничего лучше, как выйти из оцепенения и, присев на корточки, принялся помогать собирать рассыпавшиеся тут и там брокколи да шпинат. Наконец, все овощи были собраны обратно по сумкам, и Том и Мэрил встали с земли. Парень не сводил с женщины глаз, та же, нахмурив пышные брови, бросила на него лишь пренебрежительный взгляд. Она уже хотела было открыть рот, дабы высказать свое недовольство по поводу уроненных сумок, но тут прищурилась и стала водить глазами сверху-вниз, осматривая Харди с ног до головы.

— Мы с вами не знакомы, молодой человек? — спросила мисс Стрип, вглядываясь в лицо Тома.

— Нет… Не думаю… Не знаю… — замямлил сержант, тяжело задышав.

— Хм… Я вот уверена, что видела вас раньше… — приподняла пышную бровь Мэрил, сделав шаг вперед, дабы поближе рассмотреть парня. — Эта бровь со шрамом, эти пухлые губы… Серые глаза…

Харди продолжал стоять недвижимый, мечтая лишь о том, чтобы содрать с себя лицо, чтобы остаться неузнанным.

— Господи… Боже мой… — ахнула мисс Стрип, прикрыв округлившийся рот

рукой. — Это же… Это ты…

— Сука-бля… — только и прошептал Том, бьясь в агонии разоблачения.

— Томас! Как… Откуда? Боже, я не верю своим глазам! — лепетала женщина, приблизившись к сыну еще на шаг. — Ты такой же, как и прежде… Но, вместе с этим, ты так изменился… Ты лысый? Почему? Господи, а это что? — задрала она рукав его футболки, уставившись на татуировку на плече.

Харди продолжал безмолвствовать.

— Ты что, сидел? Матерь Божья! Я так и знала! Так и знала, что ничего хорошего из тебя не выйдет, да еще под влиянием твоего британского папаши… За что ты отсидел? Какой срок? — тараторила Мэрил, ходя вокруг парня и осматривая его со всех сторон.

— Да ничего я не сидел… — ляпнул хуйню Харди, пытаясь зачем-то оправдаться. — Я это… Наоборот… Полицейский… Сержант, между прочим…

— Сержант он… Хах! — усмехнулась мисс Стрип. — Тебе лет-то сколько? Пятнадцать? Нет… Семнадцать? В общем, не важно. Кто тебя возьмет-то в полицию?

— Но… — подняв указательный палец Том.

— Можешь не утруждаться и не придумывать всякую брехню, — выставила ладонь вперед Мэрил. — Уж кому-кому, а мне ты свою лапшу на уши не навешаешь.

— Это правда! — опустил взгляд в пол сержант, шаркая берцем по земле.

— Все это было вполне предсказуемо, Томас… — обвела ладонью женщина сына с ног до головы. — Уверена, что останься ты со мной — ничего бы этого не случилось, тюрьмы и всего прочего…

— Не было никакой тюрьмы, — продолжал нелепые оправдания Харди, на нервной почве достав пачку сигарет и закурив.

— Боже! Ты еще и куришь! — вскинула руки с сумками мисс Стрип. — Что еще? Алкоголь, наркотики? Мдааа… Все еще хуже, чем я подумала в начале… Хоть при матери-то не дымил бы! — брезгливо сморщилась она, выхватила изо рта парня сигарету и, бросив ее на землю, растоптала.

— Прости… — бредил Том. Да что ж ты такое лопочешь? Не ты ли искал мать, чтобы высказать все, что накипело у тебя за многие годы? Не ты ли поливал эту женщину говном все это время, виня ее во всех твоих проблемах? И теперь ты говоришь «прости»? «Прости», блять? Ах да, ты же и сам не знал, как поведешь себя при встрече с матерью! Может тогда не стоило пару лет назад в похмелья орать Кристоферу, что ты поедешь в Штаты и убьешь суку? Как говорится, на словах ты Лев Толстой, а на деле…

— Господи! — завизжала мисс Стрип, как чокнутая ебанашка, заставив тем самым подпрыгнуть сына на месте. — Где твоя маска, Томас?! Где она? Давно ты без нее?

— Ээээм… — замялся Харди.

— О, нет! Ты же умрешь! Ты не можешь дышать самостоятельно! — верещала Мэрил, побросав сумки на землю и шаря в дамской сумочке. — Где же ингалятор? Неужели я не взяла его с собой! Какой ужас!

— Как видишь, я дышу без нее… — покрутил ладонью у лица Том. — Я, в общем-то, приехал сюда без нее… И вообще, я давно знаю, что она мне не нужна. Как раз-таки и хотел узнать у тебя, зачем ты заставляла меня ее…

— Помолчи! Не трать кислород понапрасну! Дыши медленно и глубоко! — схватила его за плечи мисс Стрип. — Идем со мной, я что-то придумаю для тебя временно, пока не сделаю новую маску…

— Не, не, не, — опешил Харди, убрав от себя руки Мэрил. — Мне это не нужно… Я уже давно без нее могу обходиться. Я не за этим приехал…

— А за чем же? — сузила глаза женщина.

— Много за чем… Но главное — я хотел узнать кое-что… — бормотал под нос

Том. — Про шар… На втором этаже был шар. Это так?

Мисс Стрип с минуту смотрела на сына испытывающим сканирующим взглядом.

— Ты это о чем? Какой еще шар? — как ни в чем не бывало заговорила она, вздернув пышные брови. — Что за фантазии такие, Джерри?

— Я помню шар и мальчика… — продолжил Харди, но тут же был перебит.

— Еще и мальчика! Да ты точно повредился умом, живя со своим слабоумным отцом! Скажи, он издевался над тобой? — вновь подошла к парню женщина и положила ладонь ему на щеку.

— Нет, он был ко мне добр… — отвел взгляд Том, не в силах смотреть матери в глаза, которые будто его гипнотизировали.

— Ну все ясно, он запугал тебя, — вздохнула мисс Стрип. — Но мне ты можешь довериться, Джерри, я больше не дам тебя в обиду. Я сделаю новую маску для тебя, и ты сможешь жить нормальной жизнью. Конечно, ущерб твоему здоровью уже нанесен и, наверняка, колоссальный. Но все еще можно исправить. Пойдем со мной, к нам домой, к тебе домой…

Том лишь молча отступил назад. Он чувствовал, как слова матери его завораживают, как он готов поддаться ее уговорам и простить все, что она сделала. Харди понимал, что еще немного, и больше не сможет сопротивляться. Что еще совсем чуть-чуть, и он пойдет туда, куда она позовет, и будет делать то, что она скажет. Даже если Мэрил посадит его в клетку на заднем дворе — он будет не против.

— Неа, не пойду… Я это… — буробил сержант, из последних сил сопротивляясь неведомому влиянию матери.

— Хм! Ну ладно! — задрала нос выше некуда женщина, похватав сумки с земли. — Может хоть поможешь донести мне продукты до дома? Хоть какая-то польза будет за те восемь лет, что я положила на то, чтобы поднять тебя на ноги, — процедила она и всучила сыну сумки, до последнего не оставляя попыток заманить его в дом.

Харди метал растерянный взгляд с матери на ее сумки в своих руках и обратно. Та же стояла, скрестив руки на груди и с высокомерием глядя на парня. Повисла ебейше неловкая пауза.

— В пиздууу… — протянул Том, бросил сумки в мисс Стрип, развернулся и побежал прочь от этой проклятой мрази.

— А ну-ка, стой, бестолочь неблагодарная! — закричала ему вслед Мэрил.

Но Харди быстро пробежал по ряду и свернул за прилавком с кукурузой. Мисс Стрип, возмущенная поведением сына, двинулась за ним. Но догнать парня у нее не было шансов. Возле лавки с кукурузой, она осмотрелась по сторонам и, не увидев Тома нигде поблизости, поспешила домой.

— Сука-бля… — простонал Харди, выбравшись из-под соседнего прилавка с сухофруктами. — Хули я делаю? Такой ебанат… — уставился он вслед уходящей матери.

Провожая женщину взглядом, он чувствовал облегчение. Эта встреча далась Тому нелегко. Он понял, что был абсолютно не готов к этому и не был уверен — будет ли готов хоть когда-то. При виде Мэрил вся его напускная самоуверенность, дерзость и строптивость улетучивались, и Харди становился вновь тем восьмилетним мальчишкой, запертым в клетке и желающим получить хоть каплю материнской любви. Сержант уже был готов покинуть эту блядскую ярмарку, вернуться на остановку, сесть в автобус до Сиэтла и не возвращаться в Нампу до конца своих дней. Он двинулся вперед, продолжая смотреть, как мисс Стрип проходит через главный выход ярмарки. Но тут его словно обухом по голове ударило.

«Послушай, Том, ты же не только для этого сюда приехал. Не только, чтобы увидеть суку-мать и высказать ей все, что думаешь. Ты же хотел выяснить про

мальчишку из шара… И пусть ты не сделал первого, но вторую цель ты выполнить обязан», — подумал он, развернулся и поспешил к главному выходу.

Через минуту Харди вышел с ярмарки и взглядом отыскал среди прохожих Мэрил. Он решил проследить за ней до самого дома, чтобы не тратить время на два адреса, выписанных из базы. Том двигался перебежками от дерева к дереву, от одного уличного прилавка к другому, от мусорного бака к фонарному столбу, дабы мать не заметила слежки. Вскоре они покинули центр города и оказались на узкой улочке с небольшими двухэтажными домами по обе стороны от дороги. Мэрил остановилась у забора одного из них, прошла по дорожке к входной двери и скрылась внутри. Харди последовал за ней.

— Джейк, милый, я дома! — крикнула мисс Стрип, войдя в дом. — Ты голоден? Сейчас я быстро что-нибудь приготовлю!

— Нет, я не голоден! — донесся сверху голос Джейка.

— Ты всегда так говоришь, а потом уминаешь по десять тюбиков, — усмехнулась женщина, раскладывая продукты из сумок на полки холодильника.

Через несколько минут мисс Стрип приготовила непонятную стряпню из всяческих овощей, риса и варенья из оливок, перемолола это месиво в блэндере, затолкала в космические тюбики и поспешила наверх.

Зайдя в комнату, женщина сразу положила в отсек для передачек обед для сына из шара, после чего села на диван, подперла щеку ладонью и уставилась сквозь полиэтилен невидящим взглядом.

— Мам, ты чего? — спросил Джейк, заметив странное меланхоличное настроение матери. — Все нормально?

— Мальчик мой, я так боюсь тебя потерять… — вздохнула Мэрил, переведя взгляд на сына и наполнив глаза слезами.

— Ты чего, мам? Куда ж мне деться отсюда? — обвел руками Джилленхол свое полиэтиленовое жилище.

— Боюсь, что кто-то заберет тебя от меня… — продолжала бредить женщина, решив, что старший сын задумал что-то плохое, раз интересовался шаром.

— Ой, хватит тебе! — беззаботно махнул рукой Джейк и стал вливать себе в рот содержимое уже пятого тюбика.

— Обещай мне, дорогой! Обещай — что бы не случилось, что бы кто тебе не говорил — ты не покинешь меня! — вскочила с места мисс Стрип, подлетела к полиэтиленовой стене и положила на нее ладони.

Юноша из шара отложил в сторону космо-обед и подозрительно уставился на мать.

— Что это, например, может случиться, и кто мне что должен сказать? — прищурил свои синие проницательные глаза Джилленхол.

— Ну я не знаю! — вскинула руки Мэрил. — Мало ли что и кто! Придет какой-нибудь наркоман или еще незнамо кто…

— Какой такой наркоман? С чего вдруг он придет сюда ко мне? — не мог унять свои подозрения Джейк.

— Ну обычный такой наркоман! Лысый, там, с наколками, ну я не знаю! Какие они наркоманы из себя? Уверена, что лысые и с наколками! — плела ахинею женщина. — Так вот, если такой придет к тебе, то ни в коем случае не вступай с ним разговор! Не вздумай даже слушать, что будет говорить тебе этот человек! Уж не говоря о том, чтобы покидать свой шар! Хорошо, Джейк? Ты мне пообещаешь?

— Пообещаю… — спустя несколько секунд молчания сказал юноша, скрестив пальцы за спиной. — А как, говоришь, он выглядит, этот наркоман? Лысый, в татуировках… Что-то еще? Ну чтобы я точно его узнал, если встречу… Какие-то отличительные особенности, может… — медленно подошел к прозрачной стене

дознаватель из шара и уставился на мать испытывающим взглядом.

— Ну, ему лет двадцать на вид… — начала было Мэрил.

— Может, маска у него какая на лице? — перебил ее сын.

— Ну… Маска может и… — подняла глаза к потолку женщина. — Стоп! Что? Какая еще маска? Ты это о чем, Джейк?

— Да так, вспомнилось кое-что… Так что на счет маски? — продолжал допрос Джилленхол.

— Ты что опять вспомнил того воображаемого друга? — переменилась в лице мисс Стрип. — Мы же это много раз обсуждали! Ты просто перечитал комиксов и выдумал его! Хватит уже вспоминать эти детские глупости!

— Ага, выдумал… — скрестил руки на груди Джейк. — А не ты ли мне говорила, что он сбежал от меня сниматься в комиксах, и что теперь его интересуют только слава, кокаин и шлюхи? Какая-то несостыковочка выходит! То ли я его из комиксов выдумал, то ли он стал там сниматься только после этого? Да и как я мог начитаться комиксов, если читать еще и не умел в то время? А? Я же помню, как он читал мне книжки, а я тогда и говорить не мог! Что-то ничего не сходится! А это значит, что кто-то врет!

— Аааах! — взвизгнула Мэрил, артистично рухнув на диван и приложив тыльную сторону ладони ко лбу. — Боже! Джейк, милый! Ты обвиняешь родную мать во лжи?

— Я не обвиняю, я просто рассуждаю. А ты, как я вижу, никаких аргументов в свою защиту не можешь привести, — продолжал пытаться Джилленхол вывести брехушку-мать на чистую воду. — Что мне еще остается думать!

— Это немыслимо! Что ты себе позволяешь, Джейкоб Джилленхол! — заверещала мисс Стрип, покраснев от ярости. — Мать заботится о тебе! Предостерегает от общения со всякими наркоманами…

— Ага, лысыми и в маске… — покривил лицом наглец из шара.

— Какими бы то ни было! Хоть лысыми, хоть волосатыми! — продолжала вопли женщина, валяясь на диване. — Я просто хочу тебя обезопасить от непредвиденного! Ты совсем ничего не знаешь об этом мире и не знаешь, сколько ужасных людей в нем существует! Я просто прошу тебя быть осторожным и не доверять всяким первым встречным! Разве я много прошу? Просто пообещать мне! Ведь я боюсь, что кто-нибудь может обидеть тебя! Такого несчастного, такого беззащитного мальчика…

Вдруг визги мисс Стрип перебил какой-то шум с улицы. Женщина вмиг подскочила с дивана и бросилась к окну. Джейк тоже пулей рванул к полиэтиленовой стене, откуда можно было увидеть двор через окно. Послышался грохот. Мэрил прильнула к стеклу и увидела, что на газон упала водосточная труба. Джилленхол же заметил своим зорким синим взглядом еще какое-то движение в кустах.

— Вот видишь! — рявкнула мисс Стрип, обернувшись к сыну. — Кто-то так и норовит влезть к нам и сделать что-то дурное! Но ты продолжай верить в своего глупого британского воображаемого друга в маске, вместо того чтобы прислушаться к словам матери! Пойду проверю, кто там, — обиженно задрала она нос, развернулась и пошла на выход.

— Ну-ну, маменька, ну-ну… — протянул Джейк, провожая женщину прищуренным взглядом.

— Ты сделал чтооо? — охуел Леонид, схватившись за голову.

— Полез по водосточной трубе, чтобы заглянуть в окно второго этажа, — подкатив глаза, раздраженно повторил Том.

— Да ты чай шутишь! — взорвался Батлер. — Почему не мог постучатьсси и зайти в халупу матери нормальным путем?!

— Леонид, хватит! Я же уже сказал, сука-бля! Эта блядь будто меня

гипнотизирует! Я не хочу больше ее видеть! Не хочу даже знать ответы на свои обдроченные вопросы! — явно осмелел Харди. — Пусть она живет свой жизнью, а я, сука-бля, буду жить своей! Нет у меня матери! Нет и все!

— И куда ж она делась? — хлопнул себя по бедрам бородач. — Как ты на свет появилсси? Отпочковалсси? Али аист принес?

— Я сказал, сука-бля, хватит! — ударил кулаком по столу сержант Том, налил в рюмку виски до самых краев и незамедлительно выпил до дна.

— Ох, Томми, Томми… — помотал головой Леонид, коря тем самым друга за его долбоебизм. — Я тебе бля буду — не будет у тебя бесхлопотной жизни, пока ты не уладишь все вопросы со своей маманечкой! Пока не расставишь с ней все точки над i — не будет тебе покою! — крича, полыхал мудростью он.

Том ничего не сказал в ответ, а лишь раздраженно задвигал желваками, отвернулся к окну и закурил.

— Ладно, хай так! — продолжал свирепствовать Батлер. — Но с тем шкетом-то в шаре что делать?! Сам ж сказал, что мисс Мэрил что-то да скрывает! Это-то выяснить нужно! Есть он али нет? А если да, то нужно вызволить пацана! Это ты, Томми, оставить, ну никак не можешь! — застучал он себе кулаком в грудь.

— Знаю, сука-бля! Знаю! — рявкнул Харди, вновь посмотрев на друга. — Скоро узнаем — есть он или нет! И спасем! Спасем, сука-бля!

— Как?! Скажи ты мне, как?! По водосточной трубе полезем?! — уже перешел на крик возмущения Леонид.

— Я уже все устроил… — глубоко затянулся Том и выпустил дым через нос. — Убегая, я подкинул в декоративную вазу на заднем дворе Мэрил пакет кокаина.

— ??? — лишь развел руками Леонид, не понимая нихуя.

— Я анонимно заявлю на нее, уличив в распространении и торговле наркотой, — продолжил излагать свой уебанский план Харди. — Мои пацаны повяжут старую суку, после чего сержант беспрепятственно проберется в дом и проникнет на второй этаж. Там-то и раскроются все, сука-бля, карты!

— Бред какой-то! — фыркнул Батлер, досадно тряхнув плащом. — Ладно, хай так! Но когда ты все это собираисси провернуть? — прищурившись уже слепого китайца, посмотрел он на друга.

— Скоро… На днях… — буркнул под нос сержант, поднимаясь из-за стола.

— Куда это ты собралсси? Уходишь от разговора?

— У меня стресс! Я хочу побыть один и…

— Выпустить пар? — усмехнулся проницательный Леонид. — Пади подрочить удумал? Поди ж девочку сними!

— Все! Иди ты на хуй! — глупо взорвался Том. — Я тебе, сука-бля, втащу сейчас! Отъебись от меня! У меня был трудный день! А завтра, возможно, будет еще труднее! Дай мне спокойно выспаться! Завтра начнем охоту на Мэрил! — гордо заявил он и удалился в свою спальню, громко хлопнув дверью.

И конечно же, ни завтра, ни послезавтра Том не устроил никакую облаву на мисс Стрип, каждый день придумывая все новый и новый отмаз, сетуя то на неожиданно навалившуюся работу, а то и вовсе самоизозолировав самого себя в комнате, гордо провозгласив, что болен гриппом. Ясное дело, что все это было пустой брехней, и наш сержант просто откладывал свои дела, не желая никаким образом пересекаться с матерью.

Глава 58: Облава

Так продолжалось до середины сентября. И когда Леонид Батлер уже был в не себя от ярости над тянущем резину другом и хотел было взять его за шкибот и насильно отвезти в Нампу, то Харди срочным образом вызвали в участок, заявив, что тот отправляется в командировку. Том быстро собрал чемоданы и отправился в участок, радуясь тому, что все это поможет ему растянуть время еще на недельку другую.

— А в чем, собственно говоря, проблема? — приподняв шрамированную бровь, спросил Том у капитана Хэнкса.

— И куда нам ехать? — подкатил глаза Кент, плюхнувшись на диван между своим напарником и Коллином Хэнксом, рисующим фломастерами по обивке.

— Вы, ребята, отправляетесь в Чикаго, — важно перебирал какие-то бумаги за столом мистер Хэнкс. — Их местный глава мафиозной группировки совсем вышел из-под контроля. Творит уже незнамо что! Подмял под себя весь город, в том числе и департамент полиции Чикаго. Его и его шарагу срочно нужно хлопнуть и остановить этот беспредел. Задание не из легких, конечно, но вы ребята смышленые, да и команда у вас будет что надо…

— Роберт ДеНиро что ли? — прищурился сержант.

— Именно, — поставил на него указательный палец Хэнкс. — Даже ты его знаешь! Слава об этом человеке опережает его…

— Ну, а почему мы должны ехать на другой конец страны и ловить его? — продолжал ломаться Чарли, мечтая, что их с сержантом снимут с этого задания. — В Чикаго своих ментов что ли мало?

— Понимаешь, сынок, — тяжело вздохнул Хэнкс. — Их департамент на семьдесят процентов состоял из купленных этим ДеНирой людей. Главный шериф Чикаго совершенно не доверяет своим ребятам. Лишь одному патрульному, который признался, что был на стороне Роберта долгие годы, но делал это специально, дабы влиться в доверие, а затем при помощи коллег хлопнуть ДеНиро. Остальных же парней для отлова собирали по всем Штатам…

— И каким образом? — перебил начальника Том-сержант.

— При помощи обычной жеребьевки, — беззаботно пожал плечами капитан Хэнкс. — По пару человеку с городов, которые так же были выбраны жеребьевкой. Плюс один к нему — его напарник. В жеребьевке по Сиэтлу выпал ты, детектив Хэннем, а следовательно, с тобой взяли и твоего напарника — сержанта Харди…

— Охуенно! — лениво взорвался Кент. — Только, блять, я мог выиграть в этой убогой лотерее!

Тем же вечером Харди и Хэннем были посажены на первый рейс до Чикаго, и уже на следующее утро прибыли в помпезный отель. Ребят сразу же отправили в конференц-зал, кишащей толпой мусоров.

— А сейчас мы проведем еще одну жеребьевку! — визжал со сцены растрепанный мент — Тим Бертон, главный шериф Чикаго, пытаясь перекричать не слушающую его публику. — И определим специальную группу парней, которые будут за главных в нашей операции по поимке особо опасного преступника — Роберта ДеНиро и его группировки! Один человек уже автоматически зачислен в главную группу. Это наш местный патрульный — Брэд Питт! Этот человек, рискуя жизнью, несколько лет находился под прикрытием в мафиозной группировке ДеНиро!

— О, сука-бля! А я его знаю! — воодушевился Том, пихнув напарника в бок и указав пальцем на Брэда, бесшумно поднявшегося на сцену в своих уютных замшевых ботинках. Питт встал по центру и отдал честь толпе коллег, одарив их

порцией добра и домашнего уюта.

— Итак, сейчас мы определим остальных членов команды! Чье имя я буду называть, тот встает и выходит на сцену! — продолжал разглагольствовать Тим, поправляя гигантские синие форменные очки на лице. Он засунул руку в большой пластиковый чан, заполненный шарами, пошерудил там, извлек один, с характерным чпоком раскрыл его и извлек какую-то бумажку. — Детектив Чарли Кент Хэннем, Сиэтл, штат Вашингтон! — прочел он.

— Баляяять! — гневно прорычал Кент, но встал со стула и пошел на сцену.

— Лейтенант Джонни Депп, Юрика, штат Калифорния! — извлек мусор бумажку из следующего шара, и на сцену прошел татуированный человек в форменных драных джинсах.

— Ну и пиздос, сука-бля, команду собрали, — усмехнулся над мусорской комичностью Харди, скрестив руки на груди.

— Детектив Кит Харрингтон, Лас-Вегас, штат Невада!

— Пиздооос… Да они такой компанией ДеНиро лет десять ловить будут, — продолжал веселиться Том, хлопнув ладонью по щеке, провожая взглядом кудрявого парня, с грустной миной поднимающегося на сцену и избегая взгляда с Деппом.

— А теперь — супер-игра! Имя человека из последнего шара не только сделает его членом главной группы, но и главным во всей операции! — порол ересь шериф Бертон.

— А это соответствует полицейской конституции? — сузил подведенные глаза лейтенант Депп. — А если он будет младше меня в звании? Мне тоже что ли подчиняться?

— Все там соответствует, Джонни! — весело хлопнул его по мусорским погонам Тим Бертон. — И да, тебе нужно будет ему подчиняться…

— Точно-точно? — прищурился Депп. — Ты меня не разводишь?

— Да все так и прописано в конституции! — положил руку на сердце Бертон, пытаясь успокоить друга. К слову, Джонни и Тим дружили уже много-много лет, а нахуяриться до состояния в хуй со своим старым другом было для Джонни превыше всего.

— Ну, ладно, — кивнул лейтенант. — Только потом чтоб не было такого, что главный шериф Штатов скажет, что все это незаконно и понизит меня в должности…

— Итак! Самым главным во всей операции по поимке станет… — шерудил в шарах Бертон, нагнетая атмосферу.

— Сука-бля, хоть бы сержант Харди… — ерзал по стулу Том, мечтая хоть на время обрести власть над всеми мусорами из зала.

— Сержант… — продолжал сеять загадочность Тим Бертон, а в зале повисла трепетная пауза.

— Ну же… — мял вспотевшие кулаки Том.

— Джеймс Кэмерон! Лос-Анджелес, штат Калифорния! — зааплодировал мистер Бертон.

Из зала подскочил немолодой гладковыбритый мужчина и поскакал в сторону сцены.

— Ну, нет! Хуйня какая-то! — возмутился бухой Джонни, пихнув Тима в плечо. — В нашей команде все молодые, а этот полу-пенсионер какой-то! Я — против! — стиснул он челюсть, продемонстрировав другу раздраженный оскал из своих золотых зубов. — К тому же, знаю я этого Кэмерона! Месяц назад он сдавал у меня на лейтенанта и провалил экзамен! Не думаю, что этот человек компетентен! Я не буду ему подчиняться!

— Что? Он не сдал экзамен? У Джонни? Как? Возможно ли это? — там и тут заулюлюкали мусора из зала.

— Хм… — задумался Бертон, свято веря в компетентность друга. — Может

тогда ты порекомендуешь кого-то?

— Вон тот парень отлично себя показал! — указал лейтенант Депп татуированным пальцем на сержанта Харди. — У него ебейший рекорд прохождения полосы препятствий! Лучший в Америке! Я рекомендую взять его!

— Да, сука-бля! Я — власть! — вскочил со стула Том, подняв кулаки, словно глупый чемпион.

— О! Ты-то тут откуда? — мягко, словно осенняя листва, прошуршал Питт, заметив Харди.

— Долгая история, — потрепал его по пшеничной укладке Том, громоздко взойдя на сцену.

— Это не честно! — взорвался, покраснев словно глупый томат, Джеймс Кэмерон. — Вы нарушаете конституцию полиции! Я буду жаловаться в Архиверховный полицейский суд!

— Да жалуйся ты куда хочешь! — брезгливо отмахнулся от него шериф Бертон.

Вот так вот и была набрана команда «лучших из лучших», как назвал ее позднее мистер Бертон. Сержант Харди, почуяв власть, нашел перед самим собой и Леонидом официальный отмаз, почему не может вновь отправиться в Нампу. Парень больше месяца тянул резину, якобы обдумывая какой-то план по поимке Роберта. Все это время его группа из пятерых человек, а также отряда из сотни мусоров, прятались в кустах вокруг виллы ДеНиро, ведя за ним некую слежку.

Но, все же, долго это продолжаться не могло. И одной холодной ночью, ближе к концу октября, операцию по поимке ДеНиро пришлось проводить в экстренном порядке. А произошло это так…

— Блять, как же холодно… — бухтел патрульный Питт, поплотнее заворачиваясь в драповое пальто, от одного прикосновения к которому становилось не на шутку мягко. — Нахуя ж я в это влез… Лучше б не подставлял Роберта и его шарагу…

— Ой, хватит тебе, — отмахнулся от него Харди, втирая в десна добрую порцию кокаина. — А он нормально с тобой поступил, кинув на бабки? Все ты, сука-бля, правильно сделал! Так с ним и надо — с этим ДеНиро!

— О чем это вы там лопочите? Кто там кинул кого на бабки? — высунул пытливый, но не татуированный нос из-за портативного телевизора лейтенант Депп, отвлекшись от просмотра сериала про пиратов.

— Ой, забей, Джонни, — отмахнулся Кент, протянув Деппу косяк с гашишем. — Не пизди — сейчас самое интересное пропустим! — ткнул он пальцем в экран телевизора, неимоверно длинный провод которого был незаметно проложен в особняк Роберта. Там и брал энергию.

— Вы имеете право… Нет, вы имеете права… Хранить молчание… Иметь молчание… Блять! — психанул Кит, пытаясь рассказать наизусть «правило Миранды». Но у него ничего не выходило! Правило никак не желало запоминаться! Детектив Харрингтон грозно прорычал, достал из пакета бутылку водки и сделал жадный раздосадованный глоток. — Так че, пацаны, сегодня чем займемся?

— Покер? — извлек Том из сержантской куртки колоду карт.

— Джонни, ты фишки купил? — пихнул лейтенанта в бок Кент. — Или опять с листочками и пивными пробками играть?

— Блять, нет, — виновато пожал плечами Депп. — Хотите, могу зубы достать? Ими фишки и заменим.

— Ну такое… — помотал ладонью Кит. — Может лучше еще раз стриптизерш вызовем? Всем пацанам в прошлый раз понравилось…

— Нет, сука-бля, — отвесил ему оплеуху сержант Харди. — Тогда еще тепло

было! А сейчас что шкур таскать по холоду? Как-то неприлично, — вступилась за женщин его английская вежливость, но не сам Том, который, пожалуй, посмотрел бы на голых девок, придерживаясь и своего и их принципа — смотреть, но не трогать.

— А может тогда пойдем к остальным пацанам и подеремся? — потанцевал кулаками Питт. — Как в старые добрые в «бойцовском клубе». А? Том?

— Да как-то заебало это, только вчера дрались, — цокнул Кент, уже заебавшись изо дня в день участвовать в однотипных развлечениях. — Может тогда стенка на стенку?

— А что, сука-бля, это мысль! — состроил фирменный еблет Харди.

— А это безопасно? — прищурился лейтенант Депп.

— Да конечно, Джонни! — брехливо ответили ему остальные четверо хором.

— Блять, парни, ну все! Приплыли! — забежал в куст Джим Керри, безобразно и волнительно кривя ебалом.

— Где мой коньяк? — решил побыдлить обхуяренный не только гашишем, но и ЛСД, Джонни, наминая татуированные кулаки.

— Да иди ты в пизду, лейтенант! У нас большие проблемы! Звонил Тим Бертон! Он в таком гневе! Сказал, что если к утру ему на ковер не приведут Роберта ДеНиро, то он всех нас к хуям разгонит, да еще и отстранит от работы в полиции на год! — верещал Джим, перемещая лицо по часовой стрелке по всей голове. — А тебя, сержант Харди, и вовсе отстранит от службы на сто лет с невозможностью оставить при себе табельное оружие и служебный транспорт!

— Сука-бля! — взорвался Харди, подскочив с ящика. — Приступаем к плану «Б»!

— А какой был план «А»? — удивился Харрингтон.

— Тебя это как ебет?! — продолжал биться в агонии придумывания Том. — Так, Брэд, вставай и иди туда! — указал он в сторону особняка.

— И что мне там делать? — улыбнулся Питт улыбкой младенца, первый раз увидевшего отца.

— Зайдешь на парковку и начнешь выписывать на их тачки штрафы, — молол сержант несусветную хуйню. — А потом поступим так… — тяжело выдохнул он и начал излагать план, сочиняя всякую наркоманскую ересь прямо на ходу.

Спустя полчаса.

Патрульный Питт, бесшумной поступью своих замшевых ботинок, кружился вокруг гангстерских машин, выписывая штрафы за хуевую парковку и шумно подпихивая их под дворники автомобилей.

— Что ты делать? — рявкнул Тиль Швайгер, подкравшись к Брэду сзади. — Гэй вэг! Это частный собственность!

— Никуда я не уйду! — возмутился Питт, пронзив лучезарным взглядом жестокого немца.

— Вы уже надоесть! Почти два монат тереться и не давать нам спокойно жить! Вы и так шуметь как не в себя! Зачем еще и пробрались сюда?! А, грязная мент!

— Вы не имеете права разговаривать в таком тоне с представителями правоохранительных органов, — сделал душевный выговор Тилю патрульный и продолжил дальше заниматься работой.

— Блять, Питт, не получается! — закряхтело со стороны.

Тиль озлобленно обернулся и увидел, как какой-то кент беспардонно распахнул ворота въезда на виллу и теперь вместо них раскатывает шипованную ленту.

— Что ты позволять себе, американский швайне? — возмутился херр Швайгер, мечтая вогнать под ногти этого ублюдка десяток-другой булавок.

— Я просто выполняю свою работу! — громко цокнул Чарли, продолжая

тянуть ленту в сторону.

— Да я тебе сейчас! — поднял кулак в воздух Тиль и побежал в сторону Хэннема.

— Стоять на месте! Вы арестованы! — гордо изрек детектив Харрингтон, проскакав на территорию виллы Роберта на своем верном коне. — Вы имеете право хранить… Хранить это… — замялся он, бредя «правило Миранды».

— Ты что, нацист что ли? — перелез через забор агрессивно настроенный лейтенант Депп, дерябнув перед своим выходом чекушку коньяка. Как сам выразился — для голоса.

— Найн! — рявкнул в ответ Тиль Швайгер, решив показаться милым, а сам же визуализировав, как сжигает Джонни в подвальной печи, а затем на его углях жарит баварские сосисочки.

— Точно-точно? — усомнился Депп, почуяв от немца некий развод.

Тиль же, который не знал, как следует ответить татуированному лейтенанту, ведь не выучил перевод данного слова с английского, не придумал ничего лучше, чем подскочить к Джонни и въебать ему в нос.

— Охуел? — взорвался словно опавший осенний лист Питт и поспешил на выручку коллеге. Он подскочил со спины к Тилю, схватил за шею и, перебросив через себя, начал бороться с ним на асфальте.

Вдруг из-за угла вылетел десяток приспешников ДеНиро, и ребята бросились в драку на мусоров, решив поубивать этих сук к хуям. За всей этой картиной, спрятавшись в кустах, следил обдолбанный до неузнаваемости сержант Харди, а за его спиной стояла целая сотня ментов, ожидая распоряжений.

— Ебала какая-та… — буркнул он под нос, затянувшись крэком. — Так, пацаны! Нашим парням нужна помощь! Штурмуем, сука-бля! — обернулся он, как бы, к подчиненным, и жестом ладони предложил им напасть на виллу.

Глупая армия полицейских, кто под чем — героином, кокаином, алкоголем, марихуаной или галлюциногенами, повытаскивали из-за поясов свои глупые дубинки, вознесли их к небесам и побежали в атаку. Мусора яростно заорали и стали перебираться кто через ограду, а кто и вовсе побежал прямо по шипованной ленте, насквозь пробивая подошвы ботинок и дырявя свои нерасторопные стопы.

В считанные секунды безумные менты отпиздили дубинками приспешников Роберта и с обалдевшим видом побежали штурмовать виллу. Обдолбанные блюстители порядка разбивали своими тушами окна и вваливались внутрь. Некоторые, особенно смелые и важные, начали строить из коллег живые лестницы, по которым лезли сразу на второй этаж, теряя с голов праздные кепки и демонстрируя тем самым лысые головы.

— Какого хуя они творят? Такого не было в моем плане! — ебанулся от увиденного Том, почесав затылок. Ну, а хули ты удивляешься, дружище?! Как говориться — какой хозяин, такая и собака! Нужно было проявить лидерство и показать хоть какую-то строгость и власть, а не вести себя так по-панибратски с хоть и временными, но тем не менее — подчиненными!

Но дальше происходило больше! Мусора стали вышвыривать из окон предварительно подожженную мебель, а самый бравый и вовсе взобрался на верхушку крыши и вывесил на ней флаг конфедерации. Несколько ребят, оставшихся на улице, обвязали веревкой фонтан-памятник в виде Роберта и свергли его с каменного постамента, провозглашая на все Чикаго, что город освобожден и люди могут спать спокойно. Да какой спокойно?! Соседи ДеНиро были в не себя от ярости из-за шума, поэтому начали пачками вызывать полицию, дабы те прекратили всю эту вакханалию на вилле Роберта. Но получалось все не то! Вновь прибывшие на место вызова мусора, будто ловили нехилого клина, и также бросались на штурм. Таким образом, спустя час ментов уже было больше пяти ста человек!

— Пиздооос, сука-бля! Ну пиздооос! — схватился за лысину Том. — Да меня ж не только уволят за это, а посадят нахуй! — продолжал охуевать он, как вдруг услышал звук приближающегося вертолета. — Что за? — только и успел поразиться сержант, как был к хуям сбит с ног поднявшимся ветром от лопастей «вертушек».

На виллу летело целых пять вертолетов! Вдруг их боковые потайные люки раскрылись, и оттуда приветливо высунулись супернавороченные огнеметы.

— Сжечь тут все дотла! — бунтовал лейтенант Депп, вскинув к небесам татуированный кулак.

И пилоты вертолетов открыли огонь, нарочито поджигая кусты и деревья, посаженные на территории самой виллы и не только.

— Да что за шляпа? — выскочил из горящего куста Том и кинулся на землю, кувыркаясь по ней в попытках потушить пожарище на сержантской куртке.

— Достаточно! Я сдаюсь! — понуро выбрался из подземного бункера Роберт ДеНиро, держа в одной руке белый флаг, а во второй палку, на конце которой был привязан узелок, где находились пожитки главы мафиози и его черного сына.

— Вон он! Взять его! — прокричал Питт, бесшумно побежав в сторону Роберта и наставив на него свое прекрасное, сеющее мир и добро, табельное оружие.

— Да ну нахуй! — психанул Харди, решив, что Брэд, поддавшись стадному инстинкту и впав в шизу, сейчас убьет Роберта. — Съебу-ка я отсюда и скажу, что заболел и меня вообще тут, сука-бля, сегодня не было! — придумал он и пешком побрел в ближайшую гостиницу, где благополучно и уснул по прибытию.

Наутро, когда Том уже проснулся и обдумывал план, как бы ему незаметно съебаться из Штатов, дабы не «присесть», ему позвонил Тим Бертон. Сержант совершенно не представлял, как нужно действовать в подобной ситуации, поэтому не придумал ничего лучше, чем ответить на вызов. И какого же было его удивление, когда шериф Тим с ходу принялся обсыпать Харди хвалебными речами о том, что в первый раз за свою карьеру видел столь блестящую облаву, в которой, к слову, смертельно не пострадал никто!

После разговора Харди понял, что на него не то, что никто не злиться, а напротив — кажется, он стал кем-то вроде местного героя. Парень незамедлительно отправился в участок, дабы узнать, чем же, сука-бля, закончилась вчерашняя делюга.

Как оказалось, Роберт ДеНиро еще глубокой ночью был доставлен в участок к шерифу Бертону, где и предложил тому свое сотрудничество. Местные власти согласились пойти на сделку с Робертом. Уже бывший глава мафиози слил всех представителей власти США, с которыми когда-либо сотрудничал. В их число даже вошел главный шериф Америки, с которым мистер ДеНиро, как оказалось, уже семь лет кряду занимался перепродажей героина в странах третьего мира. За полученную информацию власти сохранили Роберту свободу, и тот даже попал под программу защиты свидетелей. ДеНиро надеялся, что его отправят на Родину, ну, или хотя бы в Бразилию, но вместо этого его определили на Аляску. Также было решено сохранить свободу его сыну Кертису ДеНиро, который все по той же программе защиты свидетелей был определен в Портленд.

За беспрекословное сотрудничество власти также согласились оставить Роберту его стрип-бар, дабы старику и его сыну капал хоть какой-то доход.

Все же работники из приближала ДеНиро были доставлены прямиком в суд, который провели сразу же после их задержания, где и получили нехилые такие сроки. Лишь за одного из парней лично попросил Роберт — за Тиля Швайгера, слезно умоляя не рушить судьбу немца. Власти, подкатив глаза, все же согласились не сажать Тиля. Ведь Роберт посотрудничал с ними и показался

милым, почему бы и им этого не сделать?!

Что же касаемо самого сержанта Харди, Тим Бертон долго раскланивался перед ним и просил прощения, что хоть парень и совершил подвиг, но его фамилию никак нельзя раскрывать, ибо у Роберта есть много друзей, которые наверняка захотят расквитаться с человеком, подставившим ДеНиро. И именно поэтому, новое звание Тому они не дадут, так же, как и не напечатают его фото в газете. Но все же, Харди обещали дать премию, а также, прямо в кабинете шерифа Чикаго наградили орденом «за сохранение мира под небом США».

Получив эту глупую медаль, Том обрадовался, как мальчишка! Он прилепил бирюльку к груди и незамедлительно решил позвонить отцу, дабы сообщить, что тот воспитал не то что сына — героя! Героя? Героя, блять, чего? Наркомании и долбоебизма? Героя, который просидел в кустах, а потом и вовсе съебался поспать? Ну, понятно все с тобой, мистер герой!

Том разблокировал мобильник и, полыхая от счастья, стал искал номер Кристофера, даже и не представляя, что уже через мгновение на смену радости придет черная всепоглощающая печаль. Сержант приставил телефон к уху и начал ждать ответа на том конце провода.

— Мел? — приподнял он шрамированную бровь, когда через пару гудков ему ответил никакой не Кристофер, а толстуха Маккарти. — Чтооо?!

Глава 59: Уходящий

Черный кэб, прибывший из аэропорта Хитроу, остановился у кованых ворот поместья на Грин-Энд-роуд. Задняя пассажирская дверь распахнулась, и из Астена FX4 торопливо вылез Том Харди. Забрав свой чемодан из багажника, он поспешил к воротам, которые перед ним открыл тот же дворецкий, что делал это, когда сержант впервые приехал сюда, будучи восьмилетним мальчишкой.

Парень быстро прошагал по дорожке мимо пруда, поднялся по ступенькам на террасу и подошел к входной двери. Он толкнул ее от себя и оказался в просторном холле. В нос ему ударил знакомый запах древесины, обработанной лаком, свежей выпечки и марихуанового дыма. Это был запах родного дома.

— Том, ты приехал! — подскочила с дивана Мелисса и бросилась к Харди, заключив его в свои мягкие пухлые объятия. — Мы так ждали тебя!

— Ждали, сука-бля? — отстранил от себя пышку сержант. — Да если бы я не позвонил, вы бы и не соизволили мне ничего сообщить!

— Не правда! Я собиралась позвонить тебе сама на днях, — начала оправдываться Маккарти.

— На днях, сука-бля… — процедил сквозь зубы Том. — Да ты должна была мне сообщить сразу, как только все узнала!

— Я же тебе объяснила по телефону, что он болен уже очень и очень давно, он не хотел тебя расстраивать и обременять, — продолжала Мел, пытаясь усадить Харди на диван. — Если бы ты узнал об этом до своего отъезда из Манчестера, то, скорее всего, переменил бы все свои планы и не улетел в Штаты. Кристофер не хотел рушить твою мечту! Как ты не понимаешь? Но теперь я поняла, что если промедлю еще хоть немного, то… То вы вообще можете больше не увидеться. Поэтому и решила сообщить тебе сама, без его ведома. Он не знает, что ты приехал… Наверняка начнет ворчать на меня. Но, уверенна, будет очень рад, что ты здесь.

— Ладно… — наконец уселся на диван Том, тяжело выдохнул и провел ладонью по лицу. — Он совсем плохой?

Мелисса молча кивнула и опустила взгляд в пол.

— Сука-бля… — откинулся на спинку Харди и закурил. — Как же так, Мэл? Как так? — посмотрел он на няньку.

— Так бывает, — грустно улыбнулась Маккарти и тяжело плюхнулась рядом с парнем. — Рак не щадит никого, будь ты хоть бомж из подворотни, хоть королевская особа. Кристофер узнал о диагнозе слишком поздно, шансов на спасение уже не было, метастазы поразили почти все органы. Хотя, можно считать, он везунчик — прожить несколько лет с метастазирующим раком легких не каждому дано. Но теперь — время пришло. У организма не осталось сил бороться. Ты это поймешь, когда увидишь его. Осталось не долго… Но главное, что у вас еще есть время, чтобы побыть друг с другом…

Мелисса приобняла Тома и прижала его голову к своему плечу. Сержант выдохнул табачный дым и приставил пальцы к переносице.

— А ты все куришь? — отпихнула его от себя Маккарти, отмахиваясь от клубов дыма. — Такими темпами Кристофер еще тебя переживет. Завязывай с этим, пацан!

Харди ухмыльнулся, сделал еще пару затяжек и затушил бычок о пустую чашку с остатками кофейной гущи на дне.

— Где он? — спросил он, вставая с дивана.

— У себя в кабинете. Последнее время постоянно проводит там, хотя уже давно ушел на пенсию, но никак не может до конца отойти от дел, — ответила Мелисса. — Сидит там целыми днями, перебирает какие-то бумаги… Раньше он

жил тобой и работой, а теперь… Пытается хоть как-то себя занять.

— Ладно, я пойду к нему… — поджал губы Том, почувствовав себя не на шутку виноватым.

Харди поднялся по широкой лестнице на второй этаж и двинулся к кабинету мистера Уокена.

— Пап… — осторожно постучал он в тяжелую деревянную дверь и, не дожидаясь ответа, открыл ее. — Пап…

У стола в большом кресле с кожаной обивкой, развернувшись к окну сидел Кристофер и задумчиво смотрел сквозь стекло. Он был одет в кардиган-пальто из мягкого бежевого трикотажа, клетчатые брюки и вельветовые тапочки. Позади него, на столе, лежала шляпа.

— Пааап, — позвал вновь Том, но ответа не последовало. Тогда он подошел к креслу, присел на корточки и положил ладонь на морщинистую руку отца.

— Том? — встрепенулся мистер Уокен и растерянно уставился на сына.

— Почему ты ничего не сказал? Я бы давно приехал! — сжал покрепче руку Харди, всматриваясь в лицо отца. Оно было исхудавшим и осунувшимся, морщин прибавилось, будто прошло не полтора года, а десяток лет. Под глазами залегли темные круги, а зрачки неестественно блестели.

— Как ты, сынок? Как твои успехи на работе? — улыбнулся Кристофер, проигнорировав вопросы сына.

— Это не важно, пап… Важно лишь твое здоровье, — помотал головой Том.

— А что мое здоровье? Я давно уже не молод, какое у меня может быть здоровье? — ухмыльнулся мистер Уокен. — Может, чуть хуже, чем у кого-то из моих ровесников, однако, также многие из них уже давным-давно сыграли в ящик. Я пока жив, а это значит, что все в порядке. Поэтому меня волнует лишь одно — как твои дела?

— Все нормально, я уже говорил, что стал сержантом… Недавно возглавлял одну операцию по поимке главы мафиозной группировки. Меня наградили Орденом за мирное небо над США… — после непродолжительной паузы заговорил Харди, решив порадовать отца.

— Подумать только! Мой сын в девятнадцать лет получил звание сержанта в полиции Штатов! Еще и такую награду вручили! — потрепал Тома по лысине Кристофер. — Я горжусь тобой, сынок! Ты большой молодец! Не каждый сможет в твоем возрасте добиться таких высот!

Харди грустно улыбнулся, взял руку отца в свои ладони и приложил к щеке. Рука была мертвецки холодной, несмотря на то, что воздух в кабинете был не на шутку прогрет камином.

Повисла печальная, но отнюдь не неловкая пауза. Им было о чем помолчать.

— Пойдем вниз, скажу кухарам, чтобы приготовили праздничный ужин, — нарушил тишину мистер Уокен и, встав с кресла и надев шляпу, двинулся к двери. Том окинул отца взглядом. Тот хоть и выглядел постаревшим, но от присущей ему усталости не осталось и следа. Парень отчего-то сразу понял — это нехороший знак. Да к тому же еще этот блеск в глазах, который он заметил во время разговора — Кристофер явно уже сидит на морфине или каком-то еще наркотическом обезболивающем. Харди научился определять такие вещи на курсах Майкла Мэдсона, который говорил, что хороший коп должен по блеску в глазах определить, находится ли человек под воздействием алкоголя или наркотиков, и только лучший из лучших сможет распознать под чем именно, вплоть до сорта наркотического вещества. У Тома неплохо выходило, и он по сей день продолжал оттачивать это мастерство.

— Пойдем, — пробормотал Харди и двинулся за отцом, отчетливо поняв, что в скором времени того не станет. Сколько еще осталось? Неделя? Месяц? Наверно, не больше этого. У Тома внутри все сжалось, но он твердо решил провести все это время с отцом, пробыв с ним до последнего вздоха. Хватит ли

им этого времени? Нет. Но это все, что у них есть.

Так пошли дни. Каждое утро сын будил отца и звал на завтрак. Вместе они отправлялись в столовую, где пили чай с булочками, обсуждая новости из свежей газеты. После они выходили на задний двор и играли там в ростовые шахматы. Том постоянно пытался поддаться отцу, но тот ворчал на него и требовал честной игры. После обеда они собирались в библиотеке, где каждый перечитывал свои любимые книги под монотонный стук старинных часов. Там же они проводили файф-о-клок, во время которого Кристофер травил байки про детство сына или повествовал о предках семейства Харди. За ужином сержант и мистер Уокен вновь отправлялись в столовую, где каждый вечер кухара готовили новые изысканные блюда. Трапезничая и запивая еду вином, парень рассказывал отцу о своей жизни в Штатах, умалчивая, конечно, нелегальные подробности и прочую чепуху.

В один из таких вечеров на ужин пришла Мелисса. Хоть Том давно и вырос из возраста, когда ему требовалась нянька, и Маккарти уже целый год работала в другой семье, но Харди были для нее особенными. Она считала их не просто друзьями — родными, ведь они дали ей путь в жизнь, именно с них она начала карьеру няньки и поняла, что работа с детьми — ее призвание. Поэтому толстушка не могла их оставить в столь тяжелый момент, несмотря на то, что давно не работает на них.

— Фуф, еле успела, с работы бегом к вам, а через два часа у меня свидание, — тараторила Мелисса, усаживаясь за стол и обмахиваясь салфеткой. — Ну что, парни, как ваши дела? — посмотрела она поочередно на отца и сына, отхлебнув вина.

— Почти, как в старые-добрые, — усмехнулся Кристофер, высыпая себе в ладонь пилюли из таблетницы. — Я да Том, только тебя и не хватало! — задорно улыбнулся он и закинул лекарства в рот.

— Вы тут без меня, наверняка, распоясались, — шутливо погрозила толстым пальцем Маккарти.

Мистер Уокен весело отмахнулся и приступил к ужину. Остальные последовали его примеру. Том успел съесть буквально пару кусочков стейка, когда отец сложил столовые приборы в знак окончания трапезы. В последнее время у Кристофера почти не было аппетита — он либо не ел вовсе, либо съедал всего-ничего. Это не могло не волновать Тома, но он понимал, что для его нынешнего состояния это норма, и не заставлял есть его силком.

— Ну, Мел, расскажешь нам о своем новом ухажере? — подпер мистер Уокен подбородок руками, сложенными в замок. — Ох, как же я любил, когда ты рассказывала всякие курьезные случаи со своих свиданий!

— Ну, слушайте! — махнула рукой Мелисса, набила рот салатом и начала свою историю.

Целый час пышка рассказывала, как она познакомилась с нынешним кавалером, как прошло их первое свидание и прочую ерунду. Том и Кристофер хохотали, держась за животы, а кое-кто даже подавился стейком, бьясь в агонии истерического смеха.

— И я боюсь представить, что этот идиот устроит сегодня! — весело визжала Маккарти, вытирая слезы смеха. — Если в прошлый раз этот славянский язычник-ролевик притащил на наше свидание своих родителей, которые показывали для меня шоу в ростовых плюшевых костюмах Перуна и Мокоши, а потом сам гадал мне на древних рунах и предсказал нашу с ним скорую свадьбу! Что мне ждать сегодня? Иду только, чтобы посмотреть на это! Потом вам расскажу!

— Уууух, — выдохнул мистер Уокен, переведя дух. — Везет же тебе, Мел, на всяких чудаков! Где ты только их находишь? И когда же ты уже найдешь кого-

нибудь, с кем будешь ходить на свидание не только ради хохмы.

— Ой, а оно мне надо? — отмахнулась Маккарти. — Я уже много раз говорила — не хочу я обременять свою жизнь всеми этими отношениями. Хочу жить свободной женщиной, время от времени развлекаясь вот с такими вот экспонатами. Так что и не ждите, что я однажды позову вас на свою свадьбу! Знайте — если это вдруг и случится, то это может означать лишь одно — я сошла с ума, и мне срочно нужна помощь! Ну или меня заставили сделать это под пытками! Надеюсь, что, в случае чего, вы меня вытащите из этого дерьма! — вновь рассмеялась Мелисса. — А теперь я хочу послушать твою историю, пацан! — ехидно прищурилась она, уставившись на Тома.

— Какую еще, сука-бля, историю? — приподнял шрамированную бровь Харди.

— Ну как же! Ты за это время так возмужал! Таким красавчиком стал, да еще и при погонах! Все девчонки любят парней в форме! — покрутила толстушка ладонью в сторону Харди. — Не поверю, что у тебя нет подружки!

— Мел, давай не будем, — бросил Том взгляд исподлобья на няньку.

— И впрямь, Мел, давай не будем давить на парня, — наигранно улыбнулся Кристофер.

С тех пор как приехал сын, мистер Уокен ни разу не поднимал волнующую его тему. Он знал, что Том не то что упрямец — баран! Недаром он рожден под знаком Овна. Кристофер не хотел в очередной раз задавать парню вопросов о любви, свадьбе, семье и продолжении рода, ведь знал, что на сегодняшний день ответы вряд ли изменились, и это его не на шутку печалило.

— А при чем тут давить? Кто на кого давит? — завозмущалась Мелисса, не желающая униматься. — Я просто интересуюсь! Что в этом такого? Разве я не могу справиться о судьбе своего первого и самого любимого воспитанника? Не понимаю, что в этом такого!

— Мееел… — умоляюще протянул Том, заметив, что лицо отца стало чернее тучи.

— Помолчи! — выставила ладонь вперед пышка. — Я задам вопрос и хочу, чтобы ты ответил! Я не верю, чтобы ты был лишен внимания девушек. Но если ты говоришь правду, и у тебя действительно никого нет, то в чем дело, пацан? Я всегда слышала от тебя лишь пьяные истеричные бредни на этот счет, но теперь я желаю получить адекватного объяснения. В чем проблема, Том? Уверена, Кристофер тоже хотел бы понять ход твоих мыслей, учитывая положение вещей…

Мистер Уокен поджал губы и опустил взгляд, не проронив ни слова.

— Что ты хочешь услышать? — сквозь зубы процедил Харди, пытаясь сохранять спокойствие, ведь не хотел лишний раз нервировать отца.

— Почему у тебя нет девушки? Пусть не постоянной — ты все же еще молодой, и серьезные отношения тебе сейчас не к чему. Я знаю — Кристофер против такого подхода к любовным делам, но думаю даже это бы согрело его душу, — продолжала допрос Маккарти. — Но я повторяюсь в который раз, мимолетные отношения для молодых парней, к тому же таких симпатичных как ты — это норма! Так почему у тебя нет никого?

— С чего ты взяла, что меня все это интересует? — возмущенно вскинул руки Том. — Я много раз говорил, что мне это не нужно!

— То есть девушки тебя не интересуют в принципе? — вызывающе приподняла бровь нянька и сделала глоток вина.

— Нет! — скрестил руки на груди Харди, нахмурившись.

— Ты гей? — провоцирующе беззаботно ляпнула Мелиса.

— Что? Какого хуя? Нет! — рьяно зажестикулировал сержант.

— Значит женщины тебя все же привлекают? — накинула следующий вопрос Маккарти.

— Ну допустим, сука-бля, — из последних сил держа себя в руках, раздувал

ноздрями Том, понимая, что его хотят вывести на какие-то определенные слова, а может и вовсе обещания. Он бросил взгляд на отца, который молча смотрел в тарелку, кусая пересохшие губы.

— Ага… То есть, если ты не гей, и женщины тебя привлекают, то, чисто теоретически, в мире может существовать некая особа, с которой ты будешь готов иметь какие-либо отношения, будь то просто секс или что-то серьезное? Я ничего не утверждаю, просто рассуждаю. Получается, что это возможно? — выпытывала Мелисса, уже чувствуя, что скоро добьется нужного результата.

— Наверно, возможно, — подвигал желваками Харди.

— То есть дело лишь за тем, чтобы найти ту самую? Получается, что ты просто ищешь, так скажем, любовь всей жизни? — покривила лицом Маккарти, не забыв нарисовать в воздухе кавычки и подкатить глаза.

— Чего ты добиваешься, Мел? — расставил ладони в стороны Том.

— Ты давай отвечай! Ты ищешь свою судьбу? — гнула свою линию толстая нянька.

— Пусть так! Дальше что? — хлеще всех на свете подкатил глаза сержант.

— А дальше вот что, маленький упертый говнюк! — ткнула Мелисса парня в грудь. — Ты настолько уперт, что даже в этот период жизни, не можешь позволить себе сказать отцу те слова, что согрели бы его душу и дали бы возможность дожить остаток дней в спокойствии! Нееет! Ты, будучи до сих пор глупым упрямым пацаном, вбил себе в голову какие-то непонятные принципы, и теперь не смеешь отказаться от них! И ладно ты действительно бы всего этого не хотел! Не хотел бы любви, не хотел бы семьи и всего такого, вот как я, например! Тогда бы это было понятно, и тебе и слова никто не сказал бы! Но я же знаю тебя как облупленного! Знаю, что ты совсем не такой, каким хочешь показаться окружающим! Вся эта твоя напускная дерзость, самоуверенность… Все это лишь для того, чтобы скрыть свою ранимую душу! И не ври хотя бы самому себе, что ты не хочешь любви и всего к ней прилагающегося! Ты можешь обманывать Кристофера, можешь попытаться обмануть меня, но сам ты знаешь о себе всю правду! Просто не хочешь показаться слабым и отступить от заявленных тобою ранее принципов! Так ведь, Том?

В столовой повисла неловкая пауза. Маккарти и мистер Уокен уставились на Харди. Было не понятно, то ли он сейчас взорвется и покроет няньку хуями, то ли расплачется.

— Мел, не стоило. Том не готов к этому, я же говорил — не стоит давить… — заговорил Кристофер таким тоном, будто извинялся перед сыном.

Но не успел он закончить мысль, как был перебит.

— Да! Да! Может, все это и так, Мел! — вскочил из-за стола Харди, сверля Маккарти гневно-обиженным взглядом. — Может, я и хотел бы найти ту, что полюбил бы! Может, я и хотел бы прожить с ней всю жизнь! И, может, даже хотел бы завести детей с ней! Но какой толк от всех этих моих желаний, если всего этого не будет! И дело тут не в моих принципах! Дело вот в чем! Та, что я полюблю, не полюбит меня! Та, что я полюблю, не захочет жить со мной бок о бок всю жизнь! Та, что я полюблю, не захочет от меня детей! Потому что я — чмо и неудачник! Ясно вам?

— Том… — в один голос протянули Мелисса и Кристофер.

— Что Том? Что, ждали, что я в очередной раз начну отстаивать свои обдроченные принципы? — брызжа слюной, орал Харди. — Нихуя! Ты же сама сказала, что я ранимый! Вот и получайте ранимого Тома! Да, я такой! Я мало перед кем могу быть таким. Но если вам так больше нравится, то — пожалуйста! И да, отец, если тебе станет от этого легче — все, о чем ты мне твердил с самого детства, о любви, семье, детях и продолжении рода… Возможно, я всего этого и хочу, но никаких ложных надежд и обещаний дать тебе не смогу, потому что считаю это несбыточным! Так что, просто знай, что я хотел бы этого!

Мистер Уокен молча смотрел на сына. Взгляд его стал наполняться теплотой, в уголках глаз появились лучики морщинок, предвещающие улыбку.

— Сынок, все у тебя будет хорошо, — тихо, но уверенно сказал Кристофер. — Ты у меня самый лучший! У тебя будет все то, о чем ты мечтаешь. Но помни, что путь к счастью всегда тернист. Но не сворачивай с него, каким бы тяжелым он не казался! И ты обязательно придешь туда, куда хочешь. Я в тебя верю и хочу, чтобы и ты поверил в себя. Помни, что ты — та вторая мышка, которая взбила масло… — встал с места мистер Уокен, подошел к Тому и положил руки ему на плечи. — Пожалуй, пойду к себе, отдохну немного… — добавил он и направился к выходу.

Мелисса тоже похлопала Харди по плечу и, довольная собой, поспешила на свидание с очередным клоуном. Сержант же остался в одиночестве, погрузившись в свои мысли.

15 декабря 2003 года.

Ночью на Манчестер обрушился снегопад. Все улицы завалило так, что половина горожан опоздали на работу, вторая же половина даже и не смогли откапать свои машины из-под огромных сугробов. Жизнь замерла. Город словно ушел в зимнюю спячку. Лишь снегоуборочные машины неторопливо проезжали там и тут, пытаясь расчистить дороги, дабы растормошить Манчестер от декабрьского сна.

На заснеженной террасе фамильного поместья Харди, что громоздко расположилось средь однотипных домов на тихой Грин-Энд-роуд, сидели двое — Том Харди VII и Том Харди VIII — отец и сын, которые вот уже как несколько недель проводили вместе, но никак не могли наговориться, оба зная, что любой из разговоров может стать последним.

Том-старший, именуемый Кристофером, расположился в плетеном кресле качалке, накрывшись пледом. Его сын — сержант Том — уселся на верхней ступеньке возле ног отца, подстелив под себя диванную подушку.

— Может пойдем в дом? Что-то холодно, сука-бля, — потер рука об руку Харди.

— Нет, хочется свежего воздуха. В доме я задыхаюсь, — ответил мистер Уокен, полуприкрытыми глазами осматривая свои владения.

— Ладно, тогда я укрою тебя еще одним пледом, — встал Том и накинул на отца кашемировый плед.

— Спасибо, сын, — улыбнулся Кристофер. — Как на счет… Ммм? — достал он из нагрудного кармана пальто-кардигана два косяка.

— Эээм… Это трава что ли? — растерялся Харди и, приподняв шрамированную бровь, с подозрением посмотрел на самокрутки.

— Ну да, а что такого? Ты уже взрослый, — ухмыльнулся мистер Уокен, засунув один косяк себе в рот, а второй протягивая сыну. — Лучше уж со мной, чем потом где-то в подворотне с каким-нибудь отребьем…

— Дааа… Лучше так… — протянул Том, решив не признаваться отцу, что уже пробовал всякое и похлеще марихуаны. — Ну давай, сука-бля, — взял он косяк отца.

Харди достал из кармана дубленки зажигалку и подкурил сначала отцу, затем себе. Оба глубоко затянулись и задержали дыхание.

— Сукааа-бляяя… — прохрипел Том, выдыхая дым из легких. — Это что за хуйня? Где ты взял такую забористую дурь? — охуел он, рассматривая тлеющую папироску, набитую до отказа травой.

— Хах! — усмехнулся Кристофер, продолжая не дышать. — Так я вообще-то сам выращиваю. Неужели ты никогда не замечал между вон тех розовых кустов тайную клумбу конопли? — указал он рукой в сторону забора, отделяющего их имение от территории дома деда Фергюсона.

— Ебааать, — продолжал охуевать Харди. — Чем ты ее поливаешь? Это ж пиздец! — прыснул он и затянулся еще раз.

— Это еще одна наша семейная реликвия, — развел ладонями мистер Уокен. — Я оставлю тебе секретный рецепт, сможешь выращивать такую же! Но помни, что все это противозаконно! И никому не говори, что это отец научил тебя таким плохим вещам! — наигранно строго сказал он.

— Я ж сам коп, пап! Уж мне ли не знать о таких противозаконных вещах? Да и что мне эти законы? Я — власть! — нес хуйню сержант, словив нехилый приход от отцовской травки.

— Мой сын — власть! Звучит круто! Это действительно круто, Том! — закивал Кристофер, выдохнув марихуановый дым и медленно втянув носом холодный манчестерский воздух. — Когда ты успел стать таким взрослым, мальчик мой? Казалось вот только недавно я привез тебя сюда, такого маленького, такого беззащитного и запуганного…

Том повернулся к отцу, тот протянул к нему руку и провел большим пальцем по шрамированной брови.

— Я так хотел тебя защитить… — сказал мистер Уокен, внимательно рассматривая лицо сына. — Я так боялся за тебя, боялся, что Мэрил тебя найдет и заберет… Но теперь я понял, какой ты сильный мальчик, всегда был сильным. И боялся я не за тебя, а за самого себя, боялся потерять тебя снова. Это было эгоистично с моей стороны, я не должен был скрывать от тебя ничего. Наверно, ты плохо помнишь те годы, что прожил в доме матери. Это были ужасные, тяжелые для тебя годы, но они были, и это навсегда останется частью тебя, ты не должен пытаться это забыть. И я не должен был пытаться огородить тебя от прошлого и внушить тебе, будто ничего этого не было…

— Я помню все, — перебил отца Том, задумчиво уставившись на мерцающий снег, белизна которого слепила глаза. — Каждый ее взгляд, каждое ее слово, помню ее запах… Все — будто это было вчера. Этого никогда не забыть, как бы я не старался. И я помню…

— Том, есть еще то, о чем ты не знаешь, — не дал договорить ему Кристофер, будто куда-то заспешив. — Я должен был сказать давно, но не решался. Не решался признаться еще в одной лжи… Том, у тебя есть еще брат…

— Я знаю, — кивнул Харди, и все прежние сомнения о существовании мальчика из шара будто улетучились.

— Его зовут… Дж… Дж… — закашлялся мистер Уокен.

— Джейк! Я помню, пап! Я всегда знал, что это был не воображаемый друг, — не моргая продолжал смотреть не белый покров Том. — Знал, что он существует. И поэтому я поехал туда. Я был там, пап. В Нампе. Я поехал в Штаты, ради того, чтобы найти мать и брата. Прости, что врал тебе, ты бы не пустил меня. Но теперь я съездил туда, и я встретил ее… И я не могу, пап! Я совсем не сильный, как ты говоришь. Перед ней я чувствую себя никем — пустым местом… Сколько бы силы во мне ни было — она всегда будет сильнее меня. Даже зная, что там, в ее доме, на втором этаже, в ебаном шаре, живет ребенок, которого она держит в плену, зная, что это мой брат… Даже зная все это, я не смог преодолеть свой страх… Я просто ссыкло! Ранимое гребаное ссыкло!

Повисла необъяснимо тихая пауза.

— Видишь, даже тебе нечего на это сказать… — усмехнулся Том, растаптывая берцем косяк.

Харди обернулся на отца. Перед глазами несколько секунд стояла пелена от созерцания ослепительно белого снега. Том несколько раз поморгал. Пелена стала рассеиваться, и тогда он смог рассмотреть отца. Открытые глаза безжизненно смотрели в небо, затянутое серым. На губах застыла едва заметная усталая улыбка. В руке, зажатый между пальцев, тлел косячок, от которого тонкой струйкой поднимался дымок.

Том усмехнулся то ли комичности, то ли трагичности этой ситуации.

— Я тут тебе, значит, душу изливаю, а ты просто взял и умер? — спустя пару секунд и вовсе истерично засмеялся сержант, будучи накуренным до неузнаваемости, и уткнулся лицом в колени. — Пап, ну какого ж хуя? Почему так рано? Мы еще столько должны были сказать друг другу! Почему мы не поговорили обо всем раньше? Пап, ну нет! Сука-бля… Почему так мало времени? — уже зашелся в рыданиях Харди, раскачиваясь взад-вперед и не поднимая лица.

Снег крупными хлопьями падал и бесшумно ложился на землю. Он ложился на оголенную шею и руки Тома, но тот не чувствовал его холода. Он ощущал лишь ледяную пустоту внутри, сковавшую его сердце. Парень развернулся и на коленях подобрался к креслу-качалке, где покоился Кристофер, укурившийся до смерти. Харди приложил голову на грудь отца, будто надеялся услышать стук его правостороннего сердца. Не услышав ничего, он подтянул к лицу кашемировый плед и зарыдал в него.

— Ты был самым лучшим! Спасибо тебе за все! Я люблю тебя, пап! — проговорил он, подняв голову и заглянув в глаза отцу, где увидел умиротворение. Парень слегка улыбнулся и закивал головой, а из его глаз брызнула очередная порция слез. Он попытался вытереть их рукавом, но те продолжали течь по щекам и скатываться на трикотажный кардиган-пальто.

Том-младший положил ладонь на лоб отца и провел ею вниз, опуская веки Тома-старшего.

— Я люблю тебя, — шепотом повторил Харди, похлопав своего старика по плечу.

Примечание к части

Дорогой мой друг, на этой печальной ноте мы переходим к новому жизненному этапу нашего, сука-бля, героя. И пока ты находишься в ожидании новой главы, или уже есть продолжение, и ты порываешься побежать читать дальше, хочу напомнить, что твой фидбек для меня ебейше важен! Даже пару обыденных слов вдохновят меня на дальнейшее написание и согреют мою душу драматмчного клоуна) так что не стесняйся - пиши!

Глава 60: Прощание

Последующие дни полетели для Тома в бешеном ритме. У парня было столько дел по организации похорон, что не оставалось ни минуты свободного времени, чтобы расклеиться и поскорбить по отцу. Телефон в поместье Харди не замолкал ни на минуту! Постоянно кто-то звонил и приносил Тому свои соболезнования. А тот принимал их будто на автомате, не давая себе ни малейшего шанса дать волю эмоциям. Сержант будто посадил себя в какой-то неведомый кокон, ведя себя сдержанно и хладнокровно. Он знал, что никто кроме него не будет заниматься похоронными делами мистера Уокена. А проводить отца в последний путь со всеми почестями — было сейчас для Тома превыше всего. Мисс Маккарти практически каждую минуту была рядом с Харди, помогая с организацией и то и дело утешая парня.

Зал, который раньше предназначался для проведения приемов, был переоборудован в некое подобие зала для прощаний. На небольшом постаменте стоял дорогой распашной гроб из красного дерева, где и покоился Кристофер Уокен, сплошь обложенный живыми цветами. Недалеко от гроба стоял мольберт, на котором было установлено фото Кристофера — немного уставшего, но волне себе пышащего жизнью. Так же рядом стоял флагшток с опущенным флагом Великобритании. По всему периметру залу ровными рядами стояли уютные скамеечки для тех, кто бы хотел прийти и попрощаться с Кристофером.

Люди тысячами съезжались в поместье, дабы отдать последние почести мистеру Уокену. Все любили этого умного добродушного планокура, который ни разу в жизни не сделал никому никакого дерьма! Народу было так много, что сами похороны было решено перенести, пока с Кристофером не попрощаются все его друзья и знакомые.

На четвертый день в поместье Харди заявилась королевская семья в лице принца Чарльза и двух его сыновей — стремительно лысеющего Уильяма и рыжего балбеса Гарри. Чарли никак не мог поверить своим глазам, что умер его не только верный и самый лучший из министров, но и закадычный друг. Он с горя напился и стал падать на колени перед гробом, слезно моля Кристофера немедленно подняться и жить дальше. Но сколько бы он не просил, как бы не умолял — мистер Уокен был неумолим и не желал воскресать. На вторые сутки принц Чарльз успокоился и заявил, что его дражайшая матушка тоже хочет проститься с Крисом. Но приехать лично не имеет возможности, ибо шанс коричневого кода в дороге слишком высок. А кто теперь скроет тайны королевской семьи, если мистер Уокен пал жертвой безжалостной болезни под названием рак? Посему принц решил организовать прощальное турне для Кристофера в Лондон, где гроб с его телом должен будет пару дней простоять в поминальном зале Букингемского дворца, где с мужчиной сможет проститься элита Великобритании. Том без раздумий согласился, ведь знал, что для отца это было бы важно, он всегда был патриотом до мозга костей. А церемония прощания в главном замке страны — не это ли успех?

Вот так вот гроб с уставшим телом Кристофера путешествовал по стране еще несколько дней. И, наконец, на утро десятых суток был возращен в фамильное поместье Харди. Том же решил больше не оттягивать с погребением отца, ведь, кажется, бренное тело того уже не на шутку начало приобретать негожий вид.

И вот ближе к полудню помпезный гроб был вынесен на задний двор. Многочисленные друзья и коллеги больше часа прощались с Кристофером, после чего его тело переложили в каменный саркофаг. Зачем? Все дело в том, что не одно поколение семьи Харди захоранивалось в фамильном склепе, что располагался на заднем дворе поместья. Каменные гробы с Томами или их

женами спускались в крипту, находящуюся под склепом, где и обретали вечный покой усопшие.

— Прощай, пап… — подошел к каменному гробу Том, положив руку на плечо Кристофера. — Мне так повезло с тобой… Ты лучший отец во вселенной. Я буду любить тебя вечно и постараюсь прожить жизнь так, чтобы ты гордился мной, — шептал он. — Вот тебе, чтоб, сука-бля, не скучал там, — усмехнулся он, подсунув под поля шляпы мистера Уокена косячок. Тут к его горлу подступил ком, и парень поспешил зажмуриться и зажать пальцами переносицу, дабы не разрыдаться при всех этих незнакомых и нахуй ему не нужных людях.

— Том, пора… — подошла к нему сзади толстуха Маккарти, положив руку на плечо.

Дальнейшие события для Тома прошли как в тумане. Он запомнил все какими-то обрывками. Вот навек закрывается каменная крышка гроба, далее сразу же поминки в поместье, нескончаемый поток соболезнований от неизвестных людей, траурные вуали и шляпки, канапе из кутьи на фуршетном столе, истории о Кристофере — веселые и не очень.

Стрелка часов приближалась к восьми вечера, когда Харди проводил последних гостей и не на шутку уставший плюхнулся на диван в холле.

— Ну, как ты? — уселась рядом Мелисса, взяв в свои тучные руки ладони Тома.

— Устал… — констатировал факт Том, тяжело выдохнув и закрыв глаза.

— Тебе так идет этот наряд, — решила разрядить атмосферу нянька, указав на черный дизайнерский костюм-тройку парня. — Такой ты в нем… Породистый! — ляпнула она хуйню.

— Спасибо, — утомленно усмехнулся Харди, грустно посмотрев на Мелиссу.

— Что собираешься делать дальше? Останешься?

— Нет, Мел, я вернусь в Штаты… Не хочу жить здесь один. Слишком больно и тяжело все это. Знаешь, папа наполнял поместье каким-то шармом. А теперь ушел он, а вместе с ним и весь этот шарм… Не хочу… Сука-бля…

— И что будет с поместьем? — прищурилась Маккарти. — Том, ведь оно — неотъемлемая часть истории вашей семьи. Ты не в праве продавать его…

— Я и не собирался, сука-бля! Я что, конченый?! Просто распущу всех работников, обеспечив их финансово на первое время, пока не найдут другую работу, — бредил сержант Харди. — В самом же замке запру все окна и двери, оставив все вещи на своих местах… Может, когда-нибудь, я и вернусь сюда. Но точно, сука-бля, что не в ближайшее время…

В холле повисла минута молчания.

— Пацан, знай, что можешь звонить мне в любое время суток, если что-то будет тебя тревожить, если захочется получить совет или просто излить душу. Знай, что мой дом всегда открыт для тебя в тысячу дверей, — наконец, прервала тишину Мелисса, приобняв Тома и погладив его по плечу.

— Спасибо, Мел… Это важно для меня… Правда, сука-бля… — печально улыбнулся парень, заглянув в толстые глаза няньки.

— Кстати, не забыл, что сегодня Рождество? — решила вновь разрядить атмосферу пышка. — Помнишь, как Крис провел тебе урок полового воспитания прямо во время застолья?

— Еще бы, сука-бля! — взбодрился Том. — Сперма — это вязкая липкая масса беловатого цвета, с резким запахом, — спародировал он усталого отца в шляпе, припоминая его уроки.

Еще целый час Том и Мелисса предавались воспоминаниям о Кристофере Уокене, попивая виски и продолжая поминки в узком семейного кругу. Затем Том заявил, что валится с ног и отдал бы все на свете, чтобы добрести до кровати и провалиться в сон. Мелисса упорно предлагала остаться и переночевать в

поместье, дабы не оставлять Тома одного. Но парень уверил, что все нормально. На самом же деле он пиздил — нормально не было ничего! Сержант уже мечтал остаться наедине со своими мыслями и ощутить тягость потери отца.

Когда, наконец, он остался один, то молча подошел к огромному портрету Кристофера, висящему в холле, встал напротив него и начал осознавать то, что больше никогда не поговорит с отцом, никогда не посмотрит в его выпученные глаза, не поделится успехами, не получит родительского тепла и похвалы… И только теперь Том понял, как бы много хотел он сказать отцу! Поделиться с ним своим внутренним миром, выложить все то, о чем многие годы умалчивал! Его разрывало на части из-за того, что он ничего не рассказал о себе отцу раньше! Но увы — теперь все это было до безобразия невозможно. Из глаз сержанта хлынули слезы, и он забился в агонии невосполнимой потери. Но тут поток его безысходных мыслей был вновь прерван! В кармане брюк завибрировал мобильник.

— Леонид? — поднял Харди трубку.

— Томми! Томми, я самый грошовый друг! Я должен был быть сегодня с тобой! Прости, что не прилетел! — с ходу завизжал в трубку Батлер, громко сморкаясь в плащ.

— Леонид, все в порядке… Правда… — поспешил успокоить друга Том.
— Твоей вины, сука-бля, нет в том, что из-за хуевой погоды поотменяли все рейсы.

— Я должен был прилететь на прошлой неделе! — не желал униматься ор Батлера. — Быть с тобой рядом и помогать с похоронами!

— Прошу тебя, сука-бля, хватит, — перебил его сержант. — Я же сто раз уже говорил, что справлюсь сам, а ты в мое отсутствие, должен заниматься нашим бизнесом один, чтобы…

— Что бы ты там не гутарил, Томми, я плохо поступил! У моего лучшего друга умер батюшка, а меня и рядом не было! Это ни в одни ворота не лезет!

— Леонид, все нормально. Ты поддерживал меня удаленно, а это, сука-бля, тоже важно, — пытался угомонить собеседника Харди.

— Как только аэропорты откроють, я первым же рейсом вылечу!
— продолжал гнуть свою линию Батлер.

— Не надо, Леонид. Я не буду здесь находиться долго. Планирую прилететь на днях. Давай, лучше расскажи, что там с кафе, — решил перевести он тему.

Пообщавшись с другом еще немного, наконец-то, Том вновь остался наедине с самим собой.

Парень молча уселся в кресло, закурил и вновь принялся осматривать портрет отца. В поместье стояла звенящая тишина, прерываемая лишь монотонным тиканьем старинных часов с кукушкой. Вся эта не на шутку гнетущая атмосфера смогла дать Тому шанс накрутить себя до неузнаваемости.

— Сука-бляяя… — простонал сержант, закрыв ладонями лицо, и зарыдал в голос.

«Пойми Том — я не вечный. Настанет такой момент, когда ты останешься абсолютно один в этом поместье. Тогда-то ты узнаешь — какого это — остаться без семьи…» — всплыли у него в голове речи Кристофера, и только теперь Харди понял, что имел ввиду отец, говоря все это.

Хотя у него и была поддержка и от друга Леонида, и от такой родной и толстой Мелиссы, но Тому сейчас хотелось совсем иного! Чтобы его поддержал кто-то близкий и родной по крови. Но кто же есть у него? Мэрил? О, нет! Чья-чья, а вот ее поддержка ему как бы и нахуй сейчас не нужна! Но тогда кто? На минуту сержант Том даже бы не отказался иметь ребенка, дабы малолетний пиздюк смог морально поддержать его своими орами, ну или беззаботным смехом.

— Сука… У меня же есть брат… — наконец осознал действительность Том, убрав от лица ладони. — Такой я долбоеб… Какой же ебалой, сука-бля, я занимался последние годы! Сержант должен срочно ехать в Штаты и вызволять младшего братишку из плена старой бляди! — ударил он кулаком по подлокотнику кресла.

Ой, в пиздууу! Сколько раз тебя преисполняла решительность на эту тему? Сколько раз ты орал и бил себя в грудь, что немедленно отправляешься в Нампу? Все это лишь слова! Не более того! Никто уже не верит в тебя, пустозвон!

Том уверенно поднялся и все же решил, что должен переступить через себя, сделать шаг и вновь отправиться в Нампу. Ведь там, в шаре, заперт его брат! Его родная кровинушка! Он обязан спасти его, одарить братской любовью и пробить ему дорогу в светлое будущее! Но все это завтра. Сегодня Харди должен завершить незаконченные дела — окончательно проститься с отцом.

Парень взял бутылку виски, стакан и пошел на второй этаж — в спальню Кристофера. Спустя десять минут, он спустился и пошел в музей семьи Харди. Там он остановился у обнаженного манекена, налил себе стакан, выпил его залпом и начал делать то, зачем пришел, а именно — наряжать манекен в костюм мистера Уокена: строгие клетчатые брюки, выглаженная рубашка, до блеска начищенные оксфорды, плащ-пальто и, конечно же, шляпа.

Пока сержант Том занимался наряжательными делами, все его мысли заполнил брат. Джейк… Его зовут Джейк… Интересно, какой он сейчас? И тут в голове Тома стали яркими вспышками всплывать воспоминая, которым раньше он не давал волю и прятал их где-то глубоко в душе, думая, что это лишь плод его больного воображения. Но сейчас все это бурным потоком вырвалось на свободу! Харди отчетливо вспомнил, как дурачился с братиком из шара, играя в бодалки, читая ему книжки, принося сладости, а однажды и вовсе подарив куклу-мать. Том вспомнил, как в одну из их тайных встреч и сам проник в этот дурацкий шар, застряв в отсеке для передачек. Как раз в этот нелепый момент домой вернулась его мать — их мать… А Джейк так ловко втащил Харди внутрь и спрятал его, еще и выпроводив Мэрил из дома, дабы Том мог покинуть шар незамеченным. Но… Откуда взялся Джейк? Сколько ему лет? О, Боже! Тут сержант Харди наконец-то догнал, что тогда было в подвале! Он, будучи четырехлетним ребенком, принимал у матери роды! А значит, что тогда на кушетке была никакая не печень с кишками, а плацента с пуповиной! Ого! Вот это поворот! От осознания действительности Харди вновь нехило разозлился на мамашу! Ведь норма ли это, вовлекать в родовые передряги маленького ребенка с несформировавшейся психикой? Абсолютно точно, что нет! А кто же тогда отец Джейка? Кажется… Дядя Бен! Том вспомнил и этого долбоеба, который какое-то время нагло проживал с ними под одной крышей, ни раз подставляя маленького сержанта!

— Джейку сейчас пятнадцать… — рассуждал вслух Том. — Его день рождения где-то недалеко от моего, сука-бля, — говорил он, аккуратно застегивая пуговки на плаще манекена-отца. — А нахуя этот шар? Хм… Скорее всего, очередная хуйня Мэрил! Наверняка придумала для Джейка какую-то неведомую болячку и посадила в полиэтиленовую конструкцию, как в свое время надела на меня ебливую маску… Я немедленно должен спасти братишку! Почему же ты молчал раньше, пап? — приподняв шрамированную бровь, заглянул он в якобы глаза безликого манекена. — Знаю, прости отец… Ты просто хотел меня уберечь, — похлопал он его по плечу, после чего в его больной голове вновь перещелкнуло, вернув в действительность и напомнив о том, что больше никто не ждет его так, как ждал Кристофер. — Сука-бля, ну, пап! Ну как же так! Как мне быть без тебя! — зарыдал он, обняв пластикового мужчину.

Спустя минут десять рыданий, Харди уселся на пол и обнял ноги.

— Послушай, Том, тебя нужно как-то успокоиться… Да, это невыносимо больно. Но, сука-бля, все к этому и шло! Ты ж готовился! Соберись! — захлопал он по смазливым щекам, пытаясь взять в руки. Затем парень оттопырил пиджак и достал из внутреннего кармана пакетик кокаина. Он насыпал порошок на тыльную сторону ладони и быстро вынюхал. Но сержант решил не останавливаться на достигнутом и втер добрую порцию кокаина в десны. Но, кажется, и этого показалось Тому мало! Тогда он потянулся и достал из пальто отца портсигар, сплошь набитый косяками с убористой травой.

Трижды раскурившись, по заветам Джеррарда, разум Тома Харди не то что затуманился, улетел к хуям!

— Сука-бля, Рождество же! — нес чепуху сержант, поднимаясь с пола. — Пойдем, пап, у меня для тебя сюрприз, — схватил он манекен Кристофера и поволок прочь из музея.

Оказавшись в зале для приемов, Том быстро убрал скамеечки для прощаний и прочую траурную чепуху и приволок старинный граммофон. Сержант, не на шутку объебошенный наркотиками, поставил рядом с ним манекен отца, включил какую-то пластинку и пробежал в центр зала. Когда заиграли первые аккорды мелодии, Том встал в стойку, сосчитал до трех и пустился вальсировать с невидимым партнером.

— Смотри пап, кажется, я танцую вальс — великолепно! — веселился сержант Харди, громко хохоча и задрав еблет к потолку. — И все это ты! Ты научил меня этому! Ну, что ж ты, сука-бля, стоишь, как ебанат? Иди-ка сюда! — подорвался он к манекену, потянул к себе и закружил в вальсе.

Этот нелепо-обдолбанный танец продолжался целых полчаса! Пока правосторонний мотор Харди не начал выбиваться из груди не только из-за жаркого танца, но и из-за количество выпитого алкоголя и принятых наркотиков. Ох, Том, не стоит так шутить с организмом, а то отправишься вслед за своим отцом! И кто нарядит твой манекен?

— Помнишь, как танцевали с тобой каждое Рождество, м? — усадил он «отца» на одну из лавочек, сам сел рядом и закурил. — Хули молчишь-то? — взглянул он на манекен и вновь осознал, что отец-то его умер, а перед ним просто его глупая бездушная подделка. — Сука… Пап… Ну, как же так?! — в который раз заистерил Харди, обняв кусок пластика, олицетворяющего мистера Уокена.

Со стороны было непонятно — то ли Том плакал, то ли хохотал. Кажется, у него началась самая настоящая истерика! Но, это не точно. Ведь зная этого психически неуравновешенного человека, кидающегося из крайности в крайность и так резко меняющего настроение… Так что, это наверняка норма для нашего сержанта.

— Ух… Да что ж, сука-бля, за трава такая? — оторвался от манекена Харди, стряхивая с щек слезы-истерички. — Ты говорил, что это семейный рецепт? И где ж мне его взять, а, шляпа? — снял он с «отца» головной убор и надел на свою вновь повеселевшую голову. — Точно! Твой кабинет! Жди меня тут! Сержант скоро вернется! — подскочил он с места и поскакал на второй этаж.

Оказавшись в кабинете мистера Уокена, первым делом Том бросился к письменному столу, на котором лежало несколько писем.

— Так-с, что это тут у нас? — взял он в руку первое попавшееся письмецо. — Мистеру Харди от Джакса Ф. Хуйня какая-то, — откинул он его за спину. — Томасу, — прочел он единственное слово, написанное на конверте следующего. — Тоже какая-то ебала! Наверное, отцу кто-то что-то нахуярил, — откинул он в сторону и его.

Так сержант раскидал по сторонам еще около дюжины каких-то писем и еще столько же ненужных бумаг. Затем он принялся рыскать по ящикам стола, где,

наконец, и наткнулся на тайный рецепт суперзабористой марихуаны.

— То, что нужно, сука-бля! То, что нужно! — самодовольно изрек Харди, положив в пиджак найденный рецепт. — Хммм… А это что еще такое? — прищурился он, приметив на дне ящика какой-то мятый конверт.

Почему то, он привлек внимание Тома, и он немедленно решил прочесть письмо, запечатанное в нем. Бестолковый! Наверняка письмо, на конверте которого было написано «Томасу», предназначалось тебе! Прочти лучше его, а не занимайся всякой ерундой! Ну вот опять! Ты никогда и никого не слушаешь! В этом-то вся твоя проблема!

«Многоуважаемый мистер ДиКаприо!

Мы с Вами не знакомы. Меня зовут Томас Харди VII, и я прихожусь родственником того самого Тома Харди II, который в далеком 1893 году убил Вашего прямого предка. Да, отец убиенного отплатил моему предку той же монетой, убив его самого. Но все же, я считаю, что Том Харди II не имел права убивать того юнца. И я, будучи теперь и сам отцом, могу представить те чувства, которые испытал в тот день в лесу Ваш предок. Кажется, даже Вас назвали спустя век в его честь… Я ничего не путаю? Но все же — потерять своего ребенка — страшное испытание… Наверное, именно месть и помогла Вашему предку Леонардо выжить в ту холодную пору в лесу. Будучи раненым после стычек с медведями… Оставшись без теплой одежды и еды… Им движела месть, и он шел до конца, дабы добиться своего, чего бы это не стоило! Даже заночевал в туше убитой лошади! Ни это ли стремление?

Надеюсь, что мое письмо Вас ни в коем случае не оскорбит. Ведь в нем я хотел бы искренне извиниться перед Вами от лица всей семьи Харди. Нам всем очень стыдно. Том II не имел никакого права делать то, что сделал! Поэтому, мы не обижаемся за то, что его убил мистер ДиКаприо.

Я рассчитываю получить от Вас обратный ответ и глубоко надеюсь наладить с Вами контакт, тем самым провозгласив перемирие между нашими семьями…

Искренне Ваш — мистер Уокен».

— Ебаааать! — ебанулся от прочитанного Том, превратившись в измулеванную сову и выронив сигарету из открывшегося рта.

Сержант, будучи обхуяренным до умопомрачения, совершенно не так понял посыл данного письма, решив, что на самом деле Кристофер был озлоблен на семью ДиКаприо за убийство своего предка и требовал правосудия. Так сказать — кровь за кровь. Том, ну ёб твою мать! Что ты мелешь?! Немедленно прекращай читать якобы между строк и иди спать! Стой, ты куда?!

Харди с присущей ему громоздкой легкостью вновь побежал вниз, схватил манекен мистера Уокена и поволок его в музей. Там он поставил его на место, не забыв снять со своей головы шляпу и вновь надеть ее на «отца».

— Я понял… Сука-бля, понял, пап! — залепетал он. — Ты хотел отомстить! Написал это письмо, но не успел отправить, ибо умер! Но я завершу начатое тобой! Твой сын не только доставит это письмо адресату! Сержант лично свершит правосудие и убьет к хуям этого Леонардо, сука-бля, ДиКаприо!

Томас! Немедленно прекращай! Стыдно же, а!

— Итак, я все сделаю, сука-бля, красиво! — продолжал нести хуйню Том, решив в довесок ко всему покурить крэка, которым пригостил его сегодня принц Уильям. — Для пущей эффектности я наряжусь в костюм Тома I и заявлюсь в таком образе к этому пидорасу! Будто я отец Тома II и пришел мстить за сына! Сука-бля! Как пиздато я придумал! Как эффектно! — буробил он незнамо что, уже снимая с манекена первого предка дряхлое пальто и цилиндр. — Хммм… А я ж с ним, сука-бля, почти как две капли, — пристально всмотрелся он в портрет

Тома I. — Не хватает лишь бороды да шрама на пол-лица. Наверное, с бородкой я бы был пиздатеньким! Надо как-нибудь попробовать, — задумчиво почесал он подбородок.

Но хватит рассуждений. Насмотревшись на портрет прародителя, Том непременно решил воссоздать на себе его образ в мельчайших подробностях, разве что бороду ему было взять не откуда, а все остальное — хуета! Парень разделся до трусов, взял незнамо откуда набор маркеров и стал наносить на свое тело этнические узоры. Затем для пущей убедительности, при помощи гуаши, он нарисовал на лице огромный такой шрам. Оставалось только нарядиться. Харди не стал долго заморачивать и догола раздел манекена Харди I, нацепив на себя его дряхлое тряпье.

Затем парень вышел в холл и пристально рассмотрел свое отражение в огромном зеркале.

— Хм, у того Тома на картине было еще пиздатое такое пенсне. Но где ж, сука-бля, оно? В музее нет, а пенсне моего пухлого прадеда какое-то дрочевое. С ним мне точно не вжиться в нужный образ. Но где же может находиться то самое… Хммм… Точно, сука-бля! Фамильный склеп! — осенило сержанта и тот, сломя голову, побежал в нужном ему направлении.

Спустя пару минут, Том, взяв в руки факел, спустился в крипту и пошел по длинному тоннелю, на земляных стенах которого также там и тут были установлены факелы, горевшие вечным огнем. Харди быстро отыскал нужную усыпальницу и без раздумий отодвинул каменную крышку гроба.

— Ну здравствуй, сука-бля, Том Харди I, — поприветствовал он скелета, покоящегося на мягком атласном матрасе и рюшевой подушечке. — Так, ну и где ж твое пенсне? — нагло зашнырял он по карманам пальто мертвеца. — О! А вот и они! Так-с, сука-бля, кажется, твой цилиндр куда пиздатее того, что я снял с твоего манекена в музее, так что, пожалуй, махнемся! — снял он со своей ненормальной лысой головы головной убор и обменялся цилиндрами с дряхлым скелетом. — Ну, бывай, Том, — похлопал он на прощание костлявого предка по плечу и задвинул каменную крышку.

Станислав Садальский приуютился в кресле самолета и уставился в иллюминатор, с нетерпением ожидая вылета и скорейшего приземления в славном городе Портленд, что в Америке. Через пару минут ему надоело ждать, и он решил протереть туфли до ослепительного блеска. Стас достал из кармана кусочек чудом нерастаявшего маргарина и стал натирать им обувь. Но тут весь обзор накрыла чья-то тень. Садальский на секунду замер, но потом любопытство все же взяло над ним верх, и он поднял голову.

— Чтааа?! — превратился в перелетную сову Стас.

Перед ним стоял парень, наряженный в старинные тряпки и цилиндр. Позади него стоял конь, которого он держал за поводья. Парнем этим был никто иной, как Том Харди VIII.

— Но… Как вас пустили на борт с животным?! — лоснящимся голосом завозмущался Стас.

— Рот закрыла, шмара! — рявкнул сержант, усаживаясь рядом с Садальским. Он пошарил по карманам пыльного пальто и извлек оттуда стеклянную трубочку для курения. Том закинул туда пару кристаллов метамфитамина, глубоко затянулся и закашлялся.

— Будешь, шваль? — предложил он агрегат охуевающему Стасику.

— Это возмутительно! — начал было опять Садальский.

— Будешь, сука-бля, шмара? Сержант дважды не повторяет… — вкрадчиво заговорил Харди, пихнув в жиреющий бок своего соседа «беретту» и нарочито громко сняв ее с предохранителя.

— Буду, — опустил уголки губ вниз Стас, поняв, что этот полет пройдет для

него чертовски сложно!

Глава 61: Мозгоправ

В небольшом доме на втором этаже, в своем кабинете, за резным столом с вензелями, выструганном из цельного куска дуба, сидел молодой белый мужчина довольно приятной наружности. Он, зажмурив один глаз, рассматривал на просвет алмазную пепельницу, которую только вчера приобрел на барахолке драгоценных камней. Солнечный свет отражался от граней бриллианта и преломлялся сквозь его толщу, усыпая яркими радужными бликами всю комнату, а также лицо мужчины, отчего оно делалось еще более миловидным.

Вдруг внизу послышался сначала звон позолоченной стукалки-льва, висящей на входной двери, потом недовольный джазовый бубнеж, а затем и вовсе выстрелы и какой-то непонятный шум. Мужчина отложил в сторону пепельницу и прищурено уставился на дверь кабинета. Вскоре из коридора донеслись шаги, и через несколько секунд полотно их массива дуба было сорвано с петель ударом ноги.

— Ну, здравствуй, Леонардо, сука-бля, ДиКаприо, — раздался не на шутку обдолбанный голос, а в дверном проеме появилась незнакомая фигура в пальто и цилиндре.

Не дожидаясь ответа, непрошенный гость, которым был, очевидно, Том Харди, вошел внутрь, волоча за собой незнамо что.

— Твой нигер хуево стреляет и вместо сержанта убил лошадь, которую тот, сука-бля, вез с самой Англии, — тяжело дыша, протащил он в центр кабинета тушу коня бело-рыжей масти. — Ну, да ладно, не придется самому руки марать, — добавил он, отряхивая окровавленные ладони одна о другую.

— Что происходит? — подался вперед Леонардо. — Кто вы? Охрана!

— Не, нихуя, твою охрану сержант завалил, — отмахнулся Харди, выправляя лацканы драного пальто. — Ну, ничего, найдешь себе новых негритосов! Хотяяя… Зачем они мертвецу? — расхохотался он ебанатским смехом, запрокинув голову и уперев руки в бока.

— Так-с… Может начнем сначала? — откинулся на спинку кресла ДиКаприо, положив руки на кожаные подлокотники. — То, что вы сержант — это я понял. Но сержант чего? Полиции, армии? Или чего… И как ваше имя, позвольте?

— Сержант полиции, сука-бля, — приставил указательный и средний палец к шрамированной брови Том, водрузив одну ногу на брюхо лошади. — А имя мне — Том Харди VIII! Но! Для тебя — Том Харди I! — обвел он руками себя с ног до головы, призывая взглянуть на его дряхлое, но вполне себе стильное тряпье.

Лео непонимающе нахмурился, вскинув кончики бровей ввысь.

— И я, сука-бля, пришел мстить за сына! — продолжал нести бред безнадежного наркомана Том.

— У тебя есть сын? Можно же на «ты»? — сцепил руки замком ДиКаприо.

— Так, стоп, сука-бля! Сержант запутался! Не было у меня никакого сына! — почесал цилиндр Харди, подняв ебливый взгляд к потолку. — Вообще, не так все было! Это ты, шмара, мстил за сына мне!

Лео лишь состроил гримасу непонимания и возмутительно развел руками.

— Не надо, сука-бля, делать вид, что нихуя не знаешь об этой истории! — подошел к резному столу сержант и оперся на него руками.

ДиКаприо пожал плечами, поджав губы и как бы извиняясь за то, что не в курсе этих увлекательных событий.

— Как бы ты, петушара, в далеком одна тысяча восемьсот хуй знает каком году, завалил как бы меня! — начал повествование Харди, присев на стол и закурив. — А как бы я, всего-навсего, убил как бы твоего пиздюка! Между прочим, дабы, сука-бля, спасти свою жизнь! Разве это не уважительная причина

для убийства? М?

— Может и уважительная… Но я не очень понимаю, при чем тут я и ты в одна тысяча восемьсот хуй знает каком году? — продолжал строить из себя долбоеба Леонардо.

— Ты тупой, сука-бля? Я же сказал — как бы! — цокнул Том, стряхивая пепел в алмазную пепельницу. — Тебе вот твое обдроченное имя в честь кого дали? Леонардо, блять! Ничего более пафосного не придумали? Ну надо! Леонардо, нахуй! — покривил ебалом он.

— В честь прапрапрадеда, кажется, — прищурился ДиКаприо, вспоминая свою родословную.

— Вот об этом пидорасе и речь! — вскинул руки Харди. — В моей истории ты, шваль, исполняешь его роль! Все ясно? Я же исполню роль своего прапрапрадеда, и мы расставим все на свои места. Ибо, как считает сержант, моего предка хуесосят почем зря. Он что должен был свою жизнь отдать, чтобы спасти твоих хуеплетов? С хуя ли, спрашивается?

— Ну, давай разбираться! — хлопнул в ладоши Лео, доставая из-под стола бутылку шампанского. — Давай по порядку. С чего все началось?

— Началось все с того, что я озлобленный приплыл в Штаты, — вскочил на стол ногами Том, изображая, будто стоит на носу корабля и смотрит на берег.

Леонардо с интересом уставился на парня, подперев подбородок кулаком.

— И вот этот охуевший медведь бросается на тебя в драку! — орал Том через пять минут после начала своего спектакля. — Вставай, сука-бля! — приказал он ДиКаприо, поманив к себе ладонью и встав в боевую стойку.

— Ты, типа, медведь? — поднялся с места Лео, разминая шею, одергивая брюки и недоверчиво глядя на сержанта.

— С хуя ли, сука-бля? — распрямился Том и опустил кулаки вниз. — Я — это я! Медведем должен быть кто-то другой, иначе это хуета какая-то!

— Ну, вообще, да, — согласился ДиКаприо. — Но кто же исполнит его роль?

— Хм… — почесал подбородок Харди, бьясь в агонии кастинга. — О, сержант придумал, сука-бля! — заорал он и рванул прочь их кабинета.

Через пару минут он вернулся, волоча на себе здоровенного такого мертвого нигера, начальника черной охраны Лео.

— На, сука-бля! — спародировал медвежий рев Харди и швырнул тело негритоса прямо в ДиКаприо.

Леонардо охуел от такого поворота событий и завалился назад. Сверху его придавила туша охранника, блистательно исполняющая роль мишки.

— Ну, суки! Пиздитесь! — вопил Том, скача вокруг как умственно отсталый болельщик. — Хули разлегились?

ДиКаприо, будучи не только наркоторговцем снаружи, мозгоправом в душе, но и конченным ебанатом по жизни, принялся талантливо изображать драку с негритосом-гризли. Он стонал, выл и брызгал слюной во все стороны, вжившись в роль до такой степени, что схватил со стола бутылку шампанского, разбил ее об голову уже мертвого охранника, а потом и вовсе начал тыкать в его объемистое медвежье тело «розочкой», не забыв для пущей достоверности поранить и себя.

Вскоре, чудом, Лео удалось одолеть соперника, он спихнул с себя хлеще некуда мертвое тело и пополз по ковру, пачкая его кровью, соплями и слюнями.

— Ну, что дальше-то? — спросил он, подняв голову на Тома.

— А дальше ты, сука-бля, дополз до нашего привала, где я ухаживал за тобой, как за глупой пиздой, три дня и три ночи! — артистично замахал руками Харди.

Парни продолжили свой, нахуй никому не нужный кроме них, спектакль. Далее последовала сцена, как Том I, убивает сына Лео, роль которого с великолепием исполнила корзинка для мусора. После убийства Том наигранно

подло сбежал, обокрав ДиКаприо и бросив подыхать его на мерзлом ковре. Но тот, следуя указаниям Харди, пополз вперед, жаждая мести и немного горячего супа.

— И вот теперь самое интересное! — воскликнул Том, прервав очередную сцену. — Вопрос, который, сука-бля, волнует меня с восьми лет! — подскочил он к мертвой лошади, достал из внутреннего кармана пальто здоровенный нож и одним резким движением вспорол ей живот. — Летопись утверждает, что этот героический петушара спал, сука-бля, в мертвом коне, чтобы не замерзнуть к хуям. Сержант же считает, что это все пиздеж и ебейшая провокация, придуманная ради того, чтобы приукрасить эту обдроченную историю и выставить этого твоего предка таким бедным и несчастным, — состроил Харди пренебрежительную гримасу, выгребая руками из коня все внутренности. — Так что давай, Леонардо, сука-бля, ДиКаприо, это проверим, — жестом пригласил он прилечь Лео во вспоротую лошадь.

— Так себе идея, — неоднозначно покрутил ладонью тот и поморщил нос, вставая с пола.

— Ложись, сука-бля, — достал из-за пояса «беретту» Харди и на этот раз изобразил приглашающий жест ею.

— Не вижу смысла, — пожал плечам ДиКаприо, элегантно присев на стол и скрестив ноги. — Во-первых, что мы будем проверять? Мой предок спасался от холода таким образом, а здесь — тепло, — обвел он рукой кабинет. — Во-вторых, ну это просто как-то мерзко. Предок свою жизнь спасал — поэтому мог и отбросить в сторону всякую брезгливость. Мне-то это зачем? — улыбнулся Лео. А зачем тебе нужен был бой с мертвым нигером-медведем? Что говоришь? То было весело, а это уже не очень? И то верно!

Сержант также расплылся в ебливой улыбке, возвел курок и положил палец на спусковой крючок.

— Ложись, — спокойно повторил он, взяв ДиКаприо на прицел.

— Ну нет, это не очень убедительно, — продолжал беззаботничать Лео. — Ты явился ко мне, с порога заявив, что жаждешь мести. Но вместо того, чтобы убивать меня, ты уже битый час тут ставишь спектакль в компании со мной же. Отсюда следует вывод, что убивать ты меня либо не хотел изначально, либо передумал в процессе. Так что, ты можешь сколь угодно долго грозно наставлять на меня свою табельную «беретту», но в лошадь я не полезу! Но если тебе действительно интересно поэкспериментировать, то ты можешь залезть туда сам и узнать — каково это, — достал он из-под стола еще одну бутылку «игристого», с торжественным хлопком откупорил ее, наполнил бокал и поднял его на вытянутой руке.

— Ладно, сука-бля… Сержант понял… Понял… — состроил свой фирменный еблет Том. — Сержант сам все проверит, залезет в ебаную лошадь и узнает, пиздил ли твой петушиный предок, — бурчал он, снимая цилиндр и драное пальто. — Но, когда вылезу, расхуярю твое слащавое ебало этой хрустальной дрочью, — указал он на пепельницу.

— Это алмаз, вообще-то, — ухмыльнулся Лео, наблюдая как Том лезет в брюхо скакуна.

— Поебать, — рявкнул сержант, и его лысина скрылась в мертвом коне.

— Ну? Как оно? — заглянул внутрь спустя пару минут ДиКаприо, раздвинув края разрезанного живота лошади. — Тепло?

— Ты знаешь, сука-бля — да! — воскликнул Том, вытирая еблет от крови. — Совсем не такого ожидал. Так… Уютно?

Лео прищурено посмотрел на Харди, затем на лошадь, а после на себя и свой костюм, который уже и так был сплошь перепачкан в крови: то ли медведя, то ли черножопого охранника, то ли незнамо кого.

— Черт! Теперь мне тоже интересно! — психанул ДиКаприо и осушил бокал с

шампанским до дна. — Ну-ка, двигайся!

И мистер Леонардо, будучи обдолбан хлеще Тома еще до начала сей встречи, также полез внутрь невинно убиенной коняшки.

— Хм, тепло — это раз, мягко — это два, — загибал пальцы ДиКаприо. — Думаю, все-таки, это не развод никакой, и мой предок мог спастись таким вот образом.

— Согласен, сука-бля, — кивнул Харди. — Еще склизко и воняет кишками… Наверно, примерно также в материнской утробе… Тепло, мягко, но склизко и воняет… Сука-мать… — процедил он и закурил, дабы перебить вонь табачным дымом.

— Хочешь поговорить о своей матери? — повернул к нему голову Лео, учуяв своим психотерпевтическим носом нехилый багаж комплексов и проблем.

— Можно и поговорить, сука-бля, — хмыкнул сержант, отчего-то вдруг доверившись этому человеку с пионом в петлице пиджака. — Только давай сначала вылезем отсюда — вдвоем тут уже нихуя не уютно, тесно — что пиздец!

— Ну, давай, вылезай, — указал ладонью на «выход» ДиКапоио. — Дай я один попробую полежать…

Харди, зажав в зубах сигарету, осторожно перелез через Лео, составив его в лошади одного, чтобы тот мог в полной мере ощутить тепло и уют и почувствовать себя в шкуре своего предка.

— Мою мать зовут Мерил, сука-бля, Стрип. Мне было восемь, когда она избила меня битой для лапты… — начал свое повествование Харди, усевшись на стол.

Первый час душещипательные истории Тома Лео слушал из лошади, но затем он все же решил вылезти, дабы посмотреть этому несчастному человеку в цилиндре в глаза и пригостить его отборным кокаином. Сержант же изливал душу всю ночь, от чего-то на астральном уровне не то что проникшись к ДиКаприо, а и вовсе — почувствовал в нем «своего» человека! И как же он только мог хотеть убить его?! Самого же Леонардо настолько поразила и заинтересовала история Харди, что тот, будучи по жизни человеком-одиночкой, непременно решил не только подружиться с Томом, но и пронести их дружбу сквозь века.

Спустя два дня, рассказ сержанта Тома, наконец-то, подошел к своему логическому завершению — смерти мистера Уокена. И тут уже в работу вступился ДиКаприо — психотерапевт-гений. Еще пару дней он анализировал Харди, задавая ему всякого рода вопросы и что-то строча в своем блокноте. Все это время парни денно и ночно бухали, не забывая потреблять разного рода наркотики. В конце недели пацанам стало находиться в доме некомфортно — трупы негритосов и лошади нехило завоняли. Тогда ребята решили избавиться от них и провести в доме генеральную уборку. Клининговые работы слегка отрезвили разумы обоих, и в тот день Леонардо смог поставить своему новому другу диагноз — пограничное расстройство личности. Том не то что охуел — ебанулся! В тот момент ему показалось, что все — теперь его жизнь наладится! Это и решили отметить.

Так и забухали. А точнее — ушли в запой. Который, к слову, продолжался весь январь кряду! Леонардо и Том болтали вообще незнамо о чем! Парни по сотому разу демонстрировали общую историю своих предков, добавляя новые яркие детали. В финале каждого спектакля сержант и мозгоправ то и дело восхваляли предков, что те дали им такой великолепный шанс на знакомство и дальнейшую дружбу. Затем оба выяснили, что являются никем иными, как наркоторговцами, да и вообще торчками. И, дабы скрепить союз между семьями Харди и ДиКаприо, парни пришли к выводу, что отныне будут торговать вместе и подомнут под себя добрую половину Штатов, а может даже и весь мир! Ну и амбиции! Кажется, кому-то не мешало бы проспаться!

Но долго этот запой продолжаться не мог. В начале февраля в Портленд приехал Леонид, с твердым намерением забрать друга в Сиэтл и вернуть его к прежней жизни. Батлер кое-как отыскал дом ДиКаприо, где так тщательно скрывался ото всех Харди, намеренно отключив телефон и не выходя на связь. Но когда Леонид увидел друга, он совершенно не понял, кто перед ним находится — то ли Том Харди, то ли его прадед-кладовщик, то ли и вовсе Джигурда какой-то. Сержант Харди нехило видоизменился за этот месяц — лицо припухло, там и тут торчала растрепанная полуборода, а из-под цилиндра и вовсе торчала то ли прическа, то ли куски подкладки головного убора.

Эффектный бородач рвал и метал, после чего взял Тома за шкирку и насильно поволок в свой Додж, дабы уже скорее отвезти домой и привести в порядок. По воле случая, в его красную ржавую развалюху уселся и Леонардо, заявив, что сержанту Тому нужно сейчас как можно больше поддержки, ведь смерть отца явно подкосила его. ДиКаприо уверил, что он, как психотерапевт от Бога, быстро поможет справиться Харди с этой утратой, да и вообще, попытается избавить Тома от психологического гнета матери. Батлер, будучи человеком простым, купился на бредни этого наркомана в бежевом котелке, и взял его с собой.

Кончено же, по приезду в Сиэтл, первым делом было решено отметить приезд. Скрепя сердце, Леонид и сам не заметил, как начал не только выпивать с Томом и Лео, но и потреблять разного рода наркотики. Вот так вот никто из трех парней даже и не заметил, как в Сиэтл пришла весна. Ох, какая благость, что нашему сержанту за поимку ДеНиро дали не только ебать его в рот какую премию, но и несколькомесячный отпуск! А то бы точно Харди лишился погон за такой пропуск в работе! Тут и к бабке не ходи — все очевидно!

27 марта 2003 года.

Том Харди, еле живой, попытался встать с дивана, но у него нихуя не получилось, и он с грохотом рухнул на пол.

— Проснулся? — поприветствовал его ДиКаприо, важно сидевший за столом в одних лишь трусах и закинув ногу на ногу. — Я думаю, что достаточно всего этого мракобесия, Том. Тебе нужно возвращаться к прежней жизни. Мы тут с Леонидом посовещались и решили, что поможем тебе…

— Айда сюда! Я тебе кофейку уже сварганил! — проорал Батлер, ставя на стол полулитровую кружку крепкого бодрящего напитка.

— Сука-бляяя… У меня сейчас будет инсульт… — кое-как поднялся с пола Харди и робопоходкой поплел за стол.

— Итак, на повестке дня у нас один очень важный вопрос. И это, Том, твой брат, — продолжил нести хуету Леонардо, откупоривая шампанское, ведь ему незачем было выходить из запоя — весело же. — Как мы все знаем — ты хочешь забрать его от матери. Вопрос лишь в том, куда ты его хочешь забрать? Это ли приемлемые условия для ребенка? — обвел он прищуренным взглядом халупу Тома, которая больше походила на какой-то притон. Ну надо думать! Сколько вы здесь бухали и даже хуй одна падла решила убраться!

— Бляяяя… — вцепился в растрепанные волосы Харди, оценивая масштабы погрома еврочетырешки Табакова. — Олег выселит нас…

— Это тот толстый русский мужчина с отменным самогоном? — хмуро продолжил щуриться ДиКаприо, не понимая, о ком идет речь.

— Да ты чай шутишь?! — бесшумно усмехнулся Леонид, проигнорировав прищур Лео. — Томми, как он тебя выселить, если ты выкупил у него эту халупу!

— Чегооо?! — охуел Харди, совершенно не помня, что случилось с ним в последние несколько месяцев.

— Ну, что ты, драгоценный, вот же все документы, — постучал Лео молотком по какой-то кипе бумаг, лежащей на столе. — Теперь у тебя есть собственная

недвижимость в Штатах! Поздравляю, считай «американская мечта» у тебя в кармане!

— Охуеть, сука-бля, ну охуеть! — поражался Том, просматривая документы на еврочетырешку и наблюдая в графе собственника свое имя. — Не может этого быть! — достал он из кармана пальто раритетное пенсне и нацепил на разбитый кем-то нос, дабы еще раз пробежаться глазами по бумагам и удостовериться, что это не развод никакой.

— Ладно, дальше что? — прикрикнул Батлер.

— Так бери листок и ручку. Составим список — что нужно сделать к приезду твоего брата, — распорядился Лео закурив и пододвинув поближе алмазную пепельницу, которую на удачу взял с собой из Портленда. Сержант Том, будучи человеком конченым, покорно повиновался. — Итак. Первое. Нужно провести в квартире генеральную уборку.

— И обязательно влажную, — закивал Харди, что-то убористо застроча на бумажке. — Лучше, чтоб кто-то сделал ее прямо за пару часов до приезда Джейка…

— А еще купить увлажнитель воздуха. Запиши, чтоб не забыть, — закричал ДиКаприо, погрозив молотком сержанту.

— А еще, сука-бля, лучше небулайзер, — поднял указательный палец Том. — Все же у Джейки какие-то проблемы со здоровьем… Не зря же старая блядь держит его в шаре! Ему явно нужны какие-то ингаляции…

— Ты бредишь! — констатировал факт ДиКаприо, с силой ебанув друга по руке молотком, дабы тот даже и не смел заносить в список эту хуевину.

— Сука! Какого хуя?! Больно! — схватился за ладонь Харди и подул на нее, дабы хоть как-то обезболить. Но все было тщетно — кисть не только на глазах увеличилась в трехкратном размере и покраснела, но и отхватила перелом.

— Твоя мать — старая алкоголичка, пытающаяся наебать всех и вся! — вышел из себя Леонардо, неистово застучав своим орудием по столу. — У тебя не было никакой болезни, но тем не менее, эта женщина одела на тебя маску в попытках обмануть! Уверен, что твой брат полностью здоров! Так что не надо вот этого всего! А, кстати… Не покажешь эту свою маску? Все забываю попросить…

Том подкатил глаза, но рыхлой походкой поплел в свою комнату, откуда через минуту вышел и дал мозгоправу стильный биометаллический аксессуар.

— Ох, как интересно… Интересно… — задумчиво покрутил в руках маску ДиКаприо. — Не против, если я ее померяю? Просто интересно — удобно или нет?

Харди положительно кивнул головой, отхлебнув кофе.

— Так, что нужно еще? Надо как-то подготовить его комнату. Постельное, сука-бля, белье купить новое, — бредил сержант, накладывая на сломанную кисть импровизированную повязку из грязной тряпочки-банданы, нагло украденной из фамильного музея с головы Тома Харди II.

— Да ты издеваисси, Томми?! — схватил список Батлер и скомкал его. — Ты будто новорожденного забираешь какого-то! Зачем все это пацану нужно?! Сколько ему? Шестнадцать?!

— Будет на днях, сука-бля, — пораскинул мозгами Харди. — Так, а что нужно шестнадцатилетнему пиздюку?

— Я не знаю, — меланхолично из-за надетой маски пробубнил Леонардо.

— Сейчас расскажу, — послышался за спиной Тома женский голос. Харди не на шутку охуел и обернулся.

— Ты еще что за шкура такая? Что забыла в квартире сержанта? — набыченно задвигал он желваками.

— Ты идиот? — приподняла бровь холеная женщина подприклонного возраста.

— Том, ну ты чего? — заострил брови домиком ДиКаприо. — Это же Сьюзен! Она с нами уже неделю живет! — встал он с места, подошел к элитной женщине и приобнял ее за талию. — И да, я с ней сплю! — слишком громко и механически прошептал он, обратившись к другу. — Не женщина — огонь!

— Миссис Сарандон, кофейку? — подмигнул женщине Батлер.

— Благодарю, — услужливо, но надменно кивнула Сьюзен, усаживаясь за стол и расправляя на себе парчовые тряпки. — Так, значит, бери новый листок и пиши, что нужно подростку. Я эту кухню знаю, у самой два внука, — пояснила за знания Сарандон.

Сержант Харди охуел, чуть не впав в депрессию, представив, как Лео в маске Тома ебал эту давно немолодую женщину. Успокойся — все в порядке. Он же видит твою маску в первый раз. Не ебал он в ней миссис Сарандон. Это абсолютно точно. Том взял себя в руки и начал писать. Сьюзен диктовала долго, убедив сержанта в том, что подростку необходима куча стильных тряпок, скейтборд, игровая приставка, музыкальный плеер, кипа журналов о моде и порнографии, годовой запас салфеток и вазелина, ведь подростковую дрочку еще никто не отменял! А вот кое-кому уже следовало бы отказаться от этого… Да, это про тебя говорится сейчас, мистер в цилиндре!

Ближе к полудню, когда список был полностью составлен, бабуся Сарандон заявила, что теперь ей пора к семье. С ребятами было, конечно, забавно, но таковы правила вселенной. Она драматично простилась с Леонардо, пообещав ему обязательно встретиться как-нибудь на закате на Монмартре и станцевать «белый танец» под беззвучную музыку оркестра мимов. Старик Лео же немного наигранно подраматизировал, но как только Сьюзен покинула квартиру Тома, то положил на нее огромный такой хуй, ведь не намеревался влюбляться ни в кого в ближайшее время.

Тем же вечером закипела работа, которая продолжалась несколько дней подряд. Ребята как полоумные бегали по магазинам, скупая всякую подростковую хуету по заветам миссис Сарандон. Вместе с тем они убирали квартиру и даже сделали в ней небольшой косметический ремонт.

И вот, 5 апреля, когда все приготовления были закончены, а сержант вновь обрит — был собран финальный совет.

— Итак, сука-бля, — рассуждал Харди, прикуривая косяк анаши. — Завтра я собираю отряд своих ребят-мусоров, еду в Нампу, хлопаю Мэрил с наркотой, забираю пиздюка и приезжаю сюда…

— Так, стоп! — выставил ладони вперед ДиКаприо. — Во-первых, на, возьми ее обратно. Долго я ее носил и не понял в чем прикол. Неудобно же, — снял он маску и положил на стол перед Томом. — Во-вторых, твой план — хуйня какая-то! Я считаю, что ты должен лично встретиться с мисс Стрип, поговорить с ней, забрать брата, а ее саму запечь в лечебницу…

— Я не буду говорить со старой блядью! — взорвался Том, ударив кулаком по ляжке. — Это не обсуждается!

— Но ты должен все порешать с ней! Иначе не будет тебе нормальной жизни! Ты не сможешь избавиться от тягости своих комплексов, которые навязала тебе мать! — возмущался ДиКаприо.

— Поебать! Все со мной хорошо, сука-бля!

— Ладно, хорошо… Пусть так… — тяжело вздохнул Лео и что-то черканул в досье Харди, которое завел еще в день их первой встречи. — Но все же твой план — хуйня. Сам посуди. Вот хлопнешь ты мать. А дальше что? Когда полиция увидит ребенка в шаре, непременно отдаст его не тебе, а в органы опеки! Так что предлагаю поступить так. Я прикидываюсь уличным торговцем, прихожу домой к Мэрил и отвлекаю ее. Ты же в это время пробираешься на второй этаж и уводишь оттуда брата…

— Стоп, стоп, стоп, сука-бля! А нужен ли вообще Джейку такой ничтожный брат, как я?! — резко включил заднюю Том, забившись в агонии неожиданного поворота событий. — Кто сказал, что он вообще пойдет со мной куда-то? Может ему и со старой блядью хорошо живется! Нахуй ему какой-то сержант незнакомый? Да и вообще, пиздюк должен сам принять решение — хочет он уйти от матери или нет!

— Ой, ну не начинай, а, Томми! — вскипел от услышанного Батлер.

— Ну, — усмехнулся ДиКаприо, расставив ладони в стороны. — Я так, конечно же, не думаю. Но. Раз ты хочешь узнать, как все есть на самом деле, то помогу тебе. Есть один вариант — ебейший…

Глава 62: Беги!

9 апреля 2003 года. Нампа, Штат Айдахо, США.

На улице стояла до безобразия серая дождливая погода. Джейк Джилленхол задумчиво наблюдал, как по оконному стеклу медленно скатываются капли. Ох, как же он мечтал слизнуть хотя бы одну из них! Или выбежать на улицу без минишара, упасть на мокрый газон, рассмеяться как глупый ребенок и ощутить свободу. Но увы — это было невозможно. Его иммунитет был слишком слаб для всего этого дерьма. Вдохни парень из шара один глоток нестерильного воздуха — и он труп. По крайней мере, так считала его мать и он сам.

— Утю-тю-тю-тю! — зашла в комнату мисс Стрип в состоянии нехилого алкогольного опьянения. — А кто это тут у нас сидит такой, скучает? Разве день рождения — повод для грусти? — мерзким сюсюкающим голосом говорила она, подойдя к отсеку для передачек. — Время получать подарки, именинник! — ебливо воскликнула она, открыв железную дверцу отсека и положив в нее коробок в праздничной упаковке.

— Что там? — хмуро буркнул Джейк, пребывая в ебаном настроении.

— Пойди и сам посмотри, — поманила его Мэрил.

Именинник из шара подкатил глаза, но к отсеку пошел. Он достал из него коробочку и развязал ленту.

— Фотоаппарат?! Ты подарила мне… Фотоаппарат?! — завизжал Джилленхол, уставившись разъяренным взглядом на мать. — Это похоже на какое-то издевательство! — повалил у него из ушей пар. — Вот скажи мне на милость, что мне им фотографировать? Может быть себя? Или свою еду? Вот что? И куда девать потом все эти фотографии?

— Ну, придумаешь! Ты у меня смышленый! — бестолково пожала плечами мисс Стрип. — Я потратила на него очень много денег, дорогой. И думаю…

— Бла-бла-бла! — нагло перебил ее мальчишка. — Мне нужно совершенно не это! В деньгах ли счастье?! Пожалуйста, позволь мне выйти на улицу! Хотя бы в микрошаре на голове! Хотя бы на минутку! Я хочу ощутить дождь, хочу…

— Сынок, ты же знаешь — это не обсуждается! Микрошар для экстренных случаев! А на улицу только в минишаре! — строго сказала Мэрил.

— Ну, мам! Ну, блять! — психанул Джейк.

— Ах! Это что за слова такие? Где ты их услышал?! Немедленно забудь! — схватилась за сердце мисс Стрип.

— Блять, блять, блять! — назло матери в три раза громче заверещал мальчик, бестолково топая ногами по полу.

— А ну немедленно прекрати, Джейкоб Бенджамин Джилленхол! Ты можешь выйти на улицу, только в минишаре! А теперь посиди и подумай над своим поведением! А я пока схожу в магазин за продуктами, дабы приготовить тебе именинный торт! На этом — все! — гордо заявила Мэрил и покинула комнату.

Джейк отшвырнул в сторону коробку с фотоаппаратом и с психом плюхнулся на кровать, накрыв голову подушкой.

— Ааагррр! — обреченно и гневно зарычал он.

Так он пролежал в психах около получаса, мечтая о том, что однажды ему все же выпадет шанс выйти на улицу хотя бы в микрошаре.

К слову, микрошар — это такая конструкция на подобии небольшого круглого аквариума, которая защищала лишь голову Джилленхола, фильтруя воздух. Эта хуевина была специально разработана Мэрил на экстренный случай, если минишар порвется. И такой случай один раз произошел. Во время скаутского похода, на который Джейк пошел без матери. К слову, это был последний поход в его жизни. После того случая мисс Стрип строго настрого запретила сыну покидать дом, позволив гулять лишь на заднем дворе. Но,

кстати, это не стало помехой Джейку не так давно лишиться девственности! Новая соседка отжарила Джилленхола прямо средь бела дня, прямо на заднем дворе мисс Стрип и прямо через его минишар! Ну, дела! Красавчик, Джейки! Кажется, кое-кому стоило бы взять с тебя пример! Кому? Скоро узнаешь…

— Эй, есть кто дома? — вдруг услышал он незнакомый голос снизу, принадлежащий мужчине.

Джейк настороженно поднялся с кровати, навострив уши, ведь никто и никогда не заходил в их дом. Тут Джилленхол услышал скрип лестницы, а это означало лишь одно — кто-то поднимается на второй этаж. Это вдвойне насторожило мальчишку, он медленно встал и прокрался к стенке шара.

Дверь со скрипом приоткрылась, и в комнату зашел молодой белый мужчина довольно приятной наружности. На нем красовалась форма почтальона: голубая рубашка в тонкую полоску, синие шорты, длинные серые гетры и до блеска начищенные коричневые ботинки. Через плечо его была перекинута огромная бежевая сумка.

— Ppp, — утробно зарычал Джейк, оскалив зубы, при виде человека такой ненавистной ему профессии. Но тут его острый нюх уловил нотки чего-то совершенно иного, нежели почтальона. Парень понял — это какой-то развод.
— Кто вы? Зачем вы пришли? Вам нельзя здесь находиться!

— Джейк, я тут почту принес, но твоей мамы нет дома, — беззаботно объяснил мужчина, имя которому было — Леонардо ДиКаприо.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? — прищурился Джилленхол.

— Будешь почту забирать или нет? — ответил вопросом на вопрос Лео, фирменно прищурившись и заглянув в синие глаза парня.

— Буду, — спустя пятиминутную игру в гляделки выпалил Джилленхол.
— Положите вон туда и отойдите, — указал он рукой на отсек.

И вот через минуту Джейк уже уселся в центр шара по-турецки, держа в руках кипу каких-то газет и журналов.

— Ээээм, — обернулся он в сторону ДиКаприо, который, кажется, не собирался никуда уходить. — Вам пора.

— Да ты посмотри сначала, все ли я принес. А то вдруг положил что-то чужое, — объяснился Лео, поправляя на ногах почтальонные гетры.

— Ну, ладно, — пожал плечами Джилленхол и начал перебирать журналы да газеты, которые с роду не заказывала Мэрил. И тут его внимание привлек один конверт, спрятанный в порножурнале, который Джейк решил глянуть.

«Джейку Стрип от Т. Харди» — было написано на нем. Адреса отправителя указано не было, только город — Сиэтл, штат Вашингтон.

— Что еще за Харди… — призадумался адресат из шара, почесав именинную макушку. — И почему это я — Стрип?

— Не откроешь — не узнаешь, — вякнул ДиКаприо, поправляя белую астру в петлице рубашки.

Джейк нетерпеливо вскрыл письмо. Внутри конверта лежал тетрадный листок, сложенный пополам. На нем убористым почерком был написан текст на целых пол страницы.

«Здравствуй, Джейк. Наверное, ты читаешь и не понимаешь, кто этот человек, решивший тебе написать. Думаешь, что я незнакомец? Неправда. Ты меня знаешь, но, возможно, спрятал где-то глубоко в душе, как и я тебя в свое время. Но так продолжаться больше не может. Пришло время раскрыть все карты! Мен зовут Том… Том Харди…»

— Что? — воскликнул Джейк, осознав вселенский наеб своей мамаши.
— Томми?! А я же был прав! Я всегда знал, что он существует! — бросил он испепеляющий душу взгляд на почтальона Лео.

— Ну, о чем и речь! — пизданул в ответ ДиКаприо. — Дальше — больше!

«…И я — твой старший брат… Ты наверно сейчас в шоке и спросишь — как это возможно? Не нервничай, я тебе сейчас все объясню. Наша мать — Мэрил Стрип, родила меня в Англии почти двадцать лет тому назад. Старая блядь решила, что я не могу дышать самостоятельно, поэтому надела на меня специальный биомеханический протез, который мы с тобой называли — маска… Может ты помнишь, как я приходил к тебе на второй этаж, как читал книжки, показывал театр теней… А помнишь, как играли в бодалки? Помнишь, как я подарил тебе куклу-мать? Наверное, нет… Тебе тогда не было и четырех…»

— Ошибаешься, Томми! Я помню все! Все! — волнительно взорвался Джилленхол и повернулся к Лео. — У меня есть старший брат! Представляешь? Всегда мечтал о таком!

— Великолепно! — возрадовался мозгоправ-почтальон, хлопнув в ладоши.

— Знаешь, как он мечтал, чтобы кто-то называл его Томми? — резко припомнил Джилленхол все диалоги с Харди слово в слово. — И я только так и буду его теперь называть — Томми! — заявил он и вновь опустил кожаный нос в письмо.

«Кстати, с моей помощью ты и появился на свет, Джейки. Я непосредственно принимал участия в твоих родах… Но об этом при личной встрече…»

— Ну и дела… — охуел Джилленхол. — Если бы не Томми, то я бы и не родился!
Уверен в этом? А в курсе, что маленький сержант хуй поймал тебя, когда ты со свистом вылетел из утробы Мэрил? Все еще думаешь, что родился благодаря ему? Ему ли все же кланяться?

«…А теперь поговорим о нас с тобой. Мать никогда не разрешала мне подниматься к тебе на второй этаж. Но я плевал на ее запреты и приходил тайно. Когда мне было почти восемь, она узнала про наши встречи. Сначала она меня наказала словесно, затем избила битой для лапты, что, к слову, навсегда увековечила моя бровь, после чего и вовсе заперла в клетку на заднем дворе. Там я чуть и не погиб… Но мне повезло! Меня спас мой отец и увез на Родину — в Манчестер, что в Великобритании…

Я знаю, что сделала с тобой старая сука… Ты сидишь в шаре и ничего в жизни и не видел… Мне повезло больше — мой отец быль очень хорошим человеком. Благодаря ему я много путешествовал, кучу чего повидал и не был лишен никаких возможностей. В отличие от тебя, Джейки… Но теперь отец умер, и я остался совсем один. Перед смертью он рассказал, что у меня есть брат — то есть ты. И вот теперь я бы очень хотел увидеться с тобой и сделать для тебя все то, что давным-давно сделал для меня мой отец — подарить настоящую жизнь. Сразу уточню — кто твой отец я точно не знаю, поэтому и не говорю по чем зря. Будет надо — выясним!

Прости, что не осмелился приехать к тебе лично, а написал лишь письмо. Я боюсь, что мать поймает меня и посадит вместе с тобой в шар. Знаю, что она способна на это… Да и вообще, я хочу оставить за тобой право выбора. Только тебе решать, Джейки. Хочешь ли ты остаться с матерью? Или поехать ко мне — старшему брату? Думай и решайся. И не бойся рисковать!

Если ты все же выберешь второй вариант, то знай — я буду очень рад нашей встрече и с удовольствием приму тебя… Но свой адрес я тебе тоже не оставлю, уж не обессудь. Старая блядь может выследить меня. Я надеюсь, что ты смышленый паренек и сможешь найти меня сам. В общем, с надеждой буду

ждать твоего появления.

Твой старший брат — сержант Том Харди.

P.S. Следуй за запахом рома, ананаса и кокосового ликера…»

Джейк, прибывая в состоянии нехилого охуевания, молча сложил письмо и положил его обратно в конверт.

Повисло неловкое молчание.

— О, Бог, что это все значит? Объясни! У меня есть старший брат? Это немыслимо! Он к тому же еще и сержант! Он наверно крутой парень! — заорал спустя минуту Джилленхол, подняв голову к потолку. — Почему ты молчал об этом раньше?! О, Бог!

— И что собираешься делать? — прищурено поинтересовался Лео, угрожающе спрятав в кармане шорт руку и что-то там сжав.

— Что-что?! — подскочил на ноги Джейк. — Конечно же я хочу поехать к брату! Хочу жить с ним! Я читал между строк и почувствовал, как Томми искренне меня любит! Так же, как и я его! Мне нужен он, а не вот это вот все! Зачем старая блядь обманула меня, сказав, что Томми никогда и не было?

— Ее проблемы, — ловко извлек из кармана молоток ДиКаприо и ликующе потряс им в воздухе, безумно вылупив глаза и оголив стиснутые зубы.

— Поможешь мне бежать? — достал из-под кровати рюкзак Джейк и принялся наспех закидывать в него одежду. — Где-то на первом этаже должен лежать минишар. Это такая…

— Шутишь?! — выше некуда поднял брови ДиКаприо. — Я — обычный почтальон! Мне еще почту разносить!

— Но я думал…

— Что ты там думал?! Я не имею никакого отношению к сержанту Харди! Я с ним даже и не знаком! С хуя ли я должен помогать? Сделал выбор, решив поехать к нему? Ну так и иди по своему пути, насколько тернист бы он ни был! Добивайся своего сам!

— Джейки, милый, мамочка вернулась! — вернул мальчишку и почтальона с небес на землю звонкий блядский голос мисс Стрип, донесшийся из кухни. Похоже, она направлялась в шар.

— Блять! — психанул ДиКаприо, кинулся к окну, раскрыл его и вылетел из него словно глупый почтовый голубь.

Джейк же наспех засунул письмо Тома Харди за пазуху, чтобы Мэрил его не увидела, и прилег на кровать, закинув ногу на другую. В секунду он решил сам для себя, что должен бежать из этого проклятого шара сегодня. Прямо сейчас или никогда больше! Не будь он Джейком Джилленхолом!

— Ну что, как тебе фотоаппарат? — ввалилась в комнату бухая мисс блядь, позабыв все обиды и невзгоды.

Ох! Как же Джейку хотелось высказать этой двуличной суке все, что он о ней думает! Но, кажется, сейчас, был не лучший момент, если он намеревался как-то выбраться наружу.

— Маааам… — довольно мило протянул он. — Я согласен на минишар! Только дай мне выйти на задний двор! — повернул он голову к Мэрил, уставившись на нее синевой своих пиздатых глаз.

Через полчаса Джилленхол уже был экипирован в минишар.

— Так, дорогой, далеко не отходи! — давала последние наставления мать, даже и не заметив на спине сына походный рюкзак. — Ты должен быть всегда в поле моего зрения. Я буду следить за тобой через кухонное окно, пока готовлю тортик моему имениннику!

— Ладно, — недовольно сказал Джейк и поспешил выйти на улицу. Но потом

он понял, что возможно больше никогда не увидит мать. От чего-то ему на секунду стало грустно. Все же, эта дура любила его, много лет заботилась и многому научила. — Пока, мам, — обернулся он и улыбнулся ей на прощание.

Но Мисс Стрип уже не слышала ничего, наливая в бокал немного «красного» и закидывая туда же пару антидепрессантов.

Наконец, Джейк вышел во двор и стал ходить туда-сюда, думая, как бы ему съебаться. Изредка он поглядывал на окно, через которое на отъебись наблюдала за сыном Мэрил, пытаясь приготовить торт.

И вот, наконец, спустя десять минут парню из шара выпал шанс! Мисс Стрип, ужранная до неузнаваемости, сделала небольшой глоток вина и ничком рухнула на спину, провалившись в небытие. Ох, будем наедятся, что духовку она еще не успела разжечь… А то сколько она еще так проваляется? Час? Два? А может и вовсе сутки!

Джилленхол решил не медлить и тут же рванул прочь. В минишаре это было крайне неудобно, но он, движимый скорой встречей с братом, бежал изо всех сил, которых у него накопилось за шестнадцать лет огого сколько!

И вот наш прекрасный синеглазый друг уже пересек задний двор, выбежал за калитку и пробежал практически всю улицу, на которой находился их с матерью дом. На пару секунд Джейк остановился и оглянулся назад, дабы убедиться, что никто его не преследовал. Он немного отдышаться и рванул дальше.

Джилленхол слонялся по улицам Нампы, не понимая нихуя. Куда ему нужно бежать? Как и где ему отыскать брата? Информации на этот счет в письме было не то что мало — нуль!

— Ну-ну, Томми, ну-ну… — процедил Джейк, остановившись и переводя дыхание. — Загадаю и я тебе когда-нибудь такую головоломку, посмотрим, как ты с ней справишься… — злобно прищурился он, уперев руки в бока и оглядываясь по сторонам, в надежде разобраться в хитросплетениях безумного мира.

Так парень из минишара простоял несколько минут, не добившись результата. Поняв, что медлить нельзя, ведь в любую секунду могла объявиться Мэрил, он решил просить помощи у прохожих.

— Простите, сэр… Я знаю, что есть такой город — Сиэтл, мне рассказывала матушка на уроках географии, — остановил Джейк какого-то мужика, схватив его за запястье рукой в гофро-перчатке. — А сегодня я узнал, что мой старший брат Том Харди там проживает, и мне необходимо срочно попасть в этот славный город. Вы не подскажете, как мне это сделать?

— Да ты под чем, пацан? — охуел прохожий, осматривая шаровой костюм Джилленхола. — Ты же стоишь на автовокзале, прямо у автобуса Нампа-Сиэтл, — указал он рукой на транспорт позади Джейка.

— Оу… Да? — почесал бестолковую макушку парень, обернувшись. — И откуда мне это было знать?

— Вот же на лобовухе карточка с маршрутом, там так и написано, — хлеще прежнего стал тыкать пальцем в автобус мужик. — Ты читать что ли не умеешь?

— Умею, конечно! Но как я должен был догадаться, что именно значит эта надпись? — затопал по асфальту Джилленхол. — Мало ли кто и что там написал! Я не знаю всех этих правил вселенной!

— Ты это, пацан… Завязывай наркоманить! — погрозил ему пальцем мужик, подхватил свой чемодан и поспешил прочь.

— Я еще и не начинал! — тявкнул ему вслед Джейк, показав «фак». — И когда я должен был все это узнать? Непонятно… — забухтел он себе под кожаный нос, развернулся и двинулся к автобусу Нампа-Сиэтл.

Парень из шара взялся за поручень и даже не успел поставить ногу на нижнюю ступеньку входных дверей, как те с характерным звуком задвинулись,

а автобус тронулся с места.

— Эй! — возмутился Джилленхол, чья рука была защемлена дверями. — Отпустите! — рычал он, дергая гофроперчатку и изо всех сил перебирая ногами, дабы успевать за автобусом, набирающим скорость.

— Где твой билет? — повернулся к нему водитель, вжимая педаль газа в пол по самый «небалуй».

— Что? Я не слышу! Остановите! — орал ему Джейк, уже волочась ногами по асфальту.

— Нет! — рявкнул водитель-ебанат, нажал на кнопку открывания двери и, безумно расхохотавшись, помчал дальше.

Джилленхол же в минишаре полетел кубарем по дороге, подпрыгивая, словно глупый мяч.

— Черт! — вскочил он, когда автобус уже скрылся за поворотом, и стал отряхивать гофробриджи из биометалла. — И как мне теперь добраться до Сиэтла?

Действительно — как? Неужели никто не поможет нашему несчастному шаровому парню? Почему кругом все такие безучастные? Разве вы, люди, не видите, что подростку нужна помощь? Что он одет в какой-то странный костюм, а значит, возможно, у него не все в порядке в плане здоровья? Откуда столько злобы? Разве он просил о чем-то сверхъестественном? Ему просто нужно было попасть в автобус! Ну все… Кажется, наш Джейк никогда не найдет своего брата, и будет вынужден вернуться к своей ебанутой мамке! А после такого дерзкого побега, она его больше никогда не выпустит на улицу! О, нет! Это конец! Как же так, парень из шара? Как же так?

— Эй, амиго, тебе, кажется, в Сиэтл надо было? — вдруг окликнул его голос сзади.

Ох! Неужели все-таки нашелся добрый человек, готовый помочь Джейку! Благость-то какая! Главное, чтобы это был не педофил никакой…

— Ага, — радостно воскликнул Джилленхол и обернулся.

Его взгляду предстал грузовик с не на шутку облезлой кабиной и деревянным кузовом, сплошь забитым курами.

— Так что, едешь, амиго? — спросил водитель, смуглое лицо которого тут и там было покрыто рытвинами.

— А можно, да? — по-щенячьи посмотрел на него беглец из шара. — Только скажите, как вас зовут? А то маменька мне не велела общаться с незнакомцами. Хотя я уже нарушил эту ее заповедь и ненароком поговорил с парочкой людей… Но не думаю, что это так важно, ведь я никуда с ними не собирался ехать. Точнее, собирался, но не вышло…

— Дэнни Трехо, — перебил его водитель, поправляя гигантское сомбреро на голове. — Ну, залезай в кузов, и поехали, — улыбнулся ему сеньор Трехо.

Джейк с минуту посомневался, но потом положил здоровенный такой хуй на все на свете и полез в кузов. Ну, а что ему еще оставалось делать? Совершенно точно, что ничего! Ведь разгуливая по городу в минишаре, есть риск быть замеченным, а это значит, что мисс Стрип сможет его легко отыскать.

Джейк устроился в кузове среди сотни кур, которые, недовольные таким притеснением, тут же расположились на минишаре, царапая гиперпрочный полиэтилен коготками своих лап. Грузовик тронулся. Джилленхол с воодушевлением и неподдельным интересом уставился за борт грузовика, рассматривая все вокруг.

Вдруг из горы куриного помета в углу кузова выскочила какая-то девица, судорожно открывая рот и глотая воздух.

— Мария, быстро спрячься обратно! — зашипел Денни Трехо. — Мы еще не приехали!

— Но я больше не могу, падре! — заныла девушка в розовом платье

горничной. — Мы же уже пересекли границу давным-давно!

— А вы что, мексиканские беженцы? — беззаботно прищурился Джейк, переводя взгляд с Дэнни на Марию.

— Надеюсь, амиго, ты не собираешься никому об этом рассказать? — бросил на него взгляд через зеркало заднего вида сеньор Трехо, грозно улыбнувшись и сверкнув золотым зубом.

— Да нет, что вы! — махнул гофроперчаткой Джейк. — Зачем мне это? Я спешу в Сиэтл, дабы отыскать своего старшего братишку-сержанта! Остальное мне не интересно!

— Твой брат полицейский? — округлив рот, обернулся к разбитому окну кабины Дэнни, не прекращая рулить.

— Ну да, — пожал плечами Джилленхол. — Он у меня знаете какой крутой, между прочим! — незнамо зачем сочинял он небылицы.

— Слушай, ми амиго! Я же помогаю тебе, безвозмездно подвожу до Сиэтла, — деликатно начал Трехо. — Может и ты поможешь мне?

— Конечно! Просите все, что угодно! — закивал простак из шара.

— А может ли твой брат помочь моей дочке с гражданством? — расплылся в мексиканской улыбку Дэнни.

— Ой, да конечно! Без проблем! — усмехнулся Джейк. — Мой брат знаете какой хороший человек? Лучший из людей! Что не день — так кому-нибудь помогает! — нес несусветную хуйню парень из шара.

Дэнни Трехо поманил ладонью Марию к себе. Та поднялась на колени из кучи куриного говна и прильнула к разбитому окну кабины. Мужчина что-то забормотал дочери на испанском. Лицо той по началу приобрело возмутительный вид, но после долгих уговоров отца, девушка сначала обернулась на Джилленхола, смерив его оценивающим взглядом, затем подкатила глаза и положительно закивала. Сеньор Трехо подбадривающе похлопал Марию по плечу, затем достал из-под водительского сиденья полотенце и завесил окно между кабиной и кузовом.

— Мы с отцом очень благодарны тебе за такую помощь, амиго! — залепетала мексиканка и на коленях двинулась к минишару Джейка.

— Да мне-то за что! — отмахнулся Джилленхол, не понимая нихуя. — Моего брата потом будете благодарить!

— Я потом и его отблагодарю, если понадобится. Но сначала, чтобы ты не забыл о своем обещании, я отблагодарю тебя, — улыбнулась Мария и полезла рукой к ширинке гофробриджей.

— Да не стоит… — хотел было махнуть перчаткой секс-символ из шара, но замер и замолчал, вылупив свои соблазнительные синие глаза. — Оу… — присвистнул он, когда девушка просунула руку ему в штаны, а затем наклонила туда и голову.

— Вот так вот, — пыхтел в минишаре Джилленхол, подталкивая мексиканку под затылок гофроперчаткой. — А ну-ка, теперь давай кое-что другое, — отстранил он от себя девушку, задрал юбку ее горничного платья и повернул задом к себе. — Да… Вот так вот, — продолжил постанывать ебарь из шара, совершая возвратно-поступательные движения, в чем ему совсем не мешал его дурацкий минишар.

Весь путь до Сиэтла из кузова доносились крики и вздохи, а над эпицентром шаровой ебли суетливо взлетали взволнованные куры, которым совсем не нравились такие попутчики. Все семь с лишним часов Джейк получал благодарности от Марии, хотя и сам нехило отблагодарил девушку. В общем-то, непонятно было кто кого благодарил: мексиканка Джилленхола за обещанную им помощь с гражданством, или же Джилленхол мексиканку за то, что ее отец подкинул его до Сиэтла. Однако, оба были отблагодарены хлеще некуда. Марию и вовсе никогда и никто так и столько не благодарил. Джейк же вообще получал

благодарность второй раз за свои шестнадцать лет. Ну как второй… Начав путь из Нампы со второго раза, к Сиэтлу он добрался до двенадцатого. Нихуя себе! Одинадцать раз подряд с небольшими перерывами! Мощно, Джейк, мощно! И это тебе только шестнадцать лет, приятель! Что же будет, когда ты наберешься опыта? Уууух… Права была твоя мамуля, когда говорила, что толпа девиц выстроиться за тобой в очередь!

Наконец, грузовик с курами, Джилленхолом, не на шутку выебанной латинос и с Дэнни Трехо за рулем прибыл в место назначения.

— Спасибо, парень из шара, — томно промямлила Мария, изнеможенно валяясь в куче куриного помета. — Как нам теперь найти тебя и твоего брата, чтобы он сделал то, что ты обещал? Я в долгу не останусь, как и сказала — отблагодарю и его. Хотя, могу вместо него еще раз тебя… Это вы уже как сами решите, я если что согласна и обоих, даже одновременно… — плела шлюшьи бредни мексиканка. — Короче, оставишь свой номер? — достала она из кармана накрахмаленного фартука огромный мобильник с выдвижной антенной и приготовилась записывать, откинув пластиковую панель с клавиш.

— Ух ты! Это что у тебя такое? — воскликнул Джилленхол, увидел неведомый гаджет в руках Марии.

— Ну так телефон, — приподняла черную бровь девушка, повернув телефон к неандертальцу из шара.

— Круто! — восторгался Джейк, разглядывая старинную хуевину.

— Так дашь мне свой номер? — повторила вопрос латинос.

— Номер чего? — не понимал парень, начесывая затылок.

— Телефона, — нахмурилась девушка, почуяв некий развод.

— Если честно — телефона у меня нет, нет и номера, — опустил уголки губ Джилленхол. — Так что ищи меня по запаху рома, ананаса и кокосового ликера… — пизданул он и, спрыгнув с кузова, рванул прочь от куриного грузовика.

Мексиканка же проводила Джейка печальным взглядом, ведь ей уже было поебать на американское гражданство, она жаждала лишь еще хотя бы одной встречи с ним… Джейком… Джейком Джилленхолом… Парнем из шара…

— Куда он? Ты взяла у него номер, Мария? — сдернул полотенце с окошка сеньор Дэнни. — Почему ты молчишь? Ты что его упустила? Ты плачешь, Мария?

Не добившись ответа от дочери, Трехо высунулся из кабины и стал стрелять из обреза по убегающему Джилленхолу, но тот вскоре скрылся за углом. Дэнни еще пару минут поматерился по-испански, обвиняя дочь в глупости и легкодоступности, а затем, вдавил газ в пол, дабы продолжить путешествие по Штатам и придумать, как же еще получить гражданство для Марии.

Тем временем, Джилленхол мчался по незнакомой улице Сиэтла. Через пару минут он остановился и стал оглядываться по сторонам.

— Запах рома, ананаса, кокосового ликера… — бормотал Джейк, шевеля кожаным носом в попытках взять след брата. — Это, вообще, как? Я не знаю этих запахов! Мама никогда не давала мне такого в космических тюбиках! И что же делать? — растерянно помотал он головой из стороны в сторону, учуяв лишь запах ссак из ближайшей подворотни.

Прослонявшись по городу пару часов и, так и не разобравшись в ароматной загадке из письма, парень из шара пришел к выводу, что нужно срочно перекусить. Ведь он не ел уже часов эдак десять! Силы были на исходе, а желудок уже сводило от голода, а как на зло он даже не подумал взять с собой что-нибудь перекусить! Зато Джилленхол не забыл взять денрожденный подарок Мэрил. Он достал его, снял крышку с объектива и сфотографировал Спейс Нидл. Ну вот, а говорил, что подарок бесполезен! Парень из шара прильнул глазом к видоискателю и стал рассматривать через него улицу, решив

сделать еще пару снимков перед ужином.

— Лучшая Пина Колада в городе, — прочитал он надпись, выведенную мелом на деревянной вывеске на противоположной стороне улицы, глядя на нее сквозь фотоаппарат. — Интересно, что такое Пина Колада? Звучит прикольно… — сфотографировал он кафе и двинулся через дорогу, решив перекусить именно там.

Джейк подошел ко входу и поднял голову к неоновой вывеске.

— «Батлер и друг», — прочитал он вслух, пожал плечами и зашел в кафе.

Внутри было темно и довольно тесно, однако вполне себе уютно. Джилленхол выбрал столик у окна и уселся за него, с трудом втиснувшись в минишаре на диванчик. Через пару минут к нему подошла официантка.

— Что будете заказывать? — спросила она, приготовив блокнот и ручку.

— Хм… Даже не знаю… — почесал живот Джейк, не понимая, что вообще надо делать.

— Может тогда ознакомитесь с меню? — цокнула официантка и пододвинула кожаную папку к клиенту из шара.

— Это что? — с интересом взглянул на меню Джилленхол. — А это у вас что? — указал он пальцем сквозь шар на пиратскую повязку на лице девушке.

— Ты об этом? — прищурилась одним глазом официантка, оттянув повязку со второго глаза, которого, к слову, не было. — Что никогда не видел одноглазых людей?

— Нет, вообще-то, — беззаботно пожал плечами Джейк. — Вы с рождения одноглаза, или потеряли его в каком-нибудь бою?

— А тебя ебет это, шар? — взорвалась девушка, бросив в парня блокнот. — Что, считаешь меня неполноценной или инвалидкой какой-то? Думаешь, я хуже тебя?

— Ну, у меня вот два глаза, например, — поморгал своими великолепными синими очами парень из шара.

— И что? — уже перешла на визг официантка. — А ты сам-то что в шаре ходишь? Считаешь себя каким-то особенным?

— Ну, вообще-то, у меня с рождения… — начал свою историю Джилленхол.

— Мне это не интересно! — перебила его девушка. — Ты будешь делать заказ? Если нет, то уходи отсюда! Мой босс не любит, когда с его сотрудниками с особенностями обращаются подобным образом, — плела незнамо что она, с самого утра обсадившись кокаином, которым торговала из-под прилавка. К слову, наглая одноглазая девушка обвешивала посетителей и прикарманивала наркотик себе. А такое твой босс любит? Что говоришь? Он не знает об этом?

— Ну, хорошо… Я просто хочу есть, принесите мне что угодно, — развел руками Джейк. — Может там суп какой-нибудь… Или мяско… Или пирог… Что-то вкусненькое, короче.

— И как это понимать? — не унималась официантка, которую порядком бесил посетитель в шаре, хоть и был безбожно симпатичен. — То есть цена тебя не интересует? Может просто заглянешь в меню и выберешь?

— Цена? Какая такая цена? — округлил рот Джейк. — Это платно?

Девушка захлопала глазом и ртом, словно глупая полуслепая рыба.

— Ну все! Ты мне надоел! — завопила она от ломки. — Я сейчас проколю твой шар! — схватила официантка столовый нож и угрожающе выставила его вперед. — Нет! Я лучше немедленно позвоню боссу. Он приедет и сам лично порежет твой шар!

Джилленхол охуел от подобных угроз хлеще некуда. Он испуганно проскулил и прикрыл рот руками.

— Что, зассал, шар? — безумно захохотала девушка, набирая номер босса на телефоне. — Сейчас с тобой разберутся… — вскрикнула она и убежала в подсобку.

Джейк же не намеревался дожидаться расправы от босса данного заведения и решил ретироваться. Парень хотел было броситься к выходу, но этот чертов минишар! Он застрял между диваном и столиком!

— Черт! — взволнованно стонал Джилленхол с полиэтиленовым скрипом дергаясь туда-сюда. — Ну же! Ну же!

Наконец ему удалось вырваться из этой ловушки, и парень бросился к выходу.

— Ты не пройдешь! — вдруг откуда не возьмись нарисовалась перед ним официантка-ебанатка, преграждая Джейку путь. — Я позвонила боссу, он скоро приедет!

— Пожалуйста, отпустите меня, — заскулил Джилленхол, состроив брови пышным домиком.

— Нет, нет и еще раз нет! — затопала ногами девушка, закрыв двери кафе на огромный засов.

Заложник из шара опустил уголки губ и, понурив плечи, поплелся обратно за столик.

Глава 63: Встреча

— Ну ты объяснишь, зачем мы едем в наше кафЕ? — спросил Батлер, с десятого раза заведя свой дряхлый Додж. — Что за делюга там приключилась? — тронулся он с места.

— Какой-то петушара набыдлил нашей официантке, — пояснил за скорые разборки Том, поправляя воротник дубленки. — Издевался над ней из-за ее неполноценности… Ну, сука-бля, над тем, что она одноглазая.

— Томми! Ну в который раз! Накой ты берешь к нам работать всех этих колченогих?! — хлопнул по рулю криком Леонид.

— Я же, сука-бля, уже говорил… Я не люблю! Когда с моими сотрудниками с особенностями обращаются подобным образом! — отчеканил Харди, вдыхая носом дорожку кокаина, рассыпанную по тыльной стороне ладони. — А беру я их, сука-бля, потому, что мне жалко неполноценных людей! Им тяжелее устроиться в этом блядском мире! И хватит вообще так их называть! Они — особенные! Такие же, как и я!

— Да что в тебе особенного такого?! — вылупился на друга Батлер. — Что сердце справа? Но это же не недуг никакой! Буробишь незнамо что!

— Нет, я особенный! — продолжал гнуть свою линию сержант Харди. — И они тоже! Все, Леонид, иди на хуй! Хочу и помогаю инвалидам!

— Да, но когда к нам пришли устраиваться одновекая наркоманка и негритоска, тянущая на себе трех отпрысков — ты выбрал первую! — продолжил возмущаться бородач. — Как по мне, то стоило помочь второй!

— Сержант, сука-бля, за справедливость! Нигерша — целая. Устроиться куда-то еще, а вот одноглазая… Кому она на хуй нужна?! Да и вообще, с какой, сука-бля, стати, сержант должен помогать черномазым?! Вот если бы ее дети оказались инвалидами, я, возможно, и покумекал бы на ее счет… Но так — уж извольте!

— Такой ты, Томми… — укоризненно помотал головой Батлер. — Конченый… — громко буркнул он на всю машину.

— Всегда пожалуйста, — съязвил Харди, состроив фирменное ебало и показав другу «фак».

Спустя пятнадцать минут красный ржавый Додж припарковался у нарко-кофейни «Батлер и друг».

— Жди в машине, — рявкнул сержант Том, вылезая из автомобиля.

Походкой обдолбанного распиздяя он подошел к входной двери и дернул за ручку. Но та оказалась заперта изнутри. Тогда Харди размял пальцы и постучал, воспроизведя ритм песни Тимберлейка — «Cry Me a River», которую, к слову, Джастин записал в тюрьме специально для Тома и прислал ему по почте кассетой, как бы намекая, что сожалеет о содеянном.

Спустя пару секунд дверь распахнулась, и сержант юркнул внутрь.

— Вот этот человек! Он высмеял меня и мою внешность! — с порога начала жаловаться официантка, надеясь на то, что после случившегося Харди обязательно выпишет ей авансом полпакета героина, на котором сидела сама девушка, ее сводный брат, и их отчим-азиат, воспитывающий ребят с тех самых пор, как их шалава-мать собрала чемоданы и без объяснений сбежала в Европу.

— Но я не знал, что в этой вселенной не принято задавать подобных вопросов! — верещал встревоженный юношеский голос.

— Сейчас, сука-бля, разберемся, — рявкнул Том, задвинув засов на двери. — Так что ты там пизданул, уебок? — надменно обернулся он к клиенту и осекся.

Харди будто окатили не то что холодной водой — куском льда ударили! Перед ним стоял парнишка в шаре. И, конечно же, это был его младший брат —

Джейк… Джейк Джилленхол… Ведь, кто еще мог разгуливать в таком наряде, если Мэрил не запатентовала свою полиэтиленовую конструкцию? Том в секунду увидел в нем того самого мальчика из шара, с которым дружил в детстве. Безусловно, Джейк подрос, возмужал, но его синие бездонные глаза выдавали того самого ребенка! О, Боже! Он и впрямь существует! Теперь Том был уверен в этом на миллион процентов! Фуф, как хорошо точно знать, что Джейк не выдумка никакая… Аж груз с души упал!

— Послушайте, мистер, — все пытался оправдаться Джилленхол. — Ну я правда не сделал ничего дурного! Я просто поинтересовался! Что плохого в любопытстве? Я же не хотел никого обижать! Я же не знал, что все это так важно! Пожалуйста, не режьте мой шар! Иначе я моментально погибну, ведь мой иммунитет…

— Уходи, сука-бля! — рявкнул на официантку Том, не отрывая охуевший взгляд от брата. — Возьми сколько хочешь героина и уходи!

— Отлично! — хлопнула в ладоши девушка и поспешила за прилавок, где стала наталкивать в лифчик наркотический порошок. — Но вы отомстите за меня? Так?

— Уходи! — безбашенно взорвался Харди, бросив на нее распотрашивающий душу взгляд.

Официантка подкатила глаза, но поспешила покинуть заведение, увидев, как Том медленно достал из накладного кармана скамов большой складной нож.

— Что это там у вас, мистер? — поинтересовался Джилленхол, прищурено уставившись на холодное оружие. — Ах! Это нож! — охуел он, когда Харди нажал на рукоятку и из нее вылетело нехуйственно наточенное лезвие. — Нет! Прошу! Не трогайте мой минишар! Я умру, если сделаю хоть глоток нестерильного воздуха!

«Послушай, Том, ты должен это сделать сразу! До того, как он поймет кто ты есть! До момента драматического воссоединения двух братьев! Просто разорви шар и обруби на корню возможные последствия! Твоему любимому мудрому отцу следовало сделать это с твоей маской при вашей первой встрече. Но он не сделал, и посмотри, к чему это привело! Вспомни те чувства, которые ты испытал, узнав, что твоя маска — фальш! Да ты до сих пор не можешь отказаться от нее! Помоги брату! Режь нахуй шар! Он потом тебе скажет за это спасибо!» — судорожно думал сержант, медленными шагами наступая на Джилленхола.

— Я прошу! Не надо! — хлеще некуда испугался Джейк, отступая назад. — Ну, я прошу! — запаниковал он, уткнувшись в стену.

Без лишних слов, Том резко подорвался к парню из шара и вонзил лезвие в полиэтиленовую конструкцию. Раздался громкий хлопок, напоминающий звук лопнувшего околоплодного пузыря роженицы.

— О, Боженька, спаси меня! — завизжал Джейк, сделал глубокий глоток воздуха и задержал дыхание. Харди же был неумолим — он принялся резать на кусочки шар, дабы скорее высвободить брата из полиэтиленовых пут. Во время всего этого действа братья завалились на пол.

Том раздвинул ошметки полиэтилена и аккуратно и взволнованно вытащил на этот свет брата. На этот раз — удачно. Харди и Джилленхол недоуменно уставились в глаза друг друга.

«Теперь ты свободен! Не бойся, сделай вдох!» — возликовали серые глаза Тома, а сам парень схватил Джейка за плечи и радостно прижал его к полу.

«Нет, что вы, мистер! Один глоток нестерильного воздуха, и я труп!» — вступился в ментальный диалог Джилленхол, отрицательно покачав головой и для надежности заткнув руками рот.

«Это глупости! — нахмурился Харди. — Твоя мать — лживая потаскуха! Она обманула тебя! У тебя нет никаких проблем со здоровьем!»

«Откуда вам это знать?!» — вскинул пышную бровь парень из шара, вопрошающе уставившись на Тома.

«Мне ли не знать, Джейки… Мне ли не знать…» — иронично улыбнулся уголками глаз Харди.

«Что?! Откуда вы знаете мое имя?! — хлеще некуда охуел Джилленхол, увидев в серых глазах незнакомца что-то родное. — О, Боже…»

Сержант же Том решил уже закончить этот немой диалог. Но что же сказать брату? И тут он и сам не заметил, как встал с Джилленхола, сел напротив на колени и выставил вперед поднятую на уровне груди ладонь.

Джейк, продолжая держать в себе якобы стерильный воздух, будто на автомате, так же сел на колени и потянул ладонь к руке Тома. И вот — их ладошки соединились. На этот раз — беспрепятственно. Никакой полиэтилен не был для них преградой!

— Томми… — на выдохе пролепетал Джейк, положив хуй на задержку дыхания. — Томми! — заорал он на всю кофейню и без раздумий бросился на брата, крепко обняв его и завалив на спину.

— Сука-бля… Джейки… — одной рукой обнял братишку Харди, вторую же приставил к переносице, дабы не разреветься от радости долгожданной встречи.

— Ты настоящий! Ты реально существуешь! Я всегда это знал! Всегда! — будто маленький ребенок хохотал Джилленхол.

Так братья обнимались еще пару минут, пока, Джейк, наконец, не оторвался от Тома и не сел напротив.

— Как ты добрался сюда в одиночку? — присел на пол и Харди, закурив сигарету счастья. — Да еще и в этой полиэтиленовой ебале. Лео как-то помог тебе?

— На самом деле — мой путь был тернист, но об этом позже, — отмахнулся от брата Джейк. — Скажи мне, Томми, все что ты написал в письме — правда? Наша мама, и впрямь, та еще сука?

Харди тяжело выдохнул и затянул историю своего детства в Нампе, не опустив подробности издевок и избиений мисс Стрип.

— Матерь божья… — охуевше прикрыл ладонью рот слушатель из шара. — Это что же получается… Мать обманывала меня все эти годы… И что ты бросил меня — тоже враки?

— Абсолютно, сука-бля! Старая блядь обманула — я никогда не бросал тебя, Джейки! — ударил кулаком по полу Харди.

— И ты не снимался ни в каких комиксах? — встревоженно накинул очередной вопрос простак из шара.

— Чего, сука-бля? — приподнял шрамированную бровь Том. — Что это вообще за ебала такая?

— И ты не променял меня на шлюх, денежку и кокаин… — констатировал факт Джейк, осознав грандиозные масштабы лжи Мэрил. — Блять! Да что возомнила о себе старая блядь?! За что она так с нами?!

— Джейки, не выражайся, — включил в себе старшего брата сержант.

— Томми, а где же твоя маска? — проигнорировал его Джилленхол.

— Джейки, я же писал — это пиздаболие! Не более того! С моим здоровьем все нормально! Как видишь — с твоим тоже! — указал он рукой на подранный шар. — Я сразу решил избавить тебя от этой дрочи. Ибо лучше, сука-бля, так, чем было бы, как у меня… — и он затянул цикл рассказов о том, как по сей день не может отказаться от маски.

— Господи! — воскликнул Джейк из шара. — И впрямь! Смотри — я живу! Я дышу! Сколько я уже дышу грязным воздухом?! Сука, маманя! И тут обманула! Но ты, Томми, спас меня! О, Томми, ты мой герой! — вновь бросился обнимать он брата.

— Ну, довольно, Джейки! — смеялся Харди. — Ты сам спас себя. Я лишь указал тебе на дверь, ведущую к возможному выходу из сложившейся ситуации. И ты самостоятельно пришел ко всему, — пытался перевоплотиться он в Льва Толстого и нести мудрости, но получался сплошной лишь бред.

— Нет, Томми, ты не прав. Ты спас меня. И я клянусь — когда-то, я отплачу тебе той же монетой, — вполне себе серьезно для шестнадцатилетнего мальчишки заговорил Джейк. — Наступит тот день, когда я — Джейк Джилленхол, сделаю для тебя что-то эдакое… Может, кончено, и не спасу от чего-то, но, например, исполню какую-то давнюю мечту… И я говорю это не впустую. Я запомнил это, ты не ссы… — положительно закивал он головой.

Так братья просидели в кафе еще около часа, ведь никак не могли наговориться друг с другом. Ох, как же много им нужно было рассказать! Вопрос к Леониду — почему ты сидишь в Доджe столько времени? Не желаешь зайти внутрь и посмотреть, что происходит? Ну, ладно, дело твое — чини дальше подвеску своей развалюхи!

— А ты смышленый, пиздюк, — веселился Том. — Расшифровал мой ребус из письма. Я же наказал следовать запаху рома, ананаса, кокосового ликера. Ведь в сочетание друг с другом эти компоненты превращаются в мой любимый напиток — Пина Коладу! Я же специально поставил на улице ту вывеску, чтобы подать тебе знак…

— Да откуда мне знать эти запахи, Томми? Ну, сам подумай! Кто давал мне в шаре ром или ликер? — выразительно похлопал синими глазами Джейк. — Но! Я скажу тебе вот что! Я оказался в этом заведении не чудом — меня вело сердце! Сердце вело меня к брату! — начал бить он себя в грудь, решив опустить подробности, что пришел в кафе наобум. — Боже! Как же я счастлив!

— А я-то как… — улыбнулся Том, доставая из кармана пакетик кокаина, дабы обнюхаться от переполняемого счастья.

— Это что? Мне можно? — поинтересовался Джилленхол, любопытно завиляв задом и почуяв некий манящий запах в незнакомом порошке.

— Тебе, сука-бля, нет, — отрезал Харди. — Мал еще!

Ох, да кто бы говорил! Тебе самому-то было сколько, когда ты попробовал в первый раз наркотик?! Пятнадцать? Да ты в возрасте Джейка уже попробовал ебать его в рот сколько разной хуеты наркотической! Зачем включать дешевые понты со строгим старшим братом? Думаешь реально сможешь держать его в ежовых рукавицах? Ну, посмотрим… Посмотрим, на сколько тебя хватит! Смотри, сам не обосрись и не махнись с братом местами, а то за тобой самим требуется глаз да глаз и нехилая порция заботы!

— Никогда не связывайся с наркотой Джейк… Это хуйня до добра не доведет… — втирал Том в десны остатки кокаина. — Я сделаю тебе новые документы, после чего пристроим тебя в школу, затем в колледж, после в университет, сука-бля! Я сделаю все! Ибо я — власть! Я — закон! — бредил сержант наркоман. — Но, ладно… Ладно, сука-бля. Так уж и быть! По приезду к нам домой, я дам тебе попробовать немного пива… Все же, ты столько лет прожил в этой полиэтиленовой хуете. Наверняка, тебе сейчас очень тяжело осознавать бренность бытия. Тяжело будет привыкнуть к новому миру… Так что, думаю, что немного алкоголя тебе не помешает, дабы снять стресс…

Джилленхол лишь прищурено уставился на брата, мотая на ус его слова.

— Но, Джейки, сержант тебе обещает! Он пробьет тебе дорогу в светлое будущее! Он клянется… — плел хуету Харди, ловя приход за приходом.

— Послушай, Томми, — перебил брата Джилленхол. — Это все конечно круто — наша встреча, твои планы на будущее… Но, это… Я кушать хочу… — виновато поджал губы Джейк, извиняясь расставив руки в стороны.

— Ох, сука-бля! Что ж ты раньше не сказал, пиздюк?! — взволнованно подскочил с пола сержант Харди и поднял брата за шкирку. — Скорее поехали

домой! Я накормлю тебя! А еще, кстати, кое с кем познакомлю! — вспомнил он и о Леониде и пошел в сторону выхода.

Глава 64: Бренность

Спустя три дня.

— И тогда я подарил тебе куклу-мать! Ты же помнишь? Помнишь ее? В маленьком бордовом пальто? — буробил бухой Том, подкуривая сигарету.

— Конечно помню, Томми! Это был лучший из лучших подарков за всю мою жизнь! — восторгался Джилленхол, выливая в горло последние капли пива из бутылки. — Это… А можно мне тоже покурить? — указал он на сигарету в зубах брата.

— Нет, Джейки! Это даже не обсуждается! — строго ударил по столу сержант. — Курение — зло!

— Бля, ну, Томми! Ну, ты же сам говорил, что у меня стресс! Знаешь, как тяжело жить в этом мире, после стольких лет проживания в неведении?! Бренность бытия поглощает меня! Мне нужно как-то расслабиться!

— Ладно, хорошо! — подкатил глаза Том и протянул брату сигарету.

Джилленхол аккуратно принял ее в руки и настороженно прищурился.

— Не, не хочу, — брезгливо фыркнул он, отдав сигарету обратно брату. — По запаху чую, что ерунда какая-то… Не принесет никакого удовольствия. Мне б лучше еще пивка… — уставился он на брата ебейше синими глазами.

— Нет, сука-бля! — строго затянулся Том. — Ты и так выпил уже четыре сегодня!

— Но, Томми! У меня стресс! Знаешь, как тяжело… — затянул свою классическую шарманку выклянчивания Джейк, как вдруг в дверь еврочетырешки кто-то постучал.

— Батлер что ли вернулся? — нахмурился Харди, но встал и пошел открывать.

— Так он же вроде в ночь, не? — поинтересовался Джилленхол, уже крутясь у холодильника и не зная, как его открыть, дабы достать оттуда еще немного «пенного».

— Ну, не ждали? — спустя полминуты зашел в квартиру никто иной, как Леонардо ДиКаприо в костюме почтальона.

— Сука-бля, Лео! Какого хуя?! Где ты был? — начал дерзить на него с порога сержант. — Почему не помог Джейку выбраться из Нампы?!

— Почту, блять, разносил! — раздраженно кинул на стол сумку ДиКаприо. — О, а брат твой, я смотрю, тут уже, — уставился он довольным прищуром на Джилленхола, который лег животом на пол и подпихивал руку под холодильник, шкрябая ей и не оставляя надежды вскрыть неведомый белый ящик, дабы добраться до пива.

— Нахуя, сука-бля, ты занимался этим? Что за ебала, Лео? — приподнял шрамированную бровь Том. — Джейки, сколько раз я уже объяснял, как это делается. Берешь за эту ручку и просто тянешь на себя, это же обычная дверь. Что за проблема, сука-бля? — подошел он к брату и провел ликбез по открыванию холодильника.

— Томми, это тебе кажется все таким простым и естественным! Не тебе же пришлось жить шестнадцать лет в мамкином шаре! — возмутился Джилленхол, поднимаясь с пола. Он достал из дверки алюминиевую банку «пенного» и с характерным шипением откупорил. — Так что, ты на самом деле не почтальон никакой? — прищурившись, обернулся он к Лео, слегка скаля зубы.

— Конечно же нет! — вскинул брови к потолку ДиКаприо. — Я что — похож на долбоеба?

— Ну, судя по всему, ты — он и есть, — расставил руки в стороны Харди, состроив свой фирменный еблет. — Нахуя, спрашиваю, ты занимался этой шляпой, вместо того, чтобы помочь Джейку? М? — махнул он ладонью в сторону

почтальонской сумки.

— Потому что, если я взялся за работу, то должен довести ее до конца! — поднял вверх указательный палец почтальон с виду, наркоторговец по жизни и мозгоправ в душе. — Таковы мои принципы! Это для меня идет наряду с принципом врачебной тайны, к примеру…

— Ну я понял… Понял… — усмехнулся сержант. — Пивка, сука-бля? — протянул он другу бутылку.

— Ого-го! — открыв рот и высунув язык, осматривался по сторонам Джейк. — Томми, да это же и впрямь целый замок!

— А я, сука-бля, что говорил! Замок и есть, — горделиво обвел взглядом холл фамильного поместья сержант Том. — Ладно, осмотрись тут, а я пока поднимусь к отцу в кабинет, разберусь с документами, — двинулся он к широкой лестнице.

Джилленхол кивнул и продолжил рассматривать богатое убранство поместья, оставшись в одиночестве.

Харди вошел в кабинет мистера Уокена и тяжело вздохнул. Все вещи лежали на тех же местах, где они и были, когда Том находился здесь в последний раз. Будто и не было этих нескольких месяцев, прошедших со смерти Кристофера. В груди у сержанта все сжалось при воспоминании об отце, но это неприятное чувство быстро пропало и сменилось грустной улыбкой на брутально-смазливом лице.

— Пап, я нашел Джейка… Я так, сука-бля, счастлив! Жаль ты его так и не смог увидеть, мне бы очень хотелось, чтобы вы познакомились… — изрек Том, по-хозяйски усевшись в кресло покойного мистера Уокена, хотя вовсе не чувствовал себя здесь, в кабинете, хозяином.

Харди предался воспоминаниям, бездумно рассматривая вещи на столе. Наконец, он решил отложить агонию ностальгии в сторону и сделать то, зачем сюда прибыл. А именно — оформить наследство на замок и прочее родовое имущество. Сержант открыл верхний ящик стола и принялся искать документы.

Но помимо бумажной волокиты, Том преследовал еще одну цель. Именно для этого он и взял с собой Джейка — хотел показать ему свой отчий дом и рассказать о Кристофере, а заодно посредством этого небольшого путешествия помочь брату быстрее влиться в обычный реальный мир.

Найдя нужную папку, Харди сунул ее подмышку и поспешил вниз, дабы предложить Джилленхолу провести экскурсию по поместью, показать музей и сводить в фамильный склеп. После этого Том запланировал поездку в Лондон, где хотел познакомить брата с достопримечательностями и, если повезет, прокатиться на колесе обозрения.

— Джейки! Эй, сука-бля, ты где, пиздюк? — звал Харди, бродя по холлу и всматриваясь в пустоту в надежде найти брата, который словно сквозь землю провалился.

Так прошел час.

— Джейк, сука-бля, ну ты где? — меланхолично орал Том, сидя на диване у камина и все это время обхуяриваясь до беспомощности.

— Томми! — послышался приглушенный скулеж с кухни.

Харди еле перебирая берцами по паркету, поплелся на кухню, откуда доносился звук.

— Помоги мне, Томми, — стонал Джилленхол, сунув голову в духовой шкаф. — Никак не могу дотянуться… Да и не знаю я, как им пользоваться… — пытался нащупать он вентиль включения газа на передней панели.

— Я не понял… Не понял, сука-бля, — охуел хлеще некуда Том, почесав лысину. — Ты что вытворяешь, пиздюк?

Тут из духового шкафа высунулась голова Джейка.

— Томми! Тебе не понять этого! Все это слишком сложно! — принялся

завывать он, смочив глаза слюнями. — Этот мир не принимает меня! Я здесь лишний!

— Да что ты такое несешь, Джейки? — начал биться в агонии непонимания Харди. — Все же было нормально! Что на тебя, сука-бля, нашло?

— Нормально? Это по-твоему нормально? — захлопнул Джилленхол духовой шкаф и подскочил к брату вплотную. — Я не понимаю этот мир! Я не знаю здесь ничего! Я чуть не заблудился в аэропорту, когда мы летели сюда! Я даже не понимаю, как пользоваться деньгами и документами! Да что говорить — я не в силах открыть дверцу холодильника!

— Дверцу духовки ты, однако, открыл! — усомнился в адекватности Джейка сержант.

— Это чистая случайность! Я хотел покончить с собой и надышаться газом! — вопил самоубийца из шара, брызжа слюной направо и налево. — И видишь каково совпадение, что именно эту дверку мне и удалось открыть! Да сама судьба мне помогает распрощаться с жизнью! — махал он рукой в сторону газовой плиты.

— Пиздюк, пиздюк! Успокойся, сука-бля! — схватил его за плечи Харди и с силой потряс. — Даже не думай об этом! Я понимаю тебя, как никто! Я был в твоей ситуации… Ну, точнее не совсем в твоей… Короче, я тоже задумывался о суициде, только причины были другие… — говорил он, пытаясь вразумить брата, купившись на его дешевый цирк.

— Правда, Томми? — округлил глаза в синие блюдца Джейк. — И? Как тебе удалось выбраться из этого угнетенного состояния?

— Ну… — поднял глаза к потолку Харди, вспоминая свои пиздюческие годы. — Ну я провел работу над собой, поговорил с отцом… Поставил себе цели, которые давали мне желание жить… — пиздил и не краснел он.

— Нет, Томми! Это все не то! — оттолкнул его от себя Джилленхол. — Я не умаляю твоих проблем, жизнь у тебя была не сладкая, но… Я вообще не понимаю, как жить, у меня все более глобально… Я бы и рад испытать и страдание, и предательство, и все что угодно, но я не понимаю ничего в этой вселенной! Не понимаю ее правил! Так что, выход лишь один… — трагично приставил он ладонь тыльной стороной ко лбу и запрыгнул на столешницу. — Прощай, братишка, мы так мало времени смогли провести вместе, но я больше так не могу… — распахнул он кухонное окно и перебрался на подоконник.

— Нееееет! — заорал Харди как имбицил и полез на окно за Джилленхолом. — Даже не вздумай! Это не выход! Нет! — рычал он, стаскивая брата на пол.

— Но как мне жить? — не унимался артист из шара, с силой прижатый Томом к полу. — Я не понимаю, Томми… Не понимаю… — проскулил он, уставившись пустым взглядом в потолок.

— Сука-бля… Нет, Джейки! Пожалуйста, просто выброси эти мысли из головы! — умолял сержант, взяв брата за щеки и заглядывая ему в глаза. — Я был не до конца честен с тобой, рассказывая о своей попытке самоубийства. Есть еще кое-что, что я сделал тогда… Это помогло мне отвлечься в тот момент…

— И что же? — навострил уши Джилленхол. — Расскажи мне, ну же, скорее, — спихнул он с себя Тома и сел на пол, в нетерпении ерзая на месте.

— Наркотики… — пизданул Харди, спустя минутную неловкую паузу.

— Наркотики? — воскликнул Джейк, наигранно округлив рот. — Я тоже хочу попробовать!

— Ну… — замялся Том, не желая ввязывать брата в эту авантюру.

— Ах, ну да… Я еще мал, да и вообще, все это вредно! — опустил уголки губ Джейк. — Ты прав… Значит у меня остается только один выход… — пробормотал он, взял со стола нож и угрожающе поставил к запястью.

— Нет, сука-бля! Стой! — завизжал Харди и вцепился в руку брата. — Ладно, давай попробуем пойти тем же путем, что и я в свое время… Но знай — это совсем не то, что тебе нужно… Это будет временная мера, чтобы быстро вывести тебя из этого состояния…

— Конечно, Томми, конечно! Давай уже! — подгонял его парень из шара.

— А по возвращении в Штаты ты сходишь на прием к Лео, — строго сказал Том, шаря по карманам в поисках дозы. — Обещай мне, сука-бля! Я не хочу, чтобы ты стал наркоманить, просто маскируя тем самым реальные проблемы!

— Хорошо! — протянул руку Джиленхол, как бы поторапливая его в поисках.

— Обещай! — достал Том из кармана скамов пакетик с амфетамином, продемонстрировал брату и резко одернул обратно, когда тот потянулся за заветными таблетками. — Обещай сержанту, сука-бля!

— Я клянусь, Томми! Клянусь жизнью нашей матушки! — нес хуйню Джилленхол, не сводя глаз с пакетика. — Это что? Амфетамин? А кокаина нет? Уж очень хочется попробовать его… Думаю эффект будет лучше, более позитивный и жизнеутверждающий! — добавил он, заметив подозрительный прищур брата.

— И от этого нормальный эффект будет, сука-бля. Такой как надо! Он полегче для первого раза… — плел он бредни, дабы отбрехаться, ведь весь кокаин, что у него был, он сам же и принял за последний час. — Я вообще с Оксикадона начинал, — поведал он занимательный факт из своей биографии и высыпал спиды себе в ладонь.

— Давай уже! — выхватил у него колеса Джилленхол и разом засыпал себе в пасть. — Кааайф! — протянул он спустя некоторое время, словив свой первый приход и расплывшись в улыбке.

Вот так тинейджер из шара впервые и попробовал наркотик. Ну, что тут сказать… Браво, Том! Старший брат года! Главное по возвращении в Сиэтл не забудь включить в комнате Джейка увлажнитель, заботливый ты наш!

Через полчаса, объебашившись амфетамином, парни отправились в музей, где Харди, для пущей эффектности нарядился в костюм Тома I, и проводил экскурсию для брата.

— А мой манекен тут будет? — спросил Джейк, когда сержант закончил повествование, остановившись у усталого манекена в костюме Кристофера.

— Ну вообще-то, этот музей только для Харди, — пояснил за выставку Том.

— Но я же твой брат! Я считаю, что тоже заслуживаю место среди этих экспонатов, — стоял на своем Джилленхол.

— Таковы, сука-бля, правила, не я их писал — не мне их менять, — развел руки в стороны сержант.

— Не думаю, что эти правила так важны, — отмахнулся от него Джейк.
— Чем ты хуже какого-нибудь корабельщика или, упаси господь, лоха, проебавшего ваш замок? Я считаю, что ты имеешь такое же право менять правила, как первый, второй и прочие Томы.

— Ладно, пиздюк, посмотрим, — усмехнулся Харди.
— А что тут смотреть, Томми? Все эти пацаны уже пожили свое! Теперь ты тут главный! Ты, Томми, власть! — подначивал брата на незнамо что революционер из шара.

— Ладно, возможно, — подкатил глаза Харди, протягивая Джейку еще одну порцию колес.

— Что значит возможно? — возмутился Джилленхол, набив полон рот амфетамина. — Так дело не пойдет! Вот скажи мне, Томми! Умри я прямо здесь, сию секунду, на этом вот месте — ты похоронил бы меня в семейной склепе Харди? Прямо сегодня, прямо сейчас!

— Я так-то старше, поэтому, надеюсь, не я тебя хоронить буду, а ты меня, — продолжал отбрехиваться Том.

— Но ты не ответил! Прямо сегодня, прямо сейчас! Похоронил бы? — упер руки в юные бока Джейк.

— Ой, сука-бля, ладно! Похороню я тебя в склепе, пиздюк! — забился в агонии подкатывания глаз Харди. — Пошли я лучше тебе покажу генеалогическое древо моих предков, — двинулся он к стеллажу под гербом на стене.

— То-то же, — улыбнулся парень из шара и поспешил за братом. — Ого, смотри-ка, все твои деды, отец и ты сам родились пятнадцатого числа, только в разные месяцы. Вот это совпадение! — восхищался Джилленхол через пару минут внимательного рассматривания сквозь стекло жухлой от старости то ли бумаги, то ли тряпки, то ли папируса, то ли и вовсе незнамо чего.

— Это что-то типа нашей фишки, — состроил фирменный еблет сержант, любуясь нарисованным деревом с портретами своих предков. — Не знаю, как это работает, но…

— Томми! — заорал Джейк и стал безумно тыкать пальцем в стекло витрины. — Это что же получается? У тебя день рождения пятнадцатого апреля! Это же было вот — на прошлой неделе!

— Так, пиздюк, давай не будем! — осадил его Том. — Ненавижу свой день рождения и не хочу его отмечать. В пиздууу…

— Томми, да как же так?! — ахнул Джилленхол. — Это же так великолепно! Весело и вкусно! Нам надо срочно отметить! Хочешь я устрою бомбическую вечеринку для тебя?

— Нет! — рявкнул Харди. — Никаких праздников, гостей, фейерверков и прочей шляпы, и вообще забудь об этом дне и никогда не вспоминай!

— А как же подарки? — не мог поверить своим ушам Джейк.

— Закрыли, сука-бля, тему! — буркнул Том и походкой наркомана двинулся к выходу.

— Ну-ну, Томми, ну-ну, — прищурил хитровыебанные, но синие глаза Джилленхол, поймав брата на слове, и поспешил за ним.

Еще неделю братья пробыли в Манчестере, пока Харди оформлял наследство. Все эти дни они ездили в Лондон и другие города Англии, где Том показывал Джейку места, которые так любил в детстве. Парень из шара, плотно подсев на наркоту и, забыв все свои выдуманные проблемы, был до безобразия впечатлен таким путешествием и не прекращал восхищаться миром и его красотой. Тогда сержант пообещал ему, что вскоре они отправятся в какое-нибудь путешествие помасштабнее этого, может даже кругосветное. Джилленхол не на шутку вдохновился таким предложением и с нетерпением ждал этого приключения. Но теперь, когда все бумажные дела в Манчестере были завершены, настала пора возвращаться домой — в Сиэтл.

Глава 65: Террористка

— Дамы и господа! Говорит командир корабля — Джаред Лето. Высота нашего полета — десять тысяч семьсот один метр. Скорость — восемьсот девяносто три километра в час. Ожидаемое время в пути — девять часов. Вы можете отстегнуть ремни безопасности. Вскоре бортпроводники предложат вам еду и напитки. От имени всего экипажа — благодарю за выбор авиакомпании «Амэрикан Аэрлайн». Желаем вам приятного полета, и да хранит вас Бог! — раздался из колонок голос капитана.

— Ну что, может скоротаем перелет и посмотрим какой-нибудь, сука-бля, фильм? — отстегнулся Харди, указав на встроенный экран в спинке впереди стоящего кресла.

Братья остановили свой выбор на кинокартине «Дневник памяти», в главной роли с восходящей звездой Голливуда — Сетом Роганом.

— Томми, я хочу задать тебе вопрос, — нажал на паузу Джилленхол, остановившись на сцене, где персонаж Рогана лишал девственности свою девку.

— Какой? — приподнял шрамированную бровь сержант Том, присосавшись к пивной бутылке.

— А ты много девочек уже отжарил в свои двадцать? — беззаботно спросил вопрошай из шара.

— Сука-бля, — подавался пивом Том. — Пиздюк, я что считал всех шкур по-твоему? — сбрехал он, дабы не прослыть девственным ебанатом в глазах младшего брата.

— Ну хоть примерно, — продолжил Джейк. — Мне же очень интересно! Какие они были?

— Ну, сука-бля, разные, — пожал плечами Харди, отвернув пиздливый взгляд в сторону иллюминатора.

— А экзотика была какая-то? Ну, может черные, азиатки или мамаши? — никак не унимался Джейк.

— Нет, сука-бля! Все были обычные! — рявкнул сержант.

— Эх, у меня тоже обычные были, — расстроенно протянул Джейк, уставившись вперед бессмысленным взглядом. — Хотя, думаю, все же нет. Одна — озабоченная, вторая — смуглокожая. Это же считается за экзотику?

— Чего, сука-бля? — ебанулся от услышанного Том, обернувшись к брату. — Издеваешься? Ты ж в обдроченном шаре жил!

— Ну ты что, Томми! Забыл? У меня же был минишар! — раскудахтался Джиленхол. — И даже он не помешал мне натянуть двух девиц! — воскликнул он и затянул историю о своих сексуальных похождениях в гиперпрочной хуете.

— Ну, пиздооос… — протянул Том по завершении рассказа, вдвойне ощутив себя закомплексованным неудачником.

— А скажи вот еще что, Томми. Как я понял, эта вселенная приветствует, когда парень и девушка состоят в отношениях. Ну там любовь и всякое такое. А у тебя есть девочка? — вновь накинул неловкий для сержанта вопрос Джейк.

— Ээээм… Сука-бля, конечно, нет!

— Почему конечно? Ты что, гей? — не желал угомониваться Джилленхол, продолжая давить на больное брату.

— Да иди ты на хуй, пиздюк! Никакой я не пидор! — дерзко пихнул братишку в плечо Харди. — Просто все это мне неинтересно! Не хочу тратить свои, сука-бля, нервы, свое время на какую-то шкуру!

— Ааа, ты типа одинокий волк? — прищурился Джилленхол.

— Ну, типа того, — неоднозначно покрутил ладонью сержант.

— Ну, а почему мы с тобой никогда не снимали проституточек, раз оба свободные мужчины? Ммм? — провоцирующе спросил Джилленхол. — Как мне

устроиться в этом мире, если…

— Джейки! Какие проституточки?! — гневно перебил его Том. — Это ж, сука-бля, днище! Мало ли что можно подцепить?!

— То есть шлюх ты не одобряешь? — прищурился Джейк. — Ладно, а почему мы тогда просто не познакомимся с обычными девочками, чтобы…

— Потому что я не люблю! Абы с кем знакомиться! Я, кажется, уже все, сука-бля, сказал по этому поводу! — парировал Том.

— Я тебя не понимаю! — хлопнул по коленкам Джилленхол. — Абы кто — не нужен! Шлюхи — тоже! Тогда кого ты жаришь, Томми?!

— Сука-бля… — вышел из себя Харди, понимая, что, кажется, не на шутку заврался. Он нервно зашнырял взглядом по сторонам в поисках правды.

— Ну и? — торопил его прокурор из шара, требуя ответа на заданный вопрос.

— Я клею охуенных девок, а потом ебу их пару дней! Они думают, что сержант настроен, сука-бля, серьезно, и на все готовы. Спустя пару дней, вдоволь наебавшись, я соскакиваю, дабы не обременять себя никакими отношениями, а шмарам оставляю не свой номер, да и вообще, представляюсь не своим именем! Все ясно, пиздюк?! — плел хуету Харди.

— А что, так тоже можно делать в этом мире? — округлил рот Джилленхол.

— Бляяяять… — раздраженно протянул Харди, задвигав желваками. — Ну конечно же можно, ибо…

— Немедленно сажайте судно! — перебил его возмутительно пьяный женский голос.

Братья незамедлительно приковали взгляды к кричащей женщине, стоящей в проходе между рядами. Ребята не сразу поняли, кто перед ними предстал. То ли богатая ухоженная женщина, то ли пьющая потаскуха, возомнившая себя звездой больших и малых, то ли и вовсе жена падишаха, ведь на голове у этой особы красовался тюрбан из криво намотанного хуевого красного платка.

— Кукла, ты либо сажаешь самолет, либо разворачиваешь его и летишь обратно! — верещала она, кидая предъявы воздушному маршалу, подоспевшему на разборки.

— Мэм, успокойтесь немедленно, или мы будем вынуждены связать вас до окончания полета! — пригрозил той маршал.

— Томми! — воскликнул Джейк, откинувшись на спинку кресла и с силой схватив брата за запястье. — Нам пизда! Мы не долетим до Сиэтла!

— Пиздюк, угомонись. В чем, сука-бля, проблема? — поспешил успокоить брата Том. — Это просто пьяная пизда. Она не сделает ничего дурного!

— Ах, просто пьяная пизда?! — вытащил из потолка кислородную маску Джейк и нацепил на свое псиное лицо. — А говоришь, что мент! Неужели еще не понял — она террорист! Она сейчас взорвет самолет!

— Чего нахуй?! — все больше и больше сомневался в адекватности брата Харди, но, дабы развеять все сомнения, достал из накладного кармана скамов пакетик амфетамина и предложил Джилленхолу разнюхаться.

— Где моя звезда? Куда вы ее спрятали?! — продолжала орать женщина, открывая полки для багажа и вытряхивая оттуда непрезентабельные сумки пассажиров лайнера.

— Женщина, я требую, чтобы вы немедленно успокоились! Иначе, я вас пристрелю! — начал потихоньку выходить из себя воздушный маршал, достав из-за пояса пистолет и наставив его на буйную пассажирку. — Вы пугаете людей!

— Томми, я тебе бля буду — у нее под тюрбаном бомба! — еще хлеще запаниковал Джилленхол, нюхнув наркотик. — Все! Нам пизда! Мы мало того, что упадем и разобьемся, так еще и взорвемся!

— Да нет у нее там ничего, сука-бля! Это просто пьяная баба! Сейчас ее свяжут и… — пытался вразумить брата Харди.

— Нет! У нее на голове бомба! Я это чую! — стоял на своем паникер из шара.

— Ты удумал мне угрожать, пидор?! Да ты знаешь, кто мой муж?! — продолжала верещать буйная женщина, извлекла из сумочки перцовый баллончик и незамедлительно выплеснула его содержимое в морду маршала.

— Аааааа, сука! Больно! — схватился за моментально покрасневшее ебало тот.

— Ну, вот и все! Эта женщина — террорист! У нее под тюрбаном — бомба! И ей удалось взять судно в плен! Да поможет теперь всем нам Бог! — вскочил с места Джилленхол, обращаясь к пассажирам.

Люди в панике завизжали. Некоторые повскакивали с мест и забегали по салону, врезаясь друг в друга и отлетая в стороны как глупые разнополярные атомы, кто-то из пассажиров моментально потерял сознание, а какой-то дегенерат и вовсе подскочил к огромному вентилю и начал крутить его в разные стороны, дабы немедленно открыть входной люк и смыться с этого проклятого самолета живым и невредимым.

— Сука-бля! — выругался Том, поняв, что, кажется, ему срочно требуется взять под контроль сложившуюся ситуацию, пока дело не дошло до трагедии. — Полиция США! Сержант Харди, убойный отдел Сиэтла! — вскочил он на ноги, достав из кармана скамов мусорской значок и продемонстрировав его публике.

— Боже! Мы спасены! Господь услышал наши молитвы! — там и тут восторженно заулюлюкали пассажиры.

Том же Харди кинулся в сторону бухой женщины. Ловким ударом ноги он выбил из ее рук баллончик, затем с силой заластал ее саму и грубо прижал мордой в пол. Персонал и пассажиры восторженно зааплодировали и засвистели.

— Томми! Не забудь проверить, что она скрывает на голове! — не находил себе места Джейк, все еще не веря в счастливый исход этого полета.

Сержант подкатил глаза, но стряхнул с головы женщины хуевый красный платок. Удостоверившись, что под ним находилась лишь пышная волнистая укладка черных волос, Том поднял с пола арестантку и поволок в комнату охраны, дабы провести допрос и узнать, что это вообще такое было, ибо сам он по классике — нихуя не понял. Воздушный маршал за Томом не пошел — его глаза настолько опухли от перцового баллончика, что он, трижды перекрестившись, поклялся перед народом, что сию же секунду бросает эту неблагодарную профессию и попробует себя в чем-то новом — например, станет водителем рефрижератора, ну или портным в стрипклубе — с этим он точно еще не определился.

Спустя десять минут в комнате охраны.

— Ну и зачем, Оливия, сука-бля, Блэкберри, ты устроила всю эту ебалу? Ммм? — уничтожающе посмотрел на сидящую напротив женщину Том, оторвав взгляд от ее документов.

— Кукла, я же сказала — у меня произошла беда!

— Я это уже, сука-бля, понял! — ударил ладонью по столу Харди. — Что именно произошло? И хватит называть меня куклой, пизда! Для тебя — сержант Харди!

— Ты понимаешь, кукла, — проигнорировала его женщина, нагло взяла из пачки Тома сигарету и закурила. — Я потеряла дочь! Где моя звезда? Что с ней?!

— Где ты видела ее в последний раз? — цокнул сержант Харди и тоже закурил, решив, что женщину ебанула белая горячка и у той и вовсе не было и нет никакой дочери. Но это не точно. Нужно было удостовериться.

— В Лондоне, в аэропорту! Понимаешь, неделю назад наша семья прилетела в Париж к моим родителям, дыбы погостить. Мы так весело проводили время, что совсем забыли, что у одной из моих дочек на днях должно было пройти соревнование в Штатах. К слову, Эми у нас занимается легкой атлетикой. И

между прочим, подает неплохие надежды! — решила выебнуться Оливия. — Но, как по мне — все это чепуха. Я считаю, что в нашем мире женщине не нужно заниматься чем-то самостоятельно. Главное — удачно выскочить замуж, за кого-то богатого и влиятельного! Я этому и учу своих дочерей, коих у меня, между прочим, две…

— Так ты двух дочерей проебала в аэропорту? — перебил ее Харди.

— Да нет, только Эми. Элизабет в Париже — все в порядке, — успокоила она сержанта, хотя тому и вовсе было похуй на местоположение членов семьи этой потаскухи. — Понимаешь, завтра у нее в Сиэтле должны пройти соревнования. Но мы так закрутились, что позабыли об этом…

— Я это, сука-бля, уже понял! Что дальше произошло?

— Вообще, Эми должен был везти Оливер — мой муж и ее отец. Мы должны были вылететь из Парижа сегодня утром. Но в местном аэропорту у моего мужа случился конфуз, — пыталась повязать на голову хуевый красный платок Оливия. — Пидору приспичило поссать. К слову — мы проссали рейс Париж-Сиэтл. Эми начала впадать в депрессию от случившегося, поэтому я быстро нашла выход из ситуации. Так как ближайшего рейса до Сиэтла не намечалось, было решено лететь с пересадками. Так мы с Эми и оказались в Лондоне…

— А где был твой муж? — спросил Том, заинтересовавшись охуетительной историей миссис Блэкберри. — Хули это хуйло не полетело в Лондон?

— Так он все ссал в Париже! — навязала из платка хуевую башню женщина. — Ну, а из Лондона, значит, мы с куклой и должны были вылететь прямиком в Сиэтл. У нас оставался час до взлета. Эми так стрессанула, что уснула в зале ожидания… Нет, ты не подумай, она не ёбнутая, как смеют утверждать некоторые, просто переволновалась. Мне же стало скучно, что кукла заснула и мне не с кем поболтать. Ну я и отправилась в бар аэропорта, дабы скоротать время за бутылочкой-другой «красного», да поболтать с барменом… Ну и все! Проснулась я уже в самолете! А моей куклы нигде нет! Рюкзак ее лежит, а самой Эми нет! И я спрашиваю у тебя, кукла, где моя дочь?! — взорвалась женщина, хуево ударив ладонью по столу.

— Ну, пиздооос… — протянул Том, хлопнув себя по щеке. — Знаешь, мамаша, сержант смеет предположить, что ты проебала дочь в аэропорту Хитроу.

— Думаешь? — прищурилась Оливия. — Быть того не может! Я воспитываю дочерей в строгости! Вот те крест! — перекрестилась она.

— Ну, у всех бывают, сука-бля, проколы, — состроил хуевый фирменный еблет Харди, заразившись от Оливии хуевостью.

— Кукла, срочно разворачивай судно! Нужно вернуться в Лондон! Она ж там пропадет! — начала паниковать Оливия, на глазах превратившись в бухую сову. — У нее же нет ни денег, ни телефона, ни документов! Ох, наверняка она проснулась и испугалась! Так, держи ее паспорт! — достала она из закрома документы дочери и кинула на стол. — Ты ж полицейский, найди ее и приведи к семье! Это входит в твои обязанности!

Сержант лишь цокнул, подкатил глаза, но паспорт взял и раскрыл его на первом развороте.

— Сука-бля, мамаша! Какого хуя ты не сказала раньше, что ей тринадцать?! Она ж, сука-бля, ребенок! Тебе не стыдно, а, шмара?! Ты наебенилась и забыла в чужой стране ребенка! Без документов, без денег! Ты вообще, как? Здравая? — приложил ладонь ко лбу Оливии Том, дабы убедиться, что у той нет температуры, и она натворила все это хуеплетство не в состоянии жара.

— Да кто ты такой, чтобы судить меня?! — поправила женщина бандажные бинты на груди, ведь пару дней назад сделала пластику груди, донельзя накачав в нее силикона. — У меня четверо детей! Думаешь легко за всеми углядеть?

— Пьющая мать — горе в семье! — процитировал Том своего отца, нарочито

харкнув в сторону Оливии. — Сержант, сука-бля, за справедливость! Он поможет, но не тебе, шмара, а несчастному ребенку, брошенному незнамо где! — психанул он, схватив со стола паспорт потеряшки, и поспешил в кабину пилота.

— Пффф… — брезгливо фыркнула ему в спину Оливия, вновь закурив. — Хамло!

Оказавшись на месте, Харди быстро ввел второго пилота в курс дела, попросив его связаться с диспетчером, дабы тот в свою очередь связался с аэропортом Хитроу и сообщил о брошенном ребенке.

— Вот тебе, сука-бля, ориентировочка на эту маленькую шкуру, — бросил он паспорт в руки второго пилота. Но тот его даже и не поймал, ведь уже как полчаса уебенелся героином, да и вообще — спал и не слушал, что там молол сержант.

— Братан, не приставай к нему, — махнул в сторону коллеги капитан Лето. — Не видишь — отдыхает человек! А вообще, если это срочно, то я могу развернуться обратно. Мне нихуя не сложно, — беззаботно пожал плечами Джаред, затянувшись крэком.

— Просто свяжись с диспетчером, — кинул ему шкурьи документы Харди.

— Не видишь — я занят! — возмутился мистер Лето, указав объебошенным взглядом на штурвал. — Но ты можешь связаться сам, я не против, — снял он с головы гарнитуру и протянул Тому. — Шелли, эй, Шелли! Помоги человеку разобраться с этой штукой и связаться с диспетчером! — подозвал он главную стюардессу.

— Иду, иду! — пробубнил женский голос из-за шторки. Совершенно точно, что рот говорящей был чем-то занят.

Спустя пять минут шторка распахнулась и оттуда вылетела растрепанная стюардесса, вытирая некую белую хуйню с ебальника.

— Ох, Томми, а вот и ты! — вышел оттуда же и Джилленхол, на ходу застегивая ширинку.

— Пиздюк? — нахмурился Харди. — Хули ты тут делаешь? А что за странный блеск в глазах? Кажется, это крэк… Где ты его, сука-бля, нашел?!

— Ох, Томми! Я так труханул той террористки, что решил, что в кабине пилотов будет куда безопаснее, пока ты ее допрашиваешь! — беззаботно отмахнулся Джейк. — Ну что, Джаред, я готов! — хлопнул он в ладоши.

— Ну, милости прошу, — поднялся со своего кресла Лето и вежливо пригласил сесть в него Джейка, ведь полчаса назад обещал его обучить управлению самолетом. А держать свое слово — было для Джареда незыблемым законом.

— Что за ебала?! — прошептал Том, схватившись за лысину.

— Эй, парень, будешь с диспетчером говорить? — пихнула его в бок стюардесса, уже подключив гарнитура к боковой панели.

— Ну, давай попробуем, сука-бля, — тяжело выдохнул Харди, решив пустить происходящее в кабине пилота на самотек, и надел наушники.

— Эй, — вновь пихнула его в бок стюардесса, хитро прищурилась и надавила на внутреннюю поверхность щеки языком. — Ммм?

— Ээээм… — забился в агонии предложенного минета Том. — Да нет… Спасибо… Не надо… — вежливо замямлил он, до безобразия покраснев и отвернувшись к панели.

Битый час Харди пытался донести суть проблемы до диспетчера, который, к слову, был не на шутку обожран паленой водкой и хуй мог взять в толк, что от него нужно сержанту. Но все же, данная проблема была решена — охранники Лондонского аэропорта получили ориентировку и смогли отыскать забытую девочку. Начальник охраны был так растроган данной историей, что под свою ответственность посадил девочку на рейс до Сиэтла, взяв через диспетчера с

сержанта Харди слово, что в Штатах ребенка точно заберут родители и больше никогда не бросят на произвол судьбы.

Еще через несколько часов самолет, управляемый пилотом из шара, успешно приземлился в дождливом Сиэтле.

— Смотри мне, пизда! Не встретишь свою дочь — сержант узнает, найдет тебя и сожжет в наказание твою тряпку! — угрожал по прилету Том Оливии, ударив по хуевому красному платку женщины паспортом ее же дочери.
— Поняла, сука-бля?!

— Поняла, — сквозь зубы процедила миссис Блэкберри, вырвав из рук сержанта документы.

— То-то же! — самодовольно изрек Харди, обхуренный какой-то ебалой от Джареда Лето. Он проводил Оливию проницательным взглядом и, спустя десять минут, когда убедился, что женщина не покинула здание аэропорта, а направилась в местный бар, с чистой душой поехал домой, решив, что утерянная в Лондоне девочка не потеряется в Штатах, и что ее мать, наконец-то, взялась за голову.

Глава 66: Сафари

Июль 2003 года. Где-то в Танзании.

— Сука-бля, пиздюк! Когда я говорил, что мы попутешествуем по миру, я не это имел в виду, — подкатив глаза, бухтел Том, сидя в кузове Джипа, выкрашенного в защитный песочный цвет и обмотанного сеткой из камуфляжных тряпок. — Почему нельзя было смотаться на Лазурный берег, ну или, сука-бля, на Мальдивы? Ну куда-то, где более комфортабельно… А не вот это вот все, — обвел он рукой засушливый африканский пейзаж.

— Ой, Томми! Хватит тебе! Что там делать-то на этом берегу? — отмахнулся от него Джейк, подпрыгивая на кочках и покрываясь слоем пыли с ног до головы. — Лежать целый день на пляже, ходить по мягкому белоснежному песку, любоваться океаном, в котором отражается небо и облака, наслаждаться морским бризом, по утрам просыпаться под шум пробоя? Этого всего ты хочешь?

— Ну, сука-бля, не отказался бы, — вопросительно уставился на брата Харди.

— Это чистой воды гедонизм, Томми! — поднял вверх указательный палец философ из шара. — Матушка говорила, что Бог отправляет за такое в ад!

— Заткнись нахуй! Не упоминай эту блядь при мне! — взорвался сержант и отвесил брату подзатыльник.

— Ну, блядь не блядь, а смысл в ее словах есть! — не унимался Джилленхол, разведя руки в стороны. — То ли дело путешествия, после которых остаются эмоции и впечатления на всю жизнь! Это тебе не на пляже валяться!

— Ой, заебал ты! Ты мне уже всю, сука-бля, голову забил своим путешествием! — толкнул его в плечо Том. — Все, приехали уже в твою Африку ебучую! Наслаждайся! — повернул он голову брата от себя. — Сука-бля, жарко — пиздооос… — помотал Харди краем овечьего ворота дубленки и вытер рукавом пот с лысины.

— Еще бы! — усмехнулся Джейк, поправив на груди сетчатую футболку с принтом Африки.

Но сержант Харди не собирался слушать ухмылок брата, также, как и не собирался снимать стильную дубленку, уже успевшую провонять потом до неузнаваемости, он намеревался лишь обхуяриться до умопомрачения, в надежде, что это поможет справиться ему с жарой и весело провести время.

— Справа вы можете увидеть зебр, пришедших на водопой, — заявил парень в костюме гида, указав на стадо полосатых лошадей, склонивших черно-белые головы над озером, воды в котором было хуй да нихуя. — Часто этим моментом пользуются хищники, начиная охоту с эффекта неожиданности. Зебры расслаблены и полностью сосредоточены на утолении жажды…

— А что, зебры до сих пор не запомнили, что на них таким вот образом нападают? — стал задавать бестолковые вопросы турист из шара, спрыгнув из кузова на песок, ведь Джип остановился, чтобы можно было поближе рассмотреть дикую природу.

— Поскольку зебры — это животные, не обладающие разумом, в первую очередь они следуют своим инстинктам… — начал объяснять экскурсовод.

— Ебать как интересно, — подкатил глаза Том, вальяжно выбравшись из машины, и закурил.

Гид еще битый час рассказывал обо всех скандалах и интригах саванны, а также о хитросплетениях иерархии африканских зверей. Вскоре это наскучило даже Джейку.

— Ох, и зачем мы только сюда приехали? — заныл Джилленхол, сидя на корточках и рисуя палочкой на песке зебру, которую на первый взгляд можно было принять за рельсы. — Скучно тут, и совсем никакого комфорта! — опустил он уголки губ вниз, подперев кулаком щеку.

— Да ты охуел, пиздюк? — заорал на него Харди, злобно затоптав рисунок брата берцем.

— О! А может и не скучно уже! — вдруг мелькнула в газах у парня из шара синяя искорка. — Томми, идем, ты должен обучить меня всем тонкостях пикапа.

— Чего, сука-бля? — только было хотел поднять шрамированную непонимающую бровь сержант, как Джейк схватил его за запястье и потащил незнамо куда. — Хули ты делаешь? Отъебись!

— Да ты что, Томми? — затараторил Джилленхол, не оборачиваясь и продолжая двигаться в неизвестном направлении. — Посмотри-ка вон туда! — указал он рукой вперед. — Смотри какие девчонки! Есть отличный шанс скрасить эту унылую поездку! Моя чур рыженькая!

— Стоп, стоп, стоп! Чтааа нахуй? — резко затормозил Том, упершись берцами с песок и с силой дернув брата за руку.

— Что? — непонимающе уставился на него пикапер из шара, упав на землю.

Вдруг мимо парней промчался белый Лексус, подняв за собой гигантское облако пыли. Из машины на всю Африку разносилась песня Destiny's Child — Survivor.

— Это еще что за сука-бля? — охуел хлеще некуда Харди, проводив взглядом тачку, которая затормозила и припарковалась среди стада зебр.

Джейк же Джилленхол мигом подскочил на ноги, вновь схватил брата и поволок его вперед. Там, метрах в пятидесяти от них, на берегу озера стояли две то ли девочки, то ли девушки, то ли и вовсе какие-то шкуры.

— Так, угомонись, сука-бля! — вновь затормозил брата сержант. — Ты что, ебанулся? Что ты творишь? Ни к кому мы не пойдем знакомиться!

— Почему это? — скрестил руки на груди Джилленхол.

— Да ты посмотри — они же пиздючки! — махнул рукой в сторону девчонок Харди.

— И что? Я и сам пиздюк! Не ты ли об этом твердишь целыми днями напролет?

— Да им лет по десять, сука-бля! — продолжал возмущения Том, забившись в агонии растления малолетних.

— По тринадцать, думаю… Уже даже ближе к четырнадцати может, — бросил оценивающий взгляд на девушек Джейк.

— Какая, сука-бля, разница?! — не унимался кричать Харди, привлекая внимание всех обитателей саванны. — Мы не будем этого делать! И знакомиться тоже не пойдем! Сержант, сука-бля, все сказал.

— Сержант сказал, сержант приказал, сержант жопу показал! — покривил лицом Джилленхол. — Ты можешь не знакомится, раз не хочешь. Это дело твое — когда, где и с кем. Но пойдем мы туда при любом раскладе, ведь мне нужна твоя помощь — моего старшего братишки и более опытного в любовных делах товарища.

От таких слов Том, будучи по жизни стеснительным рукоблудом, стал сопротивляться еще сильнее.

— Ну что тебе стоит? Просто постоишь рядом, если что подашь знак — все ли я правильно делаю, — заскулил Джилленхол, словно пес, жаждущий случки. — Ну я ж тебя прошу!

Харди, не придумав, как еще отмазаться от брата, опустил уголки губ и покорно пошел за ним. Том подумал, что не в праве отказать Джейку в помощи, поэтому решил пойти на риск и действовать интуитивно, а точнее использовать приемы, что видел в кино про съем девиц опытными ловеласами. Удивительный факт — во всех этих фильмах снимался восходящая звезда Голливуда — Сет Роган.

Братья, один преисполненный решимости, а второй безысходности, приняв для храбрости танзанийского амфетамина, двинулись вперед, к девушкам,

которые, кажется были не то что сестрами — двойняшками. Парни были уже на полпути к цели, как вдруг…

— Эй! — окликнул кто-то сержанта, потянув его за подол дубленки.

— Что за… — охуел Харди до неузнаваемости, обернувшись и увидев перед собой льва.

Тот сомкнул пасть на овечьей опушке его дубленки и, уставившись на него глазами цвета грозовой тучи, прорычал что-то на львином.

— А ну-ка, отвали от моего братишки! — заругался на хищника Джейк, потянув сержанта на себя.

Но лев, кажется, не понимал человеческого, а скорее всего и вовсе не собирался слушать советчика из шара. Он оскалил зубы и начал трепать дубленку из стороны в сторону.

— Сука-бля, что за шляпа?! — вопил Харди, охуевая с каждой секундой все хлеще и хлеще. — Бляяяя, он меня сейчас пизданет!

— Кажется, он хочет забрать твою дубленку, — обеспокоенно сказал Джилленхол, упершись ногами Тому в живот и из-за всех сил пытаясь высвободить его из львиной хватки. — Томми, отдай ее, он отстанет от нас, да мы пойдем куда шли…

Услышав эти слова, лев и вовсе взбесился, встал на задние лапы и повалил обоих братьев на землю. Следом он тут же вцепился в рукав и стал разрывать его на мелкие клочки.

— Сука, что происходит?! — орал сержант, заталкивая себе в нос несоизмеримо большую в сравнении с ноздрями порцию порошка.

— Бля, лев, отъебись! — оскалился и Джейк, словно глупая маленькая шавка.

Когда дубленка лишилась рукава, лев принялся грызть воротник, пытаясь стянуть верхнюю одежду с Тома.

— Ебал я в рот эти путешествия! — бился в агонии хищного нападения Харди, но дубленку отдавать не намеревался. — Пиздюк, давай уедем отсюда!

— А как же девчонки? — округлил глаза парень из шара, махнув рукой в сторону девушек, которые беззаботно фотографировались на фоне льва, напавшего на двух людей.

— Нахуй шмар! Тебе что — в Штатах их мало? — решил воспользоваться ситуацией Том и слиться с этого нахуй ему не нужного знакомства.

— Ну ладно… — грустно проскулил Джилленхол. — Давай уедем, только обещай, что по приезду мы пойдем куда-нибудь — в бар там, или клуб, и с кем-нибудь познакомимся!

— Нашел, сука-бля, время! Может потом об этом поговорим? — перевел тему Том, которому лев уже принялся легонько кусать спину. — Вот вернемся в Сиэтл и обсудим эту дрочь.

— Ну-ну, Томми, ну-ну, — ухмыльнулся Джейк и отпустил гриву льва, в которую вцепился зубами. — Эй, помогите нам! Мы хотим закончить сафари! — стал он истошно орать и звать гида, которого, к слову, уносил вдаль, насадив на свой рог, носорог.

— Сукааа, он сейчас меня сожрет! — кричал, страшась смерти, сержант, застегивая дубленку на все пуговицы.

— Эй, девчонки, помогите! — позвал девушек у озера Джилленхол. — Позовите кого-нибудь из взрослых!

Сестры обернулись и непонимающе уставились на душераздирающую сцену, после чего стали что-то обсуждать между собой.

— Не надо звать шмар, сука-бля, — нес хуету Харди, не оставляя надежду спасти дубленку, ведь в ней, в карманах, припасено слишком много наркотиков.

— Эй, парни! Все в порядке? — крикнула рыжая, сложив ладони в рупор. — Мы можем позвать нашего деда, он укротитель кошек!

— Да, да! Пожалуйста, красавица! — начал невзначай флиртовать Джейк,

эффектно проведя по волосам пятерней.

Девушка что-то сказала сестре-блондинке, и та, подкатив глаза, неторопливо побежала в сторону еще одного Джипа, видневшегося на горизонте.

Вдруг лев поднял морду и посмотрел в сторону девочек. Он прищурился, перевел взгляд на братьев, которых прижимал своим весом к земле, после чего одним рывком сорвал с сержанта драную дубленку и быстро ретировался.

— Фууууф, — выдохнули парни в один голос, упав ничком на песок.

Но тут, откуда не возьмись, над ними в прыжке пролетел гепард и глупой пулей рванул к сестрам.

— Аааааа! — завизжала рыжая, остолбенев от ужаса. — Нина, осторожно!

Блондинка набегу обернулась и, увидев погоню, прибавила скорости. Гепард пробежал мимо рыжей и устремился прямиком за Ниной.

— Бля, Томми, кажется, надо помочь девчонкам, — почесал макушку Джейк, сев на земле.

— Нахуй! — рявкнул Том, поднимаясь на ноги и отряхивая скамы от невообразимого слоя пыли. — Не собираюсь я, сука-бля, никому помогать! Нам что-то хуй кто помог!

— Так-то блондиночка уже побежала за помощью, — пытался вразумить брата Джилленхол, глядя как Нина мчалась от гепарда, который был совсем не похож на рекордсмена по скорости среди зверей. Он бежал еле перебирая лапами и постоянно спотыкаясь о кучи зебрового дерьма. За ним вслед пустилась и вторая сестра, дабы помочь Нине и спасти ее от нападения хищника.

— Пизда я смотрю сама неплохо справляется! — отмахнулся Харди, навскидку оценив дистанцию между зверем и девушкой. — Все, поехали, сука-бля, отсюда! — развернулся он и походкой покусанного ебаната двинулся к Джипу.

Парень из шара тяжело вздохнул, бросил напоследок взгляд на убегающую рыжую девчонку и поплелся за братом, надув нижнюю губу.

Том и Джейк запрыгнули в Джип, на котором их сюда привез гид. Сержант наотрез отказался вести машину, ведь мало того, что он не умел, так еще и заявил, что у него стресс и ему требуется расслабиться. Джилленхол пожал плечами и сел за руль, несмотря на то, что ни разу до сего дня не сидел за ним. Харди угостился наркотиком, который смог отыскать в кармане скамов, пригостил также и брата, после чего Джип, безумно зарычав, тронулся с места, покидая это проклятое Богом место.

Глава 67: Шлюхи

Сентябрь, 2003 года. Сиэтл.

— Томми, давай-ка вставай и иди принарядись, — приказал стилист из шара, войдя в гостиную еврочетырешки. — Сегодня едем в клуб.

— Понял, сука-бля, — кивнул Харди, допивая бутылку пива и поднимаясь с дивана.

— Только давай там что-нибудь посолиднее одевай, чтобы девочки лучше клевали, — продолжал давать распоряжения Джейк, усаживаясь на насиженное место брата.

— А ты, сука-бля, смотрю пиздец солидно приоделся, — ухмыльнулся Том, обведя ладонью одежду Джилленхола. На том была футболка с принтом карты Сиэтла, синие джинсы и вьетнамки. — Стоп, что? Какие еще нахуй девочки?

— Симпатичные, — пояснил Джилленхол. — Ты же помнишь мне в Африке обещал.

— Нихуя я такого не обещал, — брехал сержант, оглядываясь по сторонам в поисках путей для отступления.

— Хм, давай-ка припомним. Я сказал так: «Давай уедем, только обещай, что по приезду мы пойдем куда-нибудь, в бар там, или клуб, и с кем-нибудь познакомимся!» Было такое? — вызывающе приподнял пышную собачью бровь Джейк.

— Ну, допустим, сука-бля, — подкатил глаза Харди, поняв, что его пытаются подтянуть за базар.

— И что ты мне сказал на это? — прищурился Джилленхол. — Ты сказал так: «Вот вернемся в Сиэтл и обсудим эту дрочь». Так? Так. Ну вот, Томми, мы в Сиэтле и настала пора отвечать за свои слова. Так что сегодня мы идем в клуб!

— Слышь, пиздюк! — вскипел Том. — Ты мне тут хуйню свою не втирай! Сержант за свой базар отвечает! И я тебе сказал, что мы обсудим эту дрочь, а не пойдем в клуб! Не так ли, сука-бля? И где обсуждение, Джейки? — расплылся он в улыбке отбрехавшегося долбоеба.

— Ах так! — вскочил с места парень из шара, пустив из ушей пар. — Ну-ну, Томми, ну-ну… — просверлил он брата угрожающим взглядом. — Значит, не идешь?

— Неа, — сказал Харди, состроив свой фирменный еблет.

— Хорошо… — сквозь зубы процедил Джилленхол и направился к выходу. — Батлер, ты со мной? — остановился он в дверях, устремив злобный взгляд на Леонида, который все это время пытался отвесить на безмене триста грамм муки для пирога.

— Не серчай, Джейки, но я тоже нынче пас, — сочувствующе взглянул на него бородач.

Джилленхол фыркнул и покинул квартиру, громко хлопнув дверью. Через пару минут он вернулся и попросил у брата дать ему немного наличных, а еще лучше кредитку. Сержант, будучи по жизни щедрым ебанатом, сунул Джейку свой бумажник, понадеявшись, что тот бросит свои обиды и отстанет уже от него с этой темой.

Через два часа, когда Том уже направлялся в свою комнату, дабы там натянуть пижамные штаны и поспать, дверь в квартиру вопиюще распахнулась.

— Вот, а это мой братишка Томми, про которого я вам рассказывал — лучший из людей, — задорно щебеча, плел чепуху Джилленхол, указывая рукой на сержанта. Тот остановился посреди коридора возле двери своей спальни и забился в агонии непрошенных гостей.

За спиной Джейка стояли, не много не мало, целых три девушки. Все как на

подбор в вызывающе коротких юбках, топиках с глубоким декольте и на до безобразия высоких каблуках.

— А это — Леонид, лучший из барист, — махнул Джилленхол в сторону красного плаща, склонившегося над духовкой.

— Ау? — поднял голову Батлер, отвлекшись от непосильной задачи — утрамбовывания непонятной субстанции цвета теста в форму для выпекания. — Ох, батюшки! Доброго вечера, девчули! — улыбнулся он, бросив свое неблагодарное дело, и поставил турку на плиту, дабы угостить дам.

— Приветик! — заверещали девки на перебой друг другу и бесцеремонно прошли в квартиру.

— Я не понял… Не понял, сука-бля, — пробормотал Том и дернул за ручку двери в свою комнату, но там оказалась заперто.

— Ну что, отдохнем, посидим? — усмехнулся Джейк, высунув из кармана ключ и продемонстрировав его брату. — Девочки, придерживайтесь! Пива или чего покрепче? — услужливо заговорил он, проводив девушек до дивана.

— Пиво… Покрепче… И то, и то… — нагло заворковали те, усаживая свои симпатичные задницы на диван.

— Ну, парни, чего встали! — заругался на Леонида и Тома Джейк. — Это же не прилично! И чему вас только мамки учили! Подойдите хоть познакомьтесь. Это Люси, Мэри и Сэнди, — неоднозначно помахал он рукой в сторону девчонок.

— Пиздюк, сука-бля, — сквозь зубы раздраженно прорычал сержант, неистово задвигав желваками. — А, ну-ка, пойди сюда! — поманил он ладонью брата, приглашая уединиться в ванной комнате.

— Одну секундочку, девочки, — проворковал Казанова из шара и последовал за Томом.

— Хули ты вытворяешь?! — взорвался Харди, когда ребята оказались в ванной комнате, и закрыл дверь изнутри. — Кто позволил тебе приводить шмар в квартиру сержанта? Это непозволительно! Немедленно выгони их!

— Ты дурачок, Томми? Или как? — вскинул пышную бровь Джейк. — Прогнать девочек? А где же твои манеры? Где твое гостеприимство?

— Ни одна пизда не будет находиться в моей, сука-бля, квартире! — раздраженно ударил берцем по полу Том. — Я все сказал! Я запрещаю тебе водить сюда шмар!

— А что ты так суетишься, Томми? — усмехнулся Джилленхол. — Почему ты вообще так нервничаешь каждый раз, когда мы говорим про девочек? Ммм? А может ты просто брешешь мне? Может ты до сих пор… Девственник?! — задал не на шутку провокационный вопрос интриган из шара.

— Что? Нет, конечно! — возмутился сержант.

— Ну, а вот я не верю! Так докажи мне, Томми, что я ошибаюсь! Всего разочек! Один ебаный разочек! Ибо у меня начинает складываться обратное впечатление о тебе, братишка! — начал гнуть свое Джилленхол.

— Хорошо… Хорошо, сука-бля, — забился в агонии возможного разоблачения Том, открыл ящик за зеркалом, извлек оттуда свою маску и поспешил нацепить на свой более смазливый, чем брутальный ебальник.

— Нахуя она? — изумился Джейк. — Впрочем — неважно! Важное другое. На правах того, что в нашей стае ты вожак — выбирай.

— Выбирай что? — механически пробормотал Том голосом Дарта Вейдера, которого поставили перед выбором нового дизайна Звезды Смерти.

— Ну, девочку какую берешь себе? Шатенку, блондинку или синевласую? Я бы, конечно, не отказался от последней… Прикольно так и необычно. Да и вообще, под тон моих глаз! — плел хуету еблан из шара.

— Вообще поебать, — рявкнул Харди и вышел из ванной комнаты.

Батлер уже услужливо усадил девушек за стол и мастерски хуевертил для них коктейли, попутно травя оглушительные шутки о сломанных вибраторах.

Девки хохотали над ними, как суки.

— Оу, а что это у тебя на лице? — спросила блондинка, приметив у садящегося за стол сержанта странную хуйню на лице. — БДСМ-щик что ли? Любишь по-жесткому? Я, кстати, тоже, — подмигнула она ему, оттопырив вырез топика и продемонстрировав спрятанный в лифчике огромный черный страпон.

Харди лишь вылупил глаза до безобразия широко и забился в агонии неприемлемости подобных сексуальных развлечений.

— Он — нет! Я — да! — решил выручить друга Леонид. Хм… Только лишь друга? А может и самого себя? Хммм…

— Я запомнила, — томно рявкнула эффектному бородачу блондинка.

— Ну, значит, Томми достанется шатенка, — беззаботно махнул Джилленхол, усаживаясь рядом с синеволосой девкой и положа ей лапу на ляжку. — Ну что, девчат, чем займемся?

— Я что-то так утомилась плясать в этом клубе, — наигранно зевнула бухая шатенка, пододвинувшись поближе к сержанту.

— Ох, силиконовые что ли? — нахмурился Джейк, уже наминая сиськи синеволосой шлюхи. — Эх, а я думал — натуральные, — опустил он уголки губ вниз.

— А может это, сука-бля, взбодримся как-то? — выпалил Харди, достал из кармана скамов пакетик кокаина и кинул его на стол. — Чтоб никто не хотел спать… На, нюхни, пизда… — пододвинул он наркотик шатенке.

— Томми, да это же кокаин! — схватился за сердце Джилленхол. — Я никогда раньше не пробовал его! Ибо Томми не разрешал мне это делать, сетуя, что он вызывает нехилую зависимость, — пояснил он шалавам. — Хотя сам как не в себя его хуярит! Можно? Ммм? — указал он на пакетик, жалобно взглянув на брата.

— Нюхай, — подкатил глаза Том, решив, что хуже уже этот вечер быть не может.

— Бляяяять! — откинулся на спинку стула Джейк, занюхнув дорожку. — Бляяяя! Бляяяя! Я что, умер?! Девочки, я попал в рай! О, Боже, кокаин, как же ты хорош! Это немыслимо! Это волшебно! — лепетал он, закрыв глаза в приступе эйфории.

Целый час все нюхали, бухали и весело хохотали. Все, кроме сержанта, которому было настолько некомфортно, что он бы сейчас лучше оказался в клетке Мэрил на заднем дворе, чем здесь и сейчас. Так позвони ей, хули! Непременно она тебя туда и посадит, узнай, что именно ты виноват в исчезновении ее синеглазого жиденка! Посему, превратившись в хмурую сову, Том молча попивал Пина Коладу, шныряя испуганным взглядом на девку, по планам брата предназначавшуюся для него на сегодняшнюю ночь.

— Это ерунда на постном масле какая-то! — весело визжал Батлер, отобрав у блондинки ее страпон. — Айда за мной, я покажу кое-что поинтереснее! — наигранно схватил он девушку за руку и потянул в свою опочивальню.

В это время Джейк Джилленхол, минутой ранее засосавший свою потаскуху, завалился вместе с ней на пол, рухнув со стула. Раздевая развязную синеволосую девку, он поднял ее с пола и поволок в свою комнату.

Так в гостиной остался лишь сержант да шатенка. В комнате повисла душераздирающе неловкая пауза.

— А мы, как я вижу, из робкого десятка, так? — поднялась со стула девушка, без каких-либо разрешений уселась на колени к Харди и глубоко затянулась. — Не снимешь? — выдохнула она дым в растерянный еблет Тома, указав взглядом на маску. Парень в ответ испуганно покачал головой, проебав к хуям всю свою напыщенную дерзость. — Ладно, давай с ней, — пробубнила она, потянулась к его голове и облизало ухо.

Том, не понимая, как ему деликатнее выкрутиться из сложившейся ситуации, при этом не прослыв перед братом девственным неудачником, не придумал ничего лучше, чем сделать вид, что у него не встал, а затем устроить шмаре грандиозный скандал, что эта хуеплетка совсем не в его вкусе, после чего выдворить ее за порог квартиры. Парень стал прокручивать в голове самые хуиные моменты своей жизни. Он вспомнил и избиение матери, и смерть отца и даже то, как по глупости влюбился в одноклассницу и был больно опрокинут ею.

— Хорошо, а вот так? — продолжала свои приставаний девка, взяв ладонь Тома в руку и положив на свою грудь.

Вот тут Харди уже не смог отвлечь себя никак! Ну, надо думать! Ведь он никогда в жизни еще и не трогал ничьих сисек! Лишь видел их в порнушке да в стрипухе. А тут такой расклад!

— Оооуч, — расставила руки в стороны шатенка, почувствовав, как в нее что-то уперлось.

— Это, сука-бля, «беретта», — нелепо замямлил сержант Том. — Она у меня в кармашке лежит…

— Ды да! «Беретта»! — уперла руки в бока девка, вскочила с сержанта и, стянув его со стула, поволокла в его спальню, попутно доставая из кармана юбки ключи, которые незаметно передал ей под столом Джилленхол, наказав обслужить брата по полной программе.

Оказавшись в сержантской спальне, шатенка пихнула Тома на кровать, стянула с себя свои потаскушные тряпки, и сиганула на обескураженного парня сверху.

— Ну, давай посмотрим, на твою «беретту»! — безумно тараторила она, расстегивая ремень на камуфляжных скамах сержанта.

— Сука-бля, не смей, пизда! Я не люблю! Когда на него кто-то смотрит! — вышел из ступора Харди и столкнул с себя шалаву. Да так сильно, что та аж на пол рухнула и ебанулась в полете головой о прикроватную тумбочку. — Ой, сука-бля, пизда… Прости, я не хотел так грубо! Тебе не больно? — кинулся он к девке на пол.

— Да ты — конченый! — констатировала нерушимое девушка. — Что с тобой не так, я не понимаю?!

— Ты понимаешь, пизда… — зачесал лысину Том, уставившись в потолок. — У меня были на этот вечер совсем иные планы, чем вот это вот все, — обвел он ее рукой. — А я такой, сука-бля, человек, что не люблю! Когда что-то идет не так, как я рассчитывал. А тут такие вы все заявились! Вот оно мне, сука-бля, надо? Конечно, я разозлился! — плел несуразную механическую хуйню он. — Да я бы и сейчас, сука-бля, с удовольствием бы занялся лучше своей ебалой, чем ебать тебя. Извини, шкура, ничего личного! — положил он ладонь на левую часть груди. — У сержанта другие планы и он ни в коем случае не намерен их менять!

— Да ты торчок, — вылупилась на него шалава. — Что за хуйню ты несешь? Впрочем — мне все равно. Не хочешь — не надо. Я, вообще, поперлась сюда, потому что мне переночевать негде.

— А в чем, собственно говоря, проблема? Из дома выгнали, пизда? — спросил за жилищный вопрос Харди.

— Да нет. Стены покрасила, а на краску аллергия, — отмахнулась девка.

— Ну я понял… Понял… — подкатил глаза Том, ведь данная история показалась ему не то что хуйней — дном ебаным. — Ночуй, сука-бля.

Парень улегся обратно на кровать, укутался в плед Бербарри, который купил на Родине, взял с прикроватной тумбочки томик «Войны и мира» и погрузился в чтение. Рядом с ним улеглась и шатенка, закрыла бухие глаза и попыталась заснуть.

— Послушай, как там тебя, — отложил книгу в сторону Том и защелкал пальцами, перед носом шлюхи.

— Сэнди, — протянула та, недовольно открыв глаза.

— Послушай, сука-бля, Сэнди. А давай услуга за услугу? Ммм? — приподнял Харди шрамированную непышную бровь. — Сержант даст тебе ночлег, а ты в свою очередь…

— Все же хочешь ебаться? — усомнилась она в адекватности этого человека еще больше.

— Да нет, сука-бля! Я ж читаю! — продемонстрировал он ей задник обложки «Войны и мира», где красовалась фотография графа Толстого, подпирающего кулаком бороду. — А можешь, как бы, сымитировать, что мы тут жаримся?

— Чего? — нахмурилась шатенка, приподнявшись на локтях.

— Бля, ну просто. Ну я ж, сука-бля, тебя приютил. А то спала бы сейчас в своей обдроченной покрашенной халупе! Неужели так тяжело три минуты попрыгать по кровати и покричать? — стал он заставлять девку поиграть в его спектакле. — А иначе…

— Ладно, — подкатила глаза шатенка, которой совсем не прельщало идти к себе домой. Она уселась и начала имитировать стоны.

— О, да, сержант Том, не останавливайся! — вялым голосом бормотала она, проваливаясь в сон от столь скучного занятия.

Сержант же Том лишь усмехнулся над комичностью данной ситуации, раскрыл книгу и вновь углубился в перипетии отношений Андрея Болконского и его дражайшего дуба.

— То-то же, — усмехнулся Джилленхол, проходя в это врем по коридору и услышав женские крики из комнаты брата. — Теперь я уверен в тебе, Томми, — счастливо буркнул он под кожаный нос и побежал ссать на обувь гостей.

Глава 68: Амбиции

Спустя пару недель.

— Ну, Томми, ну блин, ну я тоже с вами хочу! — клянчил Джилленхол, размешивая в чашке какао. — Почему ты не берешь меня сейчас на стрелу? И почему, вообще, не возьмешь в свой бизнес? Мама всегда говорила, что я смышленый!

— Нет, Джейки, — осадил его Харди, застегивая пуговки на воротнике тенниски. — Все это опасно, и я не буду тебя втягивать в эту хуету. Это, во-первых. А, во-вторых, пиздюк, ты нихуя не смышленый, а еблан-ебланом! Только и делаешь, что мелешь всякую детскую хуйню!

— Ну, так значит, научи меня решать дела по-взрослому! — с психом отбросил в сторону ложку Джейк.

— Этот вопрос, сука-бля, не обсуждается, — отрезал Том, проверяя магазин «беретты». — Сиди дома и книжки какие-нибудь почитай. Глядишь, научишься жизни… — рявкнул он и удалился из квартиры.

— Не кручиньсси, Джейки, — утешающе положил руку на плечо парня Леонид. — Томми же как лучше для тебя стараитьсси…

— Да не нужны мне вот эти вот подачки, — вполне себе обиженно одернул плечо Джилленхол. — Я сам могу решать за себя, что мне нужно, а что нет. Понимаешь, Леонид, я не такой дурачок, каким он меня считает! От меня тоже может быть польза! — посмотрел он в глаза Батлера своими пиздатыми синими глазами, взывая к жалости.

— Леонид, сука-бля, ты где застрял?! — послышался приказной голос сержанта Тома с улицы.

— Ладно… Иди… — поджав губы, произнес Джейк и взял в руки кружку с какао. — А то распсихуется сейчас…

— Не кручиньсси, — повторил Батлер парню из шара и удалился из квартиры, попутно подсовывая под плащ огромное мачете.

Спустя час на одном из пустырей в паре километров от Сиэтла.

— Да где же эти шмары? — подкурил уже пятую сигарету Харди. — Хули такие непунктуальные? Говорят, что русские ответственные и суровые, а тут такая бабья шляпа! Ну гоже ли это, опаздывать на такого рода, сука-бля, встречи?!

— Томми, наверняка, эти русские — отвязанные ребята. Может стоило позвать кого-то еще с собой, а не идти вдвоем? — засуетился Батлер.

— О, а вот и шмары! — хлопнул в ладоши Том, приметив, как на пустырь заехали две угловатые Нивы с глупейшими круглыми фарами. Из их окон на всю округу заголосил женский голос, оповещающей о том, что поющей малым-мало спалось, да и вообще во сне привиделось.

Когда машины остановились, из них вылезло пятеро. Два брата Березуцких, сложно было сказать, кто из них Алексей, кто Василий — они были не то, что как две капли — с одним лицом на двоих! Оба были по пояс раздеты, оголяя татуированные торсы, изображающие купола православных церквей, да иконы всяких пресвятых. Константин Хабенский — вечно хмурый человек, любящий президента своей страны, в душе же тайно оплакивающий Советский Союз. Сергей Безруков в протецкой рубахе, подпоясанной какой-то бечевкой, и с самоваром подмышкой. И, наконец, Никита Михалков — босс русской мафии Нью-Йорка, который вел за собой на поводке вечно бухого бурого мишку.

— Ой пропадет он, говорили! Ой, твоя буйна головааа! — заверещал женский голос из магнитолы одной из Нив.

— Эх! — скорчил ебало Безруков, схватил с головы картуз с красной астрой и

с печалью швырнул его на землю.

Том же Харди стоял и бился в агонии неожиданной стереотипности, даже и не зная, какую тактику ему избрать в разговоре с этими ребятами. Те же, в свою очередь, стали доставать из своих бестолковых Нив всякую походную мебель и русскую-народную утварь. И вот, спустя десять минут, на пустыре был установлен стол, во главе которого стоял самовар, наполненный водочкой. Вокруг же стояли блюда с многочисленными яствами — от дичи до бутербродов со шротами. На бархатное кресло-трон уселся Никита Михалков.

— Ну что, собака, присаживайся, — указал он Тому на место напротив себя, поправив на голове шляпку Мономаха.

— Ну, здравствуй, Никита, сука-бля, Сергеевич, — не растерялся сержант, усаживаясь за стол. Леонид же остался на месте, ведь его нихуя не пригласили, а прослыть бестактным ебланом в глазах русских бородачу не хотелось.

Какой-то из Березуцких подошел к самовару, наполнил из него два блюдца водкой, одно протянул своему любимому начальнику, второе — сержанту.

— Ну что, псина, кинуть меня решил? — пропищал Михалков, громко отпив из блюдца алкоголь. — Ты подсунул мне не амфетамин — говнище! И я считаю…

— Ты, сука-бля, здрав? — приподнял шрамированную бровь Том, перебив русского старца. — Сержант так дела не делает. Если он продает наркотик, то он уверен в его качестве, — выебывался он, поясняя за свой бизнес.

— Не перебивай! — вышел из себя Никита Сергеевич, ведь ненавидел, когда кто-то его перебивал. Он достал из плюшевого серого кардигана ПММ Макарова и стрельнул Тому в бок.

— Сука-бля! Какого хуя ты творишь, хуйло?! — заорал Харди, схватившись за простреленную бочину и затыкая ее ладонью, дабы избежать нешуточного кровотечения. Послушай, Том, а может стоило одеть бронежилет на подобную встречу на пустыре? Что говоришь, забыл? И чем же ты был так занят, что запамятовал о столь важном аксессуаре? Меланхолил весь день кряду, сидя на подоконнике, наблюдая за Сиэтловским дождем и прокручивая в голове хуиные воспоминания из прошлого? Ну что ж… Это весомый аргумент, для такого ебаната, как ты.

— Матерь Божья! — охуел Батлер и хотел было достать из-за пояса мачете, как ему в бок уперлось что-то гигантское. Леонид в недоумении оглянулся и увидел в метре от себя Хабенского, держащего в руках огромную такую базуку.

— Эх, Россия матушка, да почему ж опять все так вышло, — психанул Безруков, наполнив лицо болью и обидой, ведь так ненавидел всякого рода насилие. Сергей достал из багажника березовый трухлявый пень, уселся на него, достал из-за пазухи гармонь и затянул цикл русских-народных песен, дабы хоть как-то худо-бедно, но разрядить текущее развитие событий.

— Да что ж вы творите, окаянные? — взорвался Леонид, откинув криком от себя Константина на несколько метров.

— Закрой свою пасть, сука! — ударил кулаком по столу Михалков, но в этот же момент в его старинное русское лицо прилетел обескураженный Хабенский.

Братья же Березуцкие и вовсе опешили от такого поворота событий. Они не на шутку растерялись, но действовать нужно было быстро. Поэтому оба сорвались с места и бросились незнамо куда предпринимать незнамо что. В тот же миг они столкнулись друг с другом своими одинаковыми лбами, отчего по всему пустырю разнесся звонкий металлический «дзынь». И Алеша, и Василий отскочили в разные стороны и рухнули ничком на сыру землю.

Рот Никиты Сергеевича, обрамленный сверху усами из пшеницы, округлился аки Красно Солнышко. Безруков же продолжал на разрыв орать песни, терзая свою душу и меха гармони почем зря.

Сержант Харди к этому моменту уже рухнул со стула на колени, опустив голову вниз и уставившись затуманенным взглядом раненого ебаната на

окровавленную ладонь. Леонид тотчас бросился на помощь другу, проскользив к нему по песку и эффектно взмахнув плащом. Он бегал глазами туда-сюда, не зная, как принято действовать в подобных ситуациях, ведь в его мозгу место правил оказания первой помощи при огнестреле занял рецепт киша с бычьими яйцами.

— Томми, чегось делать-то? — суетился Батлер, заталкивая под ладонь Харди уголок плаща, который от крови становился краснее некуда.

— Не знаю, сука-бля… — простонал сержант и упал на спину.

— Иронично, — усмехнулся Никита, наставив оружие на друзей.

— Эй, пацаны! — отвлек его голос позади. — Как вам такое?

Возле одной из Нив стоял…

— Джейки? — охуели хором Том и Леонид, а один из них и вовсе потерял сознание.

Парень из шара держал невыносимо большой ящик водки, угрожающе вытянув руки с ним вперед.

— Я считаю до трех, и если вы сию секунду не свалите отсюда, то я Богом клянусь — разобью все ваше любимое пойло, — сузил он глаза. — Раз… — Джейк разжал мизинцы на обеих руках. — Два… — оттопырил он большие и безымянные пальцы разом.

— Нет! Ты не посмеешь! — завизжал Михалков, поправив валенок на правой ноге.

— Три! — тявкнул Джилленхол и разжал указательные пальцы, продолжая держать ящик лишь на средних. — Три с половиной… Три с четвертью, три на ниточке, три на веревочке, три на сопельке… — начал он, казалось бы, по-детски угрожать русской мафии. Однако, все славянские глаза, полные ужаса и безысходности, устремились на веролома из шара.

— Ну все! — психанул он и отпустил ящик, показав русским оставшиеся «факи».

— Нееееееет! — безумно заверещали те, словно глупые то ли половцы, то ли печенеги, то ли и вовсе какие-то татаро-монголы.

— А я предупреждал! — самодовольно изрек Джейк, отряхивая руки, когда русские все разом бросились к куче осколков. Они стали горестно биться лбами об стекло и слизывать с него ароматные водочные капли, разрезая в клочья свои бестолковые языки.

Этим моментом и воспользовался Джилленхол. Он подлетел к Тому и Леониду, подхватил первого подмышки, а второму взглядом пиздатых синих глаз приказал помогать. Батлер подчинился и поднял друга под колени. Вместе они быстро дотащили Харди до Доджа, пока россияне продолжали сокрушаться над своей святыней.

— Батлер, быстро за руль и гони, но осторожно, — распорядился спасатель из шара, усаживаясь на заднее сидение, где уже расположили сержанта.

Бородач, находясь в состоянии шока, подчинился.

— Томми, я тебе помогу, — стал беседовать с братом Джейк. — Все будет хорошо, ты, главное, не отключайся и говори со мной. Возможно, будет немного больно, но в целом все в порядке.

— Угу, — промычал Харди, бьясь в агонии пулевого ранения.

Джилленхол принялся оказывать первую помощь сержанту, действуя по всем предписаниям, освещенным в самых элитных медицинских энциклопедиях. Делал он все быстро, но не торопливо и без суеты, уверенными отточенными движениями, будто набивал руку в течение многих лет.

— Пиздюк, ты тут откуда? — охуевал Том, по классике не понимая нихуя.

— Не думаю, что это так важно, Томми, — ответил парень из шара и продолжил колдовать над раной брата.

Через час в еврочетырешке.

— Ну все, теперь тебе надо отдохнуть, — сделал заключение Джейк, приклеив пластырем стерильную повязку на бок Тому. — Благо, пуля прошла навылет и не задела никакие органы. Так что, ты, считай легко отделался.

— Я заварил тебе чаю и сварганил куриный бульон, — вошел в спальню Батлер и поставил поднос на прикроватную тумбочку.

— Да, покушай, быстрее наберешься сил, — посоветовал лекарь из шара.

— Пиздюк, у меня к тебе слишком много, сука-бля, вопросов, — простонал сержант, приподнявшись на подушке. — Зачем ты приехал на стрелу? Как ты узнал, где мы? Ты что следил за нами? И где ты, сука-бля, научился всему этому? — обвел он ладонью свой бок, ювелирно заштопанный Джейком.

— Вопросов действительно слишком много, Томми, — улыбнулся Джилленхол. — Но какое это все имеет значение, если я просто хотел помочь тебе? Я прямо сердцем чуял, что что-то пойдет не так, случится что-то страшное. Даже думать не хочу, что бы было, не послушай я свой внутренний голос и не поедь за вами.

— Да, Джейки, спасибо, — похлопал его Харди по плечу. — Если бы не ты, то может и не было бы уже сержанта…

— Томми, так это… Может, учитывая все это, все же возьмете меня в дело? — сделал брови умилительным пышным домиком Джейк, переводя взгляд с брата на Леонида. — Я не подведу, кто знает, что еще может случиться, а я в случае чего буду рядом и помогу…

Не успел Батлер и рта открыть, как Харди заорал первым.

— Так все это ты устроил ради этого? — взорвался Том, хотя взрывом это было назвать сложно из-за недостатка сил.

— Чтооо? Нет! — возмутительно вскинул руки Джилленхол. — Я от чистого сердца помогал, Томми! Знаешь, как я испугался, когда увидел, что этот русский в тебя шмальнул! Чуть в штаны не ссыканул!

— Так, сука-бля! Давай-ка закроем эту тему! Я тебе сразу сказал, что не возьму тебя во всю эту ебалу! — выставил ладони вперед Харди, отрицательно мотая головой. — Видишь, насколько это опасно? А если бы ты был с нами — могли бы подстрелить тебя? И на чьей, сука-бля, совести это было бы? На совести сержанта!

— А если бы меня не было, то что бы было? — не унимался Джейк.

— Похуй! Лучше сам подохну, чем тебя под пули подставлять! Разговор закончен! — отрезал Харди и хотел попить чайку, но Джилленхол отставать не собирался.

— Лааадно… — проскулил он. — Пусть так… Опасно и бла-бла-бла… Но я все равно хочу в команду! Есть же что-то без рисков для жизни. Наверняка, вам нужен, ну к примеру, адвокат!

— Джейки дело говорит, — закивал Батлер.

— Нахуя? — приподнял шрамированную бровь Том, уставившись поочередно на брата и Леонида.

— Ну как нахуя? — хлопнул себя по бедрам Джилленхол. — Вы занимаетесь нелегальщиной! А это значит, что в любой момент кого-то из вас могут хлопнуть! И кто тогда будет защищать вас в суде? Государственный адвокат? Не думаю, что от него будет толк!

— Так, так, все! Стоп, сука-бля! — замахал руками Харди, не желая больше слушать всю эту хуету. — Ты бредишь, пиздюк! Не нужен нам никакой адвокат! Я, сука-бля, сержант! Сам отмажу нас от всего! Для этого и шел в мусарню работать!

— Ну, а представь, что нет! Ну мало ли что может быть! Всякое бывает, Томми! — стоял на своем осел из шара. — Ну вот не помогут все эти твои базы и прочие уловки — и что тогда? Если дело дойдет до суда, что будешь делать?

Юрист никогда не будет лишним в команде. Всего не предугадаешь, Томми! Нужно подстраховаться со всех сторон.

— Слушай, пиздюк! Ты школу-то даже не закончил! — перебил его сержант. — Какой из тебя, сука-бля, юрист? Как ты хочешь им стать?

— Ну, а как ты мусором стал? Так и я юристом стану, — непринужденно развел руками Джейк.

— Через базы, сука-бля, — покривил лицом Харди. — Вдруг они не помогут — и что тогда? Как будешь действовать дальше?

— Томми, не надо передергивать мои слова, — обиженно нахмурился Джилленхол.

— Ладно, сука-бля… Пойдем другим путем. Допустим я внесу тебя в базу юристов Штатов. Дальше что? — скрестил руки на груди сержант. — Допустим, действительно потребуется твоя помощь, и тебе надо будет защищать кого-то из нас в суде. Что тебе даст, что ты внесен в базу, если ты нихуя не шаришь в адвокатуре и юриспруденции? Какой в тебе толк будет, пиздюк?

— Ой, Томми, ну это когда будет-то? — отмахнулся от него карьерист из шара. — Пока это случится — я сам всему обучусь…

— Все, достаточно, сука-бля, — в очередной раз перебил брата Харди. — Я тебя услышал, пиздюк. Оставим этот вопрос до поры до времени. Это, конечно, заебись, что ты хочешь чем-то заниматься, а не сидеть у меня на шее. Но пока слишком рано. Давай до конца года разберемся с твоим школьным дипломом, а дальше посмотрим — как, сука-бля, и что…

— Ты-то, Томми, сам вспомнил бы себя. Во сколько ты от отца уехал в Штаты? Во сколько в мусарню пошел, параллельно занимаясь наркоторговлей? А я все маленький для тебя, — вполне себе серьезно посмотрел на брата Джейк, направившись к выходу. — Ладно, Томми… Услышал и я тебя. Все, проехали. Отдыхай! — сказал он и, задрав кожаный нос, вышел из спальни.

— И правда, Томми. Что ты его так шпыняешь? — укоризненно посмотрел Леонид на друга. — Джейки у нас смышленый пацан, авось на что и сгодился бы. Дал бы ему какую работенку простецкую, а то он весь извелся без дела штаны протирать… И правду он сказал, тебе самому сколько годков-то было, когда…

— Он — не я, — перебил и друга сержант. — Все! Дай я уже отдохну, меня подстрелили вообще-то сегодня, сука-бля…

Глава 69: Заключенный

— Значит так, парень, у тебя есть право на один телефонный звонок. Из твоих документов мы выяснили, что ты — несовершеннолетний. Следовательно, ты сейчас звонишь своему отцу или матери, они приезжают, и мы будем разбираться с тобой по всей строгости закона, — лениво говорил полицейский, сидевший за письменным столом и рисовавший загогулинки в папке с чьим-то делом.

— У меня нет родителей! — тявкал Джилленхол, схватившись за прутья решетки, ведь парень из шара сидел ни где-то, а в обезьяннике. За что? Сейчас разберемся. — Я уже взрослый и сам могу о себе позаботиться!

— Да ты уже позаботился! — подъебал его второй мент, отдыхавший на нарах за решеткой Джилленхола. — И как только хватило ума — торговать наркотой в подворотне?! И продал первому встречному! Который, о Боже, оказался полицейским под прикрытием! — артистично округлил он рот.

— Я новичок! Мне простительно! — незнамо зачем оправдывался Джейк.

— Так, ты звонить собираешься? — перебил его первый мент. — А то надо быстрее склепать дело, чтоб уже утром суд провести.

— Я не буду никому звонить! Ибо вы сами меня выпустите! А знаете почему? — хитро прищурился зэк из шара.

— Почему же? — положил ногу на ногу второй мент.

— Потому что мой старший брат — сержант полиции! И если Томми, не дай Боже, узнает, что вы меня усадили за решетку, да еще и удумали дело шить, а потом судить… Пацаны, я вам не завидую! Томми вас к хуям разъебет за такие дела! И… И… Уволит! — поднял вверх указательный палец Джейк. — Так-то вот!

— Сержант, блять, полиции, — усмехнулся мент за столом.

— И как же его имя? — подъебал диллера из шара второй.

— Внимание, пацаны! Сейчас вы не то что охуеете — пизданетесь! — вскочил на соседние нары Джилленхол. — Его имя… Сержант Харди! — таинственно развел он ладони над головой.

Полицейские молча переглянулись, после чего залились заразительным смехом. Джилленхол непонятливо смотрел на них, после чего и сам засмеялся.

— Хули ржешь? — подъебал его второй мент и сделал подсечку дубинкой, от чего Джейк упал с нар на пол — прямо в лужу проституцких ссак.

— Да что вы себе позволяете?! Мой брат Томми — самый строгий и злейший из полицейских! А если он узнает, что вы мен били, то он вас убьет!

— Да заткнись же ты, болван! — кинул в него пресс-папье первый мент, но неудачно — та врезалась в прутья. — Наркоманы — ну, совсем распоясались! Сержант Харди его брат! С кем еще ты прибываешь в родстве, Джилленхол?

— На Хавьера Бардема чем-то смахивает, — подметил второй мусор, выйдя из камеры парня из шара и закрывая за собой дверь. — Может сын его?

— А на счет сержанта Харди… Кстати, он сегодня дежурит ночью — за главного тут в участке. Знаешь, он спускается сюда изредка, чтобы провести допрос. Хочешь с ним познакомиться? Мне позвать его? Мм? — усмехнулся мусор, наигранно положив руку на телефонную трубку.

— Было бы неплохо, — подкатил глаза Джилленхол, скрестив руки на груди. — И тогда вам пизда! Вы пожалеете о содеянном!

— Думаешь? — отвесил ему через прутья оплеуху второй. — Угомонись, блять! Так тебя хоть за торговлю усадят, а побеседуй с сержантом — так еще за что присядешь, да еще и с поломанным носом! Родителям своим звони и не выебывайся! Сержант, блять, Харди… Ну надо! — вновь засмеялся он.

— Эй, пацаны, — вдруг раскрылась дверь и внутрь походкой Джека Воробья зашел…

— Чарли! — хлопнул в ладоши Джейк. — Ну все, молитесь, мусора поганые!

— Чё, мы тут в кабинете Хэнкса турнир по покеру решили провести. Кто пойдет? — подкатив глаза, сказал Хэннем, даже не взглянув, кто сидит за решеткой — на столько было это впадлу.

— Ох, Кент, я на мели, — опустил уголки губ вниз мусор за столом, вывернув карманы и продемонстрировав выпавшие из них хлебные крохи.

— Здарова, шмары. Что, сука-бля, никого не хлопнули с наркотой? — прошел в помещение и Том Харди. — Сержанту скучно на сутках — пиздос!

— Да хлопнули тут одного! — засмеялся мент. — Вон сидит, герой! — вальяжно махнул он в сторону Джилленхола. — Торговал феном в подворотне, и первую же дозу продал одному из наших!

— Я не понял… Не понял… — залепетал пухлыми губами Том, приметив брата, помахавшего ему рукой.

— В пиздууу… — протянул Чарли и поспешил обратно на турнир, дабы не участвовать в конфликте напарника с коллегами чином ниже.

— Наглый пиздюк! Козырял тут вашим именем, сержант Харди, — засмеялся и второй мент. — Грозился, что узнай вы, что мы его хлопнули, вы нас не то что уволите — убьете! Больной ублюдок! — достал он из-за пояса кривую картонную дубинку, сделанную по всем правилам скрап-букинга, просунул ее через прутья и отвесил Джейку мягкую пощечину.

— Охуел, петушара?! Сука-бля, что вы себе позволяете, шмары?! — с пол-оборота взорвался Харди. — Хули вы не позвонили мне, на какой хуй у вас тут телефон?! — схватил он со стола аппарат и швырнул об стену, расколов на миллион пластиковых осколков.

— А я предупреждал! — затявкала Моська из шара. — Теперь вам пизда! Томми в ярости! Он отомстит вам за то, что вы смеялись надо мной! Били меня! Унижали! — жалился он брату, требуя немедленной мести.

— Какого, сука-бля, хуя?! Немедленно открывай эту обдроченую клетку, — схватил он за грудки одного из мусоров и отбросил в сторону «мест не столь отдаленных». Тот торопливо поднялся и попытался открыть решетчатую дверь. Но у него ничего не выходило! От волнения получалось все не то! Подбирались совершенно не те ключи!

— Сержант Харди, но этот парень нарушил закон! Он торговал наркотиками в подворотне! — попытался оправдаться другой мент.

— Чего, сука-бля?! — охуел хлеще некуда Том, взглянув на брата.

— Хули ты там вякаешь?! Томми один хуй даст тебе пиздюлей! А они меня еще в лужу ссак кинули, братишка! — продолжил ябеда из шара.

— Но мы не можем его отпустить! Хоть он и ваш брат, но это не по закону, — незнамо зачем пизданул мент, наконец-то выпустив Джейка на свободу.

— Слышь, шмара, а не боишься, что завтра за решеткой окажется твоя сестра, которую хлопнут с пакетом героина? Ммм, сука-бля?! — приподняв шрамированную бровь, поинтересовался Харди.

— Но Карэн всего десять! — охуел мент, уронив со своей лысой головы фуражку.

— Да мне, сука-бля, поебать! — продолжал рвать и метать Том, подскочив к столу и схватив пакет амфетамина, с которым, очевидно, и хлопнули его брата.

— Но… Это же улика, — попытался включить в себе блюстителя порядка другой мусор.

— Слышь, шляпа, сержант, сука-бля, не понял! — изумился Том. — Ты…

— Ты не боишься, что твоя мать или сестра отправиться топтать зону за продажу наркотиков?! — перебил его Джилленхол, спрятавшись за спину брата.

— Так, все, сука-бля, — закрыл глаза Том, тяжело задышав, дабы успокоиться. — Давайте просто забудем, что здесь произошло. Вы, сука-бля, нихуя не видели, — обратился он к мусорам, оформлявшим Джилленхола. — Я

вам завтра какого-нибудь нарколыгу подкину. Его и оформите за место брата моего. И с Хэнксом за вас побазарю, чтоб премию какую выписал. Понятно, сука-бля?

— Вполне… Ничего такой вариант… — бестолково закивали головами менты.

— Но, сука-бля… Одно неверное слово, или кому-то пизданете о случившемся… Сержант не прощает тех, кто переходит ему дорогу… Это понятно?

Мусора положительно закивали в ответ, ведь совершенно не желали не только проблем, но и прослыть среди своих же ябедами.

— Усекли?! — продолжал свои угрозы Джилленхол. — Кому-то пизданете и вам пизда! Томми порешает вас и устроит нехилые наркотические проблемы вашим семьям!

— Пошли, сука-бля, дома поговорим, — схватил его за запястье Харди и поволок на выход. — И только попробуй проронить до этого момента хоть одно ебливое слово… Не беси меня, сука-бля, сейчас.

Спустя полчаса Том с психом открыл входную дверь и швырнул брата в гостиную еврочетырешки. От неожиданности Джейк не устоял на ногах и рухнул на пол.

— Какого, сука-бля, хуя?! — полыхал, будто глупая спичка, сержант. — Что ты вытворяешь, пиздюк обдроченный?!

— В смысле? — нахмурился парень из шара, почесав бестолковую макушку. — А что не так, Томми? Ты злишься? Почему?

— Во-первых, не охуел ли ты — козырять моими статусом и фамилией в мусарне?! Да еще и опозорил, сука-бля, сержанта, перед его парнями! А, во-вторых, блять, какого хуя ты торговал наркотой, сука-бля?! — провизжал он на весь район, от чего на улице сразу же залаяли собаки, а соседи неистово застучали по батареям, взывая к тишине. — Заткнитесь, шмары! — подбежал к батарее полоумный Том и стал неистово хуярить по ней в обратную железным носом своего форменного мусорского берца.

— А что я такого сделал?! — продолжал не выключать в себе тупого Джилленхол. — Ты торгуешь — тебе можно! К себе в бизнес ты меня не берешь! Вот я и решил открыть свой собственный!

— Толкая незнамо кому наркоту в подворотне?! Да не просто, сука-бля, наркоту! Мою наркоту! — визжал Харди, впадая в агрессивную шизофрению.

— И что, Томми?! И что?! Тебе жалко?! — продолжил свои возмущения Джейк. — Я спрашиваю — почему тебе можно, а мне — нет?! Какое отличие между тобой и мной?!

— Да потому что! — парировал Харди, содрогаясь в агонии нешуточного рамса. — Потому, что я хочу, чтобы ты стал лучше, чем я! Чтоб не ввязался во все то дерьмо, в которое ввязался я!

— Да почему вообще ты решаешь, как мне жить?! — изумительно воскликнул Джилленхол. — Мне кажется, что я и сам могу принимать решения! Не ты ли мне рассказывал, Томми, как тебя бесило в моем возрасте то, что пытался навязать тебе твой отец?!

— Не впутывай сюда Криса! — не нашел нужных слов Том и, даже и не задумавшись о последствиях, накинулся на брата, отведя руку, сжатую в кулак, назад.

Бестолковый, но вполне себе наделенный силой, кулак Харди нашел свое пристанище на переносице Джилленхола. Джейк же, на секунду опешив от происходящего, быстро опомнился и ебанул в ответ — прямо в шрамированную бровь Тома. Так и завязалась драка между братьями.

— Батюшки свят! Да что же вы творите! — спустя пару минут выбежал из спальни Леонид, скидывая со своей эффектно бородатой головы наушники.

— Томми, немедленно отпусти его, — накинулся он на друга, который уже восседал на Джейке, одной рукой заламывая руки борца из шара, второй — ебаша его в бока.

Батлер обхватил Харди замком из рук, стянул с Джилленхола и завалился вместе с ним назад. Сержант тяжело дышал, метая ебанутым взглядом по сторонам. Кажется, Том словил клина, ведь его зрачки были не то что расширены — закрывали всю радужку! Но все же это не точно. Ибо Том с младых лет живет в некоем клине.

— Ай, блять… — схватился за нос Джейк. — Это что, кровь?! — ошалело посмотрел он на окровавленную ладонь, после чего кинул охуевший взгляд на брата. — Какого хуя, мудак?! Это ж больно! Меня никто никогда не бил ни разу!

— В первый раз — всегда больно, — дерзанул гоповскую хуйню Том, вырвался из хватки плаща Батлера и с психом удалился к себе.

— Джейки, — кинулся к парню из шара Леонид и принялся поднимать его на ноги. — Пойдем в ванну, тебе нужно умытьсси… — бережно взял он его за плечи.

Хм. Справедливо ли это, Том? Устроить замес с младшим братом, будучи более физически подготовленным? И не просто порамсить, а набить его псиное ебало — плато охуетительных синих глаз? Хотя, да, он тебя обидел… Ты же правда хочешь для него как лучше… А может и впрямь стоит дать свободу выбора, как ты дал ее, написав письмо в шар и отправив его через мистера ДиКаприо? Хм… Старик Лео… Может стоит сходить к нему на сеанс братской психотерапии? Хотя, ладно — разбирайтесь сами. Тут незнамо чью сторону следует принять. Нужно понаблюдать еще немного.

Время уже близилось к утру. На улице светало. Не светал лишь понурый еблет сержанта Харди. Парень сидел в спальне на подоконнике, уставившись вдаль и нервно куря сигарету за сигаретой. Внутри полыхала такая ярость и обида, что Том никак не мог успокоиться! Неужели, из его брата вырастет такая же мразь, как и он сам?! Неужели он не в силах сделать из него хорошего человека?

Дверь тихонечко приоткрылась и внутрь зашел Джейк. Он молча прошел к подоконнику и аккуратно уселся на него. Сержант же Том раздраженно подвигал желваками, даже не взглянув на брата.

— Томми… Я пришел, чтобы попросить у тебя прощение, — положил ему на плечо руку миротворец из шара. — Я глупо повел себя сегодня… Не стоило мне всего этого делать. Прости… Знаешь, после того, как я узнал, что существует жить вне шара… Я так охуел! Наверное, порой я веду себя взбалмошно. Ты же, наверное, и правда стараешься как лучше для меня… Я постараюсь вести себя менее вызывающе. Но и ты войди в мое положение, братишка. Прислушайся к тому, чего хочу я. И я сейчас не говорю про наркоторговлю и прочую нелегальщину. Хотя бы прислушайся к тому, что я хочу стать юристом… И да — я совершенно не обижаюсь за то, что ты уебал мне… Все же это было заслуженно… Блять, я тебе кажется щеку рассек, не мешало бы обработать… Томми? — сжал он его плечо, желая услышать хоть каких-то добрых слов от Харди, но тот продолжал упорно молчать и раздувать ноздрями.

В комнате повисла неловкая, но искренняя пауза.

— Ладно, не буду тебя трогать, — убрал от Тома руку брат из шара. — Ты сейчас слишком зол на меня. И я тебя понимаю… Правда… Но я хотел бы сказать тебе еще раз — спасибо. Спасибо за то, что подарил мне вообще все это. Если бы не ты — так бы и провел я в этом дурацком шаре всю жизнь! Спасибо, Томми, я люблю тебя, и постараюсь больше не расстраивать, — робко поцеловал он брата в затылок и поспешил удалиться.

— Сука-бляяяя… — простонал сержант, подставив пальцы к переносице.

— Какая же я мразь! — разозлился он сам на себя и молниеносно впал в депрессию.

Харди вскочил с подоконника и что было сил начал биться головой об стену, коря себя за то, что он худший из худших братьев на земле. Затем он кинулся к прикроватной тумбочке, вытащил оттуда самокрутку с крэком и закурил. Так и подсел.

Глава 70: Подстава

Ноябрь 2003 года.

Сержант Харди сидел в гостиной еврочетырешки и беззаботно покуривал крэк, как вдруг входная дверь с грохотом распахнулась, и в квартиру влетел обескураженный Джейк.

— Томми! Беда пришла! — завопил он, бегая взад-вперед и хватаясь за свою дурацкую голову.

Том уставился на брата, приподняв шрамированную бровь и налепив на еблет наркоманскую ухмылку.

— Томми, сядь! Эта новость повергнет тебя в шок! — продолжал кричать парень из шара.

— Да как бы и так сижу, сука-бля, — обвел себя с ног до головы сержант.

— Вот и сиди и даже не вздумай вставать! — подскочил к нему Джилленхол, схватил за грудки и неистово затряс.

— Ммм? — решив показаться милым, протянул ему курительную трубку Том, до отказа набитую крэком.

Джейк выхватил трубку и безумно затянулся, после чего плюхнулся рядом с сержантом на диван. Тот же взял пульт и включил телевизор. Он перещелкивал каналы, пока не нашел биржевые новости. Том хлопнул в ладоши, открыл ноутбук, стоящий перед ним на журнальном столике, и начал с остервенением скупать акции, которые только попадались ему на глаза. Джилленхол также уставился в монитор и стал подтявкивать и тыкать пальцем по экрану, раздавая брату биржевые советы.

Так прошло минут десять.

— Томми! Долго ты будешь заниматься этой ерундой? — вскочил ногами на диван акционер из шара, уперев руки в бока. — Я же пришел сообщить тебе ужасные вести!

— Кто мешает, пиздюк? Я весь внимание, сука-бля, — не отрываясь от безрассудной скупки ценных бумаг, сказал Харди.

— Батлера задержали за финансовые махинации! — завизжал Джейк, артистично спрыгнув на пол и округлив рот бубликом.

— Ну охуеть теперь, — подкатил глаза сержант, продолжая клацать мышкой, кнопки которой уже давно были сломаны от яростных крэковых щелчков.

— И это все, что ты можешь сказать? — давался диву Джилленхол, пихая Тома в плечо, дабы тот обратил на него внимание.

— Слышь, пиздюк! — задвигал желваками Харди. — Тебе чего, сука-бля, надо от меня?

— Как что? Как что, Томми? — верещал Джейк, прыгая на месте. — Ты разве не слышишь, что я тебе говорю?

— Слышу, сука-бля, слышу… И что с того?

— Ах! — прикрыл рот рукой парень из шара и замотал головой, как бы не желая верить в равнодушие брата.

— Во-первых, хули вы две шмары обдроченные творите? — откинулся на спинку дивана Том, закинув ноги на стол и захлопнув берцем ноутбук.
— Сначала, блять, тебя сержанту пришлось доставать из обезьянника! Теперь второй нахуй! Что за шляпа?

— Никакая это не шляпа, — помотал указательным пальцем Джейк.

— Сержант, сука-бля, не договорил! — рявкнул Харди, стукнув кулаком по дивану. — Во-вторых, ты нахуя тут истерику устроил по этому поводу? Нормально, сука-бля, умеешь свои мысли доносить?

— Потому что дело серьезное! — хлопнул себя по бедрам паникер из шара.

— Все, ебало свое завали, петушара! — заорал голосом принца Гарри Том и

запустил в брата сломанную мышь.

— Да ты что, Томми? — успел пригнуться Джилленхол, схватил с дивана подушку и швырнул ее в сержанта.

Та прилетела прямиком в недостаточно брутальный и слишком смазливый еблет. Харди, подскочил, как глупый ужаленный в жопу бык, и бросился на Джейка, мигом повалив его на пол.

— Томми! Хватит! — заорал парень из шара, строго нахмурив пышные брови. — Давай не будем устраивать все эти глупости, а нормально поговорим. Наверно, я и правда погорячился, устроив панику раньше времени. Надо было просто все спокойно тебе рассказать. Ты же мой старший братишка, а значит и самый мудрый из нас двоих, да и вообще на всем белом свете. И, само собой, сможешь разрулить всю сложившуюся ситуацию.

Харди до того польстили эти слова, что он в ту же секунду сменил настрой с агрессивного на петушино-высокомерный и отпустил Джейка. Том встал с пола, задрал нос выше некуда и стал отряхивать брюки.

— Ну? — предложил сержант заново поведать историю Леонида, когда подготовил для себя еще одну порцию крэка.

— В общем, гулял я значит по Сиэтлу, — начал рассказ Джейк, прокрутившись несколько раз вокруг своей оси, дабы поуютнее устроиться в кресле. — И сам не заметил, как добрел до вашего с Батлером кафе. И тут смотрю я значит — откуда не возьмись появляются мусора и — что бы ты думал? Вваливаются прямиком в кафе, где наш Леонид беззаботно варил кофе в тот момент. Я видел, как они его заставили открыть сейф и распотрошили всю вашу черную бухгалтерию. Я слышал, как они орали что-то про налоги и про уклонение, про номинального директора и какие-то махинации с налоговыми декларациями. Ну, или что-то в этом роде — все мне уловить не удалось. В общем суть в том, что в конце концов Батлера повязали и, кажется, повезли судить прямиком в Высший суд финансовых преступлений и махинаций для номинальных директоров заведений общепита. Так-то вот… Я сразу же направился к тебе, чтобы сообщить эти ужасающие вести. В ту же секунду, как Леонида погрузили в автозак и увезли в сторону суда, я поспешил домой. Я так торопился, боясь не успеть, Томми! Я же не опоздал? Все еще можно исправить?

— Так, пиздюк, угомонись и не тараторь! — резким движением сложил Том пальцы одной ладони вместе перед носом брата, призывая того немедленно заткнуться. — Первый, сука-бля, вопрос: хули ты стоял и щелкал еблом, смотря на все это, вместо того, чтобы сразу позвонить мудрому сержанту?

— Ээээм… — поднял синие глаза к потолку Джейк. — Томми, я просто растерялся! Черт! Я должен был сразу позвонить! Каков идиот! — вцепился в волосы он.

— Ну я понял… Понял… — укоризненно помотал головой сержант. — Вопрос, сука-бля, второй: что за мусорское шмарье посмело вломиться ко мне в кафе? И хули я об этом ничего не знал заранее?

— Томми, а вот это, я думаю, действительно важный вопрос. Куда важнее, чем то, почему я сразу не позвонил, откуда я там вообще взялся и почему бездействуя смотрел на происходящее, — поднял вверх указательный палец жид из шара. — Так вот! У меня есть ответ на твой второй вопрос. Ты же работаешь в убойном отделе. А эти парни явно посерьезнее. С виду какие-то налоговики или типа того…

— Так мусора или налоговики, сука-бля? — приподнял шрамированную бровь сержант, прокурив свой разум вдоль и поперек.

— Откуда мне знать, Томми? — возмутился Джейк. — Мусора-налоговики, как я понял. Какие-то крутые ребята.

— Кто может быть круче, сука-бля, убойного отдела? — взорвался Харди, затопав берцами по ламинату цвета беленого дуба.

— Эх, Томми, я бы мог и сам во всем этом разобраться, если бы был юристом… — заскулил Джилленхол, опустив уголки губ вниз. — Жаль я не могу пока обучиться мастерству юриспруденции…

— Так, все, сука-бля! Сержант поехал в участок! — пропустил мимо ушей бредни брата Том, поднялся с места и стал натягивать на себя форменный бронежилет. — Я, блять, сейчас разберусь, что за петушня посмела ворошить мою черную бухгалтерию!

— А что с Батлером? — поспешил за ним парень из шара. — Я думаю ему необходим адвокат!

— Разберусь, сука-бля! — прорычал Том и захлопнул дверь перед кожаным носом. — Еще адвокатов сержант не нанимал… Я, сука-бля, тут власть…
— слышалось его удаляющееся бухтение.

— Ну-ну, Томми, ну-ну… — усмехнулся Джейк.

Через пару часов Том Харди вернулся в еврочетырешку, кажется, немного посвежевшим, но это не точно. Возможно, он обдолбался еще сильнее прежнего.

— И стоило, сука-бля, поднимать такую панику? — вальяжно прошел он в гостиную. — Сержант все уладил, как делать нехуй! — наклонился он к брату и щелкнул пальцами у него перед носом.

— Да-да, Томми, я видел, — закивал Джилленхол, указывая ладонью на экран ноутбука. — Я просто так переживал за Леонида, что места себе не находил. А потом вспомнил, что у тебя же есть здесь все твои ментовские базы, и решил, что наверняка ты через них и отмажешь Батлера. Вот и открыл пару баз, чтобы сразу увидеть, все ли у тебя получилось. Вот тут база налоговых уклонителей, а вот — номинальных директоров… Благо, я знаю твой пароль — день твоего рождения.

— Ты что же, пиздюк, сомневался в своем старшем брате? Думал, не смогу отмазать, сука-бля? — прищурился в стиле мистера ДиКаприо Том.

— Нет, что ты! — положил руку на сердце Джейк. — Просто хотел узнать новости как можно скорее, так сказать, в прямом эфире. У меня ведь душа не на месте была, я прямо чувствовал свою вину… Так волновался, что вдруг из-за того, что я промедлил, ничего не выйдет… А в тебе-то я ни капельки не сомневался!

Харди смерил брата недоверчивым взглядом, после чего похлопал его по плечу.

— Благо, теперь все нормально, и я спокоен! — продолжил Джейк, поворачивая ноутбук к Тому. — Как только я увидел в базе номинальных директоров вот эту зелененькую надпись «Обвинения сняты» — у меня сразу как груз с души свалился, — ткнул он пальцем в монитор, сам глядя на брата.

— Ну я понял… По… Не понял! Не понял, сука-бля! — самодовольный еблет вмиг сменился гримасой шока, когда Том увидел на экране вместо зеленой надписи «Обвинения сняты» красную — «Доставить в суд».

— Ой, а что такое, Томми? Что случилось? — не сводя взгляда с брата, закудахтал Джейк.

— Дай, сука-бля, сюда! — проигнорировал вопросы сержант и схватил ноутбук себе на колени. — Что за шляпа… — забился он в агонии проеба, тыкая незнамо что на тачпаде.

Минут пять Харди вбивал какие-то данные в базу номинальных директоров. Перепроверив все несколько раз и убедившись, что все в норме, он отставил ноутбук в сторону.

— Не понял нихуя — что это такое было, ошибка какая-то видимо, но, впрочем — до пизды, — состроил Том свой фирменный еблет, ткнув пальцем во вновь позеленевшую надпись. — Думаю, Батлер через час будет уже дома — свободен и невиновен, сука-бля. Сержант сделал свое дело — сержант пошел

отдыхать, — захлопнул он ноутбук, встал с дивана и двинулся в сторону спальни походкой глупого мента.

— Такой ты, конечно, Томми, самоуверенный, — ухмыльнулся Джилленхол, провожая взглядом брата, и, когда тот скрылся в своей комнате, потянулся за ноутбуком.

Ни через час, ни к вечеру, ни даже на следующее утро Батлер так и не вернулся.

— Что-то тут неладное, — обеспокоенно говорил Джейк, облизывая консервную банку. — Куда он запропастился?

— А я ебу? Наверно, обрадовался, что его освободили, да пошел отмечать в какой-нибудь бар обдроченный, — пожал плечами Том, куря на завтрак крэк.

— Ты звонил ему? — продолжил волноваться парень из шара.

— Вне зоны, сука-бля, доступа, — развел руками Харди.

— Томми, это все не шутки! Что-то явно не так! — заверещал Джилленхол, как следует прицелившись консервной банкой в мусорное ведро и забросив «трехочковый». — Йес! — возрадовался он, изобразив соответствующий жест. — Ну так что? Позвонишь Леониду еще раз? Или может лучше залезешь еще раз в базу и посмотришь? Вдруг опять какая-нибудь ошибка или что-то?

— Бред! — рявкнул Том и, дабы убедить брата в своей охуенности, полез в ноутбук. — Вот смотри, пиздюк! — даже не соизволив убедиться лично, ткнул он Джейка носом в монитор.

— Матерь Божья, Томми! Опять! — заскулил парень из шара.

Сержант отпихнул его в сторону и уставился на блядскую красную надпись.

— Да что за ебала? — взорвался он. — Не понимаю, в чем, сука-бля, проблема?

Так прошло два дня. За это время Батлер так и не вернулся домой, и сколько бы сержант Том не влезал в свою бестолковую базу и не снимал обвинения с друга, через некоторое время данные вновь обновлялись, настоятельно рекомендуя доставить обвиняемого Леонида прямиком в здание суда. Харди уже не на шутку выходил из себя, не понимая в чем дело, с каждой минутой приобретая все большую зависимость от крэка. Наркотик, как он говорил сам, помогал ему не тратить нервы по чем зря, ведь в этой проблеме следовало разбираться с холодной головой. Однако вместе с этим, крэк превращал его в беззаботного ебаната, и вместо того, чтобы отправиться в участок, в тюрьму, где держали Леонида, или прямиком в суд, где вот-вот должно было состояться заседание по делу номинального бородача, сержант лишь продолжал накуриваться до невменяемости и упорно перебивать данные в базе. Ведь отойти от своей наработанной схемы Тому не позволяли принципы. Решать подобные вопросы в обход стандартного взлома базы — ну такое…

— Томми! Это крах! Фиаско! — встретил сержанта одним утром голос Джейка.

Харди, не открывая сонных, но уже обхуяренных глаз, приподнял шрамированную бровь.

— Мне не спалось всю ночь! Я как чуял — что-то случится! — продолжил Джилленхол, клацая новехонькой мышью и сосредоточено глядя в экран. — Как только я встал, то сразу же поспешил сюда — проверить статус Леонида в базе. Так-с, секундочку… Сейчас, — высунув кончик языка, говорил Джейк, что-то упорно продолжая щелкать в ноутбуке. — Ага… Вот так вот… Ну все! Смотри, Томми! Это, как я уже сказал, провал! — он повернул экран к сержанту, ткнув пальцем в графу Батлера.

— Чего, сука-бля? — уронил челюсть Харди, увидев новый статус друга — черная надпись «Приговор вынесен: пять лет строгого режима».

— Такие дела… — опустил уголки губ Джейк.

— Да что происходит? Какого, сука-бля, хуя? — заметался по гостиной сержант, с твердым намерением порвать на себе волосы, но руки то и дело натыкались лишь на лысину.

— Прошу тебя, как брат брата — просто сядь и успокойся! — хватал его за запястья Джилленхол. — Нам надо все обдумать и найти выход вместе. Уверен — еще не все потеряно! Мы не позволим Батлеру чалиться столько лет!

— Но как это вообще произошло? — продолжал бестолковиться Том, который не просто боготворил свои базы, но и, буквально, дрочил на них.

— Не думаю, что это так важно. Хотя уверен, что знаю в чем проблема, — наконец усадил Джейк брата на диван, угостив так им горячо любимым и давно забытым оксикодоном, которым сержант успокаивался в далекие пубертатные времена. — Просто это дело — оно не в твоей компетенции. Это же финансовые махинации, и твой, хоть и самый крутой, убойный отдел тут совершенно ни при чем, — плел паутину бреда и лжи парень из шара. — Так вот, о чем это я? Ах, да! Надо подавать апелляцию и обжаловать приговор! И без толкового адвоката нам совершенно точно не обойтись. Леониду без него не обойтись! Сгниет в тюрьме, как пить дать, и поминай как звали! Еще и по кругу пустят!

Том сидел и лишь несуразно хлопал глазами, весь поглощенный агонией разочарования в убойном отделе.

— Ну так и что? — вопросительно посмотрел на него Джилленхол. — Есть мыслишки? Где бы нам найти классного юриста?

Повисла неловкая нарко-пауза.

— Совсем никаких вариантов? — нетерпеливо ерзал на месте Джейк. — Зато у меня, у меня есть! Отличная идея! Супер-план!

— М, сука-бля? — непонимающе приподнял бровь Харди.

— Помнишь я говорил тебе, что хотел бы стать юристом? — затараторил Джилленхол и не дожидаясь ответа продолжил. — Каково же совпадение, Томми! Я нашел просто невероятные курсы по юриспруденции, с дипломом вселенского образца по окончании! Это еще не все! Дальше — больше! Я — что бы ты думал? Уже записался на них! Иии! Вишенка на торте! Я их уже оплатил, и они начинаются уже через три дня! Благо, я знаю пин-код от твоей кредитки — день твоего рождения! Круто, правда? Это же чистой воды чудо божие! Столько маловероятных событий совпали в нужном месте и в нужное время! Судьба благоволит нам, удача на нашей стороны, все звезды сошлись, и так и кричат нам: «Действуйте, пацаны! Достаньте друга из тюрячки!» — сочинял нелепицу астролог из шара, беспрестанно рисуя над головой радугу руками.

— Ну, сука-бля… — задвигал желваками Харди, а его обдолбанный взгляд шнырял туда-сюда. — Валяй, пиздюк! Хочешь учиться — так тому и быть! Сержант великодушно оплатит твои обдроченные курсы. Это тебе подарок на, сука-бля, Рождество!

— Но сейчас только ноябрь! — вскинул брови христианин из шара.

— Не ебет! Я все сказал! Можешь собирать тряпки и пиздровать на свои курсы! — состроил свой фирменный еблет Том. — Где это и когда ты будешь готов, сука-бля, защищать Батлера?

— Где — в России. А когда — это уж как пойдет, — пожал плечами абитуриент из шара. — Это такие своеобразные курсы…

Но сержант Харди не собирался слушать историй брата, ведь словил нехилый такой приход от коктейля «окси-крэк» и направился к себе в спальню, дабы заняться там всякими непотребными делами и еще незнамо чем.

— Хм! — самодовольно скрестил руки на груди Джейк, виляя жопой.

Глава 71: Тайга

«Здравствуй, дорогой дневник!

Спешу поделиться с тобой тревожными мыслями. Все дело в том, что до Рождества осталась всего неделя. Хоть я и атеист, но все же считаю, что Рождество — это время чудес. И все загаданное в этот день непременно сбудется. Да, бывает и такое! Кому, как не мне об этом знать? Конечно, данным фактом я не злоупотребляю, но порой что-то, да загадываю. И еще ни разу не было такого, чтоб это не сбылось! Ну так вот, что-то я отвлекся. В преддверии Рождества, я уже всем приготовил подарки. Например, моему братишке Джейку я уже подарил поездку в Россию, чтобы там он обучился юриспруденции. Для Леонида я готовлю другой сюрприз — он заключается в том, что после того, как Джейк всему обучится, то подаст апелляцию в суд, дабы вызволить Батлера из тюрьмы, и выступит его защитником. В итоге — Леонид не только, возможно, будет свободен, но и не заплатит адвокату ни цента! По-моему, шикарные подарки. А главное — выгодные! И для меня, и для них.

Но сегодня я узнал, что не все приготовили подарки для меня. В частности, этого не сделал Леонид. Конечно, он сейчас находится в тюрьме, но разве это повод не дарить подарки лучшим друзьям? По-моему — нет!

Но сержант-то — добрая душа! Так и быть, подождет до того момента, как Батлера освободят. Но! Если и после этого подарка не последует, то... Не хочу об этом говорить!

18 декабря 2003 года».

Том отложил в сторону ручку и призадумался, глядя перед собой в никуда. Спустя пару минут он отлип, захлопнул книгу в черном кожаном переплете, гордо провозглашенную своим дневником, встал из-за стола и направился в спальню.

Там он улегся на кровать, достал из прикроватной тумбочки тату-машинку, оголил торс и попытался набить на нем какие-то буквы, сдабривая их огромными вензелями. Спустя час Харди понял, что получается хуйня какая-то, ибо надпись выходит кверху тормашками, да и вообще — в зеркальном отображении. Сержант нехило психанул, но решил не сдаваться и не бросать самообучение тату-делу, которым занялся пару недель назад.

Он сел за письменный стол, взял в руки бумагу и карандаш и попытался нарисовать эскиз партака, дабы перебить убогую надпись. Одновременно с этим, Том не забывал курить крэк для вдохновения, нюхать амфетамин для бодрости, а также жрать оксикодон для успокоения души.

Так прошло еще пару часов, но ни одного дельного эскиза у Харди никак не получалось! Выходило все не то! То какой-то обдроченный хвойный лес, то ублюдская одноногая собака, а то и вовсе какая-то потаскуха в драном пальто.

— Сука-бля! — не на шутку психанул Том, отбросив в сторону карандаш. — Джейки! Иди сюда, ебучий пиздюк! Помоги сержанту с эскизом! Живо! – зазывал он брата.

Так он звал и звал Джилленхола минут десять, но тот никак не приходил.

— Ну, молись, сука-бля, шмара, — прорычал, задвигав желваками Том, поднимаясь со стула и проверяя магазин «беретты».

Сержант Харди по-мусорски стал бегать по квартире, агрессивно разыскивая брата в каждом шкафу, в каждом укромном уголке, но все было тщетно — потеряшки из шара нигде не было.

Закончив поиски под кроватью Батлера, Том остался под ней, закурил и начал размышлять.

«Послушай, Том, и куда мог запропаститься твой брат, когда он так нужен?» — бредил парень, взяв в руки телефон, дабы уточнить который сейчас час.

Как только свет от дисплея осветил его еблет и небольшое пространство под кроватью, Харди понял, что находится тут не один.

— Джейки? — повернул он голову в сторону и увидел перед собой резиновую мужскую голову куклы из секс-шопа. — Ты что еще за шмара такая? Впрочем, неважно, — отмахнулся он, стряхнув пепел прямо в дырку-рот куклы.

Докурив, неузаваемый сержант вылез из-под кровати Батлера и отправился на поиски дневника, дабы просмотреть последние записи и, возможно, выяснить оттуда — куда же делся Джилленхол.

Налив клубничного молока и достав упаковку шоколадных кексов, Том уселся за кухонный стол и приступил к читению дневника, дабы докопаться до истины. Читал он долго, ибо решил начать с самых первых записей, чтобы ничего не упустить.

— Я не понял… Сука-бля, не понял… — охуел он ближе к утру, прочтя последнюю строчку. — Что значит Джейк в России?! Когда это он туда уехал?! Какое сегодня число?!

Сопоставив в голове все временные промежутки, Харди ебанулся, узнав, что брат из шара вот уже как месяц не выходил на связь. Том незамедлительно кинулся звонить Джилленхолу, но абонент был не доступен. Сержант заметался по своей халупе как сраный веник, цепляясь за ускользающие из головы ниточки идей по поиску брата. Ведь Россия такая гигантская — где ж его там искать?!

Том уже был на грани отчаяния, поэтому не придумал ничего лучше, как залезть в электронную почту парня из шара и поискать какие-то зацепки там. Перечитав всевозможные спам-сообщения, Харди, наконец, нашел то что нужно — письмо-подтверждение, что Джейк зачислен на некие юридические курсы в России, ниже был прикреплен адрес их проведения.

— Тайга? — приподнял шрамированную бровь сержант Том. — Это что еще за шляпа такая? Ну, сука-бля, ладно! Сержант сегодня же отправиться туда и разыщет братишку, который, наверняка, попал в беду! — стукнул он кулаком по столу и завалился на бок, отхватив нестрашную наркотическую передозировку и провалившись в небытие.

Спустя десять минут он очнулся живым и, практически, невредимым, отхаркался кровью на ламинат из беленого дуба и вновь охуел.

— Так, сука-бля, стоп! Где нахуй я?! — огляделся он по сторонам, охуевше зашныряв взглядом по еврочетырешке.

Том ну никак не мог взять в толк где он живет! В каком городе, в какой стране, да и вообще — в каком веке?! И что это за место? То ли поместье в Манчестере, то ли задний двор мисс Стрип, то ли и вовсе вилла графа Толстого. Эти вопросы настолько раздосадовали Харди, загнав его в тупик, что сержант решил немного поспать, дабы завтра на свежую голову расставить по полочкам невыносимую бренность бытия. К слову, забегая вперед, худо-бедно, но Тому удалось это сделать, и он четко для себя решил начать поиски Джейка с Аляски.

Спустя день, прилетев на Аляску, Харди не понял, нахуя он вообще сюда отправился, если нужно было в тайгу. Порамсив с работниками местного аэропорта, сержант с горем пополам был посажен на прямой рейс до самых таежных лесов, лично организованный для этого буйного наркомана. Зачем? Да потому что никакие проблемы с законом тамошним работникам были не нужны. Хммм… А что за суета вокруг этой персоны? Что не так с работниками аэропорта Аляски? Ааа, они торговали наркотиками прямо в зале ожидания уже седьмой год подряд, а сержант их спалил с поличным и пригрозил судом? Ну, тогда понятно.

Россия встретила Тома далеко не радушно. Мало того, что на улице стоял чертиный для сержанта мороз в восемнадцать градусов ниже нуля, так еще прямо после того, как парень спустился с трапа, на него напал олень, который в клочья разодрал его дражайшую дубленку. Но беды Тома не закончились и на этом! Ведь дальше парень подвергся нападению хуевой тучи бурундуков, когда решил поссать на кедр, находящейся недалеко от посадочный полосы. Пока часть буйных бурундуков в ярости грызла Тома, вторая часть в пух и прах растормошила его чемодан, нарочито грубо разорвав весь сержантский шмот на миллион лоскутов. За что грызуны так с ним? Ну, во-первых, нехуй было ссать на их дом. А, во-вторых, всем известно, как животные ненавидят наркоманов и чуют их за версту!

Вот так вот, наш сержант Том остался в тайге, практически, с голой жопой. Имея при себе лишь подранные скамы, футболку, да обоссанные бурундуками берцы.

Смеркалось. Харди начал нехило замерзать, не желая покидать взлетную полосу и надеясь на ебаное чудо. Но его нихуя не последовало, поэтому Том решил, что придется выживать в тайги самостоятельно. И тогда он побрел в лес, одновременно озлобленно выкуривая последние комочки крэка, оставшегося после нападения животных.

Поблудив по лесу около часа, сержант охуел от холода и решил зарыться в сугроб, дабы хоть как-то согреться. Но это нихуя не помогло! Тому становилось лишь холоднее! Блять, сержант, может уже хватит ебашить всякую наркоту? Посмотри в кого ты превратился?! Что за выходки?! Немедленно слазь!

Харди же, не желая слушать ничьих мудрых советов, свернулся в сугробе калачиком, поправил на лице полубомжиную растрепанную бороду, которую решил отпустить с того самого дня, как плотно подсел на крэк, подложил ладошки под щеку, сладко пожамкал пухлыми губами и решил подремать, уверив себя в том, что утро вечера мудренее, да и вообще, что во сне организм человека входит в анабиоз и никакие перепады температуры ему не страшны. Блять… Каков же ебанат! Где ты нахватался всех этих сомнительных фактов?! Впрочем, поебать! Лежи и подыхай тут один от своей наркоманской тупости! Уже заебал со всем этим дерьмом!

Том открыл глаза и по классике своей ничего не понял. Вокруг не было ни таежного леса, ни снега, да и вообще было тепло. Он лежал на каких-то шкурах, в прямом смысле этого слова, а также был накрыт ими же. Парень огляделся и понял, что находится в какой-то ебале — то ли это была палатка, то ли типи, то ли и вовсе чум какой-то. Стены были сделаны из бежевой замши, что показалось Тому вполне уютным, а по центру данного помещения был установлен очаг, в котором тепло и по-домашнему горел небольшой огонь. Тут он приметил, что в темном углу сидит какой-то хуеплет в народном костюме и играет на варгане.

Харди приподнялся на локтях и в прищуре уставился на незнакомца. На нем была лисья шубка, обрамленная многочисленными тесемками с рисунком незамысловатого орнамента, а на голове красовалась шапка с огромным песцовым воротом. Совершенно точно, что этот человек был не знаком сержанту, по крайней мере, так показалось Тому.

Парень резким движением руки скинул с себя шкуру, осмотрел тело с ног до головы и в недоумении расставил в стороны ладони. На нем был надет вовсе не стильный прикид сержанта, а какое-то теплое тряпье: голубая флисовая кофта с тугим замочком на воротнике по самый подбородок, утепленные спортивные штаны то ли из синтетики, то ли из балония, вязаные носки расцветки радуги, на пояс же была прикреплена черная утепленная сумка.

— О, ты проснулся? — прервал свою музыку хуеплет из угла и поспешил к Тому. Хуеплетом этим был…

— Джейки? Сука-бля, что за хуйня?! Где я?! — давался диву Харди.

— Томми, произошло чудо! Мы с моим учителем пошли собирать хворост и наткнулись на тебя! Тебе чертовски повезло! Еще бы немного и ты замерз в сугробе! — благоговейно объяснил Джилленхол. — Как ты здесь оказался? Зачем прилетел?

— А какого хуя, пиздюк ебаный, ты не выходил на связь?! — отвесил ему подзатыльник Харди, поднявшись со шкуры. — Вот сержант и прилетел искать тебя! Он волновался!

— Так вообще-то тут связь не ловит! — посмотрел Джейк на брата, как на умственно отсталого. — Я же писал тебе письма! Ты что, не проверял почтовый ящик?!

— А оно мне, сука-бля, надо? — приподнял шрамированную бровь сержант.

— Ну раз полетел, мог бы хотя бы посмотреть, что здесь за погода, а не ехать абы в чем. Благо, местные жители собрали старые вещи, и я смог тебя переодеть во что-то теплое. Ты уж извини, тебя они знают плохо и не доверяют, так что народный костюм от них ты еще не заслужил.

— А ты, сука-бля, заслужил, я смотрю, — брезгливо обвел Том ладонью тряпки брата. — Что вообще за ебала?! Кто обучает тебя здесь юриспруденции?

— Я обучаю! — зашел в чум невысокий, но крепкий мужчина, хитровыебанное лицо которого так и кричало о том, что его хозяин — обманщик, каких поищи.

— Ты что еще за петушара? — нахмурился Том, рассматривая мужика, на котором был костюм зимней тайги: обрезанные джинсы да голый торс. — Стоп! Я тебя уже где-то видел… Сейчас угадаю… — защелкал он пальцами и закрыл глаза. — Ты… Ты… Точно! Ты был на похоронах моего папаши! — выставил он на незнакомца указательный палец, состроив фирменный еблет.

— Томми, не позорься! — шикнул Джейк, пихнув брата в бок. — Доброе утро, о, учитель! — приставил он кулак к груди и склонил голову.

— Да я бля буду! Ты был в замке на похоронах моего папки! — подошел к мужику Харди, ткнув ему кулаком в плечо. — Что, забыл? В прошлом декабре, в Манчестере! Ты еще с принцем, сука-бля, Чарли терся!

— Ты что, сын сэра Уокена? — невыносимо быстро и до безобразия противно спросил тот.

— Ну! Так о чем, сука-бля, и речь! — улыбнулся Харди. — Так кто ты такой будешь, петушара? Кто имеет честь говорить с сержантом?

— Томми! Хватит себя так вести! — подоспел к брату эвенк из шара и одернул его. — Вообще-то, это президент России! Владислав Утин! И по совместительству — мой учитель по юриспруденции!

— Владислав, сука-бля, Утин… — покривил еблетом Харди, которого, кажется, уже не отпустит никогда. — Ну, будем знакомы, — похлопал он Владика по плечу.

— Можно просто — Влади, — поправил на голове белый клок волос Утин. — Твой отец был хорошим человеком. Как-то раз помог нам с Чарли, когда мы отправились попрыгать в тандеме с парашютом. А у принца прямо в свободном падении произошел «код желтый». Действовать нужно было быстро, хладнокровно и сдержанно, пока мы не приземлились. И не поверишь, Кристофер нам помог! Благо, он прыгал с нами! — плел хуйню он, усаживаясь у очага в позу лотоса. — А сейчас, извини, у нас урок. Не мешай нам. Джейк, прошу, — указал он ладонью напротив себя.

— Ебануться можно! — решил мешать Харди. — А что это ты типа репетитор, да? А диплом у тебя Джейки получит норм или хуйню какую-то? А то пиздюк решил судиться с налоговой США. Прокатит у него с твоей лицензией?

— Да, я выпишу ему лицензию мирового юриста, которая будет действительна в любой точке мира. А теперь нам нужно заниматься, — достал

Утин из кармана джинсовых шорт методичку по юриспруденции.

— А в какую базу пиздюк будет занесен? — не унимался с расспросами Том. — А нихуя не скажут в суде, что пиздюк совсем еще пиздюк? Ну, в смысле, сука-бля, ему и восемнадцати нет!

— Так, давай-ка, пошли, — взял его за запястья ученик из шара. — Иди пройдись по поселку, познакомься с местными жителями, а мы тут пока позанимаемся… — потянул он брата на выход.

— Нет, сука-бля, я хочу еще побазарить! — щелкнул его по кожаному носу Том.

— Ды бляяяять! — зарычал Джилленхол. — Томми! А знаешь, какое диковинное блюдо готовят в России? Такой суп необычный — борщ называется! Пошли, я тебе покажу! В чуме-столовой как раз сегодня такой на обед! — нагнулся он к аптечке и незаметно извлек оттуда какой-то пакетик с порошком.

— Хм… Ну, сука-бля, пошли, — стало интересно Харди и он, даже не надевая верхнюю одежду, вальяжно вышел на улицу.

Вот так вот Джилленхол подло накормил брата слабительным, подсыпав его в борщ. Зачем? Да дабы Том не путался под ногами и не мешал дальнейшему обучению! К слову, его план удался — сержанту сделалось настолько плохо, что он два дня мучался расстройством пищеварительной системы, проклиная местных жителей, угрожая им расправой и зарекаясь когда-либо еще жрать блядский борщ. Конечно же, из-за данных выходок местные сложили не только предвзятое отношение к Тому, но и зареклись когда-либо уважать этого ебаного человека.

Что касаемо самого обучения Джилленхола. Наверное, интересно, как оно проходило? Как, как?! Да очень просто! Утин обучил Джейка начальным азам дзюдо, лепить пельмени с изображением российского триколора, укачивать проснувшегося от зимней спячки мишку, ловить одними лишь зубами рыбу, находить ягоды даже в зимний период, а также играть на балалайке. Также он не забыл обучить ученика из шара юридическому делу, заставив его на зубок выучить конституции всех стран мира, а также обучил искусству уходить от любого задаваемого вопроса, ставящего в затруднительно-возмутительное положение.

И вот, настал тот самый день, когда Джилленхол был полностью обучен. Осталось лишь посвятить его в юристы. Для этого Утин выделил уютную и кем-то обдроченную поляну в лесу, украсил ее праздными лентами, свечами и всякой требухой в стиле рустик. Владислав встал под праздной аркой, Джейк же склонился перед ним на одно колено. Утин прочистил горло и начал зачитывать праздную речь, водрузив свою мощную рыхлую руку на плечо Джилленхола. И вот, наконец, парень из шара был провозглашен юристом вне пространства и времени.

— И запомни еще одну вещь, Джейкоб Бенджамин Джилленхол, парень из шара, — сказал Утин по завершении речи, уже протянув парню диплом в праздной папке с изображением триколора. — Что бы кто тебе не сказал, с чем ты будешь не согласен — всегда и со всем соглашайся. Но! На деле — делай по-своему, даже если исподтишка — не важно! И даже если ты будешь действовать не по правилам вселенной, главное — это остаться чистым перед самим собой! — плел он ахинею.

— Да это я и так умею, — скромно улыбнулся юрист из шара, взглянув в обесцвеченные глаза Владислава Владиславовича своим пиздейшим синим взглядом.

За всей этой картиной наблюдал Том Харди, приуютившись на дряхлом полене и не понимая нихуя. А все дело в том, что сержанта настолько

невзлюбили местные жители, что стали его травить, опаивая мухоморным отваром. Но глупцы не рассчитали, что Том был прожженным наркоманом, и данное пойло вводило его в ебейшую эйфорию и приносило с собой охуенные галлюцинации.

Сержант лишь усмехнулся над комичностью данной ситуации, достал из-за пазухи клоунской дутой куртки цвета «оранж» литровую банку отвара и испил оттуда глоток. Затем он уставился ебливо-агрессивным взглядом на соседнюю ель, где оттягивалась стая кедровок, отмечая юбилей своего мэра.

— Что расселись, ленивые бляди?! — взорвался на птиц Том, кинулся к ели и неистово затряс ствол.

Кедровки же, будучи подшофе, тоже захотели немного порамсить, похватали в клювы шишки, палки и прочую требуху, и кинулись в неравный бой с сержантом.

— Сука-бля! Отъебитись! — снял с головы ебланскую розовую шапку Харди и стал отмахиваться от атаки озлобленных птиц. — Если вы сейчас же не оставите сержанта в покое — он клянется, что сожжет дотла весь ваш блядский, обдрченный оленями лес!

— Томми, хватит! Прекращай! — сделал ему замечание Джилленхол. — Я получил диплом! Мы можем возвращаться домой, Батлер ждет!

— Домой? — нахмурил лицо Утин, которое, к слову, через десятилетие переживет ни одну пластическую процедуру. — Я думал, что раз обучение окончено, то теперь мы немного отдохнем!

— Учитель? — не понял Джейк. — Но у нас нет времени отдыхать! Наш друг гниет в тюрьме и, возможно, уже был пущен по кругу! Мне немедленно нужно возвращаться в Штаты и подать апелляцию…

— А как же русская баня? Русская охота? — недоумевал Владиславович. — Я думал, что твоему брату будет все это интересно!

— С хуя ли?! — воскликнул Джилленхол.

— Я видел в библиотеке их поместья огромное количество книг русских классиков! — бредил Владислав, снимая строгий костюм-тройку, дабы переодеться в костюм для отдыха — камуфляжный комбинезон на голое тело, который всегда носил вместо нижнего белья.

— Баня? Охота? А почему бы, собственно говоря, и нет?! — состроил фирменное выражение ебальника Харди, расставив руки в стороны, в то время, как кедровки безбожно хлестали его по лысой голове палками.

— Ну вот и все! Пошел растоплю баньку! — щелкнул пальцами Владислав, указав на Тома указательными.

— Да бляяяять! — прорычал Джилленхол, поняв, что, кажется, брата-наркомана ему не увезти в ближайшие дни из Тайги.

Спустя два дня.

Над бескрайними лесами поднимался огромный столб черного дыма. Вековые сосны, объятые огнем, с треском падали на землю. Тайга пылала.

— Ёб твою мать, Томми! — орал Джилленхол, волоча брата за ворот куртки.

— Влади, я тебе бля буду — погибшая лошадь Вронского на скачках — это символ ожидающей судьбы Анны Карениной! Ну я тебе, сука-бля, отвечаю, — бредил сержант, бессмысленно уставившись в таежное небо, проглядывающееся сквозь дымовую завесу пожара.

— Какой нахуй Влади? Какая лошадь? Какая Анна? Что ты несешь? — завопил на него Джейк, натянув на кожаный нос горло свитера, дабы защититься от гари.

— Такая вот пизда — Анна, сука-бля, Каренина, — состроил свой фирменный еблет Том, не осознавая ничего вокруг.

— Томми, прошу тебя, прекращай! Нам надо возвращаться! Мы должны

вытащить Батлера! — взмолился парень из шара, прикрывая свою и братскую голову от падающих горящих веток.

— Мы должны — мы и вытащим, — продолжил молоть наркоманскую чепуху Харди. — Зато этот пидор считает, что он никому ничего не должен! Почалится еще немного — нихуя с ним страшного не случится. А где, сука-бля, Утин? — нахмурился сержант, ход невменяемых мыслей которого менялся ежесекундно.

— В пизде! — психанул Джииленхол, бросив брата на землю. — Я ж тебя умоляю — приди в себя! — склонился он над ним, взял двумя руками за щеки и неистово затряс.

— О, смотри! — округлил пухлый рот Том, указав на ногу брата, к которой поднес горящую палку и поджег.

Джейк опустил взгляд и увидел, как его штанину охватило пламя, мигом поднявшееся до самого колена.

— Оп, сука-бля! — захохатал сержант и схватил брата за нос двумя пальмами и с силой потянул его на себя.

— Бляяяя… Да что ты творишь, Томми? — гундосо взорвался простак из шара, отпихнув от лица руку брата. — Это уже переходит все границы! — зарычал он, вновь бросив Тома и хлопая себя ладонями по голени, охваченной пожарищем. Штанина уже полностью сгорела, и огонь добрался до кожи, в первую очередь спалив все волосы дотла.

— Общая эвакуация! Общая эвакуация! — раздался на всю Тайгу тревожный голос, и послышался звук «вертушек».

— Мы сейчас погорим тут к хуям! — взорвался Джейк, шлепнув Харди по лицу. — Вставай, пидор! — с этими словами он подхватил брата, встряхнул и поставил на ноги.

Не успел сержант и опомниться, как вдруг сверху начали разматываться веревочные лестницы, на которых, словно глупые обезьяны восседали ОМОНовцы, одетые сплошь в черные тряпки в стиле сержанта Харди, разве что вместо стильных масок на лицах у них были дырявые каски на головах. Когда лестницы достигли земли, силовики разом спрыгнули и стали зажимать братьев в кольцо.

— Мы свои, мы свои! Я ученик Владислава Владиславовича! — запричитал Джейк, выставив вперед ладони.

— Да вы чё, охуели, шмары? — заорал на ОМОН Том, сорвал с себя тлеющую, некогда розовую, шапку и бросил в одного из них. — Я вас тут сейчас всех, сука-бля, ебну! Я — власть! — выебывался Харди, бьясь в агонии угроз.

В этот момент из самого огромного вертолета, зависшего над огнем, спустилась еще одна самая огромная лестница. Сквозь всполохи огня и дым на землю сошел никто иной, как Влади Утин в костюме химзащиты, элегантно дополненный противогазом. Он величавой поступью подошел к сержанту, снял противогаз и прислонил свой утиный нос к его.

— Буду краток: власть тут я, — тихо, но вполне себе убедительно отчеканил Утин. — И хотелось бы отметить, что у меня есть к тебе ряд претензий.

— Ну валяй, сука-бля, — жестом предложил Том Владиславу огласить весь список.

— Божечки… Все это плохо кончится… — взволнованно бормотал себе под нос Джейк, переминаясь с ноги на ногу, одна из которых получила ожог первой степени.

— Во-первых, ты заблевал парилку и бассейн в моей бане, — начал Утин. — После такого ее уже не восстановить, а остается только уничтожить. Надо сказать, это ты сделал за меня, разнеся баню в щепки.

— Ой, ну ебать тебя в рот! Новую построишь, сука-бля, — парировал сержант, подкатив глаза.

— Допустим, — кивнул Владиислав. — Дальше — больше. Мы поехали на моей машине, дабы ты мог осмотреть мою тайгу. Ты сел за руль и доехал лишь до первой сосны, врезавшись в нее и превратив мою машину в металлолом! — прерывисто повествовал он.

— Так это, сука-бля, понятно — сержант же не умеет водить, — развел руками Том.

— Спасибо, что сообщил об этом сейчас, — сжал губы крепче некуда Владислав.

Харди в ответ поднял два больших пальца вверх.

— Ну, как ты понимаешь, и это еще не конец, — осуждающе потряс противогазом Утин. — Дальше я провел для тебя экскурсию по поселениям местных жителей. Каждый! Каждый из них был либо оскорблен, либо травмирован, либо лишился дома по твоей вине! А здешний народ, между прочим, занесен в Красную Книгу и список достояний Юнеско, чтоб ты понимал!

— Уверен, что шмарье само нарывалось на немилость сержанта, — продолжал спорить Харди, пытаясь выставить себя самым охуенным на свете.

— А Амурский тигр тоже сам нарвался? — возмутительно прищурился Владислав, учитель юриспруденции снаружи, президент до мозга костей в душе, и ебаный пидорас по жизни.

— Ясен хуй! — усмехнулся Том.

— Томми, давай свалим отсюда скорее! Как-нибудь незаметно! — суетливо шептал на ухо ему Джейк, который боялся лишь одного — того, что учитель отнимет у него диплом юриста. И тогда все время, проведенное здесь, коту под хвост. Да и вообще, кто тогда Батлера будет из тюрьмы вытаскивать?

— По любому, полосатый петушара хотел напасть и сожрать сержанта, а может даже украсть его пиздатую дубленку, — проигнорировал уговоры брата Харди.

— Которой у тебя нет, — буркнул Джейк, скрестив руки на груди.

— Я уже встречал такого же ебаната в Африке. Только то был лев, но какая, сука-бля, разница… — продолжил нести непонятную никому хуету Том.

— Да ты же пробрался к тигру в вольер и устроил с ним драку! — перебил Утин. — Я уже молчу о том, что ты поджог лес, и теперь двадцать гектаров тайги охвачено огнем. Ладно, все это не важно. Важно лишь то, что, учитывая все обстоятельства, и действуя согласно Конституции, тебе грозит немалый тюремный срок здесь, в России.

— Ох-ох! — закудахтал Джилленхол, не понимая, как ему теперь вытаскивать с зоны не только Леонида, но и брата. К такому его жизнь и даже Утин не готовили.

— Да что мне твоя тюрьма, твоя Конституция обдроченная, сука-бля? — засмеялся сержант. — Я сам над собой власть! Отмажу себя, как делать нехуй.

— Ага, также как Батлера отмазал? — пихнул обгорелой ногой Тома в колено Джейк. — Томми, давай валить, пока не поздно, у нас еще есть шанс скрыться среди дыма и огня! — зашептал он и потянул брата за утепленную поясную сумку.

— Очень интересно, как же ты это сделаешь? Как понимаю, через эти свои базы? — приподнял невидимую бровь Влаадислав. — Это все тут не действует, — обвел он рукой пылающий лес. — В России не действуют законы вселенной.

Сержант лишь бестолково почесал лысину, не понимая не то что как ему действовать, а вообще нихуя.

— Но все не так плохо, — подбодрил его Утин. — Ты мне нравишься, можно сказать я даже тебя уважаю! Не каждый русский любит Толстого, кроме того, не каждый русский его читал. Зато ты — знаток Льва Николаевича, да и вообще всей русской классики. Это дорогого стоит.

Ебальник Харди расплылся в донельзя фирменном еблете, не на шутку довольный собой. Ой, ну пиздец! Хоть где-то твой Толстой пригодился! Да и вообще — сначала послушай, что предложит тебе этот человек, а то может рано радуешься!

— Ты немедленно покидаешь страну. Я даже предоставлю тебе вертолет, — указал Утин рукой в небо. — Мы закроем глаза на все случившееся. Но! Отныне твоя нога более не ступит на землю русскую. Русский народ тебе не рад. А воля народа для меня закон! Так что границы России для тебя закрыты навсегда. И чтобы ты не думал, что я шучу, вот — держи, — достал он из костюма химзащиты какую-то пафосную бумагу с двуглавым орлом.

— Сим подтверждаю, что на сержанта Томаса Харди VIII, 15 апреля 1983 года рождения… Адрес регистрации Соединенные Штаты Америки, штат Вашингтон, город Сиэтл… Тра-та-та… Ага, это понятно… — забегал непонимающими глазами по документу Харди, а Джилленхол стал зачитывать вслух. — Вот! Дальше главное… С 10 января 2004 года наложен статус персоны нон-грата, и ему запрещен въезда на территорию Российской Федерации… Пожизненно! Ах! — громко продекламировал глашатай из шара, округлив свои синие глаза, словно блюдца. — Далее дата и подпись. Томми распишись вот тут, — ткнул он бумажку брату в нос.

— Ой, да и похуй! Нахуй мне твоя Россия не сдалась! — бурчал Харди, доставая из-за пазухи гусиное перо своего прадеда и алмазную чернильницу, подаренную одним дорогим ему, но прищуренным человеком. — Давай, сука-бля, свой вертолет, да сержант помчал домой, — размашисто нарисовал он в документе свою подпись.

Утин с помощью языка жестов приказал вертолетам спуститься на землю. Через пару минут все «вертушки» оказались внизу, и все ОМОНовцы разбежались по ним.

— Прошу, — указал Владислав на самый уродский вертолет. Из него выскочил пилот и перебрался в другой летательный аппарат.

— Это нам? Но как же мы долетим, учитель? — охуел Джилленхол, осматривая предоставленный транспорт.

— К твоему диплому также прилагается удостоверение пилота, — похлопал его по плечу Владик. — Ты разве не знал?

— Ого! Круто! — захлопал в ладоши дурак из шара. — Но управлять-то я все равно не умею… — опустил он уголки губ.

— Не думаю, что это так важно, — подмигнул ему учитель и запрыгнул в свой гигантский вертолет.

Лопасти начали раскручиваться, и «вертушка» стала подниматься, раздувая пожарище еще сильнее. Сержант же Харди потерял связь с действительностью, достал из сумки амфетамин и вынюхал разом полпакета, после чего рухнул на землю в приступе наркотической передозировки, опалив при этом свою непрезентабельную бороду.

— И помни, для России и народа ты теперь персона нон-грата, но не для меня! — высунулся из кабины вертолета Утин, обращаясь к сержанту, который уже забыл не только его, но и себя и, вообще, забыл лицо своего отца.

Через несколько мгновений вертолеты скрылись средь величественных сосновых веток.

— Ну, пиздееец, — проводив взглядом «вертушки», помахав им на прощание рукой, Джилленхол посмотрел на своего конченого брата. Затем он перевел глаза на обожженную ногу. — Ну-ну, Томми, ну-ну… — зарычал он и пнул Харди в бок. Тот же в свою очередь валялся на тлеющей хвое, пуская из всех отверстий на своем дурацком смазливом еблете струи крови, не на шутку перенасыщенной разного рода наркотиками.

Глава 72: Суд

28 января 2004 года.

— Всем встать, суд идет! — провозгласил секретарь, поднявшись с места. Поднялись и все присутствующие. В зал зашел морщинистый судья в пышном закрученном седом парике и уселся на свое место.

— Сегодня будет рассмотрена апелляция по осужденному Батлеру, — нехотя стукнул молотком по голове секретаря судья, собирая со своей черной мантии кошиную шерсть. — Осужденный, встаньте и расскажите свою историю, — плел он хуйню, совершенно не собираясь действовать по правилам и нормам проведения судебного заседания.

Леонид Батлер, облаченный в оранжевый плащ-робу, смущенно прошуршал кандалами на руках и поднялся с места.

— Меня отправили чалитьсси на пять лет, — крича, замямлил бородач. — За номинальное директорство…

— Ваша честь! Давайте расскажу лучше я! Это я подал апелляцию! Мне есть что сказать! — подорвался с места адвокат Батлера — Джейк… Джейк Джилленхол… Юрист из шара… Прекрасный из прекраснейших…

— Ваша честь, я протестую! — хлопнул ладонью по столу прокурор. — Это что, адвокат? Ему сколько, шестнадцать или около того?

— А разве это важно, когда у меня есть лицензия?! — проскакал к столу судьи Джилленхол и пихнул ему под нос свой диплом мирового юриста.

— Все нормально, — махнул судья в сторону прокурора ладонью, бросив поверхностный взгляд на бумагу Джейка. Ему настолько было поебать на заседание и так хотелось поскорее вернуться домой, что было похуй — сколько лет адвокату, какого он пола и цвета кожи.

— Но, Линда! — продолжал гнуть свою линию прокурор, обратившись к судье и перейдя на личности. — Я протестую!

Ааам, стоп! Линда?! Так этот судья — женщина?! Оу… Неловко получилось… По внешности и не скажешь. Показалось, что это мужик какой-то… Наверное, все дело в парике. Впрочем, неважно… Так, а что за отношения между судьей и прокурором? Муж и жена, работающие в Сиэтле в вахтовом режиме? Оу, необычно! А еще необычнее то, что их имена — Линда Хэмилтон и Чарли Хэннем-старший, а их единственного сына зовут Чарли, хотя родители с пеленок называли его просто Кент, в честь отца Линды. Ну, теперь стало понятно, как Чарли с его подкатанными глазами и похуизмом оказался в правоохранительных органах!

— Протест отклонен! — стукнула молотком женщина-судья и жестом ладони предложила Джилленхолу рассказать душещипательную историю Батлера.

— Дамы и господа… Ваша честь… — обернулся Джейк сначала к залу, а затем к судье, учтиво поклонившись. — Моего подзащитного посадили за решетку за то, что, по сути, он и не совершал. Номинальное директорство, — заговорил краснобай из шара. — Но в этой тернистой истории совсем не все так просто, как кажется с первого взгляда. И да, я возмущен, что сторона обвинения так быстро склепала дело, ни в чем не разобравшись, и засадила за решетку этого любезнейшего человека! Лучшего из барист! А вы пробовали пироги осужденного, ваша честь? О, Боже! Как же они вкусны! Да моя мать не пекла такой диковиной вкуснятины! — нес он незнамо что. — Но вернемся к нашему слушанию. Когда мне предложили это дело, я сразу же за него взялся, углубившись с головой! И то, что я выяснил во время своего независимого расследования, которое, опять же, почему-то не провела сторона обвинения, хотя и должна была… — посмотрел он уничтожающе-томным взглядом на прокурора Хэннема-старшего. — Повергло меня в настоящий шок! Сказать, что я

охуел — не сказать ничего!

— Да что за вздор несет этот человек, Линда?! — вновь по-панибратски повел себя прокурор, обратившись к жене.

— Пускай говорит, — остановила его взмахом морщинистого молотка миссис Хэмилтон, ведь была той еще любительницей всяких драм и интриг, а судя по Джилленхолу, он подарит ей их сполна!

— Итак, я хотел бы вызвать свидетеля, который ранее не вызывался, — продолжил парень из шара. — Никто не возражает?

Прокурор лишь наигранно подкатил глаза, изобразив жестами рук немыслимые фигуры, как бы намекая на то, что один хуй его мнение никто не примет во внимание.

— Дамы и господа… Никита Джигурда! — подскочил к огромным дверям зала суда Джилленхол и распахнул их.

В зал зашел то ли человек, то ли лев. Статной походкой горделивого африканца, он прошагал к трибуне судьи, эффектно тряхнул своей бело-рыжей гривой и положил руку на Библию.

— Свидетель, вы должны поклясться, что будите говорить правду и только правду, — объяснила ему судья.

— Я норррмальный! Норррмальный! — прорычал Никитка, хищным взглядом уставившись в пустоту.

— Знаете, кто этот человек? — поспешил к свидетелю Джилленхол и убрал его руку с Библии, ведь не хотел кары Божьей за то, что заставляет этого человека брехать. — Как называется фирма в которой работает наш дорогой осужденный? «Батлер и друг»! Вот он Батлер, — указал он на Леонида. — А вот это — и есть тот самый друг, собственной персоной! — шутливо потрепал он Джигурду по гриве.

— Томми? — охуел Батлер, пытаясь разглядеть в Никите своего друга. Но все же это был не развод никакой — это совершенно точно был настоящий Джигурда, а не переодетый в него Харди.

— Как интересно… И чем же вы занимаетесь в данной фирме? — поинтересовалась женщина-судья, оголив старое плечо и почесав свеженький партак в виде богини правосудия Фемиды.

— Я занимаюсь черррной бухгалтерррией! — прорычал Никита. — И я — норррмальный!

— Вам знаком этот человек? — махнул прокурор Чарли в сторону Батлера.

— Конечно знаком! — помахал в ответ неимоверно глупым кулаком Никита. — Ибо я — подставил его!

— Что?! Как?! — превратился в шокированную сову Джилленхол, положа одну руку на грудь, а второй схватив за запястье судью.

— Этот борррродатый имеет свое кафЕ, где торгует дрянной выпечкой да варит кофе! — плел бредни Никита. — Точнее мы с ним имеем кафе! Где я был норррмальнм номинальным дирррректором и занимался черррной бухгалтеррией! А когда я узнал, что налоговая заинтересовалась нашим бизнесом, то быстро подменил все документы, вписав вместо своей фамилии — его! Ибо не хотел топтать зону и жрать баланду! Но теперь я ррраскаиваюсь! Мне стало стыдно за содеянное! Посадите меня немедленно!

— Вот это поворот! — резко обернулся Джилленхол к прокурору, улыбнувшись шире некоторых, но не всех.

— Но это бред! — ударил ладонью по столу прокурор Чарли. — Проводилась проверка документации! Везде стояла фамилия Батлера! Он номинален!

— Может и номинален, но норррмален! — продолжал рычать Джигурда, сотрясая пышной гривой хуево мелированных рыжих волос.

— Я залез в базу документации малого бизнеса Сиэтла и скачал всю историю изменения документов в «Батлер и друг»! Здесь вы и увидите правду! — извлек

из-за пазухи огромную папку бумаг Джилленхол и кинул на стол прокурора.
— Посмотрите сами! Батлер стал директором всего лишь за день до того, как нагрянули налоговики! Джигурда подставил его!

— Да! Это сделал я! — достал из кармана брюк мини-гитару Никита и сыграл на ней праздное соло.

— Что? Что за чепуха?! — давался диву прокурор, внимательно рассматривая бумажонки, на некоторых из которых там и тут черным маркером были нарисованы хуи и голые девки. — И кто такой Том Харди? — поднял он один из листков, на которым убористым почерком было написано: «Здесь был Том Харди… На веки ваш — сержант».

— Ой, — поспешил забрать обратно папку Джилленхол. — Извиняюсь Бога ради! Мой старший братишка — «даун»! — пояснил он за брата судье. — Вот видимо залез в мои документы и нарисовал там все это…

— Ох… Неполноценный член семьи — это так тяжело… — прониклась историей Джейка женщина, ведь давно уже подозревала и у своих сына и мужа сей недуг.

— Вот такие вот дела! — развел руками Джейк. — Так что наш осужденный Батлер, является никем иным, как нагло подставленным человеком! Посему, я предлагаю его немедленно освободить, посадить Джигурду, а также в качестве морального ущерба, оставить Леониду его кафе и сохранить за ним должность директора! Но не номинального, а как сказал наш дорогой свидетель — нормального!

— Да! Немедленно! Посадите меня! — протянул руки вперед Никита, предлагая заковать его в наручники и отправить за решетку.

Зачем вообще все это Джигурде? Все дело в том, что еще пару лет назад Никита занимал почетную должность — он был заместителем директора закусочной на Уолл-Стрит. Но бизнес прогорел, как прогорели и все инвестиции, вложенные туда Никитой. Джигурда был на грани нервного срыва и понял, что он должен немедленно лечь на реабилитацию в лучшую клинику для душевнобольных, что находится в Чарлстоне. Но туда требовалась довольно крупная сумма денег, поэтому Никите пришлось продать все! Через несколько месяцев, Джигурда вышел оттуда — со здоровой душой, но с голой жопой. Ему совершенно некуда было идти! А бомжевать ой как не хотелось. И тогда он решил автостопом добраться до Нью-Йорка и уже придумать что-то на месте. По воле случая, автостоп привел его в Сиэтл, где Никита не знал никого. Он был вновь на грани нервного срыва и даже уже начал впадать в депрессию, улегшись на обдроченную картонку в какой-то подворотне, когда его нашел Джилленхол, зашедший поссать в судьбоносную подворотню. Он-то и предложил Никите подставить себя под хуй, уверив, что лучше отсидеть срок в тюрьме, чем жить на улице. Никиту настолько воодушевила реклама Джейка о тюрьме, где не только трехразовое питание, но и местная команда по бейсболу и огромная библиотека, что Джигурда непременно захотел отсидеть срок, а дальше — как карта ляжет. Такая вот занимательная история получилась!

— Нет, нужно во всем разобраться! — не желал сажать Джигурду прокурор. — Ваша честь! Я требую отсрочки суда, пока лично не разберусь в этом деле!

— Да какая отсрочка? Разбираться в чем?! Ваша честь, посмотрите сами! Тут черным по белому написано, что за день до налоговой облавы, директором был Джигурда! Это он номинальщик! — подсунул он помятый, кем-то обдроченный листок формата А-4 судье под острый нос.

Линда одела очки и стала просматривать документы. Она так и не смогла понять — был ли Леонид номинальным директором или нет, поэтому, недолго думая, решила осудить Джигурду, обвинив его во всех черных делах «Батлер и друг».

— Я, блять, охуеваю! — откинулся на спинку кресла прокурор, после того, как

его жена зачитала приговор. — Серьезно?!

— Приговор окончательный и никакому обжалованию не подлежит! — вспылила судья, кинув молоток прямо мужу в лоб.

— Урааа! — до безобразия беззвучно захохотал Леонид, обнимая Джилленхола. — Джейки, тебе это удалось! Спасибо тебе!

— А разве мог я оставить тебя топтать зону? — по-младенчески засмеялся адвокат из шара, крепко обнимая друга.

— А где Томми? Почему он не притопал поболеть за тебя? — поинтересовался криком Батлер, снимая с себя тюремную плащ-робу, ведь теперь официально был свободен.

— Ой! — отмахнулся Джилленхол. — Не думаю, что было бы хорошей идеей — брать его на суд в состоянии, в котором он прибывает уже не первый месяц!

И тут мобильник Джейка зазвонил.

— Томми?.. Ну, поздравь меня — я выиграл дело! Леонид вновь свободен!.. Чего, блять? Какие такие полчаса у него есть? На что?.. Ой, Томми, ты бредишь! Проспись! — психанул он, сбросив телефонный звонок.

— Какие-то заморочки? — поинтересовался Леонид.

— Ой, не думаю, что это так важно! — приобнял за плечи друга парень из шара и повел на выход. — Ну что, сначала поедем до тюрьмы, чтобы забрать твои вещи, а потом предлагаю в бар, дабы пропустить пару шотов за нашу победу! Ну, а потом домой! Как такой расклад?

— Изумительный! — радостно заверещал Леонид.

Глава 73: Подарок

Поздним вечером ребята приехали в еврочетырешку.

— Я сейчас обоссусь! — простонал Джилленхол и походкой глупого пингвина направился в сторону туалета.

Леонид же Батлер с нотками недоверия оглядел гостиную. На первый взгляд здесь чего-то не хватало. Чего? Леонид не понял. Бородач лишь эффектно пожал плечами и направился в сторону кухни, дабы кое-что для кое-кого приготовить.

Несколькими часами ранее.

— Да когда этот ебучий суд закончится? — рычал обхуяренный Том, уже полдня кряду не сводя взгляда с настенных часов. — Сержант чует какое-то наебалово, сука-бля! Всеее… В пиздууу… — он вскочил с кровати, схватил мобильник и стал яростно тыкать пальцами по кнопкам, набирая номер брата.

Через пару гудков на том конце провода раздался голос из шара.

— Что с судом, сука-бля? — с ходу заорал Харди, даже не поздоровавшись. — Мои, сука-бля, поздравления, пидорасы! Передай этому петушаре, что у него есть полчаса!.. На то, чтобы поздравить сержанта с Рождеством!..

Не успел Том сказать ничего в ответ, как в трубке раздались короткие гудки.

— Да ты что, охуел, пиздюк! Сам, сука-бля, проспись! — заорал он на свой мобильник и швырнул его в гору амфетамина, покоящуюся на трюмо. — Суки ебаные! — пнул он берцем стул, подлетел к куче наркотиков перед зеркалом и стал наебашиваться, как в последний раз.

Полчаса, отведенные сержантом Батлеру, давно истекли, но домой так никто и не явился. Ясен хуй, не было и никакого рождественского подарка, незнамо зачем сдавшегося этому человеку, по которому уже давно плачет клиника для буйных наркоманов.

Харди провел это время не то что в забвении — в небытие. Он сам не заметил, как разгромил всю комнату и принял слишком много амфетамина. Сожрав последнее колесо, Том плюхнулся на кровать и уставился кривым взглядом в потолок.

— Все, так больше не может продолжаться… — пробубнил сержант и, еле шевеля конечностями, поднялся с кровати.

Он прошаркал к прикроватной тумбочки и достал оттуда дневник в кожаном переплете. Том бросил его на трюмо и последовал в ванную комнату, где из зеркального шкафчика достал опасную бритву, подаренную ему много лет назад отцом. Стоп! Что происходит? Ты вроде достаточно гладко выбрит и вполне себе лыс. Тогда, что ты задумал? О, нет! Томас, прекращай немедленно! Положи бритву на место.

Перекручивая в руке холодное оружие, Харди вернулся в комнату и уселся за трюмо. Он уставился на свое отражение, но совсем не узнавал человека в зеркале. Это что еще за ебанат? Разве это тот несчастный мальчишка, терпевший издевки безумной матери? Разве это тот подросток, испытавший первое предательство и боль первой любви? Разве это тот парень, что жаждал стать самостоятельным и не жить под крылом отца? Разве этот тот человек, решивший открыть свое дело? Разве это доблестный полицейский? Любящий брат? Верный друг? Абсолютно точно, что нет! Больше он походил на какое-то чмо! Но самому сержанту так не казалось. Теперь помимо всего прочего, он чувствовал себя брошенным лучшим другом. И это разбивало его сердце. Да ладно, блять! Может уже просто дождешься Леонида да и спросишь в чем дело и где твой обдроченный подарок? Что говоришь? Это не имеет смысла? Ну, понятно…

Харди открыл дневник, взял в руки обгрызанный карандаш и начал убористым почерком выводить свои бредни.

«Здравствуй, дорогой дневник…
Это мое последнее послание тебе…»

Он написал первые две строк и взмахом открыл бритву.

«Сегодня был суд, и Джейки выиграл дело Батлера. Он у меня молодец! Но, как не прискорбно мне это сообщать — рождественского подарка от Батлера так и не последовало…
Мне не остается ничего кроме, как…»

Том посмотрел на лезвие и приблизил его к шее. В это время из гостиной донесся звук открывающейся двери. Сержант бросил гневный взгляд в сторону и продолжил писать.

— Сука-бля, не удобно левой… — забурчал он и переложил бритву в правую руку, а карандаш в левую.

«Ох, как же это сложно…»

— Да еб твою мать, так еще хуже! — психанул он, неумело накалякав очередную строку. — В пизду! — он вновь поменял бритву и карандаш местами. — Писать левой посложнее, сука-бля, чем резать…

Из коридора послышалось, как захлопнулась дверь уборной. Сержант прислушался и понял, что на кухне кто-то открыл холодильник.

«Я принял очень много амфетамина, чтобы прогнать страх…
А в руках у меня опасная бритва… И я подношу ее к своему горлу…»

Поставив в конце строки три строчки, Том последовал написанному и приставил лезвие к шее. Из кухни донеслось жужжание миксера. Харди уже надавил на бритву, и из-под нее потекла тоненькая струйка крови.

— Сука-бля, дату не поставил! — ослабил он нажим и начеркал последнюю строчку.

«28 января 2004 года»

Бритва выпала из руки, а из шеи уже фонтаном брызнула кровь, оросив собой зеркало трюмо и разворот дневника. Том, хрипя и хватаясь за горло, сполз на пол и распластался по ламинату из беленого дуба, залив и его своей наркоманской кровью.

Спустя несколько минут дверь в комнату сержанта открылась, и внутрь вошел Батлер, насвистывая под нос оглушительную незамысловатую мелодию. В руках он держал большой бокал с пышной шапкой сливок, украшенный бумажным зонтиком и долькой ананаса.

— Не серчай, что проштрафился, Томми… — заговорил Леонид.
— Бааатюшки! — завопил он так, что стены всей многоэтажки задрожали, когда увидел распластанного на полу друга в луже крови.

Бокал с коктейлем со звоном упал на пол, разбившись на триллиард осколков. Сливочно-ананасовая жижа полилась по ламинату, смешиваясь с кровью.

— Джейки! Скорее! Скорее! — эффектно выскочил бородач из комнаты и принялся безумно барабанить в дверь туалета.

— А? Что? — выглянула из уборной голова Джилленхола.

— Беда, Джейки! Скорее! — не унимался орать Леонид, оглушив всю фауну в радиусе пары километров.

Батлер вновь ринулся в спальню Тома, Джейк — за ним.

— Ебать! — охуел парень из шара, поскользнувшись на крови и Пина Коладе. — Леонид, быстро тащи сюда аптечку, кулинарные нитки и иглу… Томми! Томми! Ты меня слышишь?! Сейчас братишка все уладит…

Батлер пару секунд в растерянности потоптался сандалями по полу, но, после того как Джилленхол повторно пролаял свой приказ, ринулся на кухню. Буквально через несколько мгновений он прискакал оттуда с необходимыми вещами.

— Сонная артерия не задета, — выдохнул хирург из шара, ощупывая шею Харди. — Такой ты, Томми, конечно… Конченый… Разве так шею перерезают? У тебя вон, считай, уже почти вся кровь свернулась… Глубже надо резать… Ни один крупный сосуд не задел, зато, блять, глотку черканул… Ебать тебя в рот, Томми! Это ж надо! Теперь и не пожрешь нормально, пока все не заживет, — бредил Джилленхол, очищая рану от сгустков крови и ошметков Пина Колады, расплескавшихся тут и там.

— Джейки! Хватит языком уже чесать! — взвизгнул Леонид, глядя на нездорово бледный еблет сержанта.

— Все под контролем! Спешка ни к чему! — успокоил его Джейк. — Все, шьем!

С этими словами Джилленхол воткнул иглу в шею брата. Следующие пару минут он кропотливо трудился над порезом, накладывая стежок за стежком, Леонид же все это время сидел на трюмо, нервно кусая ногти и то и дело поглядывая через плечо Джейку.

— Ну, все! — провозгласил спаситель из шара, завязывая узелок на шее сержанта. — Почти как новенький! — довольно кивнул он и перегрыз нить зубами.

Парни переложили Харди на кровать и стали ждать, когда тот придет в себя.

— Я, сука-бля, в раю? — прохрипел Том, судорожно задвигав еще закрытыми глазами.

— Да, блять, в раю… — ухмыльнулся Джейк, склонившись над братом. — Суицидники не попадают в рай, Томми. Ты разве не знал?

— Я видел свет в конце тоннеля… — продолжал бредить сержант, с трудом приоткрыв глаза.

— Томми, это что это за дребедень ты устроил? — закричал Батлер, схватив друга за плечи. — Может объяснисси?

— Может ты объяснисси? — передразнил его Харди, убрав эффектные руки от себя.

— Яяя? Что-то, Томми, не вразумлюсь — я здесь с какого боку-припеку? — охуел Леонид, прикрыв рот плащом.

— Так, стоп, стоп, стоп! — просунул руки между друзьями парень из шара, останавливая конфликт. — Ты мне по телефону сказал, что у Батлера есть полчаса… На то, чтобы поздравить тебя с Рождеством? Так это был не наркоманский бред никакой? Хотя, о чем это я? Конечно, это он и был? Но ты, блять, серьезно?

— Нет, сука-бля, сержант шутки шутит! — покривил ебалом Том, которого до сих пор не отпустило.

— Томми! Да ты чай бредишь! — вскинул руки бородач. — Из-за того, что я не поздравил тебя с Рождеством, ты решил руки на себя налОжить?

— Точнее сказать, что не подарил мне подарок, сука-бля! — молол хуйню Харди, не желая отступать от бреда, вбитого в свою ебанутую голову.

— ??? — замахал руками Батлер, вылупив глаза до предела.

— ??? — вновь продемонстрировал пародию сержант, также замахав руками и как бы требуя объяснений

— Томми, да что за белиберда такая? Я ж чалилсси на зоне! — вскрикнул Леонид, гневно нахмурившись и вскочив с кровати.

— Не ебет! — отмахнулся Том, ощупывая шов на шее. — Вот ты чалился — однако свой подарок от меня получил, сука-бля!

— Какой такой подарок? — продолжал даваться диву Леонид.

— Свободу, сука-бля! Можешь подавиться ею, да уебывать из моей халупы! — дерзко махнул сержант ладонью в сторону двери.

— Аааах! — подпрыгнул от возмущения Батлер.

— Томми, хватит, ты несешь хуйню… — зашептал брату на ухо советник из шара.

— Не надо, Джейки, дай человеку высказаться, — перебил его лучший из барист.

— Да, а сержанту, сука-бля, больше и нечего сказать! — пожал плечами Харди.

— Ну, хорошо… Раз так, тогда скажу я… — скрестил руки на оголенной груди Леонид. — Во-первых, свободу мне даровал не ты, а Джейки! Ты-то что? Оплатил ему учебу? Да если б ты не жлобилси и отстегнул денежку сразу, то паренек бы уже давно отучилси, да сразу бы меня выручил, и не загремел бы я в тюрягу!

— Да-да… — закивал Джейк, подняв глаза к потолку.

— Во-вторых, Томми, я пока чалилси, только и думал, что же тебе эдакого подарить по освобождении, — продолжил Леонид, накинув криком на Тома плед. — Но не в честь этого твоего Рождества… И когда ж это сержант у нас в веру-то ударилси только… Непонятно… — осуждающе помотал бородой он. — Подарок я тебе хотел подарить просто так, в честь нашей с тобою дружбы!

Харди лишь подкатил глаза и скривил губы.

— Ну, и в-третьих, друг мой! Подарок я придумал, и, чтоб ты знал, он… Он… Он… — тыкал указательным пальцем в сторону Тома Леонид, не в силах подобрать слова от переполнявшей его обиды.

— Бомбический! — пришел на помощь филолог из шара. — Да, Томми, я знаю, о чем говорю. Леонид мне рассказал об этом бомбическом подарке! И — о, да! Ты бы его оценил! Ух, ты бы его оценил!

— Но! Теперь тебе не узнать, что это было вовеки вечные! — перебил его Батлер, уставившись на Харди уничтожающим взглядом. — С Рождеством, дружище! И с Новым годом! — подошел он к кровати и грубо похлопал Тома по плечу.

Затем Леонид не на шутку эффектно развернулся, взмахнув плащом, и удалился.

Сержант вновь подкатил глаза. Но, кажется, наркотики начали его потихоньку отпускать, и он почувствовал себя как-то неуютно.

— Ц-ц-ц, — осуждающе замотал головой Джейк. — Томми, Томми… Вот это ты нахуевертил — незнамо что…

— Чтооо? — подкатив глаза на максимум, спросил Харди. — Я считаю, что прав, сука-бля…

— Да ты бы уже лучше помолчал, — выставил ладонь вперед Джилленхол. — У тебя в голове творится абы что! Ты себе вдолбил в голову какой-то бред и не хочешь этого признавать!

— Это не бред, — уже менее уверенно стоял на своем сержант.

— Не бред? Ну раз так, то почему ты не обиделся на меня? М? Я же тоже тебе ничего не подарил, — вопросительно уставился на брата парень из шара.

— Ты был в тайге, сука-бля, — сам оправдал его Том.

— А Батлер был в тюрьме! Томми! Прекращай немедленно! Это уже перешло всякие границы! — воскликнул Джейк. — Ты, сука, облажался по-крупному и не

желаешь этого признавать! — отчеканил он, похлопав по левой ладони тыльной стороной правой ладони перед носом сержанта. — Перед нами обоими, Томми!

— Ой, пиздюк, хватит ебать мне мозги! — пытался свести тему на нет Харди.

— Замолчи! Я не давал тебе слова! — шлепнул его по губам Джилленхол. — Все это зашло слишком далеко! Ты не ведаешь, что творишь! Наркотики затуманили твой мозг, и они погубят тебя, Томми! Ты не знаешь меры! Ты себя не контролируешь!

— Да все я контролирую, — в пятьдесят второй раз подкатил глаза Харди.

— Ага, блять! Кто себя контролирует — тот не режет себе шею из-за того, что кто-то не подарил ему подарок на праздник, в который он даже не верит!

— Бла-бла-бла, сука-бля… — продолжал ерничать Том, забившись в агонии защиты.

— Ну, я так понимаю, тебя не переубедить? — цокнул Джилленхол. — Пусть так… Но ты бы подумал хоть о ком-то, кроме себя. Ты бы подох, да и все. А что бы было с Леонидом и вашим бизнесом? Что бы было со мной? Об этом ты не думал, а? — постучал он костяшкой пальца брата по лбу. — Не думаешь, что это не лучшая ситуация, когда два близких тебе человека, возвращаются домой с благими вестями, ждут радости, оваций и поздравлений от сержанта, а по итогу получают вот это вот все, — обвел он кроваво-коктейльную лужу на полу.

— Оваций, сука-бля… Еще чего вы ждали? — продолжал мракобесить Том.

— Томми, завязывай! И я сейчас не о твоей нелепой болтовне, — взглянул на него Джейк своими пиздатыми глазами. — Завязывай с наркотой, и как можно скорее. В следующий раз может быть слишком поздно.

Харди отвел взгляд в сторону, учуяв крупицу рациональности в словах брата. Но вида он подавать не хотел, поэтому подкатил глаза, аж до самого мозга, коего, кстати, у него отродясь не было.

— Я серьезно, Томми, без всяких шуток, разводов и приколов. Просто поставь себя на наше с Леонидом место. Представь на секундочку, что ты заходишь в комнату, а там в луже собственной крови и блевоты валяется твой лучший друг. Или я — твой младший братишка. Просто представь это на секундочку, и если ты еще не совсем проебал свой разум, то все сразу встанет на свои места.

Том поджал губы, опустил взгляд и начал представлять. Джейк же встал с кровати и направился к выходу.

— Знаешь, как я испугался, что потеряю тебя… — остановился он в дверном проеме и обернулся. — Прошу тебя, завязывай…

Через полчаса в гостиной.

— Леонид, да хватит тебе! — хватал плащи Батлера Джейк и выбрасывал их из чемодана. — Ну перебрал человек, ну с кем не бывает. Я тебе обещаю, что его отпустит, и он поймет весь бред происходящего!

— Да хай он понимает, что хочет! — рявкнул Леонид, положив криком все плащи обратно. — Это все было слишком…

— Кхм, сука-бля, — послышался позади неузнаваемый голос.

Но парни все же сумели понять, кому он принадлежит. У холодильника, переминаясь с ноги на ногу, стоял Том. Кажется, за это время он все же слегка посвежел, однако в душе так и остался ебанутым дегенератом.

— А вот и он! — подлетел к нему ястреб из шара и приобнял за плечи. — Думаю, вам стоит поговорить.

Леонид задрал нос выше некуда и продолжил паковать вещички.

— Пацаны, сука-бля, простите, а? Сержант облажался по-крупному, как вы и сказали, — начал пламенную речь Том, теребя себя за ебало.

Так битый час Харди молил извинить его, твердил, что он нехило нахуевертил, утверждал, что пошел по кривой дорожке и полил себя порцией отборнейшего дерьмища. Также пообещал, что будет делать все, чтобы

загладить вину и обещал исправиться и слезть с наркотиков.

— Ладно, Томми, давай замнем уже эту тему, — изрек Батлер, по окончании клятв друга.

— Да, Томми, проехали, — улыбнулся Джейк. — Со всеми бывает…

— Спасибо, сука-бля, пацаны… — похлопал Харди по плечам подошедших к нему Батлера и Джилленхола. — Сержант, постарается оправдать ваше доверие.

— А теперь все же предлагаю вернуться к нашему яблоку раздора, — сказал парень из шара, провернувшись к Леониду. — Давай, расскажи ему о своем подарке.

— Да не надо мне никаких, сука-бля, подарков…

— Нет, нет, Леонид, расскажи, — стоял на своем парень из шара.

— Ну, хорошо, — пожал плечами Батлер. — Значится так, пока я топтал зону, то придумал одну диковинку для тебя. Мой авторский коктейль. Специально для тебя.

Харди виновато опустил взгляд.

— А знаешь, как я его назвал? — продолжил бородач. — В честь тебя, между прочим.

Сержант вопросительно посмотрел на друга.

— Пина Харди! — воскликнул Леонид. — Хотя следовало назвать ее Пина Мерзавец! Потому что ты, Томми…

— Да, я понял — я мерзавец, — покачал головой сержант, подкатив глаза.

— Давай-ка, дружище, наведи по-быстрому Пина Харди для Томми!
— затараторил Джилленхол, ехидно улыбнувшись.

— Но ты же сказал… — поднял вверх указательный палец Батлер.

— Просто наведи, — выставил вперед ладонь Джейк. — И нам заодно.

Леонид пожал плечами и принялся за работу. Через несколько минут перед сержантом на столе стоял восхитительный коктейль с пышной шапкой сливок, украшенный бумажным зонтиком и долькой ананаса.

— Сука-бляяяя, — протянул Том, учуяв манящий аромат. — Леонид, спасибо! Это лучший подарок, я его не заслуживаю…

Харди поднес трубочку ко рту, предвкушая ебейшее наслаждение от напитка, закрыл глаза и приготовился сделать первый глоток.

— А-а-а, Томми! — вдруг выхватил бокал из его рук Джилленхол. — Тебе нельзя! Ты что — забыл, что только пару часов назад перерезал себе глотку?

Сержант захлопал глазами, метая охуевший взгляд с брата на друга.

— Минимум месяц без еды, питаться будешь внутривенно, — похлопал его по лысине Джейк.

— Сукааа, — простонал Том и уронил голову на стол.

— Ну что, будем, Джейки, — поднял бокал с Пина Харди Леонид.

— Будем! — натянул торжествующую улыбку парень из шара и стукнулся с Батлером своим коктейлем.

Глава 74: Старт-ап

Так и побежали дни, недели, месяцы… Сказать, что они были трудными для Тома — это не сказать ничего! Это был просто ад какой-то! По началу, парень твердо решил завязать с наркотой, ведь пообещал об этом брату и другу, а нарушать слово — ну… Такое… Но в необсаженную голову сержанта сразу же начинали врываться хуевые воспоминания из прошлого, осознание ебаного настоящего, а также предвкушение обдроченного будущего. Из-за этого Том зачастил впадать в депрессии, которые нередко заканчивались показушными попытками суицида перед Джейком и Леонидом, дабы те немедленно бросили все свои дела и уделили время бедному и несчастному сержанту.

К слову, один раз Том так заигрался, что и впрямь чуть не убил себя, набрав в шприц куриного бульона, коим питался, пока глотка не зажила, и въебал его содержимое себе в вену. Парень думал, что нихуя страшного не случится, но вместо этого загремел на пару недель в больницу, где и был подсажен любезными докторами на морфий. После первого же его употребления душевное состояние Харди начало улучшаться ни по дням, а по часам. И тогда сержант понял, что без наркотиков, скорее всего, он никогда не сможет быть более-менее уравновешен. Посему Том вновь пришел к потреблению запрещенных веществ, но старался больше не ебашить их дуром, дабы не впадать в состояние неадекватного конченого еблана.

Потихоньку, помаленьку, Том стал вбиваться в русло нормальной жизни, не выкидывая разного рода фокусов. Он даже сам пригласил Джейка принять участие в их с Батлером бизнесе. Ясное дело, Джилленхол согласился и стал заниматься не только черной бухгалтерией и юридическими бумажками «Батлер и друг», но и лично торговал наркотой в подворотнях Сиэтла, пойдя по стопам брата и получив звание «драгдилер месяца».

В свою очередь, сам сержант Харди начал думать, куда бы ему выплескивать вспышки неконтролируемой агрессии, чтобы больше не обижать близких ему людей. Том долго думал, кумекал, размышлял и пришел к выводу, что ему стоит заняться наемными убийствами. Ну, а что? Людей он уже и так много убил за свою жизнь, уже хуже и не будет на высшем суде. Хотя, что ему Божий суд, когда сержант-то наш — атеист! Ну, давай-давай, убивай, наемник хуев! Смотри только кресты больше в честь убиенных не бей, а то забьешься до такой степени, что и мать родная не узнает, встретив тебя на какой-нибудь ежегодной фермерской ярмарке!

Никто и глазом моргнуть не успел, как лист календаря был перевернут, и на порог ворвался обескураженный май.

— Томми, а куда ты собираешься? — уселся за стол Джейк, поставив перед собой кружку с какао и громко его отлакнув.

— Да петушару одного заказали, — пояснил за дело сержант, застегивая бронежилет. — Сейчас, сука-бля, по-быстрому ебну его, да вернусь. Можем пивка попить, пиздюк, или в бар сгоняем…

— Стоп, Томми, подожди, — остановил его жестом ладони Джилленхол. — Я давно хотел с тобой поговорить, но не знал, с чего бы начать… Кажется, сейчас очень подходящий момент. Но ты сразу не отметай мою идею, ибо я считаю, что она — бомбична!

— Ну, и что, сука-бля, за идея, — дерзко уселся за стол Харди и закурил. — Давай только быстрее, Джейки, мне уже пора выдвигаться.

— Ну, вот ты убиваешь людей, так? Это же плохо, Томми…

— Так, я понял! Понял! — раздраженно ударил ладонью по столу сержант и резко встал с места. — Мне вот свои домыслы религиозные нехуй втирать.

Сержант в эту дрочь не верит и не планирует вестись на нее!

— Ну почему ты решил, что речь пойдет о религии?! — нравоучительно упер руки в бока парень из шара. — Сядь, дослушай и не перебивай, будь так любезен! Еще ничего не знаешь, а уже орешь! Разве мама не учила тебя…

— Ладно, говори, сука-бля, — подвигал желваками Харди, перебив брата, и сел обратно.

— Короче, — сложил руки замком Джейк, положив их на стол. — Вот ты убиваешь человека, тем самым забирая у него жизнь. И все же кто ты такой, Томми, чтобы это делать — решать за жизни созданий Божиих? — посмотрел он на брата, глаза которого гневно вылезли из орбит. — Подожди, не перебивай! Сейчас будет самое интересное… А что если, мы будем не убивать заказанных, а… — сделал он интригующую паузу. — Продавать! — радостно воскликнул продавец душ из шара, расплывшись в улыбке довольного младенца, взбухшие десны которого были смазаны коньяком.

— Чего, сука-бля, чего?! Продавать?! — охуел Том. — Да ты вообще здрав, пиздюк?! Что за бред?!

— Ну, бред, не бред, а дело это неплохое, — неоднозначно покривил ебалом Джилленхол. — Вообще, эта идея зародилась в моей голове уже давно. Помнишь мы с тобой были в Египте? Так вот, когда я увидел пирамиды, то сразу смекнул, что Фараоны были великими правителями! Ничего себе, подумал я, как же пацаны смогли добиться такого успеха, отстроить себе такие дома…

— Пирамиды — не их дома, сука-бля… — пояснил за историю древнего Египта Харди.

— Не думаю, что это так важно! — перебил его брат. — Ну, так вот. Понаслушавшись историй от местного гида, а затем пробравшись в пирамиду и рассмотрев множество рисунков на ее стенах, я понял, что ключом к успеху Фараонов были кто? Правильно, Томми, рабы! Именно рабовладение и работорговля помогли им стать теми, кем их знают и помнят сейчас — великими, мудрыми правителями! Так чем же хуже мы, братишка? Нет, сами мы с тобой рабов иметь не будем, но вот продавать… Хм-хм-хм… Кажется, это не на шутку обогатит нас!

Сержант Том лишь в недоумении рьяно зажестикулировал руками и захлопал ртом как глупая рыба, не веря в слова, произнесенные братом.

— Ты думаешь это бред? — приподнял пышную бровь Джейк. — Сейчас я расскажу тебе обо всех плюсах, Томми. Ну, во-первых, это плюс материальный. Мы с тобой получаемся в двойном наваре, ибо берем денежку за заказ на убийство, а потом за продажу заказанного человека. В итоге все счастливы. Во-вторых, плюс моральный. Еще раз говорю, кто мы такие, чтобы отбирать жизнь у человека? А тут, получается, мы его как бы продаем и уже не в ответе за его дальнейшую судьбу, а значит, наши руки чисты! Даже получается, что кто-то заказал его, хотел отобрать жизнь, а мы с тобой даем второй шанс! Кто знает, может раб хорошо устроится и у него будет жизнь в сто раз краше прежней!

— Я, сука-бля, хуею… — хлопнул себя по щеке Харди, возмутительно покачав головой.

— Вот еще что! — поднял вверх указательный палец Джилленхол. — Перед тем, как предложить тебе эту охуетительно пиздатую идею, я промониторил сей рынок, поговорил с людьми, которые варятся в этом бизнесе ни один год, и могу сказать одно — дело это ну пиздец какое прибыльное! Один парень из Чарлстона целый год промышляя работорговлей, скаканул по карьерной лестнице от простецкого фермера с бахчи до директора рынка, представляешь?! И это не обычная история с какого-то форума! Мой друг Джесси свел меня с ним, и мы пару дней общались об этом по электронке… Кстати, Джесси считает, что с этим делом должно попереть! Он хоть и обычный наркобарыга, но сказал, что у них в Альбукерке многие срубили на этом очень

много денег…

— Джесси, сука-бля, Джесси! — перебил Том. — Ты что мелешь, пиздюк?! Джесси, блять, сказал ему! Он вообще кто? Интернет-друг?! Ты его даже и не видел никогда! Что за хуйню ты мне тут пронес сейчас?!

— Ну и что, что не видел! — превратился в дружелюбную сову Джейк. — Дружба не имеет границ, Томми! Можно быть охуенными друзьями и на расстоянии, и даже не видя друг друга! Главное, чтобы ваши души были родственными!

— Все, сука-бля, достаточно! — осадил его Харди. — Я не могу больше слушать всю эту чепуху! Это бред, Джейки! Ты бредишь, прямо как твоя мамаша! Что блядь в свое время придумывала всякие дебильные идеи то с маской, то с шаром, что ты теперь с этим рабством! Немедленно выброси из головы все это!

— Но это мои мечты! — воскликнул возмутительную хуйню парень из шара. — Почему тебе можно вносить что-то новое в бизнес, а мне нет? А быть наемником не бред? Чем это лучше моего варианта? Пойти и убить человека — просто и банально, а вот придумать, как его продать и куда — вот это уже интересно!

— Убить человека просто и банально?! — ебанулся от услышанного Том. — Да ты, сука-бля, издеваешься надо мной, петушара?! Ты хоть знаешь, что это такое? Каково это — в первый раз кого-то убить?! Я чуть с ума не сошел, когда со мной это случилось! И ты так беззаботно говоришь про это! Ты даже и представить не можешь, какие чувства были бы у тебя на душе, убей ты человека! Ты бы не только забыл о всех своих навязчивых ебаных идеях, а вообще бы охуел от содеянного! Просто и, сука-бля, банально! Ну, надо! Сержант в ахуе!

— Такой ты, бля, Томми… — превратился в надменную собаку Джилленхол. — Выстроил себе какой-то мир, придумал в нем каноны и совсем не желаешь отступаться от них… Не все в этой жизни так, как считаешь ты, брат…

— Пиздюк, — спокойно заговорил Том. — Ты просто пойми — все это тебе не нужно. Ты хороший добрый парень. Я же уже — конченая мразь. Нахуя тебе лезть незнамо во что? Ты пойми, для тебя куда лучше будет поступить в колледж, дабы…

— Дабы что? — усмехнулся абитуриент из шара. — Слушай, Томми, а не ты ли в свое время орал, что сам в праве выбирать, как тебе жить? Не ты ли сбежал от отца, дабы он не решал за тебя? Так почему же ты не даешь мне права выбора? Почему просто не поможешь мне реализоваться так, как я хочу этого сам?

Повисло неловкое молчание.

— Ладно, сука-бля! Ладно! Я обещаю, что попробую раскрутить тебе эту обдроченую идею, но с одним условием! Сейчас ты пойдешь на заказ со мной и ебнешь человека! Раз считаешь, что все это так просто. Ммм? По рукам? — приподнял шрамированную бровь Том, посмотрев на брата.

На самом же деле Харди был уверен — Джейки хороший мальчишка и совсем не такой конченый мудак, как он сам. И уж точно Джилленхол не способен убить человека. Том надеялся, что, оказавшись со смертью с глазу на глаз, его брат поймет, какого это — распоряжаться чужими жизнями. Поймет, как дорого стоит его собственная и что у него есть нехилые шансы, добиться чего-то более стоящего, чем все это дерьмо.

— Ну, хорошо! — хлопнул в ладоши наемник из шара. — Тогда, в путь?

На том и порешали.

Спустя пару часов на одном из складов в порту Сиэтла.

— Отпустите! Я ничего и никому не сделал! Что вы задумали? — бубнил с кляпом во рту некий мужчина, заказанный Тому незнамо кем.

— Ну, сделаешь это? — усмехнулся Харди, вложив в руку дуло «беретты» и

протянув ее брату.

— Но это прям точно-точно, что если я это сделаю, то ты не откажешься от своих слов и мы попробуем похуевертить с работорговлей? — взял пистолет за рукоятку Джилленхол.

— Точно-точно, — положительно моргнул Харди, отпустив «беретту».

— Хотел только по нашему новому бизнесу еще один вопрос накинуть, — опустил пиздейше синие глаза на пистолет парень из шара, сняв его с предохранителя.

— Вот убей его сначала, а потом сержант сразу же выслушает твой вопрос, — подкатил глаза Том. — Давай, пиздюк, ну же…

— И не будешь меня перебивать и говорить на отвлеченные темы? — прищурено посмотрел на брата Джейк.

— Нет, не буду, — облизал пышную нижнюю губу сержант, предвкушая скорую драму Джейка.

— Ну, дядя Джейк ловит тебя на слове! — беззаботно пожал плечами Джейк, развернулся и, без каких-либо зазрений совести, выстрелил привязанному незнакомцу прямо в лоб. Ясное дело, мужик тут же обмяк на стуле, а его глаза навеки закрылись. — Ну, а теперь мой вопрос!

— Какого хуя?! — завизжал Том, схватившись за лысину. — Ты убил его!

— Ну, а разве не этого мы добивались? — возмущенно упер руки в бока убийца из шара.

— Сука-бля… Да как так-то… — лепетал Харди, не веря своим обычным серым глазам. — Ты… Джейки… Ты и глазом не моргнул… Ты убил его… Убил…

— Ой, и что?! — продолжил свои возмущения бессердечник из шара. — Да люди тысячами умирают по всей планете за одни только сутки! Одним больше, одним меньше… Не думаю, что это вообще сейчас важно! Ты обещал, что когда я его убью, то мы кое о чем поговорим! И обещал не перебивать и не отводить тему! Скажешь не было такого?

Сержант же Харди присел к трупу на корточки и зачем-то стал искать на его коченеющем запястье пульс. Но чуда не произошло — человек и впрямь был мертв. А это значит, что Джейк… Джейк Джилленхол… Убийца?! О, Боже!

— Сука-бляяяя… — простонал Том, закурив сигарету и не отрывая взгляда от тела.

— Так вот, перейдем к моему вопросу, — продолжил втирать дичь парень из шара. — Хотелось бы уточнить, какой процент мужчин среди заказываемых, а какой женщин? Ммм?

— Чего, сука-бля?! — продолжал охуевать Том, впав в состояние ничего не соображающей амебы.

— Я говорю процентное соотношение мужчин и женщин какое среди заказываемых на убийство? — раздраженно повторил вопрос Джейк.

— Аааам… Ээээм… — мямлил Харди. — Нууу… Вообще, я только мужчин убиваю… — проверил он пульс и на шее трупа.

— Ну, так дело не пойдет, — опустил уголки губ ниже некуда Джилленхол. — За девочек, порой, можно куда больше выручить. Так что, теперь бери заказы и на них, хорошо?

— Но… Сука-бля… Как-то неприлично… — бредил Том, достав из кармана кулек амфетамина и в секунду обнюхался им до неузнаваемости. — Женщины, они ж, сука-бля, слабее… Негоже их продавать… Да и убивать… Наверное… Ну бить точно нельзя, сука-бля…

— Томми, послушай меня, — схватил брата за плечи Джилленхол. — Никто не собирается их бить, усек? Да и вообще, с чего ты взял, что они слабее? Большинство из них — те еще суки! Вот, например, вспомни нашу блядскую мать! Вспомнил? Да какой нормальный мужчина смог наделать столько ужасных дел?! Так что нечего делить никого по половому признаку! Все мы равны! Так

что давай и девочек бери на убийства, да покрасивше! За них дадут больше!

— Ладно… Я понял… Понял… — бормотал Том, впав от всего происходящего в ступорную депрессию. — Но только не бить, чтоб, сука-бля, точно…

— Да конечно точно! — приободряющее пихнул его в плечо Джилленхол. — Ну что, домой? Под пиво обсудим нашу новую ветку бизнеса?

Так и начали заниматься продажей людей два брата — один конченый, второй не очень. Кто из них кто? Для каждого — своя правда.

Джилленхол, по венам которого ходила частично еврейская кровь, за неделю сколотил нехуйственную схему по продаже людей. И уже со следующего заказа на убийство был продан первый человек. Куда? А разве это важно? Важно лишь то, что Джейк показал себя отменным торговцем, да и вообще бизнесменом. Настолько четко и слаженно он все продумал и сделал! Том Харди не на шутку загордился братом, хотя, по правде сказать, вся эта ебала ему и не нравилась, но видеть огонек счастья в глазах брата — было превыше всего!

Сержант даже решил сделать брату небольшой подарок, тем самым показав ему, что будет поддерживать его всегда и во всем. Скрепя сердце, Том обратился к одному своему русскому знакомцу, который также, как и он, барыжил наркотиками по Сиэтлу. Звали этого человека — Леонид Агутин. Лёня раз в сезон ездил на родину, прикидываясь невъебенным музыкальным продюсером. Там он нанимал всякий талантливый сброд, перевозил в Штаты и делал из них талантливых нарко-барыг. Том же попросил у Леонида, дабы тот время от времени подыскивал людей и для него с братом. Не обязательно талантливых — главное девочек, и чтобы только не совсем адекватных. Дабы не так жалко было продавать их. Ибо на вряд ли неадекватная особа добьется чего-то нормального в этом мире, ведь так?

Вот так вот и закрутилось. Вот так вот и завертелось.

Глава 75: Костюм

01 августа 2004 года.

Сегодня у Тома и Джейка выдался выходной, и братья решили провести его по-семейному. С самого утра ребята отправились покататься в парк на скейтах, затем покушали мороженого в ресторане на верхушке Спейс-Нидл, постреляли в местном тире, после чего устроили дома турнир по бодалкам. При всем при этом парни не забывали не только курить травку для расслабления, но и нюхать кокаин для бодрости. Прободавшись несколько часов кряду, братья нехуйственно утомились и решили заняться чем-то спокойным, например — настольными играми.

— Что, сука-бля, за шляпа?! — охуел Харди, проскакав фишкой-шляпой-цилиндром на очередную клетку. — Сержант опять присел в тюрьму?!

— Ну, таковы вот правила «Монополии», — взял кубики Джейк, положил их в рот, потряс и выплюнул прямо на игровое поле. — О! Две шестерки! Круто! — взял он фишку-собаку и потопал ею, вслух считая до двенадцати.

— Ты блефуешь, пиздюк! — резко взорвался Том, схватив брата за грудки и повалив животом на стол. — Кто позволял пихать кости в рот?! Перекидывай! Быстро, я сказал! Я не люблю! Когда нарушают правила игры! — схватил он из коробки свод правил монополий и тыкнул их брату в нос. — Где сказано, что можно кидать ртом?!

— А где там сказано, что нельзя? Где написано, что кидать следует только руками?! — затявкал Джилленхол, включив в себе юриста.

— Беда! Беда! — прервал братский спор Олег Табаков, просочившись в еврочетырешку.

— Сука-бля, ебло! Какого хуя ты опять открыл мою квартиру своими ключами?! Это теперь моя личная собственность, а не твоя, Олег! — возмутился Харди при виде толстого соседа.

— Ребятушки, беда! — проигнорировал возмущения сержанта Табаков, рухнув на колени и сложив ладони у груди. — Помогите, Христа ради!

Не успели парни никак отреагировать на душераздирающие вопли Табакова, как в квартиру ввалился и обескураженный Киану Ривз в окружении ошеломленной голубиной стаи.

— Олег, прошу, успокойся, мы что-то придумаем! — кинулся он к свекру и дал испить ему валерьяны из трубочки, тянущейся от пластиковой бейсболки на его голове.

— Да что тут придумать? Что придумать? — потерянно замурчал Табаков, отглотнув кошачьей наркоты. — Все, это конец!

— Да кто-нибудь объяснит, что тут, сука-бля, происходит? — психанул Том, отпустив брата и перевернув игровое поле, вместе со столом, на котором то располагалось.

— Очевидно, беда, Томми, — цокнул Джейк, потирая шею в том месте, где держал его Харди. — Вечно ты… Хоть бы раз послушал, что люди тебе говорят.

— Олег, присаживайтесь и давайте уже все по порядку, что стряслось? — учтиво заговорил Джилленхол, помогая подняться с пола пухляку и усаживая его на диван.

— Давайте лучше я, наверно, — сказал Киану, успокаивающе похлопывая свекра по желейному плечу. — Ух, даже не знаю… Это, конечно, просто кошмар какой-то… Врагу не пожелаешь.

— Да ёб твою мать! Вы уже расскажите хоть что-нибудь, петушары! — завизжал Харди, словно проститутка с синдромом Дауна.

— В общем… Наш Том, ну тот что мой муж и сын Олега… — начал Ривз, закинув в рот горсть пшена и стал с хрустом его пережевывать для птенцов в

гнезде под его бейсболкой. — Ох, даже говорить об этом сложно… У нас хоть и не ладилось с ним в последнее время, но все же он мой муж. Такую историю даже про постороннего человека рассказать жутко, а тут…

— Может уже к сути, сука-бля? — жестом предложил Том и закурил.

— А я сразу говорил, что мотоцикл — хуевая идея! — схватился за голову Киану. — Боже! Почему я его не остановил! Олег, прости меня, я должен был его отговорить!

— Что ты, что ты! Ты не в чем не виноват! Том всегда был таким импульсивным, если что придумает, то все — пиши пропало… — горестно замотал головой Табаков.

— Мы вам не мешаем, сука-бля? — вскипал сержант, ведь уже до усрачки хотел услышать эту многообещающую историю.

— Томми, хватит! — шикнул на него Джейк. — Они же сказали, что у них беда, дай людям время. Знаешь, как сложно людям справиться с эмоциями.

— Но, кажется, кое-кто, сука-бля, хотел попросить у нас помощи! — развел руками Том и затушил бычок о свод правил Монополии, который тотчас вспыхнул. — Может уже пора помогать, а не слушать все эту ебалу, — состроил он свой фирменный еблет и стал затаптывать берцем пожар.

— Да, да, простите, просто все это так ужасно… — вытер слезы голубиным крылом Ривз. — В общем, знаете эти истории, как в авариях мотоциклистам отрывает головы?

— Нууу… — хором протянули братья — кто охуевше, кто заинтригованно.

Олег Табаков протяжно застонал, а Киану покрепче приобнял его за плечи.

— Так и случилось с нашим Томом… Богом коварства и обмана… — трагично вздохнул Ривз и выплюнул пережеванное пшено себе в ладонь.

— О мой Бог! — вскинул к потолку пышные брови Джейк. — Так что нужно? С похоронами помочь? Мы с Томми, конечно, поможем…

— Да ты что! Типун тебе на язык! — взвизгнул Олег, трижды поплевав через левое плечо, затем трижды перекрестившись.

— Я не понял… Не понял, сука-бля… — нахмурился и одновременно приподнял шрамированную бровь Том, скривив ебало до неузнаваемости. — Он жив, сука-бля? Это как, нахуй?

— Дело в том, что голову оторвало не до конца, — пояснил за мужа Киану. — Она осталась висеть на небольшом слое кожи и связок. Сейчас он в реанимации, врачи сотворили чудо и спасли Тома, пришив голову на место и скрепив все скобами. Но теперь он будет прикован к больничной койке навсегда! Он не может ни вставать, ни есть, ни даже дышать самостоятельно! Дышит с помощью аппарата ИВЛ, питается внутривенно.

— Куриный бульон пожрет, сука-бля! — рявкнул Харди. — Мы-то тут причем — я не понял!

— Мы все же надеемся, что есть некий выход… — опустил уголки глаз Ривз. — Шанс, если не зажить полноценной жизнью, то хоть встать на ноги и вернуть основные навыки.

— Мы тут причем, сука-бля? — повторил вопрос сержант.

— Ну мы подумали, что может у вас есть где-нибудь какие-нибудь связи… Может, какие-то специалисты, или клиники… — растерянно лепетал хуйню Киану.

— Мы что, сука-бля, похожи на больных или на врачей? Откуда у нас должны быть такие связи? — недоуменно расставил руки в стороны Харди. — Я — мусор, а он вообще пиздюк! — махнул Том в сторону брата, который, не моргая, прищурено смотрел в стол.

— Юрист… — задумчиво протянул Джейк, подняв указательный палец, но не поднимая синих глаз. — Не может дышать самостоятельно… Хм… — забормотал он, почесывая подбородок.

— Поебать, кто ты! — отмахнулся от него Харди. — Короче, пацаны, сержант бы, сука-бля, с удовольствием помог, но хуй поймет чем, — положил он руку на левую сторону груди.

— Эх! — всхлипнул Киану. — Да мы, собственно говоря, и не надеялись сильно, просто ищем хоть маленькую ниточку надежды, за которую можно было бы зацепиться…

— Просто ты, Том, частенько нас выручал из всяких передряг, — замурлыкал Табаков. — Мы и подумали — ну чем черт не шутит! Ну вот, а вдруг!

— Ну… Сочувствую, сука-бля, — состроил свой фирменный еблет сержант.

— Да-да, мы с Томми сочувствуем! — подскочил с места Джилленхол и кинулся к Олегу и Киану. — Идемте, я вас провожу… Все это ужасно и трагично…

Джейк поднял их с дивана и стал подталкивать к выходу.

— Еще раз — соболезнования от сержанта. С похоронами если что — поможем, сука-бля, — пизданул бессердечную хуйню Харди, сложив пальцы кольцом.

— Не слушайте моего брата — у него кретинизм, — махнул в сторону Тома Джейк и вывел Табакова и Ривза из еврочетырешки.

Втроем они спустились на один лестничный пролет вниз, где Джейк схватил обоих за запястья, притянул поближе и заговорчески зашептал.

— Сразу говорю — об этом никому ни слова! Особенно ему! — махнул он головой в сторону покинутой ими только что квартиры. — Есть у меня кое-какие связи… Думаю у вашего Тома есть шанс на исцеление…

Олег и Киану взволнованно и непонимающе уставились на парня из шара, ожидая явок и паролей.

— Сначала поклянитесь, что, в случае чего, никому не расскажите кто дал вам ее адрес? — строго прищурил свои синие глаза Джейк.

— Ее? О ком речь? — охуели хлеще некуда самогонщик и хакер.

— Сначала поклянитесь! — прорычал, шепча сквозь зубы, Джилленхол.

— Клянемся… — закивали в ответ Олег, Киану и его голуби.

— Ой и еще! Это даже еще важнее! — стукнул себя по лбу растяпа из шара. — И ей самой даже не вздумайте говорить о нас с Томми! Клянитесь! Здоровьем своего Тома!

Олег и Киану переглянулись. Повисла неловкая клятвенная пауза.

— Клянемся… — в унисон сказали они спустя минуту раздумий.

Спустя два дня. Нампа, штат Айдахо.

Мэрил Стрип сидела на полу посреди своей кухни и выливала в рот последние капли прокисшего вина, когда раздался стук в дверь.

— Джейк! Мой маленький Джейк! — еле перебирая конечностями, подскочила она и ринулась открывать.

— Добрый день, мэм, — поприветствовал ее парень с переносной голубятней под мышкой. — Меня зовут Киану Ривз, а это — мой свекр — Олег Табаков, мы прибыли сюда, чтобы просить вас о помощи.

Табаков улыбнулся и протянул Мэрил полную ладонь.

— Где Джейки? — прищурилась женщина, шныряя взглядом туда-сюда в поисках блудного сына из шара.

— Джейки? — замялся Киану и тут же получил толчок в бок от Олега. — Ах, Джейки! Ну да, точно! Мы совершенно не знаем никакого Джейки! Вообще не одного! Ни одного парня с таким именем в нашем окружении нет, — нервно затараторил он и не придумал ничего лучше, как открыть мобильную голубятню и выпустить голубей в лицо мисс Стрип, дабы переключить ее внимание.

— Что происходит? Кто вы? Что вам нужно? Откуда вы знаете мой адрес? — накинула вопросы Мэрил, отмахиваясь от голубиной стаи.

— Мы уже представились. Пришли мы к вам за помощью, а ваш адрес у нас… Пробили по базам, — неуверенно пояснил Ривз, приглашая голубей вернуться в свое временное жилище.

— Каким еще базам? — недоверчиво спросила пьяная дама, поправляя на голове квадратный академический колпак с кистью из биометалла.

— По базам ученых, — пизданул Киану, шныряя взглядом из стороны в сторону.

— Может пройдем и обсудим все внутри? — мяукнул Олег и достал из-за пазухи виноградную наливку собственного производства.

Мэрил смерила бутылку пожирающим взглядом и впустила мужчин в дом, где сразу достала из кухонного гарнитура рюмку. Табаков тут же наполнил ее, а Мэрил вмиг опустошила и подставила для новой порции.

— Так откуда вы обо мне узнали? — повторила вопрос мисс Стрип, кажется, не трезвевшая с дня ухода Джилленхола.

— Нууу… Мы прочитали о вас в научных журналах… — замямлил Киану, присев на мобильную голубятню. — Там было несколько публикаций о ваших работах, изобретениях, диссертациях…

— Ооо, да! Раньше обо мне часто печатали в передовых научных изданиях! — восторженно хлопнула в ладоши Мэрил и прокружилась на месте, несмотря на то, что не публиковала свои научные труды никогда и нигде. Ведь все они были основаны на биометалле, рецепт которого женщина держала в строжайшем секрете. К слову, этот рецепт был разработан ею в годы обучения в Калифорнийском технологическом университете, что в Пасадене, штат Калифорния. Ну, как разработан… Мэрил и сама точно не помнит, как вывела эту формулу, ведь в тот день перебрала на студенческой вечеринке. Она не помнила ни как добралась до своего кампуса, ни до своей комнаты, ни даже как уснула за письменным столом. Но когда с утра она проснулась в луже собственной блевоты, перед ней на столе лежала тетрадь, где на первой странице была престранная формула, на первый взгляд абсурдная и будто написанная каким-то безумцем. По началу девушка решила, что по пьяни вместо заданной на дом работы по «химии сплавов» нахуевертила незнамо что. Но, разобравшись в написанном, мисс Стрип не то что охуела — ебанулась! Так и слетела с катушек. Но это уже совсем другая история, может и она будет однажды рассказана.

— В общем, мэм, мы подумали, что вы могли бы нам помочь, учитывая ваши возможности и огромный багаж знаний, — виновато опустил уголки губ Киану, ведь сомневался в адекватности этой затеи.

— Ладно, парни! У вас есть пара минут, чтобы меня заинтересовать! — махнула рукой Мэрил, достав из лифчика пачку Мальборо и закурив. Ба! Мисс Стрип! Неужели вы по сей день храните ту пачку, оставленную много лет назад в вашем доме Бенджамином Джилленхолом? Или… Все же, когда вы заставили сына курить, это были ваши сигареты? Впрочем, это было ясно и тогда. И в таком случае, не кажется ли вам, что вы поступили с ребенком, как двуличная сука? Ах да! Вы же она и есть!

Только Киану хотел открыть рот, чтобы поведать историю Тома Хидлстона и его головы, как мисс Стрип затараторила вновь.

— Вообще, в последнее время я немного отошла от науки, да и многие годы моей профессией было материнство, и все свои знания я использовала лишь в этом направлении. Но теперь! Время научных открытий! — засмеялась она, хлопнув в ладоши.

Мэрил, вас не узнать! Вы так бодры и веселы! Что с вами? Ощущение словно вы… Хм… А вы случайно не находили ничего в декоративной вазе на заднем дворе? Кажется, так оно и есть… Вы хоть знаете, что это был кокаин, который туда подкинул ваш сын? Что говорите? Вы смешали его с биометаллом? И при

чем тут это?

Киану и Олег рассказали трагическую историю о мотоцикле и потерянной голове, Мэрил же Стрип, то и дело перебивала их, хохоча и отшучивая неуместные шутки о самках богомола. Гости уже начали задумываться, а тот ли адрес дал им Джейк, или может это и вовсе развод какой-то.

По завершении истории повисла напряженная научная пауза. Затем, не говоря ни слова, мисс Стрип сорвалась с места и рванула на второй этаж, откуда вернулась через минуту с кипой каких-то журналов.

— Выбирайте! — бросила она на стол стопку комиксов.

— Чего? — охуели, не поняв, Ривз и Табаков.

— Вы понимаете, в моей светлой голове, пока вы рассказывали, уже родилась вся конструкция, которая скрепит голову с телом, восстановит разорванный спиной мозг и регенерирует нарушенные нервные окончания, — рьяно жестикулировала Мэрил, заливая в себя из горла пойло Олега. — Но должна быть оболочка! Без нее это будет выглядеть… Ну, так… Не презентабельно! Понимаете?

— Не совсем… — промямлили мужчины.

— Ну вот смотрите! К примеру, телевизор, или тостер, или вот телефон! Без корпуса это набор проводов, микросхем, транзисторов и прочей несимпатичной ерунды! Чтобы вещь вошла в обиход, надо чтобы она вписывалась в окружающее пространство! — несла несусветную дичь женщина. — Нужен, так скажем, дизайн-проект!

— Эээм… Но Том, может выглядеть просто как Том… Он вполне симпатичен и прекрасно вписывается в окружающее пространство, — непонимающе развел ладони в стороны Киану.

— Милые мои! — саркастические улыбнулась мисс Стрип, сложив руки замком у груди. — Вы не вполне понимаете, о чем речь… То, что я сделаю для этого вашего… Тома… — поморщила она носом. — То, что я сделаю — превратит его в набор проводов, микросхем и транзисторов. От самого Тома мало что останется!

— Он что, никогда не станет прежним?! — хором обомлели Киану и его дражайший свекр.

— Только внешне, — подкатила глаза ученая блядь. — Внутри он останется все тем же ублюдком… Ладно! Вы выбирать будете? Иначе проваливайте и не тратьте мое драгоценное время!

И чем же вы так заняты, мисс Стрип? Хотите еще немного разнюхаться, покурить и сгонять в супермаркет за спиртным? Да, дел и впрямь невпроворот.

Олег и Киану тяжело вздохнули, но решили не перечить женщине и углубились в просмотр комиксов, ибо другого выхода из ситуации у них, кажется, не было. Они долго выбирали и накидывали Мэрил варианты. Но каждый из них та оглушительно высмеивала, говоря, что это совсем не то, что нужно. Например, так она сразу же отмела образ Тора, сказав, что голова не будет держаться на шее стабильно, прикрепленная лишь одной брошью для плаща. Образ Халка показался ей слишком бюрократическим, и она заявила, что не только не будет работать над таким костюмом, но и непременно подаст в суд на Табакова и Ривза за столь агитационные идеи. А костюм железного человека и вовсе показался Мэрил оскорбительным и кричащим об ущемлении женских прав.

— Ну, я уже и не знаю тогда, что выбрать… — смахнул Киану испарину из голубиного помета со лба.

— О, а может это? — промурлыкал Олег, указав мягким пальцем на один из разворотов.

— Хммм… — прищурено посмотрела на рисунок Стрип. — Черная Пантера?

— Я люблю кошек, — незнамо зачем пизданул Табаков, по-кошиному

пожамкав свои колени.

— А над этим вариантом можно поработать… — протянула женщина.

Вот так и закипала работа в доме мисс Стрип. Женщина денно и ночно корпела над созданием своей новой невъебенно странной конструкции, обещающий помочь спасти жизнь еще одному человеку. А разве маска, шар или странная клетка со старой тряпкой спасли кому-то жизнь? Уверены в этом? Ну, значит так тому и быть.

Целую неделю Мэрил паяла микросхемы, соединяя их в единую систему, выплавляла из биометалла специальные детали, а также бухала, бухала, бухала…

И вот, техническая часть костюма была готова, оставалось лишь сшить оболочку, да впихнуть в нее все свои невъебеные механизмы.

Как-то вечером мисс Стрип, вооружившись биометаллической иглой и нитками из гиперпрочного полиэтилена, шила штаны Черной Пантеры, попутно киряя вино да зыркая одним глазком в телевизор.

Проработав полчаса, женщина решила взять перекур. Она отложила в сторону все свои приблуды, закурила и уставилась в телевизор, где только что начался мультсериал «Том и Джерри».

— Что же ты делаешь, пидераст? Оставь мышь в покое! — заругалась она, наблюдая за тем, как Том пытается догнать Джерри. В этот момент кот наступил на лопату, которая ударила его в морду. — Так вот! Получай! Британский ублюдок! — ебливо засмеялась она, злорадствуя коту.

Мэрил так увлеклась просмотром мультфильма, что совсем не заметила, как не только скурила полпачки сигарет, но и уговорила бутылочку «белого».

— Давай! Убегай, малыш Джерри! Ну же! — болела он за хитровыебанную мышь, присев перед телевизором на колени и сложа ладони в замок. — Да! Вот так! Бей его сильнее! — подстрекала она толстые нигерские ноги, пришедшие наказать кота за шалости.

Но тут мультфильм подошел к концу, и началась трансляция какого-то телешоу для пьющих домохозяек.

— Нет! Почему так мало? Я хочу еще! — взбунтовалась Мэрил и незамедлительно бросилась к газете, дабы проштудировать программу телепередач на неделю. Найдя в строках нужный мультсериал, мисс Стрип подчеркнула его, дабы не пропустить ни одной серии.

Вот так вот и подсела на «Том и Джерри». Каждую серию женщина с неподдельной страстью и волнением болела за мышь, чуть ли не ссалась от счастья, когда кот попадал в передряги, а черные нигерские ноги были для нее кем-то, вроде эталона справедливости. Мда, кажется, кому-то давно пора прекращать бухать… Чтобы знаменитая ученая вот так вот смотрела детские мультфильмы… Мягко сказать — все это странно… Ааа… Оказывается вы провели некую параллель между данным мультиком и вашей жизнью? Будто мышь — это хорошая сторона вашего сына Тома, кот — плохая, а черные ноги-столбы — это вы сами. Ну нихуя б себе! Да тут попахивает нехилой философией шизофреника!

Несмотря на то, что Мэрил была с головой погружена в перипетии отношений Тома и Джерри, она не забывала работать над костюмом Черной Пантеры, в который были внесены небольшие коррективы. Какие? Скоро узнаем…

Сержант Том стоял на кухне и наводил в миксере безалкогольную Пина Коладу. Этот вечер он решил провести уютно и без грамма алкоголя и запрещенных веществ. Для славного вечерка все уже было готово в его спальне — свито теплое гнездо из пледа Бербарри, да запущены на ноутбуке биржевые торги.

Харди перелил содержимое миксера в высокий бокал, украсил его долькой ананаса и направился к себе.

— Вернешься сегодня? — поинтересовался он у Джейка, сидящего на диване в гостиной с двумя вьетнамками в руках.

— Да, конечно, — беззаботно ответил парень из шара, сравнивая два сланца и не понимая — какой из них правый, а какой левый.

— Только, сука-бля, чтоб один пришел из этого своего клуба… Шкур с собой больше не води сюда, усек? — прищурено уставился на него Том.

— Да конечно, Томми, о чем речь? — улыбнулся Джилленхол, пошел на риск и надел вьетнамки наобум.

— Ты так говоришь каждый раз, когда идешь блядовать! И каждый раз приводишь с собой какую-нибудь шмару! Сержант, сука-бля, повторит еще раз, для особо слышащих! Я не люблю! Когда незнакомые мне шкуры пересекают порог моего, сука-бля, дома! Еще раз ослушаешься меня — всеку! — кидал он пустые угрозы брату.

— Да все я понял, мне не надо по сто раз говорить одно и тоже! — возмутился сапожник из шара, пружиня ногами на месте. — Блять, как-то неуютно…

— Ясен хуй, сука-бля, неуютно! Долбоеб! — психанул Том и поставил бокал с коктейлем на журнальный столик. — Ты обулся не так! — нагнулся он к брату, силком стянул с него вьетнамки и ими же ударил Джилленхола по кожаному носу. — Вот это — левый, а это — правый, Джейки! В твоем, сука-бля, возрасте, пора бы уже разбираться в подобных нюансах!

— А в твоем возрасте, пора бы уже научиться нормально зашнуровывать обувь, — покривил ебалом Джейк, выхватив обувь у брата. — А точнее, делать это нормально, а не ложась на спину!

— А не пошел бы ты на хуй, пиздюк? Меня никто не учил в детстве этому навыку! Сам научился, как смог. И мне как бы и на хуй не надо переучиваться. Да и вообще, я умею и как все, просто, сука-бля, не хочу!

— Да? — приподнял пышную бровь Джиллнхол. — Ну, покажи тогда, что умеешь…

— Ну и покажу! Покажу, сука-бля! — с психом плюхнулся на диван Харди, быстро развязал берц, закинул ногу на ногу и стал заново шнуровать его.

Сержант Том несколько минут проводил какие-то манипуляции пальцами, при этом сосредоточенно глядя то на шнурки, то на брата. Но как бы он ни старался — у него ничего не выходило! Шнурки совершенно не желали завязываться, а только лишь спутывали сержантские пальцы!

— Ну что, умеешь? — подъебал его спустя десять минут Джилленхол.

И только Том хотел было что-то дерзко ответить, как входная дверь распахнулась.

— Ребзо, вы не поверите, кого я встретил в парадной! Это диво дивное! — пронзительно громко завещал Батлер, ворвавшись в квартиру.

Братья вопросительно-недоверчиво уставились на бородача и его эффектную брошь на плаще.

— Не поверите, пока сами не увидите! — вскрикнул он и отступил на шаг в сторону.

Повисло интригующие молчание.

И тут в еврочетыршку вошло нечто в ростовом плюшевом костюме кота Тома.

— Что за ёбаный в рот такой? — состроил свой фирменный еблет Харди, придав ему нотки удивления.

— А это, собственно говоря, кто? — нахмурился Джилленхол, указав пальцем на кота, поверх которого какого-то хуя была еще и надета обычная одежда.

— Забыли меня? — хитрым баритоном протянул кот Том. — Это же я — Том Хидлстон — Бог коварства и обмана!

— Я не понял… Не понял… — захлопал ртом Харди. — Ты разве не должен был сдохнуть? Нет? И зачем ты надел на себя эту… Ебалу…

— Ррр, — протянул Джилленхол, скривив рот в озлобленном оскале, ведь, хоть костюм и был плюшевым, все же он олицетворял кота.

— Как видите, я выжил! — развел плюшевыми лапами Хидлстон. — Хоть и врачи утверждали, что я буду до конца своих дней прикован к кровати, нашлись добрые люди — создали вот такой вот костюм! В нем я могу жить полноценной жизнью, но только увы — снимать не разрешено… Но смотрите, все предусмотрено! — стянул он трусы и продемонстрировал братьям плюшевый хуй.

— Сука-бляяяя… — протянул сержант Харди поспешив отвернуться.

— Оооуч, — присвистнул Леонид.

— А ты же гей, если не ошибаюсь? И для этого тоже все предусмотрено? — полюбопытствовал Джилленхол.

— Конечно! — воскликнул кот Хидлстон и хотел уже было повернуться задом и даже поднял хвост, как к нему подлетел Том и довольно грубо начал выталкивать из квартиры.

— Что за дрочь? Убывай отсюда нахуй! Ты конченый! Нахуй ты это напялил на себя, уж лучше был бы прикован к кровати до конца своих, сука-бля, ебливых дней!

— Аккуратнее, не трогай голову! — отталкивал от себя сержанта кот Том. — Если она отделится от общего костюма — я умру!

— Да какое вообще ебло создало всю эту шляпу? — продолжал охуевать Харди.

— Ну, за этим, собственно, я к вам и пришел, — оттолкнул его от себя Хидлстон. — Поблагодарить Джейка за то, что направил моего отца и мужа к чудесной женщине в Нампу, которая и создала вот это чудо! — обвел он лапой костюм.

— Чего, сука-бля?! — забился в агонии тайного заговора Харди. — В Нампу?

— Блять, Том, но твои же обещали, что сохранят это в тайне! — возмущенно затопал вьетнамками по ламинату партизан из шара. — Они клялись!

— Да? — безэмоционально уставился на него пластиковыми глазами сосед кот. — Бля, ну прости, меня никто не предупредил, — поправил он на кошиной голове огромный рогатый шлем из чистого золота. — Но все равно, спасибо…

— Сука-бля, пиздюк, какого хуя?! — одним прыжком добрался до брата Харди и схватил его за грудки. — Ты что, общаешься со старой блядью за спиной сержанта?!

— Что?! Нет, конечно! — превратился в оклеветанную сову Джейк. — Я просто хотел помочь! Олег и Киану хорошие люди и так переживали за Бога коварства и обмана, что мне их стало не на шутку жалко! Но я знал, что никто и никогда не вернет Тома к нормальной жизни, кроме нашей матери и ее ученого находчивого ума! Честно! Бля буду! Все так и было! — выставил он ладони вперед, показав, что его пальцы не скрещены, а значит он и впрямь не брешет.

— Ложь! — откинул от себя брата Том, кинулся к журнальному столику и сделал большой глоток Пина Колады. — Сука! — взорвался он, поняв, что напиток был безалкогольным, и отшвырнул бокал в сторону.

Сержант заметался по квартире в поисках чего-то запрещенного. В это время сосед же Том решил ретироваться, ведь побоялся за свою голову и жизнь в принципе. Харди же распахнул кухонный ящик и оттуда на него тоннами повалили разного рода дилдо, но тот даже и не обратил на это внимание, а стал искать в куче резиновых хуев наркотики. Найдя пакетик амфетамина, Том плюхнулся на диван, и незамедлительно начал разнюхиваться.

— Томми! Нет! Не нужно, ты же решил бросить! — завизжал, словно деревенская баба Леонид, прикрыв герписный рот красным плащом.

— Ну, блять, ну ты серьезно? Опять? — возмущенно хлопнул себя по бедрам Джейк. — Ну завязал же, а! Иди до конца!

— Пошел ты на хуй! — рявкнул на него Харди. — Ты обманул меня! Обманул! Сержант к тебе со всей душой, а ты! Ты в тайне общаешься со старой блядью, дружишь с ней! Сто пудово и финансово помогаешь! А не забыл, как она пленила тебя в шар? Не забыл, кто спас тебя оттуда? И какой монетой ты отплатил сержанту? Дружишь с самым ненавистным ему человеком! — бредил Том — человек, который даже если и будет не потреблять ничего, один хуй будет бредить, ведь он — шизофреник. Ну, практически…

— Томми, Томми, пожалуйста успокойся, — поспешил сесть рядом Джейк и обнял брата за плечи. — Я не дружу со старой блядью, ты это придумал, да еще и в секунду накрутил себя до умопомрачения!

— Нет, дружишь! И еще и деньги ей перечисляешь! Иначе, почему это она, сука-бля, неизвестным людям согласилась соорудить вот эту вот котовью шляпу?! — продолжал пороть хуйню Харди.

— Ну, может, заняться нечем! Откуда мне знать, нахуя она согласилась?! Я просто хотел помочь Олегу и Киану — на этом все! Клянусь тебе чем угодно! — положил руку на сердце парень из шара. — У меня есть ты, братишка. Я тебе очень люблю и уважаю, и знаю, как ты относишься к нашей матери. Думаешь стал бы я рисковать нашими теплыми братскими отношениями, только чтобы поддерживать связь с этой безумной старухой? Конечно, нет! Повторяюсь, я просто хотел помочь…

— Нет, тебе нужна она, а не я… — меланхолично протянул Харди, впав в ебейшую депрессию. — Я вырвал тебя из этого шара, а может ты хотел бы жить с ней…

— Да что ты за бред несешь?! Так, все! Надоело даже слушать! — вскочил на ноги Джилленхол. — Ты в последнее время стал каким-то напряженным, то слезая, то опять подсаживаясь на наркоту. Вот и придумываешь на этом фоне черти что! Тебе нужно как-то отвлечься и развеяться… И дядя Джейк знает, как! Мы с тобой полетим в Дубаи! На мой счет! Вдвоем! Только ты и я! И весь отдых только по твоим канонам — все как ты любишь! Никаких экскурсий, а только лишь отдых в отеле! Как идейка?

— Да охуенно, сука-бля, — промямлил Том, неумело поднялся с дивана и побрел к себе в спальню, а именно — в шкаф, дабы посидеть и покумекать над тем, брешет ли ему брат, или нет. К слову, спустя пару дней отсидки в шкафу, Харди понял, что нет — не пиздит.

Глава 76: Безотцовщина

5 апреля 2005 года.

Сержант Харди был на удивление свеж, ведь вот уже пару недель после возвращения из Дубая не принимал наркотики. Ну только порой мог покурить косячок-другой забористой травы, выращенной по рецепту своего отца, лицо которого ему наконец удалось вспомнить. Также совсем изредка Том позволял себе закинуться парочкой колес «окси» — для хорошего сна, как он сам пояснял. Ну и, конечно, алкоголь — с ним Харди и не думал завязывать, ведь на его взгляд у него было никаких проблем с потреблением всякого рода спиртного. Сигареты — естественно! Отказываться от табака не входило в планы Тома не то что в ближайшее время — всю свою жизнь. На этом все. В остальном сержант был чист.

Вот и сегодня, опрокинув в себя пару бутылок пива и покурив после этого травы, Том сидел в гостиной еврочетырешки и паял миниатюрный мусорской значок для новой куклы.

Входная дверь открылась, и в квартиру вошел Джейк. Пройдя мимо брата и не проронив ни слова, он направился в свою комнату.

— А поздороваться, пиздюк? — окликнул его Том, тыкая паяльником в канифоль и не поднимая взгляда.

— Здравствуй, Томми, — проскулил Джилленхол, опустив уголки губ.

— Ты чего, сука-бля, грустный? — приподнял шрамированную бровь сержант, сосредоточенно припаивая надпись из проволоки к значку. — Хуй сосал невкусный? — отжег он невероятную шутку и взорвался ебливым смехом.

— Нет, Томми, не сосал, — буркнул Джейк, бросив обиженный взгляд на брата.

— А что тогда, сука-бля? — не унимался Харди, отложив паяльник, взяв иглу и начав пришивать значок к кожаной основе.

— Ничего, Томми! Разве тебя волнуют мои проблемы? Все же это мои пиздюческие глупости! Не то что твои — взрослые проблемы! — вдруг вскипел чайник из шара, остановившись, повернувшись к брату и яростно жестикулировав.

— Что за рамсы такие, Джейки? Сержант тут, сука-бля, при каких делах? — наконец поднял взгляд на него Том, при этом не бросая шитье и тут же вогнав себе иглу под ноготь. — Ай, сукааа! — завопил он, бросил все приблуды и сунул палец в рот.

— Наперстком не учили пользоваться? — заорал Джейк, подлетел к брату и высыпал ему на голову все швейные принадлежности из жестяной банки из-под чая.

— Да ты не охуел ли, пиздюк? — вскочил с места Том и хотел было начать драку, но быстро вспомнил, что завязал с наркотой. А устраивать драки с братом в трезвом рассудке — ну такое…

— Да, охуел, Томми! Ну же, въеби мне! — незнамо зачем распетушился провокатор из шара. — Только на это и способен! Нет бы хоть раз спросил, что меня волнует!

— Сука-бля, Джейки, ты под чем? — схватился за голову Харди, забившись в агонии неузнавания брата.

Парень из шара лишь показал брату «фак» и поспешил скрыться в своей конуре.

— Ну охуеть, — почесал лысину Том, оглядываясь по сторонам.

— Что тут у вас стряслось? — вышел из своей спальни Леонид, держа на вытянутой руке двумя пальцами огурец. — Слыхал, вы с Джейки разругались, — выбросил он даже не надкусанный овощ в мусорку и уставился на друга.

— Да что-то пиздюк ебанулся в край, — плюхнулся на диван Харди и поведал Батлеру о произошедшем.

— Ох, Томми! Ты чай вчера только на свет появилсси? — укоризненно скрестил руки на голом торсе бородач, после чего закурил и поставил турку с кофе на огонь. — Пацану-то лет сколько? Восемнадцать вон стукнет на днях! Что ты от него хочешь-то? Самый сложный подростковый период! Когда из дитятки взрослым становисси, и кажется, что никто вокруг не понимает тебя!

— Это разве не пораньше бывает? В четырнадцать там или около того, сука-бля? — непонимающе скривился Том.

— У всех по-разному! У кого в четырнадцать, у кого в восемнадцать, а у кого-то и вовсе на всю жизнь остаетси, — покрутил ладонью у виска Батлер. — К тому же наш Джейки аж до шестнадцати прожил в своем шаре, у него там и возможности не было — нормально и своевременно развиться в эмоциональном плане. Да ты сам себя в его возрасте вспомни!

— А что я? Я, сука-бля, к этому возрасту уже уебал из Англии сюда и стал, сука-бля, самостоятельным, — развел руки в стороны Харди.

— Ой, самостоятельным он стал! А до этого чем занималси? Пиздился в этом своем бойцовском клубе? — с подъебом закричал бородач, затушив бычок о пирог, испеченный им с утра. — Да и вообще, сам говоришь — уехал от батьки на вольные хлеба… А наш Джейки не этого ли тоже хочет? Стать самостоятельным и независимым!

— Я, сука-бля, хуй пойму! — взорвался сержант, схватив недошитую куклу Тома Хэнкса и ударив ею по столу. — А я что — не даю это пиздюку? Захотел стать юристом — пожалуйста, сука-бля! Сержант оплатил! Захотел в бизнес — без проблем! Сержант взял в дело. Захотел людьми торговать — и это, сука-бля, на здоровье! Что еще надо от сержанта?

— Ой все, Томми! — вскинул плащ к потолку Батлер. — Я тут причем? Я что — детский психолог? Позвони вон Лео — с ним покумекай! А лучше — просто поговори с пацаном и узнай, что его волнует! Только не навязывай свое, «взрослое» мнение! — нарисовал в воздухе эффектные кавычки Леонид.

— Бе-бе-бе! — даунским голосом передразнил его Том и стал приклеивать отлетевшую кукольную голову своего шефа обратно к телу.

— Очень по-взрослому, Томми, очень… — осуждающе помотал бородой Батлер, налил себе кофе и удалился, прихватив из холодильника банан.

Харди же еще минут пять недовольно кривил ебалом и бормотал что-то под нос, прокручивая про себя состоявшийся разговор. В таком настроении задуманная им кукла никак не получалась! Вместо уважаемого сержантом капитана Хэнкса выходил лишь его сын — Колин Хэнкс в маскарадном костюме полицейского. Тогда Том с психом отбросил все заготовки, вскочил с места и направился в комнату брата, с твердым намерением разобраться в его проблемах.

— Джейки, ты в норме? — заглянул Харди в спальню Джилленхола.

Ответом ему была тишина. Джейк же лежал на кровати, скрестив руки на груди и сверля раздраженным взглядом потолок.

— Эй, пиздюк! Давай побазарим, — вновь заговорил Том, войдя внутрь и усевшись на подоконник.

— Давай! Ну же, расскажи, как тебе тяжело живется, какой ты несчастный и как тебя никто не понимает! — глупо подскочил на кровати истеричка из шара.

— Ой, слышь! Хватит уже этих понтов, сука-бля! — выставил ладони вперед Том. — Хули ты начинаешь? У сержанта и правда есть кое-какие проблемы, но сейчас не об этом. Сейчас сержант намерен поговорить о том, что же беспокоит его младшего братишку! — спрыгнул он с подоконника, присел рядом на кровать и приобнял за плечи Джейка, решив включить в себе папашу.

— Ах, ну раз ты, сержант, соизволил, то конечно давай! Поговорим о

проблемах его младшего братишки! — завизжал, словно синеглазая девка Джилленхол и дерзко задрал одну штанину до колена. — Вот, смотри! Как тебе такое? — приподнял он ногу и сунул брату под нос.

— Что за хуйня? — отпихнул от себя ногу Тому, нахмурившись. — Ты злишься что ли, сука-бля, за тот случай в тайге, пиздюк? Даже шрама не осталось!

— Ты думаешь я такой злопамятный, Томми? — фыркнул Джилленхол, пихнув Харди пяткой в плечо. — При чем тут вообще это?

Том лишь непонимающе развел руки в стороны, на секунду посочувствовав своему отцу, ведь, кажется, в переходном возрасте был не меньшим долбоебом, чем его брат, и наверняка не на шутку поебывал мозг.

— Ладно, проехали! — процедил парень из шара и с психом упал обратно на подушку, закинув оголенную ногу на вторую и нервно задергав ею.

— Сука-бля, заебал, пиздюк! — начал вскипать и Том, стандартно не понимая нихуя. — Расскажи нормально, что случилось!

— Не надо делать вид, что не знаешь! — вновь подскочил Джилленхол. — Ладно, блять! Строй из себя дальше идиота! Я-то объясню — мне не сложно!

— Хотелось бы, сука-бля, — вопросительно уставился на брата Харди.

— Ну, слушай, братишка! — вскочил Джейк ногами на кровать. — Я, решив, что уже достаточно взрослый и могу сам принимать решения, захотел сделать себе подарок на грядущий день рождения. Надеюсь, ты помнишь, что он у меня через несколько дней и не считаешь, что я должен положить на него хуй, также как ты на свой. Ну так вот, я подумал, чего бы я себе такого хотел… Хммм… Что-то взрослое и классное! И вот, когда мы с тобой отдыхали в Дубае, прохлаждались на пляже и ты мне рассказывал о своих татуировках, когда и почему сделал свою первую и все такое… Так вот, тогда я понял! Вот оно — то, что я хочу! Это же ебать как по-взрослому, и одновременно с этим круто! К тому же, Томми набил свою первую татуху в шестнадцать, уж мне-то к восемнадцатилетию точно можно. Даже и спрашивать не обязательно! Ведь братишка считает меня взрослым! Так я думал, ага! До сегодняшнего дня! — ткнул пальцем в нос Тому Джейк и оскалился.

— Что нахуй? — охуел хлеще некуда Харди, окончательно запутавшись в перипетиях пубертатных переживаний. Конечно, ты, в свое время, в собственных-то разобраться не мог, куда уж тебе до чужих! Зато строишь из себя… Пусть не папашу, но мудрого старшего брата. Завязывай, Томас! Хватит!

— Что нахуй? Серьезно, Томми? То есть ты не знаешь, что было дальше? — скрестил руки на груди Джилленхол, ухмыльнувшись. — Лааадно… Пусть так, пойдем дальше… Как видишь — татуировки у меня нет! — вновь продемонстрировал он голень. — Наверно, ты спросишь — почему? Хм… Даже и не знаю, как так вышло, но сегодня я объездил весь Сиэтл и побывал в каждом блядском тату-салоне! И не один! Не один мастер не смог набить мне партак!

— В смысле, сука-бля? — почесал лысину Том, рассматривая ногу брата.

— Это я у тебя хочу спросить — в смысле, Томми? — взорвался Джилленхол, схватил с кровати подушку и запустил ее в Харди. — Как ты это сделал? Тебе совсем заняться нечем, что ты объездил все партачечные и подговорил всех мастеров? Все как один, начинали мне набивать узор, который я просил, и все как один, изображая шок и непонимание, говорили, что ничего не выходит! Что за хуета, братишка? Ты думал я поведусь на такое гонево! Да я на третьем мастере понял, что это твоих рук дело! Объездил всех лишь потому, что и подумать не мог, что ты реально подговоришь всех! Ах, ну да, ты же у нас власть! Точно, как же я забыл!

— Что за шляпу ты несешь, пиздюк? — задвигал челюстью сержант. — Я тут, сука-бля, причем? Да я знать не знал, что ты партак бить собираешься! Нахуя мне эта ебала?

— Ага, угу, — закивал Фома из шара, скривив губы. — Кому-нибудь другому

будешь рассказывать, а не мне! Один только вопрос. Дело в татуировке в принципе, или может ты хотел, чтоб я посоветовался с тобой на счет эскиза? То есть нельзя вообще, или можно, но только одобренную тобой — сержантом Харди — мудрейшим из людей!

— Слышь, пиздюк! Угомонись, сука-бля! — зарычал Том, вскипев похлеще некоторых. — Я тебе сказал, что ни при чем в этой ебале! За кого ты меня, сука-бля, принимаешь?

— Как за кого? За отца! — язвительно воскликнул парень из шара.

— Ой, иди ты нахуй, пиздюк! Если ты не в состоянии найти нормального кольщика, то я здесь при каких, сука-бля, делах? Что это за долбоебы такие? — замахал руками сержант. — Бей что хочешь — мне до пизды! Хочешь — я тебя, сука-бля, набью?!

— Хах, очень умно, Томми! — засмеялся Джилленхол, словно обиженное дитя. — Этого ты и добивался — чтобы я обратился за этим к тебе?

— Нахуй оно мне надо? Не хочешь — не надо! — отмахнулся от него обеими руками Том. — Поезжай вон в другой город и там бей какую угодно ёбань! Или думаешь я подговорил мастеров во всей стране? Ну так пиздруй, сука-бля, в другую! О, нет, сержант наверно подговорил весь мир! Ты хоть сам слышишь, что за хуйню ты несешь? Я тебе, сука-бля, еще раз говорю! Мне абсолютно до пизды, что ты хочешь нарисовать на себе! Можешь бить, что хочешь!

— Нет, Томми! Так не пойдет! — спрыгнул с кровати Джейк и подошел к брату в плотную. — Ты круто берешь меня на понт этими своими «поезжай в другой город, в другую страну»… Знаешь, что я этого не сделаю, ибо проще обратиться к тебе… Но хуй тебе, Томми! — ударил он левой рукой, сжатой в кулак, по внутренней стороне локтя правой руки.

Сержант Харди лишь пренебрежительно подкатил глаза, скрестив руки на груди.

— Хочешь поиграть в моего папочку — валяй! — фальшиво улыбнулся Джейк, также скрестив руки. — Я, как понимаешь, с удовольствием подыграю!

Том медленно сложил пальцы правой руки в «фак» и подсунул под кожаный нос брату, после чего развернулся и двинулся к двери.

— Эй, Томми! — окликнул его «сын» из шара, плюхнувшись на кровать. — Я это… Придумал тут себе другой подарок на день рождения. Хотел спросить разрешения у тебя.

— Я тебе сказал — мне до пизды! Покупай, сука-бля, и делай, что хочешь! — не оборачиваясь процедил сквозь зубы Харди.

— А, ну хорошо. Тогда я заведу собаку, — наигранно беззаботно вздохнул Джилленхол. — Давно мечтал… Как на счет овчарки или колли? О, нет! Придумал! Тибетский мастиф! То что нужно! — обвел он руками над головой радугу.

Сержант остановился в дверном проеме и обернулся на Джейка. Повисла неловкая собачья пауза.

— Чего… Сука… Бля… — закрыл глаза Том, выпятив нижнюю челюсть вперед, пытаясь успокоиться и не набить Джилленхолу его псиный ебальник.

— А что такое? — превратился в саркастичную сову парень из шара.

— Никаких, сука-бля, собак в моем доме! — зарычал Харди, сверля брата дурацким взглядом.

— Почему? — наигранно состроил Джейк брови домиком и оттопырил нижнюю губу.

— По хую, сука-бля! — рявкнул сержант, ударив кулаком в дверной косяк.

— Ну я буду сам с ним гулять и воспитывать! — артистично заскулил парень из шара, вновь встав с кровати. — Ну почему нельзя, Томми? Я же не прошу многого! Всего лишь собака! Знаешь, как я мечтал о ней, пока жил в шаре? Но наша мать не позволяла! Я так надеялся, что ты мне позволишь! Ну пожалуйста,

пожалуйста, пожалуйста! — тряс он сложенными вместе ладонями перед лицом Харди.

— Нахуй ты устраиваешь этот цирк, пиздюк? — отпихнул от своего ебала руки Джейка сержант.

— Никакого цирка, братишка! Я правда давно мечтал о собаке! — продолжал провоцирующее клянчить Джилленхол. — Ну объясни ты мне, дурачку, почему нельзя?

— Ты, сука-бля, сейчас серьезно? Прекращай это немедленно, Джейки! — схватил Том брата за футболку и дернул к себе. — Нахуй ты это делаешь?

— Да что такого?! — затопал босыми ногами по полу парень из шара. — Ну просто объясни, я правда не понимаю!

— Ладно, сука-бля, пусть будет по-твоему! — процедил сквозь зубы Том и выставил вперед растопыренную пятерню. — Ты не будешь с ней гулять — это раз! Кругом будут ссаки и шерсть — это два! — загибал он пальцы перед кожаным носом Джилленхола. — Она погрызет всю мою халупу — это три! Будет лаять и выть — четыре! Все провоняет псиной — пять…

— Достаточно, Томми, — перебил его Джейк, положив ладонь на сжатый кулак Тома. — Я тебя понял… Наверно, ты прав… — опустил уголки губ вниз артист из шара. — Мама говорила точно также, думаю, вы оба правы.

Полусмазливый еблет сержанта аж перекосило от сравнения его с мисс Мэрил.

— Ты такой же мудрый, как и она, — не унимался подливать масла в огонь Джилленхол. — В кого ж я такой бестолковый? Почему сам не подумал обо всем этом! Это же очевидно — собаке не место в квартире! Зря я, наверно, тогда на мамку обиделся…

— Заткнись! Заткнись нахуй, сука-бля, мразь ебаная! — завопил на весь Сиэтл Харди и неистово затряс брата за футболку. — Не смей сравнивать меня с этой блядью! Никогда, сука-бля! — вопил он, незнамо зачем ведясь на провокации Джилленхола из шара.

— Но я просто говорю, как есть! — пожал плечами Джейк.

— Как есть? Ну раз сержант такой же хуевый как сука-мать, то и возвращайся к ней жить! Ну, а что — раз нет разницы, сука-бля!

— Ой, Томми, не передергивай мои слова! Я такого не говорил! — подкатил свои обалденные синие глаза Джилленхол. — Но все же некое сходство и впрямь есть — этого не отнять! Ну, а что? Татуировку мне нельзя, девчонок водить тоже нельзя, теперь еще и собаку…

— Так все, пиздюк! Сядь и угомонись! — выставил ладони вперед Том, закрыв глаза, и наконец поняв, что фокусник из шара обводит его вокруг пальца. Тогда он решил, что поиграет немного в эту игру, но по своим правилам. Будет для брата строгим, но справедливым отцом и использует метод «кнута и пряника». Надеешься, что окажешься хитрее этого жида? Ну дерзай!

Джилленхол покорно сел, положив ладони на колени, и с приклеенной улыбкой уставился на Харди.

— Ты хочешь быть взрослым, Джейки? Так будь им! Кто, сука-бля, мешает? — начал свою поучительную беседу Том. — Но ты не пытаешься сам повзрослеть, а лишь ищешь того, кто тебе это мешает, сука-бля, сделать! Считаешь — это по-взрослому — клянчить собаку, просто чтобы вывести меня из себя? По-взрослому — какого-то хуя не суметь набить партак, и обвинить в этом меня? Ебать каждый день новую девку, бухать, потреблять наркоту каждый, сука-бля, день, зарабатывать на жизнь нелегальщиной? Это все в твоем понятии быть взрослым? Все это лишь те вещи, которые, по мнению пиздюков, делают их взрослыми. Но это нихуя не так. Взрослые так себя не ведут. По правде сказать, я, сука-бля, и сам грешу многим из этого. И я сам, сука-бля, до сих пор нихуя не повзрослел до конца. Ты, пиздюк, еще хлеще. Но что в этом, сука-бля, плохого?

И что плохого в том, чтобы иметь кого-то хоть чуточку взрослее тебя, того, кто поможет и подержит, как старший товарищ. У меня раньше был такой — мой отец. Сам порой пиздюк пиздюком. Но для меня он был взрослым, а значит авторитетным. Но теперь, сука-бля, его не стало, и мне его не хватает. Не хватает того, чтобы порой кто-то за меня побыл взрослым, а сам я мог побыть пиздюком. Так-то вот… У каждого пиздюка должен быть свой взрослый… Если же такового нет, то пора самому становиться взрослым, иначе тебе пизда в этом бренном обдроченном мире. Но взрослым быть нихуя не круто, Джейки, вот что скажет тебе сержант. Но если хочется чуть повзрослеть, то просто начни совершать взрослые поступки… А если все же хочется хуевертить, то будь добр — продолжай быть пиздюком и слушай взрослых, — молол несусветные мудрости наркомана в завязке Том, расхаживая взад-вперед и надеясь таким образом подмять под свою власть брата и заставить жить его по своим ебливым правилам.

Повисла неловкая философская пауза.

— То есть ты хочешь сказать, Томми, что я не совершаю никаких взрослых поступков? — с раздраженной улыбкой заговорил Джилленхол. — Никого я никогда не спасал, не выручал, не помогал…

— Ну, такое… — неоднозначно покрутил ладонью Харди, мудрейший из мудрецов снаружи, конченый хуеплет внутри, и лауреат премии «Пиздюк века» по жизни.

Синие глаза Джилленхола на мгновение налились гневом и обидой, но тут же исчезли, как и не было.

— Ладно, Томми, я тебя понял! — задорно поднялся он с кровати, хлопнув в ладоши. — Совершать взрослые поступки! — выставил он на брата указательные пальцы, широко улыбнувшись. — Прямо сейчас отправлюсь и придумаю — чего бы такого взрослого совершить! Спасти кому-нибудь жизнь? Вытащить из тюрьмы? Нет, все не то! Надо что по-настоящему взрослое! — артистично зажестикулировал Джейк и на позитиве двинулся из комнаты.

— Ну-ну, Томми, ну-ну, — обернулся он в дверях и подмигнул брату.

Сержант же Харди остался стоять, не в силах понять — то ли ему все же удалось установить свою взрослую власть над братом, то ли все это была насмешка, то ли и вовсе развод какой-то.

Глава 77: Взрослый

Спустя пару часов.

Том, решив отвлечься от скандала с братом, уселся в гостиной, дабы посмотреть какой-нибудь фильм по кабельному, пока Джейк не вернется домой, а уж там сержант попробует поговорить с ним спокойно еще раз и даже, возможно, предложит завести ему рыбок и ухаживать за ними вместе.

Харди с огромным трепетом досматривал кинофильм «Из 13 в 30», который был предназначен то ли для баб, то ли для подростков, то ли для таких сентиментальных ебанатов, как сам сержант. Но отчего-то Тому он настолько зашел, что парень не на шутку размечтался и стал визуализировать в своей больной голове всякое. Чтобы он сам делал, соверши невероятное путешествие из двадцати одного в тридцать? Кем бы он стал в этом возрасте? Успешным человеком или же конченым наркоманом? Остался бы он, двадцатиоднолетний, доволен своей будущей жизнью или корил себя за долбоебизм? И как бы помог исправить себе тридцатилетнему наделанные ошибки?

Но не успел сержант не то что помечтать — фильм досмотреть! Входная дверь медленно приоткрылась и в еврочетырешку зашел Джилленхол, держа в руках небольшой пластиковый террариум. Том непонятливо нахмурился и молча уставился на брата, взяв пульт и выключив телевизор.

— Ох, тяжело-то как, — выдохнул Джейк, поставив на журнальный столик перед братом свою ношу.

— Что это, сука-бля, — прищурено уставился на террариум Харди. — Блять, пиздюк, что за ебала?! — заорал он, приметив сидевшего на дне огромного паука. — Какого хуя?!

— Ну, а что не так? — скрестил руки на груди Джилленхол. — Томми, это же обычный птицеед! За ним особого ухода и не требуется! Гулять с ним — не надо, шерсти от него — ноль, халупу твою не обоссыт и не погрызет, плюс никакого запаха! Да и к тому же, он такой же пушистенький как собака, буду его гладить и снимать стресс… Или он тебя тоже не устраивает? Наверное, ему лучше покинуть твой дом, да? — усмехнулся он.

— Аааам… Ээээм… — замямлил Том, даже и не зная, как следует себя повести в подобной ситуации. Парень пару секунд побился в агонии выбора тактики дальнейшего поведения и, наконец, избрал путь «пряника». — А чем он меня, сука-бля, должен не устраивать? — состроил он свой фирменный еблет, расставив ладони в стороны. — Вполне себе безобидное существо! Он может остаться! Ты поступил мудро, Джейки, я бы даже сказал — по-взрослому!

— Ах вот как… По-взрослому, значит… — спародировал фирменное ебало брата парень из шара. — Чем именно?

— Ну, ты услышал сержанта по поводу собаки, и, дабы не расстраивать ни себя, ни его, нашел компромисс, — спокойно молол чепуху Харди. — Ээээм… А он же не ядовит, я правильно понимаю? Ну, то есть у него вырезаны там эти железы, или что там удаляют? — с недоверием и нотками брезгливости уставился он на жирного паука, размером с ладонь взрослого человека.

— Томми, ну что это за мифы обывалы такие? Ты же говоришь, что взрослый и все знаешь… А сам буробишь непонятно что! — укоризненно хлопнул себя по лбу Джейк. — Ничего у них не удаляют! Это же невозможно! Это то же самое, что, например, у тебя бы удалили, ну, к слову, желудочный сок. Скажи, ты бы мог существовать без него? Определенно точно, что нет!

— То есть он ядовит? — приподнял шрамированную бровь сержант, продолжая наблюдать за пауком.

— То есть да, — кивнул Джилленхол. — Что, значит, не место ему здесь? Унести его обратно в зоомагазин? — оттопырил нижнюю губу он.

— Да нет, сука-бля… — растерянно заговорил Том. — Ты же будешь аккуратен с ним, Джейки. Не думаю, что натворишь каких-то глупостей. Ну, а чем ты его будешь кормить? — решил он показаться милым и любопытным.

— Ну как чем? Вот чем! — достал из-за пазухи огромный контейнер Джейк и открыл крышку наигранно неловким движением. Контейнер выскользнул из его рук, и по полу еврочетырешки тотчас же разбежались сотни тараканов. — Ой, я не специально!

— Сука-бляяяя! — заорал Харди, прыгнув ногами на диван. Он был готов взорваться на брата в любую секунду. Ведь мало того, что Том понимал, что все это Джейк устроил специально, так еще наглый пиздюк посмел принести в дом насекомое, да не одно, а сотни! — Немедленно лови их! А еще…

— Еще паука обратно отнести? Ведь он кушает только такое, — залепетал Джилленхол.

— Нет, пидор может остаться! А вот тараканов, сука-бля, собери! — верещал Харди, еле сдерживая себя в руках.

— Пидор? Томми, я, кажется, забыл уточнить. Это самка. И зовут ее — Мэрил, — выпалил Джилленхол и виновато поджал губы.

— Аааааа! — гневно заорал Том, спрыгнул с дивана и принялся топтать берцами тараканов, чтобы хоть на кого-то выплеснуть гнев и выиграть в этой глупой схватке с братом.

— Что вы так орете?! — выбежал из спальни Батлер. — Фу, блять, откуда столько тараканов? А это что еще такое… — прищурено уставился он на террариум. — Ааа… Ааа… Аааааа! — прерывисто завизжал Леонид, убив своим ультразвуком всех тараканов в радиусе километра. — Паук! Немедля уберите его! Вы чай шутите?! Я же этот… Арахнофоб!

— Ну балиииин, — наигранно протянул Джилленхол. — Что, Мэрил все же съехать?

— Леонид, сука-бля, угомонись! Паук никому не помешает, ясно? Он не покинет свой террариум и будет находиться только в комнате пиздюка. Бля буду! — подлетел к другу Харди, схватив его за плечи. — Джейки очень самостоятельный парень, он проконтролирует, чтобы ты и эта лохматая сука не пересеклись!

— Бля… Бля… Мать частная! — лепетал Батлер, уже побелев от шока. — Батюшки свят… Пресвятая, бля, Богородица…

— Ну хватит, а, — покрепче вцепился в эффектные плечи Том. — Я же сказал — у Джейки все под контролем!

— Томми, ты можешь поручиться за меня, чтобы Леониду было спокойнее, — мило завякал провокатор из шара. — Ты же взрослый, твое слово явно авторитетнее моего!

— Да ни за кого я не буду, сука-бля, ручаться! — наигранно мило залепетал Том, обернувшись к брату. — Ты сам все проконтролируешь. Вот я тебе верю! А ты, Леонид? — тряхнул он друга. — Леонид? — посмотрел он на Батлера, который, обмяк в его руках и потерял сознание. — Ничего — привыкнет, — беззаботно пожал он плечами, вновь обратившись в Джейку.

— Что ж, отлично! — поднял вверх большие пальцы Джилленхол, взял в руки террариум и пошел в свою комнату. — Ну-ну, Томми, ну-ну… — хитро пробурчал он под кожаный нос. — Что бы ты не делал — дядя Джейк победит в этой войне…

— Что ты там буробишь, пиздюк? — окликнул брата сержант, укладывая Батлера на диван.

— Ничего, Томми, — улыбнулся в ответ хитрец из шара. — Колыбельную пою для малышки Мэрил, — указал он фантастически синими глазами на паучиху.

— Вернись потом и этих рыжих шмар за собой подбери, — сквозь зубы прошипел Харди, пытаясь не сорваться.

Вот так вот и поселился в еврочетырешке питомец. К слову, прожил он там всего пару дней, но и за это время успел не на шутку потрепать нервы документальному хозяину квартиры и его эффектному другу. Как? А все дело в том, что небезызвестный Джейк Джилленхол, паукозаводчик из шара, то и дело вытаскивал из террариума паучиху Мэрил и демонстрировал ее брату или другу. Сержант Харди был уже на грани нервного срыва и уже даже было начал обдумывать тайный план убийства Мэрил, как одним вечером все разрешилось само собой.

Том зашел на кухню-гостиную, чтобы навести себе немного чаю, но в глаза сразу же бросился Джейк, ползающий по полу рядом с кухонным гарнитуром и ища что-то под ним.

— Что-то потерял, пиздюк? — поинтересовался Харди, нажав на кнопку включения электрочайника.

— Нет, все нормально, — рявкнул Джилленхол, сняв с ящика цоколь и заглянув под него своим космическо-синим взглядом.

— Пиздеж, — усмехнулся Харди, бросив в кружку чайный пакетик. — Может помощь, сука-бля, нужна?

— Все нормально, Томми, все нормально, — бурчал Джейк, подсунув под ящик руку и нервно зашерудив ею.

Сержант непонятливо пожал плечами, но решил не давить на брата и не навязывать тому свою экспертную мусорскую помощь. Когда Том навел чай, то решил испить его в гостиной, дабы понаблюдать за Джилленхолом, ведь ему было нехуйственно интересно, что же тот все-таки потерял? Кокаин? Скейт? Или может одну из вьетнамок? Хм… Действительно интересно, нужно понаблюдать…

Так прошло около часа.

— Послушай, сука-бля, Джейки, может все же помочь? — приподнял шрамированную бровь Харди, наблюдая, как его брат скрутил с кухонного смесителя гусак и подставил его к глазу, пытаясь там что-то рассмотреть.

— Да, помочь, Томми! — психанул Джилленхол, отбросив смеситель в сторону. — Кажется, мы с тобой облажались по-крупному! И нам кое-что немедленно нужно найти, пока Батлер не вернулся с суток!

— Мы?! — интригующе воскликнул сержант.

В комнате повисла неловкая пауза.

— Не введешь в курс дела? — спустя пять минут тишины спросил Харди. — Что искать-то будем? — хлопнул он себя по коленям ладонями и поднялся с дивана.

— Мэрил, — закусил нижнюю губу Джилленхол, уставившись на брата виноватым взглядом.

— В смысле Мэрил? — превратился в ловчую сову Том. — Она что, сбежала?!

В ответ Джейк лишь поджал губы и расставил в сторону руки.

— Слышь, петушара! — моментально взорвался сержант, подскочив к брату. — С хуя ли ты сказал, что облажались — мы?! Сержант разве виноват в том, что ты проебал лохматую блядь?!

— Ах, а разве нет?! — возмутился Джилленхол. — А какого хуя, спрашивается, Томми, ты вообще разрешил мне завести эту тварь?! Я же еще ребенок! Как я следил бы за ней?! На что ты рассчитывал, когда позволил мне всю эту затею?! Чего ты ожидал? Вот и все вышло, как вышло! Я проебал ее! Что теперь это обсуждать, лучше помоги найти, пока Леонид не вернулся!

— Да ты, сука-бля, все это делаешь мне назло! — раздувал ноздрями Харди.

— То есть, ты думаешь, что все это специально? — раздраженно скрестил пышные брови на лбу Джейк. — Я специально притащил паука, специально выпустил его и все для того, чтобы побесить тебя? Я что, по-твоему, совсем конченый малолетка? — топнул он ногой по полу. — Вот какого ты обо мне

нения?!

— Нет, я просто, сука-бля, предположил, — яростно парировал Харди, еле сдерживая себя в руках, дабы не въебать брату и не показаться еще большим долбоебом. — Ладно, когда и где ты видел суку в последний раз? — свел он назревающий конфликт на нет, нагнулся и заглянул под кухонный ящик.

— Примерно в обед, — подкатил глаза Джилленхол. — Я проветривал террариум, а потом, видимо, совершенно случайно забыл закрыть крышку!

Так уж и забыл! Хитрый жид! Расскажи, как все было на самом деле! Расскажи, как специально открыл крышку и вынудил паучиху покинуть свой дом! Расскажи, как хотел проконтролировать всю ситуацию, проследив, куда спрячется паук! Ах, но что же пошло не так? Что, говоришь, отвлекся? И на что же? Что может быть более важным, чем ваши с братом «соревнования»? Две тетушки-лесбиянки, ебущиеся пару часов кряду за окном дома напротив? Вопрос, конечно, спорный, но все же… Ну и как, нехило трухнул, когда понял, что действительно проебал паучиху? Стремно стало перед арахнофобом Батлером, которого никак не хотел впутывать в ваши с братом игры?

— Совершенно случайно забыл закрыть крышку, — детским голосом спародировал брата Харди, достав из накладного кармана скамов мусорской фонарик и осветив им мышиную дыру в плинтусе.

— Томми, это что, мышиная нора? — охуел Джилленхол. — У нас что, мыши живут?

— Блять, да, — взволнованно ответил Харди.

— Не, ну это ж пиздец, как-то негигиенично, — нахмурился Джилленхол. — Нужно немедленно от них избавиться! Они же заразу разносят — ебать их в рот какую! Слыхал, что мыши — непосредственные переносчики СПИДа?

— Пидоры что ли? — ахнул Том.

— Может и так, — серьезно кивнул Джейк. — Так, нужно срочно с этим что-то делать!

Вот так вот два брата, будучи конченными долбоебами на генетическом уровне, не то что положили хуй на пропащего паука — забыли про него на веки вечные! Парни решили, что проблема с мышами — куда более важное дело. Ведь ни одному, ни второму не хотелось заразиться ВИЧ-инфекцией от грызунов. Весь вечер и полночи Джейк и Том пытались выудить мышь из норы. Ребята, предварительно укурившись до неузнаваемости и сыграв пару партий в бодалки, то дымили в дыру марихуаной, пытаясь выкурить мышь наружу; то слушали звуки за плинтусом, и где, как им казалось, шуршит — стреляли из «беретты» Харди; то и вовсе выключили во всей квартире свет и, вооружившись кто тряпкой, а кто шваброй, притихли на два часа в надежде, что мышка выйдет из укрытия сам.

Вскоре братьям настолько заебало ждать приход мыши, что они решили действовать радикально — залить дырку строительной пеной, тем самым навек замуровав грызуна под плинтусом. Два клоуна… Закончив все строительно-монтажные дела, Харди и Джилленхол, посовещавшись на братском совете, единогласно пришли к выводу, что вся эта хуйня их нехило утомила. Выпив по паре литров пива и посмотрев какое-то дебильное ток-шоу про несовершеннолетних беременных блядей, братья разошлись по свои комнатам и уснули крепким сном конченых ебанатов.

С утра Тома разбудило какое-то мягкое поглаживание по смазливому, с нотками брутальности, еблету.

— Джейки, хватит, — сладко пробормотал он, даже не открывая глаз и решив, что это брат пытается шутливо разбудить его, щекоча по ебалу перышком.

Но поглаживания не прекратились, и Том все же соизволил открыть глаза. Но то, что он увидел перед собой — повергло его в шок! На его лице, во всей своей

красе, сидела Мэрил! Но, очевидно же, что не та, которая Стрип, а та, которая паучиха!

В комнате сержанта повисла неловкая пауза.

— Аааааа, сука-бля, аааааа! — заорал Харди, не придумав, как бы еще ему следует поступить.

Паучиха, прихуев от шока, в секунду встала на задние лапы, угрожающе вскинув верхние над собой. Мгновение и ее хелицеры впились в щеку Тома и выпустили под нее яд.

— Сукаааа! Блять! — заверещал от боли сержант Харди, после чего был еще пару раз укушен пауком.

Спустя минуту Том все же смог словиться, схватил Мэрил за лапу и рванул в сторону гостиной. К его счастью, там уже находился Джилленхол, рыская под диваном в поисках своего питомца.

— Не это ли ты ищешь, пиздюк? — заверещал сержант Том, яростно мотая в руках пауком направо и налево.

— Бля, Томми, не надо так с ней! Ты ее убьешь, пауки — хрупкие создания! — взволнованно подскочил с пола Джейк, ведь совершенно не хотел, чтоб в его споре с братом пострадал кто-то невинный. — Стоп, что с твоим лицом?

— Эта блядь укусила меня! Укусила! — продолжал свои оры Харди, ебало которого начало краснеть и раздувать то ли от злобы, то ли от аллергической реакции на яд паука. — Немедленно забирай ее и уноси нахуй из моей квартиры! — швырнул он пауком в брата.

— Аккуратнее! — осторожно поймал паучиху сачок из шара. Оказавшись на руках хозяина, взбешенная Мэрил попыталась укусить и его, но у нее ничего не выходило! Получалось все не то! Кожа жида была будто непробиваемой!

— Все! Больше ни одно животное, заведенное тобой, не пересечет порог моей квартиры! И пусть это будет хоть, сука-бля, золотая рыбка, ебливый хомяк или попугай — я запрещаю тебе заводить зверье! Ты еще слишком мал для этого дерьма! Слишком, сука-бля, безответственен! Ты и за собой не можешь уследить, какой тебе нахуй питомец?! Подрасти для этого! Повзрослей, шмара синеглазая, а уж потом заводи кого хочешь! Я все, сука-бля, сказал!

— Ну я понял… — виновато опустил голову Джилленхол. — Да, Томми, ты прав… Я еще слишком мал и безответственен… Сперва нужно повзрослеть самому, а уж потом приручить кого-то и быть за него в ответе… Я сейчас же верну паука в зоомагазин, — пихнул он озлобленное насекомое в карман джинс. — Такой я еблан — не послушал тебя, старшего братишку, а ведь ты был прав! Говорил мне про все это! А я… Нет бы последовать твоему мудрому взрослому совету… Эх! Дурак малолетний! — горестно махнул он рукой.

— Бля, Джейки… Я не это хотел сказать, — растерянно выпалил Харди, поняв, что, кажется, с разгромным счетом проебал в этом «раунде».

— Не нужно лишних слов, Томми, я все и так понял. Я — глупый мальчишка, наверное, мне и впрямь нужно повзрослеть, чтобы не натворить всяких глупостей, — проскулил Джилленхол, смазал глаза слюнями, дабы сделать плаксивый вид, и со свистом вылетел из еврочетырешки.

— Сука-бляяяя! — прорычал Харди, сжав кулаки и подняв фирменное ебало к потолку.

— Такие вы, конечно… — осудительно помотал головой Батлер, наблюдавший за сей картиной из кухни. — Пустомели да клоуны! — усмехнулся он, протирая стол подолом своего плаща.

9 апреля 2005 года.

— С днем рождения, жидяра! — ввалился в комнату Джилленхола бухой сержант Харди, наливший глаза с утра пораньше, и плюхнулся к брату на кровать. — Ну же, просыпайся, падла! Сегодня тебе исполняется восемнадцать,

а это значит, что ты переступаешь порог нового этапа своей жизни! — потянул он Джейка за уши, дабы вытащить голову того из-под одеяла.

— Томми, пидор, что ты творишь?! Больно же! — сонно возмутился Джейк, убрав от себя руки брата и почесав моментально опухшие, но не купированные уши.

— Короче, с днем рождения, Джейки! — продолжил свои праздные речи Харди. — Вот тебе — подарок от сержанта, — протянул он брату какую-то коробочку в блестящей упаковке.

— Что это? — пытливо заерзал ягодицами по кровати именинник из шара, принимая дары брата. Он с интересом открыл крышку и заглянув внутрь. — Ээээм… Опасная бритва? — извлек он презент. — И нахуя она мне?

— А нахуя она мне нужна была? Но тем не менее, отец мне подарил аналогичную в пятнадцать в знак… — начал пояснять за подарок Том.

— Ах, в пятнадцать… — устало покачал головой Джейк, положив бритву обратно в коробку. — То есть ты как бы провел параллель… Приравняв меня восемнадцатилетнего к себе пятнадцатилетнему… Что ж… Я понял твой подъеб, спасибо, Томми! — язвительно обратился он к сержанту.

— Ой, да что ты мелешь, пиздюк? — цокнул Харди. — Нет никакого подъеба! Даже и не думал ни о каких параллелях! Оно, сука-бля, нужно сержанту? Пасхалить так беспонтово? Ну уж нет! Ладно… Хватит этих глупостей. У меня для тебя есть еще один подарок. В честь того, что ты, сука-бля, стал совершеннолетним, сегодня я поручу тебе одно очень важное дельце для нашей шараги! Раньше тебе не доводилось в таком участвовать, да и к тому же — ты будешь исполнять все один. Без чьей-либо помощи. Как такой поворот? Ммм? — приподняв шрамированную бровь, томно взглянул он на брата.

— Ну уж спасибо, — подкатив глаза, саркастически усмехнулся Джилленхол, отложив коробку в сторону и опустив ноги с кровати на пол. — Мне это не интересно. Ты же знаешь, что я вот уже как несколько дней устроился на новую работу. Так что остальное мне неинтересно! — надевал он носки на свои взлохмаченные ото сна стопы. — Я должен стать самостоятельным, независимым ни от кого, а для этого мне нужно построить карьеру! Именно этим я сейчас и занимаюсь…

— Ой, сука-бля, — беспечно отмахнулся Харди. — И какова твоя работа? Какой-нибудь школьный юрист или типа того? Нахуя тебе эта шляпа? Когда можно работать с нами — сержантом и Батлером.

— Мне не хочется больше заниматься ничем нелегальным, — бурчал Джилленхол, обувая вьетнамки. — Да не просто заниматься этим, а быть чьим-то мальчиком на побегушках! Вот ты говоришь, что дело, которое ты мне якобы поручил на сегодня, я должен был бы сделать самостоятельно. Но я-то знаю, что это какой-то наеб! Ты как-то хочешь меня проверить или типа того, поэтому либо будешь все контролировать сам, либо поставишь еще кого-то бдить за мной. Что я, не знаю что ли тебя… — потянул он руку к выглаженным серым брюкам со стрелками.

— Ты, сука-бля, бредишь, Джейки, — фыркнул Харди, подкурив сигарету.

— Ничего я не брежу… Короче, в любом случае, сегодня я занят. У меня новая официальная работа — взрослая, между прочим! И мне нужно работать не покладая рук, дабы добиться повышения. И знаешь, что мне нравится на новой работе, Томми? А то, что я не на кого-то батрачу, а на самого себя! Во как!

— Ох и пиздююук… — ебливо протянул Харди, выпуская из ноздрей дым. — Ну валяй, Джейки! Иди ебашь в свой офис или где ты там въебываешь на этой своей «взрослой работе», — покривил он еблетом. — Вернешься-то, сука-бля, во сколько? Отметим твои именины.

— Не знаю, — надел белую рубаху карьерист из шара, застегнув ее под самый воротник. — Смотря какая загруженность будет. Может часов в восемь

вечера, а может и за полночь. Впрочем, отмечать ничего не надо. Только дети отмечают этот праздник, а для взрослых — это чепуха. Не нужно мне никакого празднования, — взял он кейс и удалился из спальни.

Том подкатил глаза и пошел за советом к эффектному Батлеру. Спустя полчаса, суть проблемы была худо-бедно, но донесена да Леонида.

— Томми, хватит уже всех этих игрищ! Зачем ты ведесси на его провокации? — охал бородач, взбалтывая венчиком в чаше каменный крем для именинного торта. — Вы оба хороши! Устроили незнамо что! Кому это надо-то? Кому-кому? Да никому! Хватит уже этой околесицы! Давай просто дождемси Джейки, посидим, отметим его день рождения, и без вот этого всего! — осуждающе ударил он венчиком по бедру.

— А ты что, торт что ли готовишь, сука-бля? — заглянул в чашу с некой бело-розовой хуйней Том и скривился. — Может лучше закажем жрачки какой к его приходу? Ммм? Ну, чтоб не заморачиваться! Ты не подумай, я ничего не имею против твоих тортов! — положил он руку на левую грудину. — Но, сука-бля, нахуя эта морока?

— Заказывай что хошь, а торт я допеку, — подкатил глаза Леонид.

— Ладно, сука-бля, пеки, но остальное я сам закажу, — полез Харди в карман скамов. — С утра как раз, когда ходил в минимаркет себе за вишневым виски, достал из почтового ящика флаер какого-то ресторана нового, откуда еду доставляют. Оттуда, сука-бля, и закажу жратву на вечер, — состроил он фирменный еблет, наставив указательный палец на друга.

Вечером того же дня.

— Ну и где этот пиздюк? — цокнул Том, наливая себе очередной стакан виски и уже еле ворочая языком, ведь занимался потреблением этого благородного напитка целый день кряду без перерыва на сон и обед. — Скоро уже жратву привезут, сука-бля, а его все нет!

— Да успокойсси ты уже, Томми! — пихнул его кулаком в плечо Батлер, устанавливая на журнальный столик некое подобие праздного торта. — Придет он, никуда не денетси. Дай ты ему попробовать себя в чем-то еще! Ну поработает пару деньков, пойметь, что это неблагодарная работенка, да и вернется в нашу шаражку. Но зато сам, и тебя понукать не будет!

— Ой, сука-бля, да похуй мне, где он там работает! — махнул Харди в сторону входной двери. — Пусть ебется, как хочет, умник ебаный!

— Ну, а что ты тогда дергаисси? — ухмыльнулся Леонид, пытаясь воткнуть в торт свечу, но в итоге та расколола его на две части.

— Да жрачку уже просто скоро привезут, — постучал сержант пальцем по циферблату наручных часов, где стрелки близились к восьми часам.

— Ну начнем без него, что тут такого, — пожал плащом Батлер, склеивая торт жидкими гвоздями.

— Действительно, до пизды, — состроил свой фирменный еблет Том, разведя руки в стороны.

Он опрокинул стакан виски и не успел проглотить, когда раздался дверной звонок.

— О, сука-бля, а вот и жрачка! — поспешил проглотить алкоголь Харди, даже не поморщившись, хлопнул ладонями о колени, встал и направился открывать.

Распахнув дверь, сержант увидел на пороге курьера, стоящего к нему спиной, на которой был взгроможден огромных размеров квадратный рюкзак. На голове красовалась красная бейсболка под цвет футболки и вьетнамок.

— Я не ошибся? Это же квартира 24а? — бормотал курьер, сверяя номера квартир вокруг с бумажкой у себя в руках.

Харди приподнял шрамированную бровь, оглядывая доставщика с ног до головы. Не успел Том охуеть, как в тот же миг ебанулся, когда курьер наконец

обернулся, продемонстрировав свои безбожно красивые синие глаза.

— Добрый вечер! — улыбнулся доставщик, на груди которого был прикреплен бейдж с нарисованным логотипом ресторана в виде шприца с вилкой вместо иглы, под которым было написано…

— Джейки? — отшатнулся бухой в нуль Харди, охуев от увиденного.

— Секундочку! — поднял вверх указательный палец курьер из шара, снял с плеч здоровенный рюкзак и принялся в нем шарить. — Ваш заказ от «Gosha's euphoria»! Вкусный сорт героина для настоящего дворянина: забудь о наркоте ты навсегда, ведь теперь твой кайф — еда! — артистично продекламировал Джилленхол, всучив в руки Тому здоровенный контейнер с угощениями.

— Чего, сука-бля? — принял заказ сержант, округлив глаза в блюдца.

— Наш слоган… Вкусный сорт героина для… — вновь начал было Джейк, но тут же был бестактно перебит.

— Что за ебала, пиздюк? — прорычал Харди, схватив брата за футболку и притянув нос к носу.

— Прошу прощения? — отстранился от него парень из шара, деликатно убирая от себя руки Тома. — С вас двести двенадцать — пятьдесят. Если можно без сдачи, — мило улыбнулся он, протягивая сержанту чек.

Тот, фыркнув, оттолкнул брата, поставил контейнер с едой на обувную полку и выхватил чек из его руки.

— Спасибо, сука-бля… — процедил Харди, решив взять себя в руки, ведь не намерен был проебать еще один раунд этой никому непонятной игры. — Вот, сдачу оставь себе, пацан… На чай… — пошарил он по карманам скамов и протянул Джейку двести пятьдесят долларов.

— Благодарю, — кивнул Джилленхол, засовывая деньги в нагрудный карман. — Вы очень любезны, сэр…

— Ребятюни, может хватя уже этой клоунады? — крикнул Батлер с кухни. — Джейки, ну чего ты добиваисси? Все уже поняли, что ты хотел донести. Так ведь, Томми?

— И как? Хорошо вам платят в этой вашей… «Gosha's euphoria»? — прочитал Том название с бейджа и щелкнул по нему пальцем, совершенно проигнорировав миролюбивые советы друга.

— Вполне достойно, — продолжал учтиво улыбаться Джилленхол.

— Понял, сука-бля… У меня просто брат младший тоже недавно устроился курьером работать… Вот переживаю… — пояснил за вопрос сержант, засунув руки в карманы и раскачиваясь взад-вперед на пятках.

— Не переживайте, сэр! На жизнь хватает, — ответил Джейк, сложив пальцы обеих ладоней в кольца.

— А большего вам, сука-бля, и не надо… Ну понял… Понял, сука-бля, — злобно двигая челюстью, изобразил нечто отдаленно напоминающее улыбку Харди. — Ну все, приятель, тебе пора, клиенты не любят ждать. Ну, а мы с другом тут отмечаем кое-что, так что спасибо за хавку на закуску, — похлопал он брата по плечу и стал подталкивать к двери.

— Приятного вам вечера, будем рады стать вашими постоянными дилерами съедобного кайфа, — отчеканил парень из шара и вышел из квартиры.

Том уже хотел было с психом захлопнуть за ним дверь, как курьер резко развернулся и вновь протиснулся в еврочетырешку.

— Боже! Простите! Я всего пару дней работаю и чуть не забыл! — хлопнул он себя по козырьку бейсболки. — «Gosha's euphoria» ценит своих торчков, поэтому каждому новому клиенту небольшой подгон, то бишь комплимент от шефа! Вы только взгляните — диетический кайф по эксклюзивному рецепту специально для вас — пирожное из брокколи с марципаном и шпинатным безе! Пусти по венам десерт!

— Из брокколи, сука-бля? — передернуло Харди, а его ебало скривилось в

гримасе отвращения.

— О, да! Звучит необычно, но это не только безумно вкусно, но и весьма полезно! — подскочил Джейк к контейнеру с едой и распахнул его, демонстрируя непонятные пироженки с зеленым кремом.

— Сука-бля… — поморщился Харди, глядя на сладкие комплименты от шефа. — Пожалуй, мы откажемся от этой шляпы, у нас вон… Торт, сука-бля, имеется, — махнул он рукой на разъебанное творение Батлера.

— Что вы! Вы не знаете от чего отказываетесь! — затараторил Джилленхол, схватил одно пирожное и подсунул под нос Тома. — Брокколи — это же кладезь витаминов и микроэлементов! Так всегда говорила моя матушка…

Ноздри Харди раздулись, как глупые надувные лодки, он поднял взгляд с пирожного на брата, яростно стиснув зубы и двигая желваками.

— А ваша маменька вас такому не учила? — беззаботно продолжил Джейк, ткнув зеленым кремом брату в нос.

— Сука! Урод ебаный! — взорвался сержант, выбив из руки провокатора из шара броккольный десерт, который влетел в стену и неприятно сполз по ней на пол. — Сукааа… Сейчас блевану… — простонал он, вытирая нос от крема, и тут же все содержимое его желудка, в большинстве своем состоящее из вишневого виски, выплеснулось в контейнер с едой.

— Вкусный сорт героина для настоящего дворянина: забудь о наркоте ты навсегда, ведь теперь твой кайф — еда! — быстро протараторил Джилленхол. — Спасибо за чаевые! — добавил он и юркнул за дверь.

— Пидорас ебаный! Я, сука-бля, сейчас тебе покажу мамкины советы! — схватил Харди бейсбольную биту и рванул за братом.

Но будучи пьяным в хуй с самого восхода солнца, далеко убежать ему не удалось. Он споткнулся о порог еврочетырешки и кубарем вывалился в общий коридор. Джейк же Джилленхол в это время успешно ретировался, стремглав несясь по лестнице вниз и перепрыгивая через три ступеньки.

— Томми! Ты угомонисси или нет! — выскочил из квартиры Леонид, поднимая друга с пола плащом. — Ну ты разве не понимаешь, что Джейки все это делает специально, чтобы тебя до белого каления довести? Ты, давай-ка, остынь, не кипятись и будь умнее!

Сержант лишь что-то невнятно прокряхтел и, с трудом встав на ноги, потопал обратно в гостиную, где, не внимая словам Батлера, раскаленный добела, уселся за стол и продолжил молча жрать виски.

Через два часа, открыв дверь ключом, вернулся Джейк — как ни в чем не бывало.

— Здорово, пацаны! Ох, что-то так я устал, — вздохнул он, стряхивая с ног вьетнамки и зашвырнув кейс по коридору в сторону своей спальни. — А вы что ли все меня ждете?

Харди лишь поводил невменяемыми стеклянными глазами по сторонам, а Леонид взорвал праздную хлопушку и налил для именинника шампанского.

— Оу, спасибо! Простите, что так долго — работы выше крыши! — принял бокал Джилленхол. — Ложились бы спать, не ждали…

— Ну как же, — приобнял его за плечи Батлер. — У нашего Джейки сегодня день рождения — какой там спать!

— Эх, так и думал, что дождетесь, — сладко улыбнулся Джилленхол, сощурившись и слегка пригнув голову, когда Леонид шутливо трепал его, натирая макушку кулаком. — Я, кстати, кое-что принес! Проставляюсь, так сказать, за днюху. К тому же сегодня получил неплохие чаевые! — продемонстрировал добытчик из шара огромный пакет с логотипом в виде шприца с вилкой вместо иглы.

— Отлично, Джейки! Это то что нужно! — забрал у него пакет Леонид и

принялся выставлять еду на стол, совсем не желая участвовать в этом цирке двух братьев-ебанатов. — Ну давай уже, усаживайси, да хряпнем по-маленьку за твое здоровье.

Батлер эффектно плеснул по трем стаканам виски, один взял в руки, остальные два придвинул к Джейку и Тому.

Только Леонид успел открыть рот для оглушительного тоста в честь синеокого именинника, как Том махом опустошил стакан и встал из-за стола.

— С днем, сука-бля, твоего обдроченного рождения! — пробыдлил он и ударом ноги опрокинул стол. — Спокойной ночи, нахуй! — состроил он свой фирменный еблет, показав «факи», и походкой пьяного уебка двинулся в свою комнату.

— Томми! — взвизгнул Батлер, пытаясь в полете словить торт, но тот со звоном упал, расколовшись о ламинат.

— Что это с ним? — беззаботно спросил Джейк, полоская рот виски и с ухмылкой провожая брата взглядом.

Леонид лишь цокнул и помотал головой, одарив парня из шара осуждающим взглядом, после чего взял метлу и стал заметать ошметки еды и осколки торта. Победитель из шара самодовольно хмыкнул, поднял из горы мусора фрикадельку, закинул ее в пасть и удалился, решив отдохнуть от тяжелого трудового дня.

Глава 78: Наглые

Следующие несколько дней Харди не желал никаким образом контактировать с не на шутку выбесившим его братом, посему проводил в комнате все время, что тот был дома. В его же отсутствие Том только и делал, что в немереных количествах потреблял алкоголь, словно глупая мисс Стрип. Что тут сказать? Поведение поистине взрослого человека, готового быть наставником младшему брату, да еще и претендующего на роль его «отца».

12 апреля, когда время уже близилось к полудню, Харди осторожно выглянул из спальни, сканируя похмельным взглядом местность на наличие Джилленхола. Не обнаружив его в коридоре, он на цыпочках покрался в сторону гостиной-кухни. Выглянув из-за угла и убедившись, что путь свободен, сержант прошмыгнул к холодильнику, тихо открыл дверцу и стал доставать оттуда бутылки пива, наталкивая их себе в карманы скамов.

— Все шоркаисси? — окликнул Тома голос Леонида, заставивший его подпрыгнуть до потолка и выронить все пивные припасы.

— Сука, Батлер! — взвизгнул Харди, ошалевше уставившись на друга, стоящего в арке между коридором и гостиной.

— Может хватя? Ты своим поведением первоклашки даешь понять Джейки, что опростоволосился и проигрываешь в эти ваши игры! — упер бородач руки в бока. — Ты же взрослый! Прекращай немедля! Доколе это будет продолжатьси?

— Ой, все! — подкатил глаза Том и стал торопливо пихать новые бутылки в карманы.

Заполнив их до отказа, он быстро, но аккуратно стал переступать через тысячи осколков и огромную пивную лужу, торопясь вернуться в свое убежище.

— А убирать кто будет? — прикрикнул на него Батлер, преградив путь плащом.

— Ты, сука-бля? — состроил свой фирменный еблет сержант и хотел юркнуть под рукой Леонида, но тот прижал его голову локтем к своему боку. — Пусти, петушара! — из всех сил сопротивлялся Том, брыкаясь ногами, но одолеть друга ему было не под силу, ведь тот была куда крупнее его, да и вовсе не был конченым торчком и бухариком, в отличии от некоторых.

Эта бестолковая борьба продолжалась несколько минут, пока ее не прервала распахнувшаяся входная дверь.

— Оу, как-то тут грязновато… — услышал сержант, зажатый в хватке Леонида, женский голос.

— О, Джейки! — помахал рукой Батлер и, тем самым, выпустил Тома.

Тот до сего момента все пытался сопротивляться, и по инерции завалился вперед, въебавшись своим бестолковым лбом в незакрытую им же дверь своей спальни.

Когда звездочки, закружившиеся из-за удара над лысиной Харди, рассеялись, сержант обернулся и охуел до безумия.

«Послушай, Том, это еще что за пизда?» — подумал он, бьясь в агонии встречи с незнакомцем.

— Пацаны, это Тайра, моя девушка! — ответил Джилленхол на вопрос, который его брат даже и не успел озвучить.

— Дюже приятно с вами познакомиться, — подошел Леонид и протянул девке ладонь в эффектных цыпках.

— Меня зовут Тайра Бэнкс! — помотала указательным пальцем девица, подвигав в такт жопой.

Харди лишь продолжал сидеть на заднице не в силах понять, где он проебал тот момент, когда брат начал ебать негритосок.

— Аааам… Ээээм… — замычал Том, даже и не зная, что принято говорить в

подобных ситуациях.

— Тайра теперь будет жить с нами, — объяснил Джилленхол, вкатывая в квартиру огромный чемодан леопардовой расцветки. — Ибо, кажется, у нас все чертовски серьезно! — поднял он вверх указательный палец.

— Батюшки свят! — счастливо хлопнул уголками плаща Батлер. — Да не уж-то наш Джейки остепенилсси?

— Именно, Леонид! — щелкнул пальцами бойфренд из шара. — Ведь крутить легкомысленные интрижки — это так глупо! Так по-детски! А вот попробовать себя в серьезных отношениях… Не это ли поступок взрослого и состоявшегося человека?

— Ну, все понятно, — эффектно подкатил глаза бородач, поняв, чего добивается Джилленхол.

— Сука-бляяяя… — протянул сержант, ведь ему уже порядком надоела вся эта эпопея с неким братским турниром. Но все же он понимал, что в этот раз точно должен победить Джейка! Этот стимул придал ему сил, и Том поднялся на ноги. — Ну, что ж, очень приятно, Тайра, сука-бля, как там тебя…

— Дорогуша, это ты тут такой бардак развел? — накинула возмутительный нигерский вопрос Тайра, обращаясь к сержанту. — Я не люблю жить в таком беспорядке! Так что будь так любезен, сахарок, убирайся за собой!

— А я не люблю! Когда в мое личное пространство врывается женщина! Так что заруби себе на носу, пизда — живя в квартире сержанта — к сержанту не лезь, а также строго придерживайся его правил, и тогда мы не помешаем друг другу! Усекла?

— Это что — угроза, а, лысый? — продолжила дерзить негритоска, смерив Харди своим до безобразия афроамериканским взглядом. — Быстро убрал за собой весь кавардак!

— Моя квартира, когда захочу — тогда и уберусь! — саркастически мило улыбнулся Том. — Джейки, можно тебя на пару слов, — подозвал он брата пальцем и удалился в свою спальню.

— Что-то не так, Томми? — заглянул туда спустя мгновение кожаный нос. — Хочешь сказать, чтоб она валила? Что все это несерьезно и завтра же я от нее сбегу? — задавал он провокационные вопросы.

— Послушай, пиздюк, это твое дело… — устало причесал большим и указательным пальцами непушистые брови Том. — Ебись как хочешь. Твоя жизнь. Только это, хотел бы тебя кое в чем предостеречь, сука-бля…

— На правах «отца»? — нарисовал кавычки в воздухе Джилленхол.

— На правах старшего брата. Ты это… Предохраняйся-то с этой, — указал он взглядом на дверь.

— Думаешь, я сам не знаю, что делать? — недовольно скрестил руки на груди Джейк.

— Я просто дал, сука-бля, совет, — раздраженно цокнул Харди.

— Хорошо, учту! Все же ты взрослый и на опыте! Кому, как не тебе знать такие вещи! — покривил мордой человек-пес из шара. — Ну что ж, пойдем чайку попьем? Мы с Тайрой тортик купили. Посидим, поболтаем, а заодно познакомитесь с ней поближе…

— Нет, у меня, сука-бля, дела, — буркнул Харди, сев за ноутбук, и деловито начал выводить курсором прямоугольники на рабочем столе.

— Ну ладно, — поджал губы Джилленхол. — Ну, а вечером ты свободен? Можем сходить в бар по-взрослому — просто посидеть, поболтать, выпить немного вина… Без всякого дибоша и напизживания. Я возьму Тайру, ты возьмешь свою девушку…

— Ты издеваешься надо мной, пиздюк? — оторвал от экрана взгляд Том, приподняв шрамированную бровь.

— Хм… Чем же? — состроил гримасу непонимания Джейк.

— Ты знаешь, что у меня нет шкуры! И я не планирую! Вступать ни с кем, ни в какие отношения! — гневно раздувал ноздрями Том.

— Ну, как-то это… Не очень по-взрослому, — мило подъебал Джейк брата. — Ну то, что у тебя никого нет… Вообще, как-то странно… Я ни разу не видел с тобой рядом девушку… Знаешь, это начинает наводить на некие мысли…

— Так, сука-бля, на хуй иди! — психанул Том, схватив с прикроватной тумбочки томик Толстого и кинув его в брата. — Я занят! Мне некогда говорить с тобой о всякой чепухе!

— Все! Я понял! Понял! — поднял ладони вверх Джейк, удалившись.

Сержант же Том, оставшись наедине, тяжело выдохнул. Мда… Кажется, его ждет тяжелое испытание. Жить под одной крышей с представителем женского пола? Учитывая тот факт, что дамы являются для него ничем иным, как раздражителем. Единственным исключением, пожалуй, являлась лишь гувернантка — Мелисса Маккарти. Да что ж ты так взъелся-то на шкур, Том?! Ты даже и не вступал с ними не в какие контакты, будучи «взрослым». Думаешь, все девушки такие же, как та хохлушка Мила? Думаешь, что твоя мамаша была права, утверждая, что ни одной женщине не будет интересно с тобой — глупым инвалидом? Хм… Может стоит пойти наперекор словам мисс Стрип, как, например, ты делаешь это с курением? Глядишь, что-то бы, да и вышло! Что говоришь? И слышать про это не хочешь? Ну, понятно все с тобой…

В тот день Харди даже и не покинул спальню, обдумывая, какую бы тактику ему следует избрать, дабы не сорваться и в этом раунде. Том решил, что постарается вести себя сдержанно, будто ничего такого и не произошло. А там, возможно, такому непостоянному Джилленхолу и самому надоедят все эти «серьезные отношения», и парень из шара выгонит из сержантской халупы наглую негритоску.

На том и порешал.

Но на следующий день, когда Том проснулся и вышел из спальни, на кухне его ждал неприятный сюрприз. За столом, задрав на него ногу, сидела Тайра в возмутительно розовом халате и делала себе педикюр. Она подняла на парня раздраженный взгляд и молча уставилась на него.

— Где мой брат, сука-бля? — поинтересовался Харди, пройдя мимо нее и включив электрический чайник.

— Ушел, — отвратительно ответила Тайра, продолжая буравить Тома остервенелым взглядом. — У него работа!

Опачки! Вот это поворот! Сержант Харди явно был к такому не готов! Ведь знал, что брат бросил работу курьера еще на прошлой неделе. И тогда куда же он пошел… Ах! Кажется, Джейк все это специально подстроил! Оставил брата в квартире со своей девушкой один на один! На целый день! Учитывая тот факт, что Леонид в последнее время чуть ли не сутками пропадает в кафе, изобретая какой-то новый рецепт фирменного кофе!

«Послушай, Том, твой брат — пидор! Знает же твое отношение к этому вот всему! Хочет таким вот образом выиграть? Добивается, чтобы ты уходил из своей квартиры и лазил целыми днями непонятно где, пока либо он, либо Батлер не вернуться домой? А потом, наверняка думает, что ты взорвешься и выгонишь эту черную шмару из дома? И ведь специально, петушара, подгадал момент, когда ты ушел в отпуск! Вот же жидяра! А вот хуй ему! Сержант назло никуда не будет уходить!» — мысленно злился Харди, шаря по кухонному ящику в поисках своей кружки с гербом департамента полиции Сиэтла.

— Дорогуша, ты случаем ищешь не темно-синюю кружку? — надменно спросила Тайра.

— Где она, сука-бля? — недовольно повернулся к ней Том.

— Я ее выкинула, — надула губы-матрацы девушка. — Зачем нужно это

хламье со сколом? Купишь новую!

— Блять, это моя любимая кружка! Я пью только из нее, какой бы она не была! И буду дальше пить из нее, не изменяя своим принципам верности! — рявкнул хуйню сержант, нажав на педаль мусорного бака, и принялся копаться в помоях в поиске своей посуды.

Найдя свою дражайшую кружку, Том на отъебись ополоснул ее под струей холодной воды, плеснул заварки, а затем кипяточку, который, как раз-таки, подоспел.

— Тебе самому не противно? Свинья! Она же из мусорки! — затараторила девушка.

— Нормально, сука-бля, — спародировал нигерский акцент Харди, усаживаясь за стол. — Фу, блять! Что это? — поморщился он, сделав глоток чая.

— Я заварила специальный фито-отвар! Что-то не так, беложопый? Ну и иди на хуй! — взмахнула кисточкой-крышкой Тайра, оросив смазливый еблет Тома парой капель ядерно-зеленого лака.

— В пиздууу… — протянул он, кое-как проигнорировав в свой адрес дерзости, ведь знал, что наверняка, нагруби он девке, та нажалуется Джейку, а тот немедля прискачет к Харди на разборки.

Он встал из-за стола и направился в гостиную. Там он уселся на диван, включил телевизор и начал перелистывать каналы. Остановив свой выбор на топ-пять лучших клипов Эминема, Харди отложил пульт в сторону и закурил.

— Совсем распоясался, белый?! — вскочила с места Тайра и походкой пьяной обезьяны поспешила на разборки.

— Что-то не так, дорогуша? — покривил ебалом Том, смерив нигершу надменным взглядом.

— Во-первых, мне оскорбительны песнопения этого человека! — выключила она телевизор, где секундой ранее выплясывал мистер Мэтерс. — Рэп — достояние черных! А это — какое-то издевательство!

— А мне нравится Эминем, — состроил свой фирменный еблет Том, зажав сигарету между зубами.

— Во-вторых, нехуй здесь смолить! Уважай людей, которые не курят! А именно — своего брата и меня — его девушку! — выхватила она изо рта Харди сигарету и поспешила затушить ее в недопитом Томом фито-отваре.

— Слышь, хочу и смолю! — легонько взорвался сержант и закурил вновь. — Это моя квартира! Что хочу, то и делаю! И не трогай мою кружку, пизда! Я не люблю…

— Я тоже много чего не люблю! — сузила и без того удивительно узкие для чернокожего глаза Тайра, перебив парня. — Особенно, таких вот грязнуль, как ты! Так что молись, пидорас неряшливый! Тайра устроит тебе сладкую жизнь! И запомни, лысый, не я начала эту войну! — плела она героические и нахуй никому не нужные вещи.

— С хуя ли сержант, сука-бля, неряшливый? — охуел от заявлений Том.

— С хуя ли? — помотала пальцем Тайра. — Посмотри сюда! — указала она на обувную полку, равным рядом на которой стояли сапоги-сандалии и вьетнамки, а вокруг там и тут были разбросаны нечищеные берцы. — Или сюда! — открыла она раздвижную дверь гардеробной, где на вешалках аккуратно висели плащи Батлера и пуховички Джилленхола, а на полу же валялись дубленки Харди. — Уверенна, там меня тоже будет ждать сюрприз! — села она на колени у дивана, запустила под него руку и вытащила горсть мусорских носков, сплошь облепленных пылью и еще какой-то дрочью.

— Лучше не трогай мои носочки, — скривил ебало Том. — Был, сука-бля, период у меня, когда я жил какое-то время один и плотно сидел на наркотиках… Ну, и сама понимаешь, шмара… Крышу рвало — пиздос! Делать было — нехуй! Вот и развлекал себя как мог! — передернул он рукой в воздухе, изображая

дрочку.

— Ебучий пидорас! — заорала на всю квартиру Тайра, кинув в еблет сержанта кипу его закаменевших носков. — Ты дрочишь в них?

— Лишь однажды! — увернулся Том, прикрывшись руками. — Когда обдалвливался. Ибо дрочить в носок свежим — зашквар! — усмехался он, пытаясь довести нигершу до беспредела. Нахуя ты это делаешь? Ты же сам хотел не бесить ее, дабы та не жаловалась на тебя Джилленхолу! Что за приколы, Том?

— Ааагррр! — зарычала Тайра, сжав кулаки, и поспешила в ванную комнату, чтобы скорее принять душ и отмыться от той грязи, что держала в руках.

Том же усмехнулся над комичностью данной ситуации и вновь включил телевизор. Он был так доволен тем, что обвел эту дамочку в два счета, что не то что расслабился — хуй положил на дальнейшее развитие событий! А вот и зря! Знал бы он, что случится с ним буквально через пару часов…

Накупавшись до скрипа, Тайра вышла из ванной с твердым намерением провести в еврочетырешке генеральную уборку. Она стала кидать Тому угрозы, чтобы тот немедленно встал и убрал все свои разбросанные вещи, а иначе она их попросту выкинет. Харди лишь накрутил громкости на максимум, не желая слушать пустые угрозы этой отнюдь не привлекательной особы. Он предостерег лишь раз, чтобы ее черный нос даже и не думал переступить порог его спальни, а если хочет убраться в остальной халупе — ее дело! И да — пускай заодно протрет пыль на всех шкафах, раз уж затеяла генеральную уборку. Чуть позже, когда Тайра занималась выдраиванием кухонной плиты, Том подошел к ней и, закурив, провел небольшой экскурс в историю семьи Харди, рассказав момент про его предка-корабельщика, который имел в своем арсенале не один десяток нигеров, привезенных из Африки в качестве рабов, и нехило пиздил их плетью за непослушание. Сержант уточнил, что является прямым его наследником, и как бы намекнул, что в его генетику заложен тот факт, что белые при любом раскладе являются повелителями мира, а черные — просто некое отребье, рожденное прислуживать им. Тайра выслушала эту охуетительную историю со сжатыми челюстями, не проронив ни слова. Харди же, решив не путаться под ногами, горделиво задрал нос и удалился к себе, дабы немножечко покемарить в послеобеденное время.

Ближе к вечеру, проспав пару часов кряду, Том вышел из спальни и сначала даже и не узнал свою квартиру — до чего ж чиста она была! В гостиной на диване сидела уставшая Тайра с лицом обожравшегося дерьма человека, и смотрела какое-то глупое ток-шоу.

Сержант же решил, что контакта с ней на сегодня хватит, а сейчас можно немного заняться своим любимым хобби — пошивом кукол. Например, можно сшить Тайру и нарядить ее в холщовую робу-мешок, да сделать миниатюрные кандалы на конечности. Да! Это будет круто! Таких кукол в его коллекции еще нет!

«Послушай, Том, вот это ты придумал идейку! А потом можно будет взять и нанести на куклу увечья с помощью гуаши и подкинуть ее пиздюку! Мол, смотри, Джейки, вот что будет с твоей шмарой, если ты ее не выгонишь… Да нет, какой-то бред… — размышлял Харди, не удержавшийся и нюхнувший после сна амфетамина. — Послууушай, а что если его подъебать? Сука-бля! Есть идея! Ты подкинешь ему под подушку куклу твоего отца Кристофера, как бы намекнув, что пытаешься примерить на себя роль его отца! Ебать это его должно взбесить! Прооосто!» — придумал он бредовую идею и принялся шарить по стеллажам гардеробной в прихожей ища коробку, в которой хранил готовых кукол, а также тряпочки для пошива им одежды.

— Слышь, сука-бля, где тут коробка лежала? — рявкнул он Тайре, пройдя в

гостиную.

— Эта такая большая, от пылесоса, что стояла в гардеробной? — состроив лошадиную мину спросила девушка.

— Она, сука-бля!

— С каким-то ненужным хламьем? Куклы, шмотки к ним? — продолжала нагнетать атмосферу Тайра.

— Ты, сука-бля, охуела, шмара?! Выкинула ее?! — кинулся к кухонной помойке Харди и заглянул внутрь, хотя на что он рассчитывал — непонятно, ведь та была в разы меньше потерянной коробки.

— Конечно нет! — вскинула белые ладоши девушка. — Норма ли это — выкидывать игрушки?

— Это, сука-бля, не игрушки! Это моя коллекция! Где она, сука-бля?! — ударил берцем об пол Том, превратившись не то что в обиженного мальчика — в пиздюка!

— Что вы так шумите? Из подъезда вас слышно! — ворвался в еврочетырешку Джилленхол, на подсознании учуяв, что ему срочно нужно домой.

— Коллекция? Ну уж прости, дорогуша, откуда мне было это знать? — с подъебом усмехнулась Тайра. — Я думала это чьи-то старые игрушки! Поэтому и отнесла их в детский дом!

От подобных заявлений Том сначала чуть не схватил от ярости клина, затем все же смог сдержать себя в руках и забился в агонии обреченности и несправедливости. Господи! Да у него уйдут годы, дабы вновь сшить все нагло украденные экспонаты! Каких только кукол не было в коллекции сержанта — от Джонни Деппа до бабки Сарандон, которую в свое время жарил его друг Лео! Но теперь не осталось ничего! Даже замызганной куклы Мэрил Стрип! Сука, Тайра! Что же ты натворила?! Ты отдала не только коллекцию Тома — ты отдала часть его души!

— Тайра, ёб твою мать! — схватился за бестолковую голову парень из шара. — Ты что, отдала туда всю коллекцию кукол Томми?!

— Ну, а что, он какой-то маленький — в кукол играть?! — возмущенно рявкнула нигерша. — Уже взрослый — пускай коллекционирует монеты, марки, корабли в бутылках собирает, в конце концов! Нахуя шить шмот для кукол?!

— Блять, Томми, я что-то придумаю! — подлетел к брату Джилленхол, взяв его за плечи, ведь знал, насколько все это тряпье было сержанту дорого.

— Забей, Джейки… — кое-как выдавил из себя Харди, надев на лицо маску хладнокровия. — Она права — нахуя они мне нужны? Я уже взрослый для всего этого дерьма… Следовало давно избавиться от них… — отстранил он от себя Джейка и, еле перебирая ногами от отчаяния, поплелся к себе в спальню, где и закрылся изнутри.

— Ты взрослый? — нахмурился Джилленхол. — Так, стоп, а причем тут это? Мы же мою взрослость, кажется, пытаемся доказать… А что, если… — задумчиво почесал он подбородок.

— Ну что, пойдем ебаться? — прервала поток его размышлений Тайра. — Весь день тебя ждала! Пора и честь знать! — схватила она его за руку и повела жариться.

Всю ночь сержант Том просидел на подоконнике, не сомкнув глаз ни на минуту. Он был настолько раздавлен выходкой нигерши, что правостороннее сердце рвалось от боли! Как же так… Неужели он больше никогда не увидит изумительную куклу Джеррарда, над каракулевой шапкой которой работал не один день, не получит порцию позитива от куклы Брэда Питта, не посмотрит в глаза кукле Кристофера Уокена и не скажет ей о том, что ему жаль… Да, все это по истине больно… Больно и обидно…

Все эти душераздирания сопровождались орами из-за стены, за который

Джилленхол слишком громко ебал свою черную подругу, а та — ну слишком громко стонала! Под утро, когда стоны стихли, Том вытер со щеки последнюю скатившеюся слезу и пообещал быть сильным с сегодняшнего дня! Больше он не даст ни малейшую слабину ни перед братом, ни перед его шмарой! Теперь он будет сильный! Независимый! По крайней мере, Том попытался уверить себя в этом…

Кстати, друг, не забыл какой сегодня день? День твоего рождения! Целых двадцать два года! Ну ничего себе, какой большой стал! Давай, держи там хвост трубой и не поддавайся на провокации! Все будет хорошо! Ладно, больше об этом не будем, ведь знамо, как ты ненавидишь сей праздник…

Глава 79: Двадцать два

С утра Том вышел из спальни и, минуя коридор и гостиную, направился прямиком к выходу. Он решил, что, даже если это и покажется кому-то слабостью, лучше он проведет этот день вне дома. В противном случае, сержант рисковал сорваться и устроить грандиозный скандал с элементами истерики, что, на его взгляд, совершенно точно обозначало бы полное фиаско, к которому он и так был ближе некуда.

— Томми, ты куда? — преградил ему путь Джейк, когда Том зашнуровал берцы и поднялся с пола.

— На работу, сука-бля, — буркнул Харди, проталкиваясь к двери.

— Ты же в отпуске, — прищурился Джилленхол, заслоняя дверную ручку.

— И что? Важные, сука-бля, дела. Без сержанта хуй кто может справиться, — развел руки Том, подкатив глаза. — Джейки, ну хули ты как маленький? У меня свой бизнес, тут не бывает отпуска.

— Так пусть Батлер съездит, — махнул парень из шара на Леонида, варившего турецкий кофе на песке.

— Да, давай я подсоблю, — кивнул бородач, не отрывая взгляда от чарующего напитка.

— Не надо, сам, сука-бля, справлюсь, — отмахнулся Том и рывком отпихнул Джейка от двери.

— Даже не позавтракаешь? — ахнул Джилленхол, округлив свои пленительные синие глаза. — Я яишенку жарю, может все же перекусишь?

— Сам о себе в силах позаботиться! — рявкнул Харди и распахнул дверь.

— Ну, может, хоть кофею? — заорал Батлер, подняв турку с песка.

Ответом ему был лишь оглушительный хлопок входной двери.

Джейк приставил свое псиное ухо к замочной скважине и, удостоверившись, что брат спустился вниз и вышел из подъезда, развернулся и хитро улыбнулся.

— Пацаны, а ну идите сюда! — поманил он ладонями Леонида и Тайру, которая как раз только вышла из душа. — У меня бомбичный план! Сегодня же у Томми день рождения, мы должны…

— Джейки, ну он же дюже не любит этот праздник. Зуб даю — Томми не на шутку осерчает на нас, не думаю, что мы в праве что-то устраивать в этот день, — перебил Леонид, отставив кофе в сторону и скрестив руки на груди.

— А я не думаю, что это так важно! — выставил ладонь вперед Джилленхол, давая понять, что не намерен отступать от своего бомбичного плана. — Не любит — так полюбит! Просто не отмечал никогда, вот и не знает, что это такое.

— Ладно, я в деле, — протянул Батлер, подкатив глаза, ведь решил хоть как-то проконтролировать процесс и попробовать повлиять на него, дабы по максимуму снизить предстоящий стресс для друга.

Аниматор из шара начал быстро выкладывать свои идеи на счет праздника, и поручил Батлеру кучу заданий по подготовке. Тот молча выслушал, отмечая про себя насколько тот или иной пункт будет приемлем для Харди, и тут же продумывая, что можно скорректировать, от каких идей вообще стоит отказаться, а какие вполне себе не дурны.

Когда Леонид вышел из квартиры со списком важных покупок и поручений, Джейк подскочил к Тайре, которая выслушивала бредни бойфренда с подкатанными глазами, сидя на диване, и плюхнулся рядом с ней.

— А для тебя, моя милая, у меня есть особое задание, — обольстительно улыбнулся он, положив руку на черную коленку.

— С чего это вдруг я должна участвовать в этом всем? — покривила большими губами мисс Бэнкс. — Мне это все не интересно, дорогуша! — по-нигерски помотала она пальцем перед кожаным носом.

— Хм! Тогда тебе может будет интереснее пожить у себя дома с пятнадцатью твоими черномазыми братьями — крэковыми наркоманами, между прочим! — приподняв пышную бровь, уставился на нее Джейк, схватив за неистово мотающийся перед носом палец. — Не думала, что однажды кто-то из них, обхуярившись до неузнаваемости, словит клина и изнасилует тебя, а потом к нему присоединятся и остальные и пустят тебя по кругу? — плел хуету хуеплет из шара, рассыпая для себя дорожку кокаина. — И кто знает, чем это закончится? Групповое изнасилование это тебе не шутки! Не думаю, что ты готова принять в себя пятнадцать здоровенных нигерских хуев! Может и вовсе посадят тебя на «перо», потом расчленят и зальют бетоном во дворе вашего дома. Так себе вариантец… Так может лучше по обоюдному согласию разделишь постель со мной, Джейком Джилленхолом… Милым парнем из шара, готовым дать тебе крышу над головой… И за это просящим лишь одну маленькую услугу, — разнюхался он и потер нос.

— Лааадно, — спустя минуту молчания протянула Тайра, купившись на небылицы этого красноречивого человека, ведь перед душем и сама обкурилась крэка.

— Тортики печь умеешь? — приобнял ее Джейк.

— Ну так… — пожала плечами негритоска.

— Не обязательно, чтоб было вкусно, главное — он должен выглядеть так, — достал Джилленхол из кармана блокнот и авторучку с разноцветными стержнями и стал что-то мулевать.

Вечером того же дня.

Том в дурацком настроении возвращался домой, после того, как обколесил на автобусе весь Сиэтл, заехал в участок перетереть с пацанами последние сплетни и в сотый раз сходил на экскурсию на смотровую площадку Спейс-Нидл. Время уже перевалило за десять после полудня. Он тихо открыл дверь и только было осторожно шагнул внутрь квартиры, как его оглушил резкий шум, вопли, а в ебало полетело незнамо что.

— С днем рождения! — заорал Джейк, взрывая в лицо брату хлопушку.

— С днем рождения, Томми! — подхватил Батлер и с хлопком откупорил бутылку шампанского. Он зажал горлышко большим пальцем и принялся разбрызгивать «игристое» по всей еврочетырешке, не забыв оросить и смазливо-охуевший еблет друга.

— С днем рождения, сахарок! — джазово пропела Тайра и бестолково улыбнулась, ведь буквально за час до этого была отжарена Джилленхолом, который выебал ее похлеще каких-то там пятнадцати нигеров.

— Что… За… Шляпа… Сука-бля, — забуробил Том, вытирая глаза от шампанского и стряхивая с головы конфетти.

— Братишка, я не забыл о твоем дне рождения! — продолжил верещать поздравитель из шара, набросившись на Тома с объятиями.

Харди же превратился в один сплошной кусок нервной совы и не мог вымолвить и слова.

— Я, между прочим, сам это все придумал и сам организовал! Круто, да? Ты рад? Рад, а? — не унимался тараторить Джейк, обхватив брата за торс, сцепив руки у него на спине и задорно приподнимая над полом.

— Угу… Круто… Спасибо, пиздюк… — наконец выдавил сержант, пытаясь выбраться из цепкой собачьей хватки брата.

— Ух, Томми! Какой же ты взрослый! — вздохнул Джилленхол и опустил брата на пол. — Ну давай уже к столу, выпьем за лучшего из лучших!

Харди пораздувал ноздрями, похмурил бровями, поприподнимал одну из них — ту, что шрамирована, сжал челюсти и направился к столу, дабы скорее уже ебануть чего-нибудь спиртного. Он решил, что сильнее всех этих жидовских

провокаций и не должен устраивать рамс. Достаточно немного посидеть за столом с милым ебалом, принимая поздравления, а потом, когда все поднакидаются, заявить, что очень устал, и отправиться спать. Таков был его план на этот праздник. Совпадает ли он с бомбичным планом Джейка? Это вряд ли…

— Я хочу сказать пару слов, — постучал рюмкой по столу Джилленхол и встал. — Сегодня замечательный день… День, когда миру явился мой братишка, Том Харди VIII, из почтенного рода Харди. Не то что я: без роду, без племени… Девиз его предков, как и его самого: «Иди по следу чести»! И Томми идет! Честь — это для него святое! Честолюбие — его второе имя! — плел поздравительную ахинею парень из шара, наглаживая Харди по лысине. — Он для меня — пример для подражания! Образец человека, совмещающего в себе ум, доброту, легкость, верность, ответственность, целеустремленность… Перечислять можно бесконечно! Для меня главное, что он мой брат! И я горжусь им! И мечтаю жить как он, следовать его принципам, расставлять приоритеты как он! Быть достойным называться его младшим братом! В общем, пытаюсь соответствовать… Не всегда получается, конечно. Порой подвожу его, не слушаю его мудрых советов, и забываю благодарить его каждый божий день за все то, что есть у меня сейчас! Я бы даже сказал за свою жизнь: новую и свободную… Спасибо, Томми, ты мой герой! — поклонился он в ноги брату, сняв с головы воображаемую фетровую шляпу. — Буду идти по твоему следу чести, и может, однажды, удостоюсь найти вечный покой в склепе твоих величайших предков. Рядом с Томом I, заработавшим проклятье на весь свой род за воровство; рядом с Томом II, проигравшим свой замок в азартные игры; рядом с Томом III, согласившимся за красивые туфли убирать говно за лошадями в конюшне собственного же замка; рядом с Томом IV, банчившим динамитом, нелегальным алкоголем и проституточками; рядом с Томом V, бутлегером, по-пьяни провалившимся под лед; рядом с Томом VI, любившим побаловаться морфием и пытавшимся при помощи спичек поджечь свой самолет; рядом с Томом VII, Кристофером Уокеном в широких кругах, планокуром, скрывающим грязные дела королевской семьи; ну и с Томом VIII, если вдруг он отдаст Богу душу раньше меня, лучшим из людей!

— Ну я понял… Понял… — заскрипел зубами лучший из людей, сжав кулаки до побеления костяшек.

— Ууу… — с ухмылкой протянула Тайра. — Веселая семейка! И кто же из этих достопочтенных беложопых особ угнетал мой черный народ?

— Тот, что первый, а второй проиграл всех их вместе с замком, — пояснил за рабство Джейк и поднял рюмку ввысь. — В общем, за тебя, Томми!

— За тебя… — неуверенно проорал Батлер, не до конца поняв, была ли речь Джейка хвалебной одой или же ведром отборных помоев, выплеснутых на его друга. От этого неприятного чувства лестной говнистости плащ Леонида поморщился, а сам бородач опрокинул в себя рюмку текилы.

— Спасибо, сука-бля, — выдавил Харди, сверля пустую тарелку лишенным всяческого интеллекта взглядом.

— А теперь — время подарков! — затявкал Джилленхол, взорвав хлопушку. — Мы с Батлером посовещались и решили, что лучший подарок для лучшего из людей это чтооо? Конечно, книга! Леонид! Давай! — взмахнул он рукой в сторону бородача.

Батлер с тяжелым вздохом достал из-под плаща большую коробку в праздной упаковке и водрузил ее на стол перед сержантом.

— Вот, тут полное собрание сочинений Льва Толстого, — похлопал он по подарку спустя минуту гнетущего молчания, воцарившегося в честь того, что Том не намерен распаковывать коробку.

— Ну, сука-бля, спасибо… — недоверчиво взглянул Том на подарочную

упаковку и слегка улыбнулся, ведь такой подарок и впрямь пришелся бы ему по душе.

— Ну же, открывай скорее! — стал разрывать обертку Джилленхол. — Кстати, нам с Леонидом так повезло! В книжном магазине была бомбичная акция! Толстого Леву покупай и в дар ты книжку получай! Смотри, что нам досталось!

— Но! — хотел было вставиться возмущенный крик Батлера, но Джейк перебил его, заткнув рот Леонида здоровенным таким огурцом.

— Вот, зацени! — подсунул даритель из шара под нос брату книжонку, лежавшую поверх писанины русского старца. — «Воспитай в сыне мужчину за 21 день. Пособие для отцов-чайников». М, смотри! Круто, да?

— Да, сука-бля, охуенно. Обязательно прочту, — отстраненно пробурчал Том, бессмысленно глядя в обложку книги, которую Джейк настойчиво продолжал совать ему в нос.

— Ну, вдруг однажды тебе пригодится! Сейчас-то понятно, нахуя она тебе? У тебя и девчонки-то нет, какой уж там сын! — рассмеялся Джилленхол, словно дьявольский младенец. — Если что, дашь и мне почитать? Мы с Тайрой пока по твоему совету предохраняемся, но кто знает, что ждет нас в будущем? Да, малышка? — кинулся он к своей негритоске и расцеловал ее.

— Ладно, сука-бля, достаточно на сегодня, — встал из-за стола Том. — Я что-то слишком устал, не хочу портить вам «праздник», — нарисовал он в воздухе кавычки. — Пойду к себе, отдохну, а вы веселитесь, сука-бля, — бросил сержант на стол салфетку, лежащую у него на коленях во время ужина.

— Что? Нет, Томми! Еще слишком рано! — ринулся к нему Джейк, пытаясь усадить обратно за стол.

— Джейки, хай идеть покемарит, — влез Батлер, которому было предельно ясно — еще немного и будет скандал. — Ну уморилси человек, — похлопал он Харди по плечу и почувствовал, что того уже потрясывает от нервного напряжения.

— Ладно, — опустил уголки губ Джилленхол. — Но еще хотя бы пять минуточек! У Тайры тоже есть для тебя подарок! — схватил он брата за запястье и по-щенячьи заглянул ему в глаза.

Том лишь раздраженно подвигал желваками, бегая взглядом туда-сюда.

— Ну она так старалась! Хотела сделать тебе приятно, ведь желает наладить с тобой отношения! Тайра ведь прекрасно понимает, что отношения у вас не заладились с самого начала, и хочет загладить свою вину. А то сколько вам жить под одной крышей? Может и всю жизнь! Так что надо бы вам найти общий язык! — молол незнамо что Пиноккио из шара, кожаный нос которого, казалось, вот-вот вырастет настолько, что выколет Тому глаз.

— Пффф… — прыснула со смеху Тайра, которой было максимально поебать на этого лысого.

Сержант Харди вздохнул, закрыл глаза ладонью и уселся на место, решив не вступать в какие-либо перепалки, а быстрее закончить весь этот спектакль. Мудро, Том, мудро… Похоже на поведение взрослого человека.

Джейк жестом предложил Тайре преподнести свой дар сержанту. Та, закатив глаза до упора, подошла к холодильнику и достала оттуда…

— Торт? — взвизгнул Батлер, позавидовав красоте сия кулинарного творения.

Том убрал руку от лица и увидел перед собой на столе торт, обмазанный белоснежными взбитыми сливками. Сверху была выложена свежая клубника, обрамленная по кругу прелестными розочками из крема. В миг перед глазами встал торт, приготовленный ему матерью на четырехлетие. Он был в точности таким же и также пах ванилью. Приторно-сладкий аромат, пряный с нотками горечи. Аромат обиды и одиночества.

— Ну как? Аппетитно, правда? — расплылся в торжествующей улыбке Джейк. И откуда же ты знаешь, как выглядел тот торт, что с точностью смог воссоздать его? Что говоришь? Брат делился с тобой сокровенными историями из детства и поведал этот случай? Не думаешь, что это слишком — выносить на показ настолько личные переживания?

— Спасибо… — еле слышно пробормотал Том, закивав головой и поджав губы.

— Ну что? Время загадывать желание? — хлопнул в ладоши пасхальщик из шара, достал из кармана свечку, воткнул по центру торта и поджег.

Том с минуту буравил взглядом торт, затем обмакнул палец в розочку из крема и облизал. Вместо сладкого вкуса он почувствовал тошноту и отвращение. Отвращение к самому себе: он все тот же четырехлетка, не в силах справиться с нападками и унижениями. Ему захотелось швырнуть торт в оконное стекло, как когда-то это сделала его мать, но совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь опять заставил его вытирать крем. Харди часто задышал, пытаясь справиться с предательски подступившими слезами. Затем склонился над тортом, задул свечу, быстро встал и двинулся прочь из гостиной.

— Поздравляю, Джейки, победа твоя… — бросил он, уходя.

— И все мои старания ради этого? — возмущенно махнула рукой Тайра, в сторону арки, ведущей в коридор, где скрылся Том.

Джейк и вовсе стоял и молча хлопал глазами. Совсем не такой реакции ожидал он от брата. Скандала, истерики, боя посуды, драки! Да чего угодно, но не этого.

— Джейки, ты кажется… — заговорил Батлер, спустя минуту неловкого молчания.

— Кажется, я заигрался… — перебил Джилленхол, бестолково почесав макушку. — Блять! Леонид, почему ты меня не остановил?

— Яяя? Да я вас обоих уже две недели пытаюсь вразумить! — охуел бородач от таких нападок в свой адрес, ткнув себя плащом в грудь.

— Ладно, не думаю, что сейчас это важно, — вновь перебил виновник из шара. — Тайра, думаю нам надо расстаться. Дверь вон там, — махнул он в сторону выхода.

— Но… А как же мои братья? Ты говорил, что они меня… — по-черному причитала мисс Бэнкс.

— Мало ли что я говорил! Я их знать не знаю! Наверняка, они хорошие ребята! — вскинул руки Джилленхол. — Все, между нами все кончено! Торт, кстати, можешь забрать. Покушаете с братьями… — взял он со стола блюдо, всучил в нигерские руки, и стал подталкивать девушку к двери.

Вскоре Тайра была выпровожена, и Джейк, захлопнув за ней дверь, схватился за голову. Он понял, что не просто перегнул палку, а сломал ее к хуям и без всяких шуток обидел брата, задев за самое живое и разворошив кучу старого дерьма, которое тот так тщательно пытался закопать в глубинах своей памяти. И вообще, хоть весь конфликт изначально и был на счет чрезмерной опеки Тома над братом, суть была совсем не в этом. Джилленхол упустил одну важную деталь. Вся эта напускная брутальность, желание некой власти, жажда контролировать все и вся вокруг — лишь маска, за которой до сих пор скрывается неуверенный в себе пацан. За ним самим нужен глаз да глаз, ему самому требуется помощь и поддержка старшего наставника. И, выходит, уж если кто из братьев и старше в психологическом плане, то уж точно не Том. И это значит, что отныне Джейк должен позаботиться о старшем брате, как если бы он был младшим.

— Бляяять! — зарычал Джилленхол, с силой вцепившись в волосы и затопав сланцами по полу от злости на самого себя.

В гостиной еврочетырешки повисла топающая минутная пауза, по окончании

которой Джейк рванул в свою спальню. Оттуда он выскочил буквально через пару мгновений, держа что-то подмышкой, и направился в комнату брата.

— Томми? Эй… — заглянула в спальню сержанта голова из шара. — Эй, ты где? — протиснулся внутрь и весь парень.

Ответом ему была тишина, лишь со стороны шкафа послышалось шуршание и невнятное механическое сопение. Джейк направился к шкафу и открыл дверцу.

— Томми… — прошептал он и присел на корточки.

В шкафу, обхватив колени руками, средь дубленок и скамов, сидел Харди в своей маске. Он прерывисто дышал, а по щекам катились слезы.

— Сука-бля… — пробормотал Том и стал судорожно вытирать глаза подолом дубленки.

— Томми, братишка, давай поговорим, — начал Джилленхол, но сержант тут же попытался закрыть дверь. — Ну я тебя прошу… — помешал ему парень из шара, уперев ладонь в дверцу.

Харди решил больше не предпринимать попыток уединиться, и сильнее обхватил колени, уткнувшись в них маской.

— Ну прости ты меня, я перегнул, — заговорил Джейк, положа руку на сердце.

— Слушай, я тебе сказал, ты выиграл, — забубнил Том себе в колени. — Дай мне побыть одному и самому разобраться с этим…

— Ну хватит, Томми! К чему этот сарказм? — цокнул Джейк, усевшись на пол по-турецки. — Вся эта игра, которую мы устроили, была глупой затеей. Мы же братья, и всегда должны быть заодно, а не заниматься подобной ерундой. Знаешь три главных правила идеальных братских отношений?

Сержант лишь всхлипнул и подкатил глаза.

— Первое правило: не возлюби и не еби девчонку брата своего! Ну, девчонок у нас с тобой пока нет, так что сразу к следующему. Второе правило: помогать друг другу и в горе и в радости, пока смерь не разлучит их. И третье правило…

— Слушай, все твои ебливые правила это какая-то перефразированная библейская дрочь? — поднял раздраженный взгляд Том.

— Конечно! Ведь братья — это святое! — воскликнул Джилленхол.

— А что ты говоришь, что у тебя нет девчонки? А какая же твоя, сука-бля, Тайра? — механически шмыгнул носом сержант и уткнулся обратно в колени.

— Ааа… Мы с ней слишком разные люди, поэтому решили расстаться! — отмахнулся холостяк из шара. — Кстати! Чуть не забыл! — ахнул Джейк и пододвинул к шкафу коробку, которую притащил с собой.

— Что это?

— Еще один подарок! Посмотри, — улыбнулся Джилленхол. — Хотел приберечь до следующего года, но решил, что все же сейчас это тебе нужнее.

— Еще один, сука-бля, торт? — спросил Харди и поморщился.

— Ой, ну хватит! Я же уже сказал, что перегнул! Все эти мои выходки были глупы, а сводить все к воспоминаниям о маменьке было и вовсе мерзко с моей стороны. Я знал на что давить — вот и давил. Это и впрямь не было поведением взрослого человека, — виновато опустил уголки губ Джейк. — Прости меня за это, — положил он руку на плечо брата.

Харди неоднозначно шевельнул ладонью и тяжело вздохнул.

— Ладно, подарок… — хлопнул по коробке парень из шара и принялся ее распечатывать. — В общем, мне с трудом удалось их вернуть, и, к сожалению, не всех… Но я не смог отобрать у сироты с ДЦП куклу принца Гарри… Мне жаль… Но остальные, вроде, все на месте, мне долго пришлось их отвоевывать у детишек, и даже нехило раскошелиться, чтобы купить игрушек вместо твоих кукол…

Том встрепенулся, повернул голову и уставился в коробку. Вот они! Родненькие! Целые и невредимые! Все на месте, дома. Ну, а принца Гарри, сержант с удовольствием сошьет заново.

— Сука-бля… — промямлил Харди и начал шарить руками среди кукол, проверяя все ли на месте.

— В общем, еще раз прости за весь этот цирк… — пожал плечами Джейк и взял из коробки синеглазую куклу во вьетнамках и с собачьим носом. — Томми, привет! Я хотел прибегнуть ко второму братскому правилу и попросить тебя о помощи, — пискляво заговорил он, шевеля куклой из шара.

Том продолжал упорно молчать с недоверием глядя на брата.

— Да, конечно, Джейки! — механически запищал Джилленхол и извлек еще одну куклу — лысую и в дубленке. — Чем я могу тебе помочь? — пошевелил он куклой-сержантом. — У меня недавно был день рождения, и я так хотел набить себе тату, но, увы и ах, ничего не вышло! Поможешь мне? Ты же умеешь круто бить? М? — заглянул он и своими и кукольными синими глазами в глаза брату и протянул ему его куклу.

Тот взял миниатюрного тряпичного себя и уставился на шрамированную бровь куклы.

— Ну так что? Поможешь? — повторил вопрос кукловод из шара нарочито игрушечным голосом.

— Что за партак? — все еще обиженно, но с нотками неподдельного интереса спросил Том.

— Вылезай и расскажу, — протянул руку Джейк.

Харди еще полминуты сомневался и ломался, а затем все же взял брата за руку и вылез из убежища в шкафу.

— Ну так и что за партак? — повторил недоверчивый вопрос Том.

— А зачем ты одел маску? — обвел ладонью лицо Харди парень из шара.

— Дышать так легче, когда дышать тяжело, — пояснил за траблы с легкими сержант.

— Прости еще раз, — обнял брата Джилленхол и похлопал по спине.

— Так, хватит, пиздюк, давай к делу, — отцепил его от себя Том и полез за бумагой и карандашом, дабы уже скорее закрыть эту тему и заняться чем-то отвлеченным. Ведь вся эта ситуация не на шутку выбила его из колеи, и, мало того, что в течение последних дней пришлось с головой окунуться в чан своих дерьмовых воспоминаний, так теперь, после всех этих мудрых извинений брата, он ощутил некое чувство то ли стыда, то ли неловкости, то ли собственной тупости. И зачем он только повелся на все эти глупые выяснения отношений, зачем позволил посягнуть на свое сокровенное, почему первый не остановил это безумие? Ну что за идиот! Почему восемнадцатилетний пиздюк смог вот так в одночасье осознать свои ошибки и прийти с извинениями, а он, двадцатидвухлетний, между прочим, взрослый человек, вместо того, чтобы с гордостью выйти из этой ситуации, пошел плакать в шкаф? Идиот! Слабак! От всего этого Харди взяла злость на себя и на…

— Джейки, я внимательно слушаю твои пожелания, — уселся он за стол, взял в руку карандаш и приготовился рисовать, другой рукой же рассыпая для себя дорожку кокаина.

— Может не стоит? А то еще нарисуешь хуйню какую-нибудь… — с сомнением махнул рукой Джилленхол на порошок.

— Нормально, сука-бля, все нарисую, для творческого настроения самое то! — поспешил успокоить Том, взгляд которого вмиг стал ебливым. — Да к тому же днюха у сержанта, торт не пожрал же…

— Ну ладно… Короче, хочу волка такого, как бы портрет, и так — в полупрофиль, — пожал плечами Джейк и начал выкладывать мысли, смотря на свое отражение в зеркале трюмо.

Битый час сержант корпел над эскизом, постоянно цокая и подкатывая глаза. Парень из шара же лег на кровать и в мельчайших подробностях рассказывал все свои пожелания.
Из-за того, что день выдался достаточно насыщенным, плюс выпитый алкоголь дал о себе знать, парень из шара и сам не заметил, как провалился в сон. Поначалу он что-то буробил в полубреду, но вскоре замолчал и уснул непробудным сном сытого младенца.

Проснулся он оттого, что что-то укололо ногу.

— Ауч! — встрепенулся Джейк. — А, это ты, Томми. Уже набиваешь? — улыбнулся он при виде брата, который уже не только перевел на его голень эскиз, но и набил первый штришок. Джейк беззаботно положил под голову руки и уставился в потолок. — Ох, даже и не думал, что будет так больно…

— Ничего, сука-бля, бывает, — пожал плечами Том и вновь загнал иглу под кожу брата.

— Ауч, блять! — сморщился Джейк, и дабы хоть как-то отвлечь себя, решил поболтать с братом. — Томми, а ты все мои пожелания выполнил по эскизу? — поинтересовался он, даже и не взглянув, что там нарисовал для него сержант.

— Конечно, пиздюк, конечно, — состроил фирменый еблет Харди, продолжая набивать брату нечто.

— Ну ладно, не буду смотреть! Пускай будет сюрприз, — улыбнулся Джейк.

— Ну да, сука-бля, пускай будет сюрприз! Охуенный такой здоровенный сюрприз! — ехидно проговорил сержант, глаза которого по-озорному бегали по переводному рисунку на голени Джейка.

— Нет, все же дай сразу гляну. Интересно — страсть! — приподнялся на локтях Джилленхол. — Томми! Какого хуя?! — завизжал он. — Это что?! Хуй?! — подскочил он с кровати и принялся рассматривать голень, на которой красовался огромный такой член, благо, он пока был лишь переведенным рисунком. — Блять! Пидорас! Я же просил не то! Нахуя ты это сделал?! А если бы я не проснулся?! А если бы я не посмотрел сейчас?! Да ты уже вон и пару линий сделал! — оскаленно залаял он на Харди.

— Ну не знаю, — рассмеялся Том. — Как по мне — это достаточно комично! Ходил бы с партаком хуя! Очень оригинально. И сержант уверен: с подобным партаком людей — единицы!

— Ты что, типа мстишь мне за сегодня? — возмущенно воскликнул Джейк. — Ну порешали же, а! Нахуя ты так делаешь? Что это за выходки в стиле десятилетки?! Зачем ведешь себя, как пиздюк?!

— Ну почему же сразу как пиздюк? — подкатил глаза сержант Харди, отложив машинку в сторону. — Это просто такой юмор!

— Такой юмор? — продолжал свирепствовать Джилленхол, затопав вьетнамками по полу. — Ты бы сделал из меня урода на всю оставшуюся жизнь!

Но тут в его голове перещелкнуло. Он вспомнил, кто из братьев «старше». Несмотря на гнев, Джилленхол попытался взять ситуацию в руки. Он закрыл глаза, глубоко вдохнул через рот и выдохнул через нос, и надел на себя маску мудрого отца.

— Ладно, Томми. Давай проедем эту тему. Но впредь попрошу больше так не делать, договорились? — строго сказал он, посмотрев в глаза брату.

— Ладно, — цокнул Харди и полез в карман скамов. Он извлек оттуда помятую бумажку и протянул Джейку. — На вот тебе, эскиз от сержанта. Как и заказывал, сука-бля.

— Ого! А вот это — прям то, что нужно! Как красиво, Томми! Ты молодец! — радостно округлил рот бубликом Джилленхол из шара, взглянув на эскиз, изображавший волка в стиле кельтских узоров. А почему именно волк, Джейк? Считаешь себя по жизни таким же своевольным, одиноким и непокорным, как и

сие животное? Ну понятно… Понятно…

И вот рисунок волка был нанесен поверх уже набитых линий, и сержант Том приступил к работе.

— Послушай, а вот что бы ты делал, если бы я, например, не проснулся? — поинтересовался Джейк. — То есть вот эта твоя шалость вылилась бы мне испорченной репутацией и голенью, так? Нормально ли это, Томми?

— Я все продумал, Джейки, — с высунутым языком промямлил Харди, старательно выводя на ноге брата свои излюбленные кельтские узоры. — Я сначала нарисовал волка, а уж потом хуй. Прикинул их друг к другу, и по моим расчетам, первый эскиз с легкостью бы перекрыл второй с хуем, — пояснил за сержантский юмор он. — Так что не обижайся, пиздюк. У сержанта, сука-бля, все было под контролем в случае чего.

— Да я и не обижаюсь, Томми! Что ты! — беззаботно рассмеялся Джилленхол, отмахнувшись от брата.

Так прошло пару недель. За все это время Харди и Джилленхол даже и не разу не поругались. Между ними воцарил покой и благодать. После случившегося братского конфликта Тома и Джейка будто подменили — настолько они были искренне милы и понимали друг друга с полуслова. И казалось, что ничто не в силах разрушить их идеальные братские отношения, где совершенно не было места подъебам и прочему дерьму. Но, конечно же, долго эта идиллия продолжаться не могла.

Однажды ночью.

Том лег в кровать, приуютился под одеялом и решил немного почитать на сон грядущий. Парень взял с прикроватной тумбочки «Топ-10 повестей Льва Толстого», с хрустом раскрыл разворот, где остановился вчера вечером, и приступил к чтению. По прошествии пары минут, Харди понял, что не может в полной мере насладиться повествованием мудрого старца, ведь недостаточно уютно расположился. Тогда Том начал менять позы, ложась то на один бок, то на второй, то и вовсе на живот, но ни в одной из них не чувствовал себя максимально комфортно. Поворочавшись еще немного, сержант понял, в чем дело. Кажется, в ногах, лежало что-то инородное, что и не давало как следует приуютиться.

— Да что там, сука-бля, за шляпа?! — недовольно бухтел он, присаживаясь на кровати.

Резким движением он откинул одеяло и не то что охуел от увиденного в ногах — ебанулся! Прямо между его стоп лежал…

— Голубь?! Сука-бля, мертвый голубь?! — возмутительно визгливо проговорил он, подняв мертвую птицу за крыло и поближе преподнеся к своему еблету. — Джейки! Сука! — сразу понял он чьи это проделки и побежал в спальню брата.

Сержант без всяких стуков и приглашений с ноги отворил дверь в комнату Джилленхола и влетел внутрь.

— Упс, — скривился в гримасе смущения Джейк, вытащил руку из штанов и свернул браузер на компьютере.

— Что за ебала, Джейки? Что за ебала, я тебя спрашиваю?! — неистово затряс дохлой птицей Том, встав посреди комнаты.

— О! Гулюшку нашел, Томми? — встал с компьютерного кресла Джилленхол. — И как оно? Приятно?

— Так значит ты не отрицаешь, что именно ты, сука-бля, и сделал это? — продолжил оры Том.

— Нет.

— Наглый пиздюк! Нахуя?! — недоумевал Том, нарочито отбросив голубя в постель брата.

— Ну не знаю… Как по мне — это достаточно комично! Это просто такой юмор! Ты что, не понимаешь, Томми? Разве тебе не смешно? — уставился Джейк на брата драгоценными синими глазами.

— Ты это что, петушара, — прищурился в стиле старика Лео сержант. — Мстишь мне за тот партак с хуем, которого даже и не было? Ммм?

— Да, Томми! Все верно подмечено! Ибо нехуй было так поступать со мной! — законфликтовал и Джилленхол. — Было не очень-то и красиво с твоей стороны! Но теперь, я считаю, мы квиты! Один-один, Томми! — показал он брату два «фака».

— Ах ты, шмаровоз! Да я тебе! — крепко сжал кулаки Том и, словив нешуточного клина, подскочил к брату и въебал ему прямо по шелудивой морде.

От неожиданности побой из шара пошатнулся назад и схватился за лицо. Медленно отстранив ото рта ладонь, он увидел на ней сгусток крови и не только.

— Блять! Пидорас! Ты выбил мне зуб! — продемонстрировал он брату свою потерю, дерзко отшвырнул ее в сторону и кинулся на Харди в драку.

Тот, в свою очередь, отразил удар бойца из шара и въебал в ответочку. Но Джейк ловко увернулся, наклонился, схватил брата за торс и повалил на пол. Джилленхол и Харди покатились по ламинату из белого дуба, нанося друг другу хлесткие удары и обзывая каждый своего противника унизительными словами.

Спустя минуту на крики прибежал Батлер, а за ним его верный плащ. Второй сразу же бросился к закусившимся братьям и ловко их разнял, после чего встал между ними как рефери, отодвинув друг от друга на полтора метра.

— Чаво это вы тут устроили, а?! — громогласно завещал Леонид, встав в наистрожайшую позу.

— Он кинул мне мертвого голубя в кровать! — ябедничал Том, задрав вверх голову, дабы остановить текущую из носа кровь.

— А он мне чуть не набил татуировку в виде хуя на ноге! А теперь еще и зуб выбил! — затявкал Джилленхол, оттопырив пальцем губу и продемонстрировав брешь.

— Хватит! Оба! Надоели! — сделал крикливое замечание Батлер. — Оба ведете себя, как хуй пойми кто! Что один — пиздюк, что второй! Долго это будет продолжатьси, я вас спрашиваю?!

В комнате повисла укоризненная пауза, во время которой плащ осуждающе помотал подолом. Братья лишь неоднозначно переглянулись и опустили носы, кто кожаный, а кто обычный.

— Еще раз кто-то из вас сделает эдакую подлянку или отместку другому — дедом клянусь — удушу! — рявкнул Леонид и удалился из комнаты. — Ну ей Богу! Как дети малые! — слышалось его крикливое бухтение из коридора.

Плащ, гордо подняв ворот, полетел вслед за хозяином.

— Сука-бля… Извини за зуб, пиздюк, — подошел к брату Том и похлопал по плечу, виновато поджав пухлые губы.

— А ты меня за голубя… Наверное, это было немного жутко, — опустил уголки губ парень из шара. — Мир? — протянул он брату мизинец.

— Мир, — кивнул Харди, ответив соответствующим жестом.

— Так, ладно, нужно найти зуб, — присел на корточки Джейк и начал шарить по полу. — Надо бы его вставить на место…

— Слушай, сука-бля, вообще-то, это бесполезно, — пояснил за имплантацию сержант. — Я оплачу тебе услуги…

— Ой, не думаю, что это так уж и бесполезно, когда у тебя есть суперклей! — перебил его очумелая ручка из шара. — Ну что встал, помоги мне найти его!

Том лишь состроил свой фирменный еблет и опустился на четвереньки.

Глава 80: Пруд

После данного инцидента, да и вообще в свете апрельских событий, у Тома в голове будто что-то перещелкнуло, и он окончательно и бесповоротно решил завязать с наркотой. На этот раз по серьезному — без шуток, обмана и даже конопли. Харди решил, что виной всех его бед является ничто иное, как амфетамин, которым он частенько злоупотреблял последние годы. Да, дружок, именно и в нем кроются все твои проблемы. Не в тебе самом — нет! В амфетамине — в нем, родимом! Ну, хотя от части ты и прав. Возможно, когда из твоего организма уйдут запрещенные вещества, то уйдет и агрессия и все к ней прилагающееся. Но это нихуя не точно… Ой, как нихуя!

В начале июля братья полетели в Альбукерке, где интернет-друг Джейка предлагал обсудить поставку метамфитамина собственного производства. С самого начала Тома смутил тот факт, что брат даже и не знаком лично с этим своим Джесси Пинкманом, но Джилленхол заверил, что тот — лучший из друзей и совершенно точно не подставит их под хуй. Харди же был не намерен верить брату на слово, поэтому, как только самолет приземлился в Альбукерке, включил режим «начеку».

После посадки братья отправились за багажом. К слову, у Джейка с собой был огромный походный рюкзак, забитый до отказа всякой туристической ерундой. Но сержант Харди совершенно не обратил внимания на пожитки брата, ведь бдил по сторонам, ожидая с минуты на минуту некой подставы, а может быть даже и проверки от мистера Пинкмана. Мда, кажется отказ от наркотиков сделал из тебя некоего параноика, Том. Может лучше быть агрессором, а не вот это вот все? Хотя возвращаться к наркоте тоже как-то негоже…

Шофер из шара, еще на прошлой неделе получивший водительское удостоверение, арендовал в прокате автомобиль, и братья отправились в путь. Всю дорогу сержант не понимал нихуя! Куда они едут? Почему проехали город и отправились куда-то по безлюдной пустыне? Он решил не задавать брату лишних вопросов, дабы опять не выслушивать от того успокоительных речей. Лишь время от времени он проверял магазин «беретты», да поправлял воротник дубленки. Ээээм… Тебе не жарко, любезный? Что говоришь, в ней ты выглядишь более солидно и устрашающе, поэтому всегда одеваешься так на стрелы? Да какая стрела, алло, очнись — ты бредишь! Расслабься! Разве кто-то может наебать твоего брата — самого хитрого из жидов? У него все под контролем — сто процентов! Тут абсолютно точно нет никакой подставы!

Вскоре машина остановилась на небольшой поляне на берегу озера.

— Что это, сука-бля, за место? — подозрительно высунулась из окна лысина сержанта.

— Здесь мы договорились встретиться с Джесси, — беззаботно объяснил Джейк, выйдя из машины и присев на пенек.

— Хммм… Все это какой-то развод… Сука-бля, да кто станет устраивать подобные встречи в лесу? — прищурился в сто раз уже своего мозгоправа Том, оглядываясь по сторонам.

— Пожалуйста, прекращай, — подкатил глаза Джилленхол, расчищая кожаным носом ветки с поляны, дабы освободить поверхность для установки палатки.

В этот момент где-то вдалеке послышался рев машины, и через минуту на поляну пропрыгала супер-тюнингованная фиолетовая Волга 2410, переделанная под кабриолет.

— Что это за шляпа? — нахмурился Харди от вида столь экзотической машины.

— Ну что, сучары? Здарова, ёпта! — выпрыгнул через верх парень, расставив

руки в стороны, будто предлагая себя в качестве доступной шлюхи.

— Джесси! Как же я рад! — ринулся к парню Джилленхол и крепко обнял его.

— И тебе не хворать, ёпта! Как же я давно мечтал познакомиться с тобой лично, Джейки! — рассмеялся Пинкман, поправив на голове гигантскую квадратную шапку. — А ты, как я понимаю, Том? — выставил он на Харди указательный палец. — Тот что сержант? Самый лучший из людей?

В ответ Том лишь возмущенно расставил ладони в стороны, покривив ебалом.

— Ну что? Заночуем, пацаны?! — хлопнул в ладоши Пинкман. — Думаю, эти выходные будут бомбичными, ёпта!

— Именно так и будет! Обожаю походы! — возликовал турист из шара, вытирая нос от пыли, да доставая из ноздрей ошметки мелких веток.

Не проронив больше ни слова, Джесси и Джейк засуетились. Первый рванул к багажнику своей тачки и стал рулонами доставать оттуда персидские ковры. Джилленхол с неистовым выражением лица начал устанавливать палатку, безумно вбивая в землю колышки. Сержант же все и стоял как вкопанный, расставив в стороны руки и, конечно же, не понимая ничего!

Спустя пару часов поляну можно было не узнать! Вся она была застелена коврами, поодаль стояла большая двухкомнатная палатка, рядом с которой уже во всю полыхал костер, вокруг которого там и тут были установлены полена-лавочки, выструганные Пинкманом на скорую руку.

— Да что за шляпа?! — наконец вышел из оцепенения Том, обратившись к брату и Пинкману, устроившихся у костра с пакетами зефира и ящиком пива.

— Томми, да ты издеваешься? — удивленно посмотрел на него Джилленхол. — Так поход же!

— Прости, что? — приподнял шрамированную бровь Харди.

— Слышь, сучара, ты на чем сидишь? — удивленно посмотрел на него и Джесси.

На поляне повисла волнующая пауза.

— Джесси, не надо говорить с ним об этом. Томми вот уже как несколько недель в завязке и не любит! Когда ему напоминают о наркотическом прошлом, — пояснил за брата Джилленхол. — Ну, а ты что удивляешься? Мы просто с Джесси что-то подумали и решили, зачем нам встречаться первый раз в какой-то обыденной обстановке? Вот и пришли к выводу, что можно отправиться на вылазку! Все же это любят! И я, и он! Отдохнем, порыбачим, посудачим о том, о сем. Да и дела наши тоже будет лучше обсудить вот в такой вот обстановке! — обвел он рукой поляну. — Я же тебе говорил!

— Нет, не говорил! — превратился в походную сову Харди.

— Говорил, ты просто не слушал! Как и всегда! — цокнул Джилленхол. — Ладно, хватит всего этого, иди к нам! — похлопал он по соседнему полену.

Том с недоверием посмотрел на все вокруг, повыше поднял ворот дубленки, обнял себя руками и пошел к костру. Он плюхнулся на полено и озлобленным взглядом уставился в пламя. Хоть у костра в дубленке было и жарко, но Харди не планировал ее снимать, продолжая убеждать себя в том, что все же это какой-то развод, и наверняка сейчас из-за кактусов повыбегают кореша Пинкмана и поставят их с братом на деньги. Да почему ты так не уверен в Джесси? Ты посмотри какой задорный шутоломный парень, а! Что говоришь, считаешь, что нельзя доверять людям из интернета? Хм… Ну, отчасти, ты прав! Но все же глянь, какой этот Пинкман! Ну просто душка!

— Слышь, да что ж ты такой напряженный, сучара? Все нормально! В чем твоя проблема, ёпта? — пихнул его в бок Джесси и залез в накладной карман своих до безобразия широких штанов. — Ммм? — протянул он Тому пакетик с какими-то синими кристалликами. — Мой мет! — гордо закивал он.

В ответ Харди лишь бросил на Джесси испепеляющей взгляд и отрицательно

мотнул головой.

— Ну, а я, пожалуй, не откажусь! — хлопнул в ладоши Джейк. — Нужно же опробовать товар, который в скором времени мы будем распространять по всему Сиэтлу!

Пинкман довольно улыбнулся, достал из-под шапки ступку, надавил в ней кристалликов и до отказа набил ими курительную трубку, что всегда висела у него на шее в виде модного аксессуара.

Так и раскурились — он да Джейки.

— Ооо! Вот это мет! Сразу чувствуется профессионализм производителя! — затянувшись и посинев под цвет глаз, протянул Джилленхол.

— Ооо! Вот это мет! — лаем спарадировал брата Харди и выхватил из его рук трубку. — Дай сюда! Сержант попробует! Откуда тебе знать толк в наркоте, пиздюк?! — решил развязаться Том и глубоко затянулся.

В миг всю его мнительность как рукой сняло! Сержант расплылся в благоговейной улыбке и взглянул на Пинкмана, над головой которого будто нарисовался нимб, а в ушах Харди услышал лишь восторженное: «Аллилуя!» Джесси сразу же перестал быть для него подозрительным типом, переквалифицировавшись в самого лучшего на свете наркобарыгу.

— Эх, Томми, Томми… Ну ёб твою мать… — осуждающе помотал головой Джилленхол. — А я ставил на то, что не сорвешься…

Сержант лишь состроил свой фирменный еблет и принялся кайфовать. Мет Пинкмана оказался до того пиздатым, что Том тут же из депрессивного агрессора перевоплотился в беззаботного весельчака и начал отшучивать всяческие шутки направо и налево, коих, впрочем, никто не слушал, ведь они были, мало того, что английскими и мусорскими, так еще и бессмысленными, и смешными одному лишь Харди.

— Ну что, пацаны, обсудим все же наши дела, ёпта? — спустя час сержантского стенд-апа предложил Джесси.

— Обсудим, сука-бля, обсудим, — закивал Том, расставив руки в стороны. — Только вот еще сейчас затестим товар, — протянул он ладонь Пинкману, как бы требуя еще немного наркотиков.

Джесси бросил сомневающийся взгляд на Джейка, тот в ответ подкатил глаза и махнул рукой, как бы намекая, что все под контролем и еще одна порция метамфетамина пока никому и никогда не навредила. Пинкман пожал плечами и протянул Харди пакет с голубыми кристаллами. Все вновь раскурились.

— Пиздюк, все же это была твоя самая охуенная идея, сука-бля! — с головой влился в эту туристическую авантюру сержант.

— Ну я же говорил, будет бомбично, ёпта! — пихнул Тома кулаком в плечо Пинкман. — Ну так что, перетрем за мой товар?

— Как же здесь пиздато! — продолжил бредить Том, с восторгом оглядываясь по сторонам. Впрочем, видел он вокруг лишь темноту. — Давай еще! — посмотрел он на Джесси до жути ебаным взглядом.

— Томми, думаю, на сегодня хватит, — попытался вразумить брата Джейк.

— В натуре, ёпта, давай уже по делу побазарим! К тому же мой мет — он такой — держит долго, штырит заебись. Так что эффект еще долго продержится, — заверил Пинкман, расправляя на коленках безразмерную джинсовую хламиду, что являлась его штанами.

— Сержант, сука-бля, лучше знает, когда его отпускает и как сильно штырит, — рявкнул Харди, желавший обхуяриться до экстремального состояния.

— Ладно, пацаны, давайте еще по одной, а потом точно поговорим о работе, — решил урегулировать ситуацию дипломат из шара, жестом предлагая Джесси пригостить Тома еще лишь один разок. Пинкман цокнул, но с другом спорить не стал.

Докурив еще одну порцию отборного, чистейшего метамфетамина, Харди

молча поднялся с места, перешагнул через костер и двинулся в темноту, попутно шаря по карманам скамов.

— Ты куда, сучара, ёпта? — окликнул его Джесси.

— Сейчас, — поспешил успокоить его Джилленхол и бросился за братом. — Томми, что за хуйня? Куда ты собрался? — лаял он ему вслед, спотыкаясь об стыки ковров.

— Мы, сука-бля, должны забить эту обдроченную поляну раз и навсегда, чтобы ни один шмаровоз не смел ступить сюда своей петушиной ногой, — плел невообразимую чепуху Том, достав из кармана перочинный нож. — Раз вы этого не сделали раньше, значит сейчас сделает сержант, — пробуробил он и врезался лысым лбом прямиком в дерево.

Поднявшись с земли как ни в чем не бывало, он взмахом откинул лезвие ножика и принялся что-то вырезать на стволе.

— Томми, может хватит? — дергал его за рукав Джейк. — Поход походом, но мы же и по делам приехали сюда.

— Посвети, хуй что вижу, сука-бля, — высунув кончик язык, усердно шкрябал тот ножом по коре.

— Мы такого мета как у Пинкмана нигде вовек не найдем, а он еще по дружбе скидку сделает, — бормотал в полголоса Джилленхол, достав из кармана фонарик и направив луч света на древесный «холст» брата, который царапал там незнамо что.

— Да успеем, сука-бля, все перетереть, — не отрываясь от своих художеств, пренебрежительно подкатил глаза Том.

— Ну и покурить мы еще успеем! У нас весь уикэнд впереди, — сдул Джейк стружки и деревянные шалушки из-под ножа Харди.

— Зачем ждать, если можно не ждать, сука-бля? — развел Том руки в стороны, отступил на два шага назад и стал любоваться на свое творение. Убористым почерком на дереве красовалась надпись: «Навеки ваш сержант Том. 28 мая 2005». — Охуенно? — махнул он рукой на дерево, переведя взгляд на Джейка.

— Пиздато, — цокнул критик из шара. — Пойдем? — жестом пригласил он брата вернуться к костру.

Харди без лишних слов прыжком развернулся на сто восемьдесят градусов и походкой обдолбанного хуеплета двинулся к поляне, где их поджидал обескураженный Пинкман.

— Ну что, сука-бля, еще немного? — присел Том рядом с Джесси, приобняв его за плечи, и приставил к губам ладонь с оттопыренными большим пальцем и мизинцем.

Пинкман озадачено посмотрел на Джейка, как бы спрашивая, что же с его братом не так.

— Томми, прекращай немедленно! — придал строгости голосу Джилленхол, уперев руки в бока.

— Томми, прекращай немедленно! — покривил ебалом сержант, парадируя голос младенца. — Я не с тобой, сука-бля, разговариваю, пиздюк!

— Томми, ты в завязке, не забыл? — не унимался Джейк, затопав сланцами по ковру.

Харди лишь молча показал брату «фак» и продолжил ссать в уши Джесси.

— Короче, сучары, я предлагаю вам небольшую пробную партию, можно сказать за бесценок, — решил незатейливо перевести тему Пинкман. — Подсадите торчков на мой мет в два счета, и потом целая очередь наркот выстроиться к вам за дозой. Товар у вас в Сиэтле будет эксклюзивный, так что цену будете гнуть, как вздумается, ёпта, — воодушевленно стал выкладывать он свой бизнес-план.

— Слышь, петушня! — тряхнул его за плечи Том, уставившись на Джесси

обдолбанным до неузнаваемости взглядом. — Что ты мне тут впариваешь свою хуйню обдроченную? Сержант и сам знает, как, кому и что продавать! Ты мне, сука-бля, дунуть дай!

Джесси уже потянулся в карман за метамфетамином, лишь бы Том от него отстал, но Джилленхол остановил его взмахом руки.

— Нет! Не давай ему больше! Все это плохо кончится, Томми! — выставил он указательный палец на брата. — Вспомни, к чему все привело в прошлый раз, когда ты не мог остановиться, — провел он ребром ладони по шее.

— Ебало, сука-бля, завали! — рявкнул Харди, пнув в сторону Джейка тлеющую палку из костра. — Ну же, не жлобись, шмара шапочная! — потрепал он Пинкмана по голове, протягивая вторую ладонь за дозой.

Растерянный Джесси метал взгляд с друга на его брата, не зная, как поступить. С одной стороны, мета было больше чем достаточно, чтобы безвозмездно делиться им с корешами, но с другой стороны Джилленхол явно неприкрыто и крича намекал на то, что Том склонен к злоупотреблению и не отдает отчета своим действиям.

— Нет! — недолго пораскинув мозгами, заявил Пинкман, задрав нос к ночному небу.

— Ах, сука-бля, так? — зарычал полоумный сержант и начал остервенело рыскать по карманам. — Показать, что с тобой будет, шмара, если не дашь мне мет? М? Показать? — извлек он из дубленки заготовку куклы и пару фломастеров.

— Чего, ёпта? — превратился в сову-рэпера Джесси, не уловив посыла Харди.

Тот же уселся перед костром, вывалил на землю все содержимое карманов, взял куклу Кена в одну руку и принялся мастерить нечто. Он то и дело кромсал ножом какие-то тряпочки, раскатывал пальцами кусочки пластилина, рвал траву и листья с кустов и приклеивал их к пластиковым частям тела. Так прошел час, по истечение которого Том подскочил с места, будто принц Гарри.

— Мало того, сука-бля, что ты, шапка ебаная, подсадил меня снова на наркоту, — заорал он голосом умственно неполноценной совы, вскинув вверх руку, в которой была зажата весьма шутоломная на вид кукла в огромной квадратной шапке, широких штанах из листвы и пластилина и миниатюрным лицом, подрисованным поверх оригинального.

— Это я, ёпта, тебя подсадил? — охуел Пинкман, ткнув себя пальцем в грудь и с интересом рассматривая кукольную пародию на себя. — Сучара, да ты чё, ёпта?

— А кто, сука-бля? Я? — верещал Том неистово трепля куклу-Джесси за шапку. — Томми, на — покури! Томми, это такой пиздатый мет! Томми, ты не пожалеешь! Ты не простишь себе, если не попробуешь! Томми, ты не знаешь, от чего отказываешься! — запищал Харди, пародируя Пинкмана и его манеру речи. — Не ты ли, пидор, мне это говорил? Я же отказывался! Но нет! Ты хуй унимался, сука-бля! И знал же, что сержант в завязке!

— Что за пиздеж, сучара? — мягко хлопнул по шапке Джесси и, хоть и сам был наркоманом на опыте, охуел от пронаркоманенности мозгов Тома.

— Ну, пиздеж, не пиздеж, а именно так все и было, — развел руками Харди, состроив свой фирменный еблет.

— Томми, прекращай… — без особой надежды в голосе простонал Джилленхол, ведь четко понимал, что в таком состоянии брата не остановить.

— Так теперь, сука-бля, после того, как ты, хуеплет, подсадил сержанта, еще и не даешь ему очередную дозу? — продолжил вопли Харди, затопав берцами по ковру. — Это ли норма, сука-бля, для драгдилера? И как ты хочешь, чтобы сержант имел с тобой дела? А что если я подсажу на твой ебаный мет весь Сиэтл, а ты, шмара, возьмешь и кинешь, не продашь очередную партию? М? Что сержант должен будет сказать своим парням? Несчастным торчкам, грезящих об

очередной дозе петушары Пинкмана? А? Что, сука-бля? — плел он несусветно глупые бредни.

— Джесси, не обращай на Томми внимания, он у нас «даун», — закрыл свои космос-глаза Джейк, испытывая нехилый такой испанский стыд за брата.

— Так вот, сука-бля! Если ты, педрила шапочная, сейчас же не дашь сержанту покурить, то вот что с тобой будет! — проорал Том и, подсунув Пинкману под нос куклу, начал бить ее фломастером, оставляя следы побоев на пластиковом теле.

— Все, Томми, хватит! — вскипел конферансье из шара, оканчивая этот спектакль. — Это уже слишком! Ты ведешь себя как конченный долбоеб! Прекращай немедленно, или я…

— Или ты что? Поставишь меня в, сука-бля, угол? — покривил лицом сержант Том, продолжая гуашевые избиения кисточкой, которая сменила в его руке фломастер.

— А не то… А не то… — замямлил Джилленхол, но решение пришло быстрее, чем он успел его озвучить. Джейк выхватил куклу Пинкмана и со всего маху зашвырнул в темноту в сторону пруда. Послышалось красноречивое и безысходное «бульк».

Харди лишь хлопал глазами и ртом словно глупая рыбная сова.

— Это я тоже конфискую! До тех пор, пока ты не научишься вести себя в обществе! — строго воскликнул педагог из шара, выдернул из кармана Тома фломастеры и зашагал в сторону водоема, скрывшись в темноте. Через пару минут он вернулся к костру, отряхивая ладони и кожаный нос от мокрого песка.

— Ебать ты, сука-бля, шмаровоз! — растеряно выдавил сержант, когда Джейк усилием ладони, положенный на его плечо, заставил его сесть.

— А теперь мы все сядем, разберемся и обсудим наши дела! А уж потом… — махнул он ладонью и зажмурился, боясь получить по ебалу от обхуяреного брата.

Но вместо того, чтобы устроить драку с поножовщиной, Харди охуевая сел на место, залипнув в костер и размышляя о ролях стариков Левы и Лео в своей жизни.

— А уж потом можно и расслабиться, — приоткрыл один глаз Джилленхол, с недоверием посмотрев на Тома.

Тот продолжал сидеть у огня недвижимый, словно глупое неотесанное изваяние.

— Ну слава богу! — вздохнул Джейк.

Битый час Джилленхол и Пинкман терли всяческие вопросы на счет будущего сотрудничества.

— Жарко что-то, сука-бля, пиздооос, — прервал их голос сержанта, встающий и приказывающий своему хозяину немного освежиться.

— Это все от мета, ёпта, слишком много выкурил! — предупредил Пинкман, забивая и свою курительную трубку синими кристаллами.

— Томми, ты куда? Что ты задумал? — поспешил за братом Джейк.

— Жарко, говорю… Что, сука-бля, неясного? — бросил Харди, зайдя в воду по щиколотку.

— Плохая идея, Томми, твоя дубленка… — поспешил предостеречь его Джилленхол, топчась на берегу.

— Куклу заодно найду, — пизданул сержант и щучкой нырнул в воду, вспомнив урок по плаванию своего отца, но напрочь забыв его лицо.

— Черт! Томми, что ты творишь? — взволнованно завизжал парень из шара и, скинув с ног вьетнамки, ринулся за братом.

— Сука-бля, что-то мне хуево… — простонал Харди. — Пиздюк, глянь-ка что это у меня? Кровь что ли из носа… — вынул он руку из воды и пощупал свое

наркоманское еблище.

— Бляяяя… Да у тебя передоз! — ахнул Джейк, прикрыв рот водной гладью.

— Вы тут чё, сучары, искупаться решили? — подошел к пруду и Джесси и, приложив ладонь ребром к бровям, стал вглядываться в темноту. Не увидев ровным счетом нихуя, он приставил руку к уху и стал прислушиваться. Услышав всплески воды, показавшиеся ему довольно-таки задорными, Пинкман тоже полез в воду.

— Да хули вы творите, пацаны? — охуел Джейк, обернувшись на друга.

Не дожидаясь ответа и убедившись, что Джесси беззаботно плавает, Джилленхол набрал полные легкие воздуха и нырнул под воду. Ведь ебанат Том и его дубленка, набравшая в себя воду, уже шли ко дну, словно глупые камни.

Ныряльщик из шара стал суетливо шарить руками вокруг себя в надежде отыскать утопающего и, ко всему прочему, передознувшегося брата. Спустя пару минут бестолкового ощупывания водорослей вокруг и илистого дна, Джейку удалось найти что-то гладкое и круглое. Обнаружив на этом подозрительном объекте знакомые глаза, нос и пухлый рот, Джилленхол стал пытаться ухватить его, признав брата. Но поскольку голова Харди была не просто гладкой, а лысой, то все попытки парня из шара ухватить его за волосы не возымели успеха. С трудом ему удалось уцепиться за овчинный ворот дубленки. Взявшись за него покрепче, он притянул сержанта к себе, и уже перехватив его подмышку, принялся изо всех сил грести ногами по направлению к поверхности. Вынырнув, Джейк сделал жадный глоток воздуха и увидел перед собой квадратный силуэт шапки Пинкмана.

— Ку-ку, ёпта! — махнул рукой Джесси, откинулся на спину и стал совершать размашистые гребки руками, уплывая вдаль.

— Ёб твою мать, Томми… — причитал Джилленхол, добравшись до берега и бросив брата на песок.

Оценив ситуацию, ощупав пульс и проверив дыхание, диагност из шара пришел к выводу, что Том действительно схлопотал нешуточный передоз, да еще и нахлебался воды по самый «небалуй».

Тем временем с неба начали падать крупные дождевые капли, а за прудом засверкали молнии.

Джейк без промедлений приступил к реанимационным мероприятиям, прибегнув ко всем правилам оказания первой помощи при утоплении и метамфетаминовой передозировке.

— Джесси, вылезай из воды, гроза надвигается! — крикнул он Пинкману, массируя брату мочки ушей. — Томми, поговори со мной…

Тут прямо в кожаный нос парня из шара выплеснулся фонтан воды, извергнутый из сержантских легких.

— Куклу, сука-бля, не нашел… — прохрипел Харди, приоткрыв свои обхуяренные и не на шутку серые глаза.

— Уебок! — гавкнул Джилленхол, поднялся на ноги и пнул брата в бок.

— Ау! Больно, пиздюк! — слабо взорвался Том и ударил Джейка кулаком по стопе.

— Джесси, давай на берег! Гроза вот-вот начнется! — сложил ладони у рта рупор из шара.

Не успели слова Джилленхола долететь до Пинкмана, как небеса разверзлись и на землю обрушился непроглядный ливень. Джейк схватился за голову, пытаясь рассмотреть друга сквозь стену дождя. Но тут случилось то, чего никто не мог ожидать! Хотя это и было вполне ожидаемо — гроза все-таки. Яркая вспышка озарила все вокруг, и сразу же последовал оглушительный раскат грома.

— Ёптааа! — послышался вой из пруда.

Джейк, пошевелив ушами и настроив их на нужный лад, моментом

определил точный источник крика и вновь рванул в проклятый обдроченный пруд. Через пару минут рядом с Томом на песке валялся уже и Джесси в продырявленной дымящейся шапке. Джилленхол торопливо, но без лишней суеты, принялся оказывать помощь и ему, следуя своду правил реанимации при электроударах, мысленно же при этом решив для себя раз и навсегда, что больше этих двух долбоебов сводить не стоит.

Глава 81: Пышка

Как-то раз, в один из теплых июльских вечерков, Джейк сидел в своей комнате и перебирал разноцветные вязаные носочки, коллекционированием которых увлекся пару месяцев назад. Парень с наивной улыбкой разглядывал их, перекладывая с места на место и грезя о холодах, ведь тогда он сполна сможет насладиться дефилированием перед братом и друзьями в своем коллекционном вязаном белье.

— Пиздюк, можно? — постучали в дверь, и в тот же миг в комнату заглянула до боли знакомая лысина.

— Конечно, Томми, ты что-то хотел? — кивнул Джилленхол.

— Да, базар один есть, собственно говоря… — замямлил сержант, пройдя внутрь и опустив взгляд.

Повисло неловкое молчание.

— Мне стыдно за один поступок… Я бы хотел, сука-бля, извиниться… — бурчал Том, шаркая по полу мыском берца.

— За что? — непонятливо нахмурился Джилленхол. — Все же вроде нормально.

— Да нет, сука-бля не очень нормально, пиздюк, — продолжал ходить вокруг да около Харди. — Я очень долго держал всю хуйню в себе и это нехило начало меня пожирать изнутри… В общем, сука-бля! — взглянул он в глаза брату. — Я хотел бы попросить у тебя прощения за Альбукерке. А точнее, за то, что разбил тебе ебало, когда ты пытался увезти меня с той обдроченной поляны…

— Томми! Прошло больше месяца! И ты только сейчас пришел об этом поговорить? Где ты, черт возьми, был раньше?!

— Ну я же, сука-бля, сказал — меня гложил этот момент! Я хотел, но не решался… — бредил Харди, который, к слову, был чист и свеж от наркоты. — Ты же заметил, что после того случая я вновь завязал… Да и вообще, ты тогда сам был немного неправ… Зачем опоил меня снотворным? Причем дважды!

— А вот нечего было развязывать! — укоризненно покачал головой Джейк. — Думаешь это было охуенно? Охуенно несколько часов кряду уговаривать тебя вернуться домой? Ты визжал, что отныне та поляна у пруда — твой дом! И что мне еще оставалось делать? Вот я тебя и опоил! Откуда мне было знать, что ты проснешься по пути? Но это не давало тебе права впадать в безумие и разбивать мне ебало! Конечно же я опоил тебя и второй раз, дабы хоть как-то успокоить и довезти до Сиэтла! И ты спрашиваешь, зачем я опоил тебя снотворным?

— Ладно… Я понял… Понял… — сказал Том, не подобрав нужных слов. — Ну ты прощаешь меня, ммм? — состроил он виноватый еблет.

— Прощаю, Томми… Куда ж я денусь, — усмехнулся Джейк. — Ведь, как говорится, кто старое помянет… — вновь занялся он перебиранием носков.

— Ну я вот честно, в этот раз точно завязал с наркотиками! — положил руку на солнечное сплетение сержант Харди. — Ты пойми, я не контролируя себя под чем либо! Я, сука-бля, будто сам не свой становлюсь, когда обдолбанный! Даже сам не узнаю себя! Знаешь, в такие моменты я даже забываю лицо своего отца, — поджал он пухлые губехи.

— Лицо своего отца… — отложил носочек в сторону коллекционер из шара и уставился задумчивым взглядом перед собой. — Послушай, Томми, а вот я сейчас понял одну вещь… Выходит, я даже и не знаю лицо своего отца. Я и знать не знаю, кто он.

— Ну как же, сука-бля, я же рассказывал тебе. Был дядя Бен… — начал было пояснять за отчима сержант, но был перебит.

— Да, да, да. Я помню. Но все твои истории детства весьма размыты. Толком-то ты ничего о нем и не знаешь. А помнишь то письмо, которое ты написал мне в

шар? Помнишь, как именно написал в нем? Вот я помню дословно… Кхм… — прочистил он горло. — Сразу уточню — кто твой отец я точно не знаю, поэтому и не говорю почем зря. Будет надо — выясним!

— Нууу… — испытывающе уставился на брата Харди.

— Вот сейчас мне это надо! Я хочу выяснить, кто мой отец! — преисполненный решимости, встал на ноги Джейк. — Узнаешь же ради меня — Джейка Джилленхола, парня из шара?

— И как же сержант, сука-бля, выяснит? — округлил пухлым бубликом рот Том. — Я лишь помню, что дядя, сука-бля, Бен был фермером из Оклахомы! У меня нет доступа к базе фермеров Штатов!

— Ну найди его в своей дражайшей мусорской! — продолжал стоять на своем Джейк. — Может у него были какие-то приводы в полицию или типа того!

— Ладно, сука-бля, сержант посмотрит, что можно сделать, — кивнул Харди.

Спустя несколько дней, где-то среди кукурузных полей Оклахомы

— Это блядское поле никогда не закончится! — раздраженно бубнил Том, пробираясь сквозь кукурузную рощу. — Сколько мы уже идем по нему? Сутки? Двое?

— А это все ты виноват! — рявкнул Джилленхол. — Не мог созвониться с Киану и попросить взломать Фермерскую базу? Нет, сержант у нас гордый! Сержант у нас — власть! Все сам! И хули ты выяснил, Томми? Что где-то в этом районе Бенджамин Джилленхол был пойман пьяный за рулем и лишен водительского удостоверения? Блять, да может он просто мимо проезжал! Оклахома — пиздец какая большая! И в поле завел нас ты, сударь! Ты сказал, что так мы сократим путь! Но путь, блять, куда, видимо, не решил сам!

— Не охуел ли ты? — остановился Харди, уставившись на брата до безобразия возмущенным взглядом. — Я хотя бы что-то сделал, чтобы найти твоего папашу! Ибо дал слово в том письме! А сержант, да будет тебе известно, свое слово держит! Только вот хули ты, пиздюк, нихуя не помог мне в этом деле? Почему сам не позвонил Киану и не попросил помощи? Это же, в конце-то концов, тебе надо!

— Ну он же твой кореш! Я тут причем?

— Сука-бля! Он мне такой же кореш, как и тебе! — начал не на шутку злиться Том, не понимая глупых нападок в свой адрес. — Что ты мелешь вообще?

— Ладно, хватит! — осадил назревающий конфликт Джилленхол, вспомнив, что средь братьев — он за старшего, а значит ему стоит проявить мудрость. — Просто это путешествие по кукурузному полю меня не на шутку утомило. Устроим привал?

Сержант Харди недовольно поскрипел зубами, бросил под ноги рюкзак и уселся на него. Рядом улегся и Джилленхол, опершись на руки, заведенные за спину.

— Томми, какой же здесь чистый воздух… — глубоко вдохнул кожаным носом парень из шара, закрыв глаза и решив показаться милым. — Все же не зря я так люблю природу… Наверное, это передалось мне на генетическом уровне… Ведь мой отец — фермер!

— Что за чушь? — усмехнулся Харди и закурил, желая испортить сигаретным дымом воздух Оклахомы — все назло матери!

— Интересно, а я похож на него внешне? — никак не унимался Джейк.

— Я хуево помню Бена, — состроил фирменный еблет Том, выпуская из носа дым.

— Ну, скоро узнаем… — поджал губы Джейк. — Хотя… Мне кажется почему-то, что я больше похож на маму. Ноги у нас с ней похожи… — рассмеялся он. Сержант Том же напрягся. — Да и черты лица схожи… Наверное…

— Хуйня — ты на нее не похож ни капельки! — дерзко сказал Том. — Разве что ебливыми бровями! У суки они тоже были пиздос какие пушистые!

— А знаешь, чем ты с мамой схож? — беззаботно посмотрел на брата парень из шара. — У вас уши пиздец одинаковые! Смотрю на твои и сразу же вспоминаю уши мамки! Разве что в твоих не хватает рубиновых сережек, которые, как выяснилось, она спиздила у твоего папки!

— Что. Ты. Сука-бля. Сейчас. Пизданул. Петушара, — закрыл глаза Том, неистово задвигав желваками. — Уши?! Сука-бля, уши?! — заверещал он, подскочив на ноги.

— А что такого? — превратился в генетическую сову Джейк. — Она же твоя мать — вы должны быть похожи с ней! Это нормально, Томми! Вот у меня с ней, говорю же, похожи бровки, ножки…

— Ножки? Сука-бля, ножки?! — заорал на всю Оклахому Харди и сам не заметил, как впал в состояние аффекта, взглянув на волосатые ноги брата.

И тут произошло нечто! Хоть Том и не потреблял ничего из наркотиков, каким-то странным образом ноги Джейка перевоплотились в ноги мисс Стрип. Харди сразу же вспомнился момент, как однажды мамаша нехуйственно пнула его за то, что он недостаточно хорошо пропылесосил кафельную комнату в подвале.

— Сука! — выпалил Том и что было сил ебанул брата с берца по ноге. — Ненавижу старую блядь!

— Бляяяять! Что ты творишь?! Какого хуя, Томми?! — завизжал Джейк, схватившись за место удара.

Харди закрыл глаза и помотал головой, пытаясь прийти в себя от подобных визуализаций.

— Баляяяять… — охуевше протянул он, открыв глаза. — Пиздюк… Джейки… Я не хотел… — кинулся он на землю к брату, из ноги которой торчала…

— Кость! Томми! Это же кость! Ты сломал мне ногу! У меня открытый перелом!

— Сука-бля! Прости! Я правда не хотел! Не знаю, что на меня нашло! — хватался одной рукой за голову сержант, второй же мотал над раной брата, даже и не зная, как к ней подступиться и стоит ли вообще туда лезть.

— Да что теперь делать? — вцепился в растрепанные волосы Джейк. — Томми, что ж ты натворил?! За что?! Мы в ебаном поле! Как мне реанимировать ногу?

— Сука-бля! Сука-бля! Я бля буду — не специально! — лепетал сержант. — Зачем ты напомнил мне о матери? Бляяяя, Джейки, что ж теперь делать?

— Ну уж явно не сидеть тут! Мне нужны какие-то инструменты, чтоб вправить ее на место! Мне нужен гипс! — попытался взять себя в руки Джилленхол.

— Бля, прости! Прости меня! — по старинке ебанулся разумом Харди и погладил брата по голове. — Пожалуйста, я ж тебя, сука-бля, прошу, прости меня, пиздюк! Я не хотел!

— Ладно, не думаю, что сейчас это важно! Сейчас нам с тобой нужно попасть в цивилизацию! — попытался успокоить брата Джейк, поняв, что обиду можно и опустить до поры до времени.

— Да что же я наделал? Ты теперь умрешь? Пиздоооос я ебанат! — абстрагировался Харди. — Ты никогда не простишь меня!

— Успокойся! — гавкнул на брата Джейк, отвесив ему хлесткую пощечину, дабы хоть как-то привести в чувства.

Но это не помогло! Том никак не унимался и продолжал бредить, моля о прощении!

— Я прошу — хватит! — заорал Джейк. — Я прощаю тебя, Томми! Я понял, что это случайность! — решил он не нагнетать атмосферу и временно спустить

случившееся на тормозах. — А теперь хватит лишних слов! Поднимай меня и беги!

— Да, конечно, Джейки… — буробил Харди, аккуратно беря брата на руки. — Для тебя — все что угодно… Я перед тобой, сука-бля, сильно провинился и теперь буду… Стоп, сука-бля, а куда бежать-то?

— Да хоть куда-нибудь уже! Вытащи нас с этого блядского кукурузного поля!

— Ну я понял… Понял… — кивнул Том и побежал прямо, понадеявшись на чудо.

И надо сказать, чудо не заставило себя долго ждать! Меньше, чем через минуту, кукурузное поле резко оборвалось. Том, держа на руках раненого Джейка, от неожиданности остановился на его границе и увидел перед собой зеленый луг, за которым вдалеке виднелась небольшая ферма.

— Джейк, кажется, мы спасены! — пизданул сержант и посмотрел на брата, который потерял сознание то ли от болевого шока, то ли от кровопотери, а скорее от всего этого в купе.

Том, усмехнувшись над комичностью данной ситуации, рванул вперед. Добежав до фермы, Харди быстро и по-мусорски огляделся по сторонам. Ферма состояла из довольно большого, но небогатого дома, амбара с огромными воротами, у которых был припаркован старенький облезлый пикап, да загона для скота.

Сержант подошел к дому и постучал, но увы и ах — никто не открывал. Кажется, никого не было дома, но это не точно.

— Джейки, сука-бля, потерпи немного, я что-нибудь придумаю, — уверил брата в отключке Харди и направился к распахнутому амбару.

Зайдя внутрь, он с хитрым прищуром осмотрелся, дабы оценить обстановку. Амбар был донельзя завален мешками с зерном и кукурузой, а на полках стояли разнообразные заготовки в банках.

— Ладно, сука-бля, наверняка здесь должно быть что-то, что помогло бы привести жиденка в себя, — пораскинул мозгами Том, пройдя в центр помещения.

Он присел на корточки и уложил брата на соломенный пол. Но не успел Харди распрямиться, как что-то холодное уперлось ему в затылок.

«Послушай, Том, судя по ощущениям — это двустволка. Бляяяя… Охуенно! Лучше и не придумаешь!» — мысленно психанул он.

— Кто вы такие, и что забыли на моей ферме? — спросил строгий женский голос.

— Сука-бля, пизда, только не стреляй! Мы с братом попали в небольшую передрягу… Мы заблудились в ебучем кукурузном поле, мой брат оступился, получил открытый перелом ноги, потерял сознание… Ему, сука-бля, помощь нужна! Шкура, я тебя прошу, давай без глупостей!

— Не убивайте нас пожалуйста… Мы люди хорошие… — застонал понемногу приходящий в себя Джилленхол, подслушав диалог одним ухом. Во второе же — забилось сено.

— У нас в Оклахоме принято радушно встречать заблудшего путника, тем более раненого. Следуя этому закону, я помогу вам, — сказала женщина, опустив ружье.

Сержант Том медленно обернулся, дабы уже взглянуть в глаза этой буйной женщине. Пред ним предстала особа невысокого роста, немного полная, но крепкая. Ее длинные русые волосы хоть и были заплетены в косу, но так и норовились выбиться из нее там и тут.

— Меня зовут Глэдис, — произнесла она и заглянула за спину Харди. — Что с ним? — приметила она лежащего на полу Джейка и присела перед ним на колени.

— Я же, сука-бля, сказал — перелом ноги. Оступился парень, — пояснил за

брата сержант. — Меня, кстати, Том зовут, а его — Джейки.

— Джейки… — уютно улыбнулась пышка, рассматривая парня из шара волнительным взглядом. — Ох… Как же ты похож на одного моего знакомого. Такие же синие глаза, волевой подбородок…

— Ау, мамаша! — пощелкал перед ее носом Харди. — Не поможете? Ему помощь, сука-бля, нужна!

— Ах да, пойдемте в дом, — опомнилась она, взяла парня из шара на руки и понесла на выход.

— Эй, сука-бля, ты что творишь, пизда? Дай я сам — ты ж его уронишь! — возмутился Том, догоняя пышку.

— Ты недооцениваешь женщин Оклохомы, мой хороший, — усмехнулась Глэдис. — Здесь, на ферме, я проживаю одна. И помощи мне ждать неоткуда. Вот и приходится порой делать совсем не женские дела.

— Ну я понял… Понял… — поморщился Том, ведь по канонам русских классиков, считал, что женщина должна быть «слабой», а не вот это вот все!

Глэдис занесла Джейка в дом, уложила его на обеденный стол в гостиной, достала аптечку и начала колдовать над раной. Надо сказать, что все ее манипуляции были профессиональными и слаженными. Женщина поведала, что уже не первый раз латает открытый перелом ноги. Ее овцы, куры, коровы и кролики не раз отхватывали похожую травму, поэтому в доме Глэдис всегда держала хирургические инструменты и гипс.

— Ну, все готово! — хлопнула в грязные ладоши толстушка, оросив брызгами гипса сержантский еблет, внимательно изучающий наложенный сапожок. — Ребята, вы, наверное, голодны? По законам Оклахомы я должна вас накормить, — встала она с места и направилась в сторону кухни.

Спустя десять минут

— Господи, спасибо вам огромное! — благодарил Глэдис Джейк, уплетая овсяные печенья и запивая их холодным молоком.

— Да, спасибо, сука-бля, — дерзко откусил печеньку Том, нарочито разбрасывая вокруг себя крошки.

— Блиин… Только как же теперь нам продолжить путь? — опустил уголки губ Джилленхол, посмотрев на загипсованную ногу.

— Вы можете остаться здесь, пока ты, малыш, не поправишься, — многозначительно подмигнула ему Глэдис, поправив выбившуюся из ночнушки грудь.

— Правда? Вот здорово! Ты слышал, Томми? Мы можем перекантоваться тут, пока я не поправлюсь! — проигнорировал оклахомский флирт инвалид из шара, ударив брата в плечо.

Глэдис нахмурилась, не получив в ответ должной порции внимания.

— Да он же еще такой юный… Наверняка, ровесник моему сыну… Что же я делаю? — еле слышно пробурчала она под нос. — Нет — это слишком даже для законов Оклахомы…

— Как-то, сука-бля, неудобно все это! — покрутил пухлыми губами Харди. — Ладно, давайте поступим так. Мы с Джейки остаемся тут, но поможем за это тебе по хозяйству, пизда, — выставил он указательный палец на женщину. — Как бы услуга за услугу. А то, как понял сержант, ты тут совсем ебанулась без мужской-то помощи. Заодно, может хоть ненадолго, но почувствуешь себя «слабой» женщиной, — нарисовал он кавычки в воздухе, промолов несусветную хуйню.

— Оу, — оценивающе посмотрела на него Глэдис, прикинув, что по возрасту Том вполне себе подойдет для откровенного флирта и ебли.

Дорогуша! Да у них с братом не такая уж и критическая разница в возрасте! Неужели эти четыре года так заметны? Мда, все же не зря говорят, чем младше,

тем ощутимее разница, которая с годами сходит на нет.

— Мне нравится твое предложение. Думаю, ты отлично справишься с моим хозяйством… — томно проговорила она, подошла к Тому и потрогала его бицепсы. — Такой крепкий, упругий парень…

В столовой повисла неловкая сексуальная пауза.

— Оо-у, — присвистнул Джилленхол, просканировав своими пиздатыми глазами женщину и поняв, что у той ебейший такой многолетний недотрах.

— Сука-бля! — вскочил с места Том, будто его в глаз ужалила пчела.

— Дааа, Томми у нас такой, — пизданул Джейк, который прочувствовал своим кожаным носом всю ситуацию и решил подстречь Глэдис, тем самым замстив брату за переломанную ногу. — Кстати, он еще и сержант полиции. Все женщины любят мужчин в форме, да?

— О дааа, — промурлыкала Глэдис. — Пойду-ка я подберу вам одежду, ребят, — подмигнула она Тому и вышла из столовой.

— Какого хуя? За что? — ошалевше прошептал сержант, уставившись на брата.

— За ногу, — одними губами прошептал Джейк, продемонстрировав гипсовый сапожок. — Чтоб не мне одному было некомфортно тут пребывать!

— Пидор, сука-бля, — выпалил Харди, показал брату «фак» и выскочил на задний двор, дабы перекурить и обдумать, как теперь ему жить в столь неординарной ситуации, пока Джилленхол не придет в норму и не сможет продолжить дальнейший путь.

Предложить-то помощь Том предложил, но вот совсем не подумал о том, что делать это придется ему в одиночку, ведь от поломанного Джейка толку, определенно, будет мало. И это обстоятельство, совершенно точно, сделает его пребывание на ферме еще более тягостным. Осознав все это, сержант ебанулся хлеще некуда. Докурив сигарету и побившись в агонии неизбежных домогательств, он решил, что стоит отложить этот вопрос на завтра, ведь, как говорится, утро вечера мудренее. На том и порешал.

Ранним утром, когда лишь едва рассвело, Харди разбудил непонятный шум. Прислушавшись, он понял — это был скрип пружинного матраса в соседней комнате за стенкой. После добавились и еще какие-то невнятные пыхтение и сопение, завершившиеся чем-то вроде хрюканья.

— Что за ебала? — пробормотал Том, приподняв шрамированную бровь, когда звуки затихли.

Визуализировав происходящее за стенкой в своей до невозможности дурной голове, он пришел к выводу, что тут есть два варианта: либо кто-то там осторожно жарился, надеясь остаться незамеченным, либо на кровать забралась свинья, а хозяин комнаты пытался потихоньку ее согнать, дабы не разбудить весь дом. Том твердо для себя решил, что первый вариант исключен, ведь кто мог ебать Глэдис в столь ранний час? Кто-кто? Да никто, кроме его брата из шара. Но тот, мало того, что покалечен, так еще и предпочитал громкую еблю. Это уж сержант Том знал не понаслышке. Сколько воплей и стонов пришлось выслушать ему из соседней спальни с тех пор, как в еврочетырешке поселился Джилленхол!

Остановившись на варианте с наглой свиньей, Харди беззаботно потянулся и встал с кровати. Вот что он решил за минувшую ночь: с самого раннего утра, пока все еще спят, он будет выполнять как можно больше дел по ферме, а далее, ссылаясь на жару и усталость после утренней работы, удаляться к себе. Вечером же он планировал быстро ужинать со всеми вместе, дабы ни у кого не вызвать лишних подозрений в том, что он их избегает. Да и вряд ли Глэдис будет чрезмерно настойчива при Джилленхоле. Ну, а после, оправдываясь измотанностью и предстоящим ранним подъемом, вновь удаляться в спальню.

Ну и работать по утрам надо было по максимуму. Во-первых, чтобы и впрямь уставать и коротать дни и ночи во сне, а не в унылом бодрствовании, проводя праздные часы, плюя в потолок. Тут ведь даже и заняться нечем! Все книги, замеченные Томом с вечера в гостиной — были справочниками по кукурузе и колорадским жукам. Никакими Толстыми и Достоевскими тут и не пахло! Пышка вряд ли и имена эти слышала! Ну, а во-вторых, — чем быстрее будет выполнена работа, тем быстрее можно будет покинуть эту цитадель разврата и похоти.

Не учел Том лишь одного — весь его план это полное ебаное говно! Останется он тут, пока у Джейка не заживет нога, да и работа на ферме не закончится никогда. Ну и Глэдис, помимо всего прочего, была жаворонком по натуре, и совершенно не гнушалась ранних подъемов. Ибо работать в кукурузном поле в разгар знойного дня — ну такое… Об этом известно всем, кто хоть немного имеет представление о жизни вне стен отцовского замка, избалованный ты мудак!

В весьма бодром расположении духа сержант натянул тряпки, любезно предоставленные Глэдис, сполоснул водой ебало и лысину для бодрости и спустился вниз. Каково же было его удивление, когда вместо пустой кухни, он обнаружил там сидящего в инвалидном кресле за столом…

— Джейки? — подпрыгнул Харди от неожиданности. — Тебе, сука-бля, хули не спится?

— А тебе, Томми? — последовал ответ от жида из шара.

— Работать, сука-бля, иду! — состроил фирменный недовольный еблет Том, подтягивая сползающие на задницу треники Глэдис.

— Ну! Так и я тоже! — радостно развел руками Джилленхол.

— Пояснишь как? — махнул Том на инвалидное кресло. — Кстати, откуда оно у тебя?

— Глэдис дала — оно ее мертвого прадеда. Он получил ранение во время Первой Мировой войны и его парализовало, а после он умер от «испанки», — пояснил за транспорт Джейк.

— Ебануться, как интересно, — скривил губы сержант, рыская по шкафам, что бы пожрать.

— Ну, а насчет помощи… — продолжил пояснения Джилленхол. — Толку от меня, конечно, немного, но все же… Воды там принести, инструмент подать — это я могу. Да и вдвоем все веселее!

— А ты, я смотрю, сука-бля, нашел с ней язык, — указал Том в сторону лестницы, ведущей наверх, набивая рот домашней колбасой. — Уже историю ее прадеда узнал.

— Так она с нее и начала, — пожал плечами парень из шара. — Ты когда ушел вчера, мы с ней еще посидели, поболтали, она показала пару фотоальбомов — мы уже дошли до судьбы ее крестного отца. Сегодня за ужином она пообещала рассказать историю знакомства ее родителей! Круто, да?

— Охуенно! — лайкнул сержант, подкатив глаза. — Так это все же ты ее ебал с утра, пиздюк?

— Что? Нет! С чего вдруг? — ахнул Джейк, приложив ладонь, смоченную слюнями, к груди.

— Ну, хуй знает… Как я понял, сука-бля, вы с ней… — все надеялся скинуть нежеланную ношу на брата Том.

— Что ты там понял? Ничего ты не понял! — перебил его Джилленхол, нахмурив материнские брови. — Мы с ней просто мило провели вечер! И я не стал бы и не стану ее жарить! Ведь она мне как мать, Томми!

Сержант Харди нервно задвигал челюстью при упоминании безумной суки Мэрил. Но, побоявшись очередного срыва, решил перевести все в шутку.

— В шар тебя что ли хотела посадить? — ухмыльнулся он и залил в рот молоко из канистры.

— Ой, Томми, не передергивай! — вскинул руки и здоровую ногу Джейк. — Ты прекрасно понял, о чем я… Короче, все это неважно! Я не ебал ее! А то что ты слышал с утра — это она сама…

— Что сама? — подозрительно приподнял шрамированную бровь Харди.

— Ну что? Ты будто маленький! Женщина живет много лет одна, чем ей еще заняться перед тяжелым трудовым днем? — хлопнул себя по ляжкам Джейк.

— Так, сука-бля, хватит! — выставил ладони вперед Том, отрицательно замотав головой. — Избавь меня от этих подробностей! — скривился он и передернул плечами.

— Ой, ладно, — отмахнулся Джейк. — Ты кстати знал, что у меня отменный слух? Так вот, меня тоже сегодня с утра разбудила Глэдис, — беззаботно улыбнулся он, почесывая гипс. — И я слышал, что она говорила о тебе…

— Чего? Иди нахуй, пиздюк! — пихнул его в плечо сержант, нахмурившись до неузнаваемости.

— О, Томми! О, да! О, я так тебя хочу! — пискляво застонал Джилленхол, запрокинув голову и закатив глаза. — Да, мой сержант Харди! Да! Вот так вот! — положил он указательный и средний пальцы на место где заканчивалась ширинка его джинс и быстро задвигал ими вверх-вниз.

— Завали ебало, шмара шаровая! — взорвался Том, схватил со стола тряпку и начал хлестать ею брата по макушке.

— Дааа! Ммм! Ты такой сладенький, Томми! Да-да, не останавливайся! — прикрывался тот от побоев свободной рукой, второй же продолжал спектакль.

— Я сейчас тебе вторую ногу сломаю, пидор! — бесился Том, пытаясь прекратить воображаемую дрочку, убирая руку Джейка с его ширинки.

— Да! Да! Я кончаю! Ооооо! — округлил рот Джилленхол и зашелся в артистичных судорогах, затем наигранно обмяк и через пару секунд расхохотался как новорожденное дитя.

— Уебок! Прекращай, сука-бля, меня выводить! — отвесил ему подзатыльник Харди, покраснев от ярости. — К чему этот, сука-бля, цирк?

— Да какой цирк, Томми? — сквозь смех изумился лауреат премии Оскар из шара. — Я просто говорю, что слышал!

— Пиздеж! — рявкнул Том, ткнув ему пальцем в кожаный нос. — Я бы тоже это слышал, если бы так было! — доказывал он, в очередной раз поведясь на жидовские провокации и совсем не понимая шуток.

— Ой, все! Что ты так психуешь? Не слышал я ничего! — вытер проступившие слезы веселья Джейк. — Но уверен, что все так и было! — добавил он, предусмотрительно прикрыв голову рукой.

— Доброе утро, мои хорошие! — вошла в кухню растрепанная Глэдис, облаченная в одну лишь ночнушку с нарочито глубоким вырезом. — Ох, что-то уже с утра так жарко… — вытерла она со лба капельки пота, плеснула в ладонь воды из кувшина и промокнула раскрасневшиеся щеки, благостно улыбаясь и поблескивая глазами.

Джейк пихнул Тома локтем в бедро и с ухмылкой подергал пышной бровью. Харди в ответ лишь злобно подвигал челюстью и шлепнул брата тыльной стороной ладони по уху.

— Как спалось, Глэдис? — продолжил Джейк.

— Ох, хорошо… Совсем не хотелось вставать из постели… — расплылась она в улыбке и потянулась.

Пышка подошла к окну и распахнула шторы. Солнечные лучи утреннего солнца очертили ее округлую коротенькую фигуру, просвечивающую сквозь тонкую ткань ночной сорочки. Сразу стало ясно — под ней она была полностью голой. Харди от сей картины поморщился и поспешил отвернуться. Джейк же Джилленхол склонил голову набок и оценивающим взглядом осмотрел пышку с ног до головы.

— Но работа не ждет, — протянула Глэдис, через плечо взглянув на Тома, который с деланым интересом рассматривал старомодную люстру.

— Действительно, сука-бля, — закивал он и попятился к выходу, не отрывая взгляд от потолка.

— Стой, куда же ты собрался? — одним прыжком добралась до него Глэдис, схватила за запястье и прильнула всем телом.

— Работать! — испуганно воскликнул сержант, пытаясь отпрянуть от пышки.

— Ты разве знаешь, что делать? — замурлыкала она, словно глупая толстая кошка. — Обожди меня, я тебе все расскажу.

— Да ты мне, сука-бля, на словах расскажи, да я пойду, — бился в агонии неприятных прикосновений Том, выдергивая руку из хватки женщины. — Пиздюк вон мне поможет, вдвоем справимся. Да, Джейки? — просверлил он кричащим взглядом брата, осыпая его ментальными проклятиями.

— Ну, хорошо… Для начала отправляйся на водокачку и принеси воды для скота, — томно прошептала Глэдис.

— Ну я понял… Понял… — наконец выдернул руку Том и уже хотел выскочить из дому, как пышка обогнала его, преградив путь.

— Постой. Вот, надень, а то голову напечет, — дотянулась она до вешалки возле двери, сняла с крючка соломенную шляпу и нахлобучила сержанту на лысину. — Ммм… Ну прямо как в моем утреннем сне… — простонала она и закусила губу.

Харди как ошпаренный вывалился из дома и, пылая от некой смеси стыда и гнева, ринулся незнамо куда. Джейк прыснул и покатил за ним.

— Водокачка в другой стороне! — крикнула им вслед Глэдис и отослала воздушный поцелуй.

— Ну я же говорил! — догнал сержанта Джилленхол. — Этот утренний сон с твоим участием… Сам понимаешь…

— Заткнись! — процедил Харди, быстрыми яростными шагами топая к водокачке.

— Ну, а фигурка у нее ничего так. Такая вся мягонькая… — пожамкал Джейк пальцами воздух перед собой. — И она просто течет от тебя! Даже немного завидую тебе, Томми…

— Еще одно слово, шмаровоз хромой, и я за себя не ручаюсь! — ткнул пальцем Том в кожаный нос брата, просверлив его разъяренным взглядом.

Джейк хохотнул, затем выставил ладони вперед и изобразил, что закрывает рот на замок и выкидывает ключ в кукурузное поле.

— Ведро дай! — рявкнул Харди и принялся качать воду.

Так прошла неделя, которая оказалась для Тома немногим легче времен проживания в Нампе под одной крышей с мисс Мэрил. Та, конечно, была той еще сукой, но хотя бы не желала его отжарить! Хотя это было бы слишком даже для этой старой маразматички! А вот Глэдис, хоть и была душкой с виду, в душе же являлась одержимой извращенкой. По крайней мере, таковой ее считал сержант. И, надо сказать, не без оснований.

Глэдис всюду, куда бы Том не направился, ходила за ним под тем предлогом, что должна дать задание, обучить новому навыку или проконтролировать. Из-за ее постоянного присутствия работу Харди выполнял из рук вон плохо. Он совершенно не мог нормально слушать и воспринимать ее инструкций по стрижке овец или обезглавливанию куриц, которые то и дело норовили убежать прочь из рук сержанта, даже не успев лишиться голов. Все эти промахи давали Глэдис небеспочвенные основания беспрестанно присутствовать рядом. При этом она то невзначай погладит его, то игриво ущипнет, то нашепчет какую-нибудь пошлость на ухо, то ненароком продемонстрирует голые коленки, скрывающиеся под длинной юбкой. У Харди от подобных выходок уже начался

нервный тик, он постоянно старался где-нибудь спрятаться, но то и дело вздрагивал, когда пышка подкрадывалась со спины и в очередной раз нашептывала незнамо что.

Атмосферу, как всегда, нагнетал и Джейк. Обычно он безучастно наблюдал за всем со стороны, порой посмеиваясь, а в самые неловкие моменты удаляясь с заявлением, что пора бы и освежиться лимонадом, и если он и может чем помочь, так это приготовлением сего напитка. И конечно же каждое утро не обходилось для Тома без очередного спектакля из цикла: «Фантазии Глэдис и 100 и 1 способ ее самоудовлетворения».

От всего этого у сержанта уже крыша не то что ехала — взрывалась. Он шарахался от каждого звука, а на время сна закрывался в комнате, подпирая дверь шкафом, в котором, собственно говоря, и спал.

Одним треклятым утром Том, проснувшись и высунувшись в окно, скурил разом пять сигарет, дабы хоть как-то унять невроз, и отправился вниз. Там его уже поджидала Глэдис, которая сегодня выглядела совершенно особенно. На ней были джинсовые бриджи, клетчатая рубашка, завязанная узлом, и ковбойские сапоги. На голове — шляпа с муляжной шерифской звездой. Длинные волосы были распущены и мелкими волнами спускались по плечам до самого пояса. Вместо привычного чая, который она заваривала по утрам, на столе стояла бутылка самогона.

Харди с ходу напрягла эта картина, и он, пробубнив под нос что-то на счет того, что у него всю ночь крутило живот, пулей выскочил из дома. Глэдис же с ухмылкой проводила его взглядом, сделала щедрый глоток кукурузно-сахарного пойла и не спеша двинулась за Томом, прихватив с собой и бутылку.

Парень из шара, все это время от нечего делать раскатывающий по кухне взад-вперед, присвистнул и поспешил на улицу, дабы погреть свои собачьи уши. Ведь явно тут ожидалось нечто весьма интересное. Подглядывать он, конечно, не собирался, ведь матушка научила его, что это противоречит этикету. А вот подслушивания он не гнушался, на счет этого мисс Стрип ничего не уточняла.

Сержант быстрым шагом, срывающимся на бег, двигался к амбару, куря на ходу. Он решил занять себя перетаскиванием мешков с кукурузой — единственным делом на ферме, что получалось у него сносно. Да и помощь Глэдис здесь не требовалась.

Войдя внутрь, он бросил бычок на пол, устеленный соломой, и затушил берцем. Затем двинулся к горе мешков в углу, которые требовалось уложить штабелями вдоль стен. Взяв первый и закинув его на плечо, Том услышал тихие шаги за спиной, потом в амбаре стало темно — ворота закрылись. Теперь помещение освещалось лишь сквозь щели дощатой крыши. Сержант замер на месте, взвалив мешок на спину.

— Кукуруза может и подождать, — заговорил томный голос Глэдис. — Или я сама перетаскаю ее позже…

— Сука-бля, — прошептал Харди, обернувшись через плечо. — Глэдис? Это ты? — спросил он хуйню, пытаясь придать голосу непринужденности.

— Конечно, я, глупыш, — улыбнулась пышка, игриво подергав бровями.

Харди же продолжал стоять, слегка согнувшись и вцепившись в мешок, будто это был спасательный круг.

— Ну же, положи его, — двинулась к нему женщина, виляя бедрами в несвойственной ей манере, отчего стала похожа на дешевую шлюху с трассы.

Агония сексуального капкана не заставила себя ждать и накрыла Тома невротической волной. Он стал шнырять взглядом в поисках путей для отступления, но таковых в чертовом амбаре не имелось. Единственное окно было, мало того, заколочено досками, так еще и загорожено стеллажом с припасенными банками.

Глэдис уже подошла вплотную и положила ладонь на руку Харди, где он

сжимал мешок. От прикосновения пальцы моментально разжались, мешок полетел на пол, а сам сержант развернулся, вытянулся как струна и выставил ладони вперед, как бы обозначая личное пространство. Но пышке было абсолютно поебать на границы Тома. Она пригубила самогона, взмахом откинула его руки в стороны и прижалась к нему всем телом.

— Ммм… — лишь замычал сержант, повернув голову набок и косясь на Глэдис, смотрящую на него сверху вниз из-под шляпы взглядом глупой нимфоманки.

— Расслабься ты, — повернула она его лицо за подбородок. — Все нормально, хороший мой…

— Нормально, сука-бля, нормально… — застонал Том, отрицательно мотая головой.

— Ну-ну… — подбодрила его Глэдис и положила руки на плечи, продолжая нарочито тереться об него и пытаясь нащупать телом что-то твердое в районе паха. Надо сказать, пока безрезультатно.

Наконец, сержант попытался выйти из ступора и сделал шаг назад, но тут же споткнулся о мешок кукурузы, который сам же и обронил. Упав на задницу, он начал отползать. Глэдис же поступью жирненькой кошки стала наступать, пока Харди не уперся спиной в груду мешков и не оказался загнанным в угол.

— Ну же, пупсик, — расплылась пышка в блядской улыбке, опустилась на четвереньки и вновь двинулась к Тому, заставляя вжаться его в кукурузу.

— Не надо… — все быстрее мотал головой сержант, жалобно сведя брови.

— Просто наслаждайся, глупыш, — пробормотала Глэдис, проведя ладонями по его коленям, выше, до самой груди, и заглянула в глаза.

— Ну пожалуйста, сука-бля, — взмолился Харди, не зная куда себя деть.

Ответом ему было молчание, а Глэдис закусила губу и провела пальцем от груди вниз, сунув его за ремень скамов.

— Ну я ж прошу, — бредил Том, прижав руки по швам и вцепившись в карманы скамов.

— А что тут у нас? — пухлая ладошка легла на его ширинку, слегка сжав пальцы. — Уууум… — оттопырила нижнюю губу Глэдис, вновь не почувствовав там никаких изменений. — Совсем ничего? А так?

Пышка, не убирая руки с ширинки, второй рывком развязала свою клетчатую рубаху, выпустив наружу полные груди.

— И так ничего? — состроила она брови домиком, а Том, пару раз ошалело поморгав, зажмурился.

Тогда Глэдис с силой оторвала его руки от карманов и положила себе на сиськи.

— Нееет… — захныкал Харди, пытаясь выдернуть запястья из пышной хватки обезумевшей женщины. Но та была куда сильнее. Да, работа на ферме дает о себе знать. Это тебе не в бойцовском клубе кулаками махать.

— Ооо дааа… — торжествующе протянула Глэдис, почувствовав под ширинкой скамов оживление.

— Ну нет, сука-бля! — отчаянно заныл Том. Хоть пышка и совершенно не привлекала его как женщина, и уж тем более не соответствовала его фантазиям о первом сексе, который непременно должен был произойти по любви, тем не менее мужское начало под руководством товарища тестостерона взяло свое. Ощутив тепло и мягкость женской груди и весьма упругие, слегка огрубевшие соски, уткнувшиеся ему в ладони, совладать с собой было уже трудно. А закрыв глаза и отключив тем самым визуальную составляющую, сержант невольно отобрал у разума бразды правления над собой и передал их хую.

— Ну дааа, — игриво передразнила его Глэдис, и принялась расстегивать скамы. Для этого ей пришлось отпустить руки Тома, однако отчего-то ладони с ее грудей он не убрал. Вот это проказник! Ах! Да ты еще и пожамкал их! И не

надо отнекиваться! Точно жамкал!

Глэдис уже расстегнула ширинку, стянула стильные боксеры и обхватила натруженной рукой сержантский член, у которого совершенно не оставалось сомнений, что он хочет отодрать эту горячую пышку. Сам же сержант не то что сомневался — бился в агонии потери девственности, которая шла совершенно не по его плану. Он вжался в мешок, то приоткрывая глаза, то снова жмурясь, но сиськи из рук упрямо не выпускал. Да хватит уже себя изводить! Просто расслабься и отдайся воле случая! Будь как будет! Терять тебе нечего, кроме твоей драгоценной девственности, которая никому кроме тебя не сдалась!

Но тут произошло то, чего не мог ожидать лишь такой ебанат, как Том. Пышка наклонила голову, приоткрыла рот, высунула язык и провела им сверху-вниз.

— Сука, сука, сука! — впал в истерику Том. — Нет, сука-бля! Нет! Только не это! — заорал он, словно дегенерат, а из глаз его и вовсе брызнули слезы.

Если с неизбежностью классической ебли он худо-бедно смирился за последние пару минут, то к оральным ласкам он не был готов абсолютно. Почему-то он считал это слишком личным и сокровенным, что не в силах был присунуть на ротан кому попало.

— Я тебя умоляю, сука-бля! Не надо! — зарыдал Харди, будучи конченым по жизни человеком.

И вот тут-то произошло то, чего и впрямь не мог ожидать никто. Двери амбара с грохотом распахнулись и внутрь вкатился…

— Джейк? — ахнула Глэдис, поспешно бросив член, который готова была уже заглотить по самые гланды. Она вскочила и запахнула рубашку на груди.

Том же принялся судорожно натягивать штаны, пытаясь засунуть взбунтовавшийся и вышедший из-под его контроля пенис обратно в трусы, залившись при этом краской с головы до пят.

Но, кажется, Джейка совершенно не смутила данная ситуация.

— Томми! Скорее беги в стойло! Там лошадь рожает! — заорал он, замахав руками как глупая надувная кукла у супермаркета. — Ты же на опыте! Все же принимал уже роды! Ну же, беги! Чего встал! — гавкнул он, топнув загипсованной ногой.

Харди, совершенно не вникая в бредни брата, пулей рванул прочь из амбара, на пути застегивая ширинку и вытирая слезы. Сейчас он был готов на все, лишь бы сбежать. Даже еще раз принять роды! Даже, если это будет не лошадь, а опять Мэрил.

— У меня нету лошади, — прищурилась Глэдис, проводив взглядом Харди и переведя его на Джилленхола.

— Нету, — улыбнулся соблазнитель из шара и покатил к пышке.

Подъехав, он похлопал себя по колену, приглашая даму присесть. Та же стояла, хлопая глазами и не понимая ничего. Тогда Джейк взял ее за руку, которой она придерживала рубашку, тем самым вновь высвобождая ее груди.

— Оу, какие, пышечки, — прорычал он, подняв руку вверх и потеребив Глэлис за сосок.

Пышка только и успела открыть рот, когда Джилленхол притянул ее к себе за ремень джинсовых бридж, усадил на колени и зарылся мордой в ее сиськах, приподняв их двумя руками.

— Ооох… — на выдохе простонала Глэдис, запрокинув голову и к хуям потеряв разом шляпу, контроль и рассудок.

Джейк Джилленхол ебал пышку целый день кряду, не давая сучке ни минуты на передышку! Ебарь из шара считал своим мужским долгом — помочь Глэдис восполнить все те годы, что она прожила в одиночестве, а также удовлетворить ее на несколько лет вперед, ведь кто знает, когда одинокий путник вновь

набредет на ее ферму и уделит хозяйке должное внимание.

Когда солнце зашло за горизонт, а его место заняла полная луна, осветив имения Глэдис волшебным белым светом, вспотевшая до неузнаваемости пышка, сбросившая килограмм эдак пять от безумного секс-марафона, изнеможденно рухнула спиной на пол.

— Кукуруза, — на выдохе сказала она стоп-слово, обозначавшее конец ебли.

— Ну, кукуруза, так кукуруза, — пожал плечами Джейк, поднимаясь с пола, и одел просторные семейники, принадлежавшие прадеду Глэдис.

Пышка же перевернулась на бок, неторопливо взяла бутылку самогона и разлила его по рюмашкам. Одну оставила себе, вторую протянула секс-гуру из шара. Они стукнулись и выпили.

— Даже и не знаю, как мне тебя отблагодарить, — сказала удовлетворенная Глэдис, разум которой наконец-таки прояснился от многолетнего недотраха. — Ох, кажется, я обидела твоего брата… Не стоило себя с ним так вести. Какой-то он ранимый.

— Не думаю, что это так важно! — беззаботно отмахнулся Джилленхол, обновив рюмки. — Главное, что ты теперь довольна! Слушай, давно хотел спросить, а почему ты живешь одна? У тебя что, совсем никого нет?

— Ох, Джейки, это грустная история, но я расскажу, — характерно выдохнула она и залпом ебанула самогона. — Вообще, у меня есть сын. Вы с ним, кстати, примерно ровесники.

— Интересно, — вскинул пышные брови Джейк. — А где тогда он? Где его отец? Почему они бросили тебя одну на этой чертовой ферме?

— Давай я начну сначала, — женщина достала из кармана джинсовых бридж, валяющихся неподалеку, папиросу, закурила и начала рассказ. — Давным-давно на мою ферму забрел усталый путник. Он затерялся в кукурузном поле и несколько дней бродил по нему пешком. Оказалось, что он неместный, и приехал в Оклахому за товарами, ведь являлся рыночным торговцем и колесил по всем ярмаркам Штатов, продавая американцам кусочек Оклахомы. Я впустила его к себе, накормила, обогрела… Боже, как же он был красив! Он был похож на Хавьера Бардема, но не являлся им. От одного лишь взгляда в его прекрасные синие глаза, я потеряла голову, как глупая девчонка! Так и закрутилось. Неделю мы жили вместе. По правде сказать, это была лучшая неделя в моей жизни… — ностальгично подняла она взгляд к потолку. — Но в один прекрасный день он сказал, что пришло время расставаться, что в городе у него есть невеста и через месяц он выходит за нее замуж… — продолжила она неграмотное повествование. — Он сказал, что он очень хочет остаться со мной, даже помочь с фермой, но увы — у него какой-то долг перед семьей и он не может так просто взять и сорвать спланированный брак… Я долго горевала и ждала его… Ждала, что он все бросит и вернется. Но он не приехал ни через неделю, ни через месяц, ни даже через год… Как выяснилось позже, он оказался никем иным, как обманщиком-ловеласом. После меня он поселился на еще одной ферме неподалеку отсюда, где говорил тоже самое другой молодой девушке. Также ходил слух, что в деревне неподалеку, у него и вовсе была жена и дети. Больше я ничего о нем не знаю… Единственное, за что я благодарна этому человеку — он подарил мне моего любимого сына — Руди. Но мое счастье длилось не так уж и долго. Руди вырос и не захотел здесь оставаться. Он уехал учиться в Вашингтон. Теперь он там. Иногда мы созваниваемся, но не более того…

— Торговец на ярмарке… — задумчиво пробурчал Джилленхол. — А как звали этого твоего мужика?

— Бен… Его звали — Бен, — с долей грусти улыбнулась Глэдис.

— Бен? — ахнул парень из шара. — Бен! — провел он параллели в бестолковой голове.

— Да, Бен, — подтвердила Глэдис.

— Матерь Божья… — сжал зубы Джилленхол, поняв, что, возможно, выебал матушку своего единокровного брата. Но все же — это пока не точно. Нужно разобраться поподробнее! Что, в Оклахоме один лишь Бен?

— Слушай, я что-то утомилась так, — сладко протянула Глэдис. — Не обидишься, если я немного подремлю? — свернулась она калачиком у одного из мешков кукурузы.

— Да, конечно, конечно… — бездумно промямлил Джейк. — Спи, и пусть тебе приснятся сладкие сны, — положил он ладонь на жирненькую складку бока Глэдис и стал прикачивать ее, сам же все это время мысленно копошился в истории, услышанной минутой ранее.

Спустя пару минут Глэдис уснула, и Джейк, в одних лишь трусах, ринулся из амбара прочь на поиски брата. Он нашел Тома спустя десять минут. Харди сидел на сеновале и курил, устремив опустошенный меланхоличный взгляд в ночное небо. К слову, сержант сидел здесь с тех пор, как сбежал из амбара, все это время пробившись в агониях то сексуального нападения, то попытки опознавания бренности мужского бытия.

— Томми, ты сейчас не то что охуеешь — ебанешься! Ты даже не представляешь, что я узнал от Глэдис! — кудахтал Джейк, усаживаясь на сеновал. — Томми? Эй, Томми! — пихнул он брата в бок. — Что с тобой? Почему такой грустный? Хуй сосал невкусный? — отшутил он одну из любимых шуток Харди, дабы развеселить его.

— Ты, сука-бля, издеваешься, пиздюк? — посмотрел на него уничтожающим взглядом Том. — Ты видел, что толстая собиралась сделать с сержантом?

— Ммм… — сложил губы в тонкую полоску Джейк. — А что тут такого-то? Все было естественно… Ладно, не думаю, что это важно! — попытался отвлечь он брата от неловкой темы.

— Думаешь, это неважно? — взвизгнул сержант, закурив уже пятую сигарету подряд — как всегда, назло старой бляди.

— Слушай, я думал, ты не хочешь говорить на эту тему, — сказал мозгоправ из шара. — Но если хочешь выговориться, то я всегда выслушаю, — уютно положил он ладонь на плечо брата. — Если честно, то я видел, что там произошло… И заметив, как ты заплакал, ворвался и спас тебя, — выпалил он, зажмурившись в ожидании удара по ебалу.

— Спасибо, пиздюк, — процедил Харди, отвернувшись и совсем не намереваясь уебать брату, ведь и впрямь был не на шутку благодарен ему за спасение своей дражайшей девственности.

Повисла неловкая волшебная пауза, провозглашающая о том, что сейчас самое время поговорить по душам и поделиться чем-то сокровенным.

— Знаешь, — первым прервал тишину Том. — Все это было, сука-бля, неправильно. Все же эта толстуха… Сколько я ее знаю? Пару дней, неделю? Да и никакой искры между нами не было… Так скажи мне на милость, почему сержант должен был ее отъебать?

— Потому что это естественно? — накинул вариант Джилленхол.

— Нет, пиздюк, это нихуя не естественно! — плюнул в сторону Том, вспомнив лицо своего отца и его пиздатую шляпу. — Все должно быть по любви, понимаешь? Все эти глупые перепихоны в амбарах, клубах и прочей ерунде — хуйня!

— Нет, не понимаю, — нахмурился Джейк, реально не понимая, что за дичь несет сержант. — Ты какой-то непоследовательный. То ты рассказываешь, что жаришь всяких девчонок, то отказываешься ебать горячую пышечку и несешь это вот все! Томми, ты что, девственник?! — задал провокационный вопрос Джилленхол.

— Чего, сука-бля?! Конечно, нет! За кого ты принимаешь сержанта?! Он —

власть! — попытался нелепо, но агрессивно оправдаться Том.

— Ладно, пусть так! Но почему тогда ты так остро отреагировал, заплакав? — без шуток и приколов спросил Джейк, сняв с лица маску бестолковости.

— Потому что сука полезла сосать! — отшвырнул бычок в соседний стог Харди и закурил вновь! Все назло знамо кому!

— Иии? Не это ли счастье, Томми, когда женщина без всяких уговоров решает сделать миньетик? Это ж так круто для любого мужика! Это значит, что он пиздец какой охуенный! — возмущенно зажестикулировал Джейк.

— Да ты ебанутый, сука-бля? — непонимающе посмотрел на брата Том, приподняв шрамированную бровь. — Это личное! Как можно доверить самое дорогое, что у тебя есть, незнамо кому? Фу, Джейки! Ну это все же рот! И не просто, сука-бля, рот, а с зубами! То есть выходит, что ты должен полностью доверить человеку свой хуй! Можно ли это сделать с незнакомой шкурой? Абсолютно точно, что нет!

Джейк вмиг превратился в сову, чей брат шизофреник, и от шока провалился вглубь сеновала.

— Блять… Томми… Ну пиздец! — спустя минуту, высунулся он наружу. — Что ты несешь? Тебе что, никто и никогда не отсасывал?

— Конечно, нет! — хлопнул по скамам Харди. — Вот кому сержант в этой жизни доверяет? Тебе да Леониду! Разве ты видишь кандидата, кому я могу присунуть на ротан?

— Ну, то есть, теоретически, даже если ты будешь кого-то жарить с этой своей «искрой», с «любовью», — нарисовал кавычки в воздухе Джейк. — Но при этом будешь знаком с девочкой всего пару дней, то все равно не дашь на ротан?

— Конечно, сука-бля, нет! — психанул Том от бредовых домыслов брата. — Для этого нужно притереться! Хотя бы месяц или два! Точно удостовериться, что это не развод никакой и все серьезно! — плел он невменяемую хуйню, а где-то на небесах от счастья всплакнул мистер Уокен, уверившись в том, что сын отлично усвоил его уроки полового воспитания.

— Блять, да что за хуйня? — вцепился в растрепанные волосы парень из шара.

— Так, все! Меня уебала эта тема! Что ты там рассказать хотел? — решил сменить разговор Харди, наблюдая за тем, как начинает разгораться соседний стог от выкинутого им туда второго бычка.

— Сейчас расскажу, но для начала, хочу сказать кое-что другое, — мило улыбнулся Джейк. — Томми, это было круто. Такой душевный разговор. И почему мы так не делали раньше? Это было и правда необычно и так… По-семейному! А ты, как оказалось, тот еще романтик! — шутливо пихнул он брата в плечо.

— Я же сказал — иди на хуй! И да, не привыкай, сука-бля, к подобным разговорам! Я не люблю! Всякого рода сентиментальности! — сбрехал Харди, схватил сено и кинул в еблище Джейку.

Тот, захохотав будто ребенок в утробе матери, повторил трюк брата, кинув в девственный еблет Тома охапку сена. Харди по-распиздяски расхохотался, и братья стали швырять друг в друга сеном, громко смеясь на всю округу.

— Ладно, пиздюк, шутки в сторону, — спустя три минуты спрыгнул с сеновала Харди, расстегнул ширинку и начал ссать на полыхающий во всю соседний стог. — Что ты там хотел рассказать сержанту?

— Значит, слушай, — улегся на бочок Джейк, подперев кулаком голову и засунув в рот колосок.

Джилленхол слово в слово пересказал историю Глэдис о ее сыне и его отце. Также мыслитель из шара не забыл поделиться и своими идеями на этот счет.

— Думаешь, это один и тот же Бен? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Пока не знаю, но очень даже возможно, — кивнул Джейк. — Знаешь, думаю, нам стоит отправиться в эту самую соседнюю деревушку и попробовать

отыскать его семью.

— И как же мы, сука-бля, отправимся? Мне на коляске тебя везти? — указал он на переломанную ногу брата. — Так, стоп! Где гипс? Пиздюк, что за ебала?! — кинулся он к нему и провел осмотр конечности.

— Разбился, пока я ебал пышечку, — сладостно улыбнулся Джилленхол, вспомнив огрубевшие от работы в поле соски Глэдис.

— Сука-бля, да как такое возможно? Она зажила! — поражался сержант, осматривая ногу Джейка.

— Томми, ты думаешь это сейчас важно? — пролаял чудотворец из шара. — Важно то, что, возможно, я трахал мать единокровного брата! А что, если он узнает? Как-то будет неудобно…

— Ладно, давай для начала разберемся поконкретнее во всем, — предложил Том. — Пошли спать, нужно отдохнуть после столь дрочевого дня!

— Подожди… — неуверенно осадил его Джейк. — Раз уж ты сегодня так разоткровенничался… Короче, я бы тоже хотел сказать кое-что.

— Ну.

— Но только пообещай, что не будешь орать, бить меня…

— Ну!

— Обещай, что выслушаешь меня спокойно! — строго сказал Джилленхол.

— Да говори ты уже! — взорвался сержант.

— Пообещай!

— Обещаю, сука-бля! — уже не на шутку впадал в состояние озлобленности Харди.

— Короче, из этой истории про Глэдис… Как от нее уехал сын, как ей теперь тяжело живется… Знаешь, а каково сейчас нашей матери? — нахмурился он. — Она уже немолодая, наверняка, ей тяжело справляться одной по дому, когда рядом нет мужчины. А вдруг ей нужна помощь, Томми? Все же у нее есть два сына! А она даже и не знает ни где они, ни что с ними? Может как-то нужно ей помочь?

— Помочь? — с охуевшим лицом, но вполне себе спокойно, выпалил Том. — Ну как вариант, можешь найти этого Руди, сообщить, что выеб его мать и дать адрес старой бляди. Глядишь, поедет к ней, сука-бля, выебет, да поможет по хозяйству. На этом у меня все. Я пошел спать — завтра рано вставать, — дерзко развернулся он и побрел в сторону дома, разъяренно двигая желваками.

Джейк лишь проводил брата грустным взглядом, опустив уголки губ.

На следующее утро, узнав об отъезде братьев, Глэдис в знак благодарности решила подкинуть их до соседней деревни. Во время завтрака она не забыла попросить у Тома прощения. Глэдис клялась, что совсем не является таким человеком, какой была вчера в амбаре, да и вообще последние дни. Уверяла, что вчера произошло глупое недоразумение — не более того! Том просто оказался крайним! Также она не забыла уточнить, что теперь все в норме и она больше никогда не доебется до бедного сержанта. Харди решил долго не зацикливаться и с барского плеча отпустил Глэдис все грехи.

— Томми, можно тебя на минутку, — отвел брата в сторону Джейк, когда они погрузили в пикап свои пожитки, а Глэдис села за руль и начала прогревать движок. — Можешь поехать в кузове, а я с тетушкой в кабине?

— Нахуя, сука-бля? — не понял Харди.

— Понимаешь… Как бы тебе сказать? — поднял божественно красивые глаза к небу Джилленхол, поводив языком по губе. — Мы сейчас уедем, и она останется совсем одна. И хочется сделать ей напоследок немного приятно. Все же она любезно согласилась нас подвезти и все такое…

— На что ты, сука-бля, намекаешь? — нахмурился сержант Том.

— Уффф, — тяжело выдохнул Джейк, почесав макушку. — Какой же ты

непонятливый человек, Томми. Давай дядя Джейк расскажет, как поднять женщине настроение? Все просто! Для этого следует придерживаться лишь трех правил. Первое — нужно подрочить ей. Второе — не требовать ничего взамен. Ну, а третье…

— Я понял! Сука-бля, понял! — выставил вперед ладони Том. — Хочешь подрочить шкуре — дрочи! Сержанта не нужно об этом осведомлять! Он едет в кузове! — попятился он к пикапу.

— Глупец! Мог бы и выслушать! — тявкнул вдогонку Джилленхол. — Авось, когда-нибудь и самому пригодилось!

— Как-нибудь обойдусь! — показал «фак» Харди, с присущей ему громоздкой легкостью запрыгнув в кузов.

— Ну-ну, Томми, ну-ну, — усмехнулся под кожаный нос сексолог из шара. — Настанет и твой час — придешь ко мне за советом, как осчастливить женщину… Молись, чтобы дядя Джейк был в хорошем настроении!

— Ну мы едем? — высунулась из окна растрепанная коса Глэдис, которая, сегодня была за рулем.

— Бегу, бегу! — виляя бедрами, замельтешил в сторону пикапа дрочер из шара.

Всю дорогу до деревни сержант Харди проклинал брата последними словами. Мало ему было слушать хрюканье и аханье Глэдис из кабины, так еще и из-за несосредоточенночсти водителя, пикап как сумасшедший вилял по дороге, собирая кочки и ухабы, а в один момент и вовсе чуть не въехав в осла, пасущегося на проезжей части. Хм… Так вроде коса же была за рулем? Разве нет? Ах, она растрепалась в процессе дрочки и передала бразды правления пикапом в руки своей хозяйке? Что ж, это все объясняет!

Глава 82: Пройдоха

— И куда, сука-бля, теперь? — спросил Том, как только Глэдис, нарочито забуксовав и обдав братьев пылью, поехала обратно в свои угодья, громко и удовлетворенно хохоча.

— Может спросим у них? — указал Джейк в сторону дряхлого деревянного дома, перед которым на качелях-балансирах седели два абсолютно одинаковых человека и били друг друга по голове гигантскими деревянными молотками, тем самым приводя качели в движение.

— Володимир! Виталий! Обидати! — выехала на полуразрушенную террасу женщина, восседавшая на инвалидном кресле.

Братья недоуменно переглянулись.

— Сука-бля, пошли отсюда, какие-то хуеплеты, — шикнул Том, смерив троих у дома недоверчиво-брезгливым взглядом.

— Добрый день! — проигнорировал его Джейк и шагнул вперед, приветливо помахав рукой. — Ну, а как нам еще найти моего отца? Будем опрашивать местных, — обернулся он, пожав плечами.

Сержант лишь состроил наигранно-фирменный еблет, как бы говоря: «Действительно, сука-бля, лучшего плана и не придумаешь!»

— Ви ще хто таки? — агрессивно крутанула колеса инвалидного кресла Юлия Тимошенко, голова которой была перемотана синтетической косой, украшенной шерифским значком. Женщина кубарем скатилась с ветхих ступеней и упала лицом в свиное корыто.

— Ээээм… Мы заблудшие путники и ищем одного человека, — миролюбиво заговорил парламентер из шара, выставив ладони вперед.

— Якщо ви шукаэте того, хто спыздил у сосидив телегу навозу, то це брехня, — пробуробила из корыта женщина, затем бойко встала на ноги и уселась обратно в коляску. — Володимир! Виталий! — поманила она двух ебантяев с качелей.

— Що? — обернулись те, а один даже упал на землю, но никто не понял, какой именно, даже их мать.

— Какая телега, пизда? Что ты мелешь? — встрял сержант, разобрав в непонятной речи лишь пару слов.

— Мамо ничого не пыздила! — прорычал один из братьев-имбицилов и, вооружившись молотком, двинулся на братьев-ебанатов. — Це все ти, Володька! Це була твоя идея!

— Пыздеж! — рявкнул второй, судя по всему, Виталий. Но это не точно.

— Ебать… — присвистнул Харди, бьясь в агонии украинской мовы.

— Так, стоп! Давайте начнем сначала! — затараторил Джейк. — Нас не интересует никакая сворованная телега. Меня зовут Джейк Джилленхол, и я ищу своего отца. Знаю лишь, что он какое-то время обитал в этих краях…

— Ах, Джилленхол! — яростно взвыла мисс Тимошенко. — Ви слыхали? Здается, ваш брат нашовся! Ще один!

— Хуя себе! Вот это поворот, сука-бля! — охуел сержант от подобных сюжетных линий. — Дядя Бен, выходит, та еще шлюха! Теперь ясно в кого ты такой, — пихнул он брата в бок.

— Томми, хватит! — гавкнул Джилленхол. — Никакая я не шлюха! И отец тоже!

— А кто ж он? Старую блядь ебал, пышку ебал, эту шкуру с косой ебал, — указал он «факом» в Тимошенко. — Судя по рассказам Глэдис, это еще не все его бляди. Еще, сука-бля, и залетела каждая! Ебануться можно! Сержант в ахуе! Надеюсь тут-то хоть, пиздюк, ты не в него? А то может тоже уже пораскидал незнамо где по стране своих синеглазых жиденков?

— Прекращай молоть абы что! Дядя Джейк что, похож на долбоеба? — хлопнул себя по бедрам Казанова из шара.

— Нууу… — неоднозначно покрутил ладонью Том перед мордой брата. — Ну ты значит все же признаешь, что Бен был долбоебом? Так ведь выходит, сука-бля?

— Причем тут все это? Не думаю, что это так важно! — подкатил глаза Джейк.

Дурацкий конфликт братьев остановил взмах молотка то ли Виталия, то ли Владимира, но точно не их матери.

— Эй! — возмутился Джилленхол, отпрыгнув в сторону и увлекая за собой Тома. Огромный молот просвистел ровно там, где секундой ранее стояли братья.

— Ебать шмаровозы! — взорвался Харди, подскочил с земли и кинулся к Юлии, попутно доставая из-за пояса «беретту». — Как вам такое, сука-бля? — схватил он женщину за шею и приставил дуло к звезде на косе.

— Мамо! — взвыли братья Кличко, побросав молотки и схватившись за головы друг друга.

— Быстро выкладывай, пизда, что знаешь о Джилленхоле! — процедил Том, угрожающе возведя курок.

— Да, выкладывай все! Да поживее! — подтявкивал и Джейк.

— Якщо хочете дизнатися про Джилленхола, то вам туды, — обоссав кресло-каталку, указала Тимошенко на лес, видневшийся на горизонте. — Пройдете лис, на опушке побачите хату. Там его и знайдете, — сказала она и злобно рассмеялась на весь округ Грейди.

— Пошли, пиздюк, — подозвал брата сержант, развернул коляску с Тимошенко, не убирая «беретты» от косы, и оба попятились в сторону калитки, не сводя глаз с безмозглых Владимира и Виталия. — Бывайте, говноеды! — заорал Том, берцем отпихнул Юлю и ее кресло в наступающих братьев Кличко и выскочил за забор. Джилленхол за ним.

— Ловите и бийте ублюдка Джилленхола! — приказала Тимошенко. — А то распыздит им про телегу!

Но братья Кличко не поняли, какого именно из ублюдков Бена надо бить, поэтому похватали свои бестолковые молотки, да начали избивать друг друга.

Том же Харди и Джейк же Джилленхол бросились через поле к лесу и были таковы.

Через пару часов блужданий, братья наконец увидели просветы между деревьями, означавшими, что лес заканчивается. Они ускорили шаг и уже через пару минут оказались на опушке. Харди устало вздохнул, бросил рюкзак на траву и уселся на него. С ним рядом расположился и Джилленхол.

— Смотри! — пихнул сержанта в бок Джейк, привлекая внимание, и указал налево вдоль леса.

Том проследил за воображаемой линией, и заметил в паре сотен метров небольшой домик. Не успел он ничего сказать, как парень из шара поднялся, взял рюкзак и поспешил в ту сторону.

И вот спустя каких-то там пару минут братья дошли до места назначения. Дом хоть и был мал, но отчего-то от него веяло теплом и уютом. Из печной трубы валил дым, а по воздуху разносился пленительный запах домашней выпечки. Недалеко от дома, на ровно выстриженном газоне, сидела девочка лет тринадцати отроду и играла в куклы, сплетенные из кукурузных волосков. Как только она увидела парней, то вскочила с места и кинулась в дом.

— Какая-то ебанутая пизда, — пришел к выводу Том, проводив ребенка взглядом. — Хули даже и не поздоровалась? Живет не по понятиям Оклахомы! — шутливо пихнул он брата в бок.

— Томми, это же ребенок! — подкатил глаза Джейк. — Ясное дело, она

испугалась, увидев незнакомых ей людей.

— Спорим — сестра твоя! На пинок, сука-бля! — протянул ладонь Харди.

— Тебе бы все хиханьки, да, Томми? — хлопнул его по руке Джилленхол.

— А что такого сказал сержант? — состроил фирменный еблет Том. — Твой папаша понаплодил ебать его в рот детей! Думается, в этой деревне через дом можно наткнуться на твоих брата или сестру! Вон, смотри, уже трех разыскали! С хуя ли и этой пиздючке не быть с тобой в родстве, раз уж та шмара с косой сказала, что здесь мы разыщем твоего папашу? Сука-бля, вот сержант никак не может взять в толк! Раз уж Бен был такой шлюхой, то хули не сделал вазэктомию? Бляяя, какая же благость, что блядь Мэрил была не такой! А то вызволяли бы с тобой сейчас наших братьев и сестер незнамо из каких биометаллических или полиэтиленовых конструкций!

— Да что ты несешь, еблан? — рявкнул Джилленхол. — Думаешь, самое время поговорить об этом, когда я с минуты на минуту должен встретиться с отцом?

— Кто вы такие и что вам здесь надо? — прервал их спор строгий женский голос. На пороге дома братья увидели женщину лет сорока, вытирающую руки о подол фартука. Из-за ее спины испуганно выглядывала та самая девочка, что играла в куклы минутой ранее.

— Добрый день, сударыня! — поднял ладони Джилленхол, как бы показывая, что он не опасен. — Вы не подумайте, мы никакие не убийцы, воры или насильники! Мы не станем сжигать ваш дом, насиловать или воровать золото…

— Что? — засуетилась женщина, ловко извлекла из кармашка фартука «кольт» и наставила на братьев. — Уходите отсюда или я выстрелю! По законам Оклахомы мне разрешено стрелять по таким залетным ублюдкам, как вы!

— Сука-бля, нахуя ж ты это пизданул? — шикнул Том. — Эй, шкура, хули ты понятия-то не соблюдаешь? — крикнул он ей. — А вот я слыхал, что по вашим законам принято радушно встречать усталого путника!

— Слышь, лысый, а ты усталый путник? — дерзанула в ответ та, сняв «кольт» с предохранителя. — Я считаю до десяти! И если вы не покинете наш дом…

— Стойте! Пожалуйста, хватит! — осадил этот бестолковый конфликт Джейк. — Мы пришли с миром! Мы разыскиваем Бенджамина Джилленхола, в соседней деревне сказали, что мы можем отыскать его здесь!

— Зачем вам Бен? — прищурилась женщина, напомнив Тому о его дражайшем мозгоправе.

«Послушай, Том, интересно, а где сейчас Лео? Нужно было с собой его сюда брать. Он бы тех хохлов знатно бы захуярил молотком!» — подумал хуйню Харди.

— Ээээм… Все дело в том, что он, возможно, мой отец! — решил не ходить вокруг да около Джейк.

— Как твое имя? — уже мягче спросила она.

— Джейкоб. Джейкоб Бенджамин Джилленхол, — представился сын из шара.

Женщина переменилась в лице, опустила «кольт» и пошла в сторону калитки, где стояли братья.

— Мамочка, — испуганно одернула ее за подол длинной юбки девочка.

— Не волнуйся, Дженни, это свои, — ласково пояснила женщина. — Кажется, этот парень — твой брат.

— Ага! А я, сука-бля, так и знал! — победоносно вскинул кулаки Харди и отвесил брату пинок. — Один-ноль в пользу сержанта!

— Долбоеб, блять! — прорычал Джилленхол, потирая место удара. — Я ж даже и не спорил…

Женщина с минуту молча смотрела на Джейка, изучая с ног до головы.

— Несомненно, ты и есть тот самый Джейкоб о котором рассказывал Бен. Вы с ним так похожи… — грустно улыбнулась она и перевала взгляд на Тома. — Ты

тоже его сын?

— Извольте! — поднял ладони Харди. — Я тут не при делах и как бы сам по себе. Просто являюсь, сука-бля, братом этого шарового пидораса, у нас с ним мать одна, — указал он на Джейка, пояснив за родство.

— Вы сказали, он говорил обо мне? Значит, отец знает о моем существовании? — загорелся огонек надежды в синих глазах Джейка. — Я могу с ним увидеться? Он же здесь?

— Он здесь… — печально поджала губы женщина, открыв калитку и жестом приглашая братьев зайти во двор. — Идемте за мной… — развернулась она и пошла куда-то в сторону. Братья и девочка последовали за ней.

Они обогнули дом и прошли на задний двор. Вскоре женщина остановилась у яблони и указала рукой на могильный камень в тени дерева.

— Теперь его место здесь… — положила она ладонь на глыбу, на которой было выбито имя Бенджамина Джиленхола, а также даты его рождения и смерти.

— Папа… — грустно опустил уголки губ и глаз Джейк, а все его мечты о встрече с отцом разбились, словно глупые блюдца.

— Дядя Бен, — похлопал могильный камень Том, кривя душой и как бы отдавая усопшему дань фальшивого уважения.

— Я должен был приехать к тебе раньше… Должен был, но не смог, — проскулил сирота из шара.

— Ой, сука-бля, да не парься, твоей вины в этом нет! — поддержал его Харди. — Бен умер уже лет как десять! Как бы ты к нему примчал? В минишаре? Или микрошаре?

— Он помнил о тебе, и хотел найти, — успокаивающе сказала женщина, положив ладонь на плечо Джейка и проигнорировав сержантские бредни. — Но у смерти были совсем другие планы…

Джилленхол положил на ее руку ладонь и мило улыбнулся.

— А ты, собственно говоря, кто, мамаша? — решил немного побыдлить Харди, дабы разрядить обстановку грусти и тоски.

— Называйте меня просто — мисс Гарнер, — представилась она.
— Последние годы жизни Бен прожил со мной и нашей дочерью, — приобняла она девочку. — Ее зовут Дженифер.

— Как он умер? — спросил Джейк, не отрывая взгляда от могильной плиты.

— Пройдемте в дом, мне есть что рассказать, — кивнула головой в сторону дома мисс Гарнер.

Спустя десять минут.

— Вообще, твой отец, конечно, был тем еще кобелем, — усмехнувшись, начала рассказ женщина, грея в одной руке кукурузный виски собственного приготовления, второй же водя сигаретой по стенкам пепельницы. — Каких только слухов про него не ходило в нашей местности. Ну все они были одинаково верны — этот человек был непостоянен до мозга костей. Когда он забрел ко мне, местные только у виска крутили и говорили мне, мол, да на что ты рассчитываешь? Он же сбежит от тебя через пару дней! А я дура, влюбилась в него по уши, и верила в какое-то чудо. Надо сказать, чуда я дождалась. Бен не сбежал от меня ни через неделю, ни через две. Через месяц нашего совместного проживания я узнала, что беременна…

— И эта шалава сбежала от тебя? — перебил рассказ Том, громко отхлебнув горячего кукурузного чая.

— Нет, — ностальгично улыбнулась мисс Гарнер. — Он сказал, что хочет начать новую жизнь и остепениться, что любит меня и хочет остаться здесь — со мной и нашим будущем ребенком. Так и остался. Даже сам принял у меня роды! Да, Дженни он очень любил. Уделял ей много времени. Но было и одно

маленькое но…

— Гулял от вас? — перебил на сей раз Джейк, рассыпая по столу пару дорожек кукурузного кокаина, коим угостила его хозяйка дома.

— Нет, хуже! Он выпивал! — взорвалась женщина, залпом опустошила бокал вискаря и с грохотом поставила его на стол.

— Ебать проблема-то, — присвистнул Том — наркоман и алкоголик со стажем, собственной персоной.

— К слову, и сгубила его синька, — развела ладони в стороны мисс Гарнер. — Умер он от цирроза!

— Подождите, а вы говорили, что он обо мне вспоминал, — напомнил парень из шара. — Не расскажете поподробнее.

— Расскажу, — кивнула она, обновляя стакан.

— И сержанту плесни, — пододвинул чашку Харди, предварительно выплеснув чай через плечо. — Хули не бухнуть-то? В память о дяде, сука-бля, Бене. Век не забуду, как пидор схавал мой торт!

— Так вот, — вновь проигнорировала мисс Гарнер бредни Тома. — Когда Дженифер был уже годик, Бен признался, что у него есть еще дети. Меня не удивило это, все же, я знала, какие слухи про него ходили! Будучи порядочным человеком, я ему сразу сказала: «Бен, ты хороший отец, ты должен наладить отношения с каждым из своих детей!» На что он сказал, что ему нужно подумать и вспомнить, где он оставил после себя детей. Вспоминал он долго, при этом бухая и куря как паровоз! Вскоре ему поставили неутешительный диагноз — цирроз. Тут-то Бен понял, что жить осталось недолго и сразу же составил список «брошенных» детей. В нем, кстати, был и ты, Джейк. Так вот, составив список, он пошел налаживать отношения с отпрысками. Первыми в списке оказались братья-уроды Владимир и Виталий Кличко. К слову, они приняли Бена не очень радушно и избили до неузнаваемости. Почему так? Да хрен их знает — они не от мира сего. Подлатав раны, Бен отправился на поиски еще одного ребенка. Но он не знал, ни какого он пола, ни как вообще его звать. Знал лишь то, что тот должен проживать где-то неподалеку на большой ферме, утопающей в море кукурузного поля. Спустя месяц Бен вернулся, так и не найдя путь к той ферме. В его списке оставался лишь один ребенок, и это был ты, Джейк. Он так хотел найти тебя, но увы и ах — не мог вспомнить из какого города ты родом и с горя ушел в запой. Третьего дня и скончался.

— Пиздооос как трогательно, — протянул Харди, совсем не прочувствовав этой кукурузной драмы, и залпом осушил стакан виски.

— Но все же, кое-что он для тебя оставил, — встала из-за стола мисс Гарнер и отправилась в соседнюю комнату, спустя пару минут она вернулась с какой-то папкой в руках. — В наследство от отца Бену досталась квартира в Мюнхене. Твой дедушка, Джейк, был фашистом, ему эта квартира и принадлежала.

— Фашистом? — нахмурился жид из шара. — Мама говорила, что я еврей…

— Еврей на четверть. А Бен был наполовину, — пояснила женщина.

— А если дед был фашист, то это значит чтооо, сука-бля? — состроил фирменный еблет Харди, выставив вперед указательные пальцы.

— У него был роман с еврейкой из концлагеря, плодом которого стал Бенджамин. Не знаю, как все там произошло точно, знаю лишь то, что дед сжег бабку в печи Освенцима, а сам, прихватив сына, изменил фамилию и бежал в Штаты. Как он оставил эту квартиру в собственности, какая их фамилия была на самом деле — этого нам теперь никогда не узнать. Но! Эту самую квартиру в Мюнхене Бен завещал тебе, Джейк! — протянула она Джилленхоу папку с документами.

— Мнеее? — охуел немец из шара. — Но почему? А как же вы и ваша дочь?

— А зачем она нам? Мы с Дженни и здесь неплохо живем! На кой черт нам эта халупа в Европе? Ну, а почему именно ты? А кому ж еще? Кличко были грубы

с Беном, еще одного ребенка он не нашел. К тому же, Бену льстило, что ты единственный из детей носишь его фамилию.

— Почему единственный? А Дженнифер? — указал он на единокровную сестру, сидевшую неподалеку и играющую с кукурузными котятами.

— У нее моя фамилия, — пояснила мисс Гарнер. — Мы с Беном не были окольцованы, да и к тому же решили, что фамилия Джилленхол имеет довольно нехорошую репутацию в наших краях. Зачем это нужно Дженни?

— И то верно, — согласился Джилленхол-младший. — Ууух… Квартира в Мюнхене — это конечно круто! — улыбнулся он, вытерев испарину со лба. — Но, я хотел бы вас кое о чем попросить. Раз уж мне не удалось воочию увидеть отца, может, у вас есть лишняя фотокарточка с ним? Я бы очень хотел себе такую.

— Без проблем, — вытащила она из декольте фото Бена, которое всегда носила при себе и дрочила на нее при каждом возможном случае. — Вот держи.

— Оу, а мы с ним и впрямь похожи! — разулыбался парень из шара, будто полуторогодовалый ребенок. — А еще он похож на актера театра и кино — Хавьера Бардема! Ну-ка, Томми, зацени!

— Ммм? — зыркнул в фотокарточку сержант Харди. — Ну да, и впрямь сука-бля, похож. Но! Не является им! — поднял он указательный палец.

— Совсем не является им! — согласилась мисс Гарнер.

На том и порешали.

Посидев и поболтав еще несколько часов о том, о сем, братья решили, что пора и честь знать. Да и вообще, слишком много они пробыли в Оклахоме. Настал час вернуться в Сиэтл.

— Слушайте, я обязательно буду помогать вам, — на прощание говорил Джейк мисс Гарнер. — Я человек небедный. Деньги имеются. Я буду высылать чеки.

— Да что ты, на кой они нам тут нужны, — отмахнулась женщина.

— Нет, я позабочусь о вас, — твердо заявил Джилленхол. — Хочу, чтоб моя единственная сестра ни в чем себе не отказывала!

— Ну ты, сука-бля, идешь, петушара? — заебался ждать брата Том, усевшись на калитку и закурив.

— Уверены, что не хотите переночевать? До железнодорожной станции идти далеко. Ночь застанет вас в пути.

— Все хорошо, мы с Томми и не через такое проходили, — обнял Джилленхол мисс Гарнер, после чего присел на корточки напротив Дженифер. — Ну пока, маленькая мисс, — шутливо хлопнул он ей по кончику носа. — Сейчас, мне пора уезжать, но уверен — мы еще свидимся! Перед тем, как дядя Джейк уйдет, он хочет дать тебя напутствия и рассказать три главных правила для счастливого будущего. Первое — будь хорошей девочкой и никогда не принимай наркотики. Ибо они — зло! Хоть и прекрасное зло. Второе правило — никогда и не при каких обстоятельствах не связывайся с долбоебами по типу вот этого вот, — указал он пальцем на Тома, раскачивающегося на калитке.

— Слышь, с хуя ли я долбоеб? — рявкнул Харди. — Да и вообще, сука-бля! Я и сам не связываюсь с малолетками! Ибо я не люблю!.. — начал было он, но не договорил, завалившись с калитки и плашмя упав на землю.

Джейк, Дженифер и мисс Гарнер задорно рассмеялись над сержантом. Том же Харди и сам залился смехом, ведь та передряга, в которую он только что попал, показалась ему до боли комичной.

— И, наконец, третье правило, — продолжил Джейк, вдоволь насмеявшись.

— А третье правило никого не ебёт! — схватил его за шкирку сержант и потащил на выход. — Нам пора выдвигаться! Бывайте, шмары! — радушно сказал он женщине и девочке на прощание.

Те в ответ улыбнулись и замахали ладонями.

— Я помогу вам! Даю слово! — крикнул Джейк, отослав девочкам воздушный поцелуй, и был таков.

Глава 83: Точно?

Когда парни вернулись в Сиэтл, казалось, жизнь должна была пойти прежним чередом. Том планировал с головой погрузиться в работу и попробовать внедрить какие-нибудь новые идеи для бизнеса, ожидая заинтересованности и поддержки брата, ведь тот всегда приветствовал всяческие нововведения. Вечера и выходные Харди намеревался проводить в привычном ему режиме: в кругу Джейка и Леонида, за игрой в покер или же за просмотром очередного ебейше глупого шоу, пропустив бокал-другой Пина Колады, пива или чего покрепче. Иногда он был не прочь выбраться на вечерний променад, устроив с парнем из шара гонки на скейтах. Ну и турнир по бодалкам, поставленный на паузу на время отъезда в Оклахому, сам себя не завершит. А еще сержант хотел, наконец, закрыть мышиный вопрос в еврочетырешке: отодрать плинтуса да выселить навсегда наглых грызунов.

Однако у Джейка Джилленхола были совершенно иные планы. Вдохновившись историей отца и найдя в себе немереное количество сходств с ним, парень из шара решил, так сказать, пойти по его стопам. Нет, конечно, он и раньше гулял с девчонками, в количестве коих не ровен час сравняется с папашей-кобелем, а то и перегонит. Но ему хотелось другого! Обычные знакомства с девчонками, тетушками, пышками и прочими красотками Сиэтла ему до тошноты наскучили. Не хватало духа авантюризма! Конечно, Джейк не во всем разделял принципы жизни Бена. Например, он совершенно не одобрял то, как отец пудрил наивным дурам, вроде мисс Мэрил, мозги, вписывался у них, влюбляя в себя по самый «небалуй», а потом бросал без всяких объяснений. Джейку больше были по душе связи-однодневки, он никогда не давал очарованным глупышкам ложных надежд, и уж тем более не приемлел незащищенную еблю! Но вот помотаться по Штатам в поисках новых впечатлений ему ой как хотелось! Было в этом что-то рисковое. Джейку представлялось, будто он станет неким романтичным аферистом, на след которого будет пытаться выйти каждая женщина страны. Каждый день разный город или даже разный штат, и в каждом из них новая красотка, а может и не одна. Ух, как это заводило и подстегивало парня из шара! Не терпелось уже зачеркнуть на карте все до единого города доблестной свободной Америки. Да куда ты так торопишься, юнец? Тебе-то всего восемнадцать! К чему такая спешка? Что говоришь? Хочешь повторить подвиги дражайшего папани? Хммм… А может на самом деле, пусть даже где-то глубоко в подсознании, ты мечтаешь однажды также как Бенджамин осесть где-то, найдя свою истинную любовь? И почему ты думаешь, что для этого обязательно сначала переебать добрую половину американских сучек? Думаешь, иначе не сработает родовой сценарий? Ну понятно все с тобой… В добрый путь!

И, конечно же, несложно догадаться, что вся эта жидовья затея совершенно не была по вкусу Тому. И хотя Джилленхол, возвращаясь в Сиэтл, дабы денек-другой отдохнуть от секс-марафона и пополнить запас денежек, каждый раз звал в путешествие брата, тот упорно не соглашался. Ко всему прочему, он не просто отказывался, так еще и чувствовал себя брошенным и затаил нехуйственную обиду.

— Томми, ну может все же поедем вместе? — стоял перед зеркалом у входной двери Джейк, нарочито ероша волосы, смоченной в слюне пятерней. — Затусуем с Пинкманом, будет круто, снимем цыпочек, может даже смотаемся на нашу поляну. М? Ну поехали?

— Пиздюк, сколько раз сержант должен повторить? — наигранно безразлично процедил Харди, раскладывая на журнальном столике пасьянс. — Я не люблю! Подобного рода поездки! Мне это неинтересно!

— Да что с тобой не так? — возмутился Джилленхол, с психом взлохматив прическу и тем самым добившись желаемого результата. — Ну хочешь просто поедем потусуемся? Без девчонок. Хочешь не в Альбукерке, а еще куда. Хочешь в Вегас махнем? М? Ну же, прекращай быть занудой, Томми! Тебе всего двадцать два, а ведешь себя будто ворчливый старик! Сейчас наши лучшие годы. Когда отрываться, если не сейчас?

— Мне повторить еще раз? — поднял взгляд сержант, подвигав желваками. — Я не люблю…

— Бла-бла-бла! — покривил собачьей мордой Джейк, засовывая ноги во вьетнамки. — Все, короче! Сиди и дальше тут тухни, в своем дурацком Сиэтле! Я же — не намереваюсь так бездарно упускать молодость!

— Давай уебывай уже, пиздюк! — пренебрежительно подкатил глаза Том. — У сержанта, сука-бля, дел — по горло!

— Ой все! — Джилленхол надел рюкзак, набитый до отказа разноцветными носками и гондонами, и вышел, громко хлопнув дверью.

Сержант лишь показал вслед «фак» и смахнул карты со столика. Вдруг в кармане скамов завибрировал телефон. Взглянув на экран, Харди не то что охуел — ебанулся. Это был входящий вызов от…

— Джонни Депп? — приподнял шрамированную бровь Том и принял звонок. — Сука-бля, алло…

— Сержант Харди, здравия желаю, — раздался в трубке голос Джонни.

— Здарова, лейтенант! — состроил фирменное ебало Том, бьясь в агонии неожиданного звонка. — Какими судьбами?

— Ну я, в общем-то, по объявлению, — неуверенно ответил Депп, и Том услышал, как нервно забренчали фенечки на его руках. — И, кстати, я больше не лейтенант… Меня отстранили. Ну, благо, временно.

— Это за какие такие, сука-бля, заслуги? Что надо было такого нахуевертить, что тебя оттуда поперли? Я туда от силы через день хожу, и ничего — только и знают, что выписывают мне благодарности и премии. Чарли, ну тот что Кент, и вовсе добазарился с Хэнксом на дистанционную работу, дабы не появляться в этой богадельне. Даже патрулирует из дома, сука-бля.

— Ой… Долгая история… — голосом отмахнулся Джонни.

— Сержант весь внимание, — жестом предложил он приятелю выложить историю, ведь уже предвкушал безумно глупые и грязные подробности отставки.

— Ну… В общем, за пьянку, — вздохнул Депп.

— И это все? — охуел Харди, не поняв по своему обыкновению нихуя.

— Все…

— Ну я понял… Понял… — почесал лысину сержант.

«Послушай, Том, это сколько надо было вливать в себя бухла, чтоб тебя выпиздили из мусарни… Интересно, а ты столько можешь выпить? Хм… Надо бы устроить когда-нибудь соревнование по синьке с Джонни…» — думал он бред пограничнo расстроенной личности.

— В общем, суть не в этом, — прервал мысли пропитый голос Деппа. — Я по делу. Я увидел объявление, что требуется охранник. Ну, думаю, дай позвоню. Все же я в душе коп, а значит это должно быть плюсом в мою копилочку. А когда я набрал номер из объявления и увидел, что телефон определил твой номер, то сразу понял — судьба!

— Да я, сука-бля, понял. Только одна загвоздка. Я уже никого не ищу, — развел руками Том.

— Так объявление свежее ведь, утренняя газета, — подозрительно протянул Джонни, и Харди показалось, будто говорит с Лео ДиКаприо. — Уже успел найти? И что вообще искал? Зачем тебе охранник?

— Ээээм… — замычал сержант, запутавшись в своей лжи, похлеще, чем в

собственной жизни.

На самом же деле, Том и впрямь дал объявление в газету о поиске охранника буквально вчера. Зачем ему это? А все дело в том, что в отсутствие Джейка, сержанту стало не хватать не только его компании, но и работника в их общем деле. Пару недель назад Леонид Агутин поставил новую партию людей для сбыта. Но сбывать их было некому — продажа человеческого товара негласно была обязанностью Джилленхола. Харди, как не нравилась эта концепция изначально, так и сейчас совершенно не вызывала вдохновения и желания ею заниматься. С тех пор, как Агутин привез новых людей, те так и сидят на складе, куда их отгрузили. Что с ними делать, куда продавать — Том понятия не имел. Еще как назло и Батлер свалил в отпуск в Таиланд. Харди бы конечно мог положить на все хуй и выпустить рабов к чертям собачьим, но денежка Агутину уже была уплачена. Если сержант отпустит их сейчас, то окажется в большом финансовом проебе. Поэтому он решил тянуть бедолаг как можно дольше, а там люцифер из шара пусть сам торгует душами. Он навещал рабов каждые два-три дня, проверяя, никто ли из не подох, и забрасывая на склад мешок собачьего корма. Бросить совсем он их не мог, ведь мало того, что в таком случае вскоре оказался бы все в том же проебе, так еще от стольких трупов потом избавляться. Посему Том и решил нанять для рабов охранника-няньку, дабы тот заботился о них и следил, чтоб ни одна паскуда не сбежала. Да что ж за бред? Может хватит уже бестолково прокрастинировать, виня во всех проблемах брата! Займись уже чем-нибудь получше раскладывания пасьянсов и пошива кукольной джинсовой курточки, которая, сколько бы Том не перешивал, оказывалась слишком большой для тряпичного принца Гарри. Пойди поработай, ленивый ублюдок!

— Короче, сука-бля, тут у нас в Сиэтле ФБР проводит один экспериментальный проект… Аааам… Создают кого-то типа людей-икс… — сочинял на ходу Харди. — Меня, как заслуженного сержанта всея Штатов, приставили к подопытным надсмотрщиком… Вооот… Но я не справляюсь, сука-бля, вот и искал охранника… Эээм… Но уже нашел. Вот. Такие пироги, Джонни, так что ты не хворай и не вешай, сука-бля, нос!

— Ммм… Жалко, конечно, — пригорюнился Джонни, после чего из трубки послышалось как тот, влил в глотку что-то спиртное. — Значит, разворочаюсь обратно в Калифорнию, — сказал он и на заднем плане послышался звук свистящих покрышек. Сержанту стало даже как-то неудобно, что Депп уже ехал к нему устраиваться в такую даль, а Том его так жестко обломал, а точнее даже было бы сказать — поимел.

— Ой, сука-бля, найдешь другую работу на время отстранения. Я в тебе не сомневаюсь, ты ж парень бравый! — прибодрил сержант.

— Да уж попробуй найди что-то нормальное, когда у тебя одна почка, — жалился Джонни. — Как только узнают про мою патологию, сразу же отказывают в принятии на работу!

— Да что ты говоришь! Я не люблю! Когда права таких как ты, Джонни, притесняют! — взорвался Том. — Разворачивай, сука-бля, машину! Ты принят!

Вот так и был принят на должность охранника над рабами лейтенант Депп, сам и не зная, на что подписался. Но ебало ли его это? Когда на рабочем месте ты мог не только заниматься своими делами, но и начальство пригащало тебя дорогим коньяком?

Надо сказать, что, взяв на работу Джонни, Том нихуя не решил проблему с рабами. Мистер Депп работал из ряда вон плохо! Под его контролем рабы не на шутку распоясались, устроили на складе бунт и чуть было не сбежали! Поэтому, Харди ничего не оставалось, кроме как запереть их в огромной клетке, да ждать возвращения брата, дабы тот уже скорее продал этих буйных пидоров хоть куда-нибудь! Слушай, а может стоит уволить Джонни и взять кого-то

посолиднее? Жалко его из-за патологии организма? Ну тогда может не будешь ему наливать?!

Мистер же Джилленхол с того дня дома так и не объявился. Порой он звонил Тому и приглашал его затусить. Но тот важно отказывал, сетуя на то, что погряз в работе и у него совсем нет времени на какой-либо отдых!

Так и побежали дни, недели, месяцы…

18 января 2006 года.

— Сука-бля, Джонни, какого хуя?! — орал сержант, затыкая перерезанное горло рабу, бьющемуся по полу в предсмертной агонии. — Откуда петушара взял нож?! Уже не в первый раз такая хуйня происходит! Что за дрочь, Джонни?

— Я дал ему нож, — виновато опустил взгляд Депп, смущенно стуча кончиками указательных пальцев друг об друга. — Он обманул меня, Том! Я сто раз переспросил, мол, точно-точно, ты не сотворишь суицид? Он мне сказал, мол, точно! Сказал, что хочет просто подстричься! Он уверил, что это не развод никакой!

— Да сколько, сука-бля, можно? — возмущался Харди. — Они тебя только и делают, что наебывают! Хватит на это вестись, Депп, блять!

— Том, а это точно экспериментальный проект ФБР? — нахмурил белесые брови лейтенант. — Просто ребята говорят, что их держат в рабстве…

— Точно! Точно, Джонни! — все пытался остановить кровотечение на шее раба Харди. — Хватит верить сукам! Они пиздят тебе, как дышат!

— Ну это точно? — решил удостовериться Депп.

— Блять, да! — заверил Том, оторвав руку от раба и положа ее на левую часть груди, от чего из пореза в смазливый еблет сержанта хлынул фонтан крови. — Сука-бля! — поспешил он заткнуть артерию.

— Что здесь происходит? — нежданно-негаданно забежал на склад…

— Джейки? — приподнял шрамированную бровь Том. — Явился не запылился! — хлопнул он себя по бедрам, а в его ебало вновь прыснула кровь.

— Блять, что с ним? — подорвался к рабу Джилленхол, но было слишком поздно — из-за большой кровопотери тот навсегда покинул этот бренный мир. Парень из шара ошарашенно огляделся по сторонам и потерял дар речи.
— Томми?! Какого хуя пацаны сидят в клетках?! Почему они такие худые и грязные?!

— Это кто еще такой? — заподозрил неладное Депп, поправив на себе форменный рваный джинсовый комбинезон.

— Это специальный агент под прикрытием. Пришел проверить, как обстоят дела, — сбрехал сержант. — Так, мы пока перетрем свои дела, а ты иди сериал про пиратов посмотри, новая серия же сегодня!

— И то верно, — улыбнулся ослепительной золотой улыбкой лейтенант и поплелся в будку для охранника.

— Что за цирк ты тут устроил, Томми? — заверещал Джилленхол, как только Джонни удалился. — Почему они живут в таких условиях? Почему этот раб мертв? И что это за татуированный клоун?

— А не слишком ли много вопросов, пиздюк? — рявкнул Том, пихнув брата в плечо. — Уж справляюсь, как могу! Пока некоторые развлекаются! А оно мне все, сука-бля, вообще надо? Вся эта ебала!

— В смысле? — раздраженно нахмурил пышные брови Джилленхол. — Это все часть нашего бизнеса! Когда я тебе звонил, ты говорил, что занимаешься нашими делами! А на деле я приезжаю и вижу вот это! Ты же говорил, что все под контролем! Зачем ты их посадил сюда? Ты их вообще кормишь? — побежал он к клетке, зашел внутрь и стал внимательно осматривать каждого несчастного раба. — А это что такое? — приметил он рассыпанный по полу собачий корм.
— Томми! Ты кормишь их… Этим?! Да ты вообще дегенерат? Они же люди! За

ними нужен уход, прогулки, сбалансированное питание и всякие вкусности!

— Да пошел ты на хуй! — показал два «фака» сержант. — Справляюсь, как считаю нужным!

— Ах, как считаешь нужным? — покривил ебалом Джилленхол. — Да чем ты лучше нашей матери?! Что, никак не можешь забыть, как та посадила тебя в клетку и издевалась? А теперь все это возмещаешь на посторонних?

На складе повисла ностальгичная пауза, прерываемая лишь звоном пиратских сабель из будки охранника.

— Да ты совсем ебанулся, шмаровоз? Сравнивать меня со старой блядью! Знаешь, что? Я ухожу! — поднял он ладоши, попятившись к выходу, дабы покинуть склад и не набить ебало брату за проведенные параллели. — Мне эта ебала с продажей людей никогда не нравилась! Это как-то не по-людски, сука-бля! Как по мне — лучше убить, чем обрекать на все это, — указал он взглядом на рабов, бьясь в агонии гуманизма. — Эта была твоя ветка бизнеса! Не моя! И я больше хуй буду этим заниматься! Ебись с этим как хочешь, но без меня! Только нахуя ты меня втянул во всю эту ебалу, если скинул на меня в конечном счете?

— Да ничего я на тебя не скидывал! Я думал, тебе нравится торговать людьми! — охуел Джилленхол. — Почему ты не сказал сразу, что не хочешь это делать?

— Нет, сука-бля, не нравится! Все это я делал, чтобы угодить тебе! Но нахуя ж мне это надо, когда ты хуй можешь переступить через себя и угодить сержанту?

— Блять, что ты несешь, ты под чем, Томми? — охуевал Джейк.

— Да не под чем! Неужели так тяжело просто приехать к брату и немного с ним потусить, сука-бля? Тебе сколько месяцев не было? Хули приперся сейчас? Денежка закончилась? — кидал обидки Харди.

— Ты это чего, Томми? Я же сколько раз зазывал тебя затусить вместе! А ты только и делал, что отказывался! Что за бредовые предъявы? — упер руки в бока Джилленхол, вышел из рабской клетки и походкой борзого петуха направился к брату. — А ты, я смотрю, за собой и не замечаешь! Только и умеешь, что гнать на меня, а из себя несчастного строить!

— Не понял… — нихуя не понял Том. — А что я должен был заметить?

— А то! Припомнить тебе, как я совершенно случайно наткнулся на тебя в ЭлЭе в начале декабря? И что же там забыл сержант? Ах, ну да! Он нашел там какого-то мега пиздатого тату-мастера и поебашил к нему забиваться! А хули ты не сообщил мне, что приехал? Я же как раз говорил тебе, что нахожусь в Калифорнии. Уверен, что не наткнись я на тебя, то ты б сам хуй связался со мной!

Том в ответ лишь покривил фирменным еблетом, неоднозначно помотав ладонью.

— Я чудом смог тебя уговорить остаться со мной, дабы встретить Рождество в Лос-Анджелесе! Да и то, мне кажется, что не будь у тебя еще нескольких сеансов у того кренделя, то ты б со свистом умчал в Сиэтл!

— Но я же остался, — цокнул Харди. — Что не так? Видишь, в отличие от тебя, я умею подстраиваться…

— Охуенно ты подстраиваешься! — ткнул пальцем брату в нос Джилленхол. — Из-за тебя я остался в мусарне на пятнадцать суток! Встретил там не только Рождество, но и Новый год! Это нормально?! А где же был ты, Томми? Когда я позвонил тебе, чтобы ты меня оттуда достал, ты психанул, бросил трубку, а потом и вовсе срулил в свой Манчестер и в одиночестве встретил Рождество в своем блядском фамильном поместье! Какого хуя, спрашивается, ты так сделал? И заметь, я тебе не стал предъявлять за эту немыслимую шляпу! Но уж раз пошло такое дело, то, думаю, грех не сказать!

— Ой, да ты только и звонишь, когда тебе что-то надо! Ой, Томми, перечисли

денежку и, к слову, приезжай тусить! Ой, Томми, вытащи меня из мусарни! — спародировал он лай собаки. — Ты просто пользуешься мной, вот и все! Сука-бля, неужели так тяжело вернуться домой и жить как раньше?

— Да что я такого сделал, я не пойму! — налил яростью синие глаза парень из шара. — Почему я должен вечно сидеть при тебе? Может, посадишь меня в шар, чтобы я всегда был рядом? Ммм? У меня своя…

— Ооо… В пиздууу! — перебил Харди. — Опять пошли параллели со старой сукой! Нам больше не о чем разговаривать, пиздюк! Вали на все четыре стороны и ебись как хочешь! С этого дня мне поебать где ты, с кем ты и чем занимаешься! И нехуй мне больше звонить, усек, пидор? И денег от меня ты хуй получишь! Сука-бля, продавай тех пидоров, и живи на выручку с этого! А про меня, сука-бля, забудь, пока не научишься правильно разговаривать со мной! И уж тем более, сравнивать с мразью Мэрил! На этом все — я умываю руки!

— Что ты мелешь? — расставил ладони в стороны Джилленхол. — Угомонись!

— Джонни! — крикнул Харди. — Собирайся, мы уходим!

Из будки вышел Депп и пиратской походкой подошел к Тому.

— Поехали, выпьем с тобой, сука-бля! Наши полномочия здесь на этом все! — схватил Харди Джонни за дреды с бусинами и потащил на выход.

Джейк остался стоять в недоумении, провожая взглядом брата.

— Слушай, братишка, ну ты нас продашь уже или как? — окликнул его один из рабов. — Пиздец заебало тут сидеть!

— Ммм, конечно, пацаны, — обернулся Джилленхол. — Не беспокойтесь, дядя Джейк позаботиться о вас!

В тот же день Джейк приступил к продаже, и уже через неделю склад был пуст, а каждый раб нашел новый дом и хозяина в разных уголках мира. Джилленхол являлся в еврочетырешку поздними вечерами и без задних лап заваливался спать. Все это время братья практически не общались, перекидываясь лишь парой фраз на бытовые темы. Когда все дела по работорговле были улажены, парень из шара мигом собрал рюкзак и вновь отправился в приключение. Перед уходом он сухо спросил: «Ты как всегда остаешься?», в ответ же увидел только саркастическое фирменное ебало брата и покинул квартиру без лишних и бессмысленных уговоров.

Глава 84: Штиль

С тех пор братья не общались. Джилленхол пытался порой позвонить Харди, дабы как-то замять конфликт. Но тот либо крыл его хуями, не давая сказать и слова, либо и вовсе не брал трубку. Так продолжалось до тех пор, пока утром 14 апреля Джейк не оставил сообщение на автоответчик.

— Томми… Блин, прости… Я думаю мы оба с тобой ведем себя как самые настоящие идиоты. Мы же братья, зачем нам устраивать с тобой весь этот бред. Думаю, мы всегда в состоянии найти компромисс и жить в мире. Ты только подумай, мама была бы только рада, узнай о том, что мы с тобой вот так ругаемся. Она же всегда только этого и хотела. Утверждала, что мы не нужны друг другу. Так может не будем давать ей лишний повод для радости, чтобы она не думала, что была права на счет нас. Наладим братские отношения. М? Как считаешь? В общем, я вот что подумал. У меня же недавно был день рождения, а я как мудак даже и не приехал и не отметил его в кругу близких. А завтра у тебя днюха… Так вот, я подумал, что мы бы могли отметить оба наших дня рождения завтра вместе. Ты как? Не против? Короче, я приеду завтра. Хорошо?.. Ладно, видимо ты не снимешь трубку, но я все равно приеду… Ну все, до зав… — монолог Джейка был прерван ударом берца.

Сержант, вскипев не на шутку, яростно растаптывал обломки автоответчика по полу. Мало того, что его взбесила беззаботность брата, и что тот снова будто держит ситуацию в своих собачьих руках, так еще этот наглый пиздюк посмел упомянуть старую блядь Мэрил! И неважно в каком контексте! Том и слышать не хотел о маразматичной суке, а уж тем более это фамильярное «мама» звучало для него как ломающийся пенопласт. Закончив с расправой над автоответчиком, Харди тут же вынюхал разом пару доз метамфетамина и плюхнулся на диван, дабы придумать, как радушно встретить брата.

Через пару часов пришел Батлер.

— О, дружище! А вот и ты, сука-бля! — подскочил к нему Том и приобнял за плечи. — Помощь твоя нужна!

— Томми? Ты чай обдолбалси чем? — прищурился Леонид.

— Ну почему сразу обдолбался? Даже если и так, то что с того? — развел руками Том и повел друга к столу. — У сержанта же завтра праздник! А еще и пиздюк позвонил, сказал, что приедет. Так что завтра отмечаем сразу две днюхи.

— Ну так, а я тут с какого боку-припеку? — упер Батлер уголки плаща в бока. — Ну в смысле от меня какая помощь требуется?

— Ты же в прошлом году помогал жиду устраивать для сержанта день рождения? — состроил Том фирменный еблет. — Теперь очередь сержанта.

— Томми! Да ты что, рехнулся? Ты что ж это, мстить собрался? — взбунтовался Леонид, смахнув с плеч руку друга. — Вы оба уже в печенках сидите? Хватя! В прошлом году один устроил невесть что! Я и подсобил-то ему, ведь не знал, что он удумал! А теперь ты еще! Думаешь, я поведусь и стану тебе помогать? Прекращайте уже оба дурью маиться!

— Да, а что такого сержант просит? — артистично вскинул руки Харди. — Просто хочу пранк небольшой устроить! Подшутить над пиздюком. Да к тому же мы решили, что закончим все наши рамсы, так что это будет просто шутка в честь примирения!

— Нет и точка! — скрестил руки на эффектной жопе Леонид. — Не буду я в этом участвовать.

— Да ты даже не выслушал, сука-бля!

— И слушать нечего! Знамо, что какую-нибудь подлянку учинишь! — уверенно заявил бородач.

— Ах так! А ничего, что сержант тебе считай, сука-бля, жизнь спас? Забыл, как троих мусоров вальнул на складе? И кто за тобой все подгребал? М? — вызывающе приподнял шрамированную бровь Том.

Повисла неловкая долговая пауза.

— Ну все понятно с тобой… — осуждающе помотал плащом Леонид. — Ладно, Томми, твоя взяла. Я тебе помогу, но знай, что я все это не одобряю. А ты однажды заиграисси… Смотри, чтоб не было поздно, когда остановить все это уже будет нельзя…

Весь день до самой поздней ночи парни корпели над подготовкой к празднику, а точнее над приготовлением торта. Это занятие их так утомило, что они не заметили, как разошлись по своим спальням и уснули крепким сном уставших от кулинарных хлопот мужчин.

Следующий день не заставил себя долго ждать и неожиданно ворвался в еврочетырешку с первыми лучами апрельского солнца, а вместе с ним прибыл и Джейк Джилленхол, разбудив своим утренним появлением Тома и Леонида.

— Ну здравствуй, сука-бля, братишка, — вышел ему навстречу Харди в пижамных форменных штанах и распростер объятия.

— С днем рождения, Томми! — обнял его Джейк. — Прости, что долго не появлялся. Все же нормально у нас? — отстранил он его от себя и осмотрел с ног до головы радостным взглядом с нотками недоверия.

— Да конечно нормально! Пиздюк, о чем речь! — артистично отмахнулся сержант. — Что там у нас было, не было — все неважно. Хуйня! Главное, чтобы… Мама! Не добилась своего! Ведь так?

— Главное, что мы братья! — вновь обнял его Джейк.

— И то верно! Леонид! Наш дражайший Джейки приехал! — крикнул Том в сторону спальни Батлера. — Пойдем уже накатим, сука-бля, за встречу, — повел он брата на кухню.

Через десять минут, когда Том и Джейк выпили уже по паре шотов виски, пришел Леонид и принялся с недовольным эффектным ебалом варить кофе.

— Ну что, давайте уже начнем? — предложил Джилленхол, вылив последние капли капучино в рот. — Я хотел бы сказать…

— Нет, сука-бля! — перебил Харди, затушив бычок о кофейную пенку. — Все же твоя днюха была раньше, так что сначала тебя, пиздюк, поздравим. А потом уж ты выскажешься, если захочешь.

— А, ну давай, — беззаботно пожал плечами парень из шара.

— Леонид… — жестом указал Том другу на холодильник.

Батлер подкатил глаза, но пошел к холодильнику и достал оттуда…

— Торт? — вскинул пышные брови Джейк.

— Торт, сука-бля, торт, — закивал Харди, расплывшись в обдолбанной улыбке.

— Ну, круто, Томми! Должно быть вкусно. Вместе пекли, пацаны? — посмотрел Джейк поочередно на брата и друга.

— Вместе, ага… — подкатил теперь еще и плащ Батлер.

— Леонид почти не участвовал, так что ешь — не ссы, — склонился Том и зашептал Джейку на ухо.

— Ох, ну хорошо! — радостно захохотал тот словно первоклашка. — Тогда пробую!

Джиллехол вооружился ножом, отрезал по кусочку для всех и разложил по тарелкам.

— Нууу… — поторопил Харди, всовывая ему в руку ложку.

Дегустатор из шара отломил щедрый кусок и понес ложку ко рту, открытому шире некуда.

Сержант наблюдал будто в слоу мо за сей картиной, а на его безобразно

восторженном ебале расплывалась бестолковая улыбка.

— Он из собачьих консервов! — оглушительно выпалил Леонид, прервав действо.

— Сука-бля, Батлер! — скорчил охуевшую гримасу Том.

Джейк застыл на месте с открытым ртом, остановив ложку на полпути. Бросив вопросительный взгляд на Леонида, затем раздраженный на брата, он быстрым движением сунул кусочек торта в пасть и принялся жевать. Затем отломил еще и также отправил в рот, потом еще, еще и еще, пока не затолкал целый кусок.

— Очень вкусно, Томми! Очень! — пробубнил Джилленхол с набитым до отказа ртом. — Собачьи консервы, говорите? То что нужно! Чья идея, пацаны? Признавайтесь!

Сержант приподнял шрамированную бровь, глядя на брата и пытаясь распознать сарказм. Но ничего не выходило! Было совершенно не ясно — на самом ли деле ему пришелся по вкусу торт, или же он мастерски это изобразил. Леонид с укоризной посмотрел на Тома и осуждающе помотал плащом.

Дожевав и проглотив разом псиное лакомство, Джейк облизал кожаный нос, одобрительно кивнул и поднял большой палец.

— Ну что, моя очередь? — сказал он, взявшись за бутылку виски и придвигая стаканы поближе. — Не буду говорить длинных речей, Томми. Знаю, что ты всего этого не любишь. Но без подарка оставить тебя не могу, — он разлил алкоголь и жестом предложил парням поднять стаканы.

Харди взял виски и настороженно посмотрел на Джейка. Свою-то подлянку он провернул, но вот совсем не подумал о том, а не устроит ли брат и для него какую-то пакость. В прошлом году ему удалось довести сержанта до слез, и, как известно, отнюдь не слезы радости то были. Ох, наверняка Джилленхол затаил обиду и придумал что-то говнистое. А теперь еще и блядский собачий торт, который теперь может только усугубить ситуацию.

— Вот! — воскликнул Джейк и достал из-за спины…

— Сука-бля, пиздюк! Убери пушку! — заорал Том, выставив ладони вперед и зажмурившись.

— Джейки! Матерь божья! Ты что удумал! Ну пошутил этот остолоп, ну что ж теперь… — завизжал Леонид, прикрывая друга плащом.

— Да вы чего, пацаны? — вскинул пышные брови Джилленхол, взмахнув пистолетом, отчего Том и Леонид пригнули головы. — Это же подарок. Это тебе, братишка!

— Стоп, что? — приоткрыл один глаз сержант. — Сука-бля… Это что… «беретта»?

— Она самая, Томми! Такая же модель, как и твоя табельная, — наставил Джейк на брата пистолет. — Ну же, посмотри… — тряхнул он рукой, предлагая Харди принять презент.

Том похлопал глазами и потянулся к «беретте», охуевая от происходящего.

— Бах! — рявкнул Джилленхол и нажал на спусковой крючок.

— Сука-бля! Шмаровоз! — подпрыгнул на месте Харди, одернув руку.

— Да ты чего? Не заряжен же! — засмеялся Джейк словно новорожденный щенок. — На, держи уже… — он подкинул пистолет, переложив его тем самым дулом в ладонь и вновь протянул брату.

— Уууух, Джейки! Я чуть не обосралси! — вытер испарину со лба Леонид, отмахивая воздух вокруг себя плащом.

— Такие вы, конечно… Долбоебы! — усмехнулся Джилленхол.

— Сука-бля, пиздюк! В натуре настоящая такая же «беретта»! — наконец забрал подарок Том и покрутил в руках. — Ээээм… А это что? — присмотрелся он к рукояти, где была выгравирована надпись. — Т. Харди от Джейка Стрип, — прочел он, приподняв шрамированную бровь. — Что за шляпа? Какой нахуй

Джейк, сука-бля, Стрип?

— Ну ты чего, Томми? — хлопнул по бедрам Джилленхол. — Ты что, забыл? Ты мне когда письмо в шар написал, так подписал конверт, только наоборот.

— И что ты хочешь этим сказать? — прищурился Том. — Опять какой-то подъеб? Типа я тебе помог выбраться из шара, и ты мне за это вечно «благодарен»? — нарисовал он в воздухе кавычки.

— Да какой еще подъеб, Томми? — округлил рот бубликом пасхальщик из шара. — Просто вспомнил эту твою подпись и забавно стало. Вот и решил также написать. В память о нашей первой встрече, после долгой разлуки. Смешно же, ну? Джейк Стрип!

Батлер неуверенно и беззвучно засмеялся, надеясь свести тему на нет.

— Типа шутка, сука-бля? — с подозрением посмотрел на брата Том.

— Типа шутка, — улыбнулся Джокер из шара, подкатив безупречно синие глаза. — Ну как твой торт из собачьих консервов. Шутка ведь тоже?

— Шутка, сука-бля, — закивал Том опустив взгляд в стол.

— Ну вот и все! — хлопнул в ладоши Джилленхол. — Давайте уже выпьем за нас, — он взял стакан и протянул к центру стола.

— За нас, — стукнул новехонькой «береттой» по стакану Харди и осушил свой до дна.

Леонид и вовсе присосался к бутылке, ведь дюже перенервничал от назревавших, но несостоявшихся скандалов.

— Еще кстати вот что, пиздюк, — заговорил сержант, усевшись за стол и положив пистолет перед собой. — Ты же понимаешь, что я не буду носить ствол с фамилией старой бляди, выгравированной на нем. Пусть даже это, сука-бля, и шутка.

Амортизатор из шара опустил уголки губ и округлил глаза, словно синеглазая бездомная собака.

— Ну зато у меня есть на него планы получше, — расставил Харди руки в стороны. — Приберегу его для особого случая!

Джейк в предвкушении поерзал на стуле.

— Однажды, наступит день, когда я пристрелю из этой «беретты» нашу мамаш-мразь! — озлобленно подвигал желваками Том, взял в руки пистолет и положил палец на спусковой крючок. — Однажды, сука-бля, это случится!

Повисла неловкая пауза.

— Томми, давай-ка уберем пока эту штуковину куда подальше, — попытался вытащить из руки друга пушку Батлер, но тот слишком крепко вцепился в рукоять, что аж костяшки побелели.

— Сержант сам уберет, — выдернул он руку из хватки Леонида, встал из-за стола и двинулся к кухонному гарнитуру. Там он открыл дверцу верхнего ящика и сунул «беретту» в коробку со специями. — Ладно, сука-бля! Что мы все обо мне и обо мне! Так-то у нас двойной праздник. Да, пиздюк? — подошел он к брату и потерпел по волосам. — Спасибо, Джейки, что приехал. И за подарок, сука-бля, — похлопал сержант его по плечу и, наклонив голову, поцеловал в макушку.

— Да не за что, Томми, — положил ладонь на руку Тома парень из шара. — Кстати… Я это… Нагулялся, в общем, — тяжело вздохнул он и поджал губы. — Так что я на совсем.

— Сука-бля, — приставил пальцы к переносице Харди и поспешил обновить стаканы.

Батлер вопросительно посмотрел на Джейка. Тот едва незаметно махнул головой в сторону брата и пожал плечами. Леонид понимающе кивнул и бросил взгляд на Тома, крутящего в руке стакан с виски и ненароком косящегося на кухонный ящик.

Июнь 2006 года.

— Бля, да зачем ты это делаешь? — пытался перекричать Джейк шум двигателя яхты, неистово мчащийся по волнам.

— Сука-бля, да я ебу? — состроил фирменный еблет Том, расставив ладони в стороны и бросив штурвал.

— Не бросай его, мы же перевернемся! — попытался взять управление над яхтой Джилленхол.

— Руки, сука-бля, убрал! — хлопнул его по ладоням Том, вновь взявшись за штурвал.

— Так, хватит глупостей! Ты обдолбался и не в себе! — пытался достучаться до брата моралист из шара. — Зачем ты нахуярился героином и угнал яхту?!

— А ты? — ответил вопросом на вопрос Том. — Зачем нахуярился героином и угнал яхту?

— С яхтой была твоя идея. Отдай мне штурвал или хотя бы сбрось скорость, я тебя прошу, мы так перевернемся!

— А с героином твоя, — ебливо улыбнулся Том, проигнорировав просьбы брата. — О, мусора! — приметил он на горизонте ментовскую лодку со включенной мигалкой. — Нахуй их, — пизданул он и с размаху резко крутанул штурвал.

Естественно, яхта, бешено мчащаяся по прибрежной акватории Сиэтла, вмиг накренилась и с громким хлопком перевернулась. Оказавшись в воде, Джейк, движимый инстинктом выживания, начал выплывать.

— Томми? — вопросительно посмотрел он по сторонам, оказавшись на поверхности. Но брата нигде не было, а это значило только одно — сержант Том все еще находится под водой. Джилленхол набрал полные легкие воздуха и вновь нырнул.

Он обплыл яхту и наконец наткнулся на душераздирающую картину. Дубленка Тома попала в огромный яхтовый винт, ничтожно закручивающий Харди все ближе и ближе. Каков же ты долбоеб, Томас… Зачем вообще ходишь в дубленке в июне месяце? Познабливает от героина?

Джейк не на шутку округлил глаза и поплыл на помощь брату, который, кажется, даже и не сопротивлялся особо, и был готов к тому, что винт порубит его на миллион кусочков. Харди лишь усмехался над комичностью произошедшей ситуации, пуская изо рта пузырьки воздуха. Джилленхол молниеносно схватил Тома за ворот дубленки и потянул на себя. Но у него ничего не выходило! Тогда Джилленхол не придумал ничего лучше, чем попробовать достать подол из винта, ведь точно знал, сними он с Тома дубленку в воде, брат устроит на суше грандиозный скандал. Ведь он не любил! Когда его дубленки так бездарно пропадали!

Джейк принялся осторожно вытаскивать дубленку из винта, в то время, как лопасти ненароком били его по шее. А они, между прочем, были наточены не на шутку! Кто это сделал и зачем — непонятно. Но факт остается фактом. А Джилленхолу хоть бы что — ни единой царапины! Да что уж там греха таить — даже покраснения от удара не осталось!

Наконец, спасателю из шара удалось высвободить дубленку из винтовых пут, а соответственно и Тома. Джилленхол подхватил обдолбанного брата, и вместе они, с горем пополам, всплыли на поверхность.

Вскоре ребята доплыли до пристани и уселись на деревянный настил.

— Ох, Джейки, спасибо, сука-бля, — вымолвил Том, выжимая из подола воду. — И сержанта спас, и дубленку его уберег…

— Ну, а как иначе? Мы же братья, Томми! — шутливо пихнул его в плечо Джейк. — Всегда должны помогать друг другу.

— Да, это, сука-бля, охуенно! — кивнул Харди. — А еще охуенно, что с апреля у нас с тобой и ни одного рамса и не случилось! Ни это ли счастье?

— Сплюнь! — трижды постучал по пристани Джилленхол.

На самом же деле за это время скандалов между братьями должно было состояться штук сорок — не меньше! Но Джейк, будучи утюгом из шара, брал себя в руки и сглаживал любой рамс, переводя все в шутку и отвлекая брата.

— Мы, братья, должны держаться вместе! — молол пафосные речи Том, сжав кулак и потряся им перед кожаным носом Джилленхола. — Ибо нет, сука-бля, никого у нас роднее!

— Конечно вместе, Томми, конечно! — положил ладонь на кулак брата Джейк и прижал его к груди. — И все у нас с тобой будет хорошо. Я это знаю, и я это чувствую!

— Я тоже, сука-бля… Я тоже… — покачал фирменным ебалом Харди.

— Знаешь, о чем я часто мечтаю? — усмехнулся Джилленхол, достав из кармана промокший кокаин и втерев его в десна.

— Ну, — пригостился наркотиком и Том.

— Что мы с тобой всю жизнь будем вместе. Всегда. Неразлучно. И вот будет нам с тобой лет по семьдесят. Будем мы с тобой уже старенькими такими, седыми, лысенькими. Завернемся в теплые пледы, сядем на порожках твоего родового поместья… Почему именно там? Думаю, когда мы с тобой обзаведемся семьями, то нам будет необходимо большая жилплощадь. Не в еврочетырешке же ютиться! И да, жить мы должны обязательно вместе, а иначе — шляпа какая-то! Ну, так вот. Сядем на порожках и будем о былом говорить, грея в руках кружки с какао. А вокруг щебет птиц, куча внуков бегает, старуха-жена с теплыми морщинистыми руками… И вот так и будем сидеть и говорить, говорить, говорить, пока не выйдет мой сын и не скажет: «Дядя Томми, папа, уже холодно, идемте в дом, мама блинчики напекла, все уже за столом, только вас и не хватает!» А я ему скажу, мол, сына, подожди, дай нам с Томми договорить. И он уважительно кивнет, накроет нас пуховым платком и удалится. А мы продолжим болтать, курить марихуану и просто кайфовать. А в доме нас будет ждать большая семья: жены, дети, внуки. Вот у меня будет двое детей, ибо считаю, что это золотая середина. А у тебя, мне кажется, будет много, ты ж мечтал в детстве о большой семье… Уж я это запомнил… Запомнил, Томми…

— Ох и петушара, — приставил пальцы к переносице Том. — Хоть ты и хуйню сейчас пронес, но это было очень трогательно!

— Почему это хуйню? — нахмурился Джейк. — Вот я верю, что…

— Ой, давай просто помолчим, сука-бля. Закончим на этой трогательной ноте и полюбуемся закатом, — перебил Том, положил руку на плечо брата, и оба уставились в небо.

Тот день выдался непривычно ясным. Обыкновенная серость, застилавшая небо над Сиэтлом стала рассеиваться еще в обед, и к вечеру солнечный диск медленно, не встречая на своем пути препятствий в виде облачных мазков на холсте небосвода, катился к горизонту. Блики ласковых лучей весело резвились на морской ряби, будто маня и увлекая за уходящим светилом. Небо едва стало менять цвет с голубого на сиреневатый и, ближе к горизонту, оранжевый, когда показался молодой месяц. Его холодность белым, еще полупрозрачным серпом выбивалась из теплых красок небесного свода. Казалось, месяцу и самому было холодно от своего леденящего света, казалось, он хотел чуть ближе подобраться к солнцу, дабы почувствовать мягкую теплоту его закатных лучей, согреться. Но то уверенно и неумолимо приближалось к границе водной глади, будто внушая: последуй за ним - всегда будешь окутан его притягательным светом, обласкан бархатным теплом. Всегда под защитой, всегда не одинок. Но как то задумано мирозданием — у каждого из них своя дорога. И вот солнце скрылось за горизонтом. На сегодня с Сиэтла хватит. Месяц, казалось, на мгновение замер, ловя прощальные солнечные лучи. Казалось вот-вот последует за ним, ведомый теплом. Но и у него есть свой путь. Лунный серп одиноко повис над заливом. Остался один, словно поежившись от собственного холода.

Двинулся дальше. Вместе с тем, как темнело небо, ледяной свет месяца становился все ярче, белее. От его света холодело все кругом, и вот непривычно ясный день подошел к концу, оставив на память о себе лишь теплый отпечаток в виде небосклона, окрашенного в янтарный на западе. Но и тот вскоре смылся сизым. На Сиэтл опустилась ночь. Стало холодно. Всегда одинокий месяц остался лишь в компании бесконечно далеких звезд. А значит остался совсем один.

Глава 85: Спектакль

— Ох, сука-бля, как же я заебался, — зашел как-то вечером в еврочетырешку Том. — Какая же уебищная смена выдалась! Представляете, Хэнкс совсем ёбу дал! Решил провести в отделе экзамен по подтверждению квалификации всех пацанов в отделе! — остановился он перед зеркалом и внимательно рассмотрел на себе мусорскую форму. — И все же хорошо сидит на мне! — выставил он указательный палец на отражение, а то подмигнуло ему в ответ.

— И когда этот экзамен состоитьсии? Пади подготовитьси надо ж тебе, — прокричал Леонид, закидывая в миксер кусочки ананаса.

— Не думаю, что это так важно! — отмахнулся Джилленхол, задрав ноги на журнальный столик. — Сержант и так все знает, нахуя ему готовиться?

— Пиздюк дело говорит, — прищурился Том, проведя ладонью по голове, где вместо лысины подрастали волосы — совсем немного — под пятерочку. — Сука, что-то совсем оброс, нужно побриться…

— Да ты чай шутишь?! — возмущенно хлопнул криком себя по бедрам Батлер. — Давай не сегодня, а?! Ну договорились же, что как придешь, посидим, кинцо какое посмотрим, погутарим! Я вон и Пина Коладу почти сварганил уже!

— Ой, давай не истери, ладно! Помню! — поспешил осадить его Том. — Сейчас только переоденусь, в душ схожу, и можем начинать! Пиздюк, ты чипсы мне купил? — обратился он к брату.

— Аааам… — завис Джилленхол, уставившись в телевизор, где транслировалась кулинарная передача, в которой пышная мамаша взбивала тесто голыми грудями.

— Аааам… — передразнил его Харди, кривя ебалом. — Пошел и купил, пока я делаю свои дела! — кинул он в лицо брата скомканную сотню и поспешил удалиться.

Время близилось к полуночи, когда друзья досмотрели «Дьявол носит Прада».

— Какой-то дрочевый фильм! Кто выбирал? — раздраженно рявкнул Том, выключая DVD-проигрыватель.

— Ну я, и что? — эффектно и с осуждением посмотрел на него Леонид, лениво скрестив руки на груди.

— Какая-то бабья ссань! — высказал экспертное мнение сержант, потянувшись к графину с Пина Коладой, дабы обновить бокал.

— Не знаю, а мне зашло, — выпалил Джилленхол, закусив губу и о чем-то задумавшись. — Мне кажется, Стэтхем здесь классно сыграл роль тетушки-босса. Вот этот его парик, костюм… Эээх… Напомнил мне о маме…

Рука Харди остановилась в нескольких сантиметрах от кувшина, а сам Том настороженно замер. Замер и Леонид, предвкушая братскую перепалку. Повисла неловкая трехминутная пауза.

— Блин, Томми, ты только не ори и выслушай, — начал Джейк уже отрепетированную заранее речь. — Через полторы недели, а именно девятого июля, у нашей мамы день рождения.

— И? — подозрительно покосился Харди.

— И я тут подумал… Слушай, ей исполняется пятьдесят пять, и я правда волнуюсь за нее. Она совсем одна! Я не оправдываю ее за то, что она сделала с нами! — поспешил выставить ладони вперед Джейк. — Но, может, она все осознала! Может быть, она хотела бы извиниться, как-то наладить отношения со своими сыновьями… Понимаешь, Томми, она же не вечная! Пятьдесят пять лет — нихуя не шутки! Наверняка ей тяжело! Вспомни, у нее никогда не было

постоянной работы, а счета сами себя не заплатят! Мы же можем как-то помочь ей! Это же нетяжело, попробовать забыть все обиды, переступить через себя и сделать первый шаг навстречу к примирению! М? — вопросительно уставился он на брата, превратившись в молящуюся собаку.

Сержант же Том молча смотрел на него, надев на лицо маску похуизма и медленно хлопая глазами.

— Может быть, это поможет тебе, понимаешь? — продолжил Джилленхол. — У тебя на лицо психологические проблемы, тянущиеся из детства! Может примирение с мамой переродит тебя? Понимаешь, я же хочу, как лучше не только для нее, но и для нас с тобой! Но если тебе тяжело, ты можешь просто поехать со мной в Нампу и подождать за дверью, пока я с ней поговорю. Это тоже будет шаг. Хоть и маленький, но шаг, понимаешь, Томми?

Харди не ответил ничего. Он поднялся с дивана и направился в свою спальню.

— Т-т-т-т, — укоризненно поцокал Батлер. — Зря ты всю эту делюгу затеял, Джейки… Ох, чуеть мое сердце — зря!

— Леонид, но ты-то должен меня понять! — положил ладонь на грудь Джейк.

— Да я-то понимаю, а вот он…

Но не успел Леонид больше ничего сказать, как в гостиную вернулся Том. Он медленно подошел к журнальному столику, аккуратно убрал с него алкоголь и еду, после чего протер поверхность от сливочных разводов и крошек.

— Кхм, — прочистил он горло и уселся перед столиком на колени, что-то достав из заднего кармана скамов и положив рядом на пол.

Джейк и Леонид с интересом уставились на Тома. Тот положил на стол шар для хомячков в котором находился синеглазый пупс с подпихнутыми в нос фасолинами. Затем Харди взял с пола еще одного пупса и поставил напротив шара. На лице второго красовалась маска. Пупс был худощав, немощен, а половину его кукольно-детского еблета украшала мастерски нарисованная кровавая клякса.

— Привет Джейки, как дела? Я вот пришел тебе книжку почитать, — пискляво заговорил Харди, подрыгав пупсом — прототипом себя маленького. — Ммм, ууу, ааа, — потряс шаром он, изображая еще неговорящего в те годы младшего брата.

Том отложил пупсов и вновь запустил руку под стол.

— И что же ты делаешь, британский ублюдок?! — предстала перед зрителями кукла Мэрил Стрип, державшая в руках миниатюрную биту для лапты.

— Мама что ли? — прищурился Джилленхол, но тут же поспешил закрыть ладонью рот, отхватив раздраженный взгляд от брата. Ведь Том не любил! Когда кто-то лез в его постановки!

— Сейчас ты сполна получишь! — ебаным голосом заорал сержант и накинулся куклой матерью на пупса Тома. — Получай, получай, мразь! Чтоб ты сдох, выродок! Шавка британская! Лучше б ты сдох при родах! — мудохал он битой пупсика, попутно достав из кармана скамов коробочку томатного сока, ловко раскрыв ее и вылив содержимое на столешницу. Он бросил кукольного себя в лужу сока и вновь схватился за шар. — Ааа! Ааа! Ааа! — спародировал он возмущения брата, неистово тряся хомячковой приблудой, в которой неистово мотался пупс Джилленхол.

— Ебёна мать… — на всю квартиру прошептал Батлер.

— И только попробуй встань, дегенерат! — пропищал он за куклу Мэрил, как бы от ее лица, смачно плюнул на свою миниатюру и бросил рядом биту. — Джейки, кушать не хочешь? Писить не хочешь? — приторно запищал он, проскакав куклой матерью в сторону шара. Затем отставил его и вновь взялся за своего пупса. Нарочито медленно и угрожающе, он поднял его из лужи сока,

попутно вставляя в его руку биту для лапты. — Эй, сука-бля, старая блядь! Смотри, я жив! — и с этими словами пупс Тома накинулся на мать и начал ее нешуточно избивать, сам же Харди парадировал женские прерывистые визги. Затем сержант извлек из кармана фломастер и наспех нанес побои на тело куклы Стрип. После откинул пластиковое тело в лужу томатного сока, а его прототип гордо потопал в сторону шара. Он прикоснулся к его поверхности руками и принялся раздирать полиэтилен. Спустя минуту на свет во всей красе показался пупс Джейк — пиздатый и прекрасный, как и в жизни. — Томми! Ты спас меня! Я никогда не забуду этого! — с этими словами Том заключил двух пупсов в объятия и откинул за спину. — Мораль, — уже своим голосом сказал Харди, взяв избитую куклу мать и продемонстрировав ее брату. — Вот, Джейки, это все, что я хочу сделать с нашей матерью. Все, — без шуток и приколов сообщил он. — Хотя нет, не все, — Том поднялся и прошагал к кухонному гарнитуру, откуда извлек подаренную на день рождения «беретту», вставил в нее магазин из табельной, кинул на пол куклу Мэрил и выпустил в нее всю обойму. — А вот теперь, кажется, все, — уничтожающе посмотрел он в синеву глаз Джилленхола, после чего положил пистолет обратно в шкафчик.

Джейк не то что охуел от спектакля брата — ебанулся! Ведь такой реакции Тома он совершенно не ожидал! Оры, визги — пожалуйста! Мордобой — естественно! Но не вот это вот все! Не спектакль с невозмутимым кукловодом, который ясно дал понять, что и в жизни между ним и мисс Мэрил не получится иного разговора.

— Ладно, давай просто проедем эту тему, Томми, будто бы ничего не было? Хорошо? Никто и никуда не поедет, я тебе обещаю, — серьезно сказал Джилленхол. — Хочешь, можем еще чем-то заняться? — попытался перевести он разговор в другое русло.

— Спасибо за славный вечерок, пацаны, я спать, — рявкнул Харди и гневно топая берцами, удалился к себе, громко хлопнув дверью.

— Это было… Пиздец… — взвизгнул Батлер, накинув плащ на изуродованную куклу мать, дабы скрыть эту мерзость от глаз.

— Да, не стоило мне все это начинать, — промямлил Джейк, доставая из заднего кармана джинс два билета до Нампы. — Ладно, надеюсь, он быстро отойдет.

— Но ты же не помчисси туда? — уточнил Батлер.

— Конечно нет! Я ведь обещал! — вскинул руки Джилленхол.

На том славный вечерок и закончили.

9 июля 2006 года.

Джейк Джилленхол после страстной ночи с пухлозадой девицей проснулся уже ближе к вечеру. Он сладко потянулся в кровати, почесал за ухом, встал и вышел из спальни с твердым намерением позавтракать.

В гостиной на диване перед телевизором, накрывшись плащом, дремал Леонид. На экране мелькали финальные кадры фильма «Горбатая гора», где Сет Роган рыдал в джинсовую рубаху Мэтью Макконахи, сплошь перепачкав ее соплями. Джейк, опустив уголки губ, на минуту завис перед телевизором, но не поняв, что же там приключилось, двинулся к холодильнику, вспомнив о голоде. Он достал десяток яиц, поставил сковороду на плиту и зажег огонь. Повар из шара принялся разбивать скорлупу, но тут проснулся Батлер.

— Джейки! Опять ты устроил ночью концерт? — поспешил выключить он телевизор, поднимаясь с дивана. — Всю ночь напролет спать не давал! Я-то ладно, один хрен сегодня выходной, вот прикемарил малеха. А Томми сегодня с утра на смену надо было. Слыхал я как он тут топотал да матюкался на тебя. Вот так не высписся, а потом пади попробуй поработай…

— Ой, ну, а что мне сделать-то? — хлопнул себя по бедрам Джилленхол.

— Куда мне их водить? Не на улице же…

— Да я-то тебя понимаю! — приложил ладонь к груди Леонид. — Но и Томми понять можно. Все же ответственная работа у него…

— Ну, а мне как быть, Леонид? — вскинул руки Джейк, и два яйца полетели в потолок. — Ездить мне никуда нельзя, дома надо быть все время, теперь и домой нельзя водить?

— Ну я просто сказал! — поспешил успокаивающе наорать на него Батлер.

— В общем, как всегда, все должны подстраиваться под Томми, — вздохнул Джейк. — Ладно, придумаю что-то…

Повисла неловкая вздыхающая пауза.

— Ну и что, думаешь, он сильно зол на меня? — вернулся к приготовлению яичницы Джилленхол.

— Да думаю остынить, куда он денетьси? — эффектно отмахнулся Леонид. — У вас-то с ним вон как все чинно в последнее время…

— Ну да, чинно, — подкатил глаза Джейк. — Так-с, а где у нас перчик? М?

— На верхней полке, в коробочке из-под печений, — пояснил Леонид за специи.

— Бляяяя! Леонид! — вскрикнул Джилленхол, сунув руку в нужную коробку. — «Беретты» нет!

— Чаво? — завизжал Батлер, округлив рот по самый «небалуй».

— Беретты, блять, нет! — торопливо высыпал содержимое коробки на столешницу Джейк и стал шарить среди пакетиков с приправами и пряностями.

— Батюшки свят! Да быть того не может! — закудахтал плащ Батлера, окутывая своего хозяина. — Ты же не думаешь… — прикрыл рот Леонид, просматривая каждый пакетик со специей на наличие пистолета.

— Думаю? Да что тут думать? — нервно залаял Джейк. — Едем немедленно!

— Ядреный корень! — вопиюще выругался Леонид и начал шарить по карманам ключи от Доджа.

Через десять минут парни сидели в тачке, и Батлер нервно дергал ключ, пытаясь завести мотор.

— Ну же, ну же! — тявкал Джейк, судорожно тыча по кнопкам телефона. — Отключен! Томми, блять! Ну какого ж хуя! — с психом отбросил он мобильник. — Ну же, заводись! — ударил он по торпеде.

— Давай, родненький! — взмолился Батлер, и Додж затарахтел.

— Гони! Часов за семь можем доехать! — заверещал Джилленхол, вцепившись в плечо Леонида. — О, Бог! Не дай Томми успеть сотворить глупость!

— Успеем! — подбодрил Батлер и вдавил газ в пол.

Через два часа на трассе Сиэтл-Нампа.

— Ну все! Это конец! — хватался за голову Джейк, бегая вокруг Доджа.

— Едрить тебя налево! — орал Батлер, открывая капот, откуда валили клубы черного дыма. — Джейки, лови попутку или автобус!

Примечание к части Ну что, любезный, кажется, сейчас состоится встреча, которую ты наверняка ебейше ждал! Для кого она закончится хуево? Скоро узнаешь! И перед тем, как ты вломишься в новую главу, напоминаю, что я люблю! Слушать твои домыслы и наблюдать за твоими эмоциями! Так что не поленись, да дай знать, как пройдет для тебя данная встреча. За сим откланиваюсь и не смею больше задерживать)

Глава 86: Бляди

Несколькими часами ранее.

Тяжелое механическое дыхание. Собственные шаги эхом стучат в голове, сливаясь с шумом пульсирующей крови. В руке пистолет сжат так сильно, что побелели костяшки. Палец уже на спусковом крючке. Он подходит к калитке, со знанием дела просовывает свободную руку между прутьями решетчатой дверцы и сдвигает засов.

Решено. Он готов. Он сделает это. Сегодня.

Том прошагал по тропинке к дому и остановился на порожках. Вдох-выдох. Еще один шумный вдох. Бам-бам-бам! Колотит в дверь рукоятью «беретты», но удары собственного сердца заглушают стук. Медленно выдыхает и прислушивается. Тишина.

— Открывай! — шипит он сквозь маску и вновь яростно стучит.

Послышался знакомый скрип дивана и недовольное бухтение. Затем приближающиеся неуверенные шаги. Дверь открылась и на пороге предстала…

— Ну здравствуй, Мэрил, сука-бля, Стрип, — процедил Харди, склонив голову на бок, и наставил дуло женщине в лоб.

— Где ты шлялся, Джерри? — еле ворочая языком пробуробила мисс Стрип, уперев руки в бока. — Тебя только за смертью посылай. Я же всего-то попросила купить клубники!

Том отшатнулся, непонимающе уставившись на мать и по-прежнему направляя ей в голову «беретту».

— Торт уже готов, осталось только украсить, — развернулась на каблуках Мэрил и шаткой походкой старой бляди двинулась к столу, где красовался праздный торт в прелестных белых розочках из взбитых сливок.

Рука Тома опустилась, будто под тяжестью оружия, он быстро задышал и оперся на косяк.

— Сука-бля, сука! — зарычал он и ударил кулаком по двери.

— Ну, что встал, глупец? Где клубника? — обернулась женщина, вздернув пышную бровь.

— Заткнись нахуй, сука ебаная! — заорал сержант и бросился к матери. — Заткни свое ебало! — схватил он ее за шею и уставился в глаза обезумевшим потерянным взглядом.

— Ох уж эти британские манеры, — скривила губы в пренебрежительной усмешке Мэрил. — Хватит этих фамильярностей, идиот!

Сержант оттолкнул женщину, и та плюхнулась на стул позади себя. Харди же схватил торт и швырнул в закрытое окно. Блюдо впечаталось в стекло и стало сползать, оставляя кремовый след, затем плюхнулось на пол.

— Что за выходки? — строго взглянула мисс Стрип на сына. — Быстро взял тряпку и убрал все! А потом иди в ванную и выпей отвар биометалла. И только попробуй обмануть! Я проверю, и, если увижу, что ты вылил его в раковину, то последует наказание и серьезное.

Женщина деловито закинула ногу на ногу и отхлебнула вина из бокала, стоящего на столе.

— Замолчи, мразь! — заорал Том, закрыв уши руками. — Еще одно, сука-бля,

слово и я пущу пулю в твою блядскую ученую башку! — склонился он над матерью и потряс пистолетом перед ее носом.

— Чем дольше ты тянешь с уборкой, тем суровее тебя ждет наказание, выродок, — указала она пальцем на сына, затем перевела его на размазанный по полу и окну торт. — Решил испортить мамочке день рождения, ублюдок?

Том ударил берцем по столу, перевернув его вместе с вином, и, более не дожидаясь очередных бредней ёбнутой мамаши, ринулся в сторону подвала.

— Куда это ты собрался, выродок? — вскочила мисс Стрип и бросилась за ним. — Даже не смей туда входить!

Харди же вынес дверь с ноги, пробежал по ступенькам вниз и очутился в кафельной комнате. Свет ярких люминесцентных ламп на мгновение ослепил, и он остановился, закрыв глаза ладонью.

— Выметайся отсюда! Ты пожалеешь, что осмелился войти сюда! — услышал он голос матери со ступенек, что заставило его убрать руку от лица.

Он быстро поморгал, пытаясь привыкнуть к свету. Увидев в углу рабочий стол, сплошь заваленный исписанными бумагами, кусками полиэтилена и заставленный баночками с серебристой жидкостью, Том рванул к нему, открыл верхний ящик и достал оттуда наручники.

— Немедленно убирайся отсюда! — визжала Мэрил, когда Харди развернулся и, схватив на противоходе за шею, поволок прочь из подвала. — Не смей! Отпусти! — хрипела она, перебирая ногами по полу и пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Том же не намерен был слушать визги. Он в два прыжка поднялся вверх, пересек гостиную и бросил женщину к батарее на кухне, прямо в ошметки блядского ванильного торта.

— Ты не посмеешь! — верещала мисс Стрип.

— Молчи, сука, — рявкнул сержант и, перекинув цепочку наручников через трубу, защелкнул браслеты на запястьях Мэрил. — Просто закрой свой, сука-бля, рот, пока я не разрешу говорить! — прошипел он, ткнув «береттой» ей в щеку. — Только пискни, тварь. Только, сука-бля, пискни!

Мэрил сжала губы в и без того тонкую полоску и смерила сына взглядом полным яда. Харди ударил берцем по батарее возле плеча матери, сдвинул маску и сквозь зубы плюнул ей в лицо.

— Ах! — возмущенно округлила глаза мисс Стрип и отвернулась, пытаясь вытереть слюну сцепленными у трубы руками.

Том же бросил очередное оскорбление и направился к выходу.

— Блять, блять, блять! — выскочил он за дверь, хватаясь за голову. — Просто убей паскуду! — стучал он кулаком по лбу, нервно мечась из стороны в сторону.

Том гневно пнул декоративного садового гнома из биометалла и плюхнулся на ступеньки, закрыв голову руками. Просидев так несколько минут в попытках привести судорожное дыхание в норму, он достал из кармана скамов пачку сигарет и закурил.

— Всего-то стоит, сука-бля, спустить курок! — бормотал сержант, выпуская дым через нос и буравя отрешенным взглядом газон. — Чего стоит? Ты столько раз это делал, мудак. Просто, сука, выстрели.

Харди отщелкнул окурок в сторону и тут же закурил вторую. Сделав несколько быстрых затяжек, он поднялся, встряхнул плечами, помотал головой и вернулся в дом, зажав в зубах сигарету.

— Ну что, поговорим по душам, сука-бля… Мама… — с отвращением процедил он, подвинув стул ногой, затем уселся на него, подавшись вперед и облокотившись на колени. — Расскажешь? — приподнял он шрамированную бровь, крутя тлеющую сигарету между большим и средним пальцами.

— Забыл, как табачный дым действует на легкие, Том? Тем более на такие ущербные как твои, — скривилась в брезгливой усмешке Мэрил.

Сержант подвигал челюстью, одной затяжкой докурил оставшуюся треть сигареты, приподнялся со стула и выпустил дым в лицо мисс Стрип.

— Я буду курить всю жизнь, забыла? — расплылся он в ебанутой улыбке и затушил бычок о крем на полу.

— Быстрее отдашь Богу свою ничтожную душонку, — равнодушно развела ладони Мэрил.

— Так расскажешь? — проигнорировал Харди, надвинув маску обратно на лицо.

— Что ты хочешь слышать, Том? — усмехнулась Мэрил, снисходительно глядя на сына.

— Почему ты такая мразь? — раздул ноздри Том и уселся обратно. — Что тебе сделал ни в чем не повинный ребенок, что ты с ним так обращалась? М, сука-бля? Расскажешь?

— Думаю, ты и сам все знаешь, — пожала плечами мисс Стрип.

— Ну я понял… Понял… — закивал Том. — Значит пойдем другим путем, сука. Не хочешь отвечать по-хорошему — будь по-твоему. Я совсем не тот, кем ты меня считаешь. Не знаешь, сука-бля, на что я способен. Ты нихуя не знаешь обо мне. Думаешь, я все тот же пиздюк, не способный противостоять тупой бляди? Хуй ты угадала. Сержант колол разных пидорасов, расколет и тебя.

Мэрил лишь хохотнула, а Харди поднялся с места и зашагал к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Можно мне туда войти? — обернулся он у двери, взявшись за ручку. — Ах да, забыл, сука-бля. Мне до пизды на твое мнение, шмара, — артистично приложил он ладони к щекам и открыл дверь.

— Ну-ну… — хмыкнула женщина.

Том вошел на второй этаж и не сразу узнал обстановку. Вместо полиэтиленовой полусферы посреди комнаты была хуйня какая-то, а, точнее сказать, сдутый шар, накрывший собой мебель внутри него. Тут же в углу Харди сразу заметил велосипедный насос. Он схватил его, отыскал клапан на поверхности полиэтилена и стал накачивать. Да, приятель, долго ты провозишься так. Ох, благо насос оказался автоматическим. Уф… Тогда нестрашно. Давай, надувай уже!

Спустя час, за который сержант успел сходить демонстративно покурить несчетное количество раз, полиэтилен принял прежнюю форму, став до боли знакомым шаром. Харди выдернул насос, закрыл клапан и уставился сквозь прозрачную стену. Внутри все было по-прежнему. Не хватало лишь здешнего обитателя… Джейка… Джейка Джилленхола… Парня из шара… В мыслях всплыл образ синеглазого мальчишки, и Том приложил ладонь к полиэтилену. Но вмиг одернул руку, вспомнив злость на брата. А он-то тут причем? За что ты так взъелся на него? Неужто вспомнил, как он предложил ехать к Мэрил? Что? Дело не в этом? А в чем же? Что значит иди нахуй? Ах! Да ты похоже в край слетел с катушек!

Градус бурлящей в нем ярости взлетел до запредельного уровня. Том вскочил и ринулся вниз. Он подлетел к Мэрил и начал грубо ее отстегивать.

— Что ты делаешь, пидераст? — хуела с каждой секундой все хлеще мисс Стрип. — Да как ты посмел надуть шар, британская шавка? Кто дал право его трогать? Что ты творишь? Даже не вздумай! — верещала она, пока не оказалась внутри шара, завалившись на ковер.

— Ебало! — рявкнул Харди, пихнув ей дулом «беретты» по губам.

Он вынырнул наружу и закрыл зип-замок, обведя потайную дверь взглядом. Черт, да каким же кретином он был, не замечая эту поебню раньше!

— Чего ты добиваешься, идиот? — засмеялась Мэрил, запрокинув голову в приступе шизофрении. — Думаешь, я раскаюсь, начну умолять выпустить? Или что?

— Просто хочу, чтобы ты, сука-бля, мучилась! — ткнул пальцем в полиэтиленовою стену сержант.

— Ты думаешь нахождение здесь заставит меня мучиться? Да я жила здесь, с тех пор, как ты внушил моему маленькому несчастному Джейку сбежать! — обвела руками шар женщина, схватила подушку с кровати и уткнулась в нее носом.

— Моему маленькому несчастному Джейку! — передразнил Харди голосом алкоголика. — Значит будешь сидеть здесь, сука-бля, пока не отъедешь, мразь. А уж сержант поспособствует этому, — покривил он ебалом.

— Пффф… — прыснула Мэрил.

Том показал в ответ «фак» и плюхнулся на диванчик возле двери. Он дотянулся рукой до стенда, взял книгу и приступил к чтению сказки про Питера Пуша. Мэрил же улеглась на кровать, продолжая обнимать подушку.

Уже смеркалось, когда Харди с психом захлопнул книгу и отбросил в сторону.

— И все же, сука-бля! Что не так? — заговорил он, закурив.

— Не смей дымить здесь… — начала возмущения мисс Стрип.

— Молчать! Я! Сказал! Сука! Молчать! — заорал Том, вскочив с дивана и подлетев к прозрачной стене.

— Я не собираюсь разговаривать с тобой в таком тоне, выродок! — приподнялась с кровати Мэрил и бросила в его сторону подушку.

— Ах ты сучара! — взорвался сержант и вновь ринулся к зип-замку. — Меня больше не ебут твои правила, тварь! Теперь я тут власть! Ты — никто! Можешь пиздить, что хочешь, мне, сука-бля, похуй! — схватил он мать за горло и прижал к кровати. — Я буду курить! Я буду говорить, что хочу! Буду делать, что хочу! И все будет так, как я хочу! А я хочу, чтоб ты сдохла, сука!

— В чем проблема, Том? Тебя не научили стрелять в «полиции»? — нарисовала она в воздухе кавычки.

— Слишком просто для такой паскуды, как ты, — процедил сержант, все сильнее сжимая пальцы на шее Мэрил. — Сначала ты будешь голодать, сука-бля, сидя здесь. Может дам тебе сырой брокколи! Будешь ссать в канистру и задыхаться от собственной вони! А потом… Потом я буду вливать в твою глотку биометалл, и буду смотреть, как ты хрипишь и просишь о пощаде. О прощении! Но я хуй когда тебя прощу, сука. Ты будешь задыхаться и захлебываться собственной блевотой, пока не подохнешь!

Мэрил только хмыкнула в ответ и скривила губы в ухмылке. Том оттолкнул ее, продолжая сверлить ебливым взглядом.

— Подохнешь! — повторил он, угрожающе выставив указательный палец и задержав на матери, после чего покинул шар и вновь уселся на диван.

Харди сидел, тяжело и механически дыша, облокотившись на широко расставленные колени. Он опустил голову и одной рукой водил по бровям, во второй — вертел «беретту», пытаясь собрать мысли в кучу. Том не понимал не то что сколько прошло времени — нихуя! И не заметил, как забрезжили первые лучи восходящего солнца. Он откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и, кажется, даже провалился в сон.

— Хочешь знать худший день в моей жизни? — заговорила из шара Мэрил.

Том вздрогнул и открыл глаза.

— День, когда ты родился, — продолжила она, лежа на кровати и уставившись в полиэтиленовый потолок. — Ты был такой слабый, немощный, жалкий, не способный ни на что…

Харди сжал челюсть, а рука крепко обхватила рукоять «беретты».

— Ничего не изменилось. Ты все тот же. То же ничтожество, — не унималась женщина нести отвратительную хуйню. — Слабак, не способный ни на что.

Том в очередной раз ворвался в шар и в очередной раз наставил дуло в лоб матери. Повисла неловкая прицельная пауза.

— Вот видишь, — усмехнулась мисс Стрип, разведя руки в стороны. — Ты не можешь. Ничего не можешь! И в детстве ты был таким же.

— Я был просто ребенком! Твоим ребенком! За что ты так со мной? — заорал Том, а из глаз брызнули предательские слезы. — За что ты меня ненавидишь?

— А за что мне тебя любить? — пожала плечами Мэрил. — За слабость? За ущербность? За твою никчемность?

— Ты должна была меня любить, какой бы я ни был! Сука-бля, ты же моя мать! Почему? — надрывался сержант, жестикулируя пистолетом. — Я ненавижу себя из-за тебя! Даже если я, сука-бля, слабый и ничтожный, ты должна была мне хоть на толику дать поверить в обратное! Я же твой сын!

— Ты мой крест! — трагично поджала губы мисс Стрип.

— Так бросила бы меня! Лучше б ты выгнала меня, подбросила в приют, выкинула как ненужную шавку! — рычал сквозь слезы Том. — Кто просил тебя тащить этот ущербный крест? Кто просил тебя рожать меня? Зачем ты родила меня на этот блядский свет?

— И впрямь — зачем родила? — усмехнулась Мэрил. — Я не хотела этого. Я каждый день жалею об этом.

— Так зачем? — рухнул сержант на колени и умоляюще вцепился ей в ноги.

— Зачем? Ты хочешь знать зачем? — отмахнула она руки сына. — Потому что я была дура, ослепленная любовью! На деле же — дура, которой нассали в уши про счастливое будущее, про беззаботную жизнь, про продолжение рода!

Харди замер, стиснув зубы и сжав кулаки. Слезы прекратили литься из глаз, а взгляд остановился на взгляде матери.

— Твой паршивый британский папаша настоял, что я должна родить! Что дети — это счастье! Что их смех будет разноситься по его блядскому поместью! — говорила она, а лицо искажалось в гримасе отвращения. — Он так красиво расписывал нашу жизнь, обещал все и сразу! И что я получила на деле? Тебя?

— Замолчи… Не смей… — прорычал под нос сержант.

— А чего мне еще было ожидать? Он был таким же слабаком и размазней, как ты. Бесхребетным, мягкотелым…

— Заткнись! — заорал Том и вскочил на ноги.

— И чего он добился в итоге? Такого же ничтожного сына, как и он сам? — безумно хихикала мисс Стрип, скрестив руки на груди. — Вот и подох одиноким в своем мерзком замке…

Не успела Мэрил договорить, как Том, окончательно потеряв контроль, ударил мать по щеке, отчего та упала боком на кровать.

— Не смей больше произносить ни одного блядского слова, сука! — заорал Харди, склонившись над женщиной. — Не смей говорить об отце…

— А что ты так взбесился, Том? Чувствуешь, что мамочка говорит правду? — не унималась Мэрил, а на ее щеке пылал пунцовый след от ладони. — Вы оба жалкие…

— Завали ебало, мразь!

Харди рывком сорвал с лица маску и нацепил ее на мать.

— Это правда, Том! Ты жалкий, ничтожный, никому не нужный мальчишка, — продолжила механическим голосом говорить женщина.

Ее измененный голос до боли напомнил ему свой собственный, отчего слова матери зазвучали еще более омерзительно, будто он сам говорил это о себе.

— Ты никогда никому не будешь нужен, никто не полюбит тебя. И ты так же умрешь одиноким, в холодном пустом поместье…

— Зато ты, сука, подохнешь не в одиночестве! — уткнул ей дуло в висок Харди. — Ведь рядом буду я, — возвел он курок и положил палец на спусковой крючок.

Мисс Стрип лишь расхохоталась смехом шизофреника.

— Нееет! Томми! — влетел в шар, прорвав полиэтилен и распластавшись на полу…

— Джейки? — охуевше обернулись Мэрил и Том.

— Томми, пожалуйста, опусти пушку… — выставил ладони вперед Джилленхол, поднимаясь с пола. — Я тебя прошу. Она того не стоит…

— Джейки, мой дорогой любимый мальчик! Ты вернулся! — залепетала Мэрил, окончательно сойдя с ума от счастья. — Скорее, иди я обниму тебя! Хочешь зефир натолку для тебя в ступке?

— Рот, сука-бля! — пихнул ее в висок дулом Том.

— Томми, прошу, не уподобляйся, — медленно подходил к брату Джейк. — Разве ты не видишь? Она безумна! Она уже получила свое сполна. Ты же не ломай себе жизнь. Это не поможет тебе избавиться от проблем. Убив ее, ты сожрешь себя изнутри.

Харди растерянно посмотрел на брата, но «беретту» не опустил.

— Я так не могу, Джейки, не могу… — шептал он, в то время, как мисс Стрип извлекла из бюстгальтера космический тюбик с пюре из гиперпрочного полиэтилена, решив перекусить. Но покушать ей не удалось. Пюре вылилось на маску, даже и не думая добраться до ученого рта.

— Ты посмотри на нее, она целиком и полностью потеряла рассудок, — указал пальцем на мать Джейк. — Что ты хочешь от нее добиться? Все ее слова — бред. Не слушай. Я прошу, опусти пистолет, — подошел он к брату, аккуратно взяв его за руку с «береттой», и ненавязчиво потянул вниз.

— Сука, Джейки… — поджал пухлые губы Харди.

— Уйдем отсюда. Вместе. Только ты и я. Хорошо? — продолжал спокойно говорить дипломат из шара.

— Я не могу все это так оставить, — лепетал Том, поддавшись брату и опустив «беретту».

— Томми, ей уже конец. Это не тот человек, которого ты знал, который издевался над тобой, — указал он взглядом на механически-хохотавшую Стрип, размазывающую по ебалу жидкий полиэтилен. — Ее место в психбольнице. Пусть доживает там остаток дней. Она больше не обидит тебя. Никогда. Я обещаю, что не допущу этого. Ты мне веришь, Томми? — посмотрел он в глаза брата.

— Нет, — прошептал трясущимся голосом Харди.

— Дело твое, но я свое слово сдержу, — уверил его Джилленхол, доставая из кармана джинс телефон, дабы вызвать неотложку для бляди Стрип. — Поехали домой, умоляю… Разве твой отец был бы рад, узнай, что ты собрался сделать?

— Я понял… Понял… Поехали… — бредил Том, не на шутку запутавшись в себе. Он схватил мать за голову и стал стягивать то, что принадлежит ему по праву, а именно — маску.

— Избавься от нее. Она не нужна тебе, — попытался остановить его Джилленхол. — Пусть останется здесь, вместе с ней.

— Нет, — одернул от себя руку брата Харди. — Маска — моя, — сказал он тоном обиженного ребенка.

Джейк лишь недовольно закрыл глаза и коротко кивнул в ответ. Перед тем, как покинуть шар, он взглянул на мать, наполнив синие глаза грустью с долей иронии, и удалился.

Братья отошли на безопасное расстояние от дома и остановились, ожидая приезда санитаров, дабы удостовериться, что Мэрил заберут и отвезут куда ей и положено. Оба молчали. Сказать нужно было многое, но первым не решался заговорить никто.

— Почему я это не сделал? — все же заговорил Харди, понемногу приходя в

себя после случившегося. — Сука-бля, я должен был ее убить! Обязан! Нахуя ты меня остановил? — бросил он раздраженно-ебливый взгляд на Джилленхола.

— Томми, это совсем не то, что тебе нужно, — спокойно сказал Джейк. — Ты просто пойми, что не ее смерть поможет тебе обрести целостного себя. Только ты сам можешь это сделать…

— Почему ты планировал сюда приехать? — перебил его Том, закурив.

— В смысле? — нахмурился Джейк.

— После того, сука-бля, как я показал тебе кукольный спектакль, ты дал слово, что не поедешь сюда. Вчера же я нашел билет до Нампы. Следовательно, ты наебал меня и хотел приехать на день рождения к бляди. Зачем ты меня обманул?

— Томми, что за хуйня? То есть ты решил, что я тебя наебал? Серьезно? Я дал слово! И ты не поверил мне? — изумился Джейк.

— А это тогда что? — зажал сигарету между зубов сержант и извлек из кармана камуфляжных скамов мятый билет. — Что это, сука-бля? — протянул он его брату.

— Ты смотрел на дату, или как? — раздраженно рявкнул Джейк. — Это один из тех, по которым я предлагал поехать тебе в Нампу! В нем стоит позавчерашняя дата! Но не думаю, что сейчас это важно! Важно лишь то, что ты не поверил мне! Какого хуя? Почему ты не воспринимаешь меня всерьез? Почему не до конца доверяешь мне?

— Почему? Сука-бля, почему? — понемногу зверел Харди. — Да потому что я никому не доверяю, — плюнул он в сторону.

— Но мы же братья…

— Мы же братья, — покривил ебалом Том. — Мы разные, жиденок! Тебе никогда не понять меня! Ибо ты не испытал того, что испытал я! Тебя никто не пиздил в детстве, никто не унижал, никто не обделил вниманием и любовью! Так что ты можешь обо мне, сука-бля, знать? Мм?

— Погоди, погоди, — выставил ладонь вперед Джейк. — Я понимаю, у тебя было тяжелое детство. Но ты только представь на секунду, каково было мне? Я, сука, шестнадцать лет просидел в одном лишь шаре! Не видя вокруг ничего! Шестнадцать лет я лицезрел одну и ту же комнату, да мать! Как думаешь, это просто? Но почему же я не ною каждый божий день о своем трудном детстве?

— Может, потому что тебя, сука-бля, любили? — состроил наигранно совиное лицо Харди. — Сука, да у тебя ж было все! Думаешь я не помню, как щебетала с тобой старая блядь? Меня же в это время пиздила, унижала, внушала, какой я конченый! Сука-бля, да она меня возненавидела, когда я еще не появился на свет! Мразь хотела сделать аборт, залетев от моего отца! Да лучше б, сука-бля, сделала! Чем вот это вот все! — махнул он в сторону дома мисс Стрип, где уже остановилась карета скорой помощи. — Тебя же эта сука боготворила, как только ты явил миру свою псиную рожу! Сука! Она водила тебя в походы, пустила в школу! Да, сука-бля, она тебе велосипед подарила! Я видел, он стоял рядом с шаром!

— Да ты слышишь вообще себя? — заорал Джилленхол. — Нахуй мне нужен был тот велосипед в шаре? Думаешь я хоть раз сел на него? Мм, Томми? И что мне эта школа, походы, когда я был в ебаном шаре! Постоянно! Ты хотя бы в своей обдроченной маске мог свободно выходить за пределы дома!

— Что ты мне тут кичишься своим шаром? — возмутился Том. — Какое это имеет значение, когда тебя вырастили в любви?

— А ничего, что ее любовь ко мне была безумной! Маниакальная любовь! Но тем не менее, сбежав из шара, я взял себя в руки и постарался адаптироваться к новому для меня миру! Ты же, Томми, до сих пор не можешь забыть прошлого! И не надо говорить, что все дело в шаре. Будь ты на моем месте, и даже с учетом того, что мама бы тебя любила… Да ты бы ебанулся похлеще того, что есть,

прожив в шаре до шестнадцати. И да! У тебя хотя бы был отец, который искренне тебя любил, без сумасшествия, без зацикливания! У меня же не было такого человека, и я думал, что ты тот самый, кто может заменить мне и отца, и мать, и восполнить то, что те мне недодали. Но, кажется, я глубоко в этом ошибался! Тебе это все нихуя и не надо! Вместо того, чтобы дать мне обычную братскую любовь, ты мне нахуя-то навязываешь жить чужой жизнью!

— Стоп, стоп, стоп, нахуй, — помотал ладонью Том. — Какая чужая жизнь, наглая псина? Я даю тебе все, о чем только можно мечтать! Я, сука-бля, все для тебя делаю! А ты хуй и видишь, только и знаешь, что кататься по Штатам да блядовать.

— И что же ты такого сделал? — скрестил руки на груди Джейк. — Ну-ка, расскажи мне!

— Да, сука-бля, все! Я сделал тебе документы, которых у тебя хуй было! Я пустил тебя жить к себе! Устроил на работу! Финансово обеспечил! Сука-бля, оплатил тебе обучение, чтоб ты стал ебливым юристом! Ты понимаешь, что хуй у тебя бы было всего этого, если б не я! Без меня — ты никто! Ты нихуя б не добился! Да, сука-бля, если бы не я, то ты по сей день сидел бы в шаре и щелкал ебалом! Я освободил тебя! Я спас тебя! И ты обязан мне за все это!

— Я, я, я, я, — покривил лицом Джилленхол. — Вечно одно ебаное «я»! Томми, ты даже и не замечаешь, что делаешь себя ебаным центром вселенной, сетуя на то, что ты такой бедный и несчастный, что ты жопу рвешь, помогая всем. Почему ты считаешь, что все тебе чем-то обязаны? Все, блять! Я, Леонид, твой отец, да даже мать…

— На хуй пошел, еблан! Что ты несешь, сука? — перебил Харди. — Тему давай не переводи!

— А что тут переводить? Что я должен сказать? Спасибо? Спасибо за то, что ты достал меня из шара? — вскинул руки Джейк. — Ебать, ну спасибо! Помог! Написал ебаное письмо, где не указал ничего! Только город! Охуенно, Томми, не правда ли? И как ты вытащил меня оттуда? Порезал минишар, уже в Сиэтле? Но вот как я туда добрался, это тебя почему-то никогда не волнует! Хули тогда орешь, что ты спас меня, если, по сути, нихуя и не сделал?!

— Ах вот как мы, сука-бля, заговорили? Мразь ты неблагодарная, Джейк Джилленхол! Впрочем, такая же, как и твой папаша, — перешел на личности Том, состроив фирменный еблет.

— У тебя больные колени, но я могу сделать тебе новые чашечки из биометалла! Я могу спасти тебя! — прервал братский конфликт блядский голос Мэрил Стрип, которую под белы рученьки выводили из дома два санитара.

— О, вот она, смотри! Пошла! Мразь старая! — посмотрел на эту картину Харди. — Сука, какого хуя ты не дал мне ее убить? — заорал он, повернувшись к Джейку и достав из-за пояса «беретту».

— Я уже сказал — ее смерть — не выход из ситуации. Ты должен принять в первую очередь себя таким, какой… — раздраженно повторил Джейк, проигнорировав дерзкие слова в адрес своего отца.

— Тоже, нашелся мне тут! Знаток психологии! — перебил сержант. — Как я уже сказал — ты нихуя обо мне не знаешь! Так к чему все эти ебаные слова? А? Пидор!

— Ну да, что не знаю, это уж точно! — вскипел Джилленхол, пустив из ушей пар. — Ты говорил, что не в твоих принципах бить женщин. Но откуда у нашей матери тот красный след на лице, я тебя спрашиваю?

— Старя блядь заслужила! И я, сука-бля, не считаю эту паскуду за женщину!

— Заслужила? А чего заслужил ты, Томми? Я не понимаю! Вот сейчас я что должен сделать? Пожалеть тебя? Послушать о твоем тяжелом детстве и вместе с тобой полить говном нашу мать? Что ты сделал для того, чтобы тебя и впрямь пожалеть? Разве ты попытался поговорить с ней по-человечески? Уверен, что

нет! А что же ты сделал? Усадил в шар? Ударил? Надел маску? Еще что?

— Пристегнул наручниками к батарее и плюнул в ее бюрократское ебало, — самодовольно изрек Харди. — И нихуя я об этом не жалею. Даже и не пытайся, пиздюк, вызвать у меня некую жалость к ней!

— Хах! Серьезно?! — усмехнулся Джейк. — Тогда скажи, Томми, чем ты и сам лучше ее? Попытался бы сделать все не так, как она в свое время! Вот это было бы правильно! Если бы ты не пошел по ее стопам…

— Ой, сука-бля, началось! Сколько можно сравнивать меня с ней, ебло жидовское? — перебил Том. — Я долго терпел вот эти вот параллели. Думаешь мы с ней так похожи? Хорошо, сука-бля, хорошо… Тебе же хуже! Раз я как Мэрил Стрип, то и буду ей соответствовать по полной программе! — слетел он с катушек. — Прости, братишка, но биты для лапты у меня нет, так что довольствуйся, чем есть! — пизданул он, подкинул «беретту», ловко схватил ее в воздухе за дуло, размахнулся и что было сил ударил прикладом Джейка по лицу.

В голове у Джилленхола раздался ультразвук, и парень из шара, потеряв равновесие, завалился назад, инстинктивно схватившись рукой за лицо.

— Эй, ребят! Помощь не нужна? — крикнул санитар.

— Все нормально, папаша! Бывай! — махнул Том и повернулся к брату. — Охохохо! Да вы только посмотрите сюда! — присел он на корточки и взял в руку его лицо. — Бровь. Сука-бля. Бровь! Я рассек ее к хуям! Ну не прекрасно ли, а?! Ну я прям один-в-один старая блядь! — язвил он. — Что, Джейки, думаешь, что теперь понимаешь меня?

— Ты не ведаешь, что творишь… — растерянно прошептал Джейк, трясущейся рукой прикоснувшись к рассеченной брови, из которой уже не на шутку хлестала кровь.

— Ну, бывает, — состроил фирменное ебало Харди.

— Отвали от меня! Все! Хватит! — заорал Джилленхол, пытаясь подняться с земли и отпихивая от себя брата. — Я больше так не могу. С меня достаточно, — спокойно сказал он, взяв себя в руки. — Наши пути расходятся. Том! Я ухожу.

— Ой, блять! — ебано расхохотался сержант. — Уходит он! Ну и вали на все четыре стороны, ебло собачье! Хуеплет! И только попробуй вернуться ко мне в квартиру — сука, уебу! А ты, сука-бля, вернешься! Всегда возвращаешься, поджав хвост! Ибо без меня — ты никто! Ты нихуя не значишь! Без меня ты станешь бомжом да сдохнешь в обоссаной подворотне! Впрочем, мне поебать и на тебя, и на твои ебаные чувства! — молол абы что Харди. — Не ссы, твои дражайшие носочки я упакую и выставлю в подъезд! Но, сука-бля, чтоб порог моей еврочетырешки твой нос не пересек, ясно?!

Джилленхол сжал челюсти и кулаки до побеления. Как же ему хотелось уебать брату за все его речи, за все его поступки. Но Джейк был мудрее, он молча развернулся и пошел прочь.

— Куда пошло, ебло кошиное? Мы разве договорили? — не хотел прекращать рамсы Харди. — А ну стой, пидорас! — подорвался он и побежал за братом.

Увидев это, Джейк рванул вперед что было сил.

Харди бежал за братом целый квартал, дабы устроить драку, но Джилленхол оказался проворнее.

— Ну и пошел на хуй! — плюнул ему вдогонку Том, остановившись и упершись руками в колени. — Еще раз увижу твой ебальник — раскрошу!

На том и разошлись…

Глава 87: Билли

Уже на следующий день Том вернулся домой в Сиэтл. Мало того, что он заявился в хуй пьяный, так еще и обдолбан был незнамо чем. Леонид чуть инфаркт не отхватил, ведь понял — случилось что-то страшное! Где Джейк? Что произошло в Нампе? Какова судьба мадам Стрип? Ни на один из этих вопросов Харди отвечать не желал. Каждый божий день он обхуяривался, напивался и впадал в состояние агрессии, рассказывая Батлеру какие-то несвязные обрывки, из которых бородач не понимал ровным счетом ничего!

На четвертый день в Сиэтл вернулся Джилленхол, дабы забрать коллекцию носков. Леонид встретился с ним на безопасном расстоянии от квартиры Тома. Джейк Джилленхол ввел Леонида в курс дела и в подробностях рассказа о случившимся в Нампе. Сколько бы не просил Леонид остаться, Джейк был неумолим и в тот же вечер покинул Сиэтл. Уходя навсегда, он пообещал Батлеру, что будет связываться с ним время от времени через телефоны-автоматы, дабы узнать, как обстоят дела у Тома, ведь несмотря на их рамсы — душа за брата болела.

Несколько месяцев Том наркоманил как не в себя! Леонид каждый день пытался поговорить с другом о случившемся и направить его на путь истинный, но Харди и слушать ничего не хотел! А продолжал лишь морально и физически разлагаться.

К началу ноября до Тома наконец-то дошло, что брат не шутил и действительно ушел от него, даже и не думая возвращаться. Данный факт не мог не расстроить Харди, и он начал перекручивать в голове моменты встречи с матерью и расставания с Джейком. Проанализировав ситуацию, Харди не то что ебанулся — ушел в депрессию, разом бросив потребление наркотиков. Кто он такой? Взрослый мужчина? Нет. Он все тот же восьмилетний мальчик, не способный постоять за себя. Он все тот же шестнадцатилетний агрессор, переполненный юношеским максимализмом. Тому было больно. Больно и обидно все это осознавать.

«Здравствуй, дорогой дневник.

Спешу сообщить тебе, что твой хозяин — никчемная бесхребетная мразь! Я не способен ни на что! Кому, как не тебе знать, сколько лет я грезил убить свою мамашу? На деле же все оказалось невыносимо тяжело. Я не смог этого сделать! Меня раздирает на части, ведь я понимаю, что мне никогда не разрешить всю эту ситуацию! Знаешь, после встречи с Мэрил, все стало только хуже. Она разбередила старые раны, не забыв нанести и новые. Я не смог спустить курок. И она знала, что я не смогу. Я и сам в глубине души это знал…

Знаешь, наверное, Джейки прав — мы с ней очень похожи… Я поступил с ней также, как она поступала со мной. Но ведь я мог все сделать по-другому — просто прийти и поговорить. Без криков, скандалов и угроз. Этим бы я доказал и ей, и себе, что я не тот человек, которого она из меня вылепила. А лепила она, я тебе скажу, многие годы! Даже не живя с ней, я чувствовал влияние матери на расстоянии, чувствую его и сейчас… И я обману, если напишу, что при встрече с ней не надеялся получить хоть толику материнской любви…

Но она никогда не полюбит меня! А теперь я все усугубил еще сильнее. Я ударил ее. Этот момент пожирает меня изнутри. Как бы я не ненавидел ее — она все равно остается слабой женщиной! Имел ли я право бить ее? Нет. Даже если она это и заслуживает, этим ударом я показал перед ней еще большую слабость. Доказал, что ни на что не могу повлиять. Я вспылил и ударил ее, как глупый мальчишка, растерявший любые аргументы! Ударил того, кто слабее меня!

И вот в этом мы с ней и похожи. Она тоже била маленького беззащитного

мальчика, не способного дать отпор.

Джейки… Я ударил и его. Мы дрались с ним много раз. Но в тот раз все было по-другому. Я нарочито повел себя как Мэрил и раскроил ему бровь… А сколько дерьма я наговорил? За что? Он же, действительно, пришел, дабы помочь мне, спасти меня… Уверен, что он больше никогда не вернется. Но так мне и надо! У меня не осталось никого. Я одинок в этом мире. Но я сполна это заслужил! С кем бы я не общался — я всегда буду делать этому человеку больно, унижать его, издеваться… А может быть даже и бить… Сейчас я стараюсь не общаться с теми, кто еще остался при мне. Ни с Леонидом, ни с Лео, ни даже с Мелиссой. Я хочу максимально отдалить их от себя, чтобы не причинить им никакого вреда. Также я не планирую налаживать отношения и с Джейком. Почему? Да потому, что все равно рано или поздно сделаю ему больно!

Я чувствую, как с каждым днем мне становиться все хуже и хуже на душе. Мне нужно с кем-то поговорить. Я и сам этого хочу. Но не стану этого делать. Не хочу привязывать людей, дабы потом никому из нас не было больно…

Кстати, знаешь, как говорил Наполеон?

«Самоубийство — это трусость. Англичане нередко кончают с собой. Это болезнь, вызванная влажным климатом».

Не хочу ничего этим сказать, но… Посмотрим насколько дождлива для меня будет зима и весна в Сиэтле…

29 января 2007 года».

В небольшом доме на втором этаже, в своей спальне, на резной кровати с вензелями, выструганной из цельного куска дуба, спал молодой белый мужчина довольно приятной наружности. Его разбудил звонок стационарного телефона, пронзив треском ночную тишину.

— Да… Слушаю… — ответил он заспанным голосом, подняв трубку.

— Лео, у меня, сука-бля, проблемы, — ответил собеседник по имени Том.

— Который час, Том?

— Три, сука-бля, ночи? Четыре? Я не знаю… — механически ответил Харди.

— Ладно, что происходит? Ты несколько месяцев не брал от меня трубки, не выходил на связь. А теперь звонишь мне глубокой ночью… Что стряслось, Том? — прищурился ДиКаприо, присев в кровати и в нетерпении затеребив балдахин.

— Я прошерстил все базы… Его нигде нет. Я не могу его, сука-бля, найти! — заорал Харди, а на том конце провода послышался звук разбивающегося компьютера.

— Стоп, подожди! Ты ищешь Джейка? — хлеще прежнего прищурился ДиКаприо.

— Да, сука-бля! Мне срочно нужно найти его! Мне есть, что сказать! Да, может быть мы были не правы оба, но все же я нахуевертил похлеще жиденка! Я просто хочу позвонить ему и попросить прощения! — срывающимся голосом говорил Том. — Понимаешь, я так больше, сука-бля, не могу!

— Успокойся, Том, я прошу тебя! Расслабься и глубоко подыши! Просто сделай это!

На том конце провода послышалось тяжелое механическое дыхание.

— А теперь слушай меня, — сказал Леонардо. — Оставь брата в покое. Дай ему успокоиться. Я думаю, он сам даст о себе знать. Джейк — он такой. Тебе нужно переждать. Может это займет много времени — год, два. Но он свяжется с тобой сам! Ты же, ежели будешь стараться связаться с ним, поналомаешь еще больших дров! Уж я-то знаю тебя!

Повисла неловкая телефонная пауза.

— Том? Ты еще тут? — спустя минуту спросил ДиКаприо.

— Ну я понял… Понял… — отозвался Харди. — Знаешь, я тут искал Джейка в

базе суицидников и наткнулся на кое-что интересное… Как думаешь, Курт Кобейн и правда застрелил себя из двустволки? Это вообще реально? Может мне стоит уважить его и перенести в базу убитых?

— К чему этот вопрос? — засуетился Лео, поднимаясь с кровати.

— Просто наткнулся и стало, сука-бля, интересно… — промямлил Харди. — Ладно, извини, что разбудил… — сказал он и сбросил звонок.

— Алло! Том? Том! — закричал ДиКаприо. — Сука! — откинул он телефонную трубку и ринулся к выходу из спальни. — Немедленно снарядите мне машину! Мы едем в Сиэтл! Сейчас же! — приказал он своим подчиненным нигерам, распахнув дверь.

Капитан Том Хэнкс сидел в своем кабинете, а на коленях у него устроился Колин с повязанным на шею слюнявчиком.

— Ну давай, ложечку за Кента, — протянул Хэнкс, и Колин, хоть и поморщился, но послушно открыл рот, куда отец быстро всунул ложку пюрированного супа.

Раздался деликатный, но громкий стук в дверь.

— Какого черта? Обеденный перерыв же! — возмутился капитан, взглянув на часы. — Войдите! — крикнул он, вытерев рот сына пеленкой, которой были устелены его колени.

— Добрый день. Можно? — просунулось в кабинет лицо белого мужчины приятной наружности. — Капитан, у меня разговор. Не против?

— Ээээм… — приподнял бровь Хэнкс, вопросительно уставившись на вошедшего. На нем была повседневная мусорская форма, на нагрудном кармане было вышито: «Департамент полиции Сиэтла. Убойный отдел». — А вы, собственно, кто?

— Ну как? — вскинул кончики бровей мужчина. — Детектив Билли Костиган.

— Костиган? — нахмурился капитан Том. — Не напомните? Колин, иди поиграй, хорошо? — спихнул он сына с колен и спрятал тарелку с детским обедом в ящик стола.

— Капитан, я смотрю, вы заработались, — улыбнулся Билли, под личиной которого скрывался никто иной, как мистер Леонардо ДиКаприо собственной персоной. — Уильям Мэтью Костиган… Младший.

— Ах дааа… Билли… — закивал Том Хэнкс, так ничего и не поняв, но не желая прослыть долбоебом среди подчиненных. — Так чем обязан? И почему беспокоите во время перерыва?

— Ну потому что дело как бы не совсем служебное, — уселся напротив капитана Лео, взял со стола стакан Колина и отхлебнул. — М, клюквенный сок? Люблю клюквенный.

— Ближе к делу, детектив, — жестом предложил начать разговор Хэнкс.

— Дело касается сержанта Харди, — сказал ДиКаприо, достав из-за пазухи бутылку шампанского и два бокала. — У нас же в отделе принято поддерживать сотрудников, попавших в нелегкие ситуации? — наполнил он бокалы «игристым» и пододвинул один капитану.

— Конечно, о чем речь? Благополучие сотрудников для нас в приоритете, — заверил Том.

— Это славно, кэп. В общем, дело такое… — отхлебнул шампанского Лео, причмокнул и откинулся на спинку кресла. — У сержанта Харди определенные проблемы в семье. Это личная история, и я не в праве ее разглашать. Но ситуация патовая. Наш дорогой Том очень тяжело переживает происходящее. Единственная отрада — служба в рядах доблестной полиции Штатов. Если бы не работа… Ох, даже и представить страшно.

— Кошмар… — озабоченно помотал головой Хэнкс. — Ну-ну, продолжайте, Билли.

— Второй нюанс таков: сегодня у сержанта день рождения, — развел ладонями Лео. — Двадцать четыре года парню, самое время веселиться на всю катушку, а он только и думает, что о своих проблемах. Ничем его не отвлечь.

— Ох, понимаю, — сочувственно опустил уголки губ капитан. — У меня в его возрасте родился Колин, и когда все мои друзья прожигали молодость, я с головой погрузился в пеленки и молочные смеси. Мать Колина ведь отказалась от него через полгода после рождения, заявив, что ей не нужна такая обуза. Вот скажи мне, Билли, разве Колин — обуза?

— Конечно, нет, кэп, — бросил ДиКаприо взгляд на Хэнкса-младшего, размазывающего дерьмо по папкам с личными делами полицейских. — Не ребенок — чудо! Но речь-то не о вас, Том. То дела давно минувших дней. Сейчас на повестке дня судьба сержанта Харди.

— Так о чем речь? Чем департамент может помочь? Финансово? Или может направить сержанта к нашему штатному психологу? — накидывал варианты капитан, подливая себе в рот шампанского из бутылки.

— Нет, что вы! — отмахнулся Лео. — Финансы тут не помогут, да и у Харди они водятся без того. Ну, а психолог? Я вас умоляю, Том! — расплылся он в улыбке, подняв бокал за себя.

— Тогда выкладывайте ваши варианты, — предложил Хэнкс, стукнувшись бутылкой с Лео.

— В общем, я думаю, что сержанту нужна некая встряска. Зарываться от проблем в работе это, конечно, хорошо. Но это все не то! Понимаете, капитан? Нужно что-то веселое и отвязное. Вы же согласны?

— Конкретику прошу, — поторопил его Том жестом ладони.

— Устроим вечеринку. Выведем парня в свет. Приятная компания друзей, алкоголь, цыпочки, — пояснял за план Лео, загибая пальцы.

— Цыпочки? Колин, закрой уши, — приказал Хэнкс сыну, тот повиновался. — Шлюхи что ли?

— Ну почему сразу шлюхи? Стриптизерши! — хлопнул в ладоши Лео. — Что может быть более позитивным и отвлекающим от бренности бытия, чем море разнокалиберных сисек в блестках. М? Согласны?

— Есть в этом здравый смысл, — призадумался капитан, подняв взгляд к потолку. — Так в чем вопрос? Возьмите да и сводите его, детектив. Вы, я смотрю, неплохо дружите с сержантом, раз знаете столько подробностей о его жизни.

— Нет, так не пойдет! — выставил ладони вперед ДиКаприо, наркоторговец по своей сути, лекарь человеческих душ по призванию, Билли Костиган же с виду. — Нужна большая компания.

— Билли, господи! Вы можете говорить яснее? Что от меня требуется? — вскинул руки нетерпеливый капитан.

— Присутствие, ну и разрешение на эдакий внеплановый корпоратив, — объяснил Лео, состроив брови домиком. — Я уже все продумал. Поговорю с парнями, мы сами все организуем, уговорим на сию авантюру сержанта…

— Делайте! — перебил Хэнкс. — Вы молодец, Билли, раз так печетесь о сослуживцах. Похвально! Может, даже заслуживает повышения. Сержант Костиган? Как вам?

— Обойдусь детективом, Том, — звонко подмигнул Лео, улыбнувшись уголком губ и поднявшись с места. — Девять вечера, стрип-клуб «Вишенка и Черешенка», — попятился он к выходу и юркнул за дверь.

Том Хэнкс пожал плечами, затем перевел взгляд на сына и предложил ему убрать ладони от ушей.

— Колин, не хочешь остаться сегодня с твоей тетушкой Мейбл? — с надеждой посмотрев, заговорил капитан.

— Неть! — воскликнул мужчина, с психом бросив в отца горшком. — Она мне не нравится! Она не разрешает мне спать на ручках!

— Лааадно, понял… — подкатил глаза капитан и одним глотком осушил бутылку шампанского.

Глава 88: Феникс

Том Харди раскручивался туда-сюда на офисном кресле за рабочим столом в своем кабинете, откинув голову на спинку и бездумно глядя перед собой. Сегодня был особенный для него день. И совсем не потому, что это был день его рождения — этот праздник он по-прежнему не признавал. Сегодня Том задумал кое-что совершенно исключительное. И на сей раз он был уверен, как никогда. А то, что именно в этот день он родился, делало задуманное еще более ироничным. Несмотря на то, что однажды, много лет назад, он уже пытался сделать то же самое, в тот же день 15 апреля, сегодня Харди твердо решил довести дело до конца.

Том остановился, тормознув берцем об пол, и, взявшись за край стола, придвинулся к рабочему месту.

— Так… Что тут у нас… — задумчиво протянул он и начал раскладывать разбросанные тут и там бумаги по папкам с уголовным делами.

Собрав все в аккуратную стопку и наклеив на каждую папку отметку о статусе дела, сержант закурил и провел ладонью по столу. Затем отцепил с груди значок, вынул табельную «беретту» из кобуры и положил на стопку с делами.

— Ну, вроде все, сука-бля, — пробормотал Том под нос, состроив печальный фирменный еблет.

Он достал из верхнего ящика лист бумаги и искусанный карандаш и написал убористым почерком:

«Спейс-Нидл — символ Сиэтла. Символ моей свободы. Высота — 184 метра. Достаточно, чтобы…»

Не успел он закончить мысль, как дверь кабинета распахнулась, и внутрь ввалился…

— Кент? — приподнял шрамированную бровь Харди, суетливо скомкав листок.

— Что за вопросы? Конечно, я, — ответил Чарли, а его в спину подтолкнул еще один полицейский. Следом в кабинет посыпались один за другим дюжина мусоров — все в парадных формах и праздных колпаках поверх фуражек.

— Что за… — охуел Харди, когда коллеги окружив его, покатили кресло, где он восседал, в центр кабинета.

— С днем рождения, братан! — воскликнул Чарли, взяв сержанта двумя руками за бороду. Он наклонился, прислонившись лбом ко лбу Тома, и дружески похлопал его по щекам.

К слову, за те полгода, что прошли после ссоры с Джейком, сержант до такой степени погрузился в самобичевание и положил на себя хуй, что забил на бритье не только головы, но и ебала. Потому оброс за это время до неузнаваемости, став похожим на обдроченного бомжа из зассатой подворотни. Ни от брутальности, ни от смазливости не осталось и следа.

— Что за шляпа, Чарли? — отпихнул Том напарника и попытался встать, но тут же был с силой усажен на место двумя парами мусорских рук.

— Билли устроил для тебя бомбический сюрприз! Но я ничего не скажу! На то он сюрприз! — захлопал в ладоши Кент, умудрившийся ни разу не подкатить глаза и не цокнуть. Еще бы! Ведь такого рода мероприятия были по душе мистеру Хэннэму, в отличие от просиживания ментовских брюк на рабочем месте.

— Какой нахуй Билли? Какой, сука-бля, сюрприз? — опешил Том, хлопая глазами и не понимая нихуя.

— Ни слова больше! — закрыл ему рот рукой Чарли и всучил бокал шампанского. — До дна! — убрал он ладонь, а другой рукой подтолкнул бокал к

губам именинника, заставив выпить.

Сержант поперхнулся «игристым» и закашлялся. Один из сослуживцев что было сил крутанул кресло, закружив Тома в денрожденном вихре, отчего толпа мусоров перед глазами Харди слилась в сплошные полосы.

Остановившись и сфокусировав взгляд, Харди уставился на происходящее, охуевая с каждой секундой все хлеще.

— Музыку! — скомандовал Хэннэм, щелкнув пальцами.

Один из парней водрузил на плечо бумбокс и нажал на кнопку воспроизведения.

— Кайли, дай мне… Кайли, дай мне, — запел из колонок румын, солист группы Akcent, свой хит «Kylie».

— Ну приступим! — решительно кивнул Кент, а какой-то юный патрульный достал чемоданчик и открыл его перед лицом до беспредела растерянного Харди. — К чертям это дерьмо собачье, Фрэнк! — потрепал Чарли по и без того растрепанной прическе напарника.

— Детка, ты растопила мое сердце, клянусь, я не лгу, — продолжал бодрящие песнопения румын из бумбокса.

Фрэнк достал из чемоданчика пену для бритья и помазок и начал намазывать обескураженное ебало Тома. Второй коп, на стальной бляшке которого значилось, что его зовут Майк, накинул на Харди парикмахерский пеньюар и извлек из нагрудного кармана ножницы и расческу.

— Сегодня вечером я, может быть, попытаю счастье, — не унимался румын.

— Ну, за тебя, дружище? — обновил бокал Чарли, подсыпав туда какого-то порошка, и влил в рот сержанту.

— Что это, сука-бля? — прохрипел Том, проглотив сомнительное пойло.

— Спиды! Билли угостил! — радостно пояснил за наркотик Хэннэм.
— Давайте, парни, ускоряемся! — подбодрил он мусоров, которые колдовали над Харди.

— Я вижу, ты хочешь меня. Я мечтаю о тебе каждую ночь… Каждую ночь… — веселился голос из бумбокса. — Кайли, дай мне только один шанс…

Фрэнк тщательно сбривал нелепую бороду, а Майк усердно начесывал волосы на голове сержанта.

— Ты сводишь меня с ума, ты постепенно сводишь меня с ума, — уже по пятому кругу голосил неугомонный румын.

— Хм… Недурно, недурно… — спустя десять минут, оценивающе осмотрел друга Кент, почесывая подбородок.

— Я думаю о тебе, детка, я не могу выбросить тебя из головы, — подпели румыну все мусора в кабинете, одобрительно закачав лысыми головами.

— Готово! — воскликнул Майк, сделав завершающий мазок бриолина.

— Мне везет, мне так везет, мне везет, ведь сегодня я пересплю с тобой! — верещал румын, восторгаясь результатом.

Два детектива подняли сержанта под руки и поставили перед зеркалом, которое держали еще два полицейских.

Взглянув на отражение, Том не то что охуел — ебанулся. Мало того, что ебало было не на шутку выбрито и, кажется, даже припудрено, так еще и Майк соорудил из растрепанных волос ебейшую прическу, уложенную пышной элегантной волной и намертво зафиксированную бриолином.

Но не успел Харди вымолвить и слова, как перед ним предстал пухлый усатый детектив, держащий в руках вешалку с парадной формой — не на шутку наутюженной и обвешанной орденами и аксельбантами.

Том открыл было рот для возмущений, но Чарли заткнул его очередной порцией шампанского со спидами. Воспользовавшись моментом, менты, которые и сами пригостились подгоном от некоего Билли, стянули с сержанта повседневную форму и облачили его в праздный костюм, не забыв прикрепить к

груди значок. В тот же миг Харди превратился из непромытого депрессивного дегенерата в элитную полицейскую шлюшку, при виде которой все девчонки скинули бы с себя свои блядские трусики.

— Кайли, дай мне… — подытожил румын из бумбокса, подняв настроение всем мусорам, за исключением одного лишь Тома, который от всех манипуляций превратился в нарядную сову, бьющуюся в агонии сорвавшегося суицида.

Менты подхватили сержанта и, подкидывая его к потолку, потащили прочь из участка. У входа уже ждал кортеж полицейских тачек, завывающих сиренами на весь Сиэтл. Тома погрузили в одну из машин, все остальные также расселись по местам, и мусорская процессия двинулась навстречу приключениям.

— Да что, сука-бля, происходит? — в очередной раз спросил Харди, когда ментовские седаны остановились. — Где мы? Хули вам надо, шмаровозы?

— Слишком много вопросов, — ухмыльнулся Чарли, вылез из машины и открыл другу дверь.

— Вишенка и черешенка? — прочитал сержант вывеску над входом.
— Вишенка, сука-бля, и черешенка? Это что — стрип-клуб? — состроив возмутительное ебало, указал Том на неоновую вывеску в виде голой девки, интимные места которой прикрывали красные ягодки.

— Да! — торжественно хлопнул в ладоши Кент и, схватив Харди за рукав, потащил в клуб. Все остальные менты двинулись за ними.

Внутри играла не слишком громкая музыка. Приглушенный свет мигал розово-красным, а под потолком крутился стробоскоп. На шестах тут и там крутились полуголые длинноногие девицы и мускулистые парни. Воскресным вечером посетителей было не очень много. В основном одинокие непрезентабельные мужики-завсегдатаи и несколько женщин бальзаковского возраста, пришедших посмотреть на молодые тела.

Кент усадил сержанта за один из столиков, который уже ломился от выпивки и закусок.

— Билли — красавчик! Организовал все по высшему разряду, — закивал Чарли, плюхнувшись на диванчик рядом с другом.

— Да кто такой Билли кто-нибудь мне, сука-бля, объяснит? — непонимающе развел ладонями Том.

— Ну вот и приехали, сержант Харди! Не знаем собственных коллег?
— подошел к столику Том Хэнкс, на плечах которого висел эргорюкзак, где дремал Колин. — Билли Костиган, детектив нашего отдела. Кстати, и впрямь, где он?

Мусора незадачливо стали оглядываться и чесать затылки в поисках загадочного Билли.

— Ладно, все это неважно! — отмахнулся Хэннэм, наполняя рюмки водкой.
— Главный у нас сегодня вовсе не старина Билли, а наш дорогой дружище сержант Том! Так что выпьем за тебя, братан!

Парни махом осушили рюмки, Харди же помог это сделать Кент, взяв его за щеки и влив водочку тонкой струйкой в пухлый рот. Все уселись за стол, и началась пьянка. Том же продолжал нихуя не понимать, бестолково озираясь по сторонам. Что он тут забыл? Ведь у него были совсем иные планы на этот вечер! Но, очевидно, никто не даст ему так просто покинуть сей праздник. Поэтому Харди решил безучастно дождаться, когда сослуживцы надерутся до беспамятства и положат на именинника хуй. А до этого Том просто тихо посидит в сторонке, попьет водочку, пока похотливые менты будут рассматривать сиськи и жопы танцовщиц, да спускать им в трусы те несчастные гроши, что платит им государство.

Харди закурил и уставился на сцену, погрузившуюся в мрак. Вдруг заиграла эпическая музыка, и на сцену упал луч прожектора. Из-за бархатной кулисы

показался огромный муляжный молот, а следом за ним эффектно выпрыгнул блондин. Длинные волосы были заплетены в небрежные косы по бокам, торс обтянут в фольгированную броню. На спине красовался алый плащ, а кожаные штаны были заправлены в высокие сапоги.

— Дамы и господа! Шоу начинается! — провозгласил он, поправив на голове бутафорский шлем с крыльями по бокам. Блондин что есть мочи раскрутил молот и начал танцевать, неоднозначно двигая бедрами.

— Ебать… — протянул Харди, глядя на Тора-стриптизера.

— Ну что, Том, уже приметил какую-нибудь красотку? — приобнял его за плечи Чарли одной рукой, второй — обвел зал, как бы предлагая выбрать одну из девиц.

— Пожалуй, сука-бля, воздержусь, — выставил ладонь вперед сержант, сунув в рот дольку лимона.

— Как тебе вон та? — не унимался Кент, махнув головой в сторону пышногрудой брюнетки, танцующей на барной стойке. — Может вон та? — указал он на азиатку на шесте, когда Том отверг первый вариант.

Харди бросил взгляд на узкоглазую девицу в трусах-кимоно и скривился в гримасе брезгливости.

— Что ты, говна что ли обожрался? — пихнул его кулаком в плечо Кент и встал из-за стола. — Я тебе, долбоеб, сразу говорю: без привата ты сегодня отсюда не уйдешь! — ткнул он пальцем в нос сержанту и двинулся вглубь зала.

Харди показал ему вслед «фак», подкатив глаза и откинувшись на спинку дивана. Да как его угораздило вляпаться в подобное дерьмо? Надо было сразу ехать на Спейс-Нидл! Нахуя же он поперся в участок? К чему были эти символичные понты со сдачей значка и оружия? Забрали бы посмертно, отскребая с асфальта вместе с телом, размазанным в лепешку. Но что уж теперь говорить, остается лишь ждать, когда все это закончится, и тогда Том сможет отправиться навстречу свободе.

Мусора постепенно уходили из-за стола, рассредоточиваясь по залу — каждый в поиске танцовщицы на свой вкус. Вскоре сержанта покинул и капитан Хэнкс, договорившись с владельцем стрип-клуба Гошей Куценко, что тот присмотрит за спящим Колином. Харди остался в гордом одиночестве, но уйти под шумок не спешил. Он залип, шныряя растерянным взглядом по залу. Блондин-стриптизер все продолжал танцевать, вытащив на сцену какую-то дамочку из зала. Он усадил ее на стул и терся всеми частями тела о лицо и грудь, совал ее руку себе в железные стринги, а также не забыл затолкать ей в рот рукоять молота по самый «небалуй».

Том усмехнулся комичности данной ситуации и продолжил рассматривать обстановку и гостей. Вскоре взгляд выцепил среди толпы Кента. Он подошел к кучке стриптизерш у барной стойки. Харди от делать нехуй решил последить за ситуацией. Неужто Чарли хочет, чтобы все девчонки станцевали для него разом? Да у него сроду не хватит денег, чтобы расплатиться сразу с семью стриптизершами! К тому же, зная Чарли, он бы совершенно точно зажал денежку на подобные представления. Тогда что он задумал? Пока непонятно… Надо бы разобраться.

Девки столпились вокруг Чарли, ошеломленно пооткрывав рты и испуганно хлопая глазами. Хэннэм что-то говорил им, с угрозой тыкая каждую в грудь, а потом и вовсе нарочито взялся за кобуру табельного оружия, прищурился и подергал бровями. Девчонки засуетились пуще прежнего, в страхе хватаясь за головы и рьяно жестикулируя. Да что ты задумал, Кент? Хочешь выбить бесплатный приват, пользуясь служебным положением?

— Эй, где твой капитан? — отвлек Тома от созерцания какой-то лысый мужик, подошедший к столику. — Там его сын обосрался и теперь никак не

засыпает…

— Чего, сука-бля? — нахмурился Харди, пытаясь вникнуть в бредни лысого. — А, Хэнкс… — пробежался он глазами по залу и приметил капитана, сидящего на диванчике под какой-то жопастой сучкой, достающей купюры из его форменных брюк. — Вон он… — махнул он рукой, и лысый удалился.

— Вот он главный, — послышался голос Кента.

Харди перевел взгляд с удаляющейся лысины и увидел перед собой Чарли, рядом с которым стояла одна из тех семи стриптизерш. У нее была спортивная аккуратная фигура с очерченными линиями пресса. Небольшую грудь и подтянутую задницу украшал купальник, расшитый красными пайетками. Длинные светлые волосы, завитые в мелкие кудри, были собраны в замысловатую прическу на затылке и спадали на плечи. Обута она была по стриптизерской классике в черные босоножки на до безобразия высоких каблуках и платформе. Лицо было не на шутку размалевано, да так, что без макияжа вряд ли девчонку можно было узнать среди толпы. Ко всему прочему скулы, плечи и сиськи были присыпаны нехилой порцией блесток.

— Решай вопрос с ним, — указал Чарли рукой на Тома и уселся рядом с ним. — Если ты понимаешь, о чем я?

Том приподнял шрамированную бровь, пытаясь вникнуть в суть происходящего, а стриптизерша плюхнулась рядом с ним, нервно накручивая локон на палец.

— Так значит вы тут главный? — спросила она, наклонившись поближе к сержанту.

Тот лишь отстранился и бросил на нее непонимающий взгляд.

— Ну, а я главная среди моей труппы, — затараторила девчонка. — Наш руководитель так мне и сказал: «Эми, ты будешь за главную, как самая старшая». Вооот… Кстати, меня зовут Эми. Клубничная Эми…

— Ээээм… — промычал Том, метая взгляд из стороны в сторону.

— Ну, а вас? — наклонила она голову на бок, ожидая ответа. — Томас… — прочитала она имя со стальной нашивки, не дождавшись от Харди нихуя.

— Ну что, выпьем за знакомство? — влез Чарли, сунув обоим по бокалу шампанского.

— Детектив, я не уверена, что ваш старший хочет со мной говорить, — зашептала Эми, сделав глоток. — Может, мы все же с вами как-то решим вопрос. Давайте я дам номер телефона нашего руководителя, он вам сам все объяснит…

— Нахуй нам это надо? — подкатил глаза Кент, занюхнув дорожку кокаина. — Мы тут власть, Клубничная Эми. И когда творится беззаконие, то вопросы мы решаем сами. Верно ведь, Томас? — пихнул он локтем друга.

Харди лишь неоднозначно выставил ладонь вперед, давая понять, что он не улавливает сути, да к тому же его это мало волнует.

— В общем, слушай, Эми, — приобнял Кент девушку за плечи. — Я вижу, что ты и твоя компания обхуярены какой-то дрянью. Хочешь со своими подругами провести ночь в обезьяннике? Отвезем вас прямо в таком виде, — обвел он ладонью ее прикид. — Уверен, вас там радушно встретят, — подмигнул он и щелкнул Эми по носу. — Слушай, кажется, я уже все объяснил тебе и до этого. Не люблю повторяться. Зачем мы тратим время? Ты же умная девочка? По глазам вижу. Разберись с главным, и никаких проблем не будет. А звонить руководителю точно лишнее. Еще и его под хуй поставишь. Не уверен, что вся эта ваша шаражка законна, — махнул он головой в сторону шестерых девиц, оставшихся у барной стойки.

— Эми, ну ты где пропала? — подскочил вдруг к столику блондин-Тор. — Скоро наш с тобой номер! Не забыла?

— Я знаю, Крис, — процедила Эми, метая нервный взгляд с Чарли на Тома. — Я все знаю. Сейчас улажу один вопрос и все.

Стриптизер подкатил глаза, взмахнул волосами и поспешил обратно на сцену.

— Кент, что за ебала происходит? — притянул к себе Хэннэма сержант. — Можно мне уже пойти домой? Я уебался — пиздос! Вы тут и без меня повеселитесь. Позвоните лучше Билли, нахуй вам я? М?

— Расслабься, приятель, — потрепал его по бриолину Чарли и встал из-за стола. — Клубничная Эми тебя повеселит, — улыбнулся он и пританцовывая удалился.

Харди хлопнул себя по лбу и поднял взгляд на девушку. Та помахала ему рукой и нервно хохотнула.

— Томас, понимаете, ваш детектив — он все не так понял, — положила руку на грудь Эми. — Да, мы с девчонками потребили немножко, но все это не просто так. Крутиться всю ночь у шеста — работа не из легких. Поймите, пожалуйста. Откуда взять столько сил?

— Спиды? — прищурено заглянул Том ей в глаза.

— Угу… — виновато закивала Эми.

— Бывает, — состроил понимающий фирменный еблет сержант. — Ну и, что дальше?

— А что дальше? — подняла взгляд к потолку девушка, нервно ерзая на месте.

— Не знаю, — пожал плечами Харди.

— И я не знаю, — начала кусать она палец, закинув ногу на ногу, да еще и зацепившись стопой одной ноги, за голень другой так, что ноги переплелись в невообразимый напряженный узел.

— Ну думай сама, сука-бля. Я тут при чем? — сунул Том сигарету в рот, мечтая лишь о том, чтобы от него скорее отъебались.

— Хорошооо… — вздохнула Эми. — Я поняла…

Девушка встала, с минуту потопталась на месте, а затем приблизилась к Харди, положив руку ему на плечо. Тот нахмурился и поднял на нее непонимающий взгляд.

— Томас, я вас прошу… — сказала девушка, закачав бедрами в такт музыке. — Мы девушки хорошие, все из благополучных семей. Представьте, как расстроятся наши родители, узнай они обо всем…

— Чего? — пробормотал сержант, оцепенев и отводя глаза в сторону.

— Да, не стоило нам принимать спиды… — бредила Эми, закинув ногу на колено Тому. — Но каждый ведь имеет право на ошибку…

— Угу… — промычал Харди, уставившись на татуировку в виде птицы Феникс на ее голени.

— Ну так может тогда вы, как доблестный служитель полиции, простите нам такую оплошность? — продолжила Эми и, наклонившись и изогнувшись, прильнула грудью прямо к безбожно смазливому ебалу Тому.

Тот не то что дар речи потерял — забыл, как дышать, и уперся затылком в спинку дивана, пытаясь не касаться соблазнительных сисек назойливой девчонки.

— Так что вы думаете об этом, Томас? — прислонилась Эми щекой к его щеке и зашептала на ухо.

У Харди пробежали мурашки по спине, и он наконец выдохнул.

— Кхм… Послушай, Клубничная Эми, — взял Том ее за запястья и убрал руки со своей шеи. — Вот это все… Это совсем не то, что мне нужно… Я не привык, сука-бля, так говорить. Если ты хочешь поговорить, то давай поговорим. Только без вот этого, — покрутил он ладонями вокруг ее сисек.

— Ээээм… — промычала девушка и остановилась, уставившись в глаза сержанту.

— Все это было круто… Но… В общем, вот, держи, — достал он из кармана

форменных брюк сотню баксов, которую, очевидно, подсунул туда Билли.
— Спасибо, конечно, но это не то, чего я сейчас хочу. Без обид, хорошо?

— Хорошо… Я поняла… — промямлила Эми, неуверенно сунув сотню в лифчик. — А что тогда?

— Ну ты, кажется, поговорить хотела, — развел руками Том и вытер с щеки блестки. — Кхм… — заерзал он на месте, делая вид, что поправляет ремень на брюках.

Повисла неловкая пауза. Эми уставилась на сержанта, пытаясь распознать его намеки. Тот же в свою очередь просто пытался скрыть факт того, что хуй опять вышел из-под контроля совсем не в подходящее время.

— Эми, ну какого хуя? — вновь подлетел к столику Тор, держа в руках вешалку с каким-то тряпьем. — Бегом переодевайся! Наш выход через минуту! — начал он пихать девушке в руки некое платье из парчи оливкового цвета, расшитое золотом.

— Крис! Ты не видишь, я разговариваю! — прошипела Эми, отпихнув тряпки. — Дело серьезное! — стала стрелять она глазами в сторону сержанта.

— Но наш номер! — возмутился Крис, подкинув молот к потолку. — Что прикажешь мне делать? Только ты знаешь эту партию!

— Я не знаю, найди еще кого-то, сымпровизируйте, потяните время! Придумай что-то! — замахала она рукой в сторону сцены. — Я постараюсь скоро управиться!

Крис зарычал, сжав кулаки, а из глаз, казалось, сейчас начнут вылетать молнии. Эми махнула ладонью еще раз, пытаясь изобразить мимикой и взглядом, чтоб тот проваливал к чертям собачьим, иначе всем им будет не то что пизда — Рагнарек. Наконец тот, злобно скомкав тряпки, удалился.

— Тоже из твоей труппы петушара? — ухмыльнулся Том, провожая взглядом полуголого Тора.

— Ну да… У нас с ним сейчас должен быть номер, который мы готовили очень давно, — объясняла Эми, водя пальцем по запотевшему бокалу с шампанским. — Он — Тор, а я — мать Тора…

— Чего, сука-бля? — прыснул Харди, выплюнув «игристое» на форменные брюки и отметив для себя, что впервые за последние полгода его что-то смогло рассмешить.

— Номер классный… Крис наверно очень расстроится, если я не смогу станцевать, — вздохнула девушка, взяла со стола салфетку и протянула ее Тому. — Может, уже решим как-то наш вопрос, да я пойду?

— Послушай, Клубничная Эми, тебе от меня что, сука-бля, надо, я не пойму? — выдернул Харди салфетку и принялся вытирать штаны.

— А вам что? — состроила брови домиком девушка.

— Я просто хочу, чтобы… — психанул Харди и отшвырнул салфетку на стол, опрокинув на себя оставшееся в бокале шампанское. — Сука-бля! Я весь мокрый!

— Я поняла… — выдавила Эми и сглотнула. — Ну тогда мне помочь? — указала она на намокшие брюки.

Не успел сержант ничего ответить и даже понять, как девушка осторожно потянулась к пуговице парадных штанов. Она пыталась ее расстегнуть, но пальцы будто не слушались.

— Черт! — пробурчала Эми.

— Что ты делаешь? — охуел хлеще некуда Том, вжавшись в диван. Он замер и, забившись в агонии раздевания, уставился на ее руку.

Наконец Эми удалось справиться с проклятой пуговицей, и следом сразу была расстегнута молния. Том почувствовал, как дрожит ее рука, но тем не менее пальцы осторожно пробрались под резинку форменных парадных трусов.

— Ау… — сдавленно вскрикнул он, почувствовав теплое прикосновение на члене, который вновь успел встать, когда Эми боролась с проклятой пуговицей.

— Ой-ой! Простите! — одернула девушка руку. — Больно?

— Нет… — промямлил Том, задержав дыхание.

— Мм… Ну тогда хорошо… — кивнула Эми и вновь полезла сержанту в штаны. — Такой твердый, — закусила она губу и начала медленно водить рукой вверх-вниз, еще не обхватив, а просто поглаживая.

— Угу… — промычал Том.

Дыхание участилось, а тело стало не подвластно. Какого хуя она делает? Какого хуя он это позволяет? Но помешать ей Харди отчего-то не мог. Сладковатый, чуть терпкий запах шампанского смешался с едва уловимым ароматом клубничного шампуня, и опьянял похлеще всякого наркотика. О, Клубничная Эми…

— Так нормально? — прошептала она, обхватив хуй ладонью.

Сержант кивнул, судорожно вдыхая через рот и вцепившись в обивку дивана.

Эми стала медленно двигать рукой, положив вторую руку Тому на шею и слегка прижавшись к нему грудью. Сил повернуться не было, поэтому он лишь покосил глаза в ее сторону. Рот слегка приоткрыт, взгляд опущен вниз. Он почувствовал, что ее дыхание тоже стало частым и прерывистым, ощущал его тепло на щеке. Эми прислонилась еще сильнее, губы были рядом с его щекой, а короткие ногти слегка впивались в шею. Движения руки стали быстрее и резче. Том глубоко вдохнул и откинул голову, чуть подавшись вперед, навстречу нежной ладони.

— Все хорошо? — тихо пробормотала Эми, едва ощутимо коснувшись губами его скулы и закинув одну ногу ему на колени.

— Ммм… Да… — невнятно промычал Харди, закрыв глаза. — Да…

— Да… — повторила Эми и крепче сжала член.

— Кх… Мм… А… — прерывисто застонал Том и положил ладонь ей на колено.

Девушка прижала свои бедра к его бедру, и он почувствовал, как пайетки ее трусов трутся о ткань мусорских брюк, повторяя движения руки.

— Да… Сука-бля! Да! — прохрипел Харди с силой сжав пальцы на ее ноге.

— Ммм… — тихо простонала она, и горячее дыхание обожгло ему щеку.

Удовольствие волнами стало разноситься от члена по всему телу, сковав движения, оборвав дыхание и, кажется даже, остановив правостороннее сердце. О, Клубничная Эми!

— Сука-бля… — выдохнул Том. Ноги и руки стали ватными, и он будто растекся по дивану, утонув в сладком аромате клубники с шампанским. Эми продолжала прижиматься к нему, но хватку обеих рук, на шее и хуе, ослабила.

Повисла неловкая пауза.

— Ээээм… — растеряно протянула Эми, выдернув руку из брюк сержанта. Она схватила салфетку со стола и стала вытирать ладонь.

— Сука-бля, прости… — засуетился Харди, очухавшись, и стал шарить по карманам в поисках еще чего-нибудь, что помогло бы девушке избавиться от спермы на руке. — Сука! Ебаный в рот! — бурчал он под нос, не находя ничего. Наконец в нагрудном кармане он нашел еще одну сотню долларов и сунул девушке.

— Это что? — приподняла бровь Эми, глядя на скомканную купюру.

— Ну как… Ну это… — мямлил Том, забившись в агонии непонимания нихуя в своей жизни. — Ты же…

— Я поняла… — поджала губы девушка и подняла встревоженный взгляд.

Не успел сержант Том даже нахмуриться, как она схватила его за запястье, встала и неуверенно потянула за собой. Парень, продолжая не понимать, что происходит, покорно встал и поплелся за девушкой, придерживая одной рукой расстегнутые штаны.

— Попался, попался, ты, ты, да, да, — вещал из колонок на всю стрипуху

кавер на песню «Lady Marmalade» в исполнении Лил Ким и ее белых и не очень подруг.

Харди же не слышал вокруг ничего! Сознание сузилось, в голове пульсировало, галопом скакали бредовые мысли. Куда она его ведет? Потрахаться? Точно нет! Тогда куда? Какие-то проблемы с Колином Хэнксом? Или все же потрахаться? Нет, наверное, это все какой-то пранк от некоего Билли! Наверняка, она ведет к нему, где тот устроит денрожденный и нихуя ненужный сюрприз. Или все же первый вариант? Тогда почему он не сопротивляется? Не верит в серьезность сложившейся ситуации?

От подобных мыслей в голову ударило, а перед глазами поплыло. Мигание стробоскопа, блестящие наряды стриптизерш, бухающие там и тут коллеги-мусора — все это казалось Тому нереальным. Он будто находился во сне. Ватные же ноги Харди продолжали жить своей жизнью и упорно плелись за стриптизершей.

Том попытался зацепиться за что-то знакомое, чтобы вернуться в реальность и отрезвить мысли. Вдруг взгляд сфокусировался, остановившись на главной сцене стрип-клуба. Разворачивающееся на ней заставило Харди замереть как вкопанного. Стриптизер Тор плавными движениями пальцев ласкал торс огромного мужика, выкрашенного в зеленую краску. Мгновение, и рот Криса-Тора раскрылся, из него показался язык и потеребил сосок партнера.

— Ебануться… — выпалила Клубничная Эми. — Заменили меня Скалой Джонсоном? Да еще и выкрасили его в Халка? Уму непостижимо…

Том истерично хохотнул от увиденного, пытаясь убедить себя, что все это комичный сон — не более того. Может быть он уже спрыгнул со Спейс-Нидл и лежит мертвый, распластавшись на мокром асфальте? Тогда какого хуя он видит вот это вот все? Какого хуя участвует в этом?

— Идете? — неуверенно потянула его девушка.

Харди неоднозначно покрутил ладонью, пытаясь сказать, что, пожалуй, он останется в зале, но голова предательски кивнула, и ноги вновь продолжили путь.

Он не знал, сколько они шли, но вскоре громкая музыка превратилась в приглушенные басы. Том огляделся по сторонам. Он находился в небольшой комнате, тускло освещенной одной лишь красной лампочкой. По периметру трех стен располагался широкий угловой диванчик, видимо бежевого цвета. Эми робко села и уставилась на охуевающего сержанта.

— Сядете? — нервно похлопала она по диванчику рядом.

Не проронив ни слова, Харди повиновался. Устроившись на уютном замшевом диване, Том уставился перед собой, вслушиваясь в басы доносившийся из зала музыки.

— Попался, попался, ты, ты, он, — доносилось приглушенное пение.

— Кхм, — кашлянула девушка. — Снимите свой камзол?

— Это не камзол, сука-бля, — выпалил Том, снимая парадный полицейский китель и залипнув на красную лампочку.

Китель был брошен на пол. Повисла неловкая пауза.

— А штаны снимите сами? Или мне помочь? — нерешительно поинтересовалась она, нервно потирая вспотевшие ладони.

— Послушай, Клубничная Эми, что ты хочешь от меня? — продолжал не только строить из себя, но и быть дураком Харди, снимая пропитанные шампанским штаны.

Они небрежно полетели к кителю, и в VIP-чиллауте воцарилось до безобразия напряженное молчание.

— Уууф… — тяжело выдохнула стриптизерша и поднялась с диванчика.

Она встала в метре от Тома, на секунду замялась, видимо засомневавшись,

после чего быстрым движением стянула с себя блестявые трусики и вновь выпрямилась в полный рост, замерев.

Взгляд Харди сразу же будто магнитом притянуло к ее промежности. Забившись в агонии знакомства с женскими половыми органами, он почувствовал, как напрягся член, уперевшись в обдроченные форменные трусы. Он будто бы кричал хозяину, чтобы тот немедленно выпустил его и дал вступить в игру! Но Том поспешил поднять взгляд и уставился в глаза Клубничной Эми, пытаясь вступить в визуальный контакт и попросить прекратить сие действо. Но чтобы не пытался сказать глазами Том, на ментальном уровне его подсознание так и зазывало девушку подойти ближе.

Не отрывая взгляда, она приблизилась, оттолкнула Тома на спинку дивана и уселась сверху. В глазах обоих можно было разглядеть неподдельный страх, смущение, охуевание и, конечно же, вожделение. Куда уж тут без него!

Трясущейся рукой, Эми начала одну за одной расстегивать пуговицы на ментовской рубашке. Мгновение, и та полетела в сторону. Визуальный контакт продолжался, а напряжение в комнате все росло и росло. Как и рос член в трусах Тома, что, конечно же, не могла не заметить девушка, в промежность которой он, собственно говоря, и уперся. Воу! Сейчас точно что-то произойдет! Том, может сбежишь? Как тогда сбежал от Глэдис? Почему не делаешь этого? Эй, Томас, ау! Ты вообще здесь? Кажется, мы потеряли его…

— Хочешь провести со мной ночь сегодня? Оу, оу, — слышалось из-за двери. — Хочешь переспать со мной?

Но Том нихуя не обращал внимания на комично вписывающуюся в данную ситуацию песню, ведь, во-первых, фраза была пропета на французском, а этого языка сержант не знал, а, во-вторых, девичья рука схватилась за резинку его трусов и потянула вниз.

Если сказать, что сержант Харди был обескуражен, то это не сказать ничего! Он был готов оказаться сейчас где угодно: в клетке старой бляди Стрип, на краю Спейс-Нидл, да даже в амбаре пышки Глэдис… Был готов, но не хотел. Он ощутил, как ладонь Эми обхватила за основание взбудораженный хуй и приставила к своей щелке. Почувствовав ее тепло и влагу, Том окончательно забыл как дышать и утонул в уже не тонко ощущаемом клубничном аромате, теперь запах приторно ударил в нос, поработив парня без шуток и приколов. Все. Мы точно потеряли его!

Парализованные пальцы сержанта судорожно вцепились в обивку замшевого дивана, в то время, как Клубничная Эми, не отрывая испуганного взгляда от его глаз, медленно стала вводить в себя член. Ее зрачки панически расширились, а дыхание не на шутку сбилось. О, Клубничная Эми, ну же, начинай!

С минуту девушка довольно-таки неопытно пыталась насадиться на хуй. Тому было ебейше узко и неуютно. В голове пронеслась одна лишь мысль — в чем прикол секса, если это довольно некомфортно? Будто пытаешься засунуть трубочку в пластиковую крышечку стакана колы. Может стоит прекратить все это? Спихнуть с себя эту девку и убежать прочь? Но все же по классике трубочка всегда поддается, и ты наслаждаешься любимым напитком. Может стоит немного перетерпеть и тут?

Клубничная Эми прерывисто выдохнула через нос, начав медленные движения, которые позволили члену проходить понемногу все дальше и дальше.

— Блять… — простонала Эми, зажмурившись и разорвав визуальный контакт со своим визави.

Харди же по наитию перевел взгляд на грудь стриптизерши, прикрытую форменным лифчиком. На секунду ему захотелось сорвать его к хуям собачьим и взглянуть на нее воочию, а может быть даже и повторить то, что делал с сосками Халка Тор… Кто знает…

Эми вцепилась в его волосы на затылке одной рукой, второй обвила шею и

максимально прижалась к Тому. Тот почувствовал жар ее тела, ощутил дрожь ее бедер. Губы стриптизерши приблизились к уху. Харди вновь почувствовал тепло ее сбивчивого дыхания, которое теперь прерывалось нежным стоном. Том был везде и нигде, полностью погрузившись в нирвану. О, Клубничная Эми, что же ты творишь!

Бедра девушки извивались, наращивая темп возвратно-поступательных движений, Том же продолжал бездействовать, целиком и полностью отдавшись воле случая и наслаждаясь моментом. Что, дружок, это тебе не рукой самому себе дергать? Верно ведь? Тем не менее, член не мог войти в нее полностью.

Вдруг Эми замерла. Зачем? Почему? Непонятно… О, Клубничная Эми, что случилось? Не обламывай никого!

Благо, тут активизировался Том. Вот ведь неожиданный поворот! Он рефлекторно положил ладони на ее ягодицы, впился в них и продолжил начатое дело. Небольшая заминка. После которой хуй Тома смог проникнуть на всю длину. Харди почувствовал, как головка члена натянулась до предела, окруженная узкой женской плотью. Сука-бля! Как же ему стало охуенно!

Стоны девушки стали куда более громкими, и в них теперь можно было расслышать не только возбуждение, но и нотки напряжения.

Сержант Харди, поддавшись животному инстинкту, наращивал темп с каждой секундой, потеряв счет времени. Послышался хлюпающий звук. Становилось все мокрее и мокрее. Ну же, кончай!

Нехуйственная волна возбуждения накрыла с головой. Он ощутил уже знакомую пульсацию в члене и набрал скорость. Наслаждение достигло пика. «Беретта» выстрелила. Том почувствовал растекающееся по телу блаженство. Сержант утробно простонал и уткнулся в сисечки Клубничной Эми, безбожно перепачкав еблет блестками. Напряженное тремя минутами ранее тело расслабилось, лишь правостороннее сердце продолжало неистово стучать, восстанавливая ритм. Сам же парень провалился в небытие.

Так и лишился девственности.

— Эй, Томас, — аккуратно потормошила его за плечи Эми. — Отпустите, пожалуйста.

Харди поднял на нее отстраненный взгляд, и в то же мгновение вновь напрягся, поняв, что сейчас случилось. Боже, что ж он натворил?! Он же не извлек член из влагалища! Уап-уап-уап-уааап! Ну все, пизда тебе, Томас! Готовь денежку на аборт, либо зови даму под венец да мчи с ней в свое фамильное поместье. Как думаешь, Клубничная Эми украсит родословную семьи Харди? Думается, твой прадед-кладовщик точно бы отмудохал тебя тростью за подобный выбор пассии! Запомни, Том, ебля еблей, а последствия могут быть нихуя не беззаботными!

— Сука-бля… Прости… — ляпнул хуйню Том, поспешив убрать руки с ягодиц девушки.

— Ээээм… Да ничего… Бывает, — замялась та, медленно встав с парня. — Не беспокойтесь, все под контролем. Волноваться не о чем. У меня послезавтра месячные, — порола она хуйню, подняв с пола сигареты сержанта, трясущейся рукой извлекла одну и засунула в рот.

— Точно? Сука-бля, точно? — решил удостовериться Том, натянув боксеры.

— Конечно, Томас, — ляпнула Эми, которую сейчас, кажется, волновало абсолютно не это.

— И все же, сука-бля, что ты хотела от меня? — решил перевести неловкую тему Том, вытащив сигарету и подкурив сначала девушке, а потом и себе. Хоть парень все еще охуевал от происходящего, тем не менее физическое расслабление немного успокоило и его разум.

— Что я хотела? Чтобы вы меня и мою труппу не забрали в участок и не

обвинили в употреблении наркотиков. Зачем нам с девочками нужны были эти проблемы?

— С чего бы, сука-бля, мне нужно было делать? — нахмурился Харди.

— Ваш детектив так сказал, — пожала плечами Эми. — Он сказал, что если кто-то из нас не обслужит главного, то бишь вас, по достоинству, то все мы отправимся топтать зону, — тяжело выдохнула она.

— И ты поверила? — усмехнулся Том, выпустив дым из носа. — Послушай, мы из убойного отдела, нахуя нам этим заниматься? Вот если бы ты кого-то убила, Клубничная, сука-бля, Эми, тогда ладно, другой вопрос. Но что мне до того, что вы обдолбаны? Да все мои подчиненные сегодня обдолбаны, что ж мне их тоже нужно отправить за решетку?

— Ну детектив так сказал, — продолжила гнуть свою линию стриптизерша. — Он был очень убедителен. Показывал девочкам оружие, говорил, что они и до участка не доедут — он застрелит всех! И ему от этого ничего не будет, ибо его мать — судья, а отец — прокурор. Как думаете, Томас, это было не убедительно?

— Слушай, во-первых, хватит называть меня на «вы», договорились? Я смотрю, мы с тобой примерно ровесники. Мне двадцать четыре, тебе примерно тоже. К чему эти формальности? Давай на «ты» и Том, хорошо, сука-бля? — бредил Харди, посмотрев на девушку. Та коротко кивнула. — Во-вторых, сука-бля, я уже сказал — никто и ничего бы вам не сделал. Как не сделает и сейчас. Все в порядке. Забей на это хуй. Ну, а, в-третьих… — замялся он. — Так все это ты сделала, чтобы не присесть? — задал он до безобразия неловкий вопрос, обведя ладонью VIP-ку. Непонятно, на что он рассчитывал в этот момент, но слово не воробей, вылетит — не поймешь.

— Ээээм… Ну да… Наверное… Или нет… Не знаю! — вспылила она, откинувшись на спинку дивана и поджав к груди ноги, согнутые в коленях.

Повисла неловкая раздражительная пауза.

— Блять, чувак, понимаешь, за последние полгода со мной произошло стоооолько дерьма, что я уже и сама не ведаю, что творю, — затянулась девушка.

— Ну да, сука-бля, в стриптизерши явно идут не из лучшей жизни, — решил поддержать беседу Харди. — Проблемы в семье, нехватка денег…

— Что? Нет! Причем тут вообще это? — возмутилась она. — Да будет тебе известно — моя семья ебейше богата и влиятельна! Счета отца ломятся от миллионов, я живу в невъебенно охуенном доме, у меня есть все, о чем только можно мечтать девушка моего возраста! Ну, в материальном плане, конечно.

— А в чем же тогда, сука-бля, проблема? — нахмурился Том, не поверив в бредни девушки.

— В чем-чем… Вот скажи, тебя когда-нибудь предавал самый близкий человек? Нет? А вот меня предали! Моя сестра отняла у меня смысл жизни. Все, к чему я стремилась, на чем было построено будущее, она сломала в одночасье. Я понимаю, что она сделала это не со зла, хотела спасти меня… Но я все равно не согласна с ней. Я считаю, что не стоило ей во все это лезть!

Том же Харди слушал этот душераздирающий монолог, бьясь в агонии послеебловой болтовни. Он не раз слышал, что девочки любят поболтать после секса, но чтоб кто-то начал изливать душу — это что-то новенькое! Безусловно, Том хотел выведать подробности, ведь история нехило его заинтересовала, но понял, что девушка не особо и хочет развозить эту тему. Посему решил не лезть в личное.

— Все очень хуево, так? — решил показаться милым он.

— Блять, понимаешь… Да… Все очень хуево… — призналась Эми. — Не могу я так жить. Я каждый божий день делаю вид, что у меня все хорошо. Простила сестру. Веду себя как ни в чем не бывало. Понимаешь, в своей семье никто и не знает, что я работаю стриптизершей. Я вру, что занимаюсь танцами, а не вот этим вот всем!

— А нахуя пиздишь? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Ну что значит нахуя? Если дома узнают, чем я на самом деле занимаюсь… Это будет грандиозный скандал! Деда так вообще инсульт хватит! — продолжала выкладывать свои переживания Эми. — С ранних лет наши родители пытались сделать из меня и сестры, неких таких благородных, блять, девиц. Нас обучили танцевать, обучили верховой езде, — загибала она пальцы. — И еще всякой никому не нужной в современном мире ерунде! Я даже по-французски лабать могу. Но скажи мне, Том, разве вот это все мне как-то помогло, когда жизнь в одночасье рухнула?!

Харди лишь неоднозначно пожал плечами, не понимая, нахуя ж она все это чешет. Но девочку отчего-то было жалко. Что, дружок, разглядел в ее судьбе чем-то похожую с тобой жизненную параллель?

— И что самое обидное, все члены моей семьи видят, что мне вроде как норм, да и тоже себя ведут также! И никто не видит, никто не знает, что творится внутри! Никто меня не понимает! А последней каплей стало случившееся несколько дней назад!

— Что, сука-бля, произошло? — поинтересовался Том и понял, что тут явно не обойтись без выпивки. Он перегнулся через боковину диванчика и увидел ящик шампанского, который здесь совершенно случайно оставил небезызвестный Билли. Харди взял бутылку, открыл ее и протянул девушке.

— На прошлых выходных в районе, где я живу, проходил праздник, — Эми замолчала и отхлебнула «игристого». — День улицы. Так вот. Собралось ебейшее количество народу. Устроили всякие бредовые конкурсы, установили палатки с едой, повесили пиньяту, парад провели. Короче — чепуха несусветная. Конечно же меня туда потащила вся моя семья! Да не просто потащила — они заставили веселиться и участвовать во всей этой ерунде! И последней каплей стал конкурс по поеданию хот-догов. Моя сестра как полоумная начала зазывать меня, мол, давай, это же весело. Ну я и пошла. По итогу — выиграл мой старший брат, сожрав пятьдесят два хот-дога, второе место заняла сестра, проглотив за полчаса тридцать семь…

— Ебать, сука-бля, они жрут! — перебил Том, невольно усмехнувшись. — Это вообще реально?

— Поверь мне — реально, — улыбнулась девушка. — Мой брат — кусок жира, я думаю в него бы еще штук пятьдесят хот-догов влезло! А у сестры не знаю, что за прикол. Просто ест и не толстеет, — пожала плечами девушка.

— Ну, а ты, Эми, сама сколько съела и какое место заняла? Стоп, сука-бля! Молчи! Дай я сам угадаю? Пять? Нет, нет, нет! Сука-бля, шесть! — состроил он фирменное ебало.

— Шутишь? — пихнула его в плечо девушка. — Я съела два! Тут-то и начался ебучий пиздец! Даже не доев второй, мне стало тааак дурно. Короче, я начала блевать прямо на этом конкурсе. Увидев это, мать чуть сознание не потеряла! И нет, не из-за того, что мне стало плохо, а из-за того, что я публично опозорила честь семьи! Она схватила и поволокла меня домой! Она начала рыдать, отчитывать меня и всякое такое…

— Вот ведь блядь какая, — высказал экспертное мнение Харди.

— И не говори… Это и стало последней каплей. Я поняла, что в принципе, всем поебать на меня, а важно лишь то, что скажут обо мне люди. Нет, к сестре, это не относится, но все же не стоит забывать тот факт, что она переломила мою жизнь на «до» и «после». Хоть и не со зла, но все же не стоит забывать это! Тут я и вспылила! Ушла из дома, отключила телефон и все. Так и живу уже пару дней. Они и знать не знают ни где я, ни что со мной… — развела она ладони в стороны. — Впрочем, не думаю, что кому-то до этого есть дело.

— Знаешь, а вот тут ты не права. Я, конечно, не знаю твою семью, но все же, не думаю, что они прям конченые уебки, — без шуток и приколов сказал

сержант. — Понимаешь, Эми, насколько бы не были мудаками члены твоей семьи, уверен, что они переживают за тебя. Наверняка, уже накрутили себя из-за твоего исчезновения. Может стоит вернуться домой? Мм?

Эми нахмуренно уставилась на него и протянула бутылку шампанского.

— Понимаешь, был у меня один человек, — сказал Том, хлебанув добрую порцию «игристого». — Я тоже вечно визжал, что он меня не понимает. Уехал от него, обманывал, придумывал бредовые истории, что работаю в какой-то дизайнерской шараге. Сам же занимался хуй пойми чем… А потом в один день его просто не стало… Сейчас, сука-бля, я бы хотел попросить прощения за то, что устраивал перед ним истерики, брехал… Но он умер, и мне не сказать ему этих слов. Никогда, сука-бля, — замолчал он, вспомнив лицо своего отца, и вновь присосался к бутылке.

В комнате повисла грустная мудрая пауза.

— Спасибо, что выслушал меня, Том, — благодарно улыбнулась Эми. — Я еще ни с кем не разговаривала на эту тему. Никому не признавалась, что творится со мной. Знаешь, вот тебе рассказала, и стало как-то легче. Правда, спасибо, — положила она ладонь на его плечо.

Том смущенно улыбнулся в ответ. И тут в голове мелькнула мысль. А ведь он и сам уже давно хотел с кем-то поговорить, выплеснуть все то, что накопилось на душе. Может стоит рассказать ей? Она бы поняла и выслушала, почему-то в этом он не сомневался. Но сомневался в другом — их откровенный диалог мало-помалу, но начал сближать. А вылей сейчас все свои переживания и Харди, то все — пиши пропало! Девочка-то может и не привяжется, а вот сам Том — наверняка! У него уже было подобное с Леонидом Батлером, хоть и без секса.

— Да, сука-бля, не за что, всегда готов выслушать, — ляпнул он хуйню. — Эми… — похлопал он девушку по плечу.

— Блять, ноги ужасно устали, — сняла блядские босоножки Эми, пошевелив пальцами на ступнях. Ей очень захотелось вытянуть ноги и, абсолютно не задумываясь, она положила их на колени Тому.

— Аааам… — замялся тот, забившись в агонии женского прикосновения.

— Ты против? Если что, то могу…

— Да нет, сука-бля, нормально. Если тебе так удобно, — нелепо оправдывался он, залипнув на ее тонкие лодыжки. Он засуетился и забегал глазами по чиллауту, где и приметил валяющиеся на полу женские трусики. Поняв, что Эми так и не соизволила одеть их обратно, взгляд опять будто магнитом потянуло туда, куда смотреть было ебейше неудобно, но интересно! Благо, в глаза бросилась татуировка в виде птицы Феникс, набитая на левой голени девушки. — Есть какой-то посыл? Или просто так ебанула? — указал он пальцем на партак.

— Конечно есть, — подкатила глаза Эми, вновь отхлебнув шампанского. — Феникс — символ возрождения, силы человеческого духа, борьбы с препятствиями и различными трудностями… Но, кажется, для меня это больше неактуально…

— Ну хватит, сука-бля. Откуда тебе знать, что случиться с тобой через час, через два, через неделю? Все обязательно наладится, — достал Том из-за дивана еще бутылку шампанского, с хлопком открыл и ебанул разом примерно половину. — А вообще, красивая татуировка, качественно набита, — порол он пьяную хуйню, повеселев на глазах.

Ох, и с каких это пор ты стал таким позитивным человеком, мистер меланхолик? Что, шампанское нехило дало в голову? Или пограничное расстройство личности дает о себе знать? Больше не смущает вся эта ситуация?

— Хотелось бы в это верить… — не очень-то уверенно поджала губы девушка.

— Слушай, вот ты сказала, что с детства училась верховой езде, и я тут кое-

что вспомнил. Ты ничего, сука-бля, если я спрошу немного некорректный вопрос? — приподнял он шрамированную бровь, решив перевести тему в комичное русло. — Это правда, что в седле невинная девка может лишиться девственности? Ты не подумай, я не издеваюсь, сука-бля. Вот правда интересно стало — миф это или нет.

— Да ты я посмотрю шутник, Том, — засмеялась Эми. — Если честно, то ты меня приятно удивляешь. Ты совсем не такой, какими я себе представляла мусоров.

— Да, сука-бля, ты тоже, Эми, совсем не такая, какой показалась на первый взгляд, — улыбнулся сержант, нахуя-то подмигнув. Сука, прекращай себя вести так с первой встречной! Она тебя через час кинет, и ты впадешь в неконтролируемую депрессию! Угомонись, ступай домой и проспись!

— Блин, ты такой милый парень, вот правда, — забредила уже и пьяная Клубничная Эми, спустила ноги на пол, после чего подлезла к Тому под руку и положила голову на его грудь.

Том не то что охуел — ебанулся! К таким фразам от девушки жизнь его абсолютно не готовила! Ладно, хуй с ней с еблей, с неожиданной потерей девственности, но чтоб дама назвала его милым! Это уже ни в какие ворота не лезло! Забившись в агонии нежности, сержант запустил в ее волосы руку и начал поглаживать. Все! Это настоящий провал! Кажется, Том был ослеплен симпатией, и, кажется, она была вполне себе взаимной. Протри глаза, придурок! Не забывай, где и с кем находишься!

— Ой, что мы все обо мне да обо мне? — подняла голову Эми. — Расскажешь что-то о себе, Том? — погладила она его пальцем по уху.

— Ну… Даже и не знаю… — замялся Том, сунул в рот сигарету и подкурил. — Что, например?

— Хм… Почему решил стать ментом? — накинула вопрос Эми и перехватила сигарету из руки сержанта.

— Ээээм… — поднял взгляд к красной лампочке Харди. — Просто стало интересно, каково это? — неуверенно пожал он плечами. — Ну, вершить там, сука-бля, правосудие… Сажать всяких петушар за решетку… Иметь некую власть над людьми? — забрал он сигарету обратно и нервно затянулся. Говорить о чужой жизни оказалось куда проще, чем о собственной, и он совершенно не был готов к подобным откровенностям. Уж тем более выкладывать Клубничной Эми истинные причины, по которым он отправился служить в органы.

— Ммм… — улыбнулась девушка. — Первый раз так, кхм… Близко… Общаюсь с полицейским. И ты что же — можешь даже зачитать мне мои права?

— Ясен хуй могу, — ухмыльнулся Том.

— Зачитаешь? — игриво прищурилась Эми.

— Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат… — бездумно молол чушь Миранды сержант.

Эми томно вздохнула, приподнялась с диванчика и, перекинув одну ногу через Тома, оседлала его. Воу! Внезапно! Харди замолчал и уставился на нее.

— Продолжайте, сэр, — приподняла она бровь, положив ладонь ему на щеку.

— Ваш адвокат… Может присутствовать… — замямлил Том, почувствовав, как хуя через ткань трусов коснулась теплая влажность ее промежности.

— Ну же… — прошептала Эми.

— Кхм-кхм… Может присутствовать на допросе… — хрипло забормотал сержант, а девушка начала тереться об уже вновь не на шутку взбодрившийся член. — Если вы не можете оплатить…

Эми запустила пальцы в его набриолиненные волосы и взъерошила.

— Мне кажется, так лучше, — улыбнулась она, водя рукой по голове Тома и наводя там творческий беспорядок. — Ты милый…

Правостороннее сердце подскочило в груди, и, кажется, сержант перенес легкий, но такой приятный сердечный приступ. Все мысли, худо-бедно приведенные в порядок во время разговора, вновь спутались и устремились незнамо куда. Том затушил сигарету и больше не отдавал отчета своим действиям, подчиняясь желаниям.

— Ммм? — потянул он ладони к ее груди и спустил бретельки с плеч, как бы спрашивая разрешения снять лишнее.

— Мхм… — согласно промычала Эми.

Харди провел ладонями по ее ребрам, проскользнул пальцами по бугоркам лопаток и нащупал между ними чуть ниже тесемку купальника, завязанную бантиком. Он ухватился за один конец и потянул. Бюстгальтер, зашуршав пайетками, соскользнул и упал ему на колени. Эми отбросила его на пол.

Дыхание Тома участилось, и он невольно облизал губы. Ладони, проделав обратный путь, легли на грудь. Едва касаясь, он поводил пальцами по нежной коже, покрывшейся мурашками. Затем чуть решительней сжал и глубоко втянул воздух носом. Сдавил и чуть потянул соски, ощутив, как те потвердели под его пальцами. Эми запрокинула голову и прогнулась в спине, сильнее прижимаясь к члену.

Еще несколько секунд пожамкав аккуратные сисечки, он опустил руки ей на талию. Он смотрел на плоский живот с очерченными линиями мышц и выступающими косточками внизу, на не слишком широкие бедра, на изящные, немного острые плечи, на ложбинки ключиц и тонкую шею. О, Клубничная Эми, до чего же ты хороша!

Сержант опустил руки на ягодицы и впился пальцами, прижимая девушку к себе еще сильнее. Он сжал губы, будто сдерживая себя, чтобы не укусить ее, и сдавленно промычал.

Эми легонько провела ладонью по рельефу его пресса, по груди, шее и остановилась на щеке, посмотрев ему в глаза, которые были опущены ниже. Девушка приподняла лицо Тома за подбородок, ловя взгляд. Ее вторая рука скользнула вниз и уцепилась за резинку трусов.

— Ммм? — оттянула она ее вниз, как бы спрашивая разрешения избавиться от лишнего.

— Мхм… — согласно промычал Харди.

Эми стянула трусы вниз и сжала член ладонью. Поводив им немного у себя между ног, она чуть приподнялась и немного ввела внутрь. Замерев, она слегка поморщилась. Том ощутил уже знакомое тепло и чувство приятной сдавленности на головке. Он убрал одну руку с ее задницы и взялся за член, помогая проникнуть чуть глубже, но пока не до конца. Запястье коснулось влажных губ, и сержант почувствовал непреодолимое желание исследовать детальнее. Он отпустил хуй и провел пальцами по щелке, чуть надавливая и углубляясь. Когда он нащупал неведомый бугорок, Эми закатила глаза и выдохнула. Заметив ее реакцию и почувствовав, что член сжало сильнее, Том задержался на этом месте, с нажимом поводив по нему круговыми движениями. Эми тихонько застонала и опустилась до конца, впустив хуй в себя полностью, затем стала медленно двигать бедрами взад-вперед. Пожалуй, ему бы хотелось, чтобы она двигалась чуть быстрее. Однако, это сладостное томление было тоже безбожно приятно и позволяло в полную силу ощутить невероятность момента. Позволяло слышать бешеный стук собственного сердца, чувствовать легкую дрожь ее бедер, напряжение внизу живота и как внутри все сжимается. Без остатка раствориться в ее аромате. В ней.

Эми вновь остановилась и подалась вперед, притянув сержанта за щеки на встречу к себе. Ну нет, Клубничная Эми! Только не это! Ты же хочешь поцелуя? О, нет, нет, нет! Он не готов! Совершенно! Категорически! Готов на все, ну почти на все, кроме поцелуя. Хоть умчать с тобой сейчас же на край света. Но

не поцелуй! Матерь Божья, Томми, да что с тобой не так?

На мгновение глаза Харди округлились, когда он понял, чего Эми хочет. Он, в приступе паники и агонии первого поцелуя, наверное, готов был столкнуть ее с себя, лишь бы избежать неминуемого. Но его более разумный член немедленно приказал найти любой другой выход, лишь бы все действо не прекратилось.

— Ам! — игриво рыкнув и клацнув зубами, подался ей навстречу Том.

Эми от неожиданности вздрогнула и рассмеялась. Харди улыбнулся уголком рта, пуще прежнего вцепился в ее задницу и перевернул на спину, оказавшись сверху. Его член же остался вполне доволен находчивостью хозяина и тем, что ему даже не пришлось покинуть пределов Клубничной пизды. Ведь так уютно ему еще не было никогда, потому всяческие заебы его совершенно не волновали.

Губы Эми были по-прежнему в опасной близости. Харди ебаным взглядом посмотрел на них, борясь с желанием впиться. И чтобы хоть куда-то деть свой похотливый пухлый рот, кажется, готовый уже тоже начать раздавать приказы, поцеловал ключицу. Одну руку оставив на ягодице, вторую Том положил на грудь и с силой сжал. Губы мигом устремились туда же, покрывая кожу поцелуями. Вдруг в больной голове Харди всплыл момент с участием стриптизера Тора и Халка-Скалы. Том усмехнулся над комичностью данной ситуации и повторил трюк, проведя языком по соску Эми. Затем переключился на вторую грудь и поводил языком по кругу. Подключил вторую руку и пальцами покрутил оба соска. Все это время он продолжал неспешно двигать бедрами, заставляя Эми легонько постанывать во время каждого толчка. Еще минуту он был не на шутку увлечен миниатюрными упругими сиськами, сжимая, посасывая, а порой даже прикусывая их. Девушка изгибалась под его прикосновениями, впивалась пальцами в спину с каждым нежным укусом и задвигала бедрами в такт его движениям. Он бы хотел наслаждаться ею бесконечно. Ее бархатистая кожа, ставшая чуть липкой, сводила с ума. Ладони Тома сумбурно метались туда-сюда, желая ощупать ее всю, такую упругую, со слегка выступающими косточками, но одновременно юно-мягонькую. Клубничный аромат теперь смешался с естественным запахом ее тела, что кружило голову еще сильней. Он был готов наслаждаться ею бесконечно. Но его тело, разгоряченное и возбужденное уже до предела, заставляло ускоряться, наращивая темп и амплитуду. Харди, продолжая одной рукой ласкать ее, второй уперся ей в макушку, лицом же уткнулся в шею, которую беспорядочно целовал, прикусывал и облизывал. Эми обвила его ногами и руками, прижимая к себе сильнее. Стоны становились все громче, а прикосновения все смелее и дерзче. Том, превратившись в сплошной инстинкт, ускорился еще и уже чувствовал, что близок к финалу. Но прежде чем кончить, он ощутил, как Эми замерла, как все ее тело напряглось, пыльцы впились ему в плечи. Он поднял голову и посмотрел на лицо. Брови нахмурены, глаза зажмурены, губы приоткрыты и немного искривлены. Похоже на гримасу некой боли, но нет, это наслаждение. Ну же, Клубничная Эми, кончай! Она с силой обхватила его ногами, будто пытаясь сжать бедра, и чуть приподняла задницу, прижимаясь к нему плотнее и заставляя остановиться на пару секунд. Сержант повиновался и с похотливым интересом наблюдал за ней. Эми изогнулась, приставила сжатый кулак к губам, прикусила и издала протяжный хриплый стон. Харди почувствовал, как внутри у нее все стало сжиматься короткими судорожными волнами, после чего она обмякла, расслабила бедра и, закатив глаза, выдохнула. Да, Клубничная Эми, да! Мать твою, сука-бля! Возбуждение новой, еще более сильной волной нахлынуло на него, и Том вновь начал движение уже не в силах себя остановить. Всего несколько толчков, сильных, быстрых, резких, и по телу разлилось блаженное тепло. Он, продолжая слегка дергать бедрами, уткнулся носом ей в ухо, слегка прикусив за мочку. Харди обессилено навалился всем весом на Эми и

почувствовал, как не на шутку утомленный член выскользнул из влагалища, сплошь перемазанный в теплую скользкую жижу — смесь его спермы и ее влаги.

Эми легонько погладила его кончиками пальцев по спине. Он, немного переведя дыхание, поднялся с нее и сел рядом. Она продолжала лежать, закрыв глаза ладонями и глупо улыбаясь. Том, глядя на нее, тоже улыбнулся, погладив ее по бедру, наклонившись и поцеловав в живот.

— Ай, щекотно! — взвизгнула она и засмеялась.

Харди откинулся на спинку дивана и потянулся за сигаретами, второй рукой натягивая трусы. Эми поднялась и села рядом.

— А это что за шляпа? — приподняв бровь, посмотрел он на темное пятно на бежевой замше дивана и провел по нему рукой. — Я не понял… Не понял… — нахмурился он, почувствовав, что оно еще влажное, а значит свежее и оставленное ими.

— Эм… — поджала губы Эми, когда Том вопросительно посмотрел на нее.

— Это что, сука-бля, кровь? — недоверчиво спросил он, заподозрив некий развод.

— Ну да… Так бывает, когда… — подняла она взгляд к потолку.

— Ты что… Ты… Девственница? — охуел хлеще некуда сержант, вскочив с дивана.

— Ну да… Вообще-то… Я думала, ты понял, — неуверенно замямлила Эми, поднявшись и начав торопливо искать свои трусики.

— Понял? Как? — взмахнул ладонью Харди, желая получить некие ответы.

— Я не знаю. Откуда мне знать? — нервно затараторила Эми, завязывая лифчик.

— Сука-бля… — протянул Том и плюхнулся на диван, запустив пальцы во взъерошенный волосы. — Что за… Нахуя ты это сделала?

— В смысле? — растерянно похлопала накладными ресницами Эми.

— Сукааа… Первый раз! Это ж пиздец! Зачем? — охуевал сержант, не понимая нихуя.

— Я просто… Просто… — забормотала девушка, пытаясь справиться с застежкой стриптизерской босоножки.

— Сука-бля… Пиздец, — продолжал биться в агонии разрывания девственной плевы Том.

— Мне пора… — выпалила Эми и попятилась к двери.

— Стой! Что? Ты куда? — опомнился Харди и подскочил к ней, схватив за запястье. — Подожди, подожди. Я нихуя не понимаю, — провел он ладонью по своему лицу, зажмурившись и пытаясь вернуть рассудок в реальность.

Повисла неловкая пауза.

— Ладно… Ууух… Сука-бля, — выдохнул Том и посмотрел на Эми, не зная, что принято говорить в подобных ситуациях. — Да сколько тебе лет? Ты же сказала мы ровесники! — выпалил он, замахав ладонью перед ее лицом.

— Я не говорила… — закусила губу девушка, переминаясь с ноги на ногу.

— Так сколько, сука-бля? — дернул он ее за запястье, желая получить ответ.

— Ну… Семнадцать… — прошептала Эми, опустив взгляд в пол.

— ??? — округлил глаза Харди, потеряв дар речи. — Семнадцать, сука-бля? Семнадцать?

— Я… Пожалуй, пойду? — попыталась высвободить руку Эми, но Том не отпускал.

— Сука-бля, подожди, пожалуйста, — притянул Том ее к себе. — Подожди… Дай мне минуту, — он сел на диван и закурил.

Эми продолжала стоять, обхватив себя руками и нервно кусая губы.

— Сука-бля, Эми… Нахуя ты это сделала? — заговорил Харди, крутя сигарету между пальцев. — Это ж, сука-бля, не шутки. И пиздец как важно. Нахуя? С

первым встречным. Да и всего, сука-бля, в семнадцать. Ты же, считай, девочка совсем. О чем ты думала? Точнее, чем, сука-бля? Это ж ебань какая-то!

Он поднял отчаянный взгляд на девушку. Та стояла, поджав губы, в глазах, кажется, поблескивали слезы. Заметив это, сержант понял, что всего его слова конченного моралиста девушка могла воспринять совершенно не так. Он же не считает ее шлюхой! А лишь думает, что ее поступок безрассудный и необдуманный.

— Слушай, прости, я хотел сказать, что… — затараторил он, подорвавшись к ней. — Эээм… Я думаю, что ты… Все в порядке. Ты не… — буробил он незнамо что. — Сука-бля, Эми… Я должен сказать, кое-что, чтобы ты не думала… Для меня это тоже было впервые. Да, мне двадцать четыре. Да, это, может быть, странно. Но это так. Это важно для меня. И все не просто так. Все, что было сегодня. Понимаешь?

Эми лишь молча хлопала ресницами.

— Послушай, может мы с тобой сходим куда-то, так было бы правильней. Знаешь, неподалеку от Сиэтла есть острова Сан-Хуан, оттуда можно отправиться в залив и покормить касаток? Мы могли бы… — почесал затылок Том.

— Я пойду, мне пора… — прошептала Эми, кажется, уже совершенно не слушая. Она сделала шаг назад и украдкой вытерла тыльной стороной ладони слезу, намеревавшуюся скатиться из глаза.

— Пора? Может, тогда я подкину тебя до дома? — шагнул за ней Том, потянувшись рукой к ее талии, но не решившись дотронуться. — Я попрошу кого-то из ребят, мы приехали сюда на служебных тачках…

— Нет! — выпалила Эми, упершись спиной в дверь. — Не надо. Я сама. Все это было…

— Сука-бля, дай хотя бы номер телефона, — взволнованно нахмурился сержант. — Или давай я дам свой, — он бросился впотьмах искать форму, дабы найти бумажку и ручку.

Однако, нашел он лишь скомканную сотню долларов и фломастер. Так и написал убористым почерком.

— Вот, держи, — протянул он купюру девушке, но та не спешила брать. — Возьми, Эми… — судорожно потряс он сотней, чувствуя, как почва ускользает из-под ног и он в мгновении от провала.

Девушка, помешкавшись пару секунд, посмотрела Тому в глаза и, выхватив купюру, нарочито сунула ее в лифчик. Под ее колким взглядом Харди почувствовал, как снова перенес сердечный приступ, и понял, что сейчас она уйдет. Но вдруг глаза Эми вновь смягчились и наполнились грустью. Она шагнула вперед и положила ладонь ему на щеку.

— Прости, я знаю — ты этого не хотел, но… — она осеклась и замерла на мгновение в нерешительности, а затем легонько коснулась губами его губ.

На сей раз ебейший сердечный приступ сковал сердце Харди. Мимолетный поцелуй настолько парализовал и обезоружил, что Том, бестолково хлопая глазами, не в силах был сделать хоть что-то, когда Эми выскочила за дверь.

Простояв так с минуту, сержант поплелся к дивану и плюхнулся на него. Он вновь закурил и сполз вниз, уставившись в потолок. Он не просто не понимал ничего — ебанулся от непонимания. Все мысли переплелись в нераспутываемый клубок.

«Послушай, Том… Послушай… Что все это было? Что произошло? Может стоит пойти за ней? Почему она ушла? Куда? Она сказала, что ты милый, а потом, ты чувствовал, как… — в мыслях Тома всплыл момент пика ее наслаждения, и каким бы неопытным долбоебом он не являлся, все равно был абсолютно уверен, что это было именно то самое. Сердце подскочило в груди, будто он вновь ощутил ее близость. — Это ничего не значит… Кажется, ты

обидел ее. Зачем ты все это ей сказал? Нахуя ты вывалил на нее свои бредовые домыслы? Надо было сразу позвать ее кормить касаток. Ты просто хуеплет, Том! Ну же, беги за ней! Нет, она не пойдет с тобой. Нахуй ей такое хуйло, как ты? Но она сказала, что ты милый. И она поцеловала тебя… — сердце вновь оборвалось, и он облизнул губы, почувствовав вкус клубники. — Зачем она это сделала? А почему ты ее не поцеловал? Она отдала тебе свою невинность, а ты не мог поцеловать? Такой ты шмаровоз… Да как все так вышло? Сука-бля, Клубничная Эми…»

Так он просидел не меньше двух часов, гоняя сумбурные мысли в голове. Порой он проваливался в сон, где видел перед собой ее: тонкую шею, выступающие ключицы, косточки внизу живота, феникса на тонкой голени; ощущал ее горячее дыхание, нежное прикосновение рук, дрожь ее бедер и влажность между ног; слышал ее мягкий голос и сладкие стоны; чувствовал ее запах. Запах и правда остался с ним. Он весь пропах клубникой, шампанским и ей самой. Этот запах и заставлял вздрагивать ото сна, возвращая в реальность, и продолжать бесконечно думать и не понимать ничего.

Вскоре музыка из зала стихла. Том слышал бухие голоса приятелей из убойного отдела, которые, кажется, устроили рамс с персоналом клуба, отказываясь оплачивать счета и угрожая застрелить всех и каждого. Потом умолкли и они, теперь доносились лишь шаги официантов и уборщиков, со звоном собирающих посуду со столов и поднимающих на них стулья.

— Закрываемся, дружище, — заглянула в ВИП-ку лысая голова Гоши Куценко — хозяина клуба, и в комнате стало светло.

Том зажмурился от яркого света, ударившего в глаза. Гоша бросил на него осуждающий взгляд и удалился. Сержант с трудом приоткрыл глаза и осмотрелся. На полу валялись две пустые бутылки из-под шампанского, рядом его форма и две сотенные купюры, которые выпали из купальника Эми. На диване стояла пепельница, возле которой красовалось кровавое пятно. Том болезненно поморщился и стал одеваться.

Он вышел из «Вишенки и Черешенки», обнаружил, что ни одной мусорской тачки уже нет у входа, и пешком поплелся незнамо куда. Через полчаса бестолковой ходьбы Харди понял, что добрался до Спейс-Нидл. Он поднял голову и посмотрел на самую вершину башни. Сто восемьдесят четыре метра. Том нащупал в кармане брюк пачку сигарет и закурил. Глубоко затянулся. Футуристические очертания башни застелило густым облаком дыма. Еще через пару минут, докурив до самого фильтра, Харди выдохнул несколько колечек, отщелкнул бычок и пошел дальше по направлению к дому.

Примечание к части

Значится, дорогой мой друг, это был мой первый опыть написания постельки. И ясен хуй мне вновь интересно твое мнение на сей счёт! Вздрочнул?)

Глава 89: Розыск

— Томми! Где ты шляисси? — встретил Тома в гостиной еврочетырешки взволнованный голос Батлера, как только тот шагнул внутрь. — Ты на часы смотрел?

Сержант молча подошел к раковине, открыл кран с холодной водой и подставил рот к струе, ведь от выпитого шампанского начался нехилый сушняк.

— Где ты был? Что-то на работе стряслось? — продолжал накидывать вопросы Леонид. — Ты не говорил, что задержисси.

Том выключил воду, вытер губы рукавом кителя и хмуро уставился на друга, не понимая, что от него требуется.

— Да что происходит! — взорвался Батлер, вскинув плащ к потолку. — Ты что, пил? — эффектно принюхался бородач, с подозрением оглядывая Тома с ног до головы.

Тот же, продолжая безумно молчать, развернулся и пошел по коридору к своей спальне.

— Да я всю ночь не прикорнул! Обзвонил все больницы… — пустился за ним Леонид, но не успел договорить, как дверь перед его носом захлопнулась.

Том прошел в комнату и ничком рухнул на кровать. Мысли все также продолжали несвязно метаться, а тело напрочь лишилось всяких сил. Пролежав так какое-то время, сверля пустым взглядом потолок, Харди заставил себя подняться и направился в душ. Он залез в ванну, крутанул холодный вентиль и встал под ледяные струи воды, упершись руками в кафельную стену. Это тоже не помогло привести рассудок в порядок, зато немного подбодрило. Тогда сержант вылез и стал вытираться, встав перед зеркалом. Он взглянул на отражение и провел пятерней по голове, зачесав волосы назад. Нахмурился, скривился и взлохматил прическу, небрежно разбросав пряди туда-сюда. Потом вышел из ванной, оделся в гражданский шмот и покинул спальню. В гостиной его вновь встречал Батлер.

— Томми! Да что за делюга! — подорвался он с дивана. — Где ты был и почему молчишь? Ты что-то начудил? Скажи, и я подсоблю!

Харди же сунул ноги в берцы, лег на пол и начал зашнуровывать.

— Куда это ты собралси? — воскликнул Леонид. — Томми! Прекращай немедля! Что это за финтифлюшки такие? Думаешь это весело?

Том поднялся и встал перед другом, бестолково хлопая глазами. Он и рад был бы что-то объяснить. Но вот незадача! Сам не понимал нихуя! Поэтому молча отодвинул Батлера с дороги и вышел из квартиры.

Зашел купить курева и зашагал вперед. Через минут сорок, сам не понял как, оказался перед стрип-клубом. Неоновая девка на вывеске не мигала как ночью и была устало-тусклой в свете пасмурного утра. Харди зашел внутрь — пусто. Хоть клуб и работал круглосуточно, о чем свидетельствовала вывеска у входа, но посетителей в столь ранний час не было. Лишь бармен, уснувший за протиранием стаканов.

— Эй, приятель, — уселся за барную стойку Том. — Плесни, сука-бля, — пихнул он бармена в плечо.

Тот подскочил, разбив стакан, и осоловело уставился на утреннего гостя.

— Виски, двойной, — указал Харди на стеллаж с бутылками.

Через минуту заказ был с недовольством подан, и сержант залпом осушил стакан.

— А что, девочки сегодня будут? — спросил он, махнув головой на пустующие шесты.

— Время восемь утра. Какие девочки? — приподнял бровь бармен,

недоверчиво глядя на Тома и приняв его за извращенца.

— Ну я понял… Понял… — кивнул Том и жестом попросил обновить. — А когда будут?

— После двух. А вечернее шоу начнется в восемь после полудня, — подкатил глаза бармен.

— Что за шоу? С Тором, сука-бля, и Халком? — ненавязчиво выведывал сержант.

— Я позову главного, — скривил рот бармен и удалился, решив, что Том некий пидор-дрочер или вроде того.

— Валяй, — усмехнулся Харди комичности данной ситуации.

— Какие-то проблемы? — вышел из-за бархатной шторы заспанный лысый Гоша Куценко. — Вы кого-то ищете? — уперев руки в бока, недовольно уставился он на сержанта.

— Департамент полиции Сиэтла, убойный отдел, сержант Харди, — достал из кармана скамов жетон Том, дотянулся до бутылки виски, которую незадачливый бармен оставил на стойке, и присосался к горлышку.

Гоша выкатил глаза-шары, округлил рот и поднял руки вверх, как бы давая понять, что он сдается.

— Побазарим, сука-бля? — махнул Том в сторону бархатной шторы. — Пара вопросов имеется.

Куценко нервно закивал и жестом поднятой руки пригласил Харди пройти в его кабинет, попятившись за штору. Том, прихватив бутылку, двинулся за ним.

— Какие-то проблемы, сержант? — дрожащим голосом заговорил Гоша, когда они очутились в кабинете, и стал сгребать со стола в ящик трусы стриптизерш, наркотики и черную бухгалтерию.

— Клубничная Эми, знаешь такую, сука-бля? — уселся на кресло Куценко сержант.

— Она что, мертва? Ее убили? — взвизгнул Гоша, превратившись в лысую сову.

— Ты охуел, шмаровоз? — рявкнул Харди, ударив кулаком по столу. — С хуя ли такие выводы?

— Ну убойный отдел же занимается убийствами… — начал выкладывать свои умозаключения Куценко.

— И при чем тут убойный, сука-бля, отдел? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Ну вы так сказали, — пожал плечами Гоша.

— Ебало завали! Это не при чем, — подвигал челюстью Харди. — Клубничная Эми танцевала тут этой ночью. Так, сука-бля?

Гоша закивал.

— Где она? — продолжал допрос сержант.

Куценко в ответ лишь пожал плечами.

— Пиздеж! Ты директор этой богадельни? — взорвался Том, пнув ногой стол и откатившись на кресле назад.

— Я, да — директор, — подтвердил Гоша.

— И где твоя, сука-бля, девка? Хочешь сказать, не знаешь, где искать шмар, которые тут у тебя пляшут?

— Своих — знаю. Но та, о которой ты говоришь, не моя. Это была гастролирующая труппа, — пояснил за танцы директор.

— Контакты давай, — хлопнул по столу Том.

— У меня нету…

— Контакты, сука-бля! — заорал Харди.

— Да нету у меня!

— Контакты их главного, — чуть спокойней сказал сержант, подвигав желваками.

— Нету!

— Пиздеж! Что ты мне тут, сука-бля, в уши ссышь? М? — поднялся он с кресла и двинулся на обескураженного Гошу. — Хочешь сказать у тебя нет телефонных номеров ни кого из той блядской труппы? Нет? Давай имена тогда! Списки всех шкур! Ну же, сука-бля, не трать мое время!

— Да нету у меня ничего! — отчаянно блеснул лысиной Гоша.

— Пиздееееж, — протянул Том, медленно помотав головой. — А ты знал, что Клубничной Эми всего семнадцать, и при этом она самая старшая среди всех? А? Как думаешь, это законно, что в твоей шараге пляшут голые малолетки?

Куценко испуганно захлопал глазами, после чего рухнул на колени.

— Прошу, только не лишайте меня лицензии! — взмолился он и пополз к сержанту.

— Лицензии, сука-бля? А присесть не хочешь? — ухмыльнулся Том.

— Я присяду, все что угодно, только не лицензии! — продолжал бредить Гоша, ведь страдал шизофренией с малых лет.

— Ты ебло? — приподнял шрамированную бровь Харди. — Ну, сука-бля, лицензии, так лицензии, — состроил он фирменный еблет, достал из кармана мобильник и без шуток и обманов набрал номер Тома Хэнкса. — Здарова, капитан… Да ничего, сойдет. Сам как?.. Понял… Понял… Не, с Колином, сука-бля, не посижу, самому хуевато… Ага… Слушай, тут во вчерашней стрипухе проблемы с лицензией, знал?.. А знал, что директор заставляет крутиться у шеста малолетних девочек?.. Ну так знай, сука-бля… Ага, заеду сегодня за ордером на лишение лицензии… Ну все, давай… Билли? Какой, сука-бля, Билли?.. Ой, капитан, иди проспись, передам я привет твоему обдроченному Билли…

Гоша уже к этому времени вцепился в штанину Харди и бился лбом о его грязный берц.

— Я матерью клянусь, что у меня нет ни имен, ни телефонов! — ныл он. — Я знаю только, что та труппа приехала из Калифорнии. У них гастроли по стране. Они три дня были в Сиэтле, а сегодня уехали отсюда.

Сержант поднял Куценко за шкирку и уставился ему в глаза испытывающим ебливым взглядом.

— Если я, узнаю, что ты солгал… — угрожающе выставил он указательный палец. — Если я только, сука-бля, узнаю! Ты меня понял?

Гоша судорожно замахал лысиной.

— Понял, петушара? — тряхнул его Харди.

— Понял… — промямлил Гоша.

— Ты и твоя лицензия у меня на крючке, сука-бля! — отпустил его Харди и пихнул в грудь, отчего Куценко завалился на задницу.

Сержант изобразил знак слежения, поковырял языком в зубах и удалился из кабинета рыдающего директора.

Когда Том оказался на улице, гнев припустил, а на смену ему вновь пришли растерянность и непонимание сложившейся ситуации. Он тяжело вздохнул, запустил в голове сумбурную череду невнятных мыслей и двинулся прочь. Так и добрался опять до дома.

— Да что ж происходить-то, а?! — заверещал Батлер, как только Том перешагнул порог квартиры. — Ты немедленно объясняисси или я за себя не ручаюсь! — вытащил он из-за пояса мачете и угрожающе потряс им.

Том молча плюхнулся на диван, тяжело вздохнул, облизал пухлые губы и, наконец, поднял меланхоличный взгляд на друга.

— Сегодня… Точнее вчера, я хотел покончить с собой, — серьезно сказал он. — Но не сделал этого. А знаешь, сука-бля, почему? Раньше я считал это несбыточным бредом. Но сегодня я понял… Понял… Не такая уж я и мразь,

Леонид. Я могу кому-то понравиться, и мне кто-то может понравиться, — молол он хуйню, подкуривая сигарету. — Давай расскажу все с самого начала…

И Харди затянул свою шарманку о случившемся с ним за прошедшие вечер и ночь. Он рассказывал очень долго и подробно, не утаив от друга ничего, разве что пару деталей. Например, запах клубники. Том решил, что это личное, и должно остаться только в его памяти. Ну и, совершенно случайно, он забыл уточнить, что до сегодняшней ночи был девственником. Батлер же слушал внимательно, не перебив друга ни разу. Но, с каждой новой подробностью, бородач все эффектнее и эффектнее охуевал.

— И теперь я запутался, Леонид… Сука-бля, что все это значило? Она переспала со мной только из-за того, чтобы ее не приняли? Но тогда зачем она назвала меня милым? Сука-бля, дважды! Это же что-то значит, так? А я — ебло! Обидел ее! Унизил, сунув последнюю сотню! — бредил Том, подкуривая десятую сигарету за последний час. — Она, наверное, пиздос обиделась! Но, зачем тогда поцеловала на прощание? Блять, нахуя же я прочесал эту хуйню про девственность? Она ж, сука-бля, отдала мне самое ценное! Это же не просто так? Да? Не только ради того, что б я ее не арестовал? Просто так такими вещами не разбрасываются. И вряд ли бы она начала изливать мне душу, если бы ей было поебать. Но почему убежала? Наверное, нужно было позвать ее на ужин, а не пригласить покормить касаток… Сукааа, Леонид, что же теперь делать? Ооох, Клубничная Эми… Ты бы видел, какие у нее ключицы! — заводил он пальцем по своим. — Такие изящные, хрупкие… Но в то же время так дерзко выступают… В общем, пиздатые ключицы… А между ними такая, сука-бля, ямочка, — мечтательно закрыл он глаза и выдохнул через нос. — А какие у нее косточки внизу живота… Ммм… Прямо вот тут, — задрал он футболку и стал спускать скамы.

Но не успел Харди ничего продемонстрировать, как получил оплеуху от плаща. В комнате повисла неловкая анатомическая пауза, во время которой Том непонимающе уставился на друга.

— Да ты чай шутишь?! — заорал на всю планету Батлер. — Что ты несешь?! Каки-таки ключицы? Каки-таки косточки? Ты охуел, сука-бля?! Я тебя спрашиваю? Охуел?! Петушара ебаная!

— Не понял… — похлопал ртом Том.

— Ты слышишь, что гутаришь?! Ей семнадцать! Семнадцать! Ты понимаешь, что натворил?!

— Аааам… Нууу… Все же было по согласию, сука-бля, — оправдывался сержант Харди, не понимая проблемы. — В штате Вашингтон гоже в этом возрасте.

— Гоже? Гоже? А она сама с какого штата? — верещал Леонид.

— Ну с Калифорнии, — призадумался Том. — Там с восемнадцати… Но какая, сука-бля, разница? Это произошло здесь и…

— Да хули ты мелешь? — превратился в самую злую и возмущенную на свете сову Леонид. — Почему ты не задумываисси о том, что, возможно, заикрил ей?

— Прости, что? — нахмурился сержант, не понимая лексикона друга.

— Нахуя ж, ёбаный ты в рот, ты кончил в нее? Да еще и дважды!

— Не понимаю, к чему ты клонишь, — продолжал не вникать в суть проблемы Том. — Она ведь сказала, что через пару дней у нее месячные…

— И ты, блять, поверил в сказки этой малолетки? Да откуда ей знать об этом, если она была целкой?! — визжал Батлер, да так, что мыши навек покинули еврочетырешку Харди, предварительно собрав свои пожитки в узелки. — Ты понимаешь, что все это — чепуха! Вероятность того, что она теперь забрюхатит — процентов семьдесят! Томми, ты одупляешь, что натворил?! Зачем ты это сделал?

— Да откуда, сука-бля, я мог знать, что это все сомнительно?! — понемногу

забился в агонии залета Харди. — Я же был и сам девственник!

— Чавоооооо?! — схватился за голову Леонид, а его плащ слетел с хозяина и от шока разорвался пополам. — Но… Но ты же…

— Сука-бля, и что?! Что в этом такого?! Да, я был девственником! И пиздил всем, что это не так! Но теперь ты знаешь правду! Именно из-за своего неведения во всех этих вопросах, я и не подумал о последствиях! Не думал, что все это так важно! — заговорил он словами брата из шара. — Разве об этом думают, когда первый раз вступают в интимную связь?

— Но ты понимаешь, каки теперь последствия потянутсси? — плюхнулся в кресло Леонид, эффектно накрыв щеки ладонями. — Понимаешь, какую ответственность взвалил на себя, лишив девчулю девственности? Что теперь с ней самой будет, не подумал? Забрюхатить в семнадцать — нихуя не шутки! У ней сейчас лучшие годы должны были быть! Окончание школы, поступление в кАлледж, студенческие вечеринки в кампусе… А теперь что?! Придетсси рожать?! Да еще и тянуть это все одной! Ибо нерасторопного папашу усадют далеко и надолго! Томми, ты об этом не думал, когда спускал в нее?

— Сука-бляяяя… — протянул Харди, наконец почувствовав всю серьезность ситуации. — Леонид, что же я нахуевертил… — прикрыл он рукой до безобразия округлившийся пухлый рот.

— Все, ее родители точно на тебя накатают и отправят топтать зону! — впал в панику Батлер, нервно связывая порванный плащ морским узлом.

— Сука-бля, я ж разрушил девочке жизнь! — вскочил с дивана Том, вцепившись в растрепанные волосы. — Я должен как-то связаться с ней! Должен сказать, что не считаю ее шлюхой! Должен позвать на ужин! Должен взять на себя ответственность! Сука-бля, ключицы! — впал в шизофрению сержант, заметавшись по еврочетырешке и не зная с какого пункта начать. — Почему шкура не звонит?! — схватился он за мобильник и остервенело замотал им из стороны в сторону.

Затем он отбросил телефон, схватил ноутбук и засел с ним на кухне. Трясущимися пальцами он включил его и принялся подгружать все базы, к которым только имел доступ.

— Так, сука-бля, база школьников Калифорнии, — включил он первую. — Сукааа! Сколько здесь народу! — вцепился он в уши, затеребив их. — Спокойно, Том, спокойно. Нужно добавить фильтры, — заклацал он мышкой, уточнив в поиске, что разыскивает только школьниц женского пола, имевших год рождения с 1989 по 1990. Но не помогло и это! Народу оставалось ебейше много! — Нужно написать в поиске ее имя! — продолжил выдавать конченые идеи Харди, вбив в графе поиска «Клубничная Эми».

Но результата было — нуль! Ни одной девушки под таким именем не обучалось ни в одной из школ Калифорнии. Но Том не опустил руки и вернулся на пункт назад. Взяв на себя ответственность за содеянное безрассудство, он решил просмотреть каждую семнадцатилетнюю девочку, коих в базе, к слову, было не один десяток тысяч. Он начал с самого начала списка и открыл профиль некой Адрианы Аарон. Пред ним предстали данные девушки и ее фотография, видимо, из школьного альбома.

— Ооох, Томми, да ты чай умом тронулсси? Ты так каждую смотреть будешь? — охуел Батлер, подойдя к другу со спины.

— Да, сука-бля, каждую! — рявкнул Харди, закрыв первый профиль, ибо школьница была брюнеткой.

— Может хотя бы ее имя введешь в поиске? — нахмурился Балтлер.

— Уже вводил! Да и вообще, вдруг Клубничная Эми — ее сценический, сука-бля, псевдоним? — закипал Том, клацая мышкой так сильно, что из-под ее клавиш заструился дымок.

— Ну, можить каки еще приметы были? Так заебесси искать только

блондинок.

— Были, — сосредоточенно кивнул Харди. — Татуировка в виде феникса, ключицы, косточки внизу живота — вот это я б точно узнал из тысячи, — пролистывал он фотографии. — Но, сука-бля! Здесь нет подобных картинок! Почему никто не фотографировал их обнаженными?! Одни бабьи еблеты! Да еще все так похожи друг на друга!

— Может на ее лице было что-то особенное? — накинул вопрос плащ Леонида, сшивающий себя в стороне.

— Да хуй знаю… Точно! Макияж, сука-бля! — осенило его. — Если я нанесу на фотографию макияж, то точно узнаю ее! — сохранил он фотографию какой-то школьницы блондинки, подгрузил в Пэйнт и стал старательно выводить вызывающий грим Клубничной Эми.

Так прошли почти сутки. Тоннами вливая в себя кофе, да нюхая кокаин, Харди, будучи человеком ебейше конченым по жизни, скачивал каждую фотографию белобрысой семнадцатилетней школьницы из Калифорнии и разрисовывал ее лицо до неузнаваемости.

— Это что еще, сука-бля, за шляпа?! Глюк какой-то? — прищурил он безобразно покрасневшие от недосыпа глаза, остановившись на строчке «Элизабет и Нина Блэкберри», и открыл профиль. На экране сразу же появилась фотография двух беззаботно улыбающихся девочек, обнимающих друг друга.
— Какого хуя у этих шкур один профиль на двоих? Лесбухи что ли? Ааа… Двойняшки… Хуйня собачья! Мне что им двоим ебальники разрисовывать?! Ну нет! Это уже, сука-бля, слишком! — схватил он ноутбук и с психом швырнул об стену, разбив на миллиард осколков.

— Что ты делаешь? Одна ж была беленькой? Разрисовал бы только ее! — не понял взрыва друга Батлер.

— Чем я занимаюсь — говно ебаное! Сука-бля, да может она перекрасилась в белобрысую недавно! Надо было всем ебальники разукрашивать! О чем я думал?

— О чем ты думал, когда спускал? — накалял атмосферу Батлер. — Ты попал по-крупному, Томми! Ой, по-крупному!

— Сука-бля! Да как же я посмел? Я сломал ей жизнь! Она наверняка думает, что я поимел ее! Ох, Клубничная Эми! Сержант же не хотел, сука-бля! Леонид, ты веришь, что я не специально? Бля буду — я сделал это нихуя не назло матери! — уже плел абы что Том, которому, кажется, не мешало бы поспать. Сколько он уже бодрствует? Сутки? Двое?

— Да я ж тебе верю, Томми, — положил крик на грудь Батлер. — А она — нет! И ребеночку твоему она, как раздродитьси, про тебя тоже хуйни наплететь! Мол, папка такой, сякой, бросил, кинул и зассал!

— Сука-бляяяя, что за дерьмищеее, — простонал Том, упав боком на диван и закрыв ладонями уже более брутальный, чем смазливый еблет. Так и заснул.

Ближе к верчу того же дня Том проснулся и вновь заметался по квартире, раз за разом прокручивая в голове события, произошедшие с ним на именины.

— Ты дурак! — причитал Леонид, будучи истеричной сукой. — Нужно было бежать за ней, глядишь, не уехала бы никуда, и все было б краше! Привел бы ее к нам, я б пирог испёкь… Но теперь-то что?! Поезд ушел! Собирай манатки и беги! Скоро ее отец выйдет на тебя и набъет тебе ебало! Ибо ты опорочил невинную девочку! Родители явно поднимут хай на все Штаты, узнав, что их дочь принесла в подоле от полицейского!

— Леонид, сука-бля, ебало завали! Я думаю, она такой хуйни не сделает! Все же она сказала, что я милый… Хотя, я ж обидел ее, сунув сотню с номером мобильника! Но мне просто негде было еще написать, понимаешь?

— Да я-то понимаю! Но вот она… Ооох… Какой же ты балбес… Слов нет!

— Ладно, мне нужно придумать, как узнать, кто она такая и как найти ее контакты, — тяжело выдохнул Том, плюхнувшись на диван и запустив ладони в волосы. — Я, сука-бля, не знаю, как все это провернуть. Такое чувство, что это нереально… — забился в агонии безысходности он.

— Думаю, нам надо связатьсси с Джейки и все ему рассказать, — выпалил Батлер, поджав губы. — Чуить сердце — он поможеть…

— Даже не смей! Слышишь? Не смей, сука-бля! — подскочил Том и схватил друга за грудки. — Пиздюк не должен об этом знать! Во-первых, сука-бля, не хочу, чтоб он решил, что нужен мне только тогда, когда у меня проблемы! Во-вторых, мне нахуй не надо, чтоб он знал всю эту историю! Мало того, что много лет я пиздил ему, что не девственник, так еще узнай он про мой проёб… В общем, это будет провал! Что бы между нами ни было, я не хочу! Прослыть в его глазах конченым долбоебом! Ты понял? Понял? — тряс он Батлера.

— Все! Успокойсии! — заверил его ор бородача. — Проехали тему!

— Сука-бля, что же делать? — отпустил друга Харди и поднял ебало в потолок.

— Ну ты ж, Томми, мент. У тебя много всяких баз. Что если ты сделаешь ее фоторобот, подгрузишь его в поисковик и хай ищеть совпадения? Машина — не человек, ей не нужны макияжи и прочая делюга, чтоб найти нужного человечка, — накинул безобразный вариант Батлер.

— Можно попробовать, — задумался Том.

— Ну вот и попробуй! Ты ж умеешь немного рисовать! — подошел он к кухонному ящику, извлек оттуда карандаш и тетрадку и положил на стол. — Сделай эта вручную и от чистого сердца. Просто сосредоточсси и у тебя все обязательно получитьсси…

— Но я не умею рисовать реализм! Только, сука-бля, кельтские узоры! — возмутился Том, но за стол сел.

— Просто сосредоточсси, — пододвинул карандаш Батлер. — Не буду мешать… — попятился он в сторону своей спальни.

Харди взял в руки карандаш и нахмурено уставился в пустой листок. Затем поднес к нему грифель и аккуратно начал наносить короткие штрихи.

— Ну как, получаитсси? — спустя пару часов подошел Батлер и заглянул ему через плечо. — Томми! Какого ж хуя? — схватил он листок. — Что за дребедень?! Это же фоторобот! Где голова?! — указал он на нарисованный женский торс. Надо сказать, что по рисунку можно было заметить — Том очень старался. Изображение хоть и было немного кривовато, но парень уделил особое внимание деталям, растушевке и игре света и тени. Очевидно, что больше всего Харди заморочился над ключицами, но нахуй бы они были нужны компьютерной программе — непонятно.

— Леонид, это бесполезно! — выхватил рисунок из рук бородача Том. — Это все хуета! Мне вовек не найти ее! Я, сука-бля, нахуевертил по-крупному! Мало того, что я обесчестил, унизил, оскорбил и поимел ее, так еще и ебанул в нее! Я сломал ей жизнь! Не только ей, но и ребенку, которого она теперь родит! Скажи мне, сука-бля, и чем я теперь лучше своего отчима — дяди Бена? Я годами поливал его говном, а сейчас оказался в подобной ситуации. Разница лишь в том, что, в отличие от него, я готов принять на себя всю ответственность! Но я даже не могу это сделать, ибо хуй знаю, как даже найти девчонку. И я, сука-бля, сам виноват, что спугнул ее, — говорил он, накручивая себя до неузнаваемости. — Все! Мне надо поспать, а потом буду думать, что еще можно сделать! — с психом удалился он в спальню, закрывшись изнутри.

Он упал на кровать и бездумно уставился в потолок, гоняя в голове одни и те же мысли, задавая одни и те же вопросы, ответов на которые не находилось нихуя! Он достал из кармана скамов телефон, положил рядом и уставился на него, надеясь, что с минуты на минуту Клубничная Эми все же даст о себе знать

и выйдет на связь. Но ничего подобного не происходило, и Том не заметил, как уснул. Пару раз он подрывался, слыша сквозь сон вибрацию, и с трепетом хватался за мобильник. Но, увы и ах — приходило все не то! То Леонид Агутин прислал спам-сообщение, то Джастин Тимберлейк отправил СМС с текстом своей новой песни.

«Послушай, Том… Послушай… Послушай, сука-бля! Это провал! Ты все проебал. Первый раз в жизни ты, возможно, был так близок к тому, чего всегда хотел где-то в глубине души. Но, сука-бля, нет! Ты, тупорылое хуйло, испортил все! А было ли что портить? Думаешь, все же понравился ей? Но она же назвала милым… Сука-бля, и что все же теперь делать? Крис бы уебал тебе, узнай о том, что ты натворил!» — беспорядочно думал он.

На следующий день Леонид отпер комнату друга с обратной стороны и аккуратно зашел внутрь. Но Тома нигде не оказалось. Батлер нахмурился, но тут услышал со стороны шкафа странное механическое сопение.

— Томми? — открыл он дверцу и приметил на полу сержанта. На лице его красовалась маска, одной рукой он обнимал колени, во второй держал собственноручно нарисованный «фоторобот».

— Леонид? — поднял он потерянный и непонимающий взгляд на друга.

— Ох, Томми, я тут покумекал, значить… Кажетсси, я необоснованно накрутил и себя и тебя. Может, девочка и не сбрехала. Думаю, процент того, что она залетит — процентов пятьдесят, а не семьдесят…

— Ну, спасибо, сука-бля, Батлер! — психанул Харди голосом Дарта Вэйдера, сказавшего Люку, что он его отец. — Понимаешь, это тебе не казино, сука-бля, в пятьдесят на пятьдесят играть! Все куда серьезнее!

— Я понимаю, — кивнул бородач. — Но можить это я просто все понакрутил? Думаю, нужно рассказать еще кому-то…

— Я же сказал! — механически взорвался Том.

— Я не про Джейки! — поспешил успокоить Леонид. — Позвони ДиКаприо. Расскажи все ему! Он много раз помогал тебе справиттси со всякой требухой.

— Выйди! — рявкнул Том, доставая из накладного кармана мобильник, решив позвонить другу-мозгоправу, дабы рассказать о случившемся в его жизни дерьме.

Батлер поднял уголки плаща и удалился. Том же Харди набрал номер и приставил телефон к уху.

— Да, слушаю, — ответил ДиКаприо, взяв трубку.

— Сука-бля, Лео! У меня случилась ебейшая беда! Я конченый петушара! То, что я нахуеплетил ни в какие рамки не лезет! — затараторил Харди.

— Так-так-так, успокойся! Давай по порядку. Что у тебя стряслось? — поспешил осадить его наркобарон Леонардо.

Целых пять минут сержант Том яростно поливал себя говном, несвязно рассказывая о случае в стрипухе. Он поведал о всех своих домыслах и переживаниях, официально провозгласив себя главным ебанатом года. Во время всей этой тирады Харди отчетливо представлял, как глаза собеседника на том конце провода то щурятся, то подкатываются.

— Так я не понял, в чем конкретно проблема? — наконец перебил его ДиКаприо. — В том, что она несовершеннолетняя? Ну ей же, в конце концов, семнадцать, а не тринадцать! Да и, как ты сказал, она сама предложила это…

— Да мне поебать на это! Ты понимаешь, Лео, что я сломал ей жизнь?! Да сука-бля, лучше б я спрыгнул со Спейс-Нидл, как и планировал изначально, чем вот это вот все! Я выжил сам, но теперь, возможно, к хуям испортил жизнь другому человеку. А ты знаешь, что я так не люблю! И да, пока ты, сука-бля, не спросил, я собирался на свой день рождения покончить с собой! И все это тянулось после того случая с Джейки! Так-то вот!

— Чегооо?! Так, выброси эти мысли из головы раз и навсегда! Что это опять за суицидальный настрой? После той ссоры с братом прошло уже полгода, что вдруг на тебя нашло? — строил из себя дурака пройдоха Лео, ненароком взглянув на приоткрытую дверцу шкафа, откуда торчала полицейская форма.

— Да ты что, сука-бля, в уши долбишься? Будто не знаешь, что вся моя жизнь — хуйня ебаная!

— Да, я понимаю, что твоя жизнь и до этого была хуевая… Подожди, ты что, опять надел ее? — насторожился ДиКаприо.

— С хуя ли? Конечно, нет! — механически сбрехал Харди.

— Не надо лжи! Я слышу твой голос! — возмутился Леонардо. — Так, ладно, ко мне пришел клиент. Давай ты лучше приедешь ко мне, и мы обсудим все лично. Это не телефонный разговор.

— Хорошо, сука-бля, я выдвигаюсь, — промямлил Том, поднимаясь на ноги.

— Давай, до связи! — простился ДиКаприо и положил трубку.

— Леонид, нам пора выдвигаться! Заводи свой блядский Додж, мы едем в Портленд! — проорал Харди, вылезая из шкафа.

Вечером того же дня.

— И я не знаю, сука-бля, не знаю, что мне делать! — крутил в руках бокал шампанского Том, уставившись на пузырящуюся гладь. — Я совсем запутался и не понимаю, что будет дальше… Понимаешь, Лео, в тот вечер я хотел умереть, но произошло вот это вот все, и я будто переродился… Не знаю, как сказать, сука-бля… Ощутив новые эмоции, новые впечатления, я даже и сам не понял, в какой момент забил хуй на свою главную цель, которая теперь мне даже и не интересна… Сука-бля, сержант, что феникс переродился… Я, кстати, говорил, что на ее голени набит…

— Феникс, да, говорил, — перебил ДиКаприо, что-то пометив в деле клиента Харди. — Знаешь, хочу тебе дать совет сейчас не как мозгоправ, а как друг. Думаю, будет правильно, если ты поедешь в Калифорнию, найдешь ее и поговоришь. Вот лично я уверен, что ты ей тоже понравился. Откуда я это узнал? — хитро прищурился он. — Да из твоего рассказа. Как истинный психолог, я тонко прочувствовал ее поведение и уверен на все сто, что поговори ты с ней — она не отошьет тебя. И тут-то ты опять позовешь покормить касаток! Как идейка?

— Сука-бля, Лео, ты конченый? — психанул Том, подскочив с кресла. — Ты вообще слышал, что сержант тебе тут рассказывал битый час? Какой же ты беззаботный петушара! Она может и вовсе залетела, и я такой нарисуюсь как ни в чем не бывало и приглашу покормить обдроченных касаток?

— Стоп, стоп, стоп, — устало закрыл глаза ДиКаприо, сделав жест «тайм-аута». — Зачем ты вообще все это придумал? Почему это должно непременно произойти?

— Ну Леонид так говорит, — развел ладони Харди, состроив фирменный еблет.

— Леонид? А с чего он вообще взял, что Клубничная напиздила? — усмехнулся старик Лео, подняв заостренные брови. — Когда я был подростком, то работал барменом в стрип-клубе. Так вот, какого бы возраста не были стриптизерши, они были просто помешаны на этих своих женских календарях! Ибо, когда у них было… Ну это самое… То они не выступали, а следовательно — теряли денежку. Поэтому старались в такие дни сразу подмениться, чтобы не остаться в минусе. Так что уверен на все сто — Эми не спиздила! Да плюс к тому же, если она профессионально занималась спортом, там за этим тоже строго следят, дабы…

— Каким спортом? — приподнял шрамированную бровь Том. — Я, сука-бля, не говорил такого.

— Ээээм… Ну конным, ты что-то такое говорил, — на мгновение замялся Леонардо. — Так, все это не имеет смысла. Просто будь уверен — она не сбрехала. Нечего верить каким-то домыслам Батлера! Откуда ему вообще это знать?

— Ну, не знаю, сука-бля… — тяжело вздохнул Том, вновь усевшись в кресло. — Все равно как-то стремно…

— Я уверен на сто процентов, что нихуя такого нет! — поднял бокал шампанского ДиКаприо. — Но мы можем поехать и удостоверится. Ммм?

— Да куда, ехать, Лео? Калифорния — ебейший штат! — возмутился Харди, плюнув на помпезный ковер.

— Кто ищет — всегда найдет, — подмигнул ДиКаприо и нарочито скинул со стола какую-то папку с делом другого своего клиента. — Ой, Том, не поможешь поднять? — указал он молотком в сторону разлетевшихся по полу бумаг.

— И все же сука-бля, какое-то это сомнительное дело, — уселся на корточки Том, бездумно собирая листочки обратно в папку. — Мне кажется, что даже если я найду ее, то она пошлет меня на хуй. Из-за этого станет в сто раз обиднее. Я только поеду, дам себе какие-то ложные надежды, а на деле — обожгусь… Держи и больше, сука-бля, не роняй, — кинул он папку на стол мозгоправа.

Тот оскалился и угрожающе потряс молотком.

— Ты это чего, сука-бля? Что за эмоции?

— Лааадно, — прорычал ДиКаприо. — Слушай, у меня к тебе одно дело есть, — прищурился он в стиле одного наркобарона из Портленда, то бишь — себя.

— Лео, ты, сука-бля, под чем, сударь? Я тебе тут душу изливаю, а ты мне свою хуйню заливаешь! — изумился сержант, пригубив шампанского из бутылки.

— Сегодня днем у меня был один клиент, — проигнорировал ДиКаприо. — А как раз до того, как принять его, позвонил ты. И я настолько был обескуражен твоей историей, что забыл угостить его шампанским! Теперь из-за этого чувствую себя как-то неуютно что ли… Считаю, что должен исправить оплошность и передать ему бутылочку «игристого»? Не подсобишь?

— Не понял… — пощелкал ебалом Том, не вкуривая, как эта душещипательная история вообще имеет смысл быть в их диалоге.

— Ну понимаешь, ты отвлек меня, я забыл. Думаю, будет правильно, если мы поедем к этому клиенту, и ты лично передашь ему бутылочку.

— Сержант, сука-бля, что, курьер? — подвигал желваками Харди.

— По воле случая, этот клиент проживает в Лос-Анджелесе, — продолжил бредить ДиКаприо, обдолбавшись до умопомрачения новым кокаином из Колумбии за час до приезда Тома. — Ты поможешь мне в моем деле, а там уже придумаем, что делать тебе. Я же повторяюсь — мне кажется, что вся твоя история не имеет шансов на провал! Главное найти Клубнику и сказать нужные слова. Ты передаешь моему клиенту бутылку, я же придумываю тебе, что следует сказать той девке. Как идея?

— Хуйня собачья! — улегся на пол сержант и начал зашнуровывать берцы, которые снял, как только зашел в кабинет ДиКаприо, дабы ощутить себя здесь максимально комфортно. — Я хуй поеду в Калифорнию! Я хуй буду твоим курьером! Так, что расселся? Мы едем в ЭлЭй? Или что? Или как? — обратился он к другу.

— Да! — ударил молотком по столу ДиКаприо, будто продав некий лот на аукционе. — Смотри, что у меня есть, — подошел он к бару и извлек оттуда бутылку розового шампанского. — Берег его для какого-то особенного случая, думаю, время пришло… Клубничное, между прочим, — в прищуре подмигнул он.

— Чего, сука-бля? Зачем сержанту эта информация?

— Да нихуя, кому надо — тот поймет! — легонько стукнул Лео по бутылке молотком, снял с крючка котелок и водрузил на голову. — Знаешь, Том… Мой

принцип сохранять врачебную тайну клиента — это как две стороны медали… С одной стороны — дар. С другой — проклятие… — задумчиво вставил он в петлицу пион.

— Считаю, что больше, сука-бля, дар, — ободряюще похлопал его по плечу Том.

— Пусть так. Я запомню твои слова, — коротко усмехнулся ДиКаприо, подкатив глаза и похлопав друга по плечу молотком.

Глава 90: Воин

Красный Додж Челленджер покрутился по запутанной дорожной развязки и, наконец, въехал в Лос-Анджелес — город ангелов, грехов и буйных негритосов.

— И откуда поиски начнем? — поинтересовался Леонид, выкручивая руль. — Я предлагаю искать по школам и стрип-клубам…

— Какая-то, сука-бля, педофилия — искать по школам, — нахмурился Харди.

— Вообще, не думаю, что придется где-то искать, — извлек из полосатых брюк пакетик кокаина ДиКаприо и любезно предложил сержанту разнюхаться. Разнюхался и сам. — Главное доставить моему клиенту бутылку, а там уж видно будет… Значит так, Том, слушай меня внимательно. Как только ты вступишь в контакт с Клубничной, будь уверен в себе. Не надо мямлить, стесняться, свои доводы рассказывать. Будь с ней немного груб, покажи, что главный здесь — ты. В общем, будь кем-то вроде альфа-самца, — плел несусветную дичь Лео.

— Типа альфачом что ли? Сука-бля, я не смогу, я растеряюсь, я замямлю, — заныл Том. — Если бы это был какой-то босс мафии, наркоман или типа того — пожалуйста! Ебло, как мне так вести себя с девками? — взял он пятерней за лицо Лео и оттолкнул в сторону.

— Вот так и веди себя, — лайкнул поступок ДиКаприо, вытащив из петлицы пион и вставив его в нагрудный кармашек тенниски сержанта.

— Не могу, сука-бля… С тобой могу, с ним могу, — пихнул он ногой спинку водительского сидения. — С девушкой — вряд ли!

— Ну давай вспомни кого-то, кого бы мог поставить себе в пример и возьмешь за эталон его поведение, — накинул охуетительный вариант обдолбанный ДиКаприо.

— Хммм… — призадумался Харди, накрываемый волной кокаинового прихода. — Был один человек в Манчестере. Коннери. Ой, сука-бля, перепутал, — засмеялся он. — Конор! Шон Коннери — другой человек, он работал в нашем замке садовником и у него, представляешь, была редкая аномалия. Прямо на шее находились, сука-бля, жабры!

— Забудь про Коннери, тебе не надо быть как он! Что за Конор? Давай поговорим о нем, — взмахом ноги перебил Леонардо.

— Конор МакГрегор пиздос альфачом был. Шкур вообще в хуй не ставил, никогда не мямлил перед ними, не стеснялся, а был лишь груб да уверен в себе. К слову, сука-бля, многим девкам это нравилось… Да не то что нравилось — они, сука-бля, текли от одного взгляда на него, его велосипедки, татуировки… Леонид, сука-бля, останови машину! — дал он оплеуху Батлеру.

— Что стряслось? — охуел бородач.

Том же, не объясняя ничего, выскочил из Доджа и встал напротив двухэтажного здания, в каком-то гетто.

— Мне нужно стать как, сука-бля, Конор, — закурил сержант, не отрывая взгляда от вывески, висевшей на здании.

Она была похожа на киноафишу, на которой были изображены два распетушенных бойца, готовых в любой момент кинуться друг на друга в драку и набить ебальники. Ниже же красовалось название спортивного зала, а также пламенные речи, зазывающие жителей ЭлЭя немедленно записаться сюда на занятия, где их непременно обучат основам боевых искусств и не только.

— Нужно стать как Конор… — протянул Харди, продолжая сверлить вывеску взглядом. — Все, сука-бля, есть план! — хлопнул в ладоши он и развернулся к Батлеру и ДиКаприо, уже вышедшим из Доджа вслед за ним.

— Ну-ка, ну-ка, хорошо! Мне уже нравится, что ты сам начинаешь принимать решения! — приобнял его за плечи Лео, перехватив из руки сигарету и глубоко

затянувшись. — Выкладывай!

— Ну ты же, сука-бля, говоришь, что надо быть альфачом. Я говорю, альфач — кто? Конор! А Конор у нас кто по жизни? — начал пояснять за ход мыслей Том.

— Хуйло собачье твой Конор! Слыхал я твои байки о нем! — вмешался Батлер, скрестив плащ на груди. — Это зачем ж тебе быть, как он? Он совсем ведь девчуль не уважает. А ты вроде как другого добиваисси…

— Конор — профессиональный боец ММА, сука-бля! — взмахом руки перебил его сержант. — Вот кто он! А значит, сержанту тоже надо!

— Матерь Божья, Томми! Да что за околесица! — воскликнул Леонид, оторвав криком вывеску с бойцами.

— Подожди-подожди, — вновь заставил замолчать Батлера на сей раз Леонардо. — Том, давай-ка разберемся по порядку, — повел он Харди в сторону, дабы эффектные вопли не вмешивались в разговор. — Ты хочешь найти Клубничную Эми, так? Так! Для этого я порекомендовал быть чуть увереннее в себе, так? Так! Ты вспомнил как образец брутальности некоего Конора, так? Так! И для того, чтобы стать похожим на него, а точнее быть альфа-самцом в стае, ты решаешь, что? Пойти в бои ММА? — недоуменно расставил руки в стороны ДиКаприо, вскинув кончики бровей к небу ЭлЭя.

— Ну, сука-бля, да, так все и есть, — состроил фирменный еблет Том.

— Мда… — почесал подбородок Лео, прищурившись. — И как же ты собираешься это сделать?

— Ну как, сука-бля? Я же ходил в бойцовский клуб, пиздиться умею! — изобразил Харди хук справа, остановив кулак в миллиметре от лица мозгоправа.

— Я не об этом! — отпихнул ДиКаприо руку Тома от себя. — Как ты собрался заниматься профессиональными боями?

— Ну нахуй мне профессиональные? Обычные подпольные сойдут, сука-бля! — отмахнулся сержант.

— Я не об этом! — зарычал Лео и неистово затряс молотком. — Ты же все равно хочешь заняться на профессиональном уровне? И как ты планируешь это сделать без тренера и менеджера? А, хуеплет? — яростно застучал он молотком по кирпичной кладке двухэтажного здания.

Повисла неловкая пауза. Харди скривил ебало и непонимающе развел руками.

— Я буду твоим тренером, Том! — обвел себя с ног до головы Лео. — И менеджером!

Сержант окинул оценивающим взглядом мозгоправа и состроил фирменный еблет, как бы принимая предложение.

— Свят, свят, свят! — закудахтал Батлер, округлив эффектный рот.

На том и порешали.

Обсадившись наркотой до неузнаваемости, позабыв напрочь о бутылке шампанского для клиента, а также отложив поиск Клубничной Эми в долгий ящик, Том и Лео загорелись идеей слепить из Харди на скорую руку альфача. Леонид же Батлер не то что был против данной задумки — ебанулся от ее абсурдности. Но сколько бы бородач эффектно не твердил друзьям, что все это дурная затея, и что они пожаловали в Калифорнию совсем за другим, тех было не переубедить.

Ребята сняли квартиру в двух минутах ходьбы от спортивного зала, куда поспешил записаться Том. Но его новоиспеченному тренеру-менеджеру этого показалось недостаточно, и он выкупил зал полностью, дабы Харди беспрепятственно мог заниматься в любое время дня и ночи, не лицезрев при этом вокруг себя всякое нигерское отребье из гетто.

Когда сержант без всяких шуток и уловок приступил к тренировкам, Батлер понял, что этого ебаната не остановить, и, судя по всему, тот нехило ебанулся рассудком. Но все же Леонида не переставала волновать судьба Клубничной Эми, а также вероятность того, что друг, возможно, скоро станет отцом. Посему, решив не тратить времени зря, бородач начал поиск сам. Денно и нощно он колесил по ЭлЭю, захаживая в стрип-клубы, школы, а также больницы и даже абортарии. Но тщетно.

Сержант же Харди, под строгим, но мудрым наставленничеством своего дражайшего мозгоправа и наркобарыги с головой погрузился в тренировки. Лео каждый день будил его до восхода солнца, спихивая ногами с кровати, и заставлял отжиматься сначала десятки, а затем сотни и даже тысячи раз, угрожая молотком и называя рохлей и педиком. Не давая после отдохнуть и минуты, выгонял на утреннюю пробежку, которая усложнялась тем, что проходила на голливудских холмах, вершины которых сержант должен был достигать до первого луча солнца. После он встречал друга у подножья холмов на желтом кабриолете Дюзенберг 1929 года выпуска, и по пути до дома давал ему перекусить высокоуглеводным завтраком. По приезду Лео давал две минуты на то, чтобы сполоснуться, при этом перекрывая горячую воду. Ледяной душ бодрил сержанта до скрежета зубов, а недостаток времени на «разрядку» доводил до состояния озлобленности. Этого ДиКаприо и добивался и именно с таким настроением и отправлял своего подопечного на тренировку. Та непременно начиналась с прыжков со скакалкой. Лео бдил за другом, сидя за резным столом с вензелями, выструганным из цельного куска дуба, и водя прищуренным взглядом с секундной стрелки раритетных часов на Тома, не позволяя ему остановиться раньше чем через два часа. Затем следовали еще несколько часов отработки удара. Сначала сержант набивал грушу руками, потом ногами. Лео наблюдал, хуяря за столом шампанское и всякий раз поднимая тост за будущие победы. После и сам ДиКаприо со специальными алмазными щитками на руках выходил на ринг, где Том продолжал ебашить и их, сбивая костяшки пальцев в кровь. Далее наступало время обеда, за которым Лео выдавал Харди теоретическую часть, рассказывая о различных тактиках боя и приемах психологического воздействия на противника, а также цитируя список самых грязных трэштоков, способных вывести соперника из себя. Закончив с едой, сержант приступал к отработке болевых и удушающих. Для этого ДиКаприо отыскал на барахолке для спортсменов-одиночек огромную резиновую куклу-армстронга. Харди катался с ней по октагону, отрабатывая приемы. То он прижимал ее к полу затылком, наваливаясь всем весом на горло, то обхватывал эластичное туловище ногами, заламывая руки, то и вовсе импровизировал незнамо что, самыми изощренными методами пытаясь придушить или сделать кукле больно. К концу тренировки Том лишался всяческих сил, не был способен думать о чем-либо, да и, ко всему прочему, был не на шутку озлоблен. Он молниеносно уминал до безумия протеиновый ужин, после чего заваливался спать и вырубался, едва закрыв глаза и не успевая погонять в голове ебаные мысли.

Вскоре мистер ДиКаприо стал записывать Харди на первые подпольные бои. На них, в качестве участников, стекался всякий сброд со всей Калифорнии. По-настоящему сильных и талантливых бойцов среди них было немного, потому Том легко справлялся почти с каждым соперником. Конечно, получал и пизды — не без этого. Но Лео лишь подбадривал его молотком и призывал не отчаиваться. Ведь любой опыт полезен, и без поражений не бывает побед. Сержант лишь согласно изображал фирменный еблет и ебашил дальше. Сложность тренировок все росла, с ними увеличивалась и мышечная масса. С каждым боем Харди все набирал и набирал опыт, приобретал выносливость и выдержку. Побед становилось все больше, соперники казались все слабее, а на мысли о

Клубничной Эми оставалось все меньше времени. Да и те начинали сворачивать немного в иное русло.

Так полетели дни, недели, месяцы, и ни один из троих друзей не заметил, как к концу подошел июнь. Батлер все продолжал колесить на Додже по ЭлЭю и близлежащим городам в поисках загадочной девицы с ебейшими ключицами и фениксом на ноге. Лео и Том же пришли к выводу, что в подпольных боях им уже становится тесновато и пора идти выше. Решив не тратить время на всякие квалификационные бои и прочие бюрократические проволочки, Харди взял, да и влез в мусорскую базу бойцов ММА, вбив туда свое имя и тем самым получив статус профессионального спортсмена.

— Ну же, Том! Добивай! Добивай! — сотрясал молотком Лео, прыгая вокруг октагона.

— Сука-бля, Конор, хватит выебонов, я не хочу ломать тебе ногу, — процедил Том, прижимая МакГрегора к рингу и заламывая ему ногу.

— Нихуя! — пытался высвободиться из сержантской хватки Конор, не теряя надежду вернуть превосходство.

— Стучи, шмаровоз! — продолжал рычать Харди, вывернув ногу ирландца еще хлеще.

— Пидорас мелкий, — брызгал слюнями МакГрегор, из последних сил пытаясь выбраться из захвата.

— Я тебе сейчас ногу, сука-бля, поломаю, петушара!

— Блять! — прорычал Конор и постучал двумя пальцами сержанта по плечу.

Харди еще пару секунд не ослаблял хватку, пока не подскочил судья, прикрывая МакГрегора собой и одной рукой отстраняя Тома.

— Да, сука-бля! Да! — отпихнул Конора сержант, победно вскинув руки. — Я, сука-бля, власть! — орал он, оббегая октагон по периметру.

Публика заулюлюкала: кто возмущенно, недовольствуясь проебом МакГрегора, на которого сегодня ставило большинство, а кто восторженно, чествуя новую звезду, отпиздившую не на шутку заебавшего Конора.

Тут к Харди уже подлетел судья, схватив за руку и подняв ее вверх в знак победы.

— Да, петушары! Сержант теперь тут власть! — продолжал орать Том, оттолкнув судью и запрыгнув на сетку октагона.

— Так, Том, успокойся! — подоспел к нему с обратной стороны ринга Лео. — Побереги силы, завтра еще один бой!

Харди еще пару минут пообезьянничал, пометался по октагону, покрывая всех и вся кругом хуями, после чего походкой дерзкого хуеплета вышел с ринга. ДиКаприо мигом подлетел к подопечному и накинул на него влажное холодное полотенце и сунул в руку бутылку воды. Том вылил содержимое на себя и стал вытирать ебало, наконец потихоньку успокаиваясь.

— Эй, пиздюк! — окликнул его Конор.

Сержант развернулся и увидел прихрамывающего МакГрегора.

— А ты, я смотрю, подрос, — замахнулся ладонью он для верхнего рукопожатия.

— А ты, я смотрю, сука-бля, постарел, — после секундной заминки повторил трюк Харди, сцепив руку с рукой Конора и притянув его к себе для дружеского объятия.

— Ебать ты, хорош! — отстранил Тома МакГрегор, похлопав по бицепсам. — Форма — охуенная, биться тоже стал не как пизда, — усмехнулся он и хлопнул по плечу.

— Ну, неплохие примеры были, — состроил фирменный еблет Харди. — Я же, сука-бля, говорил, что однажды дам тебе пизды. Да — не в бойцовском клубе, но здесь даже пизже, — обвел он ладонью октагон и скандирующую толпу.

— Уровень-то совсем другой. Так что, лучше бы ты, шмаровоз, поддался бы сержанту тогда, глядишь, он бы остыл, положил хуй и не отпиздил тебя на профессиональной арене, — развел он руками, а после сочувственно похлопал Конора по груди.

— Да подавись, не жалко, — отмахнулся МакГрегор, ухмыльнувшись.

— Ладно, парни! — обнял обоих за плечи Лео. — Ну что, пойдем отметим? Думаю, это твое первое значимое достижение на пути к поставленной цели.

— Ну и я с вами! Не каждый день встречаешь старого обдроченного друга! — потрепал Конор Тома по взмокшим волосам. — Где, кстати, твоя хуйня на ебало? — обвел он лицо ладонью, изображаю маску.

Харди лишь подкатил глаза и отпихнул от себя руки МакГрегора и ДиКаприо.

— Я предлагаю в бар, а потом по девочкам! — буробил Леонардо, заливая в свою психологическую глотку клубничного шампанского, открытого в честь победы подопечного.

— Базаришь! — пихнул его кулаком в плечо Конор. — Присунуть какой-нибудь пизде — то, что нужно после сложного боя! — поднял указательный палец он.

— Отличная идея, мать твою! — воскликнул ДиКаприо, подняв бокал за Конора. — Том, думаю, это именно то, что тебе нужно! Пойдем сначала и нахуяримся в баре, а потом снимем каких-нибудь шлюх! Не одной же Клубничной Эми живешь. Есть в мире и другие ключицы.

Харди подвигал челюстью, бросив на мозгоправа взгляд исподлобья. Повисал неловкая пауза.

— Завтра тренировка с утра, вечером бой, — пояснил за планы Том.

— Ну, тренировку тренер может и отменить, — развел руками Леонардо. — А бой… Ну, а что бой? Ты вон Конора уделал, а завтра у тебя и вовсе хуеплет какой-то, разберешься с ним в два счета. А после можно опять к проституткам. М? — махнул он молотком через плечо, как бы приглашая затусить.

— Нахуй не надо, — взмахом руки остановил его Харди. — Я домой, сука-бля, — развернулся он и двинулся в раздевалку.

Лео и Конор проводили его обескураженными взглядами.

— Ну что, по девочкам? — пихнул первый второго в бок.

— Конор — за! — состроил МакГрегор фирменный еблет старого приятеля и подтянул велосипедки.

Том шагал по коридору к раздевалке, когда его окликнул Батлер.

— Томми, постой! — крикнул он, и Харди слегка замедлился, давая другу догнать себя. — Навалял ты ему знатно! Этому своему Конору! Так ему и нать!

Сержант кивнул в знак принятия поздравлений.

— Вот значит не такой уж он и крутой, этот хваленый Конор, — продолжил Леонид. — Не думаю, что надобно ставить его себе в пример. Ты ж куда лучше этого поганца. Ну или можешь быть лучше.

— Угу, — равнодушно промычал Том, остановившись у двери в раздевалку.

— Томми, по-моему, ты дюже далеко зашел. Ну как вся эта срань поможет тебе? — возмущенно вскинул плащ Батлер. — Покалечисси да и все! На кой тебе эта белиберда? Мы же за другим приехали сюды. Я уже столько обыскал. И школ, и стрипух. Но я же даже не знаю, кого ищу. Да к тому же прошло уже больше двух месяцев, не знаю, стоит ли шоркаться по абортариям.

Харди обернулся и уставился на друга, приподняв шрамированную бровь.

— Я это все к тому, что пора бы и тебе подключиться к поискам Клубничной… — нахмурились Леонид и его плащ.

— Сука-бля… — подкатил глаза Том, скривив губы. — Батлер, у меня завтра тренировка и бой. Дай, сука-бля, отдохнуть, — вздохнул он и скрылся в раздевалке.

— Капитан, можно? — заглянул Харди в кабинет начальника Тома Хэнкса.

— Конечно-конечно, заходи, приятель, — жестом пригласил его тот, указывая на стул напротив. — Колин, уступи дяде место.

— Да я, сука-бля, постою, — выставил ладони вперед Том. — Я быстро, — достал он из кармана скамов «беретту» и мусорской значок.

— Какие-то проблемы? — прищурился Хэнкс. — И что с тобой вообще? — махнул он рукой на разбитое ебало Тома.

— Да, в общем-то, нет никаких проблем. А это — так, хуйня, — пожал плечами сержант, потрогав рассеченную переносицу, и присел на край стола. — Короче, сука-бля… Я тут покумекал и решил вот что… В общем, вот, — положил он пистолет и значок перед капитаном. — Понял, что есть кое-что, что мне важнее и интереснее, чем работа в мусарне. Не могу я столько времени теперь уделять службе. А я не люблю! Относиться к делам, спустя рукава, — положил он ладонь на левую часть груди. — Получается, что ни там, ни там не успеваю нихуя по-нормальному. Как-то так…

— К чему ты клонишь, сержант? — округлил рот Том Хэнкс.

— Увольняюсь, сука-бля, — состроил фирменный еблет Харди.

— Ах! — воскликнул капитан, схватившись за голову. — Ну как же так…

— Стоп! Не надо меня отговаривать, сука-бля, — перебил его Том. — Я уже все решил. Жалко, конечно, сука-бля. Но на данный момент вот так…

— Ох-ох! Вот это ты меня ошарашил! — замотал головой Хэнкс. — Осторожно, Колин! — вскрикнул он и подскочил с места.

— Колин, сука-бля! — подхватил падающего со стула вниз головой мальчишку в возрасте Харди — Ебаный в рот!

— Уууух… Чуть сердце не остановилось! — вздохнул капитан, вытерев испарину со лба. — Да как же так, Харди! Ты смотри, вон какой ловкий! Реакция отменная! Тебе самое место в полиции. Ты один из наших лучших кадров. А в допросах тебе вообще нет равных. Я уж подумывал тебе даже повышения дать. Лейтенант Харди, м? Как звучит!

— Не, капитан, не интересно, — выставил ладонь вперед Том. — Сержант устраивает вполне. Сержантом, сука-бля, и уйду. Все решено. Не трать время.

— Эх, Харди. Жаль, очень жаль. Мэдсен наверняка расстроиться, что ты ушел, — опустил уголки губ Хэнкс.

— Ты хотел, наверное, сказать, что заебет тебя подъебывать, как ты, петушара, упустил такого ценного сотрудника? — усмехнулся сержант, пихнув капитана в плечо.

Тот рассмеялся.

— Да, должен признать, ты прав, — закивал Хэнкс.

— «Беретту», конечно, сука-бля, жалко. Привык к ней — пиздос, — положил руку на табельный пистолет Харди. — Но что уж, правила есть правила. Не ты их придумал, не тебе их и нарушать. Так что, сдаю, — придвинул он оружие к капитану, не убирая ладонь.

Том Хэнкс поджал губы и задумчиво уставился на «беретту» и значок.

— Ну, сержант, сука-бля, пошел? — приподнял шрамированную бровь Том.

Повисла неловкая увольнительная пауза.

— Так! Подожди! — хлопнул ладонью по столу Хэнкс. — Предложу кое-что тебе. Ты, конечно, вправе отказаться. Но все же, мое дело предложить.

— Ну? — вопросительно посмотрел на него Харди, уже придвигая ствол обратно к себе.

— Ты и впрямь ценный сотрудник. Не могу я тебя просто так отпустить. Но и заставить остаться не могу. Но вот ты уйдешь, а вдруг через месяц, через год или даже через десять, захочешь вновь вступить в ряды доблестной полиции?

— Ну, хуй знает, — неоднозначно покачал головой Том. — Так к чему клонишь, капитан?

— Предлагаю тебе уволиться чисто символически. Все останется за тобой: кабинет, оружие, форма, значок. Денежку Департамент тебе тоже будет перечислять, — нес полицейские бредни Хэнкс. — Ну, а работать не будешь. Ну точнее, пока не хочешь — не будешь. А вдруг потом передумаешь. Так мы всегда будем тебе рады. А уж я придержу за тобой местечко.

— Нихуя себе! — охуел сержант. — Это вообще законно?

— Ну законно, незаконно… Какая разница, если мы и сами закон? — развел руками капитан. — Ну так что? Согласен?

— Ээээм… Ну… — замялся Харди. — То есть я как бы останусь мусором, но на деле им не буду? Так что ли, сука-бля?

— Получается, что так, — откинулся на спинку кресла Том-капитан, сложив руки замком на животе. — Думаю, заманчивое предложение.

— И «беретта» при мне? — взял в руку пистолет Том-сержант и перекрутил на пальце.

— И форму новую будем высылать регулярно, и значком сможешь козырять, — кивнул Хэнкс. — Так что решайся. Уж точно ты ничего не потеряешь. Быть полицейским — всегда выгодно.

— Это уж точно, сука-бля, — почесал макушку Харди. — Ну, что сказать… Сержант согласен! — состроил он фирменный мусорской еблет и сунул «беретту» со значком в карман скамов.

— Вот и славненько! — хлопнул в ладоши капитан.

— Только если вдруг что — в любой момент уволюсь, если понадобиться или если посчитаю нужным, — выставил вперед указательный палец сержант.

— И в любой момент вернешься, если понадобиться или если посчитаешь нужным, — повторил трюк с пальцем Хэнкс.

— Заметано, сука-бля! — протянул Том ладонь капитану. Тот пожал руку и похлопал по плечу. — Ладно, бывай! — встал он со стола и двинулся к двери. — А ты, Колин, бате мозги не еби! — потрепал он Хэнкса-младшего по волосам, вляпавшись в запутанную там жвачку.

— Всегда рады тебя видеть в участке, Том. Не как подозреваемого, конечно, — засмеялся капитан. — И передавай привет Билли. Он говорил, у тебя там какие-то проблемы, так что я все понимаю — тебе не до работы, — улыбнулся он.

Харди непонимающе нахмурился и вышел из кабинета.

Декабрь 2007 года.

Леонид Батлер, прижимая к груди горячий сверток с клубничным пирогом, заглянул в спортивный зал, где тут же приметил Харди перед маленькой боксерской грушей, висящей на уровне его лица и сотрясающейся под быстрыми ударами.

— Томми, ты один? Где Лео? — осмотрелся Леонид по сторонам, сканируя эффектным взглядом зал.

— Один, — буркнул Том. — Лео поехал покататься по бульвару Сансет на своем обдроченном Дюзенеберге.

— Понятно, — кивнул Батлер и прошел внутрь. — Я тут тебе покушать сварганил. Вот — клубничный, — поставил он на резной стол пирог и скинул плащ, в который тот был завернут.

— Круто, — не отрываясь от груши, кивнул Харди. — Потом, Леонид.

— Послушай, Томми. Я это… Погутарить хотел. Прервесси? — поджал губы Батлер, уставившись на друга и теребя застежку плаща на пироге.

— Нет, — коротко мотнул головой Харди.

— Томми, прекращай, — подошел Леонид и двумя руками остановил грушу. — Удели минутку. Поговорим и дальше будешь кулаками махать.

— Говори, — подвигал челюстью Том, отстранил друга и продолжил ебашить

грушу.

— Ладно, хай так! — раздраженно цокнул бородач и скрестил руки на груди. — Ты как вообще, собираисси делать то, за чем приехал сюда? Я о твоей Клубничной Эми, если что. Чтобы ты не строил тут из себя дурачка и не говорил, что не догоняешь, о чем речь.

Харди молча продолжил наносить удары, как бы давая понять, что он, хоть и нехотя, но слушает.

— Мы уже с толку сбились ее искать, — начал Леонид, присев на куклу-армстронга.

— Кто это, сука-бля, мы? — не сводя глаз с груши, спросил Том.

— Ну я! Я! Просто ошибси! Какая разница? Что ты к словам цепляисси? Я не о том! — заверещал Батлер. — Я уже незнамо сколько школ прошел, стрипухи все до единой прочесал — нигде ее нет.

— Ну абортарии прочеши еще, сука-бля. Ты ж хотел, — пожал плечами Харди, на секунду остановившись, а затем с новой силой стал наносить резкие удары по груше.

— А толку? Времени-то прошло уже ого-го! Девять месяцев, как-никак! — эффектно возмутился Леонид. — Она уже чай родила, али вот-вот разродитьси!

Том бросил на друга короткий озлобленный взгляд.

— Ну, в смысле, если что-то было, — добавил Батлер. — Короче. Я не о том. Мне в одиночку ее вовек не сыскать! Давай уже бросай эту свою херабору, да надо искать вместе, — хлопнул он резиновую куклу по заднице.

Харди остановился, зажмурился и гневно подвигал желваками.

— Что тебе, сука-бля, надо? — махнул он рукой, открыл глаза и уставился на бородача, раздувая ноздрями.

— Так, что тут у нас? — прервал их звук молотка, раздраженно стучащего по чьей-то ладони. — Леонид? Ты чего хотел? Отвлекаешь Тома?

— Покушать принес, — процедил сквозь эффектные зубы Батлер, обернувшись на ДиКаприо. — А что, нельзя?

— Ну почему же нельзя? Смотря что, — подошел Лео к столу и брезгливо взглянул на пирог. — Ну такое себе, знаешь ли, питание, для спортсмена, — помотал он ладонью над пирогом, обмазанным блядско-розовым клубничным джемом.

— Ой! А ты-то сам что? Катаисси на своей колымаге, Томми тут незнамо чем занят! А мы, между прочим, ехали сюда не за этим! — вскипел Батлер, подскочил с куклы и затопал сандалиями по полу.

— Хуя себе, колымага! — усмехнулся ДиКаприо. — Слыхал, Том? Дюзенберг — колымага! Что ты мелешь, Леонид! Иди проспись, ты кажется приустал!

— Слышь, шмаровозы! Хули вам надо обоим от сержанта? — развернулся к ним Харди, оставив взбунтовавшуюся от ударов грушу. — Можно спокойно потренироваться?

— Нет! — возопил Леонид, остановив криком колебания груши. — Я не уйду отсель, пока не разрешу свой вопрос.

— Какой вопрос? — вскинул кончики бровей к потолку ДиКаприо.

— На счет Эми! — пояснил за вопль плащ.

— Ааа… — покачал головой Лео. — Том. Хочешь, поговорим об этом? Что ты думаешь на этот счет?

— Нихуя! Мне это неинтересно! — рявкнул Харди и вновь развернулся к обдроченному спортинвентарю.

— С каких это пор? — возмутился Леонид. — Что ж ты брешешь? Что брешешь? Неинтересно ему! Еще скажи, что все равно.

— Так, сука-бля, и есть, — развел кулаками, замотанными в бинты, сержант.

— Том, думаю, это не лучший вариант — избегать своих эмоций, — включил мозгоправа Лео. — Шампанского? — достал он из верхнего ящика стола бутылку и бокалы.

— В жопу себе засунь, петушня! — показал ему «фак» Харди, второй рукой продолжая набивать грушу.

— О-оу, — присвистнул ДиКаприо. — Это будет тяжелый разговор… — пробормотал он под нос, прищурившись и записав что-то в блокнот.

— Вот тебе и «о-оу»! — упер руки в бока Батлер, просверлив Лео возмутительным взглядом. — Ты посмотри, до чего его довел! Он же особачился! Рявкает на всех! Разве это то, что нужно ему? До чего он себя доведеть?

— Так, не ори! — закрыл уши Леонардо и всучил бородачу бокал с шампанским, дабы заткнуть тому рот. — Дай разобраться. Том, думаю, тренировка может и подождать. Сейчас важнее поговорить, — встал он из-за стола и подошел к Тому. — Мне кажется, ты закрылся в себе, и все пошло не так, как мы планировали.

— Не так как мы, сука-бля, планировали? — оскалился Харди, остановив грушу. — А как мы планировали? И что мы вообще планировали? Чего хотели, сука-бля, добиться? Точнее, нет. Не так. Чего я хотел добиться?

— Ну как же… — закудахтал Батлер.

— Ты хотел найти Эми и поговорить с ней, — перебил его Лео.

— А я, сука-бля, не говорил? Не просил ее в стрипухе выслушать меня? Не говорил, что это важно для меня? — нахмуренно заговорил сержант, непонимающе разводя руками. — Не сказал разве, что это было для меня особенным? Не предложил ей отправиться покормить ебучих касаток, или хотя бы довезти до дома? Не дал ей свой номер телефона? Что мне еще надо сказать этой пизде?

— Но ты же думал, что обидел ее, — поднял указательный палец ДиКаприо, испытывающе сощурившись.

— Ебать! Обидел! То есть я, сука-бля, должен думать лишь о ее чувствах? — ткнул себя пальцем в грудь Харди. — А о моих кто, сука-бля, подумает? Что мешало шкуре выслушать? Обида? Так, может, стоило послушать, что я скажу, может, и не было бы никаких ебаных обид? Но нет же! Пизда слишком ранима! Убежала! А может ей просто поебать на то, что произошло? М? Думаю, это куда лучше объясняет все?

— Томми, ну будя тебя… Чего ты так завелси? — взволнованно выставил ладони вперед Батлер. — Надо просто найти и выяснить ее думки. Ну может она накрутила себя, как и ты?

— Да похуй мне на ее думки! — взорвался Том, со всей силы ударив по груше. — У нее, в отличие от меня, был отличный шанс связаться со мной! — достал он из кармана шорт мобильник и потряс им. — Или же шмара взяла сотню лишь в качестве сотни? М?

— Ну откуда тебе знать, что у ней там твориться? — не унимался Леонид, незнамо зачем встав на защиту Клубничной Эми. — Мы же еще и не знаем на счет…

— На счет? — злобно подвигал челюстью Том, просверлив друга взглядом.

— Ну на счет твой оплошности… — шепотом проорал Батлер.

— Мм, оплошности… — покачал головой сержант, закрыв глаза. — Ну что ж, Леонид, давай пойдем дальше и рассудим. Ты ж, сука-бля, так любишь рассудить все по справедливости. Ну давай, хули. Во-первых, она сказала, что все в норме. Нахуя ей пиздить? В чем прикол? Если она такая конченая сука, что хотела залететь и поиметь с меня бабки, то где же, сука-бля, она? — обвел он спортивный зал ладонями. — Номер у нее есть. Звони, сука-бля, не хочу. Требуй деньги. Стремно самой? Хули не позвонили ее предки? Судя по ее рассказам, они те еще петушиные отродья, которые только и думают что об имидже своей

обдроченной семьи. Явно бы нашли меня и набили ебало, как ты предрекал. Как видишь, ебало сержанта набито, но не ими, — поводил он ладонью перед лицом, тут и там разукрашенного кровоподтеками и синяками.

— Томми, не надо этих твоих домыслов, — подкатил глаза Леонид.

— Ах моих домыслов? Может, сука-бля, твоих? — вскинул брови Харди. — Давай поговорим о твоих домыслах. Какие у нас варианты еще остались, кроме битого ее батей ебала? Где ты там искал эту пизду? По абортариям? Тогда скажи мне, Леонид, мне нахуя это надо? Какая-то шмара, которая залетела от меня, не дала даже объясниться, не связалась со мной, а просто, сука-бля, пошла и ебанула аборт? Мне это нахуя? Нахуя мне блядь, подобная моей конченной мамаше…

— Томми… — протянул Батлер, хлопнув плащом себя по лбу.

— Я не договорил! — процедил Том, выставив указательный палец. — Остаются еще варианты. Пизда залетела, и как ты ловко уже и сам подсчитал, уже должна была родить. Ну и где это шкурье в таком случае? Все в обиде? Ну я, блять, понял! Но есть и еще один вариант. Самый, сука-бля, прозаичный и правдоподобный. Нихуя не было. Как она и сказала — все в порядке. И раз и в этом случае она не позвонила, то это значит лишь одно! Шкуре поебать! Просто, нахуй, поебать! На меня! И на все, что было. Это нихуя для нее не значило. Такие вот мои, сука-бля, домыслы, — состроил он фирменный еблет и развел руки в стороны.

— Вот именно, что домыслы, — укоризненно скривил губы Батлер. — Все же я считаю, что ты не можешь знать всего этого наверняка.

Все это время Леонардо бросал прищуренные взгяды то на Леонида, то на Тома, то на блокнот, где делал какие-то пометки.

— Хватит, Леонид! Просто, сука-бля, хватит! — помотал головой Харди.

Батлер громко цокнул, и сержант уже хотел вернуться к избиению груши, когда наконец в разговор вступил мистер Лео.

— Том, как я уже и сказал, думаю, мы немного отступились от изначальной цели. Но все же это и впрямь лишь твои теории, не имеющие под собой веских доводов, — заговорил он, обходя сержанта по кругу и осматривая с ног до головы. — И, может, все же стоит и впрямь отыскать ее и выяснить все лично? Хотя бы для того, чтобы увериться в своих домыслах. Чтобы не терзать себя всеми эти мыслями и сомнениями. А кто знает, как окажется на деле? Вдруг все не так, как ты себе придумал. М? Мы можем отправиться к ней прямо сейчас. Скажи, что ты думаешь на этот счет? Мы поедем, только если ты этого действительно хочешь и готов услышать любую правду. Что скажешь? — выжидающе выставил Лео молоток вперед.

— Ты ебло? Лео, нет, ну серьезно! — зарычал Том. — Ты, сука-бля, вообще слышал меня? Я тебе еще раз, сука, скажу. Мне все это нахуй не надо. Не надо было раньше, и нехуй было впутываться вообще в это дерьмо. Я, сука-бля, рад, что не занялся этими ебливыми поисками. И сейчас я занимаюсь тем, чем хочу. А большего мне и не надо, — похлопал он ладонью по груше, развернулся и начал набивать ее кулаками.

— Хорошо, Том, будь по-твоему, — кивнул Лео.

Леонид хотел было открыть рот для возмущенных споров, но ДиКаприо принялся жестами изображать, что все уже сказано, и не надо усугублять, также махнул молотком в сторону раздевалки, как бы давая понять, что желает переговорить с бородачом наедине, ну, а Харди лучше сейчас оставить в покое.

Батлер, эффектно подкатив глаза, двинулся в двери раздевалки. Лео попятился за ним, не сводя прищуренный взгляд с Тома.

— Слышь, Лео, ты же все еще мой тренер и менеджер? — окликнул его сержант, не сводя глаз с груши и избивая ее по чем зря.

— Конечно, Том, о чем речь, — закивал мозгоправ, замерев на месте.

— Раз так, то я хочу, чтобы ты выбил мне один бой, — продолжил Харди спокойно, будто и не вскипал.

— Какой? С кем? — вздернул бровь ДиКаприо. Батлер тоже остановился, почуяв некий развод.

— С тем хачом. В шапке, сука-бля, — кинул он короткий взгляд на Лео.

— С Хабибом? — взвизгнул Батлер, а плащ схватился за его голову.

— С ним, сука-бля. С хачом, — подтвердил Харди, усмехнувшись. — Выбьешь или нет?

— Ээээм… — замялся ДиКаприо, почесав макушку молотком.

— Томми! Да ты чай сбрендил! — заорал Леонид, в панике заметавшись из стороны в сторону. — Да он же этот! Действующий чемпиён UFC! Да он же непобедим!

— Пффф… Конор тоже был непобедим. И хули толку? — ухмыльнулся Том, продолжая сосредоточенно набивать грушу. — Пока, сука-бля, не встретил сержанта. Встретит сержанта и этот шмаровоз, тогда и посмотрим. Выбьешь, петушара? Или мне тебя уволить?

— Выбью, Том, — поджал губы Лео и продолжил путь к раздевалке, прихватив и беснующегося Батлера.

— Ды ты чего творишь, мерзавец! — завопил тот, когда ДиКаприо с силой затолкал его в раздевалку и захлопнул дверь. — Да он ж его убьеть к ядреной матери! Что ж ты ведесси на его хотелки!

— Цыц! — сжал кулак перед носом Батлера Лео.

— Не буду я «цыц»! — ударил его по руке плащом Леонид. — И так уже нахуевертили незнамо что! Теперь еще и это!

— Цыц, блять! — рявкнул ДиКаприо на сей раз пригрозив молотком.
— Леонид, сука! Послушай! — зашипел он, притянув приятеля за брошь. — Все эти поиски Клубничной Эми — это бред чистой воды. Ты что, не видишь, что он не готов? Я, блять, не нарадуюсь, что мы тогда отвлеклись и не дошли до нее. Никто не знает, чем бы все закончилась тогда. Уверен, что хуйней собачьей. А сейчас мы дали ему время переварить все мысли, и видишь, каков результат! Он зол как сука! Он зол, что она не позвонила и не выслушала его. Где гарантии, что найди он ее, не стал бы спустя время выливать на нее все это дерьмо? А? Я тебе как психолог говорю, все бы так и было. Бои просто выступили в роли катализатора и ускорили реакцию, которая рано или поздно наступила бы.

— Да ты ёбнутый! — хлопнул себя по щеке Батлер. — Пусть даже все это и так? Но ты что, хочешь позволить ему драться с Хабибом? Да это хуета полная! Это к хорошему не доведеть!

— Откуда тебе знать? Том хорошо подготовлен. Конора, которого считал образцом, победил. А этот Хабиб кто для него? Какой-то хач ебаный? У него есть отличный шанс одержать победу, — нес то ли тренерские, то ли менеджерские бредни ДиКаприо. — Давай дадим провести этот бой. Кто знает, может это поможет наконец успокоиться?

— Или найти вечный покой! — не унимался Леонид.

— Хватит! — дал ему пощечину молотком Лео. — Он все равно не передумает. А нам не хватало, чтобы он еще и на нас обозлился. Нахуя нам это? Мы его друзья и должны поддерживать в любых решениях. Я вот тебе говорю, что встреча с Ежевичной Эми сейчас не лучшая идея. Но ты же стоишь на своем! А я вот считаю, что его скорее этот бой вернет к чувствам, чем разговор с ней. И я буду стоять на своем!

Батлер сузил губы в тонкую полоску и испытвающе уставился на Лео.

— Дадим ему шанс. Дадим проявить себя в том, что ему по душе. И будем надеяться, что все пойдет хорошо, — продолжил убедительно говорить ДиКаприо. — Хуже того состояния, в котором он находиться уже больше года, не будет.

— Ладно… — эффектно фыркнул Батлер. — Но знай, что я против этой затеи! — ткнул он кончиком плаща в нос Лео.

На том и порешали.

Джейк Джилленхол мчался вниз по ступенькам, расталкивая зрителей, лениво пробирающихся к своим местам.

— Прошу прощения, пропустите, — протискивался он по ряду, бережно прижимая к себе стакан с пивом и бумажный пакет с начос. — Извините, — аккуратно миновал он коленки зрителей, выискивая среди них эффектные колени Батлера и одним глазом поглядывая на октагон.

— Джейки, эй! — замахал ему Леонид.

Джилленхол приветственно кивнул и ускорился.

— Давно началось? — взволнованно спросил он, плюхнувшись на пустое сиденье рядом с Батлером.

— Ужо третий раунд! — заорал Леонид на всю арену. — Я уж думал, ты не придешь!

— Да как же я мог не прийти! — похлопал ресницами Джейк. — Просто опоздал, тачка по пути сломалась, пришлось брать такси, а там девчонка за рулем была…

— Понятно! — перебил его Леонид. — Вообще, не уверен, что тебе стоило приходить. А вдруг Томми тебя увидить? Греха не обересси!

— Ничего он не увидит, — отмахнулся парень из шара, надвинув пониже бейсболку. — Ладно, как тут дела?

— Да пока недурно, держитьси, — пояснил за бой бородач. — Но и Хабиб раслабитьси не даеть, наседает ого-го! Так что Томми пока приходитьси держать оборону.

— Ууууф… — выдохнул Джейк, хлебнул пива и уставился на октагон.

Харди, приняв защитную стойку, отступал от хача в шапке, блокируя чреду ударов. Сам же в промежутке между быстрыми приемами Хабиба пытался перехватить инициативу, внезапно подпрыгивая и замахиваясь ногами. Но пока удары не достигали своей цели, но, по крайней мере, не давали хачу полностью занять атакующую позицию.

— Ебаный в рот, Томми! — воскликнул Джейк, подскочив с места, когда брат едва не пропустил ебейший джэб, но в последний момент смог уклониться и даже нанести несильный удар вскользь. — Фуууф… — схватился за голову болельщик из шара и уселся обратно.

Прозвучал гонг, извещающий о конце третьего раунда. В октагон вбежал Лео ДиКаприо с маленькой табуреткой в руках, полотенцем и водой. Он усадил Харди и стал, рьяно жестикулируя, давать какие-то наставления, не забывая брызгать на него из бутылки и вливать бодрящую воду в рот. Тот кивал, уставившись пустым взглядом в пол.

— Боже, Леонид, да зачем же он во все это ввязался? — причитал Джейк, нервно грызя начос. — А вдруг этот пидорас его отпиздит? Да Томми вовек не переживет этого!

Батлер лишь пожал плечами, ведь ответов на эти вопросы он не имел, а волновался за друга не меньше Джилленхола.

— Ох-ох-ох! Ладно, давай будем верить в Томми, еще не все потеряно, думаю, у братишки все же есть шансы, — постучал Джейк Леонида кулаком по плечу. — Расскажи лучше пока, как ты вчера съездил в Пасадену? Все школы обошел? Прости, кстати, что не смог помочь вчера.

— Да не страшно, Джейки, — махнул плащом Батлер. — А как съездил… Да черт его знает. Ну школы обошел, ничего дельного не выяснил, впрочем, как всегда. Думаю, вся эта затея уже бессмысленна. Мы с тобой уже все прочесали, абортарии уже отпали. Что ж теперь еще по родильным домам искать, или по

приютам? Не знаю я…

— Никогда бы не подумал, что ты такой нерешительный парень, Леонид, — прищурил бесконечно синие глаза Джилленхол. — Понравилась тебе девчонка, еще и накончал в нее… Что ж сразу не остановил, не взял номер, а дал лишь свой? Разве ты не знаешь, что девчонки не любят звонить первыми?

— Да я-то знаю… — положил руку на грудь Батлер.

— А кто не знает? — приподняв пышную бровь, просканировал его взглядом следователь из шара. — Томми?

— Ой, Джейки! Будет тебе! При чем тут Томми? — нервно и беззвучно захихикал Леонид. — Ох, а начос у тебя с чем? О, да чай с беконом! — сунул он в рот горсть кукурузных чипсов из пакета Джилленхола и начал с деланным интересом пережевывать.

— С паприкой, — пояснил за закуску Джейк. — А при чем тут Томми?.. Да при том, что вот эта вся история, которую ты мне поведал в мае, больше подходит именно ему, нежели тебе.

— Джейки, угомонись! — вскрикнул Леонид, осыпав всю трибуну пережеванными снеками. — Все, четвертый раунд!

Джилленхол одарил Батлера неверующим взглядом, после чего уставился на октагон.

На сей раз, только прозвучал гонг, Харди бросился на Хабиба с атакой, сумев нанести пару не слишком сильных, но сбивающих с толку ударов. Воспользовавшись этим моментом, он попытался перевести противника в партер, но хач ловко вывернулся из хватки и въебал Тому мощным хуком справа. Тот на секунду потерял ориентацию в пространстве, но быстро собрался и вновь занял защитную позицию.

— Знаешь, я ведь давно подозревал, что Томми девственник, — заговорил Джейк ближе к концу раунда, когда противники устало сцепились в партере, оба пытаясь выйти на болевой или удушающий. Но выходило все не то! Ни у одного не получалось провести прием! Силы покидали, и оставалось лишь ждать гонга, чтобы немного передохнуть и подкопить энергии для последнего раунда.

— Опять ты за свое! — хлопнул себя по лбу плащом Леонид. — Я же тебе сказал, он тут не при чем. Всю эту делюгу я накуролесил, и именно я хотел найти девицу.

Прозвучал гонг, соперники отлепились друг от друга и побрели к наставникам. Леонардо мигом подскочил к Тому и принялся колдовать над рассеченной бровью, откуда сочилась кровь. ДиКаприо чем-то сбрызнул, наложил слой специальной мази, налепил тонкие полосочки пластыря и приложил ледяную бутылку шампанского к ране. Харди же тяжело дышал и слушал очередные тренерские советы. Лео безумно бил молотком по сетке октагона и что-то орал. Затем присел на корточки перед сержантом и начал вкрадчиво объяснять, водя прищуренным взглядом с Тома на Хабиба.

— Ты думаешь, я не вижу, что с ним творится непонятно что? — продолжил Джейк, когда начался пятый заключительный раунд. — Зачем он занялся этой ебалой? — махнул он рукой в сторону октагона, где Харди все же удалось выйти на болевой прием. Но тот довольно быстро закончился и не возымел успеха. Хач вывернулся из захвата и сам заломал Тому руку.

— Ну просто занялся! Что ты, Томми что ли не знаешь? — все отбрехивался Леонид. — Вечно занимается не пойми чем…

— Вот именно, что слишком хорошо знаю… Ну же, блять! — вскочил Джилленхол, сотрясая кулаком, когда Харди смог высвободить руку и подняться на ноги. — Он вечно творит всякую хуйню, когда что-то в его жизни идет не так. Вот и тут я думаю, что вся эта история со стриптизершей — про него. И, что он, дабы выбросить из головы девчонку и куда-то выплеснуть переживания, начал драться. Думаю, так все и было, и просто он попросил тебя не рассказывать мне

ничего. Вот ты и придумал всю эту ерунду, будто ты был в той стрипухе и запал на ключицы. Ключицы, блять… Ну надо! Ох, Томми, Томми, такой ранимый…

— Все, будя тебе, Джейки, — не слишком уверенно осадил Батлер. — Давай смотреть, две минуты всего осталось…

Джейк вздохнул и закивал, уставившись сочувствующим взглядом на брата. Тот беспорядочно метался по октагону, кажется, совсем выбившись из сил. Он, как мог, пытался блокировать удары, но это становилось все сложнее. Хабиб, хоть и был тоже вымотан, держался куда уверенней и медленно, но верно изматывал противника.

— Ну же, братишка… Давай, — приставил кулак к губам Джейк. — Блять! Сука! — вскрикнул он, когда Тому прилетел несильный, но точный апперкот.

Харди отшатнулся, но устоял на ногах. Потерянный взгляд заметался туда-сюда.

— Томми! — подскочил Джилленхол, когда серые глаза брата встретились с его — безбожно синими.

Сержант замер и, покачиваясь, уставился на трибуну. Это длилось всего мгновение, но отвлекло от всего происходящего вокруг.

— Блять, Томми! Смотри, ну же! — орал Джейк, уже не пытаясь скрыть себя. — Да что ты творишь! — замахал он рукой на хача.

Не успел Том перевести взгляд с брата, как ему в челюсть прилетел мощнейший кросс, вмиг отправивший в нокаут.

Джейк и Леонид схватились за головы, глядя, как Харди рухнул без сознания, а Хабиб в шапке победно вскинул кулаки.

Глава 91: Кома

Последнее, что увидел Том, были синие, до боли знакомые и родные глаза. Далее он долго падал, не видя перед собой ничего, лишь кромешная тьма. По классике своей, Харди не понимал ничего, как, собственно, и не чувствовал. Создавалось ощущение, что душа вылетела из тела и стремительно куда-то направлялась. Но все в порядке, света в конце тоннеля не наблюдалось, а значит, он был жив.

— Нашатырь, дайте понюхать ему нашатырь! — слышал он приглушенный голос.

Том не понимал ни кому он принадлежал, ни откуда доносился.

— Ничего не выходит! Отвезем его в больницу и уже будем думать что-то там! — психовал еще один незнакомый голос.

— Том, блять, очнись! Ты меня слышишь? — услышал он голос ДиКаприо, после чего почувствовал еле ощутимые хлопки по щекам.

Но ничего не помогало, и Харди стремительно продолжал падать.

— На этом наши полномочия все! Мы не понимаем, что с ним. Кровоизлияния в мозг нет, никаких других травм головы тоже, — возмущался незнакомый голос, эхом раздающийся вокруг сержанта. — Положим его под искусственную вентиляцию легких, будем колоть физраствор и ждать чуда…

Том ощутил притупленную непринятую боль в горле и, наконец, рухнул на что-то мягкое. Он хотел было встать, но абсолютно не чувствовал тело.

— Батюшки свят, Томми, да что ж ты натворил?! — услышал он вопли Батлера. — До чего ж довел себя, сука-бля! Чай не за этим ты ж ехал в Лос-Анджелес! — рыдал тот.

Харди хотел было что-то сказать, но не мог не то что слово вымолвить — промычать! После этого он и вовсе провалился в небытие.

— Ох, Томас, Томас… — послышался голос капитана Хэнкса. — Зачем же ввязался во все это? Сидел бы сейчас в своем кабинете и горя б не знал… А теперь… Тфу ты! Колин, Колин не трогай эти трубочки!

— Неть! — приглушенно рявкнул Хэнкс-младший.

Харди вновь провалился в небытие.

Том открывает глаза и оглядывается по сторонам. Он находится в своем родовом поместье в Манчестере. Он вылезает из огромной люльки, стоящей в холле, и осматривается. За журнальным столиком у камина сидит его «любимая» старая блядь Мэрил Стрип и старательно разукрашивает фигурку садового гнома.

— Проснулся, выродок британский? — спрашивает она, даже не смотря на сына. — Пидераст в маске… Ни на что не способен… Нужно было абортировать тебя кустарным способом, а потом выбросить твой дурацкий зародыш на помойку!

— Что ты, сука-бля, мелешь, дура? — спокойно спрашивает Том, подходя к столу и беря в руки одного из садовых гномов. — Дядя Бен? — приподнимает он шрамированную бровь, узнавая в лице статуэтки отчима.

— Ну да, это я, пацан, — смеется гном. — Не хочешь немного порисовать, а я посмотрю «Полицию Майами»?

— Сука-бля! — брезгливо откидывает от себя статуэтку Харди. Та падает на пол и разбивается вдребезги.

— Да что же ты такой никчемный? — взрывается Стрип, сверля сына уничтожающим взглядом. — Из-за тебя у меня никогда не будет личной жизни!

Ты мой крест! Хочешь, сошью тебе костюм кота Тома? — мелет она абы что.

— Мэрил, сука-бля, помолчи, а, — морщится сержант не в силах слышать весь этот бред.

— Нет! Ты никому не нужен! Даже той шалаве из стрип-клуба! Господи, дай Бог, чтоб у нее хватило ума абортировать твоего выродка, если она залетела… — крестится блядь. — Хотя не думаю, что это возможно. Если ты запамятовал, то у тебя сперма инвалида! — поднимает она вверх указательный палец.

— Да ну тебя на хуй, — отмахивается Том, подкатывая глаза.

— Жрать будешь, чмо? — достает из бюстгальтера огромный праздный торт из брокколи мисс Стрип.

— Сама жри эту поебень, — показывает матери «фак» Харди.

— Для себя у меня есть кое-что получше, — достает она из зажженного камина еще один торт в праздных розанах.

— Мразь бестолковая, — цокает Том и направляется в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

— Туда нельзя! — вытаскивает из рукава бутылку вина Мэрил и прикладывается к ней.

— Поебать! — отмахивается Харди, уже ступая по порожкам.

— Ну и хуй с тобой, — пожимает плечами мисс Стрип. — Но не думаю, что мой малыш Джейки захочет общаться с таким тупоголовым выродком, как ты!

— Ошибаешься, — усмехается Том, подойдя к двери своей спальни, кладет ладонь на ручку и открывает.

— Бля, братан, пиздец ты конечно теперь овощ, — услышал Том откуда-то издалека голос Кента, после чего послышалось шуршание упаковки фисташек. — Но и в этом есть плюсы, никуда не надо ходить, что-то делать… Охуено же, ну!

Харди заходит в комнату и видит перед собой шар из гиперпрочного полиэтилена. По центру установлен шест, на котором крутится пресловутая Клубничная Эми. Том хмурится и подходит ближе, смотря на полуголую девку через полиэтиленовую стену. С минуту понаблюдав за милейшими ключицами, Харди направляется к зип-замку, чтобы зайти внутрь шара.

— Неа, входить нельзя, — смеется Клубничная Эми, скидывая верх купальника. — Тебе можно только смотреть, но не трогать!

— Почему, сука-бля, не перезвонила? — задает нелепый вопрос Том.

— И как я должна была это сделать? — спрашивает стриптизерша.

— Ну я же написал тебе свой номер на сотне, — мямлит Харди.

— И? Это же сотня, я давным-давно ее потратила! На что ты рассчитывал? И вообще, кто ты такой, чтобы я тебе звонила? У меня таких как ты — сотни! — извивается у шеста девушка, даже и не глядя на Тома.

Он хочет что-то сказать, но тут замечет, что на полу, недалеко от шеста, сидит малыш Джейк, напихивая в ноздри фасоль и завороженно зыркая на женское обнаженное тело.

— Сука-бля, пизда, оденься, на тебя смотрит ребенок! — психует Том.

— Разве это проблема? — высовывается из-за дивана Снежана-плюш и прячется обратно.

— Шкура, прекращай немедленно! — взрывается Харди, разыскивая взглядом зип-замок, который незнамо куда исчез.

— Пускай смотрит, — усмехается Эми. — Маленький что ли?

— Вообще-то, сука-бля, да! — рявкает Том, пытаясь прорвать пальцами полиэтилен, дабы ворваться в шар и прекратить безумие! Но тот никак не поддается!

— Думаю, он сам вправе решать, что ему делать, а не слушать твои

приказы, — высказывает экспертное мнение фетровая корона принца Чарльза, влетевшая в открытое окно.

— Да он же, сука-бля, ребенок! Прекращай немедленно! — пытается по старинке пролезть в шар через отсек для передачек Том.

— Томми, да иди ж ты на хуй, — говорит резко повзрослевший Джейк, продолжая наталкивать в ноздри и уши бобы. — А ключицы и впрямь хороши! Можно потрогать?

— Конечно, — подходит к нему Клубничная Эми. — Если есть сотня, можем даже потрахаться, и ты лишишь меня девственности.

— У меня только это. Подойдет? — достает из носа фасолину Джейк и протягивает стриптизерше.

— Вполне, — томно улыбается девушка, а Джилленхол начинает тянуть руку к ее ключицам.

— Пиздюк, я ж тебя, сука-бля, прошу, не трогай! Тебе девок что ли мало? — продолжает корячится в отсеке Том. — Это ж, сука-бля, мое сокровенное! Куда ж ты полез?

После этих слов Харди с хлопком влетает из отсека в шар и кубарем катится по полу.

— Том, что ж ты такой бедовый, а? — услышал сержант приглушенный голос Мелиссы. — Не стоило тебе покидать дом. Посмотри до чего довела тебя жизнь в Штатах… Не такой судьбы для тебя хотел Крис… Ох, не такой!

Затем в ушах Харди будто образовался вакуум, и он не услышал больше ничего.

— Так, может все же попробуем поднять тебя шампанским? А ну-ка, открой рот, — раздался голос ДиКаприо и Том ощутил на языке сладковатый вкус и шипение. — Ан нет… Ладно, придумаю еще что-нибудь…

Том поднимает голову и оглядывается по сторонам. Он находится в VIP-ложе «Вишенки и Черешенки». На угловом бежевом диванчике сидит уставший мистер Уокен, а на его коленях, извивая старым телом, танцует приват Елизавета II.

— Папа? — встает с пола Том и садится рядом с отцом, прямо на свежее кровавое пятно.

— Томас, почему же ты не следовал моему совету? Какие касатки? На танцы надо было ее звать! На танцы! — жамкает Кристофер морщины на королевских бедрах. — А потом под венец сразу, не иначе… А ты… Эх! — скидывает он усталую шляпу на пол, усеянный десятисантиметровым слоем кокаина.

— Ну я просто не понял… Не понял… — мямлит абы что Харди, а в этот момент рядом с ним кто-то подсаживается.

— Ммм? — ощущает он горячее дыхание у уха, в нос ударяет клубничный аромат, а на ремень скамов ложится чья-то ладонь.

— Мхм, — согласно мычит Харди, закрывая глаза.

Проворная рука расстегивает ширинку, пробирается под трусы, обхватывает член сержанта и начинает дрочку. Том выдыхает через нос и откидывается на спинку диванчика. Через мгновение, он чувствует, что что-то твердое начинает тереться о его бедро. Харди открывает глаза и медленно поворачивает голову.

— Какого, сука-бля, хуя? — шепчет он, видя рядом Гошу Куценко.

— Ну что, сейчас закончим и на танцы? — спрашивает тот, пуча глазами и продолжая Тому дрочить.

— Сука-бля, отъебись, петушара! — вскакивает с дивана Харди, нервно застегивая скамы.

— Сына, ну ты что? — удивляется Кристофер. — Негоже отказываться от

танцев!

— Это значит нет, да? Ты что, считаешь меня шлюхой? — расстроенно опускает уголки глаз Гоша и кладет ладонь на внезапно выросший живот.

— Сукааа… — протягивает Харди, вцепившись в волосы от вида беременного мужика, и пятится к выходу. Спина упирается в дверь, та открывается, и Том вываливается из чилаута.

— Сержант Харди, ты точно меня не слышишь? Это не развод никакой? — где-то вдалеке услышал Том сомневающийся голос Джонни Деппа.

Харди хочет промычать хотя бы ему хоть что-то, но вновь проваливается незнамо куда.

— Да что ж ты так криво ему ногти обкромсал-то? Дай сюды, я сам это сделаю, неумеха! — услышал он кудахтанье Батлера. — А пилочки случайно нет?

Харди спиной вваливается в еврочетырешку и оборачивается. За накрытым столом сидит куча народу, выпивая водочку. Чуть поодаль, на комоде, стоит фотопортрет Тома с черной траурной ленточкой в правом углу.

— Что это, сука-бля, за ебала? — охуевает он, указывая пальцем на фотографию.

— Матерь Божья… Да он чай жив! — хлопает по бедрам Батлер.

— Блять! — психует черный плащ Леонида, опрокидывая в себя стопочку.

— Да быть того не может! Это не он, — убеждает присутствующих Эдвард Нортон. — Он вчера спрыгнул со Спейс-Нидл. Он не мог выжить, это я вам точно говорю!

— Тогда вали отсюда, самозванец! — кидает в Тома свекра Киану Ривз. — Не видишь, у нас тут поминки! Нам надо скорее уже их закончить и заняться своими делами!

— И то верно, — вякает пышка Глэдис, разливая по рюмкам самогон. — Ведь кто будет помнить этого человека?

— Кто-кто, да никто! — добродушно бьет об стол замшевой головой Брэд Питт.

— Он никому и никогда не был нужен, так что грустить по нему никто не будет, — пожимает плечами Мелисса.

— Неправда, он был нужен лишь своей матери, но он вытер об нее ноги и был таков, — вставляет свою экспертную точку зрения Владислав Утин, макая оладушек в мед.

— Да вы, сука-бля, конченые! — взрывается Том и бежит в свою комнату.

Открыв дверь, он видит, что на кровати лежит Стивен Джеррард, а сверху на нем скачет какая-то девица. Она поворачивает голову, и Том узнает в ней никого иного, как бывшую одноклассницу — Милу Кунис.

— Що тебе надо? — хмурится она.

— Стивен, сука-бля, нахуя? — задает безобразный вопрос Харди.

— Что значит, нахуя? — трижды роняет брови на пол Джеррард. — Потому что она мне перезвонила!

— В смысле? — не понимает Том.

— В смысле? — кривит ебалом Клубничная Эми, оказывающаяся на месте хохлушки.

— Так, ну вроде бы всех собрал, — выходит из шкафа Джилленхол, неся в руках огромную коробку, где Том хранит своих дражайших кукол. — Пацаны, я пошел на помойку их выкину, нахуя нам это тряпье бесполезное, правильно? — обращается он к ебущимся на кровати.

— Охуел, пиздюк, отдай! — пытается вырвать из его рук коробку Харди. — Это мое!

— Нахуя ж это тебе надо! Ты же умер! — вскидывает пышные брови Джейк, без труда отстаивает коробку и выходит из комнаты. — Ох, как хорошо, что его больше нет в моей жизни! Теперь никто не будет учить, как жить! Красота, да и только!

Харди гневно раздувает ноздрями и выбегает из комнаты. Но вместо коридора еврочетырешки оказывается в кабине самолета. Он видит спинки кресел пилотов. Но одном из них кто-то сидит, но Харди не видит кто. Он медленно подходит к креслу главного пилота, ступая по коридору из манекенов-предков.

— Сука-бля, что происходит… — шепчет он, плюхаясь на место и берясь одной рукой за штурвал.

— Хватит этого бреда, кукла, разворачивай самолет! — рявкает женщина в хуевом красном платке, сидящая на втором кресле.

— Но я ж не умею, сука-бля, им управлять! — охуевает Том.

— Ну, это уже твои проблемы, — разводит руки в стороны мисс Стрип, оказавшись на месте женщины в красном платке. — Впрочем, не удивлена. Ты никчемный пидераст, и этим все сказано. Что ж, значит, нам всем суждено разбиться по твоей вине.

— Ну спасибо, Том… Спасибо… Охуенно, чё! Теперь все мы из-за тебя умрем! — слышится возмущенное улюлюканье за спиной. Харди оборачивается и видит перед собой всех своих друзей, знакомых и не только.

Вокруг начинает разноситься гул и свист, Том быстро поворачивается и видит сквозь окно, что самолет стремительно падает вниз. Не успевает Харди ничего предпринять, как нос лайнера соприкасается с водной гладью и начинает тонуть.

Тут же Том, сам не понимая как, оказывается снаружи и камнем идет ко дну. Тело парализовывает и он не может даже пошевелить рукой. Харди решает, что, значит, так тому и быть и открывает пухлый рот, чтобы скорее хапнуть как можно больше воды и умереть. И только губы начинают открываться, как перед Харди оказывается парень из шара, соприкасается с его ртом своим и, посредством искусственного дыхания, дает брату спасительный глоток воздуха.

Хлопок закрывающейся двери.

Том подскочил с кровати и ебанулся от увиденного! Он находился в больничной палате! Ох, ну нихуя б себе! Неужто он проиграл бой с хачом в шапке и попал в больницу? Харди в панике начал вытаскивать из горла трубку ИВЛ, и на всю палату раздался тревожный писк медицинской аппаратуры. Буквально через пару секунд в палату вбежала вереница врачей.

— О Боже! Он пришел в себя! — охуевал один из них.

— Успокойтесь и лягте обратно, вам нельзя нервничать, — взял за плечи Тома еще один и уложил обратно на кровать.

— Что, сука-бля, происходит? Что со мной случилось? — вопрошал Харди, желая получить ответы.

— Вколи ему успокоительное и снотворное, — отдал распоряжение медсестре один из докторов.

— Да не надо мне нихуя колоть! Объясните, что случилось! — бунтовал Харди, которого уже держали три врача.

Но никто не хотел брать на себя ответственность и отчитываться перед сержантом, посему ему было вколото снотворное, а один из докторов побежал звонить Батлеру, дабы сообщить, что его друг пришел в себя, и хай бородач приезжает скорее и рассказывает, что с тем приключилось.

Когда Том вновь открыл глаза, то увидел сидящего на кровати Батлера, нервно теребившего уголок плаща.

— О, Томми, как я рад, что ты снова здесь с нами, поистине — это чудо! — крикливо улыбнулся он.

— Что, сука-бля, произошло? — вкрадчиво спросил Харди, осматриваясь по сторонам. — Я проиграл бой?

— Да, — выпалил Батлер. — Тебя нокаутировали.

— Сука-бля, да как так-то, а? — цокнул сержант. — Сука, жид во всем виноват! Отвлек меня, петушара… Я видел его, перед тем, как хачина в последний раз мне въебала… Долго я провалялся в отрубе? — взглянул он на Леонида.

— Достаточно, — закусил нижнюю губу бородач.

— Достаточно это, сука-бля, сколько? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Ты впал в кому, — мялся Леонид.

— Охуенные, сука-бля, вести, — раздраженно выдохнул Харди. — Сколько я так лежу? Неделю? Две? Месяц?

— Год… — выпалил Леонид, эффектно посмотрев в глаза другу.

— ??? — вылупился на него Харди.

— ??? — расставил ладони в стороны бородач, как бы показывая, что он здесь не при чем.

— Год?! Сука-бля, год?! — подскочил с кровати Том, не веря в услышанное, и заметался по палате. — Это немыслимо! Год нахуй! Год! Я проебал целый год!

— Томми, ну не кипятись ты так, все образуитсси, ничаво такого ты и не пропустил, — попытался успокоить его Леонид. — Разве что Додж я оттюнинговал по полной, теперь он как новенький…

— Где пиздюк? Скажи, он приходил, мм? — разъяренно зыркнул на друга Том.

— Нет… — вновь замялся тот. — Как бы тебе сказать…

— Конечно, нет! — перебил сержант. — Нахуй ему это надо? Сука-бля, из-за него я оказался во всей это ебале! Он специально пришел на бой и звал меня с трибуны, дабы отвлечь! Сука, пидорас ебучий, хотел опять доказать, что я ебло собачье и нихуя не умею? А, как увидел, что я мог побороть того хача, так сразу удумал отвлекать!

— Томми, ну не гоношись! Не так все было! — попытался вставиться бородач, но, кажется, это было не то что бесполезно, но нихуя и не нужно.

— И, сука-бля, за год, хуй разу пришел навестить брата! Ведь нахуя б ему такая беспомощная обуза! Овощ, сука-бля, в коме! — Харди схватил с прикроватной тумбочки теннисный мячик и в психах швырнул его о стену.

— Томми, прекращай, — отвесил ему пощечину плащом Леонид. — Хватит винить во всех бедах других. Сам виноват, что полез в эти свои ММА! Если забыл, то не за этим мы вообще ехали в ЭлЭй…

— Хо-хо-хо, — наигранно закудахтал Харди. — Это ты о той пизде и стрипухе сейчас хочешь мне намекнуть? Ну и где ж эта шмара, Леонид? Получается, почти два года прошло, так, сука-бля? И где она, а? А я тебе скажу, где! Сержант, сука-бля, винил себя, что обесчестил несчастную девочку, но все это бред. Эта сука сама меня поимела, забрала мою девственность и была такова! Шлюха, вот она кто! Еще раз увижу ее хоть когда-нибудь — бля буду — раскрошу ебальник, к хуям переломаю ключицы, тебе, сука-бля, понято? И тебе сломаю нос, вякни ты мне еще хоть слово о ней, усек? — пригрозил он кулаком Батлеру.

Тот хотел было открыть рот, но Том продолжил гневную тираду.

— Где вообще, сука-бля, все?! Сержант год! Год! Пролежал в коме, а когда вышел, то пришел один ты, Леонид! За это тебе, кончено, низкий поклон, ты настоящий друг, но, сука-бля, где все?! Неужели я и впрямь никому не нужен?

Том, остановись, что ты порешь?! Ты ж и сам всю свою жизнь стремился оттолкнуть от себя людей. Кого ты ждал в качестве посетителей? Кажется, за

всем этим кроется какая-то конкретика, так? Точнее даже сказать — конкретика из шара.

— Ну больно тебе, — по-доброму махнул ладонью Батлер. — К тебе сколько людей приходило! У меня и пальцев не хватить сосчитать! И все ребятушки твои из убойного отдела, и Лео, и тот татуированный клоун, и Мелисса… Кстати, нужно ей сообщить, что ты пришел в себя! И вообще, предлагаю нам с тобой поехать собрать манатки в Сиэтл, а потом к тебе на родину. Мелисса сказала, что ее дом открыт для тебя в тысячу дверей! Думается, тебе сейчас стоит побыть с близкими людьми, дабы…

— Бла-бла-бла! — покривил фирменным еблетом Харди, рассматривая свое отражение в зеркале. — Сука-бля, какой пидормот стриг мне волосы и бороду целый год? Да кто-кто! Ясен хуй ты!

— Ну, вообще-то…

— И вот кого ты перечислил — это, сука-бля, все не то! — перебил Харди. — Блять, где мой мобильник, — подорвался он к тумбочке, схватил с нее телефон и включил его. Тот несколько раз пропиликал, оповестив хозяина о входящих сообщениях. — Ты глянь-ка! Ебло собачье даже и не удосужилось мне написать! Никто, сука-бля, мне не написал! Нихуя никому сержант не нужен!

— Томми, если ты о Джейки… — начал было вновь Леонид.

— Завали! — жестом ладони остановил его Том и принялся вслух зачитывать входящие СМС-сообщения. — Сержант Харди, смею вам сообщить, что записал на зоне новый трек и спешу поделиться им с вами, проверьте электронную почту… Даже петушара Тимберлейк написал сержанту с зоны! — психанул он и перелистнул сообщение. — Том, мы с парнями прослышали, что с тобой случилось. Это огромный шок! Крепись, весь Сиэтл держит за тебя кулачки… Это Леонид, сука-бля, Агутин написал! Даже этому пидору есть до меня дело, в отличие от некоторых! Тра-та-та… Вот, Джонни, сука-бля… Том, ты точно в коме? Ответь, пожалуйста… — зачитал он. — Ладно, хуйня какая-то… А вот и сообщения на днюху пошли… С днем рождения, шмаровоз, будь счастлив и не хворай… Это Конор написал мне. А вот сообщения от, сука-бля, кухаров, работающих в поместье, когда я был еще пиздюком… Ох, сука-бля, приятно даже, что они помнят обо мне, — нелепо улыбнулся Харди, почесав затылок. — Так, какой-то теплый поздравительный стих от Питта… А это что за хуйня? Тут написано «привет» и три смайлика: указательные пальцы направлены друг к другу и клубничка. Охуенно, сука-бля! И какое чмо могло так поздравить сержанта с днем рождения? О! Декстер, сука-бля, Морган! Даже этот пидорас написал мне! С днем рождения, сержантская сука, гори в аду… Ты видишь, Леонид, я нихуя и никому не нужен! Сука, жид! — молол он противоречивые речи.

— Послушай, Томми…

— Послушай, Томми, — передразнил Харди. — Ааагррр! Как же я, сука-бля, зол! Я проебал год! И как выяснилось, нихуя и никому не нужен! Все, в пизду, я хочу домой! — начал стягивать с себя больничную ночнушку в горошек Том.

— Ладно, поехали, а там разберемсси, что делать дальше… — хлопнул по эффектным коленям Батлер.

— Какой хоть сейчас месяц и год? — поинтересовался Том, нарочито поджигая больничные шторы и прикуривая от них сигарету, ведь целый год проебал и не смолил назло матери!

— Январь 2009…

— Ну охуенно, че! — еще более озлобленно воскликнул Харди.

4 февраля 2009 года.

— Томми, да чаво ж ты натворил?! — заверещал Батлер, как только парни зашли в еврочетырешку.

— Сука-бля, а что я сделал не так? — скинул с себя окровавленную дубленку Том и стал заталкивать ее в стиральную машинку.

— Это была деловая встреча, накой ты всех убил?! — верещал Леонид.

— Это была стрела, сука-бля! — спорил Том. — Суки хотели нас убить!

— Да что ты мелешь? Ребята были безоружны, нахуя ж ты начал по ним стрелять?!

— Ой, да тебе ли не поебать? Зато знаешь, Леонид, я это сделал и мне стало, что ли, легче…

— Томми, я вижу, что после комы, да и до нее, ты стал очень агрессивным, но зачем выплескивать свою злобу на безобидных? Даже если от этого легче на душе самому! Я не разделяю твоих методов! Это тебе не война, чтобы ты проливал кровь направо и налево! — умничал бородач, добавив в речь нотки грамотности — для пущей эффектности.

— Хм… — задумчиво буркнул Харди, уставившись в потолок и почесав подбородок. — А в твоих словах есть доля, сука-бля, правды…

— Вот о чем и толкую! — деловито поправил мачете на поясе Батлер. — Эй, ты куда? — воскликнул он, когда друг, не говоря ничего, направился в сторону ванной комнаты. Леонид поспешил за ним, на ходу подтягивая латекснные легинсы цвета беж.

Оказавшись на месте, сержант взял в руки машинку и принялся остервенело обривать под единичку стильную прическу, сверля отражение в зеркале ебливым взглядом.

Повисла неловкая барбер-пауза.

— Что ты, пресвятая матерь богородица, задумал? — взволнованно крикнул бородач, когда Харди отложил машинку в сторону.

— Пойду на войну, — пояснил за планы Том, налив на голову пены и растирая ее помазком.

— Мать честная, Томми! — захлопал эффектными губами Батлер. — Кака война? Накой черт тебе это? Куда ты собралсси, я тебя спрашиваю?!

— В Ирак, — важно заявил Том, сбривая остатки волос на голове.

— На кой черт, я тебя еще раз спрашиваю?! Ты ж британец! Разве тебя это вообще волнуить?

— А у меня есть, сука-бля, выбор? — вылупился сержант. — Пойду за США, что мне еще остается? Все, в пизду! Даже и не говори ничего! Я так решил, сука-бля, тебе меня не переубедить! Я злой, я озлобленный, я нервный, я раздраженный, я ненавижу все и вся! И я не люблю! Находится в таком состоянии на постоянной основе! А в Ираке, может, будет шанс выпустить пар! И это не обсуждается!

— Ну я понЯл… ПонЯл… — неграмотно процитировал друга Леонид. — Я с тобой, Томми… В таком настроении один ты там быстро сгинешь…

— Тогда брей голову, чё встал? — сунул ему в руки машинку Том.

На том и порешали.

Глава 92: Служба

12 марта 2009, Ирак.

— Ну же, рядовой, прыгай! — орал лейтенант Сэмюэл Л. Джексон, выталкивая Тома из фюзеляжа военного самолета.

— Не буду, сука-бля! — цеплялся обеими руками за обшивку Харди, сержант в душе, рядовой же по погонам.

— У тебя что, пизда вместо яиц? — подначивал его негритос-командир.

— Нет! Я просто боюсь высоты! — замотал головой Том, отпихивая от себя лейтенанта.

— Что ты тогда забыл в вооруженных силах США? — брезгливо скривился Сэмюэл, пихая ногой Харди из самолета.

— Томми, давай уже десантируйси! — подбодрил друга Леонид, надевая парашют поверх камуфляжного песочного плаща. — Ты же хотел на войну, вот те и война! Прыгай ужо!

— Нет! — прорычал Харди, охуевшим взглядом посмотрев вниз.

— Пидора ответ! — рявкнул один из однополчан Тома и пинком вытолкнул его из самолета.

— Сукааа… — заорал сержант, полетев вниз.

Следом за ним прыгнул и Батлер, нагнав друга через пару секунд свободного падения.

— Сука-бля! Сука-бля! — стонал Харди, зажмурившись.

— Дергай за кольцо! — сложил ладони в рупор Леонид.

Вскоре друзей догнал и парень, вытолкнувший Тома из самолета. Им был не кто иной, как актер театра и кино — Джейсон Стэтхем. Он поравнялся с Харди, показал ему два больших пальца и поправил, прикрепленную на каске камеру ГоПро. Расплывшись в обдолбанной голливудской улыбке, Джейсон дернул за кольцо и устремился вверх.

— Томми, дергай уже! А не то разобьесси! — поторапливал Батлер, уже держась за кольцо своего парашюта.

— Ебаный в рот! Нахуя ж я в это ввязался? — отчаянно прокричал Харди и наконец раскрыл парашют.

Леонид повторил трюк и полетел вверх за сослуживцами.

Через несколько минут рядовые приземлились на раскаленный песок Ирака.

— Да ёб твою мать! — причитал Том, пытаясь распутаться из парашюта, накрывшего его.

Стэтхем рывком скинул с Харди тряпку и поднял за шкибот. Не успел сержант крепко встать на ноги, как рядом с ними что-то упало, прогремело и обсыпало землей. Том отлетел и упал на спину. В ушах звенело, а глаза залепило песком.

— Томми! Ты как? — по-пластунски подполз к нему Батлер. — Кинули нас прямо в самую бойню! Вставай, бери автомат и бежим!

Сержант поморгал, пытаясь избавиться от песка, но вместо этого тот засыпался под веки хлеще некуда. Тогда Харди начал тереть глаза, но не помогало ничего! Песок никак не убирался.

— Да вставай же ты! — заорал Стэт, поднимая Тома.

Леонид же вложил ему в руки автомат, и оба они потащили сержанта вперед.

«Послушай, Том! Что за ебала? Ты хотел убивать, а не вот это вот все!» — озлобленно думал Харди, несясь средь грохочущих там и тут взрывов и выстрелов.

Наконец, зрение стало возвращаться, и тогда сержант, пригибая голову от пуль, принялся осматривать место действия. Сквозь завесу пыли, поднявшуюся в

воздух от артиллерийский и авиа-ударов, разглядеть что-либо было сложно. Тут хоть бы различить, где друзья, где враги, не то что уж вести прицельный огонь. Потому Харди решил пока отложить стрельбу, задавшись целью найти какое-нибудь место для укрытия, где можно было бы немного прийти в себя.

Через пару минут безумного бега Том споткнулся то ли о камень, то ли об какой-то бесхозный труп, то ли и вовсе об хуйню какую-то, перекувыркнулся и свалился в окоп. Кому он принадлежал и кто его выкопал — свои или чужие, тоже было неясно. Харди некоторое время пытался восстановить дыхание, озираясь по сторонам в поисках Леонида, ну или хотя бы ГоПро Стэта. Но вместо этого он заметил ползущего по окопу лейтенанта Сэмюэля метрах в двадцати от себя.

— Рядовой, мы заняли позицию, теперь время вступать в бой… — начал было тот кричать военные бредни, как вдруг между ними просвистела граната, и раздался взрыв.

В голове у сержанта вновь задребезжало. Когда облако пыли осело, он увидел лейтенанта, схватившегося обеими руками за лицо. Харди, недолго думая, пополз к нему.

— Ты, сука-бля, в порядке? — спросил он, подобравшись к Джексону и похлопав его автоматом по плечу.

— Ай, сука! — прорычал Сэмюэл и убрал руки от лица.

— Ебааать… — присвистнул Том, увидев кусок колючей проволоки, торчащий из глаза лейтенанта.

— Помоги мне, рядовой! — отдал приказ командир и жестом предложил сержанту извлечь проволоку.

— Ну я понял… Понял… — состроил фирменный еблет Харди, забившись в агонии посттравматического синдрома, схватился за проволоку и потянул на себя. — Понял, сука-бля… — закивал он, уставившись на нигерский глаз, болтающийся на металлической хуевине и капая своим содержимым на форменные скамы Тома.

— Спасибо, рядовой! — достал лейтенант из-под широкополой шляпы замызганную тряпку и бутылочку со спиртом. — На, лей! — протянул он Харди склянку и раздвинул веки пустующей глазницы.

Сержант скривился, глядя на кровавое месиво, вытекающее на черное лицо командира, но не придумал ничего лучше, как откупорить пузырек и вылить содержимое туда, где двумя минутами ранее еще был глаз.

— Заебись! — поморщился Джексон и залепил дыру камуфляжной тряпкой.

Тут сверху на них с оглушительным воплем рухнул Батлер, окончательно раздавив задницей, обтянутой в песочные кожаные лосины, остатки лейтенантского глаза, а также распоров себе проволокой эффектную ягодицу.

— Я заснял! Я заснял! — нырнул в окоп и Стэтхем, постучав пальцем по объективу ГоПро.

3 января 2010 года.

Трое парней сидело на песке, прислонившись друг к другу спинами. Это были рядовые, вышедшие на ночь в караул. Звали их: Том, Леонид и Джейсон.

— Знаете, братаны, уже почти год тут служим, и могу вам сказать одну вещь, — прервал тишину Стэтхем, затянувшись папиросой. — Изначально я попиздил сюда, чтобы снять фильм от первого лица про войну, а теперь… — похлопал он по потрепанной жизнью ГоПро, прикрепленной к каске. — Впечатлений, конечно, я ебать их в рот хапнул. Бля буду, когда контракт истечет, вернусь в Голливуд и заебашу полнометражку про все это… Не хотите сняться со мной? — передал он папиросу Тому.

— Я, сука-бля, пас, — затянулся Харди. — Не об этом я мечтаю.

— А о чем же? — спроси Стэт.

— Да, хуй его знает, нет у меня никакой мечты, — пожал плечами Том.

— Хуево это, брат, — покачал головой Джейсон. — Без мечты и жизнь не та. Ты обязан придумать себе хоть что-то и стремиться к этому. Ведь где бы ты ни был, кем бы ты ни стал, не позорь тех, кто тебя воспитал…

— А вот я б купил себе судно для сбора креветок, — перебил Батлер, решив перевести тему, которая буквально бы через мгновение могла довести его друга до вспышки агрессии. — И ловил бы их днями напролеть. А потом бы пек из них торты, пироги, кексы, пирожные, тарты, киши…

— Ну так купи, о чем речь, братан? — пихнул его в бок Стэтхем.

— Да ну, — отмахнулся Батлер. — Море не люблю!

— Так, что расселись, салаги? — перебил бестолковый диалог парней, подошедший к ним Самюэль Л. Джексон. — Есть для вас задание…

— Слышь, лейтенант, сука-бля, Джексон, заебал! Какой я тебе салага? Сержант Харди! — рявкнул Том.

— Да какой же ты бестолковый, сынок, — закрыл белесой ладошкой черную морду Самюэль. — Почему ты столько времени не можешь взять в толк, что это тебе не гражданка. Здесь ты рядовой, а на твои ментовские звания мне поебать! Здесь они не имеют никакой власти!

— Эх, — опустил уголки пухлых губ Том, ведь за целый год никак не мог смириться с фактом, что в Ираке он нихуя не сержант и уж тем более нихуя не власть.

— Ладно, хватит лишних слов, — поправил пиратскую повязку на глазу лейтенант. — У меня для вас секретное задание! Американские власти не на шутку утомлены, что Ирак не хочет отдавать нам нефть. Посему, хотят, чтобы мы взяли в плен Саддама Хусейна, дабы лично с ним порешать все эти вопросы. Для этого вы трое отправитесь в Багдад, прямо в его дворец-резиденцию, схватите и приведете ко мне. Кажется, тут все предельно просто и ясно. Вопросы есть?

— Ну нихуя б себе! — прокудахтал Батлер. — Вы же отправляете нас на верную смерть!

— Ну, смерть, не смерть, — развел руки в стороны Джексон. — А исполнять приказ вам придется. Если вы конечно не хотите под трибунал? — интригующе подергал он бровью.

— Не бойся драться с теми, кто сильней — непобедимых не существует, — незнамо зачем пизданул Джейсон, поднимаясь с песка.

— Ну и на чем нам туда, сука-бля, добираться? — поинтересовался Харди. — Давай только не на вертолете вы нас туда подкинете, ты же знаешь, я не люблю! Высоту. Может, дадите военный, сука-бля, Джип?

— Еще что? Может пососать тебе? — состроил фирменный еблет сержанта Самуэль. — Пешком пойдете, это ж, как-никак, секретная операция!

— И Саддама пешком вести сюды? — округлил плащ бубликом Леонид. — Тут же дороги на лет десять!

— Я все сказал! Давайте, поднимайте свои ленивые жопы, пакуйте вещички и в путь! — рявкнул лейтенант Джексон.

Третьего дня уставшие и изнеможенные ребята добрели до Багдада. Замаскировавшись с ног до головы в мусульманские тряпки, они зашли в город и двинулись по главной улице, проходя через простецкие глиняные дома, имевшие дурацкие отверстия вместо окон и дверей. Спустя какое-то время перед ними предстал огромный белый замок с гигантскими золотыми куполами.

— Дисней, сука-бля, какой-то, — усмехнулся Том, остановившись и подкурив. — Что это за богадельня Алладина такая?

— Ты что, это же резиденция Саддама. Там он проживает со своим любовником, — пояснил за дворец Стэтхем.

— В смысле с любовником? — охуел Том. — Он педик что ли?

— Ну почему сразу педик, Томми? — дружески хлопнул его по плечу Леонид. — Просто гей, что тут такого?

— Что значит, что тут такого? — дерзанул Харди, скинув с себя руку друга. — Я не люблю! Разного рода секс-меньшинства!

— Ладно, пацаны, потом будите спорить, — осадил Стэт, снимая дворец на ГоПро. — Давайте лучше думать, как нам пробраться туда незамеченными и украсть Саддама.

Решив не прорабатывать никакой план действий, Том молча направился в сторону дворца, придя к выводу, что будет действовать по обстоятельствам.

Оказавшись у его стен, недолго думая, ребята перелезли через них и оказались на территории дворца. Пред ними предстал прекрасный сад, сплошь и рядом усаженный диковинными кустарниками и деревьями. Посреди стоял помпезный фонтан со статуей Саддама и его пучеглазого ебаря, из ртов, ушей и хуев которых сочилась нефть. По самой же территории там и тут беззаботно гуляли сотни тигров.

— Ёбаный ты в рот, — прошептал Харди, припомнив свою прошлую встречу с хищной кошкой в виде льва. — Кажется, нам пизда…

Птичья трель и кошиное урчание, раздающееся в саду, затихли, и тигры с презрением уставились на сержанта, сверля его укоризненными взглядами.

— Бежим! — завопил на всю округу Батлер, откинув звуковой волной в сторону Стэта, а сам рванул в сторону стен и начал подпрыгивать. Но как бы он не старался, перелезть обратно ему не удавалось, ведь стена была высокой и гладкой с внутренней стороны, в отличие от внешней, оборудованной многочисленными пиратскими лестницами.

Джейсон пролетел на несколько метров и плюхнулся в нефтяной фонтан, приземлившись на хуй Саддама и моментально почернев темнее нигера. Так и осел.

Том же Харди не то что растерялся — охуел! Он скинул мусульманское тряпье, продемонстрировав тиграм стильную армейскую форму США и схватился за автомат. Он положил палец на спусковой крючок, но стрелять не решался.

— Сука-бля, тигры, отъебитись! Я не хочу вас убивать! — ныл он, ведь, по его мнению, убить животного было зашкваром из зашквар. Человека — пожалуйста!

Но тиграм было поебать на его принципы и, грозно рыча и клацая вставными челюстями, они начали замыкать сержанта в кольцо.

— Бля, отъебитись Христа ради! — взволнованно кричал Батлер, взяв в руки плащ и раскрутившись юлой, дабы не подпустить к себе ни одного из хищников.

— Чито за безобразие? — выбежал во двор то ли султан, то ли джин, то ли и вовсе Алладин какой-то.

— Это Саддам? — вынырнул из нефти Стэтхем, протер глаза и стал сравнивать усатое ебало статуи с не менее усатым лицом, появившегося во дворе мужика в длинной белой сорочке и тапочках с закрученными носами.

— Да точно он! Охуенные туфли! — лайкнул Джейсон, выбираясь из фонтана.

— Хватай его! — крикнул он Тому.

— Это ты мне, сука-бля? — охуел сержант, которого тигры уже окружили в плотное кольцо.

— Хватайтэ нэвэрных! — приказал мистер Хусейн, махнув рукой на троих незваных гостей.

Вдруг тигры встали на задние лапы, скинули с себя полосатые шкуры, оставшись лишь в трусах, откуда достали автоматы. Оказалось, что все это развод какой-то, и никакие это не звери, а просто-напросто личная охрана Саддама Хусейна.

— Ну охуеть! — возмутился такому наебу Харди, коря себя за то, что не пристрелил двуличных хуеплетов минутой ранее.

Бывшие тигры, ныне мусульманские приспешники Саддама, поправили примятые костюмами бороды и похватали под белы рученьки всех троих: Тома, Леонида да Джейсона. Те пытались сопротивляться и покрывали их хуями, угрожая, что правительство свободной Америки не оставит безнаказанным сей дерзкий поступок. Но охрана была неумолима и потащила ребят ко дворцу, попутно вырубив каждого ударом по голове, заебавшись слушать их нелепые английские речи.

— Аллах Акбар! — благословил своих ребят Хусейн и, заложив руки за спину, двинулся погулять по дивному саду, где у него было назначено свидание с возлюбленным.

— Сука-бля, где я? — прохрипел Харди, с трудом разлепив глаза и обнаружив себя в клетке. — Бляяя… Какого хуя? Мэрил? — охватила его паника, когда он решил, что находится в плену блажной мисс Стрип.

— Розы любят воду, пацаны — свободу. Розы гибнут на газонах, пацаны — на зонах, — пизданул незнамо что Джейсон, пытаясь отскрести от объектива ГоПро засохшую нефть. — Мы в плену у Саддама, — пояснил он за клетку сержанту.

— Фуууф… — с облегчением выдохнул Том и стал оглядываться.

С ним рядом, помимо Стэта, сидел, обхватив эффектные колени плащом и уткнувшись в них бородой, Леонид. Сама клетка была небольшой, с прутьями чистого золота, и висела она под самым потолком огромной мраморной темницы.

— Ну и хули делать? — нахмурился Харди и, одним глазком взглянув вниз, отшатнулся, обосравшись от охуевшей высоты. — Как нам отсюда, сука-бля, выбираться?

— Думаю, нам остаетси только поджидать, когда наша армия будет брать штурмом дворец, тогда и нас выпустят, — пожал плечами Батлер.

— Ты ебанулся, Леонид? — приподнял шрамированную бровь Том. — Я не собираюсь тут сидеть и ждать непонятно чего. Во-первых, я не люблю! Высоту! А во-вторых, я не люблю, сука-бля, клетки!

— Ну, значит надо устроить диверсию! — выдвинул вариант Джейсон и надел камеру на лысую голову.

— И как же, сука-бля? — состроил фирменный еблет сержант, требуя разъяснений. — Я что-то нихуя не вижу вариантов, как это сделать, — обвел он рукой тесную золотую клетку.

— Безнадежно — это когда на крышку гроба падает земля, все остальное можно исправить! — мудро выкатил глаза Джейсон.

Повисла неловкая пауза.

Вдруг внизу парни заметили движение.

— Это что еще за хуеплет? — спросил Том шепотом, когда все трое уставились вниз и увидели там…

— Ребенок? — предположил Батлер, глядя на человека в костюме агрессивного исламиста.

— Да не, по-моему, карлик какой-то? — почесал ГоПро Джейсон.

— Пиздос, сука-бля… — подытожил Харди. — Это вообще законно? Хули пидорасы Саддама вербуют в свои ряды то ли детей, то ли карликов…

— Эй, пацаны! Вы там как? — крикнул снизу коротышка, подняв бородатую голову к клетке.

— Не, все же пиздюк это… — сделал вывод Том, исходя из голоса человека. — Сколько ему? Лет десять-двенадцать?

Леонид и Джейсон согласно закивали.

— Хули молчите? В пизде торчите? — продолжил мальчик, стянув с головы арафатку и спустив с лица накладную длинную бороду.

— Че, сука-бля, происходит? — почесал лысину Харди, и его приятели повторили трюк, все втроем не понимая нихуя.

Пацан, тем временем, скинул с себя исламское платье, и теперь на нем красовалась военная форма Соединенных Штатов Америки, да хранит ее Господь.

— Ты чьих будешь? — задал провокационный вопрос Батлер.

— Да свой я! — отмахнулся ребенок. — Че? Выбираться планируете? Или как? Или что?

Парни в клетке продолжали бестолково хлопать глазами и безумно молчать.

— Ебаный в рот… Какого хуя всегда мне достается самая ебань? — подкатил глаза мальчик. — Короче, у вас там в клетке лежат лассо. Берите их, сейчас я открою клетку, и вон по тем хуевинам спуститесь вниз, — указал он рукой на крюки на потолке, видимо встроенные здесь для пыток.

— А тебя как звать? — продолжил расспрос отважный военизированный плащ Леонида.

— Не скажу, — коротко мотнул головой ребенок.

— А с хуя ли нам тебе верить? — прищурился на подобие старика Лео сержант.

— Ну, можете не верить, — пожал плечами пацан. — Сидите дальше, а я пошел… — развернулся он и нарочито медленно двинулся к выходу.

— Нет, стой, сука-бля! — окликнул его Харди, решив довериться ребенку, ведь сил сидеть в клетке уже не было, да и ссать хотелось слишком сильно. — Откуда тут лассо? И как ты откроешь клетку?

— Слишком много вопросов, папаша, — цокнул мальчик и достал из кобуры пистолет.

— Ебать, «беретта», как у меня! — пихнул Том Леонида локтем в бок.

Не успел бородач выдать никакую эффектную реакцию, как прогремел выстрел. Дверца клетки распахнулась, а от замка сочился дымок.

— Хуясе, ты где так стрелять научился, пиздюк? — забился в агонии меткости Харди.

— Батя научил, — отмахнулся мальчик. — Хотяяя… Не очень-то он меня научил… Честнее будет сказать, что стрелять пиздато меня научил мамкин кореш, — поведал охуительную историю пацан. — Ну вы спускаетесь, или как? — махнул он рукой в сторону кучи веревок в углу клеток, которую умудрились не заметить три рядовых мощнейшей армии мира.

— Я парнишка модный, по жизни свободный, корешей не бросаю и братву уважаю! — молол чепуху Стэт, поднимаясь на ноги.

Он взял лассо, замахнулся и волей случая с первого же раза зацепился за один из крюков.

— Ебаааааать! — с воплем прыгнул он и полетел вниз.

За ним трюк повторил и Леонид. Сержант же Том мялся еще целых полчаса, как малолетняя целка, не решаясь на столь безрассудный поступок. Ну ебать ты! Как же со Спейс-Нидл собирался прыгать? Или это были очередные дешевые понты? Но, наконец, когда он был с ног до головы обложен хуями и проклят друзьями и мальчиком, решился и, зажмурившись и распрощавшись со своей ничтожной жизнью, совершил прыжок веры.

— Все, уходим! — распорядился пацан, когда после удачного приземления Том выкурил разом три сигареты, которыми его и пригостил сам мальчик.

— Ребятенок, ты выведешь нас отсюдова? — вопрошал Батлер, когда они крались по коридору дворца, стены которого были выкрашены нефтью и украшены коврами да драгоценными каменьями.

— Так нам надо, сука-бля, взять Саддама! — вспомнил о миссии сержант, решив таким образом реабилитировать репутацию перед друзьями, чтобы те не считали его трусом.

— Ну, Саддама, так Саддама, — развел руками мальчик, состроив какой-то

еблет, которого никто не увидел за фальш-бородой, вновь натянутой на лицо для маскировки. — Вон его спальня, — махнул он рукой на дверь из нефтяного сгустка в конце коридора.

— Томми! Да что ж ты творишь-то, а? Накой тебе этот Саддам сдалси? — завизжал шепотом Леонид, схватив Харди за локоть. — Поедем домой ужо, а? Не навоевалси?

— Нет! — рявкнул Том, выдернув руку из хватки плаща. — Стэт, ты со мной?

— За деда и двор стреляю в упор! — кивнул Джейсон.

— Это значит, сука-бля, да? — приподнял шрамированную бровь Харди.

— Я встану на колени в трех случаях: поднимая раненого брата, целуя руку матери и собирая рассыпавшийся насвай, — продолжал бредить Стэтхем, двинувшись вперед к нефтяной двери.

— Ну я понял… Понял… — ебано улыбнулся Том. — Леонид? — перевел он взгляд на друга.

— Ой, все! — психанул Батлер, эффектно подкатив глаза, и последовал за Джейсоном.

Сержант состроил фирменный еблет и отправился за друзьями. За ребятами поспешил и мальчик.

Они подошли к нефтяному сгустку и заглянули каждый в замочную скважину, коих, о чудо, здесь было четыре — под рост и весовую категорию каждого.

В роскошной нефтяной спальне, прямо на кровати, на шелковых простынях, находилось двое: Саддам Хусейн и мужчина с неприятными выпученными глазами. Второй жарил первого в позе догги-стайл.

— Пацан, уверен, что тебе стоит на это смотреть? — спустя пару минут оторвался от скважины Харди, зыркнув на мальчика.

— Ой, все нормально, — отмахнулся тот.

— Ну нихуя б себе они, — ухмыльнулся Батлер.

— А мне бы крышу повыше, ночи потише, слова послаще, и пиваса почаще, — пизданул Стэт, наклонившись и заглянув в скважину объективом ГоПро.

— Ууур… — мурлыкал Саддам.

— А теперь давай, отсоси мне, — рявкнул пучеглазый, извлек член, развернул Хусейна и грубо вставил ему в рот по самые гланды. Саддам что-то томно пробурчал, сопровождая это давящимися звуками на грани рвотного позыва.

— Сеньор Саддам, бэда! Плэнныэ сбэжать из клэтка! — послышался взволнованный голос тигра из рации, стоящей на трухлявой прикроватной тумбочке.

— Что?! — взорвался ебарь Хусейна. — Какого хуя, спрашивается, Саддам?! Совсем распоясался! Почему не следишь за пленными? Почему сразу их не пытал, я не понял? Чему я тебя учил, бестолковый араб! Чем ты меня вечно слушаешь? Хуем?!

— Буаяяяя пуасти! — мямлил Саддам, в глотку которого все еще грубо входил-выходил член.

— Прости, блять! Соси, давай, а потом разберемся! — отвесил ему подзатыльник пучеглазый. — И себя не смей ублажать! — ударил он по ладони Хусейна, теребившей свой арабский хуй.

Тот опустил уголки губ, но сосать продолжил.

— О дааа! — спустя пару минут прохрипел ебарь Саддама, подкатив глаза хлеще некоторых.

— Ебать чмо! — высказал экспертное мнение ребенок, с малых лет воспитывающийся по принципу гендерного разделения.

Но, кажется, пацан сказал это слишком громко. Столь вопиющую фразу услышал пучеглазый и резко повернулся в сторону нефтяного сгустка-двери,

бросив на нее пожирающий душу взгляд.

— Сука-бля… — отшатнулся от скважины Том, охуев от такого поворота событий. — Ебать — этот петушара жуткий!

— Меня зовут Стив Бушеми, — представился разъяренный ебарь Саддама. — Сейчас я вас поймаю, и вы пожалеете, что вообще появились на свет. Вы пройдете у меня через все круги ада, перед тем, как сдохнете и попадете в небесное царство, — нес он фаталистический бред, а тем временем его кожа начала преобретать красноватый оттенок, а на голове выросли маленькие рожки.

— Когда меня рожали, собственно, я и родился, — прошептал Стэтхем, отстранившись от нефтяной хуйни.

— Чаво? — охуевше спросил Батлер.

— Шли нахуй тех, кто тебя кидал, останься с теми, кто с тобой страдал, — продолжил бредить актер театра и кино. — Бежим, говорю!

И все четверо побежали по коридору. За ними в погоню бросился Стив и Саддам, даже не успевший одеться.

Ребята бежали уже пару минут, но каким-то странным образом коридор никак не заканчивался! Он будто стал бесконечным! Это нагоняло еще большей жути тем, что за спинами они слышали топот копыт, непонятно кому принадлежавший.

— Ну все! Вы меня очень разозлили! Очень! — комментировал погоню отставший Стив. — Значит, я начну свои пытки прямо тут, наслав на вас десять казней египетских! Итак, приступим! Поправочка, наказаний будет восемь, ибо смерть первенца в вашем случае не подойдет, да и мор скота тоже!

— Морс кота? Что за поебистика такая? — нахмурился Харди и споткнулся о персидский ковер, распластавшись по полу.

— Вставай, ну же! — попытался поднять его Леонид.

— Нашествие кровососущих насекомых! — пояснил за первое проклятие Бушеми, остановившись в паре метров от ребят. — Но их в наличии нет…

— Какие-то хуевые проклятия у тебя, — запыхано сказал мальчик, опершись о колени.

— Но их в наличии нет! — громко повторил Стив, проигнорировав возмущения ребенка. — Посему, будут скарабеи! — махнул он рукой.

В тот же миг из-под плинтусов пачками повалились священные жуки и стремглав бросились на Харди, облепив его с ног до головы.

— Ааа-ааа! — прерывисто запищал Батлер.

— Не ссы, они не навредят ему, — отмахнулся мальчик.

— Сука-бля, сука-бля! — извивался по полу сержант-скарабей.

— Запомни меня таким: странным, грубым и нервным, я не казался святым, но был тебе верным, — высказал экспертное мнение Джейсон и прыгнул в кучу скарабеев, давя их тяжелыми берцами.

— Сукааа! Что ты творишь, больно! — верещал из тонны жуков Том.

— Ладно, с тебя достаточно, едем дальше! — взмахнул Стив… Копытом?! Эй, какого хуя у него копыта вместо ступней? Так вот кто значит ими топотал! А где вообще Саддам? А, вот же он подбежал! Бля, чувак, спрячь хуй, ну неприятно же, а!

Скарабеи отступили, ребята подняли охуевающего сержанта и продолжили бег.

— Стойте! Куда?! — ринулся за ними Бушеми. — Не отставай, Саддам! Смотри и учись, как нужно пытать!

— Но у мэня нэт такой сыла! — возмутился тот.

— Я не понЯл, он что, волшебник? — поражался Батлер, эффектно перебирая ногами.

— Чудо Господние, не иначе, — воскликнул Джейсон.

— Язвы и нарывы! — продолжил комментировать Стив.

После этих слов лицо Стэтхема стало покрываться миллионами пузырьков, вырастающих до невероятных размеров и с громкими хлопками взрывающихся, оставляя после себя раны с сочащимся там и тут гноем.

— Все говорят: изменись, и все за тобой потянуться. А я лучше останусь собой, и посмотрю, кто со мной останется! — в панике заверещал тот, но бег продолжил.

— Сука-бля, — стал похлопывать себя по смазливо-брутальному ебалу Харди, побоявшись такой проказы, ведь хоть и считал себя чмом, где-то в глубине душе знал, что он красавчик!

— Ладно, едем дальше! — щелкнул в пальцы Стив, и лицо Джейсона приобрело прежний вид. — Теперь накажем тебя, карлик!

— Я не карлик! — возмутился мальчик, остановился, повернулся и нахмурился, сверля ебаного Бушеми ебливым взглядом.

— А-а-а! — помотал пальчиком тот. — Со мной твой трюк не пройдет! А за твою дерзость я наказываю тебя нашествием саранчи!

Непонятно откуда взявшийся рой саранчи ворвался в коридор и закружил вокруг пацана, неприятно шелестя крыльями.

— И это все? — расставил ладони в стороны мальчик, когда назойливые насекомые покинули коридор. — Ебать я кончено зассал! Пиздос просто!

— Да, все! — улыбнулся Бушеми. — Ну, каждого лично я наказал, теперь приступим к массовым пыткам!

— А как жэ тот красаучик в сандалях? — томно подрыгал бровью Саддам, надрачивая член, ведь кончить дюже хотелось. Но, кажется, никто не услышал его бредней.

— Гром, молния и огненный град! — объявил следующее наказание Стив, подняв руки. — Но первых двух мне не дано, так что, господа, довольствуйтесь огненным градом!

В ту же секунду ребята подорвались и вновь побежали по бесконечному коридору, а на их головы с потолка посыпались огненные шарики какой-то хуйни, обжигая их бестолковые лысые головы.

— Сука-бля, думаю, что он все же не волшебник, а какой-то шарлатан! — высказал мнение Том. — Вы посмотрите, половина его наказаний — хуйня собачья! Ну, в смысле, в наличии нет нихуя!

— Да ты чай дЭбил?! — гневно схватил его за грудки Батлер, остановившись. — Ты на базар что ли приперсси? В наличии ему нихуя нет! А этого мало?

В это время горящий комок приземлился прямо на его плащ. Тот, завизжав, соскочил с хозяина и, расправив себя, на двух уголках запрыгал по полу, пытаясь потушить себя.

Стив же решил взять передышку, пока отдыхали и парни, и заставил Саддама по-быстрому отсосать.

— Ну же, плащ, тушись! — дул на него мальчик, но получалось все не то! Тряпка разгоралась еще больше!

— Можно поссать, — пожал плечами Стэт и принялся обоссывать друга Леонида.

— Сука-бля, какого хуя! Не я горю, а плащ! — взорвался Том, отряхивая с ноги голливудские ссаки.

— Ну я уже все! Больше нет! — пожал плечами Стэт, пряча член в камуфляжные скамы, но не Харди, а свои.

— О дааа… — прохрипел Бушеми, вытащив свой до безобразия неестественно красный прибор и наставив его на горящий плащ. Вмиг тот потушился при помощи сами знаете чего. Кое-чего вязкого и резко пахнущего.

— А теперь — тьма египитская! — возликовал Стив, томно зыркнув на

Хусейна.

— О, нет-нет-нет, — попятился тот, схватившись за жопу. — Только не это!

Повисла неловкая темная пауза. Свет во всем дворце погас.

— Ну я ж тэбя прошу! — буробил Саддам впотьмах. — Ти же знаэшь, Стив, как я боюс тэмнота!

— Нихуя не вижу! — раздраженно бормотал Том, рыская по карманам зажигалку. — Так-то лучше, — состроил он фирменный еблет, подкурив сигарету.

— Ну, милый мой, ну вэрни свэт! — ныл Хусейн. — Я же сэйчас обосрус от страха! — кряхтел он, присаживаясь на корточки в уголке.

— Этого еще не хватало! — подкатил сверкающие адским пламенем глаза Стив. — Лааадно… — махнул он рукой и щелкнул пальцами.

Вокруг вновь стало светло. Харди впопыхах докурил и бросился бежать, за ним рванули Леонид, Джейсон и ребенок, чье имя было тайной. Стив и Саддам, подтерший жопу ковром, ринулись вдогонку.

— Наказание кровью! — объявил следующую казнь Бушеми, топоча как проклятый.

— Звучит ебано… — скривился Харди, ожидая незнамо чего.

— Пресвятая Богородица! — перекрестил плащ Батлера своего хозяина.

— Татуировки, кровь и шрамы — вот из чего я сделан! — пизданул Стэтхем.

— Че, петушара, тоже есть партаки? — поинтересовался сержант, обернувшись к Джейсону.

— Неа, — помотал лысиной тот.

— Хочешь заебашу тебе, сука-бля? — предложил свои услуги дешевой тату-шлюхи Том, решив скрасить скучный бег, ведь проклятие Стива никак не давало о себе знать.

— Может, кто-нибудь хочет пить? — крикнул Бушеми.

— Нет! — в один голос ответили убегающие.

— Да по-любому хотите, после такой-то погони! Но у вас нихуя не выйдет! Ведь вся вода превратилась в кровь! Ха! Ха-ха! — по-идиотски рассмеялся он и вытащил из кармана свиток папируса. — Тааак-с, что там у нас далее… Ага! Песьи мухи! Вперед!

Вдруг из маминой из спальни, хромоногие и кривые, вылетели сотни малюсеньких собак с прозрачными крылышками, потирая передними лапами. Они, остервенело лая и жужжа, окружили троих друзей и мальчика.

— Сука-бля! Что за уебки? — брезгливо отмахивался от песьих мух Харди. — Отъебитесь, суки!

Собакомухи же не желали отставать и начали обкусывать ребят маленькими зубками. Некоторые и вовсе пометили форменные берцы и сандалии, а один альфа-кобель вообще пристроился к ноге ребенка и стал поебывать ее, устанавливая главенство.

— Идите нахуй! Фу! Фу! — продолжал орать сержант, размахивая кулаками и отбиваясь тем самым от назойливых паразитов.

— Достаточно! — взмахнул руками Стив, зашмыгав носом. — У меня аллергия на собачью шерсть!

Песьи мухи подкатили каждая по несколько тысяч глаз и ретировались, не забыв перед этим нассать на ковры.

— Ну, кажется, все! Вы наказаны сполна, — хлопнул в ладоши Бушеми. — Вроде ничего не забыл…

— Нэт! Так нэ честно! — возопил Саддам, затопав босыми ногами по собачьим ссакам. — Ми всэ получили сполна! Кромэ этова бородатого! Даже иво плащу досталось! — ткнул он пальцем в Леонида.

Тот до невозможности эффектно округлил рот бубликом, да так, что и Бушеми, и Хусейн залипли на сию красоту, представляя, как бы знатно было

присунуть ему на ротан.

— Ну хорошо, пускай будет по-честному! — закивал Стив. — Что там осталось? О, точно, нашествия жаб!

— Чтооо? — заорал Леонид так сильно, что стены дворца затряслись.

Следом же послышались миллионы хлюпающих шлепков — предвестники появления жаб. И через пару секунд коридор заполонила орда земноводных — огромных и склизких.

— Аа! Аа-ааа! — заголосил Батлер, запрыгав с ноги на ногу, когда жабы окружили его, угрожающе квакая.

Все, кроме Тома, заткнули уши от этих эффектных воплей.

— Ой, подумаешь, сука-бля, жабы… — подкатил глаза Харди, отпихивая берцами бородавчатых созданий.

— Сука! — хлопнул себя по лбу мальчишка и бросил ебаный взгляд на сержанта.

— Ааа! Аааааа! — продолжал голосить Леонид, вжавшись в стену и скрючив пальцы в нервном параличе. Дело в том, что помимо фобии мышей и пауков, еще одним из самых ужасных страхов бородача были те самые пресловутые жабы.

— Ебааать! — охуел Том, пригнувшись, зажмурившись и зажав уши. — Что за сука-бля? Ты хули так орешь, шмаровоз кофейный!

Но тут случилось то, чего ожидать никто не мог. Одна самая огромная жирная жаба, покрытая ебейшим слоем слизи и усыпанная бородавками от макушки до перепонок на лапках, изловчилась и прыгнула прямо на эффектное лицо Батлера. Леонид поначалу открыл рот в беззвучном крике, потеряв не только дар речи, но и самообладание, а потом разверзся истошным воплем.

— Ааааааааааа! Аааааа! — орал он, что было сил, затем набирал полные легкие воздуха и орал снова. — Ааааааааааа!

Все вокруг похватались за головы, пуская из ушей кровь, и разлетелись по сторонам, включая жаб и даже Стива.

Жаба, совершившая столь дерзкий поступок по отношению к Леониду и вовсе скончалась на месте от разрыва головного мозга, свалившись замертво и освободив от своего присутствия искаженное страхом лица Батлера. Все остальные же, кто к счастью, кто к сожалению, остались живы, но, кажется, отхватили нехилые такие контузии.

Когда Том открыл глаза, то увидел, что находится не в замке Хуссейна, а в военном госпитале. Рядом с его кроватью стояли Джейсон, Леонид и лейтенант Самюэл.

— Томми, слава Богу! Ты очнулсси! — радостно заверещал Батлер.

— У меня нет пушки, нет толпы за спиной, но есть пару кентов которые хоть в ад пойдут со мной! — приветливо пизданул Стэтхем, поправив на голове гипсовый шлем.

— Что произошло? Как мы здесь очутились? — вопрошал Харди, поморщившись от боли, ведь каждое его слово эхом отдавалось в голове.

— От лица правительства Соединенных Штатов Америки я приношу вам извинения. Отправить вас в резиденцию Саддама было действительно безрассудно, — строго сказал нигер, отрапортовав отрепетированную речь. — Как по мне, вы были правы. Мы послали вас на верную смерть. Вам чудом удалось вернуться живыми. Но мы же не знали, что в тот день творилось в Багдаде! — положил он ладонь на глазную повязку.

— Что там завелся волшебник, сука-бля? — прохрипел Том.

— Какой волшебник, драгоценный? В тот день в Багдаде был день города, и Саддам решил подарить людям праздник, пустив по вентиляционным шахтам каждого дома веселящий газ. Парни уже рассказали мне, что там произошло… Уф, вот это вас приглючило, конечно!

— Ну нихуя б себе приглючило! Всех троих одинаково? — приподнял шрамированную бровь сержант.

— От лица армии великой Америки все вы трое будете награждены, а также досрочно демобилизованы домой, с сохранением денежных средств, прописанных по контракту службы, — громче заговорил Джексон, проигнорировав вопросы Харди. — Еще раз приносим вам свои извинения за доставленные неудобства! — кивнул он и поспешил удалиться.

— Какая-то ссань, — недоверчиво скривился Том. — Кажется, хуеплеты из правительства что-то скрывают. Вот и решили от нас как бы избавится, чтобы что-то не всплыло.

— Тоже так считаю, — кивнул Стэтхем. — Но впрочем — похуй. Домой уже охота, а не вот это вот все!

— Ведь не могло ж нас всех троих одинаково, сука-бля, приглючить! — не унимался сержант Харди. — Это я вам как наркоман со стажем говорю!

— Согласен, — кивнул бородой Батлер. — Но давайте не будем лезть куда не надо, можеть так и лучше. Вы двое и вовсе контузию схлопотали, так что дома куда сподручнее будет сейчас лечитсси…

— Петушара, да мы чай из-за твоего ора и получили контузию! — решил немного побыдлить Том. — А ты сам, я посмотрю, здоровенький вышел! Кстати, как мы вообще съебались-то?

— Я вас вытащил, — пожал плечами Леонид. — Я взял тебя Томми, а мой плащ — Стэта. Так и бежали, пока…

— А что с пацаном? Он жив? — поинтересовался Харди.

— Ты слушай, и не перебивай! — пригрозил эффектным маникюром бородач. — Подъехал Джип. Там за рулем был парнишка, он сказал, что пацан из его части, да и забрал. Ну еще и нас подкинул до базы. Как-то так!

— Раньше было легче. Раньше было детство, — тяжело вздохнул Стэтхем, понурив голову.

— Ладно, сука-бля, я понял… Понял… Домой, так домой, — закрыл глаза Том.

— Ох, Томми, надеюсь, контузия не навредит твоей и без того больной голове. Можить и напротив — поможет вклиниться в нормальное русло, — виновато поджал бицепсы Батлер.

— Узнаем, сука-бля… Узнаем… — прохлопал пухлыми губами Харди.

Глава 93: Двадцать семь

И вот, уже спустя несколько дней, Том и Леонид, обвешенные наградами и аксельбантами, переступили порог еврочетырешки. Батлер был уверен, что теперь, когда война для них окончена, наступит мирное время. Он надеялся, что эти месяцы, проведенные в Ираке, дали Харди хорошую встряску и возможность выбросить из головы дурные мысли. Думал, что сержант выплеснул накопившуюся злость в сражениях, эмоционально перезагрузился и готов к обычной жизни. Но на деле все было совершенно иначе. Том прибыл в Сиэтл, кажется, еще более озлобленным, чем до того, как покинул Штаты. Встряска, которую ожидал Леонид, и впрямь произошла, но вместо того, чтобы избавить от ненужных переживаний и упорядочить мысли, она, напротив, перемешала все в голове Харди и навязала нераспутываемые узлы из воспоминаний и обид. А контузия, полученная во дворце Саддама, усугубила все еще сильнее. По итогу, Батлер получил не на шутку озлобленного на весь мир друга, запутавшегося в себе и не понимающего не то что, как жить дальше — нихуя!

Война опустошила Тома, оставив после себя лишь злобу, агрессию и нежелание что-либо менять. Первую неделю сержант провел в своей спальне, выходя от силы пару раз в день: справить нужду, да прихватить из холодильника чего-нибудь съестного и бутылку водки. Леонид все упрашивал Харди как-то отвлечься и, к примеру, попробовать вернуться к работе. Ведь перед отправкой в Ирак им пришлось временно закрыть кафе и заморозить все остальные ветки бизнеса. И хоть при демобилизации они были награждены хорошими премиями, этих денег надолго бы не хватило, с учетом того какими темпами сержант сливал бабки на алкоголь и наркотики. Потому необходимо было как можно скорее выйти на прежний уровень, восстановить все деловые отношения и начать развивать их общее детище дальше. Но на все предложения Леонида Том лишь подкатывал глаза, отмахивался, да крыл друга хуями, не желая менять в своей днищенской обдроченной жизни ровным счетом ничего.

Батлер же старался не унывать и не оставлял попыток как-то повлиять на Харди. Бородач эффектно решил заняться делом пока в одиночку, надеясь, что Том, следуя его примеру, скоро тоже подключится к работе. Но шли дни, за ними недели, а сержант никак не подключался! Он лишь продолжал вливать в себя ебейшее количество алкоголя, да гонять по вымотанному организму лошадиные дозы наркоты, что постепенно превращало его в раздраженного контуженного, агрессивно настроенного ебаната.

К середине марта Тому наскучило валяться в спальне, и он наконец принял решение чем-нибудь себя занять. Леонид, услышав подобные вести, был вне себя от радости, а его плащ уже готовился к взрыванию праздного салюта. Но сержант же Харди задумал совсем не то, чего ожидал Батлер. Вместо того, чтобы вернуться к бизнесу, Том решил попробовать себя в чем-то новом. «Найти себя», как пояснил он сам за планы. В тот же день он записался на курсы гончарного мастерства и уже следующим утром отправился на первый урок. Вернувшись домой после занятия с уродливым горшком подмышкой, Харди тотчас же уселся за журнальный столик в гостиной и принялся наносить на свое убожество корявые убористые узоры масляными красками. Ведь после урока гончарного мастерства успел еще заглянуть в магазин для живописи.

Не сказать, что Леонид одобрил подобные нелепые занятия, но считал, что это лучше бессмысленного валяния в обдроченной постели в компании водочки да ширева. «Хай занимаитьси», — подумал тогда Батлер. Понадеявшись, что вскоре эти дурацкие увлечения станут Тому неинтересны, Леонид, скрепя плащ, пообещал поддерживать друга в его начинаниях.

Через пару дней Харди наскучило и гончарное дело, и рисование, и он стал искать что-то более увлекательное. Тогда он записался в «Высшую школу лассо и плетей», выбрав из двух направлений «Плети». Это дело и впрямь увлекло его куда больше чем нудная лепка из глины. Каждый божий день сержант ходил на лекции, а дома отрабатывал практические занятия, прикупив для этого трехметровую кожаную плетку. Леонид же терпеливо слушал непрекращающиеся щелчки взмахов плети, решив, что новое увлечение может стать для Тома первым шагом к возвращению к обычной жизни. Через пару недель Харди пришел к выводу, что у него слишком много свободного времени и требуется занять себя еще чем-нибудь. Прошерстив интернет и всевозможные газеты и не найдя там ничего подходящего, он вспомнил о своем старом увлечении — татуировках. Тогда он закупился всем необходимым: новехонькой профессиональной тату-машинкой, красками и прочими приблудами, и начал оттачивать мастерство. Сначала он практиковался на свиных тушах, затем на себе, и вскоре решил, что готов зарабатывать этим. Сержант уже хотел было открыть запись к себе на сеансы и приглашать всех желающих за свежими татуировками, но тут вновь вмешался Батлер.

9 апреля 2010 года.

— Томми, ну послушай ты меня! — взывал к вниманию Леонид. — Я ж совсем не против твоих этих хобби. Но приглашать честной люд, дабы сделать им наколки… Ну ты еще не готов к этому, я считаю! Еще и за денежку немалую… Опозорисси на весь Сиэтл! Знаешь, как дурная слава быстро расползаитьси. Наколешь одному незнамо что, а потом никто уже к тебе не пойдеть. Потренируйся еще. А еще лучше, займись уже тем, что у тебя хорошо выходит. Наш бизнес без тебя ну никак не раскрутитьси заново…

Том же сидел на диване в гостиной и молча чистил тату-машинку, хмурясь и раздраженно подергивая берцем.

— Ну ты никак не желаешь меня слушать! — ударил себя по бедрам Батлер. — Ну неужто за столько лет нашей дружбы мое мнение совсем не имеет для тебя веса? Я ж как лучше хочу для тебя. Я вижу, что последние годы вышли для тебя нелегкими…

— Пффф… Нелегкими, сука-бля… Последние годы… — усмехнулся сержант, помотав головой. — Не мешай, Леонид!

— Это я тебе мешаю? Да я же помочь тебе хочу! — вскинул бороду к потолку Батлер. — Я же тебе честно говорю, что считаю, что ты не готов еще, — махнул он плащом на тату-машинку.

— Ну не готов, так подготовлюсь! Садись, петушара! Набью тебе, раз говоришь, что мне нужна практика. Согласен? Али, сука-бля, не хочешь помочь другу? — вызывающе приподнял шрамированную бровь сержант и похлопал по дивану рядом с собой.

— Ээээм… — задумчиво заорал бородач.

— Что, сука-бля? Вот и вся твоя помощь? Ну так и иди на хуй тогда со своими советами! — показал ему «фак» Том. — Все вы, сука-бля, только и знаете, как советы раздавать, хуй кто из вас понимает, что у меня… — забурчал он под нос, вновь увлекшись чисткой машинки.

— Ладно, я согласен! — перебил Батлер и уселся рядом с другом. — Я-то тебе помогу, Томми! Просто не хочу, чтобы ты дурью маялси. Надо уже себя как-то возвращать в реальность…

— Что бить будем? — не стал слушать очередные нравоучения Харди и натянул на руки резиновые перчатки.

— Ну, что-нибудь веселенькое… — почесал плащом макушку Леонид.

— Веселенькое, сука-бля! Клоуна, блять, тебе набить? — рявкнул сержант. — Ладно, раз клиент не знает, чего хочет, то мастер поможет. Ебану тебе

фрихендом на свой ебаный вкус. Согласен, сука-бля?

Повисла неловкая тату-пауза.

— Согласен, — опустил уголки губ бородач и откинул плащ, оголяя лопатку для татуировки.

Харди состроил фирменный еблет и зажужжал машинкой.

Шел уже второй час нанесения рисунка на эффектное тело Леонида.

— Томми, ну и все же… Ты не подумываешь, что пора бы как-то вбиваться в колею? — осторожно закричал Батлер. — Вот если бы ты вернулся к нашему делу, образумилси немного, завязал бы чуть-почуть с синькой да наркотиками… Вот те крест — сразу бы у тебя все начало налаживаться. Глядишь бы и с Джейки возобновили общение. Он-то наверняка уже позабыл все обиды, и возможно ждеть, когда ты сделаешь первый шаг.

— А оно мне, сука-бля, надо? — фыркнул Том. — Я этому пидору собачьему нахуй не сдался. Так мне он нахуя?

— Ну вы же братья! — возмутительно поморщился Леонид.

— Ну вы же братья! — передразнил Харди, эффектно состроив фирменное ебало. — Ебал я в рот эти братские отношения. Прожил до двадцати лет без него, проживу, сука-бля, и дальше. Мне это неинтересно.

— А что ж тебе интересно? Кирять? — заорал бородач, стукнув кулаком по колену.

— Кирять — заебись! Ебашить наркотики — тоже охуенно! А хули мне еще надо от жизни? Глядишь, сука-бля, быстрее отъеду! — поведал свои жизненные установки Том, а Леонид почувствовал, как нажим иголок тату-машинки стал сильнее и слишком больно царапал кожу. — Скучно только. Вот и ищу себя, пока не сдохну. А то чем сержанту себя занять? Бухать, наркоманить да дрочить…

— Томми! Ты несешь бред! — взвизгнул Батлер. — Ты думаешь, это все, на что ты способен? Да ты же был сержантом полиции! Бросил ради незнамо чего! Имел свой бизнес. Тоже все бросил! И теперь ты занимаешься какой-то ерундистикой и говоришь, что не способен на большее. Да ты сам себя принижаешь! Зачем ты это делаешь? Еще и эта твоя Клубнишная Эми! Что, свет что ль на ней клином сошелси? Девок что ль тебе мало! Приведи себя уже в порядок, да живи нормально! Кто тебе мешаить-то?

— Слышь, петушня бородатая! Ты свои советы ебаные кому-нибудь другом иди советуй! Ясно тебе, сука-бля? Мне они нахуй не нужны, что тут неясно? Какого хуя сержант должен повторять по сто раз? Или тебе ебало разбить? Так может понятней станет? — зарычал Харди, развернув Батлера лицом к себе и легонько пихнул его кулаком в щеку. — М? Ты понял, сука-бля?

Леонид лишь осуждающе помотал головой, но промолчал.

— Все, готово, сука-бля! — заявил Том через пару минут, процарапав последний штрих. — Иди-ка, взгляни в зеркало на мой шедевр! Да у сержанта талант — ебейший! А ты тут пиздишь, что я опозорюсь со своими работами!

Батлер подошел к зеркалу и взглянул через плечо на отражение. Ему не сразу удалось понять, что за хуйня из кельтских узоров изображена на его лопатке. Но вскоре бородач смог рассмотреть в этих хитросплетениях пирог, над которым кружилась стая мух, а из самого пирога выглядывала болотная жаба.

— Нууу? — вскинул шрамированную бровь сержант, с ухмылкой глядя на друга и ожидая вердикта.

— Спасибо, Томми… Это и впрямь круто… — крикливо промямлил Леонид, брезгливо поморщившись.

Харди состроил фирменный еблет, расставив руки в стороны.

— Пойду наложу повязку. Хай заживаить… — закивал Батлер и, понурив плащ, двинулся в свою спальню.

Оказавшись в комнате, Леонид закрылся на замок и приложил ухо к двери.

Когда услышал, что Харди вновь зажжужал машинкой, он уселся на кровать и взял телефон.

— Алло, Джейки… С днем рождения тебя! — шепотом закричал он в трубку. — Счастья, здоровья тебе и всего самого наикрашего…

— Спасибо, Леонид, — ответил ему на том конце провода собеседник из шара. — Как у вас дела? Как Томми?

— Плохо… — вздохнул Батлер и поведал о нынешнем состоянии друга.

— Мда… Хуево… — резюмировал Джилленхол по завершении громкой истории. — А дядя Джейк сразу говорил, что война — это хуевая идея. Разве это то, что может помочь избавиться от злости? Абсолютно точно, что нет! Война еще больше все усугубляет.

— Да я-то это понимаю! — положил плащ на грудь Батлер. — Но что я мог сделать-то? А? Его было не переубедить…

— Да я понял… — задумчиво протянул Джейк.

— Ну что делать-то? Джейки, ну может ты приедешь уже, может ваше примирение его как-то да успокоить, м?

— Леонид, нет! Ты издеваешься? Ты думаешь, мое появление его успокоит? Да он взбеситься хлеще прежнего! Это ясно как божий день! Наши с тобой ебала будут биты! — завозмущался в трубке парень из шара.

— Ну, а чегось делать-то тогда! Не возьму я в толк! Он ж изведеть и меня, и себя! — заверещал Леонид.

— Надо подумать… Что может помочь справиться со злостью и агрессией… — размышлял Джилленхол, бренча на гитаре. — Ладно, есть один вариант… Жди, должно помочь. Всегда помогает! — воскликнул он и бросил трубку.

15 апреля 2010 года.

Не успел Леонид Батлер открыть глаза, как к нему в спальню вломился уже обхуяренный до неузнаваемости Том, заявив, что у него сегодня день рождения. А это является для него самым ненавистным днем из всех возможных, и потому он пригрозил, чтобы бородач даже не вздумал устраивать для него праздных сюрпризов, печь торты и взрывать хлопушки. Чтобы даже не было намека на какое-либо торжество. Еще лучше и вовсе покинуть еврочетырешку и оставить его в одиночестве. Ведь иначе эффектное лицо обязательно будет разбито. Леонид же решил не спорить с обезумевшим другом, молча поднялся с кровати, накинул плащ, натянул латексные треники и удалился от греха подальше. Он и так не планировал устраивать никаких празднеств, ибо с каждым днем Харди становился все злее и злее. А доводить ситуацию до греха совсем не хотелось. После угроз же Батлер и вовсе понял, что его присутствие сегодня в квартире не то что не обязательно — нахуй не нужно. Ведь, если быть честным, то бородач и сам нехило заебался принимать на себя все то говно, что выплескивал на него сержант.

Том, оставшись в одиночестве, принялся нажираться самым нарочито дешевым пойлом, что сумел отыскать в ближайшем магазине. Выпив бутылку и доведя себя до состояния максимальной озлобленности, он стал тренировать удары плетью, громя халупу направо и налево.

Вдруг раздался звонок в дверь.

— Сука-бля! Какой педрила осмелился прийти? — взорвался Харди и взмахом плети разбил пустую бутылку, после чего, до безобразия раздраженно топая берцами, пошел открывать, дабы раскрошить ебло наглого гостя, осмелившегося пожаловаться в этот день.

Открыв дверь, сержант не то что охуел — ебанулся! На пороге стояла незнакомая блондинка. На ней было короткое черное платье, обтягивающее соблазнительную фигуру. Пухлые губы накрашены красной помадой. Барышня кокетливо улыбнулась и помахала рукой.

— Ты что еще за пизда? — скривился Том, осматривая девушку с ног до головы.

— Я — проститутка, — похлопала ресницами та. — Скарлетт. Скарлетт Йохансон, — протянула она руку для поцелуя.

— Чего… Сука-бля? — просверлил ее ебаным взглядом сержант, подвигав желваками и крепко сжав плетку в руке.

— Проститутка, — хохотнула Скарлетт, пожав плечами. — Одна птичка мне напела, Томми, что у тебя сегодня день рождения, — убрала она за ухо крупный локон, спадавший на лицо.

— Повтори, что ты сказала, шмара? — закрыл глаза сержант, гневно раздув ноздри. — Томми, сука-бля? Томми?!

— Ну да, Томми, — поправила мисс Йохансон пышную грудь, вываливающуюся из декольте. — Могу называть тебя просто сержант.

— Что за птичка, сука-бля? — проигнорировал жеманные выкрутасы шлюхи Том.

— Нууу… Одна синеглазая птичка, — отмахнулась Скарлетт. — Так что? Впустишь меня? Я тебя поздравлю, как следует.

Не успела проститутка более сказать и слова, как дверь с оглушительным хлопком закрылась перед ее носом.

— Сука, жид! Уебок! — заорал как полоумный Харди, начав хлестать плетью по полу. — Жидяра ебаный! Пидорас! Сука-бля!

Тома накрыла такая волна накопившейся злобы, что он даже и не знал как и куда ее выплеснуть, ему хотелось лишь орать. И еще убить брата! Избить плеткой до кровавого месива, а затем пустить пулю в лоб. Из «беретты», что он приберег для расправы над Мэрил. Если он не может убить ее, то хотя бы должен убить ее жидовье отродье. Ну-ну, Том, кажется, ты перегибаешь палку. Убить брата? Серьезно? За что? В тебе просто слишком много агрессии. Просто не держи ее в себе.

Харди отшвырнул плетку и вцепился пальцами себе в лицо, пытаясь переключится со злости на боль. Но это не помогло. Кажется, ему уже ничего не в силах было помочь. И тут в голове сержанта перещелкнуло. Он махом открыл дверь и грубо втащил внутрь шлюху, терпеливо продолжавшую ожидать работы.

— Села, сука-бля! — швырнул он ее на диван.

— Я смотрю, ты очень разгорячен, — закусила пухлую губу девка, закинув ногу на ногу.

Харди раздраженно подергал плечами и поднял плетку.

— Оу… — округлила глаз проститутка.

— Ебало на ноль, — процедил сержант и пихнул Скарлетт рукоятью плети по губам.

Та приподняла бровь и выставила ладони вперед, давая понять, что готова подчиняться. Харди смерил ее брезгливым взглядом, выпятив нижнюю челюсть, развернулся и двинулся прочь из гостиной по направлению к спальне Джейка.

— Я жду с нетерпением! — окликнула Йохансон, подмигнув.

Но Том не собирался слушать шлюшьи бредни и скрылся за дверью. Оказавшись в комнате брата, он мигом рванул к прикроватной тумбочке и стал остервенело рыться там, расшвыривая вещи по сторонам. Наконец, он нашел, что искал, а конкретно упаковку презервативов, сунул ее в карман скамов и, окинув спальню презрительным взглядом, поспешил обратно.

Том подошел к Скарлетт и встал перед ней. Та подняла на него томный взгляд из-под ресниц и потянулась к ремню.

— Руки нахуй! — схватил ее за запястье Харди и оттолкнул от себя. — Вставай, сука-бля.

Шлюха пожала плечами и повиновалась.

— Раком, — приказал Том, махнув рукой на диван.

Скарлетт без лишних разговоров сделала и это. Она встала коленями на диван, уперлась локтями на спинку и вызывающе прогнула спину, чуть обернувшись назад и игриво улыбнувшись уголком рта.

— Ебало свое блядское отверни от меня, — рявкнул Том.

Он расстегнул ширинку, затем достал из кармана гондон и раскрыл упаковку зубами. Несмотря на отсутствие опыта, ему удалось вполне быстро натянуть презерватив на уже вставший член. Харди рывком задрал платье Скарлетт, оголив ее аппетитную круглую задницу, которая его, впрочем, мало волновала. Потом сдвинул блядские трусы в сторону и без всяких прелюдий с силой вошел.

— Ах… — вскрикнула девка от неожиданности и на мгновение попыталась отстраниться, но Том, грубо взяв ее за бедра, притянул обратно и стал агрессивно ебать.

— Синеглазый трахал тебя перед тем, как отправить ко мне? — накинул Харди вопрос, до безобразия резкими толчками вдалбливая хуй в пизду Скарлетт.

— Ээээм… — бросила она растерянный взгляд через плечо.

— Отвечай, сука-бля! — прорычал Том, немного нагнувшись, схватив проститутку за волосы и притянув ближе.

— Ну… Да… — промямлила шлюха, морща нос.

— Мразь! Какая же ты шлюха! — скривился Харди в гримасе отвращения и отпихнул голову Скарлетт. — Что? Ты наверняка приехала в Сиэтл из какого-нибудь обдроченного Эверетта? Поступать? Хотела, сука-бля, лучшей жизни?

— Чтооо? — протянула шлюха, встревожено состроив брови домиком.

— В точку… — ухмыльнулся Том. — И как? Получилось? Этого ты хотела, пизда? Наверняка, твой папаша, батрачащий где-нибудь на фанерном заводе, взял кредит, влез в долги ради этого? — рычал он, наращивая темп.

— Мой отец работает в порту, кочегаром на буксире, — пробормотала девка.

— Понял, сука-бля… Понял… — состроил зверино-фирменный еблет сержант. — Ну, а ты что? Проебала все бабки на наркотики и пошла работать шлюхой, дабы твои тупые предки не узнали, что ты вылетела из колледжа?

— Нет, не так все было… — трясущимся голосом простонала Скарлетт.

— А как же? Дай угадаю! — ухмыльнулся Харди, глаза которого потеряли всякую осмысленность. — Твоя мать и сама была шлюхой? А твой отец домогался до тебя? Потому ты готова на что угодно, лишь бы не возвращаться туда?

— Зачем ты это делаешь? — всхлипнула Скарлетт, уткнувшись лицом в диванную подушку.

— Что я, сука-бля, делаю? Зачем ебу тебя? — хохотнул Том, совершая безумно быстрые беспорядочные фрикции. — Да потому что ты проститутка! Грязная шлюха! Такая же, как твоя блядская мамаша.

— Хватит… — проскулила девка, кусая губы.

— И да, сержант опять, сука-бля, в самое яблочко! Ммм! — хрипел Харди, закрыв глаза и запрокинув голову.

Скарлетт же положила ладонь на лицо, пытаясь скрыть слезы, и вся сжалась под звериным натиском сержантской ебли.

— Не смей кончать, сука, — рявкнул Том, тряхнув проститутку за задницу. — Ты шлюха. И будешь делать то, что я скажу. И кончать буду только я.

— Да я и не собиралась… — пробормотала Йохансон, вытирая слезы.

— Да, сука-бля! — зарычал Том и, достав член, принялся дрочить, дабы проститутка уж точно не успела получить удовольствие.

Скарлетт быстро одернула платье и уселась на диван, поджав под себя ноги и обнимая подушку.

— Да, сука-бля, я — власть! — захрипел сержант через пару секунд, кончив в гондон.

Прерывисто дыша, Том открыл глаза и посмотрел на Скарлетт. Он брезгливо

скривил губы и плюхнулся на кресло. Застегнув ширинку, достал из кармана пакетик кокаина, насыпал на тыльную сторону ладони и с жадностью вынюхал.

— Ммм, сука-бля… — расслабленно выдохнул он, откинув голову на спинку и уставившись в потолок.

— Можно я пойду? — осторожно спросила Скарлетт, отложив подушку на диван.

— Сколько тебе заплатил жид? — проигнорировал вопрос Харди.

— Штуку за целую ночь, — потупила взгляд проститутка.

— А за себя? — подвигав желваками, вновь перевел на нее взгляд сержант.

Повисла неловкая финансовая пауза.

— Говори! — рявкнул Том, вскочил и навис над девушкой.

— Нисколько… — прошептала та, отводя глаза.

— Ебать ты шкура… Мерзкая пизда… — процедил сержант, взяв проститутку одной рукой за щеки и подняв ее лицо к себе. — На, верни ему обратно, — пошарил он по карманам, достал несколько смятых купюр и, с силой сжав лицо Скарлетт, сунул ей деньги в рот. — Могу накинуть сверху, и ты отсосешь его блядский хуй.

— Не надо… — помотала головой девушка, вновь навернув на глаза слезы.

— Сделаешь это бесплатно? — приподнял шрамированную бровь сержант. — Конечно, сука-бля. Ведь ты не просто проститутка, ты — шлюха, — ухмыльнулся он, еще пару секунд просверлил ебливым взглядом и плюнул прямо в лицо Скарлетт.

Та аж взвизгнула и скривилась в гримасе унижения.

— Съебала! — рявкнул Харди и отпихнул от себя девку.

Бедняжка продолжала сидеть, хлопая глазами, откуда лились слезы, и в растерянности не могла пошевелиться.

— Нахуй из моего дома! — заорал Том, схватил с пола плеть и щелкнул ею в сторону входной двери. — Блядь ебаная!

Девка вскочила и пулей бросилась к выходу.

— Передавай привет предкам! — пизданул ей вслед сержант и вновь уселся в кресло, когда дверь захлопнулась.

Так он просидел несколько минут, обдумывая случившиеся. Ничего понять ему не удалось. Зато Том отчетливо ощутил, как злость, бушевавшая в нем последнюю пару лет, отступила. Остались пустота и усталость. Харди взял бутылку виски, сделал глоток и закурил. Так и просидел весь оставшийся день своего рождения.

Глава 94: Арлекины

Если сказать, что сержант Том был ебейше рад тому факту, что унижение проститутки помогло ему сгладить агрессию, то это не сказать ничего! Да его война в Ираке так не смогла остудить! Куда приятнее было ощущать себя расслабленным и опустошенным, чем быть озлобленным на всех и вся. Но уже буквально на следующий день Харди вновь стал чувствовать нарастающий внутри гнев, поэтому не придумал ничего лучше, чем поехать снять номер в мотеле, да вызвать проституточку. Так и пошел в разгул.

Каждая девушка, выебанная Томом, убегала от него вся в слезах и с мятыми купюрами во рту. Сержант же Харди унижал каждую из них! Унижал морально, поливая говном семью. Унижал и физически: ебал с присущей ему звериной грубостью и исключительно раком; не позволял кончать, хотя, к слову, никому из проституток этого и не хотелось; плевал на них; заталкивал им в рот деньги; ебашил при них наркоту как не в себя. Все это он делал исключительно в своей ебливой маске, которая наводила на девушек еще больший страх то ли из-за внешнего вида, то ли из-за того, что голос в ней у Тома становился жутко механическим.

Харди не хотел, чтобы Леонид знал о его новом пристрастии, поэтому ебал шлюх исключительно по мотелям и подворотням. Но когда Батлер уезжал на сутки, Том не чурался звать девочек в еврочетырешку. Там он ебал их исключительно в гостиной на пресловутом обдроченном диване, или в спальне Джейка, нарочито разбрасывая использованные презервативы по кровати парня из шара.

Но долго сей беспредел продолжаться не мог, и ближе к середине лета сержант попал в черные списки всех проститутцких контор Сиэтла. От подобного поворота событий Том охуел не на шутку, но долго заморачиваться не стал и решил пойти по проституткам из других городов.

Харди, чье тело за последние несколько месяцев было чисто от героина, а посему он более-менее мог трезво смотреть на вещи, решил совместить приятное с полезным. Он заявил Батлеру, что их шараге нужно развиваться, ведь иметь одно лишь кафе под прикрытием в Сиэтле — ну такое для настоящего бизнеса. Ребята быстренько открыли новую контору, назвав ее «Хардинхолл». Хм… И кому только в голову пришло соединить две небезызвестные фамилии? Томас, ты ли это был? Ну, конечно, ты! Но ты же вроде озлоблен на брата, почему не взял в название часть фамилии Батлера? Плохо звучит? На сей раз сержант решил взять на себя ответственность сполна и стал единоличным учредителем и директором «Хардинхолла», Леонид же был назначен исполняющим обязанности.

Так и начали кататься по городам Штатов, в каждом из которых открывали кафе, где из-под полы распространяли разного рода наркотики. Но сержанту Тому казалось этого мало, поэтому практически везде он нагло открывал наркопритон, маскируя сие заведение то заброшенным заводом, то протестантской церковью, то и вовсе полицейским участком. Деньги не то что потекли ручьем — обрушились на друзей лавиной! Леонид Батлер был ебейше рад, что друг вбивался в прежнюю колею. Крикливый глупыш был настолько ослеплен долгожданным счастьем, что даже и не обращал внимания, что Том, в каком бы городе не находился, жестоко унижал там местных проституток. Отсюда, понятное дело, следует вывод — куда бы не приехал сержант Харди, спустя неделю пребывания в том или ином городе, шлюхи выстраивались в очередь в местный профсоюз проституток и катали жалобы на Тома, следовательно, тот попадал в «черный список» и никто больше ему не давал. Но Харди не расстраивался, а ехал по Штатам дальше!

Таким образом, ближе к весне 2010 года Том Харди VIII, человек почти что голубых кровей, являлся персоной нон грата в проституцких конторах доброй половины штатов Америки.

Январь 2011 года, где-то на трассе между Сан-Франциско и Портлендом.

Красный Додж Челленджер припарковался у какого-то придорожного мотеля в кустах, и из него вышли двое: эффектный бородач с мачете наперевес и его ебливый друг — сержант Харди, собственной персоной.

— Остановимсси здесь на ночь, а завтра продолжим путь, — указал плащом на мотель Леонид. — К обеду уже нужно быть в Сан-Франциско, если ты, конечно, не передумал с этой дурацкой вывеской, — эффектно подкатил он глаза.

— Сука-бля, не передумал. Эта обдроченная анимированная вывеска со мной мультяшным в главной роли заманит к нам уйму наркоманов! — пояснил за рекламный ход Харди, втирая в десны кокаин.

— Ох, Томми, Томми, — укоризненно помотал бородой Леонид, открыв дверь мотеля и по правилам этикета пропустив друга вперед.

— Здравствуйте, рад приветствовать вас в нашем мотеле, — пропищал со славянским акцентом отекший патлатый мужик, поправляя огромные цыганские серьги в ушах.

— Два номера, будьте так любезны, — бросил на стол две сотни Леонид.

— Секундочку, — засуетился администратор, наспех запихнул денежку в складку на подбородке и положил на стойку два ключа с огромными деревянными брелоками в виде толстой примадонны.

Сержант же Том, почувствовав надвигающийся приступ агрессии, нагло облокотился о ресепшен, схватил припухшего за серьгу и притянул к себе.

— Слышь, петушара, — прорычал Харди. — Проститутку сержанту вызвал, сука-бля. Да поживее! — отодвинул он подол дубленки, продемонстрировав подоткнутую за ремень скамов «беретту».

— Томми, ну ёшкин кот! Опять? Ты ж уже ебалси утром! — возмутился Батлер. — Нам отоспатьси надо, а не вот это вот все!

— Ебало завали! — рявкнул на него Харди, с угрозой погладив рукоятку «беретты».

— Тебя не исправить! — психанул Леонид, взял со стойки один из ключей и удалился в свой номер.

— Так, тебе понятно, что от тебя требуют? — тряхнул за серьгу пухлого Том. — Чтоб через пятнадцать минут привел мне шлюху, а иначе, я лишу твой мотель лицензии! Да и вообще, сука-бля, подкину тебе наркотики, самолично арестую и отправлю топтать зону! Все ясно? — бросал нелепые угрозы он.

— Меня зовут Владимир Пресняков, — незнамо зачем представился администратор. — Мой мотель — лучший из лучших! Поэтому, незачем вам ждать пятнадцать минут! У нас все предусмотрено для привередливых и привилегированных клиентов!

— Ммм? — заинтригованно промычал Харди, состроив фирменный еблет и отпустив Владимира.

— Никита! — сложил ладони в рупор Пресняков.

— Иду, пап! — послышался рыжий голос, и спустя минуту в холл зашел двойник принца Гарри. Но это был не он, ибо, кажется, Никита был здрав на голову. Но это не точно. Быть здравым при таком-то припухшем отце? Сомнительно, не правда ли?

— Никита, будь так любезен, маму позови. Тут клиент для нее есть, — шикнул сыну Владимир.

— Маму? Сука-бля, маму? — приподнял шрамированную бровь сержант. — Ты это что, позволяешь своей жене, или кто там тебе она по документам, торговать

телом?

— И что в этом такого? — развел ладони Пресняков-старший. — В мотельном бизнесе, видите ли, большая конкуренция. Тут либо ты, либо тебя. Так что крутимся всей семьей. Выживаем, как можем, так сказать!

— Ну я понял, понял, — состроил фирменный еблет под маской Том, уже придумывая вызывающие фразы для унижения проститутки-матери.

— Маааам, — прошуршал синтетической кожаной курткой Никита.

— Кристина! Сюда! — затопал опухшими от подагры ногами Владимир.

Из-за угла высунулся сначала длинный нос, а затем показалась и вся женщина. Это была худощавая блондинка с невъебенно асимметричной прической: растрепанная макушка, там и тут торчащие патлы как у Преснякова-старшего, и разноцветные афро-косички. На самой женщине красовался неуютный блестящий топик, кажется, сшитый из синтетических паеток и белые обтягивающие брюки-клеш.

— Сука-бляяя… — гневно прорычал Харди, сжав кулаки до побеления. Нос Кристины Орбакайте непременно напоминал ему нос дражайшей мамаши Мэрил. А эти пайетки на топике… Создавалось впечатление, что они были выполнены из биометалла. — А нет другой девки?

— Нет, есть только Макс, если вы понимаете, о чем я, — подмигнул то ли глазом, то ли ухом Пресняков то ли сын, то ли отец.

— Ладно, давай, сука-бля, попробуем, — грубо схватил Кристину за запястье Харди и поволок в свой номер.

Оказавшись внутри, он швырнул девушку на кровать, схватил за шею и прижал лицом к подушке. Вдруг ему в нос ударил терпкий запах до боли знакомого женского одеколона. Того самого, коим пользовалась небезызвестная блядь Стрип.

— Сука-бля, хватит, — ударил себя по уху Том, дабы прогнать паршивые мысли и убедиться в том, что Кристина не является прообразом мисс Стрип.

Дабы не провести больше никаких параллелей, сержант грубо разорвал на заднице Орбакайте тряпичные брючки, а следом и ее паеточные трусы.

— Что, сука-бля, охуенно быть шлюхой? Мм? Прямо на глазах сына ебешься и не стесняешься, шкура? — приступил к словесным унижениям Том, расстегнув ширинку на скамах и надевая на член презерватив.

— Моя мама говорит, что это нормально, — коротко хихикнула девка.

— Да она такая же шлюха, как и ее дочь, сука-бля! — дерзко проник в Кристину сержант Харди.

Орбакайте закричала словно глупая чайка, и этот возглас опять напомнил Харди о его мамаше! Именно с такими орами и ебалась мисс Стрип с дядей Беном в свое время, а маленький Том слушал эти вопли днями напролет.

— Ну нет, пизда, замолчи! — достал из-за пояса настоящую «беретту» Том и засунул Кристине в рот, продолжая ебать ее.

Но увы и ах! От подобных воспоминаний, хуй сержанта психанул и вмиг уменьшился, как бы устроив хозяину протест, дабы проучить его, чтобы тот впредь больше никогда не вспоминал перед еблей мать!

Том же Харди превратился в сову импотента и с охуевшем видом замер на месте.

— Ну что там? — обернулась некрасивая Кристина, выплюнув изо рта дуло. — Совсем ничего не можешь? Помочь? — наклонилась она к его паху, дабы незамедлительно взять на ротан.

— О дааа! — послышался душещипательный крик Леонида из-за стены.

— Какого хуя? — прошептал Харди, забившись в агонии непонимания кого там ебет его друг.

Далее из соседнего номера послышался чей-то елейно-мерзкий смех.

— О, Макс, — пояснила за смех Кристина, раскрыла рот и потянулась к хую Тома.

— Не смей, пизда! — отстранился он, но Орбакайте успела схватить в зубы краешек гондона, отчего тот слетел с вялого члена и остался во рту девушки.
— Фу! — щелкнул Харди ее по носу за такие выходки.

— Я тебе что, собака?! — взорвалась Орбакайте.

— Хуже, — констатировал факт Том. — Ты напоминаешь мне мою мамашу, посему, ебать тебя я не буду! — важно заявил он, застегивая ширинку.
— Следовательно, ваш мотель — хуйня собачья! Так своему мужу и передай! Сержант лишает вас звездочки! Ибо я не люблю! Когда мне напоминают о матери!

— Ах так?! Ну все, держись! — в психах вскочил с кровати нос Кристины, затем она сама, и ринулась за дверь, так и не достав изо рта гондон. — Я все расскажу мамке! Тебе не уйти отсюда живым!

— Чего, сука-бля?! Чьей мамке? — охуевше пробормотал Том и ринулся за ней.

Оказавшись в коридоре, Харди встал как вкопанный, ведь не видел, куда именно побежала неудовлетворенная девка.

— Что происходит? — вылетел из соседнего номера некто в плюшевом ростовом костюме Иисуса Христа.

— Ты еще что за сука-бля? — охуел Харди от немыслимых поворотов событий.

— Макс, — снял плюш-голову Галкин и протянул руку Тому.

— Ооох, — невыносимо громко потягиваясь, вышел вслед за Максом…

— Леонид? — механически опустил уголки губ Харди. — А что это вы там делали, я не понял… Не понял я!

— Ну как что? В армреслинг играли, — крикливо выпутался Батлер, поправляя кожаные штаны на заднице.

— А что меня, сука-бля, не позвали? — обиженно протянул наивный по жизни сержант.

— А что с Кристиной не сыграл? Она в нашем мотеле чемпион! — поправил на голове жидовские кудри Максим.

— Простите, что вмешиваюсь, но там директор нашего мотеля вызывает вас к себе, — пихнул в плечо Тома Никита Пресняков, покрутив перед его маской фетровой рацией.

— Чего, сука-бля? — продолжал настырно ничего не понимать Том.

— Пошли, я провожу тебя, — неимоверно ебано сказал Галкин, взял Тома под локоть и повел в сторону лестницы.

Спустя несколько минут они оказались у небольшого люка, ведущего на чердак и, подсадив друг друга, забрались наверх.

Сержант Том выпрямился в полный рост и охуел от увиденного. На огромном раритетном кресле сидела видавшая виды тучная женщина с копной рыжих волос. Она была наряжена в бесформенное черное пончо, расшитое бисером и перламутром. В одной руке она держала мундштук с папиросой, второй же гладила по голове мужчину, положившего ей на колено подбородок. По всей видимости, он был кем-то вроде домашнего питомца директрисы мотеля. На самом же деле — приходился ей мужем. На нем красовался белый обтягивающий костюм из латекса да перьевая накидка. Образ завершала пышная прическа, увенчанная веерообразной метровой шляпой из перьев и сукна.

Позади женщины стояла Кристина и что-то нашептывала ей на ухо.

— Ты остановился в моем мотеле. Пришел сюда и говоришь: «Алла, мне нужна проститутка»… — не на шутку прокуренным голосом начала женщина.

— И тебе дали проститутку. Но ты отнесся к ней без уважения. Ты не предложил ей дружбу, не удовлетворил. Вместо этого ты назвал мою дочь собакой. Даже хуже! Ты отказался вступать с ней в половой акт! — молола она хуйню конченного наркомана.

— Мамаша, ты на чем сидишь? — приподнял шрамированную бровь Харди. — Да что с вами, сука-бля, со всеми происходит? — обвел он «факом» работников мотеля, пришедших на чердак погреть уши.

— Не перебивай бабушку, — хлопнул его по пальцу Никита, взывая к тишине.

— Ввваф! — гавкнул пес Аллы.

— Фу, Фил! Фу! — шлепнула его по холке Кристина.

— Сука, что с вами не так? — схватился за лысину Том. — Вы тут все родственники что ли?!

— Ты заявил, что лишишь мой мотель звездочки, которой и так нет, — повысила тон Алла, по кличке Пугачева. — Но я не хочу, чтобы ты покинул мое заведение неудовлетворенным, а потом распустил слух, что мой мотель хуйня собачья. Такая антиреклама мне не нужна. Посему, сегодня удовлетворю тебя я! — встала она в полный рост и одним лишь взмахом руки скинула с себя черное пончо, продемонстрировав присутствующим безбожно пухлое тело с миллионами складок, в залежах которых таились несметные богатства, а может даже и всеми потерянная Янтарная комната.

— Сукааа… — протянул Харди и даже хотел было перекреститься от увиденного, но вовремя вспомнил, что атеист. — Бля, мамаша, иди на хуй, сержанту ничего не надо от вас… Он пошел… Пошел…

Том уже хотел было шагнуть в люк, но дорогу ему преградил Владимир, растекшийся в проеме словно лизун, и как бы отрезая путь отступления.

— Если одной меня будет мало, могут подключиться и мои мужья, — томно затрясла четырьмя грудями Алла. — Фил, Макс! — зыркнула она на полусобаку и полу-Иисуса.

— Либо ебешь бабушку, либо я тебя прирежу за то, что не выебал мою мать! — грозно достал из-за спины нож Никита, коварно и безэмоционально прищурившись.

— Сука-бля, пацаны, да вы что? — бился в агонии безвыходной ситуации Харди, совсем не желая ебать полную Аллу вместе с ее дурацкими мужьями. Мало того, что на нее у него, скорее всего, не встанет, ибо Том не любил! Женщин не по возрасту себе. Так даже, если отбросить первый пункт, унижать ее при ебле явно не выйдет — она сама унизит его одной лишь жаркой с ней. А уж про ее мужей и вовсе комментарии будут излишни.

— Будешь знать, как обижать нашу семью! — пригрозила пальцем Кристина, до сих пор не вытащив гондон изо рта.

— Ну полно вам! Хватя! — неестественно громко прикрикнул Леонид. — Не видите, вы напугали Томми! Он не любит! Когда его принуждают с кем-то потрахаться! Давайте я сделаю это вместо него! — эффектно скинул он плащ, продемонстрировав свой не на шутку охуенно прокаченный торс. — Все ради тебя, друг, — печально посмотрел он на Харди, бросив короткий взгляд на Пугачеву.

Сержант же Том не в силах больше был смотреть и слушать весь этот бред и нарочито рухнул на пол, спародировав потерю сознания. Он почувствовал, как его подхватили подмышки и потащили вниз. Через пару минут его закинули в Додж, и Том сам не заметил, как провалился в сон.

Когда Харди открыл глаза, то увидел перед собой Батлера, внимательного следившего за дорогой.

— Проснулсси? — поинтересовался он, переключая скорость.

— Что за ебала произошла вчера ночью? Я чем-то обдолбался? Ебать мне сон

приснился! — держась за голову, поднялся он с сидений.

— Да нет, Томми! Все было наяву! — недовольно проорал Батлер, поправив бороду, на которой полночи кряду просидела Алла.

— Оooy… Спасибо, Леонид, сука-бля, — протянул Том, поняв, что друг спас его от неминуемой ебли с пышкой.

— Спасибо, блять! Спасибо! — прокудахтал Леонид. — Зачем ты обидел ту девчулю? Из-за тебя я влип вчера по-крупному! Но взял на себя твои прегрешения, представляя, какой ты у нас впечатлительный и что бы было с тобой, выеби тебя Алла! Так что пообещай мне! Обещай, Томми! Что впредь, будешь обходителен с женщинами!

— Обещаю, сука-бля, — тяжело выдохнул Том, снимая маску и скрестив пальчики за спиной — все по заветам брата из шара. — Так что, ты все уладил?

— Уладить-то уладил, но! Они остались на тебя очень злы! Алла Борисовна просила передать, чтоб духу твоего не было в их богадельне! А если хочешь туда попасть, будь так любезен — подгони кило кокаина! Такие вот пироги!

— Больно, сука-бля, надо, — подкатил глаза Харди, подкурив. — Сержант больше не пересечет порога их ебаного мотеля! Никогда, сука-бля!

— Никогда не говори никогда, — поджал губы Леонид.

— Так я не понял, эти ее… Ну, Иисус и собака… Тоже учувствовали в этом? — прищурено уставился на друга сержант. Тот в ответ коротко кивнул, не отрывая взгляда от дороги. — Иии?

— ??? — посмотрел на него Леонид, расставив руки в стороны.

— Ну… Они тебя… Ну… Тоже? — забился в агонии педарастии Харди.

— Еблан ты, Томми! — отвесил ему эффектную оплеуху плащ Батлера. — За кого ты меня принимаешь?

— Уф, — вытер испарину со лба Том. — Тогда хорошо. Рад, что ты не гей! Прям груз с души свалился!

— Ну-ну, Томми, ну-ну, — процитировал Джилленхола Леонид, вдавив педаль газа в пол, дабы уже скорее приехать в Сан-Франциско.

Глава 95: Эксперимент

«Здравствуй, дорогой дневник!

Хочу поделиться с тобой своими успехами. Наш с Леонидом бизнес процветает как никогда. Мы расширились до таких масштабов, о каких раньше и мечтать не могли. «Хардинхолл» знает уже каждая собака Штатов. Каждый гребаный наркоман знает, что всегда найдет то, что ему нужно у нас. Найдет абсолютно все и даже больше. Это кстати наш рекламный слоган. В общем, мы с Леонидом трудимся в поте лица, и это приносит свои плоды. Кто знал еще несколько лет назад, что мы достигнем таких высот? Что сможем ни в чем себе не отказывать? И чего бы мы не пожелали — нам будет это доступно. Конечно, бабки решают. С ними ты всемогущ, и кажется, что можешь поиметь весь мир. Я будто обладаю невероятной мощью, словно по щелчку пальцев каждый готов стелиться передо мной и делать все, что я захочу.

Но чего я хочу от этой жизни? Буду честен — я не знаю. Я могу позволить себе все. Все! Тачки, яхты, шикарные особняки, путешествия. Любая девка готова стать моей, дабы жить в роскоши. Я могу позволить себе все и даже больше. Но я ничего этого не хочу. Мне это неинтересно. Мне не хочется ничего. Я просто продолжаю жить в своей еврочетырешке, кататься по стране и открывать все новые и новые филиалы, увеличивая свой капитал с каждым днем. Продолжаю трахать шлюх и обращаться с ними, скажем так, не очень хорошо. Да кого я обманываю! Я очень плохо с ними поступаю. И я это понимаю, но продолжаю это делать. Не знаю зачем, не понимаю уже, что мне это дает и за что я так с ними. Но продолжаю делать это по инерции. Сперва было ощущение, что мне легче от этого. А теперь я чувствую, что мне становится только хуже. Я себя презираю за это. Ненавижу себя. Но просто плыву по течению. Ибо сам не знаю, в какую сторону мне плыть, и у меня нет сил грести и что-либо менять. Когда же это река уже закончится? Я жду, когда увижу впереди чертов обрыв, и тогда я окончательно расслаблюсь и буду ждать конца, ждать, когда упаду в этот водопад и утону в пучине собственного дерьма.

Отец говорил всегда, что я та мышка, что барахталась и взбила лапками масло. Нет! Это не про меня. Может я и мог бы стать ею, если бы имел хоть какой-то смысл жить дальше. У меня его нет. Я знаю — дальше меня ждет то же самое, что было и раньше. Всю мою чертову жизнь. Так каков смысл сражаться и взбивать масло? Для чего мне это? Пожалуй, я лучше опущу лапки. Я — мышь, которая утонула в молоке. Я пока не утонул, но стремительно иду на дно.

Но, конечно же, у меня есть те люди, которые почему-то продолжают верить в меня и пытаются вытащить меня из всего дерьма. Есть Леонид. Думаю, если бы не он, то для меня все давно бы закончилось. Не знаю, зачем ему это все. Мне кажется, я только порчу ему жизнь. Еще есть Лео. Уж не знаю, связывался ли с ним Батлер, но он позвонил мне вчера. Якобы просто справиться о здоровье и моих делах. Но проклятый мозгоправ всегда видит меня насквозь. Не знаю, как он это делает. Сразу прочувствовал все мое настроение. Велел срочно приехать к нему на разговор. Я, конечно, отказался. Не вижу в этом ни малейшего смысла. Но тут влез Леонид. Говорит, мол, я, конечно, скептически отношусь к методам Леонардо, в прошлый раз он до добра тебя не довел, но жить, как живешь ты, тоже не дело. Ну и заставил меня ехать. Точнее, как заставил. Повез силком на своем Додже. Зачем — не знаю. Но вот — едем. Едем в ЭлЭй, у Лео там какой-то семинар, сказал, приезжай прямиком сюда. Ну, ладно. Смысла в этом мало, но что уж, посмотрим, что скажет мне чертов Леонардо.

Расскажу тебе потом, дорогой дневник, если не утону раньше в молоке, как та мышь.

13 августа 2011 года».

Том захлопнул дневник и бросил в бардачок. Он посмотрел за окно и понял, что, пока увлеченно писал, Додж уже въехал в Лос-Анджелес.

— В пизду, может вернемся? Зачем все это? Со мной все в порядке, — бросил он усталый взгляд на Батлера.

— Нет, — коротко ответил тот, ожидая зеленого сигнала светофора.

— Понял… — протянул Харди и закурил.

Через несколько минут Додж остановился у шикарного отеля, где и проходил психологический семинар.

— Выходи, — пихнул сержанта в плечо плащ Леонида.

Том цокнул, вздохнул и вылез из Доджа, закурив еще одну.

— После посмолишь, — выдернул изо рта сигарету Батлер и затушил сандалией. — Пошли уже.

— Да я как бы и сам, сука-бля, могу дойти, — подкатил глаза Харди.

— Знамо, как ты дойдешь, — потянул его за рукав тенниски Леонид и потащил в отель.

Парни оказались в просторном холле. Пока Том щелкал ебалом и с деланным интересом рассматривал интерьер, Батлер эффектно подошел к ресепшену, дабы разузнать, где проходит семинар. Девушка за стойкой подсказала, что им следует пройти в конференц-зал на первом этаже.

— Не думаю, что нас туда пустят, — затормозил у дверей зала Том. — Уже все началось, сейчас шума создадим, и нас попрут отсюда к хуям.

— Так, а ты больно не шуми, — прикрикнул Леонид и потащил друга по проходу, по обе стороны которого сидели слушатели. На сцене же за трибуной стоял то ли лектор, то ли спикер, то ли и вовсе какой-то шарлатан, вещающий об Эдиповом комплексе.

— Ебать тут народу, как мы его найдем? — шептал Харди. — Давай, сука-бля, подождем, пока все закончится.

— Кхм… Прошу прощения, хотелось бы уточнить, — вдруг поднялась рука с молотком в нескольких рядах от них. — Как вы считаете, Эдипов комплекс развивается в равной степени и при патриархальном, и при матриархальном устое семьи?

— Ну вот и нашли! — беззвучно рассмеялся Батлер и ускорился, увлекая друга за собой.

— Сука-бля, — фыркнул Том, но сопротивляться не стал.

Лектор на сцене начал выкладывать свои мысли по поводу заданного вопроса, а Лео, прищурено уставившись на него, слушать.

— Извиняюсь, разрешите, — проталкивался по ряду Леонид. — Не уступите нам местечко? — отодвинул он плащом двоих мозговправов, сидящих рядом с ДиКаприо. — Спасибо, мы просто это… Инвалиды, — кивнул он бородой и плюхнулся рядом с Лео, усадив на соседний стул и Харди.

— О! А вот и вы! — вскинул кончики бровей Леонардо, обернувшись к парням и положив хуй на ответ лектора на столь интересовавший его минутой ранее вопрос. — Я вас ждал! — достал он из-под стула бутылку шампанского и с хлопком откупорил.

Харди опустил голову и прикрыл ладонью лицо, ведь теперь ему казалось, что на него уставилась не одна сотня психотерапевтических глаз.

— Что с тобой происходит, Том? — спросил Лео и сунул сержанту в руку бокал шампанского.

Тот залпом опрокинул в себя «игристое» и, состроив фирменный еблет, пожал плечами.

— Я так понял, что ты в последнее время увлекся женщинами? — накинул прищуренный вопрос ДиКаприо, рассыпал на тыльную сторону ладони кокаин и

протянул руку Тому, предложив угоститься.

Сержант злобно стиснул зубы, но порошок с руки приятеля вынюхал.

— Увлекси, увлекси, — ответил за друга Леонид. — Ты чего молчишь-то? А? — пихнул он его плащом в бок.

— Имею смелость предположить, что это не просто женщины, а шлюхи, — поднял указательный палец вверх Лео, закинул ногу на ногу и рассыпал кокаин себе на колено. — Ооох, ебать! Сукааа! Новая партия хороша! Будешь брать? — вынюхал он дорожку с полосатых брюк, зажмурился и потер нос двумя руками. — Вуууух! — вознес он кулаки над головой, подбодрившись до неузнаваемости. — Ладно, об этом позже. Сейчас о шлюхах. Также имею смелость предположить, что твой секс с ними не совсем классический, в привычном понимании этого слова. Ты с ними груб? Даже слишком. Хочешь причинить им боль? Хочешь, чтобы они почувствовали себя ничтожествами?

— Имеешь, сука-бля, смелость предположить? — подвигал челюстью Харди. — А может один петушара поимел смелость распиздить тебе про это? Поимел смелость совать нос не в свои дела? — перевел он взгляд на Батлера и притянул к себе, схватив за эффектный ворот плаща. — Какого, сука-бля, хуя, спрашивается?

Не успел Леонид открыть рот для оправданий, как был перебит.

— Сейчас мы не об этом! — взмахнул молотком ДиКаприо. — Скажи, все так и есть?

— Откуда ты узнал, сука-бля? Ты что, следил за мной? — не унимался Харди, тряся Леонида за бороду.

— Ничего я не следил! А ты думал, раз не при мне это делаешь, то я и не познаю? Знаешь, Томми, сколько наркоманок-шлюх приходят в наше кафЕ? Вот я услыхал от них про какого-то хуеплета в маске, который издеваитси над бедными путанами. На кой тебе это, Томми? Что за делюга?

— Иди на хуй! — отпихнул его сержант и показал «фак».

— В общем, это можно расценивать как то, что все это правда? — вновь влез Лео.

— Да, сука-бля, правда! — развел руками Харди. — И хули дальше? Может тогда не меня сюда стоило вызывать, а несчастных униженных шлюх, раз тебя так волнует их судьба?

— Для начала надо устранить первопричину, а уж потом прорабатывать проблему. Так что сначала разберемся с тобой, а уж потом с твоими шлюхами, — ткнул его пальцем в нос Лео.

— Можеть, пойдем отсель? Где-нибудь сядем, да тихо-мирно погутарим? — шепотом заорал Батлер, окинув взглядом зал с сотнями слушателей.

— Нет! Лекция, между прочим, очень подходящая. Не мешало бы тебе послушать. Про Эдипов комплекс, — пояснил за семинар мозгоправ, подняв бокал и выпив за лектора.

— Ты, сука-бля, охуел? Какой в пизду Эдипов комплекс? — взорвался Том, подскочив с места. — Намекаешь, что я хочу выебать свою блядскую мамашу?

— Воу, стоп! Ничего такого я не говорил! — выставил ладони вперед Лео. — Это ты так отчего-то воспринял мои слова. Хотя, я не отрицаю, что доля правды в этом есть…

Харди оскалился, вцепился ДиКаприо в шею и схватился за «беретту».

— Так-так, все! Успокойся и послушай меня! — сложил ладони в знак тайм-аута Лео. — Я не говорю, что ты хочешь трахать мать. Но спорить с тем, что тебе не хватало ее любви, и ты по сей день жаждешь получить хоть каплю материнского внимания, просто глупо. И, поскольку, образ матери часто является проекцией образа женщины в целом, а с женщинами у тебя до этого тоже не сильно клеилось, то и получается, что ты свою злость и агрессию, адресованную матери, пытаешься выплеснуть на других женщин, возненавидев

их всех заодно с Мэрил.

Том с силой оттолкнул от себя ДиКаприо и уселся на место, закрыв голову руками и нервно затопав берцами.

— Еще один образ женщины — это проститутка. Доступное женское тело, — продолжал свою лекцию Лео, и, кажется, уже добрая половина слушателей переключилась с лектора на него. — Ощущение, что ты можешь делать все, что пожелаешь. Словно это твоя собственность. Ты заплатил и имеешь право на все. Этим ты и пользовался. Вся ненависть к матери, вся злоба, что накопилась в тебе за последние годы… Вспомни, кстати, с чего это началось. С не сложившихся отношений с женщиной, к которой ты проникся. Так вот, все это нашло выход в сексуальной агрессии, выплеснувшейся на проституток. Ты же вытворял с ними то же, что делала с тобой мать. Плевал, унижал, оскорблял, причинял боль. Скажи, Том, ты видишь в моих словах правду? Узнаешь в них себя и свое состояние?

— Сука-бля, — облокотился сержант на колени, опустив голову вниз и отрицательно замотав ею. Затем тяжело задышал, зажмурился и медленно кивнул.

— То, что ты понимаешь — это уже отлично! С этим можно работать, — хлопнул в ладоши Лео и рассыпал еще по дорожке для себя и друзей. — Давай подумаем вместе. Какой выход ты видишь из сложившейся ситуации?

— Никакого, — буркнул Том, массируя ноздри.

— Выход есть всегда. Думаю, ты уже придумал этот выход для себя, просто не хочешь озвучить, — просверлил его прищуренным взглядом ДиКаприо.

— Да ты сама проницательность! — поднял голову сержант, состроив саркастический фирменный еблет. — Да, я знаю выход. И знаю его уже давно. Знал его еще до той клубничной пизды, про которую ты упомянул. Не было бы сейчас всей этой хуйни, если бы тогда в участке не организовали эту блядскую вечеринку, и я бы пошел сразу на Спейс-Нидл.

— Одна поправочка! — улыбнулся Лео. — Это я тогда организовал ту вечеринку. Билли Костиган собственной персоной! — обвел он себя с ног до головы и приветственно приподнял котелок.

— Пффф… Еще лучше, Лео! Еще, сука-бля, лучше! — охуевше усмехнулся Харди. — Ну что ж, спасибо тебе! Вытащил меня, считай, тогда с того света. Вытащишь и сейчас, я уверен. Не сомневаюсь в тебе, друг! Вопрос лишь один: нахуя? Нахуя мне это, если я не хочу! Не хочу, сука-бля, жить! Я не вижу в этом ни малейшего смысла. Моя жизнь с самого начала бессмысленна. Так нахуя так жить? Еще и другим жизнь портить!

Повисла неловкая пауза.

— Спасибо за внимание, дамы и господа! — вышел на поклон лектор, которого уже не слушал никто. — Напоминаю, что по окончании лекции вас ждет афтер-пати. Просим всех пройти в банкетный зал.

Эта информация быстро вернула внимание слушателей к лектору, и все мозгоправы сломя голову рванули из конференц-зала, дабы уже скорее нахуяриться на халяву.

— Идем! — схватил Лео Тома за локоть и потащил за собой, по пути ухватив и Батлера за плащ.

Харди даже и не пытался сопротивляться, ведь плыть по течению отныне было его единственным жизненным кредо, и менять что-либо и как-то вмешиваться он не желал, да и сил на это совершенно не было.

На афтер-пати, проходившем в форме фуршета, ДиКаприо принялся беспрерывно вливать в сержанта разнообразный алкоголь, а также ненавязчиво понемногу угощать наркотиками. Их примеру последовал и Леонид, эффектно следя за тем, чтобы Том не исхитрился съебаться. Но тот и не предпринимал попыток, решив, что напиздиться и обдолбаться от души — это именно то, что

нужно в сложившейся ситуации. Действительно, отличное решение! Ведь раньше ты ни разу не прибегал к данному методу решения проблем! И совсем не знаешь, что это лишь усугубит твое днищенское состояние. Ах, ну да! Ты же та мышь, что положила хуй на свою жизнь! Ну тогда все в порядке. Идешь к намеченной цели.

ДиКаприо же тем временем до неузнаваемости задумчиво прищурившись, размышлял над дальнейшим планом. Как привести друга в норму? Обычная встряска, вроде похода в стрип-клуб, уже не поможет, а, скорее всего, даже доведет ситуацию до безысходности. Нужно что-то более действенное. Что-то более шоковое. Что-то из ряда вон выходящее. Что же, что же…

Ближе к полуночи Том и Леонид были уже напизжены и обсажены в хуй. Не отставал от них и ДиКаприо, при этом умудряясь контролировать состояние сержанта, дабы тот продолжал стоять на ногах и одновременно с этим не впал в свою классическую обдолбанную шизофрению. Так толком ничего и не придумав, Лео понял, что все втроем они уже находятся на грани невменямого состояния, потому заявил, что вечеринке конец, снял трехкомнатный номер в этом же отеле и увел всех спать. Там он уложил друзей каждого в свою кровать, затем лег и сам, продолжая думать во сне.

— Эй! Пщщщ… Эй, Том! — зашептал в ухо Харди ДиКаприо, толкая его в плечо.

— Ммм… — промычал сержант, не открывая глаз и накрывая голову подушкой.

— Вставай, дело одно есть, — продолжил расталкивать Лео.

— Чего тебе? — прорычал Том, пытаясь отцепить навязчивого мозгоправа.

— Дело, говорю, есть. Вставай же, сука! — начал потихоньку быдлить ДиКаприо, уже стаскивая друга с кровати.

— Иди на хуй, петушара! — буркнул Харди и подумал, что показал «фак», на самом же деле он сделал это во сне.

— Просто плыви по течению, Том, — хитро прибегнул к его же принципам Лео, стянул сержанта с кровати и потащил из номера.

— Что происходит, сука-бля? — спросил Харди, когда они оказались на улице. — Сколько вообще время? — протер он глаза и осмотрелся вокруг.

— Часа четыре утра, думаю, — прищурено взглянул Лео в сторону востока, где солнце еще даже не показалось из-за горизонта. Едва начинало рассветать. — Поехали!

— Куда? — приподнял шрамированную бровь сержант.

— Поэкспериментируем, — достал из-за пазухи бутылку шампанского ДиКаприо, вынул из петлицы пиджака пион и воткнул его в нагрудный карман тенниски Тома.

Тот лишь непонимающе развел руками. Леонардо же подошел к Доджу Батлера, достал из брюк ключи, открыл замок и сел за руль.

— Я не понял… Не понял… — почесал лысину сержант, наклонившись и посмотрев сквозь стекло водительской двери на Лео.

— Садись, мой дорогой друг, прокачу тебя с ветерком, — угрожающе оскалился ДиКаприо и указал прищуром на пассажирское кресло.

Харди состроил фирменный еблет, не понимая по классике нихуя. По своему же новому жизненному кредо подчинился и уселся в тачку.

— А Леонид? Он разрешил тебе взять Додж? Вы сговорились или что? — стал накидывать вопросы Том, когда Лео вжал газ в пол.

— Нет, он ничего не знает, а Додж я угнал, — отхлебнул шампанского мозгоправ и протянул бутылку Харди.

— Чего, сука-бля? Нахуя? Хули свою тачку не взял? — продолжал вопрошать сержант, угостившись «игристым» в надежде опохмелиться.

— Я что, похож на долбоеба? Зачем я буду разбивать свой Дюзенберг? Хотя и он был угнан, если честно, — возмущенно толкнул Тома в плечо Лео, мчась по пустынной улице в сторону выезда из города.

— Разбивать, сука-бля? — медленно повернул к нему голову Харди, охуевая с каждой секундой хлеще некуда.

— Разбивать, Том, разбивать, — кивнул ДиКаприо. — Ты что-то имеешь против?

— Что за ебала, Лео? — нахмурился Том, настороженно озираясь по сторонам и думая, что все это какой-то развод.

— Я тебя спросил! Ты имеешь что-то против? — взорвался Леонардо, ударив по рулю молотком.

— Знал бы я, сука-бля, о чем речь, может и высказался бы на этот счет, — жестами требовал объяснений Харди.

— Ну, вот как узнаешь, так и выскажешься, — натянул улыбку ДиКаприо и прибавил газа.

Следующие полчаса парни ехали в тишине. Додж выехал из ЭлЭя и мчал по трассе. На горизонте уже заходилось заря.

— Ну что? Вперед? — нарушил молчание Лео. — Вот он твой выход, которого ты так долго ждал. Не Спейс-Нидл, конечно. Но какая разница, так ведь? Так что, погнали?

— Ээээм… Чего, сука-бля? — округлил глаза Харди, вжавшись в сиденье от нехилого ускорения.

— Чего-чего? Не хочешь жить? Так сейчас я это исправлю, — безумно прищурившись, съязвил мозгоправ.

— Пффф… — усмехнулся сержант и, скрестив руки на груди, изобразил расслабленный вид. — Ну давай, сука-бля, ебашь! Напугал — пиздос! Сам смотри не обосрись, петушара. Мне-то похуй, а вот тебе явно жить хочется.

— Да мне тоже поебать, пидорас! — отмахнулся молотком Лео и крутанул руль влево, выехав на встречку. — Ну же, давай!

Стрелка спидометра взлетела до упора, а навстречу Доджу уже двигалась какая-то тачка. Дикаприо, вцепившись в руль и стиснув зубы, мчал вперед, не намереваясь сворачивать. Машина на встречной полосе сперва сбавила скорость, затем сдвинулась на обочину, избежав столкновения и возмущенно посигналив. Додж вернулся обратно на правую полосу.

— Ну как? — бросил украдкой взгляд Лео на друга. — Такого выхода ты ждал?

Харди лишь выставил ладони вперед и подкатил глаза, делая вид, что происходящее его мало волнует, сам же нервно поерзал на месте.

— Ну хорошо, — процедил ДиКаприо и продолжил творить хуйню.

— Чего ты добиваешься? — недоумевающе спросил Том, спустя несколько машин, встретившихся на пути Доджа.

— Проверяю, насколько искренен ты в своих желаниях. Если все обстоит именно так, как ты говоришь, то не смею задерживать тебя в этой жизни. Даже помогу закончить ее, — пояснил за экспериментальной поведение мозгоправ, приметив впереди новую жертву.

Додж вновь выехал на встречку и мчался на синюю Сканию.

— Ох-ох, Лео! Прекращай немедленно! Я понял, что моя жизнь прекрасна! — пискляво спародировал позитивного себя же Том, покривив брутально-похмельным ебалом. — Я тебе сказал, что мне все равно! Хочешь эксперимент? Давай нахуй! Жми на газ!

Скания растерянно завиляла по трассе, пытаясь избежать столкновения. В последний момент фура резко развернулась на сто восемьдесят градусов и помчала наутек от безумного Доджа. Из окна же Скании высунулись усы и

угрожающе помотали монтировкой.

— Сука! Охуели! — взорвался Лео и помахал вслед фуре молотком.

— Хуйня собачья твой эксперимент! — демонстративно закурив, ухмыльнулся Том, всем своим видом изображая равнодушие.

— Эксперимент только начался! — прорычал Лео, ткнув другу молотком в висок.

— Я тебе сейчас уебу, шмара! — озлобленно вцепился в рукоять молотка Харди и потянул на себя.

Началась потасовка, и Додж завилял по трассе. Через пару минут ДиКаприо с силой выхватил молоток и ударил им по приборной панели.

— Все! Пизда! — заорал он. — Бесишь, уебок! Дай сюда! — психанул он, выдернул пион из тенниски Харди и вставил обратно в петлицу своего пиджака.

Тут на горизонте появилась БМВ Х-6. Лео хотел было вновь свернуть на встречку, пока, присмотревшись, не понял, что и сама «бэха» мчится по его полосе.

— Это что еще за сука-бля? — нахмурился Том, вглядываясь в приближающуюся тачку. — Хули падла не сворачивает?

— Тебя ебет? Тебе же это на руку! — раздраженно подергал рычаг коробки передач ДиКаприо.

Достигнув вновь максимальной скорости, мозгоправ уверенно взялся за руль, держа курс на сумасшедшую «беху». Та также продолжала двигаться навстречу судьбе и, кажется, совершенно, не планировала съезжать с намеченного пути.

— Что за ебала? Посигналь уебану! — заметно задергался Харди, бросая взгляд с БМВ на Лео.

Тот же не намеревался слушать и упорно держал руль прямо.

— Сука-бля! Угомонись! — стал дергать сержант ДиКаприо за руку, но тот намертво вцепился в руль. — Бляяяя! Хорош!

Тут Тома охватила паника, ведь дурацкий БМВ надвигался невероятно быстро. До столкновения оставались считанные секунды. Тогда Харди, не понимая и не зная нихуя на свете, принялся судорожно выхватывать руль. Безуспешно. Он хотел уже хотя бы посигналить, давая понять «бехе», что водитель Доджа ебанулся умом. Однако, в виду того, что отродясь не водил машину и был по жизни конченым долбоебом, вместо того, чтобы нажать на клаксон, он стал дергать подряд все рычажки возле руля, тем самым включая дворники и переключая свет фар с ближнего на дальний свет. В конце концов ему удалось и посигналить, задев клаксон локтем. Но все эти действия не приносили ни малейшего результата. БМВ продолжала бешено мчаться на Додж, игнорируя все подаваемые намеки.

— Бляяяя! — орал Харди, бьясь в агонии неминуемой гибели. — Хватит, сука-бля, Лео! Сверни! Тормози!

Казалось, столкновение было уже неизбежно, когда чокнутая «беха» резко свернула и съехала с полосы. Додж же торжествующе продолжил движение вперед.

— Сука-бля! Что за хуйню ты устроил, пидор?! — заверещал Том, хватаясь за голову.

— Ну что, захотелось жить? — повернулся к нему Лео, вскинув кончики бровей ввысь и похлопав друга по щеке. — Эксперимент — ебейший. Результат — выше всяких похвал! Я — чертов, мать его, гений! — возликовал он, сотрясая молотком.

— Блять, остановись! — продолжил вопли сержант, нервно оборачиваясь назад. — Этот ебанат въебался в кактус!

— Не мои проблемы! — отмахнулся ДиКаприо. — Человек явно с суицидальным настроем. Жаль, с ним не было меня. Зато повезло тебе. Ты продолжаешь жить. И теперь ты понимаешь, что хочешь этого!

— Давай не будем! — остановил его взмахом ладони Том. — Ебать ты, сука-бля, устроил… Урод!

— За желание жить! — достал из-под сиденья непочатую бутылку шампанского Лео и откупорил ее молотком. — Но желания мало. Надо найти смысл.

— Ну я понял… Понял, — состроил фирменный, нервно дергающийся еблет Харди и достал из бардачка алмазные бокалы.

Сполна отметив свое ебать его в рот какое по счету перерождение, бухой сержант молча открыл дверцу Доджа и покинул транспортное средство.

— Эй, ты куда, дружище? — высунулся по пояс из окна Лео, пригрозив молотком.

— Домой. В Сиэтл, — пизданул Том, не оборачиваясь.

— Зачем? — интригующе вскинул котелок к небесам Леонардо.

— Начать новую жизнь, — гордо заявил Харди и побрел пешком в сторону аэропорта, дабы скорее прилететь домой и приступить к осуществлению своих позитивных планов.

— Йес! — возликовал ДиКаприо, поняв, какой же он охуетительный мозгоправ.

Так сержант Том и побрел. Благо, аэропорт находился всего в нескольких километрах и благо, что документы и денежка у Харди лежали в боковом кармашке камуфляжных скамов. Таким образом, уже к обеду, сержант прибыл в еврочетырешку, где первым делом решил отоспаться, а уж завтра — вперед, в новую жизнь!

На следующий день до дома добрался и Леонид. Конечно, он безумно хотел порамсить за угон его дражайшего Доджа, но узнав, что друг пришел в себя и даже решил вовек завязать с наркотой, дабы встать на путь истинный, Батлер отложил скандалы до лучших времен.

Начать-то новую жизнь Том потихоньку начал, но придумать смысл — ну никак не мог! Из-за этого каждый божий день у него случались нервные срывы, и он порывался вновь сесть на наркоту, дабы вновь вернуться к ебанатскому стилю жизни. Бородач же всячески поддерживал его и отвлекал, помогая пробраться сквозь тернистый путь и превратить в ту — другую мышку.

Глава 96: Пришествие

Прошло чуть больше недели. Как-то раз Тому позвонил ДиКаприо — свежий, бодрый, как всегда веселый и обдолбанный до умопомрачения. Он заявил, что новая партия кокаина до такой степени охуенная, что Харди должен непременно ее купить и подсадить всех богатых наркоманов Сиэтла! Также Лео заявил, чтобы сержант даже и не смел совать к нему носа без новой партии фирменной травки семьи Харди, которую, к слову, Том выращивал на протяжении вот уже нескольких лет.

— Послушай, Лео, забери ее, — кинул Том маску на стол из цельного куска дуба. — Я тут подумал и решил, что эта дрочь является преградой на пути к новой жизни. Знаешь, эта ебала напоминает мне о бляди Стрип… Делает уязвимым. Думаю, пока маска будет со мной — я не стану счастливым человеком, — бредил он.

— Хм! Что ж, мне нравятся твои рассуждения, — похвалил ДиКаприо, открыв верхний ящик стола и закинув туда маску. — Ну, а что ж? Смысл жизни, как я полагаю, ты нашел? — провоцирующее взглянул он на друга, достав из-под стола бутылку ледяного шампанского.

— Нет, сука-бля, не нашел, — виновато поджал пухлые губы Том, а мозгоправ протянул ему бокал. — Спасибо, не надо. Я бросил и пить, и потреблять…

— Может, бросишь и курить? — предложил ДиКаприо.

— Неа, — усмехнулся Харди. — Сам понимаешь, сука-бля, принципы! — состроил он фирменный еблет.

— Кстати, а как тебе такой вариант обретения смысла жизни. Кхм! — прочистил наркобарон горло. — Два брата воссоединяются после нескольких лет молчания, мирятся и уезжают в закат! Понимаешь, о чем я? — подмигнул он.

— Сука-бля, Лео, прекращай! Я не буду звонить пиздюку! Он даже и говорить со мной не станет. Зачем мне только себя расстраивать? Придумаю еще что-то!

— А вот я думаю… — начал было Леонардо, взяв карандаш и что-то черканув в деле клиента Харди, ведь то всегда лежало на столе.

— А вот я думаю, — передразнил сержант голосом принца Уильяма. — Завали, а! Сержант найдет смысл жизни без твоих вот вариантов!

— Ладно! — усмехнулся ДиКаприо. — Но что-то подсказывает мне, что именно к этому ты и придешь! Так куда сейчас? Обратно в Сиэтл?

— Да нет, перекантуюсь пару дней в Портленде. У Батлера какая-то запара в нашем местном кафе случилось. Ебаный бариста заболел или типа того, и вот он заменит его пару дней лично. Ну, а я его подожду, может картинку хоть сменю в обдроченном, сука-бля, Портленде, — пожал плечами Харди.

— Если что, звони, составлю тебе компанию, — подмигнул ДиКаприо. — Или если надо будет поговорить, то помни, я на связи двадцать четыре часа в сутки и моя консультация строго конфиденциальна! — забил он в бонг Сиэтловской травки, дабы уже обсадиться до такой степени, чтоб подчиненные нигеры вовек его не узнали.

Том коротко кивнул и направился к выходу. На том и простились.

Добравшись до гостиницы, Харди взял чипсы, плюхнулся на кровать, включил телевизор на первом попавшемся канале и принялся жрать, бездумно смотреть в экран да гонять разного рода мысли в голове.

Сержант невнимательно смотрел кулинарное шоу, где накалялись ебейшие страсти. Один из синеглазых участников, при поддержке друга в огромной квадратной шапке, пытался одержать победу у прожженной пышки-домохозяйки. Но у него ничего не выходило! Женщина готовила в разы лучше

его! Но не только в этом были заключены беды синеглазого красавца. За какое бы блюдо он не брался, получалось лишь говно собачье! К слову, невооруженным взглядом можно было заметить — и он, и его шутоломный друг были обсажены тяжелыми наркотиками, а может быть даже и немного пьяны. Сержант же Том смотрел все это мракобесие около часа, не въезжая, какая это там паскуда из шара принимает участие. В голове крутились лишь одни и те же мысли: как жить, что делать, где искать смысл и как же, ёб твою мать, стать уже счастливым?!

А в это время в кулинарном шоу разгорался нешуточный рамс! Синеглазый обвинил пышку в сговоре с жюри, она же обвинила его в наркомании. И тогда парень не придумал ничего лучше, чем выебать пышку прямо на съемочной площадке, прямо во время эфира. После этого женщина, секса у которой не было вот уже как двенадцать лет, безоговорочно признала красавца-участника победителем, сняв свою кандидатуру с участия в ебливом шоу. Победителю был вручен годовой запас чая, а также супернавороченная мультиварка. А еще какой-то безумец предложил ему на камеру передать привет своим родным и близким, а парень, кажется, только этого и хотел. Он долго нес какую-то ересь, а Харди в это время досыпал последние крошки чипсов в рот.

— А напоследок я хочу передать привет моему братишке — сержанту Томми! — вдруг заявил с экрана кожаный нос. — Собственно, за этим я сюда и пожаловал. Знали бы вы, как я скучаю по нему! Ведь он — лучший из людей! О, Томми, где же ты сейчас? — проскулил парень, присев на столешницу кухни-телестудии и вытерев руки об фартук.

— Жид?! — охуел Харди, вылупив глаза и пороняв крошки чипсов на воротник тенниски.

— Эй, сучары, ёпта! Если кто знает, где находится сержант Том… — ворвался в кадр Джесси Пинкман в квадратной шапке, под поля которой была подсунута фотокарточка Тома. — То немедля сообщите мне! Мой номер…

— Что за ебала?! — в гневе завизжал Харди, схватив мобильник и остервенело затыкал по экрану. Но набрал он, к сожалению, не Джесси. — Алло! Лео, сука-бля! Слушай меня внимательно, петушара, и не перебивай!

И Харди рассказал мозгоправу об увиденном, безумно раздраженно стряхивая с воротника крошки.

— И этот пидор опозорил меня на всю страну! — верещал Том, рьяно жестикулируя берцами.

— Стоп-стоп-стоп! — взмахом молотка перебил ДиКаприо на том конце провода. — Ну ты разве не слышал, что он сказал? Он ищет тебя! Он скучает и хочет наладить отношения!

— Сука-бляяяя… — протянул сержант, приставив палец к переносице. — Джейки… Скучает по мне…

— Так о чем и речь! — подбодрил Лео.

— Но подожди, сука-бля! Что же получается? Пиздюк как бы сделал первый шаг. Он, а не я? То есть это подъеб или типа того? Мол, я умнее и рассудительнее, чем старший брат?! — пролаял он.

— Хватит! Причем тут он? Это ты, хуеплет, протянул, вот и злишься сам на себя, пытаясь прикрыться братом! — раскусил его мозгоправ от Бога — ДиКаприо. — Ладно, все неважно! Звони ему немедленно! Будь умнее хотя бы сейчас, сделай и ты шаг навстречу брату! Обрети смысл жизни!

— Ну нет, вряд ли он захочет меня слышать, — включил заднюю Том, замямлив. — Да и вообще! Думаю, все же это какой-то развод! Жид хочет унизить меня! Не знаю как, но точно решил меня наебать! — резко переключился он.

— Так, Том, замолчи и внимательно послушай меня, — перебил Лео. — Давно хотел тебе кое-что рассказать, но все время забывал, да и момента подходящего

не было… В общем, понаблюдав за тобой несколько лет, я пришел к одному интересному выводу. У тебя не синдром пограничного расстройства личности. У тебя… — прищурено накалял атмосферу он. — Биполярка! Пау!

— Поебать! — рявкнул Харди. — Ты вообще слышишь, что я тебе говорю?

— А ты? Слышишь, что я тебе говорю? У тебя биполярка, ты шокирован, узнав об этом, и тебе надо немного отдохнуть, — нес ахинею ДиКаприо. — Приезжай ко мне.

— Ты конченый? — приподнял шрамированную бровь Том. — Я должен придумать, как мне проучить жида! Или позвонить Джейки?

— Видишь, ты не понимаешь, что делать! Мы поговорим и вместе решим, какой шаг тебе предпринять. Будешь думать сам и, я уверен, наломаешь таких дров, что потом пожалеешь! Так что приезжай, поговорим. И да, кстати, твоя трава, как всегда на уровне, — переключился с темы на тему он, будто и сам был тем еще биполярщиком. — Заходил сегодня один покупатель, прямиком из Лос-Анджелеса, да приобрел твою траву, оценив ее по достоинству. Думаю, и ты бы этого клиента оценил по достоинству.

— Не понял. К чему мне эта информация про клиента из Лос-Анджелеса? — действительно не понял сержант.

— Ладно, неважно… Кому надо — тот поймет! — пизданул ДиКаприо.

— Лео, сука-бля, ты что, и сам обхуярился моей травой? Что за чушь ты прогоняешь? — обескураженно воскликнул Харди.

— Да! — ударил по котелку молотком Лео. — Кто ты такой, Том, чтобы меня судить?

— Ой, все! Иди на хуй! — психанул Том и сбросил вызов, ведь эта бестолковая беседа его утомила.

Отключив телефон, дабы ни один петушара его не потревожил, Том вновь погрузился в думки, не позабыв забиться в агонии принятия верного решения. С одной стороны, Харди понял, что очень скучает по брату и хочет, чтобы они снова были вместе, как в старые добрые времена. Но с другой… Может Джейк его и правда хочет как-то подъебать, выставив в очередной раз вселенским долбоебом и доказав его ничтожность? Мда. Вот же задачка! Нужно хорошенько подумать!

Так Харди думал больше суток, но никак не мог определиться, что ж ему делать! За это время он даже ни разу и не сомкнул глаз! Глубокой ночью в квартиру пришел заебанный Леонид, и Том поведал ему о кулинарном шоу.

— Ох, Томми, я рад, что все развиваитсси в таком русле, — возрадовался бородач. — Но за эти дня я не на шутку уморилсси. Несколько смен подряд, сегодня еще и на вечеринке Купера был, проведя там местному бармену экспресс мастер-класс по смешиванию напитков. И честно, так устал! А завтра опять на смену! И как мне все успеть?! — схватился он за жопу. — А еще и отоспатьси бы! Может завтра погутарим? Мм?

— А мне как все успеть, сука-бля? — понес хуйню Харди. — Я, между прочим, тоже хуй спал! А мне теперь решать вопрос с жидом! Быть или не быть с ним? — расставил он ладони в стороны, пародируя чаши весов.

— Ох, этот Купер, дал мне одно средство, чтоб все успеть. Таблетки. Сказал, что под ними будет много времени. Но я не знаю… — задумчиво протянул Леонид, достав из кармашка плаща две прозрачные таблеточки.

— Купер? Это тот, что наркохимик у ДиКаприо? — в фирменном еблете сощурился Том. — Лео говорит, что у него дар от Бога. Охуенно наркоту делает и никогда не пиздит. У каждого его детища свой эффект. Он сказал тебе, что эти таблетки помогут все успеть? — накинул он вопрос и, даже не получив ответа, схватил одну и засунул в пухлый рот.

— Томми! Но это наркотик! Ты завязал! — закричал на весь Портленд Батлер,

убив ором каждого гнилого жука в радиусе двух километров.

— Томми! Но это наркотик! Ты завязал! — пропищал ультразвуком Харди.

— Поебать! Я должен все успеть! Понимаешь, сука-бля, Леонид? Все! Жри и ты! Живо! — приказал он, немедля схватил вторую таблетку, запихнул в рот другу, подергал его за челюсти, как бы помогая пережевать, после чего запрокинул эффектную голову, дав таблетке пройти дальше по организму.

Батлер устало опустил уголки губ. Но делать нечего — наркотик принят. Парни сели на кровать, положили ладони на колени и стали ждать прихода. Но ничего не происходило! Эффект никак не наступал! Том и Леонид продолжали не успевать ничего!

— Вставай! Едем к этому Куперу на его обдроченную вечеринку! — взорвался сержант Харди, подскочив с кровати и достав из-под нее плеть.

— Зачем? — охуел Батлер.

— Дадим пизды! Пидор наебал, подсунув неэффективную чепушиную хуйню! — молол ерунду Том, перейдя в состояние агрессии. — А потом отвезем его Лео, и пускай, и он накажет своего хуевого работничка!

— Да! Хай накажить! — разозлился и Леонид, вмиг став агрессивным.

Хммм… А что это мы все такие злые? Чай таблеточка-то действовать начала!

Оказавшись на улице, Леонид принялся ловить такси.

— Я не понял! А хули не на Додже? — нахмурился Харди, ведь хотел появиться на вечеринке эффектно.

— Ой! Помялсси! Все пустомеля Кертис виноват! Потом расскажу! — отмахнулся сандалией Батлер, поймав такси и сев внутрь. Том последовал за ним. — Кстати, негритос сполна отхватил за Додж. Какие-то девчули устроили с ним разборки, а одна из них выбила ему коленную чашечку. Я все заснял на видийо! Сейчас покажу! — достал он телефон и непонимающе уставился на экран. — Матушка-Матронушка…

— Что там, сука-бля? — заинтригованно уставился в эффектный телефон Том и ебанулся от увиденного. Циферблат на экране неистово пульсировал, а цифры то и дело менялись, перескакивая то на пару часов вперед, то назад. Харди отстранился, закрыл глаза, помотал головой, после чего вновь посмотрел в телефон. Но тот продолжил показывать невменяемые спецэффекты.

Тогда Том поднес к смазливо-брутальному еблету ладонь и помотал из стороны в сторону. Та двигалась будто в замедленном режиме, многократно раздвоившись перед обдолбанными глазами. Харди медленно повернул голову и уставился за окно. Городской пейзаж проносился так быстро, что, казалось, Том ехал не в обычном среднестатистическом такси, а летел в звездолете самого генерала Кеноби!

— Лееониииид? — повернулся он к другу, а его голос прозвучал будто в режиме слоу.

Но Батлер, кажется, тоже ловил нехилые спецэффекты, уставившись на водителя с безумно глупой улыбкой.

— Прибыли! — через какое-то время обернулся к ним шафер. — С вас…

— Сдачу оставь себе, грязное животное! — перебил его Том, весело затолкав себе в рот скомканную сотню, и вышел из автомобиля.

Оказавшись на улице, друзья пороняли челюсти до земли, наблюдая за мигающим стробоскопом, светящимся из щелей склада, на котором и проходила вечеринка Фила. Боже! Как это было красиво! Его огни переливались всем цветами радуги! И где только Купер достал такую волшебную аппаратуру? И тут из здания, пританцовывая и подвиливая задом, вышел…

— Ну здравствуй, Джейки, сука-бля, Джилленхол, — усмехнулся Харди, пихнув Батлера локтем в бок и указав пальцем на тусовщика из шара.

Бородач хитро прищурился и решил взять инициативу в эффектные руки.

— Эй, Джейки! Ай-да сюды! — проорал Леонид, приветливо помахав Джилленхолу плащом и крепко схватив Тома за запястье, дабы тот не удумал бежать.

— О, пацаны! — расплылся в улыбке космической собаки Джейк и поспешил к брату и другу.

Когда он подошел, повисло неловкое клубное молчание.

— Джейки… — прервал тишину сержант, решив показаться милым, и похлопал брата по заиндевелому плечу.

— Томми… — поджав губы, повторил трюк парень из шара.

— Видел шоу с твоим участием… Ты выиграл… Сука-бля, поздравляю, — продолжил хлопать брата Харди, неся хуету.

— Да… Старался как мог… Привет, кстати, тебе передал, — продолжил неловкую беседу Джилленхол.

— Спасибо, сука-бля, было приятно, — смутился Том, уже заебавшись от этого нелепого разговора.

— Так, хватя уже, ну! Чай не чужие люди! — хлопнул парней по ягодицам Батлер.

Вмиг в голову Тома ударила невероятная смелость, и он решился на рискованный шаг. Сержант тяжело выдохнул и только раскрыл рот, как псиный рот раскрыл и Джейк.

— Послушай, — хором сказали оба брата и улыбнулись.

— Давай ты первый, на правах старшего, — подмигнул малыш из шара.

— Короче, сука-бля! — выпалил Том. — Давай, возвращайся домой, пиздюк. Я ж, сука-бля, скучаю! Мы же братья и должны держаться вместе!

— Правда? Ты говоришь… Правду? — не поверил ушам Джейк из шара.

— Конечно, сука-бля! Так что собирай вещи, и погнали обратно в Сиэтл. А потом, как ты давно мечтал, поедем по стране, дабы развлечься, как следует, да девчонок цепануть, — подмигнул он, прогнав ёбань и не посчитав важным сообщить брату, что в половине Штатов внесен в черные списки проституцких открытых акционерных обществ.

— Ах! — воодушевленно крикнул Джилленхол, прикрыв рот ладонью. — А ты, я смотрю, изменился, Томми! Не ожидал, если честно, что до такой степени! То бишь вот это вот все — как бы мир? — протянул он брату мизинец.

— Как бы да, — кивнул Харди и пожал его мизинец своим.

— Даже клятву на мизинчиках дал! — охуел Джилленхол, не узнавая брата.

И это не удивительно. Под чепушиными колесами Купера, Харди бы не узнала и мать родная. Хотя, наверняка, мисс Стрип и без них бы не признала сына. Ведь он раскачался, сука, как не в себя! Весил килограмм под девяносто! И это нихуя не шутки! Все так и есть! И это не жир никакой, ну разве что немного подложки, а чистые мышцы. И когда ж ты успел, Том?!

— Ты понимаешь, что это очень и очень серьезно? — вызывающе прищурил пышные брови Джейки.

— Конечно, сука-бля! Так что встал? Беги собирай чемодан! Жду тебя здесь! — махнул «факом» Том и присел на бордюр, дабы от радости перекурить. Но, кажется, под наркотиком Фила сержант не мог прочувствовать в полной мере долгожданный момент примирения и насладиться им по всем свои обдроченным канонам.

Парень же из шара, к слову, обдолбанный в хуину, повилял задом и стремглав рванул в сторону мотеля, чтобы собрать пожитки.

— Давно следовало так поступить! — плюхнулся рядом с Томом Леонид, достал из-за пояса изящную тонкую сигарету со вкусом тропических фруктов и закурил.

Примечание к части

Любезный читатель, следующие 5 глав будут объединены общим названием, и я настоятельно рекомендую читать их все разом, без отрыва, ибо они написаны довольно неординарно и читая их в несколько подходов, есть риск слегка запутаться.

Примечание к части Любезный читатель, последующие 5 глав будут объединены общим названием, и я настоятельно рекомендую читать их все разом, без отрыва, ибо они написаны довольно неординарно и читая их в несколько подходов, есть риск слегка запутаться.

Глава 97: Области тьмы: Носочки

Том открыл глаза и поначалу хуй понял, где вообще находится. Он привстал на локтях и огляделся. Он лежал на кровати в номере, снятом ими с Леонидом по приезду в Портленд. Харди ощутил боль по всему телу и, превозмогая ее, поднялся и прошел к зеркалу в ванной комнате. Ебало его было разбито вдрызг: белок одного глаза был красным, переносица — не на шутку перебита, на щеках там и тут красовались кровоточащие ссадины, губа рассечена, а одно из ушей и вовсе было увеличено в два раза.

— Что, сука-бля, произошло? Кто дал сержанту пизды?! — возмутился он и побежал обратно в комнату.

Там на полу он приметил Батлера, свернувшегося калачиком и ущербно прикрытого плащом. Харди остервенело стянул с друга красную тряпку и охерел просто! Ебало Леонида также было избито!

— Просыпайся, сука-бля! — начал расталкивать он Батлера, но тот никак не реагировал — настолько крепко спал!

Спустя десять минут Леонид продрал глаз, ибо второй был заплыт, будто по нему ударили кастетом или еще чем тяжелым, и в непонятках уставился на Тома. Как выяснилось позднее — бородач тоже не помнил, почему друзья побиты и почему вообще находятся в отеле.

Обоих таблетка гения Фила продолжала держать, поэтому парни забили хуй на мозговой штурм, который даже и не успели начать, и отправились на улицу, дабы найти лоток с невероятно вредной и калорийной едой и нажраться ею не то что до отвала — до неузнаваемости!

— Я, сука-бля, чур, буду чизбургер, картошечку фри, двойную колу, — загибал пальцы Том, ступая по оживленной улице Портленда.

— Томми, да такого чай на лотках и не продають! — изумился Батлер. — Можеть пойдем в наше кафЕ, да я там все это сварганю на скорую руку?

От одного воспоминания вида блядских пирогов Леонида, не говоря уже об их чертовском вкусе, Том незамедлительно повернулся и блеванул прямо в жестяную баночку, которую держал некий бесхозный бомж, лежащий на тротуаре да якобы просящий подаяния.

— Томми! Что с тобой? — послышался взволнованный синеглазый голос со стороны.

— Джейки? — охуел Харди, обернувшись и приметив бегущего к нему Джилленхола с огромным чемоданом в руках и гитарой наперевес.

— С тобой все в порядке? — взволнованно осмотрел брата Джейк.

— Вполне, сука-бля! — состроил фирменный еблет Харди, вытащил из-под бомжа картонку и вытер ею рот.

— Ну и хорошо! Так, ну я готов ехать! — похлопал по чемодану путешественник из шара.

— Ехать, сука-бля, куда? — заинтригованно приподнял шрамированный синяк на брови сержант.

— Ну здрастье! Так к тебе же! В Сиэтл! Такой ты, Томми, странный человек! Мало того, что забыл обо мне почти на три дня, так теперь еще и заднюю включаешь?!

Три дня?! Ну нихуя б себе неэффективная чепушиная хуйня — эти таблеточки Купера! Ебать продержали! А что же произошло за это время?

Хммм… Нужно напрячь мозги, чтоб все вспомнить! Интересно, Том и Леонид все успели, что планировали?

— Это сержант странный человек? — вмиг Харди превратился в агрессора Адольфа. — А ты, блять, не странный? Хули собрался в мою еврочетырешку? Я не ясно в прошлый раз выразился, чтоб ноги твоей там не было? А? Так куда, собрался, любезный?!

— Томми! — охуел от услышанного Батлер и потерял сознание, упав и приуютившись на бомже, который, к слову, был убит еще вчера, и все к тому же слову, не кем иным, как самим Леонидом.

— Я что-то не понял… — нахмурил пышные брови Джейк. — Но ты же говорил…

— Не пизди! Я помню, что когда-либо и кому-либо говорил! — сбрехал Харди. — И говорил я тебе, что не потерплю того, чтоб ты пересек порог моей квартиры! Да вы посмотрите на эту шмару! Он и чемодан собрал! — он кинулся к багажу Джилленхола, махом раскрыл его и уставился на содержимое. — Сука-бля, носки! Обдроченные носки! — принялся он расшвыривать по сторонам излюбленное вязаное белье брата. Коллекционное, между прочим!

— Не трогай их! — кинулся на асфальт Джейк и стал собирать свои дражайшие носочки. — Прекращай! — оскалился он на брата.

Но Том никак не прекращал! Он нарочито доставал из чемодана носки и раскидывал их вокруг себя.

— Все! Мне это надоело! — психанул парень их шара, собрав свой грязный шмот в подол отвернутой футболки с принтом карты Портленда. — Я первый пошел на встречу, Томми! Пошел на ебаное кулинарное шоу специально для того, чтобы передать тебе привет и выйти на связь! При нашей встрече на вечеринке Фила ты сам меня позвал к себе, желая вернуть прежние денечки, а потом вместе поехать по стране, дабы ебать девочек и развлекаться! И когда я побежал собирать вещи, ты, пидор, пропал! Испарился! Я прождал тебя почти три чертовых дня! А теперь ты говоришь, что не было такого? Ну прекрасно! Такой ты, Томми, мудак! Мразь масочная! — не на шутку заистерил он. — Ты очень хуево ко мне относишься! За что?!

— А я ждал тебя много лет! — заистерил и Том, пытаясь выставить себя в сто раз несчастнее брата. — А как ты ко мне относился? Может, вспомним? Как украл мои сокровенные воспоминания про торт? Как специально подстрекал толстуху из Оклахомы, чтоб она меня поимела? Как предложил помириться с матерью, ну, той, которая, сука-бля, блядь?

— На хуй и в пизду! — вывалил из подола носки в чемодан Джейк, наспех застегнул его и, гордо задрав кожаный нос, поспешил удалиться.

— Отсоси, Джейки! — показал вслед «фак» Харди, после чего поднял лицо к небу и безумно пронаркоманенно расхохотался.

Глава 98: Области тьмы: Подворотня

Том открыл глаза и обнаружил себя в луже ссак в какой-то подворотне. Ощупав скамы на предмет сухости и убедившись, что обоссался не он, Харди встал и принялся оглядываться по сторонам охуевшим взглядом, в надежде понять хоть что-то. Но тщетно! Понято не было совершенно нихуя!

Сержант ощутил, как блядские колеса Фила Купера продолжают нехило штырить и решил переждать приход, уткнувшись лбом в кирпичную стену, также зассанную каким-то бомжом. Так прошло несколько минут.

— О, Томми! И ты тут? — вышел Батлер из еще одной подворотни, находящейся внутри этой, застегивая на ходу ширинку кожаных трусов.

— Как мы тут оказались? — спросил Том, не отрываясь от освежающей его наркоманскую голову кирпичной кладки. — Ты, вообще, сука-бля, что там делал? — махнул он рукой на мини-подворотню.

— Ээээм… — заорал Леонид на все закоулки Портленда. — Да это… Как его…

Тут из маленькой подворотни послышался звук приближающейся чечетки.

— Лей по мне слезы, лей по мне слезы, — донесся вслед за ним писклявый голос.

— Сука-бля, Джастин? — приподнял шрамированную бровь Харди, и в тот же момент из подворотни-портала показалась пластичная фигура мистера Тимберлейка. — Откинулся что ли уже?

— Ну, вообще-то, да! Что за вопросы? — пропел тот, двигаясь в ритме хип-хопа.

— И что ты тут, сука-бля, забыл? — развел руками Том.

— Ну как что, подвез тебя, — топнул по ссакам Джастин, завершая танец. — Ну, а дальше все само закрутилось. Да? — подмигнул он Леониду, причесывая пятерней влажные кудри

— А что я? А что сразу я? Я, вообще, тут ни при чем! — заверещал Батлер, нервно замахав плащом, которого не было.

— Что происходит? — прищурился широко открытыми глазами Том. — Где твой, сука-бля, плащ? И что вы так переглядываетесь?

— А я видел! А я знаю, что они переглядываются! — раздался из мусорного бака рык, то ли бешеной собаки, то ли драного льва, то ли и вовсе бомжа какого-то.

— Что ты там видел, пустобрех! — взорвался бородач и эффектно захлопнул крышку бака, размозжив лохматую бомжиную голову.

— Ебать! Ты что, охуел? — забился в агонии свидетеля преступления Харди.

— А что он брешет тут? Рассказывает басни свои! — возмутился Леонид, отряхивая руки одна об другую.

— Я так-то хотел бы послушать его, сука-бля! — вопросительно взмахнул берцем сержант. — Интересно же было узнать, что бомжара хотел поведать!

— Думаешь, бомжи знают добрые истории? — постучал себя указательным пальцем по лбу Батлер, призывая друга покумекать на сей счет.

— Ладно, хуй с ним, — махнул на мусорный бак Том и закурил. — Ну, а ты что расскажешь, шмаровоз? — перевел он взгляд на Джастина.

— Ты не ответил на мое последнее сообщение! — пальцем изобразил скатывающуюся по щеке слезу Тимберлейк.

— А я тебе, сука-бля, обязан что ли? — фыркнул Харди.

— А я, Томми, тоже считаю, что ты тогда поступил негоже, — пожал голыми плечами Батлер, незнамо зачем решив вступиться за Джастина.

— И что? Тебя что так волнуют чувства этой кудрявой шмары? — вскинул брови к небесам Том.

— Меня волнуют чувства всего люда Земли! — вдруг словил ебейший приход

от таблеток Фила Батлер.

— А если я тебе уебу? Пидорас! — словил такой же приход и сержант, и без лишних разговоров ударил друга кулаком в плечо.

— Лей по мне слезы, оу! Лей по мне слезы! — запищали кудри Тимберлейка и понесли своего хозяина прочь из главной подворотни, у выхода из которой был припаркован байк.

— Да ты чай ебанулси! — заревел Леонид, как глупый медведь. — Долго я терпел твои выходки! — оскалился он и въебал Тому промеж глаз.

У того над головой аж закружили помойные голуби, возвещая о сотрясении мозга. Сержант пошатнулся, но на ногах устоял. Тут уже по классике его агрессивно настроенные надпочечники выбросили в кровь ебейшую дозу норадреналина, и вмиг озверевший Том бросился в драку.

Но и Леонид не собирался терпеть подобное отношение. Вместе они завалились на асфальт и начали пиздить друг друга почем зря. Так они катались и кружились по ссанной подворотне, пока приход от колес немного не ослаб.

— Ну что, подлец ебаный! Получил? — орал Батлер, оседлав Харди, лежащего на животе, скрутив ему руки за спиной и уткнув смазливо-побитым ебалом в асфальт. — Будешь знать, как лезть на рожон!

— Ой, все! — психанул Том, пытаясь спихнуть Леонида. Но у него ничего не получалось! Неожиданно Батлер оказался куда сильнее хваленного бойца ММА!

— То-то же! А то ишь чё удумал, пройдоха! — пихнул друга в затылок бородач и поднялся на ноги.

— Петушара… — буркнул под нос Том, вставая с асфальта.

— Сам ты, Томми, петушара! — подкатил глаза Батлер. — Где ж мой плащ все ж? — почесал он макушку, озираясь по сторонам.

— Ой, в пизду твой, сука-бля, плащ! — махнул рукой сержант, второй потирая разъбанный шрам на брови. — Пошли уже!

— Куда? А как же бомж? Я считаю, что мы должны похоронить его с почестями, — бредил эффектную хуйню Леонид, махнув бородой в сторону мусорного бака.

Харди лишь непонимающе упер руки в бока и сплюнул кровавую слюну.

— Ай-да за мной! — задорно махнул ладонью Батлер, открыл бак и нырнул туда с головой.

— Да ты чай ебанулси? — выдал запоздалую пародию Том, когда прямо ему в руки прилетело непромытое бомжиное тело.

— Земля пухом, мир вашему дому, Господь вас упаси! — заголосил панихиду Леонид, извещая весь Портленд о новопреставленном бомже.

Затем он взял его за грязные голые щиколотки и потащил из подворотни. Харди походкой татуированного клоуна поспешил за другом.

Леонид прошел пару кварталов, пока не приметил у супермаркета одинокую пустующую картонку, очевидно являющуюся пристанищем какого-то бедолаги. Батлер положил на нее труп, посчитав, что это вполне сойдет за почести, и перекрестил супермаркет.

— Сука-бля, такой ты пидорас, конечно! — поморщил нос сержант. — Ебало все болит!

— Так и у меня болить! — укоризненно пнул его в колено Батлер.

Парни хотели было вновь устроить потасовку, но поняли, что силы их на исходе.

— В пизду, пошли в отель! — психанул Том, толкнув друга на проезжую часть.

— Ах ты ж! — заорал Леонид, когда ему в эффектную жопу въехало такси. — Ну держись, окаянный!

Харди в панике округлил рот и бросился наутек, сверкая берцами. Батлер — за ним.

Добравшись до отеля и забежав в номер, парни остановились, пытаясь отдышаться. Но у них не выходило ничего! Дыхание не на шутку сбилось!

— Ох и уморили вы меня, проклятые! — хрипя, выдавил Леонид и лег на пол, свернувшись калачиком и в ту же секунду провалившись в сон.

Харди опустил уголки разбитых губ, ведь отчего-то ему стало жалко друга. Он не придумал ничего лучше, как отыскать эффектный чемодан, достать оттуда свежий плащ и заботливо укрыть Батлера. Сам же после этого лег на кровать и уснул крепким сном человека, успевающего все.

Глава 99: Области тьмы: Допрос

Свет люминесцентных ламп ударил в глаза. Том не понял в чем дело. Он проморгался и огляделся по сторонам. Харди находился в небольшом прокуренном кабинете, сидя за столом. Напротив сидел Майкл Мэдсен в классической ковбойской шляпе и выпускал из носа и ушей задумчивые колечки дыма.

— Кто его убил? — сказал он, указав пальцем на одну из фотографий, лежащих на столе.

Харди решил не вдаваться в подробности, где находится и что вообще происходит, а вместо этого опустил взгляд, дабы разглядеть изображение. На фото находился не на шутку уродливый опухший труп, видимо, он несколько дней пролежал в воде и, видимо, он был не на шутку картав при жизни, а может быть даже и после.

— Ээээм… — замялся Том. — А какие, сука-бля, варианты?

— Ну как же, вот, — пододвинул Майкл еще три фотографии. На одной из них был изображен полулысый парень мудацкой внешности, на второй и третьей — какие-то шкуры с недовольными еблищами, по-видимому, сестры, но это не точно. — Кто убил Юджина Робертсона? — вновь указал он на фотокарточку с обезображенным трупом.

Сержант Том отчего-то решил, что непременно должен поучаствовать в авантюре Майкла, будто от этого завесила судьба мира. Он взял в руки три фотографии и внимательно рассмотрел каждую. Так прошло десять минут.

— Мм? — наконец определился с выбором Харди, взяал одну из фотокарточек, поднял ее и продемонстрировал сержанту Мэдсену.

— Серьезно? Она? — выронил глаза из орбит Майкл.

— Ну да, сука-бля, — пожал плечами Том, развернув фото и еще раз посмотрев на изображение. Блондинка с фотографии вдруг ожила и показала язык. Парень в непонимании похлопал глазами и зыркнул на оставшиеся фотки. Труп подмигнул обдолбанному сержанту, сексуально прикусив распухшую губу. Вторая девушка показала «фак», а полулысый и вовсе — сисечки.

— Сержант Харди, я всегда считал тебя своим лучшим учеником… — недовольно покачал головой Майкл, закрыв глаза. — А ты говоришь, что она убила Юджина Робертсона?! — выхватил он у Тома фотографию и неистово застучал по ней сигаретой. — Она?! С хуя ли?!

— Наитие так говорит, — состроил фирменный еблет Харди, разведя ладони в стороны.

— Хуйня твое наитие! Знаешь, кто эти девки? Сестры Блэкберри! А знаешь, кто из них убил Юджина Робертсона? Она! — схватил он фото второй девушки, которая, к слову, была рыжеволосой.

— Да ну не, сержант, хуйня какая-то! Это еще надо доказать! — усмехнулся Харди. — Уверен на все сто, что пизда этого не делала. Ты посмотри глаза какие честные!

— Ну нет! Она убила Робертсона, и я докажу это! — взорвался Майкл, отбросив шляпу в сторону. — Я лично разыщу сестер Блэкберри, дабы…

— Дабы поймать? — перебил Том.

— Дабы докопаться до истины! Нахуя мне их ловить? Пускай этим занимается департамент полиции Лос-Анджелеса. Мне лишь важно знать, кто убил Робертсона и его невесту.

— Невесту, сука-бля? — заинтересовался Харди. — А ее фото нет? — не на шутку захотел он посмотреть новую гифку.

— Нет! Да она и в хуй никому не впилась! — рявкнул Мэдсен. — И я тебе скажу, хулиганка, пока я не удостоверюсь в своей правоте, я не буду спать

спокойно!

— Ну больно тебе, пастушок, — мило улыбнулся сержант Том, дабы показаться лучшим из людей. — Давай я тебе помогу найти шмар, да и узнаем у них правду, — предложил он помощь. — Жаль только, что мы в Портленде, а не в Сиэтле…

— Дружок, ты нихуя не в Портленде, — перебил сержант Мэдсен. — Не помнишь, где находишься?

— Ммм, — промычал Том, постучав указательным пальцем одной руки по указательному пальцу другой. — Нет! — выпалил он, улыбчиво оскалившись.

— Ну здрасьте, — топнул Майкл ковбойским сапогом, который, к слову, носил всегда и везде. На второй же ноге он предпочитал носить уютный резиновый сланец, купленный в свое время в Азербайджане. — Ты в полицейском участке, что в городе Юрика.

— А Батлер где? — удивился Харди.

— Неважно! Давай вернемся к теме сестер. Реально можешь найти их? — заинтересовался Майкл.

— Конечно, сука-бля! — самодовольно хмыкнул Том, достал из-за уха зубочистку и вставил в рот. — Я лучший поисковик! — сбрехал он, перекрутив деревянную хуйню в кривых зубах. Ну да, зубы у Харди были кривыми! Что тут удивительного? Сами попробуйте поносить маску столько лет, любезные, а потом возмущайтесь, что кто-то что-то вам не рассказал вовремя!

— Тогда что же ты сидишь?! — психанул Мэдсен. — Беги скорее и приведи их мне!

— Есть! — отдал честь Харди и хотел было побежать, но упал боком со стула. Том наспех поднялся и выскочил прочь из кабинета.

Сержант бежал очень и очень долго, пока не добрался до трассы. Оказавшись на обочине, он остановился и призадумался.

«Послушай, Том, и как тебе найти шмар и выяснить у них правду? Непонятно… Непонятно! Думай, думай, думай! Кто может найти нужных людей? Правильно! Умница! Старик Лео!» — подумал хуйню он и набрал номер излюбленного мозгоправа, выполненного из цельного куска плоти.

— Алло, Лео! — заголосил в трубку Харди, как только друг поднял ее. — Мне нужна твоя помощь! Не знаешь сестер, сука-бля, Блэкберри?

— Ну как же не знать?! Как не знать, голубчик! Конечно, я их знаю! — возликовал Леонардо, и на том конце провода отчетливо можно было услышать, как его заостренные брови взмыли к потолку.

— Заебись! И где их, сука-бля, искать? — обрадовался сержант, выставив большой палец и ловя попутку.

— В душе не ебу, но думаю, найдем! — уверил ДиКаприо, одевая котелок и вешая на согнутую руку трость. — Я оделся и готов отправиться на их поиски. Скоро подскочешь?

— Пять, сука-бля, минут! — ответил пиздаболище Том, продолжая безуспешно ловить тачку, и скинул звонок.

Прошло уже около часа, но никто не сажал к себе Харди, думая, что он трассовая шлюха, до одури непрезентабельная, между прочим. И тут удача улыбнулась ему — в сантиметре от берцев остановился роскошный байк.

— Том? Рад видеть тебя! Какими судьбами? — проблеял мотоциклист, не соизволив снять шлем — все для безопасности!

— Подбросишь до Портленда? — не стал вдаваться в подробности возможного знакомства Харди и прыгнул на байк. Хм, вроде мамка учила тебя не связываться с незнакомцами… Тогда что за шляпа, Томас? Опять назло мисс Стрип так поступаешь? Не боишься быть убитым и брошенным в придорожные кусты? А что еще хуже — если этот мужик поимеет тебя в очко?! Говоришь,

вооружен? Ну что ж! Дерзай! Только потом не жалуйся, что сидеть больно! Если вообще сможешь сидеть, умник!

— Конечно! — кивнул водитель — зэк в законе — Джастин Тимберлейк.

Том покрепче обнял его со спины, уютно примостил голову на плечо водителя и, как только мотоцикл набрал запредельную скорость, уснул крепким сном обдроченного ебаната. Как вообще? Удобно? Смотри не ебанись!

Джастин же был настолько рад, что подвозит своего кумира до Портленда, да тот его еще и обнимает, что моментально вспомнил известную сцену из кинофильма «Титаник». Ту самую, где Сет Роген стоял на носу лайнера, расставив руки в стороны, а сзади его обнимал Мэтью МакКонахи. Блаженно закрыв глаза, Тимберлейк расставил руки и поднял лицо к небу. Сзади его милейше обнимал Том. Не это ли счастье?

Спустя несколько часов мотоцикл остановился в пресловутом Портленде. Сквозь сон Харди ощутил, как его скинули на холодный асфальт во что-то мокрое, предположительно — в лужу чьих-то ссак.

— Мать честная, что стряслось? — услышал он возмущенный возглас Батлера сквозь сонную пелену.

— Не знаю, я его просто подвез, — прошептали, кажется, кудряшки Джастина. — А ты его друг? Никогда раньше не видел… Том не рассказывал о тебе. Кстати, классные сандалии!

— Оу, благодарствую! Классный байк! Не прокатишь? — застеснялся ор Леонида, но не он сам.

— Могу предложить покатать на кое-чем другом, — томно сказал Тимберлейк, и после этих слов Харди отрубился.

Глава 100: Области тьмы: Пересечения

Том открыл глаза и увидел перед собой какое-то обоссанное поле. В нескольких метрах стоял обшарпанный трейлер, к которому направлялся Леонид, эффектно почесывая плащ мачете.

— Ты, сука-бля, куда? — окликнул его Харди, стряхивая с берцев комья земли да колорадских жуков, так и норовивших залезть ему в трусики.

— Пойду, узнаю в чем дело! — не оборачиваясь закричал Леонид, разом смахнув с друга всех назойливых жуков.

— А в чем дело? — не понял сержант. — Кажется, светает. Или темнеет, сука-бля. Что происходит? — в панике завизжал он, отхватив нехилый приход от чепушиных гостинцев Купера.

— Авось сейчас разберемсси, — ответил Батлер и криком постучал в облезлую дверь.

Ответом ему был лишь чей-то джинсовый храп. Но Леонида это не устроило, поэтому он принялся прорубать жестяное полотно двери мачете. Том же подошел поближе, решив безучастно понаблюдать за сей картиной.

Через пару минут из трейлера послышался зверский рев, и спустя мгновение дверь распахнулась, отбросив собой невозмутимого бородача.

— Вы что за бляди? — вырвался из трейлера мужик в ковбойской шляпе, выставив перед собой двустволку и пытаясь на ходу натянуть джинсовые трусы.

— В чем дело? — задал насущный вопрос Том, инстинктивно достав из-за пояса «беретту» и пошкрябав дулом по облупившейся краске трейлера.

— В чем дело, суки? — рявкнул ковбой, ударив ружьем по «берете». — Вы что, шмары, совсем охуели?

— Это ты нас шмарами назвал? — в один голос спросили Харди и Батлер и рассмеялись, словив синхронный блиц-приход.

— Вы сейчас допиздитесь, пидорасы! — рычала джинса, а ее хозяин почем зря размахивал двустволкой. — Выбирайте, твари: либо сначала познакомлю вас с Самантой, а потом нассу, либо же наоборот. На ваш блядский вкус.

— Может пойдем отсель? — стал криком подмигивать Тому Леонид, ссыканув в штаны при виде столь внушительного ружья, которым ковбой неумолимо тыкал поочередно в друзей.

— Может, сука-бля, и пойдем. А может и побежим, — состроил фирменный еблет Том, развел руками и рванул прочь от трейлера, не желая схлопотать джинсовую пулю.

Леонид бросился за ним, попутно стягивая обоссаные штаны, ведь ходить в мокром чревато натертостями в области эффектного хуя.

Парни бежали по вспаханной земле сквозь буераки и наконец добрались до трассы. Позади все еще слышался ковбойский вой, выстрелы в небо и журчание ссак. Тут друзья заметили мчащуюся к ним синюю Сканию. Недолго думая, они дождались, когда фура поравняется с ними, и тогда запрыгнули на кузов сзади, уцепившись за ручки.

— И куда, сука-бля, едем? — спросил Том через полчаса не слишком комфортабельной езды.

— Надо бы разузнать, — сказал Леонид и полез на верх кузова. Сержант — за ним.

Они проползли до самой кабины и перебрались на ее крышу.

— Здарова, отец, — свесился к водительскому окну Батлер, эффектно постучав по стеклу.

— Куда путь держишь, шмара усатая? — свесился на лобовуху Харди.

— В Калифорнию, — ответили усы, загородив собой хозяина, севшего

посрать.

— Значит нам, сука-бля, по пути, — разбил берцем лобовое стекло сержант и забрался внутрь.

Батлер последовал примеру друга и также проник в кабину, сменив усы на посту водителя.

Так они ехали несколько часов. Все это время сам фурист не решался показаться из укрытия, продолжая делать вид, что срет, сам же заливал в себя водочную клизму, дабы снять стресс от такого вторжения.

— О, приехали! — вдруг провозгласил ор Батлера, бросившего руль и на полном ходу выпрыгнувшего из кабины.

— Усы… Шмаровоз… — по очереди похлопал Том сначала пушистую хуйню, затем фуриста по плечам и также с присущей ему громоздкой легкостью вывалился из Скании, прокатившись по обочине прямо к вывеске с названием города Юрика.

Парни побрели по дороге, решив устроить сами себе экскурсию по незнакомому городу. Через час они благополучно заблудились.

— И что теперича делать, Томми? — плакал Леонид, являвшийся почетным обладателем страха незнакомой местности.

— Идем в мусарню, там пацаны помогут, — поднял указательный палец Харди, придумав охуительный план.

— Пошли. Но куда? — взвыл хлеще всех бородач.

— Эй, хулиганка, подвезти? — вдруг окликнул их голос из красного Кадиллака Эльдорадо 1959 года выпуска.

— О, сука-бля, пастушара! — возрадовался Харди, без раздумий запрыгнул в тачку к старому знакомцу и поманил Леонида присоединиться.

Тот покричал пару минут, да залез в Кадиллак.

— В участок, извозчик! — включил в себе графа Толстого Том, щелкнув пальцами.

— А по ебалу не хочешь, хулиганка? — приподнял бровь Майкл Мэдсен, дав Харди легкую оплеуху.

— Нет, — опустил уголки губ сержант и обиженно скрестил руки на груди.

— Вы под чем это таким оба? Что-то не узнаю вещество, — присмотрелся к обоим парням Майкл, заглядывая поочередно в чепушиные глаза каждого.

— Ты забыл зачитать нам права, — решил поумничать Леонид, поправляя сандалий. — Так-то Томми у нас мент, и разберетси там с этой вашей гнилью, — нес несусветную эффектную хуету он, переняв от друга привычку не понимать нихуя.

— Ну понятно, блять! — усмехнулся Мэдсен. — Хулиганка, какое совпадение, что я тебя встретил тут. Я как раз тут катаюсь по стране, делом одним занимаюсь лично. Хочу убедиться, что я прав. И вот интересует меня мнение независимых мусоров по этому делу. И, должен признать, твое мнение, как моего лучшего ученика, особенно интересно услышать, — понес бред и он.

— Сержант, сука-бля, польщен, — кивнул Харди, рассматривая свое отражение в зеркале заднего вида и запоминая блеск глаз под колесами Фила. — Посмотрим, покумекаем, может чем и подсоблю…

Через несколько минут Кадиллак Эльдорадо остановился у мусорского участка города Юрика.

— Что опять экзаменуемых привезли? — курил трубку у входа Джонни Депп. О! Неужто тебя восстановили в должности! Да еще и вновь сделали экзаменатором всея полицейских департаментов США. Ну вот, а ты переживал, что с одной почкой не найдешь работу! Здесь всегда сгодятся такие кадры, как ты.

— Нет, лейтенант. Иди на хуй! — показал «фак» татуированному клоуну

Мэдсен, схватил Харди за локоть и повел внутрь.

— Точно? — прищурил смоки-айс Джонни, осматривая Леонида с ног до головы. — У меня сегодня по плану никаких экзаменов.

— Нет, я не сдаю никакие экзамены, — непонимающе пожал плечами Батлер.

— Тооочно? — обошел его по кругу Депп, окуривая гашишем, вымоченном в коньяке.

— Ээээм… А ты точно меня не посадишь? — избрал тактику Джонни и Леонид.

— Так ты кто? Полицейский или преступник? — растерялся лейтенант.

— Я — бариста! — гордо заорал Леонид.

— Так, ты давай мне тут не юли, а точно скажи — тебя арестовать надо или экзамен провести? — буробил по-пиратски Депп.

— А давай я тебе свой плащ в залог оставлю, да пойду, — нервно засмеялся Батлер, махнув плащом.

— А он точно имеет для тебя ценность? А то может это просто тряпка какая-то, а ты мне ее в качестве залога предлагаешь? — недоверчиво погладил плащ Джонни, оценивая ткань наощупь.

— Ясен-красен! — обиженно затопал краями по асфальту плащ.

— Ну это прямо все точно-точно? — втер в золотые десна кокаин Депп.

— Точно-приточно! — уверил Леонид и скинул с плечей одеяния, передав их Джонни.

— Ну ладно… Тогда отпущу тебя под залог, но только потом приходи в суд, только так получишь его назад, — неуверенно пригрозил лейтенант и спрятал плащ под шляпу.

— Да ты чай шутишь! Конечно приду! Абсолютно точно! — заверил его Батлер и поспешил прочь от участка, ведь мотать еще один срок в тюрьме ой как не хотелось.

Леонид вышел на трассу и быстро поймал попутку, сержант же Харди в это время зашел в допросную в компании с Майклом Мэдсеном. Так и отрубились.

Глава 101: Области тьмы: Багаж

Том уставился перед собой и по классике нихуя не понял. Он медленно обернулся и посмотрел на Батлера, который и сам не на шутку охуел.

— Где мы, сука-бля? — задал несуразный вопрос Том, посильнее затянувшись.

— Кажись, на вечеринке Фила, — предположил Батлер, увидев в паре метров… Фила Купера?! Он-то тут откуда? Вот уж действительно неожиданная встреча!

Харди медленно повернул голову и тоже увидел знаменитого нарко-химика. Тот терся у багажника легковой машины и пытался погрузить туда тела двух девушек. Но у него ничего не выходило! Руки Фила были парализованы! Все дело в том, что Купер, корпя над очередной формулой суперобалденных колес, немного ошибся с ингредиентами. Вот и получил побочку в виде оказии рук! Ну ничего, благо действуют его колеса всего пару дней, так что скоро конечности Фила придут в норму.

— Сука-бля, как-то неудобно получается. Он нас колесами прогостил, а мы сидим, словно петушары, и не можем ему помочь. Не, ну сержант так не может себе позволить поступить, — встал с бордюра Харди и поспешил к Филу.

— Блять, — подкатил глаза Леонид, ведь абсолютно не хотел помогать Куперу, но встал и поплелся за другом, а точнее — полетел на плаще, словно на ковре-самолете.

— Эй, придурок, помощь не нужна? — уселся на багажник Фила Том, предварительно захлопнув его.

— Решил наведаться на мою вечеринку? — обрадовался лакричный Купер, увидев сержанта, которого видел первый раз в жизни.

— Я, сука-бля, спрашиваю, помощь нужна? — задвигал желваками Том, проигнорировав бред нарко-химика. — Что вообще со шмарами? — указал он берцем на двух обдолбанных девок в отключке, лежащих на асфальте.

— Ох, у них такая тяжелая судьба, — пожал лакрицей Фил. — А они все равно крутятся и плывут против течения, — пизданул он, смерив девушек заботливым взглядом. — По крайней мере, так говорит Лео.

— Я не понял нихуя, — признался Том.

— Странно, а он сказал, кому надо — тот поймет, — расстроился Купер. — В общем, просто помоги положить их в багажник, а дальше я уже сам.

— Да ты такой же пустомеля, как и Кертис! — унизил его Батлер. — Как же ты справисси сам, если руки у тебя не шевелютси?!

— И то верно, — согласился Купер. — Так что, поможете погрузить их и довезти до дома? Мм?

— Батлер, помоги человеку, хули встал? — распорядился мусор Том и полез в машину Купера.

Леонид пожал ушами и последовал за другом. Его же плащ заботливо поднял девушек с асфальта, погрузил в багажник, затем открыл Филу дверь, дабы тот беспрепятственно уселся в машину. После всех этих манипуляций плащ сел за руль, прогрел мотор и тронулся сначала умом, а затем и с места.

Поскольку за рулем сидела тряпка и не знала куда ехать, через час машина Купера выехала на трассу. Фил же не обращал на происходящее никакого внимания, взяв в зубы прикуриватель и тыча им в руки, чтобы скорее реанимировать их.

«Послушай, Том, — размышлял Харди, а точнее наркотик за него. — В багажнике находятся две шкуры в отрубе… Хмм… Как думаешь, каково это — ебать шмару в отключке? Наверняка прикольно! Сука-бля, может попробовать,

пока есть такой шанс?»

— Эй, пщ, Леонид, — поманил он друга и, притянув к себе за бороду, зашептал на ухо. Том поведал Батлеру о своей бомбичной идее и предложил выебать ему одну из девок, он же выебет вторую. Ибо сразу жарить двоих, Харди считал гиблым и негожим делом! Все по принципам Тома, отца его — Кристофера Уокена, да святага духа.

— Чушь! — фыркнул Леонид, не разделяя сержантских планов.

— Ну нет! Так неправильно! Так некрасиво! — возмутился плащ, ударил по тормозам, психанул и выбежал из машины, полетев прочь в какое-то обсосанное поле.

— Эй, куды?! — ошалел Батлер и ринулся за тряпкой.

— Сука-бля, куда вы? — изумился Харди и тоже пустился в бега.

— Эх, и как же мне отвезти домой сестер Блэкберри? — опустил уголки губ Фил, провожая убегающих взглядом.

Но тут в окно ворвался ветер, затем будто кто-то невидимый уселся за руль, и машина двинулась в сторону Портленда.

— Класс! — лайкнул погодную аномалию Купер и потерял сознание, отхватив микроинсульт.

А Том, Леонид и плащ все бежали и бежали, бежали и бежали, пока последний не остановился у какого-то обшарпанного зассаного трейлера. Один его вид нехило испугал плащ, он коротко взвизгнул, обвил шею хозяина и спрятался за его спиной, требуя защиты.

Тут в головах друзей послышались низкие басы, после чего оба рухнули на землю.

Глава 102: Пророчества

Тома резко пошатнуло, и он схватился за голову, будто почувствовал удар тяжеленным молотом в висок. В ушах зазвенело, перед глазами стало темно. Харди проморгался и увидел Джейка, уходящего вдаль. Вдруг события, произошедшие за последние три дня, стали обрывками всплывать в голове. Но сколько бы сержант не вспоминал — никак не мог упорядочить все случившееся.

— Что, сука-бля, за хуета? — обернулся он к Батлеру, превратившись в забывчивую сову.

— Ох-ох-ох, Томми! Мне-то почем знать? — закудахтал Леонид, эффектно потирая лоб плащом и также пытаясь собрать наркотический паззл по кусочкам.

— Жидяра, пидор! — заорал Харди, пнув берцем фонарный столб. — Какого хуя он ушел? Я же помню, как мы помирились! А потом что? Потом поссорились? Да как так, сука-бля, вышло? Что за дерьмо?

— Эх, Томми… Зря мы, кажется, приняли эту чепушню Фила… — озадачено поджал губы Батлер. — Так ничего и не успели, что планировали, так еще и нахуевертили не пойми чего. И что теперь делать?

— Домой, блять, поехали! — рявкнул сержант, на которого вновь нахлынула старая-добрая и такая знакомая волна озлобленности. — Где, сука-бля, моя маска? Лео, пидорас! Все, поехали! — ворчал он, вертясь вокруг своей оси и не понимая, куда следует двигаться.

— Я даже не знаю, где Додж! — развел руками Леонид.

— У чепушиного склада чепушиного Фила остался, — пояснил за автотранспорт Том. — Пиздруй туда, забери тачку и подъезжай к Лео. Я пока к нему.

На том и порешали.

— Маску, сука-бля, отдал! — выбил дверь со стукалкой-львом Харди.

Пятеро черножопых охранников-амбалов уставились на него в недоумении.

— Хозяин у себя наверху, — поднял указательный палец к потолку один из нигеров.

— Без вас, сука-бля, знаю! — состроил фирменный еблет Том и пошел на второй этаж. — Маску, сука-бля, отдал! — выломал он на сей раз дверь кабинета ДиКаприо.

— Очень вежливо, Том, — цокнул Леонардо, наспех закрывая верхний ящик стола на ключ. — Расскажешь, что происходило с тобой эти три дня? Вообще-то, я ждал тебя. Забыл, что хотел найти неких сестер-преступниц?

— Не ебет! Маску давай сюда! — продолжал быдлить Харди.

— Подожди. Сначала объясни, что стряслось и почему ты такой злой? — продолжал расспрос ДиКаприо.

— Обычный, сука-бля. Обычный классический сержант, — обвел ладонью свое пышущее раздражением еблище Том.

— Придумал, что делать с братом? Решил его искать или отпустить ситуацию? А может уже нашел его? — решил сыграть в викторину прищур Лео.

— Сука-бля, нашел. И нахуй пошел, — развел руками Харди, усмехнувшись.

— Опять поругались или что? — не унимался ДиКаприо, жестом предлагая другу присесть и побеседовать.

— Слушай, Лео. Я уебался, как мразь. Домой хочу. Дай маску, да я поехал, — подкатил глаза сержант.

— Нет! — ударил молотком по столу Лео. — Говори сейчас или не приходи сюда больше никогда!

— Ебать ты! — приподнял шрамированную бровь Харди. — А что тебе надо от

меня услышать? Какой я ебанат, и как вновь проебал брата? Или какой он пидорас и наглый пиздюк? Или какая наша мать сука? А может хочешь послушать, как все всю мою обдроченную жизнь только и делают, что кидают меня? Кто, сука-бля? Ты спрашиваешь, кто? Брат, сосед Стивен, Мила, блядь Эми! Дальше перечислять? Я пиздец как зол сейчас! Лучше, сука-бля, отдай маску, пока я окончательно не вышел из себя, — достал он из-за пояса «беретту» и наставил на ДиКаприо.

— Так какие планы дальше? Вновь будешь унижать шлюх? — с нарочитым бесстрашием достал Лео из-под стола бутылку шампанского и с громким хлопком откупорил.

— Нет! Нахуя мне это? — взмахнул рукой Том. — Это уже не помогает.

— И что тогда? — открыл ДиКаприо папку с делом, вынул гусиное перо из чернильницы, выструганной из цельного куска алмаза и начал что-то записывать.

— Считаю, что должен в спокойной обстановке и при спокойных обстоятельствах побеседовать с братом и расставить уже все точки на i, — пояснил за умиротворение Харди.

— И где ты его найдешь? — продолжал провокации мозгоправ.

— Не знаю, надо проследить за ним сперва, — пожал плечами сержант. — Буду искать его.

— Не думаешь, что слишком обозлен сейчас для выяснения отношений? — накинул еще вопрос Лео.

— Значит буду искать обозленным, — уже закипал от допроса Том.

— И когда начнешь? — не желал угомониваться ДиКаприо, ведя запись в деле молотком.

— Вот вернусь в Сиэтл и начну поиск, — заебался отвечать сержант.

— И где будешь искать?

— По всей, сука-бля, стране! Я приеду в Сиэтл и начну поиск! Буду озлобленный искать его! Начну искать по всей стране! — взорвался Харди, возведя курок на «беретте». — Сука, давай мне мою маску! Или я сейчас прострелю тебе колено!

— Все-все! Хватит злости! Я услышал все, что хотел! — изобразил знак тайм-аута ДиКаприо. — И я не буду препятствовать и пытаться тебя остановить. Вижу — это бесполезно. Да и не за чем. Я думаю, ты давно уже должен был это сделать. Уверен, что Джейк ждет первого шага именно от тебя. Так что — в добрый путь, Том.

— Это было очень, сука-бля, важно. Кажется, я не спрашивал твоего мнения, петушара, — подкатил глаза Харди. — Маску! — махнул он дулом в сторону стола.

Леонардо просверлил его прищуренным взглядом, достал из пиона в петлице ключ и открыл верхний ящик стола.

— А вот это я не одобряю, — процедил он и протянул сержанту его обдроченный биометаллический аксессуар.

— Поебать! — рявкнул Том, нацепил маску и удалился.

Как Том сказал, так и поступил по приезду в Сиэтл. Обозлившись по пути еще хлеще, он начал поиск Джилленхола, дабы выяснить уже наконец с ним отношения. Он стал разыскивать его по всей стране, пробивая по всевозможным мусорским базам, да отслеживая по камерам видеонаблюдения. Так полетели дни и недели. То, что Харди никак не мог выйти на след брата, злило еще больше. И уже вместо того, чтобы спокойно поговорить, Тому порой хотелось начистить его пропащий ебальник. Из-за раздражения, переполнявшего его, сержант сам не заметил, как вновь подсел на наркотики. Благо, Батлер все время находился рядом и нет-нет да контролировал дозы, принимаемые другом.

Также не забывал напоминать ему, что тот ищет брата в мирных целях, а не для усугубления конфликта и мордобоя.

Так продолжалось до одного чудесного осеннего дня, когда удача улыбнулась Харди, и он заметил Джейка на записи с одной из камер видеонаблюдения в Финиксе. По забавному стечению обстоятельств камера эта находилась прямо у магазинчика сети Хардинхолл и была направлена прямо на его вход. Джилленхол из шара стоял, задрав голову к мультяшной вывеске в виде подмигивающего лысого хуеплета в маске, и бормотал что-то под кожаный нос. Сержант, увидев данную душещипательную сцену, стал с остервенением щелкать мышкой по экрану и значкам в видеоплеере, дабы включить каким-то образом отсутствующий на записи звук и послушать жидовские речи. Но у него ничего не получалось! Звук никак не появлялся! И это неудивительно, ведь камера записывала лишь видео. На что рассчитывал Том — непонятно! Но, тем не менее, это вывело его из себя, и он обозлился на брата еще сильнее. Ведь явно тот говорил что-то о нем, обращаясь к мультяшному прообразу Харди. Но что именно? И каков настрой Джилленхола? Сержанту, перед тем как выяснить с ним отношения, нужно было срочно это узнать. Может, тот стоял у магазина и поливал его порцией отборного гнилого дерьма, и тогда никакого спокойного разговора и быть не может. Тогда сразу следует бить ебало.

Неведение не на шутку взбесило Тома, и тогда в его биполярной голове родилась отличная, на его взгляд, идея. Он должен немедленно отправиться в Финикс и подсунуть брату жучки, дабы в любой момент можно было послушать, что он говорит. Так и поступил.

По счастливой случайности в тот же вечер Батлер сообщил, что собирается в Финикс по рабочим делам. Харди сразу же заявил, что едет с ним, ведь это их совместный бизнес и должны они им заниматься вместе. Уже на следующий день сержант в компании Леонида прибыл в Финикс. Бородач немедля поехал в тот самый магазинчик с мультяшкой на вывеске, Том же заявил, что должен проверить как дела в их наркопритонах. На деле же направился прямиком к мотелю, где, судя все по тем же пресловутым камерам видеонаблюдения, остановился Джейк. Убедившись, что того в данный момент нет, Том проник в его номер, забравшись туда по водосточной трубе.

Харди нашел чемодан под кроватью, открыл его и стал распихивать хуеву тучу мусорских жучков по вязанным разноцветным носочкам коллекционера из шара, одновременно с этим покуривая крэк. Он так увлекся этими делами, что не заметил звук ключа, вставленного в замочную скважину. Том встрепенулся только после хлопка двери, подскочил и пинком задвинул под кровать чемодан, в котором даже не успел разложить все обратно по местам.

— Ээээм… Томми? — округлил невероятно синие глаза Джейк, замерев у входа.

— Джейки… — шнырял взглядом из стороны в сторону застигнутый врасплох Том.

— Что ты здесь делаешь? — нахмурился Джилленхол, с подозрением осматривая номер.

— Да я это… Сука-бля… — обкуренный до неузнаваемости мозг сержанта начал судорожно придумывать отмаз, но у него ничего не получалось. И вместо того, чтобы сказать, что приехал поговорить, Харди решил импровизировать. Взгляд зацепился за газету на прикроватной тумбочке. Том схватил ее и приметил там первое попавшееся объявление. — Хочу позвать тебя к этой, сука-бля… К гадалке! — продемонстрировал он разворот брату, ткнув пальцем в портрет какой-то курчавой пергидрольной блондинки предпреклонного возраста.

— Ам… К гадалке? — нахмурил пышные брови Джейк, обескуражившись от такого поворота событий.

— Ну да, к ней, сука-бля, — состроил фирменный еблет Том, затянувшись крэком. — Мм? — протянул он курительную трубку брату, предлагая угоститься.

— И зачем это? — прищурился Джилленхол, приняв подгон брата и наполнив легкие ароматным крэковым дымом.

— Ну как зачем… — почесал лысину Харди, как бы поторапливая мозг придумать уже какое-то оправдание подобной нелепости. — В общем, сержант так подумал… Как-то не клеятся у нас с тобой теплые братские отношения. Хотя, вот с хуя ли так? В детстве же в доме бляди все у нас было хорошо. А потом, хуйня какая-то началась. И сержант тут покумекал намедни, и пришел к такому выводу. Вдруг, сука-бля, это проклятие какое-то? Вдруг какая-то сука прибегла к черной магии, дабы разлучить нас. Есть у сержанта даже кандидатура, кто бы это мог быть… — зашептал он и заговорчески подмигнул, приложив ладонь ребром к уголку рта, как бы рассказывая по секрету свои домыслы. — Вот и подумал, что стоит обратиться к кому-то, дабы выяснить данный вопрос. М? Как думаешь? — нес он несусветный наркоманский бред, придумывая на ходу паутину ереси.

— Ну… Я даже и не знаю… — пожал плечами Джейк. — Может в этом и есть смысл. Но это как бы получается, что ты хочешь наладить между нами отношения?

— Ну как бы получается, что хотел бы, — развел ладони в стороны Харди. — Вот только чувствую, что проклятие не даст нам этого сделать, как бы мы не старались, — продолжал бредить сержант, перекладывая ответственность за свои же проебы на вымышленные темные чары.

— То есть ты как бы и хотел бы что-то сделать, чтобы помириться, но не можешь? — продолжал прощупывать почву Джейк.

— Конечно, сука-бля, хотел бы! — уверил Том, положа руку на солнечное сплетение. — Но не могу. Вот как бы ни старался — не могу! А это совершенно точно значит, что между нами проклятье старой бляди. Она же всегда старалась нас разлучить, вот и теперь сука даже прибегла к магии, не чураясь попасть за это в ад. А ведь паскуда то и дело ссылалась на Бога! Гоже ли это, насылать проклятье на сыновей, будучи верующей блядью?

— Конечно, негоже, Томми, — поджал губы Джилленхол, охуевая от теории брата. — Но в целом, я согласен. К гадалке бы я сходил. Учитывая, что ты и впрямь хочешь наладить отношения, но что-то тебе мешает это сделать, — лайкнул парень из шара, добродушно улыбнувшись. — Да и мне всегда было интересно обратиться к такому человеку и послушать, что он скажет, к примеру, о моем будущем, — глубоко затянулся он крэком. — Ты же не против, если мы не только о проклятии будем спрашивать, но и за судьбу с ней поговорим. М? Как идейка?

— Охуенно, сука-бля! Так и поступим! — состроил фирменный еблет Том, берцем подпихивая под кровать, выпавшую из чемодана гитару.

Так и поступили.

Уже через полчаса такси с братьями на борту остановилось у магического салона, адрес которого был указан в газете. Джейк постучал в деревянную дверь, ожидая приглашения зайти. Том же оттолкнул брата в сторону и бесцеремонно толкнул дверь ногой. Та распахнулась, и парни прошли внутрь.

Обстановка напоминала какой-то странный магазин. Витрины вдоль стен там и тут были уставлены всякой шарлатанской атрибутикой: баночками с разноцветными непонятными жижами, веники из сушеных трав и веток, тряпично-соломенные куклы всевозможных оттенков кожи. Последние вызвали особенный интерес Харди, и он пошел к стеллажам, дабы рассмотреть поближе.

— Проходите! — раздался хрипловатый женский голос из-за бархатной шторы, закрывающей одну из стен.

Джилленхол навострил уши, схватил брата за локоть и потащил за шторы.

— Эй, сука-бля, я еще не досмотрел! — возмутился Том, когда они уже оказались за шторой в небольшой темной комнате. — Это еще что за шляпа? — поморщился он, когда в нос ударил приторный запах аромасвечей. Джейк и вовсе зафыркал и начал чихать, ведь его кожаный нос был слишком чувствителен к подобным едким ароматам.

Посреди комнаты расположился круглый стол. На зеленой скатерти, покрывавшей его, стояли стеклянный шар и черная свеча.

За столом восседала дама, возраст которой, судя по внешнему виду, близился к шестому десятку. Мелкие тугие кудри неприятного блондинистого оттенка были собраны на затылке серебристым гребнем, пародирующем змею. Губы были чрезмерно намазаны то ли помадой, то ли блеском, то ли хуйней какой-то, так и норовившей стечь со рта на морщинистый подбородок. Пунцовые румяна на скулах делали ее еще больше похожей на старую потаскуху. Глаза прикрывали ебано приклеенные пластиковые ресницы, а над ними были выведены кривые стрелки, подражающие макияжу небезызвестной Клеопатры. Брови, не шедшие ни в какое сравнение с шикарными пышными бровями парня из шара и даже его ученой мамаши, были прорисованы коричневым карандашом под тон контуру губ. Корсет расцветки жителей саванны приподнимал непрезентабельную грудь почти до самых ключиц, от вида которых Том скривился, а к горлу даже подступила тошнота. Руки женщины прикрывали накладные рукава из черной прозрачной тряпки, сквозь которую виднелись старинные пигментные пятна, усыпающие сплошь всю кожу. Пальцы, обезображенные подагрой и инсультом, украшали перстни из почерневшего серебра с огромными дешевыми каменьями.

— Я — Ирина Аллегрова, потомственная русская ведунья, — представилась она. — И я расскажу вам о ваших судьбах!

— Сука-бля, что за… — поморщился Харди, без уважения глядя на гадалку. — В пизду, Джейки, пойдем отсюда, кажется, я наплел тебе какой-то хуйни про проклятье. Уверен, все это брехня собачья. Никакой магии нет между нами…

— Что, Томми, решил слиться? — бросил на него испытывающий взгляд Джейк. — Сам же говорил, что не можешь ничего сделать, как бы не хотел. Выходит, ты пиздабол? Выходит, ты и не хочешь наладить отношения вовсе?

— Охуел, пиздюк? С хуя ли сержант пиздабол? — распетушился Том, пытаясь придумать новый отмаз. Но по классике у него не вышло нихуя, потому он не придумал ничего лучше, как согласиться на сию авантюру, опустив уголки губ. — Я думаю просто проклятье Мэрил зассало быть снятым, вот и пыталось заставить меня дать заднюю. Но сержант не пойдет на поводу у старой бляди, так что давай уже послушаем, что скажем нам эта пизда, — прогнал он чепуху и уселся на стул в углу комнаты.

Джилленхол смерил брата недоверчивым взглядом и сел за стол напротив Ирины.

— Доброго дня, мадам, — улыбнулся он ведьме, игриво поморгав. — Мы с братом хотели бы узнать, почему нас постоянно преследуют конфликты, почему мы не может жить с ним в мире? Есть ли тут место некоему проклятию или какой-то еще черной магии? — накидал он вопросы Аллегровой, бросив взгляд через плечо на Тома.

Тот состроил фирменный еблет, как бы давая понять, что Джилленхол сделал нужный запрос гадалке, и что Харди всецело доверяет сей разговор брату. Сам же сержант, дабы скоротать время, достал из кармана скамов телефон и решил сыграть немного на бирже. Ведь слушать бредовые домыслы какой-то шмаровозки было выше его сил.

— Ты уже давно ищешь тихую гавань, — завещала волшебная Ирина, застучав ногтями по шару и закатив глаза. — Придет весна, расцветут сады и

птицы совьют гнезда в орешнике, — продолжила она, проигнорировав вопросы из шара. — Тогда-то каменная броня твоего сердца и будет разбита. Лисьей поступью в жизнь твою за три дня ворвется чувство под названием любовь.

— Оooy… — протянул Джейк, обескураженный подобными словами. — Томми, ты слыхал? — обернулся он к брату.

Тот почувствовал на себе взгляд прелестных синих глаза, оторвался от акционной поебни и поднял большой палец, кивнул, а затем сунул в ухо наушник, ведь чарующий голос Аллегровой не на шутку раздражал.

— Ослепленный жарким пламенем, опьяненный ежевичным коктейлем ты не сразу поймешь, что судьба пожаловала не только к тебе на порог, — не унималась Ирина, впав в экстазную шизофрению. — Мальчик, что учился дышать, лицом к лицу встретится с забытыми клубничными мечтами.

— Так! Стоп-стоп-стоп! — захлопали ресницы Джилленхола, словно крылья сказочной бабочки. — Мальчик, что учился дышать? Это вы что, о Томми? Томми! Ты это слышал? — вновь обернулся он к брату.

Харди приподнял шрамированную бровь, заметив, что внимание вновь приковалось к нему.

— Ага, охуенно, сука-бля, — пизданул он слишком громко, не слыша собственного голоса из-за музыки в наушниках.

— Ну и что? Что там дальше? — затараторил Джейк, заерзав на месте в нетерпении.

— Тот же день, что и годы назад, будет ознаменован новой встречей! — продолжила Ирочка, поджигая пучок марихуаны. — В тот день между вами вновь воцарится мир, но судьба пока обойдет мальчика стороной.

— Так-с! То, что мы помиримся, это я понял. Но кто его судьба? — взвизгнул парень из шара, вцепившись в бестолковую прическу.

— Никто, кроме них, не знает, каково это, быть плохим человеком и быть печальным человеком, — несла непостижимый бред Аллегрова.

— Не очень понял. Можно поподробнее? — постучал пальцем по шару Джейк, привлекая к себе внимание ведуньи.

— Судьбы ваши связаны кровью. Они есть друг у друга, а все остальное для них неважно, — молола хуйню слишком влажным ртом Ирина.

— Сестры что ли? — прищурился Джилленхол. — Ладно, с этим ясно. Неясно другое. Вы говорите, что судьба пока обойдет Томми стороной. И когда же все у них наладится?

— Мудрец говорил: «У самого злого человека расцветает лицо, когда ему говорят, что его любят. Стало быть, в этом счастье…» Не постичь им счастья прежде, чем будут сказаны слова любви, — растерла в ладонях марихуановый пепел Аллегрова и втерла себе в десны.

— Так, я совсем запутался, — замотал кожаным носом парень из шара. — Раз мы с Томми помиримся и будем жить в согласии, как и раньше, а девчонки наши, как я понял, сестры, а значит тоже всегда вместе, то что же им будет мешать быть вместе?

— Все допускают ошибки, прежде чем понять истину. Кто-то часто оступается, но продолжает идти неверным путем; кто-то не решается сказать правду, когда она так нужна; кто-то ошибается в своих суждениях о человеке, опираясь не на действительность, а на лживые речи, заполняющие разум, как мыльный пузырь; кто-то этот мыльный пузырь надувает, вводя в заблуждение неведающего человека, — пояснила за препятствия Ирина.

— Ну, а можно все это упростить? Как-то слишком сложно, — почесал макушку Джейк, расшифровав речи волшебницы и сделав свои выводы.

— Нет! — рявкнула безумным беззубым голосом Аллегрова. — Все препятствия должны быть преодолены, ибо, не преодолев их, не будет постигнуто истинное счастье. Даже неверный путь, если он судьбоносный,

приведет к цели. Правда, раскрытая раньше времени, может стать разрушительной. Пока мыльный пузырь не надуется, он не сможет быть лопнут, и не уступит место дружбе, — буробила абы что она. — Все имеет свое место, всему свое время.

Сержант Том все сидел в уголке, покуривая крэк да насвистывая под нос вальс Шуберта, совершенно не желая слушать, что там ему предрекает гадалка.

— Я понял, — закивал Джилленхол, записав слова Иры на подкорку и пообещав себе, что исполнит все ее наставления.

— Так все! На хуй и в пизду! — подскочил с места Том, выдернув наушники. — Меня заебало это скучное времяпрепровождение! Интернет хуй ловит! Сначала бесплатный вай-фай проведи, шмаровозина, а потом уже объявление в газету давай для заманивание всяких лохов! — показал он Ирочке «фак».

— Джейки! Уходим! — распорядился он и походкой дохуя возомнившего о себе распиздяя, покинул комнату.

— Простите моего брата, он у нас того… Контуженый! — покрутил пальцем у виска Джейк, достал из кармана пару сотен долларов, подсунул в видавшую виды грудь Аллегровой, игриво подмигнул и удалился вслед за братом.

Оказавшись на улице, Том достал из кармана дубленки пачку сигарет, вытащил зубами одну и закурил.

— Томми, ты слышал, что сказала тетушка? Уууух! У меня, если честно, прям мурашки по коже, — беззаботно начал Джейк, подойдя к брату. — Как ду…

— Забудь! Шмара — шарлатанка! Все что она там сказал или не сказала — бред, похлеще того, что я говорил в те времена, когда сидел на героине, — перебил Харди. — Ну так что, все? Проклятье вроде снято, мы помирились, а это значит, что можем возвращаться домой, в Сиэтл? А потом, как ты и мечтал, вместе будем колесить по стране, дабы бухать да жарить всяких шкур?

— Ну нет! — хлопнул себя по бедрам Джилленхол из шара. — Я полностью с тобой не согласен! Ирина — маг! Да один ее внешний вид кричит об этом! А уж слова — я вообще молчу! Везде попала! Так что теперь, думаю, мы должны следовать ее предсказаниям! Вот после них я даже уже и не хочу никаких мимолетных связей. Хочу остепениться и найти свою судьбу! Свою любовь! — мечтательно поднял прелестные глаза к хуевому пасмурному небу он.

— Да ты чай ёбнулсси? — усмехнулся Том, подняв шрамированную бровь и сыграв мини-пародию на неграмотного эффектного друга. — Какую в пизде любовь? Угомонись, жидяра! Все эта чепуха ебаная! На какой хуй тебе какая-то обдроченная баба, когда у тебя есть кто? Брат! — обвел он себя ладонью. — Мм?

— Да что ты такое говоришь? — изумился красавчик из шара. — А не ты ли всегда мечтал найти свою судьбу?

— Кто? Я, сука-бля? Сержант Харди? — состроил удивленный фирменный еблет Том. — Да ну нахуй! Не было такого! Ты меня однозначно с кем-то путаешь!

— Не было? Хм… А не ты ли хотел большую семью, хотел… — начал вспоминать былые диалоги с братом память из шара.

— В пизду, сука-бля, — вновь перебил Харди, выпуская колечки дыма. — Так что, поехали домой?

— Нет! Мы с тобой должны отправиться по стране и искать девочек, предначертанных нам судьбой! И, как пообещала Ирина, к весне мы найдем их! Я буду искать лисью поступь, ты же — клу…

— Бла-бла-бла! — заткнул уши Харди. — Я даже не хочу слушать всю эту поебистику! Джейки, что за хуйня? Ты что, помешался на всей этой магической шляпе и веришь в нее?! Ну прямо как блядь! Та тоже была помешана на науке да религии! Прекращай нести весь этот бред!

— Бред?! А вот для меня это важно! Ибо я уже заебался! Хочу найти тихую

гавань! — забил себя по груди Джейк. — Должен найти и ты! Ира сказала, что у самого злого человека расцветает лицо, когда ему говорят, что его любят!

— Так говорил Толстой! — поднял указательный палец сержант. — Теперь я еще больше, сука-бля, не уважаю эту твою перегидрольную петушку и не верю в ее слова! Охуела пиздить цитаты классиков!

— Поебать! Она сказала, что у нас с тобой настает мир, когда ты влюбишься или типа того! Поэтому, чтобы ты подобрел, нужно искать девочек! Нужно остепеняться, Томми, чтобы и нам с тобой жить в гармонии! — бредил простофиля-дурачина из шара. — Пойми, если ты продолжишь жить, а точнее существовать, как последние годы — тебе пизда! Разве ты не хочешь нормальной жизни? Семьи, детей… — начал он загибать пальцы.

— Сержант хуеет над твоими байками, — в который, сука, раз перебил Харди. — Ладно, спрошу в последний раз. — отщелкнул он в сторону бычок. — Ты едешь со мной в Сиэтл?

— Слушай, давай хотя бы раз сделаем, как предлагаю я, а не как хочешь ты, — спокойно сказал Джейк.

— Ну я понял! Понял! — прорычал Харди. — Все! Наши пути расходятся! — в психах толкнул он брата в плечо и, будучи обсаженным наркотиками по самый «небалуй», побежал в сторону отеля, где остановился, дабы укутаться в плед да посредством жучков, подслушать, чем же там занят его брат.

— Ну-ну, Томми, ну-ну, — усмехнулся Дилленхол, провожая Харди прищуренным взглядом. — Все равно дядя Джейк добьется своего. Во благо нас двоих… Так, ладно, пойду вернусь к тетушке-волшебнице, выебу ее, а потом можно в казино. А уж завтра начну искать свою судьбу! — поразмыслил он и пошел обратно к гадалке на огонек.

Глава 103: Аляска

20 декабря 2011 года.

Сержант Харди по старинке сидел в своей комнате за трюмо, где стояла аппаратура по прослушке. На голове красовались огромные наушники, в кривые зубы была вставлена тлеющая сигарета. Том внимательно слушал через установленные жучки, чем же таким интересным занимается его брат, который, к слову, вот уже как несколько месяцев проживал на Аляске.

— Братишка мой, Томми… Послушай меня! Послушай! — слышался голос из шара, аккомпанированный гитарным бренчанием. — Как же я скучаю по тебе! Как же хочу, чтобы ты стал добрым человеком, а не таким злодеем, как сейчас…

Харди уже не первый месяц слушал эти ебаные песни в исполнении Джилленхола. Создавалось впечатление, что тот все это поет нарочито, будто бы знает о существование жучков Харди. Но не задумывался об этом лишь такой ебанат, как сам Том, а все продолжал и продолжал слушать бред брата, ища лучшую возможность для встреч. А конкретно, чтобы Джейк пизданул что-то колкое, да Харди бы поехал к нему на разборки — бить ебало. А там, глядишь, и помирились бы. Но бард из шара говорил и пел все не то! Ни одного грубого слова в адрес брата за пару месяцев!

— Ох… Томми, Томми, — послышался из наушников Харди скулеж, и музыка прекратилась. — Где же ты сейчас? Что с тобой происходит? Эх… Ээээх… — наигранно вздыхал Джилленхол. — Дорогой Санта Клаус, я редко к тебе обращаюсь, но сейчас, пожалуй, попрошу одну вещь. Скоро ведь Рождество, так? А целый год дядя Джейк вел себя примерно, а это значит, что заслужил подарочек. Но мне не нужны от тебя ни конфеты, ни велосипед, ни железная дорога, ни даже новые жаккардовые носки для моей коллекции… Я хочу совсем иного подарка. Я прошу тебя — вразуми моего братика Томми! Пускай он станет добрее, милее и прилетит ко мне на Рождество на Аляску, дабы вместе, как дружная семья, отметить этот праздник. Я верю в тебя… Уверен, что тебе под силу исполнить мою мечту… Ибо всегда верил и верю, что Рождество — это время чудес. Кстати, если ты не знал, то именно в этот день, много-много лет назад, мы с Томми и познакомились! Совпадение? Не думаю… Так что прошу… Нет! Я умоляю тебя! Подари мне на Рождество брата! И пусть он будет бодр, добр и мил! Хотя бы в этот день! Подари мне это! Не так уж много я прошу! — стонал он прямо в динамик жучка.

— Сука-бля! Сентиментальный пидор! — с психом снял наушники Том и отшвырнул на пол, после чего закрыл ебало ладонями и разревелся, словно глупый малец.

Так прошел час.

— Я поеду! Поеду к нему! — вытирал он тыльной стороной ладони слезы, катящиеся градом по брутально-смазливым щекам. — Поеду и устрою праздник! Не может сержант убить у пиздюка веру в Санту! Ибо Рождество — время чудес! В те времена они и познакомились! Они… Они, сука-бля… Малыш из шара да мальчик, что учился, сука-бля, выживать…

На том и порешал.

Собрав чемодан, на цыпочках, будто глупая прошмандовка-балерина, Харди покинул еврочетырешку и отправился в путь. Зачем так тихо? Да чтобы эффектно спящий Батлер не проснулся и не остановил Тома. Наверняка, ебаная идея поехать на Аляску не понравилась бы Батлеру, который считал, что его друг был по сей день озлоблен как скотина, а это значит, что примирения с братом нихуя не выйдет. Вот на кой Тому слушать все эти крики?

— Доброе утро, дорогие северяне! Сейчас восемь утра, и с вами Роб-

Оленевод! Сегодня двадцать третье декабря 2011 года, пятница, а значит еще один рабочий день перед выходными! За окном… — зазвучал голос из радио.

— Завали, мразь! — сонно пробурчал Том, ударив ладонью по будильнику и отключив его.

Все дело в том, что Харди прилетел на Аляску всего пару часов назад. Охуев от того, что здесь начался сезон круглосуточной ночи, сержант непременно снял номер в гостинице близлежащего небольшого городка, где и решил поспать, дабы отдохнуть от перелета, да привыкнуть к бесконечной ночи.

И только Том вновь провалился в сон, как какой-то безумец вновь включил радио-будильник.

— Овны могут ощутить сегодня желание что-то изменить или переделать. Звезды говорят вам — день, действительно, неплох для ремонта, — вещал гороскоп на сегодняшний день Роб-Оленевод. — Только помните, что ломать — не строить. Сегодня вас ожидает встреча личного характера. Главное — не рубите с плеча, вы сегодня не вполне объективны. И будьте предельно аккуратны на дорогах! А теперь в нашем эфире прозвучит популярный хит группы Coldplay — «Paradise». А следом вы услы…

— Да как же ты, сука-бля, заебал, ублюдок! — сонно прорычал сержант, нащупывая рукой будильник, который так и норовил каким-то чудным образом отодвинуться и не дать себя выключить.

В неимоверных психах Том подскочил с кровати, скинул с тумбочки будильник и безжалостно принялся растаптывать его пяткой. Но у него ничего не выходило! Тот никак не давился, а лишь продолжал вещать приятную уху музыку.

— Когда она была еще девочкой, она ждала, что для нее будет открыт весь мир. Но объять весь мир ей не удалось. И она сбежала в свои сны! — нежданно-негаданно запел Крис Мартин. — Мечтала о ра-ра-рае…

— Я сейчас, сука-бля, тебе так помечтаю о рае, петушара, — бухтел Харди, плюхнувшись спиной на кровать, натянув на ногу берц и начав шнуровать его.

— Жизнь бежит, она становится сложнее, бабочка, попав под колесо, теряет крылья, — пытался вразумить Тома Крис Мартин.

— Ну держись, сука-бля! — озлобленно причитал сержант, высвобождая из шнурков палец, который нечаянно затянул до посинения.

Так прошло незнамо сколько минут.

— Мечтала о ра-ра-рае! Ра-ра-рае! Ра-ра-рае! Каждый раз, когда закрывала глаза. Оооууууо! — невыносимо хуево, но сочно пропел Том, беспощадно растоптав будильник-радио подошвой тяжелого берца.

Когда дело было сделано, парень вновь улегся под одеяло, обхуярился метамфеамина и благополучно заснул.

Спустя несколько часов из сна его опять выдернуло песнопение! Но на сей раз пели нихуя не в номере, и это был нихуя не Крис Мартин. Голоса эхом доносились откуда-то издалека, врываясь в номер через приоткрытую форточку.

— Как аукнется, как аукнется, как аукнется, как аукнется, так и откликнется, — пели две какие-то шкуры песню Джастина Тимберлейка — «What Goes Around Comes Around».

— Сука-бля! Заебала эта Аляска! — вскочил как ошпаренный Харди и стал одеваться. — Кто там, сука, так громко поет? Сержант пойдет и найдет! Сержант разберется! Сержант оторвет головы! Ибо он не любит! Когда кто-то поет, когда он спит! — бредил он, наспех одеваясь.

Проверив магазины «беретт» и убедившись, что они заполнены по самый «небалуй», Том выскочил из номера, желая найти источник блатного песнопения и разобраться с ним по полной программе. Но увы и ах! Сержант наткнулся в коридоре на то, что вмиг разрушило его планы.

— Дэвид! Открой! — стучала в дверь одного из номеров худощавая девушка

в шубе. — Немедленно!

— Ты что шумишь, пизда? Рот закрыла, сука-бля! — пихнул ее в бок огнестрелом Том, предъявив ксиву и намекая, что власть тут он.

— Ой, иди на хуй, мент! Кейт Швиммер, специальный агент ФБР, — рявкнула она, продемонстрировав значок и как бы затыкая им рот обычному мусору из убойного отдела.

— Блатная что ли, сука-бля, шмара? — превратился в бунтующую сову Том и с вызовом посмотрел на девушку. — Да ты наркоманка, — заявил он, узрев в ее зрачках странный блеск.

— Не ебет! — показала «фак» бесстрашная девка.

— Федеральная сука, — брезгливо скривился доблестный сержант полиции Харди. — Я не люблю! Всю вашу шарагу! Никогда бы не пошел в ваши ряды! Никогда не стал бы, сука-бля, один из вас, — признался он, ведь вечное противостояние между полицией и ФБР разделяло только на две стороны. Побывав на одной из них, переметнуться на другую было просто невозможно!

— Того же мнения о тебе и твоей пиздабратии, — вступила в конфликт наркоманка со стажем Кейт.

Но не успел рамс продолжится, как дверь номера, куда стучалась Швиммер, раскрылась и из нее вышел…

— Джейки? — удивленно приподнял шрамированную бровь Том.

— Баляяяять, — засуетился Джилленхол, не ожидая увидеть в коридоре брата и мисс Швиммер. Что они здесь делают? Да еще и вдвоем! Неужто они спят друг с другом?!

— Где мой напарник — Дэвид Духовный? — накинула нелепый вопрос Швиммер.

— Он там это… Ты его не трогай пару часов, — ободряюще похлопал ее по плечу Джейк. — Передозировка была сильной, но дядя Джейк, считай, достал его с того света. Опасность не грозит, но все равно — не приставай к нему с лишними вопросами. Дай отдохнуть…

— А ты кто такой? — хитро прищурилась Швиммер, смерив Джилленхола оценивающим взглядом.

— Ну как кто? — возмущенно упер руки в бока парень из шара. — Местный наркобарон! Ты ж вчера у меня покупала мощные психотропы, милочка! А сегодня я пришел продать что-то твоему корешу-напарнику. Но он попробовал все мои пробники и отхватил передоз! Я тут при чем?

— Хуя се ты поднялся на Аляске! — одобрительно закивал Том, состроив фирменный еблет.

— Так, а ты что тут делаешь? — спросил у брата Джилленхол.

— Пойду проверю, как он, — решила оставить братьев наедине Кейт и удалилась в номер, ведь уже давно хотела поссать и усладиться психотропами до неузнаваемости.

— Ну… Сука-бля… Аааам… Ээээм… — мялся Харди. — Да вот, приехал тут наркопритон открыть… Видимо, не успел… Ты уже тут, как я посмотрю, территорию пометил… Пиздюк, — глупо похлопал он брата по плечу.

— Может пойдем выпьем? Там все и расскажешь, — поторопил его к лестнице Джилленхол, схватив за локоть. — Что-то я в рот ебал тут сейчас находиться, вдруг тот агент кони двинет. Пошли отсюда!

Так и поступили.

Через полчаса братья сидели в единственном здешнем ресторане и выпивали, закусывая элитной солониной и разносолами из снега и льда.

— Так говоришь, что приехал открыть наркопритон? — спросил Джейк, набив полон рот кубиков льда в томатном соусе и с хрустом их пережевывая.
— Работаешь в Рождество?

— Ну, сука-бля… — поднял глаза к потолку Том, опрокинув в себя рюмку еловой водки. — Сегодня еще не Рождество, надеялся управиться до праздников…

— Ну, а на Рождество какие планы? — накинул еще вопрос Джилленхол.

— Не знаю… Не думал об этом, — пожал плечами Харди, ковыряя вилкой в салате из кореньев, хвои и оленьих щек. — Есть какие-то, сука-бля, предложения?

— Ну Рождество — это время чудес, не так ли? — улыбнулся парень из шара, приподняв пышную бровь. — Не чудо ли, что мы встретились с тобой вот так, совершенно случайно, на краю света? Как думаешь?

— Чудо, сука-бля, не иначе! — саркастически кивнул сержант. — И что с того?

— Ну как что? Ведь в Рождество мы с тобой впервые узнали о существовании друг друга, — рассуждал Джейк, обновляя рюмки. — Может, это знак? Может, настало время мира? Может, сердце привело тебя сюда, на заснеженную холодную Аляску? М? Как считаешь?

— Я уже сказал, зачем приехал. К чему эти домыслы о чудесах, сука-бля? — состроил фирменный еблет Том, не желая признаваться, что отслеживал брата по жучкам.

— Эх… Ну ладно… — вздохнул Джилленхол, повесив кожаный нос.

— Если ты намекаешь, что нам стоит отметить Рождество вместе, то сержант, сука-бля, не против, — развел ладонями Харди. — Но к чему приплетать сюда всю эту ебалу вроде неких обдроченных знаков и провидения?

— Думаешь, все только в наших руках? — выставил указательный палец Джейк, подмигнув.

— Уверен, сука-бля, — подкатил глаза сержант, рассыпая по столу дорожку кокаина.

— Я вот тоже раньше так думал. Но что-то в последнее время мне кажется, что нам только и остается, что уповать на чудо, — обвел ладонью брата Джилленхол.

— Да ты на чем сидишь, жидяра? — фыркнул Том. — То блядским предсказаниям гадалки веришь, то чуда Рождественского ждешь. Может, ты еще и гороскопы по утрам слушаешь?

— Кстати, слушал сегодня утром гороскоп. И там Овнам предрекли на сегодня встречу личного характера! — важно заявил суевер из шара. — И вот, мы с тобой — два Овна — встретились совершенно чудесным образом! Совпадение?

— Хуйня собачья! — цокнул сержант, отломив вилкой кусок ростбифа на подушке из снежинок и дерзко сунул в рот.

— Не думаю! — уверенно заявил Джейк. — А еще Роб-Оленевод сказал, что Овны могут ощутить сегодня желание что-то изменить или переделать. Ты разве не ощущаешь такого желания, Томми? Звезды ведь говорят тебе — день, действительно, неплох для ремонта. Не думаешь, что настало время для ремонта наших с тобой братских отношений?

— Я, сука-бля, ощущаю лишь желание раскрошить ебало этому петушиному Оленеводу! И думаю, что настало время для этого! — подскочил с места Харди, гневно отшвырнув салфетку из-за ворота дубленки.

— Ох, Томми, Томми… Ты неисправим… Лишь чудо тебя изменит. Или любовь, — пробурчал под нос Джейк, помотав головой и также встав из-за стола. — Так что говоришь? Хочешь найти Роба и дать ему пизды? Что ж! Я знаю, где его искать и помогу тебе. По-братски! — развел руками он, решив, что мирные беседы не в силах вразумить брата. Потому следует идти по такому знакомому и родному для Тома пути — пути агрессии и насилия. Глядишь, совместное избиение человека сблизит их, как раньше их сближало противостояние

тирании мисс Мэрил Стрип.

Парни вышли из ресторана, прихватив с собой пару бутылок шампанского из шишек да здоровенную флягу водки, настоянной на оленьих рогах и копытах, и отправились к местной радиовышке, где, по словам Джейка, и обитал Роб-Оленевод, которого дилер из шара вот уже второй месяц кряду снабжал героином и ЛСД.

— Не холодно тебе, пиздюк? — махнул головой на ноги Джилленхола сержант, когда они брели по заснеженным просторам Аляски к видневшемуся вдали холму, где и располагалась радиовышка.

— Да не, нормально, — пошевелил босыми пальцами парень из шара и вытряхнул из вьетнамок комья снега. — Я закаленный. Знаешь, как мамка давала играть мне со снегом в детстве?

— Нет! — рявкнул Том, втирая в десны кокаин.

— Хочешь расскажу? — предложил парень из шара, хлопая по карманам джинс ладонями. — Черт! Продал тому федералу последнюю дозу кокса. Хотел зайти в номер и взять для себя. Но тут встретил тебя и отвлекся. Не угостишь?

— Нет! — ответил сразу на два поставленных вопроса Харди, нагло сунув пакет с наркотой в берц. — Я, сука-бля, не хочу слышать никаких историй о старой бляди! И я не хочу! Делиться порошком с человеком, который, сука-бля, предлагает мне рассказать подобные паскудные истории!

— Ладно, я понял… — процедил Джейк, решив не нагнетать обстановку и продолжая надеяться, что после избиения Роба случится чудо и брат станет добрее. — Вернемся в отель после, и я возьму для себя кокаин.

— А чё, кстати, хороший порошок у тебя? — беззаботно спросил сержант. — А то своего у меня немного, а местный — дерьмо собачье. А раз мы планируем вместе, сука-бля, отметить Рождество, то, сам понимаешь, моего мне может не хватить.

— Хороший, Томми. Угощу тебя, — поклацал зубами Джилленхол, стараясь держать себя в руках. Конечно, он прекрасно знал, что брат — тот еще мерзкий пидорас по жизни, но, несмотря на это, ему хотелось с ним помириться. И ради этого он даже готов был терпеть его прескверное настроение. Однако кокаина тоже хотелось, и уже очень сильно. Но пока терпила из шара держался и до поры до времени был готов выслушивать говнище Харди, беспрерывно льющееся из его кривозубого рта.

— Заметано, сука-бля, — лайкнул Том и пустился бежать, ведь уже поскорее хотелось отхуярить Роба-Оленевода.

Джейк бросился за ним, зашлепав вьетнамками по голым пяткам.

Вскоре братья добрались до вышки, рядом с которой располагалась рубка.

— Здесь этот шмаровоз сидит, говоришь? — прислонил Том ухо к двери и прислушался.

— Итак, у нас еще один дозвонившийся. Добрый день, вы в эфире! — послышался голос из рубки. — Кому хотите передать привет?

— Здравствуйте! Я хотела бы передать привет сыну и заказать для него песню группы Boney M. «Rasputin», — заговорила в ответ какая-то незнакомая женщина с северным акцентом.

Тут у Тома снесло крышу, ведь мало того, что некая мать передавала привет сыну, так еще и заказала любимую песню дражайшей старой бляди Мэрил. Харди злобно зарычал, сжав кулаки, и выбил дверь рубки с ноги.

— Сука-бля, какой урод! — заорал он, ворвавшись в радио-обитель Роба Шнайдера. — Ты охуел, петушара? Вырубай свою шарманку!

— Что происходит? — взвизгнул Роб, судорожно дергая рычажки на панели перед собой.

— Давным-давно жил в России один человек, он был большим и сильным, в

его глазах пылал огонь, — уже зазвучало задорное нигерское многоголосье.

Не успел мистер Оленевод больше ничего сказать и сделать, как к нему подлетел сержант, схватил за мерзлые кудри и ударил лицом о радио-пульт.

— Аааааа! Что вы себе позволяете? — завопил Роб, выплевывая выбитые зубы и кровь.

Но Том не намеревался ничего объяснять. Он выдернул Шнайдера с насиженного места и швырнул на пол.

— Что ты там, сука-бля, предрекал на сегодня Овнам, хуйло? — склонился над радио-ведущим Харди, просверлив его ебаным невменяемым взглядом.

— Встречу личного характера? — похлопал глазами Роб, отползая на локтях.

— Ну вот тебе, сука-бля, и встреча! Личного характера! — рявкнул сержант и пнул Шнайдера в печень.

— Да, мы с Томми — Овны! — закивал Джейк, подскочил к Оленеводу и легонько пихнул его вьетнамкой по плечу. — Будешь знать, как предрекать нам всякую хуйню.

Харди же наклонился к Шнайдеру, приподнял за ворот свитера и принялся набивать его ебало, словно боксерскую грушу. Джилленхол забегал вокруг, нервно тявкая и не зная, как поступить: то ли присоединиться к брату, как он и пообещал, то ли защитить ни в чем не повинного ведущего. Но все же он посчитал, что братские отношения важнее справедливости, и стал осторожно пинать Роба по бокам.

— Распутин! Любовник русской царицы, он был настоящим самцом! Распутин, великая русская машина любви, его поведение было позорным! — веселились негритосы из радио-приемника.

— Все, в пизду! — оттолкнул избитого Роба Том, вытерев испарину со лба. — Пошли отсюда нахуй, пиздюк! — развернулся он и походкой агрессивного петуха вышел из рубки.

— Ага, иду, Томми, — проводил взглядом брата Джейк. — Прости, приятель! Мой брат — даун. Не держи зла на него, — протянул он руку Робу и помог встать.

— Я, между прочим, местная знаменитость, — возмущенно простонал Шнайдер и поплелся обратно за пульт.

— Ну, а он — власть, — развел руками Джилленхол и попятился к выходу.

Роб-Оленевод опустил уголки побитых губ и уселся на место, ведь эфир сам себя не проведет, а подводить радиослушателей Аляски — не в его принципах. А уж по окончании рабочего дня он обязательно доберется до местного и единственного бара и нажрется как следует, не заплатив при этом ни цента. Ведь тамошний бармен всегда наливал ему за счет заведения, как местечковой звезде.

— Ну что, куда дальше? — спросил парень из шара, оказавшись на улице.

— На хуй отсюда! — пизданул Том, подкуривая сигарету.

— Ну пошли тогда, — зашагал прочь от вышки Джейк.

— Не, ебал я в рот. Слишком далеко. Сержант, сука-бля, устал, — отмахнулся Харди. — Такси вызови.

— Ты еблан, Томми? Какое такое такси? Здесь разве что собачьи упряжки, — усмехнулся Джилленхол, остановившись и уперев руки в бока.

— Ну значит тебя туда и запряжем, шмаровоз, — рассмеялся сержант, подняв фирменный еблет к полярно-ночному небу.

— Очень смешно, Томми, — покривил кожаным носом хаски из шара. — Так что будем делать?

— Ну вон какая-то колымага стоит. Поехали на ней, — махнул Харди рукой в сторону.

— Это снегоуборочная машина, — пояснил Джейк за транспорт, на который

указал брат.

— Поебать! Садись за руль, шавка ездовая! — распорядился тот и двинулся к машине.

Джейк оскалился и зарычал, но быстро взял себя в руки и пошел за братом. Пока терпение парня из шара позволяло пропускать наезды мимо ушей. Но надолго ли хватит его? Особенно, когда организм требует дозы кокаина.

Сержант разбил локтем стекло снегоуборочной машины и с громоздкой легкостью влез внутрь. За ним — Джилленхол, усевшись на водительское место. Он пошарил под рулем, нащупал там какие-то обдроченные провода и соединил их. Двигатель затарахтел. Джейк по наитию подергал рычажки на приборной панели, пытаясь разобраться в принципе управления. Это не составило для него ни малейшего труда, и снегоуборочная машина тронулась вперед, прочищая для себя дорогу щетками и разбрасывая снег по сторонам.

Поколесив так по полям и лесам, братья успели выпить шампанское и водочку, а кое-кто и вынюхать еще добрых полпакета кокаина, по-прежнему не желая делиться. Через несколько часов безумной и беспорядочной езды было решено вернуться в городок, дабы прикупить еще выпивки и еды.

— Рули к бару, пиздюк! — раздавал бухие приказы направо и налево Харди.

Джилленхол крутанул руль и прибавил газу.

— Что это там впереди? — прищурился Том, вглядываясь в ночную тьму. — Нихуя не видно, сука-бля!

— Не пойму… Что-то джинсовое, кажется… — присмотрелся Джейк, протирая запотевшее лобовое стекло.

— А, до пизды! — махнул сержант. — Дави, нахуй!

Так Шумахер из шара и поступил. Он вжал педаль газа в пол и устремил снегоуборочную машину прямиком на джинсовую фигуру. Бац! — ковш сбил фигуру с ног. Бум-с! — проехали по ней передние колеса. Шик-чик! — прошлись щетки и скребки. Бум-с! — задние колеса завершили процессию.

— Черт тебя подери, Томми! Кажется, это был человек! — выглянул из кабины Джейк. — Зачем ты сказал мне давить его?

— Не думаю, что это, сука-бля, так важно! — хохоча, залаял сержант, пародируя брата.

— Слушай, а там, кажется, Роб-Оленевод рядом на тротуаре лежал, — задумчиво прищурился Джилленхол, уставившись в зеркало заднего вида и прибавляя газу.

— Что? — осоловело переспросил Том, вынюхав дорожку кокаина, после чего откинул голову на сидение и уснул.

— Ничего, — буркнул парень из шара и направил снегоуборочную машину к отелю.

Остановившись у главного входа, Джейк принялся расталкивать брата, дабы уже отправиться в номера и как следует выспаться. Но тот и не думал открывать ебливые глаза. Джилленхол хотел было вытащить Тома и помочь добраться до отеля, но сегодняшний день его так утомил, и делать что-либо было так впадлу, что он решил еще немного посидеть перед тем, как приступить к делу. Он прибавил мощности печки, приуютился в кресле, накрыв кожаный нос ладонью, и не заметил, как и сам провалился в сон.

— Слышь, петушня! — разбудил его хриплый крик брата и шлепок по щеке. — Какого хуя так холодно?

— А? Что? — продрал невыносимо прекрасные глаза Джейк и поежился. — Не знаю, Томми. Который час?

— Я ебу? — рявкнул Том. — Хули мы спим в этой обдроченной колымаге?

— Ну ты уснул. Уснул и я, — пожал плечами Джилленхол, крутя тумблер обогревателя. — Черт! Кажется, печка сожгла весь бензин. Кажется, мы

проспали несколько часов, а это значит, что уже утро, — высунул он морду из окна, всматриваясь в неизменно темное небо. — А может даже и день. Короче, Сочельник, Томми.

— Ну я, сука-бля, рад, — состроил фирменный еблет Харди и вылез из снегоуборочной машины. — Холодно, пиздос!

— Так пойдем в отель, поспим еще, а вечером начнем праздновать, — предложил Джейк, зевнув и двинувшись ко входу.

Пройдя пару шагов, он врезался в спину брата. Тот стоял, уставившись перед собой.

— И что это за сука-бля? Куда ты нас привез? — обернулся Том, злобно подвигав челюстью. — Где наш отель, шмаровоз?

— Ой… — округлил рот Джилленхол, поняв, что остановился ночью вовсе не у отеля, а у развалин какой-то старой хибары. — Кажется, я ошибся дорогой.

— Ошибся, сука-бля? Да ты дегенрат! Как можно перепутать отель с этой хуйней? — махнул он рукой на обломки, из-под которых там и тут выглядывали чучела бобров да медведей.

— Томми, ну с кем не бывает! Я был пьян! — вскинул руки Сусанин из шара.

— А если тебе ебало начистить? — рычал Харди.

— Ну хватит, Томми! К чему эти конфликты? Ну ошибся я, прости! Пойдем уже к отелю. Все же Рождество на носу. А это время чудес, а не ссор, — миролюбиво заговорил Джейк.

Сержант лишь показал «фак», дерзко развернулся и двинулся вперед.

— Нам в другую сторону, — окликнул Джилленхол, указав рукой в южном направлении.

Том, не говоря ни слова, повернулся на сто восемьдесят градусов и пошел в направлении, куда указал брат. Проходя мимо, дерзко толкнул его плечом и пизданул: «Пидор!», замаскировав это ебливым кашлем. Джейк цокнул и поплелся за Харди.

Через час они добрели до домишек местных жителей.

— Томми, постой! Ну сил моих больше нет! Дай мне кокаин! — заорал вдруг наркоман из шара.

— Да хуй тебе! Из-за тебя мы вляпались в эту хуйню! Ночевали, сука-бля, считай, на улице! А если бы мы замерзли насмерть, а? Об этом ты не подумал, шмара? — стал умничать сержант, остановившись посреди улицы.

— Это все потому, что я слишком долго не нюхал! — затопал ногами Джейк, уже не в силах терпеть. — Дай мне порошок!

— Нет, сука-бля! — достал пакетик Том, насыпал дорожку на тыльную сторону ладони и демонстративно вынюхал.

— Почему ты такой пидор, Томми! — зарычал Джилленхол. — Дай сюда! — подскочил он к брату и попытался выдернуть пакетик из рук.

— Служить, Джейки! — поднял наркотик над головой сержант, ебано захохотав.

— Пидор! — рычал Джейк, клацая зубами и пытаясь достать порошок.

— Апорт, пиздюк! — отпихнул его Том и швырнул пакетик в сугроб.

— Урод! — просверлил брата уничтожающим взглядом Джилленхол и потопал в сторону, куда улетел кокаин.

Харди лишь усмехнулся, помотал головой и закурил. Джейк же, подергивая кожаным носом, принюхивался и всматривался в снежный покров. Но у него ничего не выходило! Кокаин никак не обнаруживался! Ищейка из шара еще пару минут потоптался по сугробам под окнами чьего-то дома из сруба, после чего вернулся к брату.

— Кстати, Томми, не уверен, встретим ли мы все-таки Рождество вместе, — заговорил он, шаря по карманам. — Но я приготовил тебе подарок. Ты ведь так ценишь подарки на Рождество, верно?

Харди настороженно прищурился, теребя окурок между пальцев.

— Вот, держи! С наступающим Рождеством тебя, братишка! — пихнул Джейк ему в руки какую-то коробочку. — Специально для тебя выбирал.

Том смерил брала недоверчивым взглядом. Уж не миниатюрную ли копию торта с кремовыми розанами он для него приготовил? Или еще что похуже… Харди уже хотел было выкинуть презент вслед за пакетом кокаина, но любопытство взяло вверх, и он открыл коробку.

— Ээээм… Духи? — нахмурился он, покрутив в руках флакон.

— Да! Бербарри Лондон, — пояснил за подарок парфюмер из шара.

Сержант открыл флакон и приставил его к носу.

— Оу… — лишь промямлил он, учуяв сперва ноты перца и лаванды, затем кожи и мимозы, и в заключении ощутив табак и дубовый мох. Аромат до того пришелся ему по вкусу, что он даже не находил слов. Да и слова благодарности выдавить из себя не мог. Ведь это означало бы проигрыш в этом соревновании, правила которого были известны ему одному, да и участие принимал тоже один игрок.

— Оу, — скривил губы Джилленхол, развернулся и побрел в другую сторону.

— Ты куда, пиздюк? — растерялся Харди, продолжая нюхать флакон.

— В отель за своим кокаином, — бросил через плечо Джейк.

— А! Ну ты и меня обещал пригостить, сука-бля! — еще раз вдохнул аромат Том, сунул флакон в карман дубленки и побежал за братом, попутно зачерпнув горсть снега и бросив тому в макушку.

— Обещал, — прорычал парень из шара, не намеревающийся участвовать в играх брата.

Оказавшись в отеле, Том немного отсочал и стал вести себя более дружелюбно и приветливо, но в его словах там и тут прослеживались нотки подъеба и сарказма, ведь сержант обращался к брату, как: любезный, сударь или голубчик. Джейк, в силу своей мудрости из шара, фильтровал речи брата, но находился уже не на шутку на границе предела! Невооруженным глазом можно было заметить, как из его ушей засочились мелкие струйки пара! Джилленхол даже не стал заострять внимание на том, что Харди без спроса бесцеремонно взял его кокаин и жадно ранзнюхался. Да что ж такое творится с сержантом Томом?! Почему он так неадекватен, о, Боже! Ах, кажется, в его сигаретах, вместо табака забита фирменная травка клана Харди! Теперь-то все становится на свои места. Знамо, какая она забористая! Знамо, в кого превращает обычного человека, не говоря уже о конченом дегенерате!

Не прошло и пару часов, как братья напиздились в хуй и заснули. А если быть более точным, то заснул лишь Том, ведь Джейк беспалевно опоил его снотворным, дабы брат уже скорее уснул и между ними не произошло никакого нового эксцесса. Сейчас проспит до Рождества, а там, глядишь, проснется добрым человеком. Ведь никогда не стоит забывать чтооо? Что Рождествооо… Правильно! Время, сука, чудес! Вот Джилленхол и не забывал. Но не учел он лишь одного — об этом запамятовал его единоутробный брат. Впрочем, тот запамятовал и лицо своего отца! Что уж говорить о каком-то празднике?!

Когда сержант открыл глаза, то абсолютно не понял, какое сейчас время суток, ведь за окном вновь была пресловутая ночь. Сей факт озлобил Харди не на шутку, он вскочил с кровати и с прищуром принялся осматривать номер. В углу была установлена праздничная ель, увешенная обломками чувств, подоконник обрамлен коллекционными носками знамо кого из шара, с потолка свисала мишура и еще ебала какая-то обдроченная. Да, кажется Джилленхол основательно подготовился к встрече Рождества! Только посмотрите, как украшено! По-молодежному и со вкусом.

— Что за говнище, еблан? — смерил брата презрительным взглядом Том.

— Зачем ты все это устроил?!

— Не получилось… — опустил уголки губ Джейк, повесив руки-плети по швам. — Я думал, тебе понравится мой дизайн… Думал, ты подобреешь, увидев все это…

Харди лишь, на сколько смог, поджал полные губы да покрутил у виска.

— Тогда, выпьем, в честь праздника? — достал Джейк из-за спины бутылку лакрично-еловой водки, настоянной на шапке Санты.

— Выпьем, сука-бля, выпьем, — процедил сквозь зубы Том, выхватив из рук брата тару.

Так и забухали.

К слову, выпивали братья не один час. Сколько точно прошло времени не знал из них никто, ведь, как известно — на улице стояла кромешная тьма, наручные часы Тома остановились вот уже как пару лет назад, а Джилленхол и вовсе не имел никаких часов, впрочем, как и бумажника.

— Блин, остался всего пакетик кокаина хорошего, а все остальное — дерьмовый аляскинский из хвои, — тяжело вздохнул Джейк, доставая из кармана мешочек с белым порошком.

— Тогда не трать попусту, сука-бля! — выхватил пакетик Том, мигом положив его в карман дубленки. — Да и вообще, это по праву принадлежит мне! Твой ебливый нос стерпит и местный кокаин, мой же пиздатый нос — нет! Это раз! А два, это то, что ты, жлобяра шаровой, подарил мне всего один подарок! Так что теперь мы в расчете!

— Да не охуел ли ты? — удивился Джилленхол, поправив на себе красно-зеленый костюм рождественского эльфа. — Ты, братишка, мне и вовсе ничего не подарил! Это так, к слову. Хотя ты знаешь, как я тоже люблю подарки. Так что отдай мне мой кокаин, — потянулся он к дубленке брата.

— Руки, сука-бля! — хлопнул его по щетинистой ладошке Харди. — Хочешь кокаин? Давай попиздимся, — предложил он, сняв с руки дубленочную варежку и бросив брату в еблет, как бы вызывая на дуэль. — Если не зассышь, ясное дело. Ведь хочу предупредить, сейчас твои шансы побить меня — крайне малы! Мы в разных весовых категориях, дружок. Плюс — сержант профессиональный боец ММА. Плюс — сержант отслужил в горячей точке!

— Ааагррр! Я долго терпел! Но теперь я на пределе! — начал кидать угрозы Джейк, скрипя зубами. — Я терплю тебя пару дней, стараюсь наладить отношения, а ты только и делаешь, что провоцируешь меня, да говняешь наши и без того напряженные отношения!

— Тогда дай мне пизды, победи меня, и я бля буду — стану добрым и пригожим! — спиздил Том, положа руку на левую часть груди.

— Ну держись! — подскочил с места Джилленхол и кинулся на брата.

Харди лишь усмехнулся над комичностью сложившейся ситуации, проворно выскочил из номера, а затем и из отеля, сбив при этом с ног Джозефа Гордона-Левитта, который только пару часов как вышел на смену.

— Почему так грубо?! — похлопал ему глазами вслед Джо, обоссавшись от подобного поведения постояльцев.

— Сорян, чувак, мой братишка — даун! — рявкнул Джилленхол, на четвереньках выбегая из дверей отеля.

— Ух ты ж ёб твою мать! — напрудил под собой целый пруд Гордон-Левитт.

Так Джилленхол бежал за братом несколько миль. Ну ничего себе дыхалки у этих наркоманов! И почему только мисс Стрип считала их больными? Видела бы какие кроссы способны пробежать ее дети! Не то что бы охуела — окончательно бы тронулась рассудком!

Вскоре братья убежали уже далеко за город.

— Стоп, сука-бля! — резко остановился Том на притоптанной кем-то снежной местности.

— Еблан! — врезался ему в ноги Джилленхол и, не теряя ни секунды, кинулся на брата в драку. — Отдай мне кокаин! — верещал он, тянув брата за воротник дубленки и отрывая с него овечью опушку.

— Да вот хуй тебе, петушара! Заслужи! — прорычал Харди, схватив брата за грудки праздной жилетки.

Между братьями началась нешуточная драка. Не на жизнь, а за мешочек кокаина, а может еще немного за фирменную травку Харди. Вокруг брызгала, кровь, летели клоки дубленки и прочего дерьма. Но что бы не делал воин из шара, побороть брата никак не удавалось! А это значит, что тот не спиздил и действительно сейчас был сильнее Джилленхола! Ну надо думать, разница в весе-то какая! Сам факт того, что Джейк не может отпиздить брата, взбесил жида из шара хлеще некуда! Да еще и этот Том! С сарказмом отмахивался от брата, нанося нарочито-смешливые удары и как-бы издеваясь над несчастным Джейком.

И тогда хитрец из шара решил пойти по стопам брата, припомнив сержантские слова. Том всегда говорил ему, мол, Джейки, если дерешься с кем-то сильнее тебя, то не чурайся, сука-бля, не ссы прослыть трусом, действуй радикально — вооружись да бей! Так Джилленхол и поступил. Ловким движением руки он снял со стоп вьетнамки и со всего размаху отвесил ими Тому пощечину. Харди прихуел от подобного поворота событий и замер, захлопав ртом, как глупая пресноводная рыба. Тут же в его контуженой голове перещелкнуло, он покраснел, забился в агонии ярости, отнял у брата вьетнамки и, неистово передвигая челюстью, принялся разрывать их на куски.

Посмотрев с минуту на эту картину, Джилленхол понял, что, по сути, делать ему тут больше нечего. Теперь Том точно кинется избивать его без всяких шуток и обманов. Оно ему надо? Это ли путь к примирению? А съеби он сейчас, возможно, еще не все для них потерянно в будущем. Так и съебался.

Глава 104: Вендетта

Спустя четверть часа, когда вьетнамки были порваны на приличного вида кусочки, Харди отбросил их в сторону и стал взглядом искать брата, чтобы навалять по-крупному и ему, а может быть даже порвать на миллион кусочков. Но того нигде не было! А вокруг уже завывала суровая вьюга, сквозь пелену которой не было видно ничего! Том нервно подвигал желваками, сжал костяшки пальцев до побеления и побежал куда-то в сторону, дабы нагнать брата и превратить в Роба Шнайдера. Побежал он, к слову, по наитию. Но увы и ах — наитие обмануло Тома, ведь Джилленхол ушел в противоположную сторону. Но пустяки! Наитие, оно никогда не обманывает! И вскоре приведет еще к более неожиданной встрече! Ох уж это наитие Шредингера!

Незнамо через сколько времени Том приметил впереди себя нечто. Вроде бы это был человек. Но нет, слишком маленького роста. Тогда, может, карлик? Да нет же, кажется, он едет на инвалидном кресле! Тогда кто же это? Нужно обогнуть, пристроиться в паре метров от него и разобрать получше. Так Том и поступил. И каково же было его удивление, когда он увидел, что на инвалидном кресле ехал…

— Декстер, сука-бля! — усмехался Харди, даже и не задумавшись, откуда же тут взялся этот петушара. Здесь — в бесконечной снежной прерии Аляски! Ого! И, кажется, на его ногах что-то лежало. Что? Харди хуй понял, да оно ему и не было интересно. Куда интереснее сейчас было подойти, да набить Моргану ебало! За что? А хули на двадцатипятилетие Тома парень-поздравление пожелал ему смерти? И хули он его не поздравлял последующие годы? Мм? Не это ли повод разобраться по-взрослому? И похуй, что Декс инвалид — заслужил!

Но Том решил, что просто напасть и отпиздить будет слишком глупо. Да и вообще, такие методы были не в его принципах. Сначала следует побазарить, выставив Моргана вселенским петухом, а уж потом и начинать бой. Тогда Харди стал обдумывать красноречивую и пугающую речь, бредя в паре метров от парня-потного-инвалида. И пока сержант обо всем об этом размышлял, то приметил еще одну очень интересную вещь. Дело в том, что на коленях Декса находилась не хуйня какая-то, а самая настоящая девушка. Кажется, она была в отрубе.

«Послушай, Том, ты уже несколько месяцев как мечтаешь выебсти девку в отключке! Не это ли шанс?! Ох, сука-бля, главное, чтоб она жива была, а то вспомни, какой этот Декстер маньяк! А ебать мертвую — ну такое… Ох, хоть бы, хоть бы, жива! Хоть бы, хоть бы!» — мысленно скрестил пальчики Харди.

Ну молодец, что сказать! У тебя появилась мечта и ты к ней стремишься! Ни это ли счастье, ну?! Правда назревает один вопрос, если она, все же, жива, то где ебать-то ее будешь? Не холодно, на снегу-то?

Думая незнамо о какой хуйне, сержант брел за Морганом очень и очень долго. Вскоре он проголодался и решил перекусить. Благо, в кармане дубленки лежала непочатая пачка чипсов. Том нарочито громко, дабы это услышал Морган, который наверняка был голоден как сука, опустил руку в пакетик, положил парочку чипсин в рот и громко стал похрустывать ими.

Вдруг Декстер замычал. Скорее всего он услышал хруст и начал таким вот образом подзывать на помощь. Но Том решил, что тот хочет кушать, поэтому с присущей ему ебливостью стал жрать в сто раз громче, приближаясь к парню-голоду, дабы побазарить с ним за поздравления, набить еблет, а после отжарить его спящую, главное, чтоб не дохлую, спутницу, которая, к слову, была наряжена в довольно-таки привлекательную дубленку, что конечно же, не мог не заметить сержант-кутюрье.

Но тут в животе у Харди кольнуло, и он захотел ссать! Да как же так? Почему

так резко?! Будто некий безумец принудил его справить малую нужду!

«Послушай, Том, иди поссы…» — только и подумал он и побрел в сторону вековых елей.

Когда он вернулся обратно, то не обнаружил Декса на месте. Это не могло не взбесить Харди, и он, сломя голову, побежал на поиски инвалида. Но что он увидел дальше! Это просто шок! Это не передать словами! Коляску с Декстером вез…

— Роберт, сука-бля, ДеНиро! — взвизгнул Том, схватившись за голову, где красовалась шапка с чуднЫм помпоном.

Тут же он вспомнил, как много лет назад накосячил перед боссом мафиози, ударив ему по носу и спиздив кучу кокаина. Да неужто Роберт пришел по его душу? Неужто решил отомстить Тому за ту давнишнюю дерзость? Харди думал, что все в прошлом, ведь его никто и никогда не искал, ради кровавой мести! Ох и ох! Кажется, кому-то все же стоит на время подзавязать с наркотиками! Томас, очнись! Ты бредишь! Но Харди был не согласен с подобными доводами. И тогда он не придумал ничего лучше, чем побежать, дабы укрыться от назойливых преследователей! Хм… А трава ли это так влияет? Али маниакальная фаза биполярочки продолжается? А скорее всего тут два в одном!

В скором времени сержант добежал до какой-то дурацкой избы и не менее дурацкого сарая, стоящего чуть поодаль. Вторая постройка показалась Харди куда более неприметной, поэтому он и решил залечь там на дно, даже не задумавшись, что оба здания принадлежат никому иному, как ДеНиро и его постаревшему бубону.

Том забежал в сарай, заперся изнутри, привалился спиной к двери, спустился по ней и уснул, ведь сегодняшний день нехило его утомил.

Проснулся он от какого-то непонятного бубнежа, доносившегося с улицы. Харди стало невыносимо интересно, кто это там бормочет. Он встал на трухлявый ящик и одним глазком выглянул в небольшое окошко, находящееся под потолком.

— Ум-ном-ном, — чвакал Роберт ДеНиро, держа в руках деревянную миску с какой-то похлебкой. — Я хуею! Что это за пранк вы хотите устроить? — зыркнул он на Тома, приметив его за окном.

Сержант в ответ лишь пожал плечами, делая вид, что его тут как бы и нет.

— Ну ладно, не хочешь говорить и портить всю соль пранка — не надо. Так даже лучше. Сюрпризы я люблю! — нес стариковскую хуйню Роберт. — Но все же здорово, что все собрались тут вместе. Прямо как в старые добрые, да? Ты, я, Тиль, Декс… Только не пойму, что за девчонка? Или это тоже часть пранка?

«Послушай, Том, кажется, этот итальянец тронулся умом. О чем таком он лопочет? Какой-такой пранк? Непонятно… И с кем он говорит? Определенно точно, что не с тобой! Ибо откуда ему знать, что ты в сарае? Сука-бля, походу долго придется тут ныкаться, чтоб он отстал от тебя… Раз говорит, что тут Тиль, Декстер… Они явно хотят дать тебе пизды! А может быть даже и убить! Нужно перекантоваться тут, пока они не уебут!» — покумекал Харди.

— Ладно, поживем — увидим, в чем смысл вашего пранка… — тяжело вздохнул ДеНиро, поняв, что от Тома он не добьется никаких спойлеров. — На вот — поешь. Ты потерял много сил, — подошел он к стенке, отодвинул одну из досточек и просунул внутрь похлебку. — Правда я ее отравил. Почему? Да я смотрю ты покрупнел. Еще взбесишься и разобьешь мне нос, как в прошлый раз… Мне, знаешь ли, проблемы со здоровьем не нужны, не в том я возрасте. Так что ешь и теряй силы, чтоб не навредить мне, — поставил он миску на пол и вновь задвинул доску, после чего удалился.

— Послушай, Том, — размышлял вслух сержант, присматриваясь к похлебке. — Сто пудово она не отравлена! Пидорас хочет заморить тебя голодом, дабы ты

поскорее отсюда вышел, а они дали тебе пизды! Это все хитровыебанный ход! Но сержант умный! Он будет жрать эту ебалу и просидит здесь очень и очень долго! Роберт заебется ждать и уйдет, а ты сможешь бежать безнаказанно! — бредово порешал он.

Так и зажил в сарае Роберта.

Наверняка может показаться, что каждый день для Тома был скучен и однообразен. Ан нет! Сержанту было весело как никогда! Дел и развлечений было — ебанёсси! В шесть утра — подъем, дрочка и небольшая зарядка, включающая в себя отжимания да подтягивание на оленьих рогах, украшающих ветхую стену. В восемь — завтрак, а именно овсяная похлебка от Роберта. С девяти до двенадцати — прочистка желудка. Хм… Правда что ли ДеНиро травленую еду носит? Непонятно. В час дня — примерка многочисленного гардероба Роберта, огромная часть которого хранилась в сарае. Том надевал шубки и шапки итальянца и пафосно дефилировал в них, мнив себя моделью года. В два дня — обед — суповая похлебка. До четырех вечера вновь прочистка желудка! Благо блевал Том в окошко, а то бы сарай нехило так провонял! Тем же путем, к слову, он и ссал, что было невыносимо тяжело — исхитриться и поссать в окошко под потолком. Но Том старался и ссал точно в цель! До девяти вечера Харди обкуривался до неузнаваемости, не видя вокруг нихуя! В десять вечера Роберт приносил на ужин оленью похлебку, после которой Том уже был не в силах что-либо делать. Он по сотому кругу прочищал желудок, терял сознание и засыпал. Утром же все повторялось по кругу. И о да! Как же Харди было пиздато, весело и неповторимо! Несколько раз ДеНиро любезно предлагал привести Тому шлюх, дабы парень немного развлекся, но тому и без того было охуенно!

Все это продолжалось около недели. Пока в один из вечеров, а может и дней, Том не отыскал в кармане дубленки початую пачку чипсов. Боже, как он соскучился по этим прелестным снэкам! Но жрать их в сарае ему не хотелось. Куда приятнее прогуляться на свежем воздухе, да похрустеть чипсиками. Так и поступил.

Сержант беззаботно брел по заснеженному хвойному лесу, рассматривая каждую иголочку, поглаживаю кору величавых стволов и воображая себя Андреем Болконским.

— Не трогай меня, старый пидор! На помощь! — вдруг послышался женский визг.

Том охуел и замер, выронив из рук пачку чипсов. Та упала в снег и моментально намокла.

— Сука-бля! Ну как же так?! — расстроился Харди, поднимая намокшие картофельные снэки. — Так хотелось покушать их… Насладиться моментом… — опустил он уголки меланхоличных губ.

— Нееееет! Отпусти меня! Пожалуйста! — слышался уже женский плач. Но Тому было поебать — у него тут произошла личная трагедия! Ему самому впору орать и звать на помощь!

Сержант побился в агонии тяжелой утраты несколько минут и, понурив нос, бездумно поплелся прямо. Так и шел. Прямо. Пока не увидел на снегу…

— О! Чипсики! — обрадовался он и поднял пачку, в которую, о благо, не попал снег.

Том с деланым видом поднял ее, запустил руку внутрь и закинул первую чипсину в рот. Ох! До чего же вкусно! Он блаженно осмотрел местность и приметил кое-что немного странное и выделяющееся на снежном покрове. Все дело в том, что под его ногами красовалось огромная лужа свежей крови, от которой тянулся длинный след.

Харди бросило в дрожь. Кажется, это был некий посыл для него от

мафиозной группировки. А это значило только одно — Тому пизда! Вообще, обычно, мафия подбрасывает в кровать лошадиную голову. Но раз на Аляске сержант не имеет постели, то, видимо, выбрали вот такой вот метод. Но нужно было узнать точно. Продолжая похрустывать чипсиками, Том отправился по следу.

Спустя несколько минут он оказался у дурацкой избы ДеНиро, снег вокруг которой сплошь окрашивали кровавые пятна. Сержант ебанулся, предвкушая скорые разборки, к коим был сейчас абсолютно не готов! Нужно срочно привести себя в форму и подготовить к предстоящей битве! Харди побежал в сарай, где заперся изнутри и принялся шарить по стеллажам. Вскоре он наткнулся на стопку бронежилетов и наспех надел один из них. Кхм! Кажется, пора бы прекращать курить дурь предков! Разуй глаза! Какие ж это бронежилеты? Это спасательные жилеты! Да еще и оранжевые! Тьфу ты! Дурак!

Тут он услышал приглушенные голоса, доносящиеся из-за двери. Кажется, кто-то с минуты на минуту хотел ворваться внутрь! Ох! Ну точно Роберт и его бляди! Том вспомнил, что за поясом имеются целых две «беретты». Он достал одну из них, снял с предохранителя, возвел курок и неуверенно пошел в сторону двери, дабы открыть ее и убить ту смелую суку, осмелившуюся позариться на самого сержанта Харди!

Но тут вновь стали происходить не на шутку странные вещи! Через окно ворвался безумец-ветер и принялся колдовать над ручкой. Как только необъяснимая природная аномалия испарилась в воздухе, Том бросился к двери. И каково же было его удивление, когда оказалось, что ручка превратилась в сплошной кусок льда.

— Ну нахуй! Все, сука-бля! Хватит! Достаточно! — испуганно залепетал Том, схватившись за лысину. — Это уже не смешно — видеть вот это вот все! Все! Сержант зарекается курить травку по собственному рецепту… Конечно же, в таких количествах зарекается курить. Немного — можно, — успокоил он себя.

Пару часов Том пытался выбраться из ебаного сарая. Что он только не делал: и тихонько пытался выломать дверь, и пробовал снять с петель, и даже поссал на ручку! Но выходило все не то! Харди будто был замурован в сарае на века! И вот, каким-то чудом, лед сам собой растаял, выпуская Тома наружу.

Сержант охуел, приметив, что вокруг жилища ДеНиро больше не было ни капельки крови. Снег был чист и свеж, как никогда ранее!

— Я зарекаюсь, сука-бля, курить свою траву в таких количествах! — проорал на всю округу Том, положа руку на сердце. Он набрал полные легкие воздуха и… Побежал. Побежал от всего этого дерьма!

Глава 105: Поезд

Ближе к обеду следующего дня, выдохшийся из сил Харди добрался не только до городка, куда прилетел чуть больше недели назад, но и до местной железнодорожной станции. Он решил немедленно сесть на первый попавшийся поезд, дабы уже съебаться с ебаной Аляски.

Том приобрел билет, после чего отправился на перрон, где уселся по-турецки на пол и стал ждать поезд. Он так увлекся этим неблагодарным делом, что совсем не заметил, как рядом с ним остановились вьетнамки. Состроив фирменный еблет, сержант поднял голову и увидел рядом с собой Джейка… Джейка Джилленхола… Брата из шара…

— О, Томми! — непринужденно помахал он. — А ты чего это тут делаешь? Я думал, ты улетел с Аляски еще на той неделе.

— Пиздюк… Ты… — простонал потрепанный временем Харди, поднимаясь с перрона. — Нахуя ты натравил на меня мафию? М? Отвечай! — забредил он, ведь хоть и не курил траву со вчерашнего дня, но всем известно, что держит то она ого-го! Пару суток! Не меньше!

— Чего? Ты это о чем? — нахмурил выразительные пышные брови Джилленхол.

— Да о том, сука-бля! — пояснил за чепуху Харди, и со всей силы въебал брату с головы в нос.

— Сука! За что?! — охуел Джейк, схватившись за место удара, а из его ноздрей фонтаном брызнула кровь.

— Я же сказал! Сказал! За то, что мафию нанял, чтоб те убили меня! Будешь знать! Как заказывать брата! — покривил фирменным ебалом Том и полез в вагон подъехавшего поезда.

Спустя пару минут туда же зашел и Джиллехол, ведь, к слову, также купил билет на этот рейс.

По округе раздался свист, поднялся пар, и поезд двинулся с места. Вагончик тронулся, вагончик тронулся, вагончик тронулся… Перрон остался.

Сержант Том скрылся в своем купе, где заперся и завалился на полку-диванчик. Дни, проведенные в сарае Роберта, нехило его утомили. Кажется, похлебка и впрямь была отравлена и отняла много сил у Харди. Потому, как только голова коснулась подушки, он незамедлительно провалился в сон. Так проспал два дня, вставая лишь, чтобы с закрытыми глазами добрести до туалета и поссать.

Проснулся Том еще злее, чем был. Все тело затекло и было неприятно липким, ведь пролежать столько времени в дубленке, скамах да берцах — такой себе уют. Харди нервно оскалился, зарычал и с психом сбросил с себя грязный шмот. Затем в одних трусах побежал в туалет, дабы немного сполоснуть помятое еблище. Оросив себя живительной водой, сержант закурил, немного успокоился и понял, что нихуя не отдохнул, а даже, кажется, устал еще сильнее. Покумекав, решил, что будет спать дальше. Не боишься уехать слишком далеко? Да, Том, ты едешь в поезде. В поезде, который отвезет тебя очень далеко. Ты знаешь, куда тебе хотелось бы уехать, но куда отвезет поезд, не знаешь? Это и неважно? Скажи, почему? Потому что вы будете вместе? Да, кажется, тебе и впрямь стоит еще поспать. И завязывай уже с отцовской дурью.

Вернувшись в купе, сержант хотел было вновь завалиться спать, но вдруг резко замер и с прищуром старика Лео стал осматриваться по сторонам. Он вспомнил, как встретился на перроне с братом и как решил, что тот сдал его мафии, которая столько лет не могла выйти на его след. И раз от ДеНиро ему опять удалось уйти, то, скорее всего, Джейк не остановится и сам убьет Тома.

Вбив эту дурацкую теорию себе в голову, сержант бросился к скамам и достал из-под них «беретты», валяющиеся на полу. Он проверил магазины обеих, сунул их под подушку и завалился сверху, вмиг провалившись в сон конченого биполярщика в маниакальной стадии.

Так прошло еще незнамо сколько времени. Том все спал и спал, спал и спал, но выспаться никак не удавалось!

— …А то еще отмудохает нас всех! — услышал он голос сквозь сон и продрал глаза.

Харди непонимающе осмотрелся и заметил, что окно слегка приоткрыто, за ним мелькает пустынный пейзаж, а на полу, где он бросил одежду, не было не то что ничего — нихуя!

— Я не понял! Не понял, сука-бля! — вскочил он, выхватив «беретты» из-под подушки. — Какой пидор спиздил шмот сержанта?

В больной голове тут же созрел ответ на этот вопрос, и Том, ведомый норадреналином, выброшенным в кровь хорошенько отдохнувшими надпочечниками, рванул прочь из купе.

— Ах ты, шмаровоз псиный! — орал он, вламываясь в каждое купе в поисках брата. — Зассал, что я отмудахаю тебя? Так я отмудохаю! Попадись мне на глаза только твой обдроченный кожаный нос!

Так Харди прошел пару вагонов, выбивая дверь за дверью, но не за одной из них не было Джейка.

— Сука-бля, а вдруг жидяра скрывается от меня и сам бегает по вагонам? Это ж я заебусь его искать! Надо сделать так, чтобы он сидел на месте, — вдруг осенило сержанта, и он, постучав пальцем по виску, решил сменить тактику. — Всем оставаться на своих местах! — проорал он, прикинувшись контролером и постучав в ближайшее к нему купе. — Всем оставаться на своих местах! Проверка документов!

Харди, довольный своей находчивостью, походкой лже-контролера спокойно двинулся по вагону и стал стучать в каждую дверь. Убедившись, что никто не покинул своего купе, он вернулся к первому их тех, куда стучал.

— Проверка документов, сука-бля! — вломился он и увидел, как из окна кто-то выпрыгнул.

Том быстро метнулся внутрь и выглянул на улицу.

— Что за сука-бля? — приподнял шрамированную бровь он, наблюдая, как по песчаной насыпи кубарем скатывается какая-то блондинка. — Декстер? — охуел он еще хлеще, приметив, что внизу девку ждет, валяясь в пыли, парень-Морган собственной персоной. — Так значит эта петушня тоже был заодно с Робертом? И значит пиздюк и его натравил? — бредил Том, провожая взглядом удаляющихся Декстера и его беглую спутницу. Да сколько же ты выкурил, что тебя до сих пор не отпускает?

Харди выскочил из купе и, злобно топая босыми пятками, бросился на поиски брата, продолжая при этом извещать весь поезд, что он — тут власть, а точнее контролер. Так он бегал по поезду еще час, пока, наконец, не обнаружил Джилленхола в купе проводницы, которую он, собственно говоря, и жарил.

— Проверка, сука-бля, документов! — прорычал сержант и выволок брата за шкирку.

— Томми! Какого хуя? — ошалел Джейк, застегивая на ходу ширинку. — Ты совсем ебанулся?

— Где моя одежда, хуеплет? — орал Том, повалив Джилленхола на пол.

— Какая одежда? — тявкал тот, прикрывая недавно заживший нос от новых ударов. — Томми, прекращай немедленно эту хуйню! Я не понимаю, о чем речь!

— Я слышал, как ты залезал в мое купе! — не унимался Харди. — Совсем охуел? Сначала сдал меня мафии и петушаре Декстеру, которые чуть не убили меня! А теперь и вовсе решил оставить меня с голой жопой! Какого, сука-бля,

хуя? Мстишь мне за вьетнамки?

— Томми, ты бредишь! — верещал Джейк, пытаясь спихнуть, оседлавшего его сержанта. — Успокойся, давай поговорим!

— Шмот-то ты спиздил, а вот про «беретты», сука-бля, забыл! — достал из боксеров один из пистолетов Том и приставил дуло ко лбу брату.

— Аааааа! — завизжала проводница, наспех затолкав в лифчик растрепавшиеся груди, и побежала по вагону, размахивая руками над головой, в поисках начальника поезда.

Братья же катались по вагону в очередной драке, да пытались доказать друг другу каждый свою правду. И если один попросту не понимал, что от него хочет второй, то тот, второй, и вовсе не слушал доводы первого. Так и дрались. Пока через несколько минут не прибежал начальник поезда в компании с проводницами и контролерами. Все вместе они похватали нарушителей спокойствия под белы рученьки и вышвырнули из поезда, мчащегося по прериям Вайоминга на полном ходу.

Том и Джейк прокатились по насыпи и оказались на раскаленном песке. Солнце нещадно припекало, а по небу кружили тысячи грифов, желавших полакомиться свежей плотью, ведь жрать трупы не на шутку заебало за многие века.

Первым поднялся Харди и побрел в ту сторону, где уже за горизонтом скрылся поезд. За ним — Джилленхол, упорно не понимавший наездов брата, но считавший необходимым в этом разобраться. Однако он не решался не то что заговорить с ним — даже приблизиться, ведь получать пиздюлей от него в течение последних пары недель слишком надоело. Так и шли. Впереди Том, чуть поодаль, метрах в пяти от него — Джейк.

Шли они долго. Солнце уже было в зените и не гнушалось нет-нет да припекать их бестолковые головы. Особенно от светила доставалось сержанту. Мало того, что голова его была лысой, так и весь он не был никоим образом защищен от дерзкого ультрафиолета. Потому вскоре Том стал с ног до головы красным, словно глупый обгорелый томат. Горячий песок тоже не давал покоя, заставляя Харди идти то на цыпочках, то на пятках, то на внешней стороне стопы. Благо хоть на Джейке присутствовали футболка и джинсы, но, несмотря на то, что голова также была не покрыта, а ноги — босы, солнце чудесным образом не обжигало его кожу, а разум и сознание оставались невредимы. В отличие от разума Тома, который еле шел, покачиваясь и то и дело заваливаясь. О нет! Вдруг он схлопотал солнечный удар? Это чревато последствиями в виде потери сознания, а может даже и смерти! И в таком случае грифам вновь придется довольствоваться дохлятиной!

— Томми! Возьми мою футболку, повяжи хоть на голову! — окликнул брата Джейк, стягивая одежду.

— Нахуй! — показал через плечо «фак» Том. — Хотел добиться, чтобы я сдох — получай, пидор!

— Да что за глупости? Зачем бы мне это? — вскинул руки Джилленхол. — Вот объясни мне, нахуя мне так поступать?

— Я ебу? — еле ворочая языком, пробормотал Харди, жмурясь от солнца и массируя обгоревшие виски.

— Хватит уже, а? — прорычал Джейк и кинул футболку с принтом карты Аляски в сержанта. — Голову прикрой!

— Нахуй и в пизду, я сказал! — зарычал Том, остановившись и обернувшись. — Еще, сука-бля, хоть одна подобная шляпа! — стряхнул он с головы футболку брата и пнул в сторону. — Я, сука-бля, тебе отвечаю — твое ебало будет раскрошено в обдроченный фарш! Ты меня, сука, понял, уебан?

Джилленхол цокнул, подкатил глаза и выставил ладони вперед. Харди

просверлил его ебаным невменяемым взглядом и поплелся дальше. Джейк вздохнул, помотал головой и пошел за братом, по пути подобрав с песка отвергнутую им футболку и натянув обратно на себя.

— Лучше бы тебе вообще от меня отъебаться, — пизданул сержант через пару минут. — Хули ты ко мне привязался? Иди, сука-бля, своей дорогой.

— Куда хочу, туда и иду, — ответил путник из шара.

Вдруг Джейк остановился и уставился вперед. Он похлопал глазами, протер их кулаками и вновь стал смотреть.

— Томми! Смотри! Это что, город там? — указал он на деревянную табличку метрах в пятидесяти от них.

Харди перевел взгляд туда, куда указал брат.

— Это же спасение! Пошли скорее, думаю тебе нужно в больницу, — окинул Джейк его с ног до головы пронзительным взглядом. — Идем же! — он поспешил вперед, взял Тома под локоть и поволок за собой.

Сержант же продолжал смотреть на указатель с названием города, мечтая о глотке воды и холодном компрессе на все тело.

— Сан-Клауд, — прочел название Джилленхол, когда они поравнялись с табличкой. — Никогда не слыхал о таком. Хотя, это и неважно, главное, что мы наконец сможем отдохнуть.

Харди попытался сглотнуть, но во рту пересохло до неузнаваемости. Он так мечтал скорее оказаться в тени и прохладе, но эти новые никому непонятные принципы, родившиеся в его голове под действием то ли травы отца, лицо которого он забыл, то ли супа Роберта, то ли его собственного долбоебизма, приказали ему остановиться.

— Никуда я с тобой, сука-бля, не пойду! — рявкнул он и выдернул руку из хватки брата. — Нахуя мне это! Рождество уже, сука-бля, отметили. Время, сука-бля, чудес. Нахуй такие чудеса! И в пизду!

С этими словами Том пихнул Джейка в плечо, шаркнул ногой по песку, пустив брату пыль в глаза, и побежал. Налево от указателя.

— Что за… — лишь и пробормотал Джилленхол, протирая глаза от заполонившего прелестную синеву песка. — Ну и пошел ты нахуй! Еблан! — крикнул он вслед убегающему сержанту и побрел вперед, прямиком в Сан-Клауд, как подсказывало ему сердце. Вообще Джейк последнее время действовал, следуя именно его зову. А сердце из шара непременно и постоянно его куда-то да звало. Именно оно заставило его жить довольно длительное время в Лос-Анджелесе, именно оно заставило ехать в Финикс, а затем на Аляску. На вокзале именно оно посоветовало купить ему билет на поезд до Вайоминга. И вот теперь оно без умолку ему твердило: «Сан-Клауд». Посему Джейк проводил взглядом бегущего незнамо куда брата и уверенно двинулся навстречу грядущей весне.

Сержант же Харди бежал из последних сил в неизвестном направлении. Через какое-то время он увидел впереди какие-то треугольники и снующие меж ними фигуры. Взгляд затуманился, силы иссякли. Он пробежал еще метров десять и рухнул на песок.

Глава 106: Племя

— Ну, а какой еще у нас выход, отец? — услышал Том сквозь бред чей-то голос с непонятным акцентом. Говорил то ли француз, то ли немец, то ли голландец, а может даже индеец. Но сержант мысленно для себя решил, что, скорее всего, это был кто-то вроде таджика.

— Ну не знаю, Джейкоб. Все те люди, которых мы нанимали до этого для убийства Малыша Джимми, были хоть какими-то профессионалами. Взять того же мистера Декстера… — заговорил второй голос, такой же таджикский, но старый. — А этот… Даже не знаю…

— Ну у него вон и оружие есть, — сказал первый голос, и Харди почувствовал, как что-то похлопало его по «береттам» в трусах. — И вообще! Теперь я вождь нашего племени! Так что и решать мне, кого нанимать! Ты свое отправил, и как мы знаем, Холлидей до сих пор жив. Так что не думаю, что ты имеешь право мне указывать. Лучше иди и созови народ на вечернюю службу, пусть помолятся за успешность моего плана.

— Вы что еще за петушары? — промямлил Том, с трудом открыв глаза.

Перед ним предстали двое — оба краснокожие и с длинными черным волосами. Голову того, что помоложе, украшал огромных размеров перьевой роуч, а на полном оголенном животе свисал православный крест. Второй, старый, был и вовсе облачен в золоченую рясу и роуч-купол с таким же крестом на верхушке.

— Неси ему чай, сына! — одобрительно кивнул старик и перекрестил Харди. — Господу помолимся! — запричитал он, кряхтя поднялся и побежал прочь.

— Приветствую тебя, друг, в нашем племени! — вновь заговорил молодой, улыбнувшись Тому и протянув руку. — Я — вождь. Мое имя Джейкоб Волчий Клык. А это — мой отец. Он раньше был вождем — Гойко Орлиный Коготь. Но теперь он священник в нашем племени — отец Гойко, или владыка Гойко, как он сам себя называет. Мы, кстати, православные, ведь моя жена — украинка…

— Очень, сука-бля, интересно. Очень! — скривился Харди, отпихнув от себя индо-таджикскую полную ладонь. — Что за ебала?

— Ты наверно хочешь пить? — прищурился Джейкоб и достал из перьевой шляпы пиалу. — Вот, возьми. Это утолит жажду и придаст сил.

— Отравлено? — прищурился и Харди, но напиток принял. — А ты, сука-бля, под чем? — присмотрелся он к взгляду вождя, оценивая его блеск. — Мескалин?

Джейкоб виновато поднял взгляд к потолку вигвама и постучал кончиками указательных пальцев друг об друга.

— Ну я понял… Понял… — ухмыльнулся Том.

— Пей! — подтолкнул пиалушку с кипятком к пухлым губам сержанта вождь.

Оснований не доверять таджику Харди не нашел и сделал жадный глоток. Даже если напиток и был отравлен, то ему было абсолютно на это поебать. Умрет — и пусть, зато жажду нет-нет да утолит.

Чай оказался до боли вкусным и не на шутку бодрящим. Еще бы! Недаром ведь индейцы сдобрили его не только лошадиным зерном, но и своим дражайшим мескалином, на котором вот уже много веков сидело не одно поколение краснокожих.

— Ммм… Мескалин, сука-бля! — причмокнул губами Том, испив напиток до дна. — А шляпа такая имеется для сержанта? — достал он из трусов «беретту» и ткнул ею в роуч вождя.

— Конечно! — восторженно захлопал в ладоши Джейкоб и потянулся к зассаному углу вигвама, откуда достал цилиндрический роуч из куриных лап и перьев.

— Охуенно! — воскликнул сержант и водрузил на обгорелую лысину

индейскую шляпку. — Так что вам надо от сержанта? Он слыхал сквозь сон, что убить кого-то хотите. Так, сука-бля?

— Так, — виновато опустил уголки губ вождь.

— Ну, сука-бля, выкладывай, шмаровоз. Да чаю сержанту еще плесни! — щелкнул в пальцы Харди.

Вмиг из злого обгорелого ебаната Том превратился в дерзкого высокомерного хуеплета. Всю озлобленность, кипевшую в нем до сего дня, как рукой сняло. На смену ей пришли тщеславие да хуева туча выебонов.

Джейкоб Волчий Клык, угостив Харди еще порцией чая, принялся выкладывать суть дела. А суть была такова: многие годы племя страдает от набегов бледнолицых. Их предки с мужеством отстаивали землю и отбивались от наглых ковбоев. Но, в последние годы, будто сама чума пришла в их края. Один из бледнолицых — совсем распоясался! Он рушит их дома, поджигает посевы маиса, ворует женщин и скот! Индейских сил уже не хватает, чтобы справиться с этим дерзким человеком, поэтому, они и хотят, чтобы Том помог им в этом нелегком деле.

— Так что, надо вальнуть этого хуеплета? — уточнил сержант по завершении душещипательной истории, смакуя мескалиновый чай.

— Да! — кивнул Джейкоб, поправляя бычью кожу, обернутую вокруг стоп в качестве обуви. — Мы отблагодарим! Щедро! Деньги имеются.

— Деньги свои в жопу засунь, пидорас! — щелкнул его по носу Том. — Сержант богатый! Нахуй не нужны ваши подачки. Если и согласится помогать, то лишь ради собственного интереса.

— Хорошо… — округлил рот вождь, охуевая от подобной щедрости.

— Хорошо, сука-бля! — состроил фирменный еблет сержант. — Ну, а мескалин-то имеется еще?

— Конечно! — уверил Джейкоб, махнув рукой на холщовые тюки, которыми был сплошь уставлен вигвам.

— Вот и славно! — расплылся в обдолбанном оскале Том. — Значит так! Вот что мне нужно для дела. Чайный сервиз. Куклы. Перья. Кожа. Нитки и иголки, — стал загибать пальцы он, мысленно воображая, как эффектно явится к некоему Джимми Холлидею и продемонстрирует перед убийством ебейший такой спектакль. — Так-с… Что еще? Ладно, подумаю и сообщу, — задумчиво почесал он подбородок.

— Ну хорошо. Все что надо — найдем, — пожал плечами вождь.

— А теперь уебал отсюда. Сержант отдыхать изволит! — пренебрежительно махнул Том ладонью в сторону выхода.

— Но это вигвам вождя. То бишь — мой! — поднял вверх указательный палец Джейкоб.

— Не ебет! — нараспев протянул Харди и откинулся на подушки, набитые песком. — Теперь, сука-бля, мой. Понял, да?

— Понял, — вздохнул вождь, встал и, понурив полные плечи, удалился, дабы отправиться в кожаную церковь и нет-нет да прочесть «Отче наш».

Так сержант оттягивался в индейском поселении всю ночь, то бишь спал. С утра пораньше, перед походом на утреннюю молитву, в вигвам Харди заскочил Джейкоб и закинул целую машну всякой ерунды, заказанной сержантом.

— А где, сука-бля, бусы? — пожирающим детские души взглядом, посмотрел на вождя Том.

— Вы не заказывали, — растерялась полнота Джейкоба.

— Вы не заказывали, — спародировал якобы таджика Харди. — Догадаться не судьба, сука-бля? Я хуй что буду делать без бус! Это будет ебала какая-то, если сержант не поставит правдоподобный спектакль! А как он может его поставить, если у одной из куклы-актеров, играющих роль твоего папаши, не

будет бус?!

— Какой спектакль? — поцеловал крестик вождь, мысленно моля Николая Угодника исполнить желания каждого жителя племени. — Мы же просим убить Малыша Джимми! Вот и все дела!

— Послушай, жирный, — скривился Харди, проявив неуважение к православию. — Если ты и твой дражайший отец наняли сержанта, то сомневаться, сука-бля, в нем не надо! Он сказал — убьет, значит убьет! Сука-бля! Да прекращай ты это делать! — подорвался он к вождю и хлопнул по руке, ведь его не на шутку раздражало, как тот довольно-таки неоднозначно лобзает крест. — Значит так, слушай сюда, и слушай внимательно. Я не люблю! Когда не все мои условия соблюдены! Поэтому пока не будет так, как сказал сержант, этот твой обдроченный Джимми будет разгуливать живым, все ясно?

— Джейкоб! — прервал монолог сержанта грубый женский голос.

Том посмотрел через толстое плечо вождя и нахмурился. В вигвам без стука и спроса зашла немиловидная женщина лет сорока от роду в непонятном, но оттого не менее колоритном костюме. На ней красовалось простецкое платье из льна, обшитое миллионами разноцветных узоров. На голове восседал огромный конический венок из ненатуральных цветов. Образ завершали босые огрубевшие стопы.

— Ты еще что за шмара? — цокнул Харди, понадеявшись, что этот персонаж нихуя не важен в грядущем спектакле. Ибо подобную хуйню на ее голове материализовать не хотелось, да и не из чего. Для подобных вещей нужен фоамеран, ну или хотя бы фетр. Вряд ли у индейцев имелось хоть что-то отдаленно подобное.

— Наташа! Зачем пришла сюда?! Это может быть опасно! — возмущенно хлопнул по бедрам Джейкоб Волчий Клык, обернувшись к вошедшей даме.

— Я спрашиваю, сука-бля, что за шмара? — надменно повторил вопрос Харди.

— Що? — переспросила та.

— Хохлушка, сука-бля, — щелкнул в пальцы Том. — Терпеть не могу хохлов, ибо у меня с вами личные счеты! Милу Кунис знаешь?

— Немаэ, — отозвалась некая Наташа, поправив в ушах серьги в виде братьев Кличко, которые, к слову, являлись героями нации.

— Это — Наташа Королева — моя жена. Именно этот человек в купе со своей матушкой обратили наше племя в православие, — пояснил за таджико-краснокожую жизнь вождь.

Харди же наигранно громко зевнул, делая вид, что история Джейкоба абсолютно ему неинтересна.

— Все, идите на хуй из моего вигвама и ищите бусы! Да сервиз! Ибо вот эта глиняная хуйня… Ну не знаю… Для кого она предусмотрена? — достал из машны глиняный сервиз Том, продемонстрировав вождю и его жене. — Сержанту нужен фарфор! А этой хуйней вы пизда меня принизили! Как с этим можно пойти к жертве? Как из этого можно пить с жертвой чай?! Хотите, чтоб о сержанте пошла молва, мол, он не голубых кровей? Ну уж нет! — с психом кинул он кривую чашку в пузо Джейкоба, но та отрекошетила и ударила Тома в ногу. На мгновение Харди стало больно и обидно, но мескалин быстро прогнал дурные мысли.

— Хорошо, хорошо! Только не злитесь! — выставил ладони вперед вождь. — Все будет сделано! Все! И даже больше! Наташа, развлеки гостя, пока я выполняю его поручения, — подмигнул он жене, указав пупком на Харди.

— Що? С хуя ли, мил мой, я повинна це робити? — с таким недовольством спросила Королева, будто приехала сюда из маленькой страны.

— Ну тебя же тоже достал Холлидей! Ты же тоже хочешь его смерти! А он может это сделать! И сделает, не взяв с нас ни цента! Тебе тяжело развлечь его, пока я буду искать фарфоровый сервиз и бусы?

— Заради вбивство Холлидея я сгодна, — подкатила глаза Наташа, скрестив руки на груди. Так и согласилась, ведь с младых лет была инквизитором. А пресловутый Малыш Джимми в ее глазах был тем еще богохульником и нет-нет да нес всякий бред про Царствие небесное да своего старика-отца, правящего и в аду, и в раю, и на грешной земле обетованной.

— Хули вы сука-бля лопочите? — поинтересовался Том, не понимая диалог мужа и жены. К слову, первый, разговаривая с женой, перешел на французский.

Ничего не объясняя, Джейкоб удалился. Он хотел было и впрямь отправиться выполнять распоряжения сержанта Харди, но для начала решил заглянуть в гостевой вигвам, где ночевал сегодня ночью. Волчий Клык плюхнулся на лежанку, дабы немного расслабиться и собраться с мыслями, а уж потом по делам. Но Джейкоб абсолютно не заметил, как потяжелели его опухшие от многолетней веры веки, а сам вождь уснул беззаботным сном, в то время, как сержант Том ебал его жену. Но об этом дальше.

Как только Том и Наташа остались наедине, Харди хотел было начать выебываться перед девкой, показывая, что он тут власть и если захочет, то возглавит их племя, а саму Королеву и ее мужа пошлет на хуй. Но по классике, все его планы накрылись медным тазом. Не объясняя мотивов своего блядского поведения, Королева встала на четвереньки в гору желтых тюльпанов, которые положил здесь какой-то безумец в знак признака разлуки. Женщина широко расставила ноги и задрала подол простецкого платья, продемонстрировав Тому округлые ягодицы и как бы приглашая войти в нее.

«Послушай Том, а почему бы, собственно говоря, и нет? — подумал Харди, состроив фирменный еблет и разведя ладони в стороны. — Но только унижать ее ты не будешь. С этим покончено во век! Как ты и сам понял, тебе это стало неинтересно. Да и как-то стыдно немного за свои прошлые разы. Да и вообще — нахуя? Ладно, ебани мескалинчику, Том, и вперед! Выеби суку! Покажи, кто тут власть!»

Так и поступил. Харди налил в глиняную чашку горячего, свежезаваренного мескалина, остудил и выпил. А Наташа все стояла, с раздвинутыми ногами. Как только Том завершил чайную церемонию и покурил, то встал позади Королевой, отодвинул ее перьевые стринги на бок и, не забыв обезопаситься при помощи презерватива, бережно оставленного Гойко Митичем, вошел в нее без всяких шуток и обманов. Но на сей раз сержант это сделал не грубо, да и начал еблю с медленного темпа, закрыв рот на замок и не унижая Наташу грязными словами.

Королева же, будучи той еще шлюхой, принялась энергично двигать бедрами навстречу Тому, да производить ими круговые движения. Возбужденный же Харди подумал, что раз этот секс должен быть для него более-менее нормальным, решил немного полапать Наташу. Он запустил ладонь под платье и схватил ее за грудь. Изучив ее пару секунд, Том понял, что ему не нравятся ее оттянутые верой соски. Тогда он поднял ладонь чуть выше, дабы потрогать ключицы. Но у него ничего не вышло! Ключицы никак не нащупывались! То ли их и вовсе не было у Королевой, то ли они были закрыты огромной жировой прослойкой. Харди хотел было раскрыть рот, дабы поинтересоваться, что это за шляпа такая, но тут произошло нечто! С улицы донеслось лошадиное ржание, топот копыт и чей-то язвительно-хохочущий голос. Далее послышался свист замахивающегося лассо и недовольный инде-таджикский бубнеж.

Наташа Королева замерла и прислушалась.

— Охуела тормозить, шмара, продолжай! — прикрикнул Том, ударив ее по жопе.

Но не успела та ничего сделать, как в то же мгновение вигвам рухнул, прикрыв собой ебущихся в нем. А звуки с улицы становились все озлобленнее и

озлобленнее, среди них уже отчетливо слышалось, как некий мужчина читает молитвы Матушке Матронушке, да закипает с каждой новой все хлеще и хлеще.

— Пиду дизнаюся, що там видбуваэться! — не стерпела Королева, подорвалась с места, одернула платья и мигом выбралась из-под вигвама.

— Охуела, шкура ебаная?! — не на шутку охуел Том, который хуй кончил, а страсть как хотелось. — И хули сержанту теперь делать?! — с психом стянул он с члена гондон и швырнул вслед Наташе.

Но делать нечего. Проблемы индейцев абсолютно не ебали Харди и ему было глубоко похуй, что там происходит снаружи. Куда больше хотелось удовлетворить стоящий хуй да и себя вместе с ним. Поэтому Том не придумал ничего лучшее, чем лечь на спину, да по старинке подрочить, а точнее — додрочить. Ибо прервать половой акт, а потом весь день ходить неудовлетворенным — ну такое.

И только обхуяренный мескалином Том приступил к делу, как тряпичная стенка упавшего вигвама приоткрылась и внутрь кто-то положил девушку, которая, кажется, находилась в глубокой отключке.

— Полежи немного здесь, а потом я вернусь за тобой и убью… — медленно сказал Декстер, погладив девушку по рыжим волосам. — Убью тебя, и тогда твоя сестра станет моей… — нездорово и утробно прорычал он и был таков.

— Откуда, сук-бля, тут этот петушара? — не понял Харди. — Впрочем, поебать! Охуенный подгон для моей ситуации! — взглянул он на девушку в отрубе.

Ох! Ну не счастье ли это? Наконец-то! Наконец! Он сможет выебать бессознательную девчонку! Ух, как же давно он хотел это попробовать! И не надо косо на него смотреть и осуждать! У каждого есть фетиши и грязные сокровенные мыслишки! У Тома уж не самое жуткое, что может быть! Так что нехуй!

И только Харди хотел было навалиться на девушку, как его шею сковало. Создавалось впечатление, что некоему безумцу не в угоду помыслы Тома, и он решил придушить сержанта невидимыми руками. Тот схватился за шею, но на той будто что-то сжималось безбожно перекрывая кислород. Том хрипел и бурчал, бурчал и хрипел, но невидимая хватка никак не ослабевала!

— Ты что ебанулся? Ты нахуя его зарезал, индееб? — послышался приглушенный непотребно возмущенный голос с улицы.

Вскоре Харди потерял сознание, а руки-ветры отпустили его шею, не дав умереть.

Когда Том очухался, то сначала и не понял, где вообще находится. Он скинул с себя упавший вигвам и огляделся по сторонам. В голове сложилась цепочка последних событий перед тем, как сержант отключился. Харди осмотрел место рядом с собой, но не обнаружил там бессознательную девушку. Тогда он поднял взгляд и оценивающе осмотрел лагерь индейцев. Тот находился в не на шутку разрушенном и разворованном состоянии. В нем не было ни одной живой души. Кажется, краснокожие жители то ли покинули деревушку насовсем, то ли на время. Но Тому не понравилось это. Какого хуя они ушли, не оповестив об этом сержанта?! Как-никак он здесь почетный гость! Да и сами индейцы, по их словам, нуждались в сержанте.

— Вот же больные ублюдки, — поднялся Том и направился исследовать лагерь, в поисках хотя бы кого-то.

Как и предполагалось, он не наткнулся ни на одну живую душу. Лишь на зарезанного Джейкоба Вольчего Клыка, о полный труп которого споткнулся Том, исследую местность.

— Вот же ебло, умерло, — усмехнулся Харди, пнув тело по жирному боку. — Ладно, кажется, сержанту здесь больше делать нехуй! Пора бы и честь знать

да в Сиэтл возвращаться! — покумекал он и, прихватив денежный общак индейцев и пару мешков мескалина, побрел в направлении железнодорожной станции.

Глава 107: Джек

Спустя неделю.

Сержант Том, продолжая плотно сидеть на мескалине и мня себя высокородным охуенным хуеплетом, восседал за столом, попивая из фамильного сервиза Харди пресловутый индейский наркотик и перебирая какие-то ветхие семейные бумаги. Он был облачен в старинное пальто прапра-хуй-знамо какого деда, его же цилиндр, белую рубаху с широкими рукавами, древние шерстяные скини-брюки, классические берцы да раритетное пенсне.

— Томми, немедленно слазь с этой хуевины! Ты посмотри на кого стал похож! — ворвался в комнату обескураженный и гневный Батлер. — Мне не нравится в кого тебя превращает этот мескалин!

— А я не люблю! Когда меня учат жить! — пояснил за принципы Харди, громко отпив чаю из фарфоровой чашечки. — И вообще, отвали, Леонид! Мне сейчас весьма охуенно! Я бы даже сказал, что за всю свою жизнь не был так спокоен и уверен в себе. Так с хуя ли, сука-бля, мне прекращать пить это пойло? Мм?

— Я не знаю, но чую сердцем, что тебе хватя! — стоял на своем эффектный человек по имени Леонид.

— Давай сержант расскажет тебе одну притчу, — проигнорировал бредни друга Том, взяв старинную трубку и подкурив. — Жил был на свете один мальчик, что был озлоблен на весь мир…

Тут Харди перебил вальс Шуберта, установленный на звонок его мобильника.

— Извини, нужно ответить, — выставил ладонь на Батлера Том и принял вызов. — Сержант внимание, сука-бля.

Леонид лишь скривил неоднозначно-недовольное лицо, укоризненно помотал плащом и покинул сержантскую спальню.

— Добрый день, сержант Харди, — послышался на том конце провода женский голос. — Один босоногий парень мне сказал, что вы первоклассный наемник и можете решить любую проблему…

— Босоногий парень, то бишь Леонид Агутин? Мм? Сука-бля, знаю такого, забивал ему ступни, — положительно кивнул Том. — Раз ты от него, сержант поможет. Так в чем проблема, милочка?

— Проблема в том, что меня преследует один нехороший человек. И мне очень страшно. Судачат, что он маньяк. Думается, его намерения по отношению ко мне весьма плохи и неоднозначны!

— Весьма недурно, сука-бля, весьма недурно, — заинтересовался Харди.

— Сука-бля, весьма недурно, — любезничала девушка, которая, кажется, решила поговорить с Харди на его языке.

— Так и что тебе нужно от сержанта, шкура? — накинул вопрос Том, пуская плотные колечки дыма.

— Не изволите ли вы, почтенный сержант Том, как бы… Эээм… Ёбнуть его, — выпалила она, не подобрав более приемлемого слова.

— Ёбнуть? — приподнял шрамированную бровь Том. — То бишь убить?

— То бишь, да, — согласилась девушка. — Понимаете, никакой жизни нет из-за него! Так навязчиво он за мной следит, что я ни на чем не могу сконцентрироваться! Никакого саморазвития! Никакой свободы воли!

— Так он что, выебать тебя хочет или что, сука-бля, или как?

— Думаю, и это, и что еще пострашнее! Хотя, что может быть ужаснее, чем быть изнасилованной старым полным старцем? — воскликнула девушка. — Я заплачу любые деньги, только убейте его! О, сержант Харди, пробейте мне дорогу в жизнь!

— Твои деньги мне не нужны, пизда! — рявкнул Том. — Сержант за

справедливость! Он не любит! Когда до молодых девушек доебываются старики, навязчиво предлагая перепихон! Да еще и саморазвиваться не дает! Возмутительно, сука-бля! Очень возмутительно!

— Так это значит да? Вы беретесь за дело?

— Конечно, сука-бля! Но! Мне нужны будут кое-какие подробности. И нехуй спрашивать зачем! Раз просишь у сержанта помощи, значит, делай все так, как он говорит! А с лишними вопросами иди на хуй и ищи какого-то другого наемника! Усекла, пизда?

— Конечно, усекла, сударь. Задавайте свои вопросы!

— Так. Ну твою историю я знаю, теперь мне нужны герои. Начнем с того, кого ты заказываешь, то бишь с жертвы. Имя, профессия, внешний вид. Расскажи мне все о нем, — пододвинул он блокнот, обмакнул гусиное перо в чернильнице и приготовился писать.

— Имя его — Джек Николсон, — пояснила девушка. — Работает в Майами дантистом-протезистом. Ему семьдесят семь лет. И, как, я уже сказала ранее, он толстый…

— Детали, сука-бля, мне нужны детали, — перебил надменный сержант. — Татуировки, шрамы…

— У него очень неприятная вена на виске, а когда он злится, то она страсть как раздражительно пульсирует. Еще у него жуткая улыбка, будто оскал какой-то. Татуировок нет точно, на счет шрамов я не знаю, не видела его обнаженным, и весьма этому рада!

— Ладно, сержант сам за ним последит и может что-то увидит особенное, — тяжело вздохнул Харди, ведь не любил, когда были рассказаны не все подробности. — Теперь перейдем ко второму персонажу, то есть к тебе, пизда. Рассказывай все про себя.

— Нууу… Имя свое я сказать не могу, ибо это строго конфиденциальная информация, — сказала девушка, таким тоном, будто бы состроила на том конце провода некий фирменный еблет.

— Так, сука-бля! Я не понял! Не понял! Что за ебала?! — взорвался Том, ударив кулаком по столу, отчего чашки и чайник на нем подпрыгнули к потолку.

— Ну ебала, не ебала, но я не скажу! — возмутилась она. — Послушайте, Том, так даже пизже будет, ну! Вы же любите русскую классику, так? И там, когда не хотят раскрывать чьи-то имена или города, говорят просто N. Ну не чудо ли, если вы и сами сможете пользоваться этим трюком? Так что давайте я буду просто N? Договорились?

— Давай, сука-бля, попробуем. Но если сержанту не понравится, то ты скажешь мне свое имя, поняла? Ладно, давай остальное рассказывай. И будь так любезна, сразу, сука-бля, с деталями, шкура-сударыня!

— Ну что я могу сказать… Мне двадцать два, я блондинка. Какое телосложение? Нууу… Скажем так — поджаро-стройное… Что еще? Особо отличительных черт у меня и нет… Ну может только татуировка на левой голени… Эээм… Птичка!

— Птичка, сука-бля? Какая? — раздраженно спросил Харди, выпытывая нахуй никому не нужную кроме него информацию.

— Ну обычная такая… Волшебная будто бы… Ой, слушайте, какая разница?! Ебаните что-то в кельтских узорах, и все дела! Вы же для куклы интересуетесь? Так накалякайте абы что и все!

— Так, сука-бля, откуда инфа про кукол? Мм? — прищурился Том в ретро-прищуре старика Лео.

— Так Агутин и сказал! — выкрутилась девушка. — Ладно, какая разница? На этом все? Когда вы приступите к исполнению?

— Уже, сука-бля, приступил! — заверил сержант, рисуя эскиз костюма для куклы Джека Николсона. — Закуплюсь, соберусь, да прилечу в Майми. Адрес

только этого петушары продиктуй.

— Скину сообщением после разговора. И да, спасибо тебе, сержант Том, что делаешь это. Если честно, мне очень важно, чтобы убил его именно ты, — перешла на «ты» девушка, сменив тон с надменного на милый. — И помни, Том, всегда иди по следу чести, — сказала она и положила трубку.

— Сука-бля! Агутин — пидорас! Какого хуя растрепывает всем про моих кукол, про мой семейный девиз?! Урод ебаный! — прорычал Том по завершении вызова. — Ладно, как-нибудь в другой раз разберусь, сейчас у меня дела поважнее! — встал он с места и отправился в ближайший магазин для рукодельниц, дабы накупить всякого дерьма для пошива двух новых кукол.

Спустя несколько дней, когда все приготовления были закончены, Том полетел в Майами.

По прибытию первым делом Том снял себе номер в дорогом отеле и направился в клинику, где работал Джек Николсон. Но несмотря на раннее утро, того не оказалось на месте, поэтому Харди решил немного обустроиться и изучить местность, а уж затем вновь отправиться в клинику, да проследить за доктором Николсоном. Зачем проследить? Все дело в том, что сержанту были нужны все детали костюма Джека, дабы сделать до безобразия правдоподобную куклу-прототип!

Вечером полный старец вышел с работы и куда-то направился. Том, следившей за входом клиники из ближайших кустов, сел на новехонькую черную Ямаху, купленную по прилету в Майами, и направился за Николсоном. Тот зашел в дорогой ресторан, где в тот вечер проходила ЛГБТ-вечеринка и скрылся за его дверьми.

— Сука-бля, пидорас что ли? — скривился Харди. — Ну уж нет! Сержант не такой! Он не пойдет на эту вакханалию через главный вход! Он полезет по водосточной трубе, дабы проникнуть незамеченным!

Так и поступил.

Оказавшись внутри, Том спрятался за помпезную плотную штору и, одним глазком выглянув из-за нее, приступил к слежке.

И вот он приметил того, за кем сюда и пришел — старика Николсона. С минуту Харди оценивающе на него смотрел.

— Каков же петушара… — пробормотал он, поправляя цилиндр на голове. — На Декстера, сука-бля, похож. На очень постаревшего Декстера… И толстого… Да, эту мразь сержант точно убьет! Теперь у него с ним личные счеты за схожесть с петушарой Морганом! Надо запомнить это для спектакля, который я ему покажу перед убийством!

Том продолжил наблюдать за старцем и увидел, как к нему подошел черномазый официант. Джек Николсон сделал заказ, после чего нигер удалился.

— Стоп, сука-бля, а может этот петушара — батя Декстера? Ну ебать же как похож! — бормотал Харди, осторожно выглядывая из-за шторы. — Ах ты ж блять! Его же папаша подох от рака, кажется. Значит это вряд ли он. Или… Ладно, похуй! Это нахуй ненужная информация. Один хуй сержант завалит эту мразь, кем бы он ни был.

Так Том следил еще несколько минут, пока не заскучал. Ведь смотреть на какого-то никчемного старика — дело не слишком веселое. Тогда Харди схватил за латексный рукав пробегающего мимо официанта, все того же, что обслуживал Джека, и приказал принести ему за штору фарфоровую чашку и кипяток.

— Так-то лучше… — протянул сержант спустя пару минут, когда негритос предоставил ему тару, которая вмиг была наполнена свежайшим мескалиновым чаем. — Ну-с, сука-бля, продолжим, — сделал он большой глоток и отпихнул официанта от шторы.

Харди вновь уставился на Николсона, затем достал из кармана пальто недоделанную куклу и начал деталь за деталью воспроизводить образ старика. Он оценил, насколько именно он полный, и натолкал ваты под кукольную одежду. Наспех сшил из маленьких кусочков замши мокасины, а из брючной ткани — костюмчик-тройку. После он достал маркер и принялся вырисовывать морщины на пластиковом лице. Но тут обзор на Джека закрыли четверо: два парня слащавой наружности и две девушки.

— Слышь, шкуры, свалите, — шикнул из-за шторы Том.

Но те его проигнорировали. Одна из девушек, та, что с рыжими волосами, мило щебетала с парнями. Вторая же — блондинка — осматривала их с ног до головы, скривившись в гримасе брезгливости.

— Ну вообще-то мы не знакомимся с девушками, — сказал один из парней с намертво залитой лаком прической цвета беж, хлопнув по заднице второго — с такой же прической, но цвета кофе.

— Ну и идите на хуй тогда, — цокнула рыжая, взяв блондинку под руку и поведя в сторону. — Какие же уебки… До чего же смазливые! Нахуй они нам сдалились, верно ведь? Давай дальше искать.

— Да, сука-бля, съебите уже, — закивал Том, приготовившись продолжить срисовывание стариковских морщин.

— Верно… — простонала блондинка, замерев на месте как вкопанная и снова загородив обзор. — Бляяяя… Какие же приторные мрази… Хлеще лакрицы… Ненавижу, блять, лакрицу… — прохрипела она, прикрыв ладонью рот.

— Да иди ты на хуй, пизда! — прорычал под нос Том и хотел было уже выйти из-за шторы, дабы прогнать девку с поля зрения. Но та согнулась пополам, отодвинула низ помпезной шторы и блеванула прямо на традиционные сержантские берцы, забрызгав заодно и его старинные брюки. — Сукааа… — скривился Харди, охуевше уставившись на рвоту.

— Сукааа… — в унисон с ним промямлила и блондинка и повернулась к рыжей. — Бля, давай уже найдем кого-то нормального! Это невыносимо! Какого хуя в столь элитном ресторане одни чмошники?

— Ну давай искать, — пожала плечами рыжая и, дабы скрыть блевоту, задернула штору, где прятался Том.

Мало того, что Харди бился в агонии порчи раритетного шмота своих предков, так теперь обзор ему и вовсе закрылся полностью. Он со злостью потряс куклу-Джека, подвигал челюстью, наклонился и принялся вытирать помпезной шторой берцы и брюки. При этом Том, вдобавок ко всему, перепачкал и заготовку пластикового Николсона и разлил по паркету свой обдроченный мескалиновый чай.

— Ооо, еще один дед! Да к тому же один, — слышал он возмущенный бабский голос.

— Да забей, сидит да сидит, что он тебе? — заговорил и второй голос. — Нам надо сосредоточиться и найти нормальных, а не тратить время попусту.

— В пизду! — психанул Харди, поняв, что штаны предка уже точно не спасти, отодвинул штору и вновь отыскал Джека взглядом. — Что это с петушарой? — прищурился он, увидев, что старик замер, развернулся боком и вылупил блеклые от возраста глаза.

— Что уставился, дед? — рявкнула блондинка, обблевавшая минутой ранее Тома. — Отвернул быстро отсюда свою полную старую морду!

— Вот это, сука-бля, поворот! — прошептал сержант, состроив фирменный еблет. — Так эта шмаровозка и есть N! — тихо воскликнул он, поняв, что Джек уставился на блондинку, и прочитав в его взгляде вожделение.

Харди вновь схватил куклу и решил запечатлеть озабоченную гримасу Николсона. Блондинка же продолжила что-то пиздеть на старика, и тот сразу же отвернулся. Но та и не думала прекращать возмущения и зажестикулировала

перед лицом рыжей.

— Ну сука, ну еб твою мать! — гневно забормотал Том и стал злостно щелкать пальцами по кукольному лицу, как бы давая ему пизды. — Ну разверни ебало сюда, пидорасина! — выглянул он из-за шторы, посылая мысленные сигналы Джеку.

— Ооо, смотри, смотри! — заверещала рыжая. — Вон тот очень даже хорошенький!

— Где? — спросила блондинка.

— Да вон, синеглазый сидит! — расплылась в улыбке рыжая и рванула вперед.

Блондинка ринулась за ней, что-то крича ей вслед.

— Ну наконец-то уебали, шкуры! — одобрительно кивнул Том, провожая взглядом девушек.

Но тут он увидел, куда они направлялись. А точнее, к кому…

— Пиздюк! — протянул Харди, стянул пенсне и стал протирать стекла о пальто, затем вновь водрузил на нос. — Да точно, сука-бля! Он самый!

Блондинка догнала рыжую и потянула в сторону, что-то раздраженно бормоча. Теперь обзор был открыт полностью, но вместо того, чтобы продолжить следить за Джеком, Том переключил внимание на брата из шара, позабыв обо всех обещаниях и обязательствах перед заказчиком.

— Хули он тут забыл? И с кем это, сука-бля, он? — охуевал с каждой секундой все хлеще сержант.

Джейк Джилленхол, облаченный в костюм с принтом карты Майами и въетнамки, стоял в дальнем углу фешенебельного зала и беззаботно болтал с каким-то… Стариком? Что происходит? Да его собеседник, кажется, даже старше Джека Николсона! А ведь это ЛГБТ-вечеринка! Что же такое? Что случилось?

— Что за говнище? — усмехнулся Том, вылил в рот остатки мескалина, поправил цилиндр и, состроив графское еблище, двинулся к брату. — Ну здравствуй, сука-бля, пидор! — заключил он его в объятия, а затем похлопал по щетинистой щеке куклой.

— Томми? — округлил кожаный нос Джилленхол. — Ты здесь откуда?

— Что за старик? — указал Харди пальцем на приятеля Джейка, проигнорировав вопрос. — Ебарь твой?

— Ты в своем уме, Томми? — подкатил глаза парень из шара. — Это Энтони Хопкинс. Я работаю в Голд Глобус Инкорпарейтед, и он мой начальник.

— Ну я понял… Понял… — усмехнулся Том, смерив старого Энтони оценивающим взглядом. — Жаришь моего братца? — пихнул он его в дряхлое плечо.

— Томми! — воскликнул Джейк, хлопнув того по руке. — Что ты несешь? Мистер Хопкинс просто пригласил меня составить ему компанию на сегодняшний вечер, а после мы хотели отправиться к нему домой, где он бы показал мне свою коллекцию.

— Коллекцию хуёв? — взорвался ебливым смехом Харди.

— Мистер Хопкинс — нумизмат, между прочим. Собирает денежки всякие, — цокнул Джейк, скрестив руки на груди. — Мы, коллекционеры, знаешь ли, любим показывать друг другу свои ценные вещички. Я вот даже прихватил с собой лучшие экземпляры из моей коллекции вязаных носочков, — достал он из кармана брюк разноцветное белье.

— Гондоны, главное, не забудь прихватить! — продолжал хохотать Том.

— Томми! Ты меня позоришь! — процедил сквозь зубы Джилленхол, схватил брата за локоть и потащил в сторону. — Простите, мистер Хопкинс, я отойду на минутку, а когда вернусь, хочу дослушать вашу историю о том, как вы с Элтоном Джоном на Майорке отдыхали. Хорошо?

— Без проблем, голубчик мой, — улыбнулся Энтони, после одарил Джейка пожирающим взглядом и почавкал губами, будто всасывая влагу с потекшего хуя.

— Какого хуя ты несешь? — зарычал Джейк, отведя Тома в сторону.

— Мдааа, сука-бля, не ожидал… Не ожидал… — состроил фирменный еблет Харди, разведя руки в сторону. — А сука Мэрил, еще сержанта обвиняла в педерастии. А оно вон как! Любимый жиденок, оказывается — пидор!

— О чем ты таком говоришь? — топнул вьетнамкой Джилленхол. — Ты же знаешь, что я не гей!

— Пффф… Откуда мне это, сука-бля, знать? — саркастически пожал плечами Харди. — Сержант лишь опирается на факты. Ты на гей-вечеринке, в компании с каким-то старым педрилой. А это значит что? — дал он щелбан по кожаному носу. — Вот и все! Вот и все! Пидорас!

— Хватит нести хуйню, Томми! — пустил пар из ушей гей из шара. — Мы с тобой много лет прожили в одной квартире, и ты прекрасно знаешь, что я люблю девчонок. И вообще, что ты здесь забыл? — обвел он лапой зал ресторана.

— Слежу кое, сука-бля, за кем, — бросил Харди короткий взгляд на Джека, продолжавшего сидеть на месте и неприятно пульсировать веной.

— Полагаю, опять за мной? — скрестил руки на груди Джилленхол. — Томми, прекра…

— Нахуй ты мне сдался, петушня? — хохотнул сержант. — Следить за всяким пидорским отродьем — не в моих принципах.

— Так здесь же все пидоры, как ты сам и сказал, — язвительно улыбнулся Джилленхол. — Так и за кем же тогда следишь?

— Не твоего заднеприводного ума дело, — расплылся в улыбке и Том. — Ладно, бывай, петушара. А у сержанта, сука-бля, дела! — отсалютовал он, развернулся и двинулся прочь.

— Томми, хватит! — залаял Джейк, взорвавшись как глупая собака, нашпигованная порохом. — Я не гей! Ты это знаешь! Будто ты не видел, как я тысячу раз приводил в наш дом девчонок!

— В мой, сука-бля, дом, — обернулся Харди и ухмыльнулся. — Это ж надо! Сержант еще и делил крышу над головой с пидорасом!

— Томми! — заорал на весь ресторан Джилленхол. — Это все брехня! И ты это знаешь! Зачем ты это делаешь? Зачем портишь наши и без того дерьмовые отношения этим бредом!

— Воу! Сука-бля, угомонись, пиздюк! Что ты так завелся? — выставил ладони вперед Том. — Ну пидор, и пидор. Твое собачье дело. Меня это ни капли не ебет. Но лгать сержанту… Ну такое себе, сам понимаешь. Может потому у нас и не клеились нормальные братские отношения, ибо я на подсознании чуял некий, сука-бля, развод с твоей стороны.

— Такой ты, Том… Пидор! — просверлил брата гетеросексуальным взглядом Джейк. — Благо, что наши пути с тобой разошлись. Да я лучше потрахаюсь с мистером Хопкинсом, чем буду иметь какие-либо отношения с тобой.

— Поправочка, сука-бля. Пидор — ты. Не я, — щелкнул в пальцы Харди и выставил вперед указательный. — Удачной пидорской ебли, шмаровоз. Хотя не думаю, сука-бля, что что-то у вас получится. Хуй-то вряд ли у него уже стоит, — махнул он головой в сторону старины Хопкисна. — Ах! Хотя что это я! — наигранно хлопнул он себя по лбу. — У вас же, у пидоров, как там все устроено? Можешь ведь просто ты его выебать в жопу. Так?

— Пошел нахуй, урод! — рявкнул Джейк, толкнул брата в плечо и удалился к мистеру Хопкинсу, нет-нет да подрачивающему себе через карман стариковских брюк.

Сержант же Том расхохотался на весь зал, запрокинув голову назад и уронив цилиндр с головы. Затем подобрал головной убор и отправился к бару, дабы

заказать еще кипяточку.

— Ну-с, сука-бля, продолжим наше дело? — обратился он к кукле-Джеку, испив чашечку мескалина. — Не понял, сука-бля… Сержант не понял! Ах ты хуеплет! Уебал что ли? — стал он оборачиваться по сторонам в поисках полной старой морды Николсона, но той уже и след простыл. — Ну пизда тебе, Джек! — прищурено посмотрел он на куклу и угрожающе ткнул ей в нос «факом».

Хотя в тот вечер маленькая пластиковая копия Джека Николсона была вполне себе готова, сержант зачем-то продолжил слежку. Целую неделю кряду он таскался на Ямахе за стариком, куда бы тот не отправился. Через несколько дней Том обнаружил, что Николсон и сам следит за N. Он приехал к ее дому и просидел в машине полночи, затем отправился в свою халупу. Сержант — за ним. Тогда он решил, что следует переходить от наблюдения к запугиванию, потому прослонялся пару часов под окнами, придумывая как бы довести Джека до ужаса. Но в голову не пришло ничего лучше, чем постучать ему в дверь, спародировав при этом «Пятую симфонию» Бетховена. Потом он решил, что все это не то и вообще хуйня собачья, потому походив под дверью еще несколько минут, удалился в отель, дабы придумать план получше и произвести максимальное впечатление на старика.

Уже на следующее утро Харди проснулся с бомбическим планом в голове. Он мигом нацепил дряхлые тряпки праотцов и поспешил в клинику, где работал Николсон.

— Ну здравствуй, сука-бля, пизда, — подошел к стойке ресепшена Том и похлопал администраторшу по плечу. — Джек у себя?

— Ээээм… Нет, — растерялась та. — А вы записаны к нему на прием?

Сержант улыбнулся и уставился на девушку. Так прошло пять минут.

— Сэр? — осторожно спросила администраторша. — Вы записаны к доктору Николсону? Вы ведь заходили уже около недели назад, так ведь?

Харди хмыкнул, но проигнорировал вопросы, затем пододвинул к себе журнал записей, достал из кармана гусиное перо и чернильницу и вписал в свободную строку убористым почерком: «Сержант-виконт Томас Харди VIII».

— Эм… Хорошо… — прочла девушка и пожала плечами, ведь доктор Николсон с неделю назад лично приказал ей, чтобы, если этот подозрительный клиент придет вновь — та записала его на прием. — Тогда проходите в кабинет. Вам повезло, что как раз сейчас у доктора нет записи, и он примет вас как только прибудет. Хотите поправить улыбку? Виниры?

— Да, сука-бля. Видишь, зубы у сержанта — так себе. Гоже ли это для виконта? — безумно оскалился Том, демонстрируя кривые резцы, и двинулся к кабинету. — Через сколько, говоришь, он придет?

— Должен через полчаса, — взглянула девушка на часы над входом.

— Понял… — состроил фирменный еблет Харди и обвел администраторшу с ног до головы взглядом сквозь пенсне. — Ну, а ты что? Ебаться будешь с сержантом? — раздвинул он края пальто нараспашку и упер руки в бока.

— Оу… — округлила глаза девица, также в свою очередь осмотрев Тома. — Ну, можно… — пожала она плечами, ведь любила иметь разного рода дела со всякими ебанатами. Ведь и сама была той еще ебанаткой. Так и устроилась на работу к Джеку Николсону. Нет, конечно, с ним она не спала! Но даже работать с таким полным старцем… Надо быть ебанутой на всю голову!

— Так чего ты, сука-бля, ждешь? — хохотнул Харди, хлопнув в ладоши и разведя руки в стороны. — Поворачивайся, пизда! — жестом приказал он повернуться к нему спиной.

Матерь Божья! Откуда в тебе столько уверенности, Томас? Когда ты успел стать таким альфачем? Что говоришь? Это голубая кровь в тебе взыграла? А может это просто мескалин плещется в твоем организме. Ну что ж! Все лучше,

чем унижать шлюх да дрочить самому днями напролет. Так, глядишь, нет-нет да на свидание кого-нибудь пригласишь. Тебе это не интересно? Ну ладно, ладно, пусть так. До поры до времени… Ладно, все! Давай там, не отвлекайся уже. Еби шкуру, приятель!

Девушка повиновалась и повернулась задницей к виконту Тому. Она задрала узкую юбку, спустила трусы и слегка нагнулась, как бы приглашая присунуть ей. Так Харди и поступил. Он расстегнул пуговки штанов, немного вздрочнул, натянул гондон, который теперь всегда носил с собой, и приступил к делу.

Повисла трехминутная секс-пауза.

— Да, сука-бля, я власть… — прохрипел сержант, запрокинув голову и закатив глаза. — Кончила? Нет? Ну, в принципе, похуй. То не мои проблемы, — усмехнулся он, стянул презерватив и бросил его в недопитый кофе администраторши. — Ну, пойду, сука-бля, к Джеку. Подожду его в кабинете. А ты, пизда, не говори, что сержант тут. Хочу сделать старику сюрприз, мы с ним давние приятели. Усекла?

— Хорошо, — равнодушно пробормотала девушка, уселась в офисное кресло и запустила руку себе между ног, ведь возбудиться то она возбудилась, а вот кончить времени не хватило.

— Сержант одобряет! Это дело хорошее! — лайкнул Том, состроив фирменный еблет, и направился в кабинет, попутно пряча член в раритетные трусы.

Оказавшись внутри, Харди обошел кабинет по периметру и осмотрел обстановку.

— Сука-бля, как же скучно наверно быть стариком… — цокнул он, изучая плакат, где были описаны и нарисованы основные правила по уходу за зубами и зубными протезами. — Надеюсь, не доживу до таких лет и подохну раньше. Блять, может и Николсона сегодня уже завалить… — достал он из кармана пальто зубочистку и поковырялся в зубах, следуя всем правилам с обдроченного плаката. — Старый петушара явно выжил из ума. Нахуй так жить, верно? — подошел он к стоматологическому креслу, взял со столика с инструментами маленькое зеркальце и подмигнул сам себе. — Точно, сука-бля, так и поступлю. Уебало следить за шмаровозом! Так-с… Что нам нужно? «Беретта» на месте… — проверил он кобуру на портупее. — Кукла N. тоже… Сука-бля! А где петушиная кукла Николсона? — стал он шарить по карманам и выворачивать их наизнанку.

Не найдя нужного инвентаря для предстоящего перед убийством спектакля, Том нахмурился и зарычал.

— Сука-бля, может в приемной обронил? — призадумался он и поспешил к двери. — Эй, шкура, не видела тут у себя куклу своего босса? — выглянул он из кабинета.

— Нееет… Ммм… — прохрипела в ответ администраторша, закрыв глаза и елозя на офисном стуле.

— Понял… Ну давай там, сука-бля, кончай уже. А то Джек нет-нет да придет, — подбодрил девушку сержант и махнул головой на часы над входом.

— Дааа… — застонала та и откинулась на спинку.

— Красава! — лайкнул оргазм Том. — Ну все, меня здесь нет, помни, — добавил он и скрылся за дверью.

Вновь оказавшись в кабинете, Харди со злостью пнул вешалку с болотного цвета медицинскими халатами.

— Ну пиздос! — хлопнул он себя по бокам. — Придется отложить убийство. Ладно, сука-бля, значит надо напугать пидораса до усрачки.

Сержант достал из кармана куклу N, и усадил ее в приемное кресло.

— Не сбежишь? — подмигнул он кукле, выставив вперед указательный

палец. — Смотри мне, а то накажу, — пригрозил он ей «береттой».

Тут он услышал из приемной древний голос. Харди засуетился и с присущей ему громоздкой легкостью юркнул в каморку-склад, где хранились зубные протезы и вставные челюсти. Расположившись на одной из коробок, он дотянулся до двери и слегка приоткрыл ее.

Джек Николсон, сунув руки в карманы, медленно вошел в кабинет, накинул болотный халат и уселся в рабочее кресло. Он откинул голову на спинку и бездумно уставился на плакат с правилами гигиены зубов.

— Ну-с, приступим, сука-бля, — прошептал Том и почесал цилиндр, ведь до сих пор не придумал нормальный план, а тот бомбичный, что был в голове с утра — позабыл. — Что ж… Ээээм… Точно, сука-бля! Позвоню петушаре! — тихо воскликнул он и достал из чехла на портупее телефон.

Тишину пронзил телефонный звонок стационарного телефона, установленного в кабинете.

— Алло, доктор Николсон слушает, — безразлично ответил Джек, подняв трубку.

— Ну, здравствуй, Джек, сука-бля, Николсон, — протяжно поприветствовал Том, прикрывая ладонью рот, дабы не быть услышанным из коморки.

— Да, да, я слушаю, — взволнованно ответил старик.

— Ну, слушай… Слушай… — усмехнулся Харди, восторгаясь охуенностью плана, ведь вмиг почувствовал страх в голосе Джека. — Ну что, старик? Понравился тебе мой подарок? — спросил он, хотя прекрасно видел, что Николсон еще не видел куклу.

— Какой подарок? — настороженно ответил старик, а сержант прыснул со смеху, заметив, как то нахмурился и стал оглядываться по сторонам. — Стоп! Кто ты такой? Что тебе от меня нужно?

— Взгляни на приемное кресло, — меланхолично проигнорировал сержант, достал из кармана винтажную трубку, забил в нее табак и подкурил.

Николсон медленно обернулся к креслу. Повисла неловкая пауза.

— Взглянул, сука-бля? — подкатил глаза Том, поторапливая Джека.

Тот, скрипя коленями, встал со стула и двинулся в сторону кресла.

— Да, сука-бля! Охуенно! — отстранился от трубки Харди, наблюдая, как старик обогнул кресло и заметил…

— Кукла?! — взорвался Джек, взяв пластиковую N в руки. — Что за шутки такие? Кто ты? Как ты пробрался в мой кабинет?!

— Не понимаешь мой посыл, старый петушара? — ехидно протянул Том, выпуская изо рта колечки дыма.

— Нет, — последовал короткий ответ.

— Сука-бля, да ты здрав? — взорвался Харди, уже заебавшись сидеть в коморке и ждать максимальной реакции старика. — На ногу ее посмотри!

Николсон стал крутить в руках куклу, осматривая ее со всех сторон.

— Ну же, на партак смотри, шмаровоз, — прикрыл рукой динамик Том. — Да! Сука-бля! Как же охуенно! Обосрался старик! Ха-ха! — возрадовался он.

— Кто ты? Что тебе надо? — тяжело дыша, заговорил Джек.

— Значит, понял мой посыл, — еле сдерживая смех, процедил сержант. — А теперь слушай историю… Ээээм… Как зовут ту девку?

— Я не знаю… — прошептал старик.

— Хуево, сука-бля, хуево… Ну пускай будет N. Ну так вот, наша героиня N. очень опечалена и грустит, ведь у нее создается ощущение, что один весьма старый, весьма полный и весьма некрасивый дантист-протезист следит за ней. Этот старый извращенец преследует N. и не дает ей спокойно жить и саморазвиваться. К, сука-бля, слову, имя нашего второго героя-преследователя — Джек…

После душераздирающей истории Тома, Джек незамедлительно бросил

трубку, кинул радиотелефон на пол и раздавил его ногой. Затем побежал к телефонному кабелю выдернул его из стены и разорвал на тысячу мелких кусочков.

— Ах ты, шмара зубная! — зарычал Харди и уже хотел выскочить из своего укрытия, но Джек и сам ринулся прочь из кабинета.

— Доктор Николсон, вы куда? У вас еще три пациента сегодня, — услышал Том блаженный голос администраторши из приемной.

— Скажите, что я заболел… — донесся удаляющийся голос Николсона.

— Заболел он, сука-бля! Вот же пидорасина! — выбрался из коморки Харди, осуждающе уставившись на дверь. — Ну ничего… Ничего… Сержант излечит… — закивал он, взял со стола вставную челюсть и пощелкал ею перед фирменным еблетом.

Распрощавшись как полагается с администраторшей, Том вышел из клиники, оседлал Ямаху и поехал за Джеком. Но ничего интересного он не обнаружил, ведь тот вновь был у дома N. Тогда Харди решил, что надо довести старика еще хлеще и как следует подготовить его к финальному спектаклю, дабы произвести фурор.

Он ненароком продолжил слежку, но это было до безобразия скучное и неблагодарное дело, ведь Николсон сутки напролет проводил в своей машине у пресловутого дома пресловутой шкуры, на которой явно помешался не на шутку. Сержанта до того заебало наблюдение за стариком, что он пришел к выводу, что не стоит тратить времени даром, а лучше поразвлечься и самому. И вместо того, чтобы завершить последние приготовления, Том решил оттянуться в славном жарком Майами. Он то и дело прогуливался по Майами-Бич, не забывая попивать Пина Коладу, а также загорать и купаться прямо в драном пальто и цилиндре. Вечерами он заглядывал в лучшие клубы города, да порой поебывал всяких ебанаток, которые велись на его провокации да вставали раком и снимали трусики перед многоуважаемым виконтом.

Так продолжалось неделю, пока на телефон сержанта Тома не поступил звонок.

— Послушай, сударь! Сколько можно? Когда будет выполнен заказ? — с ходу заверещала в трубке девица, когда Харди принял звонок.

Тот лишь недовольно цокнул, продолжая жарить очередную ебанатку в кабинке клубного туалета.

— Ты понимаешь, что это уже не шутки? — продолжила возмущения девушка. — Этот безумный дед уже живет возле моего дома! Я не могу уже выйти из квартиры. А сегодня я видела из окна, что у него в багажнике топор…

— Ммм… Ну пиздец, что? — состроил фирменный еблет Том, кончив и вытолкнув ебанатку из кабинки.

— Пиздец? И это все, что ты можешь мне сказать, любезный? Ты обещал, что убьешь эту мразь! — наигранно рыдала девушка. — А теперь я думаю, что он убьет меня! Или изнасилует! Гоже ли это? Как считаешь?

— Ой все, пизда! Не еби сержанту мозги! — подкатил глаза Том. — Сейчас поссу, сука-бля, и приеду!

— Жду, — тихо и будто заговорчески сказала девушка. — Только прошу — не переусердствуй с мескалином. И это… Иди по следу чести… — добавила она и сбросила звонок.

— Ну что за шмары окружают сержанта? Не дают спокойно оттянуться, — раздраженно стряхнул капельки Том, застегнул пуговки на штанах и ударом берца снес дверку кабинки с петель.

Покинув клуб, Харди отправился прямиком к дому N, попутно обхуярившись мескалином до неузнаваемости, несмотря на напутствия незнакомки-заказчицы. Припарковав Ямаху, Том приметил ближайшие кусты, откуда имелся обзор и на

дом и на старый Форд Николсона, и затаился там.

Так прошло полчаса, но полный доктор Джек никак не покидал машину, а ворочался на переднем сидении. По-видимому, он дремал, и ему снился до безобразия ужасный сон. Старец извивался, обливаясь потом и то и дело запуская ладонь в штаны и нет-нет да подрачивая вялый член.

Том наблюдал данную картину через старинную подзорную трубу предка-корабельщика, недовольно бурчал под нос, проклиная Николсона последними словами, и продолжал попивать мескалин, заваренный в термосе.

— Все пьешь эту дрянь? — послышался женский голос сбоку.

Сержант настороженно повернул голову и… Не увидел перед собой нихуя. Тогда он убрал от глаза подзорную трубу, открыл второй и наконец приметил молодую блондинку, присевшую рядом на корточки.

— Ты что за шмара такая? — приподнял он шрамированную бровь.

— Ну как? Так-то это я тебе звонила, — раскрыла карты девушка. — Джек следит за мной, мне страшно, вот и прячусь в кустах! Жду одного шмаровоза, который занимается всякой хуйней, вместо того, чтобы выполнять свои обещания!

— Это кто тут шмаровоз, сука-бля? — расплылся в фирменном еблете Харди. — Впрочем, похуй. Если сержант что-то обещал, он это сделает! Он нихуя не пиздаболище, а вот ты, дорогуша, пиздаболка ебаная! И тебе придется немного повременить со своими желаниями! — достал он из кармана Барби, забранную из кабинета Николсона, фломастер, кусочки ваты и принялся колдовать над куклой.

— Что ты делаешь?! — шепотом возмутилась девушка.

— Как что?! Сука-бля, переделываю куклу-тебя! Знаешь ли, перед тем как убить петушару, я покажу ему спектакль: как и за что он приговорен к смерти, ясно? Вот два актера есть, — достал Харди из кармана куклу-Джека и куклу-себя. — А третий — хуйня собачья! — помотал он Барби перед лицом блондинки. — Ты — пиздаболка, сказала, что тебе двадцать два! Да тебе же лет семнадцать-восемнадцать! Ты глянь! Еще детская припухлость!

— Какая еще припухлость, охуел? — нахмурилась она. — Впрочем — поебать! Ты главное убей его, большего мне и не надо! И если честно, считаю, что будет правильно, что толстого убьешь именно ты. Это как бы по справедливости получается…

— Ну нет! — перебил Том, продолжая умоложать Барби на несколько лет. — Сержант, сука-бля, хуй кого будет убивать, пока не будут готовы все действующие лица спектакля! Так, дай-ка гляну, что у тебя за хуйня на ноге набита? — схватил он девчонку за левую ногу и дерзко поднял, отчего блондинка завалилась на спину, прямо на подушечку, любезно подложенную каким-то безумцем. — Я не понял, сука-бля! Не понял! Где партак?! — яростно подвигал он желваками, поняв, что его обдроченный спектакль близок к провалу.

— Так, я не понял, какого хуя?! — возмутился парень, непонятно откуда материализовавшийся в кустах. — Зачем ты к нему обратилась?! Так нельзя! Так не по правилам!

— Это с хуя ли? — превратилась в сову-обманщицу девушка. — Какая разница, кто его убьет? От этого не изменится нихуя! Он один хуй будет убит сегодня! Так какая разница, кем?

— Слушай, ну я понимаю твои возмущения! Но нельзя ничего менять! — оправдывался парень, в то время, как сержант Том решил обсадиться мескалином до полусмерти.

Парень и девушка несколько минут спорили о какой-то хуйне: что кому можно, что нельзя и прочая ерунда. Сержант же Том упился наркотическим чаем

до такой степени, что перестал соображать что-либо! Харди даже и не заметил, как он и двое незнакомцев поднялись на ноги. Парень схватил Тома за руку и потянул на себя. Блондинка повторила тот же трюк.

— Отпусти! Отпусти его немедленно! Он должен это сделать! — кричала она, тянув на себя за рукав Харди.

— Нет! Так нельзя! Это противоречит всему! — рявкал парнишка, тащив на себя сержанта за второй рукав.

— Сука-бля, пацаны! Что вы делаете?! — хохотал на весь квартал Том, подняв лицо к ночному небу Майами и совершенно точно не понимая ничего!

В это время мимо них тяжелой поступью прошел Джек Николсон с топором в руках, и стал подниматься по лестнице.

— Я не позволю тебе это сделать! — продолжал верещать парень, обращаясь к девушке.

— Да какая разница?! Просто пускай он сделает это! — кричала блондинка, остервенело тянув сержанта на себя. — Он, как никто другой, заслужил это сделать! Антон, если ты сейчас же не прекратишь, то вынудишь меня сделать сам знаешь что! И уж тогда ты не сможешь помешать!

— Сука-бля, хорош! — продолжал заливаться детским смехом Харди.

— Ах, так?! — психанул парень по имени Антон, отпустил рукав пальто Тома и схватился за кирпич, который любезно положил в кусты некий безумец. — Я все равно добьюсь своего, ибо я — повелитель времени! — пизданул он и что было сил ебанул сержанта своим оружием по голове.

Харди на секунду замер, над его головой залетали миниатюрные Джеки Николсоны, и он рухнул на сыру землю без сознания.

Когда Том очнулся, то по классике свое не понял нихуя! Он огляделся по сторонам и осознал, что лежит в кустах один одинешенек. Харди пошарил по карманам и, не обнаружив там своих дражайших кукол, в миг перешел в состояние агрессии. Подскочив с места, он вывалился из кустов и увидел то, что повергло его в неузнаваемое недоумение! Черная солидная Ямаха сержанта была разбита вдрызг! Но дальше — больше! Из сумки, висевшей на мотоцикле, вывалился фамильный фарфоровый сервиз и разбился на миллион мелких осколков, а точнее будет сказать — в пыль!

— Все, сука-бля! На хуй! Сержант бросает это дело! — распсиховался Харди, смачно плюнув. — От этого заказа одни затраты! Да еще и кукол пизданули! Все, пускай сама шмара разбирается с этим толстым доктором, а сержант умывает руки! — визжал он, рьяно жестикулируя.

Еще пару минут попсиховав, посокрушаясь над разбитой Ямахой и чайным сервизом, Том побрел по ночной улице по направлению к отелю, дабы собрать вещи и свалить обратно в Сиэтл. Но пока он брел, в его наркоманскую голову пришла идея. А на кой ему возвращаться домой, если он тут еще не до конца оторвался. Нет, конечно, Майами ему не нравилось. А если точнее — Харди считал этот город дном ебаным. Слишком жарко и липко здесь было. Но, несмотря на минусы, сержант все же решил еще немного потусоваться в солнечной Флориде, а уж затем обратно — в штат Вашингтон.

Глава 108: Дно

Так прошло почти пару недель. Все это время днями напролет Том продолжал плавать в пальто, загорать в цилиндре, а вечерами отправлялся в разгул по барам или ночным клубам, где выпивал и поебывал местных ебанаток, к слову — за бесплатно.

И вот, в один из вечеров, Харди вновь планово заглянул на огонек в один из ночных клубов, где проходила вечеринка в знак поддержки рэпера Эминема, который, между прочим, вот уже как около полугода был объявлен вне закона на территории Штатов. Но это уже совсем другая история…

Том устроился за столиком в затемненном углу зала и наблюдал за обдолбанной публикой, выискивая в толпе конченую ебанатку, дабы выебать ее и удовлетворить себя любимого.

— Нет, сука-бля, эта шмара слишком даже для меня! Нахуя она так пляшет? Фу, сука-бля, что за стыд?! — затянулся он трубкой, наблюдая за худощавой девушкой, танцующей робо-танец.

— Кейт, как тебе удается так четко танцевать? — удивленно воскликнула рыжеволосая девушка, обращаясь к первой.

— Годы тренировок! — прокричала та.

— Сука-бля! Годы тренировок! — прокомментировал Том. — Да я издалека вижу, что худая сука в усмерть обдолбана какой-то ебалой! Какие-то психотропы или типа того… — присмотрелся он через подзорную трубу к зрачкам танцующей танец робота девушки.

Рыжеволосая что-то буркнула в ответ и заметалась по залу.

— Что творит эта сука? — переключился на нее сержант Харди, продолжая бдить в подзорную трубу. — Одним словом — ебанатка! Она, кончено бы, тебе подошла, но ебать ее ты не станешь, Том. Слишком рыжая!

Да вы только посмотрите, какие мы избирательные! Эта ему не так, и та не эдак! Ты себя вообще давно видел в зеркало, дружище? Этот трухлявый шмот, этот старинный внешний вид… Что за петушиная нестриженная борода, что за растрепанные волосы на голове… А еще сидит, выбирает!

И тут Харди приметил то, что заставило отвлечься от своих конченых планов по поиску ебанатки. Сквозь трубу он увидел, как рыжая подбежала к парню в солнцезащитных очках, который был никем иным, как…

— Джейки? — протянул Том и поудобнее устроился на диванчике, предвкушая слежку за братом.

Вот рыженькая что-то сказала Джилленхолу и кинула на стол несколько купюр. Барыга из шара поковырялся в шортах и протянул ей какой-то пакетик, что-то томно пизданув под кожаный нос. Но, кажется, девушка сейчас хотела вовсе не флирта никакого! Скорее всего, она грезила обсадиться наркотиками и попробовать перебить в танце ту, худощавую, танцующую кривой робо-танец. Она выхватила пакетик, раскрыла его, закинула в рот пару колес, нагло взяла со столика Джилленхола коктейль, запила таблетки и вновь побежала на танцпол.

— Пойду, сука-бля, побазарю за педерастию, — самодовольно прокряхтел Том, поднимаясь с места, и направился в сторону брата.

Джейк Джилленхол только поднялся из-за столика, поправив воротничок футболки-поло с принтом карты Майами, как кто-то пихнул его в плечо, вновь усадив на диван. Парень из шара поднял превосходный синий взгляд на обидчика и увидел перед собой… Тома Харди?! Что?! Он-то тут откуда?! Как? Какими судьбами? Томми в Майами? До сих пор? Серьезно? Ууууф… Вот поворот так поворот!

— Ну здравствуй, Джейки, сука-бля, Джилленхол, — с подъебом похлопал его по плечу Харди. — Что ж ты, совсем опидорел? Или как, сука-бля? Сержант

видал, как ты ту рыжую даже и не попытался склеить. Все, окончательно перешел в другую команду? Даже уже и на публику не пытаешься сыграть, что ты как бы нормальный, сука-бля?

— Вообще-то, я прямо сейчас хотел подойти к ней! Но тут подошел ты… — начал незнамо зачем и перед кем оправдываться флирт из шара.

— Ой, сука-бля, не заливай, пиздюк! — перебил Харди, отмахнувшись. — Перед старшим-то братом пиздить не надо! Ну пидор, да пидор. Что уж брехать? Давай хоть перед самим собой и мной будешь честен! Мм? Кожаный нос, — щелкнул он брата по носу.

— Слушай, это не лезет ни в одни ворота! Я повторяю в тысячный раз — я не гей! И я хотел склеить ту девчонку, но не успел! Ты помешал мне! Ты всегда влезаешь и все портишь! А между прочим…

— А между прочим, — покривил ебалом Том. — Ебало завали! Сука! Джейки, ну ведь не укладывается в голове! Ты можешь хотя бы мне сказать… Кааак? Как ты докатился до всего этого? С какого момента жизни? Ну, или ты, сука-бля, всегда таким был? Бля, блядь Мэрил бы пизданулась, узнай такое про своего дражайшего жиденка!

— Да как же ты надоел! — психанул Джилленхол, яростно затопав вьетнамками по полу. — Я не гей! Понимаешь! Хотя, блять, перед кем я вообще стою и пытаюсь оправдаться? Мне поебать на твое мнение, Томми, все ясно? Считай меня кем хочешь! Мне похуй! Все! Иди на хуй! — оттолкнул он брата и направился в сторону туалета, ведь уже давно хотел ссать.

— Эй, пидераст! Лови! — спародировал Том мамку, обращаясь к уходящему Джилленхолу, и кинул ему в спину ленточку с двумя презервативами. — Благодарить не надо! Только не забывай пользоваться, а то сам знаешь, эти геи… Через одного у каждого, сука-бля, СПИД!

Джейк остановился, яростно сжал кулаки, глубоко вдохнул через рот, выдохнул через нос и, не оборачиваясь и не реагируя на братские бредни, отправился дальше по своим собачьим делам, ведь клубный туалет сам себя не пометит.

— Ну и ступай на хуй, говномес! — показал два «фака» Харди вдогонку Джилленхолу.

— Эй, мескалиноеб, какие планы на вечер? Нашел детчку? Понимаешь, о чем я? Ну же! Ну же! — вдруг послышался голос за спиной, и Том обернулся.

Перед ним предстал моложавый парень в костюме кожаного ковбоя. Незнакомец явно не хотел палить щщи, ведь половину его лица закрывала черная бандана в белый узор из турецкого огурца.

— Ты что еще за кожа? — приподнял шрамированную бровь сержант Том, недовольно, но довольно интригующе уперев руки в бока дряхлого пальто. — И что за тряпочка такая интересная на лице? — потянул он руку к бандане загадочного ковбоя, дабы сорвать ее к хуям

— Не хочешь немного поразвлечься? — проигнорировал его бредни тот, ударив по ладони одним револьвером, вторым же почесав себе жопу. — Есть у меня тут девочка одна. Как раз классно скрасит тебе этот вечерок, а может и не один. Мм? Не желаешь познакомиться? Как сказал мне старик-отец, все должно получиться бомбично!

— Сержант нихуя не понял, что за бред ты сейчас ему пронес, сударь, — достал Том из кармана фляжку-термос и отхлебнул немного бодрящего мескалина. — Ты сутенер что ли? Шлюху предлагаешь?

— Ну да, типа того, но не своем, цилиндроеб. Если нужна девочка — плати, и я отведу тебя куда надо!

— Слушай, а почему бы, собственно говоря, и нет? — развел ладони в стороны сержант, состроив фирменный еблет. — Столько хватит? — протянул он ковбою три мятые сотни.

— Отлично, пасхалоеб, следуй за мной, — поправил платочек-бандану на лице ковбой и зашагал в сторону VIP-чиллаутов.

Спустя несколько минут.

— Ну так что, как? — пихнул Тома в бок револьвером ковбой.

— Сука-бля, а что с ней? Бухая или что? — спросил сержант, рассматривая девушку, лежащую перед ним на диване.

Это была молодая худенькая блондинка, облаченная в скинни-джинсы и белую футболку с каким-то замысловатым рисунком. Создавалось ощущение, что она спала. Ого! Класс! Прямо, как Том давно и мечтал — выебать спящую! Супер! Но нужно выяснить, вдруг она не спит и это развод какой-то…

— Да нет, она трезвая, бля буду! — заверил ковбой. — Просто она это… Ну, в коме!

— В коме, сука-бля? — приподняв здоровую бровь, повернулся к нему Харди. — А это вообще как? Нормально, нет? — засомневался он, когда уже исполнение мечты, казалось, было так рядом!

— А что тебя смущает, комоеб? — язвительно не понял ковбой.

— Сука-бля, это же получится изнасилование уже, нет? Шкура же в коме, а значит согласие никакого не дала, так? — понемногу здраво бредил Том, припомнив лицо своего усталого отца.

— Ой, да брось ты! — шутливо отмахнулся незнакомец. — Не согласна она! Изнасилование! Но ведь и «нет» она не сказала, понимаешь, о чем я? Мм? Ну же! Ну же! — томно посмотрел он на Тома, натянув ковбойскую шляпу пониже.

— И то верно! — вмиг превратился в конечного человека Том, забыв про все принципы нормы и морали. — А это тут зачем? — указал он «факом» в угол комнаты, где на цепях, прикрепленных к потолку, висел хрустальный гроб.

— Для антуража. Можешь положить ее туда да выебать. Но мне кажется, будет неудобно. Сам подумай, рукоеб, эти цепи… Будете качаться как на качелях! Удобно ли? Не думаю… Так, ладно, хватит этого пустого трепа! Я пошел, а ты тут занимайся. Можешь не торопиться, времени много… Вот, если что, салфетки влажные, вот мишки мармеладные… Вдруг пожрать захочешь… Воооот… — нес он хуйню, указывая на стеклянный журнальный столик. — Так ладно, развлекайся! — махнул он револьвером и вышмыгнул за дверь, предварительно спиздив мармеладки.

Том проводил его ошарашенным обсаженным взглядом, покрутил у виска и вновь повернулся к диванчику, где лежала бессознательная девушка. Харди оценивающе осмотрел ее и, поняв, что та вполне себе ему подходит, наклонился и быстрым движением руки стянул с девки кроссовки, а затем расстегнул на ее джинсах пуговку. Он ухватился за штанины и потянул на себя.

— Сука-бля, нахуя ж такие узкие купила, пизда? Сержанту очень неудобно тебя раздевать! — недовольно воскликнул он, ведь джинсы комовой дамы так туго стягивались!

Ох, какое неприятное начало! Главное, чтоб потом все пошло гладко, ведь Том так давно мечтал все это сделать! Будет обидно, если ебать девку в отключке окажется дерьмом собачьим!

Расправившись с джинсами, Харди вновь оценивающе зыркнул на девушку, а точнее, на ее нижнее белье.

— Ну точно ебанатка! — состроил он фирменный еблет, рассматривая трусики с мультяшным рисунком в виде ебанутых обезьянок.

Затем Харди стянул с нее носки, ведь не любил! Жариться в носках! Стянул их и с себя и расстегнул старинные брюки. Далее перевернул девушку на живот и стянул с нее трусы. Призадумавшись на пару секунд о правильности своего поступка, Том потянул девушку за бедра, приподняв с диванчика, и хотел было уже к ней пристроится, как вспомнил, что забыл предохранить себя и член от

венерических заболеваний. Сержант пошарил по карманам, под цилиндром, но гондонов не было нигде!

— Точно! Я ж жиденку их отдал! И что же делать? Хммм… Слушай, пизда, а ты вообще чистенькая или как? — повернул он голову девки на бок, но та в ответ промолчала. — Сука-бля, забыл, что ты в коме! — усмехнулся он, похлопав ее по щеке. — Ладно, пизда, я слишком давно мечтал о такой ебле, так что будем считать, что это нечто особенное для сержанта. Посему, обойдемся без предохранения. Вряд ли ты можешь меня чем-то заразить, ты ж в коме! Да и сама не ссы, сержант, сука-бля, чист как стекло! Ну, а вообще, положа руку на сердце, ты вызываешь впечатление девки незамызганной, так что на этом и условимся, — побазарил он за безопасный секс и принялся надрачивать член, уже потихоньку поднимающийся, ведь происходящее не на шутку возбуждало Тома.

Как только член был в полной боеготовности, натянув уздечку, Харди стал пытаться насадить на себя девку. Но и здесь Тома ждал очередной провал! Как бы не пытался он продвинуть хуй в комовую пизду, ничего не выходило! Было до безобразия сухо!

— Да что за сука-бля такая?! — недовольно забурчал Том, вновь надрачивая член, дабы хотя бы тот уже потек и увлажнился.

А в это время из-за двери стали доноситься лирические гитарные аккорды, предвещающие начало песни «Behind blue eyes» в исполнении небезызвестного в штатах Фреда Дерста.

— Никто не знает, каково это — быть плохим человеком, быть грустным человеком, за голубыми глазами, — запел он, будто осуждая Харди за его безрассудный днищенский поступок.

— Все равно хуйня какая-то! — психанул спустя несколько секунд Том, когда его манипуляции нихуя не помогли войти в девушку!

Парень уже не на шутку озлобился! Ведь действительно, как же давно он мечтал поебать девушку в отключке! Неужели это окажется несбыточным?! Ан нет! Кажется, Томми что-то придумал! Фуф, хорошо-то как!

Он плюнул на ладонь, поднял глаза к потолку и, высунув кончик языка, приложил пальцы к промежности девки. Сначала он хотел было просто смочить ее, но что-то так подумал, покумекал, пораскинул мозгами и пришел к выводу — а почему бы, собственно говоря, ему не подрочить и ей? Мм? Конечно же, до этого сержант не промышлял подобными манипуляциями, не желая ублажать девушек, ведь, в конце концов, власть тут он! Но в данной ситуации, кто узнает об этом? Том никому не расскажет, а сама барышня пребывает в глубокой коме. Так почему бы не взять да и не воспользоваться моментом?

Продолжая одной рукой придерживать девушку за бедра, пальцами второй Харди медленно приоткрыл половые губы, нащупал клитор и с присущей ему остервенелостью, начал водить туда-сюда, сюда-туда. Необъяснимо, но факт! Несмотря на то, что девушка находилась в бессознательном состоянии, кажется, ее половые органы жили своей жизнью и нихуя не впали в кому! Ибо нет-нет да через несколько секунд взяли и увлажнились! Не чудо ли, ну?!

— Ох и шкура! Та еще потаскуха, походу дела! — усмехнулся над комичностью данной ситуации Том, взялся за член и наконец смог пройти по адресу.

— Никто не прилагает столько усилий, чтобы сдерживать собственный гнев, но свои боль и горе я могу сдержать, — продолжал неугомонно осуждать сержанта Фред.

Харди же в это время повыше приподнял девушку и начал настраиваться на нужный темп. Но все пошло нихуя не по плану! Под амплитудой его толчков, девка стала съезжать в сторону и непроизвольно отстраняться.

— Да что ты творишь, пизда тупая? — рявкнул Харди, взяв ее и второй рукой

за бедро, да покрепче!

Но приятной ебли никак не получалось! Обмякшее тело комовой девушки все равно не слушалось сержанта-власть и то и дело пыталось ненароком выскользнуть из его хватки. Том же не останавливался и все сильнее и сильнее пытался удержать ее, вцепившись в ее ляжки до такой степени, что наверняка там останутся синяки! Ох! Хорошо, что мадам в коме! Иначе бы проснулась и охуела, увидев все это!

Спустя минуту Харди надоело, что девка нихуя не слушается его и не дает сполна раствориться в моменте комовой ебли. Тогда он приподнял девушку, опер на спинку дивана, перекинув ее руки за него, и вновь пристроился сзади. Так оказалось гораздо удобнее. И не только для Тома, но и для его члена.

— Никто не знает, каково это быть — быть презираемым, быть поверженным… — бредово свирепствовал Фред из-за двери.

Сержант же совершенно не обращал внимание ни на какие песни, ведь наконец-то сполна мог насладиться этой охуенной на его взгляд еблей! Да, действительно, чувство, которые он сейчас испытывал, были очень необычны, и оттого до безобразия возбуждали Тома, призывая скорее кончить.

Продолжая наращивать темп, Харди запустил руку по футболку девки, скользнул вверх и схватил ладонью небольшую, но упругую сисечку. Грубо потеребив и повыкручивая сосок, который наверняка ебейше бы заболел завтра, не находись дама в коме, пальцы сержанта направилась выше — в область ключиц. Все дело в том, что какую бы ебанатку не ебал Харди, у каждой он щупал ключицы. Зачем? Наверное, эта часть тела его возбуждала. Но по правде сказать, хотя наверняка сержант ни за что не признался бы в этом даже сам себе, он искал ключицы, хотя бы немного схожие с ключицами той малолетней стриптизерши. О, Клубничная Эми, как же ты заебала! К слову, пока на таковые Харди наткнуться не удавалось.

— Я не понял, сука-бля, не понял… — забился в агонии клубничного дежавю Том, положив палец в ямочку, промеж ключиц. Но больше он не сумел подумать ничего, как, впрочем, и разглядеть, что на левой голени девушки был набит феникс. Хммм… Да она еще и блондинка, хотя это не столь важно, но все же… Ах! Неужели… Это?! Не может быть! Том, немедленно протри глаза и посмотри кого ебешь?! Что произошло? Почему она в коме? Ну же, узнай!

Но Харди не обращал внимание ни на какие мелочи, ведь происходящее вокруг не на шутку вскружило голову! Мескалин, девка в отрубе, ключицы, этот таинственных хрустальный гроб… Взбудораженные мысли перемешались, а член неистово запульсировал, предзнаменовав скорое семяизвержение. Но Том не желал! Покидать комовую пизду так скоро, поэтому лишь посильнее прижался к ней, да и кончил прямо внутрь, опять не соизволив достать! Сержант схватил девушку за шею и притянул к себе.

— Я — власть, — прохрипел Харди, почувствовав долгожданное расслабление во всем теле. — Ну что, сука-бля, понравилось, пизда? — томно прошептал он на ухо, но ответа, понятное дело, не последовало. –– Ну и поебать! Зато сержанту — очень! — воскликнул он, отбросив от себя девку и с хлюпающим звуков вытащив член.

По ее бедру тут же посочилась белая вязкая жижа, то бишь — сперма.

— Ладно, раз ты в коме, то и залететь ты не можешь, верно? — спросил Харди, но вновь тишина в ответ. — Ну и славно! — взял он со стола упаковку влажных салфеток, вытащил одну, протерся и начал одеваться.

— Эй, какого хуя?! — ворвался в комнату язвительный и недовольный голос.

Том нахмурился и в непонятках уставился на дверь, куда через мгновение вбежал тот самый ковбой с платочком на лице.

— Что-то не так, сука-бля? — приподнял шрамированную бровь Харди, застегивая ширинку.

— Бляяяять, поаккуратнее нельзя было?! — протянул ковбой, указав на бессознательную девку, ляжки и ягодицы которой покрывали синяки от пятерни Тома.

— Ну, сука-бля, развлекался как мог, — расставил ладони в стороны Том и закурил трубку.

— Старик-отец, отъебись! — завизжал ковбой, подняв голову к потолку. — Откуда я знал, что тебе нужен был не такой эффект?.. Да почему я вообще это организовываю?! Сам чем ты был занят?!. Чего?.. С хуя ли я теперь должен искать тонак, чтоб все это замаскировать?!. Тебе надо — ты и ищи!..

Том смерил ковбоя осудительным взглядом и, решив, что тот шизофреник последний стадии, вышел из VIP-ки, дабы направиться в отель да отметить исполнение давнейшей мечты, обхуярившись мескалином.

Так и поступил, даже и не представляя, что совершил один из самых днищенских поступков в своей жизни.

Но Тому все было мало. Хоть комовых девок ему больше на пути и не встречалось, зато ебанаток — хоть отбавляй. И посему Харди, решив наверстать всё упущенное за юношеские годы, продолжал их ебать направо и налево. Так продолжалось до тех пор, пока в Майами не пришла весна.

— Суки, заебали щебетать! — зарычал Том, продрав глаза и запустив подушку в окно, за которым произрастал орешник, где птицы свили гнезда.

Только сержант прикрыл веки, дабы поспать еще немного, телефон оповестил о новом сообщении.

— Кто там еще, сука-бля? — простонал Том и потянулся к мобильнику. — Ебать… Ебааать… — охуел он, уставившись в экран и подскочив с кровати, схватил с прикроватной тумбочки чашку с мескалиновым чаем, набрал полон рот и нарочито выплюнул. — Ееебаааать… — протянул он, вытирая пухлые губы.

На дисплее телефона красовалась фотография: две руки, мужская и женская, с переплетенными пальцами. На безымянном пальце девичьей ладони было нанизано луковое колечко. Подпись гласила: *«Томми, братишка, я знаю, насколько подобные вещи важны для тебя, хоть ты это и отрицаешь. Потому решил, что должен поделиться этой новостью с тобой, несмотря на наши натянутые отношения. В общем, торжественно сообщаю, что решил связать себя узами брака с прекрасной девушкой. Ее имя Элизабет Джинджер Блэкберри, и я влюбился до беспамятства. Она — лучшее, что случалось со мной, и я абсолютно счастлив. Надеюсь, что и ты порадуешься за меня. Уже сегодня вечером это свершится. Как бы я хотел, чтобы и ты был рядом со мной в столь важный для меня момент… Жаль это невозможно… Очень жаль, Томми. Да?*

P.S. Думаю, теперь ты поймешь, что я не гей. Не то чтобы я решил жениться для того, чтобы доказать тебе сей факт, но все же… И не думай, что я все это выдумал. Ведь я тебе даже назвал ее имя, так что ты можешь пробить ее по базам и узнать, что она абсолютно реальный человек».

— Я не понял… Не понял, сука-бля… — почесал макушку Харди, пытаясь вникнуть в смысл сообщения. — Это как бы приглашение? Или нет? Или да? Или, сука-бля, что? — засуетился он, почувствовав, как в груди с правой стороны радостно затрепыхалось. — Блять, пиздючок… — приставил он пальцы к переносице, еще раз взглянув на фото и перечитав СМС-ку.

Глава 109: Ослепленный

Двумя днями ранее.

Джейк Джилленхол открыл глаза и уставился в потолок. Очередная ночь с очередной наивной девчонкой. Надо разбудить ее, всучить чужой номер телефона и отправить восвояси. Так, стоп! Что-то не так. Что за новое ощущение в области солнечного сплетения? Так отчетливо слышится стук собственного сердца и сосет под ложечкой. Такое незнакомое, но приятное чувство. Волнение? С чего вдруг? Все ведь как всегда. Или нет? И что за странная улыбка на лице? Да нет, все это ерунда какая-то.

Джейк закрыл глаза и медленно выдохнул. Наверно, глупый сон. Можно поспать еще немного, а уж потом со спокойной душой выпроводить дуреху. Парень из шара стал вновь проваливаться в дрему. Вдруг ему показалось, что его закружило в водовороте. Тут на его плече кто-то зашевелился, и прядь длинных волос нежно щекотнула щеку. Закружило еще сильнее и окончательно выдернуло из сна в реальность. Он снова распахнул глаза и часто задышал. Затем медленно повернул голову вбок.

— Лисичка… — еле слышно прошептал он.

Джейк, не веря своим глазам, окинул взглядом девушку, лежащую в его объятиях. Убрал рыжую прядь с лица. Спит. Ресницы еле подрагивают — наверно, что-то видит во сне. Джейк осторожно положил ладонь ей на щеку, боясь разбудить, и коснулся кончика ее носа кончиком своего кожаного. Легонько провел пальцем по шее, затем по плечу. Хотелось крепко-крепко обнять ее, прижать к себе и никогда не отпускать.

Да что же это такое случилось? Почему сердце бьется где-то в горле и будто желает выпрыгнуть из груди? И руки трясутся. И опять эта глупая улыбка на лице.

Джилленхол схватил себя пальцами за щеки, пытаясь вернуть губы в обычное состояние. Но те не желали поддаваться: как только он убрал руку от лица — вновь растянулись в улыбке. Парень из шара откинул голову на подушку и судорожно выдохнул, пытаясь успокоить пожар, разгорающийся в груди. Тщетно. Пламя уже полыхало во всю. Обжигало внутри. Хотя скорее грело, чем обжигало. Тепло, чуть горячо, но чертовски приятно. Как прийти с мороза и подставить обледеневшие пальцы к жару каминного огня.

— Да что, черт возьми, происходит? — недоуменно пробормотал Джейк и вновь посмотрел на девушку. — Что ты со мной делаешь, Лизи?

Он погладил ее по волосам и опустил взгляд ниже, к изгибам точеной фигуры, скрытых шелковой простыней. Тепло жаркой волной устремилось вниз, сначала к животу, потом к члену. Джейк слегка приподнял простынь и заглянул — голая.

— Ооо-хо-хооо… — протянул он, еле сдерживая стон, зажмурился, закусив губу, и уткнулся лицом в подушку. — Фуууух… Надо успокоиться. И подумать, — пробубнил он, пытаясь возобладать над собой, чтобы в ту же секунду не разбудить Лизи. Так хотелось немедленно впиться губами в ее изящную шею, прижаться сильнее, потрогать каждый бугорок и каждую ложбинку на ее теле, уткнуться лицом в мягкую грудь, вцепиться в округлые бедра, ощутить тепло и влажность между ног. Ощутить их пальцами, губами и языком, членом.

Нет сил терпеть. Джилленхол чувствовал, как затвердевший хуй уткнулся Лизи в живот. Еще секунда и он не сможет себя остановить. Ладонь уже легла на ягодицу, а губы почти прильнули к ее. Он возьмет ее здесь и сейчас. Нагло разбудит, не спросив позволения. На секунду остановился, тяжело дыша. Ее грудь медленно вздымается. Размеренно дышит. Рот слегка приоткрыт, капелька слюны стекает из уголка. Спит крепко. Ресницы все так же

подрагивают — до сих пор видит сон. Такая милая, такая беззащитная. Теплая и нежная. Мягкая и его. Его ли? Так хотелось, чтобы да. Джейк знал: разбуди он ее сейчас — она не откажет, и он непременно получит то, чего хочет. Но только ли этого он хочет? Кажется, нет. Несмотря на распирающее желание овладеть ею сейчас же, ему так же хотелось, чтобы она продолжала спать в его объятиях, видя сны и пуская слюни на подушку, растрепанная и голая.

Парень из шара бросил еще один взгляд на Лизи, втянул носом ее запах и задержал дыхание. Он не станет нарушать ее сон, но и сдержать себя он не мог, потому позволил себе запустить руку под простыню, легонько провести пальцами по обнаженному телу. Чуть задержался на груди, затем спустился ниже и осторожно погладил по лобку. Лизи во сне улыбнулась уголком рта, а ее бедра чуть подались вперед. Да блять! Как же хочется дальше! Нет-нет, это неправильно! Пусть спит, а мыслителю из шара нужно немного времени, чтобы подумать. Хотя чего тут думать — он и так уже все понял.

Джейк аккуратно вытащил руку из-под головы Лизи, медленно поднялся с разложенного дивана, стараясь не скрипеть, и сел на краю, не сводя взгляда с девушки, затем встал, полюбовался еще минутку, и стал быстро одеваться. Осторожно ступая вьетнамками, попятился к двери и вышмыгнул из квартиры.

Боже, куда он идет? Зачем оставил ее одну? Он же совершенно точно хочет быть рядом. А вдруг она проснется и уйдет, пока его нет? Так, надо вернуться и закрыть дверь на ключ. Все, теперь можно идти. Но куда и зачем? Чтобы подумать? О чем? О том, как он ее хочет? Как хочет быть с ней все время и никуда и никогда не отпускать? Как хочет запустить пальцы в рыжие волосы, поцеловать в лобик, в ушко, в щеку, в нос, в глаза, еще раз в лобик, а затем уже в губы? Как хочет гладить ее по спине, очерчивая изящные изгибы? Как хочет прижать ее к стенке? Как хочет, чтобы она обвила его ногами? Как хочет проникнуть в нее? Как хочет, чтобы она взяла в рот? Да, черт возьми, это и так все ясно! О чем тут еще думать?

Джейк торопливо шагал по улице, не очень-то соображая, куда идет, но продолжая думать. А думал он теперь вот о чем. Как хочет услышать ее голос, ее смех, заглянуть в голубые глаза. Как хочет заварить ей чаю. Как хочет завернуться с ней в одно одеяло и смотреть ток-шоу, жуя арахис. Как хочет, чтобы потом она уснула у него на плече. Как хочет взять ее на руки, переложить в постель и накрыть одеялом. Как хочет утром встать пораньше и приготовить для нее блинчики. Так, стоп! Он же как раз сейчас встал пораньше. Есть отличная возможность исполнить одно желание — накормить Лизи завтраком. Блинчиков уже не испечь — вдруг она уже проснулась? Тогда Джилленхол рванул сквозь автомобильный поток на противоположную сторону улицы, где приметил «МакДональдс». Интересно, что она предпочитает? Как же хочется это узнать. Он непременно узнает, но пока наберет всякого, чтобы точно не ошибиться. Сейчас они вместе позавтракают, а после он позовет ее на свидание. Надо бы сводить ее в то романтичное кафе на Майами-бич, что он приметил неделю назад. Да, определенно, они пойдут туда сегодня же вечером. А что делать ему весь день? Ожидать встречи? Да как же? Джейк совершенно точно сойдет с ума за эти часы. Сущее мучение — оказаться без нее.

Он стоял в очереди к кассе и уже изнемогал, до головокружения успев соскучиться по Лисичке. Интересно, она еще спит? Если нет, то скучает по нему? Боже, а вдруг нет? Вдруг он позовет ее на свидание, а она откажет? Вдруг все это ей не интересно? И тогда она уйдет… Нет! Он этого не переживет. Нет, конечно, парень из шара не станет запираться в шкафу, рисовать ее прекрасные груди, а после, сидя все там же в шкафу, дрочить на рисунок. К тому же за эти часы, проведенные вместе, он запомнил ее настолько, что сможет мысленно восстановить образ даже спустя много лет. А что нужно кроме фантазии, чтоб подрочить? Абсолютно ничего! Нет, он не хочет на нее дрочить! Хотя нет,

конечно хочет и будет это делать в обязательном порядке. Если она уйдет… Жизнь не закончится, будут и другие девчонки в жизни Казановы из шара, но каждый раз прощаясь с очередной из них, он будет вспоминать о Лизи. Вспоминать ее голубой сарафан, точеную талию, нежно-розовые соски, тонкие вены, просвечивающие сквозь светлую кожу. Вспоминать ее запах и вкус. Вспоминать те часы, проведенные рядом с нею. Чудесные дивные часы. Лучшие в жизни. Нет, он не хочет на нее лишь дрочить до конца дней! Он хочет ее. Хочет трахать ее и так и сяк; и долго и быстро; и нежно и грубо; так как она захочет и попросит; хочет доводить ее до исступления, чтобы она выкрикивала его имя и просила не останавливаться. А затем умоляла прекратить, потому что больше нет сил. А затем он заварит ей чаю. Для этого она должна остаться. Он должен сделать так, чтобы она осталась. Навсегда! Матерь Божья! Да что с ним такое? Вызовите парню неотложку!

— И два Хэппи-Милла, пожалуйста, — сделал заказ Джейк и стал нервно кусать щеку с внутренней стороны.

Забрав огромный пакет с едой и поддон с кофейными стаканчиками, он вышел на улицу и поспешил домой. Только бы она не ушла! Да нет, он же закрыл ее снаружи. Лиса попалась в волчий капкан. Теперь остается лишь убедить ее остаться с ним на вовсе. Хотя может она и сама не против? Может она чувствует тоже самое? Хоть бы, хоть бы… В любом случае, для большей убедительности надо купить букет. Ох, надо будет обязательно узнать после какие цветы она любит. А еще выяснить, кем она хотела стать в детстве. Предпочитает она дождливую погоду или солнечную. И еще спросить, какая пицца на ее взгляд самая вкусная. Любит ли она оливки? Она собачница или кошатница? Не боится ли летать на самолетах? Как бы она назвала их сына? Черт, черт, черт! Какие цветы взять? Джейк почесал макушку, бегая растерянным взглядом по прилавку цветочного ларька. Розовые, пожалуй. Как ее соски.

— Это что? — ткнул он пальцем на пятилепестковые белые бутоны с розовой серединой.

— Плюмерии, — ответил цветочник.

— Отлично, давайте их, — взволнованно улыбнулся Джейк.

Он забрал букет, сунул его подмышку и продолжил путь. Скорее бы уже увидеть ее снова. Так и что он собирается сделать? Что сказать? Серьезно? Он готов? Те дни совместной жизни с Тайрой были не очень-то удачны. Но причем тут, блять, Тайра? Это же Лизи! С ней будет идеально. Так как и должно быть. Иначе и быть не может. Он предложит ей жить вместе. И не отпустит ее, пока она не согласится. Если она не захочет, то он сделает все, чтобы она изменила решение. Он готов на все, ради того, чтобы быть с ней, не будь он Джейком Джилленхолом.

И она сказала ему «да». А после он сделал с ней все те вещи, о которых так мечтал. А на утро заварил ей чаю. Задал ей все вопросы, которые его так интересовали, и разузнал все подробности, о которых хотел узнать. В детстве мечтала стать скалолазкой, любит солнце и жару, обожает пиццу «Пепперони» и зеленые оливки, к черным же оливкам равнодушна, предпочитает собак, а на самолетах летала с малых лет и ни капли не боится. И еще много-много всего.

А потом она сказала «да» еще раз, когда он сделал ей предложение, надев на палец луковое колечко. И в тот же вечер они отправились в небольшую частную церквушку под названием «Дом любви», где узаконить свои отношения можно было всего за сорок баксов. Так и поженились.

Торжество было в самом разгаре, когда Джейку на телефон пришло сообщение.

«Я у входа. Выйди»

Молодожен из шара обернулся и приметил за стеклянной дверью силуэт в пальто и цилиндре.

— Одну минуточку! Я поссу быстренько и вернусь! — нервно улыбнулся Джейк и попятился к выходу. — Томми? Какого черта ты здесь забыл? — зашипел он, выскочив на улицу, взяв брата под локоть и потащив в сторону.

— И тебе не хворать, Джейки, — усмехнулся Харди и похлопал Джилленхола по плечу.

— Я спрашиваю, зачем пришел? — проигнорировал приветствие Джейк.

— А сержант что, не имеет права, сука-бля, прийти поздравить младшего брата с таким событием? — обвел Том свадебную церквушку «факом».

— А разве я тебя звал? — скрестил руки на груди парень из шара.

— Ээээм… Ну вообще-то, сука-бля, да, шмаровозик! — состроил фирменный еблет Том. — Сам же написал в своем обдроченном письме, что хотел, чтобы сержант был рядом с тобой в сей момент.

— Если бы я хотел этого, то выслал бы приглашение, где указал бы место и время, — пожал плечами Джейк. — Разве я выслал его тебе? Нет? Так зачем ты пришел? И откуда узнал адрес?

— Жучки, сука-бля, откуда же еще, петушара? — хохотнул сержант, постучав указательным пальцем по виску.

— Какие еще жучки, Томми? Ты что, следишь за мной? — наигранно вскинул брови к кипе Джейк.

— Нет, что ты, пиздюк, разве можно? — отмахнулся Том, рассмеявшись. — Конечно, сука-бля, да! Будто ты не знаешь, шмара ты шаровая! — прекратил смех он и упер руки в бока.

Джилленхол вопросительно развел ладони в стороны, делая вид, что до невозможности возмущен и удивлен. Повисла неловкая шпионская пауза.

— Что за говнище, братишка? — всплеснул он руками. — И давно ты это делаешь?

— Нууу… — поднял глаза к небу Харди и неоднозначно покрутил ладонью. — Сука-бля, да, давненько. Но какое это имеет значение? И нахуя мы это обсуждаем? Я пришел с добром, дабы благославить тебя, Джейки.

— Ох, Боже! Радость-то какая! Я получу благословение моего старшего брата, мудрейшего из мудрецов, лучшего из людей! — артистично возликовал Джилленхол, сложив ладони вместе и превратившись в молящуюся сову. — Ты считаешь, что я нуждаюсь в твоем благословении? — резко сменил он тон и пихнул брата в грудь.

— Конечно, да! Я же твой старший брат! — ухмыльнулся Том, воспринимая слова Джейка как шутку.

— Иди на хуй, Томми! Я сам знаю, что делать и как жить. В твоем одобрении не нуждаюсь, — покривил собачьей мордой Джилленхол. — Я лишь посчитал нужным поставить тебя в известность. Ты имеешь право знать, что я женюсь. Но не более того. Не более, Томми. Думаешь, я бы позвал тебя после всего того дерьма, которые происходило между нами многие годы? Серьезно?

— Ясен хуй ты хотел, чтобы я пришел! — начал потихоньку вскипать и Том, начиная догонять, что это не развод и не пранк никакой. — Зачем ты тогда сегодня полдня кряду только и делал, что повторял про «Дом любви»? — махнул он ладонью на вывеску над входом.

— Я говорил это не тебе! Я разговаривал со своей теперь уже женой! — заверещал Джейк, затопав лаковыми туфлями.

— То есть когда, ты говорил так… Кхм-кхм… — прочистил Том горло, настраиваясь на лад еврейской собаки. — «Лизи, сегодня ровно в семь после полудня мы поженимся в церкви под названием «Дом любви», находящейся на пересечении 245 Нортвест и 8 Стрит, а это значит, что, чтобы успеть ровно к семи после полудня прибыть к «Дому любви» на пересечении 245 Нортвест и 8

Стрит, нам нужно вызвать такси не позже шести», — спародировал он голос брата. — То есть, говоря так, ты не пытался намекнуть сержанту, что хочешь, чтобы тот приехал ровно к семи к «Дому любви» на пересечении 245 Нортвест и 8 Стрит? М, жидяра? — съязвил Харди и хлопнул Джилленхола по кипе.

— Хм! — рысплылся в улыбке Джейк и похлопал ресницами. — Разве сейчас семь, Томми? Раз ты принял это за приглашение, то почему не приехал вовремя? М? Не считаешь, что это важно? Или же думал, что без твоей важной персоны праздник не начнут?

— Пробки, сука-бля! — развел руками Том, достал из внутреннего кармана фляжку с чаем и отхлебнул.

— Выехал бы не позже шести и успел, — пожал плечами парень из шара. — Ладно, пусть ты опоздал. Но еще один вопрос. Разве ты считаешь, что это подобающий вид для свадьбы брата? — обвел он взглядом дряхлые тряпки Тома.

— Да ты посмотри, сука-бля! Сержант приобулся! — вытянул Харди правую ногу, демонстрируя некрасивую старомодную туфлю с позолоченной бляхой.

— Классно, Томми! Раз ты в туфлях прапрапрадеда, то, конечно, проходи! — приглашающе указал Джилленхол ладонью на вход.

— Ну, сука-бля, наконец-то! — подкатил глаза сержант и двинулся в церковь, не улавливая сарказм.

— Томми, хватит! — преградил ему путь Джейк. — Во-первых, я тебя не приглашал! Во-вторых, даже если ты решил иначе, то мог проявить уважение и приехать в обозначенное время. В-третьих, ты мог хотя бы выглядеть соответствующе!

Харди лишь скрестил руки, в одной из которых все это время держал букет, и подкатил глаза.

— Впрочем, все это неважно, Томми! — выставил ладони вперед парень из шара. — Все это мелочи. По правде сказать, дело лишь в одном: просто я не думаю, что хочу знакомить тебя с Лизи. Не хочу, чтобы она знала, какой у меня брат, — пожал он плечами.

— Ну и иди на хуй, пидор! — подвигал желваками Том и вышвырнул букет в урну.

— Ну-ну, Томми, ну-ну… Я-то, может, и пидор… — нарочито покрутил Джейк обручальное кольцо на безымянном пальце. — А вот ты — просто мразь! Вот и все! Вот и все! — выставил он указательный палец на брата и попятился к двери.

Том провернул тот же трюк, только со средним пальцем, и удалился прочь.

Джилленхол же вернулся к новоиспеченной жене, и торжество продолжилось. Так они веселились до самой поздней ночи, а после отправились домой, где устроили незабываемую первую брачную ночь в ванне, наполненной шампанским, сдобренным лепестками роз и кокаином.

Они зажили счастливо и беззаботно. Оба ослепленные любовью, Лизи и Джейк не могли насытиться друг другом и каждую минуту проводили вместе, то и дело держась за руки, обнимаясь, целуясь, и нет-нет да жарясь во всяких не предназначенных для этого местах.

Но в один прекрасный жаркий мартовский денек кое-что изменилось. Пара отправилась на пляж, дабы вдоволь набегаться по песочку, набрызгаться водичкой, пофотографироваться и поцеловаться. Тем и занимались, пока Лизи вдруг не сорвалась с места и не бросилась к какой-то паре, прогуливающейся по пляжу. Джейк не то что охуел — растерялся, и побежал за женой, намереваясь выяснить, что все это значит. Он удивился еще сильнее, когда его многоуважаемая Лиса набросилась на блондинку, повалила лицом в песок и вцепилась в волосы.

— Что ты делаешь? Кто эта девчонка? Зачем ты с ней дерешься? — заверещал Джилленхол, пытаясь оттащить Лизи.

Подступиться к сцепившимся девушкам было не так уж просто, поэтому парень из шара лишь бегал вокруг них, словно глупый цепной пес, да пытался вразумить словесно, но те совершенно не желали его слушать, а продолжали кататься по песку.

— Эй, приятель, может поможешь? — прикрикнул Джилленхола на спутника блондинки, стоящего в стороне и наблюдающего за этой картиной отреченным взглядом. — Да что, мать вашу, происходит? — схватился за голову Джейк, охуевая от происходящего все хлеще.

Поняв, что добром это не кончится, арбитр из шара решил закончить этот бабий бой и, не чураясь применить силу, схватил Лизи, сцепив руки замком у нее на груди, и оттащил от блондинки.

— Лиса! Что происходит? Ты что творишь? — вопрошал Джейк. — Кто это?

— Это — моя ебучая сестра! — не унималась Лизи, пытаясь вырваться из рук мужа. — Мразь! — хрипло крикнула она.

— Сестра? У тебя есть сестра? — округлил глаза и рот Джилленхол, продолжая крепко держать жену.

— Да отпусти ты, жид ебучий! — исхитрилась Лизи и кое-как залепила ему пощечину в знак окончания драки.

— А почему ты не рассказала об этом раньше? — расцепил руки парень из шара и уставился на жену. — Так это получается… Хммм… Ах! — воскликнул он и бестолково завис.

Вдруг в голове из шара эхом раздался чарующий голос.

«Лисьей поступью в жизнь твою за три дня ворвется чувство под названием любовь…» — провозгласил он.

— Так вот о чем говорила тогда Ирина… — пробормотал под кожаный нос Джилленхол, в задумчивости глядя на Лизи и на ее перепалку с сестрой. — Тааак! Значит все ее предсказания — это чистая правда! А если так, то… — почесал он ухо и перевел взгляд на блондинку.

«Ослепленный жарким пламенем, опьяненный ежевичным коктейлем ты не сразу поймешь, что судьба пожаловала не только к тебе на порог. Мальчик, что учился дышать, лицом к лицу встретится с забытыми клубничными мечтами…» — напомнил продолжение голос Аллегровой.

— Хм-хм-хм… Мальчик — это понятно, а что за клубничные мечты… Непонятно… — бурчал парень из шара, строя в пустой черепной коробке ебейшие логические цепочки.

— Да как ты могла вообще на это пойти? Посмотри на него — он же старый уебок! Сколько ему? Семьдесят? — орала Лизи, тыча на парня-старость.

— Да бля, Лиса, не шуми, — рыкнул Джейк, нахмурив пышные брови. — Так, надо сосредоточиться… — подобрал он веточку и стал водить ей по песку, вырисовывая какую-то схему, понятную ему одному.

«Тот же день, что и годы назад, будет ознаменован новой встречей! В тот день между вами вновь воцариться мир, но судьба пока обойдет мальчика стороной…» — продолжала давать волшебные подсказки колдунья в Джилленхоловой голове.

Тот задумчиво прищурился и соединил линиями какой-то кружок с квадратом, а тот еще и с треугольником. Потом обвел это все в один овал и что-то подписал.

— Так… Что за день такой, что и годы назад… Новая встреча… Непонятно опять. Ладно, допустим я чего-то не знаю о Томми и не могу состыковать какие-то факты… Значит будем опираться на то, что известно… — рассуждал Джейк, пока Лизи и ее сестра продолжали рамсить. Парень же, которого звали Декстер, как одним ухом расслышал локатор из шара, все стоял, сложив руки в карманы, и все смотрел на теплоход, на котором отдыхал Фред Дерст и нет-нет да напевал на весь Майами-бич: «Никто не знает, каково это быть плохим

человеком, быть печальным человеком, за голубыми глазами…»

— Точно! — ударил кулаком по своей собачьей схеме Джейк и быстро принялся рисовать новую. — Ирина так и говорила: «Никто, кроме них, не знает, каково это, быть плохим человеком и быть печальным человеком…» Это получается, что судьба Томми такая же мразь и также любит помеланхолить? Угу… Это хорошо, это уже что-то… — подрисовал он еще какие-то загогулины на песке. — Получается, что в тот же день, когда Томми встретит свою девчонку, и мы с ним наконец помиримся… Воу! Круто! Остается понять лишь одно: как и где ее найти… — поднял он задумчивый взгляд к небу.

«Судьбы ваши связаны кровью. Они есть друг у друга, а все остальное для них неважно…» — молола хуйню слишком влажным, но уже призрачным ртом Ирина, бесцеремонно вторгшись в мысли Джилленхола.

— Боже! Да какой же я долбоеб! — хлопнул себя по лбу Джейк, вновь перечеркав все песочные калаки-маляки. — Они же сестры! Я это и тогда все понял, но забыл! Ох! Вот ведь, что значит влюбиться! Ослепился, дурак! Глупый, глупый дядя Джейк! Все позабыл! — засмеялся он словно укуренное дитя.

— Пойдем отсюда, Волчонок, — прервала его размышления Лизи, схватила за воротник тенниски и поволокла прочь.

— Да подожди ты, Лиса! Дай мне минутку, надо подумать… — затявкал логик из шара, переберая босыми ногами по песку. — Черт! Ну, Лиса! Там же моя схема… Ладно, так додумаю…

Лизи же его совершенно не слушала, пыша от ярости, а лишь волокла за собой.

— Так, что мы в итоге имеем… Блондиночка с пляжа — сестра Лизи, она же и судьба Томми. Оба они мрази, как поется в той песне… Плюс, когда они встретятся в следующий раз, наши отношения с Томми наконец наладятся… Прелестно! Лучше и не придумать! — бухтел под кожаный нос Джейк по пути домой. — И тогда тебе остается что? Свести их! Вот и все! И все тогда обретут счастье! Ну не чудо ли? Оно — не иначе…

Далее парень из шара прокрутил в голове и все остальные слова магической волшебницы, припомнив что-то о препятствиях, ошибках, мыльных пузырях и прочей чепухе. Напоследок Ирина повторила, что все имеет свое место и всему свое время, после чего удалилась из мыслей Джилленхола, громко хлопнув метафорической дверью и провозгласив тем самым начало операции по обретению счастья для всех и вся.

Оказавшись дома, вершитель судеб из шара хотел было с ходу начать приводить план в действие и ненароком выяснить у Лизи все что только можно о ее сестре. Он мигом и как бы невзначай накидал ей вопросы из разряда «что все это значит?» и «почему ты не рассказывала, что у тебя есть сестра?» Но не получив ответов, опешил, ведь Лизи плюхнулась на кровать и принялась рыдать по чем зря.

— Она, черт подери, моя сестра… — сотрясалась она, уткнувшись лицом в подушку. — Моя чертова сестра! Мой самый родной человек! За что она так со мной?! Зачем она с этим ебачом замутила? Который пару раз пытался убить нас, между прочим! Такая Нина — мразь!

Такое поведение жены ввело Джилленхола в ступор. Нет, конечно, ему не впервой видеть женские слезы. Но обычно его это мало трогало. Но теперь, когда он увидел плачущую Лизи. Плачущую, так горько, так искренне. Она сразу показалась маленькой девочкой, которую непременно и тут же хотелось утешить и успокоить. Ох, неужели план придется пока отложить? Или… Совместить одно с другим? Что если утешить Лизи тем, что не у нее одной подобная история, а заодно нет-нет да ввести в курс дела на счет брата. Хотя бы обозначить факт его существования. А то, кажется, он забыл об этом

обмолвиться.

— Ну-ну-ну… Успокойся, Лисичка, — заговорил Джейк, присел рядом с женой и погладил ее по волосам. — У меня была похожая ситуация… — наигранно грустно сказал он и тяжело вздохнул. — Мой единоутробный брат — Том Харди — еще большая мразь, чем твоя сестра! Он заставлял меня торговать сначала травкой, потом крэком, а потом и вовсе пошли тяжелые наркотики… Но ему все было мало! — горестно воскликнул он. — И тогда он заставил меня торговать людьми! Живыми людьми, Лисонька…

И так, следуя наитию, Джилленхол принялся поливать отборным дерьмом брата. Он рассказывал всякие дрянные истории о нем одна за другой, постоянно пытаясь перебить истории Лизи о сестре по своей говнистости. Некоторые случаи о сержанте Томе он приукрашивал, некоторые переворачивал с ног на голову, а какие-то и вовсе выдумывал, упорно убеждая жену, что брат куда большая мразь, чем ее сестра. Чего конкретно он пытался добиться и какую цель преследовал подобными действиями, Джейк и сам не до конца понимал, лишь следовал наставлению Ирины Аллегровой, решив, что все имеет свое место и всему свое время.

Также парень из шара не забыл убедить Лизи, что та непременно должна наладить отношения с сестрой. Сам же решил, что и ему надо начинать восстанавливать общение с Томом, ведь иначе как этих двоих заставить встретиться. Потому Джейк начал каждодневно названивать брату, писать сообщения и хоть как-то выйти с ним на связь. Но тот полностью игнорировал все послания и звонки из шара. Тогда Джилленхол пришел к выводу, что наверно его последняя выходка на свадьбе очень обидела Харди, и теперь он абсолютно не открыт к общению. Да, пожалуй, прогонять его было тогда лишним. Но ведь в тот момент, он не знал, что это так важно! Знал бы — непременно выслал бы почетное приглашение. Мало того, убедил бы и упрямую Лису позвать сестру. Но, как уже сказано, всего этого Джейк тогда не знал и знать не мог. Потому, решил, что надо как-то загладить вину перед Томом и задобрить его.

Как раз через пару дней Лизи и Джейк получили памятную атрибутику с их фото из «Дома любви». Джилленхол тут же отобрал из кучи всего этого сувенирного дерьма пару бейсболок и календарей и отправился на почту, с твердым намерением отослать посылку-другую.

Он брел и думал. Думал о том, как же он теперь счастлив. И о том, что для полного счастья ему не хватает лишь одного — брата. Он вспоминал те чудные моменты, проведенные с ним, когда мир царил между ними. Вспоминал, как они, будучи мальцами и проживая еще в доме матушки, славно скрашивали одиночество друг другу. Как Джейк помогал Тому перебирать фасоль, а тот читал ему сказки. Как он угощал его яблоками и показывал кукольный спектакль. И как однажды он пробрался к нему в шар, едва не застряв в люке и не попавшись с поличным на глаза Мэрил. Как потом Джейк помог ему и спрятал под кроватью, прикрыв перед маменькой. Вспоминал, как они играли в бодалки через полиэтиленовую стену шара. Как играли в бодалки и потом, уже будучи взрослыми, и даже устраивали турниры. Это была только их игра, понятная лишь им двоим. Даже Батлера они не брали в турнир. Даже Пинкмана! Да… Сколько же всего доброго и светлого было раньше в их отношениях. Куда же все это подевалось и когда это случилось? Как все вернуть? Джейку так сильно хотелось вновь поперебирать вместе фасоль, послушать сказки брата или взглянуть на кукольный спектакль. И вновь схлестнуться в новом турнире по бодалкам.

Джейк послюнявил марки и приклеил их на упаковку посылок. Одна должна отправиться в психиатрическую лечебницу в Чарлстоне, вторая — останется в Майами. У Леонида парень из шара выяснил, что Том до сих пор здесь, поселился

в отеле и сидит на какой-то невообразимо хуевой наркоте. Что ж, не ново! Джейк надеялся, что его милая памятная посылка с бейсболкой подействует, сержант растрогается, подобреет, да и выйдет наконец на связь. А там уже — слезет с наркотиков и нет-нет да и закрутиться в водовороте нежданной любви. И уж тогда все окончательно войдет в норму. И уж тогда наступит мир да благодать в их семье. Так думал теоретик из шара и надеялся на успех.

Но и после этого Том не думал выходить на связь. Да что ж такое? Неужто настолько обозлился за выходку со свадьбой? Да, дела плохи… Джейк сломал всю свою пустую голову, прежде чем придумал новый бомбический план.

Единственным, что теперь могло связать их — были жучки, подброшенные ему Томом. Мало того — после разговора у «Дома любви» теперь они официально оба признавали их существование, поэтому теперь Джейк мог говорить не намеками, а обращаться напрямую. А это значит, что теперь нужно найти лишь нужные слова, которые вынудят брата выйти на связь.

Джилленхол, недолго думая, сообразил на что давить. Том всегда твердил о своем старшинстве, и даже претендовал на роль названного отца для Джейка. Повторял из раза в раз, что хочет защитить пиздюка от всяческого дерьма, которое будет встречаться тому на жизненном пути. Что ж… Наконец хоть какая-то польза от этих выебонов. Парень из шара быстро придумал легенду и начал денно и нощно ссать в уши Харди, будучи уверенным, что тот купится на его россказни и не позволит обижать младшего братишку. И вскоре последовала реакция.

Поздно вечером 9 апреля, в день рождения парня из шара, в кваритру ворвалась обескураженная Лизи и кинула перед мужем куклу. Тот ловко поймал, потом пару минут молча стоял и задумчиво теребил ее в руках.

— О, нет… — округлил глаза Джейк.

— И вот это тоже тебе просили передать, жид ебучий! Сказали, что, сука-бля, было пиздооос приятно получить эту ебалу! — сняла она с головы бейсболку и нацепила на мужа по самый «набалуй».

— Том Харди! Это все он! Он явно за что-то зол! Да как же он нашел тебя… Лисичка, теперь тебе опасно находится рядом со мной, ты должна немедленно бежать! — наигранно впадал в безумие Джилленхол, сам же понимая, что таким образом брат показал, что открыт для общения.

Глава 110: Двадцать девять

9 апреля 2012 года.

В этот лучезарный светлый день отмечал свое двадцатипятилетие превосходный парень и просто отличный человек — Джейк Джилленхол. Но не все в его жизни складывалось гладко. По крайней мере, так говорил он сам, обращаясь через жучки к своему дражайшему брату — Тому Харди. Уже около месяца, каждый день, Джейк жалился о том, как новоиспеченная жена то и дело нет-нет да подъебывает его в, казалось бы, обыденных вещах, или запрещает делать что-либо, например, грызть ногти или пить пиво каждую среду, как было заведено у братьев, когда они еще жили вместе. «Как она смеет ломать наши братские традиции? — говорил пиздабол из шара — Томми, ты просто обязан поставить ее на место! Но только не как-то ужасно или пугающе. Все же, как-никак, я люблю Лисоньку!»

Том все это слушал и охуевал. Неужели эта рыжая девка и впрямь такая наглая? Да похлеще той черной Тайры чай будет! Но почему тогда Джилленхол ее так любит? Да уж, из русской классики Харди прекрасно знал — любовь зла. И, скорее всего, так случилось и у младшего брата. По крайней мере, именно в таком свете тот все и представил перед Томом.

Так Харди слушал почти целый месяц, попивая мескалин и держа кулачки за брата, дабы тот уже проявил главенство и поставил дурацкую Лису на место. Но Джилленхол не предпринимал ничего! Лишь продолжал жалиться Тому, призывая вмешаться и выйти на связь.

Но сегодня, 9 апреля, терпение сержанта лопнуло. Джейк начал жаловаться с раннего утра, заявив, что сегодня ему придется весь день провести на работе! В свой день рождения! На работе! Какой кошмар! И как же он мечтал прийти после тяжелого дня домой, немного посидеть с Лизи за бутылочкой шампанского и пиццей, да тихо-мирно отметить полу-юбилей… Но, нет! По его словам, Лиса переиграла все! Она заявила, что ей поебать на именины мужа, ведь сегодня в ее личных планах шоппинг и встреча с друзьями! И их она ломать не намерена! Вот же сучка! Как она посмела? Все знают, как парень из шара любит свои дни рождения! Так какого хуя, Лизи?! Ааа… Так это тоже развод и брехня… Тогда понятно.

Услышав эту жалостливую тираду Харди четко решил, что хватит все это терпеть, и кто, как не он, защитит младшего братика от напыщенной и дохуя возомнившей о себе стервы? И тогда он придумал проследить за ней, дабы удостовериться, что брат вновь не брешет, а затем запугать так, чтоб эта пресловутая Элизабет и думать забыла о том, как издеваться над малышом Джейки!

Перед тем как направиться проследить за женой брата, к телефону которой Джилленхол любезно прикрепил GPS-жучок, Том побежал в ванную комнату, где сбрил бороду и волосы с головы — все под ноль! Затем он стянул с себя трухлявый шмот праотцов и облачился в любимую классическую одежку канонного сержанта: дубленка, скамы, берцы и бронежилет на голое тело. Дабы как следует замаскировать фирменный еблет, Харди надел маску, солнцезащитные очки и для надежности кепку, присланную в памятный подарок от Джилленхола с его свадьбы.

Прежде чем покинуть халупу, Том прихватил с собой одну из кукол-заготовок, натянул козырек кепочки пониже и направился проследить за Лизи.

Спустя час он уже следовал за девушкой по пятам, пока та шопилась по моллу, передвигаясь из одного магазина к другому, накупая всякое праздное барахло. К слову, Лизи хотела закатить для Джейка бомбический день рождения, но Джилленхол не посчитал важным сообщать брату подобные вещи.

Напротив, хитрец из шара догадывался, что многоуважаемая Лиса так и поступит — пойдет затариваться подарками да праздной требухой, поэтому и напиздил брату. А после он собирался позвонить Лизи и сообщить, что не придет вечером домой, ибо задерживается на работе. Та наверняка психанет и пойдет куда-то бухать! Тут-то Том ее и словит! Тут-то и пригрозит, побазарив за брата! Ох и Джейк! Ох и затейник! Ишь, что придумал! Смотри, чтоб все это не вышло для тебя боком, умник!

«Послушай, Том, вот ведь шмара, эта рыжая, — мысленно подкатил глаза Харди наблюдая за тем, как Лизи устроилась на фуд-корте и приготовилась к трапезе, поставив перед собой поднос со всякой вредной требухой — начиная от двойного чизбургера, заканчивая мороженым, от души политым густым слоем шоколада. — Посмотри, сколько хавает! А почему она не толстая, сука-бля? Обычно столько жрать, можно поправиться в два счета! Как хорошо, что ты не жирный, Том!» — оттопырил он дубленку и постучал по оголенному плечу.

Так уж и не жирный? Ах, ну да, то мышечная масса! Но вспомни, когда ты участвовал в боях ММА, выглядел куда лучше! Куда поджарее и рельефнее был! Упруже! А сейчас Бэйн какой-то, ей-Богу!

— Ладно, что-то я отвлекся, — буркнул он под нос, вновь уставившись на Лизи. — Какая падла, а! Вот же шмара! Сейчас понажрется, а потом еще придет домой, заставит жида приготовить ей, да все съест сама, а пиздюку опять голодным ходить… — повторял он слова брата, жалившегося о том о сем почти месяц кряду.

«Томми, Лиса совсем распоясалась! Представляешь, устроила со мной турнир по бодалкам, да победила! Да не в честном бою, а ударив меня вазоном по голове! Да еще и во вьетнамках играла! А ведь это не по правилам! — всплывали у Тома в голове фразы Джилленхола. — Да как она посмела вообще лезть в наш с тобой турнир?! Наш, Томми! Наш!»

«Томми, Лиса охуела в край! Сделай что-нибудь! Угомони ее да даруй младшему братишке защиту! — всплыло еще одно нытье пиздабола из шара. — Позвала сегодня меня покататься по набережной на скейтах, да поставила мне подножку! Я распластался по тротуару, сбив при падении латок с газетами! Мне было так больно! А Лизи стояла и хохотала на всю улицу, тыча в меня пальцем! Хохотали и прохожие! Ну это уже слишком! Ее кто-то должен научить манерам! Но я прошу тебя, только не обижай ее шибко. Просто припугни да сообщи, что у меня есть старший братишка, который не даст меня в обиду хулиганам!»

Том вспоминал все эти слова, непрерывно наблюдая за охуевшей в край Лизи, и гневно двигал желваками. Ох, будь она парнем, он бы обязательно ей втащил за то, что она обижает брата. Но увы — бить девушек не в принципах сержанта Харди. Поэтому он придумал куда более бомбический вариант по ее запугиванию. Он был уверен — провал невозможен! Шкура точно зассыт и прекратит терроризировать Джилленхола! Что за план, Том? Скоро заценишь? Ну хорошо… Ждем-с!

После шоппинга Лизи направилась на пляж, где изящно развалилась на шезлонге и принялась загорать. Вскоре к ней подошел некий парень в костюме ковбоя, в компании полуголой девки, скорее всего — порнозвезды. Немного пообмнимавшись и побазарив с ним о чем-то, Лизи направилась со своими знакомыми в местный бар, находящийся прямо здесь, на пляже. Хммм… Этот странный ковбой… Кажется, Том где-то его уже встречал, а может даже и общался… Ладно, хуй с ним! Не заморачивайся, Том, продолжай делать то, что задумал!

Теперь на все сто никаких сомнений у сержанта Тома не оставалось — рыжая сука кинула жида на его день рождения и пошла развлекаться сама. Наверняка вечером еще и ему предъявит за то, что тот был слишком долго на работе, не

принес оттуда денежек, не приготовил пожрать и не убрал. Пора срочно поставить ее на место! Если не сержант Том, то кто еще это сделает?! Да еще все нужно сделать так, чтобы Лизи не обиделась на Джейка, а реально встала на место и отдала бразды правления их семьи в руки Джилленхола. Мда, задачка так задачка. Но опять же — у Тома есть план, не способный на провал!

Харди расположился в том же баре, где Лизи и ковбой, и решил выждать момент, пока девушка останется одна, дабы поговорить с глазу на глаз, предъявить за хулиганство и припугнуть.

Вскоре ковбой отошел от нее и принялся отплясывать грязные танцы со своей вульгарной женщиной. Том же, не теряя времени, встал из-за столика и уверенной походкой распетушившегося распиздяя направился в сторону барной стойки, где и сидела охуевшая до безобразия Лиса.

— Неплохой бар, Элизабет Джинджер Джилленхол, — медленно механически-меланхолично сказал Том, присев на соседний барный стул. — Нравится тебе в Майами, да?

— Ну да, неплохо… — пожала плечами Лизи, совершенно не обращая на него никакого внимания и наблюдая за тем, как ее конченый кожаный друг на коленях скользит по песку.

— А мне вот, сука-бля, нет! — огрызнулся Харди. — Бармен! Одну Пина Коладу! — сделал он заказ, бросив мятую сотню на стойку.

— А ты, вообще, кто?! — вдруг взорвалась Лизи, наконец обернувшись. — И откуда знаешь мое имя, пес?

— Как там поживает Джейки… Джейки Джилленхол… Парень из шара… — грустно протянул Том, мечтательно подняв взгляд к соломенному потолку.

— Какой такой парень из шара?! — возмутилась девушка.

— Сержант слыхал — у него сегодня день рождения…

— Какой такой сержант? — охуела она, нахмурившись.

— Двадцать пять лет, сука-бля… Совсем взрослым уже пиздюк стал… — не на шутку тягучим голосом продолжал Харди.

— Пидор, ты ответишь хотя бы на один мой вопрос?! — ударила кулаком по барной стойке Лизи.

— Передай это своему мужу, пизда! — проигнорировал Том, достав из кармана куклу. Это была Барби с короткой стрижкой, которая с ног до головы была в синяках и кровяных подтеках, старательно нарисованных фломастерами и гуашью.

Лизи схватила куклу и хотела было бежать, но сержант не отпустил Барби и уставился на девушку ебливым сверлящим взглядом, приподняв очки на лоб.

— Обидишь Джейки — сделаю с тобой тоже самое, что и с ней, сука-бля! — вкрадчиво сказал он, указав невменяемым взглядом на куклу.

— Разукрасишь гуашью и фломастерами, псина? — съязвила Лизи и потянула Барби на себя.

— Ты прекрасно поняла, что я имею в виду, шкура, — приподнял Том шрамированную бровь. — И да, это тоже передай петушаре, — снял он с головы бейсболку и небрежно нахлобучил на Лизи. — Скажи, что мне, сука-бля, было пиздооос приятно получить эту ебалу! — протянул он и отпустил куклу.

Лизи резко выхватила «подарок» для Джейка и побежала из бара.

«Послушай, Том, кажется пизда охуела и зассала! — подумал Харди, самодовольно уперев руки в бока. — Сто пудов больше не будет жиденка обижать! Ну не красавчик ли ты, Том?! Сука-бля, да он самый! А заодно и пиздюку отомстил за то, что со свадьбы своей обдроченной меня прогнал! Сержант — умница!»

Пропустив еще парочку сливочно-ананасовых коктейлей, Харди отправился в отель с твердым намерением вернуться завтра обратно в Сиэтл. Ведь здесь, в

Майами, его больше ничего не держало. Жена брата больше не доебется до него, а посему Джилленхол может жить спокойно, растворившись в любви. А Том, сотворив, на его взгляд, доброе дело, да нет-нет и немного наладив отношения с Джейки, просто вернется домой да придумает, что да как ему делать дальше.

Заварив свежего мескалина, Том принялся собирать вещи. Вдруг айфон пиликнул, оповестив о входящим сообщении в Вайбер-чате. Харди, отложил в сторону свернутую дубленку и взялся за телефон. Конечно же, писал ему никто иной, как Джейк Джилленхол, или «петушня» — именно так он был забит в телефонный справочник сержанта.

«Томми, братишка, спасибо! Спасибо тебе огромное! Лисичка напугана до усрачки! Получив от тебя куклу, она примчала домой и раскаялась передо мной! Она пообещала, что больше никогда не обидит меня, никогда не упрекнет в чем-то лишний раз. Лисонька уверила, что теперь главный в семье я, а она просто женщина, чье место у плиты! Но и это еще не все! Увидев, как поступил ты, то бишь вступился за младшего братишку, она непременно решила наладить отношения со своей сестрой, с которой долгое время находилась в контрах! Каково совпадение, правда? Но ведь мы с тобой больше не в контрах, так?»

Том молча уставился в дисплей, бьясь в агонии принятия решения — отвечать брату или нет, попытаться наладить отношения или нет.

«Так? Это так, Томми?» — пришло новое сообщение от чатера из шара.

«Так», — коротко ответил Харди, все же решив показаться милым.

В ответ пришел смайл большой палец вверх, а за ним еще одно сообщение:

«Ну так вот, Лисонька помирилась с сестрой, и девчонки решили больше не расставаться и жить вместе — одной дружной семьей. И теперь мы переезжаем жить к ней. Здорово, правда? Но и это еще не все новости! Нам с Лисонькой стало очень стыдно за то, что ты не смог присутствовать на нашей с ней свадьбе… Не будем вспоминать былое, просто знай — мне неуютно за момент, где я тебя прогнал. К слову, неуютно и Лисичке. Но немного за другое. Она тоже поступила, как та еще сука! Она и вовсе не позвала свою сестру на нашу свадьбу! Не позвала и друзей! И вот, посовещавшись, мы решили проставиться перед всеми неприглашенными. Как идейка? Это будет совершенно бомбезная вечеринка! Ведь Лиса хочет впилить на нее и отмечание моего дня рождения, который сегодня зажала! И все благодаря тебе, Томми! Ты наставил Лисоньку на путь истинный, на путь праведный! И нам бы с ней очень хотелось, что ты пришел на этот праздник, Томми! Очень! Скажи, ты же придешь? Придешь, верно?»

Прочтя это гигантское сообщения, Том подкатил глаза и громко цокнул. Но раз уж решил избрать какую-никакую, но тактику примирения, то и быдлить сейчас не стоит, да и сам Джейк, очевидно, настроен сейчас позитивно.

— Ладно, сука-бля, ладно. Сержант сходит на эту дрочевую вечеринку, — покривил ебалом Том. — Может, еще чему научит этих бестолочей. Вразумит там, облагородит…

«Да», — ответил Харди.

«Вот и прекрасно! Но есть одно маленькое «но»… Из-за того, что мы переезжаем к сестре Лисоньки, то сие торжество нам пришлось перенести на несколько дней вперед… И так получилось, что Лиса выбрала 15 апреля и уже оповестила об этом своих корешей… Вооот… Боже, как мне стало неудобно за такие дела перед тобой! Но ты не подумай, я тут не при чем! И если тебе как-то неприятно, что дата совпадает с датой твоей днюхи, то я конечно могу перетереть с Лисичкой эту тему. Но сам пойми, Томми, сегодня, напоминаю — благодаря тебе, в нашу семью пришли мир и благодать. Гармония и уют. Так нужны ли мне конфликты? Но я повторяю, если ты будешь против, я настою,

чтоб Лиса перенесла дату! Так ты придешь или переносить?» — прилетело еще одно сумасшедшее сообщение от Джилленхола.

Цокнув громче Батлера, Том подвигал желваками, пораздувал ноздрями, но делать нечего — пошел по следу дружелюбия, с него не ступай!

«Приду», — написал он, и все же не сдержал себя в руках и отослал брату смайл «фака», но вовремя одумался и отправил следом мило улыбающийся смайлик с розовыми щечками.

«Жду тебя, братишка!» — прилетело от Джейка, а ниже смайл — розочка и гордо сжатый кулак.

— Сука-бля, на что ж сержант подписался… — недовольно покачал головой Харди, но вновь заверил себя, что может быть это он и есть — путь к долгожданному братскому примирению.

С того вечера Джилленхол каждый день наебывал Тому в чате всякое: как же он ждет не дождется уже встречи; как хочет посидеть и выпить с братишкой, поговорив о том, о сем; как желает наконец познакомить со своей дражайшей Лисонькой; а также, как же хочет, чтоб и брат уже нашел свое счастье. Том все это молча читал, продолжая потреблять мескалин, который, казалось, скоро польется из ушей. Изредка Харди что-то отвечал либо короткими фразами, либо смайлами.

И вот наступил тот самый день — 15 апреля. К слову, сегодня Тому исполняюсь двадцать девять лет, но не будем об этом, ведь сержант не любит! Свои именины.

Практически с самого утра Харди был на взводе. Он не на шутку волновался за сегодняшний вечер. Как себя вести, чтоб опять не поссориться с братом? Что делать в этой ситуации, если для корешей Лизи да и для нее самой милым он быть не хочет? Нет, конечно, в наглую Том быдлить на них не станет, если, понятное дело, не будут трогать его, но кто запретит Харди немного их поподъебывать? Но будет ли этому рад Джейки? Непонятно…

— Ладно, сука-бля, будь уже что будет, — решил Том, когда до встречи оставался час, и принялся одеваться. Опять же — в свой классический сержантский наряд.

И только Харди лег на пол, дабы зашнуровать берцы, айфон пиликнул, оповестив о сообщении.

«Томми, братишка, прости меня ради всего святого! Все отменяется! У Лисоньки кореш умер, да упокоит Господь его душу… Сегодня поминки. Так что перенесем нашу встречу. Мне правда, очень жаль. Ты же не обидишься, да, Томми?» — гласило оно.

Прочтя эту хуйню, вмиг Том превратился в агрессивно настроенного ебаната!

— Что за хуйня, сука-бля?! — гневно стал зашнуровывать берцы Харди. — Это сто пудов какой-то ебаный развод! Пиздюк опять решил меня опрокинуть, как тогда, когда прогнал меня со свадьбы? Да, сука-бля, сколько он уже будет издеваться над сержантом?! В пизду, заебало! Прямо сейчас поеду туда и узнаю, что за хуйня! А лучше — прослежу… Все же жид был добр в последние дни, может и впрямь некий кореш умер… Но если, сука-бля, нет… Если нет… Я начищу ему его псиное ебало и навсегда разорву наши отношения! — твердо решил он, подскочил с пола и выбежал из номера.

Благо, у Тома был адрес дома, где и проживал Джейк со своей Лисой да ее сестрой, поэтому никого ему искать не пришлось. И вот, спустя час он добрался до нужного адреса. Хм… А не это ли тот самый дом, около которого он караулил Джека Николсона? Кажется, он самый. Да точно! Правда, Харди, как всегда не обратил внимания на подобные детали, ведь движило им другое.

Поднявшись по лестнице, ведущей к балкончику, где располагались

квартиры, Харди остановился у нужной и призадумался. Что делать? Как быть? Как все разузнать? Зайти и спросить? Как-то негоже, его ж предупредили, что все отменяется, а отмаз, что проходил мимо — ну такое.

И тут Том приметил окно рядом с дверью. Вот же удача! Сержант подошел поближе и заглянул. То, что он увидел за ним, повергло Харди в шок! В гостиной, за накрытым столом не из цельного куска дуба, сидел парень из шара в компании каких-то шмар. Джилелнхол и все остальные бухали и весело хохотали над шутками кожаного ковбоя, с которым несколько дней назад отрывалась Лизи. Джейк и вовсе заливался мелодичным младенческим смехом, хватаясь за живот.

«Послушай, Том, какого, спрашивается, хуя?! Все же наебал! Сказал — умер кореш, а сами сидят и веселятся. Это что же получается? Просто жидяра решил кинуть тебя, вот и все дела! Вот и все! — психовано думал Харди, впадая в состояние аффекта. — Ну сейчас он, сука-бля, охуеет! Ну сейчас-то сержант с ним за все побазарит, а потом — набьет ебало!»

И после этой мысли Том не придумал ничего лучше, чем выставить вперед локоть, немного разогнаться и выбить собой окно. Так и попал внутрь квартиры. Так и влетел туда.

Как только он оказался внутри, Джилленхол и его друзья вмиг прекратили болтовню и смех и устремили бухие взгляды на Тома.

— Квентин? — удивилась некая шкура-блондинка, сидевшая рядом со шкурой по имени Лизи.

— Том Харди, братишка! — радостно заорал Джейк, вскочив из-за стола, и хотел было пригласить его присоединиться к джинсовым поминкам, которые как раз-таки сейчас проходили, но приметил на себе злобный взгляд Лизи. — Том Харди! — сменил он тон на возмущенный.

— Ничего не хочешь сказать мне, Джейки?! — рявкнул Том. — А я смотрю, охуенно вы тут друга поминаете, шмаровозы!

— Какого хуя происходит?! — хором завизжали девки.

— Мент, свали отсюда, блять! Чё тебе надо у меня дома?! — возмутилось бухое в говно нечто, пытаясь встать с дивана.

Том быстрым взглядом просканировал это нечто и узнал в нем… Декстера?! Ну нихуя б себе поворот! Сколько лет, сколько зим! Вот это встреча! Интересно, может, здесь окажется еще какой-нибудь старый знакомый или типа того? Наверняка! Но вернемся к Моргану. Матерь Божья, как же он видоизменился! Создавалось ощущение, что он бухал несколько месяцев кряду без просоху! Сука, да мало того, что он маньяк, так еще и алкаш! Фу!

— О! Здарова, маскоеб! — усмехнулся из-под шляпы ковбой, сидевший за барной стойкой.

— Так, стоп! — поднял ладони Джейк. — Тут что, все знают моего брата?!

— Знаю я… Этого мента… — продолжал подниматься с дивана Декстер с вылезающими из орбит глазами. — Окно мне сделал, блять! — обратился он к Харди, непонятливо оглядывающемуся по сторонам и детально изучая присутствующих.

— Я не знаю, кто это! — заинтригованно воскликнула блондинка, внимательно рассматривая Тома, и поднялась из-за стола. Скорее всего — это и была Лисья сестра. Хм. Сержант, мягко сказать, был удивлен, что они ровесницы. Почему-то он думал, что этой сестре должно было быть либо сорок, либо десять… А тут такие дела. Двойняшки что ли?

— Я тебе потом расскажу, кто этот пидор! — прорычала Лизи и отвесила сестре пощечину. За что именно — Том не понял.

— Джейки, сука-бля, пошли выйдем побазарим наедине, — поманил брата рукой Харди, прекратив оглядываться и сконцентрировавшись на разборках с жидом.

Джилленхол растерялся и нервно зачесал макушку, придумывая, как ему поступить в этой ситуации. Ведь вроде он сказал брату, что все отменяется. А тот взял и пришел. Да не просто пришел — ворвался! Да еще и в такой ситуации застал. Как все объяснить? Поверит ли он, что Джейк просто не хотел вписывать в тусовку с братом какие-то поминки? Но тут его мысли прервала Лизи, схватив за запястье и притянув к себе.

— Нихуя он с тобой никуда не пойдет, псина ебучая! — взорвалась она, обратившись к Тому.

— Окно мне запилил, блять! — упал с дивана парень-рыбий-глаз и пополз к разбитому окну, продолжая пучить глазами.

— Что, не планируешь сегодня никого ебать? — обратился к Харди ковбой, крутя в руках стакан виски. — Или что ты там обычно делаешь в этих клубах, комоеб? — усмехнулся он.

— Лисичка, дай мне минутку! Я сейчас все улажу! — залепетал Джейк, взяв жену за плечи.

— Ну так улаживай! Улаживай! Хули стоишь? — возмутилась та.

— А что эта за маска у тебя такая интересная? — продолжала рассматривать сержанта блондинка, подходя все ближе и ближе.

— Давай, заебал, делай окно, ёпт, че ты… Че ты пришел ко мне, бляяяять? — встал в полный рост Декстер, опершись о любимый журнальный столик.

— Да иди ты на хуй, петушара! — разозлился Том, обращаясь к парню-дегенерату. — Ты чё такой буйный-то?

— Кто буйный — ты буйный, ёпта, блять! — не унимался разбитый парень.

— Среднего возраста кризис начался?! — дерзко подъебал Харди, доставая из-за спины «беретту».

— Какого хуя? — возмутилась Лизи при виде оружия.

— Томми, Томми, давай без глупостей! — стал медленно подходить к брату Джейк, выставив вперед руки. — Опусти пушку!

— Эй, Том Харди, может, уже соизволишь снять маску?! — пизданула блондинка, находящаяся уже в паре шагов от Тома, и недовольно скрестила руки на груди. — Негоже появляться в обществе, не показывая своего лица.

— Нина Эми Блэкберри! — строго сказал Джейк, топнув ногой. — Отойди от этого человека! Он опасен!.. Кстати, Томми, информация для тебя: как я сказал, ее зовут Нина, но она не болгарка, как ты, наверняка, подумал. Просто ее назвали в честь французского модельера Нины Риччи. А для тебя, Нина, я повторяю еще раз! Отойди от моего брата — он очень опасен!

Харди, дослушав душещипательную историю от Джилленхола о тайне имени белобрысой шкуры, схватил за шею ее саму и приподнял над полом. Девушка завизжала, но Том не любил! Когда женщины вопят, поэтому заткнул ее, засунув дуло «беретты» в рот.

— Ну привет, Нина Эми Блэкберри, — томно проговорил сержант Харди, максимально ебливо взглянув на девушку. — Нравится в Майами?

Та, находясь в состоянии шока, отрицательно покачала головой.

— Мне тоже, сука-бля, мне тоже, — с пониманием кивнул Том, ведь уже не на шутку заебался пребывать в этом блядском душном штате. — Так, ладно, о чем это мы… А! Джейк Джилленхол, парень из шара, ты немедленно выйдешь и поговоришь со мной, иначе я убью эту пизду!

Вот только не надо этого цирка, Том! Никого ты не убьешь! Все это твои очередные пустые слова! Да и вообще, убьет он ее, ха! Помнится, как-то раз ты визжал, что встреть ее вновь, то переломаешь ее блядские ключицы. Не было такого? При чем тут вообще это? Да ты чай вновь ничего не понял и не сопоставил факты! Протри глаза и всмотрись! Все равно ничего не понял? Ну и пошел в пизду! Ты б лучше не дышать учился, а проводить параллели, мальчик!

— Так, я не понял! — неожиданно для всех протрезвел Декстер. — Во-

первых, почему это вы оба называете мою Нину фамилией Блэкберри, когда она Морган? А во-вторых, с хуя я ли тебе, Нина, не нравится мое Майами?

— А этот хуев Декстер — прав! — подняла указательный палец Лизи, не обращая внимания на мычащую сестру. — В Майами очень круто! Так-то мы с Волчонком познакомились тут…

— Ммм, — сложил губки бантиком Джейк, наклонив голову на бок и умилительно посмотрев на жену.

— Майами, сука-бля, дно ебаное! — прервал идиллию Том. — Здесь очень жарко и дышать нечем…

— А ты не пробовал снять дубленку и маску, жароеб? — перебил ковбой, имя которого Харди не знал, да оно и на хуй не нужно было.

— Ммм…. Сиэтл… Ммм, — промычала девка с дулом во рту.

— Что ты там пизданула про Сиэтл, шкура? — заинтригованно приподнял шрамированную бровь Харди, ведь, о боже! Как же он скучал по своему любимому городу! Но не успел парень вытащить «беретту» изо рта девушки, как к нему подорвался парень-зной и вонзил нож прямо в левый грудак.

— Нужно было сразу покончить с тобой, мент… — коварно прорычал Морган.

— Ах ты, шмара ебаная, — злобно прохрипел Харди. Не понятно к кому вообще он обращался: то ли к брату, то ли к своему убийце, то ли к ковбою Джимми, а то ли и вовсе к Нине, заглянув при этом ей прямо в глаза.

Вдруг девушка резко изменилась в лице, как бы охуев. Охуел и сам Том. Голову закружило, в грудной клетке почувствовалась жгучая боль, а ноги будто обмякли. Кажется, все это последствия ножевого ранения. Но… Постой! Этот визуальный контакт кажется тебе знакомым? То-то же! Самое время провести параллели!

Декстер одним рывком вытащил лезвие ножа из груди Тома, тем самым усугубив ситуацию, и тот рухнул на пол, увлекая за собой и девушку. Та завалилась на него сверху, продолжая смотреть в серые глаза и охуевать. Продолжал охуевать и Харди, ведь был уверен на все сто, что уже где-то видел зеленые глаза этой девки. Но где — так понять и не смог. Наверняка, все это последствия тяжелого ранения… А может и нет. Как сказал бы старик Лео: «Кому надо — тот поймет!»

Но больше Харди не успел подумать ничего, как разум затуманило, а глаза закрылись.

— Лииизиии! — слишком громко проорала какая-то блядь, и Том ощутил, что ему стало легче, видимо, это девка встала с его раненого тела. Следом последовала жгучая боль в ране, будто какая-то сука наступила на нее каблуком.

— О, Томми! Ты мертв! — послышался приглушенный жидовский голос, затем толчок, еще один и еще. Это Джилленхол припал к его груди и стал биться лбом прямо о ножевое ранение. — Боже! Что же я наделал?! Это я во всем виноват! Я подвел тебя, братишка, не стоило мне тебя сюда звать!

В ушах послышался гул, помешавший полубессознательному Харди услышать дальнейшие реплики.

— Ээээм… Кажется, он жив, — послышался приглушенный женский голос, и сержант ощутил, как кто-то приставил к шее пальцы. — Может кто-нибудь вызовет «скорую»?

— Тебе этого не понять! Ты никогда не теряла родного человека! — тявкал взъерошенный голос Джилленхола, и Том провалился в небытие.

— …а Томми умер! — какой-то пидор, скорее всего из шара, ударил Тома кулаком по груди.

— Дай, сука-бля, спокойно подохнуть, пиздюк, — невнятно буркнул в маску Харди.

— Это все не то, Лиса! Что мне твоя мать? Что мне твой единокровный брат,

когда я потерял единоутробного? У меня тут моя личная трагедия! Кто теперь заменит мне братика моего любимого? — молол не на шутку лирические вещи Джейк.

Услышав такие слова, счастью Тома не было предела! Голова пошла кругом, и на этот раз без всяких шуток и обманов он потерял сознание, больше не слыша на заднем плане ничего.

Глава 111: Осознание

— Томми, братишка, пожалуйста, держись, я прошу тебя! — послышались мольбы Джилленхола, и Харди приоткрыл глаза.

Пред ним предстало взволнованное лицо Джейка, полное боли и отчаяния. Парень из шара крепко прижимал к ране брата простыню, которую подал ему какой-то безумец, и то и дело смотрел на настенные часы.

— Пожалуйста, потерпи еще немного! Джимми сказал, что вызвал «скорую»! Они прибудут с минуты на минуту и спасут тебя! — лепетал он, суетливо бегая глазами. — Джимми же не мог обмануть, так? Блять, а вдруг наебал, я же его знаю всего-ничего… Да ну нет, зачем ему это? Он же кореш Лисы! А сам Джимми ушел бухать с Декстером, вот, — молол он нервную хуйню.

— Джейки, хватит, отпусти, — прохрипел Том, положа ладонь на руки брата. — Все кончено, сука-бля, мне уже не помочь… Но я рад, что подохну, зная, что ты любишь меня таким, какой я есть… Я слышал твои слова… Это… Правда? Сука-бля… — поморщился он от боли.

— Не говори глупостей, Томми! Ты не умрешь! Только не сегодня! — отрицательно помотал головой парень из шара. — Мы с тобой еще столько всего не сделали! Сколько еще не проведено турниров по бодалкам! Сколько партий в «Монополию» не сыграно! Сколько Пина Колады не выпито! Сколько фильмов не пересмотрено! Даже не смей лишать меня всего этого! Ты же знаешь, что я ни с кем и никогда не буду этим заниматься, — говорил он, навернув на глаза слезы.

— Полно, Джейки, полно, — артистично улыбнулся Харди, закрыв веки. — Теперь у тебя есть твоя сержантом неуважаемая Лиса… Я думаю, она худо, сука-бля, бедно может попробовать заполнить брешь от твоей невосполнимой утраты. Несмотря на то, что она такая ёбнутая, может человек-то она неплохой… — бредил он. — Главное, выполни мою последнюю волю. Когда умру, отвези тело в Манчестер… В фамильный склеп… После, иди в музей, наряди обратно манекены моих предков, вещи которых сержант умыкнул, затем…

— Не будет никаких затем! Прекрати все это говорить! — перебил Джейк. — Не будет никакой бреши! Не будет никаких музеев и склепов! Ты не умрешь! Сука, где «скорая»? — бросил он яростный взгляд на часы, а из глаз потекли слезы, ведь он прекрасно понимал — сейчас каждая минута на счету!

Увидев слезы брата, Том прослезился и сам. Он впервые видел, как плачет Джейк! Черт, значит это нихуя не шутки! Положение Тома и впрямь хуево. И вот теперь, оказавшись одной ногой в могиле, сержант понял, что умирать-то он нихуя не хочет! По крайней мере — сейчас.

— Сука-бля, вот и все, — усмехнулся он. — Жил всю жизнь, как дегенерат, а теперь, подыхая, оглядываюсь, и, сука-бля, стыдно. Выпади мне сейчас шанс пожить еще — бля буду, исправился бы…

— Никакой ты не дегенерат, Томми! — поспешил показаться милым Джилленхол, обзор которого уже застелила пелена слез. — Ты очень даже хороший человек. Очень добрый, ранимый, чувственный… Просто немного больше эмоциональнее остальных, но так бывает! Да и вообще, я сам виноват в твоей агрессии… Сколько раз провоцировал… Томми, я больше никогда бы так не поступил! Никогда не поступлю! Только живи! — прокричал он, на всякий случай скрестив пальчики на одной руке, ведь мало ли что, а пиздаболом он прослыть не хочет.

— Слишком поздно, сука-бля, слишком поздно… Пожалуйста, помни обо мне только хорошее… — драматично прощался Том.

— Прости… Прости меня, братишка. Я во всем виноват… — прошептал Джилленхол, принимая данность.

Но не успел он больше ничего сказать, как дверь в квартиру с грохотом раскрылась, и внутрь вломилось четверо в белых медицинским халатах. Двое из них были парень и девушка, другие два — какие-то карлики. Ну, или дети. Но скорее всего — карлики. Ведь кто возьмет работать детей в доктора?

— Отойдите, сейчас мы будем его спасать! — поднял указательный палец в медицинской перчатке парень, что не карлик, и отстранил Джейка от истекающего кровью брата.

Один из карликов, по-видимому мужского пола, приподнял сержанту голову и снял с него маску. Карлица же достала из врачебного чемоданчика кислородную маску и нацепила на фирменный умирающий еблет Тома. Откуда качался кислород — неясно. Но ни один из братьев не обращал внимание на подозрительных врачей, ведь здесь и сейчас у них — личная драма.

— Пожалуйста, сохраните ему жизнь! Я очень вас прошу! — залепетал Джилленхол, с надеждой взглянув на врачей и взяв брата за руку, ведь его ладони от раны убрала карлица и сама зажала ее.

Девушка же врач достала из врачебной сумки дефибриллятор и подала карлику. Тот, подкатив глаза и не откатывая их обратно, начал водить «утюжками» Тому по лысине, как бы леча его, ну или просто делая вид.

— Томми, пожалуйста, борись! — не унимался Джиллнхол. — Просто выкарабкайся, а уж дальше дядя Джейк обещает поставить тебя на ноги! Я буду за тобой ухаживать, пока твой организм не восстановится. Буду ухаживать столько, сколько понадобится. Хоть год, хоть два, хоть целую вечность! Помнишь, как тогда, когда ты лежал в коме? М? Помнишь, Томми? Конечно нет, ведь ты был без сознания, а я просил Батлера не рассказывать ничего, когда ты пришел в себя. На самом деле тот год, что ты пролежал в коме, каждый день… Каждый! Я был с тобой! Это я стриг тебе волосы, это я читал тебе книжки, прямо как ты, когда я был малышом. Я приходил каждый день, болтал с тобой, играл в настольные игры, смотрел с тобой наши любимые фильмы. Не сказать, что мне было скучно из-за того, что ты лежал в коме… Но, да, твоей вспыльчивости мне очень не хватало, — говорил он сентиментальные вещи, дабы уже окончательно и бесповоротно помириться с братом и никогда больше не ссориться!

— Пиздюк, сука-бля… — закрыл глаза Том и подставил пальцы к переносице. — Почему молчал об этом раньше? Вообще я думал ты специально пришел на тот бой, чтобы отвлечь меня… Так зачем потом ухаживал и делала все это?

— Да ничего я не отвлекал тебя! Напротив — помогал! А по правде сказать, я ходил на каждый твой бой, дабы поболеть, — начал раскрывать все карты лирик из шара. — После того, как мы поссорились тогда, в Нампе… Знаешь, как я переживал? И когда я отошел от злости на тебя, то почти каждый день звонил Батлеру, чтобы справиться о твоем эмоциональном состоянии… Я сходил с ума, зная, что и ты сходишь. Но первым на контакт не шел… Глупец…

— И то верно — глупец… — улыбнулся Том, бьясь в предсмертной агонии.

— Ты что-то сделаешь или нет? — психанула карлица, зыркнув на карлика. Тот недовольно помотал бровями, отбросил в сторону дефибриллятор и задумчиво завис.

— Знаешь, как только Леонид позвонил мне и сообщил, что от него возможно залетела какая-то девочка, и нужно попробовать найти ее по школам, абортариям и больницам Калифорнии, я не раздумывая влился в эту авантюру, сам предложив помощь. Ведь понял, все это ты нахуевертил… Ибо ну не способен наш Леонид на такое! Да еще и искали по неким ключицам… Ну точно все это Томми! Кто ж еще из наших способен запасть на такую чепуху? — грустно улыбнулся он.

— Пидор Батлер, все разболтал, — усмехнулся сержант Том, с души которого будто свалился груз, и ему стало легче. К слову, становилось легче и физически. То ли это такое чувство перед смертью, то ли это нелепые манипуляции врачей

начали действовать и исцелять его раненое тело.

— А знаешь, как я переживал, когда ты пошел служить? Я ж писал Батлеру при каждом удобном случае… Ночами не спал, думая о том, как же там ты, в горячей-то точке. Все ли там нормально? — продолжал свои речи Джилленхол.

— Джейки, хватит, я все понял… Понял… — перебил Том. — Я тоже, сука-бля, люблю тебя, пиздюк… Тоже… И всегда любил… Жаль, что только сейчас я подохну и не смогу перед тобой реабилитироваться. Бля буду — больше бы не вел себя с тобой, как конченая мразь.

— Так, ну что, все, — влез в диалог парней доктор, что нормального роста. — Его жизни больше ничего не угрожает. Но теперь последует длительная реабилитация, — вонзил он в вену сержанта катетер, подсоединенный к емкости с кровью. — Сейчас только сделаем переливание и все в порядке.

— О, чудо! — заорал громче некоторых Джейк, вскинув руки к потолку. — Томми будет жить! — воскликнул он и принялся обнимать всех присутствующих. — Главное, что опасность миновала, а дальше, как я и обещал, я помогу тебе с дальнейшим лечением.

— Джейки, а где твоя шкура? — решил накинуть милый вопрос Том, поинтересовавшись о личной жизни брата.

— Так бросила ж меня, уехала куда-то со своей сестрой, — опустил уголки губ брошенка из шара.

— Так иди и найди ее, Джейки… Верни, — дал мудрый и совершенно не агрессивный совет сержант. — Ты должен заняться этим, ведь любишь ее… А я справлюсь сам…

— Нет-нет-нет! — запротестовал Джилленхол. — Это даже не обсуждается! Как ты говорил, мол, мы братья и должны держаться вместе! И вот, спустя столько времени, мы наконец пришли к примирению… И… В общем, я не брошу тебя, Томми! И даже больше не поднимай эту тему! Потом встанешь на ноги, да поможешь мне найти Лисоньку, но не минутой ранее!

— Да нет уж, так дело не пойдет, — вставился взрослый врач. — Ты и впрямь должен пойти и вернуть свое счастье, свою любовь!

— А о нем мы позаботимся сами, — похлопала Харди по плечу девушка. — А ты давай, поезжай, парень из шара! — посмотрела она на Джейка до одурения ебливым сверлящим взглядом.

— Ну, хорошо, — неожиданно согласился тот.

— Вот и славно, Джейки, — кивнул и Том, которого не на шутку заклонило в сон то ли от ранения, то ли от содержания мескалина в крови. — Найди, сука-бля, и помирись. А уж потом и свидимся.

— Только откуда же начать поиски Лисоньки? — почесал волевой подбородок Джейк. — Как думаешь, Томми? Ты же полицейский. Откуда мне начать искать?

— Думаю, начни с ее родного города, — предложил Харди.

— С родного города? То бишь с ЭлЭя. Ну, попробую так! Хотя, вряд ли она туда поехала, ведь является беглой преступницей, обвиняемой в нескольких убийствах…

— В смысле, сука-бля? — охуел Том. — Преступница?! Какого хуя ты не сообщил это раньше, пиздюк?!

— Ой, не думаю, что это важно, когда человек-то она хороший! Ты же сам так сказал! — хлопнул себя по бедрам Джилленхол.

— Ладно, сук-бля, потом за это побазарим, а сейчас пиздруй искать свою Лису, — отмахулся Том.

— Ладно, хорошо. Сделаю все так, как велел мне старший братишка, — кивнул парень из шара. — Это, пацаны, вы уж позаботьтесь о Томми, — обратился он к врачам, но не карликом, ибо не понимал — люди ли те вообще. — Вот, держите, это ключи от моего Шевроле! Довезите его до Сиэтла, как излечите! — сделала он шаг доброй воли, кинув девушке ключи от своего синего

под цвет глаз авто.

— Все, иди уже, придурок! — поймала она их, приказным взглядом посмотрев сначала на Джейка, потом на входную дверь.

— Все, ушел! — по-собачьи повилял задом тот. — Томми, я очень рад что мы помирились. С этого дня начнется новый период и в твоей, и в моей жизни! Ты уж мне поверь, уж поверь! — крепко обнял он брата.

— Все, вали, сука-бля, пиздюк! Позвонишь, как все уладишь! — принялся поторапливать брата Харди, держась из последних сил, чтобы не отрубиться, и все же не выдержал, громко зевнул да уснул крепким сном раненого, но умиротворенного наркомана.

Проснулся Том уже совершенно в другом месте. Пред ним предстал серый велюровый потолок, и Харди понял, что лежит на заднем сидении автомобиля. В груди болело, а во рту пересохло. Постепенно он вспомнил все предшествующие события и перевел взгляд на водителя.

— Ты кто, пизда? — обратился он к блондинке за рулем.

Та взглянула на него через зеркало заднего вида, приподняв пышную бровь и улыбнувшись уголком рта.

— Совсем ничего не помнишь, любезный? — спросила девушка.

— Да, сука-бля, помню. Но кто ты, как не знал, так и не знаю, — слабо пробормотал Том, глядя на свет фар проезжающих мимо машин.

— Ну врач я, допустим, — пожала плечами незнакомка и закурила.

— Понял… И куда везешь меня? — накинул еще один вопрос Том.

— А куда надо? — по-еврейски ответила девушка.

— Домой бы, сука-бля, в Сиэтл, — пояснил за желания Харди.

— Так туда и едем, — сложила пальцы кольцом она. — Ты это, отдохни еще давай. Ехать долго. Потом побазарим за жизнь.

И сержант последовал мудрому совету незнакомки. Веки потяжелели, и он вновь провалился то ли в сон, то ли в небытие, то ли и вовсе впал в миникому.

Сквозь пелену, затуманившую сознание, Том слышал только размеренный шум двигателя, гул автомобильного потока и собственный пульс. Еще через какое-то время донесся приглушенный мотив, который вырвал его из темноты и заставил открыть глаза.

— Но мои мечты, они не так пусты, как может показаться, — завывал из магнитолы Фред Дерст.

Снаружи уже стемнело. Том облизал пересохшие губы и вновь взглянул на девушку за рулем. Та подпевала Фреду, выстукивая одной рукой по рулю ритм, во второй — держа стаканчик кофе.

— Попить есть, сука-бля? — прохрипел Харди и попытался приподняться. Боль в груди уже была не так ощутима, но слабость сковала все тело.

— Проснулся? На, держи, — не оборачиваясь, пошарила между сиденьями блондинка и протянула сержанту бутылку воду. — Или ты чай какой-нибудь предпочитаешь?

Сержант приподнял шрамированную бровь и, оставив вопрос без ответа, взял воду.

— С чаем бы тебе завязывать пора, сударь, — взглянула она через зеркало на Тома и сделала глоток кофе.

— С каким таким чаем? — строил из себя невинного долбоеба Харди.

— Я и моя бригада врачей сделали ряд анализов, в общем… — спустя пару секунд заговорила девушка, подняв глаза к потолку. — Мескалин нашли в твоей крови обдроченной.

— И? — нахмурился Том, не понимая, зачем врачи шарили по его крови.

— Дерьмо это собачье, вот что я тебе скажу, — вскинула брови и опустила уголки губ девушка, выставив указательный палец на зеркало. — Знаю, так

скажем, из личного опыта. Ведь мой батя плотно сидел на нем в свое время. Мало того, что чуть не подох, так еще и свое счастье чуть не проебланил.

— И что мне твой батя? — подкатил глаза Харди. — Я — не он, и сам, сука-бля, разберусь, что да как делать.

Девушка хмыкнула и приподняла бровь, продолжая смотреть через зеркало заднего вида.

— А это, сука-бля, зеркало не должно быть направлено так, чтобы ты, пизда, тачки сзади видела? — нахмурился Том.

— Нет! — улыбнулась блондинка, не отводя взгляда.

— Ну я понял… Понял… — вздохнул Харди. — Ну и что там с твоим батей в итоге?

— Все в порядке. Ведь он вовремя образумился, — пояснила за отца девушка.

— Ну красавчик, че. Респект ему, — приставил два пальца к брови сержант.

— Ну и что мешает тебе поступить так же? — продолжила блондинка, скомкав картонный стаканчик и бросив его на пассажирское кресло. — Не думаю, что ты чем-то хуже его.

— И что его сподвигло на сей шаг? — скептически поинтересовался Том.

— Надежда на будущее. Просто в один момент он понял, что иначе ничего хорошего его не ждет. Вот и все. Вот и все, — развела ладонями девушка.

— Ну, сука-бля, рад за него. У меня такой надежды нет, — ухмыльнулся Харди.

— Разве? А как же твой брат? — не унималась блондинка.

«Послушай, Том. А ведь правда. Ты же помирился с пиздюком. Может это и есть твоя надежда? Может это сделает тебя хоть сколько-нибудь счастливее? Сука-бля, что ж так хуево… Никогда после ранений тебе еще не было так дерьмово. Сука, это наверно все из-за мескалина… Ломает, пиздос! Блять, как же хочется чаю! Пиздааа…» — промелькнула в голове у Тома не на шутку противоречивая мысль

— Слушай, пизда. Слишком много ты что-то знаешь о сержанте и его жизни. И слишком дохуя суешь свой нос не в свои дела, — прорычал Харди, желая слиться с этого провокационного разговора.

— Что ты такой злой, Том Харди? Я же просто пытаюсь тебе помочь, — усмехнулась девушка.

— Я, сука-бля, не просил помощи, — подвигал желваками сержант. — И я не злой! Я просто не люблю! Когда всякие шмары пытаются меня учить!

— Слыхал такую присказку? Даже у самого злого человека расцветает лицо, когда ему говорят, что его любят… Стало быть в этом счастье. М? — молола графскую хуйню девушка.

— Это, сука-бля, не присказка, пизда! Это Толстой говорил, — забился в агонии всезнайки Том. — Ты что, сука-бля, читала Толстого?

— Нет. Батя читал, — пояснила за цитаты блондинка.

— Ну что сказать, охуенный у тебя батя. Рад за него. Привет ему от сержанта передавай, — цокнул Харди и потер глаза, ведь почуял, как его снова клонит в темноту.

— Ага, привет, — подмигнула девушка. — Давай, поспи еще, голубчик, потом договорим.

И Том опять погрузился в сон. Вернулся к реальности он, когда за окнами уже рассвело.

— Ну как, получше? — заговорила девушка, заметив, что тот очнулся.

— Не знаю, — пробормотал Харди.

Боль в груди совсем отступила, и, кажется, ломать стало уже не так сильно. Осталась только ебейшая усталость.

— Долго еще ехать? — спросил он, пытаясь подняться. Но у него не вышло нихуя! Тогда Том решил хотя бы немного пошевелить конечностями, ведь все

тело затекло и онемело. Удалось лишь легонько подвигать пальцами, да повертеть головой по сторонам.

— Долго, — коротко ответила блондинка.

Повисла неловкая дорожная пауза.

— А знаешь, ведь мой батя тоже все твердил, что нету у него в жизни ничего хорошего, ничего светлого, что лишь одно дерьмо встречалось на его жизненном пути, и лишь оно и будет встречаться дальше, — вновь затянула свою шарманку она, с хрустом откусив яблоко. — Но тогда он все же решил понадеяться на лучшее, поверить в будущее. Дать шансу счастью прийти к нему. И то не заставило себя ждать. И после этого он всю свою жизнь твердит, что если бы он тогда не поверил, если бы не решился бросить всю ту дрочь, что заполонила его жизнь, то не было бы у него сейчас ничего, да и его самого бы не было. Достаточно было просто оказаться на волоске от смерти, как пришло осознание того, что жить-то хочется, и что есть возможность жить счастливо.

— Угу… — промычал Том, не в силах что-либо отвечать.

— Ну, а ты разве не ощутил этот момент? Когда вот-вот умрешь, но понимаешь, что это совсем не то, чего хочешь? — продолжала доебываться девушка, беззаботно жуя яблоко.

— Наверно, — лениво пожал плечами Том.

— Ну вот! — хлопнула в ладоши блондинка. — Ты ведь уже давно понял, что хочешь жить. Не так ли?

Харди закрыл глаза и вспомнил дурацкий и безумной эксперимент Лео с Доджем. Он поджал губы и неоднозначно покрутил ладонью, как бы давая понять, что, мол, да, так оно и есть.

— Ну теперь у тебя вновь наладились отношения с братом. Это уже стимул жить. Ну, а дальше лишь остается завязать со всей дрянью и покорно ждать счастья… Пора тебе слезать с мескалина, сержант… Счастье уже стучится в дверь… Есть люди, которые тебя любят, и есть много людей, который полюбят тебя в будущем… Счастье… Мескалин… Жди… Скоро… Любовь…

Том слушал философские бредни блондинки, силясь открыть глаза. Но те не желали поддаваться, и Харди стал вновь проваливаться в сон. Слова девушки эхом отдавались в голове, а затем слились в единый гул.

— Ну все, приехали! — пихнули Тома в плечо, и он открыл глаза, подскочив на месте. — Сиэтл, любезный. Добро пожаловать домой.

Харди шнырял ошарашенным взглядом по сторонам, не понимая по классике нихуя. Наконец, он осознал, кто он, где находится, и даже в общих чертах припомнил лицо своего отца.

— А где мои вещи? Я же, сука-бля, все оставил в Майами в отеле. Как мне их теперь найти? — стал задавать он нелепые вопросы, вылезая из Шевроле Авео.

— Все уже на месте, — махнула девушка рукой на окна еврочетырешки. — Мои ребятки их переправили… Почтой… Ага.

— Ну я понял… — пробуробил сержант и, отрешенно глядя под ноги, поплелся к подъезду. — Это… Спасибо, сука-бля, что подбросила, — обернулся он на блондинку.

Та захлопнула водительскую дверь Шевроле, закинула рюкзак на плечо и двинулась по тротуару в неизвестном направлении.

— Бывай, сударь. Батя мой тебе привет передавал, — улыбнулась она, помахав мобильником. — Надеюсь, все не зря… Жди свое счастье.

— Бывай, — махнул рукой и Том и скрылся в подъезде.

«Здравствуй, дорогой дневник!

Давненько что-то я не писал ничего… Даже и не знаю, что рассказать…

Вот вчера, к примеру, наше с Батлером кафе разгромила какая-то психопатка. Не понял, что там конкретно случилось, знаю только, что она

разбила кофе-машину, витрины, кассовый аппарат, ну и вообще перевернула все вверх дном. Мало того, в довершение ко всему, эта чокнутая еще и брызнула Леониду в глаза перцовым баллончиком. Какого черта, сумасшедшие разгуливают по городу? Им место в психушке, а не среди мирных граждан. Кто знает, что взбредет ей в голову в следующий раз!

Я сказал Батлеру, чтобы немедленно отправлялся в больницу, а с кафе как-нибудь сам разберусь. Так я и поступил. Позвонил страховщикам, чтобы они приехали на место и оценили ущерб. Ну и сразу заказал новое оборудование, которое было повреждено. Ну, а что мне еще надо было сделать? Не вижу причины ехать туда лично и разбираться. Вряд ли эту шизофреничку можно разыскать… Да и зачем? Она уже сполна наказана отсутствием мозгов.

Ладно, ладно… Я немного лукавлю. Не поехал я Батлеру на помощь по другой причине. Ну точнее, во-первых, и впрямь, чем я могу там помочь? Что было в моих силах — я и так сделал. Батлер добрался до больницы и без моей помощи, и теперь он под присмотром врачей. Ну, а во-вторых…

Во-вторых, после того, как ублюдок Декстер меня чуть не прирезал, после того, как я оказался на волоске от смерти, после того, как помирился с Джейки, и после того странного разговора с незнакомкой по пути домой… После этих вещей я пересмотрел многое. Для начала я завязал с мескалином. Я в действительности осознал, что не контролирую себя, находясь под его воздействием. Конечно, с ним я чувствовал себя гораздо легче и расслабленней, но, по правде сказать, творил какое-то безумие, которое ни к чему хорошему привести меня не могло. Так что с этим покончено. Ну и по итогу и пришел к выводу, что может и впрямь мое счастье ходит где-то рядом. Но пока я нахожусь в неадекватном состоянии мне вовек его не обрести. Так что, как я уже сказал, с мескалином я завязал, ну и решил ждать своего счастья.

Вот теперь сижу дома и жду. Потому и не поехал к Батлеру — вдруг счастье придет, а меня нет. Вообще, я думаю, что это лишено всякого смысла. Ибо… Ну кто вдруг ко мне придет? Но предпринимать что-либо сам я тоже, если честно, не хочу. Во-первых, потому что это еще больше лишено смысла. Ну ведь кому я сдался? Во-вторых, если честно, последние месяцы меня совершенно выбили из сил. Этот мескалин, ножевое… Просто чувствую постоянную усталось и сплю целыми днями. Так что, просто посижу дома и подожду.

Вот и сегодня жду. Ну чтобы хоть как-то скрасить это унылое занятие, я взял себе пива и чипсов — все веселее. Может попозже еще Пина Коладу себе сделаю… А вообще, может это и есть предел моего счастья? Сидеть в одиночестве да пить пиво? Что ж, может и так. Значит, может я уже дождался и могу назвать себя счастливым человеком? Нет, пока еще нет. Только после Пина Колады.

23 апреля 2012 года».

Едва Том успел вывести дату, как раздался стук в дверь, заставивший вздрогнуть.

Глава 112: Стук

— Это, сука-бля, еще кто? — приподнял Том шрамированную бровь, недоверчиво уставившись на входную дверь, но встал и пошел открывать, ведь звонили очень настойчиво.

Застегнув на ходу маску и приготовившись высказать наглому гостю свои возмущения, Харди распахнул дверь и не то что охуел — ебанулся. На пороге стояла та девка, которой он засовывал дуло «беретты» в рот, угрожая убить, перед тем, как его порезал парень-перо. Кажется, она сестра Лизи. Хм! И что она здесь забыла? Черт! Как же ее имя? Джейк что-то говорил на этот счет…

Том хмуро уставился на гостью, не понимая нихуя.

— Привет, Том Харди! — непринужденно сказала она и похлопала сержанта по плечу. — Что, все же жив? Все же кто-то соизволил вызвать тебе «скорую»?

Девушка молча протиснулась мимо сержанта и нагло уселась на диван с ногами.

«Послушай, Том, что за…» — только и успел подумать Харди, провожая ее до безобразия охуевающим взглядом.

— Один босоногий парень, по имени Леонид Агутин, сказал, что ты можешь убить человека за деньги. Это правда? — перебила его мысли девушка и взяла с журнального столика пачку чипсов и открытую бутылку пива, приготовленные Томом на сегодняшний вечер. Сначала она набила полон рот картофельных снэков, а затем присосалась к бутылке.

«Послушай, Том, какого хуя?!» — мысленно прорычал Харди и не придумал ничего лучше, чем вырвать из ее рук пачку чипсов.

— Что тебе, жалко, что ли? — возмутилась девушка. — Ты ж все равно их не ешь! — изобразила она ладонью маску.

«Послушай, Том, да что позволяет себе эта пизда? Хули она приперлась и нарушила все твои планы? И почему так ебано себя ведет? — думал сержант, осматривая гостью с ног до головы. — Так, стоп! А что это за блеск в глазах? Точно! Колеса Фила Купера из Портленда! Ебаный в рот! — усмехнулся он, встретившись с ней взглядом. — Ладно, выясни, что ей надо — быстрее уебет…»

— Ну и кого ты заказываешь? — меланхолично протянул Харди, подкатив глаза и скрестив руки на груди.

— Ой, я не знаю, как его зовут, да и внешность я не разглядела… — девушка отряхнула ладони одна о другую и сделала глоток пива. — О! Вспомнила! Ему было где-то под сорок, или около того!

— Охуенный ориентир, сука-бля! — уселся парень на диван. — Ты тут одна в Сиэтл прилетела? Или с сестрой и Джейки?

«Да как же зовут шкуру… Что-то крутится на языке… Ники, Молли, Эми, Трейси… Не, хуйня! Не то! Надо бы спросить, а то считай родственники, а ты и имени не помнишь. Не, так еще хуевей, точно сочтет тебя за какого-то дегенерата. Сука-бля, да как же ее… Пиздюк точно что-то говорил про ее имя… Точно, что-то про дизайнеров!» — вглядывался Том в лицо девушки.

— А я не прилетела… Я телепортировалась! — загадочно воскликнула девушка.

— Ах, телепортировалась, сука-бля? — усмехнулся Том, хлопнув себя ладонью по щеке. — Ебать тебя кроет… Ээээм… Как там тебя… Донателла? Коко? Миуччи? Или как, сука-бля?

«Сука-бля, ну точно примет тебя за долбоеба… Что за варианты ты накинул такие ебланские? Ладно, похуй! Может быстрее уебет из твоей халупы…»

— Чего? Нина! Меня зовут — Нина! В честь Нины Риччи, — возмутилась девушка.

— А, ну да… Я ж помню, что в честь дизайнера какого-то… — артистично

хлопнул по лбу Харди.

— Ебать ты… — осуждающе помотала головой она. — А тебя в честь кого назвали? В честь Тома Тейлора, или Тома Форда, или может в честь Хилфигера? У тебя вон и тенниска от него, — щелкнула Нина по логотипу на груди сержанта.

— Нет, меня назвали в честь… — незнамо зачем начал пояснять за имя Том, опустив взгляд на логотип на футболке.

— Хочешь расскажу тебе что-нибудь интересненькое? — перебила Нина. — У меня много историй в арсенале.

«Послушай, Том, эта девка сорвала тебе все планы! Она помешала тебе попить пиво с чипсами, а ты еще и Пина Коладу хотел выпить! Все, вечер испорчен! — мысленно бурчал Харди. — Выгнать бы пизду по-хорошему… Но как-то неудобно… Еще Джейки потом предъявит, что ты не гостеприимный, выпроводил к хуям собачьим сестру его дражайшей жены, а до этого еще и убить угрожал… И чего ты только тогда хотел добиться этим ебланским поступком? А вы ведь только помирились с пиздюком, не стоит сейчас нагнетать… Ладно, хуй с ней, пусть сидит… Остается надеяться лишь на то, что расскажет и правда что-то стоящее…»

— Хм… Ну, валяй, пизда, — небрежно махнул Харди.

— Выбирай: либо история о том, как я убила своего брата, либо как я стала разыскиваемой по всем Штатам опасной бандиткой? — выставила Нина поочередно обе ладони вперед, будто предлагая угоститься красной или синей таблеткой.

— Хм… Дай-ка угадаю, пизда, — изобразил задумчивый вид Том, приставив палец к виску. — Одна история вытекает из другой? Ты убила брата и за это находишься в розыске?

— Ну, не совсем так… Нет, они, конечно, связаны друг с другом, но все совсем не так, как ты предположил, — помотала пальцем перед его носом Нина. — О том, что я убила брата, мусора не знают. Что уж говорить, об этом и наши родители не знают.

— Ладно, сука-бля, я заинтригован. Выкладывай обе, — жестом предложил Том начать рассказ, да поживее.

— Отличный выбор! — выставила указательный палец Нина и отглотнула пива. — История началась около трех лет назад, когда мой брат Алекс начал проявлять ко мне неоднозначные знаки внимания…

И Нина начала выкладывать все детали по порядку. Сначала она поведала, как брат посредством шантажа вынудил вступить ее в порочную связь с ним. Далее — о том, как со временем, ей больше не требовались угрозы, и она продолжала отношения, можно сказать, по доброй воле, схлопотав стокгольмский синдром.

— Вот тут-то и начинается вторая история. В один прекрасный августовский день прошлого года мой бывший парень Юджин, который по воле случая знал о нас с Алексом, чуть не проболтался обо всем прямо при моей сестре. Я сама даже не успела ничего понять, но я вспылила и бросила бутылку шампанского. Одним ударом убила сразу двоих. Юджина и его невесту, — трагично закрыла глаза Нина и помотала головой.

— Чего, сука-бля? Что за брехня такая? Уверен, что это невозможно… — усмехнулся сержант, скептически взглянув на девушку. — Как все было на самом деле? Сто процентов, пизда, ты что-то не договариваешь.

— Да я тебе бля буду, Том Харди. Так все и было! — положила руку на солнечное сплетение Нина. — Это и впрямь звучит странно и неправдоподобно. Но за что купила, за то и продаю. Смысл мне лгать? Я же рассказываю тебе довольно неприятную историю, так зачем мне утаивать такой факт? Уж скорее я бы спиздила о том, что жарилась с братом, например… Верно?

— Хм… Пожалуй… — поднял взгляд к потолку Харди. — Ладно, погнали

дальше, сука-бля.

— В общем, дальше вышло так, что, хотя я и пыталась скрыть правду на счет Алекса от сестры, и даже стала убийцей из-за этого, Лизи все равно все узнала. Можно? — продолжила Нина, достав сигарету из пачки и вопросительно посмотрев на Тома.

Тот хмуро взглянул на сигарету, ведь и самому курить страсть как хотелось. Но при этом он упорно продолжал сидеть в дурацкой маске, отчего-то не решаясь ее снять.

— Кури, — махнул он головой, тяжело вздохнув.

Нина же уже закурила, не дождавшись одобрения, и после продолжила.

— Короче, дальше все развивалось очень стремительно. Во-первых, Лизи вправила мне мозги, и я порвала с Алексом. Во-вторых, менты нашли трупы Юджина и его девки и вызвали нас на допрос, пытаясь повесить убийство на нас с сестрой. Но доказательств у них пока не было, лишь их тупорылые домыслы. А дальше история приобрела неожиданный поворот. Алекс, не желавший мириться с тем, что я его бросила, явился на вечеринку, где мы отдыхали, и устроил там разборки, в ходе которых он начал стрелять. Ну точнее, не просто стрелять. Он хотел убить нас с сестрой, и в итоге ранил обеих. Мы попали в больницу, впав в миникомы. Самого же Алекса повязали мусора сразу после инцидента. Но этому больному ублюдку было все мало, и он рассказал им все об убийстве, после чего нас и взяли под арест прямо в госпитале.

— Ебать он шмаровоз! — возмутился Том. — Пидору место, сука-бля, в психушке!

— Верно замечено! — лайкнула экспертное сержантское мнение Нина. — Ведь там он и оказался. Точнее его туда упек наш отец, и добился того, что его признали невменяемым, и его показания не имеют никакого значения.

— Батя хорошо сработал, — одобрительно закивал Харди. — Мусорам наверняка пришлось влезть в базы, чтобы исключить из дела уже имеющиеся показания, на которых полностью строится обвинение.

— Ой, уверена, папаша отстегнул ментам нехилую сумму, — отмахнулась Нина. — А что еще этим мусорским шавкам нужно, дабы замять любое дело? Алчные пидоры!

— Не любишь мусоров? — невзначай поинтересовался сержант убойного отдела полицейского департамента Сиэтла.

— А кто их любит? — пожала плечами Нина. — Ну не пойдет нормальный человек служить в органы! А это значит, что любой мусор — конченый хуеплет! Тут и думать нечего.

— Ну тут их алчность, выходит, сука-бля, сыграла тебе на руку, — заметил Том.

— И что? Держу пари, дал бы им кто-то больше того, что дал мой отец, они бы все переиграли, да отправили нас с сестрой топтать зону. Еще бы и папашу заодно усадили бы за подкуп должностного лица, — подкатила глаза Нина.

— Ну я понял… Понял… — промямлил Харди. — Чипсиков? — сунул он ей под нос открытую пачку, сам же в это время незаметно сунул в карман скамов сигареты и неоткрытую бутылку пива. — Ты давай, шкура, перекуси пока, соберись с мыслями, а когда я вернусь, то продолжишь свою историю, — встал он с дивана и попятился в сторону коридора.

— О, спасибо, — улыбнулась Нина и стала набивать рот чипсами.

Харди же поспешил в туалет, дабы уже наконец перекурить и все же выпить пива. Он снял маску, сунул сигарету в рот и открыл бутылку о край раковины.

«Послушай, Том, долго эта шмара будет у тебя зависать? Что ей в итоге нужно? Совсем нихуя непонятно. Ну все же выгонять ее сейчас уже как-то слишком странно. Сука-бля, надо было сразу слать ее. Но что уж теперь… — думал сержант, глубоко затянувшись. — Мда, а этот ее, сука-бля, брат и

впрямь тот еще хуеплет. Ты б как мент засадил бы его надолго, перевернув все наоборот. Хотя шкура может и пизже сделала — убила нахуй петушару…
— торопливо вливал он в себя пиво, желая быстрее услышать финал истории.
— Интересно, как выглядел шмаровоз. Уверен, сука-бля, что он носил шляпу! Только такие мудаки их носят. Ну кроме твоего отца…»

Поразмыслив об этой хуйне, Том опустошил бутылку и подкурил вторую сигарету. Сделав несколько быстрых затяжек, он затушил окурок о слив раковины и поспешил вернуться в гостиную, попутно надевая маску.

— Ну! Я весь, сука-бля, внимание! — уселся он на диван, хлопнув в ладоши.

— Нам удалось сбежать тогда из больницы. Мы с Лизи подались в бега, надеясь скрыться не только от полиции, но и от брата. И если с первыми проблем не было, то надеяться, что Алекс оставит нас в покое, было глупо, — драматично продолжила Нина, дожевывая чипсы.

— Пидор сбежал из психушки? — состроил фирменное ебало Том.

— Да, так и случилось. А ты очень проницательный человек, Том Харди, — погладила его по плечу Нина. — Мы залегли на дно в Портленде, когда он позвонил мне и предложил сбежать вместе и начать новую жизнь.

— О, Портленд! Там живет мой мозго… — вспомнил сержант прищуренное лицо Лео. — Ээээм… Мой кореш. Да, в Портленде живет мой, сука-бля, кореш, — осекся он, решив, что не стоит посвящать девушку в то, что он пользуется услугами психотерапевта. А то сочтет его за сумасшедшего какого-нибудь конченного. Да, Том, именно общение с психологом и делает тебя сумасшедшим, а совсем не то, что ты врываешься к людям в квартиры через окно и угрожаешь их убить ни с того, ни с сего. Совсем не это, Томас, совсем. Так что да, продолжай молчать про ДиКаприо, дабы прослыть здравым человеком перед дамой.

— Это очень занимательный факт, Том Харди, — сложила пальцы кольцом Нина. — Но вернемся к моей истории. Мы недолго пробыли в Портленде, ведь, когда ты в бегах, не стоит задерживаться на одном месте подолгу. Поэтому мы решили отправиться обратно в ЭлЭй, дабы порешать кое-какие дела. Мы ехали по ночной трассе, когда нас нагнал Алекс. Одному нашему другу он прострелил колено, второго — убил. Кстати, тот, второй, скоро воскрес, но это уже совсем другая история…

— Воскрес, сука-бля? Воскрес? Серьезно? — с усмешкой посмотрел Том на Нину.

— Разве похоже, что я шучу? — вскинула брови девушка.

— Да нет… Похоже, что ты обхуярена до пиздеца, — ухмыльнулся Харди, похлопав ее по плечу. — Ладно, пусть воскрес. Так и что было дальше?

— Алекс вырубил нас, положил в багажник и отвез куда подальше. Посадил нас в какой-то подвал и запер, — продолжила Нина, немигающим взглядом уставившись в окно, а потом и вовсе зависнув.

— Ну! — пощелкал перед ее носом пальцами сержант, спустя минуту. — Что, сука-бля, дальше? — в нетерпении ерзал он на месте.

— А дальше он угрожал, что убьет Лизи, а я буду смотреть на это. Опять говорил о том, что мы должны уехать вместе с ним далеко-далеко, где никто нас не осудит… Ну и все в таком духе. Если честно, я смутно помню тот разговор, ведь была обкурена. Тремя днями ранее, правда, но в свое оправдание скажу, что та трава была пиздец какой забористой, — постучала указательными пальцами друг об друга Нина и похлопала ресницами, изображая наивность.

— А ты, пизда, я так посмотрю любительница закинуться всякой дрянью, — смешливо приподнял шрамированную бровь Харди. — То колеса Фила, то трава какая-то ебейшая… Что еще, сука-бля?

— Ой, ну всякое бывало, — кокетливо отмахнулась Нина. — Ты что осудишь меня за это, Том Харди?

— Конечно! Отругаю и, сука-бля, накажу! — наигранно строго нахмурился сержант.

— Ммм… — улыбнулась Нина, подергав бровью. — Ладно, об этом потом… Вернемся в подвал. Алекс ударил Лизи, и она потеряла сознание. Я осталась совсем одна наедине с ним. Я думала это конец. Думала там мы с сестрой и останемся. Там и найдут наши тела. Я сидела на полу, вжавшись в бетонную стену и прощаясь с жизнью. А потом он говорит мне: «Скажи, что любишь меня!» «Я не люблю тебя…» — говорю я, глядя ему прямо в глаза. И вот после этого он и сказал, что убьет Лизи, и что лишь я буду виновна в ее смерти…

Том сидел, затаив дыхание и нервно теребя карман скамов.

— И тут произошло чудо! Лизи пришла в себя и бросила мне пистолет. Я схватила его трясущимися руками. Алекс не верил, что я смогу это сделать. Я и сама не верила. Но я смотрела на сестру и понимала, что, если не я… — навернула на глаза слезы Нина и поднялась с места. — Кровь прилила к моему лицу, а каждый нерв натянулся словно струнка. Вокруг повисла оглушающая звенящая тишина, лишь мое сердце отбивало сумасшедший ритм, эхом отдающийся в ушах, — артистично продолжала она, вытянув руки вперед и сложив пальцы в виде пистолета. — Я не могу… Не могу, — замотала она головой, зажмурилась и пустила из глаз наигранные слезы. — Эй, Нина, просто сделай это! — уверенно вскрикнула она и открыла глаза. — Я уверена. Я делаю, что должна, — после этих слов она изобразила выстрел.

Повисла непродолжительная напряженная пауза, после чего Нина обернулась к Тому и коротко поклонилась, улыбнувшись уголком рта.

— Это было… Сука-бля… Круто… — встал сержант и зааплодировал. — Это одна из лучших историй, что я слышал… Только одно мне непонятно. Какого хуя ты, шкура, не могла сбрехать Алексу, что любишь его? А если бы он ёбнул тебя и твою сестру?

— Ну не знаю, — беззаботно пожала плечами девушка и плюхнулась обратно на диван. — Просто не могу врать на такие темы.

— Но ведь, сука-бля, это могло стоить вам обеим жизней, — уселся рядом Харди.

— Ну и что?! — возмутилась Нина. — Ты не понимаешь?! Передо мной будто какой-то психологический барьер стоит в таких ситуациях! Ну не могу я сказать человеку, что люблю его, если не люблю! Я аж физически не могу этого сделать!

— Даже под дулом пистолета? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Даже так, — скорбно кивнула девушка.

«Послушай, Том, эта пизда до безобразия безумная… Однако это достойно уважения — иметь подобные нерушимые принципы…» — подумал Том, в который раз обведя взглядом ее с ног до головы.

— В общем, вот такая вот история… Дальше было много еще всего. Где мы только не пытались скрыться от полиции. И в Оклахоме, и в Вайоминге, и даже несколько месяцев прожили на Аляске. Короче, суть в том, что после всего случившегося, я нахожусь в розыске во всех штатах Америки, — закончила историю она. — Так что, я — известная на всю страну опасная бандитка!

— Ну я понял… Понял… — усмехнулся Том. — Бандитка… — протянул он, склонив голову на бок.

В этот момент у Харди зазвонил телефон. Он достал его из кармана скамов и посмотрел на экран. Звонил Леонид. Том подкатил глаза, но вызов принял.

— Минуточку, — прикрыл он ладонью динамик телефона. — Сейчас я поговорю и расскажу тебе, как и я побывал на Аляске… — сказал он и поспешил скрыться в ванной, предварительно захватив из холодильника пиво.

— Томми! Чегось молчишь? — орал в трубку Батлер.

— Да тут я, сука-бля, — ответил Том, закурив и пытаясь открыть бутылку одной свободной рукой. — Как твои дела? Как глаза?

— Да чай получше, — проорал Леонид и помог тем самым другу сорвать крышку с пивной бутылки. — Авось завтра выпишуть!

— Ну и славненько, сука-бля, — состроил фирменное ебало сержант и стал наспех заливать пиво в глотку. — Так, ладно, я тут это… Занят немного, давай позже позвоню.

— По кафЕ решаешь дела? Что там страховщики толкують? Возместять нам ущерб от этой пигалицы? — накинул громких вопросов бородач.

— Ага! Решаю, сука-бля, решаю! — затараторил Том. — Все улажу, Леонид. На крайний случай влезу в базу страхования от бандитских погромов. Ты там давай отдыхай, сука-бля, восстанавливай зрение и главное не забивай голову. Это уже мои проблемы, ты и так пострадал от этой шкуры.

— Ох, ну хорошо, Томми. Тогда я спокоен. Благость-то какая, что мы с тобой вместе занимаимсси нашими делами, а то б один я не сдюжил… — проорал Леонид.

— Ага, ага… Так, ладно, все. Пора мне, нет времени на разговоры. По второй линии тут звонят… Эти… Страховщики! — быстро докуривая, заговорил сержант.

— Ну давай! Погутарь там с ними да стряси поболе! — дал указ Батлер.

Том даже и дослушивать не стал дружеские вопли и сбросил звонок.

— А кто тебе звонил? — спросила Нина, когда сержант вернулся.

— Ой, друг, сука-бля, — вздохнул тот. — Небольшие проблемы на работе. Какая-то шкура вчера разъебала наше кафе, да еще и друга моего нехило травмировала, сука-бля! Теперь он попал в больницу с ожогом глаз.

— Оooy… Какой ужас! Бедный твой друг, — грустно помотала головой Нина. — Надеюсь, что он скоро поправится!

— Да куда ж он, сука-бля, денется! — отмахнулся Том. — Конечно поправится. В общем, слушай. Ты сказала, что была в Вайоминге, Оклахоме и даже жила на Аляске. Так и я там тоже везде побывал, не так давно кстати…

Так они продолжили непринужденно болтать о том, о сем. Оба, кажется, даже потеряли счет времени. И если для Нины это было нормой, ведь она находилась под действием колес Фила, то для Харди это было чем-то новеньким и совершенно странным. В какой-то момент Том даже поймал себя на мысли, что его уже не так и раздражает присутствие незваной гостьи. Хоть планы с поглощением пива и были сорваны, тем не менее этот вечер казался ему вполне себе уютным. Да и пива попить он все же умудрялся, то и дело сбегая в ванную и вскоре таким образом поднапиздившись до состояния «на веселе». Что мешало Тому снять маску и спокойно сидеть и пить вместе с Ниной, не шоркаясь по сортирам? Банальная привычка! Во всяких неординарных ситуациях, коей и являлось появление в еврочетырешке малознакомой девушки, ему всегда было комфортнее находиться в маске, как бы защищая себя от внешнего мира. Может, если бы Нина обратила на это внимание и попросила снять сию непонятную хуевину, он бы, скрепя сердце, это и сделал. Но та, кажется, и вовсе не замечала странный образ сержанта. А это значит маска ее совершенно не смущала, и ей и так было вполне комфортно находиться в компании Харди. И поскольку и ему было так комфортнее, то к чему рушить весь создавшийся нужный комфорт? Очевидно, что не за чем.

На Сиэтл уже вовсю опустилась ночь, а Том и Нина тем временем становились все пьянее, атмосфера — непринужденней, а разговоры — свободнее. Ближе к утру они добрались до весьма эмоционального обсуждения ситуации, сложившейся вокруг мистера Маршала Мэттэрса III, более известного в широких кругах по кличке Эминем. К слову этого белокожего господина одна нигерская община обвинила, что он без их спроса и ведома присвоил себе их расовое достояние — рэп, читая его направо и налево получше некоторых. После

этого Эминем погрузился в пучину судов, запретов и акций протестов, но об этом как-нибудь в другой раз.

— Вот назови мне хоть одного петушару, который читал бы лучше Эминема? — рьяно жестикулируя, возмущался Том.

— Ну… Разве что Тупак? — пожала плечами Нина. — Но это не точно…

— Вот именно, сука-бля, что не точно! — не унимался сержант. — Да пресловутым негритосом в жизни не достичь такой скорости читки, которую выдает Эминем! Ведь их черные рты с огромными губами не позволяют им этого сделать! Так имеют ли шмаровозы право называть рэп — своим? Считаю, что нихуя не имеют! Может они его и придумали, но Эминем у них его забрал.

— Согласна на все сто! — вставилась Нина, закивав. — Умейте проигрывать, как говорится! Если не способны показать такой же уровень, то просто не мешайте другим это делать. А вот это все, что они устроили… Ну такое… — неоднозначно помотала она рукой, брезгливо поморщившись.

— В точку, сука-бля, — состроил фирменный еблет Том. — Ну так, а какую еще музыку слушаешь? — резко перевел тему он, решив проявить заинтересованность.

— Да всякую разную, — бестолково поведала Нина. — Кстати, наша бабка по материнской линии, та что француженка, с детства пыталась привить нам с Лизи любовь к классике. Боже, этот Моцарт, Бетховен…

— Шуберт, сука-бля! — выставил указательный палец Том.

— О дааа! И он тоже! — рассмеялась Нина. — Мало было нам музыки, так она нас еще и танцам нахуя-то обучала! Танго, пасадобль, вальс…

— Это еще хуйня! Меня, сука-бля, вальсу учил отец! — перебил Харди, окончательно вспомнив лицо Министра тайн Великобритании, который так и нашептывал ему в мыслях, что даму стоит пригласить на танцы. Не успел Том прогнать советы отца из головы, как Нина подскочила с дивана и встала посреди гостиной в начальную вальсовую позицию: выпрямила спину, расправила плечи, левую руку положила на плечо воображаемого партнера, правую протянула в сторону. И закружилась.

— Раз-два-три… — приговаривала она, нарезая изящные вальсовые круги вокруг дивана.

Том, не отводя взгляда, смотрел за ней, крутя головой туда-сюда. Да, она совершенно точно безумна. Но вполне себе мила… Не успел Харди дать ей больше никаких оценочных суждений, как Нина подлетела, схватила за руку и вытащила в центр гостиной.

— Ооо… Не-не… Сука-бля, не… — замотал головой сержант, пятясь назад и пытаясь выдернуть свою ладонь из ее.

— Ну же, потанцуй со мной, Том Харди! — залепетала Нина, не намереваясь отпускать.

— Нет, сука-бля, не танцую… Это не в моих принципах, — буробил Том чепуху, усердно выдергивая руку. — У тебя же есть свои принципы… Вот и у меня… Не, не буду, сука-бля, — бился он в агонии внезапного белого танца.

— Ладно уж, не буду тебя заставлять, — резко отпустила Нина, и Том по инерции плюхнулся обратно на диван. — Но знай — ты много потерял. Я весьма неплохо вальсирую.

— Ну, сука-бля, в другой раз, — пожал плечами Харди, почему-то в глубине души уже пожалев, что отказал. — Нужна же музыка… Шуберт там, сука-бля, си-минор… — буробил он абы что.

— Ладно, я запомню, — подмигнула Нина и уселась рядом.

— Это вряд ли, — усмехнулся Том, вглядываясь в наркотический блеск в ее глазах.

Повисла неловкая визуальная пауза.

— А ты очень милый человек, Том Харди, раз впустил меня, накормил,

напоил, обогрел, выслушал… — заговорила Нина, не отводя взгляд. — Ты, должно быть, очень хорошенький!

— Ды… Я… Ну это… Сука-бля… — забился в агонии стеснения Харди.

Нина продолжила выжидающе смотреть, облизнув губы.

— Ты такой нерешительный, Том Харди, — тихо сказала она и потянула руки к его лицу.

Воу-воу! Что это она задумала? Неужто хочет снять маску? Но зачем? Надо бы разузнать?

— Что ты, сука-бля, такое хочешь сделать? — механически прошептал сержант, когда ладони Нины уже дотянулись до застежек на затылке.

— Ну как что, поцеловать, конечно! — ухмыльнулась девушка, приблизившись к его лицу уже настолько, что Харди тяжело было назвать это комфортным.

Сержант замер и задержал дыхание, словив нехилое дежавю, на мгновение ощутив себя на кожаном диване в стрип-клубе «Вишенка и Черешенка», когда Клубничная Эми залезла ему в трусы с твердым намерением подрочить. Вот и сейчас Нина была весьма серьезно настроена на поцелуй.

Но ясен хуй, по классике своей конченности, Том на подобное настроен не был. Он не будет целоваться, даже и не обсуждается! Но как избежать этого? Хм… Может провернуть трюк как в стрипухе с фейковым укусом и клацаньем зубами? Как такой вариант? Стоп, что ты делаешь? Зачем ты достал «беретту» из-за пояса? Томас, что за выходки… Ааа, ты решил просто ударить прикладом по голове и вырубить? Может все же вариант из стрипухи? Ах ну да, тогда ведь придется снять маску! Ну ладно, делай как знаешь.

Будучи долбоебом вселенских масштабов, так Харди и поступил. Один прицельный удар по голове, и взгляд Нины потерял всякую осмысленность, и через мгновение она рухнула головой прямо ему на колени.

— Сука-бля! Нахуя ж я это сделал? — воскликнул Том, охуевше уставившись на бессознательную девушку. — Ну ебаный в рот, какой же я петушара! — хлопнул он себя «береттой» по лбу.

Харди тут же стало бесконечно стыдно за свой кретинский поступок. Но тут к чувству стыда присоединилось еще одно, какое-то странное и заставляющее стыдиться еще сильнее. Пока он не понял, что это было, но отчетливо ощутил, что это вызвано мескалином, кажется, еще не до конца покинувшим его кровь. Том постарался отогнать от себя сумбурные мысли, и дабы хоть как-то загладить вину, решил отнести Нину на кровать. Может, она очнется и ничего не вспомнит. Точно! Ведь так и будет — колеса Купера сделают свое дело. Ох, ну хоть так. Но все равно хотелось обеспечить ей хоть какой-то комфорт на время ее отключки.

Сержант осторожно поднял Нину на руки и понес в спальню. Там уложил на кровать, а сам встал рядом. Он смотрел на нее, и дыхание стало учащаться. Вот оно, опять это мескалиновое чувство!

«Послушай, Том, а эта девка классная, ты б поебал ее… И она в отключке… Вспомни, как было пиздато с той, что была в коме… — побежали у него в голове дегенератские мысли, пока ебливый взгляд скользил по безсознательному телу. — По твоим расчетам, она проснется примерно в восемь вечера, а значит, ты успеешь ей присунуть, и сам поспать после этого, а потом решить дела со страховщиками, вернуться обратно, присунуть еще раз, и даже останется время на душ…» — бредил Харди, ведь последние оставшиеся капли мескалина разгорячили его до безобразия извращенную кровь.

Отбросив все мысли и принципы морали, сержант прилег рядом на кровать и стал пристраиваться сзади, уже расстегивая пуговицу скамов. В этот момент Нина перевернулась на другой бок, лицом к Тому, и сладко улыбнулась во сне, подложив ладонь под щеку. Удивительно, но она выглядела не как человек,

которого ударили прикладом до потери сознания, а как беззаботно спящая. Возможно, если не таблетки Фила, то она быстро пришла бы в себя, но видимо те заставили ее сразу же после этого уснуть, дабы перезагрузить мозги.

— Ну нет, сука-бля! Что это за шляпу я придумал? — вскрикнул Харди, уставившись на улыбающуюся Нину. — Сука-бля, похоже мескалин все еще не отпустил до конца! — вскочил он с кровати и ударил себя по голове.

Сержант, одолеваемый муками совести, кинулся к комоду, достал оттуда клетчатый плед, укрыл им Нину, аккуратно, чтобы не потревожить безмятежный сон, и улегся рядом.

— Хороший все же вечерок вышел, и пива попил и было очень даже уютно… — вслух размышлял Том, продолжая смотреть на девушку. — Неплохо, что зашла… Разве что Пина Колады не выпил… — бормотал он, зевая, и сам не заметил, как провалился в сон.

Глава 113: Бандитка

Том сидит за столом стрип-клуба «Вишенка и Черешенка». Вокруг громыхает музыка, мигает стробоскоп. Недалеко на сцене танцует экстравагантный танец качок-блондин в костюме Тора, то и дело облизывая соски какому-то бугаю в костюме Халка, а то и вовсе хозяину клуба — пучеглазому Гоше Куценко.

Но Тому не интересно это шоу. О его бедро трется Клубничная Эми, параллельно надрачивая и шепча на ухо всякие непристойности. Харди закрывает глаза, наслаждаясь моментом, а в нос ударяет сладкий запах шампанского и клубники.

Возбуждение на пределе. Не открывая глаз, он кладет ладонь на небольшую упругую грудь стриптизерши и мнет ее. Он чувствует подступающую волну внизу живота и уже готов кончить, как его кое-что отвлекает.

— Никто не знает каково это чувствовать то, что чувствую я, — раздается откуда-то издалека хуевое песнопение, принадлежащее далеко не Фреду, и уж тем более не Дерсту, ибо поют с ебаным славянским акцентом.

Том вновь закрывает глаза, дабы сосредоточиться на дрочке, и сильнее сжимает клубничную сисечку. Эми же наращивает темп рукой, и интенсивнее трется бедром о бедро сержанта.

— Но мои мечты — они не так пусты! — раздается уже громче, отчего Харди, преисполненный возбуждением, опять отвлекается от дела.

С каждой секундой песня становится будто все ближе и ближе. Том вновь открывает глаза и начинает оглядываться по сторонам, дабы найти источник хуевого песнопения. Но стриптизерша не отвлекается и продолжает тереться.

— Никто не знает каково это… — слишком громко раздается у него в ушах.

Том медленно открыл глаза и понял, что то был сон. Обидно, конечно. Хороший был сон… Уютный и многообещающий.

— Но мои мечты не так пусты, как может показаться! — хоть и приглушенно, но все равно невыносимо громко раздалось пение со славянским акцентом. Оно доносилось будто бы со дна колодца. А все это был Олег Табаков, который нет-нет да любил потренироваться в англоязычном пении, отчего его соседи по стояку практически каждый вечер слушали всю эту хуйню.

Хм, Том, а ну-ка подожди. Если все это тебе приснилось, так почему же в твоей ладони находится что-то мягонькое, и что это, черт возьми, лежит на члене, который в добавок ко всему стоит?! Забившись в агонии пробуждения, Том вмиг взбодрился и ошарашенно осмотрелся. И то, что он увидел, непременно ввело его в еще большее охуевание! Наглая девка по имени Нина, вписавшаяся к Харди накануне, совсем распоясалась во сне! Она не только привалилась к сержанту под бочок, так еще и ногу на него закинула! Да не просто закинула, а ворочалась во сне, пытаясь приуютиться и тем самым трясь своим бедром о его бедро, а коленом — о его пах!

Сержант вмиг покраснел от сложившейся утренней ситуации и замер.

«Послушай, Том, только не шевелись! Будет очень неудобно, если шкура проснется и спалит, что уперлась в стояк! Решит еще, что ты извращенец какой-то, сука-бля. И тут уже не объяснишь, что все это не специально, да и вообще нормально, ведь заложено природой…» — думал он хуйню, нарочито спрятав от самого себя мысли, что несколько часов назад хотел выебать ее отрубленную. Все же стало стыдно за свои мысли, Томас? Значит, еще не все потеряно! Не совсем еще конченый ты человек!

Через пару секунд Нина почмокала губами, улыбнулась и замерла, найдя комфортное для сна положение — положив голову на не на шутку раскаченный

грудак Тома. Сержант облегченно выдохнул и хотел было тихонько вылезти из-под девки, как вспомнил, что в руке что-то лежит. Опустив взгляд, он приметил, что сжимает ничто иное, как девичью грудь. Воу! Совсем ебанутый? Почему раньше не обратил внимание на все это? Ну и как оно? Ну же, колись и делись впечатлениями!

Вмиг Тому стало невыносимо стыдно за происходящее и, не чураясь разбудить гостью, он выскочил из-под нее, словно из-под горящего куска дерева.

К его счастью, Нина так и не проснулась, но вновь заворочилась.

— Сука-бля, шкура, какая же ты ебанутая. Хули спишь так ебано, — пробурчал сержант, сам не понимая зачем — накрыв ее пледом. — Ну все, сука-бля, спи, пизда, — похлопал он спящую девку по плечу.

Но та, будучи человеком неугомонным с рождения, сдернула с себя ебучий клетчатый плед и перевернулась на спину.

— Сука-бля, хули ты раскрываешься, — молол бред Харди и хотел было вновь укрыть девушку, как приметил выпирающие через ее футболку бугорки в области груди.

Конечно же, это были соски. Вот это удача! Кажется, в твоей кровати лежит девчонка без лифчика! Признайся, случалось когда-нибудь такое? Мм? Но ты даже и не думай заглядывать под футболку, а то еще проснется и устроит грандиозный скандал. На кой тебе слушать бабьи визги с самого утра? А стоп, какое утро? Сейчас почти восемь вечера! Ого! Так, ладно, что встал, долбоеб? Не видишь — девушка замерзла, раз уже и сосочки дыбом стоят! Скорее накрывай ее! Эй, алло! Что с тобой?

— Что за хуета, сука-бля? — спустя минуту залипания помотал головой сержант Харди, похлопав себя по щекам. — Почему ты себя так ведешь, Том? Человек пришел в гости, рассказал ряд охуенных историй, создал уютный вечерок… А ты, сука-бля! — виновато посмотрел он сначала на девушку, а затем укоризненно на свой стояк. — Так, надо что-то с этим делать. Так дело не пойдет! Нужно срочно решить проблему, пока она не проснулась! А-то ж пиздос как неудобно! — похмельно порешал он, вновь накрыл Нину пледом и удалился в ванную, дабы уже скорее передернуть.

Закончив свои обдроченные дела, удовлетворенный Том ополоснулся в душе, сменил одежду, встал перед запотевшем зеркалом, протер его и уставился на отражение.

— Что-то оброс, сука-бля… — провел он ладонью по лысине, где уже проросли волоски, длиною в миллиметр, если не меньше.

Обильно обмазав голову пеной, Харди вновь уставился в зеркало.

— Пиздец, сука-бля, ты дегенерат, — усмехнулся он. — Будто шапочку для плавания надел, — похлопал он пенную шапку на голове, откинул лезвие опасной бритвы и хотел было побриться, как вдруг в дверь ванной постучали.

— Лизи, это ты там? — послышался потерянный женский голос по ту сторону.

Ох, кажется это Нина, и сейчас она застукает тебя за бритьем! Как-то негоже! Решит еще, что ты тут перед ней решил повыебываться и навести марафет. Мол, распетушился и все дела… Девочки такого не любят! Немедленно смывай эту хуйню и ответь уже ей хоть что-то! Скажи, что это ты и чтоб не волновалась, наверняка она все позабыла под колесами Фила! Представь, в каком человек шоке. Немедленно успокой ее!

— Нет, это не Лизи, — усмехнулся Том.

Ну молодец! Не нашел, что сказать лучше? Почему не послушал мудрого совета? Все, теперь она точно решит, что ты долбоеб ебаный и покинет твою халупу! Хотя подожди, еще не все потеряно! Она же походу и впрямь не знает, что за дверью ты? Знает только то, что там не Лизи. Так, Том, успокойся, сейчас

реабилитируемся! Маску надевай и выходи, будем импровизировать.

Том неспеша смыл с головы пену, причесал пальцами влажные, но не пышные брови и принялся надевать маску. А все это время за дверью завывала явно напуганная девушка, моля о помощи и стуча в запертую входную дверь еврочетырешки.

— Не надо так кричать, пизда, — успокаивающе сказал Том, выйдя из ванной и застегивая ремешки маски на затылке.

Нина же уставилась на него охуевшим взглядом и, кажется, даже побелела от шока. Блять, чувак, определенно, таблетка Фила действует, и эта девка тебя забыла! Но пока это не точно, нужно проследить. Черт, подзорная труба твоего предка сейчас оказалась бы кстати…

— Пива или чего покрепче? — непринужденно спросил Том, дабы разрядить атмосферу и показаться самым гостеприимным на свете человеком.

— Том Харди?! Чувак, откуда ты тут взялся? — охуела Нина. — Почему ты живой? Тебе все же кто-то соизволил вызвать «скорую»?

Ох, блять! Хоть она тебя и помнит, но выходит, что все еще хуже, чем представлялось изначально! Она не знает, что ты выжил после того раза, когда тебя порезал Декстер. Вот же отстой какой!

— Ну да, вызвали, шмаровозы, — непринужденно ответил Харди, оттянув воротник тенниски и посмотрев на приклеенный к левой груди пластырь.

— Что это за место? Зачем ты меня сюда притащил? — продолжала накидывать абсолютно неважные вопросы Нина. Вот на кой Тому все это выслушивать? Лучше б рассказала еще раз историю о том, как убила своего брата. А еще лучше — показала бы его фотографии. Все же интересно — носил он шляпу или нет.

— Ах, ну да, сука-бля! Я совсем забыл, что ты под теми Портлендовскими таблетками, — ударил Том ладонью по лбу. — Так пива или чего покрепче? — продолжил он неуверенный и неуместный флирт.

Тут Нину настиг приход, прихватив с собой приступ панической атаки. Девушка заметалась по квартире, громя все на своем пути.

— Эй, ты что творишь, падла? — неожиданно для самого себя разозлился Харди и кинулся ловить ее.

— Блять, пожалуйся, отъебись от меня, Том Харди, мне очень страшно! Оставь меня в покое! — лепетала девушка, оббегая гостиную по периметру.

— Да угомонись ты, сука-бля, и прекращай бардак мне тут устраивать, — бесстрашно говорил сержант, пытаясь догнать девушку и одновременно с этим подбирая разбросанные ею вещи и закидывая их за диван, как бы наводя порядок, ведь прослыть перед девкой неряхой не очень-то и хотелось.

Весь этот цирк продолжался пару минут, после чего Харди изловил девушку.

— Все, пизда, угомонись! — рявкнул он, крепко сжав руками брыкающуюся Нину. — Ты под теми ебаными колесами, ты должна успокоиться и прекратить устраивать всю эту хуету, пока не сотворила еще большей ебалы! Я, сука-бля, знаю, что говорю! И сам принимал эту хуйню Купера!

Но не успел Том больше ничего сказать, как Нина, дабы высвободиться из сержантской хватки, со всей силы укусила его за руку, прокусив кожу до крови.

— Ай, сука-бля, охуела? — воскликнул Харди, не ожидая подобного поворота событий.

Хватка ослабла, и девушке удалось выбраться. Она, не задумываясь, подлетела к раскрытому окну и выпрыгнула на улицу.

Нина упала на карниз магазинчика, находящегося прямо под окнами квартиры сержанта, затем шустро встала и начала спускаться вниз. Проделывая все эти наркоманские манипуляции, девушка зацепилась правым боком за какой-то крюк, торчащий из бетонной плиты. Наконец спустившись, Нина на всех парах побежала по улице. Странно, а с таким ранением возможно так

быстро бегать? Наверняка это из-за колеса Фила! Ибо ну невозможно бегать с такими травмами!

— Эй, ты куда, шкура? — крикнул Том, по пояс вылезший из окна. — Такая ты бандитка, пииздос! — усмехнулся он под нос. — Эй, вы! — окликнул он своих наемников-наркобарыг, куривших на углу дома в ожидании распоряжений. — Быстро догоните ту девку и приведите ко мне — она ранена!

Наемники сломя голову ринулись в погоню, побросав бычки на асфальт. Вдруг они достали из-за пазух пистолеты и открыли по девушке огонь.

— Да вы что, сука-бля, творите, ебанаты? — взорвался Харди, наблюдая за подчиненными из окна. — Я же сказал поймать ее и привести ко мне! Кто вам давал команду стрелять? Я лишаю вас тринадцатой зарплаты! — промолол он невменяемую хуйню.

Благо, Нина ловко уворачивалась от пуль. Но наемники были неумолимы и продолжали преследование. Вдруг, откуда не возьмись, на горизонте появился Декстер Морган с огромным ножом в руке и вступил с наемниками в бой. Нина же свернула в переулок, безумно убегая незнамо куда.

Том охуевше помотал головой и засунулся обратно в квартиру. Он молча уселся на диван в гостиной, снял маску и закурил, уставившись охуевающим взглядом перед собой.

— Сука-бля, что произошло и что, сука-бля, происходит? — пролепетал он. — Куда ебанутая побежала? Почему? Зачем ты пытался остановить ее, ведь вчера хотел, чтоб она уебала? А теперь шкура ушла и как-то пусто стало… Сука-бля, еще и бок подрала о крюк. Наверное, больно… Вдруг заражение… А еще эти наемники… Сука-бля… Как-то неудобно получилось, что они начали стрелять. Но может шкура и не поняла, что это твои ребята? Да и к тому же петушара Декстер их убил, а значит, что как бы теперь не на кого обижаться, — бредил Том. — Откуда он тут вообще взялся? И куда шкура съебалась? Нормально все же все с ней? Или нужна помощь?

Пробормотав все это и докурив сигарету до фильтра, Харди затушил бычок и залип на место укуса на руке. Так и просидел около двух часов, не понимая, что происходит в его жизни.

Вдруг в дверь еврочетырешки кто-то постучал. Сержант Том отлип и поспешил открыть.

«Послушай, Том, вот бы это была шкура. Так, стоп, сука-бля! Быстро выброси эти глупости из головы! Во-первых, зачем тебе вообще это надо? Ну а, во-вторых, откуда ей тут взяться?» — размышлял он по пути.

— Ты кто еще, сука-бля, такой? — раскрыл дверь Харди и приподнял шрамированную бровь, увидев на пороге какого-то кавказца, держащего на руках девушку.

Незнакомец, не желая ничего объяснять, молча прошел в квартиру, мягко протопав по паркету из беленого дуба красными мокасинами, и уложил на диван женское тело, которое и держал в руках.

— Я тэбэ тут дэвушку принес, брат, — улыбнулся хач, обернувшись к Тому и вытирая об него окровавленные руки.

— Я не понял… Не понял… — забился в агонии нежданной встречи Харди, охуевше уставившись на бессознательное тело, которое принадлежало… Нине? Вот уж встреча так встреча! Хотя, чему ты удивляешься, разве не об этом ли ты мечтал минуту назад? Но что-то не совсем она в здравии… Кажется, дело плохо. Нужно осмотреть!

— Ты это… Подлатай ее, подшаманъ… А потом позвони мнэ, брат! — протянул хач визитку Тому. — Я вас прокачу с вэтэрком!

— Ты таксист что ли, сука-бля? Это она дала тебе мой адрес? — поинтересовался Харди, доставая из кармана деньги. — Сколько она тебе

должна?

— Нэ важно откуда я взял твой адрэс! Нэ надо никаких дэнег, брат! — выставил ладони вперед и попятился на выход таксист-паромщик по имени Алан Дзагоев, по крайней мере, так было написано в визитке.

— Да что происходит?! Что за дрочь?! — продолжал охуевать сержант.

— То бэрэг лэвый нужэн им, то бэрег правый… — по-русски запел Дзагоев, смерив томным взглядом сначала Нину, а затем и Тома. — Влюблэнных много — он одын у пэрэпрааавы… — протянул он и юркнул за дверь.

— Стой, сука-бля! — взорвался Харди, не понимая ничего.

Он бросился к двери и выглянул на лестничную площадку. Но та оказалась пуста, а в подъезде стояла тишина — не было слышно ни шагов, ни пения.

— Что за ебала… — прошептал Том и в ужасе закрыл дверь на все замки.

Тут он вспомнил, что в квартире находится раненая девушка, которой определенно требуется медицинская помощь. И кто, если не он поможет ей? Том подошел к Нине и посмотрел на рану, частично видневшуюся сквозь рваную футболку.

«Послушай, Том, пиздец шкуре досталось от того крюка, — подумал он, оценивая масштабы травмы. — Без зашивания, сука-бля, тут не обойтись! Так, нужно срочно помочь. Кажется, пизда уже потеряла много крови», — поспешил он к себе в спальню за аптечкой.

Через минуту он вернулся, аккуратно присел рядом с диваном, где лежала девушка, снял маску и стал разрезать футболку, прилипшую к ране.

Проделывая это, Том еще раз удостоверился, что Нина была действительно без лифчика. Но будучи человеком воспитанным, он решил оставить верх футболки на ней, дабы прикрыть хоть и маленькую, но оттого не менее манящую к себе грудь. Далее он взял с кухни ром, вернулся обратно и промочил им рану.

— Аааай, — слабо вскрикнула Нина, придя в себя, но не открывая глаза.

— Тихо, тихо, — попытался успокоить Харди, всовывая хирургическую нить в иглу. — Придется немного потерпеть. Будет больно, — предупредил он и спустя мгновение вонзил под ее кожу иголку.

Раненая девка застонала от боли.

— Может, расскажешь мне какую-нибудь историю? — решил отвлечь ее, а заодно развлечь и себя Том, сконцентрировавшись на ране.

— Какую историю? — промямлила Нина. — Ай, блять! — воскликнула она, когда Харди сделал стежок.

— Нууу… Например, сука-бля, из детства, — пожал плечами Том. — Только смешную.

— Ээээм… — задумалась Нина, не открывая глаз. — Был один курьезный случай… Было мне тогда четырнадцать. Я стащила с кухни пьезу и подожгла все шторы в нашем особняке. Затем сработала пожарная сигнализация и мало того, что в доме был пожар, так еще случился и потоп…

— Очень веселая, сука-бля, история… Очень… — ухмыльнулся Харди, продолжая штопать рану и вспомнив, как и сам в юношестве поджигал шторы в фамильном поместье, сваливая свое хулиганство на кухаров. — И нахуя ты это сделала, пизда?

— Ну что значит нахуя? А нахуя мои родители возили меня по врачам, думая, что я сумасшедшая? Вот и получили сумасшедшую…

— Почему они думали, что ты сумасшедшая? — накинул вопрос Том, продолжая сшивать края раны, а вместе с этим, сам того не подозревая, все больше и больше проникаясь к девушке. Отчего-то Тому показалось, что они с ней нехило так схожи. Но все это пока лишь домыслы, нужно познакомиться поближе.

— Я много лет страдала от панических атак, да и вообще — у меня

обсессивно-компульсивное расстройство, — объяснила Нина, поморщившись от боли. — Но это совсем не говорит о том, что я сумасшедшая.

— Ну да, не говорит, — кивнул Том, на все сто соглашаясь с ее словами. — Мне тоже ставили диагноз — пограничное расстройство личности. Но это же не делает меня, сука-бля, психом! Ну все! Готово! — отрезал он нить и принялся накладывать на рану повязку.

Спустя минуту Нина открыла глаза, слабо приподнялась на локтях и огляделась по сторонам.

— Оooy… Том Харди? — прищурено уставилась она на сержанта, застегивавшего на затылке маску. — Это ты меня спас? Спасибо, ты очень милый человек… Ты это, прости меня, что разгромила тебе квартиру… Это же моих рук дело? Так?

— Ну да, твоих, шкура, — расставил Том руки в стороны, состроив под маской фирменный еблет. — Впрочем — похуй. Прощаю. Ты же сумасшедшая — тебе простительно, — усмехнулся он и пошел в сторону спальни.

Через минуту он вернулся и кинул в руки Нине одну из своих футболок.

— На вот, оденься, пизда, — пояснил за шмот Харди. — Твою футболку мне пришлось порезать.

— Такой ты сумасшедший парень, раз порезал ее, — усмехнулась Нина, повернувшись спиной к сержанту, сняла драную футболку и надела подгон от Тома. — Я потом ее обязательно верну.

— Да забей, — отмахнулся Харди и пошел в сторону кухни. — Есть будешь, сука-бля? — извлек он из холодильника замороженную пиццу и, не дожидаясь ответа, швырнул в микроволновку. Ох, какие мы заботливые! И что на тебя только нашло, не поделишься?

— Ну давай, — кивнула Нина и села за стол. — Слушай, а ты очень добрый парень, раз подлатал меня, приодел, теперь еще и накормишь.

— Ага, сука-бля, ты уже говорила мне это в прошлый раз, — буркнул Том, нервно оттирая ногтем засохшую грязь на микроволновке.

«Послушай, Том, послушай… Сука-бля, что-то не так сейчас происходит. И не только вокруг, но и внутри тебя. Чувствуешь, петушара? Что за ебала такая? Сука-бля, и милым она тебя назвала, и добрым…» — бежали мысли в контуженой голове сержанта.

— Все это так странно, — пожала плечами девушка. — Вот Джейк говорил про тебя совсем другие вещи. Ну, точнее, не лично мне, а моей сестре, которая, конечно же, рассказывает все мне.

— В смысле? — непонимающе обернулся Харди, нахмурившись и забившись в агонии сплетен про самого себя.

— Ну, Джейк только и делает, что говорит ей какая же ты конченая мразь! Рассказывает истории, как ты спиздил вашу мать, принуждал его торговать наркотиками, людьми… А еще как ты чуть не набил ему партак хуя!

— Стоп, сука-бля! Чегооо? Это я его принуждал? Что за хуйню мелет пиздюк? — возмутился Том, охуев от подобных заявлений. Нет, он, конечно, тот еще мудаак, но разве все эти истории про него?!

— Ну не знаю, Джейк так говорит, — развела ладони девушка, виновато поджав губы.

— Хорошо, сука-бля, хорошо… Я разберусь с этим шмаровозом, — подвигал желваками Харди. — А на счет партака в виде хуя… Было такое, да только жид не рассказал, что было до этого! Как в течение нескольких недель он доводил меня до белого каления! Сука-бля, зря все же я тогда не набил ему хуй! Навсегда бы запомнил, что я не люблю! Когда меня поливают говном за глаза! Так что запомни, сука-бля, половина его слов — пиздеж ебаный! — не на шутку вскипел он, ведь ему не понравилось, что эта хоть и ебанутая, но милая девка будет о сержанте неправильного мнения.

— Хорошо, — коротко кивнула та. — Слушай, а вот ты сказал, что у тебя пограничное расстройство. А панические атаки тоже были? — перевела она тему.

— Ясен хуй! — изумился сержант, наводя в миксере Пина Коладу. И нет, не для себя, как могло бы показаться на первый взгляд. Для нее. Слушай, Том, кажется, с тобой и впрямь происходит что-то странное. К чему вся эта милая забота?

Закончив приготовление и подав девушке коктейль, Харди начал рассказывать про свои приступы панических атак, сопровождая это артистичным представлением с валянием по полу и демонстрацией нехватки кислорода. Девушка, поедавшая пиццу да попивавшая сливочный коктейль, весело хохотала над выходками Тома, в довесок к своим предыдущем словам объявив его очень веселым человеком.

Так ребята за непринужденным обсуждением своих психических отклонений не заметили, как прошло больше часа.

— Кстати, чуть не забыл! — заявил Том, вытирая слезы смеха с уголков глаз. — Я не совсем правильно выразился, сказав, что у меня пограничное расстройство личности. Мой кореш-мозгоправ поставил мне этот диагноз, но через несколько лет пришел к выводу, что у меня и вовсе биполярное расстройство личности.

— Оу, как это мило, — наклонила голову набок Нина.

— Сука-бля, шкура, что в этом милого? — дерзанул Харди, ведь его не на шутку взбесила беззаботность девушки. — Знаешь, как хуево метаться из крайности в крайность? И сколько проблем мне это принесло? Нет, не знаешь? Ну и помалкивай, пизда!

— С хуя ли я не знаю, пидор? — вспылила и Нина, а сержант даже опешил, ведь мало кто из женских особ, не беря в расчет старушку Мэрил, позволял дерзить ему в ответ. — Так-то один мозгоправ тоже предполагал, что у меня биполярочка! Думаешь охуенно, убив человека, захотеть свести счеты с жизнью и даже попытаться это сделать, а уже на следующей день тебе охуенно весело и ничего тебя не ебёт?

«Послушай, Том, ты это слышал? Кажется, ты и впрямь схож характерами с этой шкурой. Разве что, ты не такой ебанутый. Наверное, она и понять тебя может, сука-бля, как никто другой, ведь и сама больна этим биполярным недугом», — пробежала в голове сержанта бестолковая мысль.

— Оу, а это и правда мило, — улыбнулся он уголками глаз. — Значит, сука-бля, мы с тобой понимаем друг друга, как никто другой. Да, сука-бля, нам, сумасшедшим, надо держаться вместе.

— Ну, значит, останусь у тебя жить, — засмеялась Нина, разведя руки в стороны.

Повисла неловкая биполярная пауза, во время которой парень и девушка неотрывно смотрели друг другу в глаза.

«Послушай, Том, какой у нее носик прикольный, а губы, сука-бля… Такие, нежные что ли. А цвет глаз какой необычный. Зеленый. Кажется, ты где-то читал, что это редкость. Или Батлер это рассказывал, или Джейки… И брови такие прикольные у нее. Красиво, что они темнее волос на голове. Интересно, а она красит волосы, или натуральная блондинка? Наверняка красит. Кажется, это называется… Эээм… Шатуш? Омбре, сука-бля? Да откуда ты только знаешь все эти бабьи слова? Точно! Киану так покраситься хотел и всю голову забил, показывая свое фото с наложенной в мобильном приложении прической, подобной шкурьей… Интересно, а как бы Киану добился такой длины? Нарастил бы волосы?», — бредил сержант Харди, детально рассматривая девушку.

— Блин, ну может ты уже снимешь маску? — выдернула его из грез Нина. — Я

хочу посмотреть на лицо своего спасителя.

«Послушай, Том, какого хуя? Не будешь ты ее снимать! Ты стремный! Да нет, почему? Мелисса говорит, что красавчик. И Лео так считает, и жиденок… Клубничная шмара тоже говорила, что я милый… Сука-бля, а вдруг сниму и что-то пойдет не так? Сука, в маске все же комфортнее, безопаснее… Блять, о чем ты вообще думаешь! Она просто хочет знать, как ты выглядишь, что тут такого?!» — бился в агониии перебарывания себя Харди, не замечая, как рука уже потянулась к застежке на затылке.

Вдруг послышался звук ключа, вставленного в замочную скважину.

— Батлер, сука-бля, — одернул руку Том, сказав реплику таким тоном, будто это был не друг, а жена, которая раньше вернулась из командировки и вот-вот застукает его с молодой любовницей.

Дверь открылась и в квартиру эффектно зашел бородач.

— Бляяяя… — ошарашенно протянула Нина, уставившись на Леонида.

— Томми, да ты чай шутишь?! — взорвался Батлер, гневно хлопнув ладонями по бедрам, обтянутыми кожаными штанами. — Зачем ты приволок эту вертихвостку в дом?

— Леонид, ты что, сука-бля, ее знаешь? — перевел Харди удивленный взгляд с Батлера на Нину.

— Как же не знать? Как не знать-то! — закудахтал бородач. — Эта девица мало того, что разгромила наше кафЕ, так я еще два дня из-за нее провалялся в госпитале с ожогом глаз!

— Ну теперь понятно, что за сумасшедшая это была, — усмехнулся Том, подмигнув девушке.

— Батюшки! — схватился за щеки Леонид. — А в хате-то кто такой беспорядок устроил?!

— Да кто-кто? — ухмыльнулся Харди. — Вот эта бандитка! — указал он рукой на девушку, решив немного с ней пофлиртовать таким вот образом.

— Я ни в чем не виновата! — подскочила со стула Нина, подняв ладони. — Это все наркотик! Да и вообще… Я все вам возмещу! Мой отец — богатый человек! Сколько я вам должна? Просто назовите сумму!

— Да ничего не нужно, пизда! — отмахнулся Том, показывая, что он вполне себе самодостаточный человек.

— Томми, да ты хоть видал, что эта пигалица натворила в нашем кафЕ? — возмутился Батлер. — А как же мои глаза? — заорал он так сильно, что все вещи, разбросанные по квартире, встали обратно на свои места.

— Ой, сука-бля! КафЕ? Да у нас этих кафЕ, как собак нерезаных! Подумаешь! — встал на защиту Нины сержант Том. — А квартиру ты и сам вон как прибрал! — обвел он рукой гостиную. — А глаза… А глаза, сука-бля, заживут! — подмигивал он другу, махая головой в сторону девушки.

— Мать честная, Томми! — ахнул Леонид, охуев он намеков друга. — Может, тогда я пирог испеку по такому поводу? Выпьем чайку за знакомство?

— Это что — развод какой-то или что? — настороженно прищурилась Нина и стала отступать в сторону выхода. — Это что — тайный шифр какой-то? Вы так договариваетесь меня избить? Или вы своими пирогами хотите заманить меня в ловушку, взять в плен и требовать выкуп у моего отца? — несла она наркотическую ересь, пытаясь наощупь найти ручку входной двери, в которую уже уперлась спиной.

— Ты здравая, сука-бля? — приподнял шрамированную бровь Харди, переглянувшись с другом.

— Ну, вообще-то, нет! Я же только что тебе рассказывала, что я сумасшедшая! — нервно засмеялась она. — Но ты не думай — это не как со шторами! Их я подожгла специально, а тут я себя не контролировала…

— Чёёё? — вытаращился Батлер, эффектно округлив рот.

— Леонид, забей! Она просто под колесами Фила Купера, — пояснил за женские бредни Том. — Успокойся, шкура, никто тебя не собирается бить, я же говорил — это не в моих принципах!

— Нет, я, пожалуй, пойду… Еще раз прошу прощения за ваше кафЕ, — положила ладонь на грудь Нина. — Леонид, желаю твоим глазам скорейшего выздоровления! Том Харди, а тебе спасибо за то, что приютил, обогрел, накормил, подлатал, приодел… Футболку я тебе обязательно постираю и верну!

— Да хорош, шкура! Куда ты собралась-то? — забился в агонии неизбежного прощания Харди, но все же надеясь хоть как-то удержать девушку.

— Мне нужно срочно найти мою сестру! — продолжала отпираться Нина, уже открыв входную дверь. — Хотя я даже и не знаю, где она… То ли в Торонто, то ли в ЭлЭе…

— Вот именно, сука-бля! Давай я помогу тебе ее найти, — все пытался остановить девушку Том, понимая, что та ускользает из его рук.

— Да-да, оставайси! Томми дело говорит! — неграмотно пришел на подмогу Леонид. — Чай сестра твоя никуда не денетьси! А ты в какую-нибудь передрягу только влипнешь! Утро вечера мудренее! Завтра с утра я тебя сам подкину, куда тебе нужно!

— Нет-нет! Спасибо, парни, но мне, действительно, уже пора! — сделала шаг назад Нина, тем самым покинув квартиру.

— Да стой ты! — кинулся за ней Харди. — У тебя хоть деньги на дорогу есть? — схватил он ее за запястье, а та в ответ отрицательно помотала головой. — На вот — держи! — достал он из кармана скамов три скомканные стодолларовые купюры и сунул Нине в ладонь.

— Спасибо, — улыбнулась она, выдернула руку из хватки парня и рванула прочь.

Том проводил грустным взглядом убегающую Нину и вернулся в квартиру.

— Ну, спасибо, сука-бля, Леонид, удружил! — раздраженно захлопнул он дверь.

Батлер лишь возмутительно открыл рот, словно глупая рыба, не понимая, что сделал не так.

— Не мог, сука-бля, как-то помягче с ней? Нахуя начал нести весь этот бред про пирог?! — плюхнулся Том обратно за стол, снял маску и закурил. — Такой ты ублюдок, Леонид!

— Томми… Я ничегось не понимаю. Какова тут моя вина? — растеряно пробормотал Батлер. — Ты намекнул, что она тебе нравитси, вот и предложил пирога отведать, чисто за знакомство…

— Чего, сука-бля? Нравитсси? — покривил ебалом Харди.

— Ну да, — пожал плащом бородач. — Ты же подмигивал, указывал на нее, явно намекая, что девчуля симпатишна тебе…

— Ты совсем ебанулся, петушара? — слишком озлобленно продолжил быдлить Том. — Ты же знаешь, что меня не интересуют никакие отношения! Что за хуйню несешь?

— А что ты так завелсси? — усмехнулся Батлер, раскусив друга. — Томми, это нормально! Тебе двадцать девять, ужо давно бы пора влюбитиьси!

— Я тебе сейчас ебало набью за такие слова, — совершенно серьезно сказал Харди, уничтожающе посмотрев на друга и бьясь в агонии влюбленности, о которой не было смысла признаваться даже себе, все равно сержант отметет этот вариант.

— А это что такое? — решил перевести неудобную для друга тему Леонид, криком указав на синяк на руке Харди.

— Да так, шкура укусила, — пизданул Том, посмотрев на место укуса. — Знаешь, как писал Лев Толстой? Мм, Леонид? Он писал так: «Хорошенькая женщина должна уметь кусаться, иначе за что же ее любить?!» — ляпнул он

русскую мудрость, залипнув на синяк и глупо улыбнувшись.

— Батюшки свят… — охуел хлеще некуда от услышанного бородач и абсолютно точно понял, что, кажется, в еврочетырешки начинается новый период жизни. Время мозгоебства и самоотрицания. Ведь то, что друг пропитался нехилой симпатией к ебанутой девке, тут и к бабке не ходи! Очевидно же, ну! А с учетом того, какой Том ранимый долбоеб, то Батлера непременно ждало море нытья и быдлежа со стороны сержанта.

— Пойду Джейки позвоню, — встал из-за стола Том, взял из холодильника бутылку пива и направился к себе в спальню.

Там он уселся на подоконник, открыл об него же бутылку, набрал брату в Вайбере и присосался к горлышку, наблюдая за ночным пейзажем города через окно.

— Алло, Томми? Привет, братишка! — принял видео-вызов Джилленхол, помахав растопыренной пятерней.

— Здравствуй, сука-бля, пиздюк, какие дела? — поприветствовал Харди, открыв форточку и закурив.

— Ой, да так себе. Кое-какие проблемы, Лисоньку опять потерял, — тяжело вздохнул Джейк, опустив уголки бровей.

— Хуйня все — эти твои проблемы. Куда большая проблема у тебя состоит в том, что ты распускаешь про сержанта всякие слухи, — вкрадчиво сказал Том, решив сходу побыдлить на брата, а уж потом рассказать остальное.

— Какие такие слухи? — превратился в виртуальную сову парень из шара.

— Ну как? Что твой брат — конченая мразь. Как он спиздил вашу с ним блядскую мать, принуждал тебя торговать наркотиками, людьми, как чуть не набил партак хуя… Что, не говорил ничего и никому подобного, жиденок? — состроил фирменный еблет Том, затянулся и выпустил дым прямо в камеру.

— Оооу… — протянул Джилленхол, делая вид, что отмахивается он несуществующего дыма. Повисла минутная телефонная пауза. — А кто тебе все это рассказал, я не пойму.

— Да так… Шкура одна. Сестра твоей жены. К слову, сука-бля, ей об этом поведала твоя рыжая шкура, а ей, в свою очередь… Ты! — сказал сержант, выпуская колечки дыма из разгневанных ноздрей.

— Ой, не обращай внимания! Лисонька у меня порой как испорченный телефон работает. Ей вроде говоришь одно, а она потом выпьет, да не так начинает информацию воспринимать, а потом еще все это с ног на голову переворачивает, да идет распизживать сестре, — выкрутился пиздабол из шара. — Я тебе так скажу, Томми. Мне про тебя гадости говорить незачем. Мы наконец-то помирились, и я наоборот рассказываю о тебе всем только хорошее! А что там сестры эти недопоняли, так не заморачивайся! Одним словом — женщины! Что с них взять? Не будем же уподобляться до их уровня и распускать базар, хорошо?

— Ну я понял, понял, — кивнул Харди, решив опустить тему. — Пусть так. Но на всякий случай скажу, чтоб если что ты был в курсе и потом не было такого, что я распустил про тебя сплетни. Я пизде сказал, что тебе через слово можно верить. Понял, сука-бля?

— Да не вопрос, Томми, не вопрос! — протараторил Джилленхол и резко переключил неудобную тему. — А я не понял, где ты видел Нину? Лисонька не с ней была случайно?

Подкатив глаза и громко цокнув, Том начал повествование истории о том, как сестры обхуярились колес Фила Купера, и как одна из них оказалась у него в квартире. Ну и дальше все по порядку.

— Мда, жалко, конечно, что ты не знаешь, где Лисонька… Ну ничего, я найду ее, есть у меня одна идейка. Завтра отправляюсь на одно телешоу, чтобы

сообщить о пропаже. Прямо в прямом эфире! Посмотри, Томми, обещаю — будет круто! — сказал Джейк по завершении истории. — Ну а на самом деле, я рад, что Лисы не было с Ниной, и вы с ней смогли познакомиться. Как вообще она тебе? Ну в плане, хороший человек, да?

— Ну да, сука-бля, наверное, — вновь цокнул Харди. — Я что хотел спросить. Сколько шкуре лет-то? — задал он нелепый вопрос.

— Ну как сколько?! Столько же, сколько и Лисоньке! Ведь они — двойняшки!

— Откуда мне знать, сколько лет твоей пизде? — рявкнул Том.

— Ну так двадцать два же! Ну что за глупые вопросы, Томми?!

— Понял. А еще хотел спросить одну вещь… Ну… Сука-бля, — потер сержант шею. — У нее кто-то есть или что? Ну в смысле там петушара какой… Просто видел тут в Сиэтле и Декстера, и это показалось немного странным…

— Ой, вообще, этот старый петушара приходится Нине мужем! — воскликнул парень из шара.

— Ммм, — поджал пухлые губы Том, ведь не мог отрицать того факта, что такие новости его разочаровали.

— Но! — поднял Джилленхол указательный палец. — Дядя Джейк скажет так — все это хуйня собачья!

— Что? — уточнил Харди.

— Ничего! — объяснил брат из шара. — Их отношения не несут совершенно никакой смысловой нагрузки. Он женил ее на себе обманным путем, пока Нина находилась в послекомовой амнезии и не помнила нихуя. Теперь же она пытается от него отъебаться, а он то и дело ездит за ней да хочет вернуть. А Нина лишь и твердит днями напролет, как хочет, чтоб он от нее отстал, а лучше — сдох. Она так мне и говорила: «Джейки, когда ж этот пидор сдохнет? Что ему от меня надо? Он стар и некрасив, а я молода и привлекательна. Вот бы найти себе кого-то сильного, властного и красивого, чтобы он помог избавиться от ебаного Декстера, а потом увез меня в закат…» Вот именно так она и говорила каждый вечер, пока не съебалась в Сиэтл, — молол он хуйню, придумывая ее прямо на ходу.

— Каков же петушара, — высказал экспертное мнение Том, порадовавшись подобным вестям.

— Так что будь уверен — эти ебаные отношения никак и ни на что не повлияют. Если ты конечно понимаешь, к чему клонит дядя Джейк. Мм?

— Нет, сука-бля, не понимаю, — пожал плечами Харди.

— Ну ничего, скоро поймешь. Кстати, а ты не был с ней знаком до того момента, как грозился убить в Майами? — накинул он странный для Тома вопрос.

— Нет, сука-бля, не был.

— Странно… Очень странно… Ну да ладно, как говорит Леонид: «Разберемсси!» — хохотнул Джилленхол, отмахнувшись. — А ты, кстати, узнал у Нины, кем она хотела стать в детстве. Предпочитает дождливую погоду или… — стал загибать он пальцы.

— Сука-бля, что за хуйню ты несешь? — перебил Харди. — На какой хуй мне вся эта информация?

— Ой, какой же ты долбоеб! Какой неумеха! Что б делал без дяди Джейка? Я так и знал, что ты не станешь все это узнавать, поэтому выяснил сам!

— И?

— Что и? — нахмурил пышные брови Джейк.

— Кем хотела стать шкура в детстве? — поторопил брата Том, нарочито сняв «беретту» с предохранителя и угрожающе потряся перед камерой айфона.

— Давай не нервничай, дядя Джейк сейчас расскажет все! Итак, в детстве она мечтала стать полицейским…

— Что за пиздоболее? — перебил Харди. — Она сказала, что ненавидит

мусоров!

— А ты сказал, что и сам какой-никакой, но полицейский?

— Нет, сука-бля, зачем? — вновь закурил сержант.

— Ну ладно. В общем, не знаю, что потом пошло не так, но в детстве Нина хотела быть мусоршой. Сказала, что на тот момент считала, что здорово выписывать штрафы и подпихивать их под дворники машин правонарушителей. Что касаемо погоды — любит дождь, серость и прочий мрак. Уверяет, что самое то, дабы помеланхолить. Знаешь, тут сестры очень различаются. Моя Лисонька любит солнышко и жару, и сама по себе человек позитивный и солнечный. Впрочем, как и я. Всегда считал себя солнышком…

— Давай дальше! На хуй мне слушать всю эту информацию про тебя, жидяра? Что ты, сука-бля, обдроченное солнышко! Будто без тебя не знаю! — огрызнулся Том.

— Лааадно, — подкатил глаза-индиго Джейк. — Что еще по Нине удалось разузнать? Да то, что она обожает пиццу «Маргариту», ненавидит — «Мексиканскую», ибо после нее блюет по четыре дня, мучаясь с желудком. Оливки или маслины? Тут без разницы, сказала она мне, главное, чтоб без косточек. Кошки или собаки? Однозначно собаки. Сказала, что любит, когда те радуются хозяину и облизывают лицо своим шершавым языком. Сказала — это мило.

— Наверное, и правда мило, — улыбнулся Том и ему страсть как захотелось, чтоб какая-нибудь псина, желательно не брат, облизал его брутально-смазливый еблет, как бы говоря, что он ее хозяин и она предана ему до конца своих дней.

— Дальше — больше. Пока что я узнал, что Нина любит: помечтать о всякой несбыточной ерунде, например, о конце света; на Рождество распаковывать под елкой подарки, обязательно в пижаме; отковыривать с пивных бутылок этикетки и приклеивать их на лоб спящим; напиздиться с сестрой шампанским до умопомрачения, а потом вместе завалиться в лужу, так и уснуть. А еще с детства любит кинофильм «Бэйб», сказала, что они в свое время с сестрой кассету до дыр протерли, пересматривая эту картину. Как выясню что-то еще — обязательно сообщу. Не любит она: Михаэля Шумахера; общественный транспорт; когда Кейт Швиммер следит за ней с сестрой из-за угла; когда малыш Джимми разливает по столу шоколадное молоко и вытирает ее одеждой. Сожалеет, что в этом году не удалось попасть в Европу и поплескаться в Средиземном море. На этом пока что все…

— Пиздос, сука-бля, какая же ебанутая, — усмехнулся Том. — Что за ебалу ты мне сейчас рассказал? Она наркоманка что ли?

— Ну как наркоманка? Немного да, но уж точно поменьше нас с тобой будет, — заметил парень из шара. — А вообще, по-хорошему, все это должен был выяснить у нее не я, а ты.

— С хуя ли, сука-бля? — приподнял шрамированную бровь сержант.

— Ну как это? Вот я влюбился в Лисоньку и выяснил у не все эти вопросы. Ты влюбился в Нину и должен был выяснить все у нее сам лично! Почему я должен работать почтовым голубем и выяснять за тебя? — округлил рот бубликом парень из шара.

— В смысле? В смысле, сука-бля?! — агрессивно охуел Том. — Что значит влюбился? Что за говно?

— Ой, вот только без этого давай, хорошо? Из меня дурака делать не надо! Я вижу тебя, как облупленного! Если то не влюбленность, то что?

— Ой, все, иди на хуй! — рявкнул Том, показал брату остервенелый «фак» и сбросил вызов, для надежности отключив телефон, дабы долбоеб из шара больше не звонил и не выкладывал свои домыслы о том, о сем.

Сходив на кухню и взяв еще немного пива, Харди улегся в кровать, приуютился под одеялом, открыл ноутбук да включил кинофильм «Бэйб», с

Сетом Роганом в роли порося.

Так и провел вечер.

Глава 114: Малина

После этого Том целыми днями напролет все думал и думал, пытаясь понять, что же за шляпа такая с ним приключилась и что все это может означать. Но никаких толковых объяснений он найти не мог. Потому решил сделать вид, что ничего не изменилось, да с головой погрузиться в работу, а точнее сказать тоже только лишь создать видимость. Так и закружился, так и завертелся, каждый божий день то и дело приезжая в кафе и забивая голову Батлеру всякой чепухой.

Вместе со всеми этими делами, сердечными и не только, сержант не заметил, как в Сиэтл ворвался июнь.

— Опять ты? — эффектно подкатил глаза Леонид, когда во втором часу дня в кафе вновь пожаловал Харди. — Чегось опять тебе надобно тут?

— Что значит, сука-бля, что мне надобно? — приподнял шрамированную бровь Том, усевшись на высокий стул и бросив на барную стойку какую-то папку с кипой бумаг. — Отчеты вот приехал кое-какие сверить… Договора там…

— Каки таки договора, каки отчеты, Томми? — всплеснул руками бородач. — Ты с роду сюды не ездил, кафЕ всегда на мне было. Теперь-то что случилось вдруг?

— Да нихуя не случилось, сука-бля! Хули ты придумываешь? Я всегда! Занимался этими обязанностями, — отмахнулся Харди и стал с деланным интересом листать свою обдроченную папку, где одна половина листов была измалевана непонятными тату-эскизами, вторая — и вовсе пуста.

— Ну я понЯл… ПонЯл… — крикливо спародировал его Леонид. — Ну трудись, что тебе сказать. Кофейку?

— Не откажусь, сука-бля, — цокнул Том, продолжая вдумчиво листать бредовую папку.

Повисла неловкая рабочая пауза. Батлер подал другу двойной эспрессо и продолжил заниматься делами. Харди же продолжил с умным видом смотреть в бумаги и громко хлебать кофе. Через пару минут телефон сержанта пиликнул, известив о новом сообщении в Вайбер-чате.

Том, нарочито подкатив глаза, достал мобильник и взглянул на экран. Дальше он стал демонстративно вздыхать и цокать, водя пальцем по дисплею вверх-вниз.

— И что это значит… — громким шепотом бормотал он под нос и вновь вздыхал, и вновь цокал.

— Что там у тебя? — подкатил на сей раз глаза Батлер, заебавшись наблюдать, как друг пытается привлечь внимание.

— Ой, да так… Ничего… — махнул рукой Том и положил перед собой разблокированный телефон экраном вверх.

— Ну ладно, — усмехнулся Леонид.

В кафе вновь воцарилось молчание, нарушаемое сержантскими вздохами да возмущенным ойканьем.

— Ну что там, говори уже! — психанул плащ Батлера, швырнув на барную стойку тряпку для протирания чашек.

— Ой, да ничего! Просто Джейки опять наебывает какую-то хуйню… — с недовольством протянул Харди и замолчал.

— Какую хуйню? — после непродолжительной паузы спросил Леонид, понимая, что друг пытается вызвать его интерес.

— Ой! Ересь какая-то… Говорит, что я должен сидеть в Чартрулетке, мол, шкура там тоже сидит, и велик шанс нам с ней там пересечься, — пояснил Том, листая историю сообщений туда-сюда.

— Ммм… — без интереса промычал Батлер. — Понятно…

— Вот нахуя мне это? Наивный жид! Думает, я реально стану заниматься подобной ебалой? — усмехнулся Харди, закурив и жестом попросив Леонида плеснуть еще кофейку.

Бородач забрал чашку Тома и подставил под кофе-машину, наполняя ее бодрящим напитком. При этом продолжал упорно молчать и игнорировать друга, ведь за последнее время уже был сполна научен горьким опытом. Стоит проявить малейший интерес к его проблемам и переживаниям, тот не отъебется до конца дня и так и будет забивать голову. А высказав мнение о том, что раз ему так интересна эта девушка, то стоит самому проявить инициативу, Леонид получит от Тома лишь очередную порция дерьма и угроз. Харди будет орать, что все это брехня, и как вообще Батлер смеет думать такое о нем, что подобная хуйня ему не интересна, да и вообще не в его принципах.

— Нахуй жид вообще все это мне шлет, сука-бля? — приняв чашку кофе от Леонида, продолжил наигранные возмущения Том. — Разве сержант его об этом просил?

— Вестимо, не просил, — оглушительно вздохнул Батлер.

— Ясен хуй нет! Но шмаровоз же не унимается! Ты только взгляни, сука-бля! — поманил Харди заглянуть друга в телефон.

Леонид смерил сержанта раздраженным взглядом, но, решив не вступать в бестолковые споры, в экран посмотрел.

— Вот это он мне прислал сразу, как только нашел свою пизду, а вместе с ней и эту ее ебанутую сестру, — ткнул Том по дисплею и сунул под нос Батлеру фото.

На экране красовался обнаженный бок, пересеченный зашитой раной, а сверху в кадр влезла еще и женская грудь в лифчике.

— Угу, — равнодушно кивнул Леонид.

— А я ведь всего-то спросил, как у шкуры дела со швом? — пожал плечами Харди, двумя пальцами увеличив фото. — Ну просто чисто по-человечески поинтересовался, я же, сука-бля, как бы несу ответственность за это. Так нахуя пиздюк шлет мне эту ебань?

— Не знаю, Томми. Чай у него надобно спросить…

— Или вот еще… На вот, глянь, — пролистал сержант ленту сообщений и открыл еще одно вложение. — Это вообще что за прикол такой? — продемонстрировал он Батлеру фото задницы в коротких джинсовых шортах.

— Тоже Нина твоя? — похуистично махнул кончиком плаща бородач.

— Ну да, кто ж еще! — ухмыльнулся Том, залипнув на полуоголенные ягодицы. — Так, ты тут что, сука-бля, еще несешь? С хуя ли она моя?

— Ну не моя же, — развел эффектными ладонями Батлер.

— Ну, сука-бля, и не моя, — покривил ебалом Харди. — Потому я и спрашиваю, за каким хуем Джейки мне все это шлет? Кстати, пиздюк мне не забыл и сообщить, что пизда развелась с хуеплетом Декстером.

— О, а это благие вести! — воскликнул Леонид, наконец уже услышав хоть что-то новое, ведь все эти фото частей тела Нины он видел уже далеко не в первый раз.

— Но мне-то что с того? — вскинул брови сержант. — Не понимаю, зачем мне эта инфа… Это ее, сука-бля, личная жизнь, меня-то она каким боком касается? И с хуя ли Джейки взял, что мне это интересно?

— Ну даже и не знаю, Томми! — артистично удивился Батлер.

— Ну смотри дальше, вот еще он мне прислал недавно… Шкура выходит из душа, завернутая в полотенце… — показал он очередное фото. — Нахуя, сука, пиздюк? — потряс он телефон и рассмеялся. — Дальше — больше! Шлет мне еще и ее старые фотки! Вот она на яхте оттягивается, например, — показал он фото Нины, загорающей на палубе, лежа на животе с развязанными на спине тесемками купальника.

Так Том показывал и комментировал фотографии еще минут десять, пока те не закончились.

— В общем, сука-бля, пиздюк, кажется, совсем ебанулся, — подытожил Харди и отложил телефон в сторону.

— Он ли? — помотал головой Леонид.

— Так что, думаешь? Стоит зайти в эту чартрулетку? — проигнорировал провокационные подъебы Том.

— Ох, Томми, Томми, Том… — усмехнулся Батлер, с сочувствием посмотрев на друга. — Если хочешь, то конечно зайди. К чему ты мне все эти вопросы-то задаешь, я все в толк не возьму. Тебе стоит только слово сказать про любовь и всяко такое, как ты начинаешь визжать да ругатьси по чем зря. Так зачем ты это все тогда мне выкладываешь? Все эти фотокарточки в который раз показываешь. Советов каких-то просишь, а потом кричишь, что они тебе и даром не нать! Ты чай запуталси и сам, чаво хоца тебе.

— Ой, давай без вот этого всего! — жестом перебил Харди. — Я лишь спросил про чартрулетку, остальное я и сам знаю, сука-бля.

— Ну а что толку-то от энтой твоей рулетки? — накинул вопрос плащ.

— Да никакого, — пожал плечами Том. — Просто, сука-бля, поболтать, может, хочу…

— Ну и какова удача, что вы там с ней встретитесь? — развел руками Леонид. — Если ты хочешь с ней дюже поболтать, так возьми у Джейки ее номерок, да и болтай сколько влезя!

— Давай не начинай вот это вот! Номерок! Ну ты, сука-бля, даешь! — хлопнул себя по щеке сержант. — Ты же знаешь, что это не в моих принципах!

— Ах, ну да! — наигранно ударил по лбу Тома Леонид. — Принципы, етить их налево! Так а чартрулетка в твоих принципах?

— Да вот и не знаю, — пожал плечами Харди, уже вбивая в адресной строке название сайта. — Я как-то об этом, сука-бля, и не думал раньше…

— Если тебе правда важно знать мое мнение, то я скажу. Чартрулетка — это не то что нелепость — хуйня собачья. Джейки уже просто не знает, как заставить тебя делать хоть что-то, вот и накидывает тебе всякую чепуху… — высказал экспертное эффектное мнение Леонид. — А если ты хочешь чего-то реального, то просто попроси номер да позвони!

— Ну вот опять ты, сука-бля, начинаешь! Я же просто спросил про чартрулетку, нахуя ты мне чешешь тут незнамо что, совершенно не связанное с этим? — запсиховал Том.

— Хочешь мнение про чартрулетку? Заходи! — упер руки в бока Батлер, заебавшись взывать к разуму друга.

— Вот и все, сука-бля! Сразу нельзя было ответить? — подкатил глаза сержант и открыл сайт. — Ну все, захожу?

Леонид взвыл, схватившись за голову плащом, вырвал из рук друга телефон и нажал кнопку «Старт».

— Алло! Нина! Это ты? Ты? Нина! — заорал Батлер во фронтальную камеру сержантского айфона, а затем всучил его тому в руки.

— Да хули ты делаешь, ебло? — возмутился Харди, но телефон взял и уставился в экран, где загружалось видеоизображение собеседника.

— Ну что, она? — язвительно проорал Леонид.

Изображение стало четким, и наконец сержант Том смог разглядеть, что это никакая не Нина, мало того — это даже не девушка. И ко всему прочему собеседником оказался старый седовласый и черножопый старец в конопушках. Он лежал у камина в бархатном бордовом халате, крутя в руке бокал вина.

— Ты что еще за петушня? — скривился Харди, отстранив от себя телефон.

Но негритос не собирался отвечать, а вместо этого взял да и распахнул халат, продемонстрировав все свои причиндалы в числе одного громадного

дряхлого члена и парочки морщинистых седых яиц.

— Сука! — завопил Том и стал судорожно тыкать по экрану, пытаясь отключить эту старую гейскую хуйню. — Сука-бля, какая мразь! — с отвращением отшвырнул он телефон.

— Что там? Что? — схватил в полете айфон Батлер и взглянул на дисплей, где до сих пор возлежал обнаженный Морган Фримен. — Оу… — заинтригованно приподнял он эффектную бровь и стал рассматривать детальнее. — Оооу… — разочарованно протянул он и покинул обдроченную видеоконференцию.

— Так, ладно! Нахуй и в пизду всю эту шляпу! — недовольно скрестил руки на груди Том, отобрав телефон у друга и спрятав в карман. — Пожрать бы, да побазарим за дела уже.

— Ну это не проблема, выбирай да кушай, — указал Леонид на витрину с тортиками и порожными.

— Ты же знаешь — я сушусь! — возмущенно цокнул Харди.

— Ну давай тебе сварганю чего-нибудь быстренько, — предложил Батлер и полез в холодильник. — Сэндвич там, или бургер какой…

— Сука-бля, Леонид! Я же сказал — я сушусь! — прорычал сержант, похлопав себя по прессу.

— Ну да, ну да, чай хочешь покрасоваться перед этой своей Ниной, — улыбнулся бородач. — Жаль только она энтой красоты и не увидит. Или хотел в чартрулетке ей мышцу показать?

— Да что ты хуйню несешь, сука-бля! Шкура тут вообще не причем! — запричитал Харди, сам подойдя к холодильнику, дабы найти чего-то съестного, подходящего для сушки. — Что я, зря что ли столько времени массу набирал? Теперь буду, сука-бля, рельеф оформлять, — достал он с полки огурец.

— Ой, нет-нет, этот лучше не бери, — выбил у него из рук овощ Леонид, покраснев под цвет плаща. — Вот, лучше возьми яичко скушай. Белок как-никак, а с огурца толку — одна вода…

— Ладно, давай уже перейдем к делам, сука-бля, — взял угощение друга Том, уселся за барную стойку и начал чистить скорлупу. — Сержант, сука-бля, нашел способ подобраться к ебливому мэру Чарлстона. Так что скоро еду туда…

— А напомни-ка? Зачем тебе вообще в Чарлстон? — сузил глаза в эффектную полоску Батлер. — Ах да! Как раз там сейчас и проживает Нина! — постучал он пальцем по виску, ехидно улыбнувшись.

— Ты, сука-бля, продолжаешь? Нахуя ты приплетаешь везде эту пизду? Может, это ты в таком случае в нее влюбился, а не я? — запричитал Харди, дерзко откусив яйцо. — Я тебе уже давно, сука-бля, говорил, что хочу открыть точку в Чарлстоне.

— Но у нас уже есть точка в Чарлстоне, — пытался подловить его Батлер.

— И что? Я хочу не просто точку! Я хочу открыть кафетерий сети Хардинхолл прямо в мэрии, — пояснил за фантазии Том.

— Почему именно в Чарлстоне? Почему не в Сиэтле? — не унимался Леонид.

— Просто! — рявкнул Харди. — Короче, сука-бля, речь не о том. Я нашел выход, как к этому петушаре подобраться да побазарить с ним за бизнес.

— И как же? — превратился плащ Батлера в наигранно-заинтересованную тряпку.

— Я узнал, что у мэра, сука-бля, Чарлстона есть дочь. Да не просто дочь! Эта шкура носит какую-то тряпку на еблище, типа маски. Понимаешь, чем пахнет? — состроил фирменный еблет Том.

— Не очень-то, — нахмурился бородач.

— Она в маске, я в маске. Не находишь, сука-бля, что у нас много общего? — ебливо улыбнулся Харди.

— Ты чай вздумал ее заарканить? — округлил рот бубликом Леонид. — Батюшки свят, Томми? Да на кой тебе это! Лучше б ты на другое свои чары

флирта направил! А точнее на другую!

— В общем, я вотрусь сначала в доверие к этой шмаре, а уж затем к ее папаше, — развел ладонями Том, проигнорировав вопли друга. — Точнее будет даже сказать, что я уже это сделал. Хотя, как я… Жиденок сделал это за меня! Мы с ним выяснили, что эта масочная пизда сидит на сайте знакомств для людей с оказиями лица. Так вот пиздюк зарегистрировался там от моего имени, да подкатил свои псиные, а точнее мои сержантские, шары к ней. Так что скоро еду, сука-бля, в Чарлстон.

— Да вы чай оба ёбнулись! — возмутился Леонид. — И как же Джейки к ней клинья подбиваить?

— Я откуда, сука-бля, знаю! Мне это не интересно! — отмахнулся Том, достав из холодильника баночку диетической колы и с шипением ее открыв. — Потому этим и занимается пиздюк, а не я.

— Батюшки свят! Да ему-то эта делюга накой? — изумился Батлер. — Хотя все понятно… Джейки и сам не знает, как иначе тебя заманить в Чарлстон, вот и зацепился за эту твою бредовую затею. ПонЯл, что ты и сам не прочь туда приехать, но скажи тебе это напрямую — сразу сольесси. А тут вроде ты как сам все это и придумал. Вот приедешь, там он на тебя и насядет как следуить… Авось и вразумить тебя…

— Бред! — рявкнул Харди, вскочил с места, схватил свою никчемную папку, баночку колы и выбежал из кафе.

Невзирая на провокационные речи Леонида, Том не намеревался бросать затею с кафетерием в мэрии Чарлстона. Поэтому уже через пару недель собрал чемоданы и отправился в сей славный город. Ведь дочь мэра Милина назначила ему встречу, да не просто встречу, а на званом ужине ее отца, да не где-нибудь, а прямо в их собственном доме. Не лучший ли момент, чтобы перетереть за нарко-кафетерий с мэром? Абсолютно точно, что да!

В назначенное время такси остановилось у шикарного особняка. Том расплатился с водителем, вылез из машины и осмотрелся. Хм. Немного странно, не находишь? Это же вроде как особняк мэра, так? Мэра Чарлстона? Самого влиятельного человека в городе? Так какого ж хуя все здание по периметру заросло какими-то кущерями? Гоже ли человеку такого статуса не иметь садовника? Или что за прикол такой? Ах, погоди! Кажется, это не просто бесхозные кущеря, это же малина! Но как же ее много! Не иначе, как мэр помешан на ней или что-то в этом роде. Обязательно возьми на заметку, Том!

Пробравшись сквозь тысячи ягодных кустов, Харди оказался у мраморной лестницы, ведущей ко входу. Стряхнув с воротника дубленки десяток малиновых клопов, отряхнув от пыли скамы и поправив на лице маску, сержант положил на бляшку ремня ладони, походкой пафосного распиздяя поднялся к входной двери и постучал. Но всю уверенность и напыщенность, как рукой сняло, когда дверь открылась и перед ним предстала…

— Ты что еще за сука-бля такая? — тягучим от шока голосом протянул Харди, рассматривая странную незнакомку, открывшую дверь. Это была невысокого роста брюнетка, половина лица которой закрывала тканевая маска. Вроде бы ничего удивительного и все бы неплохо, если бы не ее глаза, которые, какого-то хуя были змеиными! Блять, Том, беги-ка ты отсюда! Попахивает какой-то хуйней вся твоя затея!

— Томми! Как же я тебя ждала! Наконец мы встретились! — воскликнула девушка и втащила охуевающего сержант внутрь.

— Я не понял… Не понял… — пробуробил Том. — Ты кто, сука-бля, спрашиваю?

— Ой, ты такой шутник, Томми! — прорычала она, а из-под маски отчетливо послышалось какое-то непонятное клацанье.

Харди скривился в гримасе непонимания, но сопротивляться не стал, и вместе они оказались в просторном зале особняка, где уже собралась толпа гостей.

— О, Милина! Иди же скорее сюда и познакомь меня со своим спутником! — помахал рукой какой-то мужик с седыми волосами длиной до плеч.

Милина двинулась в центр зала к седовласому человеку в некрасивых железных сапогах. Его Том сразу узнал: это и был мэр Чарлстона — Томаш Врбада собственной персоной. Ну а девица в маске, судя по всему, его дочь, по приглашению которой Харди сюда и попал. Теперь-то стало все ясно. Но что с глазами так и неясно.

— Папа, познакомься. Это мой парень — Том, — толкнула Милина сержанта прямо в объятия мэра Томаша, или мистера Смоука, как его называл народ.

Харди не то что охуел — превратился в сову-бойфренда, да в добавок ко всему еще и ебанулся.

— Какой, сука-бля, парень? — пробубнил сержант, когда Томаш крепко прижал его к себе и по-отечески похлопал по спине.

— Милина все уши прожужжала мне о вас, мистер Харди, — наконец выпустил сержанта мэр и обвел с ног до головы оценивающим взглядом. — Расскажите о себе. Кто вы, чем занимаетесь, какие перспективы имеете…

— Папа! Прекрати! Ты его смущаешь! — по-змеиному зашипела Милина, дернув отца за подол элегантного камзола-безрукавки.

— Милина, не лезь. Иди пообщайся с гостями лучше, я хочу побеседовать с Томом, — пихнул ее Томаш в толпу гостей и приобнял сержанта за плечи. — Том, я хочу знать о вас все и даже больше. Милина рассказала, что вы познакомились на сайте знакомств для людей с оказиями лица. Что у вас за оказия, расскажите, — поводил он ладонью перед маской Харди и повел в укромный уголок.

— Да, сука-бля… — мямлил сержант, растерявшись от такого напора мэра. — В общем-то, нет у меня никакой оказии… С лицом… У меня, сука-бля, с легкими оказия… Была как бы… — нес хуйню он.

— Да-да, я вижу, какая-то конструкция у вас интересная… — всмотрелся в маску мистер Врбада. — А вот у Милины что ни на есть оказия. Оказия так оказия! Я бы даже сказал проклятие какое-то. У нее знаете, зубы такие… Точнее не зубы — клыки! Вот губ нет, а от сих до сих идет два ряда устрашающих клыков… — взял он себя ладонью за щеки. — А еще эти глаза ее жуткие… Хотя, что я вам рассказываю, Том! Вы же ее парень, и сами явно все это знаете. Скажите, у нее оказия только на лице? Если вы понимаете, о чем я? — рассмеялся Томаш, подмигнув.

Харди и вовсе забился в агонии визуализации вагинальной оказии и уставился на мэра шок-взглядом.

— Да что вы, я шучу конечно! Это ваше личное, мне ни к чему такие подробности, — отмахнулся мистер мэр. — Малинового пунша? — указал он на чан с какой-то хуйней.

Не успел Том ответить, как Томаш взял половник, зачерпнул содержимое из таза, наполнил стакан и всучил в руки сержанту.

— Ладно, что мы все о Милине! Черт бы с ней! Расскажите о себе, — жестом предложил мэр поведать историю своей жизни.

— Ну, сука-бля, я имею собственный бизнес, — решил не ходить вокруг да около Харди и перешел к главной теме. — У меня сеть кафе и еще всяких разных шараг по всем Штатам. Хардинхолл. Может, сука-бля, слышали?

— Конечно, слышал! Как не слышать? У вас есть ведь точки в Чарлстоне? — поинтересовался Томаш, достав из железного кармана горсть малины и закинув в рот.

— Есть… Но вообще, сука-бля, хотелось бы… — начал было Том, но тут же был перебит.

— Слушайте, а как насчет посотрудничать? — хлопнул в ладоши и топнул тяжелыми сапогами мистер Врбада.

— Пожалуй, сука-бля, это именно то, что мне нужно, — состроил фирменный еблет Харди и ткнул указательным пальцем мэра в грудь.

— Я мог бы обеспечить вам отличный ассортимент. Смотрите, вот и пунш! Есть и вино, и пироги! А еще джем! — молол хуйню малиновым ртом Томаш Врбада.

— Ну, сука-бля, вообще-то это не совсем наш формат… — стал отнекиваться сержант. — Как на счет встречного предложения…

— Подождите, Том! Подождите и не перебивайте, — закрыл ему маску ладонью мэр. — Давайте отложим деловые разговоры на потом. Все же вы пришли сюда как парень моей дочери, а значит это куда важнее, чем все эти рабочие вопросы. У нас еще будет время обсудить это. Можно сказать, у нас еще вся жизнь впереди для этого. А сейчас лучше расскажите мне, каковы ваши намерения в отношении Милины? Как скоро вы планируете свадьбу?

— Чего, сука-бля? — подавился пуншем Харди и выплюнул его в лицо Томашу. Тот блаженно втянул носом запах малины и растер напиток по щекам.

— Интересный факт! Знаете ли вы, что ягоды малины омолаживают и возвращают коже былую эластичность! — принял позу античного философа мэр, задрав ногу в некрасивом сапоге на стол с пуншем, и упершись локтем в колено.

— Очень интересно, сука-бля! Очень! — закивал Том и рассмеялся ебливым смехом.

Так, стоп! Что происходит? Томас, ну ладно мэр себя ведет словно ебанат. Но с тобой-то что? Ты вроде как чист от наркотиков вот уже пару месяцев. Ах! Кажется, мистер Врбада выращивает малину по особому рецепту и удобряет ее и опрыскивает отваром из экстази и ЛСД. Ну точно! Теперь Том обхуярен до неузнаваемости! Ух! Это ж надо — так унесло с одного стакана пунша! А вечер только начинается! Смотри, не забудь о своих целях, идиот!

— Такая прическа, сука-бля, у тебя интересная, — кивком указал на седые волосы мэра Том. — Тоже, сука-бля, шампунь малиновый?

— Рад, что вы заметили, Том! — воскликнул мистер Врбада. — Единственное, что я никак не могу изменить — это цвет волос. Седина, поразившая меня еще при рождении, никак не закрашивается! А я так хотел бы быть блондином! Ну знаете, такой естественный эффект выцветших на солнце волос.

— Шатуш? Или это самое… Как его… Амбре, сука-бля! — щелкнул в пальцы Харди и похлопал мэра по макушке.

— Такие термины мне не знакомы… — опустил уголки губ Томаш. — Что это? Не расскажите?

— Нет, не расскажу. Но, сука-бля, могу показать! — усмехнулся сержант, взял половник и влил пунша в рот.

Мистер Смоук воодушевленно закивал, и Харди достал из кармана скамов телефон.

— Типа того? — показал он мэру фото Нины, отыскав его в переписке с братом.

— Ах! Это именно то, что я и хочу! В точности! — заверещал мэр, запрыгав на месте. — Так как вы говорите это называется? Мне такое надо!

— Ну говорю ж, сука-бля, то ли шатуш, то ли амбре… Но это нихуя не точно! — пожал плечами Том, увеличив фото. — Лучше глянь какая жопа. М? Классная, да? Упругая такая на вид.

— Наверно. Так кто это? Можете узнать, что за цвет волос такой? — бредил мэр.

— Да девчонка одна… Не знаю даже… Кажется, я, сука-бля, влюблен в нее, — почесал лысину Харди. — Как вот понять, что это?

— Ну даже не знаю, просто знаешь это и все! — взмахнул волосами Томаш. —

Была у меня жена. Синдел. Тоже с оказиями. Глаза у нее были без зрачков, а волосы на макушке белые, а остальные черные. Чем-то на барсука она походила. Но вот я ее любил несмотря на все оказии.

— Ну у моей вроде и нет никаких, сука-бля, оказий. Разве что ебанутая она какая-то, но это даже как бы миленько… — рассуждал Харди в сотый раз пролистывая фотографии Нины в чате. — Так и где в итоге твоя пизда?

— Ох… Да померла она, — отмахнулся мэр и протянул Тому еще порцию пунша. — Так узнаете на счет цвета волос?

— Ну даже, сука-бля, не знаю… — замялся Харди, забившись в агонии парикмахерских вопросов. — У пиздюка что ли спросить?

— Пиздюк это кто? — насторожились сапоги Томаша.

— Брат, — пояснил за родство сержант.

— Томми, папа, — подскочила к обхуяренным мэру и Харди Милина. — О чем болтаете? — защелкала она клыками под маской.

— О любви, дорогуша! — щелкнул ее по носу Том.

— Да-да, о ней самой, родная! Ты знаешь, что твой парень — влюблен? — потрепал дочь за щеки под тряпочкой мистер Врбада.

— Оу… — прищелкнула клыками Милина и перевела змеиный взгляд на сержанта.

— Так с хуя ли я парень, сука-бля? — приподнял ворот дубленки Харди. — Это с каких пор у меня такой статус, я нихуя не пойму.

— Так, я, пожалуй, вас оставлю. Расскажите, Том, ей о своей любви. И не забудьте, что мы с вами еще хотели обсудить наши дела. Ну там бизнес и покраску, — нарочито наступил на берц сержанта некрасивым железным сапогом Томаш, как бы намекая незнамо на что. — Ну а я пойду. Малина, знаете ли, сама себя не соберет и не покушает, — добавил он, расплылся в обдолбанной улыбке седого градоначальника и скрылся в толпе гостей.

— Не обращай внимания, он у меня чудак, — хохотнула Милина. — Так что там на счет любви? — игриво сузила она вертикальные зрачки.

— Сука-любовь… — протянул Том и потер давно зажившее место укуса на руке, некогда оставленного Ниной.

Тут телефон Харди издал сигнал, извещающий о новом сообщении.

«Томми, ты же на приеме мэра? Все по плану? Как дела с Милиной?» — прочитал про себя смс-ку голосом из шара Том.

— Ох, Томми… Я правда не ожидала, что все у нас с тобой так быстро закрутится, — молола оказией непонятный бред Милина. — Всегда думала, что невозможно найти кого-то хорошего и серьезно настроенного на подобных сайтах…

— Я тоже, сука-бля, я тоже… — бестолково закивал Харди.

«Послушай, Том, что там жидяра плел ей, что она решила, что ты теперь ее ебарь? Разве этого ты просил от него? Надо выяснить, чтобы быть в курсе, а то поймает тебя на пиздеже, и все — пиши пропало на твоих делах с мэром…» — мысленно бредил сержант.

Он уставился в телефон и стал писать ответное сообщение: *«Тут, сука-бля. Ты мне лучше расскажи, пиздюк, с хуя ли эта пизда думает, что я ее парень?»*

— Я уже потеряла всякую надежду, что с моими проблемами смогу себе кого-нибудь найти… — продолжала буробить дочь мэра, поглаживая Тома по вороту дубленки.

Тот же ее совершенно не слушал, а читал очередное сообщение: *«Не думаю, что это так важно! Да и какая разница, если у меня есть бомбичные новости. Мы скоро тоже подскочим на тусовку мэра. Я, Лиса, Нина и их кореш. Помнишь, ковбой такой. Впрочем, неважно».*

— Сука-бля… — охуевше протянул Харди, похлопав глазами.

Милина продолжила бредово щелкать клыками да подмигивать змеиными

глазами, но Том ее совершенно не слушал, ведь придумывал в своей не на шутку малиновой нынче голове план, как отмазаться от брата. Ведь встреча с ним, а точнее с Ниной — это совсем не то, что ему сейчас было нужно, хоть и страсть как хотелось ее увидеть. Но гоже ли это? После всего, что между ними было, встретиться вновь при таких обстоятельствах, когда он находится в компании какой-то оказии, считающей его своим парнем. Так, стоп, Томас! Это что же между тобой и Ниной такое было, не расскажешь? Она пригласили тебя на вальс — ты отказал. Она хотела тебя поцеловать — ты ее вырубил, да еще и отжарить хотел! Так и что было между вами? Уверен, что она вообще хочет тебя видеть? Хотя она и впрямь сказала, что ты милый… Или это не она говорила? Впрочем, неважно. В любом случае все ваши встречи были довольно неоднозначными, и совсем непонятно считает ли она тебя все же милыми, или же ебанатом каким-то. Лучше все же сейчас действительно слиться каким-то образом. Но Джейк так просто не отвяжется, ведь если он решил приехать сюда и притащить с собой эту дурацкую девку, то его не остановить. Значит, нужно уходить отсюда самому. Но ты же так и не договорил с Томашом о кафетерии в здании мэрии. И если этого разговора не свершится, то все решат, что ты приехал в Чарлстон не ради этого, а лишь потому, что здесь находится Нина.

«Я уже уезжаю отсюда, так что не пересечемся», — настрочил сообщение Харди.

«Как уезжаешь? Почему? А как же твои дела с мэром?» — пришел ответ от абонента из шара.

«Нихуя не вышло. Я возвращаюсь в Сиэтл. Так что нет тебе смысла сюда ехать. Пока доедешь меня уже не будет», — подкатив глаза, написал Том.

«Томми, ну какого хуя? Я столько времени убил, окучивая дочь мэра. Как ты все проебал?» — вновь пиликнул телефон.

«Да причем тут это? Просто мэр какой-то шмаровоз, даже и слушать меня не хочет», — цокнул сержант.

«Так давай же я приеду и окучу и его. Все одно — что девчонку, что мэра. Принцип один. Так что жди и никуда не уезжай, мы скоро будем».

«Нет, я ухожу», — забился в агонии отмазов Харди.

«Ну блииин… Это прям точно? Может все же вернешься? Просто мы все так настроились уже, так хотелось потусоваться с мэром. А знаешь, кто больше всех хочет приехать? Нина! И вовсе не из-за мэра, между прочим…»

«Все, я уезжаю. Это точно. Так что вам тут совершенно нечего делать, да и вечеринка — полная хуйня. Так что посидите лучше дома, оторвитесь. Все веселее будет. А я поеду в аэропорт. Передавай привет жене», — настрочил Том.

— Мне все говорили: не верь ты ему! Все что он пишет о любви к тебе — всего лишь пустые слова! Но это не так, я знала это! И теперь я вижу, что все и правда по-настоящему… — молола хуйню своим дебильным ртом Милина, совершенно не замечая, что Харди ее не слушает.

«Ну и сестре ее передавай привет. А то как-то неудобно выйдет, если ты своей передашь, а этой нет. Скажут еще, что сержант невоспитанный. Так что передай ей привет от меня. Ну в смысле обеим им. Ну ты понял», — смс-но бредил и Том.

«Ну-ну, Томми, ну-ну», — пришло еще одно сообщение с прищуренным смайлом в конце.

«Это значит, что не приедете?»

«Не приедем».

— Фуууух… — выдохнул сержант и спрятал телефон в карман. — Так что ты там говорила, пизда? — поднял он взгляд на Милину, которая все тараторила и тараторила.

— Я уверена, что все у нас получится с тобой, ведь мы так похожи… — воодушевленно продолжила та.

— Так, а где, сука-бля, твой батя? Я с ним так и не договорил, — стал оглядываться Том, перебив Милину.

— Кажется, он ушел в свой сад, не думаю, что теперь он скоро оттуда вернется, — пожала плечами она. — Пойдем, я лучше пока познакомлю тебя с гостями.

Так Милина таскала Харди по залу, то и дело представляя его кому своим дражайшим парнем, кому женихом, а кому и вовсе будущим мужем и отцом их будущих троих, а то и пятерых детей. Не был бы Том сейчас там обхуярен малиной мэра — непременно устроил бы рамс. Сейчас же ему было абсолютно похуй на подобные выходки неугомонной девки, и он ходил среди гостей беспечно щелкая ебалом, да отшучивая направо и налево никому непонятные и нахуй ненужные шутки.

Так продолжалось около часа, в течение которого сержант не забывал попивать малиновый пунш и закусывать малиновым тартом. Тут он вдруг вспомнил, что хотел узнать для мэра про цвет волос Нины. Ведь надо же ему как-то втереться в доверие, чтобы продвинуть свою чепуху с кафетерием. Он достал телефон и уставился в экран.

«Послушай, Том, спросить у пиздюка, чтобы он выяснил у шкуры этот вопрос. Или же попросить у него ее номер и написать самому? Но не подумает ли никто, что ты имеешь на нее виды… Наверно лучше все же через пиздюка узнать просто…» — думал он, когда от хуиных мыслей его отвлек сигнал сообщения, пришедшего, прежде чем он сам успел что-то написать.

«*Слушай, Томми. Мы все же едем! Надеюсь, ты еще там. Приедем буквально минут через десять, так что дождись нас. Нина даже приедет раньше…*» — прочитал Харди и ебанулся.

— Сука-бля! Слушай, пизда, пойдем-ка отсюда, м? — схватил Милину под локоть Харди и потащил сквозь толпу гостей, придумывая на ходу абы что. — Надоела вся эту суета. Как насчет того, что я заночую тут? — сочинял он, решив скрыться с самого приема, но не желая покидать при этом дом мэра. Ведь кафетерий в мэрии сам себя не откроет. И потому Том решил остаться тут до утра, а уж за завтраком, продолжая строить из себя парня Милины, откровенно поговорить с Томашем да и порешать уже все дела.

— Ох, конечно! Ты мог и не спрашивать! — заверещала девушка, обогнав Харди и теперь уже потащив за собой, увлекая на второй этаж.

«Я уехал! Уже в такси. Еду в аэропорт», — быстро написал сержант брату, надеясь, что тот передумает.

Но для верности все же стоит спрятаться. Милина как раз затащила Тома в свою комнату, и он захлопнул дверь, прижавшись к ней спиной.

— Оу, мы остались одни… Наконец-то, — прорычала девушка, поправляя гимнастический комбинезон цвета фуксии.

— Сукааа… — застонал Харди, поняв, что попал в какую-то уебанскую безвыходную ситуацию. А из-за этой чертвой малины, которой он обожрался и обпился во всех видах, даже не мог здраво мыслить! Ха! А разве ты когда-то мог?

— Томми… Я готова стать твоей навек… — томно пощелкала клыками Милина. — И открыться тебе полностью… — добавила она и рывком сняла тряпку-маску с лица.

— Ебаааааать! — заорал сержант, превратившись в паническую сову. Такой хуйни, что была вместо рта Милины, он отродясь не видел! Ужас какой-то… Клыки огромных размеров занимали половину лица и не были прикрыты ничем, ведь губ, как и говорил мэр, у нее не было. Да это не то что ужас — пиздец какой-то…

Милина же вовсе не обратила внимания на страх в глазах Тома и двинулась к

нему на встречу.

— Я готова на все для тебя… — бредила она, подойдя почти вплотную.

Сержант вжался в дверь и не мог и слова вымолвить. Но тут произошло то, чего никто не мог ожидать. Милина взялась за ремень скамов и принялась расстегивать, сама же присев при этом на колени.

— Че, сука-бля? Че?! Ты хули творишь? — заверещал Харди.

Милина сунула руку в сержантские трусы, приоткрыла до безобразия зубастый рот и высунула раздвоенный язык, как бы крича о том, что хочет отсосать. Да ты чай конченая! На что ты рассчитываешь? Думаешь, после твоего минета у Тома будет шанс зачать троих и уж тем более пятерых ваших будущих детей? Совершенно точно, что нет! Ведь он явно останется без члена, или тот будет изуродован до неузнаваемости.

Не сомневаясь ни секунды, отбросив в сторону все нормы этики и морали, Харди достал из-за пояса «беретту» и по классике ударил прикладом Милину по голове. Ну теперь осталось только переждать здесь и не показываться на глаза Джейку и его спутницам, которые судя по всему должны были скоро прибыть. Проще простого, просто пересидеть здесь часок-другой, тихо и не высовываясь. Черт! А вдруг мэр будет искать дочь? Надо бы положить ее на кровать и в случае чего сбрехать Томашу, что Милина устала и легла отдохнуть. Так сержант и поступил. Уложив девушку на постель, он присел рядом и стал прислушиваться к голосам гостей внизу, пытаясь расслышать среди них знакомые. Но на приеме было столько людей, которые своей пустой болтовней создавали неразличимый гам, что узнать кого-то конкретного среди них не представлялось возможным.

«Послушай, Том, просто посиди здесь, пока все гости не разойдутся. А потом ложись спать, а завтра утром обсудишь с мэром все, что тебе нужно… Хм… А нахуя ждать, если можно лечь спать сразу? Это здорово поможет скоротать время… — подумал Харди и прилег рядом с бессознательной Милиной. — А интересно, есть все же у нее еще оказии… Надо глянуть… — приподнялся он и стянул с девушки лосины костюма, а вслед за ними и трусы. — Ан нет! Тут все в порядке…» — состроил фирменный еблет Том и стал думать — стоит ли воспользоваться такой возможностью. Ведь когда еще ему выпадет шанс поебать девку в отключке? Возможно, никогда.

— Да ну нахуй! — возмутился он над своей днищенской идеей, но больше ничего не успел сказать, как где-то снаружи загрохотало, а с потолка посыпалась штукатурка. И через секунду что-то огромное и тяжелое рухнуло прямо на кровать, придавив сержанта и Милину. Все вокруг загремело и затряслось. Том еще несколько мгновений слышал череду взрывов, а затем отключился.

— Сука-бля, что за ебала?! — простонал Том, очнувшись и увидев рядом собой безобразно спящую Милину, рот которой был открыт хлеще некуда, а с его уголка стекала зеленоватая слюна.

Харди суетливо хотел было встать, дабы не лежать рядом с оказийной уродкой, как почувствовал, что не может этого сделать. Тогда он огляделся и увидел, что его и Милину придавило плитой перекрытия. Кругом же и вовсе стоял черный дым. Ну точно! Перед тем, как отключиться, Том слышал череду взрывов. Кажется, на поместье Томаша было совершено нападение с последующим терактом. Да, нелегко в наши дни быть седовласым политиком… На каждом шагу какие-то подставы…

Благодаря маске, сержант Харди не отравился угарным газом, дубленка, словно мягкая прослойка, смягчила удар от бетонной плиты, а бронежилет спас тело от ожогов. Что же касаемо Милины — благодаря тому, что на одну шестую она была змеей, а на еще одну шестую — барсуком, девушка впала в анабиоз и

тихо-мирно оттягивалась в таком состоянии, ожидая помощи из вне.

Сержант попытался отодвинуть плиту, но у него ничего не выходило. Плита никак не сдвигалась!

— Ну пиздооос… — раздраженно протянул он. — Погостил, сука-бля, называется, у мэра!

Прошло уже пару часов, но Тому так и не удалось выбраться. Он был слишком глубоко под завалами, поэтому спасатели и один далматинец, прибывшие на место происшествия не могли его найти, а точнее, будучи крайне ленивыми людьми, даже и не искали.

«Послушай, Том, ну, вот и все… Кажется, пришел твой конец! Кто бы мог подумать, что это будет настолько глупо и стремно? Да не один твой предок так позорно не умирал! Уж лучше б ты от перездоза сдох, не так бы обидно хоть было… И зачем ты только пришел в этот дом? Один хуй ничего по делу-то и не сделал! Только эту зубастую суку чуть не выеб… Фу, Том, прекращай уже заниматься этой поебенью! Надо было сразу к пиздюку ехать в гости, а не вот это вот все… Но что уж говорить теперь? Что случилось, то случилось. Теперь ты лежишь тут под завалами и помощи ждать неоткуда…» — меланхолично думал Харди, потеряв всякую надежду на спасение, и потихоньку впадая в предсмертную депрессию.

Вдруг плита, придавившая Тома и Милину, начала медленно подниматься при помощи домкрата, подсунутого под плиту явно каким-то безумцем. К слову, этот же домкрат и поддерживал все время плиту, чтобы та не раздавила сержанта. Тут кто-то схватил Харди за воротник дубленки, вытянул из завала и поднял на ноги.

— Теперь ты спасен, можешь уходить, — сказал молодой парень, вытащивший Тома, отряхнул руки и пошел прочь.

— Ты еще, сука-бля, что за петушара? Откуда тут взялся? — спросил охуевающий от происходящего сержант Харди, сняв маску и нервно подкурив.

— Я? Антошенька! — весело крикнул парень, обернувшись и помахав рукой.

— Ну спасибо тебе, сука-бля, Антошенька! Сержант не забудет твою помощь. Обращайся к нему в любое время дня и ночи, — вальяжно махнул и Том, как бы благодаря за спасение.

— Я запомнил, сержант! — отдал честь загадочный Антон и поспешил удалиться.

— Мне пора выдвигаться, — меланхолично протянул Харди, докурив сигарету, и направился в сторону дороги, дабы поймать попутку и поскорее добраться до Сиэтла. Не будет же он в таком виде расхаживать по Чарлстону! Вдруг наткнется тут на каких-то знакомых? Весь в саже и золе! Ну стремно же! Поэтому надо быстрее домой — принять душ и переодеться.

«Послушай, Том, сколько крови сегодня пролилось здесь… Пиздооос…» — думал он, громоздко ступая берцами по красному месиву, покрывавшему все в радиусе километра от дома мэра. Но все было не так плохо, как могло показаться на первый взгляд! Конечно, среди этого была кровь гостей, дворецкого, поваров, охранников и прислуг, но в основном — это была малина мэра. Ну, а самое главное, что сам Томаш жив, здоров и находятся в безопасности!

Вот так вот и погостил у мэра сержант Том.

Глава 115: Разочарование

«Здравствуй, дорогой дневник!

Что-то я совсем про тебя забыл. За последние два месяца не сделал ни одной записи! Бывало ли такое? Ты уж меня прости, постараюсь писать чаще. Но хочу заверить — за время моего отсутствия ничего не поменялось. Ты ничего не пропустил. Я все также продолжаю не понимать, что происходит в моей жизни. Если честно, из-за этого чувствую себя каким-то потерянным и не понимаю, что мне делать… Да и нужно ли вообще что-то делать?

Кстати, с Джейки у нас все хорошо. С тех пор, как мы помирились тогда в Майами, мы ни разу не поссорились. Скажу больше — у нас почти и не возникает разногласий. Ну, практически… Порой жиденеок, конечно, перегибает палку, но я научился быть к нему более терпимым. Но признаюсь, я переживаю за него, ибо в его жизни творятся какие-то странные вещи. И это неудивительно! Ведь, во-первых, его жена — беглая преступница. Во-вторых, сестра этой его жены — такая же преступница. И обе они обвиняются в серии убийств. Вот и получается, что теперь и Джейки, женившись на первой, вместе с ними колесит по всей стране, как бы за компанию скрываясь от закона. Конечно же все это меня тревожит! Я бы хотел для брата спокойствия, но, кажется, ему весело и хорошо и так. И я безмерно рад в этом за Джейки! Кто-кто, а этот славный добродушный парень заслужил для себя толику счастья!

Тем не менее, я все же приглядываю за ним, чтобы в случае чего как-то помочь. Ну ты же сам понимаешь, дорогой дневник, жить с преступницей — это не шутки. Вдруг копы нагрянут? Вдруг погоня какая или еще что похуже? Все же документально я до сих пор сержант полиции, а это что-то да значит! Могу хоть как-то да повлиять на ход событий. Вот, например, не так давно, что-то там у них произошло. То ли кто-то кого-то порезал, то ли подстрелил — я так и не разобрался. Они вызвали «скорую», а те, плюсом, вызвали и полицию. Конечно же, Джейки проблемы со вторыми не нужны! Вот он мне и написал, чтоб я как-то связался с полицией Чарлстона и уверил, что врачи ложно вызвали их. И я сделал это. Ну мне же нетяжело! Все жизнь у Джейки будет проще…

А еще Джейки настырно продолжает мне рассказывать про сестру своей жены. Да не то что рассказывать! Он будто бы пытается мне навязать ее! Черт, все время забываю, как ее зовут… Кажется, Нина. Но, как я уже писал ранее, она не болгарка, как ты наверняка почему-то решил, дорогой дневник. И да, она не украинка, не русская, и даже не грузинка. Все дело в том, что ее бабка француженка захотела назвать внучку в честь дизайнера Нины Риччи. Так и назвали.

Почему-то все вокруг думают, что я влюбился в эту девчонку. Так думают Джейк, Леонид и мэр Чарлстона — Томаш Врбада. Откуда такие домыслы — непонятно. Ведь ничего такого и нет… Наверное… Сам не знаю, если честно… Хотел покумекать на эту тему с Лео, но Батлер строго настрого запретил мне рассказывать мозгоправу о девчонке. Сказал, что Лео обязательно влезет и начнет добиваться непонятного никому результата. Не знаю, лично мне нравятся методики Лео, он еще никогда не делал что-то мне во вред… Но, ладно, пока ничего не буду ему рассказывать, ведь по сути-то и рассказывать нечего! Это все вокруг решили, что я влюбился, а на деле — ничего такого и нет! Наверное…

Ладно, дорогой дневник, не буду тебя обманывать. Все, что я написал выше — ложь. Ну не все конечно, а отчасти. Не понимаю, зачем я хочу обмануть тебя. Ведь ты — это то место, где я могу побыть самим собой. Хорошо, я скажу правду. А правда заключается в том, что знаю я и не забывал, как зовут эту девчонку. И да, она нравится мне. Наверное, я даже влюбился в нее… Но тогда

тебе интересно, почему я ничего не делаю? Почему не предпринимаю никаких попыток, дабы сблизиться? А есть ли смысл, дорогой дневник? Разве за всю свою жизнь я не напарывался на похожие ситуации? Взять, к примеру, Милу, или Клубничную Эми. Разве с ними было у меня что-то хорошее? Обе эти девки прекрасно показали, что я, как мужчина, не могу быть интересен. Мила убила все мои юношеские зарождающиеся чувства, показав, что я никчемный урод в маске, и мой удел — безвылазная френдзона. С Эми и вовсе произошел коллапс какой-то. Я попытался быть с ней самим собой, попытался раскрыться, был максимально искренен, отдал нечто важное… И что получил взамен? Да ничего! Она просто ушла, а я не был удостоен того, чтоб она хотя бы выслушала меня! А ведь правда, кому все это надо? Разве кому-то нужны все те тараканы в моей голове? Разве кто-то захочет поговорить со мной по душам? Поделиться со мной чем-то своим сокровенным? А все это куда важнее, чем физическая близость. Ну я вот так считаю, и ты это знаешь.

А вот отсюда и выплыла одна дилемма из-за которой, наверное, в мою в голову и впечаталась эта самая Нина. Не знаю, со всеми ли она так общается, но со мной она была честна. По крайней мере, так показалось. Она рассказала историю о своем брате. И это было жутко, ну то, что она поведала. Не станешь же первому встречному рассказывать, как родной брат принуждал тебя спать с ним, шантажировал, а потом ты его убила? А она все это рассказала… А еще ее совсем не испугал тот факт, что у меня биполярное расстройство личности. Напротив — это показалось ей милым, ведь и у самой присутствует этот недуг.

А еще, хоть она и была обдолбана в нашу последнюю встречу, но все же показала, что отлично вальсирует. Глупый, конечно, факт, но вот моему отцу это бы непременно понравилось. Почему-то кажется, что эта чудачка бы в принципе понравилась Крису. В отличие от Мэрил — она бы обозвала Нину избалованной бюрократкой, которая только и знает, как раздвигать ноги ради налички. Не знаю, к чему я это написал, но отчего-то мне нравится об этом рассуждать. Нравится, что эта девчонка понравилась бы отцу, и вызвала бы раздражение у матери.

И что же мне делать? Может быть стоит забыть все свои неудачи и попытаться что-то развить в этот раз? Но вдруг я опять обожгусь? Нужно ли мне это? Нужно ли ей это? Как я понял, и она сполна хлебанула дерьма за свою жизнь. Взять, например, этот случай с ее братом. Или то, что по нелепому стечению обстоятельств Нина спуталась с этим дурацким маньяком Декстером, который еще и старше ее почти вдвое! Благо, ей наконец-то удалось отделаться от этого дегенерата. И я искренне рад за нее. Но не в том плане, что теперь якобы она одна и мне как бы «открыт путь», как говорит Джейки. А именно по-человечески. Ибо Декстер — то еще чмо, уж кому, как не мне это знать. Так нужно ли ей сейчас самой что-то? Может быть человек хочет побыть в кои-то веке один?

Возвращаясь к моему вопросу — что же делать, вспоминаются изречения моих любимых русских классиков. Вот, например, Есенин говорил так: «Любовь — это купание, нужно либо нырять с головой, либо вообще не лезть в воду. Если будешь слоняться вдоль берега по колено в воде, то тебя только обрызгает брызгами и ты будешь мерзнуть и злиться». Так что же будет лучше для меня? Отдаться этому чувству полностью или же будет разумнее сохранить трезвую голову и никуда не лезть? Даже и не знаю…

А вот многоуважаемый Федор Михайлович говорит, что: «Велика радость любви, но страдания так велики, что лучше не любить вовсе». У меня нет оснований не верить Достоевскому. А с учетом того, какой я ранимый и впечатлительный… Точно ли хорошая идея вновь наступить на старые грабли, чтобы потом больно напороться? Ведь абсолютно точно, что ничего хорошего у меня в жизни не будет. Наверное, никогда. Ибо я — неудачник до мозга костей,

а мой удел — боль и страдания.

Но тут же в голове всплывает афоризм Толстого. «Без любви жить легче. Но без нее нет смысла». Так, может, тут прав все же Лев? Может стоит действительно рискнуть? Может во всей этой истории я смогу обрести что-то новое для себя? А может окажется и вовсе, что не такой уж я и неудачник, и все может сложиться у меня хорошо? Ведь такой шанс тоже возможен, так?

А еще Лев Николаевич говорил: «Всякое рассуждение о любви уничтожает ее». Значит, хватит мне все это писать. Хватит противоречить самому себе и попусту рассуждать о всякой ерунде. Пора бы уже что-то делать и предпринимать.

Для начала, я должен поехать в гости к Джейки. Там я увижусь с Ниной и посмотрю, что испытаю, увидев ее, да и в принципе посмотрю на нее. Все же в прошлые встречи она была обдолбана. Может быть она покажет себя с такой стороны, что я потом скажу, мол, Том, и что ты только мог найти в этом человеке? Посмотри, какие вы разные! В общем, нужно поехать и все это разузнать. А еще разузнать, что она вообще сама обо мне думает. Джейки вот говорит, что она постоянно интересуется и спрашивает про меня у него. Но все это лишь слова жиденка. Совсем не факт, что они правдивы. Так что нужно поехать и все это выяснить, а дальше — как пойдет.

С ума сойти, какая большая получилось запись. Вот видишь, считай, компенсировался перед тобой за то, что давно не писал. В общем, прямо сейчас пойду и сообщу Батлеру, что сегодня мы едем в Чарлстон. Пусть готовит Додж. А потом позвоню Джейки. Скажу, что соскучился и хочу повидаться. Обязательно расскажу, что из всего этого получиться.
11 августа 2012 года».

Спустя несколько часов.

— Да куда же ты запропастилсси, Томми? — ходил по еврочетырешке Леонид в поисках друга. — Я Додж уже снарядил, а тебя все нет и нет! — заглядывал он под кровати, столы и диваны, но нигде не было Харди! Он будто сквозь землю провалился!

Тогда у проницательного Батлера екнул плащ. Вдруг пока он регулировал развал-схождение что-то произошло? Но что? Какая разница что именно? Нужно точно узнать — случилось что-то или нет! Если он увидит Тома там, где собирается проверить, то точно у того случилась какая-то хуйня!

Ворвавшись в сержантскую комнату, Леонид ринулся к шкафу и размаха распахнул дверь.

— Матерь Божья, Томми, что стряслось? — эффектно расстроился он, приметив друга, который лежал на дне шкафа, подняв ноги на одну из стенок, задумчиво уставившись наверх и покуривая стеклянную трубку. Судя по запаху дыма — курил он метамфетамин.

— Послушай, Леонид, а как ты считаешь, вот трюмо, которое много лет назад подарил мне Лео, оно выстругано из цельного куска дуба или нет? — хуево спросил Харди, находясь уже, кажется, на грани наркотического передоза.

— Я спрашиваю, что стряслось! — проигнорировал бредни бородач. — На кой мне твоя трюмо? Почему ты куришь мет? Ты ж завязал с наркотой! Да и почему ты вообще туть?! Мы же должны уже ехать, нет?

— Никто никому и ничего не должен, — задумчиво пробурчал Том. — Сука-бля, пару дней назад у бляди Стрип день рождения был. Интересно, испекла она себе торт в психушке? Жива ли вообще сука? Надо узнать. Если нет, сержант, сука-бля, обязан съездить на ее могилу и поссать на нее… — пизданул он, затянувшись.

— Да что происходить?! — раздраженно потопал сандалиями по паркету беленого дуба Леонид. — Томми, ты бредишь! Что случилось за то время, пока я

шаманил Додж?

— А случилось, Леонид, сука-бля, Батлер, то, что твой друг, то бишь сержант Том, самое наивное и бестолковое ебло, проживающее на этой планете, — промямлил Том, его зрачки закатились, из носа хлынула кровь, а тело затрясло от нехилого повышения температуры.

Леонид эффектно растерялся и кинулся к другу в шкаф. Не зная, как принято действовать в подобных ситуациях, он начал словесно просить Тома немедленно прекратить и прийти в себя. Но слова не помогали! Харди продолжал трястись в приступе наркотической передозировки.

Тут Леонид приметил на полу айфон Тома, схватил его и набрал Джейку, дабы тот удаленно ввел в курс дела и рассказал о том, что делать в подобной ситуации Батлеру и как реанимировать Тома. А может лучше стоит вызвать «скорую»? Мм? Думаешь, не успеют доехать? Ну-ну, давай наебывай жиду и надейся, что сможешь выполнить все его рекомендации!

— Алло, братишка! Ты можешь выезжать немедленно, я все тут уладил! Расчистил путь… — послышался радостный лай, как только абонент Джилленхол принял вызов.

— Алло! Алло! Джейки! — душераздирающе завопил Батлер, суетливо вытирая уголком плаща кровь из-под носа Тома.

— Леонид? — нахмурился голос из шара.

— Джейки! Тут кручина случилась! Томми наш, кажись, переборщил с метамфетамином! — продолжал орать бородач. — И у него чай передоз! Что делать? Что мне делать, Джейки?

— Так! Быстро начинай массировать ему уши! — сосредоточившись, начал давать распоряжения Джейк. — Говори с ним и следи, чтобы он не отключился…

Под чутким руководством спасателя из шара, беспрекословно выполняя каждое его телефонное указание, спустя несколько минут Леонид смог предотвратить метамфетоминовый передоз Тома и теперь, кажется, жизни того ничего не угрожало. Батлер переложил бессознательного друга на кровать, заботливо укрыл плащом и отправился на кухню, дабы заварить для сержанта чай. Все по наставлениям нарколога из шара!

— Ох, я нехило так труханул, спасибо, Джейки… — тяжело выдохнул Леонид, набирая в чайник воды.

— Блять, не знал, что все это его так сильно расстроит, — виновато сказал Джейк. — Не думал, что из-за этой мелочи он решит обхуяриться!

— Расстроит что? — настороженно, но тем не менее эффектно прикрикнул бородач, поставив чайник на базу и нажав на кнопку включения.

— Ой, он мне с утра позвонил, поболтать, наверное, хотел. А у меня пиздец времени не было! Он психанул, мол, чем же таким я занят, что брату времени не могу уделить! А я сказал, мол, ну как чем? Как чем? Я ж шафер! У меня на сегодня слишком много дел! И предложил поговорить завтра…

— Чегось? Шафер? Какой такой шафер? — перебил Леонид.

— Ну как какой? Обычный такой шафер. Свадебный. Все как полагается… Блять, Леонид, ты тоже войди в мое положение! Я не мог отказаться от столь привлекательного предложения! Когда б я еще мог прикинуть на себя личину шаферства? Пинкман жениться не планирует. У Томми сам знаешь — принципы. Ты б если собрался жениться, тоже уж не меня б взял в шаферы, а Томми. Так и что такого я сделал неправильного? С учетом того, что все у меня под контролем! Свадьба лишь сегодня! Завтра же все изменится! Да что там завтра, я уже сегодня прямо тут на торжестве начал все рушить!

— Рушить что? Чья свадьба? Кто там брачуетси? — насторожился Батлер, а его плащ навострил уголки, подслушивая разговор из соседней комнаты.

— Ну как кто? — продолжал охуевать Джилленхол. — Нина и Декстер…

— Да ты чай ебанулсси?! — закричал Батлер, да так громко, что на другом

конце страны у жениха Моргана цветок из петлицы выпал. — И ты знал об этом давно и продолжал навязывать Томми эту пигалицу?

— Да, и что тут такого? — возмутился Джейк. — Нахуя Томми было знать об этом нелепом событии? Если уже завтра все — развод! А шанс побыть шафером был всего один! Так думаешь, все это было важно? На кой ему было бы знать обо всем этом?

— Да ты точно ебанулсси! — продолжил вопли бородач. — На кой ты забиваешь ему голову всей этой ерундой, а потом вытворяешь это вот все!

— Хватит орать на меня! Я же сказал, что не думаю, что все это так важно! Так зачем мне было бы рассказывать ему это? Я бы и сегодня не стал, просто случайно вырвалось! Все это ничего не меняет — все остается на своих местах! Ты уж поверь дяде Джейку, у него все под контролем! Все!

— Да ты чай бредишь! Это тебе там беззаботно гулять на этой дурацкой свадьбе, а мне теперь сидеть и выслушивать его нытье! О, Боже, Джейки, чагось ты наделал-то, а! Он же пиздец теперь накрутит себя до беспредела!

— Да не надо тебе ничего выслушивать! Я же сказал — все под контролем, ничего не меняется! Все остается абсолютно на своих местах! И даже больше! Я переверну все так, что Томми сыграет на контрасте, во как! Я уже тут унизил этого Декстера хлеще некуда! Он зол как сука! Но это же только плюс! — продолжал выдвигать жидовские идеи Джилленхол.

— Все, я не хочу слушать всю эту чепуху! Иди, развлекайси! Но Тому и думать забудь больше что-то писать об этой девчули! Это нихуя не шутки, и это нихуя не смешно, то что ты делаешь! Я все сказал! — угрожающе наорал Леонид и сбросил телефонный звонок.

С психом плеснув в кружку кипяток, насыпав сверху заварки, Батлер вернулся в спальню сержанта. К его удивлению тот уже очнулся. Том сидел на кровати и потирал пальцами виски.

— На вот, чаю попей, взбодрись, — протянул другу кружку Леонид, поджав губы и отбросив на кровать айфон Тома. — Такой ты, кончено, долбоеб, Томми. Зачем ж так обкурилсси? — решил он немного побранить Харди. — Что тебе это дало? Уж лучше, заместо этой ебалы, предпринял какой шаг… Ну, не знаю… Поехал бы туда… На контрасте сыграл, — заговорил он словами человека из шара.

— Сука-бля, забей короче, Леонид. И прости, что напугал. Не рассчитал сержант дозировку. Не хотел, чтоб до такого дошло, — молол хуйню пухлым наркоманским ртом Харди, взяв в одну руку чай, во вторую — айфон. Он зашел в чат с Джейком и очистил там всю историю.

— Что собираисси делать теперь? — накинул эффектный вопрос Батлер, отряхивая ворсинки с леопардовых лосин.

— Ну, сука-бля, даже и не знаю. Домой слетаю. Давно уже там не был, сука-бля… Ну а по приезду обратно в Штаты надо бы что-то придумать с притоном в Майами. У нас же там нет ничего, да? Надо бы какую-нибудь картинную галерею выкупить, да замаскировать ею притон. Ну, или типа того…

— Томми, я ж не о том спрашиваю. И ты понимаешь, о чем я, — перебил Леонид, на сей раз без подката глаз, ведь действительно хотел перетереть с другом явно волнующую его тему.

— Сука-бля, я же сказал — забей, Леонид. Просто проехали, хорошо? — пугающе безэмоционально ответил Харди. — Больше не поднимаем все эту ерунду. Я сам непонятно зачем придумал какую-то, сука-бля, иллюзию, все перевернул, перекрутил… В общем, правда проехали. Знаешь, даже хорошо, что все это выяснилось и оборвалось сегодня. И да, прости, что проебал тебе мозги несколько месяцев. Это было поистине, сука-бля, глупо… Так мы договорились, сука-бля? Мм? Забили и не поднимаем эту тему? — приподняв шрамированную бровь, взглянул он на друга.

Тот лишь бородато кивнул в ответ. На том и порешали.

И действительно, с того самого дня, никакие дела любовные и все к этому предлагающееся не поднимались ни в еврочетырешке, ни за ее пределами. Сержант Том на удивление не впал ни в какие депрессии, а лишь стал каким-то до безобразия безэмоциональным. Уж лучше б помеланхолил! Все живее бы смотрелся! Том попросил Джейка больше ничего не рассказывать ему о дурацкой Нине, а уж тем более не слать ему никакие фотографии и интерерсные факты из ее жизни. Но Джилленхол будто бы не услышал брата! А если быть более точным — не посчитал важным, что его слова серьезны и имеют какую-то силу. Поэтому без стеснений продолжал каждый день наебывать брату, рекламируя и сватая девку с удвоенной настырностью. Харди же совершенно спокойно выслушивал весь этот бред, не на шутку абстрагировавшись от действительности и занимаясь делами обыденными.

Глава 116: Психи

В общем зале Психиатрической лакшери-лечебницы для элитных душевнобольных, что в Чарлстоне, было как всегда многолюдно. Там и тут между столами сновал персонал клиники, ненароком приглядывающий за пациентами, собравшимися здесь после ланча. Сегодня выдался вполне себе спокойный день, с самого утра все было тихо, и, кажется, ни один из пациентов не намеревался устроить истерику, погром или какую-нибудь диверсию. У окна для выдачи лекарств выстроилась очередь из психов, которые не слишком-то и понимали, зачем они тут стоят, но вроде так положено, а значит — почему бы и нет. Возле стены расположился рояль, на котором один из пациентов что-то невнятно наигрывал, выкрикивая при этом проклятия на всю лечебницу. Слева в ряд стояло несколько кресел-каталок, где бессмысленно и неизменно восседали ребята-кататоники, глубокомысленно пуская слюни на велюровые казенные пижамы. За большим столом у окна собралась компания самых бодрых на вид пациентов, дабы поразвлечься и вместе сыграть во что-нибудь. На деле же каждый играл в свою игру: кто в бинго, кто в скрэббл, кто в монополию, а кто и вовсе в салочки.

За небольшим круглым столиком в центре зала сидело трое: рыжеволосая девушка в кресле-каталке, смотрящая пустым взглядом себе в коленки; пышнобровая женщина лет шестидесяти с виду и такой же пышнобровый синеглазый парень с щетиной, облаченный в больничную сорочку с принтом карты Чарлстона.

— Ну знаешь, я не думаю, что это какая-то ужасная проблема. Ну подумаешь — ну упек нас Декстер в психушку, что тут такого? Отсидимся немного с Лисичкой здесь, может за это время Нина поймет, что Декстер — совсем не тот, кто ей нужен, побыв с ним один на один, — рассуждал парень, перебирая разложенные по столу детали паззла. — Может даже и лучше, что братка так нахуеплетил, потом у Томми будет шанс сыграть на контрасте и подтвердить свое звание лучшего из людей, даже будучи по правде не очень хорошим человеком. Но ведь кто из нас идеален? У каждого есть свои плюсы и минусы. Так что, думаю, Томми на фоне Декстера уж сможет показать себя с хорошей стороны, ведь показаться хуевым на фоне Декстера — это надо быть тем еще долбоебом. Наш ведь Томми не долбоеб, так ведь? Как думаешь?

Женщина, по имени Мэрил, безумно зыркнула на Джейка, задумчиво прищурившись.

— Вот и я так думаю, — пожал плечами псих из шара и продолжил искать нужную деталь. — Так что, думаю, все это будет во благо всем нам. Скоро все наладится и встанет на свои места, как только мы отсюда выберемся. Но пока даже и не хочется. Здесь ведь довольно прикольно, да? Столько всяких развлечений: хочешь паззлы собирай, хочешь рисуй, хочешь на рояле играй или в скрэббл… Классно… Такая возможность отдохнуть от всей этой жизненной каждодневной суеты. Лисоньку только жаль, кажется, врачи перебарщивают с препаратами для нее. Благо хоть я неуязвим, и, видимо, поэтому на меня здешние колеса не действуют. Ну только штырят немножко… Но я все могу контролировать, так что переживать не о чем, — погладил он Лизи по волосам.

Мэрил Стрип, проведшая в этом заведении без шуток и обманов уже долгих шесть лет, не понимала ни слова из того, что рассказывал сын — любимый, красивый и очаровательный, как праздничный торт. Точнее, понимать-то она понимала, но вот сопоставить и вспомнить, о чем и о ком он толкует — ну никак не могла. Да что говорить, она и самого Джейка-то не признавала. А кто такой этот Томми, о котором он все время рассказывает? Очевидно, какой-то бюрократ. Ну или педераст. Или и то и другое одновременно. В общем, совершенно точно,

что он ублюдок каких поискать. Но вот кем являлись остальные персонажи, такие как некая Лисонька, Нина и Декстер, мисс Стрип совершенно не догоняла и даже не в силах была составить своего субъективного ученого мнения на их счет. Но наверняка тоже не лучше этого Томми, раз они с ним спутались. И хоть Мэрил было невдомек, что речь шла о ее ущербном сыне, при первом же упоминании о нем у нее вмиг сложилось предвзятое отношения к этому персонажу из рассказов, которые ей днями напролет плел милейший синеглазый паренек. Его, в отличие неприятного Томми, которого она и в глаза не видела, хотелось заобнимать и затискать, словно плюшевого малютку-лабрадора.

— Кстати, тебе же пора пить лекарства, Лиса! — вдруг подскочил с места Джилленхол. — Опять чуть не проебала! Пойду возьму твою долю, а ты тут пока с мамой посиди.

Лизи подняла отрешенный взгляд и посмотрела вслед Джейку, направившемуся к окну выдачи лекарств.

— Для Элизабет Джилленхол, — сказал он, заглянув в окошко. — Ба! Джонни?

— Ээээм… Да… А мы знакомы? — с подозрением нахмурился врач за стеклом и протянул картонный стаканчик с разнокалиберными колесами.

— Ну как же! — усмехнулся парень из шара. — Ты работал охранником у моего брата, после того, как тебя выгнали из мусарни.

— Ну… — поднял подведенные глаза к потолку доктор. — Я практически уверен, что вы обознались и перепутали меня с моим братом. Он как раз-таки полицейский.

— О, круто! У тебя тоже есть брат? Так и у меня. Моего зовут Томми, твоего — Джонни. Так как зовут тебя, приятель? — приветливо завилял задом Джилленхол.

— Меня тоже зовут Джонни. Джонни Депп. Мы с Джонни ведь близнецы, — пояснил за хуйню врач, поправив рваный форменный халат.

— Круто… — поджав губы, закивал Джейк. — Слууушай… А у вас в клинике это… — приставил он к губам большой палец, оттопырив мизинец. — Имеется?

— Травка что ли? — прищурился доктор Джонни.

— Ну, — одобрительно кивнул Джилленхол.

— Ну допустим имеется, и что? — деловито скрестил руки на груди Депп. — Она только по рецептам.

— Так и мне нужно по рецепту. У меня же глаукома! — поморгал волшебными глазами слепец из шара.

— Точно? — недоверчиво всмотрелся в синеву Джонни.

— Точнее не бывает!

— Ну тогда покажи свой рецепт, — заявил доктор, сложив пальцы в замок.

— Один момент! — кивнул Джейк и стал наигранно хлопать себя по карманам сорочки, которая карманов не имела с момента пошива. — Вот черт! Кажется, где-то обронил! Да где ж он… Проклятый рецепт! Ох! А может и того хуже? Может кто-то украл его у меня?

Джонн сузил глаза еще хлеще и подергал носом, как бы пытаясь различить запах лжи.

— Эй, Джонни, пойди-ка… — просунулся в окошко Джилленхол и жестом поманил Деппа приблизится. — Знаешь, я думаю мой рецепт у меня и впрямь кто-то пизданул. Даже могу предположить кто.

— Кто? — округлил рот Джонни, оголив зубы из медицинской стали.

Джейк двумя пальцами предложил придвинуться Деппу еще ближе.

— Видишь в центре зала за столиком сидят две дамы. Так вот я думаю, что рецепт у меня украла та, что рыжая, — заговорчески зашептал Джилленхол.

— Где? — приподнялся с места Джонни, выглядывая из-за плеча клеветника из шара.

— Да тише ты! Не привлекай внимания. Осторожно посмотри, — шикнул Джейк.

Джонни уселся обратно и сделал вид, что перебирает какие-то бумаги, а затем медленно вытянул шею и нашел взглядом рыжую в центре зала.

— Знаешь, это ведь для нее колеса я пришел брать, — постучал пальцем по картонному стаканчику Джилленхол. — А знаешь почему?

Джонни вопросительно махнул головой, ожидая ответа.

— Да потому что я уверен, что она не принимает свои колеса, а банчит ими, — прошептал Джейк, обведя над головой радугу. — Видишь, вон той хочет впарить, та что с ней за столом, седая.

Джонни состроил возмутительную пиратскую гримасу и вновь вытянул шею, дабы взглянуть на седую блядь.

— Но я считаю, это негоже. Потому и хотел забрать сам ее таблетки, чтобы она их лично выпила при мне. Уж я-то проконтролирую. А то так за щекой спрячет, а потом впарит какому-нибудь шизофренику-наркоману, — нес несвязную чепуху басенник из шара.

— Да… Это правда негоже… — растерянно замямлил Джонни Депп, выглядящий в точности как Джонни Депп, но не являющийся и одновременно являющийся им. — Но это все точно? Не разводишь меня, чтоб я выписал тебе травки?

— Что ты, дружище! — воскликнул Джейк, положив руку на грудь. — Я такими делами не занимаюсь. Зачем бы мне это? Я тебе толкую о том, что один из пациентов в вашей клинике беспределит и устраивает наркоторговлю прямо на территории. И рецепт она, думаешь, зачем пизданула? Да чтобы потом по нему самой получить траву, полагающуюся по закону мне, да и накуриться до неузнаваемости.

— Хм… Это прям точно-точно все? — сканировал взглядом Лизи Джонни. — Она вроде не смахивает на какую-то наркоторговку или типа того… Она больше похожа на овощ…

— Ну, это, знаешь ли, приятель, фарс — не более! Конечно, ей проще изобразить, что лекарства на нее действуют, что она тихо-мирно сидит в коматозе, да отвести таким образом от себя всякие подозрения. Вы же в свою очередь увидите, что терапия идет ей на пользу и продолжите курс препаратов, которые она непременно продаст очередному несмышленому пациенту, — по-собачьи бредил Джилленхол.

— Хм-хм-хм… — покрутил губами доктор Депп. — Так может тогда отменить ей лекарства?

— Что ты! Тогда ведь она начнет строить из себя буйную! — хлопнул Джонни по лбу парень из шара. — Советую наоборот увеличить дозировку вдвое. А уж я-то прослежу, чтобы сучка принимала все таблетки!

— Ну хорошо… — протянул Депп, почесав пиратскую фетровую шляпу. — Так тебе значит надо травки? Глаукома у тебя, да?

— Она самая. Ну так что — баш на баш? Ты мне марихуаны, которая мне необходима для поддержания зрения, а я прослежу за Лисой, — протянул ладонь Джейк, предлагая скрепить договор рукопожатием.

— За Лисой? — доверчиво взглянул на Джейка Депп.

— Ну да, слыхал, это ее погоняло среди нарков, — буробил абы что Джилленхол.

— Ну хорошо, — пожал руку из шара Джонни. — Но только если все это суперточно! Мне не нужны проблемы на работе. Не хочу, как брат в свое время, лишиться работы. Ведь нелегко найти работу с одной почкой. Это я уже знаю по его опыту.

— У тебя тоже одна почка? — вскинул брови к потолку Джейк.

— Да, у нас с ним две почки на двоих. Видимо в утробе матери мы сначала

развивались, как один Джонни, а потом разделились на два, и каждому досталось всего по одной почке, — пояснил за инвалидность Джонни.

— Видимо так, — усмехнулся Джейк. — Так что, травку дашь?

— Вот держи! — достал Депп из-под отворота ботфорта пакет марихуаны. — Это моя личная. А то здесь дрянь, а не траву выписывают.

— О, круто! Спасибо, Джонни! — похлопал его по плечу парень из шара.

— А за Лисой уж ты проследи, — выставил указательный палец Джонни. — Таблетки не забудь дать ей выпить. На вот, двойную дозу. Чтоб точно-точно.

— Уж я-то прослежу… Ох прослежу… — ехидно улыбнулся Джилленхол, забрал картонный стаканчик и направился обратно к столику.

По пути он закинул часть колес в свою псиную пасть, ведь, хоть таблетки и не оказывали на него должного эффекта и не превращали его в овощ из шара, но зато нет-нет да штырили по-маленьку. А что еще нужно для полного релакса Джейку? Разве что травка… Так и она у него теперь в кармане, так что отдых продолжается. Сколько паззлов еще не собрано, сколько ребусов не разгадано, сколько партий в скрэббл не сыграно с Мэрил…

Джейк подошел к Лизи, взял ее за щеки, заставив открыть рот, и сунул таблетки.

— Глотай, Лисонька, глотай… — приговаривал он, поглаживая жену по горлу как кошку, дабы убедиться, что та проглотила лекарства, затем обернулся к Джонни, наблюдавшему из окошка, и поднял большой палец вверх.

Так прошел месяц. Лизи с каждым днем становилась все овощнее. Джейк же Джилленхол каждодневно получал целый пакет травы от доктора Джонни в благодарность за контроль над Лисой, и обкуривался ею до неузнаваемости. Также он нет-нет да не забывал баловаться лекарствами, положенными его жене, ведь полдозы тех сполна хватало ей, дабы оставаться в невменяемом состоянии. Вторая же половина колес отправлялась прямиком в собачий рот парня из шара, скрашивая дни пребывания в психиатрической лечебнице. За время, проведенное здесь, Джейк уже собрал все паззлы и разгадал все ребусы, а игра с скрэббл с мисс Стрип была сомнительным развлечением, ведь она то и дело пыталась собрать слово «биометалл», а когда ей не хватало букв, просто опрокидывала стол и затаивала обиду, виня в проигрыше пресловутых бюрократов и педерастов.

Именно поэтому спустя месяц Джилленхолу стало скучно оттягиваться в клинике. Но выдумщик из шара быстро нашел выход из сложившейся ситуации и разработал план, как покинуть сие заведение, да к тому же прихватить с собой и Лизи, ведь, кажется, та была уже на грани, чтобы остаться в таком состоянии навечно. Но совсем не такой судьбы хотел Джейк для свой многоуважаемой Лисы.

Одним туманным осенним утром Джилленхол усадил в кресло-каталку Лизи и направился во двор, дабы подышать свежим воздухов. На выходе из здания клиники ему повстречалась Мэрил.

— Слушай, думаю я в ближайшее время отправлюсь домой, — остановился Джейк. — Так что может, это наша последняя с тобой встреча. Может, выйдешь прогуляешься с нами?

Мэрил Стрип — клиентка психиатрической больницы снаружи, старая блядь же в душе лишь бросила на сына уничтожающе-нежный взгляд и промолчала в ответ.

— Молчание — знак согласия, мам, — потрепал ее за плечо Джилленхол. — Только нужно одеться. Ветрено на улице. Не май же месяц, в конце концов. Посторожи Лисоньку, я сбегаю к тебе в палату и принесу одежду потеплее.

Спустя десять минут Джейк вернулся, держа в руках какие-то тряпки.

— Вот, чтоб голову не продуло, — водрузил он на голову матери кепку с

фото-принтом его с Лизи свадебной фотографии. К слову, сей головной убор сын из шара прислал Мэрил в тот же день, когда получил сувенирные аксессуары со свадьбы Джилленхолов. — А вот, чтоб спину не застудила, — накинул он ей на плечи гигантских размеров смирительный шерстяной кардиган.

Через несколько минут они вышли на передний двор лечебницы, где стали прогуливаться по мощеным каменным дорожкам.

— Знаешь, мам, а ведь это я договорился, чтобы тебя перевели в эту больницу, — рассказывал Джилленхол. — Я оплачиваю твое содержание здесь и по сей день. И буду это делать до того момента, пока ты не отдашь Богу душу. Скажи, тебе же нравится здесь? Тебе здесь комфортно? — остановился он, обогнул коляску с овощной Лизи и заботливо поправил на ее коленях плед. — Мам? — вновь обратился он к мисс бляди.

Та не посчитала нужным что-либо отвечать этому бестолковому красавцу, а принялась срывать с дерева листики и класть их в свой учебный рот.

— Блин, мам, прекращай! Не вкусно же, ну! Фу! — сделал замечание Джилленхол, возмущенно хлопнув себя по бокам.

Мисс же Стрип вновь проигнорировала бред младшего сына и продолжила жевать зелень, по-ученому осматриваясь по сторонам. Вдруг она замерла, устремив взгляд куда-то в сторону. Ее рот раскрылся и оттуда выпала пережеванная листва.

— Все в порядке? — свел брови в одну Джейк. — Ма? — уточнил он, но решил проверить сам и обернулся, посмотрев туда же, куда Мэрил.

Каково же было его удивление! Ведь буквально в паре метров от них стоял…

— Томми? — радостно завилял задом Джейк, увидев такой родной и любимый брутально-смазливый еблет.

Сержант Харди стоял не шелохнувшись, лишь ошарашенно моргая и уставившись на мамашу Стрип. Невооруженным взглядом было понятно — парень находился не то что в замешательстве — в ахуе! И совершенно точно в его серых глазах можно было прочесть не только шок, но и испуг! Да ты чай шутишь, Томми?! Ты что, все еще нет-нет да ссышь эту безумную блядь? Тебе на будущий год тридцать! Прекращай уже, а!

— Тыыы… — прохрипела Мэрил, сверля старшего сына максимально ебливым взглядом. — Все же хватило смелости прийти сюда, грязный выродок! — рявкнула она и, выставив указательный палец, двинулась прямо на него.

Том и вовсе не понял, как следует вести себя в подобных ситуациях и продолжил стоять пнем.

— Что ты себе позволяешь, мм? — подошла мисс Стрип, ткнув его пальцем в грудь.

Сержант отшатнулся и затаил дыхание, предвкушая то говно, коим сейчас его польет ученая мразь.

— Черный, черный нигер, — покачала она головой. — Зачем пришел сюда? Я больше не буду платить тебе алименты! Больше ты не получишь от меня ни цента, Морган!

— Что, сука-бля? — немного вышел из ступора Харди, в непонятках уставившись на мать.

— Мам, не трогай Томми! — прискакал на разборки Джилленхол, взяв женщину за бесконечно длинный рукав шерстяного кардигана и потянув на себя.

— Да, я отрезала нашему сыну руки, и не считаю, что была неправа, ибо они были атрофированными! А мои протезы дали ему дорогу в будущее! — бредила Мэрил, тявкая на Харди. — А что сделал ты, нигер? Забил весь холодильник крэком? Трахал проституток из Азии?

— Да ты, сука-бля, совсем ебанулась, — выпалил Том, придав голосу недюжую уверенность и саркастически улыбнувшись.

— Да, это я выкинула весь твой крэк! Распотрошила и спустила в унитаз! — геройствовала мисс Стрип. — Но ты не имел права лишать меня родительских прав и подавать на алименты! Впрочем, на первое мне наплевать! Зачем мне черный ребенок?

— Ну, сука-бля, приплыли! Твоя фляга совсем засвистела, да, блядь? — щелкнул Том по острому носу мать. — Ты себе и историю жизни новую придумала! Вот же шлюха!

— Блин, Томми, ну хватит! Не надо ее обзывать такими словами! Не видишь, человек сошел с ума! — нравоучительно помотал пальчиком Джилленхол.

— А с этой пиздой что? — кивнул Том в сторону Лизи, после чего бесцеремонно взял Мэрил за плечи, отодвинул в сторону и подошел к коляске. — Эй, шкура! Ты меня слышишь, сука-бля? — пощелкал он пальцами перед лицом девушки. Но та лишь продолжила смотреть перед собой пустым взглядом. — Что, пиздюк, любишь тусоваться с сумасшедшими ебанатками? — с подъебом обратился он к брату. Джилленхол лишь расставил в стороны руки из шара, как бы показывая, что абсолютно не причастен ко всему этому дерьму.

— Немедленно убирайся из моего дома, грязный нигер! — продолжала нести хуйню мисс Стрип, усевшись на землю. Она сорвала пучок травы с газона и не придумала ничего лучше, чем попробовать его на зубок.

— Да как же сержант счастлив, — вновь посмотрел на матушку Том. — Ты сполна заслужила такую вот участь, старая блядь! Вот даже трогать тебя не хочется! Надеюсь, вскоре ты станешь еще более ебанутой и начнешь жрать свое дерьмо. Вот тогда-то сержант поистине станет самым счастливым на планете человеком!

— Томми, прекращай говорить все это! Она же твоя мать! — укоризненно протявкал Джилленхол.

— Ебало завали! С тобой мы поговорим попозже, когда я тебя отсюда достану! Ебашь собирай вещи, скоро выдвигаемся! — рявкнул Харди и пошел в сторону здания лечебницы.

Вскоре он отыскал там главврача, то бишь — Джонни Деппа. Хм, а почему это главврач сидит в окошке для раздачи лекарств? Вроде клиника-то элитная. Подрабатывает на полставки? Что ж, похвально! Ведь одна почка так просто сама себя не прокормит!

— Джонни, сука-бля? — охуел сержант, увидев врача. — Какими судьбами? Во врачи решил податься?

— Ну сколько можно?! — отбросил в сторону ссаную тряпку Депп, прекратив мытье полов. К слову, здесь, он подрабатывал на четверть ставки и уборщиком. — Я не тот Джонни! Я его брат близнец!

— Да быть того не может! — вылупился Харди, ошалев до неузнаваемости. — Брат-близнец? Пиздеж! Вы как две капли! Разве у близнецов все так и устроено?

— Так, вы по делу, или как? — проигнорировал Депп, заебавшись отвечать на подобные вопросы, ведь ему уже порядком надоело, что каждый второй встречный путает его с братом.

— По делу, сука-бля, по делу, — подкатил глаза Том. — Брата своего приехал забрать из этой элитной богадельни.

— Так, стоп, — выставил ладонь вперед Джонни, быстро ею помотав. — А у вас имеется справка о том, что ваш брат имеет право покинуть клинику? Ну то бишь он здоров? Так?

— Так, — пизданул Харди.

— Где справка? — сузил подведенные веки Депп.

— Какая справка? Джонни сказал мне, что можно так приехать и забрать. Ну, как бы, сука-бля, по знакомству, — понес он хуйню, понадеявшись, что доктор

имеет схожий со своим братом характер.

— То бишь Джонни ручается за вас и вашего брата?

— То бишь да, — состроил фирменный еблет Харди. — Твой брат — мой кореш, так что думаю, у тебя не должно быть сомнений, что я какой-то обманщик или типа того.

— Ну это все точно? Чтоб потом не оказалось, что я просто так выпустил из клиники психопата и тот прирезал кого-то, — уточнил доктор, достав из халата антисептик и обработав татуированные кулаки.

— Да ясен хуй точно. Хочешь, позвоним Джонни, и он тебе скажет, что я — человек-слово, — наигранно достал из скамов айфон сержант Харди.

— Да нет, не надо, я верю! — остановил Депп. — Что человека беспокоить? У него сами знаете какая работа. Зачем отвлекать? — достал он из форменных джинс брата, кои взял у того погонять, шкарик коньяка и присосался к нему, ведь заливать глаза на работе — было семейным принципом уже пятого поколения Деппов.

— Ну все? Могу его забирать? — указал Том в сторону выхода.

— Да, кончено, — кивнул опухшим подбородком Депп.

— Ну, и его, сука-бля, жену тоже забираю. Джонни на счет нее тоже сказал добазарился с тобой, — продолжил нести ёбань сержант.

— Делай что хочешь, только если точно мой брат Джонни за тебя поручился, — ткнул Тома в нос до неузнаваемости обработанным от микробов пальцем Депп.

— Да точно, — заверил Харди, сунув в пиратский халат Джонни пару скомканных стодолларовых купюр.

На том и порешали.

Буквально через полчаса к элитной лечебнице города Чарлстон была подана машина из местного таксопарка. Сначала Джейк усадил внутрь свою многоуважаемую Лису, а уж затем его самого Том по-мусорски усадил в бордовую Ладу Приору.

— Куда едэм? — поинтересовался не на шутку амбициозный водитель Рамзан Кадыров, поправив на голове съехавшею на бок от экстремальной езды тюбетейку.

— Вот сюда, пожалуйста, сэр, — подсунул ему под нос телефон Джилленхол, предварительно вбив на нем нужный адрес.

— Да благословит Аллах наш путь! Ахалай-Махалай! — перекрестился Рамзан и тронулся.

— А теперь все завалили свои ебальники! Говорить буду я! — вальяжно закурил Том, как бы давая Кадырову понять, что власть тут он. Водитель, нахмурился, но промолчал, ведь хоть и был до мозга костей конфликтным человеком, но вступать в перепалку с пассажирами было не в его принципах. Так и промолчал.

— Блять, Томми, не дыми! — фыркнул кожаным носом Джейк, отмахиваясь от дыма.

— Какого хуя, жид ебаный? Мм? — нарочито выпустил в него дым Харди. — Какого хуя ты общался со мной каждый божий, сука-бля, день, и хуй разу сказал, что лежишь в лечебнице? Что за шляпа такая? И нахуя признался в этом вчера?

— Я же сказал, что не думал, что это так важно! — зажестикулировал Джилленхол. — Нахуя тебе было об этом знать? Все было под контролем!

— Ебать его в рот, под контролем? Пиздюк, ты лежал в психушке, о каком контроле может быть речь?! — перебил Харди. — Да не просто лежал! Ты тусовался с нашей полоумной мамашей, при этом звоня мне и беззаботно со мной общаясь! Какого хуя, Джейки?! Нахуя весь этот цирк ты устроил? Какой

прикол? Блять, да как ты тут вообще оказался, сержант хуй может взять в толк?

— Декстер положил, — беззаботно пожал плечами Джилленхол. — Мне так нужно было. Так было удобнее.

— Удобнее, сука-бля, кому? Ей? — указал Том «факом» на Лизи.

— Может и ей! Ты не представляешь, в какой депрессии был человек, переживающий, что самый родной для нее человек, то бишь — сестра, вышла замуж за старого дегенерата! — понес чепуху Джейк. — Может лечение здесь было выходом! И в какой-то степени — стало! Разве ты видишь, чтоб человек находился в депрессии? — вытер он с уголка рта Лизи слюну.

— Декстер, сука-бля! Декстер! Я не понимаю, зачем ты лазишь с этой петушней? — продолжал орать Харди.

— Да, он петушня. Но если дядя Джейк общается с ним, то значит это важно! Значит, есть у дяди Джейка некий план. Ясно тебе? И да, он не насильно туда меня с Лисичкой упек. Я сам собрал вещи и добровольно поехал!

— Ебануться можно! Просто ебануться! И как? Понравилось лежать? Понравилось тусоваться с полоумной мамашей? Сука-бля, Джейки! Нахуя ты общался с этой мразью?!

— А что тут такого? Что такого? — закудахтала кура из шара. — Она все равно ничего не соображает, сам видел, Томми! Она не сделает больше никому и ничего плохого! Хватит уже на нее злость держать, это не тот человек, что делал тебе больно!

— Ах не тот?! — наигранно хлопнул по коленям Том. — И что же поменялось, Джейки?

Джилленхол в ответ понес лишь какой-то несвязный бред, и ни один из братьев даже и не обратил внимание, что Рамзан мчал по Чарлстону со скоростью не меньше двух ста километров в час! Ну нихуя б себе жмет этот таз! А почему так быстро вообще? А все дело в том, что, слушая конфликт между братьями, Рамзан закипал с каждой секундой все больше и больше, еле сдерживая себя в руках, дабы не вмешиваться и не раскрошить ебальники пассажирам, а ой как хотелось! Но эти принципы, черт бы их побрал!

Никто и глазом моргнуть не успел, как Приора остановилась у шикарного дома, на подъездной дорожке которого стояли двое: разъяренный парень-петушара, то бишь — Декстер, да молоденькая блондинка, то бишь — Нина Блэкберри. Что-то прокричав, девушка бросилась к припаркованному у дому Форду Эскейпу и мигом принялась прокалывать покрышки. От данной выходки, Морган пришел в такой гнев, что накинулся на Нину, повалил на землю и приставил к ее шее нож.

— Форд — мой! Какого хуя ты натворила? — прорычал на всю округу он.

— Блять, какого хуя?! — приметил сцену у дома Джилленхол и стремглав выбежал из машины. — Вы что творите, пацаны? — подбежал он к парочке и с прыжка скинул с Нины Декстера, сам навалившись на него.

— Какого, сука-бля, хуя происходит? — превратился в наблюдающую сову Том, протерев кулаками глаза.

— Мне нужна Феррари! — вскочила с асфальта Нина и гневно затопала Аэр Максами.

— Нахуя ей Феррари? — пихнул Харди в бок Лизи, но та не посчитала нужным что-либо отвечать и медленно вылезла из машины.

— Что творат, ублудки?! — возрадовался Кадыров, ведь, кажется, у него наклевывался прекрасный шанс выплеснуть накопившийся от разборок братьев гнев.

И кто помешает ему порамсить с Декстером, если тот не являлся его пассажиром? Совершенно точно, что никто! Давай, Рамзан, дерзай! Покажи всем свой ебаный темперамент!

— Сэйчас я им устрою! — воскликнул он, состроив подлейшую гримасу, достал из-под сидения автомат и ринулся на разборки.

— Куда, сука-бля? — только и успел выкрикнуть Харди, сам же оставшись незамеченным сидеть в машине.

— Это еще что за крендель? — уперла руки в бока Нина и с осуждением уставилась на таксиста.

— Сука-бля, только шкуру не трогай! — охуел Том, решив, что Рамзан непременно хочет расстрелять эту белобрысую девку. Сержант даже уже положил одну ладонь на ручку открывания двери, вторую — на рукоятку «беретты», чтобы тоже выбежать на разборки, да не успел…

— Алах-Акбар! — выпалил Рамзан, скинул с макушки тюбетейку и начал стрелять по серебристому Форду. — Ахалай-махалай!

— Только не в мою машину! — дегенеративно завизжал Декстер, кинулся к Рамзану, схватился за автомат и направил дуло в небо.

— Ууух, — с облегчением выдохнул Харди и закурил, продолжая наблюдать за рамсами из Приоры.

— Отдай! Он мой! — кричал Кадыров, пытаясь отстоять у Моргана оружие и продолжая при этом нешуточную пальбу.

— Ахахаха! — задорно засмеялась Лизи, выставив палец на хача и парня-ущерба.

— Да успокойтесь, ребят! Сейчас же мусоров вызовут! — тявкал Джилленхол, хватаясь за бестолковую макушку.

— Где моя Феррари? — заорала Нина. — Декстер, купи мне Феррари! Я что, за зря с тобой ебусь?!

— Сука-бля, вот же шкурье! — плюнул на пол такси Том. — Хорошо, что не стал с ней связываться… Наверное… — прикусил он пухлую губу и отвел взгляд в сторону.

— Пожялуй, я поэхаль дальша! — проорал на весь квартал, а может даже и дальше, Рамзан и с гримасой ненависти на лице, поспешил к машине. — Ну что, в аэропорт! — вскрикнул он, влетев в машину и вжав педаль газа в пол.

— В аэропорт, сука-бля, в аэропорт, — кивнул Харди, ведь посчитал себя не только лишним на разборках перед домом Моргана, но и как бы и нахуй ему все это было не нужно. Да и на брата нет-нет да обида затаилась, ведь какого хуя он тусолвался с полоумной Мэрил?! Так что все, хватит всего этого бреда! Пора возвращаться в Сиэтл!

Несколько минут Рамазан и Том ехали в полнейшей тишине, пока ту не прервал звонок, поступивший на айфон Харди.

— Чего тебе, жид? — рявкнул сержант, приняв вызов.

— Томми, мне пиздец, как стыдно! Кажется, дядя Джейк совершил огромную ошибку! — закричал абонент из шара.

— Стремно, что тусовался со старой блядью? — усмехнулся Том.

— Да причем тут старая блядь, Томми? Дела обстоят куда ужаснее! Кажется, я пытался втюхать тебе бракованную девчонку. Мне правда очень неудобно, что не узнал этого раньше, ведь это очень и очень важно! Извини, братишка…

— Стоп, сука-бля, что ты мелешь, пиздюк? — перебил сержант, нахмурившись. — Кто бракованный?

— Кто-кто?! Нина эта дурацкая! Оказывается, у нее целый букет психических расстройств! Каких? Я еще не выяснил, но обязательно расскажу, чтоб быть начеку! — молол хуйню Джейк.

— А, ты про то, что у нее биполярка? Так я про это уже давно знал. И что в этом такого, сука-бля?

— Как это что? Так, погоди, погоди… Что значит, ты знал? — охуел на том конце провода психопат из шара.

— То и значит, сука-бля, — пародийно пролаял Харди. — Она мне рассказала тогда в Сиэтле, когда я ее подшил…

— Да ты ебанутый! — заорал Джилленхол. — Почему не рассказал мне об этом раньше? Разве тебе не стремно, что твой брат живет под одной крышей с психопаткой?! Не думал, что это так важно, Томми?! А если бы эта сука задушила бы меня ночью подушкой? Если бы порезала меня, а?! Как б ты тогда заговорил?

— Да что ты мелешь, пиздюк? — остановил поток мыслей брата Том. — Никто б тебя не порезал! Биполярка, она так не работает!

— Откуда тебе это знать? — оскалился пес из шара, но не на брата, а так — на одного карлика, находящегося в паре метров от него и мнящего себя кошкой.

— Потому что и у меня биполярка, дебил! — рявкнул Том.

— И у мэна! — поднял ладонь Кадыров, но всем было похуй.

— В смысле у тебя биполярка? Как? Откуда? Какого хуя ты мне не рассказал об этом раньше? Ты говорил, что у тебя пограничное расстройство, но про биполярное расстройство и речи не было!

— Какая, сука-бля, разница?

— Ах, какая?! Да такая! Что я много лет прожил с тобой под одной крышей, даже и не зная правды! Это твое место в психушке, Томми! Твое! Не мое, не мамино, не Лисонькино, а твое, Томми! Ты должен там лежать, чертов псих! Ты! Ну и за компанию с тобой твоя подружка! Ведь ты так любишь тусоваться с сумасшедшими ебанатками, да, Томми? — припомнил он брату его же слова.
— Так, погоди! Так значит, вы оба биполярно расстроенные личности… Хм, хм, хм. Интересно, интересно. Совпадение ли это? Не думаю! Больше скажу — это судьба! Разворачивай машину и едь к нам на чай… Погоди, давно хотел узнать, а до той встречи в Майами, ты был уже знаком с Ниной? Ну когда вломился в окно… Может пересекался с ней уже когда-то?

— Сука-бляяяя, — прорычал сержант Харди. — Да как же ты заебал! Ублюдский жид, хватит мне втюхивать эту шкуру! Я уже по горло сыт разговорами про нее! Тебе что, сука-бля, больше поговорить со мной не о чем? Так запомни, мне все это — неинтересно! Я больше хуй стану обсуждать весь этот бред! И если хочешь со мной общаться, то будь так любезен — закрой эту ебаную тему! С этого момента я буду игнорировать эту ебалу!

— Перезвоню! — рявкнул Джейк, клацнув зубами и отбросил телефон в сторону, даже не сбросив звонок. Послышался лай, карликово-кошиное шипение и топот ног и рук по паркету.

— Урод ебаный, — цокнул Харди, положив трубку.

— И нэ говори, — вставил свою хачовью лепту Рамзан.

— Завали, сука-бля, а! — показал ему «фак» Том и недовольно уставился за окно.

Так и достал младшего брата из психбольницы.

Глава 117: Приглашение

С той осенней поры между братьями вновь воцарилось разногласие. Впрочем, один из них даже и не подозревал об этом, а точнее — не думал, что все это так важно. Каждый божий день Джейк Джилленхол наебывал брату в чате сообщения, то и дело расхваливая в них сестру многоуважаемой Лисы, то бишь — Нину. Между делом, он присылал Тому тайно сделанные неоднозначные фотографии девушки. Все они были сделаны явно из-за угла, и на всех на них девушка явно то переодевалась, то наклонялась за каким-либо предметом. Джилленхол никак не мог взять в толк! Почему же Том совсем ничего не отвечает?! Сообщения доходили? Доходили! Отметка о прочтении появлялась? Появлялась! Так в чем же дело?!

В свою очередь, Харди, раздраженно двигая желваками, мельком проглядывал всю эту ёбань да удалял. Сержанта неимоверно бесило происходящее. Почему его бестолковый брат продолжает заниматься этим дерьмом? Разве Том не ясно дал ему понять, что ему не интересен! Весь этот бред!

Но Джейк Джилленхол совсем не желал угоманиваться! Несмотря на игнор брата, он продолжал ему наебывать! И дело не заканчивалась только сообщениями, от звонаря из шара также поступали и телефонные звонки, но и те были успешно проигнорированы сержантом Томом. Но Джейка не останавливало и это, и он продолжал наебывать массивные сообщения, рассказывая разного рода бред, а порой и вовсе приглашая в них брата на бомбические вечеринки или просто на ужин в теплом семейном кругу.

Но в один из дней в конце осени что-то переменилось. Сообщения от Джилленхола перетекли в другое русло. Теперь еблан из шара писал о том, что Нина попала в жуткую беду. Хуев Декстер якобы впутал ее в такое дерьмо, из которого мало еще кто выходил живым. Джейк молил брата срочно вразумить девку! И тут же в следующем сообщении писал какие-то странные факты о ней. Харди решил, что брат сел на какую-то подозрительную наркотическую хуевину, и продолжил игнорировать поток бредовых мыслей из шара.

Во всей этой кутерьме, Том даже и не обратил внимание, что зима сменила осень, год сменился годом, а затем и вовсе нежданно-негаданно наступила весна.

Тут-то и произошло событие, заставившее Тома взять трубку и ответить на звонок от Джейка. А произошло это так.

Сержант Харди, с присущей ему громоздкой легкостью, с прыжка улегся на кровать, укрылся пледам Бербарри и открыл ноутбук, дабы немного поиграть на биржевом рынке. Вдруг на айфон поступило СМС-сообщение. Том подкатил глаза, на автомате открыл его, быстро пробежался глазами и уже хотел было удалить, как до него дошел смысл посыла, и он перечитал еще раз.

— Томми, я сейчас тебе позвоню. Пожалуйста, возьми трубку. Лисоньку ударила молния… — зачитал вслух сержант. — Чего, сука-бля? — охуел он, решив, что жена брата покинула этот бренный мир.

Но не успел Харди больше ничего понапридумывать в своей контуженой голове, как айфон зазвонил.

— Джейки? — моментально поднял он трубку. — Что-то произошло? — задал он ебланский вопрос. Ведь нахуя это спрашивать, если тебе уже сказали, что Лисоньку ударила молния! Что еще ты ожидаешь услышать, идиот?

— Томми… — тяжело вздохнул Джилленхол. — Я звоню, чтобы попросить у тебя прощение…

— Слышь, пиздюк, ты чего? — превратился Том в прощальную сову, решив, что брат удумал свершить суицид, ибо жить не может без своей жены, но перед

смертью решил проститься с братом и попросить прощение за все что было сделано, а может даже и больше.

— Не перебивай! — с ноткой власти осек его Джейк. — Так вот. Я хочу попросить у тебя прощение, что заебывал тебя всякой ерундой. Не понимаю, зачем я это делал… Все же ты говорил, что тебе все это ненужно. А я продолжал… Прости, я обещаю, что не буду больше этого делать. Ведь из-за моих глупых и навязчивых поступков мы потеряли главное — теплые братские отношения.

— Джейки… — продолжил охуевать Том, бьясь в агонии накатившей меланхолии.

— Сегодня я понял, как коротка наша жизнь. Всего лишь — пум — мгновение, и она может оборваться. Так, может, стоит ценить каждый прожитый день? Может, стоит наслаждаться жизнью? Ведь не знаешь, когда тебе на голову упадет кирпич, или ударит молния… Все мы смертны, Томми… Все, и даже я… — философствовал мыслитель из шара. — Так зачем тратить время, отведенное нам свыше, на глупые споры и разногласия? Ты сам говорил, Томми, что мы братья, а значит, должны держаться вместе… Так давай будем братьями! Давай держаться вместе! Полно уже этих ссор и прочей хуйни! Давай научимся ценить друг друга во что бы то не стало. И я понял, почему ты меня игнорировал все эти месяцы. Ты просто не хотел общаться о той ерунде, которой я тебя доставал. Но я должен уважать твое мнение, дабы жить в гармонии, поэтому я говорю тебе — Томми, я больше никогда и никого не буду тебе навязывать! — говорил он хоть и совершенно искренне, но на всякий случай скрестив пальцы и почесав ими кожаный нос.

— Пиздюк… Это было… Сука-бля… Трогательно… — пробубнил Том, поставив пальцы к переносице. — Ты это… Тоже меня прости…

— Да ну, брось ты! Тебе ли просить прощение? — мило и по-детски усмехнулся Джилленхол. — Ты мне говна не делал, ты меня не заебывал, и ты всегда уважал мое мнение!

Сержант же Харди, будучи с рождения человеком наивным и ранимым, не на шутку расчувствовался от слов брата. Да так глубоко, что даже и не задумался о том, что Джилленхол наверняка затевает какую-то хуйню, и наверняка — похлеще старой! Да, совершенно точно, что у стратега из шара есть новый план о том, как свести мальчика, что учился дышать, с девочкой, что пахнет клубникой. И не нужно осуждать его за это! Почему бы брату не хотеть для брата счастья? Это же логично! Все правильно делаешь, Джейки, продолжай в том ж духе!

— Ну так что, Томми? Мир? — проскулил Джейк.

— Кончено, пиздюк… — промямлил Том, проглотив комок, вставший поперек горла. — Так что с твоей шкурой? Все очень плохо? — решил он перевести тему и показаться милым. — Помощь нужна? Ну там, с похоронами… Не знаю, сука-бля…

— С какими похоронами, Томми? Ты обдолбался что ли? Хотя, не думаю, что это так важно! Ты лучше расскажи, что делаешь девятого апреля? Есть какие-то планы?

— Эээм… Сука-бля, да нет, нету…

— Ну, тогда я приглашаю тебя к себе на день рождения. Кстати, теперь я живу в Сан-Франциско. Здорово, правда? Кажется, ты говорил, что тебе нравится этот город, его архитектура и прочее… — беззаботно говорил Джейк.

— Погоди-погоди, сука-бля, я что-то не понял. День рождения? А как же твоя шкура? Я что-то, сука-бля не понял… Не понял… Молния ее насмерть ебанула? Или как? Или что?

— Томми, да ты что, с ума сошел? Жива Лисонька! Жива! Вот, спит после удара молнии, а я с ней сижу — оберегаю, — нежно сказал Джилленхол

зашуршав на том конце провода, поглаживая жену по голове. — Ты ж моя милая, спит так беззаботно… Слюнка опять потекла изо рта… Надо вытереть… Так что, Томми, ты приедешь?

— Да, сука-бля, не знаю, дел много, — забредил Харди, почесав лысый затылок.

— Ты же сказал, что нет никаких планов, что за говно? Мы же помирились, я зову тебя в гости на ужин в кругу семьи и друзей… В чем проблема? Я и Пинкмана пригласить хочу, и Леонида.

— Джейки, я правда, сука-бля, не знаю, получится вырваться или нет, — начал отбрехиваться Том. А что это за сомнения такие? Разве это красиво — включать заднюю? Да и что ты занервничал? Понимаешь, что на том празднике непременно будет и Нина? А в чем проблема? Ты же говоришь, что тебе похуй на все это дерьмо. Так уж и похуй, мм? Пиздабол! Пиздболище!

— Ну нет, Томми, так не пойдет! — возмутился Джилленхол, словно грудничок у которого отобрали пустышку. — Отказы не принимаются. Откладывай свои дела и приезжай! Другого варианта не дано!

— Ладно, сука-бля, я подумаю. Хорошо? — тяжело вздохнул Харди.

— Ладно, хорошо, — цокнул полуименинник из шара. — Но я буду тебя ждать все равно! Уж очень хочется покататься с тобой на местном трамвайчике. Знаешь какие они тут чудные? А еще слыхал, что героин в Сан-Франциско — просто пушка! — перевел он тему, дабы показаться милым и не давить на брата.

— Джейки, я ж завязал! — усмехнулся Харди.

— Не думаю, что это так важно! — по-младенчески рассмеялся Джилленхол. — В общем слушай про местные трамвайчики…

Так братья проболтали весь вечер и полночи. Удивительно, но факт! Джейк даже ни разу и не заикнулся ни о какой шкуре, а травил вполне себе интересные и отреченные от этой темы байки.

На следующий день, проснувшись ближе к обеду, Том принялся кумекать — что же ему делать? Ехать на день рождения к брату? Или это выйдет немного неудобно? Вдруг вновь увидев эту девку, он понапридумывает абы чего, да подкинет себе в голову разного рода ложных и нихуя никому не нужных надежд? Слушай, может, уже хватит заниматься этой ебалой? Может, будет лучше действительно поехать и все выяснить? А там — будь что будет!

Но Харди абсолютно не понимал, что ему делать! С одной стороны, брата обижать ой как не хотелось! Да и соскучился он по пиздюку. Безумно хотелось встретиться с ним и затусить. Сколько ведь они уже не виделись? Практически полгода! Но с другой — не хотелось шатать свою и без того расшатанную психику.

Сержант так запутался в мыслях, что решил выпустить пар, а уж затем на чистую голову подумать обо всем об этом заново.

Том заперся в ванной комнате, установил на раковину мобильник, предварительно включив на нем порнушку, расстегнул пуговки на скамах, высвободил член и медленно задергал, внимательно уставившись на видео. И только парень настроился на нужный лад, как видео оборвалось, а картинка сменилась, продемонстрировав входящий звонок он неизвестного абонента.

— Какого, сука-бля, хуя? — раздраженно фыркнул Том и взял телефон в свободную руку, второй же остановившись.

Он уже подставил палец к дисплею, дабы сбросить вызов, ведь наверняка это был какой-нибудь ебаный спам, но наитие подсказывало, что вызов принять все же стоит. Вдруг кто-то дельный? Ну давай уже, бери, послушаем, кто это. Вдруг Джастин с новым треком? Или санитары из психбольницы Чарлстона звонят, дабы сообщить, что твоя мамаша сдохла? А может и вовсе Брэд Питт звонит одарить теплой порцией позитива? Ну же! Принимай вызов, рукоблуд

хуев!

— Да, сука-бля, — приложил айфон к уху Том.

— Ээээм… Это кто? — послышался женский голос.

— А ты что за шмара и что надо? — рявкнул Харди.

— А что так дерзко? — возмутилась и девушка. — Я просто спросила кто это, зачем сразу быдлить?

— Слышь, пизда, ты меня уже заебала, — прорычал Том, скорее желая закончить этот бестолковый разговор и продолжить дрочку. — Это ты мне звонишь и спрашиваешь кто это. Так хули надо?

— Не знаю, — продолжила бестолковиться девушка. — Листала список контактов, нашла незнакомый номер, решила набрать и узнать кто это, а может даже и немного поболтать… Наверняка мы с тобой встречались на какой-нибудь вечеринке в Лос-Анджелесе и обменялись там номерами, только я никак не могу вспомнить кто ты такой, ибо имя твое я не записала.

— Так, этот разговор меня, сука-бля, утомил, — цокнул Том. — Наверняка в тот раз, когда ты обменивалась номерами, была пьяная да цифры напутала. Ибо я нихуя не из Лос-Анджелеса, и уж тем более не посещал никакие вечеринки там. Я из Сиэтла, усекла? На этом все? — хотел он уже было положить трубку. Ох, Томми, Томми… Кажется, лет эдак шесть назад, ты ждал звонка от этого абонента денно и нощно. Да уж, и впрямь — времена меняются.

— Из Сиэтла? Прикольно, я несколько раз была в этом городе, — продолжала нести хуйню девушка, которая, кажется, обдолбалась до неузнаваемости. — Спейс-Нидл видела. А еще в кафе одном там была, где заказала пятнадцать шоколадных кексов. Представляешь, чувак, пятнадцать! Чем я думала, покупая их — не представляю, ведь у меня весьма больной желудок, и еду в таком количестве есть я не могу…

Том подкатил глаза, зажал айфон между плечом и ухом и, зачем-то продолжая слушать бессвязный бред незнакомки, посмотрел на член и вновь медленно задергал его в ладони. Он абстрагировался от потока рассказов собеседницы и занялся делом, ведь зачем он еще пожаловал в толчок, верно? Может, положишь трубку, умник, нахуя ты это делаешь? Вроде свеж и не обдолбан, так зачем?

— … а еще я получила в Сиэтле довольно-таки тяжелое ранение. Напоролась на какой-то ебаный крюк, торчащий прямо из бетонной плиты дома. Благо, в Сиэтле живет брат мужа моей сестры. Он-то меня и подлатал…

— Прости, что? — перебил Том, прекратив рукоблудство.

— Я сказала, что в Сиэтле живет брат мужа моей сестры. Он и зашил мой рваный бок, что я порвала о крюк, торчащий из бетонной стены дома, в котором, к слову, и живет этот брат мужа моей сестры, — повторила он.

— Сука-бля, — вмиг покраснел Том. — Ээээм… Нина? — ляпнул он предположительную хуйню.

— Ну да, это я. Так, я не поняла, все же мы знакомы, да? Кто ты?

— Брат мужа твоей сестры, — выпалил сержант, почувствовав себя довольно неуютно. Откуда у нее его номер? Зачем она звонит? Почему он продолжает дрочить? Вдруг она его спалит за этим делом? Да расслабься ты! Как она это сделает! Звонок-то без видео!

— Оooу, — протянула девушка. — Том Харди? Неожиданно… Наверное, это Джейк влез ко мне в телефон и записал твой номер.

— Сука-бля, — забился в агонии неожиданного звонка Харди. — Слушай, я не хотел дерзить… Сука-бля, просто так вышло, что я подумал… — замялся он.

— Ой, да забей! — перебила Нина. — Слушай, у тебя голос какой-то не такой. Я помню ты говорил как-то меланхоличнчо-механически, ну чисто Дарт-Вейдер. А тут голос какой-то… Человеческий?

— Да я просто без маски, — продолжил краснеть Том, суетливо оглядывая

ванную комнату.

— Оу, без маски? Знаешь, без нее у тебя очень приятный голос.

— Ээээм… Спасибо, сука-бля, — превратился в сплошной кусок смущения Харди, быстро спрятал член в трусы, опустил крышку унитаза, уселся сверху, положив ногу на ногу, и нервно задергал стопой, ведь к таким разговорам жизнь его явно не готовила!

— Прикольно, что мы созвонились? Мм? — продолжала хуевничать Нина.

— Мхм, — промычал сержант, оттирая со скамов засохшее пятнышко незнамо чего.

— А почему ты никогда мне не звонил? — доёбывалась девушка.

— А должен был?

— Ну а почему нет? Мы же с тобой теперь, считай, родственники. Как-то должны общаться, разве нет? Ну а вообще, я думала, что понравилась тебе. Ну Джейк так говорит. Наверное, он ошибся. Ведь иначе ты бы давно уже как-то связался со мной, так? Так, — несла она ерунду.

«Послушай, Том, да что происходит? Что она мелет? Неужели она правда ждала твоего звонка? Сука-бляяяя…» — подумал сержант Харди, от шока прикрыв ладонью рот.

— Ну я… Аааам… Ммм… — мямлил Том, не зная, что принято говорить в подобных ситуациях.

— А хочешь расскажу тебе историю про свою собаку? — переключилась Нина.

— Обдолбаная что ли? — приобрел немного уверенности Том.

— Ну, чуть-чуть. Так я расскажу?

— Валяй, — махнул сержант, как бы давая «зеленый свет».

— В общем, как-то раз наш лабрадор Джек подцепил какую-то хуйню и приболел. Ему был назначен курс уколов и нужно было каждый день возить его для этого в ветеринарную клинику. Конечно, Лизи заверила, что может это делать сама, ведь посмотрела много видео на Ютубе, как делать уколы животным. Но отец запретил заниматься самодеятельностью, поэтому каждый день мы возили Джека на прием к ветеринару. В один из дней, когда была моя очередь везти собаку, так вышло, что мою машину одолжил Алекс, ведь его находилась в ремонте. Ну, это тот самый брат, которого я убила, надеюсь, ты помнишь?

— Конечно, сука-бля, помню, — кивнул Том, в подробностях запомнив ту душещипательную историю, которая и рядом не стояла с тем дерьмом, что несла сейчас Нина. Но нужно послушать, вдруг дальше будет интереснее.

— Ну вот, мама дала мне свою тачку, дабы мы на ней и поехали с Джеком в клинику. А у нее тогда еще был шестисотый Лексус, но это не суть. В общем, села я в машину, а там целых три педали! Представляешь, Том Харди, там было три педали! Это был просто шок! Я еще никогда не управляла машиной на механической коробке передач. Ну ладно, думаю, разберусь. Но разобраться оказалось не так-то просто. Сейчас-то такие вещи для меня — плевое дело, ведь сколько машин я переводила, да и в школе «экстремального вождения» обучилась… В общем. Я не знала с чего начать, аккуратно обхватила ладонью рычаг коробки передач, вдавила сцепление и начала водить им из стороны в стороны, дабы раскусить устройство. Плавно влево и вверх — первая скорость…

Визуализировав эту картину, отчего-то Том возбудился. Что, представляешь, как шкура обхватила бы твой член и повела им влево и вверх? Грязный ублюдок! Харди поднялся в полный рост и вновь запустил руку в стильные боксеры.

— Рычаг заедал, поэтому мне пришлось вкладывать много сил, чтобы передвигать его, — молола хуйню блондинки Нина. — Как сейчас помню этот блядский рычаг. Длинный, твердый, увеличенный кверху…

— Мхм, — закрыл глаза сержант, представляя в голове картинку совсем иного плана и наращивая рукой темп.

— Джеку, видимо, надоело, что я так долго дрочусь с этой долбаной коробкой. И он начал ко мне приставать, чтоб я его погладила. Для этого он приблизился ко мне и начал тыкать своим до безобразия мокрым кожаным носом прямо в живот. К слову, на мне была кроп-футболка, поэтому его нос сразу прикоснулся к моей коже. Расскажу тебе один интересный факт о себе, Том Харди. Дело в том, что место в области живота у меня очень, очень и ооочень чувствительное. Немного прикоснешься и мне пиздец щекотно. И вот Джек начал тыкаться носом мне прямо туда.

— Ммм, — прокомментировал Том, зачем-то представляя заместа носа собаки свой член. Божечки, да как же за тебя стыдно! Брось трубку и посмотри порнуху, все будет естественнее!

— Я засмеялась и стала одной рукой прогонять его. Джек же подумал, что я играю, навалился на меня и принялся облизывать. Его шершавый язык заскользил по моему лицу. Нет, вообще мне нравится, когда собака добродушно облизывает, но ведь не сейчас! Не в момент, когда я пытаюсь разобраться с коробкой передач! — эмоционально рассказывала Нина.

— Ага, сука-бля, — буркнул Том, ускорившись и визуализировав, как облизал бы милый ебальник этой суки.

— Я прогоняла его, он же продолжал облизывать и своей толстой неуклюжей лапой въебал кнопку кондиционера, который какого-то хуя был включен на максимум! Бля, зачем моя мать ехала в таком холоде?! Может метастазы уже начали пожирать ее мозг? — ляпнула она хуйню и замолчала.

— Забей хуй, что дальше? — поторопил Том, не желая, чтобы Нина задумывалась в такой момент о какой-то раковой суке, хоть та даже и приходилась ей матерью.

— А что дальше? Воздух из кондюка дунул на меня, застав врасплох. Мне стало жутко холодно и неуютно. Ну знаешь, такой момент, когда ты замерзаешь, а твои соски непроизвольно встают и каменеют, а по коже идут мурашки… Бррр, — передернуло девушку.

— Соски, сука-бля… — с придыханием прошептал Харди, припомнив, как уже встречался с ее сосочками, правда не видел их воочию. Но это не помешало Тому, он закрыл глаза и сам их визуализировал, а потом и вовсе представил, как полизал бы их своим шершавым сержантским языком. Ух, кажется уже скоро, да Том? Посмотри, ты на пределе! Осталось еще чуть-чуть! Ан нет! Не чуть-чуть! Вот и все! Финита ля комедия!

По телу Тому побежала волна наслаждения, а по стенкам раковины потекла сперма, ведь именно туда и спустил наш достопочтенный сержант.

— Ну да, соски. У всех они есть. Но сейчас не об этом. Вернемся к событиям в машине. Кстати, забыла уточнить, что в свободной руке у меня находился стаканчик с банановым смузи. И как-то так получилось, что, охуев от мощности кондиционера, я дернулась и пролила эту белую молочную хуйню прямо на себя! Белая густоватая субстанция потекла по моему телу. Скользнула по груди, ниже по животу и даже немного затекла в пупок. Буээээ… Как это было мерзко!

— Охуенно… — выдохнул Харди носом, представляя далеко не банановый смузи на теле девушки.

— Да нет, Том Харди, это было не охуенно. Это было липко! — возмутилась Нина. — В общем…

Продолжения истории Том уже не слышал. Он отложил айфон на крышку унитаза, включил в раковине воду и принялся мыть член. Закончив с личной гигиеной, Харди смыл со стенок раковины сперму, помыл руки и вновь взялся за телефон.

— … пока я переодевалась, произошла другая хуйня! Домой вернулся потрепанный и пьяный Макс, ну тот, второй мой брат по линии матери. Он жив, — продолжала историю Нина.

— Остановись, сука-бля, — перебил Том.

— Мм? Что-то случилось?

— Да нет, просто… Спасибо, сука-бля, за историю. Было здорово. Мне понравилось, — решил показаться он милым.

— Ой, да ты что, подожди, это еще не конец! Слушай дальше! — воскликнула Нина и вновь затянула свою шарманку.

И Том слушал. На сей раз, больше не перевирая в мыслях детали истории. Теперь он вдумчиво слушал бред Нины, который, впрочем, и не казался Тому таким уж и бредом. Напротив, история казалась ему до боли милой и светлой.

Улыбаясь будто полнейший идиот обдолбанный героином, Харди не заметил, как этот душещипательный рассказ подошел к концу.

— Вот и все, — закончила Нина и тяжело вздохнула. — Блять, как бы хотелось вернуться в то время, в свои шестнадцать… И чтобы все сложилось по-другому, а не вот так, как есть сейчас…

— Все очень плохо, да? — задал бестолковый вопрос Харди.

— А сам как думаешь? — усмехнулась Нина. — Я попала в такую паутину хуйни и абьюза, что пиздец! И хуй могу выбраться, потому что не понимаю, что мне делать и как вообще жить. Что вообще мне нужно от жизни? Непонятно… А еще этот ебаный Декстер! Как же я ненавижу этого хуеплета! Но благо теперь все — это уебище точно уйдет из моей жизни! Ненавижу этого чмошника и искренне хочу, чтоб он сдох!

— А ты опять, сука-бля, не с ним типа? — уточнил Том.

— Ну да, так все и есть. Но давай не будем об этом хуеплете, хорошо?

— Как скажешь, сука-бля, я не против, — пожал плечами Том, ведь и сам не хотел говорить о парне-кошином-ебальнике.

— Послушай, Том Харди, хотела спросить в прошлый раз, но забыла. А у тебя много татуировок, да? — перевела она тему.

— Ну да, сука-бля, много. Сколько точно не скажу — не считал. Но много, это факт.

— Блин, жалко, конечно. Интересно, сколько их там у тебя, — вздохнула Нина.

— Ну, сука-бля, приезжай да посчитай, — флиртанул сержант и сам охуел от своего поведения, вмиг превратившись в сову-кокетку. — А у тебя есть партаки? Мм? — реши перевести он тему.

— Мхм, целых два. И оба на ногах.

— И что же, сука-бля, у тебя набито? — поинтересовался Том, внимательно подбирая слова, дабы не назвать девушку «шкурой», «пиздой» или «шмарой», ведь, кажется, это было бы сейчас лишним.

— Ну, сука-бля, приезжай, да посмотри, — заигрывающе спародировала сержанта девушка.

— Обязательно, — шутливо пизданул Том.

— На самом деле, было бы здорово, если бы ты собрался, да приехал к нам, — без шуток и подъебов сказала Нина. — Если честно, то мне нравится общаться с тобой. Ты слушаешь весь тот бред, что порой я несу.

— Ну почему, сука-бля, бред? Твои истории пиздос какие интересные. Даже если некоторые из них и лишены смысла, зато ты очень красочно и детально все описываешь. Мне, сука-бля, нравится, — признался Том, закусив пухлую губешку и надеясь незнамо на что.

— Спасибо, это было мило с твоей стороны. Да и вообще… Ты милый, — томно, но с нотками смущения, сказала она.

От подобного заявления правостороннее сердце подскочило в груди, и, кажется, Том перенес легкий, но такой приятный сердечный приступ. Все мысли, худо-бедно приведенные в порядок за последние полгода, вновь спутались и устремились незнамо куда, а сам же Харди забился в агонии флешбека,

припомнив, что его уже как-то раз называли милым.

— Я… Это… Сука-бля… — растерялся Том.

— Блять, подожди секундочку… Бляяяять, что за ерунда? Так, Том Харди, я тебе перезвоню, у меня кровь из носа пошла, погоди, — протараторила Нина и положила трубку.

Сержант же, продолжая охуевать, убрал от уха айфон и уставился перед собой в одну точку, не понимая, что опять за хуйня нет-нет да начала твориться в его жизни.

Так он сидел минут десять, но Нина никак не перезванивала! Решив сам не беспокоить, ведь мало ли что там у человека за проблемы, Том пришел к выводу, что комфортнее будет дождаться ее звонка в спальне и вышел из ванной комнаты. Но раскрыв дверь, увидел в коридоре настороженного Леонида.

— Я знаю, что подслушивать — хуево, — вкрадчиво проорал он. — Но с кем ты там гутарил цельных полчаса, Томми?

Харди лишь осторожно покосился на друга и бочком попятился в сторону своей спальни.

— Томми, не увиливай от ответа! Это она тебе звонила? Эта пигалица, да? — тревожно вопя, допытывал Батлер.

Том в ответ лишь развернулся и молча побежал по направлении к спальне.

— Да точно она! Томми, да ты чай ебанулси, опять?! — побежал за ним Леонид.

— Чай да! — полетел за ними и плащ.

Сержант юркнул в комнату и заперся изнутри, захлопнув дверь прямо перед носом Леонида.

— Ну все! Пиздец нас опять ждет! — возмущенно хлопнул по бедрам Батлер, а плащ в ответ приободряющее похлопал его по плечу красным уголком.

И Леонид был прав! Все началось сначала. Старая шарманка вновь была заведена. Несколько дней подряд Том ходил сам не свой, то и дело заебывая Батлера. Сержант не выпускал из рук айфон и ныл, задаваясь вопросом, почему же шкура не перезванивает, хоть и обещала. Когда бородач эффектно предлагал перезвонить самому, Том лишь кривил ебалом и говорил, что негоже — раз она сказала, что сама, значит и сделает это сама. Зачем навязываться? К тому же у нее кровь из носа в тот раз пошла! Вдруг никак не может остановить? Да и вообще, она опять была ободолбана, может, и вовсе забыла! Может, просвежела и все это ей стало неинтересно, впрочем, как «неинтересно» это было и Тому. По крайней мере, он так говорил.

Наверняка, все это продолжалось бы еще долго. Возможно, дни, недели, месяцы, но, к счастью, однажды вечером телефон Тома зазвонил. Но обо всем по порядку.

— Так я не понимаю, Томми! Мы мчим али нет? У Джейки ужо завтра именины. Когда ты определисси окончательно? — вопрошал Батлер, сидя за кухонным столом и макая огрубевшее овсяное печенье в чай.

— Я не знаю… Не знаю… — мялся Харди, опустив взгляд и ковыряя ножиком столешницу.

— Хватит уже, а! — психанул Леонид, выхватив из руки друга холодное оружие и отложив в сторону. — Довольно этой околесицы! Сейчас я скажу все, что думаю по этому поводу, и ты меня не перебивай! Я знаю, что тебе нравитси эта вертихвостка, и не нужно этого отрицать! Это факт, и это раз! Два — ты и сам нрависси ей, уверен в этом на мульон процентов. Не перебивай! — рявкнул он, увидев, как друг раскрыл пухлый рот, чтобы возразить. — И она тебе сказала, что хотела бы, чтоб ты приехал туда…

— Она сказала не так, — вставился сержант.

— Поебать! Смысл один! — ударил ладонью по столу Батлер. — Так почему

же мы не можем взять и поехать туда? К тому же есть повод — именины Джейки! Он тоже ждеть и тебя, и меня! Да и вообще, все вот эти вот твои сомнения, страдания… К чему они приведут? Да ни к чему! Что, разве мы не сталкивались уже с подобным много лет назад, мм? Разве не ждал ты звонка от той клубничной проститутки?

— Эми была не проститутка, если ты, сука-бля, забыл, — незнамо зачем пизданул Харди.

— Я повторюся — мне поебать! Тогда ты тоже ждал звонка! И что? ПозвОнила она тебе? Нет! Потому что надо было ехать туда! И мы поехали, но ты занялся какой-то хераборой, заместо того, чтоб найти ту малолетнюю проститутку! Так зачем наступать на одни и те же грабли? Едем туды и точка!

— Сука-бля, я не знаю — хорошая это затея или нет! — зажестикулировал Том. — Может, она не звонит, потому что опять помирилась с ебланом Декстером, откуда мне знать, что там происходит?

— Так поехали и узнаем! — заорал Леонид, покраснев под цвет плаща.

Том хотел было сказать что-то еще в свое оправдание, как его мобильник, лежащий на столе дисплеем вниз, зазвонил. Он суетливо перевернул айфон и уставился в экран.

— Джейки, — сказал Харди и принял вызов. — Да, сука-бля, слушаю…

— Томми? Если ты сейчас стоишь, то лучше сядь! Тут у нас полный пиздец! — затараторил Джилленхол. — Ты должен срочно приехать и спасти Нину! Декстер совсем распоясался и так глубоко заманил бедную девушку в свои лживые сети, что одной ей уже во век не выпутаться! Да, я знаю, что обещал больше не заикаться с тобой на эту тему, но дело серьезное! Я же не буду тебя беспокоить по пустякам, да? Тогда позвонил и сказал, что Лисичку молнию ударила, а теперь звоню и говорю, что у Нины пиздец полный!

— А что конкретно произошло? — с нотками тревоги спросил Том, даже не отреагировав на то, что запрещал! Поднимать брату эту тему.

— Ой, это просто ужас какой-то, — продолжил Джейк — Нина пару дней назад порезала пидора, хотела убить — настолько он ее заебал. Но он выжил, представляешь? И теперь, кажется, он крайне зол! Не знаю, что он там ей наговорил, но скорее всего — угрожал, ибо они поговорили и помирились. Вроде как бы снова вместе… Но! Нина ходит сама не своя! Потерянная, ни с кем не разговаривает, плачет. Я думаю, что он нехило нассал ей в уши. Может быть даже сказал, что если она с ним не сойдется, то он пойдет в мусарню со снятыми побоями, ну что она его порезала, да сдаст Нину, а заодно и меня с Лисичкой. Но ведь никто не хочет топтать зону, так? А Нина у нас девушка самоотверженная. Вполне могла во благо всех опять связаться с этим ублюдком. Ну это только мои домыслы, конечно, но думаю, что все так и есть! А знаешь, почему? Ты же знал, что Декстер маньяк, да? Он убивает только плохих людей, но…

— Ну, сука-бля, знаю! И? — поторопил Харди.

— В общем, он хочет впутать в эту хуйню и нашу Нину! Он потащил ее на дело, а мы с Лисюшей проследили и спалили. Нина вновь плакала, говорила, что все это дерьмо ей не нужно, что она не хочет убивать! Но он заставляет ее смотреть на все это и учиться! Ты представляешь, Томми? Это пизда! Декстер, он же псих ненормальный! Мне реально страшно за Нину. Я не знаю, чего ожидать дальше, но вангую, что это хуево закончится. Нина на пределе. И не стоит забывать, что она суицидально настроенный человек! Но он так цепко держит ее в своих вонючих лапах, что ни я, ни даже Лисонька не можем ее спасти! Думаю, она нехило его боится и старается обезопасить в первую очередь нас! Ты же, Томми, человек, как бы сторонний, но в то же время, как бы очень близкий. Я думаю, что ты должен немедленно приехать и спасти всех от Моргана. Повторюсь — он опасен, и я не знаю, что мне делать!

— Послушай, Джейки, я даже и не знаю… — пролепетал сержант. — Причем

тут я?

— Ну как причем? Вот Нина мне как-то на днях сказала, что ты, между прочим, ей нравишься, а я говорю, мол, хотела бы чтоб он приехал и спас тебя из этой хуйни? А она знаешь, что сказала? А она сказала так: «Почему бы собственно говоря, и нет?» Ну, теперь ты понимаешь, что ситуация чисто в твоих руках, а? В общем, у меня нет времени долго говорить, вдруг Декстер заподозрит неладное. Мне кажется, он подслушивает все наши телефонные разговоры и следит, чтоб мы не позвали на помощь кого-то со стороны. Так ты приедешь? Только нужно делать это как можно скорее, иначе, может быть слишком поздно! Тут вопрос жизни и смерти, и счет идет не на дни, а на часы! — молол он абы что, ведь к слову, ничего подобного в принципе и не произошло. Нет, безусловно, Нина действительно порезала Декстера, и действительно пребывала в довольно-таки абьюзных с ним отношениях. Но были ли от Моргана некие угрозы в адрес ее и ее семьи? Вряд ли. Уж Лизи бы устроила ему головомойку за подобные дела, ведь, к слову, ненавидела Моргана больше всех на свете! И да, Нина действительно ездила с Декстером и наблюдала, как тот убивает людей. Насильно? Не совсем. Все ради того, чтоб он покупал ей амфетамин. Тогда зачем Джейк все это придумал? Ну а как ему еще заманить брата на свой день рождения? А этот способ — оптимален. Молодец, хитрец из шара! Все верно продумал!

— Джейки, я как-то даже и не знаю… — продолжил мямлить охуевающий Том.

— Все, я больше не могу говорить. Жду тебя завтра! Не медли, Томми, выезжай! — пролаял парень из шара и сбросил вызов.

— Ёбаный ты в рот… — протянул Харди, отложив телефон.

— Что стряслось? — поинтересовался Батлер, и Том поведал ему об услышанном.

— Я не знаю, Леонид… Все это жутко, конечно… Вот она мне и не перезвонила. Видимо, уже вляпалась во всю эту хуйню. Наверное, я должен что-то, сука-бля, предпринять. Правда не знаю, имею ли право лезть в чужие отношения? Может, там все не так плохо, как рассказывает жид. Ты же знаешь, он любит приукрашивать, — бился в агонии сомнений Харди.

— Все! Довольно! Едем! — уверенно поднялся из-за стола Батлер, погладив рукоятку мачете и с вызовом посмотрев на Тома. — Покончим с этим раз и навсегда. Да-да. Нет-нет. Поедем и узнаем. Может девчуля и впрямь в беде. Вставай, пидорасина, это не обсуждается!

— Я понял, понял, — кивнул Том. — Пойду соберу чемоданы…

— На кой?! — вскинул плащ бородач. — Там у них пиздец какой-то! Каки чемоданы?

— Может, все не так плохо, да просто останемся потусуемся, — ляпнул сержант и пошел собирать шмот.

Глава 118: Именины

Красный Додж Челленджер мчал по ночной трассе на юг — в славный город Сан-Франциско, и даже не думал останавливаться, а продолжал приближаться к цели все ближе и ближе с каждым часом. За рулем находился эффектный мужчина неординарной наружности, остервенело перестраивая машину из полосы в полосу и обгоняя задремывающих там и тут водителей, ехавших по трассе в столь поздний час. Рядом с ним, на пассажирском сидении, задремывал его друг — мальчик, которому через несколько дней должно было стукнуть тридцать, а он все так и не научился дышать. Вдруг в кармане его дубленки завибрировало. То звонил айфон четвертой серии, оповещая хозяина о входящем звонке.

— Ну кто там еще, сука-бля, — пробурчал Том и, еле продрав глаза, уставился в ослепившей его дисплей. — Киану? Что петушаре надо от меня в три часа ночи?

— Не возьмешь — не узнаешь, — мудро прокомментировал Леонид.

— Охуел, сука-бля? — принял вызов Харди и хотел уже было спросить давно ли свекр Ривза не сидел в тюрьме, как был перебит.

— Доброй ночи, Том. Прости за поздний звонок, очень неудобно тебя тревожить. Ты сейчас в Сиэтле? — залепетал голубиный хакер-би.

— Нет, сука-бля, не в Сиэтле, — раздраженно ответил сержант. — Уехал по делам…

— Ааа… Уехал… В дороге что ли? — уточнил мистер Ривз.

— Да, сука-бля, слышишь? — открыл Харди окно и высунул наружу телефон, демонстрируя шум. — Понял? — приложил он через пару минут айфон обратно к уху.

— Ну тогда ладно, не буду беспокоить тебя, — почавкал Киану.

— А что хотел? — все же снизошел Том, поинтересовавшись.

— Да свекор опять в тюрьму загремел с килограммом героина на кармане, — тяжело вздохнул Ривз.

— Не, Киану, нихуя, сука-бля, не знаю по этому поводу, — ответил Том, ведь и впрямь был не в курсе проблем Табакова, ибо на сей раз нихуя ему не подкидывал. — И по базам посмотреть не могу, как бы не хотел. Я в дороге, бук с собой не взял.

— Да, я понял, — горестно ответил Ривз до последнего надеявшийся незнамо на что. — Ну ладно, хороший тебе дороги, счастливого пути… А, подожди, хотел предупредить. Твой брат Джейк же тусуется с сестрами Блэкберри, так?

— Ну!

— И у них там вроде как тусовка большая собралась. Так вот, среди них есть крыса, — загадочно поведал он.

— Крыса, сука-бля? — состроил фирменный еблет сержант. — Кто?

— Не могу сказать… Возможно, нас прослушивают…

— Ты, сука-бля, олень? Нахуя ты мне тогда сказал «А», но не говоришь «Б»? — взорвался Харди. — Охуел там совсем? Давно свекра твоего с наркотой не ловили?

— Так сидит же уже, я же говорил вот только это! — изумился Киану.

— Ой, иди на хуй в общем, сам все выясню. Как раз туда еду! Все, я в дороге и пытаюсь поспать! Доброй ночи, Киану! — рявкнул Том и бросил трубку.

— Чагось он хотел? — поинтересовался Леонид.

— Да так, хуйня какая-то. Свекра посадили опять с наркотой, но я тут не при чем, — закутался в дубленку Харди и приуютился, пытаясь задремать. — В общем — очередной бред. Так, ты рули давай, а я посплю.

Ближе к обеду следующего дня красный Додж остановился у просторного двухэтажного дома, что находился в Сан-Франциско.

— Так, ты пока сиди, а я схожу узнаю, что там у них за сука-бля происходит, — сказал Том, проверяя магазины «беретт». — Нужно выяснить намерения этого петушары, вдруг он и правда опасен, — взял он с «торпеды» маску.

— Ну на кой хуй она тебе? — цокнул Батлер.

— Так надо! — рявкнул Харди, застегивая ремешки на затылке.

— Если кака помощь — свистни. У меня автомат с собой есть, — кивнул бородой Батлер.

— Сука-бля, какой автомат, Леонид, что ты мелешь? — подкатил глаза Том и с присущей ему громоздкой легкостью вылез из машины.

Через мгновение он уже стоял у парадной двери и стучал.

— Томми! — распахнул дверь Джейк… Джейк Джилленхол… Именинник из шара. Счастливый, задорный и как всегда обдолбанный в хлам. Он кинулся к брату и обнял его крепко-крепко. — Как же долго я тебя ждал, братишка! Все же смог выбраться?

— Джейки, — немного оторопел от позитива брата Харди, похлопав его по плечу.

— Давай, проходи скорее, — поторопил Джилленхол и, схватив Тома за воротник дубленки, затащил в дом. — Ох, Томми, как же я по тебе скучал!

— Кто там пришел, Волчонок? — прощебетала Лизи, прибежав в холл. — Том Харди… Ну понятно все. А я так надеялась, что ты не приедешь! — уперла она руки в бока, злобно уставившись на сержанта.

— Лиса, хватит! Я же предупреждал! — тявкнул Джейк.

— Где Том Харди? — прибежала в холл и Нина. — Оу… Привет, Том Харди! — улыбнулась она, приветливо помахав.

Сержант не то что охуел от поведения этих людей — ебанулся! Почему они так беззаботно себя ведут? Будто бы никакого пиздеца у них и не происходит! Хм. Кажется, Джилленхол опять все переврал? Кажется, да! Том бегло пробежался по зрачкам присутствующих. Совершенно точно, что все трое были обсажены героином. Да что тут происходит?! Нужно немедленно выяснить.

— Прости, что не перезвонила тебе пару дней назад, хоть и обещала… Но у меня есть оправдание — я чуть не подохла от передоза! — подняла указательный палец Нина.

— Нина… — подошел к ней Том и похлопал по плечу. — Ну значит будешь должна мне… Ну типа за то, что не перезвонила… — решил немного пофлиртовать он и сам прихуел от своего поведения.

Девушка в непонимании уставилась на него. Джилленхолы так же приковали к сержанту взгляды — кто раздраженный, а кто собачий. Повисла неловкая денрожденная пауза.

— Только рискни, псина, подбить клинья к моей сестре, — сквозь зубы процедила Лизи. — Мы тут вчера от одного открестились, так что второго мудака нам не надобно!

— В смысле, сука-бля, открестились? — в непонимании нахмурился Том, посмотрев на многоуважаемую, но не им, Лису.

— Ой, ерунда, — отмахнулась Нина. — Со вчерашнего дня я официально свободный человек, такие вот дела, — расставила она ладони в стороны.

— Джейки, поможешь донести чемоданы, сука-бля? — раздраженно протянул Том и, не дожидаясь ответа, пошел на выход.

Ну вот все и выяснилось! Джилленхол обманул брата! Но зачем? Почему? Да совершенно точно для того, чтобы ты приехал сюда, нерасторопка ты эдакая! Что тут неясного? Или ты опять нихуя не понял?

— Какие чемоданы? — возмутилась Лизи, остановив своим вопросом Харди.

— Жид ебучий, сейчас я уйду на кухню, а через пять минут я вернусь, и чтобы к этому времени этого пидора здесь не было! Потому что на такую хуйню я не подписывалась!

— Да хули я тебе сделал, пизда?! — взорвался Том, и так уже находящийся на пределе, а теперь еще и эта рыжая сука с непонятно откуда взявшейся агрессией. — Что ты пиздишь на меня? У меня что, сука-бля, нет права приехать и поздравить младшего братишку с днем рождения?

— Ээээм… — замялась девушка.

— Ээээм… — дерзко передразнил Харди, как бы показывая, что нехуй быдлить на сержанта. — Так ты поможешь мне с чемоданами, Джейки?

— Ладно, хуй с тобой, оставайся, — подкатила глаза Лизи. — Но знай — я слежу за тобой, псина! — изобразила она соответствующий жест.

Том посмотрел на нее как на дурочку, а потом перевел взгляд на Нину, которая покрутила пальцем у виска и пренебрежительно махнула рукой в сторону сестры, подтвердив тем самым, что она действительно дурочка.

— Я, блять, понял… Понял, — процедил Том и вышел на улицу.

За ним поспешил и Джейк.

— Пиздюк, какого хуя, сука-бля? — дернул его за рукав Том, когда входная дверь закрылась. — Ты же вчера звонил визжал, что тут у вас пиздец какой-то, а на деле все нормально. Нахуя сука-бля ты это сделал?

— Ой, думаешь все это так важно? — подкатил прелестные синие глаза Джилленхол. — Ну спиздил я — расстались они еще вчера. Но это была ложь во имя спасения, Томми! Иначе ты бы, возможно, и не приехал… Но! Теперь твои шансы возрастут в миллион раз! Ты сейчас сыграешь перед Ниной на контрасте после Декстера, и точно вскружишь ей голову! Ну не чудо ли это?

— Слушай, один базар есть, — проигнорировал его бредни Харди, доставая из пачки сигарету. — Мне тут Киану звонил, — пробурчал он, сняв маску и закурив.

— Ой, Киану! — перебил Джилленхол. — Тоже мне новость! Я и сам видел его пару дней назад!

— Пиздюк, кажется, ты не понимаешь серьезности всей, сука-бля, проблемы, — попытался вразумить брата Том.

— Забей, Томми! У дяди Джейка все под контролем! — похлопал его по плечу парень из шара. — Ты лучше не забивай себе голову всякой ерундой, а послушай, что скажу тебе я!

Том нахмурился и выпустил дым в именинную морду брата.

— Дядя Джейк подготовил тут для тебя такую почву, что только такой еблан, как ты, может взять и все проебать! — отмахнулся от табачного дыма Джилленхол. — Но тебе достаточно запомнить всего пару правил, чтобы не облажаться по-крупному! Каких? Дядя Джейк расскажет! Первое правило — будь уверен в себе! Если не знаешь, как себя вести в той или иной ситуации — просто смотри на меня и делай как я! Второе правило — даже и не думай обращаться с Ниной, как со шлюхой! Девчонки не любят этого по началу, я сам тебе потом дам знать, когда можно будет так себя вести! Ну и мое третье и самое главное правило! Никогда…

— Достаточно, сука-бля! — закрыл ему рот рукой Харди.

Джейк еще что-то невнятно бубнил, пока вдруг не приметил у подъездной дорожки красный Додж Челленджер.

— О, Леонид! — завопил он, оттолкнув от себя брата, и кинулся к тачке. — А ты что не заходишь? У нас там бомбическая вечеринка и ты, между прочим, тоже был на нее приглашен!

— Да будя тебе, Джейки, — заорал бородач, отмахнувшись. — Я только подбросил Тома из Сиэтла. Посидите там вчетвером, а я лучше поеду домой…

— Ну уж нет! Так просто ты не уедешь, Батлер! — заявил патимэйкер из шара. — Да и какой вчетвером? Там полон дом народу!

— Полон дом народу? Охуенно, чё! — плюнул Том. — Чего еще не знает сержант, мм?

— Ой, хватит ныть, Томми! Просто расслабься, и пошли развлекаться! — псино захохотал Джилленхол, раскрыв багажник и доставая оттуда чемоданы брата.

Вскоре троица вернулась в дом и прошла на кухню, где за красиво засервированным, но пустым столом сидели сестры Блэкберри, два ковбоя — джинсовый и кожаный, карлик и… Декстер?! Какого хуя он тут делает?! Зачем Джилленхол позвал его на день рождения?! Что за подстава? Или это для контраста? К слову, все присутствующие также, как и сестры, также, как и Джейк, находились под воздействием героина.

— Эй, ребят, познакомьтесь, кто не знает, — радостно прокричал Джилленхол. — Это сержант Том Харди — мой старший брат! — указал он ладонью на брата, застегивавшего маску на затылке.

— С хуя ли ты сержант? Мусор что ли? — медленно и с угрозой поднялась со стула джинсовая субстанция, изображающая ковбоя.

— Ну… — начал было объяснять Том.

— Да ты что, Квентин! — усмехнулась Нина. — Какой же он мент? Разве мент бы пришел на такую классную вечеринку? А? Все мусора — те еще зануды, да и вообще… Ненавижу, блять, мусоров! — заявила она.

— Да нет же, сука-бля! Никакой я не мент! — нервно заговорил Харди, переглянувшись с братом и Леонидом. — Это просто кликуха, которая прилипла ко мне во времена службы в Ираке!

Ну зачем эти враки, Том? Просто скажи, что полицейский всего лишь документально. Знаешь ли, вот такая, на первый взгляд, мелкая и безобидная ложь может привести к глобальным проблемам! Ах, думаешь, Нина забанит тебя, узнай о твоей профессии? Ну, смотри. Ты был предупрежден по поводу последствий, если что!

— Хах, — усмехнулся Декстер и хотел было вставиться в диалог, но героин закрыл его рот и веки.

— А это — наш друг Леонид! — поспешил перевести тему Джейк, приобняв за плечи Батлера.

— Доброго вечерочка! — смущенно помахал бородач.

— Кхм, — кашлянула Нина, опустив взгляд.

— Решишь предъявлять моей сестре за разбитое кафе или за испорченные глаза — уебу! — уничтожающе посмотрела на Батлера Лизи. — И тебя уебу, — перевела она прищуренный взгляд на сержанта, продолжая вести себя вызывающе. — Ну а тебе уебу прямо сейчас, мразь кошиная! — дала она оплеуху Декстеру, от чего тот завалился со стула под стол, где и решил прикемарить.

— Да никто не собиратся трогать ее! — поднял ладони Леонид. — Раздрыг улажен! У меня нет никаких претензий!

— Аххх, — невнятно прохрипел Морган и перевернулся на другой бок.

— Эй, Томми, — громко зашептал Батлер на ухо другу. — Ты точно уверен, что Декстер больше не опасен? Дюже неприятно с ним пересекатси после последней нашей встречи…

— Да забей, Леонид! — похлопал его по плечу сержант. — Посмотри на него! Кого там бояться, сука-бля? Он ж спекся! — указал он на упоротого в хлам Декстера. — Да его вон даже шкура вынесла с одного удара!

— Так, хватит ерунды, — вставился Джейк. — Давайте, пацаны, присоединяйтесь, — протянул он брату и другу ладонь, куда было вложена два уже наполненных шприца. — Как я и говорил, Томми, героин в Сан-Франциско

отменный!

— Ээээм, нет, спасибо, пиздюк, я эту ебалу не буду, — выставил ладонь вперед Харди, ведь, во-первых, не хотел больше связываться со столь тяжелыми наркотиками, ну а, во-вторых, не пора бы уже начать играть на контрасте? Декстер под героином, то бишь — наркоман. Том же останется чист и покажет себя с отличной, на его взгляд, стороны. Ебать ты, умник! Не подумал, что по сути — Декстер принял наркоту лишь раз, непонятно вообще по каким причинам, а ты всю свою жизнь носишь статус наркомана. Так в чью сторону контраст, дружище? Да и для кого он? Для шкуры, которая сама упорота героином?

— А я, пожалуй, шырнусь, — пожал бедрами Батлер и принял угощение.

— Томми, ну ты чего? Он же чистейший! — продолжал сманивать брата Джилленхол. — Да и вообще, разве с одного раза что-то будет? Всего лишь разок, Томми! В честь моего дня рождения, как подарок… Ты же мне, как я понял, подарок не привез, мм?

— Сука-бля, ладно, — подкатил глаза Харди, поняв, что хуй отделается от брата так просто.

Так и ширнулся.

Гости и именинник переместились в гостиную, где решили отметить день рождения парня из шара. Но, как оказалось, ни закуски, ни выпивки на этом празднике не было, ибо бестолковый Джилленхол хоть и закупился, но увы и ах — уронил все пакеты с купленным, отчего что-то разбилось, что-то перемешалось и по итогу получилась хуйня собачья. Но тут на помощь пришел Леонид и любезно сгонял в ближайший магазин за алкоголем, а также заскочил в пиццерию, взяв еды на вынос.

— Слушай, Томми, а, может, расскажешь что-то про меня из детства? — накинул вопрос брату Джейк, разливая шампанское для гостей по бокалам. — Представляете, Томми лично присутствовал на моих родинах и видел, как я появился на свет, — обратился он к публике.

— Ебать ужас то-какой. Сколько же тебе было, и нахуя ты в этом участвовал? — поинтересовался джинсовый ковбой, которого, к слову, звали Квентин Тарантино и он приходился корешем сестрам Блэкберри.

— Действительно, нахуя? — подняла бровь Нина.

— Сука-бля, я не хочу вспоминать эту ебалу, — промямлил Том, нервно затеребив накладной карман скамов.

— Конечно, не стоит все это вспоминать и рассказывать! — съязвила Лизи. — Ведь тут никому не интересны эти твои дурацкие наркоманские истории!

— А я бы послушала, — поджала губы Нина.

— Еблан, надо было рассказывать, — шикнул на ухо брату Джилленхол, приблизившись и давая бокал с шампанским. — Все девчонки без ума от перинатальных историй! Думаешь, я просто так завел эту тему? Я же хочу тебе помочь!

— Жидяра, отойди от него, а то он опять утащит тебя в свои сети и заставит торговать наркотой, — не унималась быдлить Лизи, схватив мужа за воротник футболки и потянув на себя.

Харди лишь подкатил глаза, не понимая, почему же эта рыжая шкура так себя ведет по отношению к нему. Хотя, что тут удивительного? Джейк же говорил тогда, что она быдловата и даже просил поставить на место. Вот и все! Вот и все!

— Давайте я скажу тост! — поднялся кожаный ковбой по имени Джимми Холлидей, также приходившейся сестрам корешем. — Синеглазоеб, ну что тебе можно пожелать в этот славный день?..

— А ты будешь пить? — шепнула Нина, пододвинувшись к сержанту и указав

рукой на бокал.

— Ну да, сука-бля, — пожал плечами тот.

— Значит, снимешь эту ерунду? — обвела она ладонью свое лицо, как бы изображая маску, а ее нога соприкоснулась с ногой сержанта.

— Сниму, — коротко ответил Том, забившись в агонии близости.

— Сними, — кивнула она, продолжая таращиться на Тома в ожидании увидеть уже его ебальник.

— Также, тебе просил передать поздравления и старик-отец… — вещал на заднем плане Холлидей.

Том же не слушал всех этих речей, а потянулся к застежке на затылке, при этом сам с испугом смотря на девушку. Мгновение и маска снята с лица и брошена на пол, словно девичьи трусики.

— Оу, — улыбнулась Нина и, покраснев, отвернулась.

«Послушай, Том, что сука-бля, за реакция?! Как это понимать? Типа ты стремный? Типа она разочаровалась, увидев тебя? Сука-бля, нахуя ж ты снял ее?» — мысленно хуел Харди и выпил бокал до дна.

— Эй, Том Харди, — пихнула его в бок локтем Нина.

Сержант повернулся, уже готовый выслушать, какой же он ущербный, но не тут-то было!

— Так и знала, что ты милый, — ляпнула она, внимательно рассматривая брутально-смазливый еблет.

— Спасибо, — пизданул сержант, не придумав ответа лучше.

— Идиот, скажи и ты что-то приятное! — по-щенячьи зашипел Джилленхол, наблюдая за братом, вместо того, чтобы слушать кожаные поздравления.

— У тебя, сука-бля, очень красивый цвет волос, — ляпнул Том. — Амбре? Шатуш?

— Так, вы заебали, флиртоебы! — язвительно прокричал Холлидей, почесав жопу револьвером. — Я тут речь толкаю, а вы хуйней занимаетесь! Понимаете о чем я? Ну же! Ну же! Старик-отец сказал, что еще будет время намиловаться, так что сейчас — нехуй! Слушаем все меня!

— Извини Джимми, продолжай, — взмахнул ладонью Джилленхол, второй же рукой показывая брату, чтоб тот немедленно обнял девку. Но Том нихуя не понял намеков и отодвинулся от Нины.

Примерно в таком ключе и прошел оставшийся вечер. Все по очереди поздравляли Джилленхола, рассказывая какую-то ерунду. Ну что еще взять с людей под героином? Том же Харди, под строгим контролем своего бестолкового брата, то и дело пытался пофлиртовать с Ниной, но то и дело все эти попытки пресекала Лизи. Так вечеринка продолжалась еще пару часов, после чего все утомились и легли спать.

Глава 119: Эми

С утра ребята вновь собрались в гостиной.

— Ооох, я бы ширнулся еще разок, — сладко потянулся Джилленхол, поковырявшись в пупке и вытащив оттуда катушки.

— Я б тоже, — пропищало нечто, являющееся карликом по имени — Тирион Ланнистер, который был вообще непонятно чьим корешем.

— И я хочу еще разочек, понимаешь, о чем я? Ну же! Ну же! — заявил Джимми Холлидей, поправляя запутавшуюся после сна бахрому на кожаных штанах. — Доставай герыч, наркоманоеб, будем обдалбливаться! К тому же и повод имеется — день рождения у Квента!

— Так, стоп! — хлопнул вьетнамкой драгдиллер из шара. — Нихуя не получится! Доза осталась одна! — достал он из кармана шприц и подул на иглу, ведь забыл надеть на нее чехольчик и на ту налипли нитки и крошки от сухого собачьего корма, которым нет-нет да любил время от времени побаловаться Джейк.

— Ну так давай сюда! Я на правах самого приближенного из вас к старику-отцу и ширнусь! — изрек Холлидей.

— Ну нет, так дело не пойдет нихуя! — помотал пальчиком Джилленхол. — Это я покупал, а значит и доза моя!

— А я самый низкий из вас, а значит — инвалид! — промолол ебейшую хуйню Ланнистер. — Значит, и доза моя.

— Вы заебали, сука-бля, — вставился Харди. — Может спросите у девушек сначала? Как бы по этикету так положено, — махнул он в сторону сестер, уже открывших себе по бутылке пива.

— Я — пас, — отрицательно покачала головой Нина. — Что-то эта ерунда меня не приколола.

— А, ну тогда делите дальше между собой, — позволил Том. — Ибо, сука-бля, мне тоже эта шляпа не нужна.

— Охуел? — не упустила возможности побыдлить Лизи. — Во-первых, ты сказал «у девушек». А что же у меня не спросил, любезный? Где твой этикет, псина? Что за дешевые понты такие? Здесь твои трюки не пройдут, так и знай! А, во-вторых, что за хуйня, я тебя спрашиваю? Хочешь посадить мою сестру на иглу? А? Отвечай, пидор! То есть Джейка тебе мало было в свое время снаркоманить, теперь Нину решил на дно потащить?

— Лизи, ну зачем? — протянула Нина, сложив губы в тонкую полоску.

— А ты что, адвокат ее, сука-бля, или кто? — решил немного поконфликтовать с Лизи и Том, ведь не любил! Когда женщины вели себя таким вот образом. Сержант считал, что девушке не положено! Так себя вести! По его мнению, девушка должна быть нежной-прилежной, ну иногда может совсем немного дерзкой. Что, думаешь Нина такая? Думаешь, она отличается от Лизи? Все же они двойняшки, воспитывались в одной семье и живут бок о бок с самого рождения. И даже после этого уверен, что она нежная-прилежная? Ну-ну, Томми, ну-ну!

— Адвокат, блять! — фыркнула Лизи. — Просто я люблю сестру и пытаюсь уберечь ее от разного рода мудаков! Например, таких, как ты!

— А у нее что, своего мнения нет? — начал понемногу перегибать палку Харди.

— Так, все, не надо ссориться! — вмешался Джилленхол. — Давайте, без спора и драки, отдадим дозу Квенту? Все же у него сегодня день рождения!

— С хуя ли ему? А я? — ввалился в гостиную Морган и поспешил скрыться за шторой, дабы оттуда следить за происходящим.

— Ты уколоться что ли хочешь, ебло кошиное? — переключилась на него

Лизи.

— Нет, я же не наркоман какой-то там! — пробубнил из-за шторы парень-тайник.

— Ну и все тогда, мразь, помалкивай, ибо твое мнение неинтересно никому! Даже тому хуеплету! — указала она на Харди.

— Все! Довольно! — заебался слушать конфликт Батлер и выхватил шприц из лап Джейка. — Не можете поделить, значить, никто не будя колотьси! — положил он агрегат с героином на журнальный столик. — Нечего тут базар разводить! Давайте лучше вернемся к тому, что каждый из нас предпочитает!

— Ну да… Леонид дело говорит… Мужик!.. И то верно… — заулюлюкали присутствующие.

Так и вернулись каждый к тому, к чему привык и любил: Квентин к пиву, Джейк к кокаину и травке, Лизи и Нина к шампанскому, сержант Том к Пина Коладе, Леонид к кофе с коньяком, Джимми к виски с шоколадным молоком, Тирион к абсенту, ну а Декстер к стейкам с водой с кетчупом.

Как выяснилось, у старины Квентина действительно был сегодня день рождения. Дебильно посовещавшись, было решено начать отмечания с просмотра какого-нибудь кино. Конечно, эта идея показалась многим ебаной, но именинник захотел так. Тут уж не поспоришь! Но и тут начался спор — на сей раз с выбором фильма. И Лизи, решив показаться милой, предложила включить уже хоть что-то, главное, чтоб никто не ругался и не портил джинсовому праздник. Но, кажется, кто-то и сам хотел конфликта, ибо диск, который был поставлен в проигрыватель, оказался ничем иным, как видео, снятым на камеру видеонаблюдения, кажется, установленной в каком-то отеле. Где именно был снят ролик и при каких обстоятельствах, Том не знал. Но то, что он там увидел, ебейше порадовало Харди! Такого поворота событий Том не ожидал никак! Ибо на видео Декстер… Обоссался! Представляете? Обоссался! Конечно же, все начали смеяться над парням-энурезом, тот же, в свою очередь, закатил грандиозный скандал и покинул дом, незаметно для всех прихватив с собой неподеленную дозу героина.

Никто даже и не переживал, что Морган уехал, предварительно извалявшись в говне, и продолжили отмечать. На сей раз сестры Блэкберри предложили своему джинсовому другу показать один из выпусков передачи МТВ, в которой были освещены подготовка и празднование их шестнадцатилетия. Девушки доказывали, что эта вечеринка была худшей из худших, и вряд ли чей-либо день рождения из присутствующих, каким бы, хуиным он ни был, мог посоревноваться с тем отстойным днем. На том и порешали. Лишь Том незаметно усмехнулся над комичностью ситуации, вспомнив день, когда ему исполнилось четыре. Но решил промолчать и вместе со всеми приступил к просмотру передачи. И в тот момент он даже и не ожидал, как уже в ближайшие несколько часов его жизнь перевернется с ног на голову, а все начнется с просмотра этого безобидного, на первый взгляд, ролика.

С первых минут просмотра публика была не на шутку возмущена поведением малолетних сестер Блэкберри. Настолько они были богаты и избалованы! Но об этом как-нибудь в другой раз. Лучше уже перейдем к интересному, а не вот к этой вот всей беспонтовой и никому не нужной информации.

В гостиной шло бурное обсуждение и комментирование передачи. Том же в основном молчал, наблюдая на экране за предметом своего воздыхания. До чего же наивна и чудна была Нина в свои шестнадцать! Харди так засмотрелся, так замечтался абы о чем, что совсем не заметил, как кадр сменился, а на экране появилась взятая крупным планом женская голень и рука тату-мастера в черной латексной перчатке, выводящая на коже рисунок. Игла тату-машинки с соответствующим звуком скользила по ноге, пробивая картинку в виде…

— Это феникс, — сменился кадр, продемонстрировав Нину-подростка. — Это символ возрождения, силы человеческого духа… Да и вообще, борьбы с препятствиями и различными трудностями. Я вот и борюсь всю жизнь с препятствиями и трудностями. Ну прям как феникс, — подняв глаза к потолку несла она тату-бредни, а затем вновь посмотрела в камеру. — Понимаешь, что я имею в виду? — обратилась она как бы к оператору.

Увидев все это, Харди ебанулся рассудком! Внутри произошел взрыв! Создавалось ощущение, что его одновременно будто ударили обухом и облили ледяной водой. Что, петушара, увидел на горизонте две параллели, похожие друг на друга, как две капли?

«Послушай, Том, да ну на хуй! Быть того не может! Это просто ебаное совпадение — не иначе. Это ж, сука-бля, бред! Мало ли этих фениксов набивают? Нужно выяснить! Сука-бля, срочно!» — пронеслись мысли в голове.

— Стоп, сука-бля! — выхватил пульт из рук брата Харди и нажал на паузу.

В комнате повисла неловкая пауза, ведь никто из присутствующих не понял, что так ошарашило сержанта.

— Послушай… Ээээм… Покажешь партак? Интересно, как выглядит законченная работа, — ляпнул он хуйню, обратившись к Нине.

— Может в другой раз? Когда я буду, например, в шортах? — смущенно улыбнулась та, обведя ладонью джинсы.

«Послушай, Том, вспомни что-то еще… По каким критериям ты точно узнаешь, что это ебаное совпадение?» — наспех подумал сержант, не желая признавать, что это не развод никакой. Ну же, Клубничная Эми, покажи ему что-то другое!

— А ключицы? — никак не унимался сержант. — Покажешь?

— Томми, хватит! Прогораешь! — рявкнул Джейк, отобрав пульт обратно. — Хуевый флирт, — буркнул он.

«Что еще… Что еще…» — охуевал с каждой секундой все больше и больше Том.

— Послушай, я забыл, а как твое второе имя? — ни в коем случае не желал отставать от Нины сержант.

— Томми, ты в уши долбишься? — хлопнул себя по коленкам Джейк. — Эми ее второе имя! Их матушка на видео уже тысячу раз это повторила! Эми!

— Эми… — прошептал сержант, превратившись в ностальжи-сову.

— Хах! Еще одна! — громогласно усмехнулся Батлер.

— Все, хватит, угомонись, Томми, я серьезно! — отжал Джилленхол паузу, и все вновь уставились в телевизор.

«Да ну, бред, — бился в агонии клубничных воспоминаний Том. — Мало ли на свете Эми с фениксом на голени? Сука-бля, нужны ключицы, по ним бы я определил… Да что там определять — все это чушь и глупое совпадение! Та пизда и вовсе была из Калифорнии… Сука-бля, и эта оттуда же! Так, что еще их отличает? Думай, Том, думай… Возраст! Этой шкуре двадцать три. Той было семнадцать шесть лет назад, то бишь сейчас ей… Двадцать, сука-бля, три! И у той, и у этой есть сестра… Ну сука, ну не может же этого быть!»

Гоняя в голове бредовые мысли и пытаясь убедить самого себя, что все это ебаное совпадение, Том бездумно продолжил смотреть передачу про малолетних сестер, дабы не выделяться из толпы, и даже пытался нет-нет да вставиться и прокомментировать ту или иную ситуацию. Но все это было лишь внешне, внутри же у Харди творился полный беспредел и хуйня собачья. И мысленно он находился сейчас не здесь, не в Сан-Франциско, а в далеком 2007, в блядской «Вишенке и Черешенке».

Бьясь в агонии флешбеков, Том вспомнил, как пайетки ее трусов трутся о ткань его мусорских брюк, повторяя движения ее руки, находящейся в его трусах и плотно сжимающей член. Стриптизер-Тор облизывает соски

стриптизера-Халка. Тепло ее сбивчивого дыхания, клубничный аромат, заполняющий все вокруг и навечно впечатавшийся в память. Первый раз Тома — такой неожиданный, сумбурный, но приятный. Ее косточки внизу живота, ключицы, аккуратные сисечки, феникс на левой голени. Вторая близость — уже более раскрепощенная. Упругие сосочки, опять этот приторный клубничный аромат, чертово пятно крови на замшевой бежевой обивке дивана. Еще он не позволил ей себя поцеловать, но она сделала это мимолетно и убежала. А еще в какой-то из моментов, она, кажется, назвала его…

«Милым?! — вспомнил сержант. — Так все, успокойся, сука-бля, Том! Не она это и все! Нина-Эми не Клубничная Эми. Жидяра бы обязательно уточнил, если б Нина была стриптизершей. Не упустил бы он этот факт сто процентов! Расслабься все в порядке, и хватит уже вспоминать всю ту хуйню!» — осек он себя, ведь воспоминания начали не на шутку возбуждать. Признайся, вспоминал хоть раз во время дрочки, как ебал Клубничную Эми? Да можешь даже не отвечать — и так все ясно как день!

За всеми этими переживаниями и попытками переубедить себя, Том и глазом моргнуть не успел, как не только видеоролик подошел к концу, но Джилленхолу позвонили из больницы и сообщили, что Декстер Морган попал в страшное ДТП. Он хуй понял, как и кто решил поехать и разузнать, что же произошло с парнем-мочой, но факт остается фактом — кто-то решил. Так и поехали. Во время сборов, продолжая гонять в голове думки, сержант предпринял несколько попыток не только пофлиртовать с Ниной, но и ненароком попытаться взглянуть на ее ключицы, дабы точно отмести ее принадлежность к Клубничной Эми. Но у него нихуя не выходило! Те были спрятаны за футболкой! Вот же блядство!

Когда ребята оказались в больнице, то выяснилось, что Морган потерял память и помнит все события с момента пятилетней давности, то бишь никаких сестер, никакого Джилленхола он и знать не знает. Безусловно, амнезия Декстера была на руку Тому, ведь теперь Морган определенно точно не будет лезть со своим ссаньем к Нине, а это значит, что сержант может беспрепятственно заарканить девушку. Но увы и ах — в данной момент Харди было похуй на это благостное стечение обстоятельств. Куда больше волновали Эми и Нина. Это один человек или два диаметрально разных? Скорее — второе… А может, и нет…

Ковбои забрали Декстера из больницы, и все вновь дружно отправились домой. По приезду Квентин и Джимми заявили, что вся эта вечеринка по поводу дня рождения старины Тарантино стала унылой, поэтому они немедленно отправляются в стрип-клуб. Том лишь усмехнулся над комичностью данной ситуации и продолжил витать в клубничных облаках.

— Ну что, шмары, вы с нами? — рявкнул Квентин, запихивая дробовик в рукав джинсовой куртки.

— Я — точно нет, — отрицательно помотал головой Декстер.

— Ты — точно да, отказаеб! — дерзанул Джимми, грубо схватив того за руку.

— Ух ты, класс! Мы идем в стрипуху! — радостно запрыгал Тирион, хлопая в ладошки.

— Я тоже бы сходила, — пожала плечами Лизи.

— И я за! Неплохая затея! — громогласно поддержал Леонид, ведь уже порядком соскучился по упругим голым телесам.

— Тогда решено, пацаны? — хлопнул в ладоши Джейк.

«Послушай, Том, послушай… Ты просто себя накрутил. Ничего подобного случиться определенно не могло! Это совпадение — случайность», — бредил сержант во время диалога, но был вырван из мыслей непонятным заявлением от девки, что нравилась ему.

— Хм… Я, пожалуй, воздержусь, — отвернулась к окну Нина и стала

рассматривать ногти. — Не люблю стрип-клубы. Плохие ассоциации у меня с ними… Хотя, с другой стороны… Не такие уж и плохие, — рассуждала вслух она.

— Ну работала ты стриптизершей, и что тут такого? Подумаешь! — начал уговаривать ее Джилленхол. — Никто тебя за это не осуждает! Да, Томми? Наоборот — это ж даже плюс!

«???» — зазвенело в голове Харди, и он забился в агонии параллелей.

— Конечно, сука-бля, никто не осуждает! Конечно, сука-бля, это плюс! — похлопал он Нину по плечу, решив показаться милым, сам же уже не просто охуел — ебанулся!

— Спасибо, конечно, но я — пас, — обернулась Нина, разведя руки в стороны. — Хорошо повеселитесь там, а я подожду вас дома.

— Тогда и я останусь, — закурил Том, состроив фирменный еблет. Не это ли шанс остаться вдвоем и уже попросить показать татуировку и ключицы? А что, все еще сомневаешься, что это не та малолетняя проститутка? Ну больно, Томми! Протри глаза!

— Тогда остаюсь и я! — заявила Лизи, смерив недоверчивым взглядом Харди.

— Ооой, — недовольно подкатил глаза Джейк. — Ладно, все! Остаемся!

— Да ну вас на хуй, мозгоебы, — пренебрежительно махнул револьвером Джимми и направился в сторону выхода, силком волоча за собой Декстера. Остальные двинулись за ним.

— Ой, Нина, ну какая же ты обломщица! — хлопнул себя по бедрам парень из шара и недовольно уселся на диван в гостиной.

— Ой, отвали, шаровой! — показала «фак» девушка, усаживаясь на противоположный от Джилленхола конец дивана.

— Все, хватит выяснять это, — остановила назревающий конфликт Лизи, поставив на стол упаковку пива и поднос с закусками, и плюхнулась между мужем и сестрой.

Сержант же Харди приуютился в кресле, не отрывая взгляда от Нины и пытаясь сопоставить параллели, которые нарочито не сопоставлялись!

— Нет! Я не прекращу это выяснять, пока не узнаю истинную причину отказа! — никак не унимался Джейк, уже набив полон рот чипсами. — Нина, почему ты была против стрипухи?! Отвечай мне!

— Да что ты хочешь от меня услышать?! — взорвалась Нина. — Что в стрип-клубе был мой первый раз? Да, это так! И я не хочу об этом вспоминать!

«Сука-бля, нет-нет-нет, этого просто не может быть! Выходит и она девственности лишилась в стрипухе? Будет неудобно, если выясниться, что это сделал ты… Да о чем ты думаешь, Том! Будет неудобно, если окажется, что пизда уже раз тебя опрокинула, даже и не выслушав! Сукааа… Ладно, надо послушать, может она с каким стриптизером поебалась там!» — продолжал наедятся непонятно на что Харди.

— Оooу! — присвистнул Джилленхол в предвкушении интересной истории.

— Какой еще первый раз? — вылупилась на сестру Лизи. — А как же Прохор? Ты говорила, он был твоим первым! — разозлилась она и шлепнула сестру по щеке.

— Нет, мне стыдно было признаться. Я тогда была в депрессии из-за разрушенной спортивной карьеры… И наделала не мало глупостей в то время… Но теперь понимаю, что Прохор — это еще более днищенская история! Поэтому, расскажу все как было на самом деле, — тяжело вздохнула Нина и открыла бутылку пива.

— Ну так рассказывай! Хули молчала об этом столько лет?! — возмутилась Лизи, также открыв пиво. — Могла бы рассказать мне об этом наедине раньше. Тогда бы не пришлось рассказывать сейчас при всех.

— Ой, ладно, похуй. Раз эта тема уже затронута, то я поведаю вам свою историю, пока не передумала, — отмахнулась Нина.

«Ну же, пизда, давай уже быстрее!» — мысленно торопил Том.

— Ты же знаешь ту историю, когда я со своей стрип-труппой ездила на гастроли по Америке? — обратилась Нина к сестре. — Так вот, у нас должно было быть три ночных шоу в стрип-клубе Сиэтла «Вишенка и Черешенка». Мы уже отработали два из них. Оставалось последнее шоу и последняя ночь в Сиэтле, после чего мы должны были вернуться домой. Как сейчас помню тот вечер… Пятнадцатого апреля 2007 года…

— Кхм-кхм-кхм, — закашлялся сержант Том, подавившись пивом и выплюнув его на подлокотник кресла. — Сука-бля… — прохрипел он, постучав себя кулаком по груди.

«Послушай, Том, все, это пиздец! Тот же год, то же число, тот же месяц и тот же, сука-бля, город, тот же стрип-клуб! Сука-бля! Клубничная Нина?! Да как так-то? Только ты мог вляпаться в такую хуйню, что дважды запал на одну и ту же шкуру! Но подожди, с другой стороны это получается очень… Мило? Ты, блять, в ахуе, Том! Ты, сука-бля, в ахуе! Но какого хуя пизда все же тогда не перезвонила? И какого вообще она мнения о той истории? Ладно, послушай дальше и не делай поспешных выводов…»

— Все шло как обычно, но вдруг ворвался целый отряд мусоров. Все девочки, включая меня впали в панику. Мало того, что всем нам было не больше семнадцати… Я, кстати, была самая старшая среди них, поэтому наш директор и назначил меня главной. Он так и сказал: «Нина, ты на этих гастролях за главную!»

— Послушай, а как звали того директора? — перебил Том, ляпнув хуйню.

— А я помню? — изумилась Нина. — Мужик какой-то, да и все.

— А директора клуба не помнишь? Его как звали? — продолжал бредить Харди.

— Я ебу? Помню, что был лысым и пучеглазым. Кстати, он по сей день там заправляет. Все, достаточно? Мне можно продолжать? — раздраженно посмотрела на сержанта Нина. — Спасибо. Помимо всего прочего, мы были еще и под спидами, ведь крутиться всю ночь на шесте — работенка не из простых. Ну, так вот… Вломились мусора. Они хотели всех нас повязать!

— Прямо-таки хотели? — вновь перебил Том, прищурившись и раздраженно застучав по горлышку бутылки пальцем, не понимая, к чему это пиздоболие. Все же было не так! Парни просто отмечали двадцатичетырехлетие сержанта Харди!

— Ну а чего по-твоему они еще хотели? — изумилась Нина.

— Ну, не знаю… Может решили выпить после рабочего дня, — язвительно предположил Том. — Что они не люди что ли, сука-бля?

— Конечно, нет! — возмутилась Нина. — Выпить они хотели… Уж конечно! Все с автоматами наперевес, в бронiках!

— Мне кажется, ты приукрашиваешь, пизда, — продолжал спорить Харди, не на шутку возмущенный враками девушки. — И вообще, с чего такая ненависть к мусорам?

— Это я приукрашиваю? Может ты там был и все видел? Что говоришь? Не был? Ну вот тогда и не надо мне говорить, что я приукрашиваю, — вскипала Нина. — А на твой глупый вопрос про мусоров я даже и отвечать не собираюсь! В общем, я подошла к одному из них, чтобы поговорить, хотела все уладить мирно. Но он прямо с ходу начал намекать мне, что ему нужно только одно!

— И как же он намекал? — нервно усмехнулся Том.

— Да как-как? Вот прямо всем своим видом и поступками намекал! Я к нему подошла и начала невзначай танцевать приват, а сама хотела поговорить в это время! А он мне сразу банкноту в лифчик… Тогда-то я все и поняла, что ему от меня нужно!

— Ну ты ж стриптизерша была, вот он и сунул сотню, — не унимался

сержант. — Или сколько он там сунул… — замешкался он, чуть не спалившись.

— Сотню? Вот именно, что сотню! Ну сколько обычно суют стриптизершам, ну десятку максимум! Вот по этой сотне-то я и поняла, чего он хочет! — пнула Нина ногой журнальный стол.

«Послушай, Том, неужели она и впрямь считает, что ты воспользовался ею как проституткой, то есть — поимел? Сука-бля, у тебя же был такой вариант, что ты обидел ее… А еще эта последняя сотня с номером телефона. Ну нет, пожалуйста, пусть все будет не так!» — мысленно скрестил пальцы сержант.

— Может, у него не было купюр мельче? Или может он просто, сука-бля, щедрый, — продолжал уточнения он, пытаясь выяснить ее намерения шестилетней давности.

— Ага, блять, щедрый мусор! Хорошая шутка! — съязвила Нина. — В общем, я за эту сотню передернула ему под столом! А он мне после этого сует еще сотню! Ненасытный ублюдок…

— Ну так первую сотню он сунул тебе за приват, вторую за ручник, что тут удивительного, шкура? — в который раз перебил сержант, от злости раздувая ноздрями. Так на кого злишься, Том? На себя или на нее? Непонятно…

— Ну конечно! Все я поняла прекрасно, что он хотел! — подкатила глаза девушка. — Короче, я повела его в VIP и там все и произошло…

— И что говоришь, понравилось тебе? — с ухмылкой посмотрел на нее Том, уже готовясь к тому, что сейчас девушка пиздливо поведает, как была жестоко изнасилована полицейским.

— Ну как сказать… Три минуты — и я больше не девочка… Но для первого раза это было сносно. Учитывая тот факт, что он и сам оказался девственником! — развела ладони Нина и улыбнулась.

«Сука-бля, шкура, какого хуя?!» — покраснел Харди, ведь не думал, что девушка растреплет этот факт всем!

— Чегооо?! — охуевше протянули Джилленхолы.

— Это еще не конец истории. Потом мы с ним пожарились еще раз… — продолжила Нина.

«Послушай, Том, а вот это уже похоже на правду, ну-ка, ну-ка…»

— Что за хуйню ты несешь?! — вопросительно уставилась на сестру Лизи. — Ты же сказала, что он тебя принудил! Зачем ты дала вторично?!

— Вот именно, сука-бля, зачем? Непонятно… — подъебал Нину и сержант. — Так и как тебе второй раз?

— Ну, второй раз был уже куда лучше… Уж точно лучше моего следующего раза с Прохором, — поморщилась Нина.

— Между прочим, того мусора могли и посадить, — включил юриста Джейк.

— Так-то это было в Сиэтле, а в штате Вашингтон, да будет тебе, сука-бля, известно — возраст согласия с шестнадцати, — вступился сам за себя Том. — Так что ничего такого он не сделал.

— Ну а зато сама Нина из Лос-Анджелеса, штат Калифорния, а там возраст согласия восемнадцать лет, — не унимался Джилленхолл.

— Ой, иди в пизду, Джейки, — отмахнулся Харди, ведь сейчас ему было абсолютно до пизды на бредни брата.

— Ну он хоть симпатичный был? — поинтересовалась Лизи.

— По правде сказать, лица я его даже и не помню, — поджала губы Нина. — Сами знаете, это освещение в ночных клубах… Да и я была далеко не свежая. Так что, увидь я его сейчас на улице, то вряд ли бы узнала.

«Оно, сука-бля, и заметно, пизда! Оно и сержант бы тебя не узнал. Размалевалась, как проститутка! Зачем же было портить такой милый ебальник слоем макияжа?» — мысленно подкатил глаза сержант.

— Теперь все понятно стало, — усмехнулась Лизи. — Вот почему ты постоянно рвалась в этот чертов Сиэтл!

«Вот это поворот! Может, она сейчас специально тут всем спиздила, чтобы построить из себя несчастную? И как теперь, сука-бля, узнать правду?!»

— Рвалась в Сиэтл? — приподнял шрамированную бровь Том и заинтригованно закурил. — Что, пизда, тот чувак в душу все же запал? — задал он рискованный вопрос.

— Да точно запал, — беззаботно, словно младенец, захохотал Джилленхол. — А говоришь, ментов не любишь!

— Точно! — поддержала его смехом Лизи. — А я-то думала, на кой ты на своем девичнике чуть не пожарилась с тем кудрявым ментом!

— Что, Нина, менты не такие уж и плохие ребята? — состроил фирменное ебало Харди, расставив руки в стороны.

— Ой, да пошли вы на хуй! — дерзанула Нина и встала с дивана. — Менты… Неплохие ребята… В душу запал… — говорила она, встав у окна и закурив. — Вы же даже и не знаете, чем закончилась история, а уже смеетесь! Ибо то, что случилось, нихуя не смешно! Этот пидорас, которому я, как бы к слову, не только отдала девственность, но и немного поделилась переживаниями, принял меня за шлюху! Этот человек нарочито провел ликбез о том, какая я шалава, раз раздвинула ноги перед первым встречным, после чего и вовсе вытер ноги о наивную семнадцатилетнюю девочку, сунув мне напоследок еще одну сотню! — психанула она и сдернула с карниза любимую штору Декстера. — Ненавижу того сиэтловского ублюдка! Очень надеюсь, что судьба воздала ему по заслугам! Если б не слова той мрази, может и не было бы потом у меня ни Прохора, ни Алекса, ни прочей ерунды! Ненавижу! Это все он! Он открыл мне дверь в блядский мир похоти и пороков! — несла она хуйню, пытаясь обвинить во всех бедах человека, сидевшего с ней в одной комнате. Благо, девушка даже и не подозревала об этом, даже и не подумав сопоставить какие-то параллели.

В комнате повисла напряженная пауза.

«Послушай, Том, послушай… Ты — мудак! Ты так и знал, в самом начале, так и знал! Ты разрушил девочке жизнь! Она неправильно поняла тебя, обиделась и убежала! А ты еще и целку ей порвал, нанеся при этом душевную травму биполярно-расстроенному человеку…» — ебано думал Харди, бьясь в агонии клубничной вины.

— Пацаны, давайте немного разрядим обстановку! — предложил Джилленхол, достав из-за диванной подушки бутылку водки. — Давайте выпьем, а дядя Джейк расскажет вам историю про свой первый раз!

Джейк разлил по рюмкам спиртное, все выпили, после чего рассказчик из шара начал свою историю.

— Мне было почти шестнадцать… Я тогда еще жил с мамой. Она выпустила меня погулять в мини-шаре во дворе. В тот день в соседний дом заехали новые жильцы — муж с женой и их дочь. Я увидел ее через забор, когда гулял. Ну я просто махнул ей рукой и поприветствовал, ведь маманя меня учила хорошим манерам. Я даже и опомнится не успел, как она перелезла через забор, а в следующую секунду мой младший Джейки был уже у нее во рту! Я просто охуел, если честно… Я же даже и не знал, как все это происходит, ведь, мамка всегда рассказывала мне про секс лишь с точки зрения биологии. Ну а потом эта соседка повалила меня на газон и начала на мне скакать как бешеная! Я вообще очканул! Не хватало еще, чтобы мама из окна это увидела! Эта сумасшедшая же могла порвать мой шар! Матушка бы ее просто на месте растерзала за такие дела… После этого я долго боялся выходить на улицу, в следующий раз я решился, когда получил письмо от Томми… Вот так-то.

— Как же ей удалось тебя оприходовать в этом ебучем шаре? — усмехнулась Лизи.

— Ну а что, в шаре все предусмотрено, я при желании и подрочить в нем мог, — пожал плечами Джилленхолл. — Кстати, Лисичка, может мне удастся

отыскать такой минишар, и мы с тобой поэкспериментируем? А? Как идейка? — подмигнул он.

— Нет уж, спасибо, я как-нибудь без таких экспериментов обойдусь, — отстранилась девушка.

Том же нихуя не слушал весь этот диалог, ведь куда больше сейчас его волновала поломанная судьба Клубничной Эми. Имел ли он право сломать ей жизнь? Что делать? Как быть? А вдруг она узнает, что он и тот чувак из стрипухи — это один и тот же человек? Это будет провал, ведь абсолютно точно, что Нина не на шутку зла, вспоминая о том происшествии. Но зачем же тогда ее сестра сказала, что время от времени Нина хотела поехать в Сиэтл? Может, все же не так-то уж она и зла? Может… Грустит? Тут пока тоже неясно. Нужно вновь переместиться в ту ночь и вспомнить какие-то детали!

— Ладно, моя очередь… — где-то на заднем плане сказала Лизи, но Харди же не посчитал нужным послушать и ее историю.

— И кто был тот пидор, который осмелился распаковать мою Лисичку? — недовольно, но с интересом, уставился на жену Джилленхол и налил ей еще немного водочки.

— Джош Хартнетт, — настольгично протянула Лизи. — Это было на мое семнадцатилетие. Мы с ним сняли номер в дорогущем отеле… Золотые простыни, ванна с шампанским, лепестки роз, взбитые сливки… Это было супер-романтично! Я так давно этого хотела…

— Сука-бля, я сейчас блевану, — скривился сержант, ведь его не на шутку затошнило от волнения, а вовсе не из-за ванильных бредней Лизи. Также где-то на фоне он услышал слово «шампанское», вмиг вспомнил сколько выпил его в ту ночь в стрипухе. В нос ударил терпко-приторный запах шампанского и клубники, и сержанта замутило еще хлеще!

— Помню я эту историю, — усмехнулась Нина. — Ее концовка вас поразит!

— Но все мои надежды рухнули, когда Джош разделся… — Лизи двумя пальцами достала из вазочки с закусками оливку и продемонстрировала присутствующим.

— Серьезно? — в один голос удивились Том и Джейк, уставившись на оливку с открытыми ртами.

Джилленхол визуализировал хуй Джоша, Том же бездумно уставился на оливку, задав себе вопрос: «Может все же стоило позволить в тот день Эми себя поцеловать? «Серьезно?» — вслух ответил он вопросом на вопрос, ведь поцелуй для него был чем-то особенным, не может же он разбазариваться этим направо и налево!

— Ну, практически, — разочарованно кивнула Лизи. — Знаете, я даже и не уверена, считается ли это за первый раз…

— Так может тогда я был твоим первым? — обрадовался Джейк, высунув язык.

— Нет, Волчонок, все равно не ты, — погладила его по голове Лизи. — После Джоша был Дэниел, но это уже совсем другая история. Ну а так, чисто технически — это все-таки был Джош Хартнетт, — грустно подытожила она и закинула оливку в рот.

— Ну, ты следующий? — махнула головой Нина в сторону сержанта. Лизи и Джейк молча уставились на него.

«Послушай, Том, и что тебе рассказать? Правду? Ну на хуй! Тогда шкура точно тебя распиздит и не будет у тебя никакого шанса с ней!»

— Да мне и нечего особо рассказывать, сука-бля… Ничего интересного… — замялся Том. — Может давайте лучше партеечку в покер? — достал он из кармана дубленки колоду карт.

— Ну уж нет, давай колись, Томми, так не честно! — взбунтовался Джейк.

«Пиздюк не отвяжется, сука-бля, нужно что-то придумать… Но, сука-бля,

что?! Ладно, скажу как есть, изменив детали, один хуй никто не догадается!» — наспех подумал сержант.

— Ой, ладно, сука-бля! Слушайте, — подкатил глаза Харди. — Я просто заплатил одной шкуре триста баксов, и она мне отработала сначала рукой, а потом я еще вдул ей. Вот и вся история, нахуй, — быстро протараторил он.

— Хм… А это сколько тебе тогда было? — никак не унимался Джилленхол.

— А это уже не важно, пиздюк! — заткнул его Харди и присосался к пивной бутылке.

«Послушай, Том, ебать ты придурок! Нахуя ты это пизданул при жиде?! О чем ты только думал! Блять…» — оторопел Том, поняв свою оплошность.

— Ооо, хуйня какая-то, — разочаровано помотала головой Лизи. — И вправду, лучше бы не рассказывал…

— Ну так что, в покер? — решил перевести тему сержант Харди, недовольно посмотрев на брата, сверлящего его пиздатым прищуренным взглядом. Ну все! Джейки все понял! Пизда тебе, Томми! Теперь придется выкладывать ему все от и до! Но кто знает, может это и хорошо, может Джилленхол поможет тебе во всей этой ситуации.

— Извините, — встала с дивана Нина. — Весь этот день, все эти воспоминания… Все это меня не на шутку утомило. Я пошла к себе, — без объяснений вышла она из гостиной.

— Пойду поговорю с ней, — поднялась Лизи и пошла за сестрой. — Волчонок, ты долго будешь сидеть? — бросила она, остановившись в дверях.

— Нет, недолго, Лисюш. Сейчас допью и приду, — сказал Джилленхол, продемонстрировав жене еще не открытую бутылку, а затем вскрытую упаковку пива.

Лизи лишь подкатила глаза и вышла из комнаты.

Два брата остались наедине, продолжая буравить друг друга взглядами. Кто недовольным, а кто обороняющимся.

— Ну-ну, Томми, ну-ну, — наконец, прервал тишину Джейк, спустя минуту неловкого молчания.

Но Том не желал ничего отвечать, а потому молчание воцарилось вновь.

— Томми, блять! Какого хуя? — процедил Джилленхол. — Я жду твоих объяснений!

— Да что тебе, сука-бля, объяснять? — нервно застучал берцем по полу Харди. — Ты же и так все понял, пиздюк.

— Понял-то я понял… Но не понял лишь одного — почему я об этом не знал раньше? — осуждающе помотал головой парень из шара.

— Сука-бля… — подкатил глаза Том.

— Ты мне тут не сука-блякай давай! Выкладывай все! Это было перед тем, как ты подался в ММА? — прищурил невообразимые синие очи Джейк.

Харди лишь тяжело вздохнул и закурил.

— Я так и знал! Знал, что все, что плел тогда Батлер про ту малолетку — все это было не про него, а про тебя! — всплеснул руками Джилленхол.

— Ну ты же это уже знал, пиздюк. Сам говорил, что сразу понял, — все пытался слиться с разговора Том, ведь так и не мог определиться — поможет все же брат в делах сердечных, или же будет только мешать.

— Ясен хуй знал! Но я же не знал, что та девчонка с ключицами и Нина — это один человек! — возмутился Джилленхол, подкуривая косяк.

— Так и я, сука-бля, не знал! — развел ладонями Харди. — Вот узнал только что!

— Но ты должен был сразу все мне рассказать, а не таить несколько лет! Во-первых, почему я не знал, что то был твой первый раз? — продолжил кидать предъявы Джейк.

— Я, сука-бля, отчитываться перед тобой должен или что? — скривился Том, не понимая, за что получает сейчас выговор от младшего, сука, брата!

— Конечно, не должен! Что ты! — артистично замахал ладонями Джилленхол. — Да вот только расскажи ты мне все сразу, да во всех подробностях, то я бы уже давно знал, что та девчонка и есть Нина! Ты не понимаешь, что усложнил мне задачу? Все было бы куда проще, имей я всю информацию на руках!

— Сука-бля, жид! Иди на хуй! К чему теперь все эти рассуждения? Не сказал — значит не считал нужным! Вот и все! — отмахнулся Том.

— Вот и все! Тебе-то легко говорить! Это мне теперь надо перехуеверчивать все мои планы! — не унимался Джейк.

— Какие, сука-бля, планы? Хватит уже! Я сам разберусь. Это нихуя не меняет, — выставил ладони вперед сержант.

— Охуеть! Не меняет! А ты не подумал, какова будет реакция, когда Нина узнает, что ты и есть тот мент? — округлил глаза Джилленхол.

— Подумал. И потому она нихуя не узнает, — пояснил за охуительный план Том.

— Нормально, Томми! Нормально! Что еще сказать?! — хлопнул себя по коленкам планировщик из шара. — Все-то у тебя просто!

— Нихуя это не просто. Но так оно и будет. Я сказал! Она ничего об этом не узнает! — процедил Харди, угрожающе выставив «фак».

— О чем гутарите, хлопцы? — ворвался в дом крик Батлера и его плащ.

— О Клубничной Эми, Леонид! — ответил Джейк, продолжая сверлить брата гневным взглядом.

— Не понЯл… — охуел бородач, вошедший в дом вслед за голосом и плащом.

— Сука… Еще один… — цокнул Харди, ведь вся эта тема не на шутку заебала. Сейчас ему лишь хотелось уединиться и погонять ебливые мысли в голове, а не выслушивать все эти нравоучения и возмущения.

— А что тут непонятного, Леонид? Помнишь мы с тобой с толку сбились искать ту девчонку? — не сводя глаз с брата, продолжил Джилленхол.

— Как ж не помнить? Помню! — заинтриговано проорал Леонид, усевшись рядом с парнем из шара.

— Ну так вот — нашлась она, — обвел радугу над головой Джейк.

— ??? — молчаливо завопил Батлер.

— Нина это. Нина «Клубничная Эми» Блэкберии, — повернул псиную морду к другу Джилленхол и расплылся в безумной клоунской улыбке.

Повисла эффектная осознательная пауза.

— Ёксель-моксель! — охуел Леонид, схватившись за бороду плащом. — Это ж как так получаетси?

— А вот так! — щелкнул пальцами Джейк. — Ну же, Томми, расскажи все, как было. Мне — все с самого начала, а затем Леониду — как все выяснилось сейчас.

Харди лишь подкатил глаза, забившись в агонии волнительной, но уже так заебавшей истории.

— Да какая, сука-бля, разница? — попытался в который раз слиться с темы Том. — Давайте в другой раз. Ты вообще, хули так быстро вернулся со стрипухи? — махнул он ладонью на друга.

— Шоу неинтересное было! Ты давай, не увиливай! Рассказывай немедля, пидорасина! — рявкнул Батлер.

Делать нечего — начал Том свой затертый до дыр и обдроченный рассказ с самого начала. Как решил покончить с собой, как мусорские кореша по наводке Лео затащили его в стрип-клуб, дабы справить двадцать четвертый день рождения. Как к нему пристала стриптизерша, как он облился шампанским, а после она ему подрочила. Как затем повела в випку, где все и случилось. Потом как она разоткровенничилась, а он проникся к ней. Как после этого они

потрахались еще раз, а потом он понял, что лишил девчонку девственности и наговорил ей незнамо чего, а она сбежала. Не забыл он упомянуть и про ее прелестные ключицы, аромат клубники и милые аккуратные сисечки. И про то, как она вроде даже кончила, когда он ебал ее во второй раз. Но это неточно. Но скорее всего все же да. Затем Том перешел к сегодняшнему разговору и рассказал Батлеру, как и что поведала сама Нина, она же Эми. Завершил же он историю своими мыслями на сей счет.

— Пресвятая Богородица… — прошептал Леонид на весь Сан-Франциско по завершении рассказа. — И чегось делать-то?

— Точно, сука-бля! Я знаю! Надо Лео позвонить! — хлопнул себя по лбу Харди и полез за телефоном.

— Даже не вздумай! — завизжал Батлер, достал из-за пояса мачете и угрожающе ткнул им друга по руке, которая уже пролезла в карман скамов. — В этих делах я ему не доверяю! Вытащить тебя из петли — да! Это он могёт! А вот в этих всех любовных перипетиях… Нет уж! Вспомни, до чего все дошло в прошлый раз? Хочешь еще годок в коме поваляться или еще чего похужее? Нет! Пока все это не разрешится — никакого Лео!

— Сука-бля! А можно я буду как-то сам решать, что мне делать с моей жизнью? — раздраженно подвигал челюстью Харди, но руку от кармана убрал.

— Нет! — в один голос заявили Джейк и Леонид.

— Ладно, давайте думать, как поступить. Стоит ли Нине знать, что ты и есть тот мент? — накинул вопрос Джилленхол, рассыпав по журнальному столику три дорожки кокаина — для стимуляции мозговой деятельности.

— Ясен хуй нет! — стукнул кулаком по подлокотнику Том. — Ты что, сука-бля, не слышал, что она говорила? Как отзывалась о полицейских в общем, и обо мне в частности?

— Слышал. Но еще я слушал Лисоньку. А она сказала, что Нина нет-нет да рвалась в Сиэтл. А еще я давно знал один факт, но не понимал, что он значит, и не знал как его применить, — интригующе улыбнулся Джейк.

Харди и Батлер вопросительно уставились на Джилленхола.

— Знаешь, что у Нины есть коробка, где она хранит всякий памятный хлам дорогих ее сердцу людей? — спросил тот.

— Коробка воспоминаний. Да, она, сука-бля, рассказывала мне об этом, когда тусовалась у меня под колесами Фила, — непонимающе нахмурился Том. — К чему ты клонишь, пиздюк?

— А знаешь ли ты, что в сей коробке, я, лично вот этими глазами, видел кое-что очень и очень интересное? — продолжал нагнетать Джилленхол.

— Ну не томи, Джейки! Говори ужо! — заерзал на месте Леонид.

— Что ты там, сука-бля, видел? — пробормотал Том, недоверчиво глядя на брата.

— Сотню, Томми. С твоим номером телефона! — ткнул брата в грудь Джейк. — Та-дам!

— Чего? — охуел Харди, почувствовав, как сердце бешено заколотилось. — Пиздишь, жидяра!

— Это факт, Томми! Она была там! Клянусь здоровьем Лисоньки! — положил руку на сердце Джейк. — Когда я увидел твой номер на купюре, то не понял — что за хуйня такая? Ты знаком с Ниной? Да еще и в душу ей запал! Как так вышло и почему я об этом не знаю. Но объяснений на сей счет у меня не было, и тогда я решил, что это не важно. До поры до времени. Узнаю — когда придет время. И вот оно пришло. Теперь все стало ясно. Тот мент из стрипухи, которого наша многоуважаемая Нина сегодня полила отборной порцией говна, запал ей в душу. А это значит, что весь ее негатив — не так уж и важен. А еще это значит, что именно ты запал ей в душу. Ну а это уже значит, что узнай она правду — наверняка тебе это будет только на руку. Да, может она сначала психанет, но у

вас же будет отличный шанс расставить все по местам, и в итоге это только будет плюсом в твою копилочку.

— Так, пиздюк, хватит! Все это лишь твои домыслы! Коробка воспоминаний же, а не коробка хороших воспоминаний. Откуда тебе знать, что она хранит там только тех, кто запал ей в душу? Может там есть и место для тех, кто сделал ей некое дерьмо? — перебил брата Том, сам же забившись в агонии умиления. Ведь сомнения, которые он сейчас высказал, были не более чем отмазом. Нина лично рассказала ему тогда в Сиэтле, кого именно хранит в своей коробке. Людей, милых ее сердцу, о которых не хотелось бы забывать.

— Нет, я считаю, надо сказать… — начал было Джейк, подняв указательный палец.

— Так, стоп, сука-бля! Джейки, хватит! Дай мне самому в этом разобраться. Я готов слушать твои советы обдроченные, следовать твоим наставлениям, как правильно вести себя со шкурой. Признаю, в этом я профан, — без шуток и приколов перебил Том. — Но с этой хуйней я хочу разобраться сам. Я это нахуевертил, мне и разгребать. Я как-нибудь издалека попробую у нее это узнать. Может, однажды я и расскажу ей правду. Если вообще что-то выйдет, сука-бля… Но не сейчас. Ладно, Джейки?

Джилленхол скрестил руки на груди и подкатил глаза.

— Ладно, Джейки? — просверлил его взглядом Том.

Повисла стратегическая пауза, во время которой парень из шара обдумывал все возможности в своей пустой хитрой голове.

— Лааадно! — цокнул он. — Но тогда обещай, что будешь слушать, что я тебе говорю в остальном. Я же делаю это ради твоего блага, Томми.

— Хорошо, обещаю. Но обещай и ты, что не будешь лезть в историю со стрипухой, — протянул руку Харди.

— Обещаю, — сжал его ладонь своей Джейк.

— Вторую руку покажи-ка, сука-бля, — прищурился сержант.

— Не скрещивал я пальцы! — достал вторую руку из кармана Джилленхол и демонстративно пошевелил пальцами.

— Это все, конечно, хорошо вы порешали, но я не понял одно… — разбил криком рукопожатие Леонид. — Ребеночек-то в итоге был али не был?

Братья от таких вопросов не то что охуели — ебанулись, а один из них и вовсе упал с кресла, бьясь в агонии незащищенного клубничного секса.

— Леонид, ну что за хуйню ты несешь? — зашикал на бородача Джейк. — Нет у Нины никакого ребенка!

— Ну а что я такого сказал? — округлил плащ Батлер. — Ну Томми же кончил в нее? Кончил! По абортариям мы искали? Искали! Так что в итоге-то? Было чегось или не было?

— Сука-бляяя… — схватился за лысину Том, усаживаясь обратно в кресло.

— Да не было никакого ребенка! Что за чушь, пацаны? — принялся успокаивать Джилленхол. — Я бы знал!

— Так может абортировала она дитятку, да и дело с концом, — пожал плечами Леонид.

— Мы же обошли все абортарии и не нашли ее. Значит, ничего и не было, — процедил сквозь зубы Джилленхол, пытаясь заставить друга прекратить молоть эффектный бред. Но поздно — речи Батлера уже ворвались в мысли Тома.

— А что если правда? Вдруг шмара сделала аборт? — охуевал все хлеще он, сунув разом дюжину сигарет в рот и подкурил — все назло матери! Ведь это она то и дело твердила, что у него сперма инвалида! Ан нет! Может и залетел от него кто-то! Но это пока неточно, надо бы разобраться. А пока Тому стоит покурить побольше, авось сперма и впрямь станет никуда негодной, дабы больше не было таких переживаний.

— И что? Что это меняет? Даже если это и так? — закудахтал феминист из

шара. — Это право женщины — делать аборт, и тебя это касаться не должно!

— Хуясе, сука-бля! — захлопал ртом сержант, пороняв десяток сигарет на скамы, отчего те вспыхнули, как глупые штаны, облитые бензином. — Сука-бля! — с психом вскочил он и стал хлопать себя по ляжкам, дабы потушить пожар. — Хуясе — ничего не меняет! То бишь шкура убила моего ребенка, и это нихуя не меняет, пиздюк?

— Не ребенка, а зародыша. Это, во-первых. Во-вторых, с каких это пор ты стал таким моралистом? — нахмурил пышные брови Джейк.

— Да с тех самых, когда узнал, что старая блядь хотела сделать аборт! — прорычал Харди, докуривая оставшиеся во рту две сигареты.

— А что, по-твоему, Нине надо было делать, когда она залетела от тебя? Рожать в семнадцать и поставить крест на всей своей жизни? М? И где был ты, спрашивается, когда должен был остановить ее от этого необдуманного шага, поддержать и взять на себя ответственность за вашего ребенка? Ответь мне, Томми?

Сержант бросил бычки на любимый пол Декстера, затушил берцем и подкатил глаза.

— А я тебе отвечу где! В то время, пока мы с Леонидом искали девчонку, ты занимался непонятной и нахуй никому не нужной ерундой! — пнул его в колено вьетнамкой Джейк.

— Охуел, пиздюк? — пихнул его в ответ берцем Том.

— Это ты охуел! — залаял парень из шара, схватил диванную подушку и начал пиздить ей брата.

Тот подскочил с места, распетушившись до неузнаваемости, вырвал подушку и запустил ее прямиком в кожаный нос. Тут уже и Джилленхол подорвался с дивана и толкнул Тома в грудак. Так и задрались.

— Так, все, все! Брейк! — втиснулся между братьями-ебанатами плащ Батлера, растолкав обоих по местам. — Вы чаво творите, ироды? Из-за чего сыр-бор? Может и не было никакого ребеночка! А может не делала она никакой аборт? Может просто подкинула на порог больницы или в какой приют…

— Еще, сука-бля, лучше! — вскипел Том, забившись в агонии потерянного малыша-беспризорника.

— Так, хватит глупостей! Скажи, Томми, это и впрямь для тебя так важно? Делала ли Нина аборт, — спокойно заговорил Джейк.

— Да, сука-бля, важно! — состроил раздраженный фирменный еблет Харди.

— И то бишь, узнай ты, что делала — все твои чувство к ней пройдут? Или что? — задал провокационный вопрос прокурор из шара.

— Чувства, сука-бля… — вздохнул Том, но решил уже не отбрехиваться. — Не знаю я… Мне просто надо знать. А что и как будет дальше — не ебу. Может и пройдут, а может и нет. Но знать я это должен! Ведь я не люблю! Когда от меня скрывают подобные вещи!

— Нормально, — возмутительно ухмыльнулся Джейк. — То бишь ты скрывать историю про стрипуху можешь, а она скрывать факт, даже не имеющий к тебе отношения — нет? Так?

— Это, сука-бля, имеет ко мне отношение, — покривил еблищем Харди.

— Но она-то этого не знает! Скажи ей свою правду, может, и интересующую тебя сразу узнаешь! — взывал к разуму Джилленхол.

— Так, закрыли тему! Я сказал, что сам решу этот вопрос, — жестом ладони остановил речи из шара сержант.

— Ладно, решай сам, — осуждающе помотал кожаным носом Джейк.

— Но про аборт знать все же хотелось бы… — покрутил пухлыми губами Том, подняв глаза к потолку. — Спроси у свой пизды. Она должна знать.

— С хуя ли? Не факт, что Нина рассказала бы Лисе такой факт. Она же немного сумасшедшая, забыл?

— Ну да, у нее биполярка, — пожал плечами Харди. — И при чем тут это?

— Да я о Лисе, еблан! — постучал по лбу костяшками Джилленхол. — Она ж буйная! Неизвестно, как бы она отреагировала на подобные вести. Да и не думаю, что позволила бы она Нине сделать аборт.

— Сука-бля, к чему весь этот бред! — хлопнул себя по щекам сержант.

— Ладно, все это совсем не важно! — отмахнулся болтун из шара. — В общем, я найду способ узнать правду. Делала ли Нина аборт, подкидывала ли ребенка в приют, да и вообще, залетала ли. Клянусь, что сделаю это, во что бы мне это не стало! — поднялся он с места и положил руку на сердце.

— В пизду твои клятвы. Просто узнай, сука-бля, — смерил взглядом подкатанных глаз Харди. — Ладно, давайте уже закроем эту тему. Пойду я, сука-бля, отдохну. Покумекать надо.

— Покумекай, покумекай, Томми, — кивнул Джилленхол.

Харди поднялся с места и направился наверх. У лестницы он остановился и обернулся.

— И, кстати, сам подумай, если окажется, что она залетела и сделала аборт, то уверен, что ей стоит знать, кто в этом виноват? — постучал он пальцем по виску.

— Да понял я, блять! Иди уже! Умник хуев! — махнул на него вьетнамкой Джейк.

Сержант показал «фак» и удалился.

— Да уж… Вот те и здрасьте-приехали… — охуевше помотал воротником плащ и улетел вслед за Томом на второй этаж. — Это Спарта! — проорал и Леонид, не найдя более подходящих слов для сложившейся ситуации, и последовал за своей тряпкой.

— Жид, ну ты там скоро? — послышался сверху недовольный голос Лизи. — Я спать! Ты идешь?

— Иду, Лисюш, иду! Ты главное не нервничай, тебе не стоит сейчас… — затараторил Джейк и побежал наверх к многоуважаемой миссис Джилленхол.

Глава 120: Игра

Уже на следующее утро Декстер решил, что ему нужно привести свой организм в порядок, да и вообще, оставаться со всеми этими раздражающими его людьми Моргану как бы и нахуй не надо. Поэтому, собрав чемодан, парень-амнезия отправился в санаторий восстановления памяти, что находился в пресловутом Чарлстоне, что в Южной Каролине. Ковбои же так и не вернулись после похода в стрип-бар. Как рассказал Леонид, Малышу Джимми кто-то позвонил и предложил какую-то бомбическую авантюру, на которую он обязан пригласить и Квентина. Не раздумывая ни минуты, ковбои согласились и уехали.

Так они и остались вшестером в доме, аренда за который была, как оказалось, внесена на месяц вперед.

Как только Декстер переступил через порог, Лизи откупорила бутылку шампанского, и сестры принялись отмечать его отъезд. К ним присоединились и Том с Леонидом. Первому отбытие парня-дырявой-памяти было, безусловно, на руку. Второму же на душе стало спокойнее, ведь в его присутствии он то и дело вспоминал, как Морган примотал его к столу, пытаясь убить, и от этого по плащу пробегал холодок. Теперь же оба почувствовали себя куда более комфортно и расслаблено.

Не расслаблялся лишь Джейк. Он почти все время сидел у камина, поглядывая на Нину и задумчиво потирая подбородок. Порой Джилленхол делал замечания Лизи за то, что та слишком много пьет, да к тому же спаивает и сестру, после чего предлагал ей отправиться проспаться, одновременно с этим подмигивая брату, дабы тот уже сам налил Нине шампанского. Лизи же в свою очередь лишь крыла мужа хуями, заявляя, что тот не имеет права мешать им отмечать столь радостное событие. Том же беспрерывно щелкал ебалом, не в силах сосредоточиться на флирте, ведь его не на шутку волновал вопрос — имел ли место в жизни Нины аборт? Ну а Леонид в этой компании был и вовсе не пришей к пизде рукав. Он то выпивал с сестрами, то пек хуеву гору пирогов, которые никто не ел, то подходил к Джейку и как бы невзначай выведывал по просьбе Тома — не придумал ли уже он, сука-бля, как узнать про обдроченный аборт? Джилленхол лишь жестом ладони показывал, что нехуй его отвлекать от мыслительного процесса, и пусть Харди не забивает голову, а уже займется делом! А именно, начнет уже без всяких шуток и приколов окучивать Нину. Остался в доме еще и Тирион, который был еще более лишним в этой компании, и совсем не знал куда себя приткнуть. Поэтому по классике впаривал всем и каждому свои дражайшие маленькие вебинары, за что был послан на хуй немереное количество раз.

Так и провели пару дней, пока в светлую голову Джейка Джилленхола не пришла, наконец-то, идея.

— Пацаны, ну надоело уже без толку бухать да нюхать, — заявил он, когда день был на исходе и на Сан-Франциско опустились сумерки. — Давайте хоть как-то развлечемся. Поиграем может во что-то…

— Ну можно… Давай… А во что… — без особого желания послышалось там и тут.

— Предлагаю, сука-бля, в покер, — накинул вариант сержант и полез в карман за фишками. — Или на бабки?

— Рот закрой! Не лезь, куда не просят, — прошипел парень из шара, пихнув брата локтем под ребро. — Ну так что, нет ни у кого вариантов?

— Может в твистер? — предложила Нина, пожав плечами.

Том уже было заерзал на месте, предвкушая, как в игре ему удастся невзначай потрогать заветные ключицы. На большее он готов пока не был —

мало ли, вдруг эта клубничная сука сделала аборт. Тогда он совсем не уверен, что хочет чего-то еще от нее. Но прикоснуться к ключицам он бы при любом раскладе не отказался.

— Нет. Тирион подвернул ногу и не сможет играть в твистер. А мы все же одна компания, как-то негоже выйдет, если мы будем веселиться, а он — нет, — лаял незнамо что Джилленхол. — Так ведь, Тирион?

Карлик что-то невнятно простонал, свернувшись клубком на диване. Ведь сегодня на обед он отведал рыбную кулебяку Батлера, и теперь у него до невозможности скрутило крохотный желудок.

— Ну вот! Видите — негоже, — артистично опустил уголки губ парень из шара. — Ну что ж, если вариантов больше ни у кого не имеется, то дядя Джейк предложит свой. Сыграем в «Я никогда не…» Ну а что? Игра на выпивание, что может быть веселее? Так ведь, Лиса? — бросил он гневный взгляд на жену, которая опрокинула в рот клубнику из только что опустошенного ею бокала шампанского.

— Валяй, Волчонок, я не против! — лайкнула Лизи, пережевывая хмельную ягоду.

— Ну раз ты не против, Лиса, то конечно давай играть, — саркастически улыбнулся Джилленхол. — Нина и Томми тоже не против? Не против! Значит, я начну. Все же знают правила? Один говорит, что он никогда в жизни не делал, и если кто это делал — тот пьет.

Все согласно закивали и обновили бокалы, подготовившись к первому раунду.

— Ну, давайте для примера начнем с легонького, — поднял безбожно красивые синие глаза к потолку Джейк, как бы придумывая, что сказать. — Я никогда не занимался сексом с мужчиной.

Выпили сестры и…

— Леонид? — хором охуели братья, когда Батлер сделал глоток мартини.

— Ой! Чегось? — замешкался бородач, попехнувшись. — Батюшки свят! А мы уже начали? Я и не понЯл! Просто в горле что-то пересохло… Жарко тут, да?

— Леонид, давай повнимательнее, — осуждающе помотал ушами Джейк. — Так, ну и давайте договоримся — отвечаем честно. Как бы стыдно не было, как бы не хотелось что-то скрыть. Здесь все свои, и никто никого не осудит. Так ведь, Томми?

— Так, сука-бля, — поводил глазами из стороны в сторону Харди, который, кажется, понял истинную цель жидовской игры.

— Вот и славно. Тогда продолжаем, — хлопнул в ладоши Джейк.

— Давайте я! — подняла руку Нина. — Я никогда не…

— Нина! Подожди, давай я все же начну. То ведь был разминочный раунд, Леонид вон, например, даже и не понял… Так что моя очередь опять, — перебил Джилленхол. — Я никогда не… Хм… Что бы, что бы… О! Я никогда не делал аборт!

Харди хлопнул себя по лбу и опустил ладонь на глаза, ведь был уверен — план брата близок к провалу. Ну это ж надо так с ходу беспардонно задавать вопросы!

Ан нет! Никаких возмущений не последовало. Все трое парней выжидательно уставились на Нину.

— Что? — приподняла та бровь.

Джейк быстро перевел прищуренный взгляд на Лизи, как бы изображая, что ее ответ его тоже страсть как волнует.

— Ну мы договорились же, что все будут честны, да? — напомнил Джилленхол. — Никто вас не осудит, девчонки. Что тут такого, правда ведь?

— Ясен хуй ничего такого. Я считаю, что это право каждой. Мое тело — мое дело, — стала рассуждать Лизи. — Если бы был в моей жизни такой случай, я бы

призналась. Не вижу в этом ничего предосудительного.

— Согласна, — кивнула Нина. — Все же разные ситуации у всех бывают. Благо, что я не вляпывалась в подобную хуйню. Ибо не хотелось бы вставать перед подобным выбором.

— Да, это конечно пиздец, иначе и не скажешь, — призадумалась Лизи. — Даже и не знаю, как бы я поступила, нежеланно залетев…

— Я вот думаю, что не смогла бы… — размышляла Нина. — Нет, я не осуждаю тех, кто принимает подобные решения, но сама все же не стала бы.

— Да, я, пожалуй, все-таки тоже, — согласилась Лизи. — Ну если не считать там всяких изнасилований и прочей шляпы… А так, обычный залет — нет. Да и смысл? Все же у нас обеспеченные родители, уж явно справились бы с обеспечением ребенка.

— Да если наша мать только узнала бы о подобных мыслях, то ее бы тут же хватил инфаркт! — усмехнулась Нина. — Она ж у нас православная, уж точно бы не дала совершить подобный «грех», — нарисовала она в воздухе кавычки.

— Это уж точно! — ухмыльнулась и Лизи. — По ней уж лучше родить по малолетке, чем сделать аборт.

— Ну в этом я с ней согласна. Нахуй такие сомнительные процедуры, — поморщила нос Нина. — Кто знает, как это отразится потом. А то можно и вообще без детей остаться. В пизду…

— Ага… — закивал дознаватель из шара и перевел взгляд на брата. — Ну что ж, раз вы так говорите, то у нас нет оснований не верить. Так ведь, Томми? — приподнял он пышную бровь и подмигнул.

— Так, сука-бля, так… — бестолково улыбнулся Харди, пытаясь делать вид, что все эти рассуждения ему совершенно не интересны.

«Послушай, Том, фуууух… Ну, кажется, все-таки не было никакой подобной шляпы. Раз она так рассуждает об этом. Похоже, что и впрямь она не стала бы делать аборт… Ох, прям, сука-бля, камень с души…» — подумал сержант, протяжно выдохнув, а затем закурив.

— Так, давайте я теперь! — расправила плечи Лизи, как бы готовясь к речи.

— Лиса! Что ж ты лезешь везде! — цокнул Джейк, оскалившись.

— Иди нахуй, жид ебучий! Моя очередь! — отвесила она ему пощечину. — Я никогда не принуждала никого торговать людьми! — выдала она и презрительно уставилась на Харди.

Тот скривил непонимающее еблище и развел ладони в стороны, как бы давая понять, что не понимает, о чем речь. Лизи же не сводила с него взгляда, ожидая, когда эта сержантская псина сделает признательный глоток. Но тот никак не пил, зато выпил…

— Джейк? — перевела охуевший взгляд на мужа Лизи. — Что за…

— Ну мы же договорились честно, — пожал плечами Джилленхол. — Ладно, об этом потом. Чья там очередь?

— Моя! — вставилась Нина. — Я никогда не целовалась с девушкой.

Том от таких ебливых вопросов аж сигаретным дымом поперхнулся и забился в агонии вынужденной лжи, ведь признаваться в девственности своего пухлого рта — ой как не хотелось. И хоть все и договорились быть честными, но все же кто узнает, соври он. Том уже поднес стакан с виски к губам, как вдруг…

— Лиса? Ты хули пьешь? — взвизгнул Джейк, возмущенно уставившись на Лизи. — Ты что, сосалась с девчонками?

— Ну мы же договорились честно, — съерничала Лизи, покривив лицом.

— И много я еще о тебе не знаю? — прищурился парень из шара.

— А я о тебе? — похлопала ресницами Лизи. — Чья там очередь? Леонид, накидывай свой вариант!

— Я никогда не обоссывалси во сне, — пизданул глупость Батлер, не зная, чего еще он точно не делал.

— Сука, — выругался Джилленхол, опрокинув в рот стопарик и задержав алкоголь за щеками. Все остальные же нихуя не выпили, и кто с осуждением, а кто с усмешкой уставились на парня из шара.

— Какого хуя, жид? — продолжила быдлить Лизи.

— Ребята, ну мы же договорились честно! — с полным ртом вискаря забубнил Джейк. — Будто никто из вас не был маленьким! Уж не поверю, что никто не ссал в штаны в детстве!

— Я имел ввиду не то, — цокнул Леонид. — Не когда мы были дитятками я имел ввиду!

— А, ну тогда все в порядке, я не ссался, — выплюнул спиртное обратно в рюмку Джейк из шара. — Кто дальше? Томми, твоя очередь.

— Ээээм… — задумался Харди, ведь не придумал, что спросить, ибо по сути, главный вопрос был выяснен, а все остальное было не так уж и важно. Но тут идея сама пришла в контуженую голову. — Я никогда не кормил касаток, — пизданул он ненавязчивую пасхалку.

— Я бывал на такой ерунде, — обыденно крикнул Леонид и выпил. — Было зябко…

— И я не кормила, — пожала плечами Нина. — Хотя, наверное, это прикольно. Я б съездила. В Сиэтле, кажется, есть такое развлечение, да? — обратилась она к сестре.

— Я ебу? — развела ладони в стороны Лизи.

— Ну, на самом деле… — хотел было что-то сказать сержант, но был перебит. Жаль, теперь никогда не узнать, что там было «на самом деле».

— Считаю, что вы должны выпить, девчонки, ибо это как-то несчетово! Акул то вы нет-нет да покормили в ЭлЭе, когда случайно убили того картавого пидора и его невесту — Вэлари Браун, и скинули их тела в океан.

— Еблан! То были акулы, а Том Харди спросил про касаток, — покрутила у виска Нина. — То рыбы, а то млекопитающие. И вообще, рассуждаешь прямо как Винс!

— Кто еще такой этот ваш Винс? — раздвинул в стороны пышные брови вопрос из шара.

— Ой, один рыжий еблан, с которым жарилась Лизи, — отмахнулась Нина. — Он все еще желал затащить ее под венец. Да так сильно, что нанял хуева Декстера, дабы тот вытащил нас из-под ареста, когда нас схватили мусора, а потом и вовсе Винс и его брат повезли нас в Портленд, дабы там мы залегли на дно. И Винс даже не чурался запятнать свою карьеру, проделывая всю эту дичь. К слову, он был детективом убойного отдела. Вот что любовь с людьми делает, — развела она ладони в стороны.

— Нина, нахуя? — дерзанула Лизи и отвесила сестре пощечину — за что — непонятно.

— Охуеть, Лиса! Все новые и новые подробности про тебя всплывают! — охуел Джилленхол. — С ментами она шоркалась, ну надо!

— Это еще не все мусора, с которыми она жарилась для нашей выгоды, — продолжила раскрывать карты Нина. — Однажды она потрахалась с таким чуваком, что хоть стой, хоть падай! Мало того, что он был, кажется, лейтенантом полиции — все хуйня, по сравнению с тем, что у него были золотые зубы и подведенные глаза!

— Нина, ну ёб твою мать, какого хуя ты рассказываешь все это? А главное, кому? — обвела она ладонью парней.

— Правильно все делаешь, Нина, — протявкал Джилленхол. — Давай, расскажи, с кем еще трахалась там Лиса!

— Да много с кем, — непринужденно продолжила Нина. — Но Джонни, как по мне, был самым зашкварным.

— Зашкварным? Может, вспомним ебланов, что были у тебя? Мм? — не на

шутку завелась Лизи. — Да тут и вспоминать не надо! Один Декстер чего стоит! А тот нефтяной еблан, а? Так он, кажется, делал? — поджала она губы и посмотрела в сторону, изображая некоего нефтяника по имени Тоби.

— Лейтенант Джонни… Золотые зубы, подведенные глаза… — размышлял Харди, не слушая остальной бред. — Депп что ли? — щелкнул он пальцами.

— Ну да, все верно, Джонни Деп, — кивнула Нина.

— Просто прелесть! — ударил по ляжкам Джейк. — Лиса, ну какого черта? С Джонни она жарилась! И как, спрашивал он тебя точно ли тебе с ним хорошо?

— А что ты так психуешь? Все это когда было? И вообще, иди на хуй, — показала «фак» мужу Лизи.

— Так, а тут что, все знают Джонни? — удивилась Нина.

— Знаем, знаем, — подтвердил Батлер. — Он с Томми работал, а еще и экзамен у него принимал.

Сестры в недоумении уставились на сержанта. Братья же, в свою очередь, на друга, охуевая над той хуйней, что он эффектно так сморозил, и забыв о вопиющей близости между Джонни и Лизи.

— В смысле работал с Джонни? В смысле экзамен у него принимал? — хором спросили сестры.

— Ой, сука-бля, он какое-то время у нас работал в шараге охранником. В то время он вроде как был разжалован. Ну, Джонни так говорил, — быстро выкрутился Харди

— А экзамен Джонни у Томми принимал по вождению, — сбрехал Джилленхол.

— По вождению? Вы же только на днях говорили, что псина не умеет машиной управлять, — с прищуром уставилась на мужа Лизи.

— Ну так никто и не говорит, что он сдал тот экзамен! — залепетал Джейк. — И никто не говорит, что он в принципе ходил на занятия по вождению. Сразу припиздил на экзамен и доехал лишь до первого столба! Вот и все! Вся история!

— Так Джонни еще и инструктор по вождению? — приподняла бровь Нина. — Нахуя ему столько профессий?

— А тебе нахуя? — дерзко спросил Джейк, дабы уже скорее съехать с этой щепетильной темы, которая рискует выдать его мусорского брата с потрохами. — Ты-то сама как переквалифицировалась из спортсменки в стриптизершу? Нечего сказать? Ну тогда и не суди Джонни, ибо не суди, да не судима будешь, Нина! Ладно, давайте дальше, теперь очередь дяди Джейка. Итак! Я никогда не подбрасывал детей на порог церкви, больницы или приюта!

— Сука-бля, нахуя? — еле слышно процедил Харди, с силой пнув берцем брата под столом. Ведь парням и так уже стало понятно, что никаких детей у Тома не было! Но раз дядя Джейк обещал выяснить каждый вариант, то он так и сделает! Человек слово, не иначе!

— Ауч, — вскрикнул Джилленхол, потерев место удара. — Так что? Никто не пьет? Ни с кем не было такого?

— Да ты ебанутый! — никак не унималась верещать Лизи, отвесив мужу оплеуху. — Что на тебя нашло, зачем ты спрашиваешь это говнище?

— А что тут говнистого?! — округлил рот бубликом парень из шара.

— Ну может то, что ты знаешь, что ни у кого из присутствующих нет детей, — подкатила глаза Нина.

— А может были, но кто-то таким вот образом избавился от ребеночка и теперь бедолага гниет в детском доме, кушая баланду, — отстаивал свою точку зрения Джилленхол.

— Блять, жид, иди проспись, ты сегодня невменяем! Ну хотели же нормально поиграть! Нет, ты все портишь своим бредом! — возмущалась Лизи.

— Портишь все своим бредом — ты! — парировал адвокат из шара, выставив указательный палец на жену.

— Сука-бля, да хорош уже, а, — вставился Том, заебавшийся слушать скандал Джилленхолов.

— Слушай, а ты что лезешь не в свое дело? — бросила на него разъяренный взгляд Лизи. — А, кстати, я никогда не принуждала младшего брата пойти работать курьером, дабы он хоть как-то заработал деньги и купил для меня дозу героина!

— Лизи, что за ерунда? — хлопнула по лбу Нина. — У нас же и брата младшего нет…

— У нас может и нет, а у этого есть! — кивнула на Харди Лизи, продолжая уничтожающе смотреть на него. — Так что же ты не пьешь, мм?

— Может, сука-бля, потому что не причастен к твоему ебланскому вопросу, мм, пизда? — передразнил Том.

— И то верно, что опять за хуйня, Лиса? Томми никогда не заставлял работать меня курьером, чтоб я заработал ему на героин, — агрессивно пожал плечами рассказчик из шара.

— А не ты ли мне рассказывал эту хуйню? — перевела раздраженный взгляд на мужа Лизи.

«Какого хуя, жидяра?! Зачем ты рассказывал про меня всякую ёбань?» — мысленно взорвался Харди, ментально обратившись к брату.

«Томми, не визжи, так было надо! То были временные вынужденные меры. И это было давно, в ту пору, когда мы с тобой не общались! — похлопал неимоверно прекрасными ресницами Джилленхол, уставившись на сержанта щенячьим взглядом. — Сейчас я такого и не думал про тебя чесать! Напротив, я всем только и делаю, что внушаю, что ты лучший из людей!»

«Урод ебаный! — мысленно показал ему «фак» Том. — Ладно, проехали эту тему. Но больше, сука-бля, так не делай!»

«Обещаю!» — показал большой палец сплетник-выдумщик из шара.

— Ты ответишь? — пихнула мужа в плечо Лизи.

— А что тут отвечать? Просто ты как всегда провитала в облаках, что-то где-то краем ухом услышала, не так поняла… А теперь все это при всех говоришь, да еще и меня пытаешься уличить непонятно в чем, — совсем забрехался Джилленхол.

— Что-то не припомню, чтобы когда-то такое было, — съязвила Лизи.

— Действительно, зачем ты обвиняешь Лизи? Вот Том Харди мне как-то говорил, что половина твоих слов — пиздеж ебаный, — внесла свою нахуй сейчас не нужную лепту Нина.

— Сука-бля, зачем ты это пизданула? — ударил себя по лбу сержант, ведь не хотел, чтобы сейчас все ополчились на младшего брата. Все же Джейк помог Тому с вопросом про аборт, а на него теперь все пиздят, а между делом получается, что и сам сержант пиздит, хотя этого и не хотел.

— Прекрасно! А почему ты раньше мне это не рассказала? — переключилась на сестру Лизи.

— Я говорила, но ты, видимо, не услышала…

— То бишь — витала в облаках! — вставился Джилленхол. — Посему приходим к выводу, что Лисонька пьяна и ей не мешало бы проспаться!

— Хорошо, блять, пойду и просплюсь! — вскочила со стула Лизи. — Ведь не вижу смысла играть в эту дурацкую игру, когда один из игроков, очевидно, лжец! Но все же напоследок скажу. Я никогда не вводила в заблуждение свою вторую половинку!

— Ну, не такой уж и лжец! — усмехнулся парень из шара и опрокинул рюмку. — Вот — выпил же, а значит, все в этой игре было взаправду.

— Жид ебаный! — психанула Лизи схватила свою рюмку и нарочито вылила на бестолковую макушку Джилленхола.

— Охуела?! — подскочил с места и Джейк.

— В пизду, доброй всем ночи! — махнула ладонью Лизи и поспешила в сторону лестницы.

— А ну стой, Лиса, мы не договорили, что за выходки? — побежал за ней и Джейк.

В комнате воцарилась неудобная лишняя пауза.

— Чем теперь займемся? — решила разрядить обстановку Нина, поочередно посмотрев на парней.

— Можить, кино какое зыркнем? — спустя пять минут внеочередного молчания предложил Батлер, заебавшись смотреть на друга, который бился в агонии придумывания вариантов. — Мне тут на днях один мой товарищ с интернет-форума как раз рассказывал об одном.

На том и порешали. К просмотру был представлен не на шутку романтическо-драматический фильм «Один день» с Сетом Роганом в главной мужской роли и Мэттью Макконахи — в главной женской. Ибо еще со времен древней Греции так и было заведено, что актерами были лишь мужчины. Так и пронесли эту традицию и по сей день во всем мире. Ну а зачем менять то, к чему все привыкли, правильно? Нет, конечно, порой женщины пробовали себя в кино, и нет-нет да выходили картины с их участием, но в большинстве своем такие киношедевры не пользовались у публики успехом.

Во время просмотра со второго этажа слышалась сначала ругань Джилленхолов, плавно перешедшая в сладостные стоны и громогласные вопли. То бишь — они ебались. То бишь — помирились.

Фильм уже подходил к своему драматическому завершению, когда Том почувствовал тяжесть на плече. Он аккуратно покосился и приметил, что Нина, сидевшая все это время рядом, положила ему на плечо голову. Сержант затаил дыхание, побоявшись пошевелиться. Что нужно сделать в ответ? Обнять ее? Не увидит ли она в этом некую сексуальную подоплеку? Но все же она первая начала. А если он ничего не сделает в ответ — не будет ли это смотреться, что она ему безразлична и неинтересна? Ох, что же делать? Что же делать?!

Обдумывая эту ерунду, Том вновь посмотрел на девушку и только теперь приметил, что та уснула. Черт возьми, так это она случайно уронила голову! Обидно, конечно, ведь Харди думал, что это знак внимания к нему.

Ну ничего, раз она спит, то тогда и Том обнимет ее, все же, как не крути, хочется это сделать. Так и поступил. Осторожно притянул ее поближе, отчего голова девушки переместилась к нему на грудную клетку, затем обнял и погладил по светлым волосам, цвет которых ой как приглянулся мэру Чарлстона. Сержант Харди так загляделся, так залюбовался, что совсем не заметил, как рядом громогласно завывал Леонид, кручинясь над концовкой фильма и смачно высмаркиваясь в алый плащ.

«Послушай, Том, послушай… Все же это удивительно. Кто бы мог подумать, что Эми и Нина это один и тот же человек? Значит, вы были уже знакомы давно, и кто знает, сколько раз могли пересечься, но не встретиться… И то, что вы были друг у друга первыми — пиздос как сентиментально! Она же запала тогда тебе в душу, а потом спустя столько лет — опять. Больше у тебя такого ни с кем и не было… Не это ли судьба, Том? Не это ли счастье? — размышлял сержант, убрав прядь волос с лица девушки. — Сука-бля, и тогда в стрипухе все было хорошо, а ты, еблан, все испортил. Да не просто испортил, а сломал ей судьбу! Кажется, именно по твоей вине она жарилась со своим братом и еще с какими-то нахуй ей не нужными ебланами! Сука-бля, Том, какой же ты уебан… Думал, что она поимела тебя, а вышло все наоборот… Но сейчас-то ты можешь все исправить, верно? Ты можешь реабилитироваться и осчастливить ее. Ведь, все же, кажется, ты ей тоже не безразличен. Ёбаный ты в рот, и что же делать? Так, для начала, наверное, стоит пойти издалека и ни в коем случае не начинать отношения с ебли, ибо в прошлый раз ни к чему хорошему это не привело! Да,

Том, именно так ты и поступишь. Сука-бля, только как вообще что-то начать? Непонятно… Ладно уж, разберемся…» — думал он и сам не заметил, как заснул за этими ванильно-клубничными размышлениями. Ох, с утра, кажется, будет неудобно, ведь ты не убрал девку со своего грудака! Ладно, что поделать, может это окажется плюсиком в твою копилочку, а может и нет. Видно будет.

Глава 121: Прием

Проснувшись на следующий день, Том решил непременно приступать к своему ебаному плану по реабилитации себя же перед Ниной, или Клубничной Эми. Посему, любезно предложил ей выпить и пообщаться. Ну что сказать — правильной дорогой пошел! Налить девушке — не это ли счастье? Так и начали пить. Вскоре к ребятам присоединился и Батлер, который продолжал чувствовать себя до безобразия лишним на этом празднике жизни, но и уезжать так рано — тоже не хотелось. Уж шибко хотелось узнать, что же будет между другом и девкой дальше? Закрутится что-то али нет? А может и вовсе его эффектная помощь пригодится? Поэтому да, лучше пока остаться.

Джилленхолы же вниз так и не спустились. Ближе к обеду сверху вновь начали доноситься сладостные стоны, а потом опять наступила тишина.

Спустя еще какое-то время вниз спустился крайне раздраженный Джейк. Даже и не поздоровавшись с ребятами и что-то бурча под кожаный нос, он подошел к Тириону, что-то пизданул ему и протянул сотню баксов. Карлик покривил минималистичным лицом, помялся, спрятал денежку в еле заметный карман кардигана, а затем последовал наверх. Спустя мгновение за ним покрался и Джилленхол, перетирая ладоши будто глупый помойный енот.

— А еще в свободное время я люблю играть на бирже. Скупать и продавать акции — очень, сука-бля, интересно. Могу и тебя научить, — молол хуйню пухлым ртом Том, рассказывая Нине о своем обдроченном хобби.

— Блять, пиздец, сейчас что-то будет! — ворвался в кухню запыханный Ланнистер, невозмутимо поправляя на шее миниатюрное жабо.

— В чем дело, Тирион? Обдолбался? — приподняла бровь Нина, пытаясь рассмотреть источник писклявого голоска, но это было попросту невозможно — карлик был ебейше мал и неприметен, особенно в своем кардигане цвета хаки.

— Что-то случилось? — поинтересовался Том, решив показаться милым и показать Нине, что его не на шутку волнуют проблемы карлика.

— Если что, меня тут нет, — попытался юркнуть в мышиную норку под плинтусом Ланнистер, дабы на какое-то время залечь на дно. Но юркнуть туда ему не удалось, ибо голова была огромных размеров — даже больше, чем у среднестатистического здорового человека.

— Томми! Леонид! Я хочу вернуться на свою малую родину! — уверенно проорал Джейк, неуверенно ввалившись на кухню.

— В Нампу что ли? — пизданул Харди, надевая маску и отряхивая чипсы с воротника дубленки и даже не замечая, как за всем этим заворожено наблюдает Нина. Уж дюже красиво у Томы получалась эта манипуляция. Слишком эстетично!

— Так, я не понял, кто обидел девицу? Негоже обижать дам! — указал Леонид мачете на плачущую Лизи, неприметно ворвавшуюся на кухню вслед за Джилленхолом.

— Она нюхала с другим! Нюхательная шлюха! — наигранно завизжал Джейк, яростно указав на нее псиным пальцем.

— И что? — нахмурилась Нина, не понимая жидовьего прикола.

— Как что?! Как что?! — заорал Джилленхол. — Тут что, никто не знает три главных правила верной жены? — посмотрел он на публику, нахмурено уставившеюся на парня из шара. — Правило номер один, — сказал он подкатив глаза и загнув палец. — Никогда нельзя нюхать кокаин, или потреблять какие-либо другие наркотики, с другим мужиком!

— Чегооо? — возмутилась Нина. — Что за бред? Ты ж и сам сколько раз нюхал со мной без Лизи!

— Это все не то! — нарочито затопал Джейк, разорвав перепонки на

вьетнамках. — С родственниками можно! Мне можно нюхать с тобой, с вашей мамкой или бабкой! Лисе, в свою очередь, можно нюхать с Томми, ибо он мой брат! Второе правило — если уж и потребила с кем еще, то будь любезна — пойди и пососи своему мужу! — гневно стрельнул он взглядом на охуевающую Лизи. — И, наконец, правило номер три…

— И, наконец, правило номер три — угомонись, пиздюк! — передразнил его Харди голосом принца Гарри. — Что, сука-бля, за ебала?!

— Ах ебала?! Ебала, Томми?! — взорвался Джилленхол. — Посмотрим на тебя, когда в этой ебале окажешься ты!

— Ты, сука-бля, серьезно? — механично усмехнулся Том.

— Серьезно! — рявкнул Джилленхол. — А тебе спасибо за поддержку, брат! — артистично поклонился он. — Я ради тебя, можно сказать, собой жертвую… А ты! Впрочем, похуй! Я ухожу! И не надо меня искать! Особенно в Сиэтле!

Джейк показал присутствующим «фак» и выбежал из дома, громко хлопнув за собой дверью. Лизи же рухнула на колени, закрыла лицо ладонями и завыла словно глупая умирающая белуга, видящая рассвет в последний раз в жизни.

— Успокойся, он сейчас подышит свежим воздухом и вернется, — подорвалась к ней Нина и крепко обняла. — Все хорошо будет. Побесится и успокоится, — пыталась она утешить сестру, поглаживая по волосам.

— Он ушееел…. Ушел навсегдааа! — завывала Лизи.

Сержант же Том раздраженно топал берцем под столом. Ведь, во-первых, не понимал, что это тут устроил его брат и нахуя? А, во-вторых, не стоит забывать, что Том не любил! Женских слез. А тут целая истерика с воем! Ну кому это может понравится?

— Прекрати орать! Хай погуляить! — заорал Леонид и принялся вливать водку по мачете в томатный сок. — На-ка — хлебни! — поднес он на кончике лезвия стакан Лизи.

— Спасибо, — всхлипывая, прошептала та и осушила стакан до дна. — Аууууу, — поморщилась она, уткнулась в локоть и вновь зарыдала. — Нееет! Он ушееел!

— Так, кажется, я знаю способ, как ее успокоить, — повернулась к парням Нина. — У кого-нибудь есть травка?

— Ох! Благость-то какая! У Томми есть! — приветливо закудахтал Леонид, указав мачете на друга.

— Заткнись, сука-бля, — зашипел Харди, притянув к себе за бороду друга. — Да от этой травы ей сейчас вообще придет пизда!

— Что ты там бормочешь? — дерзко спросила Нина. — Тебе жалко что ли? Если да, то мне не впадлу поехать и купить для сестры травки!

— Ладно, сука-бля, ладно, — укоризненно помотал головой сержант, доставая из внутреннего кармана дубленки увесистый пакет марихуаны. — Курите, но я предупреждаю — она сильная. Более чем. Сам ее выращиваю. Так что потом не надо подходить и предъявлять мне, — протянул он пакет Нине. — Хотя, ладно. Сержант сам, сука-бля, забьет, — достал он из дубленки бонг.

Харди накурил сестер, затем пыхнул сам, а напоследок пригостил и Батлера. Так и раскурились.

— Слушай, так я не поняла, что произошло? — поинтересовалась Нина у укуренной расслабленной сестры. — Что устроил шаровой? Что за приколы такие?

— Сама нихуя не понимаю, — добродушно пожала плечами Лизи, залипнув на стакан виски. — Хотели понюхать, потом Джейк отошел, зашел карлик, попросил понюхать, вернулся жид и закатил скандал и сами знаете по какому поводу… Совсем не понимаю, что на него нашло, — поведала она, в который раз набрала Джилленхолу, но абонент из шара упорно продолжал не брать трубку.

— Хуйня какая-то, — отрезал Батлер. — Чай опять что-то замыслил?

— Да что уж тут мыслить-то? — пробормотала Лизи и посмотрела на сержанта. — Слушай, а ты не можешь ему позвонить? Может, с тобой на связь выйдет? Вы же все-таки братья, и как я понимаю — близки друг другу, так?

— Ну да, сука-бля, близки. Ладно, давай попробую набрать, пизда, — вздохнул Харди, достал из накладного кармана скамов мобильник и набрал брату.

Прошло всего пару гудков, после которых пошли короткие.

— Сбросил, — пояснил за звонок Том.

— Ну тебе хотя бы сбросил, хоть какая-то активность, — тяжело вздохнула Лизи и рада бы была вновь поплакаться, но марихуана подействовала таким образом, что сразу же отмела сей вариант.

Вдруг айфон Харди пиликнул, оповестив о входящим сообщении. Сержант быстро пробежался глазами и решил прочесть вслух.

— Это Джейки. Пишет, что у него все нормально, что просто хочет побыть один, — меланхолично прочел он.

— Все, блять, нормально, — миролюбиво съязвила Лизи. — Охуенно нормально все! Просто!

— Том Харди, дай покурить ей еще. Видишь, у человека стресс. Сейчас еще взорвется. А ты поверь мне — агрессивная Лизи — это пиздец, — пихнула локтем в бок сержанта Нина.

Так все раскурились вторично, и вскоре уже беззаботно смеялись над оглушительными шутками Леонида про Элтона Джона и его бывшего — миллиардера Энтони Хопкинса.

— Эй, а ты все-таки можешь порой снимать маску? — непринужденно спросила Лизи, обратившись к сержанту и подкурив сигаретку.

— Ну я же должен питаться и пить пиво, и еще мою любимую Пина Коладу, сука-бля. Не шприцем же я ее буду в себя вводить! А как же мне курить, по-вашему, в конце-то концов? — возмутился Том.

— А я думала, что ты, так же, как и Джейк, не куришь, — с неподдельным удивлением изумилась Лизи.

— Да ты чай шутишь? — усмехнулся Леонид, наливая для всех по очередной порции рома, на который ребята не так уж и давно перешли. — Томми уже три дня смолит тут как паровоз!

— Блять, Лизи, внатуре, ты чего? — охуела и Нина. — Он с нами все дни без маски почти тусовался. Курил как не в себя, да еще и бухал. Ну ты чего, а?

— Действительно, сука-бля! А на счет курева… Мать вечно твердила мне, что курить опасно для здоровья… Мразь! Никогда не брошу! Назло ей буду курить! — яростно ударил Том кулаком по столу и закурил. — А что касаемо маски, — затянулся он и расслабился. — Я, конечно, мог бы вообще без нее ходить, ведь могу дышать самостоятельно, но сами понимаете — имидж!

— Имидж, блять, — усмехнулась Нина. — Ты и жаришься в ней, что ли? Что за БДСМ-имидж такой?

— Ну, вообще, да — в ней, — пожал плечами Харди. — Но для некоторых, я могу сделать и исключение, — заигрывающе сказал он, подмигнув Нине. Девушка непонятливо приподняла бровь, а затем задорно улыбнулась.

— Ты мне тут сейчас доподмигиваешься! — воскликнула Лизи, помотав пальцем, будто бестолковая теща.

— Да ладно, сержант шутит, — отмахнулся Том. — Или нет? — усмехнулся он и вновь подмигнул Нине. — Да ладно, шучу я, шучу. Хотя… Ты же должна мне за футболку? — в третий раз подмигнул он девушке. — Да ладно, прощаю, ничего ты мне не должна! Нууу… Только, если совсем чуток, за то, что не перезвонила, например, — в четвертый раз подмигнул он.

— Тик что ли нервный? — ухмыльнулась Нина. — Ладно уж, как-нибудь

сочтемся, — четыре раза подмигнула она в ответ, а сержант Том забился в агонии пародии на себя.

«Послушай, Том, нахуя ты все это пизданул?! Сука-бля, ну обещал же не курить эту траву в таких количествах! Кажется, из-за твоей глупости провал близок!» — охуевше подумал Харди.

Повисла неловкая пауза, длящаяся минуту.

— Томми, — решил спасти друга из глупой ситуации Леонид. — Может, я вам всем наведу Пина Колады? — и, не дожидаясь ответа, он подошел к миксеру. — Или может Пина-Харди?

— Что еще за Пина-Харди? — хором удивились сестры.

— Длинная и неинтересная история, — отмахнулся Том. — Если коротко, то Леонид подарил мне этот уникальный коктейль на Рождество много лет назад. Так что, давай-ка лучше я сделаю этот напиток, Леонид. Хоть ты и придумал его, но у меня он выходит куда пизже! — пояснил он за Пина-Харди и пошел наводить хваленый коктейль.

— Ммм… — почмокала губами Лизи, наконец, испив Пина-Харди. — Какая вкуснятинка!

— Ммм… Какой же милый вкус! Такой хорошенький! — начала нелепый флирт Нина. Сержант же, не на шутку покраснев, поспешил встать и удалиться, побоявшись вновь влипнуть в неловкую ситуацию.

Леонид Батлер лишь беззвучно засмеялся над поступком друга.

«Послушай, Том, что же ты творишь, какого хуя ушел? Она с тобой флиртанула? Это как бы ты милый? Как бы ты хорошенький? Сука-бля, ты укурился в хлам! Ляг и проспись! Придумываешь абы что!» — отдал он себе приказ, разделся и лег в кровать, укрывшись одеялом.

Так прошло пару минут, во время которых Харди бездумно наблюдал за мухой, летающей под потолком.

«Послушай, Том, все же это был флирт! Тебе надо вернуться, а то как-то неудобно выходит. Ты поступил пиздос странно, уйдя с тусовки. Наверняка, Нина решит, что ты еблан, если не вернешься, а просто ляжешь спать. Ну такое получается. Разве так вы сблизитесь? Так, вставай и иди обратно, пора брать шкуру в оборот! И вообще, уже пора бы что-то придумать на счет ключиц, ты просто обязан если уж не посмотреть на них, так потрогать! И не одевай дубленку, жарко же, ну!» — побредил он, вылез из-под одеяла, наспех оделся, принарядившись в солидную черную тенниску, и вновь вернулся на кухню, пыша направо и налево непонятно откуда взявшейся уверенностью.

Через полчаса Лизи сказала, что устала и хочет отправиться отдохнуть. Нина последовала за сестрой, заявив, что на самом деле посидела бы еще, но Лизи сейчас требуется моральная поддержка, а кто, как не сестра сможет поддержать в столь трудную минуту, ведь главное, что они есть друг у друга, а все остальное — неважно.

— Ну что, Томми, хай и мы спать пойдем? — зевнул Батлер, потягиваясь синхронно с плащом. — Умаялсси я что-то столько кирять, да и травка расслабила…

— Ну раз хочешь, то пиздруй. Сержант спать не хочет. Впрочем, как не хотела и шкура. Так что вставай, поможешь! — вскочил со стула распетушившийся Харди, рывком сорвал с себя маску, отбросил в сторону, схватит друга за брошь на плаще и потянул на второй этаж.

— Чавось делать-то надобно? — не понимал Леонид.

— Зайди и скажи шкуре, что поспишь вместо нее с сестрой, а она может потусоваться еще, — прошипел Том, остановившись у спальни Лизи.

— Чаво? — охуел Батлер. — Негоже как-то… Джейки все же…

— Все там гоже, ты же не ебать ее будешь, а просто поспишь рядом, сука-

бля. Пиздюк бы оценил заботу, — отмахнулся Харди, пихнул друга внутрь и закрыл за ним дверь. Затем наклонился и приложил ухо к замочной скважине.

Из спальни послышался шепот — сначала Батлера, потом Нины. После заскрипела кровать, и донеслись тихие шаги. Сержант отпрыгнул от двери и, подняв взгляд к потолку, сделал вид, что непринужденно прогуливается по коридору.

Дверь осторожно приоткрылась и оттуда вышла…

— Нина? А ты чего не спишь? — артистично округлил Том глаза, обернувшись. — Я думал ты с сестрой. Тоже вот пошел, сука-бля, спать.

— Эээм… Ну вообще-то Леонид сказал, что ты отправил его к Лизи, чтобы я могла еще потусоваться с тобой, — смешливо нахмурилась Нина.

— Да? — вскинул брови Харди и забился в агонии нелепости. — Ну ладно… Не пойду тогда спать. Ну так что, посидим еще? Выпьем там, сука-бля…

— Посидим, — улыбнулась Нина и двинулась к лестнице.

Том, скорчив гримасу попадания в неловкую ситуацию и мысленно отругав себя, направился за ней.

Оказавшись в гостиной, Нина уселась на диван, поджав под себя одну ногу, и уставилась на сержанта, вставшего посреди гостиной и не знавшего, куда себя деть. Повисла неловкая уединенная пауза.

— Травки, сука-бля? — пизданул он и стал шарить по карманам.

— Да нет уж, спасибо. Меня еще не отпустило, — хохотнула Нина и залипла на лысину Тома.

— Ну… Тогда пива? Или чего, сука-бля, покрепче? — нервно кусая губы, пожал он плечами.

— Давай пива, — постучала указательными пальцами друг об друга Нина. — Может фильм какой-нибудь посмотрим?

Сержант молча кивнул, но продолжил стоять на месте, как глупый буриданов осел, не понимая, куда же ему идти — к холодильнику или же к DVD-проигрывателю.

— Давай я включу что-нибудь, а ты достанешь пиво, — предложила Нина, заметив, что Том не понимает нихуя, и встала.

Харди, состроил фирменный еблет и выставил вперед указательный палец, направившись, будучи тряпичным несуразным ебланом по жизни, к DVD-проигрывателю.

— Сука-бля, прости, — забормотал он, врезавшись в Нину по пути.

— Все в порядке, — усмехнулась Нина. — Я тогда за пивом, — указала она на холодильник, а Харди развернула за плечи, наметив ему курс к проигрывателю.

«Послушай, Том! Что ты за ебло такое тупое? Веди себя нормально. Расслабься. Фуууф… Глубоко вдохни, потом выдохни. И досчитай до десяти. Какие там еще способы есть успокоиться? В пизду, нихуя не помогает! Надо было идти спать! — рыкнул сержант, бездумно перебирая диски на полке. — Ладно, что уж… Теперь уходить будет еще глупее. Или?.. Нет! Все! Просто возьми себя в руки, урод! Вспомни, чему тебя там учил пиздюк. Первое правило: не веди себя с ней как со шлюхой. Сука-бля! Да что за бред! Я и не собирался! Блять, какой же ты петушара, Том! Просто веди себя естественно. Как тогда, когда она была у тебя в Сиэтле. Тогда все было в порядке… Наверно… Откуда тебе знать? Вдруг она считает тебя вселенским долбоебом? Тогда зачем бросила сестру, чтобы посидеть с тобой еще? Может, хочет просто посмеяться над тобой… Сука-бля, в пизду! Хватит бредить!»

— Ну что, выбрал? — прервала бредовые мысли Нина и протянула бутылку пива.

— Да, — сложил пальцы кольцом сержант и схватил первый попавшийся диск.

— Загадочная история Бенджамина Баттона? — приподняла бровь Нина. — Я

думала, мы посмотрим что-то легкое… Ну, да ладно, включай уже, — махнула она и села на диван.

Харди повиновался и вставил диск. Затем открыл пиво и без того кривыми зубами и уселся на противоположном конце дивана.

— Ты без маски, — заговорила Нина, когда на экране замелькали первые кадры фильма.

— Угу… — промычал сержант, с деланным интересом уставившись в телевизор.

— Мне так нравится. Когда ты без нее, — добавила она.

Том не только боковым зрением видел, но и буквально чувствовал на себе ее пристальный взгляд. Вмиг захотелось спрятаться, надев маску.

— О, а тут Мэтью МакКонахи снимается, — хмыкнул он, указав бутылкой в экран. — А я думал, сука-бля, Стэтхем.

— Да нет, Мэтью, — спустя несколько секунд молчания ответила Нина и перевела взгляд на телевизор. — Я, кстати, можно сказать, с ним знакома. Однажды мы с Лизи приняли его за Квентина, представляешь? А потом я бежала за его Линкольном на Голливудские холмы…

— Чего, сука-бля? — усмехнувшись, поперхнулся пивом Том, и посмотрел на Нину.

— Лизи еще отобрала у него Оскар, но зато разрешила ему почитать Чака Паланика, — буробила укуренную ерунду она.

— А я, сука-бля, слыхал, что сейчас он занялся пошивом джинсовых свадебных платьев, — ляпнул Харди невесть откуда всплывшую в голове новостную звездную сплетню.

— Нууу дурааак, — засмеялась Нина. — А ты встречал кого-нибудь из знаменитостей?

— Хм… Дай-ка подумать… — поднял глаза к потолку Том. — Так, сука-бля, Стэтхема! Я служил с ним в Ираке.

— Ну, Стэтхема и я знаю. Он увозил нас на своей тачке от русской мафии в Нью-Йорке. А еще, кажется, он ебал мою бабулю, когда был на моей свадьбе.

— Ох уж этот, сука-бля, Стэтхем, — выдавил смешок Харди, сам же мысленно возжелав найти Джейсона и набить его актерский еблет за то, что был на той обдроченной свадьбе.

— А еще я знаю Эминема, Сэта Рогана и… Ну, можно сказать, что Мадонну. Лизи ее убила. А, кстати, Сэт Роган помогал нам избавиться от ее тела. Но, кажется, мусора все равно ее нашли, — загибала пальцы Нина.

— Охуеть. Ты рассказываешь такие ебанутые истории, — похлопал глазами сержант. — Мне они нравятся. Я, кажется, это уже говорил.

— Говорил, — мило улыбнулась Нина.

— А я знаю еще Джастина Тимберлейка, — поведал Том и только потом понял, что не сможет рассказать историю своего знакомства с кудрявым зэком, ведь тогда вскроется тайна мусорского прошлого. А Тому оно надо? А Тому оно не надо. — Знаешь, что он сидел в тюрьме за изнасилования? — зачем-то добавил он, не придумав, откуда он может знать сей факт. — Но это не точно.

— Черт! Джастин Тимберлейк! — вдруг вскочила Нина, хлопнув себя по лбу. — Я уже год ломаю голову, кто же это тогда был!

— Ты это о чем?

— Помнишь, я была в Сиэтле прошлой весной? — взмахнула рукой Нина, расплескав пиво.

— Помню, сука-бля. Как ж не помнить? Обдолбанная, — состроил фирменный еблет Харди.

— Да-да. У меня же в голове тогда все перемешалось. Но вот что я помню: прямо перед тем, как приехать к тебе, меня подвозил на мотоцикле какой-то чувак. А потом он завез меня в подворотню и пытался изнасиловать!

— возмущалась Нина. — И только теперь, когда ты сказал, я поняла, что тем чуваком и был Джастин! Каков урод!

— Ебануться… Значит, откинулся и продолжил творить ту же хуйню… — задумчиво пробормотал Том. — А еще песни мне с зоны, сука-бля, писал…

— Что? — превратилась в едва не изнасилованную сову Нина.

— А, ничего… Неважно… — поджал губы сержант. — Да уж, пиздос он петушара… Ну он ничего тебе, сука-бля, не сделал?

— Да нет, я ударила его по яйцам и сбежала, — плюхнулась на место Нина.

«Послушай, Том. Ебать Джастин петух! А клялся тебе, что с изнасилованиями покончено. А ты сам разве лучше? Шкура избежала изнасилования кудрявого, пришла к тебе за помощью, вы так славно поболтали тогда. А что сделал ты? Вырубил ее и подумывал выебать спящую! Пиздос ты чмо! А она, между прочим, тебя повальсировать приглашала. Кстати, ты обещал ей, что потанцуешь в следующий раз. Интересно, если сейчас предложить, это будет уместно? Вряд ли… Но как-то стоит реабилитироваться за эти грязные ублюдские мысли. Хоть она ничего об этом и не знает, все же самому как-то очень неудобно…» — завис Том, рассматривая Нину с ног до головы.

— Хочешь, научу тебя самообороне? Чтоб такие хуеплеты больше не смели к тебе приставать? — решил показаться милым и смелым он. — Я же занимался ММА. Я не говорил? Или Джейки, может?

— Ого! Круто! — неподдельно заинтересовалась Нина. — Прямо по-настоящему? В боях там участвовал?

— Прямо, сука-бля, да, — состроил скромное фирменное ебало Харди. — Участвовал.

— Ммм, — закусила губу Нина. — Кстати, мне кажется, или с прошлой нашей встречи в Сиэтле ты похудел?

— Ну, не похудел… Подсушился, сука-бля, — забился в агонии покраснения Том. — Тогда на массе был, а теперь вот поработал над рельефом…

— Классно, классно… — закивала Нина, томно взглянув на сержанта.

Не успел Харди ничего ответить, как она придвинулась к нему, задрала его черную солидную тенниску и положила руку на пресс. Сержант замер, задержав дыхание, и опустил взгляд на ее ладонь у себя на животе.

— Ээээм… — промычал он.

Дыхание участилось, а гулкий стук правостороннего сердца, кажется, могли бы услышать даже Лизи и Батлер, мирно спящие на втором этаже. Ну что ты, Томас! Успокойся. Девушка просто потрогала твой хваленый пресс. Ничего такого. А, нет… Теперь она тебя гладит. Так осторожно скользит нежными пальцами сначала вверх, к груди, а потом вниз… Ладонь уже у ремня скамов. Харди отчетливо почувствовал, как вся его глупая биометаллическая кровь хлынула от сердца вниз. Он медленно втянул носом воздух. О, Клубничная Эми… То есть Нина… Или как там тебя? Отчего же ты такая милая?

— Классно… — повторила она.

— Ну так что, научить тебя, сука-бля, приемам? — вскочил сержант, как ошпаренный, и одернул тенниску.

— Ну давай, — ухмыльнулась Нина и встала. — Что надо делать?

— Так-с… — зажмурился Харди и помотал головой, как бы отгоняя неуместные мысли. — Ну давай я буду, сука-бля, как бы нападать на тебя, а ты попробуешь защищаться.

Нина кивнула и стала ждать нападения. Харди же стоял и бестолково щелкал ебалом.

— Ну? — жестом предложила она приступить к действиям.

— Как там Джастин на тебя напал? — почесал лысину Том.

— Прижал к стене…

— Понял… Ну… Тогда пойдем к стене? — махнул он головой в сторону.

Нина игриво улыбнулась, встала у стены и прижалась спиной. Том остановился в шаге от нее, неуверенно мотая ладонями и не понимая, что следует предпринять.

— О, нет! Джастин! Не трогай меня! — вдруг артистично заверещала Нина, схватившись за щеки.

Сержант продолжал бездействовать, ведь нападать на женщин, хоть и понарошку, было не в его принципах. А ебать спящих в твоих принципах, идиот? Что говоришь? Ты не применял тогда силу? А почему же тогда у той девчонки в клубе все бедра были в синяках? Может, спросишь у Нины, как ей? Понравилось тогда? Что значит, при чем тут это? Здрасьте! Каков идиот!

— Ну же, нападай, — процедила сквозь зубы Нина, будто давала подсказку актеру, забывшему свою роль.

— Ага, да… Хорошо… Так он делал? — шагнул Харди вперед, нерешительно прижав ее к стене.

— Да… И положил руки мне на талию, — с придыханием сказала Нина.

— Так? — аккуратно положил ладони Том, глядя ей в глаза.

— Так. Только более грубо, — прошептала Нина. — А потом он гладил меня по бедру. Вот так, — взяла она его за запястье и опустила руку ниже.

«Послушай, Том… Сука-бля…» — бессмысленно подумал он и сам проскользил второй ладонью вниз.

— Нет, пожалуйста, не надо! — вновь заверещала Нина и подалась чуть вперед, прижимаясь сильнее.

— Может перейдем, сука-бля, к обороне? — выдавил Том, почувствовав, как член предательски потвердел. А ведь он только решил, что негоже начинать отношения с ебли! Но как же устоять? Ладно, надо еще понаблюдать. Может, она вовсе и не этого хочет, а Том просто все себе надумал.

— А потом он поднял мою ногу вот так, — обхватила она Харди одной ногой. — И трогал меня другой рукой… — пробормотала Нина и потянула руку Тома себе между ног.

— Ну нет, сука-бля, этого уже нельзя допускать, — прохрипел Харди и перехватил ее руку. — Смотри. Упираешься основанием ладони вот сюда, — приставил он ее ладонь к своему кадыку. — И давишь от себя. Ну?

Нина повиновалась и силой надавила на горло, отталкивая Тома.

— А если так? — резко увернулся сержант, схватил ее за локоть и развернул спиной к себе.

— Ах… — лишь выдохнула Нина и уткнулась щекой в стену.

Том прижался к ней всем телом, обхватив за талию и прижав ее руки своими. Нина слегка прогнулась в спине, и сержантский член уперся прямо в ее задницу. Харди судорожно выдохнул и прильнул еще сильнее, прикоснувшись щекой к шее.

— Что будешь делать? — прошептал он на ухо, отпустил одну руку и провел ею вверх по животу, между сисек и задержался на ключицах.

«Послушай, Том… Да… Сука… Сукааа… Как удержаться?» — закрыл он глаза и втянул носом аромат ее туалетной воды. Нет, на сей раз она пахла не клубникой. Но оттого не менее маняще.

— Не знаю… Кажется, я попалась… — тихо промямлила Нина, и Харди явно ощутил, как ее дыхание участилось. Он поднял ладонь выше и нежно взял за шею.

— Смотри, одна рука у тебя почти свободна, — продолжил нахуй никому не нужный урок Том. — Высвобождаешь ее и бьешь локтем наотмашь. В ебало или лучше опять же по горлу. Это самые, сука-бля, уязвимые места.

— По яйцам Джастину тоже неплохо вышло, — усмехнулась Нина, аккуратно высвобождая руку из хватки Харди.

— Ну сейчас тебе не ударить меня по яйцам. Да и надеюсь, ты этого не

хочешь?

— Нет, — коротко ответила она.

— Значит ебашь локтем, — продолжая крепко прижимать ее к стене, опустил он ладонь с шеи, ненароком погладив по груди и вновь с силой обхватив за талию.

— А тебе не будет больно? — слегка повернула она голову, и Том уткнулся губами ей в щеку.

— Стерплю, сука-бля, — пробормотал он, проведя губами по щеке к ее уху.

Нина глубоко вдохнула и закрыла глаза. А потом взяла да въебала со всей силы локтем прямо в челюсть. Харди не то что охуел — ебанулся. Ведь удар у нее оказался тяжелым. Да таким, что Том на мгновение растерялся, а затем, будучи конченым дегенератом еще с утробы матери, взял да сработал инстинктивно. Он сделал ловкий захват, заведя ее руку за спину, и, с присущей ему громоздкой легкостью, перевел Нину в партер, прижав к полу и выходя на болевой.

— Ты должна выкручиваться в сторону, противоположную, куда я выкручиваю руку. И одновременно попытайся вытащить одну ногу и обхватить меня за торс, — давал наставления Том, сам же — нет! совсем не специально, а лишь инстинктивно! — едва заметно тершись членом об упругую девкину жопу.

Нина же последовала руководству сержанта. Удивительно, но факт! Ей удалось обхватить его одной ногой, и теперь она лежала под ним не на животе, а на боку. Что делать дальше — было не понятно. Да и Том не спешил уточнять, уставившись на нее ебливым взглядом, и сам не мог взять в толк, как оказался в такой странной ситуации. А затем и вовсе не придумал ничего лучше, чем каким-то мудреным кувырком перевернуться на спину. При этом Нина оказалась сверху, но ее руку, которую крепко держал в захвате, отпускать он не думал.

Повисла неловкая ММА-пауза, ММА в которой было до безобразия мало. Кажется, это уже прелюдия какая-то.

Том смотрел в ее зеленые, с поволокой, слегка затуманенные глаза. От ее взгляда бросило в жар. Такой знакомый, но на сей раз без накладных ресниц и россыпи блесток на веках. И как же он до этого мог не узнать его? Глупый, глупый Том! Он смотрел, как медленно опускаются и поднимаются ресницы, затем перевел взгляд на милый вздернутый нос, а потом на губы. Слегка приоткрыты, и она так близко, что он чувствует тепло ее дыхания на своих губах. Так хотелось к ним прикоснуться, и сержант невольно облизнулся.

«Послушай, Том… Хочешь поцеловать ее? Конечно, хочешь. Ты хотел еще тогда, в стрипухе. Зря не сделал этого. А теперь что? Очень сильно хочется. Интересно, как это на вкус? Сука-бля… Ты же нихуя не умеешь целоваться! Ебло тупое! Наверняка она поймет это, когда ты ее поцелуешь… Так, стоп! Ты и впрямь собрался ее поцеловать? Уверен? Уверен. Ну же…» — думал Харди, метая охуевающий взгляд с ее губ, на глаза, потом на ключицы, а затем и вовсе на светлые пряди длинных волос, щекотавших ему лицо.

Том, отбросив все бестолковые мысли, уже немного приподнял голову с пола, как вдруг…

— Ой-ой-ой, больно… — запищала Нина. — Ты держишь мою руку слишком сильно…

— Ах ты ж, сука-бля! — в то же мгновение выпустил запястье из захвата Харди и выставил ладони вперед. — Прости! Нина, сука-бля! Очень больно?

Та перекинула одну ногу и уселась рядом с ним на полу, потирая руку, на которой виднелись красные следы от сержантской пятерни.

— Больновато… — поморщилась Нина.

— Дай посмотрю, — сел рядом Харди и взял ее за руку. — Сука-бля, правда, извини. Я что-то слегка забылся.

— Я тоже, — с улыбкой посмотрела она на Тома. — Ну что там, жить буду?

— усмехнулась она, с интересом взглянув на травмированную руку.

— Возможно, сука-бля, я слегка вывихнул ее, — состроил извиняющуюся гримасу Харди и осторожно погладил запястье. — Хочешь, съездим в травмпункт? Снимок там сделают, вдруг что…

— Ой, да забей, — махнула здоровой рукой Нина. — Все пройдет.

— Ну давай хоть повязку наложу. Есть эластичный, сука-бля, бинт? — решил показаться заботливым и сведущим в медицине Том.

— Давай поищем, — пожала плечами Нина и поднялась с пола.

«Послушай, Том! Какой же ты уебок!» — мысленно провел болевой прием сам себе сержант.

Вскоре в одном из кухонных ящиков они отыскали коробку с лекарствами, а в ней любимый эластичный бинт Декстера. Том замотал им запястье Нины и наказал поберечь руку от всяческих нагрузок. Так и оказал помощь.

— Ну что, теперь, сука-бля, сможешь оказать сопротивление насильнику? — спросил Харди, когда они открыли еще по бутылке пива и уселись на диван, продолжив смотреть, как неумолимо молодеет Мэттью.

— Думаю, да, — улыбнулась Нина. — Еще бы такому захвату научиться, — продемонстрировала она искалеченную руку.

— Ну, как-нибудь в следующий раз научу, — состроил фирменный еблет сержант.

— У тебя уже слишком много долгов для следующего раза. Вальс, теперь еще захват… — игриво приподняла бровь Нина.

— Ну а ты, сука-бля, должна мне футболку, и еще за то, что не перезвонила, — подмигнул Харди. — Так что, считай, квиты.

— Ну, пусть так, — протянула Нина бутылку пива, предлагая чокнуться.

Том придвинулся ближе и стукнул горлышком своей бутылки по ее.

Вскоре фильм подошел к концу, и они включили еще один. Пока смотрели, то и дело комментировали разные эпизоды, а порой нет-нет да переходили на отвлеченные темы. Все это время они не забывали выпивать. Так и просидели почти всю ночь кряду, уснув лишь под утро, и даже не заметив сами для себя, что сделали они это лежа в позе «ложки».

Глава 122: Вороны

На следующий день все были просто в шоке, узнав, что Джейк домой так и не вернулся! Ну как все… Из-за произошедшего накануне Лизи находилась в не на шутку тревожном и взволнованном состоянии. Леонид Батлер чувствовал себя невыспавшимся, ибо плащ всю ночь брыкался, ведь не привык спать на одной кровати с женщинами. Сержант же Том и Нина и вовсе находились в какой-то беспечной прострации, накидавшись с утра пораньше. Посему, в шоке от того, что беженец из шара не вернулся, прибывал только Тирион Ланнистер, да и то, долго не заморачивался по этому поводу, ведь достал на барахолке для тоддлеров разноцветный сортер и пытался понять, как играть в эту мудреную игру.

Лизи, не находящая себе места, решила отправиться на поиски Джилленхола. Ребята поддержали ее и предложили помощь. Все, кроме Ланнистера, залипшего на ебучий сортер. Впрочем, на кой этот микроскопический человек нужен в предстоящих поисках? Чем он поможет? Так что хай сидит дома!

— Слушай, ну ты его брат, может есть варианты, куда он мог пойти? — посмотрела на сержанта через зеркало заднего вида Лизи, когда компания уже обколесила половину Сан-Франциско.

— Ну, сука-бля, надо покумекать, — состроил фирменный еблет Том и достал из ящика очередную бутылку пива. Он приставил горлышко к глазу и эффектно открыл крышку, выебываясь перед клубничной шкурой, сидевшей рядом.

— А раньше не мог подумать? Когда мы только выехали. Ты вообще собираешься его искать или зачем поехал? — раздраженно спросила Лизи.

— Ладно, сука-бля, — подкатил глаза бухой Харди. — Есть один вариант. Жиденок же наркоман? Наркоман. Когда убежал, денег с собой скорее всего не взял, ибо убегал впопыхах. А в наркоте он отказывать себе не будет. Так что, сука-бля, он мог пойти в наркопритон, который стоит на учете в нашей с Батлером шараге, представиться там, что мой брат, и получить халявную наркоту. А может и вовсе там решил зависнуть.

— Почему ты не рассказал о своих умозаключениях пару часов назад? — продолжила негодовать Лизи.

— О, нашла в облаке фотки себя в семнадцать, вот, смотри! — пизданула Нина, ткнув под нос сержанту айфон.

— Ну-ка, сука-бля, — выхватил телефон Том и в прищуре уставился в дисплей.

— Не понимаю, зачем они поехали искать Джейка, если занимаются какой-то дрочью, — тяжело выдохнула Лизи, запустив руки в волосы.

— Хай общаютсси! — отмахнулся Батлер. — А ты не кручинсси — найдем мы Джейки. Найдем! Никуда он не денетси!

Вскоре Додж остановился у здания какого-то заброшенного завода, располагающегося недалеко от мэрии города. Его окна там и тут были забиты мокрыми тряпками и жухлыми газетами. По прилегающей территории безумец-ветер гонял сотни целлофановых пакетов и замызганных бумажек. В небе над самим же заводом летала стая птиц, а если точнее — то был водоворот, состоящий из нескольких десятков тысяч ворон. Картину завершал замысловатый стимпанк-дирижабль, зависший в небе.

— Что эта за хуйня? — хором ошалевше протянули сестры, не спешив покидать машину.

— Мой наркопритон, — вальяжно развалился на заднем сидении Харди, засунув в рот зубочистку и покрутив ее между зубов. — У меня вообще в каждом

городе Штатов имеется подобная хуйня. В Сан-Франциско вот наркопритон замаскирован зданием заброшенного завода. В Чарлстоне, к примеру, — протестантской церковью. Там, кстати, директором работает один одноглазый негритос с которым мы служили в Ираке. Взял его туда на постоянку именно из-за дефекта с глазом…

— Да нет же, мы не про завод, а вот об этой хуйне! — перебила Нина, взяв сержанта за смазливо-брутальные щеки и развернув его голову в сторону окна. — Откуда столько ворон?

«Послушай, Том, действительно, что за ёбань? Что за природная аномалия такая? Сука-бляяяя, как это неприятно все, с учетом того, как тебе вечно везет на животных. Что-то стремно туда идти — пиздос! Все! Успокойся, вороны не нападут на тебя, нахуй ты им сдался? Так что прекращай волноваться, а лучше покажи, какой ты смелый!» — дал себе установку Том, забившись в птичьей агонии.

— Забей хуй, вам нечего бояться рядом со мной, — заявил он, сам же достав «беретты» и проверив количество патронов в магазине. Хоть те и были полными, но ситуацию это не улучшало. Ворон было больше, чем патронов, а значит, нужно было уповать лишь на удачу. Послушай, любезный, да откуда вообще этот страх? Что-то не заведено такого, чтобы вороны нападали на людей! Это ж тебе не голодная стая собак, в конце-то концов! Ах, наитие говоришь?

— Так-то никто и не боится, пес, — сказала Лизи, вышла из Доджа и уверенно зашагала в сторону заброшенного завода. Остальные последовали за ней.

Всю дорогу до главного входа Харди нервно посматривал на небо, сжимая в руке рукоятку «беретты» и готовясь к нападению ворон. Но те никак не нападали!

— Нам сюда! — проорал Леонид, открыв с потрошащим души скрипом огромную железную дверь главного входа.

Спустя мгновение ребята оказались в огромном помещении, сплошь и рядом уставленным ржавыми станками. Пол же был устелен нарочито рассыпанными гвоздями и прочей отработанной механической требухой.

— Что это за говнище? — сморщилась Лизи. — Создается впечатление, что все это тут специально разбросали.

— Так и есть! Я лично воссоздавал здеся антерьер заброшенного завода, чтоб все выглядело натурально! — слишком самодовольно проорал Батлер, эффектно уперев руки в брошь на плаще.

Из-за его крика по помещению пошло нехилое такое эхо, стены задрожали, балки-швеллеры, подпирающие потолок, и вовсе начали трескаться от самого основания. Эхо же потянуло за собой звуковую волну, сродни ударной. Лизи успела ухватиться за станок и устояла на ногах. Нина же, прощелкав ебалом, никак не среагировала, от чего от звуковой волны Леонида завалилась спиной в россыпь гвоздей.

— Ай, как больно! — вскрикнула она.

— Что за пиздец? — воскликнула Лизи. — Что за приколы такие, как такое возможно?

Сержант же Харди и вовсе не понял, что сейчас произошло, но решил состроить из себя милого и всезнающего человека.

— Наверняка, здание находиться в зоне какой-то природной аномалии, вон и вороны какой хуйней сгруппировались на улице, — пронес он хуйню, подойдя к Нине, взяв ее подмышки и аккуратно поставив на ноги. — Вот и пошла такая вот странная звуковая волна… Леонид устоял, потому что он ее и создал. Я — потому что сильный. Ты же, потому что схватилась за, сука-бля, эту хуйню, — кивнул он в сторону Лизи, стряхивая со спины Нины гвозди. — Ты же упала, потому что самая худенькая из нас, — решил напоследок немного пофлиртовать он, обратившись на этот раз к Нине и подмигнув ей.

— Oooy, спасибо, — улыбнулась та, отведя взгляд в сторону.

— Ты что, блять, хочешь сейчас сказать, что я толстая? — дерзанула Лизи, уничтожающе посмотрев на сержанта.

— Нет, сука-бля, я такого не говорил и даже не думал, — осадился Том, ведь и впрямь не имел ввиду подобного, а лишь хотел отжечь хоть какой-то комплимент в сторону Нины, но теперь, кажется, влип со своими глупостями по самый «небалуй», ибо тон Лизи явно не внушал чего-то хорошего.

— Но ты сказал, что она самая худенькая из нас, а значит намекнул на то, что я как бы толстая, мм? Так с хуя ли это так, любезный? — продолжила быдлить Лизи, позабыв зачем вообще пожаловала на этот обдроченный завод.

— Ну да, Том Харди, негоже такие вещи говорить, — забредила и Нина, подхватив настрой сестры. — У нас с Лизи всего-то килограмм пять разница в весе, так зачем ты такое про нее говоришь?

— Да я ж, сука-бля, и не говорил подобного, — стал оправдываться Том, поняв, что весь его флирт — говно ебаное, и лучше б он вообще молчал! Мало ему проблем с воронами, так еще теперь и две шкуры на него взъелись и цепляются к словам, которые он даже и не говорил.

— Ох, Томми, ну вечно, как ляпнет! — послышался голос, и из-за одной колоны-швеллера высунулся кожаный нос.

Услышал и увидел это лишь Харди, от чего охуел не на шутку! Не проведя никаких параллелей, он пришел к выводу, что вороны пролетели в здание и теперь следят за ним и отвешивают свои нелепые комментарии. Дааа… Кажется, никого из присутствующих не отпустило со вчерашней раскурки! Тупит и бредит — каждый!

— Ах, не говорил?! — вмешался в нелепый рамс плащ-феминист.

— Ах, не говорил? — разъяренно влез и Батлер. — Так этой своей фразой ты хочешь сказать, что и я тоже толстый, мм?

— Ну, по правде сказать, с нашей последней встречи ты и впрямь поправился, Леонид, — поджав губы, виновато посмотрела на бородача Нина.

— Потолстел? — эффектно округлил глаза Батлер. — А какой Томми был жирнючий в ту последнюю встречу, это ничего?

— Ну почему жирнючий? То была мышечная масса, ну может немного жирка. Но он же не смотрелся толстым? — рассуждала Нина. — Он смотрелся — просто крупным. Сейчас же он выглядит, как по мне, классно! — отожгла комплимент и она, пихнув сержанта локтем в бок.

Но тот нихуя не отреагировал, продолжая сканировать помещение по углам и высматривая ворон.

— Как по мне, классно выглядит Джейк, — понесла хуйню и Лизи, закурив. — Он как-то из всех вас троих, парней, и по росту выше, и сама фигура у него такая пиздатая… Ммм… Жид конечно, да, пиздат! — мечтательно протянул она.

Благо, больше никто и ничего не успел сказать. У дальней стены зала открылась пуленепробиваемая дверь и из нее высунулась голова черного наркомана.

— Кто здесь? — охрипшим от многолетней наркомании голосом спросил он, неадекватно осматриваясь по сторонам.

— Ашер! Сколько лет, сколько зим? — расставил руки Батлер и побежал к негритосу, сбив уголками развевающегося плаща сестер, отчего теперь обе заваливались в кучу гвоздей.

— Бля… Бля… Бля… — тягуче захрипел черный, и хотел было уже закрыть дверь, как Леонид просунул в щель мачете, не дав ей закрыться.

— Сегодня мы с Томом пришли не за выручкой, — прокричал бородач. — У нас тут свои дела!

— Впусти нас, никто не пострадает, — решил повыебываться Том, поднимая сестер с пола. Но те никак не поднимались! Как только Харди ставил на ноги

одну и приступал поднимать вторую, первая заваливалась обратно, получая подсечку из шара и не понимая, что за ересь творится на этом заводе. Спустя минуту завалился и сам Том, ведь мимо, громко каркая, пролетела небольшая стая ворон, сбив сержанта не только с ног, но и с толку.

Ашер все это время переминался с ноги на ногу, принимая решение — впускать или не впускать в притон своих прямых работодателей, ведь так и не удосужился установить там пожарную сигнализацию и повесить огнетушители. А получать за это распиздон от начальства не хотелось. Но, наверняка, не пропусти он их внутрь, опиздюлится еще больше, а там нет-нет да потеряет свое место в лице директора филиала. Так и пропустил всех в самый крупный наркопритон Сан-Франциско.

Компания брела по затемненному помещению, разделенному на мелкие комнатки. На полу сплошь и рядом валялись старинные газеты, стены же были искусно разрисованы психоделическими рисунками. В каждом помещении и там и сям сидели грязные наркоманы. Кто-то из них валялся прямо со шприцом в вене, кто-то снюхивал последние крупицы порошка с грязного пола, а кто-то и вовсе по-простецки сидел у стены и ловил пресловутый кайф.

От этой картины Лизи будто обухом по голове ударило. Она визуализировала, как в считанные часы Джейк мог стать таким же грязным отребьем. От одной этой мысли у нее засосало под ложечкой, и она начала суетливо бегать по помещениям и всматриваться в лицо каждого наркомана, ища в нем такое родно лицо с пиздатыми синими глазами. Леонид же, решив хоть чем-то себя занять, включил начальника и стал ходить по помещениям и опрашивать здешний люд. Все ли им тут нравится? Довольны ли они сервисом? А товар — он тоже хорош? И как сотрудники — никто не ведет себя грубо?

— Холодно тут, да, сука-бля? На, накинь, — снял с барского плеча Том дубленку и набросил на Нину.

— Оу, спасибо, а ты не замерзнешь сам? — спросила та, осматривая бронежилет Харди, который был надет на голое тело.

— Все в порядке, сука-бля, — поспешил заверить сержант. — Я в тайге без куртки несколько часов прожил, так что нестрашно, — вставил он в пухлый рот сигарету и подкурил.

— Эй, Том Харди, и много тебе вот этот вот бизнес денег приносит? — обвела помещение ладонью Нина.

— Прилично, — состроил фирменный еблет сержант, решив показать, что он вполне самодостаточен.

— Блин, сомнительно как-то все это… — пожала плечами девушка.

— В смысле, сука-бля? — нахмурился Том, ведь не такого эффекта ожидал.

— Ну, даже и не знаю… Сеть наркоманских притонов… Вся это нелегальщина… Жуть какая-то, — передернула она плечами, уставившись на какого-то безумца-наркомана в углу, что обоссался минутой ранее, словя нехилый кайф. — Просто не боишься, что в один прекрасный день все это накроется? Случится какая-нибудь ментовская облава или типа того, тебя повяжут и посадят далеко и надолго… Или тебе удастся избежать всего этого и пустится в бега… Знаешь, жить вне закона — не так уж это и круто, — тяжело вздохнула она, достала из заднего кармана пачку сигарет и вытащила из нее одну. — Я бы хотела, чтобы все было как прежде. Не боятся, что тебя в любой момент могут схватить, не боятся, что если тебя поймают, то, скорее всего, приговорят к смертной казни или до конца дней отправят топтать зону…

— Что-то, сука-бля, не заметно, чтоб ты боялась, — приподнял шрамированую бровь Том, подкурив девушке.

— Ко всему, конечно же, привыкаешь… Но блин, оно тебе нужна, вся эта опасность? А, Том Харди? Ты ж со всей этой нелегальщиной, можно сказать, по

тонкому льду ходишь…

«Послушй, Том, может стоит сейчас ее немного успокоить и сказать, что ты и сам документально мент, то бишь — власть? Кажется, момент подходящий, можно разрулить так, что это твое прикрытие. А там потом и про стрипуху как-то подведешь… Да ну, сука-бля, бред! Еще закатит истерику прямо тут и пошлет тебя на хуй…» — покумекал Харди.

— Послушай, Нина, у меня все под контролем. И на любой из перечисленных тобой случаев, у меня есть тщательно продуманный план. Так что, сука-бля, опасаться мне нечего. Да и тебе, я скажу, тоже. Ибо в случае чего, я смогу тебя защитить хоть от кого, — пихнул он ее в бок. — Будь то менты, наркоманы, наемные убийцы…

— Вороны… — прошептала Нина, уставившись куда-то в сторону.

— Вороны… — продолжил перечислять сержант. — Что? Какие, сука-бля, вороны? — нахмурился он и устремил взгляд туда же, куда и она. — Вороны! — охуел он до неузнаваемости, приметив влетевших через окно хуеву тучу птиц, образующих собой черный водоворот.

— Только не шевелитесь, — прохрипел Ашер, вжавшись в стенку. — Местные птицы немного буйные, ибо я прикармливаю их переработанными маковыми зернами, из которых готовлю специальную наркотическую смесь…

— Да ты охуел? Кто тебе разрешил банчить своей хуйней в моем, сука-бля, притоне?! Сержант не любит! Когда какое-то хуйло пытается обойти его правила! Сержант не любит! Когда в его притоне продают не то, что поставил сам сержант! — возмутился Харди, топнув тяжелым берцем.

На звук тотчас же отреагировали вороны, и водоворот устремился прямо в сторону долбоеба Тома.

— Сука-бля, сука-бля, — ошалел Том, поняв, что самолично накликал на себя беду. Он наспех достал из-за спины «беретты» и начал шмалять по птицам.

Но, как он и рассчитывал, ворон оказалось больше, чем патронов. И что делать дальше? Сражаться врукопашную? Не вариант. Рук тоже меньше, чем чертовых ворон. И что же делать? Они ж заклюют тебя насмерть! Нужно бежать! Беги, Том, беги! Но ноги сержанта будто онемели, и он продолжал стоять как дурак, торгуя ебалом и не понимая нихуя!

Мгновение, и вот водоворот уже закружил над Харди, а бестолковые вороны принялись нещадно тыкать его клювами.

— Отстаньте, сука-бля, отстаньте! Или я вас убью! Ашер, немедленно угомони этих шмар! — причитал Том, прикрываясь руками.

Но Ашер никак не отреагировал! Вместо этого он поправил на спине парашют да и выпрыгнул в окно, решив покинуть это заведение навсегда. Но увы и ах — не подрасчитал и разбился вдребезги, ведь этажность завода была крайне мала для парашютных прыжков. Так, стоп, а где вообще Леонид и Лизи? Первый застирывает плащ в местном туалете, ведь вляпался в какую-то грязь? Вторая же продолжает поиски дражайшего Волчонка, невзирая на стаю ворон? Ну, тогда все в порядке.

— Бежим! — послышалось со стороны, и Том почувствовал, как его за руку кто-то схватил и вырвал из вороньего водоворота. И это оказался никто иной как…

— Нина? — превратился в воронью сову Харди, приметив своего спасителя. — А куда дела мою дубленку, мм, я тебя спрашиваю? — задал он интересный вопрос.

— Скинула, подумала, что тяжеловато будет бежать с таким грузом, — сказала она, волоча за собой растерянного сержанта и бежав сквозь нескончаемые комнаты притона.

— Ну, сука-бля, значит будешь должна, — состроил фирменный еблет Том, еле перебирая ногами. — Ай, бля! — вскрикнул он, когда дерзкая ворона

клюнула его в лысину.

— Какого хуя они не отстают? Быть того не может, чтоб они от нас не отстали? — возмутилась девушка, продолжая бездумный бег. — Меня еще никто не догонял!

— Ну, все случается когда-то впервые, — бубнил нелепицу Том, отмахиваясь от ворон. — И если ты занималась легкой атлетикой, то это еще не говорит о том, что тебя нельзя никому догнать.

Так ребята бегали от ворон по заброшенному заводу битый час! Но наглые птицы никак не унимались и продолжали их преследовать, то и дело нападая на сержанта Тома.

Благо, к концу седьмой десятиминутки Нина сообразила, что так просто вороны от них не отъебутся. Она увидела впереди небольшой закуток в стене и резко свернула туда, затащив с собой и Харди. Вороны же, громко каркая и матерясь, пролетели мимо, продолжая уже преследовать незнамо кого.

— А говорил, что в случае чего, защитишь меня хоть от кого, — усмехнулась девушка, пытаясь отдышаться. — Даже от ворон…

— Они, сука-бля, не входили в мои изначальные планы, — достал одной рукой из кармана бронежилета сигаретку Том и закурил, тяжело дыша после безумного бега. И вновь назло матери! Что б легкие получили колоссальный удар! — Но, спасибо, что спасла меня от этих ебаных сук!

— Ну, сука-бля, значит будешь должен, — подмигнула она.

Сержант сначала было забился в агонии пародии на самого себя, ведь не любил! Подобные штучки! Но затем почувствовал, что свою ладонь из его ладони девушка так и не выпустила! Не выпустил ее и ты! О-оу! Может, сейчас будет что-то интересное? Ладонь в ладони, тесное прижатие друг к другу в какой-то тесной каморе… О, Клубничная Эми, какая же ты забияка!

— Кхм… Поцелуй! — послышалось слово, замаскированное кашлем.

Кто это? Ну, очевидно же, что мистер Джилленхол, собственной персоной. Если кто еще не понял или не сопоставил параллели — этот человек из шара следовал за «поисковой группой» по пятам. Ибо придерживался правила — чем ближе к опасности, тем она от тебя дальше. Ведь если он сам будет следить за всеми, то как его найдут? А Джейку было не нужно, чтоб его нашли! Многоуважаемая Лиса занята его поисками, а значит, не будет лезть в взаимоотношения Тома и Нины. Не это ли успех? Оставалось дело за главным — чтоб сам сержант не проебал все к хуям.

— Кхм… Ну же! — продолжил кашель из шара.

Том же стоял как истукан, не зная, как бы ем поступить в подобной ситуации. Может о чем-то с ней поговорить, дабы избежать неловкости момента? Да что ты буробишь? Неловкости уже не избежать!

— Кажется, я должна была тебе за дубленку, да? — томно пролепетала Нина и встала на носочки, чтоб быть поближе к брутально-смазливому еблету.

Что? Сука опять хочет поцелуй? Ну уж нет! Хоть Харди уже со вчерашнего вечера и был готов к этому, но только ведь не здесь! Не на заброшенном заводе! Не в зассаном наркопритоне! Это ж, как-никак, первый поцелуй Тома! Такие условия ему не нужны! Все должно быть красиво, ведь иначе он что, зря почти тридцать лет берег свой пухлый рот? Чтоб теперь все случилось вот так вот впопыхах незнамо где и как?!

Посему, дабы избежать поцелуя, сержант не придумал ничего лучше, чем взять, да и дунуть в лицо девушке.

— Эй, ты что? — ошалела та, отпрянув от него.

— Вы где шоркаитесь? — вдруг появился у проема Леонид.

— Сук-бля, — залился при виде друга краской Том, будто он застукал его за чем-то непристойным, и выдернул ладонь из руки Нины.

— Поехали отсэдава! Джейки тут нет! — пригрозил мачете Леонид и

поспешил куда-то в сторону.

— А где Лизи? — выскочила из закутка Нина и поспешила за бородачом.

— Эй, куда ты, сука-бля, — побежал за ними и Харди.

— Сука, Батлер! — с психом плюнул в сторону Джейк, выбравшись из своего укрытия. — Его что ли тоже надо отвлекать от них? Ну пиздец! — прорычал он и посеменил на выход, решив отправиться домой, ведь уже давно хотел ссать.

Вскоре компания вновь уселась в Додж и продолжила колесить по Сан-Франциско в поисках Джейка, даже и не зная, что тот уже вернулся домой и смывал с себя в душе помои, в коих извалялся на заводе.

Спустя несколько часов бессмысленного катания, было решено отправиться домой.

Глава 123: Кости

— А еще, помимо того, что я занимался ММА, я еще знаком и с основами дзюдо, — травил Нине очередную байку Том. — Этому меня обучил один мой приятель из России, имя которого, сука-бля, Утин! Знаешь такого? — он открыл дверь и пропустил ее вперед. Та в ответ отрицательно покачала головой и прошла внутрь. За ней зашел и Том, а уж потом и все остальные. Ведешь себя очень по этикету, Том! Вот прямо очень! — Нет? Ну и хуй с ним! А еще был такой интересный случай, когда я работал в Чикаго на одну мафиозную группировку…

— Тихо! — перебила Лизи.

— Охуела меня перебивать, пизда? Я вообще-то рассказывал историю, ты тоже могла бы послушать сержанта…

— Да заткнись ты! — вскрикнула Лизи и отвесила сержанту пощечину.

— Совсем страх потеряла? — взорвался Том, схватившись за щеку. — Какого хуя ты меня ударила, шкура?! А если я тебе въебу, переступив через свои принципы? Кстати, если вдруг ты забыла, этот принцип заключается в том, что я никогда не бью телок, — обратился он к Нине, решив вновь повыебываться.

— Да тихо, блять! — приставила Лизи палец к губам и прислушалась. — Здесь был Джейк.

— С чего ты взяла? — заорал хлеще пареной репы Леонид.

— Да вот же тут на журнальном столике кокаин рассыпан! — указала она на несколько крупинок белого порошка. — Что тут непонятного?

— Так может это Ланнистер нюхал? — предположила Нина и укоризненно посмотрела на Тириона, который увлеченно игрался с сортером.

— Я что, по-твоему, совсем того? — покрутила у виска Лизи. — Думаешь, не знаю, как нюхает мой муж? Ты что не видишь, вот же лежит его нюхательная трубка! — подняла она серебряный аксессуар и ткнула сестре в нос.

— Эй, ты видел Джейка? — спросила Нина у Тириона. — Он должен был нюхать тут кокаин!

Карлик в ответ лишь еле заметно и еле значимо пожал плечами.

В это время дверь туалета открылась и оттуда вышел обескураженный Джейк, на ходу застегивая ширинку. Он бросил взгляд сначала на брата, затем на Нину, а после на Лизи, стоящую между первыми двумя. Он утробно прорычал и молча пошел в сторону лестницы, ненароком метая взгляд на Лизи, как бы приглашая последовать за собой.

— Волчонок! — воскликнула та, но Джилленхол никак не отреагировал и стремглав побежал наверх. Девушка поспешила за ним.

— А я, кстати, как уже рассказывала, тоже бывшая спортсменка, — весело заявила Нина, дабы перевести тему и привлечь к себе внимание Тома. — Хочешь расскажу, как сестра разрушила мою карьеру?

— Конечно, сука-бля, — кивнул сержант. — Как по мне, пизда, ты очень хороший рассказчик.

— Правда? А один хуев пидор говорил, что я рассказываю долго и витиевато. Впрочем, он много чего плохого говорил про меня, и не разрешал что-то делать… Например, играть в азартные игры, — поджала губы Нина.

— А хочешь, сыграем с тобой в покер? — решил поконтрастировать на фоне Моргана Том. Все по заветам брата! — А потом я с удовольствием бы послушал твою, сука-бля, историю, — состроил он флиртующий фирменный еблет.

— Ээээм… А разве вдвоем интересно играть? — нахмурилась Нина.

— Конечно интересно! — уверил Том, доставая из карманов дубленки карты и фишки.

— Ну давай попробуем, — пожала плечами она.

Леонид Батлер решил испечь маковые рогалики, попутно наблюдая за игрой, и одним ухом вслушиваясь в крики со второго этажа, где Лизи пыталась вразумить мужа. Вскоре Леонид заебался наблюдать и слушать, да и вообще — заебался быть лишним на этом празднике жизни, поэтому решил предложить одну деревенскую авантюру.

— Эй, ребятня, а может сыграем в кости, мм? На желания, — достал он из кармашка плаща два затертых кубика.

— Ээээм… — взглянул сержант на Нину, как бы интересуясь ее мнением на этот счет.

— А давайте, — пожала плечами та и выхватила кости из эффектных рук.

— Правила все знають? У кого меньше выпадаить, тот проиграл и тому загадывають желание. А загадывает его тот, у кого больше, — громко пояснил за игру Батлер.

— Да знаем, сука-бля, — отмахнулся Том. — Нина… — похлопал он девушку по плечу и жестом предложил начать.

Та потрясла кубики в ладони и бросила на стол.

— Три, — огласил результат Леонид. — Ух, опасно! Готовьси исполнять желание, — пригрозил он уголком плаща, сгреб кости и кинул вновь. — Восем… — подсчитал он.

Следующим бросил Харди. И — о чудо! — удача ему улыбнулась. Выпало не хуйня собачья, а аж целая десятка! Ну нихуя б себе! А ты везунчик, Томас! Ну же, проси, что хочешь! Хм, что же, что же попросить? О, Клубичная Эми! Может поцелуешь Тома? Или покажешь сиськи? Ух! Сколько возможностей!

— Так-с… Ну… Давай… — призадумался сержант, подняв взгляд к потолку. — Расскажешь, сука-бля, историю, как убила брата?

Нина вопросительно вскинула брови, а Батлер хлопнул себя по лбу мачете. Ведь даже бородач знал эту обдроченную до дыр историю наизусть — Том то и дело пересказывал ее другу, вспоминая о незваной гостье в своей еврочетырешке.

— Ну а что? — пожал плечами Том. — Разминка же, сука-бля, — состроил он фирменный еблет.

— Ну ладно, историю так историю, — опустила уголки губ Нина и затянула шарманку об Алексе и его залысинах.

Пятнадцать минут, что она выкладывала историю, пролетели для Харди, как одно мгновение. Он так заслушался, так засмотрелся, что не заметил, как Нина подобралась к финалу. Батлер же, скучающе подперев голову ладонью, зевал да постукивал кубиком по столу.

— Эй, Нина, просто сделай это! — вскрикнула Нина, сложив пальцы в форме пистолета. — Я уверена. Я делаю, что должна, — изобразила она выстрел.

— Браво, сука-бля! Браво! — одобрительно закивал Харди.

— Как-то так, — улыбнулась она. — Я на минутку. Вернусь и продолжим, — подмигнула она Тому и побежала поссать.

— Такой ты, Томми… Еблан… — осуждающе помотал бородой Леонид. — Что за чепуху ты загадываешь-то? Нельзя что ли было чегось более личного попросить. Я ж специально эту игру придумал, чтоб тебе подсобить. А ты — дурень! Абы что!

— Ой, хорош меня учить, сука-бля, — цокнул Харди. — Только начали играть, еще вся ночь впереди.

— Ну так это… Может, я тогда, эт самое… Пойду? Оставлю вас вдвоем. Вдвоем и поиграетесь.

— Нет! — вскочил с места Том, с силой усаживая Леонида на место, хотя тот даже и подняться не успел. — Не уходи!

— Чаво? — охуел Леонид. — Чаво стряслось-то?

— Не хочу оставаться с ней наедине, — пояснил за бред Том.

— ??? — молчаливо заорал Батлер.

— Ну точнее хочу, сука-бля. Пиздец как хочу. Но не хочу, — продолжал сходить с ума сержант. — В смысле не могу.

— ?????? — еще хлеще обомлел Леонид.

— Да сука-бля… — взвыл Харди. — Понимаешь, меня гложет, что я так обошелся с ней в стрипухе, пусть даже она этого и не знает. Но я же, сука-бля, хочу реабилитироваться перед ней. И не хочу! Начинать отношения с ебли! А останься я с ней наедине — не смогу себя сдерживать. Прошлой-то ночью и так уже все было на грани. А еще, мне кажется, что она хочет целоваться, — почесал он лысину. — Ну а поцелуй это, считай, все — обратной дороги нет. Понимаешь?

— Нет! — состроил возмутительно-эффектную гримасу Леонид, вопросительно разведя руками.

— Похуй, короче! Просто посиди с нами. Вот и все! Хорошо? — потрепал Том друга по бицепсу.

— Ебло ты, Томми, — подкатил глаза плащ. — Ладно, посижу, — осуждающе скривил губы Батлер.

— Ну что, продолжаем? — вернулась в гостиную Нина. — Никто еще спать не хочет?

Том испытывающе посмотрел на друга, как бы ожидая от него поддержки.

— Нет, не хочим, — смерил его в ответ взглядом полным укора Леонид.

Так и продолжили играть.

Прошел час. За это время все успели не только поиграть в кости, но также поболтать о всякой чепухе да залить в себя алкоголя. Окончательно повеселев, они стали загадывать все более нелепые желания. Так, когда проиграла Нина, Батлер загадал ей нарисовать себе на лице маркером хуй. Затем проиграл и он сам, и тогда уже Нина в отместку сказала изобразить тоже самое и на его эффектной щеке. Ну а после Нина проиграла вновь, ну а сержант выкинул дюжину, оказавшись победителем. И, дабы показаться милым, предложил Нине нарисовать хуй и на его брутально-смазливом еблете, ведь ему не хотелось, чтобы та чувствовала себя неуютно с таким художеством на лице. А теперь все втроем они были с членами на щеках, что создавало нужный комфорт.

За этой развеселой игрой никто даже и не заметил, как в гостиной материализовался…

— Джейки? — поднял Харди голову на брата, вставшего у стола и уже пару конов наблюдавшего за развитием событий. — Сыграешь с нами?

— Сыграю, — кивнул Джилленхол. — А ты, Леонид, чего не спишь?

— Не хоцца, — оглушительно зевнул Батлер и потер глаза.

— Ясненько, — обвел парень из шара каждого присутствующего расчетливым взглядом прекрасных синих глаз. — Кидайте, а я последний, — махнул он головой на кубики.

Все по очереди бросили кости. У Нины выпало девять, у Леонида — шесть, ну а у Тома — всего-навсего четыре. Дальше кости в лапу взял Джейк, хорошенько потряс, дунул на кулак, постучал, свистнул, топнул да кинул кубики.

— Двенадцать! — провозгласил он. — Томми! Снимай футболку!

— Чего, сука-бля? — приподнял шрамированную бровь сержант.

— Что слышал. Снимай, говорю, — поторопил жестом Джейк.

Харди пожал плечами, но солидную тенниску снял. Джилленхол посмотрел сначала на брата, затем на Нину, которая, закусив губу уставилась на подкачанный торс Тома, одобрительно кивнул и вновь взял кости.

— Опять двенадцать! — хлопнул в ладоши шулер из шара. — Нина, а ну-ка, пойди и…

— Так, стоп, сука-бля! — осадил его Харди. — Пизда даже не кинула еще, как и мы. Хули ты ей загадываешь?

— Ладно, ладно, кидайте, — ухмыльнулся Джейк и протянул кости Нине. — Два, — огласил он, когда та бросила. — Что? Остальные будут кидать или опустим формальности?

Все с подозрением уставились на Джилленхола.

— Ну а что? Фортуна на моей стороне. Если мне досталась неверная жена, то хоть в чем-то мне должно везти? — состроил он страдальческую псиную морду. — В общем, Нина. Иди и переоденься в купальник.

— Пиздюк, что за ебала? — нахмурился Том, заподозрив некий развод.

— Где ебала? Что я такого сделал? — округлил глаза Джилленхол. — Разве что-то не по правилам? Нина, а ты почему до сих пор еще здесь? И почему я не вижу на тебе купальника?

Нина пожала плечами и поспешила выполнять указания из шара.

— Ну что, еще кон? — спросил Джилленхол, когда она вернулась через пару минут.

Харди же, бестолково хлопая глазами, уставился на нее. Теперь на девушке красовалось красное бикини, маленькими треугольниками ткани прикрывающее соответствующие места. О, Клубничная Эми, к черту бы их, и посмотреть бы на тебя целиком!

«Послушай, Том, а не пошло бы все нахуй? Может этих дней уже вполне достаточно? Может ебля уже и не будет считаться негожей?» — бился в агонии вожделения Том.

— Леонид, может ты уже спать захотел? — перевел он взгляд на друга, сонно потирающего глаза плащом.

— Ась? Да нет, пока не хочу, — зевнул он. — Посижу еще, — заговорчески подмигнул он сержанту, давая понять, что помнит про свое обещание не оставлять их наедине.

— Сука-бля, — буркнул Том и принялся подмигивать в ответ, намекая уже на нечто иное.

— Ну что ж поделать — не хочет человек, — процедил Джейк, наградив ничего не понимающего Леонида раздраженным взглядом. — Значит, играем дальше.

И вновь везунчику из шара выпала дюжина. А проигравшим на сей раз эффектно оказался бородач.

— Ну-ка, загадывай, Джейки, — приготовился к заданию Батлер.

— Так-с, дай-ка подумаю… — почесал макушку Джилленхол. — О! Придумал! Хочу, чтобы ты переоделся в женское платье!

— Чего это? — растеряно рассмеялся Леонид.

— Да-да, и не просто платье. А платье Лисоньки! — поднял указательный палец Джейк, а затем им же поманил Батлера наверх. — Идем, я подберу тебе подходящий фасончик.

— Ээээм… — замялся тот, вопросительно зыркнув на Харди.

— Ну, сука-бля, правила есть правила, — состроил фирменный еблет Том, добавив в него лживые нотки сожаления.

— Ладно, — понурил плащ Батлер и поплелся за Джилленхолом. — Я вернусь, Томми, — оглушительно прошептал он одними губами, обернувшись на лестнице.

Но Том его не слышал, ведь в момент переключил все внимание на Нину. Та улыбнулась уголком губ и закурила. Закурил и сержант, возвестив о начале неловкого перекура.

— У тебя так много татуировок, — обвела Нина торс Тома оценивающим взглядом. — Все они означают что-то?

Харди кивнул, сам же залипнув одним глазом на ключицы, вторым — на клубничные груди.

— А это что? — придвинулась вместе со стулом поближе Нина и положила

ладонь на плечо.

Том опустил глаза, туда, где под ее рукой скрывалось изображение женского лица. Упс! Да кажется это не просто лицо, а портрет Мэрил Стрип! Ого! Когда это ты успел набить сей шедевр, Томас? Говоришь, сделал это необдуманно в период своей самой жесткой наркомании, когда вернулся из Ирака? А зачем ты это сделал? Чтобы помнить? Помнить что? Ты сам уже забыл, что хотел этим себе сказать? Все с тобой понятно! Лучше бы набил лицо своего отца, чтобы не забывать.

— Похоже на Деву Марию, — присмотрелась к плечу Нина, откуда на ее смотрела старая блядь в платке из гиперпрочного полиэтилена на голове, как у Богородицы.

— Ээээм… — завис Том, не зная, как отбрехаться, ведь выкладывать свои бредни про мать он готов не был. Целоваться — уже да! Слишком откровенничать — пока нет! — Так это она, сука-бля, и есть, — пизданул он хуйню, похлопав мать по нарисованному ученому ебалу.

— Стоп! Ты что, верующий? — одернула руку Нина, брезгливо глядя на вытатуированные пышные брови.

— Чего, сука-бля? Нет конечно, — нервно усмехнулся Том. Черт! Уж лучше бы Батлер не уходил! Получилось совсем не то, на что сержант рассчитывал!

— А зачем тогда ебанул? — недоверчиво махнула рукой на Мэрил Нина.

— Да просто, — бестолково пожал плечами Том.

— Говоришь же, что все твои партаки что-то означают, — уставилась на него Нина взглядом Леонардо, но не того, что ДаВинчи, а того, что ДиКаприо.

— Ну вообще да, означают. Все, сука-бля, кроме этого, — пытался выкрутиться Харди.

— Хочешь интересный факт? — приподняла бровь Нина.

— Хочу.

— Знал ли ты, что я не сплю с верующими? — поведала такую краткую, но такую душераздирающую историю она.

— Нет, не знал, — непонимающе похлопал глазами Харди.

— Так знай.

— Хорошо, буду знать, — состроил фирменный атеистический еблет сержант.

— Так что, сыграем еще? — взяла Нина кости, потрясла их между ладонями и бросила. — О, двенадцать! После шарового кубики как волшебные прямо. Выходит, я выиграла и загадываю желание?

— А вдруг, сука-бля, ничья? — сгреб кости со стола Том и кинул вновь. — Ан нет, семь!

— Хочу, чтобы ты доказал, что не верующий, — ляпнула Нина непонятное ебаное желание.

— И как же? — усмехнулся Харди.

— Ну, придумай, — пожала плечами она.

— Ну, допустим, придумаю. И дальше что? Ты будешь знать, что я неверующий. И? — провокационно приподнял шрамированную бровь сержант.

— Ну, Леонид ушел. Я буду наверняка знать, что ты не верующий. Так тогда какие препятствия? — томно посмотрела она и хмыкнула.

— Ну я понял… Понял… — забился в агонии возможной ебли Харди. — Ладно, сука-бля, дай-ка подумать. О! Есть вариант — ебейший! — поднялся он с места и побежал наверх.

Спустя минуту он вернулся, держа в руках тату-машинку, которую всегда и везде таскал с собой. А что, вдруг захочется что-то набить себе или кому-то еще?

— Смотри, сука-бля, — включил Том агрегат и поднес к плечу.

Далее он минут тридцать жужжал машинкой, водя по коже и вырисовывая поверх лица мисс Стрип…

— Пентаграмма? — засмеялась Нина, когда рисунок был закончен. — Нет, ну это круто! Теперь у меня нет никаких сомнений!

Том хмыкнул, вытирая плечо от лишней краски и крови бумажным полотенцем.

— Ну так и что? — придвинулась Нина ближе, коснувшись коленкой его ноги.

— Что? — хрипло пробормотал Харди, повернув на нее голову, и шумно выдохнув.

— Кажется, шаровой слишком долго выбирает платье для Леонида, — ухмыльнулась она.

— Наверно, не налезает, — бестолково предположил Том, глядя Нине в глаза.

— Скорее всего. А может уснул, — накинула еще вариант та.

— Ну хай поспить, — пародийно махнул рукой в сторону лестницы сержант.

— Хай, — кивнула Нина.

Том, сам не отдавая отчета своим действиям, потянулся рукой к ее лицу и убрал прядь светлых волос за ухо.

— Сука, Леонид, стой! — послышался лай сверху. — Кажется, я нашел вариант получше, вернись и примерь его!

— И это сойдеть! Ой, кажется мы сейчас разбудим твою супругу! — вопил приближающийся голос Батлера.

— Урод! — рявкнул Джейк. — Тщщщ… Спи, спи… — донесся умиротворяющий шепот.

— Придется тебе опять закрытьси, дабы не нарватьси на скандал, — язвительно проорал Леонид и уже через секунду показался на лестнице.

Со второго этажа послышалось злобное рычание, а затем хлопок двери.

— Сука-бля… — буркнул Том и убрал руку от лица Нины, нервно зачесав лысину.

— Ну что, ребятули, как я вам? — прыжком преодолел нижние пять ступенек Батлер, приземлившись у стола. Он расставил руки в стороны и покружился.

— Охуенно, — поджала губы Нина, взглянув на платье сестры, трещавшее по швам на эффектном теле.

— Мы думали, сука-бля, ты уже не придешь, — просверлил друга взглядом Том.

— Да Джейки что-то дурковал, вот я и подзадержалси, — уселся за стол Леонид. — Уж простите, что заставил ждать. Так что, играем дальше?

— Играем, — синхронно вздохнули Нина и сержант и переглянулись.

— Кофейку бы только дерябнуть, — потянулся бородач, отчего платье затрещало еще хлеще.

Так троица просидела еще пару часов. Сколько бы Том не делал намеков, не подавал бы ментальных и невербальных знаков, что он передумал, и Леониду пора на боковую — тот никак не понимал! Он все сидел и зевал, зевал и сидел, пил кофе, но все равно продолжал сидеть! Харди уже не на шутку закипал, но напрямую говорить Батлеру, чего он хочет, было, на его взгляд, не слишком вежливо. Во-первых, перед самим Леонидом было неудобно — тот ведь полночи просидел тут ради него, так что выгонять его теперь — ну такое… Ну, а во-вторых, в глазах Нины это тоже будет выглядеть не очень красиво. Еще решит, что Том хочет потрахаться, и это все, что ему от нее нужно. А ведь это совсем не так! Хотя трахаться уже сильно хотелось!

Но тут удача улыбнулась Харди! В ходе очередного кона, где проигравшей оказалась Нина и теперь отбывала наказание, сидя под столом и кукарекая, Батлер опер голову на ладонь, прикрыл потяжелевшие эффектные веки и задремал беспечным сном бородатого крикливого младенца. Том возликовал, увидев эту картину, и мигом юркнул под стол.

— Ку-ка-ре… Эй, ты чего? — уставилась на него Нина.

Харди приставил палец к губам, взывая к тишине.

— Выйдем, покурим? — прошептал он и протянул ей руку.

Вместе они выбрались из-под стола и тихо, словно глупые мыши, вышли из дома. Том протянул Нине открытую пачку сигарет, предлагая угоститься. Та достала сразу две. Одну сунула в рот, вторую поднесла к губам сержанта. Он принял подгон и чиркнул зажигалкой. Прикурили вместе от одного огня, одновременно затянулись и выдохнули в лица друг другу. Тугие струйки табачного дыма столкнулись в воздухе и разлетелись одним густым облаком.

— Поздно уже, — еще раз затянулся Том и отмахнул дым, неосязаемой стеной повисший между ними.

— Да, уже часа три ночи, наверно, — взглянула на звезды Нина, будто их положение ей о чем-то говорило.

— А может и четыре… — молол хуйню Харди. — А знаешь, что есть такое созвездие «дубленки»?

— Правда? Где? — забегала взглядом по небосводу Нина.

— Ээээм… Дай-ка сориентируюсь… — поднял взгляд и Том. — По правде сказать, сука-бля, я не знаю, где оно. Да и есть ли вообще. Это Джейк говорил, что есть. Может и спиздил.

— Может, — усмехнулась Нина.

Повисла звездная пауза.

— А апрель теплый в этом году, — продолжил бредить Том, желая хоть как-то заполнить неловкую паузу. — Смотри, как ночью тепло. Прямо как, сука-бля, в мае.

— Да? А мне кажется — прохладно, — поежилась Нина и перевела взгляд с неба на сержанта.

Тот нервно крутил сигарету между пальцев, также посмотрев ей в глаза.

— Согреешь? — сделала шаг вперед Нина.

Харди, набравший полные легкие дыма, сглотнул и поперхнулся. Чуть прокашлялся и выдохнул.

— Согрею, — еле слышно вымолвил он, отщелкнул бычок и протянул к ней руку.

Он положил ладонь на щеку и поводил большим пальцем по скуле.

— У тебя тут хуй нарисован, — усмехнулся он, гладя нарисованную на нежной коже головку.

— И у тебя, — повторила Нина трюк и прижалась к Тому.

— У тебя больше, — провел он ладонью от щеки к шее, пропуская ее волосы между пальцев.

Нина закрыла глаза, слегка поворачивая шею, вслед за скользящей ладонью Тома, тем самым сильнее прижимаясь к ней. Сама двумя руками обхватила его за плечи. Вторая ладонь сержанта несмело легла ей на талию, и он потянул Нину к себе. Она послушно подалась вперед, а Том наклонил голову к ней.

— Курите? — нарушил окружающую их тишину…

— Сука, Батлер! — рыкнул Харди и отстранился, делая вид, что созерцает ночную даль. — Хули не спишь? — раздраженно сунул новую сигарету в рот он, испепелив друга взглядом.

— Да вот вышел воздухом подышать да подбодриться, — вытянул руки вверх Леонид и несколько раз резко повернул торс поочередно в разные стороны, разминая затекшие мышцы.

— Не поздновато, чтобы бодриться? — с недовольством спросила Нина, скрестив руки и ковыряя кроссовкой камешек на земле.

— Да нет, нормально. Время-то — всего-ничего! Начало четвертого! — беззвучно хохотнул Батлер. — Я ж сова. Так-то…

— Ну понятно, сова… — бросила на него раздраженный взгляд Нина и пошла в дом. — Идешь? — повернулась она, обращаясь к Харди.

— Иду, — поспешил за ней сержант, а проходя мимо друга, показал тому

«фак».

— Ну уж прости, что задремал! Никакая же я не сова, а жаворонок самый натуральный, — виновато, но с раздражением забухтел Леонид и двинулся за ними.

Все трое вновь уселись за стол и принялись играть в уже всех заебавшие кости. Так и просидели до самого утра. Батлер упорно не понимал никаких и ничьих намеков, продолжая бороться со сном. И вскоре Том оставил всякие попытки спровадить друга, решив, что раз так вышло, то так тому и быть. В конце концов, он изначально так все и задумывал, а потому, вероятно, это даже к лучшему. Все же слишком мало времени прошло, и пока совсем непонятно, что между ними происходит. Надо бы разобраться получше.

Как обозначить их отношения? Они, как бы, вместе? Да нет, вряд ли. Наверно просто нравятся друг другу. По крайне мере она ему совершенно точно нравилась, и даже больше. Впервые Харди испытывал подобные чувства. Нет, нравилась она ему уже давно. Том и раньше много думал о ней, вспоминал ее милое лицо и как она провела ночь в его квартире, а наутро устроила погром. А теперь, когда они столько времени проводили вместе, чувства стали куда сильнее. Сейчас Нина не только занимала его мысли, но Том буквально нутром ощущал острое желание быть с ней. Те недолгие часы, что им удалось провести наедине, пожалуй, Харди мог бы отнести к самым приятным за всю свою никчемную жизнь. И с каждым разом хотелось все больше. Он желал ее всю и полностью: со всеми ее чудачествами; порой детской наивностью; огромным ворохом проблем; захватывающими, смешными, а иногда и странными историями; инфантильностью и тем, что, как оказалось, не такая уж она и нежная-прилежная, как воображал Том. А уж о том, как он хотел ее физически и говорить нечего! Стоило ему только представить что-то эдакое, как возбуждение с головой накрывало горячей волной, прогоняя прочь все остальные мысли. Едва Том вспоминал те клубничные минуты, проведенные вместе много лет назад, как незамедлительно хотел повторить тоже самое и на сей раз не отпускать. И кроме все этого, сержанту очень хотелось и именно на это он надеялся больше всего, что, случись все то, о чем он теперь мечтает, оно принесет счастье не только ему одному. Да, пожалуй, столь же сильно, как и быть с ней, ему хотелось, чтобы и она была счастлива рядом с ним.

Но что испытывает Нина, Тому было знать не дано. Вдруг вся эта непонятная интрижка, лишь отдушина для нее после разрыва тяжелых отношений с парнем-грузом? Отчего-то Харди верилось, что это не так. Да, порой Нина явно намекала на то, что хочет близости. Да, чаще именно она проявляла инициативу. Но при этом Том все же видел, как изредка она краснеет под его взглядом, как сама смотрит, думая, что он не замечает. Чувствовал, как учащается ее дыхание, когда он находится опасно близко, и как в глазах начинают сверкать огоньки, когда он прикасается. Все это не просто так. Что-то у Нины определенно к нему было, по крайней мере, сержант на это надеялся. Оставалось лишь разобраться, что именно. Но сейчас он не собирался этим заниматься, желая наслаждаться тем, что происходило с ним здесь и сейчас.

Глава 124: Сборы

Утром Джейк, едва открыв глаза, навострил уши и стал прислушиваться. Чем закончился вчерашний вечер? Ему так четко удалось создать подходящие условия для брата, оставив его с Ниной наедине да еще и полуголыми. Но Батлер все ипортил! И на кой ему сдалось сидеть с ними там? Неужто не понимает, что этим двоим сейчас нужно проводить как можно больше времени вместе? Мало того, еще и своими воплями чуть Лису не разбудил. Ее там еще не хватало!

И как же ему поступить дальше? Надо как-то увести всех из дома, чтобы Том и Нина остались вдвоем, да и уже наконец дошли — ну хотя бы! — до второй базы! А что они имеют сейчас? Да ничего! Кажется, они еще и до первой базы-то не дошли, судя по тому, что он наблюдал на притоне-заводе. Таким темпами до хоум-рана им отродясь не дойти — нужна помощь в лице дяди Джейка. А что может сделать в этой ситуации дядя Джейк? Да ничего, кроме того, как создать нужную обстановку, располагающую к близости. Желание у обоих явно имеется, а это значит, что достаточно оставить их наедине. Но дурацкая Лиса и не менее дурацкий Леонид все портят! Что ж, значит следует их устранить на время. Так дядя Джейк и поступит… Так он и поступит!

Придумав в голове бомбичный план, не имеющий, на его взгляд, шансов на провал, Джилленхол небрежно побросал вещи в чемодан и поспешил прочь из комнаты.

— Волчонок! — окликнула Лизи, подскочив на софе, где уснула после скандала с мужем.

Джейк, волоча за собой чемодан, ускорил шаг. Лизи бросилась за ним.

Оказавшись на верхней ступеньке лестницы, Джейк посмотрел в гостиную и обнаружил за столом Нину, Тома и Леонида. Ничего нового с того времени, как Джилленхол оставил их, с ними почти не произошло. Леонид по-прежнему был в платье Лизи, Том — до пояса гол, но теперь на плече поверх портрета матери добавилась новая татуировка в виде пентаграммы, ну а Нина так и сидела в купальнике, давясь маковым рогаликом Батлера.

— Все играете? — смерил всех троих великолепно осуждающим взглядом Джейк, но ответа ждать не стал. — А я уезжаю в Сиэтл! Вы как? Никто не хочет со мной? — заорал он, спускаясь по лестнице.

— Я опять проиграла, тройка выпала… — простонала Нина и поспешила наклонить голову под стол, чтобы незаметно выплюнуть несъедобный рогалик, но вместо этого ее и вовсе вырвало.

— Леонид, не подкинешь до Сиэтла? — обратился Джилленхол к эффектному Батлеру.

— Ох… Да я ж всю ночь не спамши, как ж я за баранку сяду? — крикливо замялся Леонид да так, что швы на платье окончательно разошлись и оголили торс эффектного мужчины.

— А с хуя ли ты собрался в Сиэтл, пиздюк? — удивился сержант Харди, не отрывая блаженного взгляда от ключиц блюющей девушки.

— Ну мы же с тобой помирились, Томми, а значит, я могу, как и раньше, жить в твоей квартире! — развел ладони Джилленхол.

— Конечно, ты хорошо придумал, про жить как раньше, но я, сука-бля, пока не собираюсь возвращаться, — пояснил за отъезд Том и приподнял шрамированную бровь, продолжая зыркать на ключицы. Он извлек из кармана скамов связку ключей от еврочетырешки и неглядя кинул брату в лоб.

— Я так-то и не звал тебя жить со мной. Ты можешь и здесь остаться, — пизданул Джейк, сунул ключи за пазуху и пошел к двери. Леонид неспеша последовал за ним.

— Я еду за ним! — прибежала в гостиную и Лизи.

— Я с тобой! — подскочила Нина. — Хочу уже, наконец, покормить касаток в Сиэтле!

— А ты зачем, Нина? — округлил глаза Джейк, остановившись и наблюдая, как весь бомбичный план рушился на глазах, а точнее — шел по пизде.

— Ох, сука-бля, и пизда… А я же предлагал много лет назад… Шкура глупая… — ностальгично промямлил Харди, подкатив глаза. — Я с вами! — поднялся он из-за стола.

— Сука, Томми! Какого хуя? — зашипел Джилленхол, безумно подмигивая и пытаясь объяснить брату, что весь этот спектакль для его блага.

Но никто отвечать ему не собирался, ведь толком и не улавливал, что вообще просиходит, кто куда едет и зачем. Еще бы, всю ночь без сна — поймешь тут разве что-то? Но, тем не менее, энтузиазма это не убавляло.

— Сейчас, только переоденусь и чемоданы соберу, — сказала Нина, взяв с дивана одежду. — Лизи, твой собрать?

— Да! И лабутены не забудь! — кивнула Лизи, обуваясь.

— Ох, сука-бля, мне тоже нужно собрать чемоданы, — опомнился сержант Харди, ударив себя по лбу.

— Я не поеду! — крикнул Тирион, все ломая голову над сортером.

— Да еще тебя не хватало нам! — прорычала Лизи и пошла прогревать Фольксваген.

— Эй, Том Харди, не поможешь переодеться? — ляпнула хуйню Нина, смущенно постучав указательными пальцами друг об друга.

— Может лучше чаю? — забился в пьяной агонии неожиданного, но такого долгожданного предложения Том, накинув свой вариант.

Джейк ошалевше уставился на происходящее, вцепившись в бестолковую прическу, и стал судорожно придумывать новый план.

Спустя полчаса, не придумав ничего дельного и решив действовать исходя из обстоятельств, Джейк сидел в Додже, который уже эффектно был прогрет плащом Батлера.

— Ох, что они там делают, интересно? — дивился Джилленхол, нервно хлопая бардачком.

— Блять, можно скорее?! — взорвалась Лизи, высунувшись по пояс из Фольксвагена Т-1, который автолюбитель из шара не так давно самолично прикупил для себя и супруги.

— Блять, Лиса! — прорычал Джейк. — Опять за свое! Леонид, трогай! Вообще, надо было сразу уезжать! Уже уехали бы далеко, а эти там бы занимались бы чем хотели.

— Но Том сказал подождать их, — эффектно нахмурился Батлер.

— Том сказал, Том приказал, Том жопу показал! — зарычал Джилленхол. — Он что, у нас, типа, самый главный? Я сказал, что хочу уехать отсюда и попросил тебя подбросить. Почему мы должны сидеть и ждать его?

Леонид решил не спорить и тронулся. Джейк посмотрел в зеркало заднего вида и встретился глазами с Лизи. Он артистично нахмурил пышные брови, изображая вселенскую обиду и скорбь, и быстро отвел взгляд, тем самым призывая жену следовать за собой. Но та выскочила из фургона и побежала в дом.

— Охуела, Лиса? — воскликнул Джилленхол. — Ну-ка, притормози пока, — похлопал он Батлера по плечу.

Тот цокнул, но остановился.

— Охуели? — слышал Джейк вопли Лизи. — Хули вы тут делаете? Все, я еду без вас! Додж уже уехал и мне теперь не догнать Джейка на нашей развалюхе!

— А что они там делали? — высунул кожаный нос из окна парень из шара,

пытаясь разглядеть, что происходит в доме — не ебется ли там никто? Ан нет! Эти два долбоеба сидели за столом и пили чай! Да что с вами не так? — Все, поехали! Но не гони сильно, чтобы Лисонька за нами поспевала.

Додж вновь тронулся, а Джилленхол все наблюдал в зеркало, как из дома сначала выбежала Лизи и уселась в Фольксваген, а затем, к разочарованию, Джейка, за ней вышли и Нина с Томом. И что ж вам дома не сидится? Благо, хоть карлик остался! А то еще этих крохотных проблем не хватало манипулятору из шара. А уж с этими дурачьем он что-то да придумает! Да что тут думать? Уже придумал!

— Значит слушай меня внимательно, Леонид, и не перебивай, — сказал Джейк, рассыпав по торпеде Доджа дорожку кокаина. — Сейчас я тебе расскажу правду. Но! Все что будет сказано сейчас здесь между нами, в Додже — останется в Додже, и ни в коем разе не выйдет за его пределы, тебе ясно?

— Что ты задумал, Джейки? — прищурился Батлер, делая вид, что внимательно следит за дорогой. На самом же деле — ебейше хотел спать.

— Что задумал, то уже привожу в исполнение. И все это касается Томми и, кажется, дальше мне без тебя не справиться. Леонид, мне нужна твоя помощь, как никогда. Так, что давай введу тебя в курс дела, и ты вольешься в игру. Но сначала поклянись на мизинчиках, что все, что я тебе расскажу, останется между нами, — вызывающе протянул он другу палец.

— Джейки, я ужо раз купился на твои провокации на двадцатидвухлетие Томми, я больше не хочу принимать участие в твоих авантюрах, — ломался Батлер.

— Все это делается во благо нашего дражайшего Томми, ты уж мне поверь, ох, ты мне поверь! — гнул свое стратег из шара. — Разве ты не видишь, что наш мальчик, спустя столько лет беспробудных депрессий и агрессий, наконец-то близок к своему счастью? Ты ж никогда его таким не видел! Так и я не видел! Так что тебе стоит поклясться, Леонид, мм? — тряс пальцем Джилленхол.

— Ладно, хуй с тобой! — отмахнулся бородач и скрепил эффектным мизинцем мизинец из шара. Так и поклялись.

— Вот и славненько! — хлопнул в ладоши Джилленхол, склонился над дорожкой кокаина и громко занюхнул. — Ох! Как хорошо бодрит, давай и тебе рассыплю, а то не спал, как рулить-то…

Так разнюхался и бородач.

— В общем, слушай. То, что я поругался с Лисонькой из-за того, что она понюхала с карликом — все это провокация и хуйня собачья. Я специально все это подстроил, чтоб посраться с ней…

— На кой?! — проорал Батлер.

— На кой? А какого хуя она лезет к Нине? Ты не видел? Она же отвлекала ее в то время, как Нина должна была мутить с Томми! Вот и пришлось ликвидировать Лисоньку, дабы она переключилась на меня. Видишь, Леонид, я пожертвовал своей личной жизнью, и все ради того, чтобы устроить личную жизнь для Томми! — бил себя в грудь Джейк. — Понимаешь, с Лисой мы помиримся в любом случае, ибо безмерно любим друг друга. А вот получится что-то между Томми и Ниной — большой вопрос. И сейчас я хотел увезти тебя и Лису, а их оставить там вдвоем. Но, нет! Глупая Нина побежала за сестрой! И что дальше? Думаешь, приедь мы сейчас все в Сиэтл, там будет шанс?

— Думаю, что да, — кивнул Леонид и передал бразды правления Доджем плащу, дабы немного передохнуть.

— Нихуя подобного! — выставил ладонь Джилленхол. — Простора в еврочетырешке для развитий их отношений не будет никакого! Посему, нам надо сделать так, чтобы к Сиэтлу у них уже все срослось! Понимаешь?

— И как это сделать? — округлил глаза под стать разбитым блюдцам Батлер. — Тут езды всего-ничего. Уже завтра домчим.

— Нет, не домчим! У дяди Джейка есть бомбезный план! — постучал себя по виску ебанат из шара. — И ты мне тут и нужен. Устроим им дорожно-мотельную романтику. Понимаешь, о чем я? Что может быть лучше уединения в недорогом, но уютном номере? После целого дня, проведенного в дороге? Мм?

— Но я же сказал, тут езды — всего ничего! Ну остановимси мы на ночь, а дальше чаво? — продолжил бестолковиться Батлер, но не его плащ, который уже понял намеки Джилленхола, взял курс на дорогу, ведущую нихуя не в Сиэтл.

— Все верно понял, дружище! — засмеялся Джейк, потрепав алую тряпку. — А тебе, доктор Стрэндж, придется разжевать, — осуждающе посмотрел он на Леонида. — Делай что хочешь и как хочешь, но Додж не въедет в Сиэтл до тех пор, пока эти двое не будут вместе. Виляй по трассам, едь на восток, на запад, но нихуя не в Сиэтл! Бреши, придумывай истории, что устал рулить, что тачка сломалась — что угодно, но только не приближайся к Сиэтлу!

— А если кто-то начнеть задавать вопросы? — накинул вопрос бородач.

— Кто? — уверил Джейк. — Томми слишком увлечен Ниной. Та аналогично увлечена им. Лиса же ослеплена желанием помириться со мной. Так кому еще задавать вопросы? Абсолютно точно, что некому! Ну а я что-то придумаю, чтоб занять место водителя во второй машине. И будем петлять уже с тобой вдвоем.

— Ладно, хай будет так! — согласился Батлер и вновь схватился за руль, дабы уже приступить к исполнению плана дяди Джейка.

Через пару часов Леонид остановил машину на обочине, выбрался оттуда, эффектно потянулся и слишком громко и наигранно заявил, что не спал всю ночь и ему нужен отдых. Джейк, также выйдя на улицу, артистично предложил себя в качестве водителя, но Батлер неграмотно отказал, заявив, что никому не доверит Додж. Посему было решено остановиться и переночевать в мотеле, который, о чудо, оказался в нескольких метрах от места остановки.

Но дальше планы Джилленхола и его эффектного приспешника пошли по пизде. Уебанная Нина, спавшая за последние пару дней всего-ничего, а за последние сутки и вовсе не сомкнувшая глаз, не проронив ни слова, будто на автомате, побрела в снятый номер, дабы отоспаться. Аналогично уебанный сержант Том поступил абсолютно также. Нет, конечно, он бы был не против, немного потусить с этой девкой, но организм хотел отдыха, а глаза уже непроизвольно закрывались. Наитие же и вовсе подсказывало Харди, что скоро обязательно должно случиться что-то интересное, поэтому сейчас не мешало бы перевести дух и набраться сил. К слову, так и поступил. Понаблюдав за всей этой хуйней, Джилленхол гневно потопал вьетнамками, попускал из ушей пар и поклялся перед самим Богом, что будет вечно катать всю компанию по придорожным мотелям, пока между сержантом и его бестолковой возлюбленной что-то да не устаканится.

Ближе к обеду следующего дня путь был продолжен. К слову, на календаре красовалось число пятнадцать, извещающее о том, что сегодня достопочтенному сержанту Тому исполнялось целых тридцать лет! В этот день он скажет юности «привет». В этот день он в зрелость возьмет билет. В этот день и водка не во вред — сержанту сегодня тридцать лет!

Харди же было глубоко наплевать на свой небольшой юбилей, ведь мысли были заняты совершенно другим! За последние два дня кое-что изменилось. И что же могло измениться? Вы же только и делаете, что едите в машине да хуярите с Ниной пиво? Но изменилось многое! Все это время девушка больше не сделала ни одного намека, что хочет ебаться. Она беззаботно общалась с Харди, не только рассказывая свои истории, но и внимательно выслушивая Тома с его обдроченными байками. А вчера вечером, когда все пошли спать, она и вовсе написала ему в Вайбере! Первая! И не писала какие-то глупости о том, как

хотела бы с ним пожариться, а вполне себе милую и безобидную ерунду, а также поделилась парочкой постов с Фэйсбука с какими-то бытовыми лайфхаками. А на прощание и вовсе прислала смайлик с поцелуйчиком, пожелав Тому сладких снов! Ну это надо? Из всего этого дерьма Том понял! Он понял! Что для Нины это не интрижка никакая! И от него ей нужна не только ебля! Наверное, да, это так. На сто процентов Том, конечно, не знал, но отчего-то был почти уверен, что все именно так.

Он прикинул, что уже в ближайшем времени, скорее всего, хочешь не хочешь, а скорее — хочешь, он вступит с ней в настоящие отношения. Ого! Ну нихуя б себе ты порешал! Исходя из этого, в голову пришли мысли о том, что начинать отношения со лжи — ну такое… Нина-то с ним ведет себя вполне себе искренне. Он же — скрывает от нее страшную правду! О том, что он и есть тот ублюдок-мусор, обидевший девочку-подростка. Но ведь Том не хотел никого обижать! То было нелепое стечение обстоятельств! А знает ли она об этом? Вряд ли. Так может, дабы не строить будущее на лжи, попытаться как-то объясниться и рассказать ей, как все было на самом деле? Как он даже пытался найти ее и ждал звонка? Идея-то, конечно, хорошая, все правильно рассудил, но смотри не проболтайся, как поливал ее говном, и какое-то время придерживался мнения, что она проститутка и поимела тебя. Это будет поистине неудобно и вряд ли будет какое-то продолжение вашего общения, не говоря уже о будущем. Так что следи за языком, Томас, да повнимательнее. И не забывай лицо своего отца!

За всеми этими размышлениями Харди даже и не обратил внимания, как наступил вечер, машины вновь остановились у придорожного мотеля, все вышли и направились внутрь на ночлег.

— Послушай, Нина, — взял он девушку за руку, когда та уже поднималась по лестнице в свой номер.

— Мм? — обернулась та, пьяно взглянув на Тома.

А что это мы такие пьяные? Аа, сержант Харди напаивал тебя с самого утра, дабы показаться щедрым и милым. А на какой хуй ты это делал, если хотел вечером серьезных разговоров? Да ты посмотри на себя, ты и сам пьян как сука! Уверен, что твоя затея не закончится грандиозным скандалом с дракой и порчей имущества? Ах, в крайнем случае скажешь, что у тебя день рождения, а именинникам все прощают? Охуенно, сука-бля, придумал, дебил!

— Занята, сука-бля, чем-то сегодня вечером? Мм? — приподнял он шрамированную бровь, стеклянно-меланхолично уставившись на девушку.

— Да нет, — коротко ответила та.

— Ну тогда зайди позже ко мне, сука-бля, посидим, выпьем, поговорим о чем-то интересном, — молол хуйню слишком пухлым и пьяным ртом Харди, как бы намекая на серьезный разговор.

— Ну хорошо, я зайду, — подмигнула Нина, вырвала из его хватки руку и поспешила наверх.

«Послушай, Том, как бы лучше начать этот ебливый разговор? — погрузился в мысли Харди. — Может одеть мусорской китель? Она увидит тебя в нем, может попроще разговор сложится… Сука-бля, а ты его вообще взял с собой?»

— Эй, братишка! — положил ему на плечо ладонь Джилленхол, вырвав из дебильных мыслей. — Я знаю, что ты этого не любишь, но, блять, тебе же тридцать сегодня! Так что с днюхой тебя, пидорас ты, лысый! — рассмеялся он, словно бестолковый малец, и крепко обнял брата, предварительно повернув к себе.

— Спасибо, сука-бля, пиздюк, — похлопал его по спине в ответ Том.

— И не надо мне твоих скандалов, но хочешь ты этого или нет — сегодня мы забухаем! Не поверишь, кто уже на подъезде…

— Так, стоп, сука-бля! — осадил сержант. — Я бы бухнул с тобой, правда, и поебать, что ненавижу этот день, но у меня немного иные планы. Усек, пиздюк?

— Оooy, — томно улыбнулся Джилленхол, просверлив брата сверхпрекрасным синим взглядом. — Нину к себе позвал? С ней хочешь отметить?

— Нет, сука-бля… То есть да, позвал, но не для того, чтобы отметить. Я хочу попробовать поговорить с ней про стрипуху. Рассказать правду, сказать, что все было не так, как она надумала… В общем, наверное, стоит это сделать, — забредил Харди, затеребив накладные кармашки скамов.

— Ну, блять, ну зачем сегодня? В такой-то день! Отложи этот вопрос, а сегодня лучше завали ее, ну! Это будет лучший подарок на днюху! — принялся раздавать классические советы Джилленхол.

— Так, иди на хуй, пиздюк! — хлопнул Том брата по щеке. — Мне не ебля от нее нужна, понял? Ну, точнее, и это тоже, но это не главное… В общем, отъебись! Ты обещал не лезть! Сука-бля, я сам разберусь! Сержант считает, что если не сегодня, то никогда. А сегодня было бы идеально расставить все точки над «i». Как раз сегодня годовщина тех событий. Целых шесть лет!

— Все, я понял! — остановил Джейк. — Но ты смотри, по уму это как-то делай, Нина, она же дурная. Одно неправильное слово — разъебет тебя как делать нехуй! Так что совет от дяди Джейка — сразу поставь ее перед фактом, что тот мусор — это ты. Предъяви, что был нихуя не виноват, а она надумала пущий бред! И не забудь показать, кто тут власть. Думаю, она ебейше растеряется от такого расклада и примет все как есть, ибо не привыкла, что кто-то может главенствовать над ней, а вангую — этого она и хочет в глубине души. Главное, веди себя уверенно, покажи шкуре, кто тут альфач. Покажи, кто первым пьет воду на водопое! Ну а потом — завали!

— Замолчи, жидяра! Что ты мелешь? — возмутился Том. — Я сам буду решать, как и что мне рассказывать!

— Ладно, хорошо! Пусть так! — поднял ладони Джилленхол. — Но потом обещай, что отжаришь ее! Ведь не это ли будет самым лучшим подарком для тебя на тридцатку?

— Ты, сука-бля, конченый? — без шуток и приколов спросил Харди. — Я же сказал, для меня это не главное.

— Ну да, я помню, — кивнул всезнайка из шара. — Но еще я помню, что для тебя главное — семья. Я помню, как ты рассуждал в детстве, мол, когда ты станешь большим, то обязательно заведешь большую семью. У тебя будет жена и много детей, и ты будешь любить их, а они будут любить тебя А потом ты спросил, мол, а ты бы хотел семью, Джейк?..

— Что ты мелешь? Хуй было такого! — охуел Харди.

— Но, Томми, если ты ее не завалишь, то нихуя она не выйдет за тебя замуж, и уж тем более, не получится детей, что будут любить тебя, а ты их, — продолжил стоять на своем обдроченном Джилленхол.

— Пиздос ты бредешь, петушара! — перебил Том, чуть не впав в состояние агрессии. — Какое замужество? Какие, нахуй, дети? — все же впал он в мимолетную агрессию, схватив брата за воротник футболки с принтом карты трасс Америки. — Ты вообще слышишь, о чем я тебе тут толкую, урод? Не лезь, куда тебя не просят!

— Да я не лезу! Не лезу, успокойся! Я просто хочу, как лучше для тебя! — хлопнул брата по ладоням Джилленхол. — Просто хочу, чтоб все у тебя сбылось, как ты загадывал в детстве! Ведь, как говорится, устами младенца…

— Все, я всекаю прямо сейчас, если ты не закроешь свой псиный рот! — перебил сержант, двигая желваками направо и налево.

— Так, хватя! — остановил назревающую драку Батлер, все это время стоявший рядом, и разнял братьев. — Оба угомонитесь!

— Все, сука-бля, сержант спокоен, — заверил Харди.

— Дядя Джейк тоже, — кивнул и Джилленхол.

— Тогда, можеть, поможем Томми подготовиться? — накинул милый вопрос Батлер. — Чтоб придать нужный антураж и атмосферу?

— Конечно поможем! — согласился Джилленхол. — Что вы шесть лет назад с ней бухали? Шампанское? Тогда пошли его искать, не думаю, что оно имеется в ебучем придорожном мотеле!

— Ну, пошли, сука-бля, — проверил магазины «беретт» Том. — Но больше ни во что никто не лезет, как и было обещано!

— Конечно никто ни во что не лезет! — закивал Джилленхол. — Но только в то, что было обещано, — ехидно кашлянул он, замаскировав реплику.

Спустя час в номере, снятом сержантом Томом.

— Сука-бля, что мне надеть? — распотрошил чемодан Том, вытащив оттуда все тряпки, взятые из Сиэтла. — Вот, надену вот эту дубленку черную. Она солидная, да и с маской сочетается охуенно!

— Кака маска, Томми? Ты чай ёбнулси? — топнул Батлер сандалией, усыпанной стразами Сваровски. — Даже и не думай одевать ее!

— Но мне так, сука-бля, комфортнее! — принялся оправдываться сержант, бьясь в агонии волнения предстоящего свидания. — Разговор будет не из простых! А в ней проще дышать!

— Тук-тук-тук, смотрите, что дяде Джейку удалось нарулить в придорожном мотеле, — прошел в номер Джилленхол, неся в руках целый таз клубники.

— Да ты совсем опизденел, петушара? — взорвался Харди, выхватил из рук брата чан с ягодами и с психом вышвырнул в раскрытое окно. — Это уже слишком!

— С хуя ли слишком? — превратился в романтичную сову парень из шара. — Все девчонки любят подобную ванильку! Уж ты-то мне поверь!

— Но сержант этого не любит! И вообще, нахуя мне это надо, если я хочу просто серьезно поговорить, а не вот этой чепухой заниматься!

— Он еще и маску одеть решил, — пожаловался Батлер. — Мол, дышать в ней проще!

— Ой, в пизду, пусть делает, как считает нужным! — отмахнулся Джейк, поняв, что с психованным братом говорить не то что бесполезно, но и нахуй не надо — все равно вывернет все по-своему. — Нина, она не такая уж и дура — разберется, как снять эту хуйню, — изобразил он ладонями на лице странную конструкцию.

— Так, время уже почти девять, шкура придет с минуты на минуту, валите уже! — взглянул на наручные часы своего отца Том, поправляя одной рукой воротничок черной солидной тенниски. Нужно больше солидности!

— Батюшки свят! Пресвятая Дева Мария, матерь Иисуса! А гандоны-то мы не купили! — охуел Леонид. — Ну просто кто знает до чего дойдеть… А как-то не хотелось бы повторения той истории шестилетней давности! Лично мне нахуй не хочется опять этого говна!

— Ой, кому на хуй они нужны? — прыснул в смешке Джилленхол. — Нина сидит на противозачаточных колесах. Это сто процентов, они с Лисой вечно мне этой хуйней голову забивают, чтоб я пошел и купил им их в аптеке. Самим, видите ли стыдно. Еще подумают в аптеке, что они шлюхи! Так что, Томми, можешь делать что хочешь — залет попросту невозможен! Твори свой беспредел и даже не думай о последствиях!

— Какая-то сомнительная затея, — нахмурился Леонид, скрестив Аполлонские руки на груди. — Томми, сначала уточни у нее так ли это, а уж потом ебись как хошь. А еще узнай, не больна ли она…

— Конечно, не больна! — топнул вьетнамкой Джилленхол. — Охуел такое даже думать про нее? Сестры пиздец как бдят за подобным!

— Так, вы еще, сука-бля, здесь? — перебил хуевый диалог Том, практически и

не слушая бредни брата и друга.

— Ладно, пошли, — схватил Батлера за брошь Джейк и потянул к выходу. — Удачи тебе, Томми! Не теряйся, будь уверен в себе и все получится. И помни — Нина на колесах — все в порядке, даже голову не забивай! Отжарь ее и получи долю своего счастья, а уж потом — и большую семью! — нес хуйню он.

— Сука, да съебите же вы уже! — в край обнаглел Том, достал из-за пояса «беретту» и сделал предупредительный в потолок. Но предупреждать было уже некого — Джейк и Леонид покинули номер.

Глава 125: Тридцать

Оставшись наедине со своими мыслями, Харди накинул дубленку, застегнул маску и присел на подоконник, дабы немного помеланхолить.

«Послушай, Том, что будет, когда пизда узнает правду? Скорее всего распсихуется, закатит скандал и пошлет тебя на хуй! Ну и поделом! Так тебе и надо! Но так будет честнее, ибо строить будущее на лжи — хуйня. Не всплывет сейчас — всплывет потом. А кто знает, как это усугубится. Отец всегда говорил, что врать нельзя… — размышлял сержант, припомнив усталое еблище Кристофера Уокена. — Но терять ее тоже не хотелось бы… Сука-бля, что тебе делать?! Как все осветить с нужной стороны? А может и на хуй не надо вообще уточнять про стрипуху? Как говорится, кто старое помянет… Сука-бляяя…»

Из всех этих пессимистичных размышлений Харди вырвал стук в дверь. С присущей ему громоздкой легкостью, Том спрыгнул с подоконника и поспешил открыть. На пороге предстала…

— Ну здравствуй, Эми, сука-бля, Блэкберри, — растерянно похлопал девушку по плечу Том и сделал шаг назад, как бы приглашая зайти.

— Зачем ты называешь меня по второму имени? — игриво усмехнулась та, пройдя в номер. — Прямо как моя мать. Та вечно только так меня и называет. Почему тогда первым именем не сделала его, спрашивается? А я тебе скажу почему — бабке хотела угодить… — понесла она с порога пьяный бред.

Но Том нихуя не слышал ее, ведь залип на один будоражащий факт. Девушка явно готовилась к их встрече. На ней были короткие джинсовые шортики и белая блуза с глубоким вырезом. Сей наряд наконец-то открыл сержанту обзор на все, что было нужно! Вот тебе и ключицы, вот тебе и тот самый феникс на левой голени. Хоть Том это уже и видел в тот раз, когда она была наряжена в купальник, но в таком образе все это выглядело куда привлекательнее. Вроде бы и откровенно, а вроде бы и не так вызывающе, и даже, можно сказать, мило. Но куда милее было то, что ее волосы были завиты в крупные локоны. Неужели Нина сделала это ради него? Она накрутила волосы ради того, чтобы понравиться Харди? Вот уж поворот так поворот! Еще ни одна шкура не делала такого ради Тома! Черт! Может, тоже нужно было более основательно подготовиться к встрече? Например, приодеться понаряднее, а не в эту черную солидную хуйню!

— …а потом бабка заявила, что не отпишет нашей матери виллу в Париже, если та не… — увлеченно рассказывала Нина сплетни своей семьи, усевшись на кресло в углу номера.

— Красивые, сука-бля, кудри, — перебил Том, улыбнувшись уголками глаз.

— Ээээм… Спасибо, — опустила смущенный взгляд девушка. — Прости, наверное, я несу какую-то ерунду. Просто, когда волнуюсь, начинаю больше болтать, — виновато пожала она плечами.

— А почему ты, сука-бля, волнуешься? — поинтересовался сержант.

— Ну, потому, что, наверное, хотела у тебя кое-что спросить… Но я не знаю, уместно ли это будет… Да и вообще, нормально ли разговаривать об этом, — замямлила она, нервно поправляя праздное декольте. — Наверное, нет…

«Послушай, Том, какого хуя?! Что шкуре надо от тебя, о чем таком неуместном она решила поговорить с тобой? Сука-бля, сказать, что ты ебло собачье и предложить быть друзьями? Ну нет! Только бы не это!» — бредово размышлял Харди. Из-за подобного поворота событий все то, о чем хотел поговорить с ней сам Том, вылетело из головы, а сам сержант и вовсе забился в агонии неизведанного и, скорее всего, не радужного для него разговора.

— Мм? — все же решил он показаться милым, спрятав куда подальше свое волнение, и протянул ей бутылку шампанского, предварительно откупорив ее

кривыми зубами. Вторую откупорил и себе.

— А я рассказывала тебе о своих путешествиях с Лизи по стране? — суетливо спросила девушка, приняв бутылку. — Сейчас расскажу…

Том же, тяжело выдохнув, сел на небольшой диванчик у стены и приготовился слушать. Хоть он все это слышал уже не в первый раз, но решил прослушать вторично. Да и вообще, здесь можно было подумать и о своем, не боясь упустить что-то важное. А подумать Тому было действительно много о чем. О чем все же эдаком пришла поговорить Нина, а теперь маскируется, по второму кругу рассказывая о своих приключениях? И уместно ли теперь будет вообще вставляться Харди и выяснять что-то по стрипухе? Но, несмотря на свои переживания, сержант даже и не обратил внимания, как отбросил все вопросы и принялся слушать девичьи бредни.

Нина так увлеченно рассказывала, а Том так увлеченно слушал, что ребята совсем не заметили, как время уже приближалось к полуночи.

— Вот так вот и был убит бомж Макалей, — закончила она рассказ и замолчала.

В номере повисла неловкая пауза, длящаяся пару минут. Все это время парень и девушка то и дело бросали друг на друга нерешительные взгляды, не зная, что сказать, и тут же вновь отводили глаза в сторону.

«Послушай, Том, хуй с ней. Будь мужиком, сука-бля, и начни первый. Пиздани уже хоть что-то, дабы перейти к разговору про стрипуху! Ты же именно за этим и позвал ее, так хули ищешь отмаз?» — мысленно настроил себя Харди, и уже даже было раскрыл рот, как был перебит.

— Ээээм… — первой прервала тишину Нина, затеребив ниточку на джинсовых шортах. — Хотела кое-что спросить… Но не знаю — уместно это будет или нет… Нууу… Короче! Скажи, пожалуйста, ты чувствуешь тоже самое, что и я? — посмотрела она сержанту в глаза.

Том не то что охуел от данного вопроса — ебанулся! А что она чувствует? О, Клубничная Эми, только не начинай ебать ему мозги!

— Ммм… — замычал Харди, растерявшись до неузнаваемости. — Нууу… Ааам… Я же не знаю, что ты чувствуешь… А что ты, сука-бля, чувствуешь? — нахмурено посмотрел он на нее.

— Нууу… — продолжала мяться Нина. — Я не знаю, а ты?

— Не знаю, — зашнырял взглядом по номеру Харди, будто бы ища ответ на ее вопрос. Но тот никак не находился!

Боже! Он еще никогда не чувствовал себя настолько неловко! Нахуя она интересуется этим? Хотяяя… Постой! Кажется, эта девка запала на тебя по самый «небалуй»! Не об этом ли ты мечтал? Да, сука-бля, мы — власть! Мы сделали это!

— Что-то, сука-бля, странное… — продолжил Харди. — Тоже чувствуешь что-то странное?

— Что-то типа того… Но мне это нравится, — неуверенно улыбнулась Нина.

Правостороннее сердце нервно споткнулось и замерло. Сержант Харди даже и вообразить не мог, что услышит подобное. Неужели, это правда? И это уже не интрижка никакая! Выходит, он не просто мимолетно нравится ей? Выходит, и ей от него нужно нечто большее? Может быть она даже… Влюбилась? Но тогда это противоречит всем законам Мэрил Стрип! Та вечно твердила, что Том никогда и никому не будет нужен, а уж тем более — девушке! Оказывается, то была ученая ложь?!

Харди в ступоре уставился на девушку, забившись в агонии неизведанности. По-хорошему, эту неловкую сцену пора было бы уже и заканчивать. Тому стоило бы взять инициативу в свои руки, встать, подойти к ней и поцеловать, тем самым перейдя на новую ступень отношений, а точнее — провозгласить их начало. Но,

несмотря на то, что за последние несколько дней Харди уже был настроен на все это и даже предпринимал попытки поцеловать девку, отчего-то сейчас вся уверенность куда-то улетучилась. Возможно, из-за того, что в те разы все равно ощущалось некое предчувствие того, что ничего не выйдет, кто-то зайдет и отвлечет их. Сейчас же было ясно как день — пути назад не было, что непременно и ошарашивало сержанта.

Нина же поднялась с места и, замешкавшись лишь на секунду и глубоко вдохнув, не дыша двинулась в сторону диванчика, где и сидел Харди. По телу Тома побежали мурашки. О, Клубничная Эми, что же ты задумала?! В голове сержанта воцарилась звенящая тишина. Сердце же вновь застучало, да не просто застучало — бешено заколотилось, отдавая глухой пульсацией в виски. Нина подошла к нему вплотную и замерла. Том же и вовсе не отмирал, незаметно потирая вспотевшие ладошки. Божечки, неужели сейчас между ними рухнет стена неопределенности? Нина в нерешительности уставилась на парня, будто ожидая от него помощи, но тот, продолжал охуевше смотреть на девушку, бьясь в агонии необратимости лишения девственности своего пухлого рта. Не найдя в сером взгляде сержанта помощи, но и не увидев в нем отказа, она с опаской села к Харди на колени, непрерывно продолжая смотреть ему в глаза. По венам Тома будто бы пробежал электрический разряд, а из-под маски послышалось сбивчивое дыхание.

От всех этих телодвижений в номере повисла еще более неловкая ситуация! Ну же, кто усугубит ее сильнее? Нина завела трясущиеся руки за его голову и принялась расстегивать маску. Давай, иди до конца!

— Что ты делаешь? — меланхолично буркнул Том, которого и вовсе, кажется, закоротило.

— Я не знаю, — пизданула Нина. — А ты как думаешь?

— Я тоже, сука-бля, не знаю… Я тоже… — протянул сержант, и будто бы на автомате помог девушке справиться с маской.

Нина отложила ее в сторону и подалась вперед, остановившись в нескольких сантиметрах от лица сержанта.

— Что мы делаем? — прошептала она.

— Не знаю… Но продолжай, — прошептал он в ответ, окончательно утонув в ее зеленых глазах.

Атмосфера в номере накалилась до беспредела. Ее ладонь нежно легла на его щеку. Том же, с волнением предвкушая важность предстоящего события, немного подался вперед и ощутил ее горячее сбивчивое дыхание на губах. Глаза непроизвольно закрылись, и с огромным трепетом он осторожно, еле ощутимо, дотронулся своими губами до ее. Нина прерывисто, немного шумно вдохнула и закрыла глаза. Том же положил одну руку ей на талию, вторую — запустил в волосы, максимально прижавшись к ней. Девушка слегка приоткрыла рот, как бы позволяя пойти дальше.

И тут Тома будто перещелкнуло. От такой близости голову закружило, в груди приятно обожгло и по всему телу стало растекаться расслабляющее тепло. Он будто махом опрокинул стакан терпкого клубничного ликера, отчего возникло непреодолимое желание поцеловать ее как можно скорее. Решительно и даже немного грубовато, его язык проник-таки, сука-бля, к ней в рот! Да, Томми, ты — власть! Нина с тихим стоном выдохнула и крепко обвила его шею руками. Харди сильнее прижал ее за шею и с еще большим напором просунул язык глубже.

Дальше для Тома все было как в тумане. Новые ощущения настолько пьянили, что он не успевал думать, а действовал, следуя лишь наитию. Он крепко обхватил Нину одной рукой, слегка впившись пальцами ей в спину, второй — гладил по бедру. И пусть это его первый поцелуй, казалось, все идет как надо. Нина податливо отвечала на его прикосновения, слегка изгибаясь и

двигаясь в такт его движением. Порой она перехватывала инициативу, слегка отстраняясь и ловя его взгляд, а потом вновь впивалась губами в его губы. А сержант и не сопротивлялся, впуская ее язык в свой грешный ебливый рот, который так долго ждал! Ожидание было не напрасно! Том и подумать не мог, что целоваться так приятно. Почему Толстой о таком не писал? И хоть, буквально, поцелуй был совсем безвкусным, Тому было очень и очень сладко. Ее губы такие нежные, и она томно постанывает. Опять отстранилась и затуманенным взглядом посмотрела на его губы. А у самой губы уже покраснели от долгого поцелуя, на щеках проступил румянец. Том взял ее за щеки двумя руками и снова притянул к себе. Прижался губами и втянул воздух носом. Ее язык без напора проник ему в рот, а потом… Ай, укусила! О, Клубничная Эми, какая же ты кусучая! Аррр! Том еще сильнее обнял ее, а рука скользнула под блузу. Провел пальцами вверх по позвонкам и добрался до застежки лифчика между лопаток. Вряд ли ему удастся сейчас с ним справиться, поэтому мигом решил действовать иначе и запустил вторую руку прямиком в глубокое декольте блузы. Нина сладко промычала и даже не думала сопротивляться. Том сжал в ладони аккуратную грудь, оторвался от губ и стал целовать шею, а затем сводящие с ума ключицы. Нина запрокинул голову и прижала его крепче за шею.

Тома бросило в жар, потому он на секунду оторвался, выпустил Нину из объятий и снял дубленку. Он хотел было продолжить и потянул руку обратно к декольте, как Нина его остановила.

— Подожди, — хрипло пробормотала она и встала.

Черт! Что не так? Неужели она против? Передумала? Ну еб твою мать, и зачем он только решил снять эту дубленку? Спугнул девчонку! А хотя… Воу, что это она делает? Нина торопливо стала расстегивать одну за одной мелкие пуговицы блузы, после чего скинула ее на пол, оставшись в лифчике тонкого кружева, через узор которых отчетливо виднелись соски.

Харди пережил не то что сердечный приступ — обширный инфаркт! Вот, блять, кажется, нужен непрямой массаж сердца! Не успел Том перевести дух от сей картины, как Нина уселась на него сверху и поцеловала. Теперь стало еще слаще! Тут он почувствовал, как она трется о его уже давненько вставший член. Крышу снесло окончательно, его руки судорожно заметались по ее телу, то сжимая грудь, то впиваясь в ягодицы, обтянутые джинсовой тканью коротких шорт. Еще минута, и сержант больше не мог себя сдерживать! Он резко поднялся, подхватив Нину под бедра, а та обвила его ногами. В два шага он добрался до кровати, и вместе они завалились, не отрываясь друг от друга. Том приподнялся на руках, нависнув над Ниной и окинув ее голодным взглядом. Затем стянул с себя тенниску и вновь принялся целовать ее грудь, сдвинув кружево лифчика в сторону. А потом сам не заметил, как одна рука ловко расстегнула пуговку шорт, затем молнию и нагло проскользнула прямо в трусики. Нина со стоном выдохнула и закрыла глаза. Пальцы сержанта с легкостью проникли внутрь, и тут его настигла нехуйственная волна возбуждения! Ебать! Да она вся мокрая! Да, Томми, это от тебя она так потекла! Нихуя себе! Едва Харди снова прильнул к ее губам, а пальцы настойчиво продолжили хозяйничать в кружевных трусах, как дверь в номер с грохотом распахнулась и внутрь вбежала…

— Лизи? — растеряно промямлила Нина, и тут же ее за руку схватила сестра, выдернула из-под Тома и утащила из номера. — Что ты делаешь? Прекрати! — слышал Харди ее удаляющийся возмущенный голос.

— Что за сука-бля? — ошалевшее прорычал он.

Разгоряченный Том откинулся на спину, вцепился руками в голову и охуевше уставился в потолок.

«Послушай, Том, послушай… Послушай, сука-бля! Да как так-то? Как же так? Пиздос досада! Какого хуя пизда уебала?! В такой-то момент! Это же все было

пиздец как важно! Но хоть за пизду потрогал… А ты же еще хотел и поговорить с ней! Что она себе позволяет? Решила вновь поиметь тебя?! Так, стоп, сука-бля, остановись! Зачем в чем-то обвиняешь шкуру, ведь даже и не знаешь, что там произошло у ее сестры. Может что-то серьезное, все же Нина сопротивлялась и очевидно же, что не хотела уходить. Зачем тогда блузу сняла? Блять, Том, ты поцеловался… — расплылся он в ебанатской улыбке, подложив руки теперь под голову. — Сука-бля, вот это вот все было одно из лучших, что случалось с тобой. Оказывается, это так… Круто! Не зря ты так долго откладывал этот момент. Но, сука-бля, ты опять отдал клубничной шкуре нечто личное и важное, а она уебала! Падла! Стоп-стоп-стоп, прекращай уже гнать на нее, все же здесь она не виновата… Сука-бля, тебе что-то мешает расслабиться и думать про нее без озлобленности. Но что?» — осмотрелся он по сторонам.

— Сука-бля, все ясно, — усмехнулся он над комичностью ситуации, приметив стояк. — Нужно как-то выпустить пар, чтоб не думать про шкуру плохо. Зачем омрачать такие события, — поднялся он с кровати и побрел в ванную комнату, дабы передернуть и выплеснуть ненужную озлобленность.

Спустя три минуты.

— Да, сука-бля, да, — прорычал Харди, упершись ладонью в плитку и спустив в раковину. Он закрыл глаза, а тело содрогнулось в приступе блаженной эйфории.

Смыв с раковины остатки спермы, Том вымыл руки, и посмотрел на свое отражение в зеркале. Но то, что он там увидел, заставило его подскочить на месте и обернуться, ведь прямо за его спиной стоял…

— Дрочишь? — усмехнулся Батлер, перебирая в руках какую-то серую тряпку с резинкой «Кельвин Кляйн».

— Леонид! — взорвался Том. — Какого хуя? И давно ты тут стоишь?

— Пару минут, — пожал плечами бородач. — Не хотел тебя отвлекать, ждал, пока ты закончишь.

— Петушара, да ты конченый! — похлопал глазами Харди. — Нахуя ты вообще пришел сюда?

— Да вот, трусики простирнуть хотел, — помотал серой тряпкой Леонид. — У меня-то одежи нет с собой! Я ж просто хотел подбросить тебя до Сан-Франциско, а потом вернутьси домой. Откуда мне было знать, что все так затянетси? Не вонять же мне ходить?!

— А хули у себя не постирал? — состроил фирменный еблет Том.

— Да у меня кран сломалсси в номере. Точнее я его нечаянно сломал. Снял для одного аксперимента… Неважно! — отмахнулся Батлер, беззвучно рассмеявшись. — Хотел простирнуть у Джейки, вижу — девчули по коридору бегуть куда-то. Охуел, почему Нина не с тобой, вот и пришел разузнать, а заодно и постирать.

— Ну, стирай, сука-бля, — отодвинулся от раковины сержант.

— Так что она ушла-то? — повторил вопрос бородач, намыливая труселя.

— Какого хуя, Томми, что стряслось?! — ввалился в ванную комнату…

— Джейки? — превратился в сову-прачку Леонид, приметив друга в отражении зеркала. — Джейки, прости, прости ты меня, окаянного! — рухнул он на колени на кафельный пол. — Не хотел я с ней целоваться, видит Бог — не хотел! Я ж всю нашу встречу только про тебя ей и говорил, уговаривал помиритсси, а она взяла и поцеловала! Мне не нужно это, Джейки, совсем не интересно!

— Сержант что-то, сука-бля, пропустил? — заинтригованно приподнял шрамированную бровь Том, посмотрев сначала на друга, затем на брата.

— Ой, да Лиса нахуевертила, — раздраженно подкатил глаза Джилленхол. — Такая, конечно, она пизда! Назло мне, позвала нашего Леонида с ней

пройтись. На моих, сука, глазах! Думала, я такой лох и не вижу, что все это назло? Ну я жестами сказал Леониду, мол, иди с ней, отвле… — осекся он. — Поговори, выясни, что нужно этой нюхательной шлюхе. А она взяла, да и засосала его в то время, как наш друг пытался с ней поговорить обо мне и наших с ней отношениях! Ну не Лиса ли?!

— Бля, ну прости ты меня! Я не должен был этого допускать! Я плохой друг! Я так растерялсси, что даже и не смог противиться! — продолжал оправдываться бородач, стуча мокрыми трусами о кафельный пол.

— Леонид, полно тебе. Ты — лучший из друзей, ты не в чем не виноват. Да и вообще, я сам попросил тебя об этой авантюре. Кто знал, что Лиса окажется такой подлой? Встань с пола, простудишься, — поднял он друга.

— Точно не обижаисси и не злисси? — поинтересовался Леонид.

— Конечно, друг, — обнял его парень из шара, крепко сжав алый плащ.

— Ебать у вас Санта, сука-бля, Барбара, — усмехнулся Том, закурив вторую. Все назло знамо какой бляди!

— Так, а к тебе у меня отдельный разговор, — отстранился от плаща Джейк, просверлив брата недовольным взглядом. — Ты с ней поговорил? Все очень плохо, да?

— Ой, нихуя я, сука-бля, не поговорил! — вскинул руки Том и поспешил удалиться из ванной комнаты.

— Тогда что? Я требую объяснений! — рванул за ним и Джилленхол.

— Дверь не закрывайте, — крикнул вслед Батлер. — Буду стирать и слухать!

— Так что произошло? — скрестил руки на груди Джейк, присев на комод. — Если ты не рассказал о стрипухе, то почему Нина ушла и теперь шоркается по коридору с Лисой? Что ты нахуевертил?

— Да нихуя я не нахуевертил! — развел ладони Том, взял с пола открытую бутылку шампанского и присосался к ней.

— А чагось тогда? — послышался эффектный ор из ванной комнаты.

— Просто ворвалась твоя рыжая пизда, без объяснений схватила шкуру и поволокла на выход! — пояснил за уход Том.

— Лиса, сука, да что ей неймется?! — возмущенно вкинул пышные брови Джейк. — И что же ты здесь делал с Ниной, мм? Не один же час сидели. Да и ты по пояс раздет, — игриво похлопал он ресницами.

— Ну, сука-бля, поболтали, выпили… — загибал пальцы Харди, а затем тяжело и удрученно вздохнул.

— Что, не отжарил ее?! — психанул парень из шара, снял вьетнамки и возмутительно ударил ими по бокам, словно глупый пингвин.

— Нет, сука-бля, — подкатил глаза Том. — Зато поцеловались, — глупо улыбнулся он, отведя взгляд в сторону.

— Достижение! — пуще прежнего остервенел Джилленхол. — Ты должен был это сделать еще несколько дней назад! Заебал тянуть, Томми!

— Слышь, петушара, я никому и ничего не должен! — подорвался к брату Харди и схватил за щеки. — Сам решу, что и когда мне делать, сука-бля!

— Но ты сделал мало! Всего-то поцелуй! — продолжал охуевать сваха из шара.

— Нет, не просто поцелуй! Я еще лапал ее! И соски видел! — распетушился сержант. — И облизал их! И даже, сука-бля, пролез к ней в трусы!

— Вооо, а это уже лучше! — закивал бестолковым подбородком Джейк.

— Ты че, сука-бля, тут оцениваешь, что лучше, а что нет? Да я тебе! — вышел из-под контроля Том и боднул брата в лоб.

— Хватя! — вывалился из ванной комнаты Леонид и хлопнул братьев по головам мокрыми трусами. — Ну получилось, как получилось. Значить, дальше будя больше! Но раз уж сейчас все у всех обломалось, может бухнем?

— А заодно и тридцатник Томми отметим, мм? Еще за полночь и не

перевалило. Считай, день в день и отметим! — посмотрел на брата Джейк. — Ну же, давай!

— Да ну, сука-бля, неохота, — подкатил глаза Том, ведь мечтал уже поскорее остаться один и погонять в голове дурные мысли. Все же было очень обидно, что такой чудесный вечер так ебано кончился. И что теперь будет дальше? Наверняка, неловкая встреча с Ниной утром. Как вообще говорить с ней после случившегося? О чем? Да и получиться теперь вообще что-то? Все это было так спонтанно начато, так спонтанно прервано…

Вдруг раздался стук в дверь.

— Я открою! Это ко мне! — поспешил открыть Джилленхол и высунул кожаный нос за дверь.

— В смысле к нему, я не понял… — спросил у плаща Харди, но тот в ответ лишь пожал уголками.

— Ан нет, Томми, к тебе, — засунулся обратно парень из шара, кивнув на выход.

Нахмурившись чернее тучи, Том вышел в коридор и потерял дар речи, ведь пред ним предстала Нина, виновато стучащая указательными пальцами друг о друга.

— Том Харди, а у тебя больше не осталось шампанского? А то мы с Лизи выпить хотели, — поинтересовалась она, смущенно прикусив губу. Кажется, ей было немного неудобно, но это не точно.

— Осталось, сука-бля, осталось, — кивнул он, просверлив девушку слегка недовольным взглядом и как бы ожидая объяснений произошедшего.

— Не угостишь нас, мм? — продолжала смущенно беззаботничать Нина, совершенно не желая объясняться! Вот сука! Неужто и впрямь поимела?! А хули тогда наговорила всякой довольно сентиментальной лабуды да еще и потекла?! Ничего непонятно!

— Я, блять, понял, понял! — слишком очевидно психанул Харди и скрылся в номере, дерзко хлопнув дверью перед носом девушки. — Уебывайте на хуй, сержант хочет побыть один! — рявкнул он на брата и друга, беря в руки бутылку «игристого».

Спустя мгновение он вышел обратно и протянул Нине шампанское.

— Слушай, Том Харди, извини, что все так вышло, — замямлила девушка. — Просто не всегда в нашей жизни идет так, как хотелось бы. Сегодня мне правда нужно побыть с Лизи. Я завтра все объясню, хорошо? — зачем-то принялась оправдываться она. Ууух! Кажется, все в порядке. Ничего не поменялось.

— Ладно, — цокнул Том, немного подобрев.

— Ты что, обиделся? — нахмурилась она. — Ну ты что, не обижайся. Все же в порядке, да?

— Ну, сука-бля, да… Наверное, — продолжал строить из себя еблана Том, но девушка, будучи и сама ебанаткой, поверила ему на слово.

— Вот и славненько, значит до завтра? — улыбнулась она уголком губ.

— Значит, до завтра, — уныло ответил сержант.

— Ну давай, я пошла, Лизи ждет, — протараторила Нина, сделала шаг вперед, приподнялась на носочки, быстро чмокнула парня в пухлые губы и поспешила по коридору, пару раз нахуя-то обернувшись. Чай хотела, чтоб ты последовал за ней, Томми! А ты… Эээх! Хуй будет с тебя толку!

Сержант же Том проводил ее ебано-осчастливленным взглядом и вернулся в номер.

— Ладно, сука-бля, давайте выпьем, пидорасы. Все же, как-никак, тридцатка! — заявил он.

— Странно ты ведешь себя, — прокомментировал Батлер поведение друга.

— Не думаю, что это так важно! — отмахнулся Джейк. — Биполярка, хули!

— Только, сука-бля, у меня и пить нечего, только кокаин, — кинул Харди на кровать пакетик с белым порошком.

— Сейчас все будет! Та-даам! — хлопнул в ладоши Джилленхол, щелкнул в пальцы и устремил указательные в сторону двери в номер.

Та резко распахнулась и внутрь ввалилась сначала огромная квадратная шапка, затем безразмерные штаны, а уж следом — Джесси Пинкман, собственной персоной.

— Здарова, сучары, ёпта! — воскликнул он, вкатив за собой телегу, заполненную крепким алкоголем, изысканными закусками и метамфетамином.

— Как этот урод тут оказался? Ты его позвал? — поинтересовался у Тома Леонид. Тот в ответ отрицательно покачал головой.

— Джесси приехал, дабы реабилитироваться за то, что на мою днюху не попал! — пояснил за гостя Джилленхол. — Да и днюху Томми было пропустить — ну такое…

— Мою? Да я вижу его второй раз в жизни! — охуел Харди.

— А еще я как узнал, что мой лучший друг поругался со своей сучарой, то решил, что он неприменно должен отведать моего живительного мета, дыбы не грустить! — обнял Пинкман Джилленхола и шутоломно похлопал по голове. — Ну что, сучары, пьем, ёпта?

— Пьем! — расхохотались остальные над шапкой Джесси.

Так и запили, каждый раз поднимая тост за одного из братьев — ебанатов, один хлеще другого. Потом и раскурились великолепным метамфетамином за авторством и производством самого Пинкмана. Уже через полчаса такого возлияния все были веселы, бодры и обхуярены.

— Сучары, ёпта, слыхали про такого известного торговца — Сосо? — накинул пьяный вопрос Джесси.

— Торговца чем? Наркотики, сука-бля? Люди? — уточнил Харди, куря в окно.

— Да-да, знаю такого. Людьми он банчит в Чарлстоне, — закивал Джейк, почесывая ухо вьетнамкой.

— Не, ёпта! Не людьми, — отмахнулся Пинкман шапкой.

— Да хули ты мне рассказываешь? Думаешь, дядя Джейк не знает директора рынка в Чарлстоне, что торгует людьми? Пффф… Да знаешь, скольких я там продал? Что говорить, даже Лиса там нет-нет да продала Декстера. Так что Сосо слишком известен в узких кругах, чтобы люди, вроде меня, его не знали, — бил себя в грудь продавец человеческих жизней из шара.

— Ой, ёпта! Что ты мне тут лечишь? Я ж знаю, что этот сучара торгует кое-чем тут на трассе неподолеку, — стоял на своем Джесси.

— Так чем он торгует, сука-бля? Сержант хуй поймет, — отщелкнул бычок в окно Том.

— Коврами, — пояснил за торговлю Пинкман.

— Какими еще коврами? — нахмурились братья, Леонид и плащ.

— Ну обычными, ёпта, коврами!

— Хуйню несешь! — махнул на него рукой Харди.

— С хуя ли? Я тебе реальные вещи толкую. Я вот завтра хочу как раз туда съездить, да посмотреть че почем там у него, — пожал плечами Пинкман.

— А, у этого Сосо еще, кажись, бахча в Чарлстоне? — задумчиво почесал брошь Леонид. — Мы у него закупали арбузы как-то для кафЕ…

Бестолковый разговор прервал стук в дверь.

— Еще, петушара, кого-то позвал? — раздраженно пихнул в плечо Джейка сержант.

— Не, Томми, мне и некого больше, — с интересом уставился на дверь парень из шара.

Харди обвел прищуренным взглядом номер и всех присутствующих и пошел

открывать. Каково же было его удивление, когда на пороге он опять обнаружил…

— Нина? — приподнял он шрамированную бровь.

Та извинительно улыбнулась и помахала рукой.

— О! Нина! Ну-ка, заходи к нам и выпей за… — бросился к двери на четвереньках Джейк.

— За Джесси! — перебил его Том, преградив дорогу, сам взял Нину за руку и втянул в номер. — У него сегодня днюха, сука-бля!

— Ээээм… Да я в общем-то по делу. Есть еще шампанское? — удивленно переводила она взгляд с сержанта на кренделя в шутоломной шапке. — А это вообще кто?

— Друг пиздюка, и у него сегодня днюха, — пояснил за ложь Харди, не желая раскрывать свои именины.

— Ааа… — поджала губы Нина. — Так что на счет шампанского? Есть?

— Шампанского нет, но есть много чего еще, — подлетел к ней Джилленхол и сунул в руки рюмку с текилой. — Давай, потусуйся с нами, м? — уставился он, уже придумав, как через минут, эдак, пять выпроводит себя, Леонида и Джесси, оставив брата и Нину наедине.

— Да нет, спасибо. Меня там Лизи ждет. Мне шампанское нужно, раз у вас нет, то сбегаю в магазин, вроде тут был неподалеку у мотеля, — попятилась Нина, всучив рюмку в руки сержанту.

Джейк же стоял и настырно толкал Тома в бок локтем, пытаясь что-то объяснить. Но Том никак не понимал, чего от него хочет Морзе из шара, зато быстро придумал свой план.

— Пойдем вместе, сука-бля, сходим? — предложил он, осушив рюмку одним глотком. — А то ночь все-таки… Мало ли что… — почесал он лысину и указал ладонью на дверь.

— Ну пошли, — улыбнулась Нина, но продолжила стоять на месте.

— Ну пошли, сука-бля, — настойчиво махнул сержант на дверь еще раз.

— Так и пойдешь? — усмехнулась она и положила ладонь на оголенную грудь Тома.

— Сука-бля… — нервно хохотнул Харди, поняв, что так и не соизволил одеться после ее ухода.

Он быстро отыскал тенниску на кровати, натянул и поспешил покинуть номер, схватив Нину за руку и увлекая за собой.

— Кажется, магазин, сука-бля, в той стороне, — указал Том на светящуюся вывеску «24» метрах в пятидесяти от мотеля. — Идем?

Нина кивнула и двинулась к круглосуточному маркету, не отпуская руку сержанта. Повисла неловкая пешая пауза. Оба шли нарочито медленно, однако неминуемо приближались к цели.

— Мне жаль, что пришлось уйти. Я совсем не хотела этого, но сам понимаешь… — заговорила Нина, когда Том открыл перед ней дверь магазина.

— Понимаю, сука-бля. Мне тоже жаль, — вздохнул Харди и направился к витрине с алкоголем.

Нина неглядя провела ладонью по стеклянным бутылкам на полке и наугад взяла шампанское, сама же не отрывая взгляда от Тома.

— Хуясе пойло возят в придорожный магазин. Французское, сука-бля. Моёт и Шандон… — усмехнулся Харди, когда они подошли на кассу.

— Многие думают, что в названии этого шампанского при произношении следует убирать букву «т» в первом слове, согласно правилам французского языка. Однако, это имя собственное, а посему это заблуждение, и «т» на конце остается. Зато во втором слове как раз-таки следует убрать «н» в середине. Ну а амперсанд, как и положено во французском, читается как «э». Таким образом,

правильно говорить не «Моёт и Шандон», а «Моэт э Шадон», — пояснила за грамотность Нина, подняв указательный палец.

— Сечешь во французском, сука-бля? — ухмыльнулся Харди.

— Ну да, я же рассказывала, что моя бабка — француженка, — гордо вздернула подбородок Нина.

— А денег-то хватит, пизда, на Моэт э Шадон? — спародировав французский акцент, уставился он на Нину прищуренным игривым взглядом.

— Восемьдесят три доллара, — «пикнула» бутылкой женщина за кассовым аппаратом.

— Оу… — округлила глаза Нина и стала хлопать себя по карманам джинсовых шорт, но тут же поняла, что денег с собой не брала. Она похлопала ресницами и растеряно уставилась на продавщицу.

— Да ладно, сука-бля, сержант шутит, — пихнул Харди Нину в бок, достал из кармана скамов кредитку и вставил в терминал.

— Спасибо, Том Харди, это очень мило с твоей стороны, — бестолково заулыбалась Нина, взяла бутылку и пошла на выход.

— Слушай, что за шляпа? Зачем ты называешь меня Том, сука-бля, Харди? — догнал ее сержант.

— Ну… — замялась Нина. — Тебя ведь так зовут, поэтому и называю.

— Ну это, сука-бля, довольно странно, нет? Покурим? — остановился Том, когда они оказались на улице, и достал пачку сигарет. Нина кивнула и остановилась. — Можешь называть меня просто по имени? А то хуйня какая-то, если честно.

— Хорошо, — ухмыльнулась Нина и, опустив взгляд, закурила.

— Здесь запрещено курить, — указал сержант на знак с перечеркнутой сигаретой за ее спиной. — Отойдем? — махнул он головой в сторону, как бы предлагая зайти за угол.

Нина обернулась на запрещающий знак и пошла к углу здания. Том за ней. Остановившись, она оперлась на кирпичную стену, а он встал напротив в шаге от нее. Харди курил и смотрел ей в глаза, думая лишь о том, как бы ему хотелось вернуться обратно на пару часов назад и оказаться с ней наедине в номере. За этими мыслями он не заметил, как докурил, отщелкнул окурок и потянул руку к ее щеке, а затем поцеловал. Нина обняла его рукой, в которой держала бутылку, и ответила на поцелуй. По спине у Тома пробежали мурашки, и он прижал ее к стене, проскользив ладонями по спине и остановившись на заднице. Не отрываясь от его губ, Нина подняла одну ногу и обхватила ею Харди. Дыхание у него участилось, и он инстинктивно подался вперед, сильнее прижимая ее к стене.

Том уже переключился на ее шею, втягивая носом приятный аромат ее духов, а одна рука поднялась выше и сжала грудь. Кажется, он уже не в силах был сдерживать себя, а вставший член так и кричал ему, что дрочка в раковину, это совсем не то, чего им обоим хочется. Харди готов был сделать уже все прямо здесь и сейчас, на улице, за углом убогого придорожного маркета. А как же твой романтичный настрой, Томас? Разве это романтично? А! Да в пизду эту романтику! Давай, завали уже ее!

— Томми… — простонала Нина.

«Послушай… Томми?» — мысленно охуел хлеще некоторых сержант и окончательно утратил контроль, дерзко положив ей ладонь между ног. Девушка шумно вдохнула, а затем выдохнула.

— Томми, постой… — тихо повторила она и убрала его руку. — Постой, пожалуйста.

— Мм? — потерянным взглядом посмотрел на нее сержант.

— Мне надо идти. Лизи ждет, — с разочарованием запрокинула она голову к стене и посмотрела в ночное небо.

— Сука-бля… — протянул Харди, также устремив взгляд ввысь, но продолжая прижимать Нину всем телом к стене. — Не похуй ли? Она же не маленькая? Почему ты должна делать, что она хочет?

— Черт! Все не так просто… — нежно погладила его по затылку Нина. — Понимаешь… Так вышло, что… Ведь они с Джейком поссорились, она и так себе места не находила… А тут… Блять! Я обещала не говорить!

Том подозрительно посмотрел, приподняв шрамированную бровь.

— Поклянись, что не расскажешь никому. А главное шаровому! — взяла его за щеки Нина и, наконец, соизволила опустить ногу.

— Ну? — согласно кивнул Том, тем самым как бы поклявшись.

— В общем, Лизи беременна. Она узнала сегодня. Именно это мы и отмечаем с ней. И именно поэтому мне нужно было шампанское, — продемонстрировала она бутылку.

— Бляяя… А пиздюк и не знает, и продолжает ебать ей мозги, — почесал лысину Том и отпустил Нину, ненароком пытаясь прикрыть стояк.

— Ты поклялся, что не скажешь! — выставила указательный палец Нина. — Я сама пообещала никому не говорить. Но вот пришлось сказать, ведь все это слишком неудобно перед тобой выходит. Я не хочу, чтобы ты думал, что я тебя отталкиваю. Просто причина и впрямь серьезная. Так ведь?

— Так, — поджал губы Харди. — Джейки — ублюдок. Давай я с ним как-то поговорю, чтобы он уже прекращал заниматься, сука-бля, этой ебалой.

— Я не знаю, — вздохнула Нина. — Главное, не говори про беременность. Лизи не хочет, чтобы они мирились на такой вот почве. Помирятся — тогда и скажет сама. Хорошо?

— Хорошо, — задумчиво протянул сержант, обдумывая как бы ему вразумить брата. Не успел он ничего даже и начать придумывать, как Нина обвила его шею руками и вновь поцеловала. Харди крепко сжал ее в объятиях, утратив все мысли.

— Бля… Томми, идем, — через пару минут оторвалась от него Нина и умоляюще посмотрела в глаза, как бы говоря, что и сама нет-нет да готова отдаться ему в этой подворотне.

— Идем, — прошептал сержант и еще раз сладко, но коротко засосал.

Он протянул ей руку, и они неспеша пошли к мотелю.

— Так значит Томми? — спросил он на полпути.

Нина усмехнулась, закусила губу и отвела взгляд.

— Мне, сука-бля, нравится, — крепче сжал ее ладонь Харди.

— Я пойду сразу в номер, а то, если зайду к вам, шаровой не отвяжется, — остановилась Нина на втором этаже. — Да и Лизи уже наверняка меня потеряла. Ей нельзя сейчас нервничать.

— Ну, сука-бля, тогда до завтра? — забился в агонии прощания Том.

— Ну… Ей же и пить много нельзя. Так что возможно это последняя бутылка шампанского, а потом, может, она ляжет спать, — крутила в руках бутылку Нина, отковыривая этикетку. — Так что, если не собираешься пока спать, то я могла бы зайти, когда Лизи заснет… М? Не против?

Харди не посчитал нужным отвечать на такой бестолковый вопрос, ведь ответ был очевиден. Вместо этого резко притянул Нину и в очередной раз поцеловал. Это было так странно для него. Еще совсем недавно он вообще не готов был к таким вещам. Потом стал задумываться, что, в принципе, поцелуй с ней мог бы быть вполне приемлемым и уже совсем не казался чем-то из ряда вон выходящим. Затем он уже мечтал о возможности сделать это и даже предпринимал попытки. Теперь, он может просто вот так взять и поцеловать ее. Ему не надо спрашивать разрешения, она позволяет себя целовать и даже целует сама. А ведь с их первого поцелуя прошло всего-ничего, а это уже казалось таким естественным. Но от этого не менее желанным. Тому хотелось

целовать ее не переставая, трогать везде, обнимать и крепко прижимать к себе. Так и делал. Так и целовал, трогал и обнимал, чувствуя себя от этого невероятно счастливым. Пожалуй, таким счастливым, как никогда раньше. Сержанту даже не верилось, что все это может происходить и происходит именно с ним: с никчемным британским ублюдком! И оттого счастье, так внезапно упавшее на голову, казалось таким хрупким, зыбким: одна малейшая ошибка — и все рухнет, одно неверное действие — и все рассыплется! Но Тому так хотелось это сохранить и сберечь, что до невозможности было страшно сделать что-то не так, как-то обидеть, сказать лишнее или недосказать нужное и важное. И потому каждый раз все эти ее спонтанные уходы, недосказанности и прочья бабья чепуха выбивали почву из-под ног, заставляя нехило нервничать и накручивать себе в голове всякое. Зато слова о том, что она хочет вернуться к нему под покровом ночи, напротив — придали уверенности. Уверенности в том, что не одному ему это надо, но и ей тоже. Что ей хорошо и приятно находится с ним рядом, и что хочется быть еще ближе. От подобных рассуждений у сержанта моментально закружило голову, а сердце в груди подскочило.

— Я не буду спать, — тихо сказал Том и отпустил Нину.

Ее губы дрогнули в полуулыбке, и она попятилась назад, не выпуская руку сержанта. Расстояние между ними стало уже слишком большим, чтобы продолжать держаться за руки, и теперь они касались друг друга только кончиками пальцев. Через мгновение ее ладонь соскользнула, и Нина, нащупав ручку двери позади себя, скрылась в номере.

Том со стоном выдохнул и схватился за щеки, забившись в целом каскаде агоний: тоски от очередного вынужденного расставания; повышенной концентрации поцелуев в его жизни за последние два часа; возможной скорой встречи со всеми вытекающими; а также боязни краха всех надежд. Так и поплелся в свой номер.

Там, несмотря на столь поздний час и отсутствие именинника, празднование тридцатилетия Харди продолжалось. Сержант прошел внутрь и с блаженно-встревоженным лицом уселся на диван.

— Ну, Томми! Как сходили? — мигом подскочил к нему Джейк и безумно затряс за рукав тенниски, желая знать все подробности. — Вас долго не было! Ты ей вдул? Ну же? Чего молчишь? Эй, Томми! Говори немедленно! Я больше не могу ждать! Говори!

Том лишь в очередной раз вздохнул и откинулся на спинку дивана, уставившись в потолок. Так он сидел минут десять, молча погрузившись в себя, а парень из шара все продолжал попытки достучаться до брата. Но увы и ах — было закрыто!

— Почему он молчит? Леонид! Скажи ты ему! — впал в безумие Джилленхол, ведь ненавидел упускать из-под кожаного носа важные детали.

— Томми, все в порядке? — с подозрением спросил Батлер, ведь считал подобное молчание дурным знаком. Еще бы! Ему сразу вспоминалось утро, когда друг вернулся из стрип-клуба после встречи с Клубничной Эми и также безумно молчал, как конченый даун. — Чай чего нахуевертил? — прикрыл невольно округлившийся рот плащом Леонид.

— Сучара, ёпта! Прекращай! — вскипел и Пинкман, с психом бросив в Тома шапку.

— Да что вам надо, сука-бля? — окинул парней пьяным от любви взглядом Харди. — Все в норме. Все хорошо, — заверил он. — Выпить нальете?

Батлер быстро метнулся к столу, наполнил стакан джином и протянул сержанту, в надежде, что алкоголь разговорит его. Тот сделал небольшой глоток, посмаковал, причмокнул губами и опрокинул все остальную порцию разом.

— Все хорошо, — повторил он, мечтательно улыбнулся и растеряно осмотрелся по сторонам. — Сколько, сука-бля, время?

— Начало второго, ёпта, — взглянул на огромные квадратные швейцарские наручные часы Джесси. — Время приключений? — задорно подскочил он к Тому и принялся шутливо бить его кулаками в плечо.

— Время сна, сука-бля, — зевнул Харди, ведь события последних дней, а в особенности последних часов до безобразия утомили его. Тому так захотелось спать, но вместе с тем и ужасно не хотелось — все из-за тех же самых событий. Такая вот двойственная сонливость Шредингера-Харди. — Время, сука-бля, подбодриться! — хлопнул он себя по коленям, поднялся и рассыпал на тыльную сторону ладони кокаина.

Не успел он вынюхать порошок, как взбодрился хлеще некуда, услышав нерешительный стук в дверь. Харди подскочил на месте, стряхнув с руки кокаин, и с волнением уставился на вход.

— Опять Нина? Да? Это же опять она? — завилял метафорическим хвостом Джилленхол, суетливо забегав вокруг брата.

— Откроешь? — схватил его за шкирку сержант. — Или нет, я сам, сука-бля. Или как лучше?

— Какая разница? Джесси, открывай уже! — махнул на дверь Джилленхол.

— Сука-бля, что делать-то? Если это она, то наверно думает, что я один? А может это вообще не она? Может это твоя пизда? — неистово затряс брата Том, словив клина, будучи по жизни нерешительным долбоебом.

— Лиса спит, я уверен. Если ей грустно, и она выпила по меньшей мере бутылку шампанского, то как пить дать — вырубилась и пускает слюнки на подушку, — заверил внимательный супруг из шара.

— Да? А хули она грустит? Ну в смысле хули, сука-бля, ты, ебло собачье, продолжаешь ебать ей мозги? — решил показаться милым незнамо перед кем сержант, вспомнив о своем намерении поговорить с братом.

— Томми! Тебя ебут чужие отношения? Занимайся своими, еблан! — рыкнул Джейк и выкрутился из хватки брата.

— Может уже кто-нибудь впустит шкуру или кого бы то ни было, кто стучит, — нервно затопал Харди, услышав, что нерешительный стук уже превращался в раздраженный, а потом и вовсе стих.

— Чай уходит! — взвизгнул Леонид, тем самым распахнув дверь.

На пороге было пусто, а через секунду в проеме показалась Нина, выглянув из-за косяка.

— Батюшки свят, Нина! — наигранно завизжал Батлер, хлопнув себя по бедрам.

— Ку-ку, ёпта! — выглянул из ванной Пинкман, ведь, когда Джейк попросил его открыть дверь, именно это он намеревался сделать, но вот незадача! — перепутал входную с дверью ванной комнаты!

Нина озадаченно смотрела на всех по очереди, не понимая, что происходит. Затем вопросительно взглянула на Тома. Тот извинительно пожал плечами и почесал лысую макушку, не понимая в свою очередь, что делать. Нина нахмурилась и скрестила руки на груди, не понимая, нахуя она в таком случае сюда пришла. Том выставил ладони, давая ей понять, что он сейчас непременно все исправит.

Но пока Харди общался с Ниной взглядами, организатор из шара все уже сделал за них. Он схватил Батлера за плащ, Пинкмана за ковровую рэперскую футболку и поволок из номера, на ходу твердя, что вечеринка слишком затянулось, что Леониду завтра за руль, что у него самого нет праздничного настроения, да и вообще, алкоголь и наркотики — зло, и пора с этим кончать. Все трое они пропихнулись в дверной проем, где продолжала стоять Нина, сверля взглядом Тома. Тот смотрел в ответ, нервно кусая губы.

Наконец парни покинули номер, и еще с полминуты слышались их голоса из коридора. Затем хлопнула одна дверь — это в свой номер зашли Джейк и Джесси. Через несколько секунд хлопнула вторая — Леонид и плащ также скрылись в своем номере. А Нина с Томом все продолжали стоять: одна в дверях, второй — посреди комнаты.

Первой в номер шагнула Нина, закрыла за собой дверь и в нерешительности прислонилась к ней спиной.

— Закрой на замок, — выдохнул Том.

Но Нина уже и без того нащупала защелку и осторожно повернула ее. Повисла неловкая накаленная пауза.

Глава 126: Близко

Оба сорвались с мест и рванули друг к другу. В одно мгновение преодолев небольшое расстояние, разделяющие их, Том с жадностью впился в ее губы, прижал к себе и приподнял над полом. Нина запрыгнула на него, обхватив двумя ногами и крепко обвив руками за шею. За последние часы, проведенные вместе, у обоих накопилось столько нерастраченной энергии, что теперь казалось она вот-вот польется через край. Том шагнул в сторону, и вместе они упали на кровать. Оторвавшись от ее жарких губ, он стянул с себя теннискy и отбросил в сторону. Нина тут же вновь притянула его к себе за шею. Рука Харди уже хаотично заметалась по ее телу, то хватая грудь, то впиваясь пальцами в бедро. Затем он опустился чуть ниже и стал целовать шею, и уже обе ладони оказались под ее футболкой. Через пару секунд и та была скинута на пол. Нина не стала ждать, когда Том разберется с застежкой лифчика, ведь, кажется, не хотела уже медлить ни мгновения, потому сама быстро расстегнула и отбросила. Харди отстранился и безумным взглядом уставился на обнаженную грудь. С нетерпеливым стоном принялся ее целовать, цепко сдавливая в ладонях, облизывая и покусывая затвердевшие соски. Нина вздрагивала и изгибалась от его прикосновений, впиваясь ногтями в затылок. Потом вновь потянула к себе, поцеловав в губы. Ее ладони скользили по его широкой спине, плечам, по рельефным мышцам груди и пресса… А потом пальцы нагло расстегнули ремень скамов, после пуговку и молнию. Нежная ладонь игриво провела по твердому члену, и затем уверенно сжала его у самого основания. Потом начала двигаться вверх-вниз.

Том что-то невнятно промычал, привстал на колени и стянул с Нины разом и шорты и трусы. Чуть не схлопотав остановку сердца, когда она оказалась перед ним совершенно голой, сержант постарался как-то взять себя в руки. Ведь казалось, что сил терпеть больше не было, до безумия хотелось просто наброситься и растерзать ее всю, что бы это ни значило в его представлении. Он раздвинул ей бедра и положил руку между ног, где было не то что влажно — не на шутку мокро! А еще жарко. Том углубил пальцы между половых губ и поводил взад-вперед, в такт тому, как Нина дрочила ему хуй. Затем он засунул два пальца внутрь, а большим нащупал клитор. Нина прерывисто застонала, подавшись вперед и впуская пальцы глубже. Свободной рукой сержант спустил скамы и черные солидные боксеры, выпустив член, который она не выпускала, наружу. Ну все! Хватит этих прелюдий! Он всем весом навалился на Нину, рукой, которой дрочил ей, взял за запястье ее руку, которой она дрочила ему, и завел за голову, прижимая к кровати. Том посмотрел в ее зеленые глаза, уже, кажется, молящие не медлить, прильнул своими губами к ее и резким движением вошел. О, да! Как же пиздато! О, Клубничная Эми! Вот снова и встретились!

Нина с громким стоном выдохнула, оторвавшись от поцелуя, взяв Харди за щеки и безумно уставившись ему в глаза. От ее призывного взгляда волна возбуждения накрыла с еще большей силой, и Том, полностью растаяв, растворившись и разбившись на миллион осколков, уже не мог ни думать о чем-либо, ни коим образом себя контролировать. Все, на что он был способен сейчас, впрочем, как и все, чего он сейчас хотел — просто ебать ее. Просто с остервенением загонять хуй по самые яйца в ее горячую клубничную пизду. Впрочем, несложно догадаться, что с таким настроем это не могло долго продолжаться. Но именно этого Тому и хотелось. Он не мыслил больше ни о чем, кроме как скорее добраться до финала. Так, спустя три минуты быстрых фрикций, от члена по всему телу стало растекаться блаженное тепло.

— Сука-бля… — хрипло промычал он, уткнувшись Нине в ключицу и с силой продолжая прижиматься бедрами, которые слегка подергивались в экстазе.

Так и кончил.

— Сука-бля, прости… — пробормотал Том, переведя дух и поняв, что все завершилось слишком быстро.

Он приподнялся и посмотрел на Нину. Та, кажется, выглядела несколько растерянной.

— Ээээм… Да ладно, ничего, — поджала она губы и натянула на себя простынь. — Все под контролем.

— Под контролем? — нахмурился Харди, не поняв, о чем речь. Но затем резко осознал, что сделал. Ну еб твою мать! Опять! Кончил в нее! Нахуя ты это сделал, долбоеб? Что говоришь? Брат сказал, что шкура на колесах и нет повода для беспокойства? И эти слова отложились у тебя в подсознании. А, ну тогда это все объясняет!

— Да… Думаю, да, — пожала плечами Нина.

«Послушай, Том! Да что за говнище ты наделал? А вдруг пиздюк сбрехал про колеса? Хотя, нахуя ему это?» — забился в агонии осечки сержант, откинувшись на спину и натянув штаны.

— Ты думаешь? Или же ты уверена? — повернулся он и с прищуром, свойственным лишь его мозгоправу, взглянул на Нину.

— Все в порядке, не парься. Правда, — не очень-то уверенно поспешила успокоить та.

— Точно? Прямо, сука-бля, точно-точно? — превратился в сову-Джонни Том.

— Точно, — улыбнулась Нина и чмокнула его в шрамированную бровь.

Ну все, кажется, она не злится, и это главное. Значит не распиздит тебя и не выгонит ссаными тряпками. Хотя с хуя ли ей тебя выгонять, если вы в твоем номере? Ладно, все это неважно. Главное, что она сказала, что все под контролем, так что можно расслабиться! И да, Томас, ты все же завалил ее! Лайк из шара за это обеспечен! Собачий респект тебе и верхнее еврейское «пять»!

Харди застегнул ремень, а затем еще стянул с себя берцы, ведь лежать на кровати в ботинках — ну такое… После потянулся к тумбочке за пачкой сигарет и пепельницей.

— Все же прости, что все так, сука-бля, вышло, — состроил извинительный фирменный еблет Том, протягивая Нине сигарету. — Я пиздец как тобой увлекся и все вышло из-под контроля.

— Да, и впрямь. Контроль утрачен к хуям, — усмехнулась Нина. — Даже не узнаю себя. В последние дни все стало иначе. И мне это нравится.

— Ты это все серьезно? — приподнялся на локтях Харди и взволнованно посмотрел на нее. — Просто, сука-бля, если честно, такая ебала тоже для меня впервые. Никогда такого не было, и не думал, что будет когда-либо, — он протянул руку и провел пальцами по ее растрепавшимся от ебли кудрям. — Мне хорошо с тобой. Очень, сука-бля, хорошо.

— И мне, Томми, — повела Нина головой, как глупая кошка, ласкающаяся о человеческую ладонь. — Те чувства, что я сейчас испытываю — они новые для меня, — положила она ладонь на солнечное сплетение.

Том затушил окурок о дно пепельницы, потом забрал недокуренную сигарету у Нины и забычковал. Чтобы потом, если вдруг сигареты кончатся, докурить ее — все назло матери! Затем он запустил пальцы ей в волосы и нежно поцеловал в губы.

— Но все равно, сука-бля, не понимаю, — решил он высказать возникшую во время поцелуя мысль. — Говоришь, что все это впервые. А как же твой шмаровоз Декстер? Ты же вышла замуж за него. Вроде даже дважды? Так ведь?

— Так, — вздохнула Нина, опустив взгляд.

— Так и нахуя ты это сделала? Разве к нему чувств у тебя не было? — непонимающе приподнял Том шрамированную бровь.

— Конечно нет! О чем ты? Он же… Он же хуев мудак! — всплеснула руками

Нина.

— Тогда я, сука-бля, нихуя не понимаю…

— Я и сама не понимаю, — закрыла лицо ладонями Нина. — Все сложнее, чем кажется. Я… Я чувствую себя бабочкой, угодившей в паутину. И мне никак не выбраться! Только сейчас, когда он потерял память, у меня появилась надежда, что наконец смогу жить свободно.

— Послушай, Нина, — просунул сержант одну руку ей под шею, притягивая к себе, второй — убрал ее ладони от лица, и заглянул в глаза. — Давай я, сука-бля, разберусь с этим петушарой. Чтоб он больше не трогал тебя. М? Только скажи, и я сделаю.

— Не надо. Не стоит его трогать вообще. Уехал в свой санаторий — и пусть. Я буду просто надеяться, что он ничего не вспомнит и оставит меня в покое…

— Нет, я, сука-бля, серьезно. Давай разберусь, — прижал Харди ее крепче к себе и потерся щекой о светлые волосы.

— Нет. Я просто не хочу больше ничего о нем ни слышать, ни видеть его. Просто хочу забыть обо всем этом, — отрицательно покачала головой Нина. — Я думаю, ты прекрасно можешь мне в этом помочь. М? — улыбнулась она уголком рта и посмотрела на него с озорной искоркой в глазах.

— Да? И как же? — подался он вперед и поцеловал в плечо.

— Ну не знаю… — подняла взгляд к потолку Нина и стала накручивать локон на палец. — Заполнишь пустоту внутри меня? Мм?

— Мхм… — промычал Харди, с восхищением глядя на ее тонкую шею и изящные ключицы.

— Кстати, знаешь что? — резко поднялась Нина и нежданно-негаданно оседлала Тома сверху, продолжая одной рукой придерживать простынь на груди. — Мне кажется, тебе было бы хорошо с волосами, — положила она свободную ладонь на лысину Тома и потрепала воображаемую прическу. — Ты и так милый, а был бы еще милее, — лукаво прищурила глаза. — Мой милый, милый сержант Том… — положила она обе руки ему на грудь и провела кончиками пальцем вниз, тем самым отпустив простыню.

Сержант шумно выдохнул и положил руки ей на бедра.

— Я какое-то время ходил с волосами… — ляпнул невнятную хуйню Харди залипнув… Ну нет! Не на сисечки! На ключицы! Так же нет-нет да забился в агонии умиления. Она трижды за раз назвала его милым! Не это ли то счастье, к которому он так долго шел? Осталось теперь только научиться дышать и дело в шляпе.

— Отпустишь немножко? Очень бы хотелось посмотреть, — взяла его за подбородок Нина и приподняла, дабы установить визуальный контакт.

— Могу отпустить, — бредил Том, посмотрев ей в глаза опьяненным взглядом, а член в штанах постепенно начал твердеть, посылая хозяину импульсы, что никакой отдых ему не нужен и он готов ебать эту клубничную девку дальше. — Прямо сейчас и приступлю, сука-бля…

— Нууу… — прикусила кончик пальца девушка, наигранно-задумчиво покосившись на потолок. — Думаю, сейчас тебе бы стоило приступить к чему-то другому.

— Например? — продолжал ослепляться любовью Харди, не понимая ничего вокруг!

— Дело в том, что прошлого раза мне не очень-то и хватило, если ты понимаешь, о чем, сука-бля, речь, — спародировала фирменный еблет сержанта Нина, разведя ладони в стороны.

«Послушай, Том! — очухался Харди, которого от подобного заявления не то что обухом по голове ударило — лопатой! — Шкура-то не кончила! Сука-бля, это провал! Если ты не сможешь ее удовлетворить, она непременно кинет тебя, разочаровавшись в тебе, как в мужике. Да и вообще, это пиздец же стремно

выходит, ты же хотел ее осчастливить, так давай, делай уже что-то! Сделай ей приятно», — дал он себе установку.

— Мм? — переместил он ладонь с ее бедра и остановился между ног.

— Мхм, — согласно промычала она, не отрывая от сержанта вожделенного взгляда.

Пальцы Тома с присущей им наглостью проникли в щелку и медленно, но верно, стали творить там свой беспредел. Большой вновь нащупал клитор, нарочито медленно надавил и принялся производить круговые движения. Указательный же, не понимая куда ему деться, проник во влагалище и немного надавил на внутреннюю стенку, но шевелиться больше пока не спешил. Нина выдохнула через нос, утробно застонала и прогнула спину, слегка откинув голову назад. Приметив ее реакцию, Том ощутил над девушкой власть и понял, что сейчас все, что будет происходить с ней, находится только в его руках и не в чьих больше. О, сержант Харди, ты — власть! Но от чего-то Тому вдруг удумалось подразнить ее и не дать кончить. Не зря же говорят, что чем дольше ждешь, тем слаще встреча? Так почему бы, собственно говоря, не потомить ее сейчас?

Харди все также медленно продолжил надрачивать ей. Сама же Нина, явно желавшая большего, стала двигать ему в такт бедрами, как бы пытаясь нарастить темп.

— Ну нет, сука-бля, так дело не пойдет, — усмехнулся над комичностью ситуации Том, схватил девушку за бедра и ловко перевернул на спину, оказавшись теперь сверху.

После непродолжительного, но такого о многом говорящего визуального контакта, Том поцеловал ее, одновременно расстегнув скамы. Справившись с пуговкой и молнией, Харди оторвался от девушки и стянул штаны, трусы и носки. Ведь, если кто забыл, Том не любил! Жариться в носках!

После того, как сержант оказался полностью раздет, вновь навис над разгоряченной девушкой и принялся осыпать ее лицо поцелуями, между делом вновь погрузив пальцы в клубничную пизду. Ох, до чего же мокро там было! Надо думать, ты ж кончил в нее, больной ублюдок! Посмотри на свои штаны, пока она о тебя терлась, сидя сверху, наверняка оставила пятно!

И вот Том добрался до своих дражайших, многоуважаемых — клубничных ключиц, и нежно поцеловал сначала одну, затем вторую. Отстранился и посмотрел на них взглядом, преисполненным нежности. Погладил кончиками пальцев свободной руки, наткнулся на шрам от пулевого ранения, нахмурился. Пробежался быстрым взглядом по девушке и остановился на ее лице. Глаза закрыты, постанывает от прикосновений блудливых сержантских пальцев. Значит, ей хорошо. Том замер и задумался.

А что происходило с ней за шесть лет их разлуки? От былой юношеской припухлости Нины-Эми не осталось и следа. Девушка стала более поджарой. Рельеф мышц выделялся более отчетливо, косточки проступили сильнее. Повзрослела. Но все эти видоизменения притягивали и возбуждали не меньше прежнего. Хотя, наверное, выступавшие косточки вызывали у Тома желание накормить ее. Да, он непременно сводит ее куда-нибудь и накормит чем-то калорийным, но только не сегодня, а уж тем более — не сейчас.

Так что за шрам находится чуть выше ее левой ключицы? Что за урод это сделал? А если бы попал в заветную косточку? Сержант Том бы раскрошил за это ебало! Нет, нужно выяснить кто это сделал и раскрошить ебало в любом случае!

— Все в порядке? Почему остановился? — хрипло спросил Нина, открыв глаза.

— Кто, сука-бля, это сделал? — поинтересовался Том, вновь дотронувшись до шрама и осторожно погладив его.

— Ой, какая разница? — изумилась девушка, ведь совсем не это ей сейчас

нужно было!

— Кто? — не сдавался Харди, добавив голосу приказной тон.

— Ээээм… Алекс, — протянула Нина.

— Петушара, — цокнул сержант, поняв, что тот уже и так отмщен.

— Ну все, хватит, — улыбнулась девушка, взяла его за щеки, притянула к себе и вновь поцеловала, как бы провозгласив конец непродолжительному и такому лишнему сейчас диалогу.

Вытащив пальцы из пизды, Том вновь хаотично принялся ощупывать девушку, тактильно изучая ее тело и вспоминая ту далекую ночь. Она сказала, что рану на плече оставил Алекс… Алекс… Она же с ним и ебалась вдобавок ко всему! Ебалась с братом! Нихуя себе, кажется, жизнь потрепала не одного сержанта за этот срок. Как она вообще до такого докатилась? Вообще интересно, сколько членов она перевидала за те шесть лет, что отсутствовал сержант Том? Наверное, много… Но какая разница, Томас?! То хуйня! Главное — ты был первым! Ты и никто другой! Это уже не изменить, как ни крути! Именно ты порвал девственную плеву, ты открыл ей дверь во взрослую жизнь, сорвав ее невинность и растоптав ее к хуям. Впрочем, не будем о грустном — сейчас не тот момент.

Он вновь спустился к ее шее и глубоко вдохнул запах. От нее не пахло вульгарной клубникой. Вместо нее Том услышал нотки меда, белой фрезии и франжипании.

«Послушай, Том, какой нежный запах… Впрочем, как и сама она», — умилился он, вновь посмотрел на Нину и глупо улыбнулся. Как же хороша она была! Неужели, теперь все это его? Да быть того не может! Не может же Тому так просто взять и повезти в одночасье! Или да? Все же он страдал всю свою жизнь, в конце-то концов, фортуна должна улыбнуться?

Но момент нежности был прерван. Ведь, кажется, девушке сейчас было нужно совсем не то! Даже не посмотрев в ебливые сентиментальные глаза Тома, Нина обхватила ладонью член и прижала к себе.

«Послушай, точно! Ты же хотел потомить ее, сука-бля!» — осенило мальчика-биполярность.

— Ну уже нет, сука-бля, — усмехнулся Харди, перехватил ее руки, взял за запястья и завел за голову, крепко прижав к кровати.

Второй же он взялся за не на шутку твердый хуй и приставил к половым губам. Подразнил, несколько раз поводя им вверх-вниз, затем похлопал. Девушка застонала хлеще некоторых и подалась ему на встречу.

— Ну же, начинай, — умоляюще прошептала она, закрыв глаза и инстинктивно раздвигая ноги шире.

— Попроси, сука-бля, — улыбнулся сержант, поцеловав ее в нос и поводив хуем по пизде.

— Пожалуйста, начинай, — простонала Нина, кажется, заведясь от подобного поведения Тома еще больше.

— Попроси лучше, — не унимался Харди, крепче прижав ее руки к кровати и продолжая дразнить хуем.

— Блять, да выеби же ты уже меня, Том! — прикрикнула девушка, уставившись на парня бета-взглядом.

— Я понял, понял, — состроил самодовольный фирменный еблет Том, почувствовав себя главным альфачом во вселенной.

Сержант ловким движением руки взял ее ногу и закинул себе на плечо, после чего резко и без каких-либо сантиментов проник в девушку по самый «небалуй». Решив больше не издеваться над ней, он с ходу нарастил темп и амплитуду до максимума, а свой же пухлый похотливый рот занял покусыванием и посасыванием девичьих сосков.

Прошло буквально несколько секунд, и Нина без всякого стеснения слишком

громко застонала. Ее тело напряглось и по нему пробежала ощутимая даже сержанту дрожь. Она вырвала руки из его хватки и с остервенелостью вцепилась ногтями в спину Тома. Больно. Наверное, наутро обязательно останутся царапины. Впрочем — похуй. Ну же, Клубничная Эми, кончай! Она приподняла ягодицы, прижимаясь почти вплотную к его лобку и как бы требуя остановиться на пару секунд. Но сержант нихуя не повиновался! Он произвел еще несколько глубоких быстрых толчков, после чего сбавил темп и стал двигаться нарочито медленно. Она схватила его за щеки, притянула к себе, но целовать не спешила. Горячо выдохнула, издав какой-то протяжный непонятный звук. То ли собиралась засмеяться, то ли заплакать. Но нет все в порядке — она просто кончает! Затем потянулась к его уху и укусила за мочку. Ее ноги и бедра подрагивали, а внутри все сжалось и приятно запульсировало. О, Клубничная Эми, какая же ты шлюшка!

Когда девушка окончательно успокоилась и вновь настроилась на прежний лад, Том убрал с плеча ее ногу, с характерным хлюпом вытащил хуй и перевернул на живот. Встал на колени, положил пятерню на ее ягодицу и потянул к себе. Нина оперлась на согнутые в локтях руки, выгнула спину и вызывающе приподняла задницу ему навстречу.

— Пиздос ты… Бандитка… — улыбнулся разгоряченный Том, ощутив себя над ней доминантном.

Не теряя ни секунды, он проник в нее и начал ебать сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее. Нина, кажется, окончательно превратилась из «хорошей» девочки в похотливую суку и уже не то что громко стонала от удовольствия — кричала! Конечно же, такое поведение не могло обойти Тома стороной. Ощутив себя и вовсе властью над властью во всем мире, он взял девушку за взмокшие от ебли волосы, накрутил на кулак и потянул на себя, вторую же руку положил ей между ног и, не сбавляя темп, принялся стимулировать клитор. Нужно было доставить ей больше удовольствия! Несложно догадаться, что вскоре, она кончила еще раз. Да, сука-бля! Да! Теперь будет поровну! Осталось лишь кончить Тому, и вы в расчете.

Так и продолжили заниматься любовью второй раз… Хм, нет, это обозначение будет неправильным. «Занимались любовью» звучит как-то ебано, будто двое лежат на шелковых простынях и обсасывают друг другу пальцы. Сержант и Нина же — ебались, иначе и не назовешь! В общем, так и продолжили ебаться. И надо сказать, что примерно за полчаса ребята сменили почти десяток поз — удобных и не очень. О, Клубничная Эми, что ж ты делаешь с нашим пацаном!

И вот, наконец, Том добрался до пиковой точки и уже был готов прервать половой акт и откамшотить на девку, как вдруг Нина, находящаяся последние пару минут сверху, до безобразия быстро ускорила темп.

«Послушай, Том, сука-бля, если ты сейчас скинешь ее с себя и обломаешь — это будет пиздос стремно! Что же делать? Хотя… Стоп, она ж на колесах. Или нет? До пизды!» — бредово подумал Харди.

Одной рукой он вцепился в ее задницу, приподнялся, положив вторую ей на спину, и плотно прижал к себе. Ощутив, как та в который раз кончает, в унисон с ней испытал всепоглощающую эйфорию, одновременно расплывшуюся по их телам, ставших в этот момент единым целым. Смотрите там, не объебитесь, а то такими темпами точно сотворите что-то единое целое, а потом будете глазами хлопать да диву даваться, утверждая, что вас никто не предупреждал!

Харди обессиленно откинулся на спину, увлекая девушку за собой. Та же изнеможенно, но довольно промычав, приуютила голову на его грудной клетке. Сержант запустил ладонь в светлые волосы и поцеловал ее в макушку. Ну все, в эту ночь его можно было считать самым счастливым человеком на Земле. Харди настолько расслабило, что даже не хотелось думать ни о чем. Ему хотелось

просто наслаждаться моментом, а еще, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась.

— Ой! Как это так? — вдруг удивленно воскликнула Нина, подняв голову и в шоке уставившись на сержанта.

— Ммм? — блаженно промычал Том, бьясь в агонии счастья и посмотрев на девушку влюбленным взглядом.

— Наверное, это прозвучит глупо, но… У тебя тут… Пусто? — положила она ладонь на левую часть его грудака. — Но ведь люди не могут жить без сердца, да? Да оно я же слышу, что что-то стучит, но где не понимаю, — забестолковилась она.

— А, сука-бля, забей. Все в порядке! — отмахнулся он и положил ладонь ей на задницу, крепче прижимая к себе. — У меня декстрокардия. Проще говоря — аномалия тела, при которой сердце находится справа, а не слева, как, например, у тебя…

— Ужас какой-то, — округлила глаза девушка. — А это очень серьезно? Ну, знаешь, со всякими аномалиями, люди мало живут…

— Ты, сука-бля, прикалываешься? — приподняв шрамированную бровь, взглянул на нее как на дурочку Том. — Я похож на умирающего какого-то? Или проблемного? Мм? За тридцать лет хуй разу испытал от этого какого-то дискомфорта. Да и вообще, сука-бля, у моего отца была точно такая же аномалия, и ничего, прожил, я тебе скажу — дохуя, умерев от рака.

— Ох, рак — это плохо, — вздохнула Нина, погладив его по груди. — У моей мамы он тоже был диагностирован. Поначалу она жаловалась на боли в животе, но никто не обращал внимания… — понесла она послеебливый бред.

Вдруг сержант почувствовал, как по внутренней стороне его бедра потекло что-то вязкое и теплое. Кажется, то течет его сперма, вытекая из ее влагалища. Бррр! Не очень-то приятно! Так дело не пойдет, не круто лежать и болтать о всяком, обтекая спермой с биометаллическими вкрапления.

— Так, пизда, ну-ка поднимайся, — решил взять инициативу в руки сержант, поднялся с кровати и взвалил на плечо Нину.

— Ай, что ты задумал? — весело взвизгнула девушка.

— Пошли сначала в душ, а потом побазарим уже, — пояснил за водные процедуры Том и громко топая босыми пятками по мотельному ламинату, понес девушку в ванную комнату.

Немного пососавшись в душевой кабине и смыв с себя пот и прочее послеебливые выделения, ребята вернулись в номер. Том надел стильные боксеры, после чего достал из ящика, привезенного Пинкманом, бутылку рома, сырную нарезку, закинул все это на кровать и уселся сам, откинувшись на спинку. Нина же натянула кружевные трусики, надела солидную сержантскую тенниску и села рядом, закинув согнутые в коленях ноги на него.

Так они просидели минут пятнадцать, милуясь, говоря ни о чем, выпивая ром, кушая сыр и куря одну за другой.

«Послушай, Том, ты же хотел поговорить с ней про стрипуху. И это — важно, сука-бля! Если она сказала, что ей с тобой хорошо, и с сегодняшнего дня что-то начнется между вами… Уже началось! То ты не должен обманывать ее. Так, давай пойдем издалека…» — пораскинул мозгами Харди и сделал большой глоток из бутылки.

— Послушай, Нина, и все же я не понимаю, сука-бля, — начал он важный разговор, закурив. — Вот ты сказала, мол, то, что происходит сейчас… Ну, сука-бля, между нами. Для тебя — впервые. Так?

— Так, — улыбнулась девушка, наклонив голову набок и умиленно посмотрев на Тома, даже и не представляя, какое говно он удумал сейчас разворошить.

— Ну я все равно не понял… Хуй с ним с Декстером, тут разобрались, что все

хуйня. Но, сука-бля, несколько дней назад, когда ты рассказывала, как лишилась девственности, оказалось, что тот чувак, ну, то есть полицейский из убойного отдела… Или кто он там был… Нет-нет да запал в душу? Ну раз ты все время рвалась в Сиэтл, клеила там мусоров, сука-бля… Все из-за него, так, сука-бля? Значит, и там что-то промелькнуло? Ну хоть немного… — мямлил он, поглаживая феникса не ее левой голени.

Во время его бредней лицо Нины медленно поменяло выражение с умиленного на хмурое, с нотками напряжения.

— Зачем тебе это нужно? Зачем спрашиваешь об этом? — серьезно спросила она, нервно достав из пачки сигарету и также закурив.

— Просто, сука-бля… — забился в агонии провала Том. — Ладно, я, наверное, хуйню несу. Может, лучше расскажешь, как… — положил он ей руку на колено.

— Зря я все это рассказала тогда при всех, — задумчиво перебила она, уставившись в сторону. — Молчала столько лет, а тогда почему-то вырвалось. Зачем? Я не знаю. Вообще, это мое личное. Сокровенное. И я никогда не то что ни с кем не обсуждала тот случай, даже и не рассказывала.

— Послушай, — аккуратно взял ее за подбородок Харди и повернул к себе. — Иногда, если что-то тревожит, лучше поделиться этим с кем-то, — дал он мудрый совет, извлекая из этого собственную выгоду. — Но если ты, сука-бля, не хочешь, то давай и правда не будем, мм?

— А тебе самому вообще, как? Приятно будет слушать о подобном? — приподняла бровь Нина. — Вроде бы, парни не любят разговаривать о таком, разве нет? Ну там ревность и все дела.

— Ну так это ж было давно, сука-бля. Да и вообще, я же его даже и не знаю. Не думаю, сука-бля, что это какая-то проблема, — выкрутился Том в нетерпении заерзав на месте и чуя носом, что услышит про себя что-то интересное! А вдруг все не так хуево? Сейчас она как расскажет, что была влюблена в него шесть лет назад, а он как признается, что он — это он! И все! Будут они жить долго и счастливо, до конца своих дней, пока смерть не разлучит их. Ебать ты размечтался! Смотри, как бы не вышло наоборот, фантазер!

— В общем, тот год выдался для меня пиздец сложным, — издалека начала повествование Нина, опустив взгляд, выдернув из тенниски Тома ниточку и нервно затеребив ее. — Моя спортивная карьера была разрушена, и я пиздец переживала по этому поводу. Я только этим и жила, мечтая попасть на Олимпиаду, добиться каких-то высот… А Лизи просто взяла и разрушила все это. Да, тогда у меня участились панические атаки, а как выяснилось позже и вовсе было обсессивно-компульсивное расстройство, при котором подобные физические нагрузки могли привести к летальному исходу. Но ведь в момент, когда Лизи отняла у меня мою мечту, она же этого не знала наверняка? Да, она спасла меня. Да, спасибо, конечно ей за это. Но ведь в тот момент она не знала, что все так! Так имело ли она права это делать? Конечно, нет. В итоге я разругалась с ней, разругалась с родителями, которые заявили, что я сама все проебала из-за своей беспечности. В общем, на фоне того, что я все потеряла, а еще и ощутив со стороны семьи давление, я почувствовала себя лишней. Я так психанула, что закатила дома скандал, в хлам порезала отцовский диван, собрала вещи и ушла из дома. Потом до меня дошло, что идти-то мне некуда. Парня у меня нет, друзей, считай, тоже. Так что и тут никому не нужна! Это взбесило меня еще больше. Я вернулась домой и решила покончить с собой. Обхуярилась колес из аптечки матери, и пошла заявила родителям, что раз уж все на меня клали хуй и никому я не нужна, то скоро избавлю их от своего общества. Все начали кричать, просить меня проблеваться, говорить, что я нужна им. Я еще что-то скандалила, кричала, а потом рухнула без сознания. Очнулась уже в больничке с промытым желудком… — продолжила она историю, откусив кусочек сыра. — В общем, после того случая все как бы помирились и

стали вести себя как ни в чем не бывало. Я, конечно же, подыграла им, но чувство, что я никому не нужна, не прекращало меня покидать, — буробила она незнамо что. — Да и депрессию на фоне разрушенной карьеры никто не отменял. И дабы восполнить внутри себя брешь и получить уже хоть чье-то внимание, я пошла в стрипуху. Дома же сбрехала, что занимаюсь танцами в школьном ансамбле. Так и стала крутиться у шеста, да танцевать приваты. И я тебе скажу, так я сполна отхватила мужского внимания! Но конечно же, все это было не совсем то, чего хотелось бы. И все изменилось злополучным вечером 15 апреля… Очень забавно, выходит ровно шесть лет назад это и случилось со мной. Ладно, в общем, как я уже рассказывала, все это произошло в Сиэтле. В тот вечер в бар нагрянули мусора…

— С автоматами наперевес? — уточнил Харди, доставая из-за подушки пакетик кокаина, дабы прибодрить себя и девку.

— Ой, не придирайся. Ну приукрасила я в тот раз, что тут такого? — покривила лицом Нина и снюхала с его тыльной стороны ладони дорожку, любезно рассыпанную Томом. — Там один мусорской чудак пристал к нам с девочками, угрожал оружием, мол, вы тут все на наркоте, сейчас мы вас повяжем, все дела, вам пизда, тра-ля-ля… Идите с главным разбирайтесь, решайте проблему… Ну, я как самая главная из девичьей труппы и пошла с их главным поговорить. Ибо хлопни меня сейчас в Сиэтле — очередного скандала дома не избежать. Мало того, что никто дома не знал, что я танцую стриптиз, так я и впрямь амфетамин нюхала перед выступлениями! Нужны ли мне были эти проблемы? Нет. Станцевала, я, значит, для этого главного мента приват, пытаясь как-то добазариться, чтоб он никого не вязал. А он такой, мол, мне это не интересно, хочешь поговорить — давай поговорим, и сотку мне пихает. То есть я тогда поняла так — танец не интересен? Окей. Посмотрим, что же надо. Тут он проливает на себя шампанское, говорит, что весь мокрый… Ну и я поняла, что ему надо было. Начала ему дрочить. Честно — это был шок! Ибо в тот раз я впервые потрогала чей-то хуй и увидела его вживую!

— Сука-бля, ну пиздос, — охуевал Том, остервенело втирая в десны кокаин. — Дальше что?

— А что дальше? Я как-то от всего этого и сама немного возбудилась. Да кого я обманываю, нехуйственно я так возбудилось от всего этого! А потом он кончил мне в ладошку и еще сотку дал. То ли продолжения хотел, то ли вытереться…

— Думаю, логичнее второй вариант, — заметил Харди, ведь, ёбаный в рот, и правда ведь дал сотню, чтоб девка вытерла ручку.

— Я же была в полнейшем замешательстве, продолжая думать, что он меня хлопнет, если я не сделаю все так, как надо ему. Плюс, как-то и самой захотелось почему-то пойти до конца… Что уже терять, когда жизнь и так пошла по пизде? В итоге мы с ним уединились в VIP-ке, где он и лишил меня девственности. Но дальше пошло самое интересное. Мы с ним разговорились и выяснилось, что не такой он уж и мудак. Оказывается, ничего подобного он и вовсе не хотел, а всю ту брехню наплел его подчиненный. Не знаю, правда это или нет, но он так сказал. Дальше и вовсе как-то разоткровенничалась я, а он так внимательно слушал, что в тот короткий момент я почему-то почувствовала, что он меня понимает, — нервно усмехнулась она. — Почему-то в тот момент я подумала, что, возможно, что-то могло у нас с ним получиться. Что я могу стать кому-то нужной. Такой, блять, бред семнадцатилетней девочки…

— Ну почему же, сука-бля, бред? — перебил Том. — Может быть и правда бы получилось, мм? — приблизил он брутально-смазливый еблет к лицу девушки.

— Что за дурацкая привычка, Томми? Перебивать и вставлять свое экспертное мнение? Откуда тебе знать об этом?

— Может быть, сука-бля, потому, что… — чуть не раскрыл правду Харди, но благо, Нина его перебила.

— Затем вся эта болтовня плавно перешла к тому, что мы стали трахаться второй раз, — продолжила Нина. — Тут-то и случился первый звоночек, что все, что я там понапридумывала — бред. Я хотела всего-то просто его поцеловать. Он же всем своим видом показал, что ему это нахуй не надо и нарочито избегал поцелуя на протяжении всей ебли. Ладно, подумала в тот момент я, может мне показалось. И только мы с ним закончили, как он спалил на диванчике кровь. На самом деле я думала он и в первый раз понял, что я девственница, но нет. В общем, увидев кровь, он закатил грандиозный скандал! Начал городить всякую чепуху, мол, нахуя я это сделала, что это пиздец какой-то, первый раз с первым встречным — дно ебаное! Сказал, что я думаю пиздой, а не головой, а потом и вовсе вывел все в такое русло, что я — конченая малолетняя шлюха! Бля, так мне было в тот момент обидно, я-то думала, что между нами пробежала искра, коей еще никогда в моей жизни не было, а он теперь говорит такое. Он молол еще какую-то хуйню, но я его уже не слушала. Очень было обидно. А еще я разозлилась, в первую очередь — на себя. Ибо ну нельзя же быть такой наивной!

— Вот ведь пидорас ебаный! — разозлился на себя Том, наконец-то узнав версию произошедшего со второй стороны. — Но может, сука-бля, когда ты его уже не слушала, он что-то важное молол?

— Ой, уверена, что нет! — отрезала Нина. — Потому что напоследок он сунул мне еще одну сотню, где настрочил свой номер. Будто бы, мол, если нужны будут деньги, позвонишь, потрахаемся, и я заплачу тебе еще! Пизда мне обидно стало… Думала, прямо там и разрыдаюсь — до того мне было досадно. Но я сдержала себя, но нахуя-то легонько поцеловала его напоследок. Хоть разум мне и говорил, что это хуйня ебаная, сердце твердило, что, наверное, он просто растерялся, ведь и сам был девственником, вот и прогнал эту чепуху… После этого я ушла. Надеялась, он пойдет за мной. Но нет, этого не случилось. К слову, я еще всю ночь протусила в клубе, как и он. Но пидор не подошел, потому что, наверное, нечего было ему сказать малолетней шлюхе, отдавшей свою невинность первому встречному за триста баксов… — замолчала она и задумчиво закурила.

— Ебать он, сука-бля, чмо ебаное! — взорвался Харди, забившись в агонии подтверждения порчи не только пизды, но и судьбы.

— Ну, хуй его знает — чмо или не чмо, — пожала плечами Нина. — Это уже не нам с тобой судить. Но произошедшее в стрипухе стало для меня последней каплей. Думаю, здесь и берет начало то, что происходило со мной дальше. Вернувшись после случившегося домой, вскрылись подробности, что я танцую в стрипухе. Родители охуели, а у меня же опять случился срыв. Они начали возить меня по психологам, а я окончательно в это время запуталась в себе, не понимая кто я, чего хочу и что нужно вообще мне от жизни.

«Послушай, Том, это просто пизда! Как теперь тебе объяснить, что все было не так, как она надумала, что ты и сам хотел найти ее после случившегося, ждал звонка… Сука-бля, а оно вообще нужно, это оправдание? Ты не понимаешь, что делать дальше!» — мысленно охуевал Харди, вливая в глотку добрую порцию рома.

— Я никому не хотела рассказывать о случившемся, даже Лизи, хотя у нас принято делиться друг с другом всем и ничего не скрывать. Но это было личное. Посему, не могла же я больше скрывать от нее, что не девственница? Примерно в мае, дождалась, пока у меня начнутся очередные месячные, да пожарилась с каким-то русским ебланом, приехавшим в нашу школу по обмену. Ну а потом еще с одним чуваком пожарилась на вечеринке, потом с другим… Тот же мент сказал, что я шлюха! Вот и назло самой себе и начала все это делать, подтверждая этот статус. Наверное, теперь и ты считаешь меня шлюхой, — грустно усмехнулась она.

— Нет, не считаю. И даже и не думал об этом, — меланхолично сказал Том,

погладив ее по щеке тыльной стороной ладони, и разрываясь от осознания того, какой же хуйни натворил шесть лет назад!

— Но раз уж доверилась тебе, решив рассказать все честно, то пойду до конца. Знаешь, Томми, ведь я ждала, что он как-то свяжется со мной. Ну, он же мент, а говорят, у них есть доступ к каким-то базам… Значит, он же мог найти меня, правильно? Но не нашел… Не связался… А в один день, спустя ровно год после тех событий, меня так перещелкнуло, что я взяла, да и сама написала ему СМС-ку.

— В смысле, сука-бля, в смысле?! — охуел хлеще всех вместе взятых Харди.

— Но на нее он не ответил. Видимо, и правда вся это ерунда не была ему интересна. Видимо, и правда так я и осталась в его глазах шлюхой. Но это не точно… Все же видела я что-то искреннее тогда от него. Ну не стал бы себя так вести человек, которому глубоко похую… Но просто взять и не ответить — тоже такое себе…

«Сука-бля, сука-бля, почему ты не ответил?! Урод! Когда это было, она сказала?.. Бляяяя, ты лежал в коме в то время, больной ублюдок!»

— Так что после того случая и понеслось. В голове поселилось ощущение того, что тот мент все же как бы принудил меня к ебле, а мне, вроде как и самой понравилось. Наверное, из этого потом и вытекали все мои отношения с абьюзерами. Взять того же Алекса, хуева Декстера, Юджина… Нихуя я не хотела этих отношений, но соглашалась, ибо меня принуждали к этому, а я и не могла отказать… — молола такую хуйню Нина, с которой мог бы разобраться, разве что старик Лео, ну уж никак не сержант Том. — Но ты не подумай, я ни в коем случае не обвиняю во всем этом того парня. Просто так сложились обстоятельства. Да, отчасти он виноват, но только тем, что добавил эту последнюю каплю. Но ведь не специально, ведь так?

— Нихуя, сука-бля, не так! — психанул Том, распетушившись. — Пидор во всем виноват! Не случилось бы с тобой всего этого дерьма, если бы он повел себя иначе! Если бы он поехал и нашел тебя, поговорил, что-то выяснил, а не сидел в шкафу, а потом и вовсе занимался хуй пойми чем на пару со своим мозгоправом!

— Томми, хватит! Зачем ты так завелся? — наконец расслабилась девушка, засмеялась и обняла его за шею. — Что было, то прошло. И знаешь, спасибо тебе.

— Спасибо? Спасибо, сука-бля, за что?! — продолжал охуевать Том, целиком и полностью взвалив всю вину в случившемся на себя и даже и не слушая, что говорит ему она.

— За то, что выслушал меня. Вот я все это рассказала и, знаешь, мне стало легче. И пускай я никогда не узнаю правды, что же на самом случилось тогда в стрипухе, мне это и не надо.

— Но ты бы хотела узнать? Может быть что-то поменялось бы из-за этой правды, да? — спросил Харди, а его сердце остановилось, его сердце замерло.

— Поменялось что? Эта правда уже ничего для меня не изменит. Какой я была — такой и останусь. Неважно, был ли он со мной тогда искренен или решил, что я шлюха. Пускай все это останется вот такой вот для меня тайной. Ну ты сам подумай, вот встретила бы я его сейчас. Ну сказал бы он мне, мол, послушай, ты не так меня поняла, я неправильно повел себя с тобой. Или, мол, да, я считаю, что ты поступила, как подстилка. Что поменяется, Том? Я с ним общалась, ну от силы, пару часов. Это было шесть лет назад! Думаешь, это может как-то повлиять на все, что происходит со мной сейчас? Нет. Абсолютно точно, что нет, — прошептала она и дабы уже завершить эту историю, закрыла глаза и поцеловала сержанта.

«Послушай, Том, послушай… Давай-ка закроем эту тему вовек. Ты выслушал ее, ей стало легче, да и не злиться она за тот случай… Но зато злишься, сука-бля, ты! Ибо поступил, как конченый петушара! Но она права. Зачем ворошить

прошлое? Нехуй ей знать, что ты и есть тот ублюдок-мент. Нечего смешивать ее представление о тебе. Ибо сейчас она воспринимает тебя так, а узнает про прошлое, и все — впечатление будет спутано. В пиздууу, просто делай, как и задумал раньше — просто осчастливь ее. И нахуй не нужно это прошлое никому!» — порешал сержант, целуя и крепко прижимая к себе Нину, чтобы на этот раз уж точно не отпускать!

Том так увлекся поцелуем, что и сам не заметил, как запустил руки ей под футболку, как бы намекая, что нет-нет да готов поебать ее еще разочек. Но тут Нина резко отстранилась и приложила палец к его губам.

— Ну уж нет, так дело не пойдет. Откровенность за откровенность, — приподняла она бровь.

Харди напряженно нахмурился.

— Тоже хочу узнать тебя лучше, — нежно погладила она сержанта по щеке. — Я ведь совсем-совсем ничего о тебе не знаю — лишь то, что рассказывал Джейк. Но ты говорил, что половине его слов верить нельзя.

— Ну а второй половине можно, сука-бля, спокойно верить, — состроил фирменный еблет Том.

— И все же. Я хочу знать больше, — стояла на своем Нина. — Я же раскрыла тебе свое сокровенное, то, что не говорила никому раньше.

— И что же ты хочешь знать? — напрягся сержант, забившись в агонии нежелания выворачивать душу наизнанку.

— Могу спрашивать все что угодно? — достала она очередную сигарету и закурила.

— Ну… Валяй, сука-бля, — пожал плечами Том, не найдя повода отказать. И дело было не только в том, что Нина раскрыла перед ним свои переживания сейчас, а скорее в том, что шесть лет назад Клубничная Эми также, как и сейчас, рассказывала ему о сокровенном, и тогда сержант не сделал тоже самое в ответ. Считал, что не готов вываливать подобное дерьмо на девчонку. Готов ли он сейчас? Вряд ли. Вряд ли вообще к этому можно быть готовым когда-либо. Ведь все эти шрамы, оставшиеся на душе с самого детства, не заживают по сей день. Вспоминая об этом лишний раз, он только сильнее расковыривает раны, заставляя кровоточить их с новой силой. Ладно, Томас, не нагнетай. Может она спросит что-то безобидное. Мол, кем ты мечтал стать в детстве. А кстати, кем? Космонавтом? О, круто! Все пацаны мечтают стать космонавтами! Что говоришь? Хотел стать космонавтом, чтоб съебаться подальше из этого блядского мира? Оу… Ну тогда, пожалуй, даже такой безобидный вопрос может сковырнуть старую рану. Ладно, давай-ка узнаем, что она хочет знать.

— Ну тогда расскажи мне про свою маску. Зачем ты в ней ходишь? — осторожно спросила Нина.

— Ээээм… Ну я же говорил… Имидж… — замямлил Харди.

— Нет, по правде. Это из-за твоей матери? Джейк рассказывал кое-что об этом… — взяла она его за руку и крепко сжала.

Сержант закрыл глаза и тяжело задышал. Сейчас бы впору надеть маску, дабы дышать стало полегче.

— Да, из-за нее, — закивал он, открыв глаза и уставившись невидящим взглядом перед собой. — Сука-бля… — вновь нервно вздохнул он, высвободил руку из руки Нины, встал и подошел к окну. — Душновато как-то, — пробубнил он, распахнул створку, уселся на подоконник и втянул носом свежий ночной воздух.

Нина поднялась, подошла к окну, взобралась и уселась напротив, протянув Тому сигарету.

— Назло матери, — неоднозначно хмыкнул он, взял сигарету и сунул в рот. — Иногда, сука-бля, кажется, что я живу до сих пор только назло ей, — подкурил и выпустил струю дыма в окно.

— Она была жестока с тобой? — спросила Нина.

— Жестока? Когда мне было, сука-бля восемь, она избила меня битой для лапты за то, что я общался с Джейки. Сутки я провел пристегнутым к батарее с разбитой бровью. Потом она вывела меня на улицу и заперла в клетке под палящим солнцем. Там я провел еще пару дней или около того. Не знаю, сука-бля, точно — бровь начала нарывать, из-за этого у меня был жар, и я находился в полубреду. Если это и есть жестокость, то да, сука-бля, она была жестока со мной, — пояснил за избиения Том, глядя в ночную тьму.

— Боже, — всхлипнула Нина, подскочила с места и бросилась на шею сержанту. — Это тот шрам? — стала целовать она его в шрамированную бровь.

— Да, сука-бля. Но только не надо меня жалеть, — увернулся Харди от очередного поцелуя.

— Жалость бывает разная. Я жалею того восьмилетнего беззащитного мальчика, которого избивала и над которым издевалась собственная мать, — повернула его лицо к себе Нина и посмотрела в глаза.

— Я и есть он. Тот мальчик никуда, сука-бля, не делся. Так что ты жалеешь меня. А я не люблю! Жалость! Мать всегда говорила, что я жалкий, что я никчемный. И если я вызываю жалость, то выходит, это так, сука-бля, и есть, и сука была права.

— Тогда пусть это будет не жалость, а сочувствие, — вновь нежно коснулась она губами его брови. — Сочувствие ты приемлешь?

Харди пожал плечами.

— Это она заставляла носить тебя маску? — продолжила Нина, устроившись у него на коленях и прижимая его голову к своей груди.

— Нет, не заставляла. Она, сука-бля, внушила мне, что без нее я не могу дышать. И я настолько верил в это, что так и было до тех пор, пока в пятнадцать я не решил свести счеты с жизнью и не снял ее к хуям, — подвигал желваками Том. — Да, тогда я понял, что вполне могу жить без маски. Но… Сука-бля, на деле нихуя не мог, — отщелкнул он окурок в окно, ненароком попав на кабину фуры, какого-то хуя припарковавшейся под окнами мотеля.

— Милый мой Том… — прижалась щекой к его виску Нина, и Том почувствовал, что та плачет.

— Так что маска, это никакой, сука-бля, не имидж. Это моя зависимость, от которой я не могу избавиться по сей день. Нет, сейчас конечно, я почти всегда без нее. Но в определенные моменты не могу без нее обходиться. Так я чувствую себя защищеннее.

— До скольких ты прожил с матерью?

— Мой отец забрал меня от нее прямо из той клетки, где я подыхал с рассеченной бровью, — пояснил за побег Том.

— А в пятнадцать ты хотел покончить с собой? Но я думала, твой отец хорошо к тебе относился, — встревожено посмотрела ему в глаза Нина, взяв за щеки.

— Конечно, хорошо. По сравнению с Мэрил что угодно казалось бы хорошим, — усмехнулся сержант. — Но нет, он и впрямь был хорошим отцом. Да, где-то слишком мягким, где-то слишком податливым, где-то даже малодушным. Он же оставил Джейки там, в шаре, с Мэрил, и скрывал от меня до конца своих дней, что у меня есть брат. Да, я его понимаю, с одной стороны. Он боялся за своего сына. Но храбрости и мужества ему это не добавляет. Но все равно я его любил, сука-бля. Каким бы он ни был, он был моим отцом. И все хорошее, что во мне есть, это от него.

— Почему же ты хотел покончить с собой?

— Думаешь, даже живя с отцом, окруженный, сука-бля, любовью и заботой, призраки прошлого не преследовали меня? — взглянул он на Нину исподлобья, ухмыльнувшись. — Я мучился от воспоминаний, мучился от непонимания

окружающих. Я чувствовал себя жалким и никчемным. Таким, каким видела меня всегда мать.

— Ты не такой! — повернула его к себе Нина и поцеловала в губы.

— Хуй знает, сука-бля, хуй знает, — состроил фирменный еблет сержант. — Но знаешь, я хуй буду, сука-бля, строить из себя такого бедного и несчастного. Да, все что происходило со мной до восьми лет — хуйня ебаная, и я никому такого не пожелаю. Но дальше… Я и сам был тем еще говнюком. Подростки, в принципе, почти поголовно — конченые ебланы, которые изводят своих предков. Я же был хуже всех подростков вместе взятых. Я творил такую ебалу, что только такой терпеливый человек, как мой отец мог это выдержать. Другой нахуй открестился бы от такого пидораса, да отвез бы обратно на воспитание мамаше. Но не отец. Отец терпел все дерьмо. Хотя, думаю, не стоило. Стоило хоть раз дать мне пизды за все это.

— И что же такого ужасного ты делал? Неужто тоже порезал отцовский диван? — засмеялась Нина, потрепав Тома по щеке.

— Да, сука-бля, диван… — с усмешкой протянул сержант. — Ну, например, я воровал его оксикодон, который он принимал для облегчения болей в коленях, объебашивался им, потом торговал в школе. Один школьник погиб из-за этого, когда мне было… Ээээм… Что-то около шестнадцати, наверно.

— Я думаю, ты во всем этом не виноват, — спрыгнула Нина на пол, подошла к телеге Пинкмана и достала оттуда еще бутылку рома.

— А кто же, если, сука-бля, не я? — взял протянутую ему бутылку Харди, откупорил, сделал глоток, а потом помог Нине вновь взобраться к нему на колени.

— Твоя мать, — с некой злостью сказала она и отпила рома.

— Ну, сука-бля, хуй знает. Я так и думал всегда. А теперь не знаю, — задумчиво ответил Том, водя пальцами по коленной чашечке Нины. — Да, определенно она внесла нехуйственный вклад. Но дальше… Знаешь, я всегда думал, что же скажет мать, увидев, кем я стал. И однажды я это у нее спросил. Спустя много лет…

— Ты видел ее вновь? — затаив дыхание, спросила Нина.

— Видел. Даже два раза. Но ничего не смог доказать ей. Что я не тот британский никчемный ублюдок, никому не нужный, ничего из себя не представляющий. Почему, сука-бля, я не смог? Наверно, потому что она была права насчет меня. Что я сделал, чтобы стать другим? Я сижу на наркотиках с пятнадцати, я уехал от отца в семнадцать, чтобы доказать ему, что самостоятельный, что без него справлюсь, что мне не нужны, сука-бля, его советы, и что я не собираюсь жить по его правилам. А на деле что? Я приехал в Штаты и продолжил банчить наркотиками, потом и вовсе впутался в мафиозную группировку. Ну такое, короче… Сомнительные достижения. А теперь его нет, и я думаю, что не такие уж хуевые советы он давал. Я думал, сука-бля, что он меня не понимает. А на деле он понимал меня, как никто другой. И я сожалею, что хотя бы для его спокойствия, не сказал ему то, чего он хотел всегда от меня услышать. Чтобы он умирал спокойно, думая, что сын его не подведет.

— А что он хотел от тебя услышать? — поводила Нина носом по шее Тома.

— Ну, сука-бля, он мне с самого детства твердил, что семья Харди чтит традиции и бла-бла-бла… Что я должен, как и все, найти любимую женщину, жениться и продолжать род, — покривил он ебалом, парадируя усталость отца, лицо которого, как никогда за последние годы, четко и ясно всплывало в памяти.

— А ты что? — настороженно спросила Нина.

— А я говорил, что все это хуйня собачья, нахуй мне не нужная. Что все это мне неинтересно, и что я не хочу вляпываться в это дерьмо. Как он в свое время вляпался в него с Мэрил, — ответил Том и сделал большой глоток рома.

— Ты так и впрямь считал, или говорил лишь бы пойти наперекор отцу? — нахмурилась она, а в голосе послышались нотки взволнованности, но никто их не заметил.

— Так и считал, сука-бля, — кивнул Харди. — А еще считал, что, даже если бы я этого всего и хотел, то этому не суждено было сбыться.

— Почему?

— Все потому же, — пожал он плечами.

— Из-за матери? — погладила его по щеке Нина. — Из-за того, что она говорила, что ты никчемный и всякое такое?

— Да, она много чего говорила, сука-бля. Всего и не припомнишь, — ухмыльнулся сержант.

— Все это неправда! Ты же знаешь? — взяла его за щеки Нина и посмотрела в глаза.

Том неоднозначно хмыкнул и отвел взгляд. Повисла неловкая откровенная пауза.

— Так ты по-прежнему считаешь, что все это хуйня собачья? Что тебе не нужна семья? Что ты этого не достоин? — прервала молчание Нина.

— Не знаю, — коротко бросил сержант. — Я не хочу об этом думать. Просто живу, как живу, не думая о будущем.

— И даже теперь? Вот прямо здесь и сейчас? Разве ты не чувствуешь этого? — настойчиво смотрела она в глаза. — Что хотел бы большего…

Конечно, он чувствовал. Знал, что хотел бы большего. Хотел бы, чтобы все это продолжалось. Чтобы и дальше было так хорошо, как сейчас. И Том уже нарисовал в своей больной голове красивую картинку, как они жили бы вместе в поместье Харди. И все это представлялось так живо и так отчетливо, будто иначе и быть не могло. Но стоило ему об этом подумать, как какой-то внутренний голос, отчего-то женский, ученый и блядский, твердил ему: «Ты ничтожество, тебя никто никогда не полюбит. Хватит мечтать о несбыточном, ублюдок!» И картинка вмиг рассыпалась, словно мозаика.

— Чувствую… Но… — нахмурился сержант и взволнованно забегал глазами по ее лицу. — Я ведь не очень хороший человек. Я делал ужасные вещи, я делал, сука-бля, больно близким мне людям.

— Ты хороший, — поцеловала его Нина.

— Я хуже других.

— Ты лучше многих, — вновь коснулась она губами его губ.

— Зачем я тебе? Со всем ебаным багажом своего прошлого, своих, сука-бля, заебов и прочего дерьма, — замотал головой Том, отрицая в себе хоть что-то хорошее. — Уверен, для тебя найдется кто-то лучше меня.

— Я ведь и сама с багажом прошлого. И я тоже не очень хороший человек. Я убивала людей, я обижала свою сестру. Да и мне не нужен лучший. Мне нужен особенный. Мой… Кто меня понимает, — тихо говорила она, перекинув ногу и оседлав Тома сверху. — Мне показалось, мы понимаем друг друга, — прошептала она и поцеловала в шею. — И мы вместе можем меняться, помогать друг другу становиться лучше.

— Да… — выдохнул сержант и положил руки ей на талию.

Вдруг из открытого окна донеслись гитарные аккорды. Это в фуре, припаркованной под окнами, заиграл трек «Behind blue eyes». Водитель чертыхался и пытался выключить взбунтовавшуюся магнитолу. Но та никак не выключалась! Будто ее сломал какой-то безумец!

— Никто не знает, каково это — быть плохим человеком, быть печальным человеком, — заголосил Фред Дерст. — За голубыми глазами.

И хоть ни у Тома, ни у Нины глаза не были голубыми — в песне пелось о них. Слова и мелодия невидимыми и неосязаемыми нитями протянулись между ними, опутали их тела и души и связали в единое целое. Двое сумасшедших, двое

грустных, двое одиноких. Они понимают друг друга, как никто.

Том резко подался вперед, прижимая ее к себе крепко, с силой, но одновременно с трепетной нежностью. Нина обхватила его шею руками и уперлась лбом в его лоб. В ее зеленых глазах сержант видел сразу так много. Волнение и некий страх. Чего она боится? Чего-то нового и неизведанного? Боится сорваться в пропасть, из которой потом не выбраться? Том тоже боялся. Но все равно так хотелось сделать этот шаг в бездну. Что еще в ее глазах? Надежда? Надежда на то, что шагни она в это новое и неизведанное — он шагнет за ней, крепко держа за руку. Что не отпустит, когда станет совсем темно и уверенно поведет за собой.

Том и сам боялся этой незнакомой темноты. Но оказаться там одному было куда страшнее, чем с ней. Вдвоем — не страшно. Но сможет ли он стать тем, кто не отпустит руку и будет вести за собой? Кажется, сержанту и самому нужна была путеводная звезда. Так готова ли она побыть ею для него? В моменты, когда совсем страшно и хочется бросить руку и бежать прочь, сможет ли она успокоить, придать уверенности и сказать: «Все хорошо. Я с тобой. Что бы ни было. Идем вместе».

Видел он во взгляде и доверие. Спокойствие. Видел, что сейчас, в этот момент, она вся его без остатка. А еще он видел желание. Сильное, жгучее, даже немного первобытное.

— Но мои мечты — они не так пусты, как может показаться…

Желание чувствовалось не только во взгляде. Но и в дыхании, движениях. Нина вся напряглась, всем телом прильнула к нему, судорожно и жадно втягивала носом воздух, глаза будто заволокло пеленой. Он ощущал жар у нее между ног, и она уже терлась о вставший член. И это была не просто похоть, Нина хотела именно его. Лишь его. У Тома не было сомнений в этом. От всех этих мыслей голова закружилась и руки отчего-то затряслись. Это был момент невероятной близости. Души их сейчас были близки также, как и тела. Впрочем, тела можно было сделать еще ближе.

— Томми… — с какой-то вопросительно-умоляющей интонацией прошептала Нина и впилась губами в его губы.

— Найди… — прокомментировал с улицы Фред Дерст, после чего в песне зазвучал будоражащий проигрыш.

Том, отбросив все мысли и следуя лишь наитию, быстро просунул одну руку между собой и Ниной, стянул вниз резинку своих боксеров и отодвинул в сторону ее кружевные трусы. Не успел он направить член, как Нина сама в нетерпении насадилась на него. Она оторвалась от его губ и протяжно выдохнула, обвив еще сильнее руками за шею. Сержант положил ладони ей на спину и сквозь ткань футболки нащупал выступающие лопатки. Нина стала быстро двигать бедрами вперед-назад. Иногда приподнималась, но не позволяла члену покинуть ее, затем вновь опускалась и начинала двигаться еще быстрее. Ее губы метались по его шее, и горячее дыхание обжигало.

Нина уже постанывала и шептала что-то невнятное на ухо Тому. Впивалась ногтями в плечи и прикусывала кожу. Харди сходил с ума от всех ее движений: то быстрых и резких, то осторожных; то плавных и скользящих, то каких-то дерганых и ломаных. Он держал ее в своих руках, такую тоненькую и нежную, такую хрупкую, такую горячую. Боялся сделать больно, но прижимал изо всей силы еще крепче. Любовался ею. Сейчас она казалась такой беззащитной, такой открытой, естественной, самой настоящей. Нахмурила брови и закусила губу, запрокинула голову, демонстрируя тонкую шею. Харди положил одну руку ей на горло, проведя от подбородка к ключицам. Затем чуть сдавил пальцы, заставив ее хрипло застонать.

— Никто не знает, каково это — быть плохим человеком, быть печальным человеком, за голубыми глазами, — подытожил Фред.

— Томми… — выдохнула Нина. — Бля-я-я-я… — судорожно застонала, устремив невидящий взгляд вверх.

Том одной рукой прижал ее за бедра, не давая возможности двигаться, второй взял за шею сзади, притянул и поцеловал в губы. Она мычала не в силах ответить на поцелуй, а внутри у нее все стало сжиматься. Затем попыталась уже отстраниться. Но Том не отпускал, прижимая сильнее, и сам стал двигаться под ней. Нина, не в силах больше сдерживаться, оторвалась от его губ и громко застонала. Все тело будто сжалось от напряжения. Харди вновь почувствовал как член стало сдавливать. На этот раз судорожно и намного сильнее. Нина закрыла глаза ладонью, а губы растянулись в искривленной улыбке. О, Клубничная Эми! Так ярко ты еще не кончала. Дважды за раз!

Она провела ладонью вниз по лицу и опьяненным взглядом посмотрела Тому в глаза. Нина пальцами проскользила по своим губам, высунула язык и круговым движениям облизала указательный. Потом засунула в рот и стала посасывать. Том ослабил хватку, и она вновь медленно задвигала бедрами. Он сунул руку ей под футболку, провел ладонью вверх по животу к груди, которая часто и быстро вздымалась. Никак не могла отдышаться. Нащупал сосок и сжал пальцами. Потом стянул с нее футболку и отбросил в комнату. Нина слегка откинулась назад, опершись одной рукой на его бедро. Затем она подняла колени, прижав их к его груди по бокам, а стопами уперлась в подоконник. Теперь Том видел, как его хуй входил в ее пизду, выходил обратно и снова входил. Нина теперь задвигала бедрами и по кругу, извиваясь на нем и насаживаясь до упора. Он облизал большой палец и стал ласкать клитор.

Вскоре оба почувствовали, что из окна повеяло утренней прохладой.

— Мм? — махнул Том головой в номер, как бы предлагая переместиться.

— Мхм, — согласно кивнул Нина, остановившись.

Она поцеловала его и слезла, сначала с члена, а потом и с подоконника. Харди спрыгнул за ней, но вдруг стало так впадлу идти до кровати, чтоб вновь оказаться внутри нее, что он схватил ее за руку, одернул, развернул лицом к окну и нагнул к все тому же пресловутому подоконнику. Опустив кружевные трусики, шлепнул Нину по заднице и вновь резко вошел. Она застонала и прогнулась. Том наклонился и стал целовать ее спину, скользя губами и языком по коже. Обе руки положил на грудь, сжимая и покручивая соски. Так и стал ебать. То размеренно и нежно, то быстро и агрессивно, рыча в унисон ее стонам.

Минут через десять они все же перебрались на кровать, где и ебались во всех возможных позах еще часа два кряду — не меньше! Порой Том и Нина устраивали короткие перекуры у окна, во время которых, впрочем, не прекращали сношаться, нарушая утреннюю тишину то томными стонами, то страстными криками, а то и вовсе смехом, ведь не забывали и перекинуться парой словечек да шутками во время ебли.

Когда солнце взошло над горизонтом, они перебрались в душ. Там, включив горячую воду, Харди и продолжил ебать Нину, стимулируя ее не только хуем, пальцами, но и струями воды. Когда она затрепыхалась в очередном оргазме, Том тоже, наконец, кончил. И конечно же опять в нее! Ну а что? Какая уже разница? Да и жид говорил, что она на таблетках. И вообще, не для того же он ебал ее несколько часов подряд, чтоб потом спустить незнамо куда! Нужно было больше близости! И больше кайфа!

— Ну что, покурим и ляжем немного поспать? — промурлыкала утомленно Нина, привалившись боком на кровать.

— Да, сука-бля, надо бы, а то скоро выезжать, — состроил фирменный еблет Том и присел рядом, шаря в поисках сигарет.

— По-моему, мы докурили последнюю забычкованную перед душом, — припомнила Нина.

— Сука-бля… — цокнул Харди, ведь после столь продолжительной ебли уж

очень сильно хотелось насолить старой бляди. — Ну я пойду, сука-бля, куплю. Ты ложись, я быстро.

— Нет, я хочу с тобой, — поднялась Нина и стала взглядом искать свою одежду по номеру.

Глава 127: Косы

Через несколько минут, охуевающие от бессонной пьяной ночи, они вышли на улицу, где уже вовсю припекало солнце. Судя по всему, было уже около девяти утра. Том и Нина взялись за руки и двинулись к круглосуточному маркету.

— Томми, подожди, — вдруг остановилась Нина, отпустив руку. — Только не пойми меня неправильно, но хотела кое о чем тебя попросить…

— Мм? — уставился он на нее взглядом не только пьяным, но и не на шутку ослепленным любовью!

Том погладил ее по щеке тыльной стороной ладони и глупо улыбнулся. Какая же все-таки красивая. И теперь все это принадлежит ему? Да не просто принадлежит, она и сама считает его «своим особенным»! Мэрил бы, наверное, самовоспламенилась, узнай о том, что в ее обдроченного сына влюбилась девушка! Да не просто девушка, а такая милашка! Хм… А точно она влюбилась? Ну, конечно же, да, Томас! Все то, что произошло между вами этой ночью абсолютно точно не назовешь интрижкой и пьяной еблей!

— …эй, Том, ты меня слышишь? — пощелкала перед его еблетом Нина, вырвав из витаний в облаках.

— Мм? — продолжал хуевничать Харди, любуясь девушкой.

— Я спрашиваю, хорошо? Договорились? — нахмуренно посмотрела она.

— О чем, сука-бля? — ебланил сержант, пригладив несколько растрепанных светлых волос и поцеловав ее в макушку.

— Я говорю, мы можем пока не афишировать при остальных то, что сейчас происходит между нами? — виновато прикусила губу Нина. — Пойми, мне правда неудобно об этом тебя просить, но расстраивать Лизи мне не хочется. Ты сам знаешь, в каком она положении, как ведет себя шаровой… Не хочу, чтобы она решила, что мне на нее плевать и я на фоне ее страданий строю свое счастье…

— А ты счастлива? — молол пьяный бред Том, абсолютно не вникая в слова Нины.

— Ну да, — коротко улыбнулась она. — А ты?

— Мхм, — невнятно промычал Том, взял девушку за щеки и принялся осыпать лицо поцелуями, доказывая, как же он счастлив, не словами, а поступками.

— Ну, блин, я же попросила, — неуверенно отстранилась она, убрав от себя его руки. — Не сейчас… Не днем, когда в любой момент нас может увидеть Лизи или Джейк… Ты, кстати, с ним не поговорил?

— Нет, сука-бля, не было момента, — нехотя ответил Харди, ведь нахуй ему не нужны были сейчас все эти разговоры! Он хотел лишь покурить, еще немного поцеловаться и помиловаться с ней — не больше, а потом — спать нахуй! Слишком много событий произошло за сегодняшнюю ночь! Слишком!

— Ладно… Но мы договорились, да? Не афишируем? — уточнила Нина.

— Ладно, сука-бля, не афишируем. Но пока-то все еще спят, а значит можно, да? — никак не унимался молоть чепуху Харди, вновь притянул ее к себе и поцеловал, нарочито афишируя отношения с ней направо и налево! Пусть все видят!

— Молодые люди! И вам не стыдно? — вдруг окликнул их усатый голос.

— Ты что еще за петушара? — раздраженно обернулся сержант, ведь хоть и суток не прошло с его первого поцелуя, но он уже не любил! Когда целоваться мешали какие-то шмары!

— Я — Федор Гостюхин, профессиональный дальнобойщик! И я спрашиваю — не стыдно ли вам, молодые люди? — упер руки в бока мужчина средних лет.

— Стыдно за что, сука-бля? — отпустил Том девушку и с вызовом посмотрел на Федора, пародийно уперев руки в бока.

— Бля, может не надо, ну его на хуй, этого фуриста, — потянула его за руку Нина. — Мы же сигарет хотели купить… Пошли, — просила она распетушившегося парня, ведь не хотела никаких разборок после такой чудесной ночи!

— Подожди, сука-бля, — осадил ее Харди, отстранив от себя и давая понять, что он будет лично и по-мужски разбираться за подобные усатые претензии.

— За то, что не давали спать мне всю ночь! Я просто хотел поспать! Вы же кричали, как ненормальные! А еще обкидали мою машину бычками! Вам весело, а мне чистить теперь! — бредил Гостюхин, не спамши целую ночь кряду.

— Я, сука-бля, кидал бычки на твою машину, мм? Или, может, она это делала? — указал Том пальцем на девушку. — Нет? Ну и иди на хуй! — показал он Федору «фак».

— Это возмутительно! Я гожусь тебе в отцы! Как ты разговариваешь со мной?! — включил быка и фурист, а его усы и вовсе распоясались, и показали Тому в ответ целых два «фака».

— Что тут происходит? — подбежал на разборки Джилленхол, кушая руками из картонной коробки китайскую лапшу, которую купил на завтрак все в том же пресловутом круглосуточном маркете.

— О, а что, ужо никто не спит? — вылез из-под Доджа и Батлер, который вот уже как несколько часов промазывал днище Доджа антикоррозионной смесью.

— Так что стряслось? — пихнул Нину в бок Джейк, протянув коробку с лапшой и как бы пригощая.

— Да не знаю, — пожала та плечами, взяла одну макаронину и положила в рот. — Фурист опять с катушек слетел. Доебался зачем-то до нас… Может, по ебалу давно не от кого не получал. Надеюсь, Томми ему въебет, — забредила уже и она, ведь жара не на шутку разморила, и пьяная бессонная ночь, наконец, дала о себе знать.

— Так значит теперь Томми? — заметил Джилленхол, кинув коробку на землю, ехидно захохотав и потерев ладошки.

Он просканировал сначала саму Нина, а затем и брата. Что у одной, что у второго на шее красовались засосы. У Тома же и вовсе кое-где виднелись следы укусов. Хм… Переспали? Возможно. Но нужно было выяснить поточнее. Но как? Джилленхол пробежался взглядом по лицам обоих и заметил, что губы и Нины, и Тома были припухшими и покрасневшими, будто обветренными. Прососались целую ночь кряду? Бесспорно. Но говорит ли это о том, что брат завалил девку? Нет! И как Джейку узнать правду прямо здесь и сейчас?!

Джилленхол так загнался по интересующему его вопросу, что совсем не заметил, как Харди уже не на шутку завелся от предъяв фуриста, а тот, напротив, стал более спокоен, кажется поняв, что зря доебался до сержанта. Но все же, уступать не хотелось никому. Так на улице перед мотелем разразился нешуточный скандал, и вскоре на крики выбежала уже и Лизи.

— Кто обкидал мою машину окурками из окна сверху?! — возмущался сквозь усы Федя Гостюхин.

— Отец, не горячись! Давай уладим спокойно… — проорал Батлер, выставив вперед ладонь, ведь прекрасно знал, кто орал всю ночь. Не только знал, но и слышал! Вообще, только ленивый не слышал, как сержант ебал клубничную шкуру. Ну, разве что еще кое-кто беременный не слышал… Ну и соня из шара, которого невозможно разбудить даже атомным взрывом!

— Я, конечно, все понимаю — молодость… — положил фурист одну руку на грудь, а вторую на усы. — Но надо иметь уважение все же! Мало того, что вы орали всю ночь, как невменяемые, и мешали всем спать…

— А кто орал-то? Что именно орали? — заинтересованно спросил Джейк, увидев в фуристе достоверный источник волнующей жида информации.
— Лично я ничего не слышал! Да и вообще, я не курю! Так что это точно был не

я! Какие могут быть претензии ко мне?! — решил показаться он милым и втереться в доверие.

— А я и не говорил, что это ты! — возмутились усы.

— Закрой свой усатый рот, папаша! — пьяно взорвался сержант Харди, наклонился, поднял с земли камень и швырнул прямо в лобовое стекло фуры. С оглушительным грохотом с крыши кабины посыпались сотни бычков.

— Что ты творишь?! — охуела Лизи, а Нина через нос засмеялась над испорченным имуществом фуриста.

— Вы должны денег мне за лобовуху! А еще помыть мою «ласточку»! — впал в состояние аффекта дальнобойщика Гостюхин. — Иначе, я за себя не ручаюсь и вызову копов!

— Иначе, я за себя не ручаюсь и вызову копов! — передразнил Том, схватив с земли еще один камень. — А ну проваливай отсюда, старый петушара! Что мне твои мусора? Я тут власть! — полетел камень в усы фуриста.

— Так это все сделал ты… — замедленно простонал Федор в полете и рухнул без сознания на землю.

— Да что происходит?! — в недоумении схватилась за голову Лизи. — Кто обидел фуриста?!

— Нет времени выяснять! — поднял указательный палец Джилленхол, наплевав на судьбу Гостюхина и его машины. — Нужно срочно уезжать, пока администрация мотеля не вызвала мусоров!

Ребята похватали чемоданы, и расселись по машинам. За руль Фольксвагена уселся Джейк и стал призывать брата и его потенциальную девку поехать с ним. Те же, будучи людьми пьяными и бестолковыми, нахуя-то уселись на задние сидения Доджа, в котором уже устроились Лизи и Леонид.

— Леонид, а у тебя нет аспиринчика? — промямлила Нина, приложив ладонь ко лбу. — Голова сейчас расколется…

— Нехуй было мешать все подряд, пизда, — бормотал в полудреме Том, укутавшись в плед Бербарри.

— Нет! Аспирину — нет! — беспардонно проорал Батлер.

— А можешь притормозить у ближайшей заправки? Куплю себе водички и лимона, хотя бы. Они тоже должны помочь… — тяжело вздохнула Нина и принялась оттягивать с сержанта плед, дабы тоже укрыться.

— Ммм… — сладостно промычал Том, притянул девушку к себе и заботливо накрыл пледом.

— Оу, — промурлыкала та и всем телом прижалась к нему.

Том был так счастлив, что просто пиздец! Неужели, все это действительно происходит с ним? Ладно, он подумает об этом позже, а теперь — спать пора. Он покрепче обнял Нину и уже готов был провалиться в сон, как вдруг в ширинку скамов скользнула рука. И да, это была не его рука. Эм, Нина? Неужели тебе мало того, что было ночью? А, говоришь, просто хочешь сделать приятное сержанту? Ну давай, дерзай, что уж!

— Сука-бля… — на выдохе пробормотал Том и одной рукой прижал девушку еще крепче, второй же расстегнул пуговку на ее шортах и запустил ладонь в трусики. Нина прерывисто втянула ртом воздух и с силой сжала член.

— Да замолчите вы! Я спать хочу! — возмутилась Лизи, заебавшись слушать все эти вздохи. — Давайте сыграем в молчанку. Кто первый скажет слово, тот — псина ебаная!

Но Харди все было мало! Хоть дама и не просила его об этом, парню не терпелось довести ее до очередного, хуй его знает какого за сутки, оргазма. Свободная рука скользнула под ее футболку и крепко ухватила за аккуратную сисечку. Девушка что-то невнятно простонала и ускорила темп. Ускорился и сержант. Харди так завело, что они занимались чем-то непристойным на людях,

что, несмотря на целую ночь ебли, финалочка не заставила себя ждать.

— Да, сука-бля, я власть… — прохрипел спустя три минуты Том, состроив фирменный еблет.

— А я, сука-бля, нет, — съязвила на выдохе Нина.

— Томми — псина ебаная, — огласил результат игры в молчанку Батлер, беззвучно засмеявшись на всю машину.

Сержанту же было поебать на присвоенный ему статус, нужно было быстрее довести Нину до пика и все — точно на боковую. Спустя минуту, сладостно простонала и девушка.

— Ну все, сука-бля, спать, — заявил Том, перевернув плед, ведь отдыхать под мокрым от спермы пледом — сомнительное удовольствие. Он вновь притянул к себе девушку, аккуратно, чтобы никто не спалил, обнял и уже через две секунды провалился в сон счастливого ебаната.

Целый день ребята провели в пути, а ближе к вечеру сделали остановку. Лизи долго возмущалась по поводу того, что Леонид уже не первый день обещал, что они вот-вот прибудут в Сиэтл. Но, тем не менее, сколько бы они не ехали, Сиэтл никак не виднелся на горизонте! Батлер же уверил, что все под контролем и они близки к пункту назначения как никогда ранее. Но осталось сделать лишь последний рывок, а для этого надо набраться сил. Потому было принято решение вновь переночевать в мотеле.

Спустя полчаса, когда Том забросил в номер вещи и принял душ, он направился к Джейку и Леониду, дабы поделиться охуетительными историями, произошедшими с ним прошлой ночью. Ясное дело, Харди рассказывал долго и витиевато. Детально описывал женское тело, метафорично сравнивая его со всякой чепухой; поведал некоторые подробности из ебли — нежной и не очень; также не забыл уточнить, что выяснил все про стрипуху и решил раз и навсегда закрыть эту тему, так что, если что кто спросит, то Джейк и Леонид не в курсе всей этой хуйни. Понятное дело, самое сокровенное Том оставил при себе: разговоры с ней по душам; про то, что поцелуй с ней был первым для него; о песни Фреда, что теперь стала для Тома особенной. Не хочешь прослыть перед пацанами сентиментальным долбоебом с ранимой душой? Бред! Уж поверь, все парни нет-нет да любят подобное! И услышь эти детали Джейк и Леонид — были бы ебейше за тебя рады, как пить дать!

— Томми, братишка, я пизда как горжусь тобой! — состроив подобие фирменного еблета брата, сказал Джейк и похлопал сержанта по плечу. — Но расслабляться рано. Все это — только начало. Ты его положил, молодец, но теперь тебя ожидает долгий путь, дабы построить такой фундамент, дабы его ничто не смогло разрушить! Сегодня не води ее к себе в номер, а лучше придумай, как романтично можно ее развлечь.

— Сука-бля, — цокнул Том, подкатив глаза, ведь не хотел сейчас слушать никаких советов от брата, но делать нечего — уговор есть уговор! Он не лезет в стрипуху, ты его слушаешь — все по-честному!

— Джейки дело говорит, — кивнул Батлер. — А то еще подумаить, что тебе от ней только ебля нужна.

— Так ты уже придумал, чем займешься с ней сегодня? — прищурил умопомрачительные синейшие глаза парень из шара.

— Да пока, сука-бля, нет, — бестолково пожал плечами Харди. — Попозже напишу ей и что-то придумаю.

— Так вы теперь вместе? — крикливо спросил Батлер, ведь сей вопрос безумно интересовал плащ.

— Ну… Ээээм… — замялся Харди. — Я не знаю, сука-бля… Наверное, да. А может, и нет. Хуй знаю! Кому нужны эти условности? Нам хорошо вместе, вот и все! Чего еще надо?! — распсиховался он.

— Нас ждет дооолгое путешествие по мотелям, — еле слышно протянул под кожаный нос Джилленхол.

— Блять, да, — тяжело вздохнул Батлер, услышав шепот друга.

— Так, ладно, сука-бля, мне нужно сделать в дневнике кое-какие записи. Леонид, дай ключи от Доджа. Он лежит там в бардачке. Я как закончу, занесу тебе их обратно, — встал с кресла Том, решив уже заняться хоть чем-то полезным.

— Держи! — кинул ключи сержанту бородач. — Можешь завтря занести. На кой они мне сейчас сдалися? Я спать лягу пораньше, не нужнО меня будить. Все равно ты водить не умеешь, так что за Додж я спокоен! — эффектно зевнул он.

— Ладно, сука-бля, — развернулся Том и направился к двери.

— Придумай что-то романтичное! — наставил вслед Джилленхол, сложив руки в рупор. — Если что — звони, пиши, заходи, дядя Джейк подмогнет!

Через десять минут Харди уже сидел в Додже, убористо строча в дневнике о своих чувствах и эмоциях. В голове же крутились вопросы. И правда — они с Ниной теперь вместе или как? Или что? И как обусловить эти отношения? Черт, как вообще с ней общаться сегодня? Вчера было охуенно, и они оба это знают и помнят. Сегодня же они протрезвели — наверняка будет неловко. А сегодня можно будет ее поцеловать при встрече? Или теперь так нельзя? Сука-бля, нихуя не понятно!

Записывая одну хуйню, думая же о другой, Том на секунду оторвался от дневника, вставил в пухлый рот ручку и задумчиво уставился в боковое зеркало Доджа. И каково же было его удивление, когда буквально через минуту в отражении показалась…

— Нина? — прищурился под стать небезызвестном мозгоправу Харди, наблюдая за девушкой.

Та немного потерянно брела в сторону главного входа в мотель, что-то перебирая в руках.

«Послушай, Том, окликнуть ее сейчас? Или позже напишешь? Сука-бля, давай потом, может? Кажется, ты не готов сейчас с ней разговаривать! Вдруг она поведет себя, как будто между вами ничего не было? Да ну, невозможно! Но может все же сначала издалека через сообщения узнать ее настрой?» — бредил Том, забившись в агонии нерешительности. О, нет! Только не это опять! Ну сколько можно!

— Эй, пщ, шкура! — не отдавая отчета своим действиям, высунулся он из Доджа и поманил девушку ладонью.

Нина нахмурилась, но к автомобилю пошла. Сержант же в это время спрятал дневник в бардачок и взглянул на свое отражение в зеркале заднего вида, проверяя, все ли в порядке с ебальником — чист ли он?

— Садись давай, сука-бля, разговор есть, — ляпнул незнамо что Харди, когда девушка подошла, и указал ладонью на водительское место.

— О чем? — спустя мгновение смущенно спросила она, захлопнув за собой дверцу.

Блять! Почему она его не поцеловала при встрече?! Какого хуя?! Постой, Томас, не кипишуй, кажется, она смущена. Наверняка, если ты окажешь ей какой-то нежный знак внимания, то все встанет на круги своя.

— Чего, сука-бля, блудишь тут одна? Уже темнеет вон, не страшно? — спросил хуйню он. Сука, ты же получил дельный совет, зачем понес эту ересь?!

— Покушать ходила себе купить, — невинно посмотрела она на него, продемонстрировав яблоко. — Хотели поужинать, а Лизи сходила одна и накупила всякой хуйни, которую я не ем. Оказывается, вон та хуйня … — указала она пальцем на здание, находящееся метрах в тридцати от мотеля.

— Забегаловка с чисто индийской кухней. Только традиционка индусов там и продается. Все такое жирное, с кучей непонятных специй… Буе, — скривилась она, высунув язык. — И почему-то совсем нет ничего сладкого! Благо, хоть фруктами они банчат.

— Серьезно, сука-бля? — приподнял шрамированную бровь Том. — То бишь ты голодная, но съешь сейчас это яблочко и… Все?

— Ну да, а что еще мне делать? — пожала та плечами. — Ничего страшного, дождусь, пока завтра не уедем отсюда и…

— Ну нет, сука-бля, так дело не пойдет! — перебил Харди, вспомнив о том, как еще вчера хотел накормить эту девку. — Хуйня какая-то ебаная. Я не могу допустить, чтоб ты осталось голодной. Пошли куда-нибудь поужинаем. Может, здесь есть какой-нибудь бар неподалеку.

— Слушай, спасибо, Томми, это конечно очень мило и заботливо с твоей стороны, но проблема заключается в том, что ближайшее место, где можно поесть — это бар, находящийся отсюда в тридцати километрах. Ну, Гугл так сказал.

— Хуево, сука-бля, хуево… — протянул Том, забившись в агонии придумывания плана.

Повисла неловкая напряженная пауза, во время которой сержант придумывал, как бы ему накормить Нину.

— Ладно, сука-бля… Есть один вариант, — посмотрел он на ключи от Доджа в руках. — Мы доедем до того бара. Но только я очень тебя прошу — аккуратнее! Батлер никому не разрешает садиться за руль своего дражайшего Доджа. Ибо были случаи — давал Джейки ключи от него, но все в конечном итоге закончилось тем, что Леонид зарекся давать свою машину кому-либо.

— Блин, ну не знаю даже. А если он узнает? А то получается, что мы будто угоняем у него машину.

— Ой, сука-бля, как он узнает? — отмахнулся сержант. — Он уже спит, а как проснется — Додж будет стоять прямо на этом же месте. Мы же туда, сука-бля, и обратно.

— Но ответственность как бы на мне. Я же буду за рулем, да? — ломалась Нина. — Как-то стремно получается…

— Да забей ты хуй. Причем тут ты? Я все беру на себя, понятно? — выебывался Харди. — А вообще стремно получается другое. Пиздец, конечно, зашкварно, что я не умею водить машину. Все, сука-бля, в наши дни умеют, а я — нет. Хуйня какая-то… Только сейчас осознал, как это ебано.

— Ой, ну хватит тебе, — поспешила успокоить сержанта Нина. — Каждый из нас не умеет делать чего-то, казалось бы, простого. Вот я, например, не умею плести косички… Смешно, правда? Ну, типа, я же девочка и все дела… А вот на деле так все и есть. Кажется, это куда более зашкварнее, чем не уметь водить машину.

— Серьезно, сука-бля? — улыбнулся Том, игриво взглянув на нее. — Какого хуя ты не умеешь это делать? Как так вышло? У тебя что, в детстве не было кукол?

— Ну были и что? Это не значит, что я с утра до ночи заплетала им волосы! Ну и самой себе у меня не было необходимости это делать. Мама и Лизи всегда мне заплетали косички. Так и где мне нужно было этому научиться?

— А хочешь я тебя научу? — спросил Том, даже не задумываясь о наводящих вопросах.

— Ты? — засмеялась девушка. — Ты-то откуда это умеешь делать?

Спрашиваешь еще! Ты бы видела его коллекцию кукол! Проработана каждая в ебейших деталях! Сержант пересмотрел ни один десяток роликов на ютубе по плетению, дабы воспроизвести косу куклы Глэдис, косу куклы как бы инвалида Тимошенко. А уж сколько он корпел над куклой Клубничной Эми с ее

замысловатой прической! Но стоит ли рассказывать ей обо всем этом сейчас? Наверное, нет. На словах все это может показаться довольно странным. Вот доедут до Сиэтла, там-то и покажет, а пока, лучше спиздить.

— Ну, у меня было много кукол в детстве, — развел он ладони в стороны. — Странное детство — странные игрушки. Так что, давай научу?

— Давай, — застенчиво улыбнулась Нина, подвинувшись к нему поближе и расправив длинные волосы.

— Значит, сука-бля, смотри, — аккуратно провел он по волосам и распределил на три прядки.

Целых десять минут он показывал Нине, как следует заплетать косички. Нежно переплетал ее пряди, боясь сделать неправильное движение и причинить боль. Девушка же внимательно следила не за самим процессом, а за ним — за его движениями, выражением лица. Сука, как же все это выглядело сентиментально! Даже и не подумаешь, что еще несколько часов назад он довольно-таки грубо тянул Нину за эти самые волосы, вгоняя в нее член по самый «небалуй».

Под чутким руководством сержанта Харди, девушка и глазом моргнуть не успела, как нет-нет да обучилась пресловутому мастерству плетения обычных косичек.

— Немного неровно, но все придет с опытом, — сказал Том осмотрев косичку, заплетенную самой Ниной. — Ты молодец.

— Спасибо, — залилась она краской. — Обязательно отточу это мастерство и научусь делать что-то поинтереснее и посложнее, а потом и тебе покажу, как это делать…

— Ох, сука-бля, не думаю, что тебе меня перебить, — усмехнулся Том. — Что только не умеет плести сержант! Хочешь, прямо сейчас заплету тебе колосок?

— Давай, — улыбнулась Нина и повернулась к Тому спиной. — А можешь два?

— Конечно, сука-бля, могу! Вывернутых нахуй! — выебывался он, достав из бардачка расческу и причесав ей волосы.

Спустя несколько минут, он завязал кончики резинками для денег, что всегда имелись в Додже Батлера.

— Ну, все, смотри! — хлопнул он в ладоши.

Нина же оборачиваться не спешила. Вместо этого она закрыла лицо ладонями и… Заплакала?! Что за ёбань?! Что не так он сделал?!

— Эй, ты, сука-бля, чего? — охуел Харди и за плечи развернул девушку к себе.

Хоть он и не любил! Женских слез, но ее отчего-то не раздражали. Напротив, появилось непреодолимое желание пожалеть и успокоить. Но нет, сначала надо выяснить, какого хуя она заплакала и что он сделал не так.

— Сука-бля, Нина, ну ты че, хорош, — бился в агонии возможного причинения душевных страданий Том.

— Это было… Пиздец, как мило! — воскликнула Нина и, убрав от лица ладони, подняла взгляд, подставив указательные пальцы под глаза. — Еще ни один парень за всю мою жизнь не делал для меня подобных сентиментальных вещей…

От услышанного сержант Харди абсолютно точно перенес сердечный приступ и, следуя наитию, взял ее за подбородок, притянул к себе и поцеловал. Да, сука-бля, барьер неловкости разрушен!

— Слушай, может и я чему-то тебя научу, Томми? — спустя десятиминутную поцелуйную паузу спросила Нина.

— Чему бы это? — приподнял шрамированную бровь Харди, поправляя воротничок белой праздной тенниски.

— Не знаю. Может, например, шнурки завязывать? — накинула вариант девушка.

— Чего, сука-бля? Я и так умею, — покривил ебалом Том, в край возмутившись таким предложением.

— Так уж и умеешь? — усмехнулась Нина. — Лежа на полу и задрав ногу вверх? Знаешь, со стороны это выглядит немного странно…

— Ну уж как умею, — развел ладони в стороны Харди. — Мне так удобно, сука-бля. Так что уж спасибо, но по-другому мне не надо. Ладно, так мы едем ужинать, мм? Или мне тебе еще пойти яблок, сука-бля, нарулить? Ибо вот эта хуйня меня не устраивает, — указал он рукой на одиноко лежащий на торпеде фрукт.

— Поехали, — улыбнулась Нина, взяв из его рук ключи.

— А сестра-то не заругает? — томно подъебал Харди, погладив девушку по коленке.

— А что Лизи? Она ужинает, залипнув на какой-то супер-романтический фильм, да роняет слезы… Гормоны, хули, — развела Нина ладони. — В общем, не думаю, что она заметит, что меня нет. Наверное, и вовсе скоро заснет. Ну а если уж я ей понадоблюсь, позвонит.

— Пиздос ты бандитка, — усмехнулся Том, щелкнув девушку по носу.

Вскоре они сидели в баре, где сержант накупил всевозможной вредной и калорийной еды и несметное количество алкогольных коктейлей. Так они пробыли там несколько часов, беззаботно разговаривая обо всем на свете.

— Пиздец, конечно, у тебя родственники, — веселилась Нина, дослушав рассказа Тома о его предках. — Знаешь, мне кажется, из всех из них самым адекватным был твой дед-летчик.

— Прикалываешься, сука-бля? — засмеялся сидевший напротив Том и испил Пина Колады. — Какая адекватность, когда он пытался поджечь самолет при помощи спичек? Сука-бля, да он на опиуме сидел! Неизвестно, что бы еще натворил этот торчок, если б не сгинул в концлагерях!

— И то верно. Ну, тогда твой отец самый адекватный из всех вас, хоть и планокур, — предположила Нина, откинувшись на диванчик и расстегнув пуговку на шортах. — Блин, Томми, я что-то так наелась, даже тяжело как-то стало…

— Я рад, — по-уебански мило улыбнулся он, влюбленно посмотрев на девушку. — Ну а насчет отца, я с тобой согласен. Из всех моих предков он самый адекватный. Уверен, что ты бы ему понравилась…

— Правда? — расплылась в улыбке и Нина. — Здорово. А вот моим родителям ты бы не понравился, — весело ляпнула она.

— С хуя ли? — удивился Том. — Ты же говоришь, что я милый!

— Я — это я. А вот увидь тебя моя мать, скорее бы всего начала кричать: «Эми! Почему у этого лысого так много татуировок? Он зэк?!» А потом бы перекрестила тебя и, скорее всего, упала без сознания. А бабка бы сказала: «Нина, он что, британец? Немедленно выпроводи его из нашего дома, пока он не напился и не начал тут петь! А ты Юрий, прячь машину, иначе чертов псих угонит ее!»

— Что за ебаный предрассудок? — смешливо перебил Том.

— Ну, бабушка у меня француженка, и просто терпеть не может англичан. Считает, что вы — буйные и невоспитанные ребята, а ваша национальная еда и вовсе хуйня собачья. А услышь она твой акцент, непременно бы сложила к тебе предвзятое отношение, — несла чепуху Нина.

— Ебать шмара у тебя бабка! — прокомментировал Харди. — Зато со Стэтом нет-нет да потрахалась, а он, между прочим, мой земляк! Так а что не так с моим, сука-бля, произношением?

— Некоторые слова ты произносишь чисто как британец. Где-то буквы четче выделяешь, или наоборот — проглатываешь окончания, — пояснила она за

акцент. — Ну и всякое такое часто проскакивает у тебя.

— Ну я понял… понял… Но не понял я одно! То есть я априори не понравлюсь твоим родителям, так? Ну и как ты на это вообще смотришь, мм? — подался вперед Том и положил под столом ладонь на ее колено, вызывающе погладив.

— Ну а я что? Думаешь, меня как-то волнует их мнение? — подмигнула девушка, юркнув рукой под стол и взяв парня за ладонь.

— Но все же в одном бы я точно им, сука-бля, понравился, — продолжил бредить сержант. — Парень-то я завидный, наследства — ебануться. Да и сам зарабатываю довольно неплохо…

— Не думаю, что сейчас это важно, — прошептала она, также подалась вперед и поцеловала его.

Увидев это, бармен слишком громко цокнул и подкатил глаза, ведь не выносил, когда в его баре кто-то сосался, да и вообще, с самых пеленок был аромантичен до мозга костей.

— Послушай, Нина, — сказал Том, оторвавшись от девушки. — Кажется, я кое-что тебе заторчал.

— Что? — интригующе вскинула она бровь.

— Ну, сержант же отказал тебе прошлый раз в танце, — состроил фирменный еблет Харди. — Обещал в другой раз. Кажется, самое время исполнить свое обещание, — встал он из-за стола, обошел его и протянул ей ладонь. — Мм?

— Мхм, — улыбнулась девушка, вложив свою руку в его и поднявшись. — Но ведь сам говорил, что без музыки — негоже.

— Негоже, но вон, сука-бля, автомат стоит, — указал он взглядом на музыкальный автомат у стены.

— Думаешь, там есть Шуберт, или что там тебе нужно было? — прижалась она к нему всем телом.

— Автомат не работает! — рявкнул бармен, приметив влюбленную парочку, явно намеривающую станцевать. Только этого ему тут не хватало. Пососались, теперь будут танцевать? А потом что? Ебля в туалете? Ну на хуй! Он, нарочито протопав дряхлыми ботинками по паркету, подошел к автомату, повесил на него табличку «не работает», скрестил руки на груди и с вызовом уставился на пару.

— Как жалко, — расстроенно выдохнула Нина, взглянув на пройдоху бармена.

— Не думаю, что это какая-то проблема, — улыбнулся Том, погладив ее большим пальцем по щеке. — Поехали в другое место? Я настаиваю, — подмигнул он.

— Ну раз настаиваешь, может тогда сам поведешь машину? — накинула безумный вариант пьяная Нина. — Я покажу как это делать.

— Сука-бля… — оторопел бухой Харди. — Даже и не знаю… А вдруг Додж покоцаем?

— Боишься? — настырно склоняла его к опасной ебале Нина.

— Кто? Я? Сержант, сука-бля, нихуя не боится! Пошли! — схватил он девушку за руку, прихватил несколько бутылок пива и поспешил на выход. — Сдачу оставь себе, проходимец! — кинул он в морду бармена несколько скомканных купюр, не на шутку выебываясь перед девушкой.

И вот, пыша уверенностью, Харди уселся на водительское место и по-распиздяйски положил руки на руль. Тут до него, наконец-то, дошло, на что он подписался и всю уверенность как рукой сняло. Но делать нечего, он пойдет до конца, ибо прослыть перед Ниной ссыкуном — ну такое.

— Выжимай сцепление и клади руку на рычаг коробки передач. Сцепление — крайняя левая педаль, — начала урок вождения девушка.

Том сделал все так, как она сказала. Нина положила ладонь сверху его и

начала передвигать рычаг.

— Немного надавливаешь и вверх — первая передача. Вновь выжимаешь сцепление, надавливаешь и вниз — вторая. Переключишь ее, когда стрелка на тахометре приблизится к трем с половиной оборотом. Тахометр у нас находится вот тут, — указала она на приборную панель. — Теперь давай переключимся на третью передачу…

Харди же уставился на девушку, забив хуй на обучение.

«Послушай, Том, а помнишь, как она рассказывала тебе о том, как сама обучалась ездить на механике, а ты в это время дрочил? Ее еще тогда собака облизала. Сука-бляяя… Как же и тебе хочется облизать ей ебальник. Такой он у нее зачетный…» — гонял в голове бредовые мысли он.

— Томми, ты меня не слушаешь опять? — строго спросила Нина, пощелкав пальцами перед брутально-смазливым еблетом. — Ты часто какой-то несобранный. Будто витаешь в облаках и не слышишь, что я тебе говорю.

— Ты такая охуенная, что, пиздос, — отжег он комплимент и вновь полез сосаться. Ведь Тому все было мало! Он хотел целоваться с ней постоянно, а не вот это вот все!

Девушка, которая, очевидно, тащилась по сержанту, ответила взаимностью. Спустя пару минут Харди полез ей под футболку, как бы решив пойти дальше прямо здесь и сейчас, в Додже у придорожного бара. Нина же пресекла его, заявив, что сначала научит управлять автомобилем, а все остальное — потом.

Обучив Тома теоретическим азам вождения, Нина предложила приступить к практике. И, конечно же, первый блин был комом. Ведь чтобы не делал Харди, как не выжимал педали, тронуться с места никак не удавалось! Додж постоянно дергался и глох! Это не могло не взбесить Харди, посему, когда ему через двадцать минут, наконец, удалось выехать на трассу он был уже на взводе! Да еще и выезжая, пару раз ненароком наехал на бордюр! Ух, главное, чтоб Леонид ничего не заметил! Да на что же вообще Том подписался? Зачем шкура предложила ехать сразу на трассу? Почему нельзя было покататься в каком-нибудь поле? Ну серьезно, трасса? Где скорость среднего потока сто с хуем километров в час? Самой-то тебе не страшно, Нина?!

— Это, сука-бля, пиздос какой-то! Это просто пиздос! — причитал Харди, нервно двигая желваками, впившись пальцами в руль до побеления костяшек и вылуплено смотря на дорогу. — Мы сейчас разобьемся… Я бля буду — разобьемся! — вскрикнул он, съехав немного влево и чуть не попав под фуру.

— Аккуратнее! — схватилась за руль Нина и вывернула вправо.

— Сука-бля, давай остановимся, и ты пересядешь за руль, — забился в агонии возможной дорожной смерти Том.

— Нет, так дело не пойдет, — покачала головой Нина и выпила пива. — Водить машину совсем нетяжело. У тебя все получится, я в тебя верю. Тебе просто нужно расслабиться и все. Подумай о танцах там, не знаю…

— Да уж конечно, сука-бля, расслабиться! — возмутился сержант, управляя Доджем как полный ебанат. — Как это возможно, когда сейчас на мне висит две жизни? Одно неправильное движение, и мы трупы?! Как, сука-бля, расслабиться с такой ответственностью?! О каких вообще танцах идет речь, если мы сейчас сдохнем?!

— Ты преувеличиваешь, — отмахнулась пьяная Нина. — Миллиарды людей каждый день садятся за руль и ни о чем подобном и не думают. Просто успокойся и подумай о вальсе, Шуберте, си минор и прочей ерунде…

— Я не могу! Думать о чем-то другом, сука-бля! — рявкнул Том, не отрывая охуевающего взгляда от ночной трассы. — Что ты мелешь вообще, шкура? Какой в пизде си минор?

Девушка поджала губы и отвернулась к окну. Черт, она что обиделась на его грубость? Ну нет! Только не сейчас! Только не в таком вот положении! Это нихуя

не расслабляет, а только усугубляет ситуацию! Блин, они что, теперь не потанцуют?

Том забился в агонии возможной ссоры и даже не заметил, как ладонь Нины легла на его колено. Уф… Значит, не обиделась… Но, стой! Что ты творишь? Зачем поднялась выше и расстегнула ему штаны? Она приспустила трусы, схватила член за основание и принялась дрочить.

— Сука-бля… Сука-бля… — ебанулся Харди, прерывисто задышав. — Что ты творишь? Немедленно прекращай… Давай остановимся…

— Нет, — игриво воскликнула девушка, уселась на сидение на колени, встряхнула косами и… Потянулась к хую! О, Клубничная Эми, давай, отсоси ему! Расчехли его во всем! Ну же!

— Сука-бля, подожди… Не надо, — захуевничал Том, раскусив ее намерения и одновременно с этим следя за дорогой. Ведь он считал, что все это не совсем правильно! Минет — это очень и очень личное! Если она сейчас отсосет, то обратной дороги не будет точно! Ведь Харди всегда считал, что минет разрешит сделать лишь человеку, которому доверится на все сто, к которому притрется и захочет провести с ним остаток дней. А что, разве все это уже не случилось? Так в чем проблема? Хай отсосет! Все же, Нина доверила тебе свою жизнь, усадив за руль, так и ты доверь ей свой член. Но смотри, веди аккуратнее, а то прикусит еще… Черт, главное, чтоб не укусила, а то знамо, какая шкура кусучая!

Харди пробурчал еще что-то невнятное, в то время, как его член вновь вышел из-под контроля, не на шутку встал и так и кричал о том, чтобы его скорее засадили в клубничный рот по самые гланды!

— Следи лучше за дорогой, — томно рявкнула Нина, высунула язык и провела им от основания до головки, после чего, обхватила саму головку губами, поводила по ней языком по кругу и всосала в себя хуй на треть.

— Бля-я-я-я, — прохрипел сержант, вед такого он точно еще не ощущал никогда в своей жизни! Сука, как охуенно! Как мягонько и мокро! Мышца, приподнимающая уголок рта, непроизвольно задергалась в приступе нервного тика, глаза также задергались и подкатились, а ладонь сержанта инстинктивно легла на макушку Нины.

Девушка же с ходу набрала темп не только ртом, но и рукой. С хлопком извлекла изо рта член и, не прекращая надрачивать, принялась облизывать его, время от времени громко всасывая и щекоча головку языком. Пару раз похлопала хуем по языку и вновь заглотила, на сей раз уже наполовину.

— Сука-бля… Шкура… Нина… Сука-бля… — бредил Том, забив хуй на дорогу и чуть не черканув боком Доджа мимо ехавшую машину, благо, водитель там вовремя среагировал, вывернул руль и выехал на «встречку», врезавшись в другой автомобиль. Впрочем, похуй! Главное, с Доджем все в порядке.

Нина уменьшила глубину и уперла член во внутреннюю сторону щеки. Вновь вытащила, опять засосала головку, а потом резко заглотила в себя член полностью — по самый «небалуй»! О, Клубничная Эми, какая же глубокая у тебя глотка! Сержант Харди крепче уперся ладонью в ее затылок и задвигал ее головой, задавая темп. Хватило всего-то пары секунд, дабы эйфория накрыла его с головой. Да, это даже не три минуты, Томас… Впрочем, поебать! Все же это был первый минет в твоей жизни, так что — простительно!

— Ммм, — простонал он, напряг бедра и на автомате сделал еще пару толчков, загоняя член в рот. Затем издал и вовсе какой-то непонятный то ли рык, то ли хрип, то ли стон, а удовольствие с такой силой стало растекаться по венам, что даже заплакать от счастья захотелось! Ну нет, только не надо этого!

Нина же не спешила вынимать изо рта хуй, вбирая сперму в себя — все до последний капельки! Не это ли настоящее уважение, мм?

Бьясь в агонии нехуйственного экстаза, Харди даже и не заметил, как бросил к хуям руль. Додж же занесло, ибо развал-схождение по-нормальному так и не

был отрегулирован Батлером. И вот красный автомобиль врезался в мимо проезжавшую Феррари, отскочил, потом ударился о другую машину, затем боком — в третью, передом — в четвертую и так по цепочке.

Возмущенные водители стали останавливаться, выбегать из своих машин, дабы разобраться с хуеплетом из красного Доджа. Но тут уже очухался Харди, вновь взялся за руль и, совершенно не обращая внимания на происходящее за окном, поехал дальше, уставившись на Нину. Та, кажется, также совсем не заметила, что они сейчас сотворили на трассе грандиозное ДТП.

— Послушай, Нина, — смущенно сказал он. — Это было, сука-бля… Пиздец как охуенно… По правде сказать, еще ни одна девушка не делала для меня подобного, — признался он. — Это пиздос, как мило…

— Никогда-никогда? — улыбнулась девушка, вытирая тыльной стороной ладони уголки губ.

— Никогда-никогда, — повторил он и чмокнул ее в лоб. Может признаешься про поцелуй? Вот где будет настоящая сентиментальность, вот где! — Ну что, сука-бля, на танцы? — нежно накинул он вопрос.

— Какие танцы, Томми?! — всплеснула руками Нина, достав из пачки две сигареты. Подкурила одну, вставила в пухлый рот сержанта, а затем и себе. Хоть Леонид и не разрешал курить в Додже больше, чем одному человеку за раз, кажется, его крикливые неграмотные правила сейчас не ебали никого!

— Почему нет, сука-бля? — нахмурился Харди, уверенно направляя Додж прямо.

— Может в другой раз? А то как же я, мм? — игриво подергала она бровью, призывая не то что трахнуть ее — выебать!

— Я понял, понял! — кивнул Том, резко вывернул руль, пересек две сплошные и помчал обратно в мотель, возомнив себя глупым Домиником Торетто.

Остановившись на парковке перед мотелем, Том заглушил мотор и хотел было вылезти, как Нина одернула его за запястье. Сержант внепонятках обернулся, но, не успев сказать и слова, был оседлан сверху.

— Может, сука-бля, в мотель… — пробормотал он и в ту же секунду его бестолковый пухлый рот был заткнут поцелуем.

Том еще что-то невнятно промычал, затем пожал плечами, да и забил на все и вся. Ведь Нине было явно невтерпеж, так к чему обламывать даму. Да и поебаться в Додже тоже показалось вполне себе неплохой идеей. Ну и похуй, что Батлер запрещал и это! Откуда он узнает? Ох, как же Харди заводили все эти нарушения правил! И Нина, которая вынуждала его их нарушать! И Том совершенно не собирался отказывать в этих удовольствиях ни себе, ни ей! Посему целую ночь кряду он и так, и сяк ебал ее в Додже, во всевозможных позах, которые только позволяло внутреннее пространство машины.

Ближе часам к трем они устроили перерыв, оделись и добрались до пресловутого маркета, который, как оказался, находился недалеко от мотеля. Там и купили пива. После этого вернулись к Доджу, устроились на заднем сидении, опустошили по бутылке и продолжили влюбленные автомобильные совокупления.

Порой Том и Нина делали передышки, курили прямо в машине, не забывая и выпивать, да и разговаривали в это время о том, о сем. А после продолжали безумно и пьяно трахаться, позабыв обо всем на свете и не заметив, как утро вступило в свои полномочия.

Наконец, ближе к восьми утра, они заебавшиеся и наебавшиеся, оделись и вышли из Доджа. Обоих уже не на шутку штормило от очередной бессонной ночи, количества выпитого и многочасовой ебли.

— Ох, Лизи наверно меня потеряла… — пробуробила Нина, приставила

ладонь к бровям, щуря глаза от солнца, и посмотрела на окна второго этажа.

— А, похуй… Покурим и спать? — еле ворочая языком, отмахнулся сержант.

— Угу, — промычала Нина и присела на капот Доджа, а точнее на вмятину на нем, которую ни один из двоих не желал замечать.

Том встал напротив и достал пачку сигарет. Так и закурили, смотря друг на друга ебливыми взглядами.

— Такая ты все-таки… Сука-бля… Просто охуенная… — влюбленно и томно бредил Харди, шагнув вперед и нависнув над Ниной.

Та бестолково хмыкнула и улыбнулась уголком рта.

— Сладкая пиздос… — взял он ее одной рукой за подбородок и дерзко облизал щеку снизу-вверх до самого виска. — Моя.

Нина тихо застонала, запрокинув голову.

— Чаво это за херабора? — заорал позади них еще заспанный, но не на шутку разгневанный голос.

— Сука, Батлер, — подкатил глаза Том, но на сей раз даже и не думал шарахаться от друга. Вместо этого он намотал одну из разлохмаченных кос Нины на руку, оттянул ее голову чуть назад и принялся целовать шею, да так, что создавалось ощущение, что он готов еще разок выебать суку прямо здесь, на капоте.

— Я спрашиваю, что это за говнище, Томми? — вновь эффектно завопил Леонид, подойдя к парочке и уперев плащ в бока.

— Чего тебе, сука-бля? — нехотя повернул на него голову сержант, не выпуская из похотливых объятий девку.

Та прыснула от смеха и завалилась спиной на капот, увлекая за собой и бухого Тома.

— Ай, блять! — захохотал и Харди, ебано упав сверху и уткнувшись лицом ей в сиськи.

— Томми, ты прикалываисси или как? — не унимался визжать Леонид, схватил Харди за шкибот и поставил на ноги.

— Да что не так, хуй пойму? — пытаясь сдержать улыбку, развел руками Том.

— Что не так? Я дал тебе ключи, доверив Додж! И что за хуйня с ним приключилася? — неистовствовал Батлер, эффектно топоча сандалиями.

— Да в чем проблема? — хохотнул Харди и обернулся на тачку.

Только теперь он увидел, что вызвало гнев бородача. На боку и капоте Доджа было по огромной вмятине. Правой передней фары, как, впрочем, и бампера не было и вовсе.

— Мать честная! Что с моей машиной?! — уже завизжал Батлер, хватаясь за голову и понимая, что кажется от друга не добьется внятных ответов.

Тут на крики из мотеля уже выбежали сначала Джейк, а за ним и Лизи.

— Ой, да мелочи! — махнул рукой Том.

— Не заморачивайся, Леонид! — беззаботно отмахнулась и Нина. — Это всего лишь кусок железа! Главное, что никто не пострадал!

— Кусок железа?! — взвизгнул Батлер. — Батюшки свят, да тут ремонта на лет десять!

Теперь к допросу на счет Доджа присоединились и Лизи с Джейком. И, дабы как-то оправдаться и отвести от себя подозрения, Нина и Том, наперебой друг друга и синхронно сочиняя на ходу, поведали до безобразия дурацкую историю, как подлый усатый фурист, затаив нехилую обиду, пришел мстить. Они рассказали, что, по их домыслам, тот решил, что именно Леонид мешал ему спать прошлой ночью в своей фуре, и именно он обкидал все ту же пресловутую фуру бычками. И посему, вычислив принадлежность Доджа и будучи по натуре своей крайне злопамятным человеком, фурист приехал мстить. Да не один, а в компании еще ста фуристов, каждый из которых был вооружен усатой монтировкой. Благо, Том героично дал им отпор, и никто кроме Доджа не

пострадал.

Ни Том, ни Нина точно не поняли, купился ли хоть кто-то на сию историю, но, впрочем, их это мало волновало. Зато они точно уловили, как Батлер заявил, что и с места не тронется, пока Додж не будет починен. Посему вся компания на неопределенный срок остается в этом мотеле. И только когда Леонид приведет разъебанную тачку в божеский вид, путь будет продолжен.

Этой информации Тому и Нине с лихвой хватило, чтобы с чистой душой отправиться по номерам да завалиться спать. Как бы сильно не хотелось им провести еще время вместе, все же они договорились не афишировать пока происходящее, да и силы восстанавливать как-то надо.

Глава 128: Доверие

К вечеру Том проснулся хмурым от похмелья, но тем не менее до невозможности счастливым. Поэтому, когда он принял душ, испил бодрящей содовой и покурил, всю хмурость как рукой сняло, и на лице воссияла благостная улыбка.

Вскоре к нему в номер заглянул Джейк, желая знать все подробности прошедшей ночи. Затем пожаловал и Батлер, сетуя на плачевное состояние Доджа, но так же не забыв поинтересоваться последними новостями из жизни друга. Харди поведал им историю об их с Ниной свидании, не забыв в конце добавить всю ту же обдроченную вставку про нападение ста одного фуриста.

Когда парни покинули номер сержанта, тот мигом взялся за телефон и написал Нине сообщение: «Какие планы на сегодня?». Только он отправил его, как услышал за дверью характерный звук оповещения вайбер-чата. Том приподнял шрамированную бровь и прислушался. Но тут пиликнул и его телефон. «Тук-тук», — прочитал он сообщение от Нины и следом услышал стук в дверь. Расплывшись в улыбке счастливого распиздяя, он подорвался с кровати и поспешил открыть.

— Привет, — мило улыбнулась Нина, стоящая на пороге.

Ее волосы были заплетены в аккуратную косу, уложенную набок, за плечами висел небольшой рюкзак, а в руках она держала большую квадратную коробку.

— Куда-то собираешься, сука-бля? — спросил Том, махнув головой на рюкзак.

— Ну уж нет, пожалуй, последние дни были слишком насыщенными, и настала пора отдохнуть. Не думаешь? — вскинула бровь Нина. — Впустишь?

— Ой, — хлопнул себя по лбу Харди и отступил в сторону. — Конечно, сука-бля, заходи. Так зачем рюкзак?

— Принесла всякого, дабы уютно провести этот вечер, — ответила Нина, проходя в номер.

— Например? — заинтересованно пошел за ней сержант, захлопнув дверь.

— Например, пижаму, — скинула она рюкзак на кровать и плюхнулась рядом. — А еще зубную щетку, расческу, ну и еще всякое по мелочи.

— Ммм… Миленько, сука-бля, — завис Том, вникая в слова. — Типа заночевать хочешь?

— Типа да… Не против? — похлопала ресницами Нина.

— Спрашиваешь! Я уж, сука-бля, испугался, что опять какую-нибудь авантюру задумала, бандитка, — усмехнулся сержант, наклонился и поцеловал девушку. — А уютный вечерок это то что, сука-бля, нужно после всего.

— Кстати, чтобы ты не волновался о том, что я голодная, я принесла пиццу, — продемонстрировала она коробку в руках.

— Откуда такая роскошь? — приоткрыл крышку Том и заглянул внутрь. — Ммм… Маргарита! Как ты, сука-бля, любишь.

— По правде сказать, купила в маркете замороженную, а потом подошла к хозяину мотеля, и он любезно мне разрешил воспользоваться своей личной микроволновкой, — пожала плечами Нина, всучив коробку в руки Харди. — Откуда знаешь про Маргариту? — с усмешкой прищурилась она.

— Пиздюк рассказал, решив, что я запал на тебя, после того, как ты обдолбанная была у меня в Сиэтле, — пояснил за знание Том, пододвигая к кровати журнальный столик, на который поставил коробку с пиццей.

— А это так? Правда запал тогда? — улыбнулась Нина, уставившись на сержанта.

— Ээээм… — опешил Харди. — Ну…

Повисла неловкая признательная пауза.

— Мм? — выжидающе смотрела Нина, до безобразия мило хлопая глазами.

— Мхм… — промычал Том. — Правда запал, — кивнул он, сел рядом и поправил ее косу.

— Хоть я и была тогда обдолбана в хуину, ты мне тоже тогда понравился, — опустила взгляд Нина, накручивая кончик косы на палец. — Зря я тогда ушла… Подумала, что вы с Леонидом хотите меня избить…

Том прыснул со смеху.

— Такая ты, пиздос… — погладил ее по щеке.

— Дура? — поджала губы Нина.

— Чудачка, — ухмыльнулся Харди и чмокнул ее в нос. — Так что там, сука-бля, по пижаме?

— Точно! — всплеснула руками Нина, потянулась к рюкзаку и стала копошиться в его содержимом. — Вот еще колы, кстати, принесла… А то бухать уже пиздец не лезет, — достала она из рюкзака бутылку и поставила на стол. — А вот и пижама, — извлекла она какие-то тряпки с принтом в виде мультяшных котят и щенят.

Сержант умилительно склонил голову набок, рассматривая принт, как вдруг Нина сняла с себя тенниску, под которой, к слову, не оказалось лифчика, и натянула пижамную футболку. Затем она встала ногами на кровать, сняла сначала джинсы, затем трусы.

— Подашь шорты? — подмигнула она.

Том, не сводя глаз, нащупал шорты и протянул Нине.

— Спасибо, — усмехнулась она и натянула их на себя. — Ну… А где же твоя пижама, Томми? У нас же пижамная вечеринка!

— Надо, сука-бля, поискать, — протянул он, поднялся, и, не отрывая взгляда, попятился к чемодану.

Нина же уселась обратно на кровать по-турецки, дотянулась до колы, с шипением открыла крышку и отпила прямо из горлышка.

— Блин, если честно, так неудобно перед Леонидом за Додж, — заговорила она, пока сержант копался в своих тряпках в поисках пижамных штанов.

— Такая же ебала, — закивал он. — Я еще, сука-бля, перед твоим приходом взял и повторно рассказал ему ту же самую ебаную историю про фуристов. Нахуя вот я это сделал?

— Мне стремно еще хлеще, ведь все это случилось по моей вине. Это была плохая идея, учить тебя водить, когда мы оба пьяны, — постучала Нина кончиками указательных пальцев друг об друга.

— Будто, сука-бля, проблема была лишь в бухле, — приподняв шрамированную бровь, с ухмылкой посмотрел на нее Том.

Нина улыбнулась и подняла глаза к потолку.

— Ладно, бандитка, не замарачивайся. С Леонидом я улажу эту шляпу, — отмахнулся Харди, наконец найдя искомое. — Для начала оплачу, как и обещал. А потом расскажу, что это, сука-бля, я нахуевертил. Батлер — мой лучший друг. Простит сержанта, — состроил он фирменный еблет.

Том снял футболку, скамы и берцы, надел клетчатые пижамные штаны и уселся напротив Нины на кровать.

— Повезло тебе с другом, — сказала девушка и взяла из коробки два куска пиццы: один для Тома, второй для себя. — А у меня вот и нету друзей, считай. Как-то всю жизнь мы с Лизи вдвоем, и вроде никто нам больше и не нужен был. Это в последнее время появились Джимми, Квент, ну и шаровой, конечно…

— Ну тоже, сука-бля, неплохо, — откусил пиццу Том.

— Ну они, конечно, так… Чисто потусоваться, повеселиться… Естественно, ничего такого личного я им и не рассказываю, — пожала плечами Нина. — А у тебя много друзей?

— Прямо, сука-бля, друзей — двое. Батлер да мой мозгоправ. У тебя тут кусочек сыра, — протянул Харди руку и провел пальцем по уголку губ Нины.

— Ну и так, пара корешей, — пизданул он, навскидку припомнив Кента, Киану да лучащегося добром Брэда Питта. — Ну и брат, конечно. А то про жиденка-то я забыл. Ах да, сука-бля, еще моя нянька из Англии!

— Мм, неплохо, — закивала Нина. — Ну вот а у меня только Лизи, считай, и есть. Но как-то даже с ней я порой не всем могу поделиться. Она всегда такая мудрая и рассудительная, и иногда кажется, что она не поймет моих бредней. Я же того — чокнутая типа, — покрутила она ладонью у виска.

— Да-да, биполярка, я помню, — шутливо похлопал ее Том по голове.

— Ну да… — высунула язык Нина и скосила глаза, изображая сумасшедшую. — Так вот, по правде, я так рада теперь, ведь мне кажется, что ты, как никто, сможешь понять меня. Выслушаешь мои бредни, и тебе они покажутся не такими уж и бредовыми.

— Твои бредни совсем, сука-бля, и не бредовые, — погладил ее по коленке сержант.

— А порой, возможно, сможешь меня понять и без слов, — с некой грустью в голосе сказала Нина, посмотрев Тому в глаза. — Знаешь ведь, что иногда так сложно бывает что-то сказать. Особенно, когда в голове творится невообразимая хуйня… — нахмурилась она, а в глазах блеснули слезы.

— Ну ты чего… Иди сюда, — отложил сержант корку от пиццы и притянул Нину к себе в объятия. — Конечно, я тебя, сука-бля, пойму!

— Правда? — подняла она взгляд полный надежды.

— Конечно, правда, бандитка, — погладил Том ее по волосам и поцеловал в макушку. — Веришь?

— Да, — кивнула Нина и обняла его крепче.

Повисла уютная доверительная пауза.

— Посмотрим какой-нибудь фильм? — нарушила молчание Нина.

— Бейба? — накинул вариант Харди.

— Тоже шаровой рассказал? — усмехнулась Нина.

Сержант состроил фирменный еблет, выставив, указательные пальцы, встал с кровати и пошел к телевизору, на тумбочке возле которого нарочито лежал диск с кинофильмом «Бейб», подкинутый сюда явно каким-то безумцем.

Нина и Том приуютились на кровати, подложив под спины подушки, и приступили к просмотру, поглощая пиццу с колой и по классике обмениваясь комментариями о фильме и актерах исполняющих роли. К середине фильма, когда все было съедено и выпито, и оба почувствовали, что за последние дни устали настолько, что сил не хватает уже даже сидеть, они улеглись и продолжили смотреть лежа. Нина легла боком, и Том обнял ее сзади.

На моменте, где Сэт Роган в роли порося был деморализован и отказывался есть, а Джейсон Стэтхем в рот фермера Хоггета дал ему выпить из бутылочки, спел песню «If I Had Words» и станцевал для хрюшки джигу, тем самым восстановив веру Бэйба в привязанность своего хозяина и заставив снова начать есть, Том почувствовал, что глаза его уже закрываются. До невозможности уже хотелось спать, но засыпать не потрахавшись — ну такое… Потому сержант прижал Нину к себе покрепче, поцеловал в шею сзади, а его рука скользнула ей под футболку.

Нина протяжно выдохнула и повернула голову к Тому. Она взяла его руку, ласкающую грудь, и сама переместила себе в шорты. Харди повиновался, просунул пальцы ей между ног и нащупал клитор. Вторая же рука, которая была у нее под шеей, вновь метнулась к груди. Ладонь Нины тоже пробралась в клетчатые пижамные штаны и принялась дрочить. Через пару минут сержант приспустил ее шорты, перехватил из ее руки член и уже приставил, дабы войти, как девушка его останвила.

— Подожди-ка… — хрипло пробормотала она, привстала и потянулась к своему рюкзаку. — Вот… — извлекла она через несколько секунд какой-то тюбик

и вручила его Тому.

— Это, сука-бля, что? — в непонимании посмотрел Харди, пытаясь в свете телевизора разобрать, что написано на тюбике.

— Смазка… — ответила Нина и легла обратно, спустив шорты ниже.

— Не понял… — нахмурился Том, но тюбик открыл и понюхал. — Клубника, сука-бля? — забился в ароматной агонии он. — Что за смазка? Нахуя?

— Ну лубрикант, — цокнула Нина. — Что значит нахуя? Не знаешь, зачем нужны лубриканты?

— Знаю, — ответил сержант, так ничего и не понимая.

— Ну… — поторопила его Нина, прижимаясь задницей к члену.

Том пожал плечами и не придумал ничего лучше, чем выдавить клубничкой смазки себе в ладонь, да обильно обмазать ею хуй. Когда дело было сделано, Харди уже было вновь приставил клубничный член к не менее клубничной пизде, как Нина вновь остановила его, взяв за запястье.

— Ну ты чего… — прошептала она и направила член чуть выше.

— Аа? — непонятливо приподнял бровь сержант. — Ааа… — охуел он хлеще некуда, но завелся при этом еще хлеще, чем охуел, и медленно и осторожно вошел туда, куда направила его Нина. О, Клубничная Эми, да ты любишь в жопу!

Пожалуй, стоит оставить их наедине сейчас, неизвестно, сколько времени им еще осталось провести вместе.

Том сидит на полу, опершись спиной на стену и прячась за раритетной ширмой. Он не сразу узнает место, но, осмотревшись, понимает, что это гостиная дома его соседа Стивена Джеррарда.

— Что за… — Том хмурится и выглядывает из-за ширмы.

Посреди гостиной установлен шест, вокруг которого извивается Нина — абсолютно голая и с прической из кудрей и замысловатых кос. Он не может оторвать от нее взгляда, ловит каждое изящное движение, и на лице появляется улыбка.

— Что за развратная бюрократка? — отвлекает его от созерцания до боли знакомый ученый голос.

Сержант поворачивает голову и видит рядом с собой Мэрил Стрип.

— Я спрашиваю тебя, Джерри, что это за бюрократка? — повторяет вопрос старая блядь.

— Это моя девушка… — растеряно отвечает Том, отстраняясь.

— Хах! Девушка! Какая пошлость! — фыркает Мэрил, смерив Нину взглядом полным жалости. — А ты фантазер, британский выродок! Это что это ты себе напридумывал? Разве это возможно, чтобы у тебя была девушка? Разве мамочка тебе не говорила, что этому не бывать вовек? Глупый, глупый ублюдок Джерри!

— То, что ты говорила — бред! — вскрикивает Том. — Это неправда! Ты меня обманывала!

— Ну что за вздор, глупец? Разве мать может обманывать? — ухмыляется мисс Стрип, снимает со спины рюкзак из гиперпрочного полиэтилена и что-то ищет в нем. — Если кто и обманывает тебя, так это ты сам!

Том гневно раздувает ноздрями, но не находит слов для ответа. Мэрил же достает из рюкзака маску, тянется к его лицу и пытается надеть.

— Хватит! Это все бред! Я больше не верю тебе! — вскакивает сержант, отбрасывая маску в сторону. — Ты говорила, что я никому никогда не буду нужен! Но это ложь! Я нужен ей, а она — мне!

— Пффф… Нужен ей? Непохоже, — указывает Мэрил взглядом на Нину, извивающуюся вокруг шеста. — Уверена, найдется для нее кто-то получше тебя, никчемного жалкого бюрократа и пидераста!

Том, не в силах более не только слушать ее слова, но и слышать голос, срывается с места и бежит в центр комнаты.

— Давай уйдем отсюда! — хватает он Нину за запястье, останавливая танец. — Только ты и я!

— С чего бы мне уходить с тобой? — усмехается она, выдергивая руку из хватки.

— Потому что… Потому что мы с тобой вместе? — мямлит Том.

— Почему же ты не забрал меня раньше? Посмотри, к чему это привело? — обводит Нина рукой гостиную, и только теперь он замечает, что по периметру сидят безликие мужчины, глазеющие на танец стриптизерши.

Том пытается закрыть Нину от похотливых взглядов, но та отталкивает его, и он падает назад.

Встрепенувшись, понимает, что уже находится совершенно в другом месте, а именно на пустом пляже. Он сидит у воды, а перед ним большой и красивый песчаный замок, который он возвел собственными руками. В ладонях он держит горстку ракушек.

— Это ты все построил? — доносится сверху голос.

Том поднимает голову и вновь видит перед собой Нину, на сей раз одетую в белую блузу и джинсовые шорты.

— Да… — неуверенно кивает он и приделывает на верхушку замка самую красивую ракушку.

— Глупец… — сквозь зубы цедит Нина и наступает на хрупкое песчаное строение ногой в стриптизерской босоножке.

— Нет! Что ты делаешь? Я думал, ты поможешь! — восклицает Том, судорожно пытаясь собрать руины.

— Зачем бы мне это? — смеется Нина и еще одним взмахом ноги сносит остатки замка.

Изо рта Тома вырывается отчаянный крик, и он принимается сгребать песок, разлетевшийся по сторонам, в кучу, в надежде что-то исправить. Но у него ничего не выходит! Замок никак не восстанавливается! Сухой песок сыплется сквозь пальцы, не желая принимать хоть какую-то форму. Тут на пляж начинают накатывать волны, размывая остатки замка и унося песок в пучину. Том хватает горсть мокрого песка вперемешку с ракушками, в надежде сберечь хоть что-то, но вместо этого чувствует в руке что-то теплое и склизкое. Он раскрывает ладонь и видит окровавленное сердце, едва бьющееся и сплошь перепачканное в песке.

— Женщины… Что взять с этих милейших созданий? — слышит Том усталый голос.

Он поворачивает голову, и сквозь пелену слез, видит отца, сидящего рядом на песке и смотрящего на лунную дорожку на морской ряби. Том даже и не заметил, как наступила ночь и над океаном взошел одинокий месяц.

— Пап… Что все это значит? — шепчет сержант и демонстрирует еле трепещущее сердце на ладони, с которой на песок капает кровь.

— Все же следовало пригласить ее на вальс… — печально вздыхает Кристофер.

Огромная ледяная волна накрывает Тома с головой, протаскивая спиной по песку и вонзая в тело миллион острых камней.

Том подскочил в кровати, жадно глотая воздух. Он положил руку на правую часть груди, чувствуя, как бешено колотится сердце. Через пару секунд, осознав, что все это был сон, сержант рухнул обратно на подушку, уставившись в потолок.

— Просто, сука-бля, сон… — тихо повторил он и повернулся набок.

И тут его будто вновь окатило ледяной волной. Место рядом с ним, там, где засыпала Нина, было пусто.

— Бандитка… — судорожно выдохнул он и подскочил с кровати.

Где же она? Совершенно же точно, что Нина засыпала рядом! Куда же она делась? Ушла? Почему? За окном едва рассвело. Так что же заставило ее подняться в столь ранний час, выбраться из его объятий и уйти?

Харди метнулся к приоткрытому окну и зачем-то выглянул на улицу, будто думал, что увидит там веревку, связанную из простыней, по которой и сбежала Нина. Конечно, снаружи было пусто ранним утром, лишь доносился стрекот сверчков. Том, схватившись за голову, развернулся обратно в номер и безумным взглядом забегал вокруг, словно надеясь отыскать какие-то следы или знаки. Через несколько мгновений он рванул к двери и выглянул в коридор. Но и там было пусто и тихо. Необъяснимый страх волнами стал распространяться по всему телу, заставляя руки задрожать. Сержант рванул к прикроватной тумбочке с той стороны, где засыпала Нина, и суетливо стал обследовать ее на наличие незнамо чего. Наверно, хотел найти какую-то записку, где были бы некие объяснения. Обнаружил он только тюбик клубничного лубриканта. Отбросив его на кровать, сам плюхнулся следом и накрыл голову руками. Через секунду Том вновь вскочил и принялся метаться птицей раненой на краю земли…

Вдруг из ванной послышался шум воды, затем щелчок и скрип двери. Харди обернулся и замер. Дверь приоткрылась и оттуда вышла…

— Нина… — выдохнул он, закрыв рот рукой, будто пытался сдержать крик.

— Мм? — сонно промычала он, взглянув полузакрытыми глазами.

— Где была? — спросил хуйню Том, убрав руку ото рта и схватившись за сердце, заходившееся в груди.

— Чего? — пробубнила Нина, добравшись до кровати и юркнув под одеяло.

— В туалете? — продолжал бредить Харди. — Все в порядке?

— А с тобой? — приподняла она голову с подушки и с подозрением окинула его взглядом.

— Все в порядке, — закивал сержант.

— Чего бродишь? Туалет свободен, если хочешь, можешь идти, — махнула Нина головой в сторону двери.

— Ага, — почесал лысину Том и побежал в ванную комнату, ведь понял, что ссать и правда хотелось.

Справив нужду и с минуту посмотрев на бестолковое отражение в зеркале, Харди вернулся в комнату и улегся обратно в постель. Он залез под одеяло, придвинулся ближе и крепко-крепко прижал Нину к себе. Через минуту услышал, как она засопела. Том приподнял голову и посмотрел на нее — уснула. Он поцеловал ее в плечо и еще сильнее сдавил в объятиях, точно боясь, что она растворится и ускользнет. Хотя вряд ли объятия помогут в таком случае, зато точно не уйдет.

До самого утра Харди так и не сомкнул глаз, все гоняя в дурной влюбленной голове неприятные мысли и вспоминая детали сна, разбудившего его. Но все же это ведь просто сон, глупый кошмар, совершенно ничего не значащий. Мало ли какая ерунда может присниться! Все это просто его страхи и комплексы, за много лет укоренившееся в нем и ставшие частью его. И, ясное дело, так просто в момент от них не избавиться. Так что все это — вариант нормы, убеждал себя сам Том, но от этого легче не становилось.

Глава 129: Надлом

Весь следующий день Батлер пытался привести Додж в более-менее божеский вид. Но что бы он не делал, как бы не старался, машина выглядела как помятый кусок дерьма! Джилленхол и Харди старались как-то помочь другу в его нелегком деле. Братья хохотали, рассказывая друг друга всякий бред, играли в «бодалки», между делом, размышляя о том, как бы починить машину. Конечно же, такое поведение взбесило бородача, и он распиздил Тома и Джейка, сказав, что толку от них никакого! Они лишь мешают ему! Посему, опустив уголки губ, Джилленхол отправился в свой номер, дабы перебрать коллекцию носков да составить по ней новый реестр. Том же пошел провести время с сестрами, ибо, как бы он не старался, приснившийся под утро сон никак не давал покоя. В голову так и лезли мысли о том, что отчего-то Нина может куда-то сбежать. Поэтому он решил воочию убедиться в том, что все в порядке — никуда она не денется. Так и тусовался с ними весь день кряду. И если Нину все это вполне себе устраивало, то Лизи отчего-то неимоверно раздражал сержант. Девушка никак не могла понять, что ему нужно от сестер Блэкберри!

Когда ближе к десяти вечера Лизи заснула, Нина предложила Тому отправиться к нему, дабы не беспокоить беспечный сон беременной сестры.

— Ну, чем займемся сегодня? — спросила Нина, как только парочка оказалась в номере. — Хотелось бы чего-то веселенького, — плюхнулась она на кровать.

— Веселенького, сука-бля? — игриво приподнял Том шрамированую бровь и устроился рядом. — Значит, посмеяться хочешь? Помниться, кое-кто говорил, что боится щекоток. В особенности, когда щекочут, сука-бля, живот, — ляпнул он хуйню, в то же миг накинулся на девку и принялся щекотать ее. Нина же залилась дурацким смехом, пытаясь отбиться от не на шутку веселого сержанта.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась и внутрь вломился…

— Чё кого, сучары? — шутоломно воскликнул…

— Джесси? Сука-бля, какого хуя? — возмутился Том, увидев кореша своего брата.

— Том, тут такое дело, — уселся на табурет в углу номера Пинкман и закурил. — Я никак не могу определиться, какой ковер мне надо купить! У того хача на трассе такой выбор, что глаза разбегаются! И вот уже несколько дней я пытаюсь сделать выбор, но никак не могу!

В это время у Нины пиликнул телефон, оповещая о входящем СМС-сообщении. Девушка беззаботно взяла айфон, разблокировала и нахмурилась.

— Кто там, сука-бля? — настороженно спросил Харди, заподозрив, что девушка напряглась.

— Да хуйня, спам какой-то, — нервно заблокировала она айфон, выбралась из щекотливых рук сержанта и уселась на край кровати. — Так что там у тебя с коврами? — перевела она тему, обратившись к Пинкману.

— Я думал, Том поможет мне выбрать ковер, не? — поправил квадратную шапку на голове Джесси и посмотрел на Харди. — Мне тут одна птичка напела, что у тебя имеется семейный замок в Англии, а это значит, что нет-нет да что-то в антиквариате ты смыслишь. Поехали на точку ковров, а? Поможешь мне, — состроил он до того умилительные глаза, что отказал бы ему только больной ублюдок.

— Что еще за прикол такой с коврами, — скривила рот Нина, судорожно озираясь по сторонам и будто пытаясь вести себя непринужденно.

— Джесси коллекционирует персидские ковры и, как бы, сука-бля, помешан на этом, — пояснил за Пинкмана Том.

— Ты, сучара, тоже можешь поехать с нами, — махнул в сторону девушки

шапкой Джесси. — Слыхал, у тебя там в роду тоже был не абы кто. Тоже в антикваре либо смыслишь. Помчали, будет весело, ёпта!

— Ну уж нет, сука-бля, — выставил ладонь вперед Том. — Уж не обижайся, Джесси, но у нас были другие планы на этот вечер. Мы никуда не поедем.

— Не знаешь от чего отказываешься, сучара, — укоризненно взглянул на него Пинкман. — Что бы ты там не распланировал, уверяю — поехать со мной будет в два раза интереснее и веселее… А вообще, никто не хочет курнуть? — достал он из гигантского кармана не менее гигантских и широченных джинс стеклянную курительную трубку и пакетик метамфетамина.

— Не, сука-бля, нам это не… — начал было Том.

— А давай, — спрыгнула с кровати Нина и подошла к Джесси, уже забивающего кристаллы мета в трубку. — Да и вообще считаю, что можно сгонять за коврами. Заебал этот мотель! Хоть как-то разнообразим вечер. Зачем сидеть в четырех стенах? — плела она нервную хуйню, будто нарочито хотела оказаться где угодно, но только не здесь! Хм… А кто это там тебе написал СМС-ку, не покажешь? И что там за текст?

— Послушай, Нина, у тебя точно все в порядке? — настороженно посмотрел на девушку Том. С хуя ли вдруг она начала вести себя так странно? Нахуя согласилась на эту ковровую авантюру, да еще предварительно хочет покурить наркоты? Вспомнив вчерашний сон, Тому стало дурно, и он не придумал ничего лучше, чем согласиться со всей этой ерундой, дабы не раздражать девушку.

Так и обхуярились метамфетамина до неузнаваемости, после чего отправились на точку продажи ковров, что находилась в нескольких километрах от мотеля.

— Ох, сучары, нужно вернуться и цепануть с собой и жену Джейка. Если ты разбираешься в антиквариате, то и она должна! — взглянул Джесси на Нину через зеркало заднего вида. — А еще она якобы модница, так? Следовательно, точно знает толк в персидских коврах!

— Ну нет, Лизи мы беспокоить не будем! — вскинула руки девушка.

— С хуя ли, ёпта? — превратился в шапочную сову Пинкман.

— Да шкура просто беременна, — бездумно пизданул Харди, наблюдая в окно за проезжающими мимо машинами.

— Какого хуя, Том?! — взорвалась Нина, пихнув сержанта в плечо. — Ты обещал никому не говорить! Что за шляпа?

— Сука-бля, я случайно, — развел ладони обдолбанный Харди. — Главное, Джейки не знает, а Пинкман-то что?

— Ну нихуя б себе! — расхохотался на всю машину Пинкман. — То бишь Джейки скоро станет папой? Интересно, а они уже выбрали ковер для детской? Нужно узнать у Джейки…

— Нет, даже и не вздумай ему говорить об этом! — отвесила Нина оплеуху по ковровой шапке Джесси. — Это тайна, ты меня понял? Лизи сама ему все расскажет, когда придет время!

— Да больно мне все это надо, ёпта, — по-реперски подкатил глаза Пинкман. — Я в чужие отношения не лезу и лезть не собираюсь!

— А ты, давай-ка, следи за языком, — язвительно покривила лицом девушка, ударив сержанта указательным пальцем под подбородок. — Думай, что и кому рассказываешь. Это же была тайна! Ты, можно сказать, сейчас обманул меня! — завелась она с пол-оборота.

— Да хорош тебе, успокойся, — забился в агонии ссоры Харди. — Джесси надежный, он ничего и никому не расскажет…

— А ты вообще, с шаровым разговаривал на эту тему? — продолжала нести хуйню Нина, озлобленно посмотрев на сержанта. — Ты же тоже обещал это сделать! Обещал поговорить с ним, дабы он пересмотрел свое поведение и

помирился с Лизи.

— Когда бы я, сука-бля, успел, мм? — приподнял шрамированную бровь Харди. — Если все свое время провожу с тобой.

— Может, когда бодались сегодня днем у мотеля? — предположила Нина. — Зачем вообще ты занимался всей этой хуйней вместо того, чтобы поговорить с братом. Вместо того, чтоб помочь починить другу Додж… — загибала она пальцы. — Может, помог бы, и мы уже сегодня свалили из этого чертова мотеля! И вообще, что это за отмаз, будто бы я тебе мешаю поговорить с братом? То есть, как бы виновата я? Я отнимаю твое время? Меня слишком много в твоей жизни?

— Да что ты, сука-бля, мелешь? — изумился Харди, недоверчиво и взволнованно посмотрев на девушку. — Зачем ты мне предъявляешь за всю эту хуйню? Я ж прошу тебя — угомонись. Все же было нормально, что не так?

— Блять, — выдохнула Нина, закрыла лицо ладонями и помотала головой. — Томми, прости пожалуйста. Этот метамфетамин… Наверное, все это из-за него, — промямлила она, уткнувшись сержанту в грудак.

— Тебе плохо? — охуевше обнял ее Том. — Может, вернемся и покажем тебя шаровому? Вдруг еще передоз какой случится?

— Нет, все нормально… Правда… — пробубнила Нина, не отрывая рук от лица.

— Да какой передоз, сучара?! Обычная паническая атака после мета! Ну, перекурила мальца! Нихуя страшного, скоро пройдет. Со мной такое через раз, — успокоил Джесси, и в тот же миг схлопотал паническую атаку.

— Точно все нормально, и нам не стоит вернуться? — переспросил Харди, правостороннее сердце которого забилось в агонии предчувствия хуйни.

— Точно, — продолжила мямлить девушка, убрав ладони и улыбнувшись ему. Но Тома и это нихуя не успокоило! В ее глазах отчетливо читался испуг и потерянность!

«Послушай, Том, просто успокойся! Ничего такого случиться не могло. Весь, сука-бля, день она вела себя весело и непринужденно до того, как не пришел Пинкман и не накурил метом… Да, проблема точно в наркоте, нихуя ж больше не произошло, так?» — охуевал Харди, покрепче прижав выбитую из колеи девушку и поцеловав ее в макушку.

— Ну, вот мы и приехали! — вдруг воскликнул Джесси и кубарем вывалился из машины, даже не заглушив мотор.

— Что ты, сука-бля, творишь? — ебанулся Том, быстро перепрыгнул с заднего сидения на водительское и остановил машину.

— Вот видишь, какой ты молодец, милый мой Том, — просунул голову между передними сидениями Нина, взявшись за подголовники. — Сумел остановить машину, и никто не пострадал. А говорил, никогда не научишься, — чмокнула она его в щеку. — Ладно, пойдем поможем Джесси выбрать ковер! — улыбнулась она и вылезла на улицу.

«Послушай, Том, кажется, все же все и правда в порядке, — с облегчением выдохнул сержант, подняв ручник. — Обычная паническая атака от метамфетамина… Сука-бля, не стоит шкуре жрать и курить всякую ебалу. Как-то она всегда ебланит с нее…» — порешал он и также вылез из машины.

— Что за хуйня? — нахмурилась Нина, указав пальцем на сотни стоек, увешанных тысячами персидских ковров. — Я на такое не подписывалась, Том! Я думала тут ковров пять, ну десять, а не это вот все! — вновь распсиховалась она.

— Успокойся, ладно? Не начинай, сука-бля, — попытался вновь угомонить ее Харди. — Я сейчас быстренько помогу ему, и мы уедем…

— Ты знал, что тут такое, да? И нахуя тогда согласился на всю эту ковровую хуйню? — никак не унималась Нина.

— В смысле, я? — охуел Том. — Ты же сама захотела, что за шляпа?

«Послушай, Том, какого хуя? Она же согласилась еще, будучи свежей. Значит, перемены настроения не в мете?.. Сука-бляяяя, да что с ней происходит тогда?» — забился в агонии нихуя не понимания Харди, закурив сигарету, на этот раз даже не назло матери, а от пресловутого непонимания.

— Ой, Томми, посмотри, тут изображен персидский портрет Джоржа Буша, — засмеялась Нина, указав пальцем на один из ковров.

— Сука-бляяяя… — хлопнул себя по щеке Харди, окончательно запутавшись в поведении этой девки.

— Джесси! А вот и снова ты! — вылез из одного из ковров, сотканного на подобие кокона, престарелый хач. — Вай, а это чито за дэвушка-красавыца! — подлетел он к Нине и преподнес ей сочный персик, достав его из кармашка кепки.

— Сосо, сучара, дружище, ёпта! — с распростертыми объятиями побежал к нему Пинкман и обнял крепко-крепко, а затем страстно по-мужски поцеловал в обе щеки. — Это мои кореша-сучары, — обвел он ладонью сначала Нину, потом Тома. — И сегодня они помогут мне сделать нужный выбор! Я куплю ковер, ёпта!

— Ну наконэц-то! — вскинул руки к ночному небу торгаш Павлиашвили. — Давайтэ выбират! — замысловато покрутил он ладонями и повел всех к коврам.

Джесси шутоломно и с присущей ему шапочной суетой принялся метаться от ковра к ковру, за ним бегал Сосо и расхвалил каждый свой товар, желая, чтоб Пинкман скупил здесь все! На деле же больше и больше запутывал паренька. За ними бегала и Нина, смеясь над выходками Джесси. За всем за этим хмуро наблюдал Том, не понимая абсолютно нихуя! Что не так с ней? Почему она то резко предъявляет Тому за непонятную хуйню, то вот так вот весело и непринужденно себя ведет?

Так они бегали от ковра к ковру очень и очень долго. Во время всего этого дерьма Пинкман рассказал Сосо о сестре Нины и о ее беременности. Удивительный факт! Шкура даже не предъявила Джесси за его поганый язык и за раскрытие тайны придорожному Сосо! Но зато вот Тому за это полетела крупная такая предъява, да еще и по подбородку ударила! Что не так с Ниной? Что не так?! О, Клубничная Эми, не шизофрения ли это?

Время от времени Нина залипала в айфон, хмурилась, затем быстро прятала его в карман, подрывалась к Тому и просила ей помочь с выбором ковра для Джесси. Она то быдлила на него за хуевый вкус, то напротив говорила, что то, на что указывал Харди — вполне себе миленько.

Так они и протусовались на трассе до глубокой ночи. Наконец, Пинкман выбрал нужный ковер, а точнее — пять, расплатился, погрузил их в багажник, попрощался с Томом и Ниной и уехал в рассвет в южном направлении — прямо в Альбукерке. Сосо также наспех скрутил свои тряпки и отправился обратно в Чарлстон. Так Харди и его ненормальная девка остались на обочине совсем одни.

— Охуенно, Том! — подняла большой палец Нина. — Почему ты не попросил своего друга добросить нас до мотеля? Теперь пешком идти, да?

— Да тут, сука-бля, хуйня. Несколько километров, думаю, за пару часов дойдем, — пожал он плечами. — Только не психуй, хорошо? — взволнованно посмотрел он на девушку и протянул ей руку.

Та на секунду замешкалась, нервно закусила губу, после чего коротко кивнула и вложила свою ладонь в его. Так и побрели обратно в полном молчании.

— Послушай, Нина, что все же не так, сука-бля? — поинтересовался спустя какое-то время Харди, остановившись. — Все было хорошо. Весь день ты была веселой, а потом вечером вдруг стала какой-то нервной, агрессивной… Что

произошло? Тебя что-то волнует? Может, тебя кто-то напугал или обидел? — без всяких шуток и приколов посмотрел он ей в глаза.

— Думаешь, в мотеле может находиться такой человек, что напугает меня или обидит? — спросила она таинственную хуйню.

— Не знаю, сука-бля… А что тогда случилось? Ты, считай, на ровном месте стала какой-то психованной. Я волнуюсь и не понимаю, что происходит. Может, попробуешь хоть как-то объяснить?

— Давай попробую… — тяжело выдохнула она и зависла.

— Ну, — пощелкал спустя минуту перед ее глазами пальцами Том. — Попробуешь? Мм?

— Мхм, — кивнула Нина, отвиснув. — Понимаешь, Томми, достаточно тяжело жить, когда знаешь, что, чисто теоретически, на планете может проживать человек, имеющий как бы навигатор в голове. Ну будто такая суперсила у него, понимаешь? — бредила она, с трудом подбирая слова. — И как можно спокойно и беззаботно существовать, зная, что такой человек может в любой момент посмотреть где ты и с кем. Никакой свободы, правда? Ведь это не совсем законно? Как бы внедрение в личное пространство, понимаешь, о чем я? Ты ведь понимаешь меня, правда?

— Нет, сука-бля, не понимаю, — охуевше помотал головой Том.

— Но ты же обещал, что поймешь… — быстро помотала головой девушка, наполнив глаза слезами и резко выдернув ладони из рук Тома.

— Да что, сука-бля, происходит? — схватился за голову сержант. — Так, стоп, сука-бля! Кажется, я понял. Ты считаешь, что за тобой следит человек с некой суперспособностью? — нарисовал он кавычки в воздухе. — Но ведь такого не может быть, правильно? Волшебства же не бывает! Но! Ты говорила, что у тебя биполярное расстройство личности. Поэтому могу предположить, что у тебя наступила маниакальная фаза, поэтому…

— То есть ты думаешь, что я совсем сумасшедшая? — истерично усмехнулась Нина, сделав шаг назад.

— Да ничего я не думаю! — попытался успокоить ее Харди, но, кажется это было не просто бесполезно, но и нахуй не надо. — Ты можешь просто объяснить, что нет так? Я не понимаю! Не понимаю, сука-бля! — бился он в агонии разрушения песчаного замка, понимая лишь одно — кажется, именно сейчас, в этот момент, то непродолжительное счастье, что было с ним последние дни, ускользает из рук.

— Хватит на меня кричать! — хлеще всех вместе взятых завелась Нина. — Я не виновата, что ты ничего не понимаешь! Это не дает тебе права кричать на меня!

— Так, хватит, сука-бля, — взмахом ладони перебил Харди, закрыв глаза и приставив пальцы к бровям. — Давай сейчас оба успокоимся, хорошо? Доберемся до мотеля, а там поговорим в спокойной обстановке. Может так тебе будет проще и легче мне все объяснить, мм? — подошел он к девушке и взял ее за плечи.

— Я не хочу возвращаться в тот чертов мотель! — попыталась вырваться из его хватки Нина, находясь уже, кажется, на грани нервного срыва. Да что ж творится-то, а?! Объяснись уже хоть кому-то! Но Том держал крепко и не отпускал, боясь, что если отпустит сейчас, то упустит ее навсегда.

Харди не знал, как еще можно ее успокоить. Он глубоко вдохнул через нос, выдохнул через рот, надув щеки, и не придумал ничего лучше, чем поцеловать девушку. Нина пару секунду сопротивлялась, но вот, наконец, ответила ему взаимностью и перестала брыкаться.

— Поехали в Сиэтл, — придав уверенности голосу, сказал Том, наконец, оторвавшись от нее. — Вдвоем. Прямо сейчас, — закрыл он глаза, взяв девушку за щеки и прижавшись своим носом к ее.

— Бляяяя… — обреченно простонала Нина. — Ну зачем ты это делаешь…

— Послушай, ты, наверное, просто устала от всей этой хуйни. Там будет куда спокойнее, я обещаю, — молол слишком пухлым ртом сержант.

И никто из них даже и не обратил внимания, как на обочине остановилась синяя Лада Калина и из нее вылез худощавый хач.

— Поехали, бандитка, прямо вот сейчас, сука-бля, — продолжил зазывать в Сиэтл Том.

— Но мы и так туда едем, — нервно заговорила Нина. — И как ты представляешь все это? Как я брошу Лизи? Думаешь это будет красиво с моей стороны? Нет, я не брошу Лизи одну в ее-то положении!.. Блять, я не знаю! — вновь отстранилась от него девушка.

— Это значит нет, сука-бля? — хмуро спросил Харди.

— Она не говорыла нэт! — вставился в скандал хач по имени Алан Дзагоев. — Нэ видеш, дэвущка потэрялас?

— Ты еще что за хуй? — хором спросили Нина и Том, недовольно обернувшись на хача.

— Могу подбросит вас с вэтэрком, куда пожэлаитэ! — выше Кавказских гор поднял указательный палец Алан. — Дажэ в другой город! Хот на край зэмлы! Хот к звездам! Толко скажитэ!

Сержант и Нина продолжили удивленно смотреть на чурку, не понимая, что ему от них надобно.

— Но я ыграю эту рол, как двэ сэстры любов и бол живут во мнэ наэобъясныыымооо… Щики-па-рээ, — запел он на русском, указав пальцем на Нину и как бы намекая Тому, что у той небольшие нелады с головой. Но никто не понял его намеков, ибо что один, что вторая — нихуя не знали русского языка.

— Томми, пожалуйста, прогони этого человека. Мне кажется, он какой-то извращенец… Мне страшно… — пролепетала Нина, вмиг превратившись в зашуганную сову и прижавшись к сержанту.

— Так, иди-ка ты, сука-бля, на хуй, не видишь, она тебя боится! — дерзанул Том, взмахнув ладонью и как бы прогоняя этим жестом Дзагоева.

— Глупцы… — громко цокнул Алан, подкатив паромные глаза. — Вам друг друга надо боятса, самых сэба надо боятся, но нэ мэна, — ляпнул он аульную мудрость, развернулся на пятках и, горделиво топая мокасинами по обочине, удалился в синюю Ладу. Громко хлопнул за собой дверью и уехал… Уехал далеко… К звездам…

— Так все же, в Сиэтл мы сейчас не едем. Ты не хочешь бросать сестру. Хорошо, это я понимаю, — продолжил доебывать девушку Том, когда они остались одни. — Но и в мотель ты возвращаться не хочешь. Тогда что, сука-бля?

— Я не знаю, — невнятно ответила Нина, опустив взгляд.

— Нина, я серьезно хуй могу взять в толк — что тебе надо? — уже начал вскипать Том, обозлившись на всю эту ситуацию.

— О, Господи, Томми, смотри! — вдруг воскликнула она и кинулась к какому-то придорожному кусту.

Харди нахмурено посмотрел на него и увидел там огромную паутину, где запуталась бабочка и ну никак не могла выбраться! Рядом кружился мотылек, пытаясь хоть как-то помочь своей подружке, но и у него ничего не выходило! Одно неловкое движение, и он сам рискует стать заложником! Посему, мотылек лишь метался рядом, не зная, как подступиться. За всей этой мотыльковой драмой наблюдал огромный жирный паук, притаившийся за одной из веток. Он был готов в любую секунду выползти, дабы пустить в бабочку яд, покрепче замотать в паутину и уволочь в уголок, где, собственно, и полакомиться. Но пока паук ждал, с сарказмом наблюдая за разворачивающейся трагедией.

— Том, сделай хоть что-нибудь! Спаси ее! — отчаянно закричала Нина, указав на бабочку пальцем.

— Послушай, Нина, это естественно, что он хочет ее сожрать. Такова вот суть природы, не думаю, что я должен вмешиваться, — стал отмазываться Харди, не намереваясь марать руки в липкой и противной паутине.

— Спаси ее! — взвизгнула Нина, даже и не слыша, что там он лопочет.

— Ладно, хорошо, — выставил ладони вперед Том. — Только прошу тебя, не нервничай… Сейчас, сука-бля, спасу.

Сержант присел на корточки напротив паутины и стал плевать в сторону бабочки, ведь посчитал, что его слюни смочат паутину, та станет не такой липкой, и бабочка сможет вырваться из плена. Но затея Тома оказалось хуйней ебаной. Несчастная бабочка, пытаясь увернуться от его ебливых слюней, стала запутываться еще больше!

— Том, что ты делаешь? — не унималась кричать Нина. — Спаси ее по-другому!

— Сука-бляяяя, — в психах прорычал Харди, охуевая от того, что вместо того, чтобы каким-то образом спасать их с Ниной отношения, он должен лезть в паутину, спасая отношения глупых мотылька и бабочки.

Но делать нечего — придется лезть руками, а иначе Нина закатит на обочине истерику из-за того, что Том не сумел спасти насекомых, а это будет точно лишним. Харди запустил руку в паутину, которая моментально налипла на пальцы и не давала свободу действиям. А еще этот глупый мотылек! Приметив, что Том хочет помочь, стал нарочито лезть под руки, как бы помогая.

— Да, сука-бля, съебал отсюда! — психовал Том на бестолкового мотылька, вытащив одну руку из липких пут и тряся ее, дабы скинуть паутину.

— Том, смотри! Паук решил действовать! — взвизгнула Нина, прикрыв рукой рот. — Быстрее, достань ее! Он уже рядом!

И правда, жирный паук, медленно вылез из укрытия и стал надвигаться на бабочку, дабы убить ее и полакомиться.

— Сука, урод ебаный! — закричал уже и Харди, приметив восьминогого урода.

Он подскочил на ноги и принялся топать берцами, дабы спугнуть его. От этих движений ветки затрясло, и паутина оторвалась сначала от одной, затем от другой, и опустилась уже почти к земле. Но паук не отступал! И сквозь сержантское землетрясение продолжил свой путь!

— Что ты делаешь?! Ты сейчас раздавишь и убьешь всех! — верещала Нина, схватив Тома за плечо и неистово потряся.

— Точно, сука-бля, я убью его, и все будут счастливы! — рявкнул Харди, достал из-за пояса «беретту», быстро подготовил ее и стал стрелять по пауку. — Сдохни, наглая сука! — рычал он, выпуская в сторону паука пулю за пулей, но тот бы ловок и уворачивался от каждой.

— Том, немедленно прекращай это делать! — запаниковала Нина, вцепившись Тому в руку с «береттой».

— С хуя ли, сука-бля? — удивленно посмотрел на нее Харди, прекратив стрельбу.

— То, что делаешь ты — неправильно… — налила глаза слезами Нина. — Томми, ты жесток…

— Я не понимаю, что ты хочешь! — отчаянно распсиховался Том. — Кого мне спасать?! Паука? Или мотыльков?! Что ты хочешь, пизда?!

— Просто спаси бабочку, Том, — ляпнула хуйню девушка, невыносимо грустно заглянув ему в глаза.

От этого взгляда не то что кричать захотелось — выть! Но это было бы глупо. В нервах подвигав желваками, Том с силой сжал рукоятку «беретты» и, не отрывая взгляда от глаз девушки, сделал еще пару выстрелов.

Нина от испуга вздрогнула и зажмурилась.

— Так, что тут происходит? — послышалось со стороны дороги. Ребята

обернулись и увидели остановившуюся патрульную машину, откуда вальяжно высунулись два лысых полицейских.

— Блять… — прошептала Нина, заметно занервничав при виде блюстителей правопорядка.

— Какие-то проблемы, офицер? — рявкнул Том, ведь только мусоров ему тут не хватало.

— У вас все в порядке? — поинтересовался мент. — Почему вы стоите с оружием, сэр? Мы слышали — вы стреляли.

— Бабочка запуталась в паутине и на нее чуть не напал паук, — пояснил за стрельбу сержант Харди. — Пришлось отстреливаться, дабы помочь ей.

— Аа, ну это дело благородное, — кивнул полисмен. — Помощь не нужна?

— Да не, сука-бля, мы сами, — отмахнулся «береттой» Харди.

— Ну смотрите, молодые люди. Но если вдруг понадобиться помощь, звоните «911», — отдал честь мент, залез обратно в машину, и та тронулась.

— Пиздец, как стремно, — выдохнула Нина. — Я думала все — сейчас меня поймают… Так, стоп, а где бабочка?! — воскликнула она, уставившись на паутину. — О, нет-нет-нет, Том! Он сожрал ее! Ты не сумел ее спасти! Все кончено! — в миг превратилась она в истеричную сову.

— Да нихуя подобного! — парировал Том. — Я видел, она выбралась, и они с мотыльком улетели! Вдвоем, в рассвет на хуй, — указал он дулом куда-то в небо. — Все хорошо! Хэппи, сука-бля, энд!

— Нет, это неправда! — зарыдала Нина. — Она мертва! Он сожрал ее!

— Бля, я прошу тебя, хорош, — попытался обнять ее сержант, но девушка увернулась. — Я правда видел, как они улетели! — говорил он не совсем правду. Во время разговора с мусорами боковым зрением он видел, как мимо кто-то пропорхал. Но был ли один мотылек или два — он не знал. Но ведь можно подумать оптимистически, правда?

— Нет, он просто сожрал ее… Вот и все… — продолжала рыдать девушка. — И ты не спас никого! Ни бабочку, что теперь разложится в брюхе паука, ни мотылька, что до конца своих дней будет жить в одиночестве и страданиях… — несла она хуйню.

— Я ж прошу тебя… — взволнованно потянулся к ней Том.

— Все, хватит, — вытерла слезы тыльной стороной ладони Нина. — Пошли в мотель, — развернулась она и пошла в нужном направлении, обняв себя руками, ведь от утренней прохлады стало зябко.

Харди молча плюнул в сторону, закурил и пошел за ней, решив не трогать девушку. Может, побыв наедине со своими мыслями, Нина остынет? И когда они уже прибудут в мотель все встанет на свои места? А станет ли теперь вообще все как прежде? Боже, как это сложно!

— Покурим? — окликнул Нину сержант, когда через полтора часа они наконец добрели до мотеля.

Та оглянулась, и Харди протянул ей пачку сигарет.

— Слушай, я пиздец устала и замерзла, — поджала она губы. — Давай просто уже пойдем внутрь. Хорошо?

— Хорошо… Ты к себе или, может, сука-бля, зайдешь ко мне? — подвигал челюстью Том и сделал шаг вперед.

— Не знаю… Зачем? — исподлобья посмотрела Нина.

— Сука-бля… Ну поговорим, — едва сдерживаясь, сказал Харди.

Нина с некой опаской оглянулась по сторонам, затем взглянула на Тома и сглотнула.

— Ладно… Пойдем, — через несколько секунд молчания кивнула она.

Оказавшись в номере, Нина уселась у изголовья кровати, обхватив колени руками.

— Пожалуйста, я, сука-бля, прошу, скажи, что случилось, — попытался заглянуть ей в глаза сержант, усевшись напротив и положив ладони ей на плечи.

Нина продолжила безумно молчать, глядя в одну точку.

— Скажи, у тебя какие-то проблемы? — продолжил допрос Том, надеясь услышать уже хоть что-то.

— В каком плане — проблемы? — подняла хмурый взгляд девушка.

— Какие угодно. Не надо, сука-бля, придираться к словам, — пытаясь не повышать тон, ответил Харди. — Я же не пытаюсь тебя в чем-то уличить или обвинить. Я просто, сука-бля, хочу помочь тебе. Хочу сам понять, что происходит. Я же вижу, что что-то случилось. Объясни — что? Я что-то не так сделал? Или что?

— Я не знаю… Не знаю… — промямлила Нина, наполнив глаза слезами.

— Да сука-бля! В чем твоя проблема? Почему ты не можешь просто сказать, как есть? Разве ты не доверяешь мне? Ты же сама говорила, что тебе кажется, что мы понимаем друг друга, — взял Том ее за щеки и заставил посмотреть в глаза. — Разве нет? Ты говорила, что мы можем помочь друг другу!

— Наверно, не во всем можно помочь. Бывает такое, что, если не можешь помочь сам себе, то и другой не сможет, — трагично бредила Нина, убирая руки Тома от своего лица.

— Может, сука-бля, просто попробуешь? — взорвался он, подскочив с кровати. — С историей про того мусора же помогло! Тоже, сука-бля, говорила, что ни с кем не делилась, а рассказала и стало легче! Ну! Не так?

— То была просто история давно минувших дней, — помотала головой Нина. — Тут другое…

Харди закрыл глаза, глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Послушай, бандитка… — заговорил он, вновь усевшись рядом и убрав прядь светлых волос, упавшую ей на лицо, за ухо. — Что бы ты ни рассказала мне сейчас, я, сука-бля, не изменю своего мнения о тебе, не подумаю про тебя хуево и ничего такого, чего ты, возможно, опасаешься. Что бы это ни было: какие-то реальные проблемы, проблемы в твоей голове, какие-либо страхи или что, сука-бля, угодно — просто расскажи мне. Я, сука-бля, постараюсь понять. Даже если не пойму, то не осужу тебя. Я же и сам, сука-бля, ебаный псих. Кому как ни мне понимать, что такое траблы с башкой. И при любом раскладе я либо помогу тебе сам, либо, если сам не смогу, найду способ помочь.

— Да с чего ты взял, что мне нужна помощь? — всплеснула руками Нина.

— А что тогда? Если нет, тогда дело во мне? Что-то не так? Я, сука-бля, что-то сказал или сделал? — бился в агонии стука в закрытые двери Харди. — Уж тем более, если это я что-то нахуевертил, то сделаю что угодно, чтобы это исправить. Ведь я, сука-бля, не хочу терять все то, что между нами сейчас происходит!

— Ты хочешь сказать, что я хочу этого? Думаешь, мне плевать? — завизжала Нина и подскочила на ноги.

— Если нет, тогда просто скажи! — состроил убедительный фирменный еблет сержант, разведя руками и предлагая выложить все как на духу.

— Я не могу! Как ты, блять, не понимаешь? — впала в истерику Нина, затопав ногами по кровати. — Мой внутренний голос так и твердит мне: «Эй, Нина! Молчи! Даже не думай никому говорить! Все равно никто не поймет твой бред!»

— Шли его нахуй и не слушай! Слушай меня! Я, сука-бля, клянусь, что пойму, что бы ты ни сказала! — бил себя в грудь сержант, пытаясь добиться от очевидно невменяемой девки, незнамо чего. О, Клубничная Эми, какая же ты упертая, хоть и не Овен!

— Ты говоришь, что поймешь! Но на деле ты уже меня не понимаешь! Я же говорю, что не могу сказать! — верещала Нина. — Но ты упорно продолжаешь

это не понимать! И выходит, что ты врешь мне, Том! И врал, когда говорил, что поймешь без слов! Ты не понимаешь сейчас, и не поймешь, скажи я то, что со мной происходит!

— Сука-бляяяя! — схватился за голову Том, схлопотав нехилую системную ошибку от подобных речей в своих ебланских вскипевших мозгах.

Нина же после истеричной тирады рухнула на колени, уткнулась лицом в подушку и принялась рыдать почем зря. Том бросился к ней, притянул и крепко прижал к себе. Она не сопротивлялась, а уткнулась ему в грудь, подобрала колени и комочком свернулась в его объятиях, тихо всхлипывая и шмыгая носом.

Так они просидели минут пять. Харди молча гладил ее по волосам, совершенно не понимая, что делать. Кажется, пытаться добиться от нее хоть чего-то внятного сейчас не имеет не малейшего смысла. И что же тогда? Может на данный момент достаточно просто быть рядом? По крайней мере, так она относительно спокойна. Наверно, ей и правда спокойнее, когда он просто обнимает и не выпытывает то, что она говорить не хочет или не может. Хорошо, значит так тому и быть. Когда Нина будет готова, она обязательно все сама скажет, а пока сержант подождет. И просто будет рядом. Том вспомнил тот страх и ту надежду, что видел в ее глазах пару ночей назад. Если она чего-то боится, он не отпустит и будет крепко держать за руку, не давая сорваться в бездну. Харди ведь и сам прекрасно понимал, каково это быть непонятым, когда в голове кипит адская смесь безумия и обид на весь мир. И в такие моменты хочется, чтобы кто-то близкий просто был рядом, не пытаясь при этом вразумить и развеять все заебы. Ведь такие попытки всегда оказываются тщетны в столь неуравновешенном состояние. Зато осознание, что кто-то готов поддержать просто потому что ты дорог ему, всегда придает сил. На том и порешал. Том еще крепче сжал ее в объятиях и поцеловал в макушку.

— Понимаешь, я не знаю, что ждет меня дальше… — тихо заговорила Нина, нарушив тишину. — Я не чувствую уверенности в завтрашнем дне. Уверенности вообще ни в чем! Я не чувствую какой-то защищенности, а чую лишь опасность, будто подстерегающую меня на каждом шагу. Мне постоянно кажется, будто кто-то следит за мной, и ждет момент моей наибольшей уязвимости, чтобы все разрушить. Момент, когда я буду максимально спокойна и счастлива…

— Почему? — взволновано спросил Том, мысленно обозначив для себя, что маниакальная фаза биполярного расстройства ее личности вступила в полную силу. Иначе как еще объяснить подобные страхи?

— Я не знаю! — вновь вспыхнула Нина, словно глупая спичка. — Просто я так чувствую! Сердце бешено стучит, а кровь будто закипает, словно подает мне сигналы об опасности! — похлопала она ладонью по груди. — А мы ведь даже не можем с тобой афишировать наши отношения! Вынуждены скрываться, будто делаем что-то противозаконное!

— Так, стоп, сука-бля! — охуел хлеще всех в мотеле сержант. — Ты же сама этого хотела. Разве нет? Мы можем ни от кого не скрываться! Нахуя нам это нужно? Твоя сестра, если она тебя любит, при любом раскладе поймет. Разве она не будет счастлива за тебя? Так давай расскажем всем, если ты этого хочешь и если тебе от этого будет спокойно.

— И что это изменит? — отстранилась Нина. — Если все равно меня терзает ощущение, что все что между нами зыбко, что все не по-настоящему, что я не на своем месте!

— Сука-бля, да с хуя ли? — все сильнее закипал Том. — Ты что, мне не веришь?

— Я не верю никому! А больше всех себе! — вскрикнула Нина.

— Блять, я прошу тебя, успокойся! Может это все мет Пинкмана? Может, сука-бля, просто тебе стоит отойти? — уже не знал, что и думать Харди. Хотя все больше убеждался, что это не наркомания никакая. Но что же? Биполярка?

Шизофрения? Али пизда просто решила вот таким образом слить его, изображая сумасшедшую? Да не, бред какой-то… Сержант же совершенно точно чувствовал ее искренность к нему. Ну невозможно же так притворятся! Или возможно… Сука, ничего непонятно!

— Ладно, хватит… Может, ты и прав. Наверно я и впрямь перебрала, или мет оказался слишком сильным, — выдохнула Нина и снова припала к его груди. — Прости меня, Томми…

Да что же ее так швыряет из стороны в сторону?! Черт! Как же во всем разобраться? Пожалуй, стоило попробовать себя в каких-нибудь отношениях прежде, чем влюбиться по самый «небалуй». Может это всегда так сложно, а Том и знать не знал? Или же это Нина такая «особенная», и сержанту как всегда нехуйственно «повезло» — получить самую ебанутую девку на всем белом свете? Да нет, больше всех «повезло» в этом плане мистеру Уокену! Вот уж кто отхватил ебанутейшую из женщин в мире. Вряд ли Нина может тягаться с Мэрил. Уж явно она не способна на подобное дерьмо, что творила с Харди старая блядь! Ведь девушка так сочувствовала Тому, когда он рассказывал ей свою историю. Ну не может она с ним так поступить! Не может! Так ведь?

— Все в порядке… Все хорошо… — успокаивающе забормотал сержант, поглаживая Нину по волосам, хотя ему самому впору сгодилось бы чье-нибудь успокоение.

— Правда, прости… Я не хочу тебя обижать, просто не могу себя контролировать, — подняла она голову и посмотрела в глаза.

— Я, сука-бля, не обижаюсь, просто переживаю. За тебя. И за нас, — провел Харди большим пальцем ей по щеке и поцеловал в висок. — Бандитка, я правда боюсь все потерять, понимаешь?

— Ты же потеряешь не все. У тебя есть брат, есть друзья, — всхлипнула Нина.

— Сука-бля! Зачем ты так говоришь? — схватил ее за щеки Харди и нервно затряс. — Получается, я тебя могу потерять? М? Ты это мне хочешь сказать? Что как бы конец? Да ты же и есть все, что у меня есть! Да, есть брат, есть кореша… Но, сука-бля! Только теперь, с тобой, я впервые почувствовал, что мне стало легче дышать! Можешь ты это, сука-бля, понять или нет? Я всю жизнь задыхался! — вцепился он себе двумя руками в горло. — В этой ебаной маске! В этом ебаном дерьме, что творится у меня внутри, сколько я себя помню! И ты думаешь, что я нихуя не потеряю? Думаешь, для меня это все хуйня ебаная? Да мне пиздец, если все это закончится! Я хуй знаю, что со мной будет, если все между нами вот так возьмет и прекратится! Нихуя хорошего. А так, как я чувствую себя сейчас, я никогда не чувствовал. Счастливым! Я, сука-бля, никогда не был так счастлив, как в эти несколько дней, проведенные с тобой! И ты мне говоришь, что я потеряю не все? Ты серьезно не понимаешь?

Нина лишь наполнила глаза слезами и нервно кусала губы.

— А ты еще мне говоришь, что это я тебя не понимаю! Что ты нихуя не можешь рассказать свой бред, потому что я, сука-бля, не пойму тебя, видите ли! — уже перешел на крик Харди. — Я же вижу совершенно противоположное! Я всю ночь ношусь за тобой, пытаясь поговорить и убедить тебя, что готов выслушать твою, сука-бля, хуйню! Пытаюсь как-то, блять, помочь! Ты же строишь из себя несчастную пизду, проблемы которой слишком сложны для понимания! — пародируя женский горделивый тон, изобразил он над головой некое подобие короны. — На деле же, это ты нихуя не понимаешь! И, в отличие от меня, даже и не пытаешься понять меня! — выставил Том указательный палец, раздувая ноздрями и двигая челюстью. — Ты, пизда, не знаешь, каково это быть мной! И нехуй мне говорить, что я ничего не потеряю! Ничего не потеряешь, видимо, ты, раз не считаешь меня человеком, которому можно довериться! Твоя-то сестра никуда от тебя не денется, а бонусом к ней ты

получишь и моего, сука-бля, брата! Ибо он при любом раскладе останется со своей шкурой, а поскольку между мной и тобой больше ничего не будет, то и с ним я общаться, считай, и не смогу! Ну а хули! У меня же есть кореша! Объебашусь с ними до пиздеца, да и отъеду, сука-бля, в какой-нибудь подворотне! Да и похуй! Терять же мне нечего! Ебал я в рот! Не хочешь — не говори! До пизды! Не был всю жизнь счастливым — нехуй и начинать!
— остервенело показал он «фак», состроив фирменный еблет.

— Томми… — прошептала Нина и следом забормотала что-то невнятное.

По ее щекам текли слезы, и она сквозь рыдания пыталась что-то сказать, но выходили лишь всхлипы. Харди, тяжело дыша и слыша, как стук сердца отдает в ушах, смотрел на нее. Нина положила ладони ему на щеки и потянула к себе. Смотрела ему в глаза, но он не в силах был разобрать что-то в ее взгляде, ведь у самого внутри все закипало. Какого хуя она плачет? От обиды? От жалости? Том ненавидит жалость к себе! А может, жалеет она не тебя, а о том, что сама наговорила?

Все эти резкие перемены настроения довели уже сержанта до белого каления. Как бы он себя ни вел — ничего не менялось, и совершенно ничего не зависело ни от его слов, ни от действий. Гнев ее сменялся то милостью, то истерикой со слезами, и так по кругу. И это совсем не было похоже на смену фаз биполярного расстройства, ибо те не длятся так мало. Больше походило на то, что в эту ночь он попеременно общается совершенно с двумя разными людьми, и кто из них настоящая Нина — совершенно не ясно. Не ясно было и то, чего ждать дальше. И уже не только от нее, но и от него самого. От непонимания, бессилия и невозможности на что-либо повлиять у Тома уже срывало планку. Он отчетливо ощутил такое забытое, но так хорошо знакомое чувство — озлобленность. Озлобленность, от которой все внутри натягивается, словно тугая пружина, готовая вот-вот лопнуть.

Том продолжал смотреть на нее, сжимая челюсть до скрежета зубов. Нина приблизилась и нежно прикоснулась губами к его губам. Не находя слов и сил говорить, кажется, так она хотела сказать: «Прости меня, я дура». Этот поцелуй выбил из колеи Тома окончательно. Да что же тебе надо? О, Клубничная Эми, ты сводишь нашего мальчика с ума! Научишь его дышать или заставишь задыхаться в темноте?

Нина, едва касаясь, целовала его в губы и гладила по шее и плечам. Однако, Тома это совершенно не успокаивало, даже, кажется, злило еще больше. Разве это нормально — вести себя так? Разве это приемлемо — всю ночь кряду ебать мозги, потом обвинить в непонимании и полностью обесценить его чувства, а после, как ни в чем не бывало, полезть целоваться? Но какие бы противоречия не одолевали его в том момент, сколько бы вопросов не крутилось в голове — ничего не могло заставить не ответить ей взаимностью. Страх, волнение, раздражение, нарастающая злоба, сменившие сегодняшней ночью благостное спокойствие последних дней, мгновенно перенаправились в русло страсти и даже некой звериной похоти. Он взял ее за шею сзади, цепко впившись пальцами, и протолкнул язык ей в рот. Нина, не ожидавшая такого напора, сперва попыталась отстраниться, но затем покорно открыла рот, отдавая себя во власть Тома. Второй ладонью сержант задрал ей футболку и с силой сжал грудь. Оторвался от губ, убрал руку с шеи и пятерней взялся за щеки, смотря в глаза ебаным взглядом. От закипающей внутри злобы, в груди обжигало, и горячие волны растекались по всему телу. Стало жарко, но от сковавшего напряжения конечности охватило мелкой дрожью. Губы Тома искривились в какой-то желчной усмешке, и он вновь потянулся к ее губам. Нина, рвано дыша, увернулась от поцелуя. Харди хмыкнув, пихнул ее назад, и она упала на лопатки.

Одним рывком он перевернул ее со спины на живот и разом стянул джинсы с

трусиками. Нина не сопротивлялась, безвольно лежа и кусая костяшку пальца. Волосы рассыпались так, что Том не видел ее лица. Впрочем, он и не смотрел. Расправившись с ее джинсами, он расстегнул ширинку скамов, спустил резинку боксеров и взялся за вставший член. Плюнув себе на ладонь, немного растер слюну по головке, навалился на Нину и без всяких сантиментов загнал в нее хуй на полную. Та вздрогнула, сдержав болезненный стон. Упершись одной рукой ей в макушку, Том принялся озверело ебать. Второй рукой он залез под футболку и с силой сдавил грудь, оставляя красные следы от пальцев. Нина, уткнувшись щекой в матрас, морщилась и мычала, сквозь плотно сжатые губы. Харди убрал с ее лица длинные волосы, намотал их на кулак и оттянул назад. Она покорно запрокинула голову, жалобно простонав, но Том тут же закрыл ей рот ладонью. Затем убрал руку и провел пальцами по сжатым губам. Настойчиво надавил большим пальцем на подбородок, заставляя открыть рот, и засунул указательный палец внутрь. Но Нина не спешила его облизывать и сосать, поэтому он грубо оттянул за щеку, поворачивая ее голову на себя. Девушка что-то хрипло и невнятно замычала.

Харди дернул ее за плечо, переворачивая прямо под собой на спину. Затем приподнял ее за шею и, подавшись вперед, сунул ей в рот член. Не встретив на пути сопротивления, он стал двигать бедрами. Он наращивал темп и уже подталкивал ее под затылок, увеличивая глубину до предела. Нина закашливалась в рвотных позывах, но послушно продолжала сосать. Из глаз текли слезы, но сержант, кажется, не замечал или это его не сильно волновало, и он агрессивно продолжал ебать ее в рот. Почувствовав, что скоро кончит, он резко с хлопком достал хуй. Нина вновь закашлялась, а от губ к головке протянулась ниточка вязкой слюны. Харди еще несколько раз подергал член и судорожно застонал.

— Сука-бля… Я — власть… — прохрипел он и спустил Нине на лицо.

Она зажмурилась и как-то сдавленно захныкала. Один глаз полностью залепила сперма, стекающая с ресниц на щеку и губы. Нина тяжело и прерывисто задышала, оттолкнула от себя сержанта, вскочила и, по пути натягивая джинсы, рванула в ванную.

Том плюхнулся на задницу, все еще не выпуская член и продолжая медленно двигать рукой вверх-вниз. Он опустил затуманенный взгляд и увидел, как на головке показалась последняя капля спермы, после чего растер ее пальцем.

— Сука-бляяяя… — медленно выдохнул Харди, закрыл глаза, а затем задышал быстро, пытаясь восполнить нехватку кислорода в кипящей крови.
— Сука-бля… — нахмурился он, когда отступившая эйфория вмиг сменилась каким-то ебаным неприятным чувством.

От обмякшего члена до сих расползались уже слабые, но до сих пор приятные волны тепла, а где-то внутри появилось липкое и сковывающее ощущение тревоги. Том поднял взгляд и только теперь заметил, что Нины на кровати перед ним нет.

Харди услышал шум воды, торопливо слез с кровати и кинулся в ванную комнату, на ходу застегивая ширинку.

— Уйди! — закричала Нина, едва он открыл дверь.

— Что случилось? — растеряно заговорил Том, глядя, как она судорожно набирает в ладони воды и умывает лицо. — Я… Я наверно… Я, сука-бля, не хотел… — буробил он, осознавая, что, кажется, наделал какой-то непонятной дрочи.

— Алекс был прав! — сквозь рыдания закричала Нина и уставилась на свое отражение в зеркале. Вся тушь размазалась и черными струйками стекала по щекам.

— О чем ты? — нахмурился Харди.

— О чем я? Ты не знаешь, о чем я? — обернулась Нина, отчаянно взвизгнув.

— Не понимаю, прости… Сука-бля… — бился в агонии свершенного харассмента сержант.

— Да как же, блять! Это же твоя любимая история! — прорычала Нина, смерив его взглядом полным то ли обиды, то ли злости. Сейчас Том не мог распознать достоверно, что в ее зеленых глазах. Того, что видел он там раньше, теперь не было.

Харди нервно помотал головой.

Нина вновь отвернулась к зеркалу и принялась оттирать тушь с лица.

— Алекс… Он всегда мне говорил, что я никому не буду нужна, кроме него. А перед тем, как я его убила, он сказал мне… Вновь сказал, что я никому никогда не буду нужна. Что я никогда не найду того, кто полюбит меня. Кто поймет меня, с моими тараканами в голове… — сложила она пальцы в виде пистолета и покрутила у виска. — Что только он способен меня любить, понимать и защищать. А для всех остальных я буду лишь глупой безвольной…

— Куклой… — прошептал Харди, отлично помнивший ту историю.

— Да, куклой… — дрожащим голосом повторила Нина и вновь повернулась к сержанту. — Куклой, которая нужна лишь для удовлетворения.

— Что, сука-бля, за хуйня? — скривился Том. — Зачем ты вспоминаешь слова этого…

— Вот она я перед тобой, Том. Безвольная кукла! — развела руки в стороны Нина. — Делай со мной, что хочешь. Я буду молча все терпеть, принимая это за любовь. Буду терпеть, просто чтобы не быть одной, чтобы думать, что я кому-то нужна. Нужна хотя бы для удовлетворения, — обвела она лицо ладонью, и ее подбородок затрясся.

— Сука-бля, да ты бредишь! — рявкнул Харди. — Ты для меня не кукла, и не для удовлетворения мне нужна!

— По-моему, ты сейчас показал обратное, — поджала губы Нина.

— Блять, я не знаю, зачем это сделал! Я, сука-бля, не контролировал себя и не отдавал отчета своим ебаным действия, — зажестикулировал сержант. — И я нихуя подобного не хотел тебе этим показать! Просто сорвало крышу!

— Все так говорят. Алекс тоже так говорил, когда впервые выебал меня, — пустым взглядом уставилась Нина в кафельный пол.

— Кто, сука-бля, все? При чем тут все? Я не все! — взорвался Харди и одним движением смахнул миниатюрные пузырьки с полки над раковиной.

Нина зажмурилась и обняла себя руками.

— Нахуя ты все это говоришь, сука-бля? Какая разница, что говорил твой брат? Он сдох! И он был, сука-бля, больным ублюдком! — подлетел Том к ней в плотную и выставил указательный палец. — Он издевался над тобой, врал тебе, шантажировал! Ты сама его убила, забыла? И после этого, ты живешь, по сей день прислушиваясь к словам этого ебаного извращенца? Что за хуйня, Нина? Ты считаешь, что его слова правдивее моих? Разве я не говорил тебе буквально, сука-бля, несколько минут назад, как ты для меня важна, как мне важно и нужно то, что было между нами? Я, сука-бля, открыл перед тобой то, что никому не открывал. Я доверился! Но мои слова для тебя нихуя не значат? Потому что Алекс так сказал? Ты, сука-бля, ебанутая?

— Я пыталась забыть его слова и выкинуть их навсегда из головы! — с надрывом закричала Нина. — Но я каждый раз убеждаюсь, что он был прав! Думала в этот раз все иначе — наконец он ошибся! Но нихуя!

— Все, сука-бля! Хватит! Замолчи! — взмахом ладони остановил ее Харди. — Я, сука-бля, не могу это больше слушать! Твой ебаный бред! Ты меня хуй слышишь, не буду слушать и я! Ясно? И знаешь, что? Если я и мои слова для тебя пустое место, то ты можешь вспоминать слова своего обдроченного брата и думать, что никто тебя не полюбит. А я вот что скажу. Если ты не хочешь принимать любовь, которую я могу дать, или принимаешь ее вот так, как

сейчас… — сверля Нину взглядом и тяжело дыша, сказал сержант и замолчал. — То это лишь твоя проблема! И вообще… — добавил он и вновь остановился. — Иди ты на хуй! — надсадно выдавил он.

Том смотрел на нее, крепко сжав челюсть и двигая желваками. Ноздри его раздувались, а губы подрагивали, то напряженно сжимаясь, то расслабляясь, создавая ощущение, что он вот-вот готов заплакать. Но плакать сейчас не хотелось. Хотелось орать. И хотелось, чтобы она что-то сказала, остановила его и успокоила. Но Нина так же молча стояла, широко распахнув глаза, затаив дыхание, и беспомощно открывая рот не в силах что-либо сказать. Казалось, будто ее окатили ледяной водой.

— Томми… — едва слышно прошептала она, умоляюще сведя брови.

— Иди на хуй! — уже более холодно повторил Харди, окончательно поняв, что сил на этот разговор у него больше не осталось.

Нина судорожно втянула носом воздухом и сделала осторожный шаг навстречу. Но Том не собирался больше ничего ни слушать, ни делать, ни говорить. Он развернулся и вышел из ванной, оглушительно захлопнув за собой дверь. Через пару секунд раздался еще один хлопок — со злостью была закрыта и входная дверь номера. Нина с рваным стоном выдохнула, зажмурилась, и по щекам тут же хлынули слезы. Опершись на раковину, она открыла глаза и посмотрела в зеркало. Отражение будто бы надменно улыбнулось, и Нина с яростью ударила по нему ладонью.

— Сука! Ненавижу тебя! Сука! — орала она и неистово била по зеркалу. Затем обессилено закрыла лицо ладонями и опустилась на кафель. — Ненавижу! — вновь закричала она, схватила с пола один из пузырьков, опрокинутых Томом, и бросила в зеркало. То раскололось на тысячу осколков, со звоном рассыпавшихся по кафелю.

Глава 130: Попутчики

Харди выскочил из мотеля и стал раздраженно хлопать себя по карманам в поисках сигарет. Найдя и закурив, он принялся расхаживать туда-сюда, меряя нервными шагами парковку перед мотелем.

— Сука-бля, пиздец! — вскрикнул он и яростным ударом берца опрокинул урну. — Сука-сука-сука! — хватался он за голову, не в силах сдерживать переполняющие его эмоции.

— Томми! Ты чаво орешь с утра пораньше? — выглянул из-за Доджа Леонид.

— Нихуя! Отъебись! — рявкнул сержант, бросив окурок и гневно туша его берцем, после чего тут же закурил вторую.

— Эй! Ты чаво это? — охуел Батлер от подобного обращения к себе.

— Ты починил тачку? Когда, сука-бля, можем выезжать? — не унимался глупым зверем рычать Том.

— Что за вопросы такие? Сам чай не видишь? — махнул бородач на Додж.

Вмятина на капоте была немного выправлена, царапины на боках кое-как то ли замазаны, то ли заклеены красной изолентой. А вот бампер и передняя фара по-прежнему отсутствовали.

— Похуй! Поехали уже в Сиэтл, — взмахнул рукой Харди.

— Да что стряслось? Не поделисси? — прищурился Леонид, превратившись в сову-мозгоправа.

— Что у вас тут? Чего орете? — подбежал к Доджу и Джейк, проснувшийся лишь для того, чтобы поссать. Но услышав вопли, слишком быстро поспешил на улицу.

— В Сиэтле, сука-бля, дочинишь! — пнул колесо Доджа сержант, проигнорировав брата из шара.

— В Сиэтле? — нахмурил пышные, взлохмаченные ото сна брови, Джилленхол. — Что такое, Томми? Что-то случилось? Где Нина?

— В пизде! — процедил Харди, не желая отвечать ни на один вопрос интервьюера из шара.

— Так-так-так… Давай-ка, выкладывай все. Мне это не нравится, — насторожился Джейк.

— Он же, сука-бля, на ходу. Какая хуй разница на повреждения, — раздраженно ходил вокруг Доджа Харди, рассматривая его со всех сторон. — Изолента есть?

Леонид лишь бестолково пожал плечами.

— В бардачке… — подсказал предусмотрительный и практичный по своей натуре плащ.

Том махом открыл дверь и полез в бардачок. Оттуда он извлек моток изоленты и какие-то тряпки. Свернув их в один ком, сержант подошел к капоту и затолкал тряпки в пустую нишу, где когда-то было место фары. Затем утрамбовал и, отрывая зубами изоленту кусок за куском, стал заклеивать дыру.

— Уже выезжаем? — потягиваясь, вышла из мотеля Лизи. — Рановато что-то. Дочинил машину, Леонид?

— Дочинил, сука-бля, — рявкнул Харди. — Все, поехали на хуй отсюда, — уселся он в Додж.

Никто больше садиться по машинам не спешил. Харди скрестил руки на груди и раздраженно задергал ногой, когда в боковое зеркало увидел Нину. Фыркнув и оскалившись, он сначала отвернулся в другую сторону, а затем открыл дверь и выглянул наружу.

— Едем, сука-бля, или нет, Леонид?

— Томми, успокоисси ты или как? Никто еще не готов. Ты чемоданы ты сам взял? — укоризненно помотал плащом Батлер.

— Сука-бля! — зарычал сержант. — Пиздюк, сходишь за моими вещами? — крикнул он Джейку, который стоял посреди парковки, переводя взгляд с Нины на Тома и, очевидно, пытаясь что-то понять.

— Мы что уезжаем? — взволнованно, спросила Нина, подойдя к сестре.

— Сама не знаю, вроде да, — пожала плечами Лизи.

— Понятно… — процедила Нина, взглянув на Додж, развернулась и пошла обратно в мотель за чемоданом. За ней поспешила и Лизи.

— Леонид, можно я порулю, а ты с девчонками в Фольксвагене поедешь? — подошел к Батлеру Джилленхол и заговорчески зашептал. — С Томми поговорить надо.

— Эээ, нет! Я за свою баранку больше никого не пущу, — твердо заявил Леонид, гордо задрав к небу голову, украшенную ободком из оливковых ветвей.

— Блять… — рыкнул Джейк, и, решив не терять времени, быстро изменил план. — Томми, выходи, поедешь со мной в фургоне.

— С хуя ли? Я, сука-бля, в Сиэтл с Батлером, — уставился на него Харди, и тут же был вытянут за шкирку из Доджа.

— Я тоже поеду в Сиэтл. Лиса может ехать куда ей вздумается. А Фольксваген мой, так что я не собираюсь отдавать его ей. Потому мы поедем с тобой на нем в Сиэтл. Ну а с Леонидом я добазарился, чтобы он отвез шкур, куда им надо, ну а уж после возвращался домой, — прогнал он чепуху, попутно усаживая брата в фургон. — Я так понимаю, у вас с Ниной хуйня какая-то, и в Сиэтл она с нами не едет? Ну вот и пусть уебывают на хуй. Могли бы, конечно, вообще обе тачки у них забрать и тут кинуть. Но это как-то слишком, да?

— Что? — нихуя не понял сержант.

— Ничего, — цокнул Джилленхол и погрузил чемоданы в машину.

Вскоре из мотеля вышли и сестры и еще минут пять никак не могли усесться в Додж. Наконец, все были по своим местам, и обе тачке тронулись с мест.

— И хули они едут за нами? — посмотрел в зеркало заднего вида Том, когда они выехали на трассу. — Хули не едут в ЭлЭй?

— Томми… — повернул голову Джейк, забив на слежение за дорогой. — Они едут с нами. А я тебя посадил с собой, чтобы поговорить. Неужто не ясно? Мм? — саркастично улыбнулся он, подняв пышные брови и посмотрев на брата исподлобья.

— Пидорас собачий… — показал ему «фак» Харди, закурил и нарочито выпустил дым в кожаный нос.

— Такой вот дядя Джейк, — отмахнулся от дыма махинатор из шара. — В общем, выкладывай. Что у вас случилось?

— В пизду, ничего я не хочу говорить! Ебал я в рот всю эту хуйню. Зря я вообще приехал в Сан-Франциско, сразу знал, что все это говно ебаное, — устало скривился сержант.

— Томми! Ты же, блять, знаешь, что я просто так с тебя не слезу, пока не добьюсь правды! — ударил по клаксону Джилленхол. — Давай не будет тратить время! Выкладывай, да поживее, сука!

Том подкатил глаза хлеще многих, цокнул, но принялся рассказывать, ведь совершенно точно знал — брат и впрямь не отъебется! Он начал с того, как Пинкман позвал их помочь выбрать ковер, накурив их метамфетамином. Поведал, как у Нины начались непонятные и совершенно ебаные перепады настроения. Потом как Джесси, довольный покупкой, уехал в рассвет, бросив их на трассе. Как Нина устроила скандал по поводу бабочки, застрявшей в паучьих сетях, и мотылька, пытавшегося ее спасти. Как и сам Том, следуя истеричным приказам шкуры, полез спасать насекомых. И что он так и не знает, удалось ли крылатым спастись, или же бабочку сожрал паук. Далее он поведал о их разговоре в мотеле, где Нину продолжало не по-детски крыть и бросало из

крайности в крайность. Как она обвинила его в непонимании, сама же даже не попыталась ничего объяснить. Завершил рассказ он тем, что шкура напрочь выебла ему мозги, что он не имеет ни малейшего понятия, как, в принципе, и желания, как разобраться в этих бабьих бреднях. И в завершении поделился домыслами о том, что все это была большая ошибка, что отношения это не для него, и что ему никогда не обрести своего счастья.

— Томми, а чему ты, блять, удивляешься? — взмахнул ладонью Джилленхол. — Так-то дядя Джейк лично тебя предупреждал, что девка бракованная! М? Не было такого? И что ты сказал на это? Что знаешь! И что не видишь в этом никакой проблемы. И только попробуй сказать, пидор, что не было такого! — сжал он кулак и подсунул под ном Тому.

— Сука-бля, и что? — непонимающе развел руками Харди.

— А то, что ты при первых же траблах взял и слился! — возмущенно цокнул Джейк. — Норма ли это?

— А я, сука-бля, должен терпеть все то дерьмо, которая она на меня выливает? — стал закипать и Том, ведь не хотел быть несправедливо выставлен виноватым. — Я, сука-бля, не пытался с ней поговорить? Выяснить все по-хорошему. Готов был помочь, в чем бы не была проблема. Если ко мне нет доверия, то о чем, сука-бля, вообще может быть речь? Она, блять, еще говорит, мол, да что ты потеряешь, если мы разбежимся? Норма ли это?

— И что ты ей сказал на это? — заинтересованно махнул головой слушатель из шара.

— Как есть, так и сказал! — взорвался сержант. — Что мне пизда, если я ее потеряю! Что я никогда не был так счастлив, как с ней!

— А она что? — не отрывая взгляда от дороги, спросил Джейк.

— Нихуя! Опять начала плакать! И полезла целоваться! — всплеснул руками Том, покривив ебалом.

— А ты что? — прищурил невыразимо прекрасные синие глаза Джилленхол. — Если она тебя поцеловала, то почему вы с утра были, будто обожрались говна? Что ты сделал, Томми?

— Ничего, — выдавил сержант и скрестил руки на груди.

— Томми! Говори, что сделал! — бросил испытывающий взгляд на брата Джейк.

— С чего ты, сука-бля, взял, что я что-то сделал? — нервно кусал пухлую губу Харди.

— А, блять, с того, что ты у нас тоже с браком! — взял его пятерней за лысину парень из шара и злобно потряс, как бы проверяя наличие мозга в черепной коробке. — Я же тебя знаю, пидорасина! Знаю, как ты себя ведешь, когда злишься, мудак! Говори, что ты сделал?

— Сука-бля… — поджал губы Том и отвернулся к окну.

— Говори — что! — стукнул кулаком по приборной панели Джилленхол.

— Кое-что… — замялся сержант, ковыряя обивку на двери. — Наверно, не очень приятное… Возможно, я немного унизил ее…

— ??? — вскинул пышные брови к потолку Джейк.

Том цокнул и поведал дальнейшие утренние события, как он грязно и без уважения выебал девку, и как она потом выдвигала теорию о глупой безвольной кукле.

— Сука, какой ты урод! — отвесил ему оплеуху парень из шара по завершении истории. — Ты просто конченный! Нахуя ты это сделал? Что, любишь кукол, пидорас? Так еби своих тряпичных — у тебя их целый склад! С Ниной так зачем?

— Да я, сука-бля, что нарочно это сделал? Ну, блять, не контролировал я себя! — вскрикнул Харди, отмахиваясь от кулака брата, нещадно бьющего его по плечу.

— Ты понимаешь, что обидел ее? — слишком возмущенно воскликнул Джейк.

— Она, сука-бля, тоже меня обидела! — парировал Том, пытаясь выгородить свою гнилую сущность.

— Ой, обидели его! Иди пожалуйся мамочке! — не унимался Джилленхол.

— Чего, блять? — гневно стрельнул взглядом Харди.

— Ничего! — процедил парень из шара, закрыл глаза и выдохнул. — Томми, вот скажи, ты совсем меня не слушаешь? Все то, что говорит тебе мудрый не по годам дядя Джейк? А? Разве, когда ты приехал на мой день рождения, я не дал тебе три урока, как взять Нину в оборот? Напомнишь второе правило?

Том непонимающе развел ладони в стороны, после чего получил еще один шлепок по щеке.

— Да ты охуел, пиздюк? — взорвался он и принялся пиздить брата в ответ.

— Охуел — ты! Второе правило дяди Джейка гласило: не веди себя с ней как со шлюхой! А что сделал ты?

Том прекратил драться и поджал губы.

— Ну же, говори! — поторопил Джилленхол.

— Повел, сука-бля, себя с ней как со шлюхой, — цокнул Харди, припомнив былые времена, когда он подобным образом вел себя с настоящими проститутками, унижая их и так, и сяк направо и налево.

— А это значит ты кто? — поднял указательный палец мудрец из шара.

— Ублюдок, — буркнул Том.

— Ублюдок! — перевел Джейк палец на брата.

— И что, сука-бля, делать? — обеспокоено нахмурился сержант, заерзав на месте. — Есть у тебя какие-то обдроченные правила для подобной ситауции?

— Нету, — опустил уголки губ Джилленхол. — Тут тебе только самому думать.

— Да ты, сука-бля, понимаешь, что я не знаю, что нужно шкуре! — возмутился Харди. — Я всю ночь пытался добиться от нее адекватного ответа, а получал лишь истерики и обвинения в свой же адрес. Может, ей самой все это нахуй не надо? Вот она так меня и сливает? Откуда мне это знать?

— Значит надо спросить? Логично же, не находишь? — пожал плечами Джейк. — Если она не может сказать четко тебе свою проблему, то это не значит, что она не готова говорить о чувствах. Она уже говорила тебе, что счастлива, что с ней такой впервые и прочую чепуху. А это уже много значит! Теперь надо просто узнать, нужно ли ей дальнейшее продолжение ваших отношений. Вот и все! А дальше уже думать, что делать дальше.

— А если не нужно? — нахмурился Том.

— Если бы было не нужно, не ехала бы она сейчас за нами, — махнул Джилленхол головой в зеркало заднего вида. — Поймала бы попутку, да и умчала в ЭлЭй или еще куда, — постучал он указательным пальцем по виску. — И не остановило бы ее то, что Лиса едет за мной, если твое общество было бы ей неприятно.

Харди взглянул на Додж, следующий за Фольксвагеном, и задумчиво хмыкнул.

Повисла неловкая осознающая пауза.

— В общем, я предлагаю такой вариант, — через пару часов нарушил тишину Джилленхол. — К вечеру мы доедем до Портленда. Предлагаю остановиться на какое-то время там. Во-первых, смените обстановку. А то мотельная романтика уже, наверно, в край заебала. Во-вторых, там, как ты и сам прекрасно знаешь, живет Лео. Как тебе вариант, сходить к нему и поговорить? Можете даже сходить вдвоем. М? Уверен, он хуйни не скажет.

— Ну, хуй знает… Можно, сука-бля… — состроил неуверенный фирменный еблет Харди.

— Но перед этим я тормозну где-нибудь на заправке или у маркета какого-

нибудь, а ты напиши Батлеру, чтобы тоже остановился. И ты подойдешь к ней и как-то поговоришь, — давал наставления святой Валентин из шара. — Как-то сгладишь хоть немного…

— Можно, сука-бля, попробовать, — меланхолично перебил его Том.

— Ну и славно. А теперь подреми немного, есть еще время в запасе. А то всю ночь неспамши — это не дело, — положил Джейк на плечо брату руку и принялся прикачивать. — Толку хуй будет, надо отдохнуть…

— А у тебя-то что с твоей пиздой? — понемногу начал проваливаться в сон Том. — Не планируешь мириться?

— Не забвивай голову, Томми. Думай о своем, а дядя Джейк свои проблемы держит под контролем…

Дальше сержант уже не слышал, что там мурлыкает по-собачьи брат, ведь, едва закрыв глаза, провалился в сон.

— Эй, просыпайся давай, — хуй знает через сколько потормошил брата за плечо Джилленхол.

Том открыл глаза и осоловело осмотрелся по сторонам. Фольксваген стоял у придорожной заправки, недалеко был припаркован Додж.

— Леонид пошел в магазинчик купить чего-нибудь перекусить, пойду составлю ему компанию. Лисонька спит в Додже, а Нина зашла за заправку, наверное, покурить, — пояснил за местоположения всех и каждого Джейк. — Так что она одна, иди и поговори, никто не станет вам мешать. Ну же, Томми, смелее, — принялся выталкивать он Харди из машины.

Сержант, хмуря полусонный смазливо-брутальный еблет, неспеша выбрался из Фольксвагена, поежился от прохлады и бездумно побрел за здание заправочного магазинчика. После непродолжительного сна на смену озлобленности пришла обреченность. Что теперь будет между ним и Ниной? Неужели это конец? Все так стремительно началось, а теперь также стремительно закончится? Боже, это так нелепо! Так абсурдно! Весь этот скандал даже и не имел никакой почвы. Из-за чего он произошел? Все началось с какой-то бессмысленной безобидной ерунды, перетекло в агрессию, переход на личности, а закончилось так ебано, что, кажется, света в конце тоннеля их отношениям уже и не увидеть… Так, стоп! Для начала, нужно поговорить с Ниной. Но только вот о чем? Харди не только не знал, но и не понимал. Вдруг все начнется сначала? Перепады настроения, истерики, крики… Не осталось никаких сил опять с этим сталкиваться. Так с чего начать разговор? Логично, что с извинений за то, что унизил ее. Но нужны ли они ей? Нихуя непонятно! Для начала нужно выяснить, как она сама настроена, и имеет ли место быть примирению?

Том завернул за угол и, наконец, увидел Нину. Та, прижав к груди колени, сидела на красном пожарном ящике и курила, подавленно глядя перед собой в никуда. От ее растерянного вида Харди напрягся. Еще вчера они были вместе. Он засыпал, крепко прижимая ее к себе, и это было так просто, так обыденно. Сейчас же он не знал, как подступиться. Подойти и просто обнять? Тому казалось это невозможным. Сегодня — не вчера. Сегодня все стало слишком сложно. Нина вновь казалась недосягаемой в его глазах. Наверняка, теперь он не может так просто подойти к ней и даже прикоснуться. Позволит ли она это сделать? Особенно после того, как он унизительно выебал ее утром? Скорее всего своим ебаным поступком он напугал ее, сделал больно. От всех этих безысходных мыслей у Тома засосало под ложечкой. Хотелось взять и убежать. Убежать далеко-далеко — в Сиэтл, в шкаф. Но все же Харди пересилил себя, тяжело выдохнул и, сжав кулаки, пошел в сторону девушки. Он уселся рядом на короб, молча закурил и озадаченно уставился вдаль, побоявшись даже посмотреть на нее и увидеть в ее глазах неприязнь.

Прошло пару минут, но никто так и не решался проронить ни слова.

— Кхм, — наконец кашлянул Том. — Ну так и что, сука-бля? Это значит… Все? Типа… Конец? — меланхолично спросил он, продолжая пялиться перед собой.

— Ну, не я же послала тебя на хуй, — пожала плечами Нина, также не посмотрев на него. — Это у тебя надо спрашивать. Тебе решать, — печально затянулась она.

— Но все же ты не ответила, — стоял на своем Том, поджав пухлые губы. — Все? Конец? — пересилил он себя и посмотрел на нее таким обреченным взглядом, что впору заплакать от такого! И хоть он и был в чем-то озлоблен на Нину и нехило запутался в ее бреду, все равно не хотел ее терять. Не хотел, чтобы все, что было и пока еще есть между ними, заканчивалось. В сердце теплилась безумная надежда, что все еще можно исправить, а главное, что несмотря на все сказанные друг друга с утра ебаные слова — он был нужен ей. О, Клубничная Эми, только не отвергай его!

Нина медленно повернула голову и печально-растерянно заглянула в его глаза.

— Я бы не хотела, чтобы все это заканчивалось… — прошептала она, покачав головой. — А ты?

— Нет, не хотел бы, — не раздумывая ответил он.

С минуту они смотрели друг другу в глаза, каждый надеясь, что все еще можно как-то исправить.

— Иди сюда, — наконец прервал визуальный контакт Харди, обнял девушку за плечо и притянул к себе, уткнувшись носом в ее макушку и тяжелым взглядом уставившись в сторону.

Нина не сопротивлялась, прижалась щекой к его груди и осторожно положила ладонь на его торс.

— Том, — тихо обратилась она к нему.

— Мм?

— Ты торчишь мне вальс…

— Мхм, — промычал он, поцеловав ее в макушку.

— Том…

— Ммм?

— Я хочу принимать твою любовь, — промямлила Нина, сильнее прижимаясь к нему.

— Что ж ты со мной делаешь, бандитка… — прошептал в ее макушку Харди, подставив пальцы к переносице. Он был до того тронут ее словами, что в горле непроизвольно появился комок, а к глазам подступили слезы. Но все же плакать при ней будет лишним. Не покажет же он себя размазней! Тут одних ее слез вполне достаточно, его еще не хватало!

— Просто ты для меня особенный, милый мой Том, и я все равно верю, что только ты один сможешь меня понять, — продолжила говорить Нина слишком сентиментальные вещи.

— Тогда ты должна мне все рассказать, — затянул старую шарманку Харди. — Давай еще раз попробуем поговорить, и ты мне все объяснишь.

Нина судорожно выбралась из его объятий и обреченно посмотрела в глаза Тома, состроив нервно-возмущенное лицо, как бы показывая, что говорить обо всей этой хуйне она больше не хочет!

— Я… — только хотел было что-то сказать Том, как в паре метрах от них раздался громкий зевок. Ребята повернули головы и увидели, как из-за угла, потягивая уголками, вылетел плащ Батлера. Он-то и зевал.

— Все, пошли, а то все сейчас без нас уедут, — торопливо спрыгнула с ящика Нина. — А то Лизи еще проснется, искать меня начнет, заволнуется… — протараторила она и поспешила за угол.

— Сука-бля, — плюнул в сторону Том, вновь перейдя в напряженное

состояние. Хуев плащ! Зачем ж ты влез и помешал им поговорить? Что, Томас, думаешь, она стала бы это делать? Кажется, уж чего-чего, а вот этих мозгоебных разговоров она хочет от тебя меньше всего. Отстань от нее с этим и попробуй просто отвлечь, заполни пустоту внутри нее. Просто наберись терпения и смиренно подожди. А там, глядишь, Нина станет вести себя как и прежде. Что значит, что ты не успокоишься, пока не выяснишь что происходит?! Настырный ублюдок! Опять он никого не слушает!

Ближе к вечеру компания добралась до Портленда, и Джилленхол шустро снял шикарный дом, дабы все там и остановились до поры до времени.

— Какой дивный антерьер, — давался диву Батлер, осматривая холл.

— Чем-то на наш особняк в ЭлЭе похож, — прошла внутрь и Нина.

— Послушай, давай отойдем и поговорим, — схватил ее за запястье Том и развернул к себе.

— Ээээм… — замялась Нина, скривив губы.

— Блин, что-то я как-то себя нехорошо чувствую, устала с дороги и жрать охота, — потерла лицо ладонью Лизи и пошла в сторону кухни.

Джилленхол нахмурено уставился на жену и проводил ее настороженным взглядом. Что это с ней такое? Чай опять намедни напиздилась, как всегда при этом выкурив пачку сигарет. Вот и находится опять в предынсультном состоянии. Хотя с кем бы ей было бухать, если Нины рядом не было? Хммм… Нужно проследить за ней и все разузнать. Вдруг без Джейка девушка начала чахнуть и забухала одна? Что-что, а вот такие жертвы Джилленхолу были не нужны! Но как все успеть?! Проследить за Лизи, помочь брату помириться с Ниной, следить, чтоб сама Нина ничего эдакого не выкинула… А еще этот Батлер! Наверняка, за ним тоже требуется глаз да глаз! Еще влезет, куда его не просят! Ох, сколько же дел?! И как Цезарю из шара все успеть?! Джейк психовано фыркнул и побежал в туалет поссать.

— Ну же, пошли поговорим, и ты все же попробуешь рассказать, что случилось, — продолжал настаивать Харди, не выпуская руку Нины.

— Может, в другой раз? Кажется, Лизи сейчас нехорошо, я должна побыть с ней, — неуверенно мялась та, выкручивая руку из хватки Тома.

— Она просто устала с дороги, сейчас пожрет и все будет нормально, — уже начал раздражаться сержант, заподозрив, что Нина нарочито пытается избежать важного разговора.

— А хочешь пирогов напеку? — громогласно заверещал Леонид, последовав за Лизи.

— О, отличная идея! Леонид, не поставишь чайку? — наигранно громко вскрикнула Нина, наконец, вырвав руку из рук сержанта. — Пойдем, посидим всеми вместе, чаю попьем, пожрем, — обратилась она к Тому, попятившись в сторону кухни. — Ты же идешь? Мм?

— Мхм, — раздраженно прорычал он, но за девушкой пошел. Сука! Почему она избегает его?! Может, боится тебя из-за того, что ты грубо выебал ее утром? Да, все же, стоило извиниться сразу, как подошел к ней на заправке… Но, волнует ли ее вообще это? Кажется, не особо… Зачем бы тогда она наговорила все эти сентиментальности и обняла тебя? Сука! Опять ничего не понятно! О, Клубничная Эми, серьезно, прекращай!

Все уселись за кухонный стол, и Батлер на скорую руку принялся печь свои каменные пироги. Но, конечно же, никто их не ел. Лизи нарулила бутербродов и навела чаю, Нина не отходила от нее ни на шаг, всячески помогая и избегая Тома. Сам Харди достал из холодильника упаковку пива и раздраженно начал поглощать «пенное», наблюдая за Ниной и не понимая, что нужно шкуре. Джейк же вышел из туалета и устроился вместе со всеми на кухне, решив приступить к своему главному делу — слежке. Он взял в руки газету и с дельным видом

погрузился в нее. На первый взгляд казалось, что ему безразлично происходящее и он просто увлеченно читает. Но даже особо не приглядываясь, можно было заметить большую дыру, проделанную им в газете для наблюдения. Сама газета была и вовсе перевернута вверх ногами.

Леонид принялся рассказывать какие-то истории из своего детства — веселые и неоднозначные. Нина постоянно перебивала его, хохотала и задавала наводящие вопросы. Несколько раз Том предпринимал попытки уединиться с ней и поговорить о важном, но девушка подкатывала глаза, сетуя на то, что хочет посидеть и поболтать со всеми, всем своим видом показывая, что однотипные разговоры с сержантом ей нахуй не нужны! Все это выглядело до того наигранно, что Тома бесило вдвойне. Лизи, под стать сестре, тоже делала вид, что ей весело. Она наигранно и невпопад смеялась, выдавая бестолковые комментарии на истории Леонида. Джилленхол не на шутку бесился от ее глупых фраз. Почему это Лиса так отупела? Может и впрямь киряет одна, вот и пошел процесс деградации?

— Пожалуйста, сука-бля, давай отойдем, — в который раз дернул Нину за руку Том, наклонившись к ее уху. — Мы обязательно вернемся обратно, и ты еще посидишь и послушаешь эти неграмотные бредни. Но нам правда нужно с тобой очень серьезно поговорить и все прояснить…

— Том, пожалуйста, прекращай, — прошипела Нина. — Давай просто посидим тут…

— Почему ты меня избегаешь, сука-бля? — продолжил доебываться Харди. — Если ты боишься меня из-за той утренней хуйни, то не стоит. Это больше не повториться, я обещаю. И да, за это я тоже хотел поговорить и…

— Леонид! — воскликнула Нина, нагло проигнорировав слова Тома. — Так я не поняла, откуда у твоего деда Додж?

— Сукаааа, — на взводе прорычал Том, вытащил из кармана пачку сигарет и в психах закурил.

— Эй, что ты творишь? Совсем конченый? — взорвалась Нина, подскочив с места. — Нахуя ты куришь прямо здесь? На улицу выйти не судьба?

— А в чем, сука-бля, проблема? — непонимающе посмотрел на нее сержант.

Нина скрестила руки на груди и злобным взглядом указала на Лизи.

— Ах, ну да, сука-бля, забыл, что при пизде курить нельзя, — хлопнул себя по лбу Том.

— Мм? — нахмуренно посмотрела на него Лизи, абсолютно не понимая суть проблемы.

— Сука, какой же ты ублюдок! Бесишь! — завизжала Нина, выхватила из пухлых губ сержанта сигарету и кинула прямо ему в лицо. Окурок отскочил от носа, и по сторонам разлетелась россыпь искр.

— Охуела, падла?! — подскочил на ноги Харди, вмиг озверев. За такие выходки он был готов схватить Нину за шею и требовать немедленных объяснений. Но нет, рукоприкладство сейчас точно будет лишним.

Нина пробурила его невменяемым озлобленным взглядом, а уголки носа задергались в нервном тике. Том же с силой сжал кулаки, задвигал желваками и так же озлобленно уставился на девушку, ожидая извинений за брошенный в еблет бычок.

— Эй, ну вы чего? — беззаботно спросила Лизи, не понимая суть конфликта.

— Какой же ты пиздливый человек, Том Харди. Ничего тебе доверить нельзя, — цокнула Нина. — В пизду, я пойду прогуляюсь. Не надо никому за мной ходить, я хочу побыть одна, — сдернула она со спинки стула толстовку и поспешила на выход.

— Сука тупая, — процедил Харди, вновь плюхнувшись на стул и решив не идти за ней. Сказала, что хочет побыть одна, вот и хай пиздрует. Том не обязан постоянно за ней бегать! Может, оставшись наедине с собой, Нина подумает над

своим ебаным поведением и, глядишь, остынет. Да и вообще, что за хуйня с киданием сигарет в лицо? А что за хуйня с разбалтыванием чужих тайн, Том? Совсем вода во рту не держится?

Все присутствующие удивленно уставились на раздраженного Тома. Повисла неловкая непонимающая пауза.

— Так что там с Доджем твоего деда, Леонид? — наигранно задал вопрос Харди, стараясь перевести тему.

— Значить, слушайте, — тяжело вздохнул Батлер, стараясь хоть как-то разрядить неуютную обстановку.

— Ох, не нравится мне все это… — пробурчал под кожаный нос Джилленхол и продолжил слежку.

Так они просидели больше часа. Все это время Том нервно отбивал ритм ногой по полу, безмерно раздражаясь поведением Нины.

«Послушай, Том, куда она вообще пошла? Почему ее нет так долго? Может, все же стоило пойти с ней? Последние дни ее поведение было крайне нестабильным. А вдруг, она решит с собой что-то сделать? Как-никак суицидница… Да нет, бред! С чего бы ей это делать? Но тогда где она есть, почему так долго гуляет?! Сука-бля, может позвонить ей?» — бился в агонии размышлений Харди.

— Нет, это уже не нормально! — вырвала его из мыслей взволнованная Лизи. — Прошло больше часа, куда подевалась Нина?

— Ну она же, сука-бля, сказала, что хочет побыть одна. Может, не стоить тревожить шкуру? — ляпнул успокаивающую хуйню Том. Непонятно вообще, кого он успокаивал. То ли себя, то ли Лизи, то ли и вовсе брата из шара.

— Хай погуляить, — взмахнул мачете Батлер. — Порой, всем нам требуетси личное пространство, — прокричал он мудрость.

— Нет, я все же позвоню! Ибо это не нормально! Выйти прогуляться и пропасть на час! На час! В Портленде! Где у нее ни друзей, ни знакомых, да и вообще — города она и не знает! Вдруг заблудилась? — взорвалась Лизи, схватила айфон и набрала сестре. — Ты где? Что произошло?.. — начала вопрошать она, как только Нина ответила на звонок. — Чего, нахуй?! Откуда он взялся? Он что, опять нассал тебе в уши, и ты сошлась с этим дегенератом?! — завопила она.

Услышав подобные речи, сержант охуел хлеще всех вместе взятых. Сердце прекратило стучать и замерло в груди.

— Да что там, мать твою, происходит?! — пробормотал Джилленхол, уронив челюсть до пола.

— Ебёна матерь… — растерялся от подобных сюжетных поворотов и эффектный бородач.

— Серьезно, блять?! Ты же обещала! А как же сержант Том? Немедленно говори мне, где хуев пидор! Я набью его кошиный ебальник, и он на век забудет путь к тебе!.. — продолжила злостно кричать в трубку Лизи.

Что?! Что, блять?! О, нет?! Неужели она о Декстере? Только не это, откуда он взялся? Он что, все вспомнил? Где вообще Нина его откопала?! И что значит «а как же сержант Том»?! Да что там происходит, Лизи, немедленно объяснись!

— Ааагррр! — зарычала она, сбросив вызов, вскочив с места и затопав пятками по паркету.

— Что случилось? — охуевше спросил Том, не понимая ничего.

— Что-что?! — взорвалась Лизи. — К хуеву вернулась память! Он опять затащил Нину в свою паутину лжи и дерьма! Опять нассал ей в уши! Этот круговорот никогда не закончится! — отвесила она Тому пощечину. — Ээээх… Как жаль… Я-то думала, что хоть ты сможешь вытащить Нину из всего этого… — резко сменила она настроение, сочувствующе похлопав Харди по плечу.

— Такая я наивная… Впрочем, как и ты, — отвесила она ему еще одну пощечину.

— Я не понял… Не понял… — замямлил сержант, впадая в отчаяние. Что за резкий поворот событий такой? Да, к такому Том был точно не готов! Да что там говорить, он даже и не думал, что может произойти подобное!

— Мне, правда, очень жаль… — тихо сказала Лизи, после чего отправилась наверх, прихватив с собой банку арахисового масла и чесночную булочку.

— Я не понял! Не понял нихуя! — проорал охуевающий Харди, пнув стол и тем самым опрокинув его. — Что, сука-бля, происходит?!

— Этого не может быть! Просто не может быть! — подскочил с дивана Джилленхол, схватив брата за грудки. — Томми, не нервничай! Думаю, не все так ужасно! Наверняка, Лиса просто не так все поняла, не расслышала, прочла между строк… Ты же сам видишь, какая она неадекватная! — остервенело затряс он Тома.

— Сука-бля, почему она опрокинула меня? Почему? Должно же быть объяснение! Мы же как бы, сука-бля, вместе! Разве может она быть сейчас с тем дегенератом?! — хуево бредил сержант.

— Дядя Джейк все выяснит, понял? Ты меня понял? — визжал Джейк, охуевая над тем, что все его планы со свистом летят в трубу.

— Нет, не понял! Не понял! — буробил Харди.

— Я найду Нину и все узнаю лично! Наверняка, это какая-то ошибка! — не прекращал шизофренить Джилленхол.

— Так, стоп, сука-бля, — осадился сержант, внимательно всматриваясь в зрачки брата. — Что за блеск такой?.. Таблетки Фила Купера? Где ты их взял, пиздюк? О, нет! Только не они! Только не сейчас!

— Ребят, что происходить? — давался диву Батлер.

— Я снял этот дом у Фила, потом встретил его здесь, в туалете, и сказал, что не хватает времени ни на что, вот он и пригостил меня какой-то хуйней. Я и сожрал, — пояснил за блеск в глазах Джилленхол. — Забей, Томми, не думаю, что сейчас это важно! Сейчас важно найти Нину и узнать, что происходит! — откинул он Тома в сторону и побежал на выход, громко топая по паркету босыми стопами. — Я пойду и найду ее! Немедленно!

— Стой, сука-бля, куда?! — отчаянно крикнул вслед Харди, но брата из шара уже и след простыл. — Сука, сука, сука! Он же сейчас под этими колесами неизвестно что натворит! — схватился он за голову, где уже взошли первые побеги волосков.

— Я за ним! — взволнованно взвизгнул Батлер и ринулся за Джилленхолом, также выскочив из дома босиком. Почему все босые? Да потому, перед тем, как сдать дом в аренду Джилленхолу, Фил Купер строго-настрого запретил передвигаться по дорогому паркету в обуви. Все постояльцы непременно должны были разуться! Вот и все дела!

— А мне-то что делать?! — отчаянно крикнул Том, но его уже никто не услышал. — Что за хуйня… — обреченно выдохнул он, плюхнувшись на диванчик и закрыв лицо руками.

Действительно, что за хуйня? Как? Почему? Зачем? Нина опять спуталась с Декстером? А это вообще по правилам? У нее же вроде как уже есть парень по имени Том! То бишь, выходит, таким вот образом она слила его?! И все это было не что иное как обычная интрижка?! Да ну на хуй! Что-то здесь не так! Зачем еще несколько часов назад она плела ему про вальс, про то, что хочет принять его любовь… Зачем вообще говорила все те сентиментальные вещи, что были сказаны в мотелях? Хм. Что-то тут нечисто. Нина была честна с Томом, доверилась и раскрылась ему, приняла все его заебы — искренне и ни разу не осудив. Он был влюблен в нее, а она — в него. Между ними образовалась настолько сильная связь, что, казалось, никто был не в силах разорвать ее. Но в один вечер все резко изменилось. Из-за чего? Том представления не имел. Но

после этого Нина начала вести себя пиздец как странно! Девушку швыряло на эмоциональных качелях из стороны в стороны, и дело было уже не в биполярном расстройстве личности. Тогда в чем? А теперь прошел лишь час! Короткий час, за который, кажется, все рухнуло окончательно. Где она вообще нашла в Портленде хуева Дектера?! Как это возможно, если тот должен лечиться от амнезии в каком-то обдроченном санатории? Но зачем все это делает Нина? Она ведь сама говорила, что Декстер для нее ничего не значит, и она не хочет находиться с этим абьюзером! О, Боже, как же все это запутанно и непонятно!

Мозги Тома уже начали вскипать от всех этих размышлений, и он не придумал ничего лучше, как дождаться Нину и на сей раз поговорить с ней по серьезному, расставив все точки над «i». Так и просидел на диванчике в ожидании незнамо чего.

Время уже перевалило за полночь, когда входная дверь раскрылась и внутрь зашла сначала Нина, а за ней… Декстер?! Неужели, ему хватило наглости заявиться сюда?! Увидев парня-веролома, Харди моментально впал в состояние агрессии. Ну все, сейчас он точно набьет ему ебало! Ведь Нина рассказывала, как ненавидит этого человека и не хочет с ним больше связываться. Так что нехуй! Том непременно должен быть мужиком и отбить ее обратно!

Но тут произошло то, чего Том и ожидать не мог. Морган резким движением руки схватил Нину, прижал к себе и поцеловал. Девушка не оттолкнула его, но в то же время и не сопротивлялась, безвольно опустив руки по швам. По ее щеке скользнула слеза, но этого никто не увидел, так как свет на первом этаже был выключен. Данная картина не то что выбила Тома из колеи — растоптала! Сердце отчаянно затрепыхалось в груди и разбилось на миллион осколков, а все его глупые надежды окончательно разрушились, словно песчаный замок. Декстер оторвался от ее губ, взял за руку и потащил наверх, словно глупый жирный паук — глупую беззащитную бабочку. Как только парочка скрылась на втором этаже, сержант Харди, словно глупый мотылек, с психом улегся на диван, поднял ногу вверх и принялся зашнуровывать берц. Дощнуровав второй, он подорвался с места и пулей выскочил из дома, яростно хлопнув дверью, не желая слушать, как хуев Декстер будет жарить Нину.

Глава 131: Останься

Том шел по ночному Портленду, сам не зная куда. В голове и сердце бушевал ураган эмоций: отчаяние, подавленность, боль предательства, злость.

«Послушай, Том… Послушай… Как все это больно… Это просто страшный сон какой-то. Это бред! Это нереально! Как все могло до этого дойти? Сука-бля, а чего ты ожидал?! Нахуя вообще во все это ввязался?! Знал же, что нихуя хорошего не выйдет! Так что теперь — получай! Сукааа… Нихуя от этого не легче…» — скакали в его больной голове мысли, он остановился посреди улицы и закурил.

— Куда, сука-бля, теперь? Что дальше? — обреченно прошептал он, уставившись растерянным взглядом в ночное небо.

Вдруг боковым зрением он заметил до боли знакомое здание и повернулся к нему. Справа от Харди находился шикарный особняк, выделяющийся на фоне соседних среднестатистических американских домов. В столь поздний час его окна были погружены во мрак. Лишь одно горело ярким светом. То самое, находящаяся на втором этаже, где в своем кабинете, за резным столом из цельного куска дуба, сидел мужчина средних лет довольно приятной наружности.

— Лео… — с надеждой в голосе прошептал Том и ринулся к входной двери со стукалкой-львом. Отчего-то именно сейчас, после всего случившегося, ему очень захотелось поговорить с кем-то близким. А кто может быть лучше старика Лео? Он и выслушает, и ситуацию проанализирует, непредвзято оценив ее, а может быть даже даст совет, как теперь сержанту жить дальше.

Дверь оказалась не заперта, поэтому Харди беспрепятственно проник внутрь и сразу же ринулся на второй этаж.

— Лео, сука-бля! — запыханно вломился он в кабинет ДиКаприо.

— Томми, Томми, Том, — нараспев протянул Леонардо, покручиваясь в кожаном кресле. — Давненько не виделись с тобой. Почему не предупредил, что зайдешь? Я бы подготовился как-то… — смерил он сержанта дружелюбным взглядом, приподняв котелок. Невооруженным взглядом было видно — мозгоправ усажен вусмерть. Впрочем, Тому было поебать на сей факт. В любом состоянии ДиКаприо его выслушает, как никто другой.

— Лео, я влюбился и мне пизда! — перебил Харди, плюхнувшись на диванчик напротив стола.

Леонардо расплылся в безумной улыбке, подняв брови домиком выше некуда, и достал из-под стола бутылку шампанского.

— Знаю, сука-бля, должен был рассказать тебе об этом раньше, ведь мы друзья… Я хотел, но как-то не получилось, — бредил сержант, пока его друг разливал «игристое» по бокалам.

— И как же ее зовут? — протянул сержанту шампанское ДиКаприо, классически прищурившись.

— Нина Эми Блэкберри, — бездумно пизданул Харди, уставившись на пузырящуюся гладь в бокале.

— Ёбаный рот, — еще хлеще заострил брови старик Лео.

— Но какая разница, если я уже сказал, что там пизда! Все очень хуево, Лео! Это, сука-бля, пиздос какой-то! — зажестикулировал Том. — Ничего хорошего из этого не вышло… Пиздец как больно, — автоматически положил он ладонь на правостороннее сердце.

— Том, давай начнем по порядку, — широким взмахом ладони предложил ДиКаприо. — Расскажи мне все с самого начала…

Том тяжело выдохнул и начал рассказ. Он рассказывал долго, во всех подробностях и не опуская ни одну деталь. Начал он с того момента, как

обдолбанная Нина пришла к нему год назад в Сиэтле, как они мило пообщались и она даже пригласила его на вальс. Он отказал, а затем отрубил. Наутро она сбежала, укусив Тома за руку, а к вечеру вернулась вновь, еле живая с разодранным боком. Харди подлатал ее, накормил, напоил, дал переодеться, но она вновь ушла. Том признался, что и сам не заметил в какой момент он без шуток и уловок увлекся ею, но уверил, что именно в те два дня. Затем он долго не решался связаться с ней, пытался скрыть не только от окружающих, но и от самого себя, что она ему нравится. Затем она второй раз выскочила замуж, и он заблокировал в себе все эмоции, связанные с ней. Но в один прекрасный день, когда прошел уже почти год с их встречи, она позвонила ему. Больше не было смысла скрывать ни от кого, что она ему нравится, и он поехал в Сан-Франциско, где, собственно, и влюбился в нее. Да так, что уже прямо там готов был поцеловаться с ней. Там же выяснились будоражащие душу подробности! Оказывается, Нина и Клубничная Эми, с которой у Тома произошел первый раз, были одним и тем же человеком. Эта деталь привязала его к ней еще больше. Затем последовали путешествия по мотелям, где все закрутилось до такой степени, что сержант Том почувствовал себя самым счастливым человеком во вселенной. Между ними произошло все и даже больше. За столь короткий промежуток времени Харди настолько привязался к Нине, что не мог и представить, как теперь жить без нее. Он верил в ее искренность, верил, что он дорог ей и небезразличен. Видел в ее глазах отражение себя. Чувствовал, что она доверяет ему, как никому другому. Доверился и он, рассказав о себе все, что можно было и нельзя. Казалось бы, вот оно — счастье. Просто держи крепче и не отпускай. Но падение их отношений было таким стремительным, что Том и глазом моргнуть не успел, как все закончилось. Да, он тоже поступил с ней плохо, унизив ее и выебав, как безвольную куклу. Но ведь он не знал! Не обратил на ее поведение внимания, думал в тот момент, что это нормально! Он уверил, что если бы она сопротивлялась, или попросила прекратить — он бы прекратил. Он бы не хотел причинить ей боль… Но сейчас было больно самому Тому… Лучше бы она унизительно выебала его чем то, что сделала. Она обесценила все. Все, что произошло между ними! А добила тем, что вновь спуталась со своим бывшим. И не просто спуталась, привела его в дом, где знала, что находится Том! Там она поцеловалась с этим уродом Декстером и повела его наверх, чтобы он выебал ее. Разве заслужил Том такого конца их отношений? Разве был он с ней груб, или обидел чем-то, не беря в расчет ту унизительную выходку с камшотом на лицо?

За окном уже забрезжили первые лучи солнца, когда история Тома подошла к своему логическому завершению.

— И теперь я не знаю… Сука-бля, я не знаю, что мне делать, — печально сказал Харди, закурив сигарету эдак двадцатую. — Я… Я не понимаю, что сделал не так… Не понимаю, за что она так со мной… Я, сука-бля, все бы отдал, чтобы все вернуть, чтобы стало все хорошо, как несколько дней назад. Но, это попросту невозможно! Я больше не могу быть с ней… Но и без нее пиздец! — откинулся он на спинку дивана и поднял голову к потолку, медленно выпуская из носа дым. — С ней стало легче дышать… Без нее такое удушье, что ужас…

— Хм! А тут есть над чем подумать! — воскликнул ДиКаприо, схватил со стола молоток, обмакнул конец рукоятки в чернильнице и сделал какую-то пометку в деле Харди. — Так, нужно посмотреть еще кое-что, — задумчиво протянул он, извлек из верхнего стола какую-то папку с досье, положил перед собой и принялся перелистывать.

— Что это, сука-бля? Чье оно? — приподнялся с диванчика Том, нахмуренно уставившись на непонятное дело. — Нина Эми Блэкберри?! — увидел он до боли

знакомую девушку на фотографии размера три на четыре и развернул к себе папку. — Лео, какого, сука-бля, хуя?! Ты что, ее знаешь?!

— Ууууф, — тяжело выдохнул Леонардо, вновь развернув дело к себе и положив на него сверху ладонь. — Так, получается, ты же знаешь что Эми и Нина один и тот же человек, а это значит, что это никакая для тебя не тайна и я могу раскрыть тебе свою врачебную тайну… Ну, чисто по-дружески… Ну, в общем, да, я знаком с Ниной. Ее родители привезли ее ко мне на сеанс после того вашего случая в стрипухе… Ну, ты же понимаешь, о чем я, Том? — фирменно прищурился он, опершись на локоть.

— Чего нахуй? — опизденел от расклада сержант.

— Ну вот так вот, — развел ладони ДиКаприо и обновил шампанского по бокалам. — Именно мной, кстати, и был утвержден ее диагноз ОКР. Но сейчас, не об этом. Когда я узнал, что она та самая девчонка из стрипухи, которую ты лишил невинности, да еще и кончил в нее, первым делом я выяснил — был залет или нет. Будет ли она писать на тебя заявление из-за того, что несовершеннолетняя? Успокойся, Том, залета не было, на том сеансе она поведала, что у нее начался цикл, — поднял он бокал шампанского и пригубил. — Да и заявление никакое она писать не планировала. Так что все было там в порядке.

— Все в порядке?! Все, сука-бля, в порядке?! Какого хуя ты не рассказал об раньше, петушара?! — вмиг озверел Том, раздувая ноздрями.

— Ну как — врачебная тайна, — посмотрел на него, как на дурачка ДиКаприо. — Она — мой клиент…

— А я — твой друг! — перебил Харди, топнув кулаком по столу, от чего хрустальная пепельница подпрыгнула и подняла за собой облако пепла.

— Именно из-за того, что ты мой друг, я пытался помочь! — схватил молоток Лео, оскалился и затряс им. — Я повез тебя в ЭлЭй, зная, что она там. Я просил тебя отвезти шампанское именно ей, а не кому-либо еще!

— Ебать тебя на хуй! — психовано хлопнул по бедрам Том. — А хули ты тогда поддержал меня с моей затеей с ММА?! Зачем ты поддерживал мои глупости, если изначально вез к ней?!

— Ну здрасьте-приехали, — осуждающе поправил пион в петлице Лео. — Ты был не готов к отношениям, вот и все! Не нужно было тебе тогда все это. Ты был не готов. А вот сейчас вижу — готов!

— Да ты, сука-бля, конченый! — гневно заорал Том. — Почему ты не сказал?! Почему? Если б ты отвез меня тогда к ней, все было бы иначе! Все сложилось бы не так! Я бы забрал ее! Увез с собой в Сиэтл, и все было бы хорошо! И у меня, и у нее! Сука, Лео! Я бы спас ее от той хуйни, до которой она докатилась! И не было бы там ни Алекса, ни того, что она считает себя шлюхой и безвольной куклой! Наши жизни бы сложились иначе! Мы бы были с ней счастливы еще шесть, сука-бля, лет назад! И не привело бы это к той хуйне, что происходит сейчас!

— Нет-нет-нет, стоп-сто-стоп, — зажестикулировал ДиКаприо. — Нихуя было бы все не так. Ты был не готов. Она была не готова, — изобразил он руками подобие весов и хлопнул в ладоши над котелком. — Сам посуди, Том, ты увлекся ММА, стал озлоблен… А что было бы без спорта? Вся эта озлобленность рано или поздно вылилась на нее. На девочку, которой было всего семнадцать! Она ж была ребенком! Думаешь, ей бы было лучше с тобой? Вспомни те времена, Томас. Ты и сейчас наркоман, а тогда… Пау! Был конченым наркоманом с поехавшей крышей! — щелкнул он пальцами, выставив на сержанта указательные. — Думаешь, ты бы не посадил ее на что-то запрещенное вместе с собой? Вангую, что будь вы с того времени вместе, все сложись бы даже хуже, чем сейчас… Наивная, податливая девочка, готовая на все ради первой любви. Юный парень, имеющий деньги и звание сержанта полиции. Который еще и наркоман… Озлобленный наркоман! Думаю, ты бы стал для нее абьюзером номер один! И я

рад, что ты тогда с ней не пересекся!

— Заткнись, сука-бля, петушара! Откуда тебе это знать? — взорвался Харди, сжав кулаки.

— Ну, потому, что я мозгоправ от Бога и вижу насквозь и ее и тебя? — пожал плечами действительно мозгоправ от Бога.

— Но тогда был шанс! Хоть и маленький, но сука-бля, шанс на то, что все было бы у нас хорошо! — не унимался кричать Том. — Сейчас же — пау — его нет! — спародировал он Лео, сощурившись в фирменном еблете. — Ситуация обречена и нет тут никакого выхода, понимаешь?!

— Ну а что изменилось за шесть лет? Разница лишь в том, что она тебе изменила, но это не значит, что ничего не возможно! Да, она изменила тебе…

— Ты, сука-бля, здрав? — превратился в сову-агрессора Харди. — Я тебе тут душу изливаю, а ты говоришь, что ее измена и та боль, которую она мне этим принесла, ничего не значат?! Я сейчас тебе, сука-бля, всеку!

— Ты дослушай, а потом уже говори свой бред! — остервенело затряс молотком ДиКаприо. — Да, она тебе изменила…

— Ты тут клоуна нашел, я не пойму? Хватит это повторять! — почти дошел до ручки Том. — Я не хочу! Это слушать!

— Да, она тебе изменила… — уверенно повторил Леонардо, намереваясь продолжить мысль.

Но не успел он больше ничего сказать, как Харди подорвался с места и что было сил втащил Лео в нос.

— Ай, охуел? — свалился со стула ДиКаприо и схватился за нос. — Да, она тебе изменила… — сквозь кровавое бульканье из носа в который раз повторил он.

— Да, сука-бля, изменила! — закричал сержант и побежал прочь из этого проклятого дома, подальше от своего друга, что имеет стол, выструганный из цельного куска дуба.

Сержант Харди выбежал на улицу и вновь направился в сторону дома, снятого накануне Джейком. Внутри закипала злость. Том был готов сейчас раскроить ебало всем и каждому, кто встанет на его пути! Все, в пизду! Он возвращается в Сиэтл! Нет больше сил находиться здесь, в Портленде! Когда еще и Нина находится так рядом — в такой опасной болезненной близости. Он отправится обратно домой и обхурится чем-то до умопомрачения. Да, это должно будет хоть немного остудить его и расслабить, а то с такой агрессией точно ничего доброго не жди!

Том добрался до дома и, закурив, остановился у входа. Ему совсем не хотелось входить внутрь и вновь видеть Нину, да еще и в компании обдроченного Декстера. Харди лишь представил их встречу и вмиг почувствовал нехилое унижение, которое ему придется испытать при этом. Но в доме находятся все его вещи. А может в пизду их, да просто уехать? Лишь бы не пересекаться ни с кем из обитателей дома. Действительно, на хуй! Сержант готов был забить на весь свой шмот и уже двинулся прочь, как вдруг резко остановился.

— Сука! — прорычал он, задрав голову к небу. — Ну, сука-бля, ну какого хуя? — тяжело задышал он, осознав, что единственное, что заставит его зайти в дом — это маска, оставшаяся в чемодане. Он был уверен, что совершенно точно сейчас не сможет без нее. От осознания сего факта, Харди тут же начал задыхаться и понял, что иного выхода нет.

Он нервно докурил, растоптал бычок, подошел к двери и, толкнув ее, оказался внутри, даже не соизволив разуться и тем самым нарушив правила проживания Фила. Том надеялся остаться незамеченным, потому осторожно двинулся к лестнице на второй этаж, где оставил свой чемодан.

Харди увидел, что сестры и Леонид сидят на кухне, а за ними из-за угла следит Джейк, который все еще находился под действием чепушиных колес Купера. Том отвел взгляд, не в силах даже смотреть на Нину, и ускорил шаг. Но было поздно, и та тоже заметила его.

— Эй, какого хуя? — преградила она ему путь к лестнице. — Где ты шлялся?! — схватила она сержанта за грудки. — Я ждала тебя всю ночь!

Все присутствующие непонимающе уставились на них.

— Ты вообще здравая, шкура? — пытался отстранить ее от себя сержант, прорываясь наверх. — Видел я, сука-бля, как ты ждала всю ночь! Какого хуя я вообще повелся на твои бредни? Знал бы, сука-бля, что ты такая пиздаболка… — смерил он Нину презрительным взглядом и рванул наверх.

— Это я пиздаболка?! — орала Нина ему вслед. — Это ты ничего не понимаешь! Я просила понять меня! — визжа, бросилась она за ним.

— Нахуй не надо — понимать такую пизду! — захлопнул Том дверь и закрыл на замок.

Сердце выпрыгивало из груди от переполняющей злости. Он часто дышал, а руки потрясывало. Не желая находиться в этом доме ни одной лишней секунды, Харди бросился к чемодану, открыл его и стал суетливо копаться в тряпках. Пожалуй, можно было забрать все свои вещи, но это выглядело бы сейчас слишком глупо, потому сержант решил все же ограничиться лишь маской. Все это время Нина долбилась в дверь и что-то истерично кричала, но Том старался не слушать. Впрочем, это было не сложно — в ушах гулом отдавались удары собственного сердца.

Наконец отыскав в горе своего барахла маску, он быстро нацепил ее и попытался дышать более размеренно и спокойно. У него совершенно нихуя не вышло, потому он ногой отпихнул чемодан и направился к двери, в которую по-прежнему билась Нина.

Том распахнул дверь, и девушка тут же набросилась на него, продолжая орать, хватая за руки и пытаясь остановить.

— Отъебись от меня, пизда! — механически прорычал он, пытаясь отцепить ее от себя.

— Почему ты не слушаешь? Я лишь прошу послушать! — рыдала Нина.

— Все, сука-бля, пошла на хуй, подстилка ебаная! — отпихнул он ее и кинулся к лестнице.

В два прыжка преодолев все ступеньки, он, избегая чьих-либо взглядов, поспешил на выход.

Нина, рыча и сжимая кулаки, выскочила за ним на улицу. Том, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не обернуться, достал из-за пояса «беретты» и проверил магазины обеих.

— Эй, давай поговорим! Ты же хотел поговорить! Стой, прошу тебя! — сквозь рыдания кричала Нина, но сержант и не думал останавливаться и быстрым шагом удалялся от дома. — Куда ты? Томми?!

— Ебать не должно, — рявкнул Харди, не оборачиваясь, и показал через плечо «фак».

Нина все еще продолжала кричать ему вслед, потому Том ускорил шаг, лишь бы уже не слышать ее голос. Он был невероятно на нее зол, так, что ему казалось, что еще немного и он бы ее ударил. Но нет, конечно, он этого никогда не сделал бы. И дело не только в принципе не поднимать руку на женщин, но и в том, что он не может и не хочет делать ей больно. Его по-прежнему мучала совесть за ту унизительную еблю в мотеле, больше он не хотел причинять ей боль. Ее рыдания сейчас и так разрывали правостороннее сердце на мелкие клочки. Хотелось взять ее, прижать к себе и успокоить. И ему стоило большого труда не сделать этого. Было невыносимо смотреть на ее слезы. Но еще невыносимей была собственная боль. Том знал — поддайся он сейчас своему

желанию утешить и попытаться выслушать — станет еще больнее. От очередной бессмысленной надежды. От того, как эта надежда вновь не оправдается. Еще большую боль он уже вряд ли вынесет. Нет, определенно все должно закончится сейчас и нет никакого другого исхода. Потому Том продолжал идти. Просто вперед, куда глаза глядят, куда угодно, лишь бы не слышать и не видеть ее, боясь дать слабину.

Пройдя несколько кварталов, Харди остановился и понял, что удалился на достаточное расстояние. Крики уже давно не были слышны, и он обернулся. Невольно мелькнула мимолетная надежда, что она побежит за ним. Нет, ее не было.

— Сука… — выдохнул Том и закрыл глаза. — Сука! Сука! — отчаянно закричал он и яростно ударил кулаком по стволу дерева у тротуара, сбив костяшки в кровь.

Злость, безысходность и боль, наконец, переполнили сержанта и плеснулись через край. Том заплакал. Не то что заплакал — зарыдал. В голос. Как мальчишка. Слезы брызнули из глаз. Слезы душили и не давали сделать полный вдох. Он захлебывался в рыданиях, и ему казалось, что сейчас задохнется. Но он не мог остановиться и лишь судорожно пытался втянуть воздух. Том согнулся, вцепившись пальцами в тенниску в области солнечного сплетения, где все горело от невыносимой боли и нехватки кислорода. Харди потянулся к ремням маски и нервно принялся их расстегивать. Наконец, сорвав ее с себя, с всхлипом сделал жадный глоток воздуха. Затем он вдохнул и выдохнул еще несколько раз, и хоть слезы так и продолжали течь по щекам, дышать стало легче.

Том оперся спиной о дерево и сполз вниз, усевшись прямо на землю. Дыхание почти восстановилось и слезы потихоньку прекратили течь. Острая боль в груди несколько притупилась, но теперь распространилась по всему телу, создавая ощущение, что сержанта переехал каток, раздавив в лепешку и оставив лишь никчемный след на асфальте. Ярость и гнев отступили, не оставив после себя ничего. Харди был опустошен. Даже ни одна мысль не появлялась в его ебаной голове. Том просто смотрел на дорогу и считал проезжающие мимо машины.

Через некоторое время перед ним остановился Додж, оказавшись пятьдесят седьмым по счету. Стекло опустилось и из окна выглянул…

— Джейки… — пробормотал сержант, бессмысленным взглядом глядя на превосходные синие глаза брата, в которых так и мелькал блеск от колес Фила Купера.

— Садись давай… — поманил внутрь Джилленхол.

Харди вздохнул и не придумал ничего лучше, чем повиноваться.

— Бля, кажется, зря я принял эту чепушню Фила, теперь ничего не понимаю, — обеспокоенно сказал Джейк, тронувшись с места, когда Том уселся на пассажирское сидение. — Что произошло?

— Неважно. Давай не будем, ладно? — безэмоционально ответил Харди, уткнувшись лбом в стекло.

— Прости, братишка, кажется, дядя Джейк все проебал, — поджал губы парень из шара.

— Ты не при чем, — помотал головой сержант. — Просто проехали, сука-бля, я тебе прошу.

— Помимо того, что у вас с Ниной произошло непонятно что, так я еще и Лисоньку, кажется, могу потерять. Все вышло из-под контроля, — не унимался меланхолик из шара.

— Так зачем ты уехал? Думаю, сука-бля, ты в такой момент должен быть с женой, — голосом раздавленного Дарта Вейдера протянул Том.

— Да она и говорить со мной не станет после всего моего мозгоебства, — опустил уголки губ Джилленхол. — Но! Конечно же, у дяди Джейка как всегда

есть бомбичный план. Поможешь?

— Помогу, — бездумно кивнул Харди.

— В общем, я должен сообщить ей о своих чувствах и попросить прощения у нее максимально эффектно, — принялся выкладывать парень из шара. — А для этого мне нужно связаться с журналистами и сказать все, что я хочу сказать, во всеуслышание, чтобы мои слова крутили по всем телеканалам. Но, ясное дело, ни в какВе шоу, такие как кулинарное или «Жди меня» мне быстро ну никак не попасть. Потому я нашел другой выход. Сейчас мы поедем и…

— Да похуй куда, — устало подкатил глаза сержант. — Езжай, куда нужно, а я помогу.

— Ну хорошо, — пожал плечами Джейк и вдавил газ в пол. — Надеюсь, Леонид не слишком разозлится на то, что я украл Додж. Но ехать на такое дело на моем Фольксвагене — ну такое… Слишком медленный для отхода…

Том не особо слушал, что говорил брат. Все мысли заняли воспоминания нескольких минувших дней, проведенных вместе с Ниной в Сан-Франциско и мотелях. Губы под маской невольно растянулись в грустной полуулыбке. Наверно, теперь это время он будет вспоминать до конца дней, вновь и вновь прокручивая все самые приятные моменты. Он полностью погрузится в воспоминания, ограждая себя от реальности и будет полностью жить лишь в своих мыслях. Ах, если бы только можно было по правде оказаться в собственном подсознании и там выстраивать собственный идеальный мир, где были бы только она и он, и никто бы им не смог помешать!

За всеми этими размышлениями Том не заметил, как Додж остановился возле…

— Банк, сука-бля? — хмуро уставился на вход он, выбравшись из машины.

— Да! Мы будем грабить банк и возьмем заложников. Есть ли шанс, что на такое событие не прибудет толпа журналистов и прессы? Абсолютно точно, что нет! — поднял указательный палец Джейк.

— Мм… Ну ладно… — пожал плечами Том, ведь ему было сейчас совершенно поебать, что делать и в какие передряги попадать. — И с чем ты собрался грабить? С этим, сука-бля? — достал он из-за пояса «беретты» и еще раз проверил магазины.

— Ну ты с этим. Что тебе, мало что ли? Ну а для меня есть кое-что получше, ведь все же я буду главным героем данного сюжета, — подошел Джейк к багажнику Доджа и распахнул его. — Будто ты не знаешь, что он у Леонида всегда с собой! — указал он на автомат, лежащий в ящике с сеном.

— Ну я понял… Понял… — равнодушно ухмыльнулся Том. — Ну, сука-бля, пошли?

— Ага… Давай ты первый? Ты все же в нашей стае альфа-самец и первым пьешь воду на водопое. Это будет более убедительно! Вряд ли кто-то поверит, что я — грабитель-террорист! — похлопал пышными ресницами невинная овечка из шара.

Харди усмехнулся комичности присвоенного ему статуса альфа-самца и походкой разбитого захватчика двинулся к банку.

— Всем оставаться на своих местах! Это, сука-бля, ограбление! — выбил он дверь с ноги и выставил вперед «беретты». — Только попробуйте, шмары, нажать тревожную кнопку! — обвел он дулом работников банка.

— Нет-нет! Нажимайте! Пусть сюда едет вся полиция Портленда! И пусть прихватят журналистов! — затараторил налетчик из шара, закрывая двери шваброй. — Никто не покинет здание, пока сюда не прибудут журналисты!

Одна из девиц за стойкой пожала плечами и нажала кнопку.

— Так-с… И когда их ждать? — посмотрел Джилленхол на наручные часы, которых у него отродясь не было.

— Ну, минут пять? — предположила девка.

— Ну, значит подождем, — лайкнул автоматом Джейк и присел на коврик для вытирания ног у входа. — Садись, Томми! — похлопал он ладонью рядом с собой.

— Пффф… Спасибо, сука-бля, постою, — приподнял шрамированную бровь Харди.

— Пойди-ка… — поманил его парень из шара двумя пальцами.

Том присел на корточки перед братом, дабы послушать его бредни.

— Когда прибудут журналисты и копы, пойдешь к тому сейфу и сделаешь вид, что мы и впрямь грабим? А то так нам никто не поверит, — зашептал постановщик из шара.

Харди кивнул, состроив равнодушный фирменный еблет, поднялся и закурил. Так и стали ждать, когда же к зданию банка соизволят приехать доблестные полисмены и корреспонденты всех местных и не только телеканалов.

Спустя несколько минут.

— О! Слышишь? — навострил ухо Джилленхол, подняв указательный палец и прислушиваясь к мусорским сиренам. — Едут, Томми! Давай, начинаем! — подскочил он и передернул плечами.

— Уже, сука-бля, вроде начали, — развел руками сержант, непонимающе нахмурившись.

— Ну как-то все это не похоже на ограбление, — обвел Джейк ладонью зал банка. — Давай, скажи, чтоб ложились мордами в пол, — склонился он к брату и забормотал на ухо.

— А сам, сука-бля, не? — приподнял шрамированную бровь Харди. — Ты ж главный герой, сам сказал…

— Ну, Томми, ну кто мне поверит? Я совсем не похож на агрессора, я ведь такой позитивный человек, по мне сразу видно, — обвел себя с ног до головы миротворец из шара.

— И как же ты собрался, сука-бля, речь говорить свою, если считаешь, что тебе никто не поверит? М? — смерил его укоризненным взглядом Том. — А ну, сука-бля, все на пол! Мордой в пол! Кто, сука-бля, посмеет поднять ебало — получит пулю! — заорал он, выстрелив в потолок.

— Во как классно! — одобрительно закивал Джилленхол. — Бля, а ты прав, что моей речи могут не поверить. Надо тоже разозлиться! Хм… О! Точно! Давай-ка, въеби мне! — ткнул он автоматом в кожаный нос.

— Нахуя мне это? — усомнился в собачьей адекватности брата сержант.

— Ну прост… — состроил пышные брови домиком Джейк.

— Не буду я тебя бить, сука-бля! — пренебрежительно отмахнулся Харди.

— Эх, ну ладно, ты прав… Зря я подумал, что ты сможешь ударить меня просто так. Просто вдруг вспомнил слова маменьки, что все британцы очень агрессивны, а ты самый больной ублюдок из всех британцев, а маску носил в качестве намордника, как злая собака… — понес подстрекатель из шара не на шутку провокационные речи. — Конечно, это глупости, ведь ты — лучший из…

Не успел Джилленхол договорить, как ему прилетел мощный хук слева.

— Такой ты… Петушара… — процедил Том и плюнул на пол. — Знаешь же, пидор, как вывести сержанта…

— Вуууух! Да! Вот так вот! Вот так вот! — запрыгал на месте Джилленхол, вытирая кровь из-под носа. — Да, дядя Джейк! Ааагррр! — сжал он кулаки и зарычал, словно глупая цепная псина.

— Еблан! — процедил сержант и шлепнул брата по щеке.

— Еблан, не еблан, но сработало же! Да и ты заодно хоть подбодрился немного, а то толку с твоей апатии — хуй будет, — со злостью взъерошил прическу Джейк.

— Еще раз может тебе уебать, шмаровоз? — не на шутку завелся Харди, притянул Джейка за футболку с принтом карты Портленда и уже завел руку для

удара.

— Воу-воу, давай полегче, братишка! Это уже лишнее! — выставил ладони вперед парень из шара. — Все погнали! Всем мордой в пол, вам сказали! — вывернулся он из братской хватки и пустил автоматную очередь в пол. — Давай, ты к сейфу, а я позову журналистов, — пихнул он Тома и побежал к дверям.

Сержант скривился в раздраженной гримасе, но к сейфу пошел. Джейк же махом вытащил швабру и распахнул двери.

— В здании заложники! Дайте мне поговорить с журналистами, и никто не пострадает! — заорал Джилленхол, высунувшись на улицу. Тут же к нему ринулись сотни журналистов, и сотни дул мусорских автоматов направились в его сторону.

— Стрелять на поражение! — заорал из толпы один из полицейских.

— Вы можете убить меня, но в здании останется мой брат, который в случае моей смерти застрелит всех заложников, — молол абы что Джейк, отойдя с прохода и потихоньку пропуская журналистов внутрь.

Менты возмущенно заулюлюкали, стали задумчиво чесать лысины и в итоге коллективным разумом приняли решение, что открывать огонь сейчас было бы крайне неуместным.

Джилленхол вернулся в зал, подхватил с пола какую-то девку. За ними ринулись репортеры, окружили со всех стороны и, вытянув микрофоны, приготовились выслушивать речь из шара.

— Эй! Слушайте все сюда, жители Портленда! — угрожающе, но трагично заговорил он. — Дядя Джейк никому не причинит вреда! Деньги ему ваши тоже не нужны! Дяде Джейку не нужны ни ваши деньги, ни вертолеты, ни яхты. Ему нужна только его жена!.. Она бросила меня… Оставила одного… Я так скучаю по тебе, Лисичка… — говорил он невыносимо грустно, словно дитя со сбитыми об асфальт коленками.

— Сука-бля, такой бред… — усмехнулся комичности данной ситуации Том, по пояс засунувшись в сейф, пароль от которого был написан на стикере, приклеенном прямо на кодовом замке.

Журналисты, еще пару минут выслушивающие историю Джилленхола, по ее завершении заахали и заохали, превратившись в стаю сов-телевизионщиков.

— И каковы же ваши требования? — накинул вопрос корреспондент сорок седьмого канала.

— А никаких! — пожал плечами парень из шара. — Я просто буду оставаться в банке и держать заложников до тех пор, пока не придет моя Лисонька!

— Ооооу… — умилительно протянули журналисты и мусора на улице, наблюдавшие за происходящим в прямом эфире.

— Может, вы скажете ее имя и адрес, по которому ее можно найти? — продолжил интервью журналист. — Полиция привезет ее прямо сюда.

— О, нет-нет-нет! Этот вариант мне не подходит. Во-первых, Лисоньке не стоит встречаться с ментами, во-вторых, я не хочу, чтобы ее привезли ко мне силой, я надеюсь, что она увидит меня, своего Волчонка, простит и приедет сама! — бредил Джилленхол, все тыча дулом заложнице в его руках в шею.

— Значит, будем просто ждать? — вздохнул интервьюер.

— Значит, будем просто ждать, — кивнул Джейк. — Сколько потребуется.

Журналисты побросали микрофоны, операторы — камеры, и всей толпой побежали на улицу, дабы сообщить мусорам требования террориста. Но те уже были в курсе событий, потому лишь подтвердили, что остается просто ждать.

Так и стали ждать. Джилленхол отпустил девку, разрешив ей передохнуть до поры до времени. Прошло буквально пару минут, как двери банка распахнулись и внутрь ворвался…

— Да, она тебе изменила! — поднял молоток над головой…

— Лео, сука-бля… — зашипел сержант, обернувшись и уставившись яростным взглядом на взлохмаченного мозгоправа со шляпой набекрень.

— Ты тут откуда и как прошел? — превратился в синеглазую сову Джейк.

— Увидел новость по телевидению с пометкой «молния», и сразу пришел. Вон же мой дом в паре минут отсюда, — махнул ДиКаприо молотком за плечо. — Сказал, что я психолог, и готов поговорить с террористами! Меня и пустили. И ведь я не солгал! — вскинул кончики бровей к потолку он.

— Сразу предупреждаю, петушара! Лучше молчи и уебывай отсюда! — подвигал челюстью Харди и возвел курок «беретты».

— Том! Просто дай мне сказать! Ясно? — выставил ладонь вперед ДиКаприо, положив молоток в нагрудный карман френча. — Это важно, и ты зря не дослушал меня, уходя. Еще и въебал, поскуда! Но я не держу зла, ведь ты был в состоянии стресса. Но то, что я хочу сказать — взорвет тебе мозг! — изобразил он ладонями, как разлетается его черепушка.

Сержант лишь продолжал сверлить его гневным взглядом да скалиться.

— Томми, ну давай выслушаем Лео. Я, конечно, не очень-то понимаю, о чем он вообще хочет поговорить — о какой такой измене речь? Но все же разве Лео хоть когда-то говорит не по делу? М? Просто выслушай!

— Выкладывай, пидорас! Но я, сука-бля, сразу предупреждаю, что не отдаю себе отчета. Въебу — сам виноват! — состроил фирменный еблет Том.

— Договорились! — сложил кольцом пальцы на обеих руках мозговправ, широко улыбнувшись. — А я, пожалуй, предупрежу, что сейчас я нарушу свой главный принцип, то бишь врачебную тайну. Но сразу говорю — это в первый и последний раз.

— Ну, сука-бля! — рявкнул Харди, поторапливая и выстрелил другу под ноги.

— Так, Том! Это уже слишком! — отпрыгнул ДиКаприо. — Хватит цирка! Просто слушай, что я тебе поведаю. Да! Она тебе изменила! Но! У нее были на это очень и очень веские причины! Дело в том, что то, что я тебе рассказал сегодня ночью, не совсем правда. Точнее правда, но не вся. Вышло так, что помимо того, что Нина была моей клиенткой после того случая в стрипухе, так она была и является по сей день ею.

— Что, сука-бля? — скривился сержант в гримасе непонимания.

— Давай ты дослушаешь и не будешь перебивать. Хорошо, да? — с неприязненным укором, прорычал мозгоправ и угрожающе положил ладонь на рукоять молотка, красовавшегося возле пиона в петлице. — В общем, вот что мне известно. Нина находилась в глубокой депрессии еще буквально совсем недавно. Точнее сказать — последние полгода. Благо, я помог ей выбраться из этого непросветного дерьма, посадив на амфетамин. Но не суть! Суть лишь в том, что депрессия имела место быть!

— К чему ты клонишь, шмаровоз? — приподнял шрамированную бровь Том.

— Просто, сука, не перебивай! — взорвался Лео, выхватив молоток из кармана. — Депрессивная фаза биполярки… Кстати, сей диагноз я поставил ей около полутора лет назад, когда они с сестрой оказались в Портленде, будучи уже беглыми преступницами. И было это аккурат тогда, когда вы с Леонидом обхуярились колесами Фила. Кстати, Джейк, Фил сказал, что и тебя угостил. Как тебе?

— Ну… Такое… Мало что соображаю, да и Лисонька рассказывала про них куда эффектнее. Мне кажется, меня не до конца взяло, — почесал макушку Джилленхол. — Наверно, из-за моей особенности…

— Неважно! — отмахнулся ДиКаприо. — В общем, депрессия ее настигла тогда, когда она примерно в конце минувшей осени поругалась с сестрой. Но то хуйня! Помимо того, что поругалась с сестрой, еще она вновь угодила в отношения с Декстером! — вновь изобразил взрыв мозга, подсказывая друзьям, что вот он — тот самый момент, где они должны были охуеть хлеще всех на

свете.

— Откуда тебе это, сука-бля, знать? — посмотрел Том на друга, прищурившись и превратившись тем самым в этого друга, а точнее сказать — в сову. — Сам говоришь, что она поругалась с сестрой. Может, сука-бля, быть, и впала в депрессию.

— Том, разве я говорю что-либо, не будучи в этом уверенным? — скрестил руки на груди ДиКаприо. — Если я говорю, значит, знаю наверняка! Или я должен тебе предоставить конфиденциальные данные? Ее аудиосообщения, записи наших телефонным разговоров?

— Хотелось бы, сука-бля! Иначе с хуя ли мне тебе верить? — развел руками сержант.

— А с хуя ли нет? — повторил жест мозгоправ. — Я и так поступился своим принципами. Дальше я не пойду, так что предлагаю тебе поверить мне на слово!

Харди злобно подвигал желваками и показал «фак».

— Томми! Ну-ка хватит! Я лично могу подтвердить то, что говорит Лео! В те времена, когда сестры жили по отдельности, я общался с Ниной на регулярной основе, и она мне говорила как раз-таки, что Лео диагностировал ей депрессию, и что причиной депрессии является Декс! Если не веришь Лео, то мне, своему брату, ты верить готов?

— Такие вы, сука-бля, уроды! — зарычал сержант, сжав кулаки и еле сдерживая себя, чтобы не кинуться в драку на обоих, ведь вряд ли ему одержать победу в этом бою. — Оба общались со шкурой, оба знали, что она в депрессии, и хуй один шмаровоз сказал мне!

— Пффф… А я-то при чем тут? — ткнул себя в грудь ДиКаприо. — Я и вовсе не знал, что ты влюблен в нее! Знал бы — глядишь, все сложилось бы иначе, может и не потребовалось бы мне сейчас разглашать врачебную тайну. Так что ты и сам не кто иной как шмаровоз! Умалчивал от меня целый год, что влюблен, а теперь я еще и виноват!

— А я готовил для тебе почву! — важно заявил пахарь из шара.

— Ладно, сука-бля, хватит этой хуйни! — рявкнул сержант. — К чему ты все это соизволил рассказать сейчас? — махнул он «береттой» в сторону Лео.

— Да к тому, что тогда Нина впала в депрессию из-за того, что вступила в отношения с Декстером Морганом, можно считать, против своей воли. Понимаешь? — испытывающе посмотрел мозгоправ. — У нее некая психологическая зависимость. Она знает, что эти отношения являются по сути своей абьюзом; она знает, что ни к чему хорошему это не приведет; она знает, что не любит его и никогда не полюбит; она знает, что все, что испытывает к ней сам Декстер — лишь одержимость. Но! Поделать она с этим ничего не может. Пока я до конца не разобрался, что это конкретно за психологическая зависимость, так что диагноза поставить не могу. Но я знаю, природу этой зависимости. Точнее узнал сегодня, когда ты мне все рассказал. Понимаешь, корни этого идут еще с самого детства, когда мать твердила ей, что негоже девушке быть одной. И все бы ничего! Если бы в историю не влез ты! Обидев юную неопытную девочку, заставив пойти ее дорогой блядства и разврата. Но и тут бы все могло еще сложиться нормально, если бы на сей раз не влез ее брат. И именно этот момент стал точкой невозврата. С этого момента, что бы она не делала, в какие отношения не вступала бы — везде будет искать подобную модель отношений, где она — жертва.

— Блять… — протянул Том, присев на край сейфа и закрыв глаза ладонью.

— Понимаешь, тут, конечно, надо разбираться глубже и лично с ней, и это займет не один сеанс, — подняв глаза к потолку и покрутив ладонями, прикинул Лео. — Это я тебе сейчас примерно раскидал свои домыслы, чтобы донести до тебя суть. И главная моя идея в том, что есть Нина, которая искренне хочет любви, и по всей вероятности именно с тобой. А есть еще одна Нина, которая в

силу сложившихся жизненных обстоятельств, на уровне подсознания тянется к абьюзерам, да не просто абьюзерам, а людям с некой маниакальной наклонностью, принимая их одержимость за любовь. И держится за них изо всех сил, оправдывая их поступки своей, как она считает, никчемностью. Понимаешь меня?

— Сука-бля, да! — вскочил сержант и стал нервно расхаживать взад-вперед. — У меня же и было такое ощущение, будто, начиная с той ночи, когда мы поехали за коврами с Пинкманом, я будто общался с двумя разными людьми. Ее перещелкивало на раз-два, — щелкнул он пальцами у виска. — Так значит в этом дело? Уже тогда ее переклинило, что ей какого-то хуя нужно возвращаться к Декстеру.

— Видимо, так, — задумчиво закивал Лео. — Скорее даже, она начала думать, что однажды ей придется вернуться к нему, но сама она этого не хотела. Мало того, она этого боялась. К тому же знала, что не сможет этому противостоять. Вот у нее и стало срывать крышу.

— Матерь Божья! — схватился за голову Джейк, не понимавший половину из сказанного. — И что же делать?

— Да, сука-бля, что же нахуй делать? — взволнованно упер руки в бока Харди. — Сука-бля! Но почему она не сказала это все мне?

— Этого я пока не знаю, по правде говоря, — виновато поджал губы ДиКаприо. — Ведь, если ты говоришь, что она открылась перед тобой, рассказывая всякие личные вещи, такие как про стрипуху, Алекса, и даже про абьюз Декстера, то у меня нет объяснений, почему она не рассказала тебе, что не в силах разорвать эти отношения. На то есть какие-то причины, и я, к сожалению, их не знаю на данный момент. Это какая-то психологическая зависимость, но это классическая картина для жертв абьюза. Но обычно, если они находят человека, которому доверятся, то делают это и с их помощью заканчивают подобные отношения. Тут же… Не знаю… Возможно, есть какое-то психиатрическое расстройство, помимо твоей любимой биполярки. Ибо списать подобное поведение на биполярку я не могу, картина здесь несколько иная. Впрочем, все это не важно. Диагноз — лишь формальность. Главное, теперь мы знаем, что имеет место быть какая-то проблема, которая не подвластна ей самой.

— И что, сука-бля, делать? — затряс друга за грудки Том. — На это у тебя есть ответ?

— Отвечай, или дядя Джейк за себя не ручается! — взорвался Джилленхол, словивший приход от колес, и наставил на Лео автомат. — Я возьму тебя в заложники и буду пытать, пока не получу ответа!

— Это ты за себя не ручаешься? Да это я за себя не ручаюсь! — оскалился ДиКаприо, замахнувшись молотком на Джейка.

— Сука-бля, жидяра, успокойся! — одернул брата сержант. — Пацаны, давайте все успокоимся, и вместе подумаем! Сержанту, сука-бля, нужна помощь! Поможете или как? — вклинился он между распетушившимися ДиКаприо и Джилленхолом и поочередно посмотрел каждому в глаза.

— Ладно… — в унисон цокнули те.

— Для начала, сука-бля, скажи — ты считаешь, что есть шанс что-то исправить? — закурил Харди, отойдя и вновь усевшись на край открытого сейфа. — То бишь я должен сделать что-то, и это поможет вытянуть пизду из всего говна?

— Уверен — шанс есть всегда! — вскинул брови к потолку Лео, достал из поясной кожаной сумки бутылку шампанского и с хлопком откупорил. — Осталось лишь найти верный среди множества возможных!

— Из множества возможных? — скептично скривил губы Том, ведь считал, что вариант, в лучшем случае, может быть всего один.

— Конечно, да! Вариантов — масса! — поднял бутылку ДиКаприо и испил прямо из горлышка. — Итак, каковы будут мои предложения. Первое, я предлагаю убить нахуй этого Декстера, — озлобленно потряс он молотком. — Уверен, что такому повороту событий Нина, как не крути, будет ебейше рада. Это моментально выдернет ее из абьюзных отношений, и вот тогда…

— Ну нет, не согласен! — перебил Джилленхол, достав из кармана потрепанных джинс косячок и подкурив его. — Получается, как в природе — два самца дерутся из-за самки. Победитель забирает ее, проигравший — умирает. Бред! Никакой игры на контрасте, да и вообще — выглядит немного неуважительно по отношению к самой Нине. Как-то не по-человечески!

— Ну давайте я его убью! — предложил услугу Лео. — Приду к нему домой под видом почтальона, якобы, прессу принесу, а потом ррраз! — наотмашь взмахнул он молотком.

— Давайте, сука-бля, без убийств, — подкатил глаза Том. — Какая-то и правда ебала получается. Я хочу решить эту проблему сам, чтоб чисто я и она. И больше никаких петушар, типа Декстера, не впутывать.

— Чисто вдвоем… Хммм… — почесал прекрасный подбородок Леонардо. — Если у нее присутствует страх, что она никчемна и никому и никогда не будет нужна, посему держится за всякую шваль, то как вариант будет…

— Позвать ее замуж! — поднял указательный палец муж из шара. — Я как человек на опыте могу сказать тебе, Томми, брак — решает множество проблем! Думаю, что ввиду скорых неожиданных для всех вестей, это будет бомбичным выходом! Хотя, наверное…

— Закрой свой рот! — перебил ДиКаприо и кинул в бестолковую голову Джилленхола молоток. Тот отрикошетил от его макушки и упал на пол, разбив при этом плитку. — Заебали меня перебивать! Можно уже закончу мысль? Спасибо! Так вот. У Нины присутствует страх, что она никчемна и никому и никогда не будет нужна, посему держится за всякую абьюзную шваль. Очевидно, она боится, что нормальные отношения, в частности с тобой, Томми, для нее будут нестабильны и рано или поздно ты ее бросишь. Посему! Тебе нужно доказать ей, что она нужна тебе! Нужна такая, какая она есть, без намека на насилие, одержимость и что-либо еще. Искренне, от всего сердца! Доказать, что для тебя она не никчемна! Доказать, что для тебя она — весь мир! Как я ебанул, мм? — повернулся он к Джилленхолу.

— Во! — лайкунул вариант мозгоправа Джейк. — Лучше и не скажешь!

— Охуенно ты, петушара, все расписал! Только один хуй не понятно, что именно я должен сделать? — изумился Харди. — И где гарантии, что даже если я все каким-то образом ей это докажу, то она не включит заднюю?!

— Ну, — пожал плечами старик Лео. — По идее, не должна. Но опять же, я повторюсь, что не знаю полной клинической картины. Но уверен, что-то еще волнует Нину. И клянусь — я разберусь, чего бы мне это не стоило! Только ты для начала вытяни ее из абьюза, а уж потом мистер ДиКаприо вам обязательно поможет!

— Ладно, даже если я пойду на это, то как мне, сука-бля, доказать, что она мне нужна?! — взорвался запутавшийся во всем Том, схватив Лео за грудки.

— А это уже тебе самому придумывать, любезный! — усмехнулся ДиКаприо, отрывая руки Харди от своего френча.

— Я могу накинуть вариант! — поднял руку ученик из шара.

— Что у тебя, сука-бля? — безысходно-озлобленно повернулся к нему Том.

Но не успел больше никто и ничего сказать, как двери банка распахнулись и внутрь зашел эффектный Леонид в не менее, а может даже и более, эффектном медицинском халате.

— Джейк! Там твоя супруга приехала за тобой! — громогласно завещал он, а все пуговки с халата разом слетели, оголив немного полный торс Батлера.

Четыре заложницы и один заложник томно простонали от сей картины, промочив свои трусики до неузнаваемости.

— Что? Лисичка? Где она? — взволнованно воскликнул Джилленхол, расчесывая пятерней растрепанные волосы и как бы приводя себя в прилежный вид.

— Я здесь, Волчонок!

Все присутствующие обернулись и увидели рыжеволосую девушку в максимально странном для сложившейся ситуации костюме. На ней был обтягивающий черный комбинезон и длинные лакированные сапоги на шпильке. Конечно же, это была Лизи, собственной персоной. Она уверенно шла к Джейку, вокруг нее летали купюры, а волосы эффектно развевал безумец-ветер, вообще не понятно откуда взявшейся в здании.
Джилленхол отбросил в сторону автомат, ринулся к жене, поднял ее, закружил и громко засмеялся, словно глупый нашкодивший ребенок, насравший на любимый диван своего отца.

Пара перекинулась парой реплик, которых не услышал ни Том, ни Лео, ни даже заложники банка. Затем Джилленхолы с минуту молча смотрели друг на друга и, наконец, слились в долгом и страстном поцелуе. Вокруг них закружился водоворот из стодолларовых купюр, пуговиц Батлера и бабочек. Они поднялись в этом вихре, словно уносясь в небесную высь. Спустя несколько минут, когда водоворот опустил пару на пол, Джейк схватил Лизи на руки и побежал прочь из банка. Кажется, его вновь перещелкнуло от колес Фила Купера и он все позабыл. Но это нихуя не точно.

— Что, сука-бля, за пиздец? — нахмурился Харди подобной кинематографичной сцене.

— Ужас какой-то, — прищурился ДиКаприо, почесав рукояткой молотка котелок. — Ладно, бежим за ними! Наверняка, сестры приехали сюда вдвоем. Ты должен поговорить со второй паскудой! — порешал он, схватил Харди за руку и побежал на улицу.

За ними последовал и Леонид, предварительно спиздив пару металлических кейсов с награбленной денежкой. Ведь что добру пропадать, правильно?

— Но я, сука-бля, не готов! — на бегу нервно мялся сержант. — Я ничего не придумал!

— Импровизация — чудо! — бредил ДиКаприо, прорываясь на улице сквозь толпу зевак и мусоров.

Вдруг впереди они увидели Джип, куда Джейк усаживал Лизи. На переднем пассажирском сидении Том увидел Нину, а рядом с ней, за рулем, Декстера. Девушка внимательно вглядывалась в толпу людей перед банком, будто бы кого-то ища. Несложно было догадаться кого. Через долю секунды их взгляды встретились. Хоть расстояние между ними и было довольно-таки приличным, Том сумел распознать в ее глазах все тот же страх и растерянность, но, кажется, теперь там еще поселилось и отчаяние вперемешку с надеждой. Ух, ну ничего себе ты сосканировал ее эмоции! Тоже в полиции научили такому ремеслу?

Только Нина резким движением подалась вперед, явно намереваясь покинуть машину, как Декстер одернул ее, и Джип тронулся с места, запылив пробуксовкой покрышек глупых зевак и полисменов.

— Едем, сука-бля, за ними! — уверенно кивнул Том, уже сам схватил Лео за руку и побежал в сторону Доджа, что уже был не на шутку прогрет Батлером.

— Все же придумал какой-то план? — расплылся в довольной улыбке конченого наркомана ДиКаприо, усевшись в автомобиль и с хлопком открыв очередную бутылку шампанского.

— Нет, — отмахнулся Том. — Но знаю, что должен все это сделать сейчас.

— Да, сейчас или никогда! — горделиво махнул головой старик Лео, пафосно прищурившись.

— Не знаю, что за херабора происходит, но я подмогну, Томми. Только скажи как, — максимально дружелюбно махнул бородой Батлер, преследуя Джип.

— Подрежь как-то петушару, не знаю, сука-бля. В общем, заставь остановиться, а потом задержи всех там, кроме Нины. Я должен поговорить с ней, чтоб никто не мешал, понял? — раздавал распоряжения Том, сам судорожно придумывая как бы доказать девушке, что та ну пиздец как ему нужна!

— Есть, сержант! — отдал двумя пальцами честь Леонид, эффектно зыркнув на друга через зеркало заднего вида и вдавив педаль газа в пол.

— Мое предложение с молотком и головой Декстера все еще в силе, Том. Помни об этом, — обернулся к нему ДиКаприо и подмигнул, подняв перед собой бокал шампанского, который любезно всучил ему какой-то безумец.

— Так, давай-ка ты вообще не будешь выходить из Доджа, — помотал ладонью Харди. — Не хочу, чтоб она тебя увидела. Она же не знает, что ты мой кореш, а это может ошарашить и отвлечь от главной сути.

— Зря, — усмехнулся ДиКаприо. — Но, дело твое! Ты лучше давай думай, что скажешь, паскуда! — легонько ударил он его молотком по кончику носа.

Том глубоко вдохнул, набрав полные легкие воздуха, и шумно выдохнул. Задумался. Нахмурился. И, кажется, кое-что понял. Да, он понял!

— Знаете что? — усмехнулся он комичности осознания, достав из внутреннего кармана дубленки маску. — Как бы мне сейчас не было больно, но… — притянул он металлический кейс с деньгами и раскрыл его. — С Ниной дышать стало легче, — с горечью улыбнулся он, кинув маску внутрь.

— Блять, класс! Охуенно ты придумал! — лайкнул идею Харди Лео, провозгласив ее не хуйней собачьей. — Это будет — сильно! Но только она знает про все твои траблы, связанные с маской? — фирменно прищурился он. — Если нет, то вся эффектность пропадет. А рассказывать об этом сейчас будет лишним…

— Знает, сука-бля, знает, — протянул Том, неотрывно смотря на маску.

С этим замысловатым аксессуаром из биометалла он прожил бок о бок тридцать лет. Когда-то он носил ее годами и жизни без нее представить не мог. Когда-то одевал лишь время от времени. Но как не крути — они всегда были вместе. Маска, какой бы по сути бестолковой вещью она не была, всегда была для Тома островком спасения в сложных жизненных ситуациях. Надевая ее, Харди чувствовал защищенность и успокоение. Казалось, что в моменты, когда было невыносимо тяжело, лишь она одна помогала ему справиться. Не давала задохнуться. Порой Том понимал, что все это ерунда и пора уже избавляться от маски. Несколько раз он даже пытался это сделать, но раз за разом вновь возвращался к ней, надевал и дышал. И дышать и впрямь было легче. Но теперь все изменилось. Появился совершенно незнакомый человек, который буквально за несколько дней смог стать для Тома таким родным и близким, что дальше жить без него не представлялось возможным. Именно она, Нина, раскрыла перед сержантом двери в неизведанное. Подарила то, чего всегда страшился Том. А он и не сопротивлялся. Подался течению, с головой окунувшись в такие новые для него чувства. Такие, где уже не было место маске. Впрочем, там она и не нужна была ему. И теперь, как бы не было больно от удушающей безысходности, что эти отношения с Ниной подошли к концу, маска уже не помогала ему почувствовать некую безопасность и спокойствие. Достаточно было вспомнить те несколько чудесных дней, проведенных с Ниной, и дышать тут же становилось легче. Хоть и больно, но легко. Да! Она сделала это! Клубничная девочка научила нашего мальчика дышать!

Вдруг пассажирская дверь впереди ехавшего Джипа раскрылась, из нее на

ходу выскочила Нина и кубарем покатилась по дороге. Увидев это, не раздумывая ни секунды, Том схватил кейс с маской и также на ходу выпрыгнул из Доджа. С присущей ему громоздкой легкостью и по-мусорски, он приземлился на ноги и поспешил к ней.

Нина прокатилась еще пару метров и, наконец, остановилась, собрав на теле кучу пыли и ссадин. Она подняла голову и увидела перед собой сержанта Харди.

— Не ушиблась? — спросил он заботливую хуйню, протянув руку.

— Да какая разница, — невнятно выпалила та, приняв его помощь и поднимаясь на ноги.

В это время Джип остановился. Видимо, Декстер увидел сие картину и хотел побежать на разборки, но не успел. К водительской двери уже подбежал Леонид и уткнул острие мачете в бок Моргана, не давая тому шансов выбраться на улицу.

— Прости меня, сука-бля, — начал Том, виновато посмотрев на девушку и покусывая пухлую губу. — Я наговорил тебе с утра много хуйни… Я абсолютно точно не считаю тебя ебаной подстилкой. И прости за то, как поступил с тобой вчера утром. Это было пиздец как мерзко и унизительно. Меня это так гложет…

— Том, ты понимаешь, я совсем запуталась! Я не понимаю ничего! — перебила Нина, проигнорировав извинения в свой адрес.

— Ну хватит, сука-бля, успокойся, — успокаивающе заговорил Харди, ведь крики сейчас точно были бы лишними. — Давай попробуем поговорить без всякой ерунды. И если ты не можешь ничего мне сейчас сказать — не надо. Сделаешь это, когда посчитаешь нужным. А пока скажу я…

— Том, ты должен ответить на один мой вопрос, — продолжала бредить Нина, будто бы прибывая на другой диалоговой волне. — Прямо здесь и сейчас. Это пиздец как важно!

«Послушай, Том… Чего, сука-бля? Что она хочет от тебя? Чтобы ты признался, что любишь ее? Что, все уже зашло так далеко, да? Так ты любишь ее? Да, сука-бля, да! Ты любишь ее! Вот только перед самим собой не стоит устраивать этот никчемный цирк! Но готов ли ты признаться ей в этом? Был бы готов, знай наверняка, что она ответит тебе взаимностью. В противном случае, станет же еще больнее…» — забился в агонии возможных любовных признаний сержант.

— Как звали твоего отца? — пизданула Нина.

— Чтооо? — охуел Том, ведь подобный вопрос абсолютно точно не вписывался в его планы. Он огорошил его наповал!

— Ну я же сказала, что это очень и очень важно! — заистерила девушка. — Как звали твоего отца, Том?

— Ладно, хорошо, только не кричи, — вновь попытался угомонить ее Харди. — Моего отца звали, как и меня, Том. Но из-за занимаемой должности, ему нельзя было пользоваться своим…

— А деда? Как звали твоего деда-летчика, Том? — нетерпеливо накинула вопрос Нина.

— Том. И его брата-близнеца тоже Том. И их отец-кладовщик также был Томом, — пояснял за имена Харди, загибая пальцы. — Вообще, сука-бля, всех в моем роду называют Томами. Я, кстати, Том Харди VIII. Такая вот семейная традиция. И если бы у меня был сын, то я бы был обязан назвать его Томом… Послушай, Нина, зачем мы вообще обсуждаем всю эту ерунду? Мне тоже есть, что тебе сказать. И это тоже важно не только для меня, но и для тебя. Для нас. Понимаешь? Мм?

— Мхм, — промычала Нина, ошарашенно смотря в его серые печальные глаза.

— Знаешь, до встречи с тобой, моя жизнь была, мягко сказать, хуйней ебаной, — заговорил Том, не отрывая взгляда от ее глаз. — С каждым днем я самолично опускал себя на самое дно, даже и не веря, что может в моей жизни

произойти что-то хорошее. Я задыхался, понимаешь? Но, как только в моей жизни появилась ты, все изменилось, — положил он ей ладонь на щеку и погладил большим пальцем. — Ты помогла мне посмотреть на мою жизнь с другого ракурса, и доказала, что может быть там и что-то хорошее для меня. Именно ты потащила меня вверх с этого дна, не дав утонуть. И теперь я чувствую, что дышать стало легче… — прошептал он и протянул ей кейс.

— Что там? — дрожащим голосом спросила Нина, наполнив глаза слезами до неузнаваемости.

— Помнишь, ты говорила, что мы можем меняться вместе, помогая друг другу становиться лучше? Так вот я начал, не без твоей помощи, конечно.

— Я… Я… — надрывно мямлила Нина, нерешительно потянув ладонь к кейсу.

— Ты нужна мне… — совсем разоткровенничался сержант Харди.

— Какого хуя ты вытворяешь? — послышался со стороны наглый голос Моргана, которой какого-то хуя все же выбрался из Джипа и теперь бежал в сторону Тома и Нины. Леонид, блять, какого хуя?! Ты же обещал его задержать? Что пошло не так?

Декстер в два счета добрался до Нины, грубо схватил за запястье и отшвырнул в сторону. Девушка, которая, кажется, вообще не понимала, что творится в ее жизни, медленно села на бордюр и закрыла голову руками, растерянно наблюдая за сержантом и парнем-петушней.

— Хули ты полез к моей Нине? — зарычал Декстер, сверля Тома своими наглыми абьюзерными глазами. — Не смей к ней больше подходить ни на шаг, иначе я за себя не ручаюсь! Ясно?

— Сука-бля, да как же ты меня заебал, пидор! — взорвался Харди и, вмиг переключив в голове тумблер озлобленности на фазу единицы, въебал ему с правой. Тот завалился на спину, а из его носа хлынул гейзер крови. Том накинулся на Моргана сверху и принялся ластать наглые руки, нарочито выходя на болевой. Декстер понял, что их силы нихуя не равны, поэтому решил пойти другим — более болезненным для Тома путем.

— Слышь, Нина, — прокряхтел он, обернувшись к девушке. — Во-первых, встань с холодного бетона — застудишься. А, во-вторых, иди садись в машину, — проявил он нахуй никому не нужную заботу.

Но девушка так и продолжала сидеть, бездумно уставившись на парней.

— Прекращай ссать ей в уши, петушара! — дерзанул Том, с головы ударив Моргана промеж глаз. Из них тут же полетел миллион искр, а на переносице Декстера моментально появилась кровоподтечная шишка размером с кулак.

— Ты что, решила меня кинуть? — не сдавался парень-побой, обращаясь сквозь боль к Нине. — За что ты так со мной? Да хуй на меня! А как же твоя беременная сестра? Ты решила кинуть и ее? Эй, ты слышишь меня, слышишь?

Но Нина, кажется, не слышала. Продолжая находиться будто в некой прострации, она повернула голову и уставилась на кейс, что откинул в сторону Том, нападая на Декстера. Девушка стала то тянуть к нему ладонь, то одергивать, будто не решаясь заглянуть внутрь. Том нахмурено уставился на нее. Со стороны ее поведение выглядело действительно странным. Казалось, будто Нина обхуярилась каким-то наркотиками. Но нет — никакого блеска в глаза не было. Да, определенно она имеет какие-то психологические проблемы. Но сможет ли Харди достучаться до нее и вытянуть из всего этого дерьма? Нихуя не факт! Ох, не факт!

— Немедленно прекращай эти глупости! Поднимайся и иди в машину! — продолжал шипеть Морган. — Ты, блять, слышишь меня?!

— Слышу, — безэмоционально ответила Нина и пустым взглядом посмотрела в его наглые убедительные глаза.

— И я прощу тебе вот это вот все и даже и не буду поднимать эту тему, если ты сейчас же встанешь и сядешь в машину, поняла?

Не проронив ни слова, Нина медленно встала с бордюра, отпихнула ногой кейс и покорно пошла в сторону Джипа. Подобный поворот событий моментально выбил почву из-под ног Харди. Зачем она отпихнула кейс, даже и не заглянув внутрь? Показывает, что все это ей на хуй не надо? Как бы посылает Тома на хуй, говоря, что не нужны ей никакие изменения, не нужен ей никакой сержант, да и вообще, плевала она на все это?!

— Да ты издеваешься, сука-бля? — отчаянно взорвался Том, отбросив Декстера и встав в полный рост.

Нина остановилась, обернулась и замерла.

— Томми, я… — извинительно скривила она рот.

— Послушай меня, пожалуйста! — подскочил к ней Декстер, схватив за плечи. — Ты моя жена и должна меня слушать. У нас с тобой все серьезно, у нас семья… Я люблю тебя… — нарочито громко, во всеуслышание заявил он.

Нина зажмурилась, помотала головой, обняла себя руками и поспешила в сторону Джипа. У самой двери она остановилась, открыла ее и, обернувшись, уставилась на Тома сочувствующими, но растерянными глазами.

— Прости… — одними губами прошептала она.

— Ну я понял… Понял… — покачал головой сержант, понимая, что здесь и сейчас они ставят точку в их отношениях. Да, она нужна ему. Но он — не нужен ей. Она выбрала другого. И на что только надеялся Том?! Глупец, протри глаза! Еще не все потерянно! Разве ты не видишь, что ей манипулируют! Просто вмешайся и сделай еще что-то! Ой, бля, это бесполезно!

Тут уже к Нине подскочил Декстер, взял ее за макушку и грубо, по-мусорски, засунул в тачку. Затем и сам поспешил к водительской двери.

Том же стоял на месте. В груди было так больно, что, казалось, он прямо здесь и сейчас рухнет на асфальт в приступе обширного инфаркта. Еще буквально полчаса назад, где-то в глубине души он верил, что все еще как-то можно исправить, как-то наладить. Но нет. Он не сумел исправить ничего. Хоть и старался, хоть и пробовал. Осознание, что это конец, что он и она никогда теперь не будут вместе, резало правостороннее сердце, оставляя на нем глубокие раны.

Но несмотря на всю ту боль, по венам расползающуюся от сердца по всему телу, в голове промелькнула безумная мысль. Да, она ушла, выбрав другого. Но все же Тому хотелось, чтоб Нина не забывала его. Хотелось, чтобы она всегда помнила, что был в ее жизни такой парень Том. И знала, что даже несмотря на то, что между ними ничего не вышло, что она так больно опрокинула его, она все равно лучшее, что только смогло произойти с ним в жизни.

Движимый лишь одними эмоциями, Харди поднял с асфальта кейс, подошел к Джипу и раскрыл переднюю пассажирскую дверь.

— На вот тебе… На память о сержанте… — печально улыбнулся он уголками губ и, сунув металлический кейс в руки Нине, поцеловал ее на прощание в макушку.

— А ну, пошел на хуй отсюда! — рявкнул Декстер, повернувшись к Тому. — Или хочешь, чтобы я рассказал…

Харди лишь молча показал ему «фак» и дерзко захлопнул дверь, не дав Моргану договорить. В ту же секунду машина тронулась и покатила прочь.

Том остался стоять, как вкопанный, провожая Джип взглядом. Затем приставил указательный и большой палец к переносице и молча заплакал от безысходности.

— Эй, дружище, иди сюда, — мягко, словно Брэд Питт, сказал Лео, обняв сержанта за плечи и прижав к себе. — Пойдем, выпьем с тобой. Не стоит тебе сейчас оставаться одному, — повел он его в сторону Доджа.

— Мхм, — выдавил Том, покорно следуя за мозгоправом.

Примечание к части Любезный читатель! В эту главу мне уж очень захотелось завернуть отсылочку на одного там мудрого русского старца, что так любим мальчиком, что научился дышать. Однако, чтобы осуществить задуманное, мне пришлось вернуться назад и добавить одну небольшую сцену в Главу 22: Девять. Так что для более полной картины, мой дорогой дружок, можешь вернуться в указанную главу и ознакомиться с новехонькой сценой.
И еще немного направлю тебя, дражайший мой читатель: всю ту главу читать необязательно. Пролистывай к чертям первую сцену со старой блядью и пиздюком из шара, и начинай с момента, где Крис будит Тома с утра.

Глава 132: Пусто

Спустя неделю.

В шикарном особняке, в большом кабинете, выполненном по всем канонам стиля барокко, за резным столом с вензелями, выструганным из цельного куска дуба, сидело трое: белый мужчина лет сорока, довольно приятной наружности; эффектный белый мужчина лет тридцати пяти, с оголенным торсом; да милый мальчик лет тридцати, что хоть и научился дышать, но потерял всякую надежду на счастливое будущее. Все они были не то что пьяны — нахуярены в усмерть! К слову, сей запой длился с того самого дня, когда они ограбили банк.

— Я, сука-бля, ведь и так к ней, и сяк… А она… Ты меня не понимаешь! — в тысячный раз молол заебавшую всех хуйню Том, пародируя женские визги. — Пидораска… — усмехнулся он и затянулся. — Вы бы знали, какая она… Сладкая… Моя… — расплылся он в ебаной улыбке. — Ан-нет, уже, сука-бля, не моя!

— Но все же, ты хотел бы, чтобы опять была твоя? — прищурился ДиКаприо, подавшись вперед и облокотившись о стол.

— А что толку от того, чего хотел бы я? — состроил фирменный еблет Харди и опрокинул стопку виски. — Тут должны хотеть оба…

— Ну да, насильно мил не будя, — пожал плечами Леонид, уставившись в пустоту перед собой безмерно бухим взглядом.

— Замолчи! — схватил его за лицо пятерней Леонардо и толкнул. Батлер боком завалился с табуретки и что-то невнятно пробурчал, после чего решил покемарить. — А ты! — выставил он на Тома указательный палец. — Борись! Слышишь? Борись, сука! Борись! Иди до конца! — зарычал он с такой натугой, что лицо покраснело и раздуло, а изо рта и вовсе полетели тысячи капель слюны.

— Ой, сук-бля, иди ты на хуй! — подкатил глаза сержант, ударив ДиКаприо «береттой» по лицу. — А что делал я по-твоему, мм?

— Ровным счетом, ты не сделал нихуя! Ты отпустил ее! — визжал старик Лео, остервенело постукивая молотком по голове Тома.

— Это я, сука-бля, не сделал нихуя? — схватил его Харди за жаккардовый жилет, что был надет на голое тело. — Ну нихуя б себе ты заявляешь! Я преступил через миллион своих принципов ради нее! Я раскрылся перед ней, отдал маску! А что она?! Просто вытерла об меня ноги, обесценив мои чувства к хуям?

— А откуда тебе знать, что так и есть, мм? Она ведь была искренна с тобой, а потом резко стала творить невменяемую дичь! Так, все же, может там что-то не так? Может, стоит не опускать руки и идти до конца? Разобраться, что с ней не так… — продолжал стоять на своем обдроченном всезнайка Лео.

— Я не хочу! Больше поднимать эту тему! — перебил Том, оттолкнув его от себя. Лео откатился назад на помпезном кресле, а сержант же плюхнулся на диван и закрыл голову руками. — Сука-бляяяя… Как же больно… — простонал

он. — Да как же теперь жить сержанту без нее…

— Поверь мне, — откинулся на спинку кресла ДиКаприо и, перебирая широко расставленными ногами, вновь подъехал к столу, где рассыпал дорожку кокаина. — После всего случившегося между вами, ни она, ни ты… Никто из вас! Никогда, сука, не станет прежним! Это я тебе сейчас как психолог говорю!

— Не знаю, как она… А вот я — да, — продолжал невнятно стонать сержант.

— Хоть бы так и было… — пьяно пробурчал с пола Леонид.

— Но ты не жалеешь о произошедшем? Хотел бы все повторить? — задал провокационный вопрос ДиКаприо, втирая в молоток остатки кокаина.

— Нет, не жалею, — печально-пьяно улыбнулся Том. — И да, повторил бы… Повторил… Но только хорошее, ибо, сука-бля, второй раз пережить всю эту болезненную ёбань разрыва я б хуй смог… Сердце бы не выдержало… Инфаркт, инсульт, все дела… — нес хуйню он.

— Значит надо бороться! Надо сражаться! — вынес вердикт ДиКаприо, стукнув молотком по столу. — Давай приведу личный пример. Была у меня жена. Красивая, умная… Чисто Мадонна, матерь Иисуса. И жили мы с ней счастливо, и ничего не предвещало беды, пока не отправились мы с ней в кругосветное путешествие на круизном лайнере… — тяжело вздохнул он, приложившись к бутылке виски. Том же взволнованно уставился на друга, предвкушая охуетительно-трагичную историю. — И вот, корабль сталкивается с айсбергом и идет ко дну. Шлюпок на всех не хватает, начинается паника. Люди убивают друг друга за ебучее место в шлюпке. Я сражался… Нет, я убивал! Я орудовал молотком направо и налево, дабы выбить для нее место и спасти! Но увы — я потерпел фиаско. Так мы остались с ней на борту, а лайнер стремительно продолжал тонуть. Корма поднялась кверху, мы уцепились за ограждение и ждали… Ждали неминуемого соприкосновение с ледяной водой. К слову, все это происходило в Северном Ледовитом Океане. Так вот, оказавшись в воде, мы отыскали ширму, но увы и ах — место там на двоих не было. Конечно, можно было бы попробовать взобраться на нее с двух сторон, но я, как истинный джентльмен, уступил место жене, сам же оставшись в воде. Вскоре вернулась спасательная шлюпка, и моя жена чудом выжила в ту роковую ночь… Я же замерз до смерти и камнем пошел на дно. Но какая к черту разница? Главное, я сражался за нее!

— Лео, — ошалело прошептал Харди, прикрыв ладонью рот. — Какой, сука-бля, ужас… Все это правда? Не знал, что у тебя есть жена…

— Конечно, нет! — хлопнул в ладоши мозгоправ. — Это я только что выдумал, дабы подбодрить тебя. Ведь стоило попытаться, да? — лукаво прищурился он. — Но! Все же такая история могла произойти с кем-то, так? А значит, везде есть выход! Просто надо идти до конца, как бы тяжело не было! И я уверен, если ты продолжишь бороться, то добьешься желаемого!

— Сука-бля, Лео, какой же ты долбоеб, — подкатил глаза Харди, кривыми зубами открыл бутылку рома и присосался к ней.

— Ладно, паскуда. Есть у меня для тебя один вариант — ебейший. Обдумывал его несколько дней, анализировал и, думаю, это тебе поможет. И о нем я тебе сейчас расскажу не как мозгоправ — как друг, — мракобесил ДиКаприо, открыв верхний ящик стола и вытащив из него какую-то бирюльку. — Чего хочет каждая молоденькая девочка, мм?

— Деньги, славы… — предположил с пола Батлер.

— Хуйня! Никто этого не хочет! — перебил ДиКаприо. — Замужество — вот предел желаний любой девушки! — положил он на стол бирюльку, накрыл ладонью и пододвинул вперед.

— Что это, сука-бля? — взял Харди раритетное кольцо и покрутил в руках, тяжело нахмурившись.

— Ну как? Очевидно же, что кольцо! — поднял брови к потолку Леонардо. —

Бери его, Том, и не стоит благодарностей. Оно очень дорогое. Нина явно оценит такую вещь. Так что бери его, езжай к ней и предложи выйти за тебя…

— Ты, сука-бля, опиздинел? — вмиг превратился в принципиальную сову Харди, уничтожающе взглянув на друга.

— А что? Я вижу — ты готов к этому шагу. Так почему бы и нет? — состроил он подобие фирменного ебала друга, но в своем стиле. — Давай, просто сделай это! К тому же, это тебе не какая-то ебаная ювелирка с барахолки, а кольцо твоей прабабки! Не это ли сентиментальность — сделать предложение фамильной ценностью?

— В смысле?! — охуел хлеще некуда Харди, вмиг протрезвев.

— Ой, ну уж прости, — отмахнулся ДиКаприо. — Когда ты показывал мне свой фамильный музей, ну не мог пройти я мимо это прекрасной вещи! Ты же знаешь, как я люблю раритет! Ну свистнул я у тебя кольцо, ну что тут такого? Просто был обдолбан, сорвало планку… Ну прямо как у тебя, когда ты выебал свою девочку в рот!

— Сука, урод, нахуя ты напоминаешь мне об этом?! — сорвался с места Том и кинулся на мозгоправа в драку.

Так они пьяно покатались по полу около получаса, нанося друг дружке слабые неточные удары.

— Все, сука-бля, достаточно, — запыхано откинулся на спину Харди, уставился в потолок и закурил.

— И все же, что с кольцом? Сделаешь это? — улегся рядом на бочок потрепанный ДиКаприо, подперев щеку молотком.

— Что с кольцом… Верну его на место, — прокряхтел Харди, поднимаясь с пола.

— В смысле?! — оскалился ДиКаприо.

— В прямом. Поеду в Манчестер и положу его на законное место, — ответил сержант, надевая тенниску.

— А как же предложение? Охуел?! Не хочешь сделать это ты — сделаю я! Отдай кольцо! Я напишу от твоего имени Нине письмо… Нет! Лучше я напишу ей письмо от своего имени! Предложу выйти за меня, и она согласится! А тогда-то ты приедешь ее отбивать у меня! И я еще подумаю, отдавать ее тебе или нет! Так что лучше давай ты сделаешь все по-хорошему сам, чтобы не портить наши с тобой отношения! — подскочил Лео с пола и принялся надевать френч задом наперед. — Эй, паскуда, ты куда пошел?! Вернись! Мы не договорили! — крикнул он вслед удаляющемуся Тому. Но тот лишь показал через плечо «фак» и был таков. — Сука, — харкнул в сторону ДиКаприо.

— Ох, а нормально отпускать его одного в таком состоянии? — взволнованно, но сонно, пробурчал с пола Батлер. — Ну, не свершит ли он чаво над собой?

— Суицид что ли? — предвзято посмотрел на бородача Лео. — Не, не будет он сейчас таким говном заниматься. Месяцев эдак через шесть-семь — возможно. Сейчас — не беспокойся, — утешил он Батлера.

— Ну, тогда хорошо, — перевернулся на бочок Леонид, подложив ладони плаща под эффектную щеку. — Джейки надобно позвонить и сообщить, что Томми домой отправилсси, а то волноватьсси-то будя…

Черный кэб, прибывший из аэропорта Хитроу, остановился у кованых ворот поместья на Грин-Энд-роуд. Задняя пассажирская дверь распахнулась, и из Астена FX4 вылез Том Харди. Он достал чемодан с вещами, за которыми заезжал в Сиэтл, и покатил к воротам.

— Мистер Харди? — послышался из-за каменной изгороди взволнованный крик дворецкого. — Мистер Харди, это вы?

Том заглянул сквозь ворота во внутренний двор и увидел, как по широкой мощеной дорожке бежит дворецкий.

— Мистер Харди, мы вас не ждали… — запыханно бормотал он, открывая ворота перед сержантом. — Вы не предупреждали… Ох-ох… Мы совсем не готовы к вашему приезду. Что же вы не позвонили?

— Не позвонил… — пожал плечами Том, входя во внутренний двор. — Ничего страшного… — похлопал он дворецкого по плечу и двинулся к дому.

— Побегу, прикажу кухарам приготовить ужин… — поднял указательный палец дворецкий и, обгоняя хозяина, поспешил к мраморной лестнице.

Том шел по дорожке мимо клумб, раньше пестрящих ирисами, анютиными глазками и гиацинтами. Теперь же все было засеяно газоном, и оттого вместо аромата цветов, заполнявших прежде весь внутренний двор, сейчас чувствовался лишь запах скошенной травы. Проходя мимо декоративного пруда, Харди увидел, как карп всплеснул плавником водную гладь и скрылся под кувшинкой. Впереди показалась восьмигранная беседка, белая краска которой заметно облупилась, а на крыше кое-где отвалилась зеленая черепица.

Подойдя к дому и поднявшись по мраморным ступеням, Том очутился на большой террасе огражденной балюстрадой. Раньше эта часть дома слепила белизной, теперь же и ступени, и терраса были покрыты уличной пылью, а по углам виднелась опавшая еще прошлой осенью листва. Под тенью навеса поскрипывали широкие качели. Металлическая сетка сиденья и спинки не была накрыты мягкими подушками и кое-где проржавела. Каменные вазы по обеим сторонам двустворчатого арочного входа пустовали.

Том вздохнул и вошел внутрь. В нос ударил знакомый запах древесины, который перебивался запахами сырости и старины. Лестница, ведущая на второй этаж, казалась еще более широкой и громоздкой из-за отсутствия на ней обыкновенной красной ковровой дорожки. Портреты предков и отца на стенах покрывал не толстый, но заметный слой пыли. Диван и кресла у сводчатого окна накрывали белые полотна. Лак на овальном столике перед ними кое-где потрескался. Каминная полка была пуста.

Все в поместье вроде осталось на своих местах, но в то же время выглядело иначе. Было видно, что за домом и двором по-прежнему ухаживают, но при первом же взгляде становилось ясно, что хозяина здесь нет. Долгих десять лет прошло со смерти мистера Уокена, и без него здесь стало все по-другому.

Том добрался до своей спальни. Шелковые шторы были плотно задвинуты, и от полумрака сержанта мгновенно поклонило в сон. Он поставил чемодан у порога, подошел к широкой кровати, отодвинул балдахин, присел и стянул с себя берцы. Затем откинул покрывало из парчи и забрался под одеяло.

Минувшие недели с последующим запоем оказались для сержанта до того изматывающими, что едва голова коснулась подушки, он тут же провалился в сон и проспал часов пятнадцать кряду. Спустился вниз Том только к завтраку следующего дня, впрочем, после вновь отправился спать. Он все спал и спал, а если наконец высыпался, то просто лежал, бездумно глядя в потолок. Кухара и дворецкий всячески ухаживали за ним, принося в комнату еду и чистую одежду.

Сил не было совершенно. Не хватало их даже на то, чтобы погонять какие-то мысли в голове. Том чувствовал себя так, будто его сначала порубили на мелкие кусочки в кухонном комбайне, а после пропустили через соковыжималку. Полученный сок нарочито вылили, ведь он оказался абсолютно никому не нужным, а сам же Том отправился на мусорку в виде жухлых ошметков.

Так и провел пару недель, не вылезая из кровати.

Но одним утром Том открыл глаза и понял, что дальше так продолжаться не может. Если он не встанет немедленно, то, возможно, не встанет уже никогда. Слабость во всем теле была до того сильной, что казалось мышцы начали атрофироваться. Харди сел в кровати и подвигал шеей из стороны в сторону. Через минуту пальцы, а затем и полностью все конечности стало покалывать.

Сержант с трудом встал и двинулся к двери. Еле-еле добравшись до выхода из поместья, он прошел по террасе, присел на мраморных ступенях и закурил.

— Изволите отзавтракать? — подкрался к нему со спины дворецкий, который днями напролет караулил, когда же молодой хозяин соизволит покинуть покои.

— Нет, сука-бля, — отмахнулся через плечо Харди. — Клумбы надо бы засадить цветами. А то, сука-бля, как-то уныло, — указал он сигаретой вперед.

— Передам садовникам, — закивал дворецкий и уже хотел бежать в дом.

— А хули раньше не сделали? Точнее, сука-бля, почему не поддерживали? — продолжил Том, и дворецкий вынужденно остановился.

— Ну… Раньше мистер Уокен давал распоряжения, как и что делать. А теперь и некому… А сами мы и не знаем, как лучше… Пытаемся поддержать, что есть, чтобы не допустить разрухи. Да и людей в поместье теперь мало. Хоть жалование осталось прежним, но большинство трудились здесь именно из-за мистера Уокена. Его не стало, и многие ушли. Кто-то, конечно, остался, например, как я и кухара… Но все равно не справляемся с таким огромным пространством. Вот и делаем, на что сил хватает… — мямлил дворецкий.

— Ну я понял… — вздохнул Том и затушил бычок о подошву берца. — Ну хоть, сука-бля, клумбу засадите. Не хочу, чтобы поместье увядало. Хотя вряд ли оно уже будет цвести как прежде.

— Хорошо, мистер Харди. Что-то еще? — учтиво кивнул дворецкий.

— Краска есть? Белая. Беседку, сука-бля, покрашу, — махнул головой в сторону сержант.

— Отчего же нет, есть, конечно! — лайкнул дворецкий и наконец-таки побежал в поместье.

Через несколько минут он вернулся с наждачной бумагой, банкой краски, кистями и какой-то холщовой сумкой.

— Сначала бы надо зашкурить… — протянул дворецкий Тому наждачку.

— Разберусь. Иди уже, — отмахнулся сержант, как бы предлагая уже дворецкому оставить его в одиночестве.

— Хорошо-хорошо… Вот, только переоденьтесь, а то запачкаетесь, — всучил тот ему в руки сумку.

Том повиновался и достал оттуда старые рубашку и шляпу отца. Стянул футболку и накинул рубаху. Шляпу покрутил в руках, вспомнив, как именно в этой Кристофер когда-то стриг, как тогда думал маленький сержант, розы, на деле же — окучивал тайную конопляную клумбу. Сержант улыбнулся уголком губ и нахлобучил шляпу на голову.

Наконец, еще раз покурив, Том приступил к работе. Пока он тщательно шкурил деревянные балки и дощечки скамеек внутри беседки и покрывал их краской, мысли, напрочь отсутствующие с момента его приезда сюда, вновь потихоньку заполнили голову. Вновь и вновь прокручивая события последних недель, сержант загнал себя в какую-то безысходность, решив, что иного итога быть и не могло — как бы он ни хотел, как бы ни старался. К слову, от этого совсем не становилось легче, ведь Том отчетливо понимал для себя, что потерял не просто любовь, а любовь всей своей жизни. Он совершенно точно знал и чувствовал, что подобного с ним больше не повторится. Вряд ли он сможет полюбить кого-то еще, даже если бы вдруг захотел этого. Да и Том не хотел. Не хотел больше разочарования. Не хотел боли, впрочем, и нынешняя еще не прошла, да и не известно пройдет ли когда-то. А главное, он не хотел любить никого кроме Нины.

Ближе к вечеру, когда солнце, скрытое за серой пеленой, незаметно катилось к горизонту, Харди закончил покраску и уселся на большой декоративный камень позади беседки, откуда открывался вид на небольшую дубовую рощу на заднем дворе. Восемь дубов возвышались в ряд вдоль ограждения. Харди отыскал взглядом среди деревьев свой дуб и тут же

отчетливо вспомнил, как закапывал в землю желудь, который сам подобрал из-под усталого дуба отца. То был его девятый день рождения. Первый день рождения здесь, в поместье. Вспомнил, как Крис разбудил его поутру и повел в рощу, рассказывая попутно о традиции посадки каждым мальчиком в роду Харди своего дерева. Тому совершенно не были интересны в тот момент эти древесные истории. Да, было довольно прикольно узнать, что эти дубы настолько стары, но не более того. Да и вся эта затея с посадкой желудя казалось сомнительной. Где гарантия, что что-то прорастет? Почему бы не купить хороший саженец и не посадить его, раз уж это так важно? Но мистер Уокен тогда заверил, что желудь непременно прорастет, ведь у всех прорастает — почему же не прорастет у Тома? Но мальчику не очень-то в это верилось, да и в принципе было все равно. Не прорастет — и пусть! Деревом больше, деревом меньше — какая разница? Ан нет! Дуб вскоре пророс, как и обещал Кристофер, ведь на самом деле он утаил, что вырастить из желудя дерево куда проще, чем из саженца. Да и зачем это знать пацану? Крис хотел, чтобы сын думал, что раз дуб пророс, значит он исключительный и самый сильный из всех желудей, и это Том сам лично выбрал его. Да, дуб рос довольно медленно и был болезненным. Мистер Уокен то и дело обрабатывал дерево от всяческих вредителей, которые так и норовили загубить маленький дуб. И несмотря на все невзгоды он рос и постепенно креп. Ствол становился все выше и шире, крона — все гуще и раскидистей. И последний раз, когда Том приезжал в поместье, дуб уже, казалось, был готов догнать своих предков. Дереву на тот момент исполнилось уже около двадцати лет, и он почти сравнялся по высоте с остальными деревьями рощи. Все еще был чуть тоньше других и слегка кривоват, но наконец в нем была видна сила. Листва была сочной и все ветви были увешаны желудями. То было год тому назад. Теперь же Харди смотрел на дерево и совсем его не узнавал.

Корявые, а некоторые и надломанные ветви просвечивались сквозь тусклую, жидкую крону и устало клонились к земле, отчего дуб, казалось, стал намного ниже, чем был прежде. Постарел, поник. Листья сухие — не по-осеннему бурые, а блекло-зеленые, будто высушенные меж страниц старых книг, изъеденные личинками шелкопряда. Кора где-то отходила и вскрывалась болячками. У земли безжизненными узлами виднелись оголенные корни, и, казалось, еще немного и они не смогут больше удерживать ствол. Дуб стоял среди гордых, пышущих зеленью и жизнью сородичей, и рядом с ними выглядел никчемным уродом, весь кривой и неуклюжий. Можно был подумать, что стоит его лишь слегка толкнуть и он, не сопротивляясь и не противясь, рухнет, рассыпавшись на мелкие щепки и сухую труху.

— Выкорчевать бы, сука-бля, его к хуям… — пробормотал Том, в задумчивости приложив разведенные большой и указательный пальцы к подбородку и рассматривая жалкое беспомощное дерево.

Так полетели дни. Ну, как полетели… Дни тянулись бесконечно долго, хоть Том и находил для себя постоянно какие-то дела, занявшись приведением поместья в прежний вид. Зато дом и двор за это время преобразились. Казалось и не было тех десяти лет, что прошли со смерти Кристофера; тех тринадцати, что минули с того момента, как сержант уехал в Штаты; тех двадцати двух лет, с тех пор, как он впервые сюда приехал восьмилетним мальчиком, что не умел дышать. Дышать он научился, но надежды, что мелькала в глазах того пацана, теперь не было. И Том совсем не знал, что из этого лучше. Задыхаться, но иметь надежду на спасение, или же дышать свободно, но не видеть никакого пути дальше.

Одним июльским утром Том проснулся и осознал: все что мог сделать в поместье — он сделал, а все, что не мог — приказал сделать рабочим. И теперь

фамильное гнездо Харди выглядело в точности, как и раньше. Что дало это Тому? Да, собственно, ничего. Зачем вся эта красота и лоск в доме, где никто не живет? Лишь в дань уважения к отцу. Самому же сержанту было абсолютно плевать: чисто ли в замке или пыльно, свежа ли краска или потрескалась, цветут ли клумбы или порастают травой. Том не замечал ничего этого вокруг, хоть и занимался всем этим самолично. Но было то, что действительно непрестанно ощущал он здесь.

Первое — это пустота. Огромное поместье с десятками просторных комнат, в которых никто не живет. Комнаты заставлены мебелью, которой никто не пользуется. Стены, увешены картинами, на которые никто не смотрит. На десятиметровом столе, за которым никто не обедает, стоят канделябры, в которых никто не зажигает свечи. Кровати застелены покрывалами и подушками, на которых никто не спит. В сервантах пылится посуда, из которой никто не ест. На заднем дворе у дубовой рощи — ростовые шахматы, в которые никто не играет. На первом этаже — музей, экспонаты в котором больше некому показывать. А в его спальне — раритетная люлька, в которой никого не убаюкивают.

Второе же — невыносимая гнетущая тишина. Ее не заглушали ни голоса кухаров, доносящиеся с кухни, ни шум ремонтных работ. Сержант невольно вспоминал слова отца, сказанные им однажды. О том, что настанет день, когда Том останется абсолютно один в этом поместье. Тогда-то он узнает — каково это — остаться без семьи. И в тот самый момент ему захочется, чтобы любимая женщина согрела его любовью, захочется услышать разносящийся по поместью там и тут детский беззаботный смех… Но всего этого не будет, если он не одумается вовремя… Ничего не будет… Раньше Харди думал, что этот момент для него уже давно настал — в день, когда состоялись похороны отца. Он даже на мгновение тогда подумал, что не отказался бы иметь ребенка. Да, он чувствовал себя в тот момент одиноким, однако тогда это чувство заставило наконец найти брата, и вновь затеплилась надежда на какое-то светлое будущее. Хотя бы имея всего лишь брата. Почему бы и нет? В то время Харди были совершенно чужды мысли о семье, любви и чем-то подобном. Все это было ему неинтересно. Да и с братом отношения складывались по-разному, и Том все равно чувствовал себя время от времени одиноким, тем не менее, у него не было потребности заполнять эту пустоту внутри себя чем-то еще.

Но сейчас Том по-настоящему понял, что такое одиночество. Так было и все тридцать лет его никчемной жизни, но лишь теперь он осознал, что одиночество — это совсем не то, чего бы он желал. Лишь теперь он захотел, чтобы тишину заменил голос любимой женщины рядом, и звуки вальса, пока они вдвоем кружатся по залу. А может даже и больше. Может, Том хотел даже слышать беззаботный смех своих детей, доносящийся из просторных комнат. Хотел собираться всеми за десятиметровым столом, зажигать свечи и ужинать из красивой посуды. Ложиться в теплую кровать, прижимать жену к себе и вдыхать ее аромат. А по ночам, когда та слишком устала, вставать, чтобы покачать люльку, где спит их ребенок.

Эта картинка, постоянно всплывающая в мыслях, была до того реалистична, что, казалось, порой становилась осязаемой, и до того идеальна, что даже начинало подташнивать. Но главное, Том абсолютно точно знал — все это лишь несбыточная мечта, и какой бы приторно сладкой она ни была, ему не вкусить даже толики этой сладости. Точнее, свою долю этого клубничного десерта он уже заполучил в те дни, проведенные в Сан-Франциско и придорожных мотелях. И по-прежнему ощущал ту сладость, оставившую после себя горьковатый привкус.

Кристофер говорил, что ничего хорошего не будет, если Том не одумается. Но ведь он одумался! И он был готов к этому шагу, был готов бросить все, готов

на что угодно и даже больше! Да, осознал он, насколько серьезны были его намерения, пожалуй, лишь здесь, в отчем доме, но на деле же — хотел этого уже очень давно. Но теперь он понял не только чего хотел, но и с кем. Харди, конечно же, видел в своих сладких мечтах не безликую жену, а совершенно конкретный образ. Хрупка, с тонкими ключицами, вздернутым носом, зелеными глазами, и светлыми волосами, заплетенными в косы, а по особым случаям завитыми в кудри. Нина. Лишь ее одну он готов был впустить в свой дом, и уже впустил в сердце. И там она навек и останется. Лишь в его воспоминаниях и мечтах.

Точно! Пожалуй, пора вернуть кольцо прабабки в семейный музей, где ему и место. Да, именно там, а не на пальце Нины.

Сержант стал рыться в вещах и наконец в кармане скамов отыскал кольцо. Он сжал его в ладони и поспешил в музей. Там он подошел к витрине, где хранились реликвии его прадеда-кладовщика, отодвинул стекло и положил кольцо в пустующую шкатулку.

Том уже хотел выйти отсюда, когда взгляд остановился на усталом манекене в пальто и шляпе.

— Прости, пап… — прошептал он и подошел к манекену. — Я все проебал и подвел тебя… Теперь я понял многое, о чем ты говорил. Ты предупреждал, что настанет момент, когда я узнаю, что такое одиночество. И ты знал наперед, чего мне будет хотеться в этот момент. Да, пап, ты был, сука-бля, прав. А еще я вспомнил, как ты рассказывал о своей любви. К Мэрил… Может, мне, сука-бля, и никогда не понять твоих чувств к ней. Но зато я понял, о чем ты говорил тогда. Что порой даже минута, проведенная рядом с любимым человеком, стоит дней и месяцев страданий. Да, любовь того стоит. Теперь я это знаю… Но все равно больно, пиздец…

Том присел на тумбу рядом с манекеном и, опустив взгляд в пол, крутил пуговицу на рукаве пальто.

— Я бы так, сука-бля, хотел, чтоб все твои мечты насчет меня сбылись. Ведь теперь это и мои мечты тоже. Прости, что делал тебе больно, говоря, что все это мне не нужно и не интересно. Но я, сука-бля, не знал! Не понимал, о чем ты говоришь, и о чем говорю сам! Вряд ли, сука-бля, тебе станет от этого легче, но ты должен знать, что теперь я это понял. Но что мне делать с этим пониманием? Ведь никого больше я полюбить не смогу. Она такая… Охуенная… Такая особенная. Она бы тебе понравилась. А даже если бы и нет, мне было бы похуй. Ведь я ее люблю. А важно ведь только это, так? И потому, все же уверен, что и тебе она понравилась бы. Но… Все это не имеет смысла. А знаешь почему? Потому что, каким бы ебланом я ни был, все же тоже оказался в чем-то прав. Та, что я полюбил, не любит меня! Та, что я полюбил, не хочет жить со мной бок о бок всю жизнь! Та, что я полюбил, не захочет от меня детей! А почему так… А хуй знает… Честно, я, сука-бля, думал все иначе. И думал, что все это возможно для нас с ней. Но теперь все… Все кончилось. Она осталась там, а я вот — здесь. Разговариваю, сука-бля, со своим мертвым отцом! — усмехнулся Том и закрыл ладонью глаза. — Блять. Я не знаю, как так вышло… Но ты ошибался насчет меня, и, хоть я и понял все то, что ты говорил мне на протяжении многих лет, так и остался той — второй мышкой, утонувшей в молоке…

— Да, пацан, тут ты прав… — вдруг скрипнула дверь и внутрь заглянула…

— Мел? — вздрогнул Том. — Сука-бля… — суетливо вытер он слезу рукавом отцовского пальто. — Какими судьбами?

— А ты, конечно, наглецом вырос! — скрестила полные руки на не менее полной груди Мелисса. — Приехал, значит, и даже не соизволил сообщить! Благо, кухара позвонили и сообщили твоей няньке, что ее воспитанник прибыл! — подошла она к Тому и ткнула в грудь сначала себя, затем его. — Это, по-твоему, нормально? М?

— Прости, Мел… — поджал губы Харди. — Я не хотел тебя обижать…

— Да я уже поняла, пацан. Я, так и быть, не обижаюсь. Ведь вижу, что тут у тебя творится кое-что посерьезнее, — похлопала его по плечу Маккарти. — И я не договорила насчет той мышки. Ты, конечно, все правильно рассудил, что ты вторая мышь, утонувшая в молоке. Но, кажется, ты ни черта не понял сути. Мышь не просто утонула, потому что молоко было слишком жестоко к ней! Мышь не боролась и опустила лапы, — взяла она сержанта за руки. — Понимаешь?

— Мел… — потупил взгляд Том. — Это ведь ты не понимаешь сейчас, о чем конкретно речь. Не знаешь же всего…

— Ну, так я вся внимание! — уверенно посмотрела нянька ему в глаза, крепче сжимая ладони в полных руках. — Расскажи, все как есть, и, может, я изменю мнение. Ведь мне всегда больше нравилась позиция Криса на твой счет. Что ты — мышь, которая взбила масло.

— Мел, пожалуйста, я не хочу. Все это бессмысленно уже, — нахмурился Харди.

— Ну нет, пацан. Так дело не пойдет! Я, уж прости, слышала все твои душеизлияния Крису, — махнула она головой в сторону манекена. — Неужто ты думаешь, что рассказать о своей боли мертвому человеку эффективнее, чем живому?

— Ну проще уж точно, — ухмыльнулся Том. — Не хочу, Мел, правда…

— Тебе нравится быть этой тонущей мышью? М? Почему просто не попробовать? Разве я давала тебе когда-то дурных советов? — приподняла бровь Маккарти.

— Нет… — пожал плечами сержант.

— Нет! — подняла она пышный указательный палец. — Так с чего ты решил, что сейчас я не смогу помочь? К тому же я женщина! Кому, как ни мне, посмотреть на всю ситуацию со стороны. Вы же мужики — долбоебы! О, боже! Ну наконец ты вырос. и могу себя не сдерживать в выражениях!

Том стоял и, бестолково хлопая глазами, смотрел на няньку, превратившись в сову-долбоеба.

— Так что давай, пацан, выкладывай! — уперла руки в складчатые бока Мел.

Том нахмурился, положил ладони на щеки и стал их массировать, отчего губы надулись в пухлую трубочку. Он смотрел на няньку и все думал, стоит ли вновь пытаться что-то прояснить по его истории с Ниной. Может, уже хватит давать себе ложную надежду? Сейчас наверняка Мел наплетет ворох мотивирующих речей, и он опять развесит уши. Но ведь уже давно ясно, что все кончено. К чему бередить и так нихуя незаживающие раны? Ну, а, впрочем, раз они не заживают, то какая разница? А вдруг и впрямь Маккарти скажет что-то такое, что заставит Тома посмотреть на ситуацию с иной стороны. Ну мало ли…

— Ну! — пощелкала нянька пальцами перед носом сержанта.

— Лааадно… — тяжело вздохнул он. — Пошли, сука-бля, тогда выпьем…

Мел взяла Тома под руку, и вместе они вышли из музея, направившись в столовую.

— Вот и вся, сука-бля, история, — спустя час подытожил Харди, крутя в руках стакан с виски. — Она уехала со своим мужем, ну а я, как видишь, здесь.

— Мдааа уж… — протянула Мелисса и опрокинула остатки вина в бокале в рот. — Ты как всегда, пацан… Легкие варианты не для тебя…

Том хмыкнул и закурил.

— Ну, что я могу сказать… Во-первых! Совершенно точно, что она чокнутая и у нее проблемы с головой! — заявила Маккарти, покрутив у виска. — Но ты же и сам у нас того… С приветом.

— Блять, да! Но даже я ее нихуя не понимаю! — с горечью усмехнулся сержант.

— Ну и дурак! Что тут понимать? — махнула рукой Мел и плеснула в бокал еще вина. — Я вот только послушала твою историю и мне все предельно ясно! Этот ее дурацкий муж, как его там…

— Декстер, — цокнул Харди.

— Декстер. Она, конечно, его не любит, но продолжает оставаться с ним лишь из-за своих страхов быть одной, быть ненужной. А он, наверняка, этим пользуется. Возможно, обещает ей всякое…

— Какое всякое? — нахмурился Том.

— Ну не знаю… Телефоны там, бирюльки, машины… Откуда мне знать, что именно? Но я практически уверена, что это так, — пояснила за абьюз Маккарти. — Ведь женщины, находящиеся в подобных отношениях, всегда пытаются найти в них для себя хоть какую-то выгоду, как бы оправдывая себя, что не просто так она с ним продолжает быть. Ну типа… Кхм… Ой, ну подумаешь, избил он меня! Бьет, значит любит! Да и вообще, он свозил меня на Гоа! — спародировала она голос тупой пизды.

— Ну и что мне это дает? Что, сука-бля, мне тачку ей купить? — скривился Харди. — Я, блять, так-то могу конечно, но нахуя б мне это после того, как она меня опрокинула?

— Ну ты совсем ничего понимаешь? Или не слушаешь? Не нужны ей никакие тачки! Ни от него, ни, уж тем более, от тебя! — постучала костяшками его по лбу Мелисса. — Я же тебе сказала, что для нее это просто оправдание для самой себя. От тебя же ей нужно совсем другое.

— И что же, сука-бля? — подкатил глаза сержант.

— Твоя любовь! — сложила пальцы сердечком нянька и посмотрела через него одним глазом на сержанта, второй зажмурив. — Она же тебе сказала, что хочет принимать твою любовь.

— А я, сука-бля, не давал ей свою любовь? — начинал вскипать Харди, будто Мел пыталась уличить его в бездействии.

— Ну, кажется, с определенного момента ты пытался дать ей только свои разговоры, — осуждающе поджала губы Мел.

— В смысле, блять? — развел руками Том.

— Ну ты только и делал, что доставал ее этими своими: «Ну давай поговорим», «Нам надо серьезно поговорить», «Расскажи мне, что тебя волнует» и бла-бла-бла, — изобразила даунский сержантский голос Маккарти, рукой пародируя его пухлый, не желающий закрываться рот. — Одни лишь разговоры! Но ты же хотел дать ей любовь, а не стать ее мозгоправом, не так ли?

— Ну я хуй понимаю, что мне тогда надо делать, — пожал плечами Харди.

— Просто быть с ней. Иногда этого достаточно, — улыбнулась Мел, положив свою ладонь на ладонь Тома. — Знаешь, как мне видится вся эту ситуация? Она словно бабочка, запутавшаяся в паутине прожорливого паука. А ты — мотылек, лишь летающий рядом и не решающийся вытащить ее. А она ведь так и зовет, так и просит тебя о помощи!

— Блять! — закрыл глаза сержант и хлопнул себя по лбу, мигом нарисовав в голове ту самую картину. — Она же об этом мне и пыталась сказать! Блять! Сукааа! Какой я еблан! Она же мне тогда буквально кричала: «Спаси бабочку!» А я хуй мог взять в толк, что шкуре надо и почему ее так волнуют эти обдроченные насекомые! Ды бляяяя! Она, кажется, мне что-то подобное говорила и в мотеле, когда рассказывала про своего Декстера!

— Вот видишь! — хлопнула в толстенькие ладошки Мел. — Все вы мужики такие! Не ушами слушаете, а я даже не знаю, чем! Хуем что ли?

Том жалобно проскулил, уронил голову на стол и стал медленно биться лбом. Мелисса сочувствующе похлопала его по спине и отхлебнула вина.

— Но что я могу сделать, сука-бля? Я не понимаю! — поднял голову Харди, и озадачено посмотрел на няньку. — Я же уже пытался!

— Значит, ты пытался мало или неправильно! — ударила кулаком по столу Маккарти. — Опустил лапки и все — потонул! Пошел на дно, а вместе с тобой и она. Точнее вы это делаете по раздельности. Две глупые мыши! Но ладно она, ее лапы скованны паутиной абьюза, и она сама ничего и не может сделать. А ты? Просто сдался? Ты же сам говоришь, что знаешь и чувствуешь, что она была искренна с тобой. Тогда почему ты сдаешься? Почему не пытаешься спасти и ее, и себя?

— Ну я, сука-бля, правда уже не знаю, как ей помочь, — положа руку на правую часть груди, замямлил сержант. — Я ей уже сказал все, что мог и не мог. И я уже не знаю, что сказать еще. Как ее уговорить…

— Ну, раз не знаешь, тогда что ж поделать… — вздохнула Мелисса, развела руки и поднялась из-за стола. — Ладно, пацан… Поеду я…

— Ээээм… В смысле? — приподнял шрамированную бровь Том, ведь не ожидал столь быстрого уходя няньки, а хотел услышать ее мотивационные речи.

— Ну а что… Вижу, что уже ни на что я повлиять не могу. Раз ты решил сдаться, то так тому и быть. Я, что могла — то сделала. А теперь мне еще по делам надо. В больницу к племяннице.

— Ммм… — равнодушно промычал Харди, подперев голову кулаком.

— Помнишь, это ее я тебе как-то пыталась сосватать?

— Помню, сука-бля, — продолжил залипать Том, уставившись в окно.

— Она, кстати, вышла замуж. И даже родила двоих детей, — несла она пока никому кроме нее непонятные бредни.

— Ей же, сука-бля, лет шестнадцать или типа того, — превратился в возрастную сову Том.

— Пацан, она твоя ровесница. Ей тридцать! — вскинула брови Маккарти. — Так вот, она вышла замуж и родила двоих детей. Девочку и мальчика. Такие прекрасные малыши… Жаль их, считай, без матери остались…

Том обернулся и вопросительно уставился на Мелиссу.

— Что за сука-бля? Ты же сказала, что едешь к ней в больницу.

— Ну да, она лежит там в состоянии овоща уже вот пару лет, — беззаботно отмахнулась Маккарти.

Харди округлил глаза и развел руки в стороны, как бы требуя объяснений.

— Ох, длинная и ужасная история. После того, как она родила первого ребенка — дочку Холли, ее муж запил. Хотя раньше ни-ни… А тогда прямо забухал по-черному. Ну она терпела, говорила, как же ребенок без отца будет… Так и родила второго — мальчишку Сэма. А муж так и продолжил бухать. Она сначала просила бросить, умоляла одуматься. Потом стала угрожать, что уйдет от него, заберет детей. Тогда он и стал поднимать на нее руку. Она скрывала, но все знали. Постоянно, то с синяком, то с ссадиной… Ну пытались ее вразумить, она лишь и твердила, что все в порядке, и что она не собирается оставлять детей без отца. Ну, классика! А однажды, он нажрался до белой горячки, да избил ее так, что пробил черепушку. Врачи диагностировали отек мозга и сказали, что это необратимый процесс. Вот она и лежит теперь, мозг уже не функционирует, жизнь поддерживают аппаратами. А он на свободе. Благо, хоть дети ему не нужны, и живут с моей сестрой, ну и я помогаю, конечно. Вот так, боялась деток без папки оставить, а оставила в итоге без мамы…

— Бляяяя… — хлопал глазами Том.

— Вот такая вот она — жизнь с абьюзерами… — печально подытожила Мелисса. — И уйти от них не получается, но и с ними жить невозможно…

— Мел! Это ты, сука-бля, все сейчас серьезно мне рассказала? Не разводишь? — вскочил с места Харди. — Не как Лео мне чесал про жену и корабль?

— Чего? Какой еще корабль? — нахмурилась Маккарти. — И с чего бы мне тебе врать? Думаешь, я стала бы такое сочинять про родную племянницу? Зачем бы мне это?

— Не знаю… Просто? — пробуробил Том, проводя в голове какие-то параллели. Ну нихуя б себе! Мальчик, не только научился дышать, но и проводить параллели? Что ж, вовремя!

— Ладно, поеду я… — развернулась Мел и медленно пошла из столовой.

— Это что же, сука-бля, получается… — схватился за голову сержант. — Нина, продолжая жить с этим хуйлом, рискует… Сука-бля! А вдруг он ей что-то сделает? Он может, Мел? — догнал он няньку и развернул за плечи к себе.

— Откуда же мне это знать? Думаю, да, может. Все абьюзеры обычно рано или поздно переходят к рукоприкладству. Сейчас он воздействует на нее психологически, может задаривает подарками, внушает ей, что она какая-то не такая, что никому не нужна… Но кто знает, что будет завтра? К тому же, если у нее чувства к другому, а то бишь к тебе, то она может начать отбиваться от рук своего насильника, а тому это уж слишком сомнительно, что понравится… И кто знает, что там ему в голову взбредет…

— Блять! Мел! Это же пиздец! — охуевал с каждой секундой все хлеще Харди, заметавшись по столовой из стороны в сторону. — А если он что-то ей сделает! Сука-бля, да я ж это себе не прощу! Бляяяя… Нина! Мел! Что, сука-бля, делать-то?

— А разве есть тут какие-то варианты? — ехидно прищурилась Маккарти.

— Ехать за ней? Прямо сейчас, сука-бля, что ли? — запаниковал сержант, не зная за что хвататься и куда бежать.

— Ну а когда же еще, идиот? — схватила его Мел за грудки и гневно затрясла. — Борись за нее, пацан! До конца! Не опускай лапки! Будь первой мышкой! Иначе утонешь не только ты, но и она!

— Хорошо, сука-бля! Хорошо! Я не опущу! — судорожно буробил Харди. — Сколько время? Успею к вечеру быть в Штатах? Сука-бля, нахуя ж я уехал!

— Так, Том! Успокойся немедленно! — шлепнула его по щеке Маккарти.

Сержант зажмурился и потряс головой.

— Надо позвонить пиздюку и узнать, где они вообще, сука-бля, обитают, — полез он в карман за телефоном.

Выяснив у брата, что вся компания ныне осела в Альбукерке, Том сообщил, что скоро приедет. Джилленхол ликовал, словно дитя, и твердил, что это бабсолютно верное решение, и что он лично готов вновь оказать любую помощь, какая только потребуется, а также, что Том может остановиться на это время у Пинкмана. Также он уверил, что непременно устроит сержанту и Нине встречу, дав честное собачье слово дяди Джейка.

Сразу же забронировав билеты на ближайший рейс до Альбукерке, Том принялся собирать немногочисленные вещи, а Мелисса в это время давала последние наставления своему воспитаннику.

— А как же твоя, сука-бля, племянница? — спросил Харди, приглаживая отросшие волосы пятерней. — Ты говорила, что едешь к ней в больницу…

— Ну какой в этом толк сейчас? Мое присутствие ей никак уже не поможет. Зато может помочь тебе, пацан, — приобняла Мел его за плечи. — Съезжу к ней в другой раз, а пока побуду с тобой.

— Спасибо, Мел, — уткнулся ей в полное плечо сержант. — Я не сдамся!

Глава 133: Пьяный

Проведя в пути около суток и совершив при этом две пересадки, к вечеру следующего дня Том добрался до Альбукерке, где в аэропорту взял в аренду мотоцикл. На нем и помчался к дому Пинкмана. Тот встретил его на пороге в неизменно квадратной шапке и с курительной трубкой наготове.

— Здарова, сучара, ёпта! — приобнял Тома Джесси и всучил в руки трубку. — Угостись с дорожки, расслабься!

— Не, сука-бля, — скривился Харди и вернул трубку, до отказа набитую метамфетамином. — Я устал — пиздос. Быстро в душ и спать.

— А как же твоя сучара? Ты же к ней приехал? — взволнованно запрыгал на месте Пинкман. — Джейк мне все рассказал, уж прости!

Сержант подкатил глаза и молча двинулся наверх.

— Я думал ты побазарить с ней хочешь, ёпта! Разве нет? — побежал за ним Джесси.

— Завтра, сука-бля. Все завтра. Сейчас — спать, — буркнул Том, шагая по лестнице. — Ну в натуре, сил нет. Какие разговоры?

— Ёпта, блять! — рыкнул Пинкман и обогнал Харди на лестнице, преграждая путь.

— Что за хуйня, петушара? — нахмурился сержант.

— Ээээм… Да просто хотел показать тебе твою спальню, ёпта! — почесал шапку Пинкман. — Первая дверь направо, — запрыгнул он на верхнюю ступеньку и махнул рукой в коридор.

— Спасибо, сука-бля, — процедил Том и пошел к нужной двери.

— Сучара… — прищурился ему вслед Джесси и побежал вниз, обратно в гостиную.

Харди зашел в спальню, бросил сумку с вещами и рухнул на кровать, раскинув руки в стороны. Еще бы набраться сил хотя бы дойти до душа. Но сил встать не было абсолютно, и Том сам не заметил, как уже через минуту глаза стали закрываться. Сквозь дрему он слышал, как во входную дверь кто-то постучал, а затем из гостиной стали доноситься чьи-то голоса. Наверно, клиенты пришли за метом. Ну и хай, Тома это мало волновало. Он даже не в силах и глаза был открыть.

Вдруг дверь распахнулась, и сержанта выдернуло из сна. Он подскочил и в непонимании уставился на…

— Джесси, сука-бля, что за ебала? — раздраженно скривился он.

— Эй, сучара, давай вставай, — зашептал Пинкман, подошел к Тому и потянул его за рукав тенниски.

— Че, сука-бля? Хули тебе надо, шмаровоз? — одернул руку Харди.

— Пошли говорю, ёпта. Сюрприз для тебя, — настойчиво и шутоломно продолжал тянуть его Джесси.

— Какой к хуям сюрприз? — насторожился сержант, почуяв некий то ли развод, то ли пранк.

— Хороший, ёпта, сюрприз! — не унимался Пинкман.

Тут Том вдруг расслышал снизу обрывки каких-то фраз. Слов он разобрать не мог. А вот голоса…

— Пиздюк?.. Эээ… Что за хуйня? Нина?! — охуел он хлеще всех в Альбукерке, превратившись в спасательную сову. — Какого хуя? — зашипел он, и притянул к себе Джесси за ворот широченной футболки, доходящей тому до самых колен.

— Ну я ж говорю, сюрприз, ёпта! — дебильно улыбнулся Пинкман и вновь потащил Тома из комнаты.

— Стоп, сука-бля! Я хуй куда пойду сейчас! Вы издеваетесь? Нахуя вы это сделали? Сука, жидяра! Опять лезет, куда его не просят! — начал тихо вскипать

Харди. — Я сам, сука-бля, все порешаю! Иди и отправь ее домой, ясно?

— Нет, ёпта! Так дело не пойдет! — замотал ворсистой шапкой Джесси.

— Я тебе, сука-бля, сейчас всеку! — зарычал сержант и выпихнул Пинкмана за дверь.

Том услышал, как тот злобно потопал кроссовками по ковру, а затем удалился, после чего вновь снизу послышались голоса.

Боже! Слышать ее голос спустя такое время, когда думал, что уже никогда его не услышит — было весьма странно. С одной стороны, Том очень скучал, с другой стороны — ее голос заставлял правостороннее сердце биться не только быстрее, но и болезненнее. А факт того, что Нина вообще находится так близко — буквально в нескольких метрах от него — и вовсе сбивал с ног. Что ей сказать? Он даже и подумать не успел. Стоило поразмыслить над этим в дороге. Но все то время пока он находился в пути, думал лишь о том, правильное ли решение он принял, вновь поехав за ней. И вот что теперь ей говорить? Непонятно, блять! Нет, сейчас он точно не готов к разговору! Это слишком важно, чтобы импровизировать. Права на ошибку нет. Надо хорошо все обдумать.

Тут Том вновь услышал приближающиеся шаги и в панике заметался по спальне. А вдруг это она идет? Нет-нет-нет! Это будет провал! Надо срочно что-то придумать и любой ценой избежать встречи с ней сейчас. И тогда Харди, не придумал ничего лучше, как рвануть к шкафу, распахнуть дверцу и спрятаться внутри. Да уж! Отличное решение, Томас! Лучшее из всех, принятых тобою за всю жизнь.

Том услышал, как дверь спальни открылась. Он осторожно посмотрел через щель и увидел, что вновь вернулся Пинкман. Сержант с облегчением выдохнул, но вылезать из шкафа не спешил.

Джесси обошел спальню по кругу, заглядывая по углам. Заглянул и под стол, и под кровать, и под ковер. Но Тома нигде не было! Да куда же он запропастился?

Харди же, затаив дыхание, продолжал сидеть. На что рассчитывал? Зачем сидел? У Тома и самого не было ответов, наверняка он знал лишь одно — сегодня к разговору он не готов!

Вдруг дверки шкафа шутоломно распахнулись.

— Ку-ку, ёпта! — скривив губы и скрестив руки на груди, уставился на него Пинкман.

Харди попытался было закрыть дверки, но Джесси подставил ногу.

— Ты че, ёпта, ебанулся? Хули ты тут сидишь, сучара? — вытащил его за шкибот Джесси. — Пошли уже, ёпта!

— Хуй куда я пойду! Я, сука-бля, сказал! — изо всех сил сопротивлялся сержант.

— Да ты чего, ёпта? Все же в порядке. На вот покури для спокойствия. Сучара твоя уже покурила, так что уверен — все в порядке! — достал Джесси курительную трубку и стал совать ее Тому в рот.

— Да отъебись! Я сказал — не пойду, значит — не пойду! Ты, сука-бля, посмотри на меня! — обвел он себя руками с ног до головы. — Я, сука-бля, сутки был в пути, не мылся нихуя. А до этого вообще хуй пойми что делал. То бухал как сука, то валялся в кровати, не вставая. Да, сука-бля, я хуй знаю, когда в зеркало на себя последний раз смотрел!

— Какая в пизду разница, сержант? Ты че бля, ёпта? Думаешь сучару эту волнует? — изумился Пинкман.

— Сука-бля, оброс пиздос… — развернулся к зеркалу Харди. — К барберу бы, сука-бля, сходить…

— Какой нахуй барбер? Блять, пошли уже! — вновь потянул его Джесси.

— Да от меня несет, как от ебаного бомжа! — уперся ногой в дверной косяк

Том, поднял одну руку и понюхал себя.

— Блять, ладно! Иди в душ, ёпта! — отпустил его Пинкман, и Харди упал на задницу. — А потом спускайся к нам! — заявил он и побежал прочь из комнаты.

Сержант гневно зарычал, поднялся с пола и также побежал, но в ванную комнату, находящуюся напротив спальни. Он закрылся изнутри, опустил крышку унитаза, сел на нее и закурил. Через минуту телефон в кармане пиликнул, известив о входящем сообщении.

«Томми, немедленно прекращай этот цирк и иди сюда! Что за выходки? Я что — зря тащил Нину сюда?» — прочитал Том сообщение от Джейка.

«Это вы устроили цирк! Увози ее отсюда, петушара! Я завтра сам со всем разберусь!» — быстро настрочил Харди, и тут же услышал гневный топот вьетнамок, приближающихся снизу.

— Эй, открывай давай! — застучал в дверь Джилленхол.

— Отъебитесь вы от меня, сука-бля! — рявкнул Харди и глубоко затянулся.

— Нет! Я так просто не отстану! — залаял Джилленхол. — Не хочешь выходить по-хорошему? Дядя Джейк понял!

— Что? — взволнованно спросил Харди.

— Ничего! — ехидно протянул из-за двери парень из шара. — Нина! Быстро поднимись сюда! Скорее! Срочно! — заорал он.

— Ты охуел? — только и успел вскрикнуть сержант и тут же услышал приближающие быстрые шаги по лестнице. — Сука-бля… — растерялся он, подскочил с унитаза, поднял крышку и бросил туда бычок.

— Что случилось, Джейк? — услышал он из-за двери до боли знакомый голос.

— Писить не хочешь? — раздался синеглазый голос.

Повисла напряженная пауза, и Том, нахмурившись, навострил уши до неузнаваемости.

— Блять, я просто хочу домой! — вдруг завизжала Нина, будто впав в панику. — Я хочу домой! Домой!

— Сучара, просто поссы! — присоединился и голос Пинкмана, а дверная ручка задергалась.

— Да отъебитесь от меня! Что здесь происходит?! — охуевал голос Нины.

После этого началась какая-то стремительная суета. Все за дверью орали наперебой друг другу. Кто-то просил отпустить, кто-то немедленно зайти в толчок, а некто и вовсе кричал о том, что в его сортире лежит превосходный персидский ковер. Слышался топот и настырные удары в дверь. Кажется, Джейк и Джеси намеревались выбить суку с петель.

Во всей этой кутерьме Том еще больше уверился, что разговор сейчас будет лишним. Брат и его друг явно ввели Нину то ли в раздражение, то ли в агрессию, то ли и вовсе в панику. А еще, они совершенно точно накурили ее. Разве получится нормально с ней поговорить в таком состоянии? Да еще с учетом того, что Джилленхол и Пинкман настырно пытаются устроить ей встречу с Томом, выставляя его в таком свете, будто сам он ни на что не способен. Действительно, получается — ну такое…

— Нина, просто попроси дверь открыться, и она откроется! — бредил Джилленхол.

— Отпустите, я сейчас блевану! — простонала Нина.

— Ёпта, только не на мои персидские ковры, сучара! — завизжал Джесси.

Харди будто ударило током после этих слов, и он решил съебываться незамедлительно. Он подскочил к окну и не раздумывая выпрыгнул наружу. Кубарем слетел со второго этажа и прокатился по газону. Он слышал, как из дома раздался звук выбитой двери.

— Сука-бля, что ж за хуйня? — торопливо поднялся сержант с газона, отряхивая скамы.

Дабы не терять время понапрасну, он уселся на байк и отправился в местный

барбер, чтобы привести себя в гожий вид. Том вернулся обратно к Пинкману поздней ночью. В доме никого не оказалось и, предварительно приняв душ, Харди обессилено рухнул спать.

Так и проспал до обеда следующего дня.

— Сучарааа, эй, ёпта, пора вставать, — выдернул его из сна голос Джесси, и Том почувствовал, что кто-то тормошит его за плечо. — Сегодня важный день…

— Который час? — сонно пробурчал Харди, присев на кровати и потирая глаза кулаками.

— Час дня, сучара — время приключений! — забредил Пинкман, успевший залить глаза с самого утра.

— Даже не хочу обсуждать то, что вчера устроили вы с Джейки. Но впредь, прошу, сука-бля, без самодеятельности. Я сам во всем буду разбираться, и если нужна будет помощь — попрошу, — говорил сержант, свесив ноги с кровати и устроив их на раритетном персидском ковре.

— Не вопрос, ёпта, — отмахнулся Пинкман. — Кстати, сучара, классная прическа, — лайкнул он новый образ Тома. На голове красовались короткая стильно взъерошенная прическа с выбритыми под «троечку» висками, что делала из Тома милашку из милаш. Также на лице, вместо неухоженной потрепанной бороды находилась несколько дневная щетина, делавшая перевес в сторону брутальности, нежели смазливости его еблета.

— Мхм, спасибо, сука-бля, — размял шею сержант и встал на ноги.

— Ладно, пойду я, а ты давай бодрись и собирайся! Сегодня тебя ждет важный разговор! — похлопал его по плечу Джесси и выбежал из комнаты.

Около часа Том задумчиво собирался, морально готовясь к предстоящей встрече с Ниной. Хоть примерный план речей, что он скажет ей, и был наброшен в голове, все же волновался Харди ебейшим образом.

Вскоре он спустился вниз, попутно проверяя магазины «беретт» потряхивающими от волнения руками.

— Ссышь, сучара? — окликнул его Пинкман, развалившись за кухонным столом. — Так дело нихуя не пойдет! Тебе нужно расслабиться перед встречей, мм? — поднял он над головой трубку уже прожженного метамфетамина.

— Не-а, сука-бля, не надо. Не хочу заявиться туда в неадеквате, — отрицательно помотал головой Том, остановившись у зеркала и взлохмачивая прическу. — Надо пиздюку сообщить, что скоро приеду, — извлек он из кармана айфон и настрочил СМС-сообщение брату из шара.

— Ну, может тогда вот, — с грохотом и присущей только ему шутоломностью, Джесси поставил на стол литровую бутылку водки.

— Хм, — нахмурился сержант. — Ладно, налей, сука-бля, одну. Чисто для смелости. Сосуды расширить, — махнул он и подошел к столу.

— Ну так о чем и речь, ёпта! — воскликнул Джесси, поставил на стол две стопки и разлил водочку.

Так и выпили. Тут у Тома пиликнул айфон.

«Окей, Томми. Понял. Принял», — пришла СМС-ответочка из шара.

— Уф, — надув щеки, выдохнул Харди, забившись в агонии скорой встречи с девкой, что провозгласил любовью всей своей жизни. — Давай, сука-бля, еще плесни сержанту одну, петушара, да он пошел, — указал он «береттой» на бутылку водки, а затем на свою рюмку.

Так выпили и по второй.

— Кстати, забыл кое-что рассказать! Знаешь, где я вчера был? — вставил в рот зубочистку Джесси и откинулся на спинку стула. — Ну, после того, как ты съебался.

— Где? — без особого интереса спросил Том, предвкушая услышать

очередную историю про скидки в магазине ковров.

— Ну, когда мы с сучарами уже попрощались, я проследил за ними и подслушал через окно разговор твоей сучары с ее пидорасом мужем, — вальяжно начал интригующий рассказ Пинкман.

— Да? — не на шутку заинтересовался Харди, присев напротив Джесси. — И о чем они базарили? — в нетерпении спросил он, совершенно точно уверенный в том, что дальнейший рассказ Пинкмана нихуя не обрадует Тома. В связи с этим, сержант взял водку и вновь обновил рюмки.

— Уууух, не туда пошла, — прохрипел Джесси, опрокинув в рот «беленькой».

— Ну, сука-бля, о чем был базар?! — похлопал его по спине Том.

— Знаю, что подслушивать — хуево. Но дядя Джейк сказал, что в данном случае это не зазорно. В общем, я спрятался под их окном и кое-что услышал… — нагнетал атмосферу Пинкман, забивая порцию кристаллов метамфетамина в курительную трубку. — Точно не будешь?

— Блять, нет! Сука! Так что ты услышал? — вскипел сержант Харди, ударив кулаком по столу. — Все очень хуево, да?

— Все очень охуенно! — поднял большой палец Джесси и глубоко затянулся. — В общем, они базарили про какие-то тачки. Мол этот пидор твоей сучаре, как я понял, Рендж Ровер купил, а она на нем хуй ездит. А она ему говорит, что-то типа, что не он ее купил ей, а ты. Хуй понял, как это связано, конечно, и с какого боку тут ты, — невербально почесал он шапку.

— Один из чемоданов с деньгами, что мы спиздили из банка, я отдал ей. Вот, видимо, с них и была куплена тачка, — пояснил за возможную покупку Рендж Ровера Харди.

— В общем, это не важно. Последнее, что сказал ей тот пидор, типа, ну, значит будем считать, что он и купил тебе эту машину. А потом такой добавил, мол, хоть что-то он тебе оставил на память после себя. А она уже уходила в тот момент и, как раз проходя мимо окна, где затаился я, пизданула очень интересную вещь…

— Какую, сука-бля?! — ладонью поторопил Том.

— Она сказала… — тянул резину Пинкман, разливая водку по рюмкам. — Что совсем не это от тебя ей нужно было…

— И что?! Что, сука-бля, дальше? Что ей было нужно? Она сказала?

— Нет, — развел ладони в стороны Пинкман. — Больше ничего не сказала. Ушла. Но! Джейк говорил, что сучара падка на деньги, а тут, выходит, что от тебя ей этого и не нужно было. Как-то так… И я, смотря со стороны, могу предположить, что нужно ей от тебя что? Правильно, ты и твоя любовь! Все предельно просто, ёпта!

— Сукаааа, — простонал Том, запустив пятерню в волосы. — Ты серьезно так думаешь?

— Я — да, — кивнул Пинкман, которому лишь бы что-то пиздануть.

— Сука-бля, пиздец. Ну, пиздец, — запричитал Том. — Что ж ты сразу мне не рассказал про это. Уф. Похоже на то, что все же я ей, сука-бля, нужен. Так, давай, еще по одной, да я точно пошел!

И они выпили еще раз. А потом еще. И еще. И никто из них и глазом моргнуть не успел, что за поглощением водочки прошло пару часов.

— Я, ёпта, тебе говорю… — бубнил Пинкман, обняв бухого Тома за шею и притянув к себе. — Бери, сучара, с собой значок. Признайся, что ты мусор поганый, да и арестуй ее нахуй! — наотмашь махнул он рукой. — Надень на нее наручники да и отвези к себе, сука, в Лондон!

— В Манчестер… — пробуробил Харди, клюя носом и полузакрыв веки.

— До пизды, — рявкнул Джесси, взял бутылку и налил по рюмкам еще немного водочки, половина из которой пролилась по столу.

— Не, насильно не повезу, сука-бля. Но значок… Значок возьму, — бредил Том, который был не то, что пьян — нажрался в хуй! Ох и ох! Может, тогда стоит сегодня отоспаться? Норма ли это, идти на разговор в таком виде? Да ты посмотри на себя! Ты же похож на кусок бухого дерьма!

— Кстати, забыл еще кое о чем рассказать. Очень. Очень. И очень. Интересный. Факт, — вкрадчиво-пьяно пробубнил Джесси, уставившись стеклянным взглядом в никуда и взяв в руку рюмку.

— Мм? — вопросительно промычал Харди, также взяв рюмку и дольку лимончика.

— У сучары твоей это… Сиськи выросли, — поворочал языком Пинкман и закинул в себя водочку, донельзя запрокинув голову.

— Как это? — состроил фирменный пьяный еблет Харди.

— А хуй ее знает. Мне показалось, что они стали больше. Сама она схуднула, а они пуух — будто надулись! — нес хуйню Джесси, изображая на себе увеличение груди.

— Ёбаный пиздеж, — отмахнулся Харди и влил в себя водку. — Если бы она поправилась, то ладно, такое бы могло произойти. Но чтоб похудела, а сиськи выросли — бред, — сморщился он от невкусной водки и всосался пухлыми губами в кислую дольку лимона.

— Ну, может силиконом накачала, откуда мне знать, как так вышло. Но факт остается фактом — сиськи выросли! — стоял на своем Пинкман.

— Угомонись, сука-бля, петушара, ты несешь хуйню! — дружелюбно боднул его Том.

Затем Харди кое-как поднялся из-за стола и, шаткой походкой побрел на второй этаж за значком. Пару раз он споткнулся на лестнице, но устоял на ногах, вцепившись в перила. Через десять минут он спустился вновь и, прищурив глаз, начал предпринимать попытку вызвать такси, дабы уже поехать к Нине да поговорить с ней. О чем? Он уже мало соображал о чем. Но попытаться стоило.

— Давай я тебя доброшу, — попытался встать из-за стола Джесси, но рухнул со стула и завалился на пол на спину.

— Отдыхай, петушара, — пизданул Харди, обувая берцы. — Сам доберусь, — лег он на пол, поднял ногу вверх и принялся зашнуровывать обувь. Но у него нихуя не выходило! Шнурки будто бы не слушались! А еще эта чертова нога — постоянно заваливалась набок, увлекая сержанта за собой. — В пизду, так пойду — плюнул он в сторону, поднимаясь с пола.

Вскоре к дому подъехало такси, и Том с горем пополам уселся внутрь. Но до указанного адреса Харди решил не ехать. За квартал до места назначения, Том приказал остановить машину, приметив алко-маркет. Кинув в лицо таксиста пару сотен, Том вышел на улицу и последовал в магазинчик, где купил две банки пива и сигареты.

Вышел на улицу, положил одну банку в боковой карман скамов, вторую же принялся открывать. Неудачно — разлил половину на себя. Но Тому было поебать на данный факт, и он побрел в сторону улицы, где и проживала девка, что навек запала в правостороннее сердце. Неумело перебирая ногами по тротуару, несколько раз Том падал, запутываясь в развязанных шнурках, но раз за разом поднимался и продолжал путь. Одежда стала не на шутку грязной, а на руках появились кроваво-пыльные ссадины. Когда до назначенного места оставалось пройти несколько домов, Том пришел к выводу, что пора бы передохнуть. Остановился у дерева и, упершись в него ладонью, решил перекурить — все назло матери! Достал зубами из пачки сигарету, при этом выронив из нее несколько штук на землю. Затем начал чиркать зажигалкой, но огонь никак не шел.

— Сука-бля, пизда тупая, — выругался Харди, переведя регулятор на максимум. — Ну же! — еще несколько раз чиркнул он.

Огромных размеров пламя ударило прямо в лицо, слегка опалив брови и ресницы.

— Фу, блять, — скривился Том от запаха жженых волос. Но похуй — главное, что удалось подкурить.

Харди влил в горло последние капли из первой банки пива, после чего размахнулся и кинул ее на крышу соседнего дома. Открыл вторую банку и резко понял, что хочет ссать. Зажав в кривых зубах сигарету, расстегнул ремень и скамы и принялся обоссывать дерево. Покончив с этим, стал застегиваться обратно. Но пальцы нихуя не слушались! Посему Том отмахнулся и решил, что пойдет и так. Один хуй никто не заметит, что ремень и ширинка расстегнуты. Главное, ничего неприличного не торчит, а значит, все в порядке.

Итак, путь был продолжен. И вот на горизонте он увидел тот самый дом и, насколько позволяло нынешнее состояние, поспешил к нему. Тому оставалось пройти какие-то считанные метры, когда он потерял ориентацию в пространстве, его шатнуло, и он завалился в огромный куст, разделяющий собой участки двух рядом стоящих домов.

— Ой, сука-бля, — усмехнулся он над комичностью ситуации.

— Томми?! Какого хуя?! — тут как тут влетел в куст кожаный нос. — Ты что, пьян?!

— О, Джейки, сука-бля! Какими судьбами, жидяра? — приподнялся на локтях Том, в попытках встать с земли. Но у него нихуя не выходило! Обмякшее тело его не слушалось!

— Блять, нахуя ты так нажрался? — продолжил недовольно шипеть Джилленхол, который давненько не видел брата в таком ебливо-пьяном состоянии. — Ты посмотри на себя, на кого ты похож?! — состроил он невыносимо возмущенную гримасу.

И впрямь, Том был похож на хуй знает что. За несколько метров от него фонило пивом и перегаром. Одежда была помята, в пивных подтеках и пыли. На открытых участках тела красовались ссадины. Шнурки — развязаны. Ширинка — расстегнута. Волосы растрепаны, а кое-где из них торчало пару жухлых листов. На щеке свежая царапина, видимо, черканул веткой, когда падал в куст, а там — хуй знает, может и раньше появилась. В общем, ужас какой-то!

— Охуел, петушара? — включил бычку Том, наполнив стеклянный взгляд агрессией. — В смысле на кого похож? Ты посмотри, сука-бля, на кого похож ты! Каблук ебаный!

— Блять, не кричи ты так, услышат же, ну! — попытался угомонить его Джейк, поспешив закрыть бухой пухлый рот брата.

— И что, блять? Пусть все слышат, кто пришел! — продолжал орать Харди, отпихивая от себя брата. — Всех нахуй арестую, сука-бля! Ибо я — власть! — достал он из кармана полицейский значок и принялся величаво размахивать им из стороны в сторону. — Тебя, сука-бля, арестую первым, пиздюк! За хранение наркотиков! Потом ворвусь в твой дом и арестую твою ебаную Лису! За то, что осмелилась поднять руку на меня! Меня! Служителя порядка! А потом арестую и ее ебливую сестру. Нину, сука-бля! За проституцию нахуй! Все трое будете гнить за решеткой у меня! — бредил он, кажется, словив волну белой горячки. — А этого петуха Декстера я не просто арестую — убью! — извлек он из-за пояса «беретту» и хотел было проверить магазин, но тот выпал из рук, раскрылся и орошил землю патронами.

— Блять, какой же ты урод! — уже начало потряхивать от злости Джилленхола. — Ты же хотел нормально поговорить с ней, а не вот это вот все! Томми, мне стыдно за тебя! Хватит нести весь этот бред немедленно! Иди домой и проспись!

— Охуел, жидяра? Сержант пришел говорить! Говорить он и будет! И я тебя уебу, если ты вздумаешь мне мешать! — сжал Том ладонь в кулак и стал махать выпрямленной рукой, как бы пытаясь нанести брату удар.

— Бляяяя, — раздраженно прорычал Джейк и кинулся на брата.

Даже и не прилагая усилий, он скрутил его, заластав руки за спиной, сам же уселся на него сверху, уперев ладонь в голову Тома.

— А теперь послушай меня ты, Томми, — вкрадчиво и дюже серьезно заговорил полисмен из шара. — Если ты пришел с ней серьезно поговорить, вновь попытаться вернуть, предложить будущее с собой, так делай это, а не то, что происходит сейчас! — шипел он, тыча сержанта носом в землю. — Как думаешь, здорово будет, увидь Нина тебя таким? Что ты ей предложишь? Уйти от агрессора-алкаша? И к кому ей уходить? К еще большей пьяни? Протрезвей, сука, Томми! Ибо ты сейчас ведешь себя под стать Декстеру, не иначе! Хотя, в данный момент, выглядишь ты в разы хуже него!

— Ооох, — тяжело простонал Том, которому в мгновение стало невыносимо стыдно от слов брата. Как ни крути — Джейки был прав на все сто. И чем только вообще думал Харди, когда нажрался до умопомрачения и попиздил сюда? Ох, и что же теперь делать?! Главное, чтоб никто не заметил!

— Что, понял? Понял, что чуть не сотворил? Стало стыдно? — не унимался тыкать еблетом брата в землю Джейк.

— Джейки, что же делать, сука-бля? — буробил Харди. — Мне очень срочно нужно поговорит с пиздой. Прямо сегодня! Нет времени ждать, сука-бля! Сделай что-то, пиздюк. Я знаю, ты же можешь что-то придумать!

— Обращаясь за помощью к дяде Джйку, ты эту помощь получишь, — кивнул брат из шара, отпустив сержанта и встав с него. — Главное, ты все понял с первого раза, что, конечно же, не может не радовать. Так, я сбегаю в дом, кое-что принесу, чтобы хоть как-то тебя оживить. А ты проблюйся. Все быстрее в норму придешь, — сказал он и вышмыгнул из кустов.

Как Джейк сказал, так Том и сделал. Отполз в сторону, засунул два пальца в рот и принялся прочищать желудок, мысленно браня себя за свое не на шутку ебаное поведение.

— А вот и я, — спустя десять минут вернулся в куст Джилленхол. — На, Томми, попей чайку. Он должен прибодрить, — протянул он брату большую кружку кипяточного напитка.

Харди молча взял ее и маленькими глотками приступил к чаепитию. Рядом по-турецки уселся парень из шара, свесил с плеча холщовую сумку с логотипом местного супермаркета и положил перед собой.

— А, вот еще на, покушай, — извлек он оттуда булочку с корицей и протянул брату. — Сам, между прочим, пек, — мило улыбнулся он.

— Сам? — усмехнулся Харди, взял булку и дерзко откусил, громко запив чаем. — А ничего такая. Вкусная. С каких это пор ты заделался печь булки, пиздюк?

— Ну как, я же тебе тогда писал, что Лисонька беременна?

— Мхм, — положительно промычал Том, хотя эту перинатальную тайну знал уже давным-давно, еще до того, как Джилленхол написал ему об этом пару месяцев назад.

— Просто теперь, когда она в таком положении, как-то хочется больше заботиться о ней и делать приятности каждую минуту. Ей же и так тяжело. А с моей моральной поддержкой будет проще. Вообще, вместе всегда проще переживать и радость, и горе. Как-то вот так, Томми, как-то вот так, — молол мудрости Джилленхол. — Так, пока ешь, нужно тебя в более-менее прилежный вид привести, — достал он из сумки расческу, упаковку влажных салфеток, перекись и пластырь.

Так реабилитатор из шара принялся колдовать над сержантом, пока тот

чаевничал. Вынул из прически того всякий хлам, а после расчесал и сбрызнул лаком. Обработал ссадины перекисью, а некоторые заклеил пластырем. Стер салфетками пыль со скамов, помог зашнуровать берцы.

— Пиздюк, сука-бля… Спасибо. Это вот все… Пиздос, как мило, — благодарил Том, ведь его не на шутку тронуло поведение брата. — Теперь хоть знаю, что есть у меня тот человек, что подаст стакан воды в старости. Спасибо, Джейки, — потрепал он брата по волосам.

— Ну мы же братья. Должны выручать друг друга, — улыбнулся Джилленхол и крепко-крепко обнял Тома. — Знаешь, главное, что мы есть друг у друга, а все остальное — не важно, — сказал он классическую мудрость сестер Блэкберри.

— Так, что за ебала такая бабская, пиздюк? — отстранил его от себя порядком протрезвевший, но все еще сильно пьяный, Харди.

— Не знаю, просто думал, что это важно для тебя — получить поддержку от брата, — пожал в ответ плечами тот.

Сержант Том прищурился, посмотрев в прекрасные глаза брата, затем расслабился и улыбнулся уголками губ и глаз.

— Знаешь, а мне, кажется, и вправду стало легче… Спасибо, сука-бля, — кивнул он.

Джилленхол вновь прильнул к брату, заключив в объятия, но тот быстро отстранил его от себя.

— Так, прекращай. Больше так делать не надо, — пробухтел он, отвернулся, делая вид, что пьет чай, а сам же подставил пальцы к переносице — до чего ж милый вышел разговор между братьями!

Повисла неловкая сентиментальная пауза.

— Так, ладно, давай уже доосвежим тебя, да пойдешь поговоришь с Ниной, — первым прервал тишину Джейк и достал из сумки тенниску с принтом карты Альбукерке. — На вот, переоденься в мою, твоя пиздец какая грязная, — протянул он тряпку Тому. — И ширинку не забудь застегнуть. И ремень. А то стремно выглядит.

Спустя несколько минут Харди, наконец, допил чай и переоделся. Хоть ему и удалось быть уже не такой пьянью, все же невооруженным взглядом было заметно, что Харди был довольно-таки пьян.

— Вот, давай понюхаем, разбодришься, — достал Джилленхол из сумки пакетик кокаина и протянул брату.

Так и разнюхались. Оба.

— Ну все, сука-бля, теперь точно готов, — кивнул Харди, закинув в пухлый рот пару жвачек. — Так, как думаешь, что сделать сначала? Поговорить с пиздой? Или набить ебало Декстеру?

— Ой, про Декстера вообще забудь. Даже и не стоит об него марать руки, — отмахнулся парень из шара. — Я устранил его еще до твоего прихода, как только ты написал, что придешь сегодня.

— Устранил? — заинтригованно приподнял Харди шрамированную бровь. — Не расскажешь, как?

— Ну как, принес ему упаковку шоколадных кексов, сплошь обколотых снотворным и слабительным. Пока чай тебе наводил, сбегал проследил — он спит на унитазе. Так что забудь про этого дегенерата. Просто иди и поговори с Ниной. Он мешать не будет. К слову, сама она, кажется, сейчас сидит на заднем дворе. Можешь прямо через кусты-забор пробраться туда.

— Такой ты у меня чудак, пиздюк, — засмеялся Том, в который раз потрепав брата по голове. — Так, сука-бля, ладно, я пошел.

— Иди, Томми, — сжал кулак Джилленхол. — Удачи тебе. И знай, если что — я буду на подхвате.

Харди коротко кивнул и стал пробираться сквозь кусты к заднему двору.

Через мгновение он был на месте, слегка раздвинул ветки и сразу же приметил Нину. Та сидела на шезлонге у бассейна, растерянно пытаясь заплести косу. Но у нее ничего не выходило! Движения были нервными и рваными, отчего прядки ложились не на свои места. Сама же Нина выглядела довольно-таки болезненно: нездорово похудела за эти месяцы, кожа приобрела серовато-белый оттенок, а под глазами виднелись синеватые круги. Невооруженным взглядом можно было понять — девушка находится в глубокой депрессии. Но из-за чего? Тому бы хотелось верить, что она страдает и переживает из-за расставания с ним, а может быть даже хочет вернуть его. Но сейчас, все же, это было не так важно для него. Куда больше его озадачил ее болезненный внешний вид и настроение. Тому стало безмерно жалко ее. Захотелось подойти к ней, обнять и утешить. Затем, помочь заплести косичку — спокойно и без всякой суеты. Но пока выходить он не решался.

— В пизду! — психанула Нина и резкими движениями растормошила волосы, растрепав некое подобие косы.

Девушка схватила с рядом стоящего столика пачку сигарет, сунула одну в рот и попыталась подкурить. Но безумец-ветер не давал этого сделать, раз за разом туша пламя.

— Сука! — навзрыд крикнула она, откинув зажигалку в бассейн, затем скомкала сигарету и откинула в сторону. — Да бля-я-я-ять… — простонала она и зарыдала, обняв обеими руками живот и прижав к себе ноги, согнутые в коленях.

«Послушай, Том, ты немедленно должен выйти и утешить ее! Кажется, ей пиздец, как хуево! Может даже, похуже, чем тебе… Кто, сука-бля, знает? Но ты ведь пьян, урод! Расстроишь ее еще больше! — мысленно спорил с собой Харди. — Так, нужно немедленно протрезветь! Но, как, сука-бля? Точно, жидяра ж оставил кокаин!» — извлек он из бокового кармана скамов порошок и немедленно начал нюхать, насыпав на тыльную сторону ладони тройную дозу.

Пока Том ждал не на шутку бодрящего эффекта и для пущей надежности втирал в десна кокаин, не сводя взгляда с Нины, сама девушка, продолжая рыдать, потянулась к столику рядом с собой и взяла в руки крафтовую обувную коробку.

— Сука-бля, это же та самая коробка! — ахнул Харди, прикрыв ладонью округлившийся рот. — Как там ее? Коробка воспоминаний? Интересно, зачем пизда притащила с собой весь этот хлам на задний двор?! — понес он бред, ведь, кажется, переборщил сегодня не только с бухлом, но и с наркотиками.

Но то, что достала из коробки Нина, повергло сержанта в ебаный шок! Она по-турецки уселась на шезлонг, теребя в руках…

— Маска… Сукааа… — охуевше протянул он, а из носа тонкой струйкой потекла кровь. Да, кажется, кокаиновый передоз близко…

С минуту Нина молча смотрела на биометаллический аксессуар Тома, что раньше помогал ему дышать. Затем девушка поднесла ее к лицу, коротко поцеловала, закрыла глаза и прислонилась к маске лбом, что-то прошептав одними губами.

Все, тут уже правостороннее сердце Харди не выдержало, и он уже намеревался выйти из укрытия. Пьяный — и пусть. Наверное, сейчас он был нужен ей в любом состоянии. По крайне мере, так показалось Тому. Но увы и ах — выйти ему не удалось, ведь правостороннее сердце и впрямь не выдержало, но не от избытка переполнявших чувств, а от кокаиновой передозировки. Сержанта затрясло, и он ничком упал на землю, через несколько секунд потеряв сознание.

Глава 134: Скажи

Когда Том открыл глаза, то обнаружил себя лежащим на кровати в доме Пинкмана. Если сказать, что ему было плохо, это не сказать ничего! Голова болела так, что казалось, взорвется и разлетится на миллион осколков в любую секунду! Мышцы тела ломило и выкручивало, а в горле пересохло до такой степени, что, кажется, влей Том в себя ведро воды — один хуй пить будет хотеться ебейше.

— Что, сучара, очухался? — заглянул в комнату Джесси.

— Что, сука-бля, произошло? Как я оказался здесь? — простонал Харди, даже не открывая глаз.

— Ну как что? — уселся на краешек кровати Пинкман. — Вчера ты схлопотал передозировку кокаина прямо в кустах. Благо, Джейк вовремя нашел тебя, реабилитировал и доставил сюда. Знаешь, сучара, не стоило так обдалбливаться! Ты же был пьян в хуй! Зачем еще такое количество кокаина? Понятное дело, ёпта! Тут у любого мотор бы не выдержал!

— Шкура, сука-бля, не спалила меня? — кое-как спросил сержант.

— Не, все в порядке, сучара. Она не видела тебя, — успокоил Джесси.

— Бляяяя… Как мне плохо… Я сейчас сдохну! — перевернулся на живот Харди уткнувшись в подушку и забившись в агонии похмелья.

Целый день кряду Том пытался избавиться от последствий вчерашнего напизживания и объебошивания. Но что бы он не делал: сколько бы обезболивающих и антипохмелинов не выпил, сколько бы не выглушил минералки, и сколько бы не прикладывал ко лбу тряпочек, смоченных в ледяной воде, — лучше не становилось! Ему было одинаково хуево! Харди даже отключил мобильник, дабы брат из шара не доебывал его своими СМС-ками, в которых спрашивал о состоянии брата и раздавал советы о скорейшем выздоровлении.

Понятное дело, в таком состоянии Том не мог думать ни о чем! Его абсолютно не волновало ни зачем он сюда приехал, ни то, что увидел вчера из кустов. Было хуево так, что впору застрелиться!

К вечеру похмельное состояние стало настолько нестерпимо, что сержант Харди решился на крайние меры — отправиться в местный бар и опохмелиться. Может, хотя бы немного алкоголя поможет справиться с бодуном?! Так и поступил. Сел на байк и поехал прямиком в бар.

— Виски со льдом, — сделал он заказ, усевшись за барную стойку и бросив на нее мятую сотню.

Бармен повиновался, и вот, спустя мгновение, перед сержантом уже стоял бокал с живительным напитком янтарного цвета. Недолго думая, Том опрокинул виски в рот. По телу моментально стало расползаться тепло, и, буквально через несколько минут, головная боль начала проходить прямо на глазах. Посему он постучал по стойке, как бы повторяя заказ.

— Двойной виски, — послышался женский голос справа.

Харди непроизвольно повернулся и увидел, как в метре от него за стойку уселась…

— Нина… — охуевше прошептал он. — Ну ёбаный в рот, сука-бля, — поспешил отвернуться он, прикрыв рукой лицо, дабы девушка его не заметила. Только не сейчас! Только не в таком состоянии!

Прошло уже около получаса, как они сидели в метре друг от друга. Нина, кажется, и не замечала рядом с собой никого и ничего, уставившись в свой бокал, из которого не выпила даже и половину. Кажется, она вновь была не на шутку в растерянных чувствах, а может даже разбита. Том же продолжал

искоса за ней наблюдать, бьясь в агонии нерешительности. Подсесть к ней сейчас? Или подождать? Но чего ждать-то? Он ехал в Штаты преисполненный уверенности, но теперь немного сбился с курса. Все, хватит! Пора уже сделать то, за чем, собственно, и приехал! Настал тот час! Пришло время действовать! Да, сейчас он встанет и сядет рядом! А потом — заговорит! И речи его будут пламенны! Давай же, вперед, Томас!

И только сержант намеревался встать, как к стойке подошел мистер Маршал Мэтерс III, в простонародии — Эминем, то бишь — беложопый рэпер, чьи песни были вот уже как больше года вне закона по всей территории Штатов. Вот черт! Как же не вовремя!

— О, здорово, подруга! Неожиданная встреча! — обратился он к Нине.

— Оу… Привет… — грустно улыбнулась она, обернувшись к нему. — Какими судьбами в Альбукерке? Слышала, ты проиграл последний суд в Брюсселе? Что дальше планируешь делать?

— Да, проиграл… — опустил уголки губ Маршал. — Теперь уже ничего не сделаешь, решение того суда окончательное, больше некуда обращаться. Теперь я просто хочу найти этого черного пидора судью и разобраться с ним лично. Пусть даже это и будет незаконно, но что мне терять, верно? Так что я выслеживаю его и приехал в Альбукерке как раз за этим. Он сейчас здесь, как я выяснил.

— Понятно, — кивнула Нина и отглотнула виски.

— Ну а тебя как занесло в Альбукерке? — спросил Эминем, усевшись за стойку и заказав себе клубничный Дайкири.

— Ну я, собственно говоря, теперь здесь живу. Если это можно назвать жизнью… — трагично произнесла Нина, тяжело вздохнув.

Том же навострил уши и стал подслушивать. Да, подслушивать — плохо, но так уж и плохо, когда на кону стоит не только его судьба, но и ее? Вдруг, Нина скажет что-то важное для сержанта? Скажет то, что вновь подарит ему надежду на светлое будущее.

— Что стряслось, подруга? Я могу как-то помочь? — обеспокоенно спросил мистер Маршал.

— Да нет, здесь мне уже никто не поможет, — грустно ухмыльнулась девушка. — Я нахуевертила такой ерунды, что и сама не знаю, как из этого выкрутиться… Точнее знаю, но не могу.

«Неправда, сука-бля, неправда! Сержант понял, что тебе нужна помощь и поможет тебе!» — мысленно влез в их диалог Харди.

— Разве есть что-то невозможное в этом мире? — изумился белый рэпер. — Я вот не сдаюсь в своей, казалось бы, безвыходной ситуации. И намерен дойти до конца, чего бы мне это не стоило. Делай и ты так! Иди до конца!

— Ну, у меня обстоятельства несколько иного плана, — пожала плечами Нина. — Если у тебя препятствием к цели является этот черный судья, то у меня — я сама…

«В смысле «я сама»?! — охуел Том. — А как же Декстер?! Что-то я не понял… Не понял!»

— Не важно, кто или что мешает тебе достигнуть желаемого, важно лишь то, насколько ты этого действительно хочешь. Если твое желание искреннее, то все препятствия преодолимы. Главное, не сворачивать с пути и быть честным с самим собой, — дал мудрый белый совет Эминем, после чего удалился поссать.

Нина ж закрыла лицо ладонями и тяжело выдохнула. Ну все, сейчас точно самое время встать и подойти к ней! После таких-то мотивационных речей Эминема! Но не тут-то было. Рядом с девушкой уселся какой-то нигер то ли в черном плаще, то ли в мантии и пихнул ее в бок. Девушка посмотрела сквозь пальцы, затем убрала руки от лица и удивленно уставилась на негритоса.

— Бляяяя… Чувак! — закричала она, обращаясь вообще незнамо к кому.

— Хули тебе надо? — брезгливо посмотрела она на седовласого афроамериканца.

— Это же ты тогда в Сиэтле сначала вломилась в мое кафе, и смела все с моего стола, а потом ты же в стрипухе устроила бунт, пытаясь оспорить мое решение и поддержать осужденного мной беложопого! — по-кротовьи заговорил нигер, прищурено глядя на девушку.

Да что это за нигер?! И зачем он доебался до Нины?! Непонятно… Но Тому он сразу не понравился.

— Ну да, я. И что с того? Тоже осудишь меня, как Эминема? — презрительно скривила губы Нина.

Ах, это кажется тот знаменитый судья, что раз за разом объявлял Эминема вне закона! Ну все, теперь все встало на свои места! Да нет, не все. Откуда он знаком с Ниной? Ладно, Том узнает об этом потом. Наверное, если не забудет.

— Обязательно осужу! — угрожающе рявкнул нигер, осушив бокал с коктейлем Эминема до неузнаваемости. — Ты прямо сейчас отправишься со мной в ближайший участок, где я оформлю все документы, и завтра же состоится суд!

«Послушай, Том! Кажется, этот петушара охуел!» — пробежала в голове Харди озлобленная мысль, и он подскочил с места.

— Пффф… Еще что? Может отсосать тебе? — язвительно прыснула от смеха Нина.

— Ну, это уже на твое усмотрение, — развел белыми ладошками Морган Фримен. — Вообще-то, я предпочитаю азиаток…

Ну все, эти слова еще больше разозлили Тома! Что позволяет себе черная сука? Зачем говорит такие гадости даме? А сам уже запамятовал, как ебал эту даму в рот, дружище?

— А не пошел бы ты на хуй? — взорвалась Нина и выплеснула виски в ебало нигера.

— Ах, так?! — словно смоляная сова, заорал негр, схватил Нину за запястье и стянул с барного стула.

От подобных действий, Том впал в состояние аффекта. Сейчас он отпиздит черную суку! Ведь ему не понравилось! Как он обращается с Ниной! Какого хуя он схватил ее?! Ну все, пизда ему!

— Отъебись от меня, урод! — вопила девушка, упираясь ногами и сопротивляясь изо всех сил. — Эй, Эминем! Помоги мне! Да помогите хоть кто-нибудь!

— Никто тебе не поможет! — прошипел черномазый, грубо тряхнув ее за руку.

— А ну, сука-бля, отпустил ее, — рявкнул Харди, постучав сзади нигера двумя пальцами по плечу.

Но негритос будто и не услышал и не почувствовал ничего и продолжил тащить девушку к выходу.

— Ты не понял, петушара? — взорвано охуел Том.

— Томми… — еле слышно пробормотала Нина, высунувшись из-за черного плеча и ошарашенно захлопав ресницами.

Харди же схватил кротовьего афроамериканца за рукав судейской мантии, развернул к себе и, что было сил, ударил в челюсть.

— Что тут происходит? — выскочил из туалета Маршал III, застегивая на ходу ширинку безрассудно широких штанов. — Чтооо? Морган Фримен? — охуел он и бросился к эпицентру разборки.

— Ты охуел, пидор, трогать ее? — брызжа слюной, повалил на пол судью сержант Том и хотел уже нанести очередной удар в черный картофельный нос, как его оттащил Эминем. — Отпусти, сука-бля, я еще не разобрался с этой нигерской шмарой!

— Братан, я вижу, ты зол на него! — не отпускал Харди мистер Мэтерс. — Но оставь его мне! У меня с ним личные счеты! Это моя игра!

— Ладно, сука-бля… — выкрутился из хватки рэпера Том. — Только из уважения к тебе и твоей музыке. Если бы не это — раскрошил бы к хуям это черное ебало! — плюнул он в ебало нигера — все по заветам мисс Стрип.
— Давай, разберись тут с этим хуйлом, — изобразил он фирменное ебало, добавив ему нотки агрессии.

— О чем речь, чувак! — по-рэперски растопырил пальцы Эминем, а затем развернулся к судье. — Ну что, вот мы и встретились, мразь… — процедил он, склонившись над Фрименем.

Повисла неловкая барная пауза.

— Мм? — первым прервал тишину Том, взглянув на Нину и махнув головой в сторону выхода, как бы предлагая уйти отсюда.

— Мхм… — опустила взгляд в пол та и двинулась к двери.

Том и Нина вышли на улицу и встали у входа в бар.

— Мм? — протянул сержант девушке раскрытую пачку сигарет, как бы предлагая угоститься.

— Не… — помотала головой Нина, шаркая кроссовком по асфальту.

Харди достал зубами сигарету, закурил и сунул пачку в карман. Повисла неловкая пауза.

«Послушай, Том… Ну же, скажи уже что-то, еблан… Ты же знаешь, что должен сказать. Ну, не молчи же, сука-бля…» — нервно думал сержант, но продолжал молчать.

— Кхм, — спустя минуту нарушила тишину девушка, поджав губы и водя глазами из стороны в сторону.

— Кхм, сука-бля, — затянулся Том, после чего отщелкнул бычок в сторону.

Пауза с каждой секундой становилась все более неловкой.

— Отрастил волосы? — спросила Нина, бросив взгляд на Харди.

— Ну да, типа того… — буркнул сержант, потрепав себя по волосам и наведя еще больший творческий беспорядок. — Как думаешь, так лучше? — пизданул он хуйню и поспешил закусить пухлую губу.

Нина безумно промолчала. Ну все, неловче некуда!

— А ты… С тобой все в порядке? Такая бледная… — взглянул на нее Харди, взволнованно нахмурившись.

Нина в ответ лишь пожала плечами и, развернувшись к парню, посмотрела ему в глаза. Их взгляды встретились.

— Послушай, сука-бля… Я не стану спрашивать, что с тобой творится, не стану просить объяснений за то, что произошло в Портленде… Не буду выяснять, почему ты так сделала, как бы не хотел знать… Я просто понял, что ты просила меня о помощи… — решил начать неизбежный разговор Харди, нервно почесывая себя по шее сзади. — Ведь так?

— Так… — промямлила Нина. — Наверно… Не знаю…

— Это не важно. Я, сука-бля, знаю, что это так, — закивал Том. — Ты меня, сука-бля, прости, что не понял сразу…

Нина опустила взгляд, шаркая ногой по асфальту.

— Но я понял… — забился в агонии улетучившихся мыслей сержант. — И теперь…

— И что теперь? — прошептала Нина, вновь взглянув на него из-под ресниц.

— Я, сука-бля, не знаю… — пожал плечами Том. — Я боюсь, что опять нихуя не выйдет, что ты опять уйдешь… Но еще больше я боюсь за тебя.

— В смысле — боишься за меня? — настороженно спросила Нина.

— Я не хочу, сука-бля, чтобы ты оставалась с этим ублюдком, — сжал кулаки Харди.

— С Декстером? — поморщившись, спросила Нина.

— С ним, сука-бля… Я не хочу, чтобы ты была с ним. Он ведь конченая мразь! Я не могу допустить, чтобы он тебя обижал, чтобы он делал тебе больно, — часто дыша и гневно раздувая ноздрями, заговорил сержант. — Если эта тварь что-то с тобой сделает… Я, сука-бля, себе не прощу! За то, что не помог, когда ты просила! Я знаю, что должен помочь. Но, сука-бля, не знаю как. Точнее, я знаю, чего хочу сам и на что готов. Но не совсем понимаю, чего хочешь ты… Просто все то, что произошло в Портленде, как бы дает мне понять, что все это какая-то ебала, и что нам не по пути с тобой… Но я сердцем чувствую, что все это не так! Что настоящая ты — была в те дни, когда мы ехали из Сан-Франциско в ебучий Портленд. И я, сука-бля, уверен, что всей этой хуйни бы не было, не появись вновь эта паскуда. И похуй даже на то, что из-за него у нас не сложилось… Хотя, сука-бля, конечно, это пиздеж, и мне не похуй… Но если бы его не было рядом, ведь стало бы возможным что-то для нас? Я же, сука-бля, прав?

— Бляяя… — простонала Нина, подняв взгляд к ночному небу Альбукерке, затянутому тучами. — Все сложнее, чем кажется… Я не могу объяснить всего…

— И не надо, — взял ее за плечи Харди и развернул к себе. — Просто я прошу тебя — не будь с ним! И все наладится, я бля буду! И если ты захочешь, то мы могли бы… — запнулся он. — Знаешь, эти месяцы, что мы не виделись, я был в Англии, в своем поместье. И на самом деле очень, сука-бля, многое там понял…

— Что ты понял? — тихо спросила Нина.

— То, что я говорил, что не хочу думать о будущем — это не так. Я думаю об этом. И хотел бы, сука-бля, видеть в этом будущем тебя рядом с собой, — взял Том ее двумя руками за щеки. — Я понял, что все то, что навязывал мне всю жизнь отец, от чего я всю жизнь открещивался… На самом деле это именно то, чего я хочу и в чем пиздец как нуждаюсь. Но только с тобой, бандитка!

— И что ты хочешь этим сказать? — пробормотала Нина.

— Поехали со мной. В Англию. Мм? — выпалил Харди и легонько тряхнул ее за щеки.

Нина же не моргая смотрела Тому в глаза, не в силах выдавить не то что слово — пресловутое «мхм»!

— Ну же! Не молчи! — вновь тряхнул ее сержант.

Ответа не последовало. Нина лишь едва махнула головой из стороны в стороны и смахнула с щеки дождевую каплю, упавшую с небес.

— Ладно! Не можешь ответить — значит я решу за нас двоих! Все, поехали прямо сейчас! — взял он ее под локоть и потянул в сторону, но почувствовал сопротивление. — Ну же, сука-бля! Идем со мной! — сильнее он вцепился ей в руку.

Нина жалобно смотрела ему в глаза, но идти за ним не спешила, упираясь ногами в асфальт, который уже стал покрываться крапинками дождя.

— Ну же! — вскрикнул Том и дернул ее за руку.

— Отпусти! Мне больно! — пискнула Нина.

— Сука-бля! — моментально разжал руку сержант, и девушка по инерции отшатнулась назад. — Прости! Я не хотел… Я не хочу, сука-бля, делать тебе больно… И не сделаю. Но боюсь, как бы кто-то другой не сделал. Пожалуйста, давай уедем, и ты будешь в безопасности. Прошу тебя, сука-бля!

— Я… Я не могу… — еле слышно пробормотала Нина.

Том закрыл глаза и болезненно нахмурился. Неужто опять ничего не вышло? Нет, этого не может быть!

В этот момент на противоположной стороне улицы припарковалась красная Феррари. Нина же продолжала стоять и умоляюще смотреть на сержанта, будто просила ее не слушать.

— Никто не знает, каково это, быть плохим человеком, быть грустным

человеком за голубыми глазами, — вдруг раздался из красной Феррари голос Фреда Дерста, исполняющего хит «Behind blue Eyes».

— Слушай, я уже давно кое-что понял. И признал это для самого себя, хотя долго это и пытался отрицать… — продолжил Харди, а правостороннее сердце бешено застучало. — Но я должен был признаться тебе, что… Я… — выдохнул он и на мгновение замолчал, взяв Нину за руку. — Я тебя… — продолжил он, заглянув ей в глаза.

— Стой! — вскрикнула Нина и закрыла сержанту рот ладонью. — Не надо… Пожалуйста, не говори… Я не смогу ответить тебе…

— Никто не знает, каково это, чувствовать то, что чувствую я, — продолжал нагнетать атмосферу мистер Фред из Феррари.

— Я не смогу сказать… — прошептала Нина, и в этот же момент с неба обрушился ливень.

Том отпрянул и помотал головой, жмурясь от крупных капель дождя, а слова, что он хотел произнести, словно комом встали в горле.

— Я не верю тебе! — воскликнул он и притянул Нину к себе. — Если я сейчас тебя поцелую, ты тоже не сможешь ответить? Пиздеж!

— Найди… — прозвучал голос Фреда и сменился на будоражащий проигрыш.

Нина обвила Тома за шею и заглянула в глаза. От ее взгляда сердце споткнулось, пропустив удар. Сержант, кажется, вновь забыл, как дышать, но ему на помощь пришла Нина, поцеловав. Внутри все вспыхнуло и приятно обожгло, как только он почувствовал вкус ее губ, смешанный с привкусом дождя. Том крепко прижал ее к себе, потеряв рассудок и не замечая ничего вокруг. Даже как ее ладонь едва уловимым движением скользнула с его шеи по кожаной мотоциклетной куртке вниз, а затем обратно вверх по спине на шею.

— Никто не знает, каково это, быть презираемым, быть поверженным, за голубыми глазами, — вновь застонал Фред из Феррари, и дождь прекратился также резко, как и начался.

Нина отстранилась от Тома и вновь посмотрела в его серые глаза, где теплилась надежда, что теперь все изменится. Только Харди открыл рот, чтобы сказать то, что недосказал, как девушка вывернулась из его объятий, развернулась и, не оборачиваясь, поспешила к Рендж Роверу.

— Сука-бля… — прошептал сержант, провожая охуевающим взглядом черную машину. — Сука-бля! — заорал он, снял куртку и в истерике бросил ее в огромную лужу, образовавшуюся у бара. Том схватился за голову и посмотрел на небо. Туча рассеялась, и на небе стали проглядываться звезды. Сержант провел ладонью по лицу, смахивая воду, и пошел прочь.

«Послушай, Том… Послушай… Что за нахуй? Что это было?» — только и думал он, бредя по улице.

Так он прошел пару кварталов, не понимая совершенно нихуя. Что вообще произошло? Что опять пошло не так? За что Нина так с ним? Он ведь хотел спасти ее, помочь, как она и просила, сказать, что любит ее, а она… Вновь сделала ему больно! Вновь и вновь делает ему больно! За что, сука?

В таком охуевающем состоянии Харди добрался до какой-то кактусовой аллеи, присел на лавочку и невидящим взглядом уставился перед собой. Он был настолько растерян, что даже не мог понять толком, какие чувства сейчас испытывает? Боль? Отчаяние? Сметение? А может некое раздражение или даже злость? На кого? На себя, на нее, на Декстера? Непонятно. Отчетливо было лишь ощущение чего-то незавершенного. Будто он марафонец, упавший за несколько метров до финиша: сил было истрачено ровно столько же, как и на весь путь, а чувства удовлетворенности при этом не было. И в голове так и продолжала крутиться лишь одна мысль: «Какого хуя?»

Том похлопал себя по карманам скамов, в надежде найти сигареты. Блять! А

ведь они остались в мотоциклетной куртке! В пизду! Обратно он не пойдет! Но курить страсть как хотелось. Сержант раздраженно обыскал еще раз все возможные места, где могли бы быть сигареты. Нихуя! Вместо них нашел лишь пакетик с травой, выращенной по рецепту отца, лицо которого он не просто вспомнил — то буквально стояло перед глазами, смотря на Тома с усталой печалью, ведь свадебный вальс сына на заднем дворе, кажется, отменяется.

Харди забил косяк и раскурился. Так и просидел битый час, продолжая беспрерывно крутить в голове все ту же пресловуто обдроченную мысль: «Ну какого ж хуя, сука-бля?!»

Потом он покурил еще, и став неузнаваемым, встал и пошел куда глаза глядят со своими какого-хуя-мыслями.

Куда Том шел? Он не знал. Сколько шел? Не имел понятия. Просто шагал вперед, и сам не заметил, как вышел из города и оказался в окрестностях Альбукерке, а говоря точнее — в пустыне. Но это совсем не смутило обкуренного путника, и он продолжил идти.

Однако вскоре на востоке забрезжил рассвет. Вдалеке на горизонте показался хребет гор Сандия. Красновато-ржавые вершины и хвойная растительность у подножья делали его похожим на арбузную корку. Такое заключение сделал Харди, уставившись на горизонт.

— Какого хуя? — в неисчислимо бесконечное количество раз подумал, на сей раз вслух, сержант и опустился на колени.

Один в бескрайней пустыне, он был так же одинок и всю жизнь. Таким и останется навек. Лишь где-то далеко-далеко впереди назойливо маячит сочный кусочек арбуза, до которого ну никак не добраться, да едва согревает теплом первых лучей восходящее солнце.

Том провел рукой по земле и загреб горстку глиняной пыли. Растер в ладони и пропустил сквозь пальцы. Затем взял еще горсть теперь двумя руками и высыпал обратно тонкой пылящей струйкой. Он поднес ладони, перепачканные рыжим песком, к лицу и охуевшим немигающим взглядом уставился в них. Харди был накурен в хлам и не осознавал происходящего, но отчего-то все эти песчано-глиняные манипуляции не на шутку завораживали и, казалось, помогали привести рассудок в порядок.

— Сука-бля! — схватился сержант за голову, измазав теперь не только ладони, но и ебало, и волосы.

Он поднялся на ноги и, наконец, в голове стали появляться новые мысли.

«Послушай, Том! Что за дерьмо это было? Какого хуя шкура опять опрокинула? В который, сука-бля, раз! Сколько уже можно терпеть это говно? Но ведь ты, урод, ехал с главной целью спасти ее от ебаного пидораса Декстера! Ну и как? Спас? Нихуя! Ну а что тебе надо было делать, если пизда отказалась от твоей помощи? А какого хуя она отказалась? Ведь ты уверен, что именно этого она и хотела от тебя все время, об этом и просила! Но теперь опять тебя кинула! Или нет? Все же она не говорила конкретного «нет». Но и «да» не говорила! Пизда тупая! Какая же она тупая пизда! За какими хуями она так себя ведет? Почему не может сказать прямо, что ей нужно! Ты долго пытался это выяснить, но ничего у тебя не вышло. И не вышло вновь! А может сука опять хотела что-то сказать, но не могла? Конечно, сука-бля! Она ведь так и сказала, когда ты хотел признаться ей в любви. Не сказала ведь, что не любит, а сказала, не сможет сказать… Так может это не она, а ты — тупая пизда, Том? Так и есть! Так, сука-бля, и есть! Ты ведь хотел ее поцеловать, проверив на пиздеж… А вышло что? Она ж, блять, сама тебя поцеловала! Нахуя бы ей это нужно, если она ничего не чувствует к тебе? Значит чувствует, ебланка моя! Чувствует! Но не может сказать. Но все же, сука-бля, она поступает с тобой слишком ебано! Даже если не может сказать, то зачем делать так больно? Неужто ей поебать на тебя и твои чувства? Да нет же, ясно, что нет! Сука-бля! Что-то тут не сходится! Что-то

мешает нам… Или, сука-бля, кто-то… Мразотный Морган — вот кто! Так, все! Нахуй и в пизду! Она говорила, не трогать пидора, но ты уже понял, что шкура не в себе. Так зачем ты будешь слушать ее бред? Она хуй понимает, что творит! Значит ты сам решишь эту дрочевую проблему! Надо разобраться с пидором! Как угодно… Просто раскрошить его хуевое еблище или же, сука-бля, убить! Что угодно, лишь бы он не лез! А когда его не будет больше на твоем пути, там уже и порешаешь все с этой охуевшей пиздой! Бандитка моя… Ты же обещал ей, что поможешь и поймешь… А ты… Как бы уебать тебе самому! Ладно, сначала, сука-бля, Декстер!»

Вот так вот хуево пораскинув мозгами и обкурено покумекав, Том пришел к выводу, что нужно немедленно идти обратно. Ведь все происходящее его совершенно не устраивало. Харди вдруг уверился, что, вернись он сейчас в Сиэтл или в Манчестер, спустя время вновь вернется все к тем же переживаниям. Вновь решит, что еще не все потеряно. Вновь будет думать, что чего-то не понял, что-то не сделал. И вновь вернется за ней в надежде все исправить. Так зачем ждать, если можно все исправить сейчас. По крайней мере попробовать, пусть на сей раз и таким кардинальным методом. А может в такой ситуации именно такой подход и нужен? Надо было не слушать девкины бредни, а сразу разобраться с Декстером. Авось уже все было бы в порядке. Но что теперь рассуждать. Тогда все виделось иначе, и Том и знать не мог, чем все обернется. И теперь приходится идти на крайние меры. И он готов.

Через пару часов Харди то ли волей случая, то ли по наитию добрел до трассы, которая должна привести его обратно в Альбукерке. Он взобрался по насыпи, вышел прямо на проезжую часть и двинулся в нужном направлении. Том начал было воображать в контуженной голове, как покончит с парнем-препятствием; как Нина бросится после этого в сержантские объятия, благодаря и прося прощения за все страдания, что причинила ему; как сам он скажет, что не держит зла; как они пообещают друг другу, что отныне все будет хорошо; как Харди накажет Нине впредь быть с ним максимально открытой и поклянется в том же и сам; как рука об руку они войдут в поместье на Грин-энд-Роуд… Как вдруг он услышал за спиной невесть откуда взявшийся и словно появившийся из неоткуда рев автомобильного двигателя. Том резко обернулся и…

— Сука-бля… — увидел мчащуюся на него красную Феррари ЛаФеррари.

Удар!

— Какого хуя? — услышал Харди сквозь гул в ушах женский голос. Он показался ему странно знакомым. Кажется, немного похоже на голос… Лизи?!
— Что ты вытворяешь? Это уже слишком!

— Я же не специально! Откуда он тут взялся вообще? — завозмущался в ответ мужской голос.

— Не специально, блять? Черт, кажется, ему пизда… Только не это! Все! Срочно везем его в больницу! — вновь заговорил женский голос, в котором сквозила паника.

— Поехали! Ну же, ну же! — поторопил мужской голос.

Голоса стихли. Том погрузился в небытие.

Глава 135: Веришь?

В ушах послышалось ровное пиликание, похожее на звук кардиомонитора, и Том слабо приоткрыл глаза. В них ударил свет люминесцентных ламп, и он поспешил зажмуриться.

— Томми, ты очнулси… — услышал он взволнованный ор Батлера.

— Где я, сука-бля?.. Что произошло?.. — прошептал сквозь кислородную маску Том.

— Ты в президентской больнице Вашингтона, Томми, — пояснил за местонахождение Леонид.

— Чего? Как я здесь оказался? — наконец открыл глаза Харди, слабо взглянув на друга. Вид того был не на шутку встревоженным и суперсерьезным.

— А это ужо у тебя надо спрашивать, — эффектно сказал Батлер, разведя ладони в стороны. — Врачи сказали, что обнаружили тебя на пороге госпиталя без сознания и в тяжелом состоянии. Ты впал в кому, Томми… — замолчал он, громко проглотив слюну. — У местных врачей бытует мнение, что, возможно, тебя сбила машина…

— Сбила, сука-бля, машина? — продолжал слабо изумляться Том. — Но как я очутился в Вашингтоне? Я же, сука-бля, был в Альбукерке!

— Я не знаю… Но никто не мог найти тебя, ибо не думали, что тебя могло так далеко занести…

— Ну пиздец! Ну пиздец! — потихоньку начал приходить в себя сержант и снял с лица кислородную маску. — Сколько я уже тут нахожусь?

— Чуть больше месяца, — закусил нижнюю губу Батлер. — Я же нашел тебя пару недель назад и…

— Больше месяца?! Больше, сука-бля, месяца?! Сука-бля, что за ебала? Джейки в курсе, где я?

Леонид в ответ лишь неоднозначно пожал плечами, волнительно покривив ебалом.

— Так, дай телефон, мне нужно срочно связаться с жидом! — рявкнул Харди, вытащив из сгиба в локте внутривенный катетер и присев в кровати.

— Томми, ты только пришел в себя… Тебе следует еще немного отдохнуть, покемарить… — взял друга за плечо Леонид и с силой уложил обратно.

— В смысле, сука-бля? Дай мне телефон! Мне надо позвонить брату! — стал озлабливаться Харди.

— Давай не сейчас, а? — нервно тараторил Батлер. — Ты больше месяца лежал в коме… Организм ослаблен…

— Что ты, сука-бля, мелешь? Ты что-то скрываешь от меня, Леонид? Что-то случилось? Мм? Отвечай, петушара! — заподозрил какой-то развод Харди.

— О, уже очнулся? С возвращением, сынок! — вошел в палату пьющий старец в белом медицинском халате и похлопал сержанта по плечу. — Долго же ты провалялся в коме. Мы уже думали все — так и проваляешься так всю жизнь… Кстати, меня зовут Джордж Буш. Наверняка, ты знаешь меня, как сорок третьего президента Штатов. Теперь же я главврач этой больницы, — достал он из нагрудного кармашка крендель, положил себе в рот и аппетитно захрустел. — Кстати, сынок, ты проспал много всего интересного! Советую скорее возвращаться к жизни и вливаться в колею! — пизданул он хуйню, взял с прикроватной тумбочки пульт и включил плазму.

— Блять, не надо! — рявкнул Батлер и попытался вырвать из лечебно-президентских рук пульт.

— Слышь, осади, а! — возмутился мистер Буш, не желая отдавать бородочу пульт.

Так они начали сражаться за нахуй никому не нужный телевизионный

аксессуар, и даже и не заметили, как накрутили громкость на максимум. А в это время на главном федеральном канале как раз-таки заиграла бодрая музыка, возвещающая о начале новостного блока. Том машинально повернул голову и уставился в экран.

— А теперь к главным новостям последнего месяца, — появился на экране полный ведущий теленовостей.

В его зрачках, взятых крупным планом, Том сразу разглядел знакомый блеск. Ведущий был под воздействием знаменитых колес Фила Купера, тех самых, под которыми, по словам их создателя, можно было успеть поделать все свои дела! Хм, интересно, все ли успел поделать ведущий? И на какой стадии воздействия колес он сейчас? Вдруг его переклинит прямо во время прямого эфира? Том лишь усмехнулся над комичностью данной ситуации и поудобнее устроился на подушке, предвкушая охуетительный новостной блок. Да, кажется, кто-то и сам пребывает не в адеквате… Надо думать, незнамо чем кололи Тома, пока он находился в коме!

— Наконец, жители Америки могут спать спокойно! Страна — ликует! Но обо всем по порядку! — возбужденно бредил ведущий. — Пару недель назад на электронную почту нашего телеканала пришло леденящее душу видео. Сказать, что все были в шоке — это не сказать ничего! Давайте просто посмотрим его еще раз. Ибо комментарии буду излишни, — хитро прищурился он, подавшись вперед.

На экране появилось картинка в невъебенно охуетительном качестве. На ней были изображены Декстер и… Джейк?! Джейк Джилленхол?! Парень из шара?! Что?! Том насторожился и приподнялся с кровати. Что Джейк, что Декстер стояли на коленях в какой-то засранной подвальной комнате. Они были раздеты до трусов, их кожу и тут и там украшали жуткие синяки, ссадины и следы засохшей крови. Глаза были закрыты черными повязками, а руки заведены за спины.

— Что за сука-бля… — прошептал Том, по венам побежал адреналин, от которого вмиг закружило в голове.

Вдруг к Джилленхоллу и Моргану со спины подошли два хача-ваххабита с автоматами наперевес. Из колонок же заиграл трек Сэм Браун — «Stop!». Чурки что-то забуробили, но их речи не было слышно, ибо музыка заглушала все! Вдруг оба синхронно приставили дула своих глупых автоматов к головам пленных. Первый выстрел, и Декстер Морган замертво упал на бок, попутно обоссавшись. Ваххабиты захохотали, выставив друг на дуга указательные пальцы. Второй выстрел. Сквозь голову Джейка насквозь пролетела пуля, и мертвец из шара упал на пол. В полете с глаз слетела повязка, демонстрируя пушистые брови и прекрасные глаза. Когда его голова соприкоснулась с полом, оператор крупным планом взял в кадр лицо Джилленхола, продемонстрировав безжизненный взгляд охуетительных синих глаз, где навек пропала искра задора.

В ушах Тома наступила звенящая тишина, в глазах потемнело, пухлый рот раскрылся, а с губ сорвался беззвучный крик безысходности.

— Посмотрите в глаза этого парня, — вновь появился на экране ведущий. — Имели ли право безжалостные террористы Аль-Каиды убивать такого молодого, такого красивого человека? Его жизнь только начиналась, а тут такой вот расклад… Да, оба эти человека считаются преступниками, что пару лет покрывали других преступниц — сестер Блэкберри. Но заслужили ли они такого конца? Морган — да. Полиция доказала его вину в самостоятельных преступлениях, где даже и не были замешаны сестры Блэкберри. Но он… Джейк Джилленхол… Сделал ли он что-то ужасное, за что получил такой конец? Наш канал считает, что нет… Посему, мы отдаем дань в память этого парня, — опустил он голову, а из динамиков послышался ритм бьющего метронома, как бы предзнаменовав минуту молчания.

— Блять, Томми, Томми, успокойся, я прошу тебя! — кинулся к другу Батлер, заприметив, что тот, кажется, узнал о смерти брата.

— Нет, сука-бля, нет! Это бред! Этого не может быть! Глупости! — заорал Харди, отталкивая от себя эффектного бородача. — Дай мне телефон, Леонид! Я позвоню Джейки! Он не мог же умереть! Это просто какой-то бред! Видеомонтаж! Какая в пизде Аль-Каида?!

— Томми, это правда, это случилося пару недель назад. Я проверил — его больше нет… Нашего Джейки больше нет! — не сдержался и взвыл бородач, подняв голову к потолку.

На безумные вопли Батлера сбежался весь персонал больницы, но как только каждый подбегающий к палате сотрудник, оказываясь ближе, чем на пять метров, тут же терял свои барабанные перепонки и убегал назад к своему рабочему месту. Не потерял перепонки лишь Джорд Буш, ибо не имел их с рождения, но, тем не менее, глухим не являлся. Такая вот странная аномалия тела.

— Да ну на хуй! Бред! — схватился за голову Харди, а из глаз его брызнули слезы. — Этого не может быть! Не может же, сука-бля!

— Томми, это правда… Правда… — поспешил выключить телевизор Батлер и крепко обнял друга. — Его больше нет… Нашего Джейки нет… — повторял он, положив ладонь на голову Тома.

— Нееет… Нееет… — истерично застонал Харди, уткнувшись в эффектно оголенную грудь друга. — Джейки… Да как так-то? Я не верю… Не верю… — зарыдал в голос он.

— А что выключили-то? Интересно, что расскажут дальше, — взял в руки пульт беспардонный Буш и вновь включил телевизор, закинув в рот очередной крендель.

— И еще к одной главной новости! — слишком громко проорал ебаный ведущий новостного блока. — Вчера, третьего сентября, состоялся суд над самими сестрами Блэкберри! — провозгласил он, а на экране появилась фотография беззаботных и обнимающихся Нины и Лизи, которая явно была взята из их семейного архива. — Напоминаю, что за чреду безрассудно совершенной серии убийств, обе девушки были приговорены к сметной казни. Точная дата неизвестна, но судья обещал лично проследить за данным процессом, и что к концу осени приговор будет исполнен. Но господа, давайте рассудим трезво! Смертная казнь? Серьезно? Почему не пожизненное? Кажется, здесь пахнуло коррупцией! Наши корреспонденты прямо сейчас находятся у дома того самого судьи, попробуют туда вломиться, застать врасплох и взять честное интервью…

— Ух ебать! — подавился от услышанного кренделькомДжордж Буш, отчего упал на пол, ударившись в полете лбом о угол прикроватной тумбочки.

— Что?.. Что, сука-бля?.. — отчаянно воскликнул Том, услышав очередную охуетительную историю.

— Да, это тоже правда… — скорбно прошелестел Батлер, покрепче прижав друга и раскачивая его в объятиях утешения.

— Стоп-стоп-стоп, сука-бля, — отстранился от него Том, трясущейся рукой вытирая нескончаемый поток слез, катившихся из глаз. — Мне нужно как-то взять в себя в руки… Сука-бляяя, Джейки, братишка… — вновь простонал он и закрыл лицо ладонями, сотрясаясь в рыданиях.

— Томми, — на всю больницу прошептал Леонид, вновь потянув друга к себе.

— Нет, Леонид, не надо, не сейчас… — поспешил вновь отстраниться Харди, выставив вперед ладонь. — Сейчас надо успокоиться… Как-то надо успокоиться… — мямлил он, тяжело и рвано выдохнув. — Сука-бля, надо… Надо… — поднял он заплаканные глаза к потолку. — Если я сейчас расклеюсь, то все станет еще хуже… Хотя куда, сука-бля, хуже? — с силой вцепился он в волосы.

— Томми, твоя реакция — нормальна, — попытался спокойно прокричать Батлер.

— Нет, только не сейчас, сука-бля. Не сейчас, когда я могу что-то исправить. Кто поможет им, Леонид, если сейчас я расклеюсь? — крикнул он, показав пальцем в экран телевизора, где все еще мусолили фотографии сестер Блэкберри. — А я могу вмешаться, могу их вытащить! И как бы больно не было мне сейчас, у меня нет права впадать в истерику! От меня зависят их жизни! Больше никому не под силу им помочь! — в полу-истерике верещал сержант.

— Я… Я… Что ты хочешь сделать, Томми? — бредово мямлил Батлер.

— Хочу спасти их от смертной, сука-бля, казни. Мне нужен мой телефон, мне нужны мои базы, — проглотив вставший в горле ком отчаяния, попытался спокойно пояснить за план действий Том.

— Твой телефон, он не работает, — поджал губы Леонид. — Я пробовал его зарядить, но тщетно — он не включилсси…

— Значит, сука-бля, нам срочно нужно в Сиэтл, сука-бля, — нервно вскочил с кровати Том, подорвался к шкафу и наспех принялся одеваться в свою одежду, заботливо постиранную и поглаженную персоналом больницы.

— Хорошо, говори, что мне нужно делать и я подмогну, чего бы мне это не стоило, — гордо кивнул бородач, поднимаясь на ноги.

На том и порешали.

Уже через несколько часов они сели в самолет Вашингтон-Сиэтл, что должен был доставить ребят до дома. Когда самолет набрал высоту, стюардессы начали разносить по салону еду и алкоголь. Есть Харди совершенно не хотелось, а вот выпить было необходимо. Но только совсем немного, ибо пьяные выходки — совсем не то, что сейчас было нужно Тому.

— За Джейки, — произнес Леонид, подняв стопку виски и, не чокаясь, опрокинул в свой эффектный рот.

Том лишь молча кивнул, выпил и сморщился. Затем повернулся и задумчиво уставился в иллюминатор.

— Знаешь, Леонид, — сказал он спустя пару минут молчания, и поводил пальцем по стеклу. — Мне было восемь, когда я первый раз осознанно летал на самолете. Пиздос было страшно. Не только физически, но и морально… Отец забрал меня от ебанутой Мэрил, и мы полетели с ним в Англию… Я улетал со смешанными чувствами. С одной стороны — был рад, что больше не буду жить со старой блядью. Но с другой… С другой — мне было страшно, ведь я оставил с ней там, в шаре, Джейки. Считай, бросил его… Предал… Но в тот момент я даже и не подозревал, что он — мой младший брат. Потом отец, уверил меня, что все это нереально… Что Джейки никогда не существовало, а он был лишь плодом моего больного воображения… Да, отец поступил плохо… Но все же, думал, что так будет лучше для меня… Но как бы он не старался, факт того, что меня обманывают, не покидал мои мысли. И в семнадцать я вновь вернулся в Штаты. Я летел сюда в надежде разобраться — где правда, а где ложь… Был Джейки или нет? Настоящий он или вымышленный? В тот момент я еще что-то думал, сомневался… А он… Он был, сука-бля, самым настоящим из всех… — замолчал Том и вытер скользнувшую из глаза слезу.

Батлер ничего не ответил, лишь мудро промолчал и обновил рюмки новыми порциями виски.

— Потом помню, как повез его в Манчестер, после того, как мы нашли друг друга, — продолжил Том, опрокинув в рот виски. — Для Джейки это был первый полет. И я тебе скажу, он нихуя не испугался. Напротив, сука-бля, радовался, что ребенок. Задавал кучу нелепых вопросов, хохотал, рассматривая облака из иллюминатора. Он был таким смешным, наивным… Еще совсем пиздюк… Ему так хотелось жить полноценной жизнью, после многих лет заточения в шаре.

Хотелось попробовать и испытать все, что только можно и нельзя… И он торопился все это попробовать и испытать, будто боялся не успеть что-то сделать. Будто боялся, что опять будет заточен в шар и больше никогда не побывает в свободном мире… И вся эта его суета и спешка делала Джейка таким живым, настоящим… Сука-бля, да он даже и никогда не расстраивался по всяким пустякам. Вечно твердил, что из любой, даже ебаной ситуации, всегда найдется выход. Такой он был позитивный… Живой… Мы с ним были такие разные. Из-за этого очень много ругались… Даже дрались, — усмехнулся он. — Но все же никого у нас не было роднее друг для друга. И мы оба это знали и раз за разом мирились с ебливыми изъянами в характерах каждого…

— Что есть, то есть, — усмехнулся и Батлер, а плащ смахнул с его глаза слезу.

— А теперь его нет… В один миг просто не стало и все, сука-бля! — развел ладони в стороны Том, состроив преисполненный тоски и боли фирменный еблет. — Но есть, сука-бля, я. И я должен сделать нечто важное. А именно — спасти тех, кого любил Джейки. Вместо него я должен защитить его жену и их еще не родившегося ребенка. И я вытащу Лизи из тюрячки и обеспечу ей и их с Джейки малышу будущее. Я сделаю так, чтобы они ни в чем не нуждались! Сука-бля, Джейки был бы рад, узнай, что я помогу тем, кого он так безмерно любил…

— А Нина? Ее ты разве не собираисси спасать? — охуевше нахмурился Батлер.

— Конечно, сука-бля, собираюсь. Вообще, давно уже должен был ее спасти, да все ебал сам себе мозги, — скривился Том. — Как же я ее не спасу, Леонид, если, сука-бля, люблю ее? Мм?

— ??? — удивился бородач, ошарашенный прямотой друга.

— Ой, сука-бля, угомонись ты, — пихнул его в плечо сержант. — А что еще мне нужно было сказать? Опять брехать, что все это не так и строить из себя дурака? Смысл в этом, Леонид? Жизнь слишком, сука-бля, коротка, дабы тратить ее на всякую хуйню… — задумчиво сказал он, приставив ладонь к подбородку. Он залип в одну точку и о чем-то задумался.

Леонид лишь молча кивнул в ответ и решил не приставать к другу, а дать ему побыть наедине со своими мыслями.

К обеду следующего дня они приземлились в Сиэтле. Леонид прямо из аэропорта поехал в ремонтную мастерскую, дабы отремонтировать айфон сержанта. Сам же Харди отправился в еврочетырешку, где сразу же уселся за ноутбук и с головой погрузился в свои обдроченные базы. Но в какую бы базу не заходил Том, сестер Блэкберри нигде не было! А некоторые базы и вовсе были заблокированы, хотя раньше сержант Харди имел к ним доступ. От непонимания, что за шляпа творится с базами, Том решил перезапустить компьютер и взять паузу.

Пока ноутбук перезагружался, Том навел себе бодрящего чая, закурил и вновь уселся за компьютер. Пока ждал, решил включить телевизор, дабы хоть как-то заглушить давящую на него тишину, стоявшую в квартире.

Вдруг послышался звон ключей, входная дверь раскрылась и в еврочетырешку эффектно зашел Леонид.

— Томми! Починили! — затряс он айфоном сержанта над головой. — Оказываитси, он просто намок, и кой где поржавел. В местерской протерли контакты и все — работает, как новехонький!

— Отлично, дай его сюда скорее! Нужно набрать кому-то из наших, — ладонью поторопил его Харди, подзывая к себе. — Какая-то ебала с базами творится. Не могу нихуя посмотреть…

— А ты все успеешь? Можеть надо как-то тебе еще в чем-то подсобить? — передал телефон другу Батлер.

— Все, сука-бля, успею, — кивнул Том, включая айфон. — Их приговорили вчера. Значит, у нас в запасе как минимум есть месяц, я же постараюсь управиться и достать их за неделю. Да за это время даже дату казни не успеют назначить, — положил он телефон рядом с собой, ожидая, пока тот загрузится после длительного пребывания в небытие.

Но тут его отвлекла резкая музыка, раздавшаяся из динамиков телевизора. Том машинально повернул голову, и увидел, как в эфир воровался срочный выпуск новостей.

— Сегодня. Пятого. Сентября. Две тысячи тринадцатого года. Ровно в двенадцать часов дня. По местному времени, — будто бездушный робот, заговорил ведущий теленовостей. — В Лос-Анджелесе. Штате Калифорния. Состоялась казнь тех, кто пару лет держал страну в страхе. Тех, кто не давал спокойно жить и развиваться вам и вашим детям. Тех, кто, по сути, ничего такого и не сделал. Но теперь — все в порядке. Приговор — исполнен. Казнь — состоялась. Элизабет Блэкберри — мертва. Нина Блэкберри — мертва. То бишь, сестры Блэкберри — мертвы. Казнены. Повешены. Сожжены. А их прах развеян по ветру.

От услышанного глаза Тома округлились словно блюдца, а брови, шрамированная и нет, поднялись к потолку. Леонид хлопал ртом и не знал, что принято говорить в подобных ситуациях, да и стоит ли вообще говорить. Но тут телефон Харди пиликнул, оповещая о входящим СМС-сообщении. Сержант машинально заглянул в загоревшийся дисплей и обомлел.

— Нина?.. — нахмурился он, прочитав имя абонента.

Эпилог

«Здравствуй, дорогой дневник!

Эта ситуация с любовным треугольником, в который я попал, честно, порядком меня утомила. Никогда не мог даже подумать, что вляпаюсь в подобную историю. Нет, конечно, в любовном треугольнике я уже оказывался, но тогда все было иначе. Тогда я лишь надеялся, что выберут меня, а теперь я сам должен сделать выбор.

И теперь я решил, что настало время этот выбор уже наконец-то сделать. Ух, как же это сложно! Но обратного пути нет. Я уже все придумал. Организовал, так сказать, суперсвидание. Надеюсь, все выйдет, как я и планирую, и тогда смогу написать тебе, дорогой дневник, как все прошло. Дело осталось за малым. Выбрать, кого из них позвать. Секретаршу или проститутку? Проститутку или секретаршу? Черт! Это очень сложно! Знать бы еще, как выглядит хоть одна из них, может было бы и проще определиться. Ладно, тут ничего не поделать, буду просто надеяться, что они хорошенькие. Ну, по крайней мере, фигуры у обеих очень даже… Фигуру секретарши я видел, ну а проститутку не то что видел — трахал! Зато с секретаршей я довольно много общаюсь, и, должен сказать, мне это нравится.

Так что, как ты понимаешь, дорогой мой дневник, выбор и впрямь не прост. К одной меня тянет телом, ко второй — душой. Конечно, таких чувств, что я испытывал до этого… Да и продолжаю испытывать по сей день… Тех чувств у меня сейчас нет, но с обеими мне хорошо и приятно проводить время, а это уже что-то. И это что-то помогает мне заглушить всю ту боль, что не утихает до сих пор. Может, это и станет для меня спасением?

Ладно, мне уже пора собираться, Крисы наверняка уже все подготовили. Но для начала надо позвонить уже, наконец, одной из них и пригласить на свидание. Фууух… Это так сложно! Ладно, все! Звоню! Выбор сделан!

14 февраля 2015 года».

Примечание к части

Ну что ж, любезный друг, на сей возмутительной ноте я заканчиваю первую часть "Легенды..." Но не стоит грустить, ведь работа над продолжением идет полным ходом. А пока можешь ознакомиться, если еще не сделал этого, с другой работой, которая тесно связана с этой. В ней ты ближе познакомишься с сестрами Блэкберри и узнаешь, с чего начались их приключения
https://ficbook.net/readfic/8742664
Так же напоминаю, что я до безобразия люблю всякий фитбек, и буду рад услышать твои впечатления и домыслы. Так что не поскупись и черкани хоть пару строк, ведь мне, как и любому автору, важна поддержка.
До скорой встречи, береги себя и своих близких, будь осторожен! Навеки твой - Чак!